

Исторія

Императорскаго Казанскаго Университета

за первыя сто лѣтъ его существованія

1804—1904

Н. П. ЗАГОСКИНА

заслуженнаго ординарнаго профессора

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ОКОНЧАНІЕ ЧАСТИ ВТОРОЙ И ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(1814–1819 и 1819–1827)

КАЗАНЬ
1904

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

III

Исторія

Императорскаго Казанскаго Университета

ЗА ПЕРВЫЯ СТО ЛѢТЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ

1804—1904

Н. П. ЗАГОСКИНА

заслуженнаго ординарнаго профессора

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ОКОНЧАНІЕ ЧАСТИ ВТОРОЙ И ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(1814—1819 и 1819—1827)

КАЗАНЬ
1903

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета отъ 3 апрѣля 1900 года.

Ректоръ Университета *Д. Дубяго.*

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

окончательно открытый университетъ передъ эпохою Магницкаго

(Окончаніе)

ГЛАВА V

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета

Нѣсколько замѣчаній предварительнаго характера.
Очеркъ начальной исторіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета: I) Университетская библіотека, II) Физическій кабинетъ, III) Астрономическая обсерваторія, IV) Химическая лабораторія, V) Кабинетъ естественной исторіи или натуральный, VI) Ботаническій садъ, VII) Анатомическій институтъ, VIII) Клиническій институтъ.

Тѣ, хорошо уже извѣстныя намъ, исключительныя условія, при которыхъ совершилось зарожденіе казанскаго университета и которыя сопутствовали его первымъ жизненнымъ шагамъ—не преминули отразиться и на начальной исторіи университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. И въ этой, въ высшей степени существенной, сферѣ академическаго строя мы встрѣчаемся съ тою же неопредѣленностью, шаткостью, господствомъ случайности, которыми характеризуется направленіе первыхъ лѣтъ жизни казанскаго университета, вообще. Съ этой точки зрѣнія пора начальной жизни университета, представляющая задачу нашего текущаго повѣствованія, является въ области исторіи его учебно-вспомогательныхъ учрежденій эпохою ихъ фармаціи, болѣе или менѣе нерѣшительныхъ и робкихъ начинаній, во многихъ случаяхъ—даже эпохою однихъ лишь пожеланій и неосуществившихся предначертаній.

Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года предопредѣлилъ для казанскаго университета кругъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, стоявшій на уровнѣ состоянія науки современной ему эпохи. „Для распростра-

ненія наукъ и просвѣщенія,—гласилъ § 73-ій этого устава,—учреждаются при университетѣ: библіотека, физическій кабинетъ, астрономическая обсерваторія, химическая лабораторія, кабинетъ естественной исторіи, ботаническій садъ, анатомическій театръ; институты: клиническій, хирургическій и повивальнаго искусства". Изданный одновременно съ уставомъ „примѣрный штатъ императорскаго казанскаго университета",—долго остававшійся, какъ мы знаемъ, лишь на бумагѣ,—опредѣлялъ и штатныя назначенія на содержаніе всѣхъ этихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, а именно: на библіотеку—1000 рублей, на анатомическій театръ, съ препаратами—800 р., на ботаническій садъ и садовника—1000 р., на химическую лабораторію и „лаборатора" — 1000 р., на астрономическую обсерваторію—500 р., на физическій кабинетъ—500 р., на кабинетъ естественной исторіи—600 р., на клиническій институтъ и университетскую больницу—5000 р.; для потребностей этихъ учрежденій создавались должности особыхъ „художниковъ" („инструментальнаго мастера", „живописца" и „рѣзчика на мѣди"), вознагражденіе по которымъ относилось на хозяйственныя суммы университета.

Представлялось вполнѣ естественнымъ ожидать, что, создавая казанскій университетъ, правительство обезпечитъ ему, хотя бы въ самыхъ скромныхъ, эмбріональныхъ, размѣрахъ, наличность учебно-вспомогательныхъ учрежденій, указанныхъ въ уставѣ. На дѣлѣ этого—не было, и казанскій университетъ вступилъ въ свою жизненную стезю при абсолютномъ отсутствіи какихъ бы то ни было учебно-вспомогательныхъ учрежденій, при полномъ отсутствіи даже необходимѣйшихъ учебныхъ пособій, и вся созидательная работа оказалась у него въ этомъ отношеніи—впереди, сдѣлавшись задачею первыхъ десятилѣтій его существованія; только къ началу сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія, благодаря энергіи попечителя округа М. Н. Мусина-Пушкина и ректора университета Н. И. Лобачевскаго, могъ быть серьезно поставленъ вопросъ объ обезпеченности казанскаго университета научно и болѣе или менѣе полно обставленными учебно-вспомогательными учрежденіями.

И въ только что указанномъ направленіи, какъ и въ отношеніи внутренняго строя и всей жизнедѣятельности своей, казанскій университетъ,—этотъ „университетъ-скороспѣлка", какъ охарактеризовалъ его С. Т. Аксаковъ,—едва ли способенъ найти себѣ примѣръ въ исторіи другихъ учрежденій того же рода. Возникнувъ въ нѣдрахъ казанской гимназіи и въ неразрывной связи съ нею, безъ собственнаго наименованія, поглощавшагося наименованіемъ „гимназіи", безъ собственныхъ, опредѣленныхъ уставомъ,

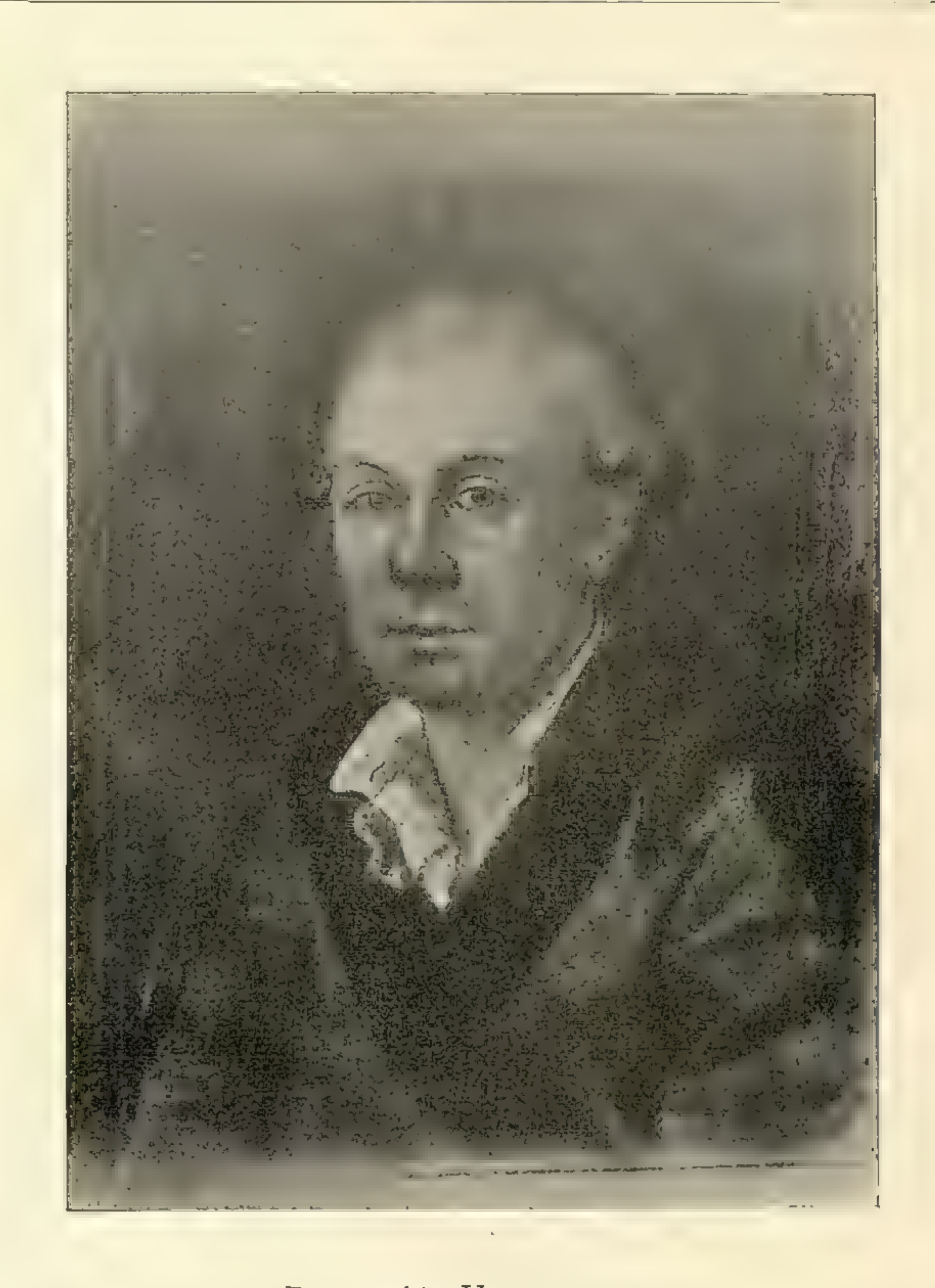
выборныхъ должностныхъ лицъ и коллегіальныхъ установленій, безъ раздѣленія на факультеты—новорожденный университетъ долженъ былъ воспользоваться, на первыхъ порахъ, ограниченными учебными пособіями, какія въ состояніи была предоставить ему гимназія, далеко не разсчитанная, само собою разумѣется, на тотъ объемъ и на ту полноту знаній, которыя предстояло вмѣстить въ себѣ вновь созидавшемуся университету. Отсюда раскрывается передъ нами путь, которому слѣдовало начальное развитіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета: онъ сводится къ процессу постепеннаго формированія университетскихъ учебныхъ пособій или посредствомъ выдѣленія и обособленія ихъ отъ гимназическихъ, или же посредствомъ созданія ихъ вновь. Только къ концу интересующей насъ эпохи удалось казанскому университету обзавестись, хотя и въ болѣе или менѣе ограниченномъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ даже недостаточномъ, видѣ и объемѣ всѣми учебно-вспомогательными учрежденіями, указанными въ его уставѣ.

Казанскому университету въ его дѣятельности, направленной къ созданію новыхъ и къ развитію и усовершенствованію уже существующихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, постоянно приходилось считаться съ препятствіями матеріальнаго характера, въ весьма значительной степени обусловливавшимися финансовыми затрудненіями, которыя переживала въ ту пору Россія и которыя явились послѣдствіемъ политическихъ осложненій, ознаменовавшихъ собою первыя пятнадцать лѣтъ истекшаго столѣтія. Стѣсняться приходилось не только въ экстренныхъ денежныхъ ходатайствахъ, но даже и въ предѣлахъ штатныхъ назначеній и политика самой усиленной экономіи неоднократно и настойчиво рекомендовалась правительствомъ всѣмъ, вообще, вѣдомствамъ и учрежденіямъ, а въ числѣ послѣднихъ и университетамъ. Мы видѣли, что уже весною 1805 года, слѣдомъ за открытіемъ казанскаго университета, послѣднему было отказано въ выпискѣ для библіотеки ученыхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ знанія, съ предписаніемъ пріобрѣтать на первое время лишь книги, „кои необходимы для классовъ“, т. е. для ближайшихъ цѣлей преподаванія, а адъюнкту физики Запольскому было тогда же отказано въ пріобрѣтеніи даже необходимѣйшихъ для преподаванія инструментовъ. Жалобы профессоровъ на отсутствіе или недостаточность литературныхъ пособій также уже знакомы намъ; профессоръ Литтровъ, прибывъ въ Казань, не нашелъ въ библіотекѣ университета ни одного „сообразнаго цѣли“ пособія для преподаванія астрономіи, не говоря уже объ отсутствіи обсерваторіи и инструментовъ, а профессоръ Финке оказался, по той же причинѣ, въ

невозможности продолжать въ Казани ранѣе предпринятый имъ научный трудъ. До извѣстной степени извѣстны намъ и препятствія, встрѣченныя представителями экспериментальныхъ наукъ въ дѣлѣ созданія при университетѣ необходимѣйшихъ вспомогательныхъ учрежденій; препятствія и затрудненія этого же рода, въ еще болѣе выпуклой формѣ, пройдутъ передъ нашими глазами и при дальнѣйшемъ изложеніи начальной исторіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета.

Въ 1816 году, слѣдовательно уже послѣ полнаго открытія университета, ректоръ И. О. Браунъ настойчиво указывалъ, черезъ попечителя округа, на вопіющія нужды учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета; попечитель М. А. Салтыковъ, съ своей стороны, представлялъ о томъ же министру народнаго просвѣщенія, ставя на видъ, что „для учебныхъ пособій отпускаемыя суммы, едва ли почти достаточныя къ достиженію годовой своей цѣли, тѣмъ менѣе могутъ служить къ устроенію заведеній, на кои особенной суммы не отпускается", отъ чего „самое ученіе затрудняется" и университету „предположенной государемъ императоромъ цѣли достодолжно нельзя достигнуть"—но изъ министерства послѣдовалъ по этому поводу уклончивый отвѣтъ, что большая часть указанныхъ нуждъ „требуетъ отпуска изъ казны значительныхъ суммъ, которыхъ въ настоящемъ году взять не откуда", почему эти нужды и рекомендовалось „мало по малу исправить распоряженіями и суммами сихъ заведеній" [1].

Отмѣтивъ исключительное положеніе, выпавшее на долю казанскаго университета, уже при самомъ его возникновеніи, съ точки зрѣнія заботъ объ устройствѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, мы приступимъ къ изложенію исторіи этихъ послѣднихъ, расположивъ ихъ, для этой цѣли, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Библіотека, 2) Физическій кабинетъ, 3) Астрономическая обсерваторія, 4) Химическая лабораторія, 5) Кабинетъ естественной исторіи или „натуральный", съ образовавшимися при немъ отдѣлами (зоологическій, минералогическій, ботаническій, палеонтологическій и „рѣдкостей"), 6) Ботаническій садъ, 7) Анатомическій институтъ и 8) Клиническій институтъ.

Василій Ипатовичъ
Полянскій,
казанскій помѣщикъ и мистикъ второй половины
XVIII ст.

I

Университетская библіотека

Заботы о библіотекѣ возстановленной въ 1798 году казанской гимназіи.—«Потемкинское» собраніе книгъ, въ качествѣ основы будущей университетской библіотеки.—В. И. Полянскій и принесенная имъ гимназіи въ даръ библіотека.—Условіе пожертвованія Полянскаго и составъ его библіотеки.—Начало библіотеки казанскаго университета и ея первыя пріобрѣтенія.—Организація библіотечнаго дѣла.—Профессоръ М. В. Сторль, первый библіотекарь университета.—Отдѣленіе библіотекъ университетской и гимназической.—Первый каталогъ библіотеки.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія университетской библіотеки.—Библіотека лейбъ-медика И. П. Франка.—Крупная единовременная ассигновка (1810 г.) на пополненіе библіотеки.—Библіотека въ концѣ перваго пятилѣтія существованія университета.—Собраніе рукописей.—П. С. Кондыревъ, преемникъ Сторля по управленію библіотекою.—Столкновеніе его съ проф. Реннеромъ.—Неудавшаяся попытка гимназіи вернуть отъ университета потемкинскую библіотеку.—Отчетъ Кондырева о состояніи университетской библіотеки въ концѣ 1816 года и его пожеланія въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія этого учрежденія.—Увеличеніе библіотечнаго бюджета и мѣры къ пополненію библіотеки.—Начало студенческой библіотеки.—Мѣры контроля и отчетности по библіотекѣ.—Дѣло о пожертвованіи купца Зимнякова.—Библіотека университета по даннымъ ревизіи Магницкаго.

Начальная исторія библіотеки казанскаго университета представляетъ весьма значительный интересъ по тѣмъ воспоминаніямъ, которыя связаны съ нею, перенося насъ въ эпоху широкихъ и фантастическихъ начинаній императрицы Екатерины II и „великолѣпнаго князя Тавриды“ по устроенію вновь присоединеннаго къ Россіи новороссійскаго края.

Озабоченная созданіемъ въ этомъ краѣ крупнаго городскаго центра, для котораго Потемкинъ придумалъ и громкое наименованіе Екатеринослава, императрица Екатерина въ числѣ другихъ учрежденій, проэктированныхъ для этого города, долженствовавшаго своимъ великолѣпіемъ и размѣрами затмить всѣ остальные русскіе города, повелѣла разработать планъ основанія въ немъ университета. Задача эта была возложена на зиждителя вновь пріобрѣтеннаго края—Г. А. Потемкина, который отдался ей съ настойчивою энергіею, бывшею отличительною чертою дѣятельности свѣтлѣйшаго князя Таврическаго. Разрабатывались планы и смѣты будущаго университета, приглашались для него профессоры, пріобрѣтались книги и различныя коллекціи для его учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Формировалась для будущаго университета и библіотека, въ основу которой были положены Потемкинымъ его собственное собраніе книгъ, рукописей и эстамповъ, а также и пріобрѣтенная имъ для той же цѣли библіотека извѣстнаго духовнаго писателя екатерининской эпохи архіепископа Евгенія Булгариса. Эта вновь сформированная библіотека была уже пере-

везена въ Екатеринославъ, гдѣ долженъ былъ возникнуть будущій университетъ, но смерть свѣтлѣйшаго князя Потемкина, а затѣмъ и императрицы Екатерины, положили конецъ какъ мечтаніямъ о величіи новой столицы Новороссіи, такъ и предположеніямъ объ основаніи въ ней университета, а самый Екатеринославъ былъ разжалованъ императоромъ Павломъ—въ Новороссійскъ, наименованіе, которое и удерживалось за нимъ до 1802 года, когда императоромъ Александромъ I возвращено было новому городу его прежнее названіе. Печальная участь постигла при этомъ собранную Потемкинымъ для неосуществившагося университета библіотеку: она была передана въ вѣдѣніе мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія, хранившаго ее настолько небрежно, что не мало книгъ, рукописей и эстамповъ оказались, какъ показали это событія послѣдующихъ лѣтъ, растерянными, а быть можетъ и расхищенными.

Этому то потемкинскому собранію книгъ вскорѣ и было суждено попасть изъ центра Новороссіи въ далекую Казань, сдѣлавшись достояніемъ реставрированной казанской гимназіи, а слѣдомъ затѣмъ вновь основаннаго казанскаго университета. Въ концѣ мая 1798 года, во время пребыванія императора Павла Петровича въ Казани, тогдашній казанскій военный губернаторъ де-Ласси входилъ къ императору съ личнымъ докладомъ по вопросу о возстановленіи казанской гимназіи, закрытой въ 1788 году, съ основаніемъ въ Казани главнаго народнаго училища, и открытіе которой вновь было предрѣшено высочайшимъ указомъ отъ 31-го октября предшествовавшаго 1797 года. Генералъ-лейтенанту де-Ласси, раньше служившему при князѣ Таврическомъ, была извѣстна печальная судьба заброшеннаго въ Новороссійскѣ потемкинскаго собранія книгъ и казанскій губернаторъ рѣшился ходатайствовать передъ императоромъ о передачѣ этой библіотеки въ собственность возстановляемой въ Казани гимназіи:

„Въ Новороссійскѣ,—заявлялось въ всеподданнѣйшемъ докладѣ губернатора,—имѣется безъ всякаго употребленія въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣнія казенная библіотека и небольшое собраніе для кабинета металловъ и минераловъ, покойнымъ княземъ Потемкинымъ заведенная. Дабы усовершенствовать гимназію лучшими къ образованію будущихъ воспитанниковъ произведеніями, не благоугодно ли будетъ повелѣть оную библіотеку, съ принадлежащимъ къ ней, перевесть сюда изъ Новороссійска и для употребленія отдать гимназіи. Доставка ея въ Казань не будетъ многаго стоить, а деньги на ту доставку полагаю употребить изъ губернскихъ доходовъ“.

Предположеніе генерала де-Ласси удостоилось высочайшаго утвержденія и въ томъ же 1798 году въ Новороссійскъ командированъ былъ учитель нѣмецкаго класса казанской гимназіи Богданъ Линкеръ, съ порученіемъ „принять книги, собраніе металловъ и прочее по тѣмъ самымъ каталогамъ и описямъ, по которымъ оныя въ новороссійскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія приняты послѣ его свѣтлости князя Потемкина Таврическаго", тщательно упаковать все въ ящики и нанять возчиковъ для доставленія транспорта въ Казань. Въ дѣлахъ университетскаго архива не сохранилось полныхъ каталоговъ, по которымъ приняты были потемкинскія собранія учителемъ Линкеромъ, но имѣются лишь засвидѣтельствованныя учителемъ новороссійскаго главнаго народнаго училища Василіемъ Якубовскимъ опись книгъ, оставленныхъ почему то въ Новороссійскѣ (123 названія), и списокъ оказавшихся въ библіотекѣ недочетовъ и дефектовъ; сохранились, также, отрывки каталога книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и весьма тщательно писанный систематическій каталогъ, на французскомъ языкѣ, книгъ почти исключительно богословскаго и философскаго содержанія, заключающій въ себѣ 258 названій сочиненій на иностранныхъ языкахъ и едва ли не представляющій собою полный каталогъ библіотеки архіепископа Евгенія Булгариса, въ свое время пріобрѣтенной Потемкинымъ.

Транспортъ съ потемкинскими собраніями, благополучно прибывшій въ Казань въ мартѣ 1799 года на восемнадцати подводахъ и представлявшій собою грузъ въ 429 пудовъ, за перевозку котораго гимназіею было уплочено 840 р. 45 коп., былъ сложенъ безъ всякаго порядка въ одномъ изъ гимназическихъ помѣщеній и только въ концѣ марта 1800 года, по распоряженію попечителя гимназіи, гражданскаго губернатора Муханова, было приступлено къ приведенію потемкинской библіотеки въ порядокъ, съ порученіемъ должности библіотекаря тому же учителю Линкеру. Оказавшіеся въ этой библіотекѣ утраты и дефекты послужили предметомъ цѣлой переписки казанской гимназіи съ новороссійскимъ губернскимъ начальствомъ, которая не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и послужила лишь къ бóльшему выясненію той возмутительной небрежности, съ какою хранились на югѣ потемкинскія собранія до передачи ихъ въ собственность гимназіи и послѣдовавшей затѣмъ перевозки въ Казань [2].

Потемкинская библіотека послужила первою, по времени, составною частью будущей библіотеки казанскаго университета. Слѣдующею, въ хронологическомъ порядкѣ, составною частью ея явилась библіотека, въ 1798

году пожертвованная казанской гимназіи мѣстнымъ помѣщикомъ, надворнымъ совѣтникомъ В. И. Полянскимъ.

Василій Ипатовичъ Полянскій, ни годъ рожденія, ни годъ кончины котораго съ достаточною опредѣленностью не выясняются (приблизительно 1742—1800 г.г.), принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу наиболѣе выдающихся казанскихъ людей второй половины XVIII-го столѣтія. Весьма отрывочными и мало опредѣленными представляются біографическія свѣдѣнія объ этомъ лицѣ; наиболѣе подробныя данныя собраны были въ этомъ отношеніи покойными А. И. Артемьевымъ и Н. Н. Буличемъ, со словъ которыхъ мы и познакомимъ читателей съ главнѣйшими чертами жизни В. И. Полянскаго. Біографамъ Полянскаго остались неизвѣстными ни мѣсто рожденія, ни мѣсто образованія его и самыя раннія біографическія данныя застаютъ его, уже въ званіи офицера, на службѣ въ Сибири. Заслуживъ здѣсь самое лестное вниманіе мѣстныхъ властей удачнымъ выполненіемъ различныхъ административныхъ порученій, Полянскій былъ рекомендованъ особому вниманію императрицы Екатерины II, а затѣмъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ сдѣлался лично извѣстнымъ императрицѣ, доставившей ему средства для поѣздки съ образовательными цѣлями заграницу. Весною 1771 года, находясь въ чужихъ краяхъ, Полянскій посѣтилъ Вольтера въ его Фернейскомъ замкѣ и настолько сошелся съ знаменитымъ философомъ, что пробылъ близь него около полугода и даже послужилъ предметомъ переписки между русскою императрицею и „фернейскимъ отшельникомъ", аттестовавшимъ русской монархинѣ своего гостя съ самой лестной для него стороны. Вольтеръ принималъ такое близкое участіе въ судьбѣ Полянскаго, что пришелъ въ отчаяніе, получивъ какъ то, уже впослѣдствіе, ложное извѣстіе о томъ, что его любимецъ утонулъ въ рѣкѣ Невѣ и императрицѣ Екатеринѣ пришлось письменно успокоивать престарѣлаго философа на счетъ участи Полянскаго. Въ „музеѣ отечествовѣдѣнія" казанскаго университета до сихъ поръ хранится превосходный живописный портретъ Вольтера, принесенный въ даръ Полянскимъ и лично подаренный ему фернейскимъ философомъ; вмѣстѣ съ этимъ портретомъ здѣсь же хранится и портретъ самого Полянскаго, относящійся къ 1777 году и представляющій собою копію съ оригинала извѣстнаго художника Дорбса, кисти казанскаго учителя живописи и рисованія Л. Д. Крюкова. Оба портрета воспроизводятся въ художественныхъ приложеніяхъ къ настоящему тому.

Не взирая на свои дарованія и на покровительство императрицы Екатерины, Полянскій не составилъ себѣ карьеры, на какую вправѣ былъ бы

Ф. М. А. Вольтеръ.

Съ портрета, лично подареннаго имъ В. И. Полянскому
и принадлежащаго Казанскому университету.

разсчитывать. По возвращеніи въ Россію онъ занялъ (въ концѣ 1772 года) должность секретаря академіи художествъ и, кромѣ того, служилъ также въ коммиссіи о составленіи законовъ, принявъ участіе въ редактированіи екатерининскаго „учрежденія о губерніяхъ"—но около 1778 года съ нимъ произошла катастрофа, едва не окончившаяся для него весьма печальнымъ образомъ. Виною ея была—женщина, которой суждено было имѣть роковое, вообще, вліяніе на судьбу Полянскаго. Полянскій похитилъ жену нѣкоего Демидова, причемъ оказалъ вооруженное сопротивленіе преслѣдовавшей его полиціи, за что былъ привлеченъ къ суду и, во время допроса, позволилъ себѣ смѣлыя сужденія, найденныя оскорбительными для императрицы. Отданный подъ судъ сената по обвиненію въ оскорбленіи величества, Полянскій былъ приговоренъ къ отсѣченію руки. Императрица помиловала его, но Полянскому оставаться въ столицѣ было уже невозможно и онъ въ 1778 году опредѣлился на службу въ вновь открытое могилевское намѣстничество. Но и въ новомъ мѣстѣ служенія въ судьбу Полянскаго снова роковымъ образомъ впутывается женщина: онъ завелъ здѣсь интригу съ женою какого то генерала, оставившею для него старика-мужа, который придумалъ средство грубо отомстить своему счастливому разлучнику. Клевреты оскорбленнаго мужа до полусмерти избили Полянскаго, результатомъ чего явился параличъ, заставившій его бросить службу....

Вмѣстѣ съ виновницею постигшей его новой катастрофы (нѣсколько позже, получивъ отъ мужа разводъ, вышедшею за него замужъ), Полянскій въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ переѣхалъ на жительство на родину—въ свои казанскія помѣстья. Здѣсь въ нравственномъ міровоззрѣніи Полянскаго совершился глубокій нравственный переворотъ. Не будучи и раньше чуждъ вліянію ученій массонства (онъ былъ учредителемъ массонской ложи въ Могилевѣ), Полянскій вступилъ въ сношенія съ казанскими массонами, а затѣмъ впалъ въ мистическій піэтизмъ, который не покидалъ его уже до самой смерти, постигшей его въ 1800 или 1801 году. Въ своемъ имѣніи онъ соорудилъ мистическую часовню съ поставленными въ ней крестомъ и гробомъ, куда удалялся для горячихъ моленій, послѣ же его кончины, надъ его прахомъ, конечно согласно волѣ покойнаго, поставленъ былъ памятникъ * съ мистическими эмблеммами и

* Этотъ памятникъ находится во дворѣ казанскаго загороднаго архіерейскаго дома, гдѣ Полянскій похороненъ на фамильномъ мѣстѣ упокоенія рода Юшковыхъ, съ которымъ онъ состоялъ въ свойствѣ черезъ свою сестру Надежду, бывшую въ замужествѣ за однимъ изъ членовъ этого рода.

загадочною надгробною надписью, гласящею о воспослѣдовавшемъ 23-го ноября 1784 года духовномъ „возрожденіи" усопшаго [3].

Полянскій имѣлъ небольшую библіотеку, составленную имъ, главнымъ образомъ, во время заграничныхъ его путешествій. Года за два до кончины онъ изъявилъ намѣреніе пожертвовать эту библіотеку въ пользу только что передъ тѣмъ возстановленной казанской гимназіи и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ гимназіи заявленіе, помѣченное 26-мъ ноября 1798 года. Даръ этотъ, переданный гимназіи лишь въ 1800 году сестрами Полянскаго, былъ имъ обусловленъ тѣмъ, что бы гимназія на будущія времена безвозмездно содержала одного воспитанника изъ дворянъ, по назначенію самого жертвователя, а послѣ его кончины—по назначенію его наслѣдниковъ, причемъ этотъ воспитанникъ долженъ былъ присоединять къ собственной фамиліи своей и фамилію „Полянскаго". Принявъ даръ, гимназія выдала жертвователю письменное обязательство въ соблюденіи поставленнаго имъ условія (отъ того же 26-го ноября 1798 года) и въ 1805 году въ казанскую гимназію принятъ былъ на образованную этимъ путемъ стипендію первый воспитанникъ—Рудометовъ Петръ, къ фамиліи котораго и была сдѣлана прибавка „Полянскій". Съ переходомъ библіотеки Полянскаго въ собственность университета, для гимназіи утратилось основаніе для дальнѣйшаго содержанія стипендіатовъ его имени, да и сами наслѣдники Полянскаго съ 1814 года правомъ назначенія стипендіата не пользовались. Вся исторія этого пожертвованія уже успѣла, безъ сомнѣнія, забыться, какъ вдругъ въ началѣ 1833 года вспомнилъ объ ней племянникъ покойнаго Полянскаго, полковникъ Владиміръ Юшковъ, предъявившій свои права на осуществленіе воли жертвователя. Завязалась по этому поводу обширная переписка, которая имѣла своимъ результатомъ отказъ Юшкова отъ даннаго гимназіею въ 1798 году обязательства, а для насъ представляетъ тотъ интересъ, что создавшееся на ея почвѣ цѣлое „дѣло по обязательству, данному въ 1798 году казанскою гимназіею Полянскому", бросаетъ документальный свѣтъ какъ на исторію этого пожертвованія, такъ и на составъ самой библіотеки Полянскаго, благодаря тому, что къ этому дѣлу приложены: а) копія съ заявленія Полянскаго объ его дарѣ гимназіи, б) копія съ обязательства гимназіи 1798 года и с) списокъ книгъ Полянскаго, оказавшихся въ библіотекѣ университета. Это послѣднее приложеніе является особенно цѣннымъ, возстановляя составъ библіотеки Полянскаго, про которую покойный Н. Н. Буличъ, не знавшій этого дѣла, писалъ, что „изъ какого количества состояли эти книги и какого они были содержанія—намъ неизвѣстно, такъ какъ библіотека Полянскаго совершен-

но слилась съ библіотекою Потемкина и съ прежнею гимназическою". Указанный нами документъ вполнѣ возстановляетъ составъ и размѣры этой библіотеки, которая заключала въ себѣ, какъ оказывается, 298 названій книгъ въ 693-хъ томахъ, оцѣненныхъ въ суммѣ 3713 р. 30 коп.; тѣмъ самымъ подтверждается и отзывъ объ этой библіотекѣ М. М. Сперанскаго, занесенный имъ въ свой дневникъ, послѣ осмотра въ 1819 году университета: „Библіотека—прекрасна; она составлена изъ остатковъ библіотеки князя Потемкина, въ которую влилась прекрасная библіотека Евгенія Болгара, изъ библіотеки, купленной у Франка, и небольшой библіотеки, подаренной покойнымъ помѣщикомъ Полянскимъ, жившимъ долгое время во Франціи и знакомымъ съ Вольтеромъ" [4].

Таковы двѣ краеугольныя и первыя, въ порядкѣ хронологической постепенности, составныя части, положенныя въ основу начальнаго роста библіотеки казанскаго университета.

Состоявшееся въ февралѣ мѣсяцѣ 1805 года первоначальное открытіе университета должно было сразу же выдвинуть на очередь вопросъ о пріобрѣтеніи для нуждъ университета литературныхъ пособій, такъ какъ гимназическая библіотека оказывалась, уже по самому составу своему, не въ состояніи соотвѣтствовать не только нуждамъ университетской науки, но даже и нуждамъ университетскаго преподаванія. Правда, денежная смѣта казанскаго университета опредѣляла сумму въ одну тысячу рублей на университетскую библіотеку, но распоряженіе даже этимъ, болѣе нежели скромнымъ, назначеніемъ представляло крупныя практическія неудобства, въ виду отсутствія у университета собственной библіотеки, что ставило на неотложную очередь и другой вопросъ—вопросъ о разграниченіи между собою библіотекъ университетской (библіотеки пока еще in spe) и гимназической. Мы знаемъ, что уже весною 1805 года было отклонено попечителемъ представленіе университета о выпискѣ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія, съ предложеніемъ ограничиться, на первое время, лишь пріобрѣтеніемъ пособій исключительно учебныхъ. Пополненіе библіотеки,—пока все еще „гимназической",—производилось совершенно случайнымъ путемъ и въ крайне ограниченномъ размѣрѣ и въ первые годы существованія университета, вообще. Кое-какія изданія поступали въ даръ отъ академіи и другихъ, крайне немногочисленныхъ еще въ то время, ученыхъ учрежденій, другія пріобрѣтались покупкою по особымъ, на каждый данный случай, разрѣшеніямъ попечителя—безъ всякаго плана и предварительныхъ соображеній, даже безъ распредѣленія общей суммы издержекъ по отдѣльнымъ кафедрамъ. Только 16-го ноября 1805 года послѣдовало первое

разрѣшеніе Румовскаго на болѣе или менѣе крупную ассигновку для нуждъ библіотеки. „По представленію вашему отъ 31-го октября,—писалъ попечитель Яковкину,—я согласенъ, что бы изъ числа тысячи рублей, положенныхъ на библіотеку, употреблено было 500 рублей: а) на выписку двухъ иностранныхъ газетъ и двухъ ученыхъ журналовъ, какіе совѣтъ признаетъ за лучшіе, б) на выписку книгъ, нужныхъ для профессорскихъ и адъюнктскихъ лекцій и в) если будетъ оставаться сумма—на покупку книгъ по общему назначенію совѣта, для библіотеки". Насколько ничтожными были пріобрѣтенія библіотеки за первый годъ существованія казанскаго университета, это нагляднѣе всего усматривается изъ его отчета за 1805 годъ, въ которомъ читаемъ слѣдующее:

„Въ гимназическую (sic) библіотеку поступило книгъ: покупкою—21, состоящая въ 494-хъ экземплярахъ (очевидно—учебники); ландкартъ, ландшафтовъ разныхъ и эстамповъ 56 экземпляровъ; подарено въ оную 13 книгъ, состоящихъ въ 28-ми экземплярахъ, и 1 эстампъ. Выписываются же, съ позволенія его превосходительства г. попечителя, чрезъ комитетъ с.-петербургской императорской академіи наукъ—15 книгъ.

Кромѣ того, получаемы были вѣдомости: 1) Россійскія московскія ученыя, 2) L' Abeille du Nord, 3) Minerva, 4) Litteratur Zeitung, 5) Сѣверный Вѣстникъ, 6) Hamburger Correspondenten и 7) С. Петербургскій журналъ".

Въ такомъ же ничтожномъ видѣ представляются расходы по выпискѣ книгъ и журналовъ и за ближайшіе первые годы существованія университета [5].

Въ крайне неудовлетворительномъ состояніи оказывались и устройство библіотеки, не имѣвшей даже общаго каталога, и управленіе ею, на что попечителемъ округа обращено было вниманіе уже весною 1806 года: „Сличая отчетъ по учебной части, доставленный мнѣ изъ совѣта за 1805 годъ, съ таковымъ же отчетомъ за 1804 годъ,—читаемъ въ попечительскомъ предложеніи отъ 23-го апрѣля 1806 года,—нахожу въ статьѣ о учебныхъ пособіяхъ, что число книгъ въ теченіи 1805 года убавилось противъ 1804 года, ибо въ 1804 году французскихъ книгъ показано было всего 2687, а нынѣ считается ихъ только 2631; греческихъ было тогда 582, а теперь находится оныхъ 578". Исправлявшій должность библіотекаря учитель гимназіи Петровскій, запрошенный по этому поводу совѣтомъ, объяснилъ неточности отчета за 1804 годъ тѣмъ, что „по неимѣнію довольнаго числа шкафовъ большая часть книгъ лежали кучами по полкамъ, такъ

что для разобранія и сортировки ихъ не имѣлось ни малѣйшей возможности", вслѣдствіе чего данныя для отчета 1804 года приводились имъ по выданнымъ отъ совѣта частнымъ каталогамъ, которые „кромѣ сбивчивости имѣютъ еще тѣ недостатки, что въ французскихъ книгахъ находятся русскія, латинскія, польскія и нѣмецкія, въ числѣ же латинскихъ книгъ помѣщены греческія и, притомъ, почти повсюду вписаны нѣкоторыя изъ привезенныхъ изъ Екатеринослава книги"; „но какъ впослѣдствіе,—продолжаетъ Петровскій,—для библіотеки подѣлано довольное количество шкафовъ, то я за нужное почелъ разобрать книги по сортамъ языковъ и привести ихъ, на первый случай, въ азбучный порядокъ", почему для отчета 1805 года и явилась возможность дать уже болѣе точныя свѣдѣнія о библіотекѣ.

Осенью 1806 года Румовскій потребовалъ представленія ему вѣдомости забранныхъ книгъ, которая снова подкрѣпила въ немъ мнѣніе относительно неудовлетворительности состоянія гимназической библіотеки, что и побудило его принять мѣры болѣе или менѣе радикальнаго характера, указанныя въ слѣдующемъ предложеніи совѣту отъ 8-го ноября того же года:

„Изъ доставленнаго мнѣ по требованію моему списка, показывающаго сколько книгъ и кѣмъ изъ библіотеки забраны, усмотрѣлъ я, что къ порядочному оной свидѣтельству приступить невозможно. Однимъ г. профессоромъ Цеплиномъ, къ удивленію моему, забрана 81 книга, въ томъ числѣ многія дорогія, что никоимъ образомъ терпимо быть не можетъ и показываетъ его своевольство, которому конецъ положить почитаю своимъ долгомъ *.

Для соблюденія въ библіотекѣ нужнаго порядка, по причинѣ обширнаго знанія словесныхъ наукъ г. профессора Штерля (Сторля), назначаю его библіотекаремъ, съ жалованьемъ за сію должность, на первый случай, по 200 рублей въ годъ, изъ суммы университетской, и препоручаю ему:

1) Истребовать немедленно всѣ взятыя изъ библіотеки профессорами и адъюнктами книги.

2) Разобрать, какія изъ нихъ, по содержанію своему, должны остаться въ библіотекѣ университетской и какія со временемъ должны отданы быть въ гимназическую, и одну отъ другой отдѣлить.

* Слѣдуетъ имѣть въ виду, что эти строки писались попечителемъ въ самый разгаръ совѣтской борьбы съ Яковкинымъ второй половины 1806 года, въ которой весьма видную роль игралъ Цеплинъ.

3) И той и другой сочинить каталоги и расположить по порядку, какой г. Штерль признаетъ за лучшій, и каталоги оныхъ представить совѣту, оставя въ библіотекѣ копіи.

4) Представить мнѣ свое мнѣніе, какимъ образомъ, сколько книгъ и на какое время желающимъ оными пользоваться, съ роспискою въ особливо на то сдѣланной книгѣ, могутъ быть отпускаемы".

Такимъ образомъ состоялось назначеніе, въ лицѣ профессора Сторля, перваго библіотекаря казанскаго университета и положено, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало раздѣленію библіотекъ университетской и гимназической. Не говоря уже о трудности одному справиться съ возложенными на него задачами, должность библіотекаря представляла для проф. Сторля крупное неудобство вслѣдствіе незнанія имъ русскаго языка, что и вызвало уже очень скоро необходимость дать ему русскаго помощника—должность, въ которую, предписаніемъ попечителя отъ 21-го января 1807 года, и былъ опредѣленъ, согласно представленію самого Сторля, студентъ П. С. Кондыревъ. Управленіе библіотекою сосредоточивается, такимъ образомъ, въ рукахъ представителей университета и съ этого момента начинается уже самостоятельная исторія казанской университетской библіотеки. Эти же лица управляли библіотекою въ продолженіи всей, интересующей насъ, эпохи: профессоръ Сторль несъ должность библіотекаря до самой своей кончины († 27-го января 1813 г.), послѣ которой должность эту занялъ бывшій его помощникъ, въ то время уже адъюнктъ, П. С. Кондыревъ, остававшійся въ ней до 26-го іюня 1821 года и имѣвшій своими помощниками магистра В. Я. Булыгина (1813—1816 г.г.) и студента В. И. Теласкова (1815—1820 г.г.) [6].

Профессоръ Сторль немедленно приступилъ къ возложеннымъ на него порученіямъ и совѣтъ уже отъ 17-го сентября 1807 года донесъ попечителю, что „прежняя гимназическая библіотека г. профессоромъ и библіотекаремъ Штерлемъ разобрана и книги, потребныя для университета, отдѣлены", вслѣдствіе чего Румовскій, предложеніемъ отъ 3-го октября, предписалъ—„что бы сдѣланы были книгамъ той и другой библіотеки вѣрныя описи, изъ коихъ по одному списку должны быть въ совѣтѣ и библіотекахъ, а по одному списку доставить мнѣ къ свѣдѣнію; а слѣдуя сему, на основаніи 90-ой статьи устава казанскаго университета, завести и въ прочихъ институтахъ потребныя книги для записыванія принадлежащихъ къ нимъ вещей и собраній". Въ исполненіе этого предписанія въ январѣ слѣдующаго 1808 года всѣмъ завѣдующимъ отдѣльными университетскими учрежденіями были выданы изъ конторы особыя шнуровыя

инвентарныя книги, а именно: кандидату Кондыреву—для библіотеки, профессорамъ Фуксу—для „вещей натуральной исторіи и ботаники", Брауну—„для анатомическихъ вещей", адъюнктамъ Запольскому—для физическаго кабинета, Эвесту—для химической лабораторіи.

Въ дѣлахъ университетскаго архива сохранился какъ каталогъ книгъ, отобранныхъ Сторлемъ для библіотеки университетской, такъ и списокъ книгъ, предназначенныхъ къ отчисленію для библіотеки гимназической. Каталогъ этой начальной университетской библіотеки, относящійся къ декабрю 1807 года и представляющій собою каллиграфически писанную тетрадь въ 37 листовъ (in f⁰), въ основѣ своей имѣетъ распредѣленіе книгъ по ихъ формату („in folio", „in quarta" и „in octava"), а затѣмъ, въ предѣлахъ каждаго формата, книги расположены уже по алфавиту, съ раздѣленіемъ ихъ на печатанныя на иностранныхъ языкахъ и на русскія. Полное заглавіе каталога слѣдующее: „Numerus omnium voluminum in variis linguis typis excusorum, quae in bibliotheca Imp. universitatis Casanensis continentur, illis tamen exceptis, quae post praeterlapsum mensem oct. 1807 in eam illata fuere. Casanae, duodevicesima die mensis decembris, anno 1807. Biblioth. prof. Vincentus Storl". На заглавномъ листѣ каталога указано и количество томовъ библіотеки: „645—in folio, 1061—in quarta et 2573—in octava forma", всего—4279 томовъ. Списокъ книгъ, предназначенныхъ Сторлемъ для библіотеки гимназіи, носитъ русское заглавіе: „Каталогъ отдѣляемыхъ для гимназической библіотеки книгъ, по азбучному порядку" (на 19-ти листахъ) и заключаетъ въ себѣ 361 названіе книгъ, въ томъ числѣ русскихъ—108 названій, латинскихъ—23, греческихъ—69, французскихъ—119, итальянскихъ—11, англійскихъ—1, нѣмецкихъ—16, арабскихъ и татарскихъ—14 [7].

Начало 1807 года можетъ быть отмѣчено въ исторіи университетской библіотеки двумя, относительно и по условіямъ того времени, крупными покупками книгъ. 12-го января совѣтомъ разрѣшено было пріобрѣтеніе за 250 рублей собранія книгъ на французскомъ и итальянскомъ языкахъ (по математикѣ, архитектурѣ, естествознанію и словесности), продававшагося архитекторомъ казанскаго почтамта Дель-Медико, въ количествѣ 13-ти названій и 47-ми томовъ; часть этихъ книгъ (на сумму 100 р.) присоединена къ библіотекѣ университетской, другая (на сумму 150 р.) передана библіотекѣ гимназической. 23-го февраля того же года библіотекарь университета проф. Сторль представилъ совѣту, что имъ получено отъ бывшаго профессора Цеплина * „нѣсколько списковъ книгъ, которыя отчасти

* Въ концѣ 1806 года уволеннаго, какъ мы знаемъ, за участіе въ совѣтской оппозиціи по дѣлу Пухинскаго.

онъ, г. профессоръ Цеплинъ, желаетъ принести въ даръ библіотекѣ университетской, отчасти же предлагаетъ—не благоугодно ли будетъ совѣту нѣсколько изъ нихъ купить". Изъ сохранившихся списковъ этихъ книгъ усматривается, что въ даръ университетской библіотекѣ („libri donandi") предназначено было 39 названій сочиненій разнороднаго содержанія, а къ продажѣ („libri vendendi") предлагалось 177 томовъ, на сумму 166-ти рублей. Покупка всѣхъ предложенныхъ Цеплиномъ книгъ и за просимую имъ сумму состоялась, съ разрѣшенія попечителя, въ началѣ апрѣля, но съ книгами, предложенными имъ университету въ даръ, произошелъ инцидентъ довольно загадочнаго свойства: на запросъ относительно стоимости этихъ книгъ проф. Цеплинъ не далъ положительнаго отвѣта, отозвавшись тѣмъ, что „оныя книги не его собственныя, а нѣкотораго незнакомаго", въ виду чего совѣтомъ и было опредѣлено—„какъ г. профессоръ Цеплинъ отрекся объявить означеннымъ книгамъ цѣну, то возвратить ему ихъ обратно". Въ январѣ 1808 года Румовскій, въ виду скудости университетской библіотеки книгами математическаго содержанія, пріобрѣлъ въ Петербургѣ на 261 р. 75 к. книгъ по этой отрасли знанія, которыя въ слѣдующемъ февралѣ мѣсяцѣ и были привезены въ Казань вновь назначеннымъ профессоромъ математики Бартельсомъ; въ февралѣ того же года пріобрѣтена была у подлекаря Риттера, за 50 рублей, карта казанской губерніи съ планами и видами городовъ, до нашихъ дней хранящаяся въ университетѣ и т. д. Въ отчетѣ по университету за 1807 годъ находимъ слѣдующія свѣдѣнія относительно приращеній, поступившихъ за этотъ годъ въ университетскую библіотеку:

„Къ библіотекѣ присовокуплено покупкою и подарками книгъ: россійскихъ—112, латинскихъ—115, нѣмецкихъ—284, французскихъ—93, итальянскихъ—10, англійскихъ—4, греческихъ—8, шведскихъ—3, голландскихъ—1, польскихъ—1, арабскихъ—4, сирійскихъ—3, еврейскихъ—1, итого 639 книгъ; 18 ландкартъ и 1 атласъ; 2 методы пѣнія на фортопіано; 5 партій нотъ, 1 камертонъ на С. Да сверхъ того въ пользу сей же библіотеки выписываютъ разныя вѣдомости и повременныя изданія".

Изъ того же отчета узнаемъ, что библіотека, помѣщавшаяся въ западной части главнаго университетскаго корпуса, открывалась для пользованія ею два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 9-ти до 11-ти часовъ утра [8].

Весьма крупное обогащеніе выпало на долю библіотеки казанскаго университета весною 1808 года: это—пріобрѣтеніе обширной биб-

ліотеки лейбъ-медика И. П. Франка *, всемилостивѣйше пожалованной университету императоромъ Александромъ I. Библіотека Франка легла третьею въ хронологическомъ порядкѣ составною частью казанской университетской библіотеки. Вопросъ о покупкѣ этой библіотеки возникъ въ концѣ декабря 1807 года, вслѣдствіе предложенія о томъ самого Франка, послѣдовавшаго на имя министра народнаго просвѣщенія, причемъ попечитель казанскаго учебнаго округа С. Я. Румовскій тогда же предпринялъ словесное ходатайство передъ графомъ П. В. Завадовскимъ относительно пріобрѣтенія библіотеки, въ полномъ ея составѣ, для казанскаго университета. Начальная исторія этой покупки, а также и общій характеръ самой библіотеки Франка, нагляднѣе всего выяснятся намъ слѣдующею выпискою изъ журнала главнаго правленія училищъ отъ 27-го февраля 1808 года:

„Слушано отношеніе къ его сіятельству министру члена правленія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Франка, отъ 22-го декабря минувшаго года, о томъ, что онъ въ продолженіи 45-ти лѣтъ, посвященныхъ имъ врачебной наукѣ и публичному преподаванію главныхъ частей оной въ знатнѣйшихъ европейскихъ университетахъ, имѣлъ случай собрать библіотеку изъ небольшаго количества отборныхъ книгъ. Большая часть изъ оныхъ принадлежитъ къ теоретической или практической врачебной наукѣ; другія относятся къ натуральной исторіи, физикѣ, географіи, къ изящнымъ наукамъ, академическимъ собраніямъ и проч. Часть, принадлежащая къ врачебной наукѣ и хирургіи, содержитъ въ себѣ на греческомъ, латинскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ множество рѣдкихъ и полезныхъ въ анатоміи и физіологіи книгъ, съ гравированными эстампами; также драгоцѣнное собраніе классическихъ писателей и разсужденій во всѣхъ частяхъ врачебнаго искусства; нѣсколько неполныхъ сочиненій въ сей библіотекѣ очень удобно можно дополнить. По причинѣ старости своей, слабости здоровья и множества занятій будучи рѣдко въ состояніи пользоваться симъ собраніемъ, онъ рѣшился уступить оное за сходную цѣну, каковая будетъ назначена свѣдущими людьми, коимъ разсмотрѣть сіе собраніе будетъ препоручено. Принявъ въ разсужденіе, что университеты московскій, виленскій, харьковскій и казанскій всѣ безъ исключенія, не имѣютъ врачебныхъ и хирургическихъ книгъ, необходимо нужныхъ для народнаго просвѣщенія, и зная, сверхъ того, что нѣкоторыхъ книгъ, самыхъ полезнѣйшихъ въ его библіотекѣ, не

* Свѣдѣнія относительно И. П. Франка, приглашеннаго въ Россію въ качествѣ профессора виленскаго (съ 1804 г.) университета, а затѣмъ с.-петербургской (до 1808 г.) медико-хирургической академіи, см. въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона, полутомъ 72-й, стр. 500—501.

можно найти у книгопродавцевъ, а прочихъ нельзя достать, не употребляя на то великихъ издержекъ, судя по отдаленію Россіи отъ тѣхъ странъ, откуда доселѣ были выписываемы самыя лучшія произведенія врачебной литературы, онъ заключаетъ, что покупка сей библіотеки для пользы университетовъ можетъ споспѣшествовать благодѣтельнымъ намѣреніямъ правительства и проситъ благосклонно принять его намѣренія, стремящіяся не менѣе къ успѣхамъ врачебной науки въ Россіи, какъ и къ пользѣ его семейства. Господинъ министръ объявилъ, что онъ препоручилъ разсмотрѣть библіотеку г. попечителю казанскаго университета дѣйствительному статскому совѣтнику Степану Яковлевичу Румовскому, вмѣстѣ съ академиками, какихъ назначитъ г. президентъ академіи".

Осмотръ библіотеки Франка былъ порученъ академикамъ Загорскому и Рудольфу, которые донесли, что она заключаетъ въ себѣ около 3520-ти сочиненій въ 5240 томахъ, между которыми „находятся весьма рѣдкія и дорогія сочиненія", многія же изъ нихъ „принадлежатъ къ тѣмъ памятникамъ, кои пріобрѣтаются временемъ и почитаются между украшеніями знатнѣйшихъ академій". Съ тѣмъ, что бы обставить покупку бо́льшими гарантіями, академическому книгопродавцу Дрехслеру было поручено оцѣнить библіотеку Франка и тотъ опредѣлилъ ей „цѣну въ 15 тысячъ рублей по обыкновенной выпискѣ, кромѣ таковыхъ книгъ, что по рѣдкости своей стоятъ или высокой цѣны, или никакой на нихъ положить нельзя". Тогда объявилъ свою цѣну и самъ владѣлецъ библіотеки, назначивъ ее въ суммѣ 20-ти тысячъ рублей ассигнаціями. Принявъ условія Франка, главное правленіе училищъ въ маѣ мѣсяцѣ вошло къ государю императору съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ испрашивало высочайшее соизволеніе на пріобрѣтеніе библіотеки для „приготовляемаго (sic) казанскаго университета", за 20 тысячъ рублей, уплативъ эту сумму изъ общаго училищнаго капитала, на что 16-го мая и воспослѣдовало высочайшее соизволеніе. Отправленная изъ С.-Петербурга, съ особо-нанятыми возчиками, въ шестнадцати ящикахъ, лишь въ концѣ января слѣдующаго 1809 года, библіотека Франка въ началѣ марта благополучно прибыла въ Казань; извѣщая контору гимназіи объ отправкѣ имъ транспорта, Румовскій преподалъ подробныя наставленія относительно порядка распаковки, провѣрки и храненія всемилостивѣйше пожалованной университету библіотеки. Въ дѣлахъ университетскаго архива хранится и каталогъ библіотеки Франка, относящійся къ 1808 году и заключающій въ себѣ 3433 названія отдѣльныхъ сочиненій [9].

Съ пріобрѣтеніемъ библіотеки лейбъ-медика Франка, университетское собраніе книгъ увеличилось въ своемъ объемѣ болѣе, нежели вдвое,

и стало принимать видъ уже довольно значительной ученой библіотеки, хотя эта библіотека и страдала неполнотою и односторонностью въ подборѣ книгъ, которыя находили себѣ вполнѣ понятное объясненіе въ случайности трехъ главныхъ составныхъ частей, положенныхъ въ ея основаніе—библіотекъ Потемкина (съ вошедшею въ нее библіотекою Евгенія Булгариса), Полянскаго и Франка. Наиболѣе полными явились подборы книгъ по философіи, богословскимъ наукамъ и медицинѣ, но за то другіе научные отдѣлы библіотеки или оказывались представленными въ высшей степени слабо, или же совершенно отсутствовали. Этотъ существенный недостатокъ университетскаго книгохранилища не могъ укрыться отъ вниманія ученаго библіотекаря, проф. Сторля, который 1-го декабря 1809 года и вошелъ въ совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ по этому поводу:

„При случаѣ нынѣ имѣющей быть выписки книгъ для умноженія университетской библіотеки, по долгу своему честь имѣю представить совѣту:

1) Что оная библіотека весьма недостаточна новѣйшаго изданія книгами, что можетъ препятствовать отчасти распространенію познаній, происходящихъ отъ новѣйшихъ открытій и обработанности наукъ.

2) Въ оной библіотекѣ, кромѣ сочиненій г. Александра Сумарокова, нѣтъ ни одного полнаго творенія изъ россійскихъ писателей.

3) Нѣтъ ни одной книги на россійскомъ языкѣ россійской исторіи и принадлежащихъ къ оной другихъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій.

Книги сіи необходимо имѣть какъ для чести университетской библіотеки, такъ по необходимости и преимущественной пользѣ, какую могутъ получать отъ нихъ и г.г. преподающіе науки и слушатели и посторонніе, при посѣщеніи библіотеки для чтенія. Почему, предоставляя все оное на благоусмотрѣніе совѣта, честь имѣю присовокупить къ сему, что, поелику преимущественная выписка вышепоказанныхъ книгъ изъ суммы на содержаніе университетской библіотеки, 1000 рублей, отпускаемой можетъ быть не будетъ никакъ удовлетворительна, тѣмъ болѣе, что теперь много денегъ нужно употребить на переплетъ книгъ и прочее устроеніе библіотеки, да и нужная выписка книгъ всякому г. преподавателю по своей части можетъ быть не терпитъ отлагательства, то не благоугодно ли будетъ совѣту, войдя въ представляемое мною дѣло, представить оное его превосходительству господину попечителю и кавалеру на благоусмотрѣніе“.

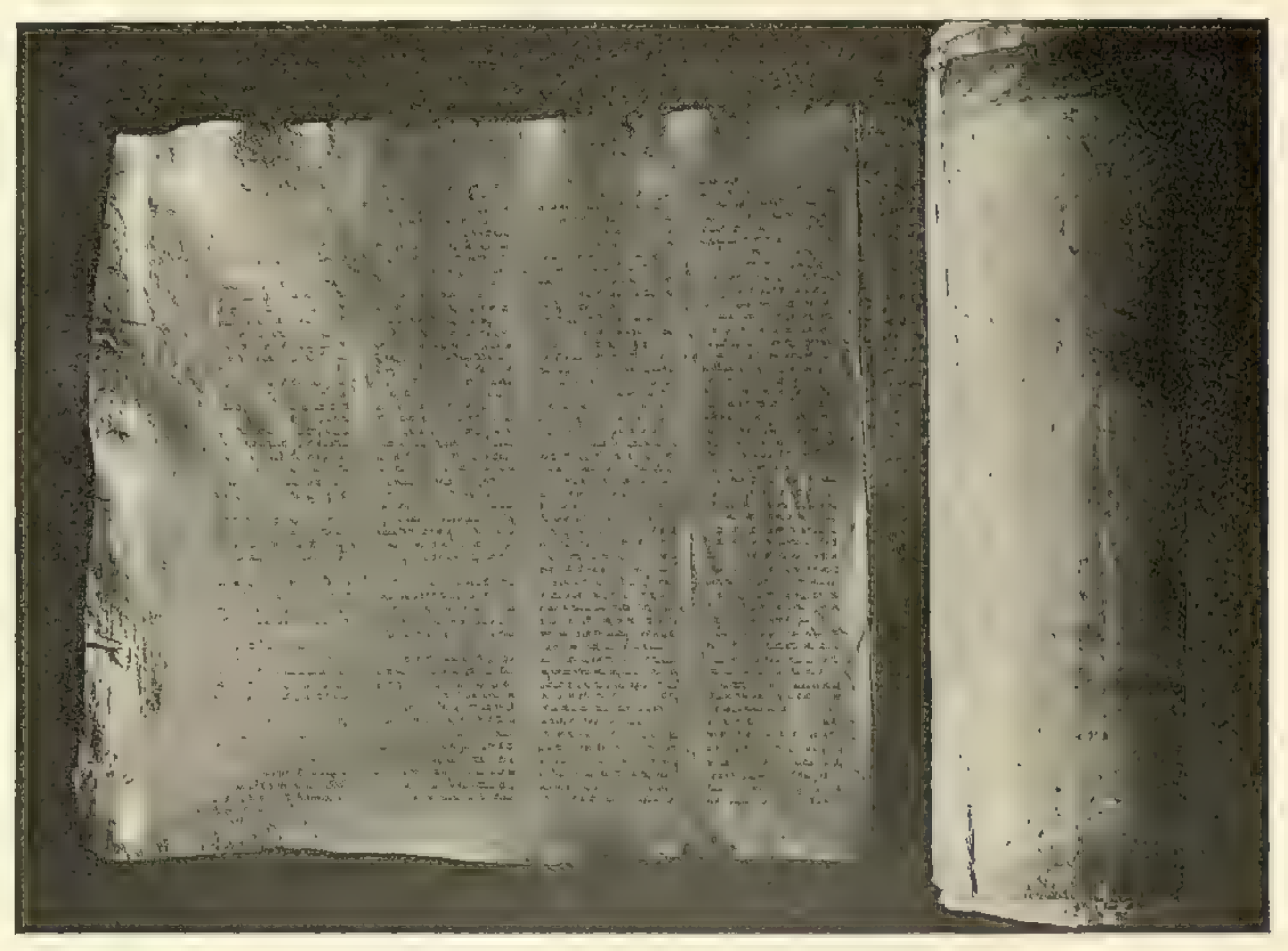
Согласившись съ доводами библіотекаря, совѣтъ въ засѣданіи 23-го декабря опредѣлилъ: „Поелику каждый изъ г.г. профессоровъ и адъюнктовъ въ библіотекѣ университета находитъ ощутительный недостатокъ, въ особенности новѣйшихъ сочиненій, по своимъ частямъ, то и просить

его превосходительство г. попечителя и кавалера покорнѣйше, дабы онъ соизволилъ позволить употребить на сіе 2000 рублей изъ экономической суммы". Отвѣтомъ на это ходатайство явилось предложеніе попечителя отъ 13-го октября 1810 года, которымъ Румовскій объявлялъ совѣту, что государь императоръ изъявилъ высочайшее соизволеніе на единовременный отпускъ изъ хозяйственныхъ суммъ казанскаго университета 5316 рублей для пополненія его библіотеки книгами, съ слѣдующимъ распредѣленіемъ этой крупной ассигновки: а) на книги „по части россійской исторіи, географіи, статистики и на книги всеобщей исторіи, географіи и статистики"—1200 рублей, б) на книги по россійской словесности—500 р., в) „на книги классическія и для класса древностей и двадцать экземпляровъ Пливіевыхъ писемъ"—140 р., г) на книги по греческимъ древностямъ—400 р., д) на сочиненія по восточнымъ языкамъ—400 р., е) для „класса философическаго"—74 р., ж) для чистой математики—1000 р., з) для прикладной математики—154 р., и) на „книги физическія"—350 р., і) на книги по „правамъ естественному и гражданскимъ"—148 р., к) за „книги г. Вуттигомъ представленныя"—350 р.; въ счетъ этой же ассигновки отнесены предположенные расходы на изданіе трудовъ общества любителей отечественной словесности (400 р.) и по составленію „арабской и татарской учебной книги" (200 р.). Постановивъ въ засѣданіи 26-го октября „засвидѣтельствовать его превосходительству отъ имени совѣта благодарность за толикую съ его стороны благосклонность", совѣтъ поручилъ войти въ сношенія по выпискѣ книгъ, русскихъ—съ петербургскими книгопродавцами, поручивъ это дѣло профессору Яковкину, иностранныхъ—съ рижскимъ книгопродавцемъ Гартманомъ, возложивъ это на профессора Финке.

Еще раньше этого, въ самомъ концѣ 1809 года, Румовскій далъ вновь назначенному въ Казань профессору правовѣдѣнія Нейману, въ бытность его въ Петербургѣ, порученіе купить для университета, въ Москвѣ, въ счетъ его хозяйственныхъ суммъ, на 638 рублей книгъ по правовѣдѣнію, которыя въ концѣ января 1810 года и были привезены Нейманомъ съ собою въ Казань.

Въ отчетѣ по университету за 1810 годъ профессоръ Сторль почелъ возможнымъ представить уже подробныя данныя относительно состоянія библіотеки къ истеченію пятаго года существованія университета. Мы узнаемъ изъ этого отчета, что библіотека была раздѣлена на четыре отдѣленія, по которымъ все содержимое ея было распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

Снимокъ съ писаннаго на кожахъ древняго свитка Пятикнижія Моисеева, принадлежащаго библіотекѣ Казанскаго университета.

(Сверху изображеніе футляра, въ которомъ свитокъ хранится).

1) Къ первому отдѣленію библіотеки отнесены книги, отчисленныя въ 1807 году отъ гимназической библіотеки и пріобрѣтенныя самимъ университетомъ. Здѣсь числилось 2145 названій и 4848 томовъ книгъ на различныхъ (преимущественно иностранныхъ, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ французскаго, латинскаго и греческаго) языкахъ и по разнообразнымъ отраслямъ знаній. Въ основѣ этого отдѣленія лежали библіотеки Потемкина и Полянскаго.

2) Второе отдѣленіе образовывала библіотека, пріобрѣтенная отъ лейбъ-медика Франка. Здѣсь показано 3329 названій въ 5638-ми томахъ, съ преобладаніемъ книгъ на нѣмецкомъ (1228 названій) и латинскомъ (1137 названій) языкахъ, а по отраслямъ знаній — книгъ медицинскихъ (2776 названій).

3) Третье отдѣленіе библіотеки составляли „нѣкоторое количество учебныхъ книгъ и ландкартъ, для употребленія студентовъ"; оно являлось, такимъ образомъ, какъ бы эмбріономъ будущей студенческой библіотеки. Это отдѣленіе включало въ себѣ всего 135 книгъ и 8 ландкартъ, да 141 книгу для употребленія во время экзаменовъ.

4) Четвертое отдѣленіе являлось сборнымъ и заключало въ себѣ собраніе самыхъ разнообразныхъ предметовъ; сюда поступали на храненіе и „разныя рѣдкости и достопримѣчательности", изъ которыхъ позже образовались университетскіе кабинеты „натуральный", „минералогическій" и „рѣдкостей". Библіотекарскій отчетъ выдѣляетъ слѣдующія составныя части этого отдѣленія:

а) Рукописи—„коихъ числомъ простирается до 44-хъ; почти всѣ онѣ писаны на россійскомъ языкѣ и не столь древни, кромѣ замѣчательнаго свитка, весьма древняго, на еврейскомъ языкѣ, содержащаго въ себѣ пятикнижіе Моисея".

б) Эстампы, числомъ 133—„почти всѣ же отдѣлены отъ гимназической библіотеки".

в) Атласы и ландкарты—„почти всѣ же отдѣлены также отъ гимназической библіотеки, числомъ 17"; отчетъ особенно отмѣчаетъ здѣсь рукописный „планъ казанской губерніи съ городами и уѣздами" (смотри объ этомъ планѣ выше, стр. 20).

г) Четыре глобуса, два земныхъ и два небесныхъ.

д) „Отпечатки на воскѣ, изображающіе миѳологическіе виды, отдѣленные отъ сказанной (т. е. гимназической) библіотеки, въ ящичкахъ, изъ коихъ въ каждомъ находится около ста изображеній", числомъ—23. Здѣсь рѣчь идетъ о весьма любопытномъ потемкинскомъ собраніи снимковъ съ

камей и рѣзныхъ камней, до сихъ поръ хранящемся въ университетскомъ „музеѣ древностей и искусствъ".

е) „Нынѣ начинающееся собраніе монетъ—числомъ ихъ 88; изъ нихъ 83 древнія болгарскія и 5 русскихъ".

ж) „Въ библіотекѣ же хранится алеутское платье и телеграфъ".

Въ заключеніе отчетъ приводитъ „обозрѣніе всѣхъ частей библіотеки, вообще":

„Вся университетская библіотека замѣщаетъ нынѣ четыре покоя, изъ коихъ два небольшіе, и заключаетъ въ себѣ 23½ шкафа.

	Сочиненій.	Книгъ.
Въ листъ	508	924
Въ четвертую долю	1068	2137
Въ осьмую долю	3904	7425
Итого	5474 (?)	10,486.
Въ третьемъ отдѣленіи	135	135
Всего	5609 (?)	10,621.

Да въ четвертомъ отдѣленіи 311 штукъ".

Изъ только что приведеннаго отчета мы видимъ, что уже съ самаго начала существованія библіотеки при ней было положено начало собранію рукописей. Въ архивныхъ дѣлахъ университета сохранился рукописный „списокъ рукописей библіотеки казанскаго императорскаго университета", составленный 4-го марта 1812 года, вслѣдствіе запроса министра народнаго просвѣщенія, вызваннаго желаніемъ императорской академіи наукъ имѣть свѣдѣнія о древнихъ рукописяхъ, хранящихся въ казанскомъ университетѣ, и получить для разсмотрѣнія и снятія копій тѣ изъ нихъ, которыя могутъ представить научный интересъ. Представляя этотъ списокъ въ совѣтъ, для препровожденія его министру, проф. Сторль далъ заключеніе, что, за исключеніемъ древняго, писаннаго на кожахъ, еврейскаго пятикнижія Моисея, „рѣдкихъ и древнихъ рукописей въ библіотекѣ университетской не находится, а кои есть, то либо уже свѣту весьма извѣстныя и напечатанныя, либо весьма новые уже списки". Кстати объ этомъ рукописномъ „пятикнижіи", не разъ нами упоминавшемся, доставшемся университету вмѣстѣ съ потемкинскою библіотекою и которое интересующіеся могутъ и въ настоящее время видѣть въ университетской библіотекѣ *. Этотъ манускриптъ слѣдующимъ образомъ описанъ въ спискѣ рукописей 1812 года:

* Весьма любопытныя данныя объ этой рукописи интересующіеся найдутъ въ хранящемся въ архивѣ университета «дѣлѣ о еврейской рукописи и Гумбольдтовыхъ сочиненіяхъ» (Попечит. 1812, № 236).

„Свитокъ, содержащій въ себѣ пятикнижіе Моисея на еврейскомъ языкѣ, писанное крупными буквами. Онъ состоитъ изъ 50-ти кожъ, вѣроятно телячьихъ, въ каждой кожѣ отъ трехъ до шести столбцовъ, а именно: на одной кожѣ три столбца, на девяти по пяти, на девяти по шести, на тридцати одной по четыре. Столбецъ писанъ поперекъ свитка, длины имѣетъ около 13-ти вершковъ, ширины около 3-хъ вершковъ, строкъ около 50-ти. Весь свитокъ въ длину 47 аршинъ $6^1/_4$ вершковъ, въ ширину почти аршинъ (отъ $15^1/_4$ до $15^1/_2$ вершковъ). Хранится въ ящикѣ".

Въ виду отзыва профессора Сторля, въ Петербургъ весною 1812 года вытребовано было изъ рукописей библіотеки одно только это древнее „пятикнижіе", которое пролежало въ императорской публичной библіотекѣ въ теченіи цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ и только въ августѣ 1823 года возвращено было казанскому университету по настойчивому требованію о томъ попечителя Магницкаго [10].

27-го января 1813 года скончался профессоръ В. Сторль— первый библіотекарь казанскаго университета. Помощникъ покойнаго по управленію библіотекою, адъюнктъ П. С. Кондыревъ, въ тотъ же день подалъ въ контору гимназіи рапортъ, въ которомъ объявлялъ, что вся отчетность и отвѣтственность по библіотекѣ всецѣло принимается имъ на себя въ виду того, что ключи отъ библіотеки и шкафовъ, равно какъ описи книгъ и вещей, дѣла и деньги на текущіе расходы—хранились у него, какъ помощника библіотекаря; Кондыревъ ставилъ при этомъ на видъ неудобство въ практическомъ отношеніи немедленной сдачи библіотеки какому либо другому лицу, по крайней мѣрѣ до пріѣзда въ Казань новаго попечителя М. А. Салтыкова, прибытіе котораго уже со дня на день ожидалось и которому онъ готовился „представить историческій опытъ о библіотекѣ, равно о настоящемъ состояніи оной и предпринимаемыхъ касательно оной мѣрахъ". Этотъ рапортъ, въ которомъ не трудно усмотрѣть скрытное желаніе удержать за собою управленіе библіотекою и сдѣлаться преемникомъ умершаго Сторля, возымѣлъ ожидаемое дѣйствіе и университетскую библіотеку рѣшено было оставить во временномъ завѣдываніи Кондырева.

Лѣтомъ 1813 года Кондыревъ былъ командированъ, въ качествѣ визитатора училищъ, въ города Вятку, Пермь и екатеринбургскій уѣздъ и, уѣзжая изъ Казани, поручилъ исправленіе библіотекарскихъ обязанностей, взамѣнъ себя, своему пріятелю адъюнкту Петровскому. Это временное выбытіе Кондырева изъ Казани послужило поводомъ къ библіотечному инциденту, въ которомъ до извѣстной степени нашла себѣ отраженіе уже

возгоравшаяся борьба нѣмецкой и русской партій и то нерасположеніе, которымъ пользовался Кондыревъ, въ качествѣ ставленника ненавистнаго профессора-директора, не только со стороны совѣтскаго большинства, но и со стороны уже прибывшаго въ Казань новаго попечителя Салтыкова. Едва успѣлъ Кондыревъ выѣхать изъ города, какъ явился къ адъюнкту Петровскому профессоръ Реннеръ и, именемъ попечителя, отобралъ у него библіотечные ключи. Слѣдомъ затѣмъ поступило въ совѣтъ заявленіе профессора Реннера, заслушанное въ засѣданіи 30-го іюля, въ которомъ онъ доводилъ до свѣдѣнія совѣта, что, посѣтивъ наканунѣ университетскую библіотеку, онъ къ крайнему своему удивленію нашелъ въ одномъ изъ ея помѣщеній нѣсколько наполненныхъ мукою посудинъ (mehrere mit Mehl eingefüllte Gefaesse), поставленныхъ здѣсь на храненіе адъюнктомъ Кондыревымъ, въ виду чего и просилъ совѣтъ принять соотвѣтствующія мѣры, такъ какъ эта мука представляется опасною для библіотеки приманкою мышамъ и крысамъ. Совѣтъ опредѣлилъ: „такъ какъ ключъ отъ библіотеки находится у г. профессора Реннера, то и предоставить ему выставить сію посуду съ мукою въ безопасное мѣсто". Возвратившись изъ командировки въ Казань, Кондыревъ былъ крайне раздраженъ поступкомъ Реннера, въ которомъ усмотрѣлъ направленную противъ себя личность, и 20-го августа въ свою очередь вошелъ въ совѣтъ съ объясненіемъ по поводу инцидента съ мукою: „Прибывъ въ Казань,— заявлялъ здѣсь Кондыревъ,—съ прискорбіемъ узналъ я, что деревянный ящикъ, крѣпкій и почти закупоренный такъ, что едва могла пройти туда и муха, находившійся съ мукою въ чуланѣ при библіотекѣ, по письменному представленію г. профессора Реннера совѣту, яко бы мыши отъ сего могли разводиться въ библіотекѣ и портить книги, оный ящикъ былъ вынесенъ въ сѣни надворные и проходные, а послѣ въ корридоръ, не весьма также удобный во всякое время къ храненію муки". Нахожденіе въ помѣщеніи библіотеки принадлежащаго ему ящика съ мукою Кондыревъ объяснялъ тѣмъ, что послѣ бывшаго въ его квартирѣ пожара онъ получилъ квартиру рядомъ съ библіотекою, но настолько тѣсную, что ему волею-неволею довелось поставить нѣкоторыя вещи, а въ числѣ ихъ и ящикъ съ мукою—„въ пустомъ и закрытомъ мѣстѣ библіотеки". Кондыревъ заявляетъ при этомъ, что онъ не посмѣлъ бы утруждать совѣтъ настоящимъ объясненіемъ въ томъ случаѣ, если бы протестъ Реннера былъ словеснымъ; но разъ этотъ протестъ „внесенъ,—говоритъ онъ,—въ протоколъ совѣта для моего обвиненія въ слабомъ надзорѣ за библіотекою", онъ считаетъ себя обязаннымъ выяснить дѣло, въ тѣхъ видахъ, дабы „обстоя-

тельство сіе, сдѣлавшееся теперь явственнымъ, ни мало не было приписано мнѣ въ худую сторону".

Пустой, самъ по себѣ, инцидентъ съ мукою являлся для Кондырева какъ бы предзнаменованіемъ близкой конкурренціи, которая уже готовилась ему со стороны профессора Реннера, представителя противной ему и его патрону Яковкину совѣтской партіи; какъ противъ профессора-директора выдвигалась новая сила въ лицѣ будущаго перваго выборнаго ректора Брауна, такъ и противъ Кондырева выставляли новаго кандидата въ лицѣ профессора Реннера. Это не преминуло выясниться на университетскихъ выборахъ по поводу предстоявшаго полнаго открытія университета, происходившихъ 4-го сентября 1813 года, слѣдовательно всего недѣли двѣ спустя послѣ окончанія библіотечной исторіи съ мукою. Мы уже знаемъ, что эти выборы едва не лишили Кондырева управленія библіотекою: на должность библіотекаря избраннымъ оказался какъ разъ его противникъ, профессоръ Реннеръ, и только вмѣшательство попечителя, вызванное соображеніями экономическаго характера, парализовало это избраніе. Выборы уже были закончены, когда въ собраніи совѣта получено и тутъ же заслушано предложеніе попечителя, которымъ Салтыковъ предписывалъ отложить до будущаго времени избраніе библіотекаря,—„поелику нынѣшнее состояніе библіотеки не требуетъ, что бы находились при оной два чиновника, изъ коихъ уже одинъ (т. е. Кондыревъ) находится въ дѣйствительной службѣ, а получаемая на библіотекаря штатная сумма можетъ быть употреблена въ пользу библіотеки, бѣдной многими изданіями" *.

Намъ извѣстно, что гимназія, въ сентябрѣ 1811 года переведенная во вновь отстроенное для нея помѣщеніе, не долго оставалась отдѣленною отъ университета: уступивъ осенью 1812 года собственное новое помѣщеніе свое временно перевезеннымъ въ Казань московскимъ женскимъ институтамъ, она снова пріютилась въ старыхъ своихъ, теперь уже университетскихъ, зданіяхъ, въ которыхъ и оставалась до іюля слѣдующаго 1813 года. Это вторичное отдѣленіе гимназіи отъ университета дало Кондыреву основаніе войти въ совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ отъ 20-го августа 1813 года:

„Поелику нынѣ гимназія изъ университетскаго корпуса выведена, то не благоугодно ли будетъ позволить занять для библіотеки принадлежавшія къ ней двѣ комнаты, занимаемыя нынѣ помощниками инспектора студентовъ. Для кабинета же естественной исторіи весьма нужно

---

* См. томъ I, стр. 484.

будетъ отдѣлить особенные покои, тѣмъ болѣе, что въ библіотекѣ надлежитъ учредить комнату для чтенія получаемыхъ періодическихъ изданій и вѣдомостей и для чтенія книгъ рѣдкихъ, и студентами— обыкновенныхъ коренныхъ (sic) библіотечныхъ".

Это предложеніе повлекло за собою выполненіе обоихъ предначертаній Кондырева—и выдѣленіе изъ библіотеки „натуральнаго" кабинета, обособившагося въ самостоятельное университетское учебно-вспомогательное учрежденіе, и устройство при библіотекѣ особой читальной комнаты.

Совершившееся отдѣленіе гимназіи отъ университета послужило поводомъ и къ одному домогательству совѣта гимназіи, конечно не чуждому иниціативы ея директора Яковкина, теперь, съ совершившимся полнымъ открытіемъ университета и съ торжествомъ своего непримиримаго противника Брауна, не только устранившагося отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ университета, но ставшаго даже въ открытую оппозицію тѣмъ самымъ университетскимъ интересамъ, которые раньше имъ же ревностно поддерживались передъ покойнымъ Румовскимъ. Это особенно наглядно сказалось въ относящейся къ самому началу 1815 года попыткѣ гимназіи оттягать отъ университета потемкинскую библіотеку и старое собраніе зоологическихъ препаратовъ, относительно которой правленіе университета въ слѣдующихъ чертахъ представляло совѣту отъ 22-го января того же года:

„Совѣтъ казанской гимназіи сообщеніемъ прописываетъ: 1) Какъ по уставу казанской гимназіи постановлено преподавать въ ней натуральную исторію, которая и преподается, а для вящихъ успѣховъ обучающихся сей наукѣ еще въ 1800 году купленъ натуральный кабинетъ, состоящій изъ 128-ми банокъ съ животными въ спирту*, но кабинетъ сей, купленный на гимназическую сумму, донынѣ остается еще въ университетской библіотекѣ; 2) Библіотека послѣ покойнаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, находившаяся въ Екатеринославѣ, всемилостивѣйше блаженныя памяти государемъ императоромъ Павломъ I пожалована императорской казанской гимназіи, и какъ переведена она оттуда въ Казань, такъ и расположена въ шкафахъ на счетъ гимназіи казанской; но она донынѣ остается въ вѣдомствѣ университета казанскаго, вмѣстѣ съ купленными на значительную сумму книгами".

---

* Эти препараты были пріобрѣтены директоромъ гимназіи Соколовымъ въ Петербургѣ, въ 1799 году, вмѣстѣ съ другими учебными пособіями, въ счетъ общей, употребленной на эти покупки, гимназической суммы въ 5828 р. 18 коп. (см. Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», XVIII вѣкъ, II, стр. 23.

Заслушавъ это представленіе въ засѣданіи 27-го января, совѣтъ университета опредѣлилъ: „1) Просить г. министра, дабы благоволено было музей натуральной исторіи оставить при университетѣ, гдѣ отъ онаго большей пользы ожидать можно при преподаваніи лекцій, нежели въ гимназіи; 2) Какъ по предписанію г. министра отъ 29-го августа 1812 года за № 729-мъ, пункта перваго, который гласитъ, что бы отдѣленныя изъ библіотеки казанской гимназіи, по распоряженію бывшаго попечителя, для составленія университетской библіотеки книги считать принадлежащими университету, о чемъ и дать знать гимназіи". Вопросъ о неотъемлемой принадлежности университету бывшей потемкинской библіотеки разрѣшился, такимъ образомъ, самъ собою; что же касается вопроса о судьбѣ „музея натуральной исторіи", то и онъ разрѣшился въ пользу университета предложеніемъ министра отъ 26-го февраля, въ которомъ графъ Разумовскій сообщилъ о своемъ согласіи на то, „что бы музей естественной исторіи, принадлежащій казанской гимназіи и состоящій изъ 128-ми банокъ, присоединенъ былъ вовсе къ университетскому кабинету". Такъ завершилась неудачею и эта попытка Яковкина вступить въ коллизію съ освободившимся изъ подъ его полновластной опеки казанскимъ университетомъ [11].

Въ августѣ 1816 года состоялось крупное измѣненіе въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія: за послѣдовавшимъ увольненіемъ отъ званія министра графа А. К. Разумовскаго, въ исправленіе должности министра съ 10-го числа этого мѣсяца вступилъ князь А. Н. Голицинъ. Новый управляющій министерствомъ уже отъ 22-го августа затребовалъ доставленія ему подробныхъ свѣдѣній относительно состоянія казанскаго университета, со всѣми находящимися при немъ учрежденіями. Въ исполненіе министерскаго предписанія, въ началѣ сентября 1816 года составленъ былъ Кондыревымъ подробный отчетъ по библіотекѣ, заключавшій въ себѣ не только данныя относительно современнаго положенія этого учрежденія, но и „историческое воззрѣніе" на его постепенное образованіе. Мы остановимся съ нѣкоторою подробностью на этомъ библіотечномъ отчетѣ, датированномъ 13-мъ числомъ сентября, такъ какъ въ немъ подведены итоги первому десятилѣтію существованія библіотеки казанскаго университета.

Не касаясь исторической части отчета, излагающей факты, намъ уже извѣстные, начнемъ съ представленныхъ Кондыревымъ свѣдѣній о личномъ составѣ и штатѣ библіотеки:

„Въ началѣ 1813 года, по смерти профессора Сторля,—читаемъ въ отчетѣ,—управленіе библіотекою поручено г. Кондыреву, что, потомъ,

подтверждено въ 1814 году и отъ г. министра 1815 года, тѣмъ, что профессору Кондыреву, до того времени безъ жалованья должность исправлявшему, положено жалованья 300 рублей, библіотекарское же жалованье, 400 рублей, положено употреблять на пріумноженіе библіотеки книгами. Штатной суммы отпускается по 1000 рублей въ годъ, изъ коей употребляется на дѣланіе шкафовъ, на содержаніе сторожей и другіе мелочные расходы, а затѣмъ на покупку книгъ.

При библіотекѣ находятся: 1) профессоръ Кондыревъ, должность библіотекаря отправляющій, 2) магистръ Булыгинъ, безмездно помогающій г. профессору, 3) губернскій секретарь Николай Турчаниновъ и 4) студентъ Василій Теласковъ—для письмоводства и вспомоществованія по разнымъ предметамъ, первый безмездно, а второй получаетъ по 200 рублей въ годъ жалованья. Сверхъ того находятся: 1) переплетчикъ Эдуардъ Юргенсъ, по условленной цѣнѣ переплетающій книги и пользующійся казенною квартирою и дровами; 2) для выписки иностранныхъ книгъ коммиссіонеръ Гартманъ, книгопродавецъ въ Ригѣ, русскія же книги выписываются чрезъ книгопродавцевъ Свѣшникова, въ Москвѣ, и Мейера, въ С.-Петербургѣ; 3) два сторожа, а въ случаѣ нужды и три. По предписанію г. попечителя предполагается подъ вѣдѣніемъ библіотеки завести университетскую книжную лавку *, также имѣть учениковъ изъ русскихъ у переплетчика".

Во второй половинѣ 1816 года библіотека занимала въ нижнемъ этажѣ главнаго университетскаго корпуса уже восемь отдѣльныхъ комнатъ **, изъ которыхъ одна, по порядку первая, была обращена въ читальную для посѣтителей комнату; всѣ эти комнаты, за исключеніемъ одной, были со сводами и съ желѣзными, въ девятнадцати своихъ окнахъ, рѣшетками. Открывалась библіотека для посѣтителей только два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, съ 11-ти часовъ утра. Даетъ отчетъ свѣдѣнія и о посѣщеніи библіотеки: „Постороннихъ посѣтителей бываетъ мало, но г.г. профессоры и адъюнкты, кои одни, по уставу, имѣютъ право брать книги изъ библіотеки на домъ, большею частью берутъ въ сіе время книги; впрочемъ, посѣтители бываютъ нерѣдко и въ другіе дни, по особенному извѣщенію начальника библіотеки. Рукописи, картины и весьма рѣдкія или дорогія изданія хотя и возбраняется, вообще, брать на домъ, однакожъ есть исключенія для г.г. профессоровъ при особенныхъ предосторожностяхъ".

---

* См. томъ II, стр. 347.

** См. планъ стараго зданія гимназіи (университета), приложенный (приложеніе V) къ первому тому нашего труда. Здѣсь комнаты, занятыя въ нижнемъ этажѣ зданія библіотекою, значатся подъ цифрою 2,—за исключеніемъ юго-западной угольной, составлявшей квартиру помощника библіотекаря.

Далѣе помѣщены данныя о количествѣ книгъ. Опуская свѣдѣнія о количествѣ книгъ по отдѣльнымъ составнымъ частямъ библіотеки (библіотеки Потемкина, Полянскаго и Франка) и отмѣтивъ здѣсь развѣ только тотъ фактъ, что въ 1814 году изъ библіотеки Франка было отдѣлено до ста дублетовъ для библіотеки московскаго университета, остановимся на цифрахъ, обрисовывающихъ составъ библіотеки ко времени представленія отчета:

„По счету, въ семъ 1816 году учиненному,—заявляетъ отчетъ,—вся библіотека въ 43-хъ шкафахъ заключаетъ 973 книги въ листъ, 2439 въ четверть листа, 8834 въ осьмушку,—всего же 12,168 (12,246?) книгъ (томовъ). Кромѣ того, имѣетъ она 53 рукописи, по извѣстности ихъ не чрезмѣрно важныя, 133 книгъ и листовъ эстамповъ въ разныхъ форматахъ, 21 атласъ и ландкарты, 4 глобуса, 23 ящика отпечатковъ на воскѣ миѳологическихъ видовъ, 88 монетъ болгарскихъ, модель телеграфа, 5 столовъ, 6 столиковъ, 29 стульевъ“.

Что касается постепенности приращенія библіотеки путемъ покупокъ книгъ и случайныхъ пожертвованій ихъ, то оно не можетъ быть названо особенно интенсивнымъ, такъ какъ, по даннымъ отчета, за промежутокъ времени 1805—1816 годовъ библіотека пріобрѣла этими путями не свыше трехъ тысячъ книгъ (т. е. томовъ).

Профессоръ Кондыревъ даетъ и общую характеристику состава библіотеки. Устанавливая тотъ фактъ, что библіотека „славится многими важными, дорогими и рѣдкими изданіями“, онъ отмѣчаетъ и весьма существенные ея недостатки, естественнымъ образомъ обусловливаемые, конечно, чисто случайнымъ подборомъ вошедшихъ въ нее книжныхъ богатствъ: „Ни для одной науки,—жалуется отчетъ,—нѣтъ необходимаго собранія нужнѣйшихъ книгъ, новѣйшихъ же совсѣмъ нѣтъ. Ни по какой новѣйшей европейской словесности нѣтъ хорошаго собранія писателей, даже и по россійской не полное. Историческая часть неимовѣрно какъ бѣдна. Библіотека восточной словесности должна быть много увеличена. По математикѣ, физикѣ, естественной исторіи—потребно большое количество книгъ. По политическимъ наукамъ и юридическимъ, даже россійскому правовѣдѣнію—много надлежитъ купить сочиненій“.

Весьма любопытными представляются заключительныя pia desideria, высказываемыя Кондыревымъ по отношенію къ библіотекѣ казанскаго университета послѣднихъ годовъ интересующей насъ эпохи:

„Необходимо нужно,—высказываетъ проф. Кондыревъ,—приложить старанія о слѣдующемъ:

1) Университету казанскому предъ другими надлежитъ стараться о собираніи книгъ на восточныхъ языкахъ, какъ изъ европейскихъ государствъ, такъ азіятскихъ и въ самой Россіи. Въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ пріобрѣтать сіе имѣется большая удобность, напримѣръ китайскія, манджурскія и монгольскія—чрезъ директора иркутской гимназіи, татарскія, арабскія, бухарскія, персидскія, турецкія, армянскія и грузинскія—чрезъ кого либо изъ директоровъ училищъ томскихъ, тобольскихъ, оренбургскихъ, саратовскихъ, астраханскихъ и кавказскихъ, а равно при содѣйствіи почетныхъ членовъ князя Г. С. Волконскаго (оренбургскаго военнаго губернатора) и оренбургскаго муфтія.

2) Собирать разныя рѣдкости по части древности, особенно болгарской, билярской и казанской, и монеты болгарскія, хотя на счетъ суммы библіотечной.

3) Собирать снятые виды съ разныхъ достопамятностей и достопримѣчательностей учителями живописи или рисованія въ учебномъ округѣ.

4) Составлять кабинетъ нумизматики, особенно россійской.

5) Искать и не терять случаевъ покупать дешево, по случаю, собранія книгъ въ Казани или индѣ, а въ иностранныхъ земляхъ чрезъ корреспондентовъ, и на аукціонахъ.

6) Увеличить русскую библіотеку нынѣ же.

7) Выписать нѣкоторые иностранные академическіе акты и ученые отличные журналы и труды обществъ.

8) Дополнить недостатки въ изданіяхъ.

9) Хотя мало по малу покупать иностранныя нужнѣйшія книги.

Останавливается Кондыревъ и на вопросѣ о матеріальныхъ средствахъ къ выполненію намѣченныхъ имъ,—и, какъ могли это видѣть читатели, въ довольно широкихъ размѣрахъ,—мѣропріятій къ развитію круга дѣятельности библіотеки, въ задачи которой онъ вводитъ и оріенталистику, и археологію, и нумизматику и, даже, художества. Средства эти усматриваетъ онъ въ слѣдующихъ источникахъ: а) остатки отъ штатной библіотечной суммы въ одну тысячу рублей, б) свободный (въ 400 рублей) штатный окладъ библіотекарскаго жалованья, в) матеріальное содѣйствіе другихъ университетскихъ учрежденій въ пріобрѣтеніи книгъ по касающимся ихъ отраслямъ знанія, г) остатки суммъ отъ личнаго состава университета. Кондыревъ подкрѣпляетъ свои доводы слѣдующею аргументаціею на тему о значеніи библіотеки въ общемъ круговоротѣ духовной жизни университета:

„Библіотека,—заявляетъ онъ,—есть душа всякаго учебнаго высшаго заведенія. Книги для всѣхъ, вообще, преподавателей—предметъ самый

необходимый. Безъ нихъ нельзя сдѣлать успѣховъ въ наукахъ и усовершенствованія, безъ чего профессоръ будетъ отправлять должность только обыкновеннаго учителя; безъ нихъ нельзя достигать предположенной въ уставѣ университета цѣли. Въ Казань же ихъ выписывать и трудно и дорого, особенно частному человѣку и, притомъ, такому, который въ нынѣшнюю дороговизну едва живетъ своимъ жалованьемъ. Сіе также имѣетъ вредное дѣйствіе на успѣхи ученія и просвѣщенія въ учебномъ округѣ, управляемомъ университетомъ. Посему попеченіе о библіотекѣ—есть предметъ самый важный".

Отчетъ заканчивается указаніемъ мѣропріятій внѣшняго характера, необходимыхъ для благоустройства и безопасности библіотеки: выводка свода въ одной изъ библіотечныхъ комнатъ, не имѣющей таковаго, устройство желѣзныхъ входныхъ въ библіотеку дверей, выстиланіе половъ кирпичемъ—„если же сумма позволитъ, то впредь для библіотеки построить и особый каменный флигель со всѣми предосторожностями отъ пожара, въ который всего опаснѣе потерять невозвратно первое сокровище университета" [12].

Недостаточность ассигнуемыхъ на библіотеку средствъ являлась побудительною причиною неоднократныхъ ходатайствъ совѣта университета объ усиленіи скромнаго бюджета этого важнаго учебно-вспомогательнаго учрежденія.

Первое, вполнѣ ясно и опредѣленно выраженное, ходатайство въ этомъ направленіи было предпринято въ январѣ 1816 года, по иниціативѣ ректора университета И. О. Брауна, вошедшаго въ засѣданіе совѣта отъ 7-го января съ предложеніемъ „ходатайствовать чрезъ начальство у престола монаршаго объ отпускѣ изъ общаго училищнаго капитала средствъ на преумноженіе книгами библіотеки". Профессоръ Браунъ мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что „за расходами по библіотекѣ изъ суммы, на преумноженіе оной книгами положенной, остается на покупку книгъ до 500, или даже менѣе, рублей, на каковую сумму, по невыгодному нынѣ денежному курсу и по малости оной, едва какія либо, и то въ небольшомъ количествѣ, книги можно купить, между тѣмъ какъ библіотека и безъ того чрезвычайно недостаточна необходимѣйшими книгами". Согласившись съ доводами ректора, совѣтъ опредѣлилъ ходатайствовать объ ассигнованіи изъ общаго училищнаго капитала пособія на нужды библіотеки въ размѣрѣ одной тысячи рублей въ годъ, но ходатайство это успѣхомъ не увѣнчалось, о чемъ попечитель округа Салтыковъ и былъ поставленъ въ извѣстность слѣдующимъ письмомъ министра народнаго просвѣщенія отъ

14-го февраля 1816 года: „Хотя причины, по которымъ совѣтъ казанскаго университета испрашиваетъ прибавки по тысячѣ рублей въ годъ изъ училищнаго капитала, нельзя не признать уважительными, но поелику капитала сего, за расходами, по штатамъ положеннымъ, остается весьма малое число, такъ что, по недостаточному отпуску онаго въ прошломъ 1815 году, я нашелся принужденнымъ даже изъ положенной по штату на харьковскій университетъ суммы въ томъ году убавить 19,200 рублей, въ полученіи же новой отъ казны суммы, кромѣ училищнаго капитала, въ настоящее время успѣха не предвидится—то остается университету довольствоваться деньгами, положенными на библіотеку по штату онаго".

Едва истекло съ небольшимъ полгода послѣ этого отказа, какъ совѣтомъ университета было предпринято вторичное ходатайство относительно предоставленія средствъ на удовлетвореніе вопіющихъ нуждъ университетской библіотеки. На этотъ разъ, согласно предложенію профессора Кондырева отъ 17-го августа, ходатайство было предпринято уже въ другомъ направленіи: въ виду признанной министромъ безнадежности полученія необходимой суммы изъ средствъ государственнаго казначейства, совѣтъ постановилъ просить министра „на покупку книгъ удѣлить изъ остающейся отъ расходовъ штатной отпускаемой суммы отъ 500 до 600 рублей въ годъ, что можно дѣлатъ въ концѣ года, послѣ соображеній расходовъ на другіе необходимѣйшіе предметы". Поддержанное попечителемъ, это вторичное ходатайство совѣта было новымъ министромъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, удовлетворено слѣдующимъ предложеніемъ отъ 2-го декабря 1816 года: „По представленію совѣта я согласенъ, дабы на пріумноженіе университетской библіотеки нужнѣйшими книгами употреблено было отъ 500 до 600 рублей изъ остаточной университетской суммы".

Хотя только что упомянутое нами ходатайство совѣта и возбуждало вопросъ о ежегодной ассигновкѣ на нужды библіотеки изъ остаточной университетской суммы, тѣмъ не менѣе министерское разрѣшеніе отъ 2-го декабря было понято въ смыслѣ единовременнаго пособія этому учрежденію. Это видно изъ того, что 23-го октября слѣдующаго 1817 года профессоромъ Кондыревымъ предложено и совѣтомъ принято третье, по счету, ходатайство о томъ же предметѣ, которымъ испрашивалось „подобно прошлогоднему, пособіе на покупку книгъ для библіотеки изъ остающихся къ концу года за расходами отъ неполнаго числа чиновниковъ суммъ университетскихъ", а вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалось „дозволеніе и на слѣдующіе года употреблять на то отъ 500 до 1000 рублей". Соотвѣтствующее представленіе совѣта отъ 29-го октября, уснащенное витіеватыми

сентенціями на тему о первостепенномъ значеніи для университета библіотеки и о невозможности достиженія университетомъ, при настоящемъ неудовлетворительномъ состояніи библіотеки, тѣхъ задачъ, которыя возложены на него монаршею волею, нашедшею себѣ выраженіе въ дарованныхъ ему утвердительной грамотѣ и уставѣ—восходило на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ и увѣнчалось успѣхомъ:

„Главное правленіе училищъ, вслѣдствіе представленія совѣта отъ 29-го октября прошлаго 1817 года, за № 1023-мъ,—предлагалъ попечитель Салтыковъ совѣту отъ 22-го марта 1818 года,—возложило на меня предписать оному совѣту, дабы деньги, отпускаемыя ежегодно на пріумноженіе библіотеки университетской, одна тысяча рублей (т. е. сумма штатная), употреблялась не иначе, какъ собственно на сей токмо предметъ, что же касается до прочихъ необходимыхъ расходовъ по сей части, на которые издерживается университетомъ до 500 рублей, то оные заимствовались бы изъ остатковъ штатныхъ суммъ отъ неполнаго числа университетскихъ чиновниковъ или изъ другой хозяйственной суммы. О чемъ для надлежащаго исполненія оному совѣту и предписываю“ [13].

Послѣдовавшее съ 1816 года увеличеніе библіотечной суммы до полуторнаго, сравнительно съ штатнымъ назначеніемъ его по университетскому уставу, размѣра, открыло университету возможность болѣе оживленной дѣятельности по выпискѣ необходимыхъ для факультетовъ и отдѣльныхъ кафедръ книгъ. Еще въ началѣ 1816 года совѣтомъ университета получено было предложеніе попечителя отъ 19-го января, которымъ вниманію его предлагались слѣдующія руководящія указанія по выпискѣ и покупкѣ для библіотеки книгъ:

„1) Покупать книги, кои по § 79-му устава *, по мнѣнію факультетовъ и, вмѣстѣ, библіотекаря имѣть нужно, стараясь о исполненіи сказаннаго въ § 75-мъ **. Впрочемъ, неизлишне пріобрѣтать весьма дешевыми цѣнами и въ другія времена года нужныя книги, по общему согласію ректора, декановъ и библіотекаря и съ утвержденія совѣта. Но, въ нетерпящемъ времени случаѣ, библіотекарь, съ словеснаго

---

* § 79-ый устава: «Въ университетской библіотекѣ могутъ храниться всѣ печатныя и рукописныя сочиненія, кои, по мнѣнію факультетовъ и библіотекаря, имѣть нужно» и пр.

** § 74-ый устава: «Въ исходѣ года каждое отдѣленіе чрезъ своего декана представляетъ совѣту роспись книгамъ, которыя оно почитаетъ за нужное выписать или купить для библіотеки университетской. Совѣтъ, сообразуясь съ суммою, на пріумноженіе библіотеки положенною, дѣлаетъ изъ оныхъ выборъ».

утвержденія г. ректора, можетъ пользоваться выгоднѣйшими покупками на небольшую сумму нужнѣйшихъ книгъ и для пополненія дефектныхъ изданій, и о томъ доноситъ совѣту.

2) Дабы же видѣть всегда, какія книги изъ многихъ нужнѣйшихъ купить, то каждый профессоръ и адъюнктъ составляетъ полныя росписи книгъ, кои они почитаютъ нужными для библіотеки, и въ каждый годъ дѣлая къ сему прибавленіе, ежегодно показываютъ, что изъ ихъ росписей въ скорѣйшее время купить. Сихъ росписей, добавленій и извлеченій одинъ экземпляръ доставляютъ они въ библіотеку, а другой въ отдѣленіе, которое ежегодно изъ извлеченій сихъ, по нужномъ соображеніи, дѣлаетъ выборъ. Деканы же, сдѣлавъ съ библіотекаремъ по сему выбору соображенія, представляютъ оное въ совѣтъ".

До нашего времени сохранился въ архивѣ университета цѣлый рядъ дѣлъ по представленіямъ факультетовъ, отдѣльныхъ представителей каѳедръ и библіотекаря относительно выписки и покупокъ для университетской библіотеки книгъ и другихъ пособій, обнимающихъ собою 1816—1819 годы и сообразованныхъ съ только что приведенными руководящими указаніями и статьями устава. Укажемъ,—и то только въ видѣ примѣра,—нѣкоторыя изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ библіотекою за этотъ промежутокъ времени: въ апрѣлѣ 1817 года куплено у адъюнкта Ренарда, за 125 рублей, собраніе указовъ (по представленію секретаря совѣта профессора барона Врангеля) и за 117 рублей восемьнадцать восточныхъ рукописей (представленіе библіотекаря профессора Кондырева); въ августѣ того же года куплено у профессора Броннера за 307 рублей собраніе его книгъ, стоющее, по представленію библіотекаря Кондырева—„не менѣе 750-ти рублей"; въ апрѣлѣ 1819 года куплено на 218 рублей юридическихъ книгъ послѣ покойнаго адъюнкта Алехина (представленіе профессора Солнцева) и т. п. Интересующихся подробностями вопроса относительно порядка пріобрѣтенія книгъ для университетской библіотеки отсылаемъ къ подлинному совѣтскому дѣлу, въ которомъ сгруппированы отдѣльныя производства этого рода за указанный промежутокъ времени [14].

Приведенное нами выше попечительское предложеніе отъ 19-го января 1816 года касается и вопроса о студенческой библіотекѣ, которая въ ту пору существовала еще чисто фактически и въ формахъ довольно неопредѣленныхъ.

Уже слѣдомъ за открытіемъ университета для студентовъ начали выписыватъ необходимѣйшія учебныя книги и пособія, которыя сдавались для храненія, на общихъ основаніяхъ, въ университетскую библіотеку; мы видѣли изъ отчета по библіотекѣ за 1810 годъ (см. выше стр. 25),

что въ такъ называвшемся „третьемъ отдѣленіи“ ея было сосредоточено „нѣкоторое количество учебныхъ книгъ и ландкартъ для употребленія студентовъ“, которое было, впрочемъ, весьма невелико—всего 135 книгъ и 8 ландкартъ, да 141 книга для употребленія при экзаменахъ. Пользованіе этими книгами представлялось для студентовъ крайне затруднительнымъ, такъ какъ, въ силу университетскаго устава (§ 78), брать книги изъ библіотеки дозволялось исключительно только профессорамъ и адъюнктамъ. На это неудобство было обращено профессоромъ Броннеромъ вниманіе уже вскорѣ послѣ принятія имъ должности инспектора студентовъ и 19-го ноября 1814 года онъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, которымъ проектировалъ разрѣшить студентамъ пользованіе книгами изъ университетской библіотеки, на условіяхъ внесенія ими денежнаго залога въ размѣрѣ стоимости забираемой книги и на срокъ въ десять дней, по истеченіи котораго съ задержавшаго книгу должно было взиматься по одной копѣйкѣ пени за каждый день просрочки. Такъ какъ это предположеніе, шедшее въ разрѣзъ съ опредѣленіемъ устава, не осуществилось, то Броннеръ прибѣгнулъ къ другой мѣрѣ обезпеченія студентамъ пользованія необходимыми имъ пособіями, сосредоточивая при инспекціи небольшое собраніе книгъ, которымъ казенные студенты могли бы пользоваться уже безвозбранно. Правленіе, повидимому, сочувствовало этому начинанію, не имѣвшему себѣ, впрочемъ, опоры въ дѣйствовавшихъ постановленіяхъ и оказывало Броннеру матеріальное содѣйствіе, благодаря которому являлась возможность дѣлать для библіотечки, отъ времени до времени, новыя пріобрѣтенія; такъ, въ мартѣ 1815 года правленіемъ пріобрѣтено было для студенческой библіотеки небольшое собраніе книгъ у профессора Германа, въ ноябрѣ того же года куплено для студентовъ такое же собраніе книгъ, оставшихся послѣ профессора Лубкина и т. п.

Надо думать, что эта студенческая библіотечка при инспекціи въ достаточной степени удовлетворяла потребности студентовъ въ книгахъ, такъ какъ въ началѣ 1816 года существованію ея дана была оффиціальная санкція, вслѣдствіе чего она и приняла характеръ уже самостоятельнаго университетскаго учрежденія, пользующагося легальнымъ правомъ на существованіе: цитированнымъ нами предложеніемъ попечителя отъ 19-го января 1816 года было предписано передать въ распоряженіе инспектора, для надлежащаго ихъ „употребленія“, всѣ учебныя книги „въ библіотекѣ хранящіяся и купленныя для студентовъ“; къ этому было попечителемъ добавлено, что „поелику студенты брать книгъ изъ библіотеки, по силѣ § 78-го, не могутъ, то постараться и впредь г. инспектору продолжать столь

похвальное заведеніе для нихъ особенной библіотеки". Весьма возможно, что на мысль создать при инспекціи самостоятельную студенческую библіотеку натолкнуло Салтыкова предъявленное Броннеромъ 23-го декабря 1815 года передъ правленіемъ ходатайство объ отпускѣ въ его распоряженіе, „смотря по обстоятельствамъ, рублей 500 на пріобрѣтеніе, для потребностей студентовъ, словарей латино-русскихъ, нѣмецко-русскихъ и французско-русскихъ, а также нѣсколькихъ геодезическихъ атласовъ". Это ходатайство было удовлетворено и уже 1-го января 1816 года просимая сумма передана Броннеру, въ теченіи всего этого года расходовавшему ее на пріобрѣтеніе книгъ и пособій; такъ, въ мартѣ куплено имъ на 50 р. 50 коп. книгъ у профессора Литтрова и на 12 р. 25 коп. у профессора Финке, въ апрѣлѣ на 20 р. у профессора Эриха и т. п., и только 21-го декабря представлено было Броннеромъ правленію донесеніе о томъ, что вся отпущенная ему на пріобрѣтеніе для студенческой библіотеки книгъ сумма—исчерпана. Учрежденная проф. Броннеромъ студенческая библіотека продолжала свое существованіе и послѣ выбытія его изъ Казани; такъ, 20-го іюля 1818 года его преемнику проф. Брейтенбаху было выдано правленіемъ 45 рублей „на покупку шкафа для храненія студентской библіотеки". Возникновеніе студенческой библіотеки, въ качествѣ особаго отдѣленія общей университетской библіотеки—представляетъ собою явленіе уже болѣе позднихъ эпохъ жизни университета [15].

Сравнительная несложность университетскаго библіотечнаго дѣла въ интересующую насъ эпоху, обусловливавшаяся и относительно небольшимъ объемомъ самой библіотеки, не вызывала потребности въ сколько нибудь подробной регламентаціи устройства этого учебно-вспомогательнаго учрежденія и управленія имъ; въ этомъ отношеніи возможнымъ являлось ограничиваться немногими указаніями дѣйствующаго университетскаго устава, указаніями практики и личнымъ усмотрѣніемъ университетскаго начальства и библіотекаря. Предпринимались, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя мѣры контроля по отношенію къ библіотекѣ. Эти мѣры контроля выражались, прежде всего, въ составленіи въ концѣ каждаго года отчетовъ по библіотекѣ, которые и включались въ представлявшіеся высшему начальству общіе годичные отчеты по университету, а также въ составленіи, по требованію того же начальства, „особенныхъ" отчетовъ. Такіе экстренные и, конечно, уже болѣе подробные отчеты представлялись всѣми учрежденіями университета въ виду перемѣнъ въ высшей администраціи вѣдомства народнаго просвѣщенія, именно: въ 1810 году—по поводу назначенія новаго министра графа Разумовскаго; въ 1813 году—по поводу при-

бытія въ Казань новаго попечителя округа Салтыкова; въ 1816 году—въ виду вступленія въ управленіе министерствомъ князя Голицина; въ 1819 году—по требованію ревизовавшаго университетъ Магницкаго.

Къ числу мѣръ контроля надъ библіотекою должны быть отнесены и „освидѣтельствованія", т. е. ревизіи, ея. Первое указаніе на такое освидѣтельствованіе библіотеки, предпринятое по предложенію профессора-директора Яковкина, относится къ августу 1811 года, причемъ ревизовавшіе ее профессоры Бартельсъ, Литтровъ и Реннеръ рапортовали совѣту, что „нашли библіотеку въ должномъ порядкѣ". Слѣдующее указаніе на освидѣтельствованіе библіотеки, порученное совѣтомъ профессору Цеплину, пріурочивается къ исходу 1815 года. Результатомъ этой ревизіи явилось заключеніе Цеплина о неудовлетворительномъ состояніи библіотечныхъ каталоговъ, которому суждено было очень долго оставаться ахиллесовою пятою университетскаго библіотечнаго дѣла, еще въ январѣ 1813 года обратившею на себя вниманіе новаго попечителя округа Салтыкова. Обсудивъ представленіе профессора Цеплина въ засѣданіи 22-го марта 1816 года, совѣтъ университета постановилъ предложить всѣмъ факультетамъ начертать „конспекты наукъ, каждому по своей части", съ тѣмъ, что бы эти конспекты могли быть положены въ основу будущаго систематическаго каталога библіотеки. Требуемые „конспекты" были въ началѣ мая всѣми факультетами представлены и, постановленіемъ совѣта отъ 12-го мая, препровождены къ г. профессору Цеплину „для составленія общаго таковаго же" конспекта уже по всѣмъ отраслямъ университетскаго знанія—но предположенію о составленіи систематическаго каталога библіотеки не было суждено осуществиться на протяженіи долгаго ряда лѣтъ позднѣйшей жизни казанскаго университета; оно остается и въ наши дни, на рубежѣ второго столѣтія существованія университета, такою же неотложно ожидающею своего удовлетворенія потребностью, какою представлялось въ глазахъ университетскаго совѣта и девяносто лѣтъ тому назадъ [16]....

Довольно любопытнымъ представляется въ исторіи казанской университетской библіотеки интересующей насъ эпохи дѣло о пожертвованіи купца Зимнякова, затянувшееся почти на два года и являющееся характерною иллюстраціею тѣхъ побужденій, во имя которыхъ и раньше дѣлались, да еще и въ наши дни дѣлаются, пожертвованія на общеполезныя цѣли. Весною 1817 года петербургскій купецъ Сергѣй Зимняковъ представилъ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицину заявленіе о своемъ желаніи принести казанскому университету въ даръ цѣлую библіотеку, приложивъ къ своему заявленію и каталогъ жерт-

вуемыхъ книгъ. Каталогъ этой библіотеки, оказавшейся, въ сущности, случайнымъ складомъ книгъ самаго разнороднаго содержанія, былъ препровожденъ министромъ попечителю Салтыкову, а этимъ послѣднимъ, при письмѣ отъ 18-го мая—ректору казанскаго университета, съ предложеніемъ „учредить изъ г.г. профессоровъ комитетъ для разсмотрѣнія, какія изъ сихъ книгъ могутъ быть полезны университету". Комитетъ изъ декановъ, образованный съ этою цѣлью постановленіемъ совѣта отъ 19-го іюня, пришелъ къ выводамъ отрицательнымъ по отношенію къ научному значенію предлагаемаго университету дара:

„Вслѣдствіе выписки изъ протокола совѣта казанскаго университета отъ 19-го іюня,—читаемъ въ представленіи комитета отъ 30-го іюня,— мы разсматривали каталогъ книгъ, жертвуемыхъ с.-петербургскимъ купцомъ Зимняковымъ казанскому университету, и нашли, что книгъ, которыя могли бы быть полезны для казанскаго университета, находится весьма мало, а очень много маловажныхъ. Кромѣ того, нѣкоторыя записаны вдвойнѣ, каковыхъ, притомъ, не мало; мы нашли даже одну и ту же книгу съ разною цѣною. Цѣны назначены, по большей части, неумѣренныя. Книга подъ № 30-мъ, имѣющаяся въ 250-ти экземплярахъ, по 12-ти рублей каждый и оцѣненная въ 3000 рублей—была бы полезна для горнаго кадетскаго корпуса. Но какое можетъ сдѣлать употребленіе изъ оной казанскій университетъ?"

На цѣлыхъ почти полтора года замолкло слѣдомъ за этимъ отзывомъ дѣло о пожертвованіи купца Зимнякова, но въ концѣ 1818-го года ему суждено было снова, и уже въ нѣсколько иной формѣ, выплыть наружу вслѣдствіе слѣдующаго предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 30-го ноября:

„С.-петербургскій купецъ Сергѣй Зимняковъ пожертвовалъ въ пользу казанскаго университета собраніе книгъ на разныхъ языкахъ, по представленнымъ отъ него двумъ каталогамъ, стоющее, по его показанію, 17,500 рублей и, сверхъ того, деньгами 2200 рублей и на шкафы для книгъ 200 рублей, да на доставленіе книгъ 300 рублей.

За сіе пожертвованіе, по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, одна изъ имѣвшихся у него золотыхъ медалей украшена бриллiантами, для ношенія на шеѣ на голубой лентѣ.

Увѣдомляя о семъ совѣтъ университета для его свѣдѣнія, препровождаю изъ числа упомянутой, пожертвованной Зимняковымъ для университета суммы, 2200 рублей".

Въ половинѣ марта 1819 года полученъ былъ университетомъ и транспортъ съ пожертвованными Зимняковымъ книгами. Свѣдѣнія о составѣ и достоинствѣ этого дара мы находимъ въ докладной запискѣ о состояніи библіотеки казанскаго университета, представленной въ мартѣ того же 1819 года Магницкому: „Въ подаренной библіотекѣ купцомъ Зимняковымъ,—говорится здѣсь,—считается 4155 книгъ, кои большею частью на россійскомъ языкѣ, за симъ на нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ, итальянскомъ и голландскомъ; изданія здѣсь, большею частью, маловажныя, не дорогія и старыя, выключая малое число; много дублетовъ,—напримѣръ Скополи „Металлургіи" * 250 экземпляровъ". Если пожертвованное петербургскимъ купцомъ собраніе книгъ, быть можетъ, и свелось къ извѣстной русской поговоркѣ о томъ, что „даровому коню въ зубы не смотрятъ", тѣмъ не менѣе денежное приношеніе его, пришедшееся университету какъ нельзя болѣе кстати, конечно стоило тѣхъ брилліантовъ, которыми была украшена золотая медаль благотворителя Зимнякова [17].

Послѣднимъ документальнымъ извѣстіемъ о состояніи библіотеки казанскаго университета въ предѣлахъ изслѣдуемой нами въ настоящее время эпохи является составленная библіотекаремъ, профессоромъ П. С. Кондыревымъ, „вѣдомость", представленная въ мартѣ 1819 года ревизору университета, дѣйствительному статскому совѣтнику М. Л. Магницкому, вмѣстѣ съ другими записками о современномъ положеніи университета и его отдѣльныхъ учрежденій. Эта вѣдомость почти дословно повторяетъ тѣ же данныя объ организаціи библіотечнаго дѣла и тѣ же пожеланія относительно лучшей постановки его, которыя уже извѣстны намъ изъ записки, изготовленной Кондыревымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1816 года для князя А. Н. Голицина, почему мы и считаемъ возможнымъ привести изъ этой вѣдомости лишь общія свѣдѣнія относительно расположенія и численнаго состава университетской библіотеки передъ эпохою попечительства Магницкаго:

„По всѣмъ отдѣленіямъ,—читаемъ въ этой вѣдомости,—въ началѣ 1819 года считалось книгъ: въ листъ 994, въ четверку 2557, въ осьмушку 9423,—всего 12,974 книги, а съ подаркомъ купцомъ Зимняковымъ—17,129 книгъ. Книги помѣщаются въ 56-ти шкафахъ, кои состоятъ изъ двухъ отдѣленій, верхняго, со стеклами, и нижняго, съ деревянными затворами. Книги расположены по каталогамъ и азбучному

---

* Скополи: «Металлургія, переведенная на русскій языкъ Андреемъ Нартовымъ» (Спб. 1800).

порядку авторовъ, но сдѣлано уже начало къ устройству оной по наукамъ, что и приведется въ дѣйство *.

Кромѣ показаннаго числа книгъ, библіотека имѣетъ 53 рукописи, 133 книги и листовъ эстамповъ, 35 атласовъ и ландкартъ, 4 глобуса, 16 тетрадей нотъ, 23 ящика отпечатковъ на доскѣ миѳологическихъ видовъ, 156 болгарскихъ монетъ, 20 картинъ рисованія студентовъ, модель телеграфа, 5 столовъ, 6 столиковъ, 29 стульевъ и 2 печати библіотечныя".

Университетская библіотека представила собою единственное учебно-вспомогательное учрежденіе, удостоившееся, относительнаго впрочемъ только, одобренія суроваго ревизора казанскаго университета: „Библіотека университета,—читаемъ въ отчетѣ Магницкаго о произведенной имъ ревизіи,—заслуживаетъ вниманія. Она состоитъ изъ 17,500 томовъ. Двѣ библіотеки, князя Потемкина и доктора Франка—составляютъ главнѣйшее ея основаніе. Въ ней есть многія важныя, рѣдкія и дорогія изданія по богословской и медицинской части; собраніе твореній довольно обильно, но ни для одной части нѣтъ полнаго. Вся библіотека расположена весьма неправильно—не по роду книгъ, но по алфавитному порядку авторовъ. Есть части словесности, по коимъ нѣтъ ни одной книги. По неполнотѣ сей и недополненію ея новѣйшими по разнымъ частямъ твореніями, библіотека сія *представляетъ хотя довольно обширное, но весьма недостаточное и случайное собраніе книгъ*, которое требовало бы большихъ издержекъ, ежели бы нужно было привести его въ надлежащее состояніе" [18].

Въ такомъ видѣ представляются намъ исторія и итоги дѣятельности библіотеки казанскаго университета за первые четырнадцать лѣтъ существованія этого учебно-вспомогательнаго учрежденія.

---

* Не привелось, однако, «въ дѣйство» вплоть до нашихъ дней.

II

Физическій кабинетъ

Начальный физическій кабинетъ казанской гимназіи.—Адъюнктъ Запольскій, первый завѣдующій физическимъ кабинетомъ, и пріобрѣтенія первыхъ лѣтъ существованія университета.—Выдѣленіе физическаго кабинета университета.—Зачатки механическаго заведенія университета.—Механикъ Горденинъ.—Представленіе Запольскаго (1810 г.) о нуждахъ физическаго кабинета.—Профессоръ Ф. К. Броннеръ, второй директоръ физическаго кабинета, и его отзывъ о состояніи этого кабинета.—Записка Броннера о нуждахъ физическаго института университета.—Неудача ходатайствъ въ этомъ направленіи.—Возвращеніе казанской гимназіи ея физическаго кабинета и сопряженное съ этимъ оскудѣніе физическаго института университета.—Пожертвованіе кригсъ-коммиссаромъ П. А. Турчаниновымъ сооруженнаго имъ электрическаго кабинета (1813 г.).—Физическій институтъ въ послѣдующія пять лѣтъ существованія университета.—Состояніе физическаго кабинета весною 1819 года и отзывъ о немъ Магницкаго.

Начало метеорологическихъ наблюденій при казанскомъ университетѣ и при училищахъ округа.—Мѣры къ систематизаціи и обработкѣ метеорологическихъ данныхъ.

Начальная исторія физическаго кабинета казанскаго университета, также какъ и начальная исторія его библіотеки, самымъ тѣснымъ образомъ связана съ совершившимся въ исходѣ XVIII-го вѣка возстановленіемъ императоромъ Павломъ Петровичемъ старой казанской гимназіи.

Мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній относительно состоянія физическаго кабинета казанской гимназіи до ея закрытія въ 1788 году. Едва ли, впрочемъ, и существовалъ при ней таковой; по крайней мѣрѣ историкъ первой казанской гимназіи В. В. Владиміровъ утверждаетъ, что при старой казанской гимназіи „кабинетовъ ни естественной исторіи, ни физическаго, ни прочихъ—не было, а изъ математическихъ пособій было только нѣсколько готоваленъ и землемѣрная цѣпь". Первыя извѣстія о началѣ гимназическаго физическаго кабинета пріурочиваются лишь къ 1799 году, когда первымъ директоромъ возстановленной гимназіи П. А. Соколовымъ были пріобрѣтены въ Петербургѣ, въ счетъ гимназической суммы въ 11,465 р. 65$^3/_4$ коп. и въ числѣ другихъ необходимыхъ для гимназіи предметовъ—„разныя книги и инструменты музыкальные, математическіе и физическіе". Сохранился и списокъ физическихъ инструментовъ и приборовъ, купленныхъ въ то время Соколовымъ, съ обозначеніемъ ихъ стоимости,—именно: гидростатическіе вѣсы (200 р.), „снаряды для показанія троякаго рода (?), съ рычагами, снарядъ равновѣсія твердыхъ тѣлъ въ разныхъ отношеніяхъ и дѣйствіемъ рычаговъ, сложные блоки, снарядъ съ подвижною наклонною плоскостью, снарядъ съ клиномъ" (1000 р.), духовое ружье (150 р.), гіероновъ фонтанъ (175 р.), пирометръ (250 р.), искус-

ственный глазъ (75 р.), „армилярная сфера“ (250 р.), „планетникъ съ Ураномъ“ (500 р.), „машина центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ съ разными тѣлами“ (500 р.), „компасъ съ полными означеніями“ (75 р.),— всего на сумму 3175-ти рублей. Исторія пополненія этого первоначальнаго физическаго кабинета за послѣдующіе, до основанія университета, пять лѣтъ жизни гимназіи—намъ неизвѣстна, но изъ отчета по гимназіи за 1805 годъ мы видимъ, что къ началу 1806 года въ ея физическомъ кабинетѣ числились: машины и инструменты гидростатическіе, гидравлическіе, аэрометрическіе, оптическіе, астрономическіе, электрическіе, химическіе, механическіе, гальваническая машинка и желѣзный бассейнъ [19].

Въ такомъ состояніи представлялся физическій кабинетъ гимназіи ко времени основанія казанскаго университета, которому и приходилось пользоваться имъ въ дѣлѣ преподаванія лекцій по физикѣ. Весьма своеобразною представляется судьба этого кабинета чуть ли не до самой поры полнаго открытія университета: находясь въ завѣдованіи университетскаго преподавателя физики и пополняясь на средства университета, онъ продолжалъ именоваться „гимназическимъ“, хотя въ его инвентарѣ и выдѣлялись инструменты и приборы собственно университетскіе. Это смѣшеніе двухъ физическихъ кабинетовъ продолжалось до августа 1813 года, когда, какъ мы увидимъ ниже, послѣдовало окончательное отдѣленіе кабинета гимназическаго отъ кабинета университетскаго. Только съ этого момента университетскій физическій кабинетъ и можетъ вести свою дальнѣйшую, и уже совершенно самостоятельную, исторію.

Университетское завѣдованіе физическимъ кабинетомъ гимназіи было установлено совѣтомъ этой послѣдней уже три мѣсяца спустя послѣ открытія университета (20-го мая 1805 г.), вслѣдствіе предложенія адъюнкта физики Запольскаго, сославшагося на то, что „въ высочайшемъ уставѣ императорскаго казанскаго университета предписано физическій кабинетъ содержать на отчетѣ того, кто будетъ преподавать физику“. Адъюнкту Запольскому и было поручено управленіе физическимъ кабинетомъ, находившимся въ его завѣдованіи до кончины († 20-го декабря 1810 г.) этого перваго представителя кафедры физики въ казанскомъ университетѣ.

Почти съ самаго момента основанія университета начались и пріобрѣтенія для физическаго кабинета. Такъ, уже 21-го февраля 1805 года совѣтомъ, согласно представленію адъюнкта Запольскаго, разрѣшенъ былъ расходъ изъ гимназической экономической суммы въ 30 рублей на покупку гальванической машины, оставшейся послѣ смерти нѣкоего доктора Ренсинга. Хотя и купленная на средства гимназическія, эта машина была за-

числена въ инвентарь пособій университетскихъ, какъ это видно изъ отчета по университету за 1805 годъ, въ которомъ объ этомъ пріобрѣтеніи значится слѣдующее: „Въ теченіи 1805 года куплена послѣ умершаго доктора медицины Рензинга гальваническая машинка, съ четырьмя книгами касательно сего предмета, съ двумя скобками деревянными и въ деревянномъ ящикѣ, состоящая изъ 79-ти мѣдныхъ и 80-ти цинковыхъ кружковъ, въ діаметрѣ въ два дюйма, при которыхъ двѣ серебряныя цѣпочки со стеклянными разрядниками". Изъ другихъ пріобрѣтеній за этотъ первый отчетный годъ упоминаются лишь—„для доставленія газовъ новый желѣзный бассейнъ", да „въ оправѣ магнитъ натуральный". Весь остальной инвентарь физическаго кабинета показанъ за тотъ же годъ въ отчетѣ по гимназіи. Только что упомянутая „гальваническая машинка" и должна быть признана, такимъ образомъ, первымъ физическимъ приборомъ, пріобрѣтеннымъ въ собственность новорожденнымъ казанскимъ университетомъ [20].

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что начальное зарожденіе университетскаго физическаго кабинета должно быть поставлено въ самую тѣсную связь съ именемъ перваго попечителя казанскаго учебнаго округа С. Я. Румовскаго, который, будучи самъ математикомъ, прилагалъ усиленныя старанія къ насажденію въ молодомъ университетѣ физико-математическаго знанія. Имѣя въ своемъ распоряженіи 2221 рубль 20 коп. университетскихъ денегъ, Румовскій въ теченіи 1807 и начала 1808 годовъ лично произвелъ покупку для университета нѣкоторыхъ физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, которые и легли въ основу физическаго кабинета, а позже и астрономической обсерваторіи университета. Доставленное въ Казань двумя партіями, въ январѣ и мартѣ 1808 года, это пріобрѣтенное Румовскимъ собраніе инструментовъ включало въ себѣ слѣдующіе предметы, которые мы перечислимъ съ указаніемъ, въ скобкахъ, ихъ стоимости:

1) „Пневматическая машина, состоящая изъ станка краснаго дерева, съ двумя мѣдными цилиндрами и тарелками для опытовъ, также съ крюкомъ и ключемъ", съ восемьнадцатью приборами къ ней (500 рублей).

2) „Машина центробѣжныхъ силъ", работы Фергуссона, съ принадлежащими къ ней приборами (450 рублей).

3) Два микроскопа работы Доллонда — „солнечный, съ шестью объективными стеклами, камеръ-обскурою, съ двѣнадцатью дощечками предметовъ темныхъ, одинадцатью для предметовъ прозрачныхъ" и пр., и „сложный, съ шестью предметными стеклами" и пр. (375 рублей).

4) Ахроматическая астрономическая труба Рамздена, „съ тремя перемѣнами глазныхъ стеколъ“ (250 рублей).

5) Секстантъ (225 рублей).

6) Готовальня „отмѣнной работы, для храненія только въ физическомъ кабинетѣ вмѣсто образца“ (80 рублей).

7) Искусственный глазъ (75 рублей).

8) Искусственный спиртовой горизонтъ (25 рублей).

9—11) Барометръ, термометръ и гигрометръ (40 рублей).

Весьма неблагопріятнымъ для развитія учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета условіемъ матеріальнаго характера являлось то обстоятельство, что въ первые два года существованія университета даже не отпускались на содержаніе ихъ суммы, опредѣленныя университетскимъ штатомъ 5-го ноября 1804 года. Только въ засѣданіи совѣта 8-го декабря 1806 года заслушано было предложеніе попечителя о томъ, что, вслѣдствіе его ходатайства передъ министромъ народнаго просвѣщенія, разрѣшены къ отпуску изъ государственнаго казначейства смѣтныя назначенія на учебно-вспомогательныя учрежденія, въ размѣрѣ, указанномъ въ штатѣ, а именно: на ботаническій садъ и на химическую лабораторію—по 1000 р., на анатомическій театръ—800 р., на кабинетъ естественной исторіи—600 р., на физическій кабинетъ—500 рублей. Съ начала 1807 года физическій кабинетъ получилъ, такимъ образомъ, въ свое распоряженіе опредѣленную ежегодную штатную сумму, которая могла открыть путь къ дальнѣйшему развитію этого учебно-вспомогательнаго учрежденія. Румовскій уже во второй половинѣ 1807 года считалъ возможнымъ выдѣленіе университетскаго физическаго кабинета въ самостоятельный институтъ, подобно тому, какъ передъ тѣмъ только совершилось обособленіе и университетской библіотеки; закупая для университета уже извѣстные намъ физическіе инструменты и приборы, онъ писалъ Яковкину отъ 23-го сентября, что бы, по полученіи въ Казани этихъ предметовъ, приняты были мѣры къ образованію собственнаго университетскаго физическаго кабинета, въ который и должны быть перечислены „лучшіе“ инструменты гимназическаго кабинета, оставивъ остальные для гимназіи, о чемъ, для надлежащаго исполненія, и предложить совѣту. Въ ту пору такого обособленія университетскаго физическаго кабинета, однако, не послѣдовало [21].

Еще до основанія университета, при гимназическомъ физическомъ кабинетѣ состоялъ особый механикъ, на обязанности котораго лежали различнаго рода подѣлки и поправки въ принадлежавшихъ гимназіи инструментахъ и приборахъ и который впослѣдствіи, съ обособленіемъ

физическаго кабинета университета, остался въ вѣдомствѣ этого послѣдняго, будучи непосредственно подчиненъ представителю кафедры физики. Въ продолженіи всей интересующей насъ эпохи должность эту занималъ Н. Ф. Горденинъ,—тотъ самый уже знакомый намъ механикъ университета, который въ 1807 году выступалъ съ своимъ проэктомъ „отвращенія дѣйствія французскихъ скрытныхъ губительныхъ баттарей" *. До основанія университета Горденинъ былъ даже чѣмъ то въ родѣ лаборанта при гимназическомъ физическомъ кабинетѣ, что усматривается изъ заявленія адъюнкта Запольскаго отъ 20-го мая 1805 года, въ которомъ Запольскій, ссылаясь на практику предшествовавшихъ двухъ лѣтъ, выяснившую преимущество подготовленія физическихъ опытовъ при помощи воспитанниковъ, ходатайствовалъ передъ совѣтомъ о томъ, что бы ему было самому поручено „съ однимъ или двумя изъ болѣе знающихъ студентовъ приготовленіе опытовъ, оставивъ машиниста при точной его должности—дѣлать новыя и поправлять старыя или повредившіяся машины и инструменты, черезъ что доставится ему и болѣе времени для его занятій"; это заявленіе явилось отголоскомъ недоразумѣній, которыя еще весною 1804 года происходили между Запольскимъ, въ то время учителемъ гимназіи, и гимназическимъ механикомъ. Въ университетскомъ архивѣ сохранились нѣкоторыя данныя о работахъ производившихся Горденинымъ, который былъ, повидимому, мастеромъ, знающимъ свое дѣло, такъ какъ въ 1808 году ему поручено не только приведеніе въ порядокъ присланныхъ Румовскимъ изъ Петербурга инструментовъ, но даже пополненіе нѣкоторыхъ дефектовъ и отдѣльныхъ ихъ частей, утратившихся во время пересылки; еще до того, въ исходѣ 1806 года, тотъ же Горденинъ изготовилъ по порученію университета мѣхъ для химическихъ опытовъ, признанный при его осмотрѣ коммиссіею изъ профессора Фукса и адъюнктовъ Эвеста и Запольскаго „весьма полезнымъ, прочнымъ и гораздо превосходящимъ цѣну (78 рублей 80 коп.), которая выдана на составленіе онаго" [22].

Помимо капитальной закупки, сдѣланной попечителемъ для университетскаго физическаго кабинета въ Петербургѣ, менѣе значительныя пріобрѣтенія производились Запольскимъ и на мѣстѣ, въ Казани. Такъ, въ началѣ мая 1808 года куплены имъ нѣкоторые предметы у пріѣзжавшаго въ Казань оптика Кони, причемъ эти покупки уже строго разграничены на университетскія и гимназическія: для университета пріобрѣтенъ „компасъ съ солнечными часами, цѣною въ 50 рублей", для гимназіи—

* См. томъ I, стр. 203.

ареометръ, сферическое зеркало и призма (на 16 рублей). Въ апрѣлѣ 1809 года куплена у пріѣзжавшаго иностранца Бернгарда „новаго изобрѣтенія превосходная машина для зажиганія горючаго воздуха, а посредствомъ его свѣчи, помощью электрометра, цѣною за 50 рублей". Въ первой половинѣ 1810 года пріобрѣтены Запольскимъ для университетскаго физическаго кабинета: гіероновъ фонтанъ, двѣ „слуховыя трубы", „магическій фонарь съ десятью дощечками предметовъ", многоугольная призма, магнитъ, наковальня, 15 аршинъ мѣдной цѣпочки и разнаго рода принадлежности для монтировки кабинета и производства опытовъ.

Всѣ эти чисто случайнаго характера пріобрѣтенія, въ связи съ ограниченностью находившихся въ его распоряженіи матеріальныхъ средствъ, не были въ состояніи обезпечить физическому кабинету той, хотя бы только относительной, полноты, при которой онъ оказался бы въ состояніи находиться на уровнѣ задачъ университетскаго преподаванія физики. Это обстоятельство побудило Запольскаго, въ то время уже экстраординарнаго профессора, обратиться въ апрѣлѣ 1810 года въ совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ о недостаткахъ и нуждахъ университетскаго физическаго кабинета:

„Честь имѣю представить совѣту,—писалъ профессоръ Запольскій,—нужды физическаго института императорскаго казанскаго университета въ слѣдующемъ:

I. Относительно кабинета.

Кромѣ присланныхъ его превосходительствомъ г. попечителемъ и кавалеромъ: 1) воздушной машины, 2) трубы ахроматической Долондовой, 3) микроскоповъ солнечнаго и сложнаго, 4) искусственнаго глаза, 5) секстанта астрономическаго, 6) барометра и термометра, 7) машины для центральныхъ силъ, 8) вѣсковъ и 9) купленнаго мною компаса съ солнечными часами—не находится ничего нужнаго для прохожденія: a) движенія и равновѣсія какъ твердыхъ тѣлъ, такъ и жидкихъ, b) для химическихъ свойствъ воздуха, c) для опытовъ съ водою, огнемъ и свѣтомъ, d) для электричества, гальванизма и магнита. Что касается до способа пріобрѣтенія недостающихъ оныхъ машинъ и инструментовъ, то я имѣю честь представить сіе на благоразсмотрѣніе совѣта.

II. Относительно приспѣшника.

Въ § 80-мъ устава казанскаго университета повелѣно физическихъ опытовъ приспѣшнику производить жалованье изъ суммы, опредѣленной на физическій институтъ. Почему, если приспѣшнику назначить

только 200 рублей годового жалованья, то для нуждъ физическаго кабинета будетъ оставаться только 300 рублей, на которые едва ли можно дѣлать пріобрѣтенія новыхъ машинъ и инструментовъ.

III. Относительно книгъ.

Книгъ физическихъ, кромѣ нѣсколькихъ, принадлежащихъ гимназіи, не находится никакихъ. Почему я имѣю честь представить слѣдующій, по одобренію г. Стойковича *, списокъ онымъ (слѣдуетъ списокъ семнадцати сочиненій по физикѣ)" [23].

Представленіе Запольскаго возъимѣло дѣйствіе только по отношенію къ вопросу о приспѣшникѣ (лаборантѣ) для физическаго кабинета, да о сторожѣ. Въ засѣданіи 18-го мая совѣтъ опредѣлилъ „представить сіе дѣло распоряженію самого г. профессора физики Запольскаго", который и представилъ къ занятію должности приспѣшника студента Осипа Линдегрена, съ вознагражденіемъ изъ суммъ кабинета въ размѣрѣ 80-ти рублей въ годъ. Линдегренъ, который еще до того успѣлъ зарекомендовать себя совѣту представленіемъ таблицъ произведенныхъ имъ термометрическихъ наблюденій за 1809 годъ, былъ 23-го мая 1810 года утвержденъ совѣтомъ въ этой должности; удовлетворено и ходатайство Запольскаго относительно сторожа для кабинета, которому былъ опредѣленъ годовой окладъ въ 60 рублей—лишь немного меньшій оклада самого лаборанта.

Въ маѣ 1810 года, по случаю вступленія въ должность новаго министра графа А. К. Разумовскаго, отъ казанскаго университета потребованы были подробныя свѣдѣнія относительно состоянія всѣхъ его отдѣльныхъ частей. Въ цѣлой серіи другихъ отчетовъ, 2-го іюня представленъ былъ и отчетъ профессора Запольскаго относительно состоянія ввѣреннаго ему физическаго кабинета. Въ этомъ отчетѣ всѣ предметы физическаго кабинета были распредѣлены по двумъ группамъ—„университетскіе" и „гимназическіе"; списокъ предметовъ первой группы лишь повторяетъ перечень физическихъ инструментовъ и приборовъ казанскаго университета, приведенный въ только что цитированномъ нами апрѣльскомъ представленіи Запольскаго, и дословно вошелъ, затѣмъ, въ общій университетскій отчетъ за 1810 годъ [24].

И. И. Запольскій скончался въ ночь на 20-ое декабря 1810 года, послѣ тяжелой болѣзни, постигшей его съ конца лѣта и лишившей возможности приступить, съ началомъ учебнаго года, къ исполненію своихъ обязаннос-

* Стойковичъ, Аѳанасій Ивановичъ, профессоръ физики въ харьковскомъ университетѣ.

тей по университету *. По случаю болѣзни Запольскаго, еще при его жизни завѣдываніе физическимъ кабинетомъ было поручено его „приспѣшнику", студенту Линдегрену, на котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложено и „повтореніе физическихъ лекцій" профессора. Запольскій уже за годъ до того сталъ выражать усиленное желаніе измѣнить математикѣ и физикѣ для кафедры философіи, почему еще съ конца 1809 года велись переговоры относительно замѣщенія кафедры физики съ преподавателемъ кантональной школы г. Аарау Ф. К. Броннеромъ, который 1-го сентября 1810 года и былъ назначенъ на эту кафедру, прибывъ въ Казань уже 12-го октября—слѣдовательно еще при жизни своего предмѣстника. 25-го января 1811 года профессоръ-директоръ Яковкинъ вошелъ въ совѣтъ съ заявленіемъ, въ которомъ, ссылаясь на состоявшееся замѣщеніе кафедры физики профессоромъ Броннеромъ, предложилъ совѣту—„не благоугодно ли будетъ, что бы физическій кабинетъ, со всѣми принадлежностями его, расходами и шнуровыми книгами препорученъ былъ формально г. профессору физики Броннеру"; въ этомъ смыслѣ и состоялось, въ тотъ же день, совѣтское опредѣленіе.

Профессоръ Броннеръ еще тремя мѣсяцами ранѣе оффиціальнаго пріема физическаго кабинета и уже въ ближайшіе по прибытіи своемъ въ Казань дни поспѣшилъ ознакомиться съ физическимъ кабинетомъ. Это знакомство вызвало въ новомъ профессорѣ физики чувства самаго горькаго разочарованія, которыя и нашли себѣ выходъ въ двухъ письмахъ его къ Румовскому—отъ 22-го и 31-го октября 1810 года. „Я уже осмотрѣлъ здѣшнее собраніе физическихъ инструментовъ,—писалъ Броннеръ попечителю отъ 22-го октября.—Весьма незначительная часть этихъ инструментовъ пріобрѣтена собственно университетомъ; утверждаютъ, что большая часть другихъ вещей кабинета принадлежитъ гимназіи (gymnasii esse affirmant). Я имѣю, прежде всего, въ виду надлежащимъ образомъ исправить нѣкоторые инструменты, пригодные для опытовъ, съ тѣмъ, что бы обставить ими свои экспериментальныя чтенія. Я нашелъ между вещами кабинета небольшой приборъ, предназначенный для опытовъ надъ законами тренія, умѣло и чисто сработанный механикомъ (т. е. уже извѣстнымъ намъ Горденинымъ), находящимся на службѣ здѣшняго университета, что и подаетъ мнѣ надежду приступить, при его содѣйствіи, къ изготовленію нѣкоторыхъ приборовъ, не требующихъ слишкомъ замысловатой работы".

* Ходъ тяжкой и мучительной болѣзни И. И. Запольскаго и его послѣдніе дни подробно и интересно описаны въ письмахъ Яковкина къ Румовскому отъ 3-го октября и 19 декабря 1810 года (№№ 248 и 251).

Жалуется Броннеръ попечителю и на крайнюю тѣсноту помѣщенія физическаго кабинета: „Всѣ вещи кабинета я нашелъ сложенными въ какой то тѣсной комнатѣ и настолько сгруженными, что не безъ труда приходится доставать изъ нихъ то, что потребуется; такой порядокъ храненія инструментовъ устраняетъ самую возможность пользованія ими". Высказывая, далѣе, мысль о необходимости для физическаго института болѣе просторнаго и удобнаго помѣщенія, которое включало бы въ себѣ музей, аудиторію, а также лабораторіи для оптическихъ и химическихъ опытовъ, Броннеръ обѣщаетъ попечителю представить въ ближайшемъ будущемъ, по ознакомленіи съ университетскими помѣщеніями и по выясненіи нѣкоторыхъ другихъ условій, проектъ физическаго института, который „могъ бы послужить къ дѣйствительной пользѣ и славѣ университета".

Вопросъ о созданіи при университетѣ вполнѣ благоустроеннаго физическаго кабинета трактуется и въ письмѣ Броннера къ попечителю отъ 31-го октября, изложенномъ на нѣмецкомъ языкѣ:

„Я скоро буду въ состояніи представить обстоятельный планъ устройства при университетѣ достойнаго физическаго музея,—пишетъ здѣсь Броннеръ.—Боюсь, однако, что обстоятельства переживаемаго нами времени окажутся неблагопріятными къ осуществленію этого начинанія. Я считаю, во всякомъ случаѣ, существенно необходимымъ предпринять серьезный починъ въ этомъ направленіи. Я не обманываю себя тщетною надеждою сразу создать полный физическій кабинетъ, накупивъ для него цѣлую массу инструментовъ; мнѣ думается, однако же, что въ настоящее время, съ отдѣленіемъ гимназіи отъ университета и съ разграниченіемъ имущества гимназическаго и университетскаго—въ освободившихся университетскихъ зданіяхъ отыщется хотя бы только удобное для физическаго кабинета помѣщеніе. Мнѣ будетъ, быть можетъ, ассигнована болѣе или менѣе значительная единовременная сумма на монтировку кабинета и тогда, съ помощью ежегодныхъ штатныхъ на него назначеній, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ удастся создать при университетѣ отвѣчающій своему назначенію физическій институтъ".... [25].

Планъ приведенія въ благоустройство университетскаго физическаго кабинета, обѣщанный имъ, какъ мы это только что видѣли, уже слѣдомъ за прибытіемъ въ Казань, представленъ былъ Броннеромъ въ совѣтъ, на латинскомъ языкѣ, 1-го февраля 1811 года и заключалъ въ себѣ: а) записку о мѣропріятіяхъ, необходимыхъ для устройства кабинета, и б) списокъ физическихъ инструментовъ и приборовъ, намѣченныхъ къ пріобрѣтенію, въ видахъ необходимаго пополненія кабинета.

„Записка" профессора Броннера открывается констатированіемъ крайне неудовлетворительнаго состоянія, въ которомъ найденъ имъ физическій кабинетъ: многіе инструменты оказались не въ полномъ составѣ, другіе—изломанными или попорченными, третьихъ—вовсе не оказалось въ наличности („reperi autem vasa complura diffracta, partesque non paucas instrumentorum aut laesas, aut vario modo pessum datas, aut omnino deperditas"). Соображенія свои относительно мѣропріятій къ приведенію кабинета въ благоустройство Броннеръ предлагаетъ совѣту въ слѣдующихъ трехъ рубрикахъ: а) наличность въ кабинетѣ инструментовъ и качественная ихъ оцѣнка, б) пріобрѣтеніе новыхъ инструментовъ и в) мѣры къ храненію инструментовъ и къ пользованію ими. Не входя въ подробности всѣхъ соображеній, высказанныхъ здѣсь Броннеромъ, тѣмъ болѣе, что имъ не было суждено получить осуществленія, укажемъ лишь на окончательный выводъ его, по которому весь расходъ по реорганизаціи физическаго кабинета сводился Броннеромъ къ необходимости единовременнаго ассигнованія суммы въ размѣрѣ не менѣе 6000 рублей. „Списокъ" необходимыхъ къ пріобрѣтенію инструментовъ и приборовъ, занявшій три писчихъ листа убористаго нѣмецкаго письма, обнимаетъ собою, въ систематическомъ порядкѣ, длинный рядъ предметовъ изъ области механики, динамики, статики, гидростатики, гидравлики, аэростатики, акустики, пирометріи, оптики, діоптрики и теоріи цвѣтовъ (Farbenlehre), катоптрики, термологіи, электричества, гальванизма, магнетизма, физической химіи и физической астрономіи. Всѣ предметы перечисляются здѣсь съ указаніемъ большей или меньшей степени настоятельности ихъ пріобрѣтенія и даже съ указаніемъ мѣстностей, въ которыхъ могутъ они быть съ наибольшимъ удобствомъ пріобрѣтены [26].

Сумма въ 6 тысячъ рублей, указанная проф. Броннеромъ, какъ minimum для проектированной имъ монтировки физическаго кабинета—видимо смутила попечителя, который не рѣшился предпринять хотя бы только робкую попытку къ ея исходатайствованію. Отвѣтъ Румовскаго долженъ былъ совершенно разочаровать новаго профессора физики:

„Я держусь того мнѣнія, — писалъ онъ Броннеру отъ 6-го марта 1811 года, — что прежде всего необходимо, воспользовавшись искусствомъ университетскаго механика, исправить уже имѣющіеся въ физическомъ кабинетѣ инструменты. Я предложу совѣту отпустить въ ваше распоряженіе 200 рублей какъ на исправленіе инструментовъ, такъ и на покупку необходимыхъ для кабинета мелочей, выдавъ для записи расходовъ шнуровую книгу. Что касается списка инструмен-

товъ, намѣченныхъ вами для физическаго кабинета, то я полагаю, что пріобрѣтеніе ихъ можетъ оказаться осуществимымъ лишь со временемъ и исподоволь, начавъ съ наиболѣе необходимыхъ, тѣмъ болѣе, что указанной вами суммы (6 тыс. рублей) не достанетъ для покупки всего, значущагося въ спискѣ; да и для полученія этой суммы пришлось бы выжидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Желательно, конечно, что бы вещи кабинета были расположены способомъ, удобнымъ для пользованія ими; но вопроса относительно помѣщенія для кабинета я не буду въ состояніи рѣшить до тѣхъ поръ, пока гимназія не отдѣлится отъ университета.... Если среди инструментовъ, числящихся принадлежащими гимназіи, вы найдете такіе, которые могутъ оказаться подходящими и необходимыми для цѣлей университетскаго преподаванія—благоволите войти ко мнѣ съ особымъ о нихъ представленіемъ".

Броннеру не оставалось ничего болѣе, какъ поблагодарить Румовскаго (въ письмѣ отъ 28-го марта) за отпущенные двѣсти рублей, сдѣлавъ, тѣмъ не менѣе, легкую попытку уязвить самолюбіе стараго попечителя: „Я попросилъ бы ваше превосходительство,—пишетъ онъ,—обратить вниманіе на кабинеты другихъ университетовъ, напримѣръ дерптскаго, виленскаго, московскаго и т. п., которые обставлены превосходными собраніями физическихъ инструментовъ, и подумать о томъ, что честь учрежденія и ваша собственная слава требуютъ и въ здѣшнемъ университетѣ столь же хорошаго подбора инструментовъ для физическаго кабинета". Броннеръ не только не оспариваетъ замѣчанія попечителя относительно недостаточности суммы шести тысячъ рублей для пріобрѣтенія всего предположеннаго имъ для кабинета, но весьма откровенно сознается въ томъ, что, указавъ эту цифру — онъ лишь „взялъ примѣръ съ архитектора, который назначаетъ своему кліенту, что бы не напугать его, только половинную стоимость работъ, хорошо зная, что тотъ, когда постройка будетъ въ ходу, по необходимости согласится и на удвоеніе первоначальной смѣты ихъ". Броннеръ не разъ предпринималъ безплодныя попытки воздѣйствовать на самолюбіе Румовскаго: „Приложите старанія къ тому,—читаемъ мы въ его письмѣ отъ 9-го мая того же года, — что бы ввѣренный вашему руководству университетъ не уступалъ никакому другому учрежденію того же рода и что бы попечительство перваго и славнаго русскаго астронома не уступило въ плодотворности результатовъ управленію попечителей изъ чужеземцевъ".....

Всѣ эти сопоставленія и сентенціи энергичнаго профессора—остались гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ: „благопріятнымъ обстоятельствамъ", на

которыя ссылался Румовскій, не было суждено наступить и, въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, никакой единовременной ассигновки на монтировку физическаго кабинета не послѣдовало ни при Броннерѣ, ни послѣ него. Что касается отпуска обѣщанныхъ попечителемъ двухсотъ рублей, то онъ состоялся въ мартѣ того же года.

Не представляется, въ виду всего разсказаннаго выше, нисколько удивительнымъ, что первый годъ завѣдованія Броннера физическимъ кабинетомъ университета не ознаменовался никакимъ, сколько нибудь значительнымъ, обогащеніемъ его собраній. Изъ отчета по кабинету за 1811 годъ мы узнаемъ, что его инвентарь въ этомъ году пополнился лишь слѣдующими двадцатью пріобрѣтеніями: 1) подставка „съ металлическими рукоятками, кольцами, стальными винтами, къ химической лампадной печи, для ставленія ретортъ, реципіентовъ, колбъ и пр.“, 2) прорѣзная скамеечка съ утвержденными на ней столбиками, „для гидростатическихъ опытовъ на вытеченіе жидкостей изъ сосудовъ“, 3) „парротовъ выбрасывающій конусъ, 4) монохордъ, 5) „марріотовъ опытъ на давленіе воздуха“, 6) три стеклянные цилиндра, прикрѣпленные на концѣ маленькаго газометра, 7) стеклянный цилиндръ, въ два дюйма длины, „для химическо-электрическихъ опытовъ“, 8) три „барометренныя“ трубки, 9) въ запасъ стеклянныя трубки различныхъ діаметровъ, для „опытовъ на силу волосныхъ трубокъ, для подъема и другихъ гидростатическихъ орудій“, 10) двѣ „термометренныя трубки, 11) двѣ реторты „съ обкладками“, 12) два „стеклянные шлема“, одинъ большой, а другой маленькій, для перегонки. Не великъ былъ и запасъ матеріаловъ, потребовавшихся въ томъ же году для физическаго кабинета: 7 фунтовъ ртути („изъ онаго количества отдано г. профессору Литтрову $3^1/_2$ фунта на искусственный горизонтъ для наблюденія кометы“), 3 золотника фосфора, 2 унціи ѣдкаго поташа, 2 унціи углекислаго поташа, 2 унціи „летучей щелчности“ и 2 унціи соды.

Не обиленъ былъ пріобрѣтеніями и 1812 годъ, въ теченіи котораго физическій кабинетъ пополнился лишь тремя предметами: 1) желѣзный кубикъ для перегонки ртути, съ принадлежащею къ нему желѣзною трубкою, 2) желѣзная химическая печь, сдѣланная по способу Готтлинга, съ пятью отдушинами для усиленія и уменьшенія огня и подборомъ принадлежностей къ ней и 3) электрическая машина, которой колесо и подушки изолированы, съ мѣднымъ кондукторомъ, на стеклянныхъ разобщающихъ ножкахъ, съ двумя разрядниками и лейденскою банкою“. Интересующіеся найдутъ въ отчетѣ этого года и перечень пріобрѣтенныхъ матеріаловъ (33 номера), которыхъ потребовалось несравненно больше, сравнительно

съ предшествовавшимъ годомъ; очевидно, что экспериментальная практика физическаго кабинета стала развиваться [27]. Къ 1812-му году относится и любопытный, уже упоминавшійся нами, фактъ обращенія университетскаго физическаго кабинета съ предложеніемъ своихъ услугъ, въ цѣляхъ врачебныхъ, къ мѣстному обществу. Въ № 41-мъ „Казанскихъ Извѣстій" за 1812 годъ мы находимъ напечатаннымъ слѣдующее объявленіе отъ университета:

„Императорскій казанскій университетъ, между прочими достопримѣчательностями, имѣетъ, по милости Монаршей, и значительный физическій кабинетъ. Въ ономъ находятся замѣчательныя по своимъ дѣйствіямъ электрическая и гальваническая машины. Многіе, страждущіе параличемъ, пользуясь оными получили совершенное облегченіе отъ недуговъ своихъ. И такъ, если кому изъ одержимыхъ сею болѣзнью угодно будетъ дѣйствіемъ оныхъ машинъ пользоваться, таковой, явясь къ начальству университета, немедленно получитъ удовлетвореніе въ своей просьбѣ".

1813-ый годъ ознаменовался въ начальной исторіи физическаго кабинета казанскаго университета обстоятельствомъ, сразу лишившимъ его „значительности", которою хвалилось только что приведенное объявленіе, и ограничившимъ его размѣры до предѣловъ, при которыхъ Броннеру едва ли не предстояло снова предпринять съ самаго начала нелегкую задачу составленія необходимыхъ коллекцій физическихъ инструментовъ и приборовъ. Мы уже знаемъ, что бóльшая часть физическаго кабинета, которымъ университетъ началъ располагать, какъ своимъ собственнымъ, въ сущности составляла достояніе гимназіи. Если университету удалось, какъ мы это видѣли, удержать за собою основныя составныя части гимназической библіотеки (библіотеки Потемкина и Полянскаго), то по отношенію къ физическому кабинету это ему не удалось.

Возвращеніе казанской гимназіи ея физическаго кабинета произошло лѣтомъ 1813 года, вслѣдствіе открытія въ гимназіи класса опытной физики, на который, предложеніемъ попечителя отъ 5-го іюля этого года, былъ опредѣленъ старшій учитель оренбургскаго главнаго народнаго училища А. И. Честновъ. Замѣстителемъ послѣдняго въ Оренбургѣ предполагался кандидатъ О. К. Линдегренъ, но проф. Броннеръ отстоялъ оставленіе при университетѣ этого молодого человѣка, все еще продолжавшаго нести должность „приспѣшника" физическаго кабинета. Слѣдомъ за состоявшимся назначеніемъ въ казанскую гимназію Честнова, инспекторъ ея, адъюнктъ Лубкинъ, обратился въ совѣтъ универси-

тета съ слѣдующимъ представленіемъ: „Согласно волѣ его превосходительства г. попечителя, слѣдуетъ нынѣ въ гимназіи открыть классъ физики. Что касается до учебныхъ книгъ, для сего класса нужныхъ, то объ оныхъ его превосходительству съ моей стороны уже представлено. Въ разсужденіи же инструментовъ, нужныхъ для опытовъ, которые хотя прежде въ гимназіи и были, но нынѣ состоятъ при университетѣ, симъ на усмотрѣніе честь имѣю представить совѣту". Заслушавъ это представленіе, совѣтъ университета въ засѣданіи 13-го августа опредѣлилъ „выдать инструменты, принадлежащіе гимназіи", а профессоръ Броннеръ уже отъ 24-го сентября донесъ совѣту, что гимназическій физическій кабинетъ переданъ имъ, въ присутствіи проф. Брауна, въ качествѣ делегата отъ совѣта, учителю физики Честнову. Такимъ путемъ совершилось обособленіе физическаго кабинета гимназіи и профессору Броннеру не только не было суждено дождаться осуществленія лелѣянной имъ мечты о созданіи обширнаго университетскаго физическаго института, но на его глазахъ произошло распаденіе и того скромнаго кабинета, который былъ имъ принятъ, два съ половиною года тому назадъ, послѣ своего предмѣстника Запольскаго.

Въ дѣлѣ „объ отдѣленіи физическаго кабинета, принадлежащаго казанской гимназіи, отъ университетскаго" имѣется и опись инструментовъ и вещей кабинета, отошедшихъ къ гимназіи, по которой Броннеръ сдавалъ ихъ, а учитель Честновъ—принялъ. Опись эта самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что къ гимназіи въ 1813 году отошли главные и лучшіе инструменты и приборы кабинета—не выключая тѣхъ, которые въ первые годы по основаніи университета пріобрѣтались хотя и этимъ послѣднимъ, но на гимназическія средства, не выключая и купленныхъ для университета въ 1808 году въ Петербургѣ попечителемъ Румовскимъ. Такъ, къ гимназіи отошли: большая пневматическая машина со всѣми приборами и принадлежностями къ ней, вольтова „лампада для зажиганія горючаго газа", гигрометръ, четыре барометра и два термометра, гіероновъ фонтанъ, пирометръ съ принадлежностями къ нему, ахроматическая труба Доллонда, два малыхъ грегоріанскихъ телескопа, солнечный и сложный микроскопы, коллекція сферическихъ зеркалъ и призмъ, электрическая машина со всѣми приборами и принадлежностями, машина гальваническая „изъ 66-ти мѣдныхъ и 75-ти цинковыхъ кружковъ", собраніе магнитовъ, машина „треній" и пр. и пр. Утрата гимназическаго физическаго кабинета явилась для университета весьма чувствительною: „Недостатокъ въ физическихъ орудіяхъ нынѣ тѣмъ ощутительнѣе,—за-

являлось въ отчетѣ по физическому кабинету за 1813 годъ,—что физическій кабинетъ здѣшней гимназіи, по учрежденіи въ оной физическаго класса, помѣщенъ въ самой гимназіи и уже болѣе не можетъ быть употребляемъ при университетскихъ преподаваніяхъ".

Оскудѣніе кабинета не вознаградилось и пріобрѣтеніями отчетнаго года; за весь 1813 годъ, не считая стеклянной посуды и другой вспомогательной мелочи, университетскій физическій кабинетъ пополнился лишь слѣдующими четырьмя предметами: магнитнымъ инклинаторомъ, компасомъ (деклинаторомъ) и гигрометромъ, „особенно купленными" попечителемъ округа, да пріобрѣтенною на средства кабинета „Бадерскою дувальною машиною цилиндрическою, съ однимъ фитилемъ, подвижнымъ во всѣ стороны". Отчетъ за 1813 годъ исчерпываетъ и весь несложный инвентарь университетскаго физическаго кабинета, оказавшійся на лицо послѣ обособленія кабинета гимназическаго:

„И такъ,—читаемъ здѣсь,—въ физическомъ кабинетѣ находятся: для опытовъ физико-химическихъ—нарочитое количество стеклянныхъ вещей и матеріаловъ; для механики и статики—Фергуссонова центральная машина; для гидростатики—разные роды сифоновъ; для аэростатики—пневматическая машина съ приборомъ и Бадера машина съ пузыремъ; для оптики—одинъ сложный микроскопъ, одинъ солнечный и искусственный глазъ; для электрологіи—одна маленькая, но хорошая, электрическая машинка съ приборомъ; для магнетизма—компасъ, компасъ съ солнечными часами, инклинаторъ и натуральный магнитъ; для метеорологіи—барометръ, термометръ и два гигрометра" [28].

Довольно интересную страничку представляетъ собою въ начальной исторіи физическаго кабинета казанскаго университета дѣло о пожертвованіи кригсъ-коммиссаромъ шестаго класса П. А. Турчаниновымъ сооруженной имъ большой электрической машины, съ цѣлымъ собраніемъ приборовъ къ ней не только научнаго, но и увеселительнаго характера. Одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей россійскихъ изобрѣтателей-самоучекъ, этотъ Турчаниновъ 6-го февраля 1813 года обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ обширнымъ прошеніемъ, въ которомъ, прежде всего, знакомитъ графа Разумовскаго съ собственною своею персоною и съ превратностями своей жизни:

„Съ вѣрою въ душѣ, съ правдою на языкѣ,—такъ начинается это прошеніе,—семнадцать лѣтъ служилъ государю и отечеству безпорочно, со дня моего вступленія въ оберъ-офицерскій чинъ, сперва со шпагою, потомъ съ вителемъ (?) въ рукѣ. Несчастное, случившееся со мною

приключеніе, отъ коего я теперь совсѣмъ глухой, нисколько не слыша, понудило меня оставить сію любезную для меня службу, приняться за перо вступленіемъ въ штатъ коммиссаріатскій, но тутъ судьба моя нанесла мнѣ къ продолженію службы новый ударъ: гнѣвъ покойнаго государя Павла Петровича на коммиссаріатъ. Управляя я въ Тобольскѣ, при сибирскомъ корпусѣ, оберъ-кригсъ-коммиссаріатскою коммиссіею, будучи ни въ чемъ не повиненъ и не причастенъ, удостоился получить высокомонаршую ко мнѣ милость увольненіемъ съ награжденіемъ оберъ-кригсъ-коммиссаріатскаго чина и ношеніемъ мундира".

Смыслъ всей этой тирады—тотъ, что авторъ письма оказался уволеннымъ изъ коммиссаріатскаго вѣдомства, какъ именовалась въ то время военно-интендантская часть. Изъ дальнѣйшаго содержанія письма узнаемъ, что, оставивъ службу, Турчаниновъ въ 1798 году удалился отъ житейскихъ невзгодъ „въ тихое убѣжище, къ своей родительницѣ, на заводы, пермской губерніи въ екатеринбургской округѣ состоящіе" *. Здѣсь то и обнаружились электротехническіе таланты бывшаго интенданта: „Не желая въ семъ мірѣ остаться тунеядцемъ, въ праздности,—продолжаетъ онъ,—я посвятилъ дни свои наукѣ, избравъ и прилѣпясь къ физической, стараясь обучать собственныхъ мастеровъ, впослѣдствіе чего и успѣлъ, и трудъ мой, къ желанію моему, въ полной мѣрѣ вознаградился". Результатомъ этихъ трудовъ какъ самого Турчанинова, такъ и обученныхъ имъ заводскихъ мастеровъ, явилось устройство имъ „славной" электрической машины, которая „по сильному ея дѣйствію и красотѣ своей не уступитъ лучшимъ академическимъ и почестся можетъ изъ числа первѣйшихъ машинъ въ нашемъ государствѣ".

Въ прошеніи подробно излагаются какъ описаніе самой машины, такъ и всѣ ея чудодѣйственныя силы. Главная машина,—ихъ было, собственно, двѣ,—„которою производятся всѣ опыты", всего числомъ до 250-ти, имѣла колесо „небеснаго лазуреваго цвѣта", діаметромъ въ одинъ аршинъ и вѣсомъ около 45-ти фунтовъ, и три баттареи: одну изъ 24-хъ большихъ лейденскихъ банокъ, другую изъ четырехъ большихъ и третью изъ четырехъ среднихъ банокъ. Вторая машина имѣла колесо „бѣлаго стекла", діаметромъ въ двѣнадцать вершковъ, и при ней находился „полный лечебный къ врачеванію болѣзней приборъ". Эта же вторая машина приводила въ дѣйствіе увеселительную игрушечную крѣпость — „въ которой во время посѣщенія знаменитыхъ любителей стоящіе у пушекъ канониры салютуютъ

* По позднѣйшему свидѣтельству А. И. Артемьева, Турчаниновъ былъ пермскимъ помѣщикомъ и заводовладѣльцемъ («Каз. Губерн. Вѣдом.» 1849 г., № 25, стр. 251).

довольно громкими выстрѣлами, а изъ мортиръ мечутъ бомбы, потомъ надъ крѣпостью блистаетъ молнія и ударъ въ трубу комендантскаго дома его разрушаетъ, потомъ ударъ въ шпицъ башни взрываетъ на воздухъ пороховой магазинъ; потомъ представлено волнующееся море во время бури, гдѣ люди на ботахъ и обломкахъ кораблей спасаются отъ потопленія, между тѣмъ молнія ударяетъ въ корабельныя мачты, расшибая ихъ и пр. и пр." По увѣренію Турчанинова, вся эта затѣя, разсчитанная, какъ видитъ читатель, на соединеніе въ ней „пріятнаго съ полезнымъ" и въ которую вложены имъ пять лѣтъ трудовъ, обошлась ему самому около 6-ти тысячъ рублей, такъ какъ „одного голаго стекла выписано на 3500 рублей".

Первоначальнымъ намѣреніемъ Турчанинова было продать университету всю эту сложную махинацію. Объявивъ министру, что онъ руководится не „алчнымъ корыстолюбіемъ прибыли", но ищетъ единственно только „славы и прославленія своего имени въ познаніи сей науки и художества", тѣмъ болѣе, что „сія вещь въ разсужденіе сибирскаго края не имѣетъ той цѣны и есть почти мертвая, тѣмъ самымъ теряя свое достоинство и, купно мою славу, и имя мое останется забвенно и пятилѣтній трудъ въ ничто обратится"—Турчаниновъ предлагаетъ купить его машины за 7000 рублей для „знаменитаго нынѣ существующаго казанскаго университета", предлагая, въ счетъ той же суммы, доставить ихъ въ Казань, монтировать ихъ здѣсь, научить обращенію съ ними и даже привести въ порядокъ и „прочій физическій кабинетъ, принадлежащій казанскому университету".

Графъ А. К. Разумовскій отнесся къ этому предложенію съ полнымъ вниманіемъ и предложилъ казанскому университету предстоящимъ лѣтомъ отправить въ Сысертскій желѣзнодѣлательный заводъ, гдѣ проживалъ Турчаниновъ, кого нибудь изъ членовъ своихъ, „который бы могъ судить о достоинствѣ сей машины, также заслуживаетъ ли она взята быть въ университетъ и стоитъ ли просимой за нее цѣны". Миссія эта была возложена на адъюнктовъ Кондырева, Дунаева и Кандакова, которые и выполнили ее во второй половинѣ іюля мѣсяца, составивъ весьма подробное, сохранившееся при соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ, описаніе машинъ.

Дальнѣйшихъ указаній на движеніе дѣла относительно покупки у Турчанинова его электрическихъ машинъ — мы не имѣемъ. На почвѣ покупки соглашеніе, повидимому, не состоялось, такъ какъ лѣтомъ слѣдующаго года вопросъ этотъ вступилъ въ совершенно новый физисъ: Турчаниновъ изъявилъ намѣреніе не только безвозмездно пожертвовать казанскому университету свои электрическія машины, со всѣми къ

нимъ принадлежностями, но пообѣщалъ также безвозмездно изготовить для него еще и машину гальваническую. Объ этомъ пожертвованіи стало извѣстнымъ уже въ декабрѣ 1813 года, такъ какъ въ отчетѣ проф. Броннера о физическомъ кабинетѣ, помѣченномъ 24-мъ числомъ этого мѣсяца, мы читаемъ: „Говорятъ, что г. Турчаниновъ хочетъ подарить университету нѣкоторое количество электрическихъ пособій; чтобъ оныя сберечь, нужно запасти столы и т. п., которые могутъ быть нужны для ихъ ставленія".

Какъ бы то ни было, но въ засѣданіи совѣта 18-го іюля 1814 года было заслушано представленіе проф. Броннера, при которомъ былъ имъ поданъ „реэстръ инструментовъ и снарядовъ для электричества, пожертвованныхъ г. оберъ-кригсъ-коммиссаромъ 6-го класса Турчаниновымъ казанскому университету", по поводу чего послѣдовало слѣдующее совѣтское опредѣленіе: „Какъ совѣтъ, уважая важность сего пожертвованія и усердіе г. Турчанинова къ пользѣ университета, не почитаетъ себя въ силахъ достойно его возблагодарить, то просить его превосходительство г. попечителя представить его сіятельству г. министру объ исходатайствованіи г. Турчанинову у монаршаго престола достойной награды и поощренія". Изъ представленія проф. Броннера усматривается, что имъ было придано этому пожертвованію весьма крупное значеніе: „Если бы кто нибудь, при переѣздѣ моемъ въ Россію, сказалъ мнѣ, что изъ Сибири сдѣланъ будетъ нашему университету такой щедрый даръ, касающійся физики и сооруженный столь искуссными руками, я не рѣшился бы повѣрить этому,— докладывается въ представленіи Броннера отъ 18-го іюля.—Мы только что получили, однако же, доказательство факта, что и эта далекая страна, къ славѣ нынѣшней Россіи, съ такимъ блескомъ пріобщается къ культурной жизни. Господинъ Турчаниновъ, дворянинъ, оберъ - кригсъ - коммиссаръ шестаго класса, родомъ екатеринбуржецъ, принесъ намъ въ даръ электрическую машину, искуссно и даже роскошно сдѣланную (affabre immo splendide confectam), снабженную множествомъ приборовъ и стоимость которой можетъ быть опредѣлена въ суммѣ до 12-ти тысячъ рублей". Изъ представленія Броннера видно, что даръ Турчанинова къ этому времени уже былъ доставленъ въ Казань и принятъ въ университетскій физическій кабинетъ.

Избранный совѣтомъ 5-го февраля 1815 года, въ благодарность за его пожертвованіе, членомъ-корреспондентомъ университета, Турчаниновъ не долго пользовался этимъ почетнымъ званіемъ: въ засѣданіи совѣта 28-го апрѣля проф. Кондыревъ доложилъ о кончинѣ Турчанинова, послѣ-

довавшей 2-го марта того же года. Заслушавъ это сообщенiе, совѣтъ сдѣлалъ опредѣленiе „о поставленiи въ физическомъ кабинетѣ, въ память покойнаго, его портрета", что приведено въ исполненiе, повидимому, такъ и не было. Что бы покончить съ вопросомъ о пожертвованiи Турчанинова, замѣтимъ въ заключенiе, что никакихъ остатковъ его ни вещественныхъ, ни документальныхъ, въ современномъ физическомъ институтѣ университета не сохранилось; изъ описанiя физическаго кабинета, сдѣланнаго А. И. Артемьевымъ въ 1849 году, на столбцахъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей" (№№ 25 и 26), можно вывести заключенiе, что машинъ и приборовъ Турчанинова въ немъ уже и въ то время на лицо не имѣлось [29].

Послѣднiе четыре года интересующей насъ эпохи не ознаменовались въ жизни университетскаго физическаго кабинета ничѣмъ выдающимся ни въ остальные годы завѣдованiя имъ профессора Броннера (до сентября 1817 года), ни при его преемникѣ, магистрѣ А. В. Кайсаровѣ. Пополняясь лишь чисто случайными и незначительными прiобрѣтенiями въ предѣлахъ скромнаго штатнаго бюджета своего, это учебно-вспомогательное учрежденiе лишь влачило жалкое существованiе вплоть до эпохи профессора А. Я. Купфера (1823—1828 г.г.), при которомъ были предприняты первыя серьезныя начинанiя къ надлежащей постановкѣ университетскаго физическаго института.

Итоги ряда предшествовавшихъ лѣтъ существованiя физическаго кабинета казанскаго университета суммируются отчетомъ о состоянiи этого учрежденiя, представленнымъ въ мартѣ 1819 года, для цѣлей ревизiи Магницкаго. Вотъ весь инвентарь кабинета, оказавшiйся къ этому времени на лицо и сводившiйся къ слѣдующимъ 34-мъ номерамъ предметовъ:

1) Большая электрическая машина, пожертвованная г. Турчаниновымъ, съ научными и увеселительными къ ней приборами (нѣкоторые изъ приборовъ показаны попорченными при перевозкѣ).
2) Малая электрическая машина, съ необходимыми препаратами.
3) Вольтовъ гальваническiй горизонтальный столбъ, съ необходимыми приборами.
4) Солнечный микроскопъ съ камеръ-обскурою и принадлежностями.
5) Сложный микроскопъ съ приборомъ.
6) Магическiй фонарь съ семью картинами.
7) Многоугольная пирамида съ двѣнадцатью картинами.
8) Трехугольная стеклянная призма.
9) Два зеркала—металлическое и стеклянное.
10) Калейдоскопъ.

11) Пневматическая машина съ препаратами.
12) Пневматическая машина.
13) Фонтанъ нагнетательный.
14) Фонтанъ Гіероновъ.
15) Два гигрометра.
16) Ванна для доставленія газовъ.
17) Монохордъ.
18) Машина центральныхъ силъ съ препаратами.
19) Нѣсколько мѣдныхъ блоковъ и полиспастъ.
20) Inclinatorium magneticum.
21) Два компаса.
22) Три магнита оправленные.
23) Химическая лампадная печка.
24) Желѣзная химическая печка Дотлинга.
25) Мѣхъ.
26) Мѣхъ для растапливанія стеколъ, съ двумя лампадами.
27) Трое вѣсовъ.
28) Горный циркуль.
29) Семьдесятъ стеклянныхъ трубокъ разныхъ діаметровъ.
30) Три барометрическія трубки.
31) Три термометрическія трубки.
32) Девяносто шесть баночекъ различнаго размѣра.
33) Четыре реторты.
34) Пять колбъ.

Эти голыя фактическія данныя могутъ быть иллюстрированы слѣдующимъ отзывомъ о физическомъ кабинетѣ, даннымъ Магницкимъ въ его отчетѣ о произведенной имъ ревизіи казанскаго университета: „Физическій кабинетъ, будучи составляемъ съ 1808 года случайно и оставаясь недополняемъ въ порядкѣ, представляетъ неполное собраніе орудій. Недостатокъ гидравлическихъ, аэростатическихъ, оптическихъ орудій и, особенно, моделей механическихъ, препятствуетъ преподаванію опытной физики [30].

Печальная память, оставленная по себѣ Магницкимъ въ исторіи казанскаго университета, не исключаетъ собою того безспорнаго факта, что именно въ эпоху его попечительства было положено первое твердое основаніе дальнѣйшему преуспѣванію физическаго института казанскаго университета.

Въ ближайшую связь съ очеркомъ начальной исторіи физическаго кабинета умѣстнымъ считаемъ мы поставить и вопросъ объ организаціи метеорологическихъ наблюденій, которыя предшествовали

основанію университета, такъ какъ эти наблюденія, руководимыя учителемъ физики (впослѣдствіе адъюнктомъ) И. И. Запольскимъ, регулярно велись при казанской гимназіи еще до 1805 года.

Вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ особой метеорологической обсерваторіи возникъ не ранѣе конца двадцатыхъ годовъ прошедшаго столѣтія и былъ осуществленъ лишь въ 1831 году; метеорологическія наблюденія регулярно велись, тѣмъ не менѣе, и въ первое двадцатипятилѣтіе существованія университета, оставивъ по себѣ любопытные слѣды какъ въ дѣлахъ университетскаго архива, такъ и на страницахъ университетскихъ повременныхъ изданій того времени — „Казанскихъ Извѣстій" и „Казанскаго Вѣстника". Первыми по времени сводами метеорологическихъ наблюденій, сохранившимися въ архивѣ университета, слѣдуетъ считать двѣ тетради, носящія заглавіе: „О наблюденіяхъ атмосферы" и обнимающія собою ежедневныя метеорологическія записи, которыя велись въ 1804 и 1805 годахъ (за исключеніемъ января, февраля, марта и декабря 1804-го и іюня и октября 1805 годовъ). Производившіяся по три раза въ день, эти наблюденія въ первое время включали въ себѣ лишь три рубрики: „термометръ", „небо" (облачность и осадки) и „вѣтръ" (направленіе и сила вѣтра). Кѣмъ именно и какимъ порядкомъ производились эти наблюденія—свѣдѣній о томъ не имѣется [31].

Администрація вновь основаннаго университета придавала, повидимому, весьма серьезное значеніе правильной организаціи метеорологическихъ наблюденій и, послѣ прибытія его на службу въ Казань, наблюденія этого рода были предприняты и профессоромъ К. Ѳ. Фуксомъ. 22-го мая 1807 года въ совѣтѣ обсуждался даже вопросъ „о принятіи надежнѣйшихъ мѣръ для наблюденія метеорологическихъ замѣчаній" и было рѣшено „препоручить оныя наблюденія студентамъ, готовящимся въ учители физики и математики, съ тѣмъ, что бы оные свѣряли ихъ еженедѣльно съ таковыми же наблюденіями, дѣлаемыми г. профессоромъ Фуксомъ, и по окончаніи каждаго мѣсяца представляли ихъ чрезъ г. адъюнкта физики въ совѣтъ".

Съ лѣта 1808 года предприняты были болѣе широкія мѣропріятія къ организаціи метеорологическихъ наблюденій, причемъ они распространены и на учебный округъ; на учителей учебныхъ заведеній возложена обязанность вести регулярныя метеорологическія наблюденія, губернскимъ же директорамъ училищъ предписано препровождать эти наблюденія въ университетъ, который и становился такимъ образомъ, центромъ, въ которомъ сосредоточивались метеорологическія наблюденія изъ всѣхъ училищныхъ пунктовъ обширнаго казанскаго учебнаго округа. Идея этого мѣропріятія при-

надлежала попечителю Румовскому и первое относящееся сюда распоряженіе сдѣлано имъ примѣнительно къ пензенской и пермской дирекціямъ училищъ: „Предписано мною директорамъ училищъ пензенскому и пермскому,—читаемъ въ предложеніи Румовскаго совѣту отъ 16-го іюля 1808 года,—чтобы метеорологическія наблюденія, дѣлаемыя учителями подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній, они доставляли каждогодно въ совѣтъ, который имѣетъ оныя хранить съ прочими по учебной части дѣлами для употребленія, когда надобно будетъ". Эта обязанность ежегодныхъ доставленій результатовъ метеорологическихъ наблюденій была, слѣдомъ затѣмъ, распространена и на другихъ директоровъ училищъ округа. Интересующіеся этою стороною научной дѣятельности университета и его округа найдутъ любопытныя данныя въ объемистомъ архивномъ дѣлѣ, подъ названіемъ: „Собраніе термометрическихъ и метеорологическихъ наблюденій", обнимающемъ собою промежутокъ времени 1808—1811 годовъ и заключающемъ въ себѣ таблицы годичныхъ метеорологическихъ наблюденій, присылавшихся въ университетъ, при рапортахъ, отъ директоровъ училищъ округа [32].

Съ 1811 года, съ началомъ изданія „Казанскихъ Извѣстій", результаты метеорологическихъ наблюденій какъ по Казани, такъ и по округу, стали печататься въ этой университетской газетѣ, въ которой очень нерѣдко помѣщались также какъ городскія, такъ и иногороднія сообщенія о различныхъ метеорологическихъ и космическихъ явленіяхъ: сильныхъ дождяхъ, засухахъ, грозахъ, градобитіяхъ, буряхъ, состояніи погоды, вообще; о движеніи временъ года, о разнаго рода „воздушныхъ явленіяхъ", вскрытіи рѣкъ и ихъ разливахъ; о метеорахъ, землетрясеніяхъ, движеніяхъ почвы и т. п. *. Съ начала 1811 года во главѣ дѣла производства, концентраціи и обработки метеорологическихъ наблюденій становится новый профессоръ физики Ф. К. Броннеръ, въ 1815 году выступившій на столбцахъ „Казанскихъ Извѣстій" (№№ 35—36) съ любопытною статьею: „Слѣдствія изъ метеорологическихъ наблюденій въ Казани 1814 года", въ которой онъ дѣлаетъ попытку не только научнаго обобщенія добытыхъ за годъ метеорологическихъ данныхъ, но и опытъ сравненія климатическихъ условій Казани съ аналогичными условіями цѣлаго ряда другихъ пунктовъ европейскаго материка.

---

* Перечисленіе статей и сообщеній этого рода интересующіеся найдутъ въ трудѣ П. А. Пономарева: «Полный систематическій указатель статей мѣстно-областного характера, напечатанныхъ въ Казанскихъ Извѣстіяхъ» (Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи за 1879 годъ и отдѣльно, Каз. 1880).

Съ прекращеніемъ изданія „Казанскихъ Извѣстій" (1820 г.) печатаніе статей, сообщеній и данныхъ метеорологическаго, климатологическаго и космическаго содержанія было перенесено на столбцы замѣнившаго ихъ новаго университетскаго повременнаго органа—„Казанскаго Вѣстника".

III

Астрономическая обсерваторія

Свѣдѣнія объ астрономическихъ инструментахъ, принадлежавшихъ гимназіи передъ основаніемъ казанскаго университета. — І. А. Литтровъ, первый профессоръ астрономіи. — Заботы проф. Литтрова о пріобрѣтеніи инструментовъ и объ устройствѣ обсерваторіи.—Мѣры по выпискѣ изъ-за границы инструментовъ.—Историческій квадрантъ Румовскаго.—Поиски Литтрова за мѣстомъ для устройства обсерваторіи.—Обсерваторія въ верхнемъ этажѣ типографскаго дома.—Отчетъ о состояніи обсерваторіи къ концу 1813 года.—Астрономическая обсерваторія въ университетскомъ ботаническомъ саду, исторія ея сооруженія и описаніе.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія обсерваторіи. Пріобрѣтеніе астрономическихъ часовъ, секстанта и кометоискателя.—Первыя наблюденія на новой литтровской обсерваторіи.—Преемникъ Литтрова, проф. И. М. Симоновъ, и состояніе обсерваторіи по даннымъ ревизіи Магницкаго.

Не смотря на то, что во главѣ управленія вновь основаннымъ казанскимъ университетомъ стоялъ маститый „отецъ русской астрономіи", попечитель С. Я. Румовскій, кафедра астрономіи не могла быть замѣщена въ немъ на протяженіи первыхъ пяти лѣтъ существованія университета и только съ начала 1810 года, въ лицѣ профессора І. А. Литтрова, казанскій университетъ пріобрѣлъ перваго, но за то въ высокой степени достойнаго, замѣстителя этой кафедры. Не представляется, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что только съ этого момента можетъ идти рѣчь и о начальной исторіи астрономической обсерваторіи казанскаго университета, до той же поры вопросъ можетъ быть сведенъ развѣ только къ наличности астрономическихъ инструментовъ, какъ оказавшихся среди имущества казанской гимназіи, такъ и пріобрѣтавшихся въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ жизни юнаго университета.

Подобно всѣмъ остальнымъ учебнымъ пособіямъ, первые астрономическіе инструменты оказались въ распоряженіи университета, слѣдомъ за его открытіемъ, въ составѣ учебныхъ пособій казанской гимназіи. Любопытнымъ представляется, что вопросомъ объ организаціи при гимназіи астрономическихъ наблюденій интересовались еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, въ виду предстоявшаго въ 1769 году прохожденія (вторичнаго) Венеры передъ дискомъ солнца: „Для астрономическихъ на-

блюденій,—писалъ въ 1867 году исторіографъ первой казанской гимназіи В. В. Владиміровъ,—строили передъ пугачевскимъ пожаромъ обсерваторію *, которая и сгорѣла во время онаго (т. е. въ 1774 году), но неизвѣстно, были ли заготовлены астрономическіе инструменты; кажется,—добавляетъ Владиміровъ,—что у учителя высшей математики нѣкоторые астрономическіе инструменты были свои собственные, помощью которыхъ онъ въ 1769 году наблюдалъ, въ присутствіи важнѣйшихъ чиновниковъ Казани, прохожденіе планеты Венеры, что и было поводомъ къ сооруженію помянутой обсерваторіи", и,—добавимъ отъ себя, — несомнѣнно первымъ, болѣе или менѣе научно обставленнымъ, астрономическимъ наблюденіемъ, произведеннымъ въ Казани [33]. Для цѣлей астрономическихъ наблюденій сооруженъ былъ, между прочимъ, куполъ, украшавшій собою главное зданіе возстановленной въ 1798 году казанской гимназіи,—нынѣшней восточной половины главнаго университетскаго корпуса,—а десятью годами позже и современнаго зданія первой казанской гимназіи.

Изъ отчета за 1805 годъ мы знакомимся съ наличностью астрономическихъ инструментовъ, оказавшихся въ распоряженіи университета къ концу перваго года существованія университета. Въ числѣ инструментовъ, находившихся въ составѣ физическаго кабинета гимназіи съ самаго ея открытія, здѣсь значится лишь одинъ инструментъ астрономическій— „грегоріанскій телескопъ малой руки"; въ числѣ же астрономическихъ инструментовъ, „въ различныя времена до 1806 года къ прежнимъ присовокупленнымъ", показаны: а) опять таки „грегоріанскій телескопъ малой руки", б) „тангентова зрительная труба", в) обыкновенная зрительная труба" и г) астрономическій квадрантъ. Изъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ Петербургѣ для университета самимъ Румовскимъ, намъ уже изъ историческаго очерка физическаго кабинета извѣстны покупки ахроматическаго телескопа Рамздена и секстанта (1807—1808 г.г.), которые и были сданы адъюнкту Запольскому, для храненія ихъ въ физическомъ кабинетѣ. Таковы были всѣ богатства казанскаго университета, по части астрономическихъ инструментовъ, къ концу перваго пятилѣтія его существованія:

„Въ первые годы существованія казанскаго университета,—писалъ впослѣдствіе извѣстный знатокъ историческаго прошлаго казанскаго

* До пугачевскаго нашествія на Казань и пожара, истребившаго зданіе гимназіи, эта послѣдняя помѣщалась въ домѣ, находившемся на нынѣшней Грузинской улицѣ, рядомъ съ Грузинскою церковью; въ то время этотъ домъ стоялъ почти на выѣздѣ изъ города къ Арскому полю.

Іосифъ Антоновичъ
Литтровъ,
профессоръ астрономіи.
(2 февраля 1810 г.— 25 мая 1816 г.)

университета, А. И. Артемьевъ,—онъ не имѣлъ вовсе астрономической обсерваторіи и собраніе инструментовъ, которыми онъ обладалъ, не могло приносить существенной пользы въ наблюденіяхъ. Двѣ ахроматическія трубы Рамздена и Тангета, секстантъ Берджа, старый маленькій квадрантъ Бирда и, вмѣсто астрономическихъ часовъ, простые секундные часы съ деревяннымъ маятникомъ—составляли все богатство университета. Въ такомъ положеніи нашелъ астрономическія пособія вызванный въ 1810 году изъ заграницы профессоръ астрономіи Литтровъ" [34].

Профессоръ Литтровъ прибылъ въ Казань 13-го марта 1810 года и здѣсь его сразу постигло полное разочарованіе съ точки зрѣнія возможности правильной постановки еще новаго для казанскаго университета дѣла преподаванія астрономіи: онъ встрѣтилъ въ университетѣ почти полное отсутствіе пособій не только инструментальныхъ, но даже и литературныхъ. Литтровъ уже вскорѣ послѣ своего пріѣзда оказался вынужденнымъ представить совѣту, что онъ не нашелъ въ университетской библіотекѣ „никакой, сообразной цѣли, астрономической книги", случайно же оказавшіеся въ физическомъ кабинетѣ сомнительнаго достоинства астрономическіе инструменты, — грегоріанскій телескопъ, „доллондова труба", квадрантъ и компасъ,—переданные новому профессору, исчерпывали собою всѣ находившіяся въ его распоряженіи пособія для постановки преподаванія практической астрономіи. Представляется, поэтому, болѣе нежели понятнымъ, что уже первыя заботы Литтрова были усиленнымъ образомъ направлены на пріобрѣтеніе необходимѣйшихъ инструментовъ и книгъ и на устройство хотя бы небольшой обсерваторіи для практическаго ознакомленія студентовъ съ пріемами астрономическихъ наблюденій.

Въ ту пору еще почти полновластнымъ хозяиномъ университета являлся профессоръ-директоръ Яковкинъ; къ нему то и почелъ проф. Литтровъ цѣлесообразнымъ прежде всего обратиться съ своими ходатайствами въ только что указанномъ направленіи: „Г. Литтровъ просилъ меня дать ему нѣсколько слушателей для предварительнаго приготовленія ихъ и пріобученія къ дѣланію наблюденій,—доносилъ Яковкинъ попечителю отъ 18-го апрѣля 1810 года.—Для сего избралъ я троихъ студентовъ: старшаго Лобачевскаго (Н. И.), Линдегрена и Симонова. Сверхъ того, просилъ было онъ еще представить на благоусмотрѣніе вашего превосходительства о покупкѣ нѣкоторыхъ инструментовъ изъ Мюнхена отъ Рейхенбаха,—но я препоручилъ ему самому отнестись о томъ къ вашему превосходительству". Тогда же возникъ и вопросъ объ устройствѣ хотя бы маленькой астроно-

мической обсерваторіи. Яковкинъ не преминулъ показать Литтрову до нашихъ дней еще существующій куполъ надъ новымъ зданіемъ гимназіи, очень довольный тѣмъ, что какъ разъ въ это время находился въ Казани академикъ Вишневскій, который и былъ приглашенъ присутствовать при осмотрѣ этого плода строительныхъ фантазій профессора-деректора: „Какъ г. Литтровъ, такъ и г. академикъ Вишневскій *,—въ томъ же письмѣ докладывалъ Яковкинъ попечителю,—къ особенному моему удовольствію почитаютъ оный довольно достаточнымъ на первый случай, а потому даны г. Литтрову, для употребленія, квадрантъ, компасъ, грегоріанская и большая доллондова трубы". Яковкинъ придавалъ, вообще, не малое значеніе этому куполу-обсерваторіи и еще въ предшествовавшемъ году писалъ объ немъ попечителю, гордясь тѣмъ, что сооруженіе это было одобрено самимъ профессоромъ Бартельсомъ: „Пріятно было мнѣ извѣстіе, что г. Бартельсъ похвалилъ внутренность обсерваторіи,—отвѣчалъ ему на это Румовскій отъ 17-го іюня 1809 года.—Прошу увѣдомить, что скажетъ г. Вишневскій. Онъ знаетъ петербургскую обсерваторію и видѣлъ берлинскую. Я предвижу напередъ, что онъ найдетъ въ ней недостатокъ, что не приняты мѣры для постановки инструмента, l'instrument des passages называемаго. Но надобно знать, что сія обсерваторія не съ тѣмъ устраивается, чтобъ астрономъ-обсерваторъ безпрестанно продолжалъ дѣлать наблюденія, а единственно для показанія, какъ дѣлать наблюденія".

Слѣдуя указанію Яковкина, проф. Литтровъ 28-го апрѣля 1810 года лично обратился къ Румовскому съ ходатайствомъ относительно пріобрѣтенія астрономическихъ инструментовъ, которое мы приведемъ въ подлинникѣ, въ качествѣ перваго начинанія, направленнаго Литтровомъ къ созданію фундамента для будущихъ астрономическихъ коллекцій казанскаго университета:

„Господинъ директоръ Яковкинъ,—писалъ Литтровъ къ попечителю (приводимъ это письмо въ русскомъ переводѣ того времени),—который отмѣнно хорошимъ во всѣхъ отношеніяхъ обращеніемъ пріобрѣлъ любовь всѣхъ (!?) профессоровъ, продолжаетъ понынѣ имѣть попеченіе обо мнѣ, чужеземцѣ, съ такимъ дружелюбіемъ, которое одно можетъ меня заставить благословлять ту минуту, въ которую я рѣшился оставить свое отечество, что бы посвятить себя своей наукѣ на предѣлахъ Азіи. Усердствуя, въ равной мѣрѣ, о нашихъ учебныхъ потреб-

* Академикъ В. Вишневскій находился въ то время въ Казани, какъ одномъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ экспедиціи, совершавшейся имъ въ 1806—1815 годахъ, съ цѣлью географическаго опредѣленія различныхъ пунктовъ Россіи.

ностяхъ, онъ мнѣ предложилъ отнестись самому съ просьбою къ вашему превосходительству относительно ожидаемыхъ астрономическихъ инструментовъ. Почему осмѣливаюсь донести:

Англійскіе часы продаются весьма дорогою цѣною, и трудно оные доставать. Въ Германіи находится художникъ, который, по увѣренію г. Цаха, не уступаетъ англійскимъ—именно Рейхенбахъ въ Мюнхенѣ, о которомъ ваше превосходительство можетъ быть извѣстны. Его инструменты отмѣнно хороши и удобнѣе въ Россію доставлены быть могутъ, нежели англійскіе. Будучи въ послѣдній разъ въ Мюнхенѣ, получилъ я отъ него роспись его инструментовъ, которая за симъ слѣдуетъ *....

Когда я былъ у Рейхенбаха, то сдѣланы ему были препорученія отъ Деломберъ, изъ Парижа, и отъ Піацци, изъ Палермо, которыя служатъ свидѣтельствомъ его искусства. Цахъ намѣренъ былъ всю свою обсерваторію въ Эйзенахѣ снабдить рейхенбаховскими инструментами.

Хорошія и весьма дешевыя часы получить можно у Зейферта въ Дрезденѣ, коего дорожныя часы, съ маятникомъ, года три тому назадъ стоили только отъ 35 до 40 талеровъ. Бюргъ, мой учитель астрономіи, очень ихъ выхвалялъ. Въ Веймарѣ есть часы, съ маятникомъ, которыя стоятъ не болѣе 15-ти рейхсталеровъ".

Кромѣ астрономическихъ часовъ, Литтровъ указалъ на крайнюю необходимость пріобрѣтенія для университета квадранта, круга Берда и хронометра, мотивируя эту необходимость какъ потребностями будущей обсерваторіи, такъ и своимъ намѣреніемъ заняться геометрическими съемками казанской губерніи. 24-го августа Румовскій вошелъ по этому поводу къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ слѣдующаго содержанія:

„Профессоръ астрономіи Литтровъ представляетъ мнѣ, что для преподаванія студентамъ практической астрономіи и пріобрѣтенія ими способности дѣлать наблюденія нужны необходимо, на худой случай, слѣдующіе инструменты: а) двое астрономическихъ часовъ, б) подвижной квадрантъ въ радіусѣ около двухъ футовъ, в) Бердовъ кругъ (multiplicateur de Berda) и г) хронометръ. Имѣя сіи орудія, и для устроенія обсерваторіи нужныя, г. Литтровъ намѣренъ сочинить карту казанской губерніи, на геометрическихъ изысканіяхъ и на астрономическихъ наблюденіяхъ основанную, и считаетъ себя счастливымъ, что между слушателями своими нашелъ онъ двоихъ, подъ руководствомъ Бартельса толико успѣвшихъ въ высшей математикѣ, что одного изъ

* Далѣе слѣдуетъ, опускаемый нами, прейсъ-курантъ издѣлій Рейхенбаха.

нихъ надѣется въ короткое время привести въ состояніе занять мѣсто адъюнкта, и всѣ они въ непродолжительномъ времени приступили бъ къ сему важному предпріятію, ежели бъ снабжены были нужными инструментами.

Англійскіе инструменты драгоцѣнны и невозможно теперь получить ихъ изъ Англіи, какъ и хронометръ, почему г. Литтровъ, по мнѣнію моему справедливо, представляетъ астрономическія часы выписать изъ Дрездена, дѣлаемыя г. Зейфертомъ, одобренныя извѣстнымъ астрономомъ г. барономъ Цахомъ, а кругъ Берда—изъ Мюнхена, работы художника Рейхенбаха, коего искусство и точность въ работѣ тотъ же г. Цахъ равняетъ съ искусствомъ англійскихъ художниковъ.

По извѣстію, сообщенному мнѣ отъ г. Литтрова, одни часы изъ Дрездена можно получить, безъ провозу, за 32 луидора, а другіе за 16 луидоровъ. Бердовы круги г. Рейхенбахъ дѣлаетъ различной величины; для казанской обсерваторіи довольно будетъ круга въ 15 дюймовъ, коего цѣна, безъ провоза, отъ 95 до 143 луидоровъ. Цѣна всѣхъ, по нынѣшнему курсу, можетъ простираться до 2300 рублей".

Въ заключеніе своего представленія, Румовскій проситъ министра разрѣшить изъ хозяйственной суммы университета расходъ въ 4300 рублей „на инструменты для обсерваторіи, на провозъ ихъ, на покупку небесныхъ картъ, астрономическихъ книгъ и другія надобности, кромѣ квадранта и хронометра". Что касается квадранта, то Румовскій выражаетъ надежду на то, что академія наукъ согласится уступить казанскому университету „двухфутовый квадрантъ французскаго художника Ланглоа, въ двухъ ящикахъ хранимый и лежащій теперь,—пишетъ онъ,—думаю, безъ употребленія, тотъ самый, которымъ нѣкогда ваше сіятельство изволили брать соотвѣтственныя солнца высоты на обсерваторіи академіи наукъ". Этотъ академическій квадрантъ представлялъ для Румовскаго интересъ не въ томъ, конечно, что министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, когда то бралъ имъ для забавы „высоты солнца", но дорогъ былъ онъ старому попечителю-астроному потому, что этотъ самый квадрантъ, сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, находился съ нимъ въ сибирской экспедиціи для наблюденія прохожденія Венеры передъ солнцемъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ Румовскій въ письмѣ къ Литтрову отъ 16-го іюня 1810 года *. Сознавалъ Румовскій и необходимость пріобрѣ-

---

* «L'academie possede plusieurs quarts de cercle, dont elle ne fait aucun usage,—пишетъ здѣсь Румовскій.—J'ai proposé à S. E. monsieur le comte d'en ceder un de deux pieds, fait par L'Anglois, dont je me suis servi dans mes voyages et dont on trouve la description detaillée dans l'astronomie de La Lande».

тенія для университета хорошей трубы: „желательно бы было,—пишетъ онъ въ томъ же представленіи,—имѣть при обсерваторіи ахроматическую трехфутовую трубу съ объективнымъ микрометромъ, но какъ ни откуда, кромѣ Англіи, получить оной не можно, то вѣроятно, что г. Литтровъ въ ожиданіи удобнаго къ пріобрѣтенію оной случая намѣренъ довольствоваться двухфутовою трубою, доставленною мною для физическаго кабинета, которая по нуждѣ можетъ ему служить въ наблюденіяхъ закрытія звѣздъ отъ луны, затменія звѣздъ отъ луны, затменія спутниковъ юпитеровыхъ и затменій солнечныхъ и лунныхъ".

Ходатайство Румовскаго увѣнчалось успѣхомъ и, предложеніемъ отъ 13-го октября 1810 года, онъ увѣдомилъ совѣтъ, что „Государь Императоръ изъявилъ высочайшее соизволеніе на употребленіе изъ хозяйственныхъ суммъ казанскаго университета, для покупки инструментовъ для обсерваторіи и другихъ надобностей, до 4300 рублей, включая въ то число и книги астрономическія, которыя требовалъ г. Литтровъ", и что „инструменты, нужныя для обсерваторіи, на которые сумма сія назначена, суть: двое астрономическихъ часовъ и Бердовъ кругъ, съ провозомъ ихъ до Казани". Уполномочивъ Литтрова начать сношенія съ Зейфертомъ и Рейхенбахомъ относительно пріобрѣтенія отъ нихъ астрономическихъ инструментовъ, Румовскій сообщилъ ему также извѣстіе, встрѣченное имъ въ берлинскомъ астрономическомъ календарѣ, о томъ, что въ числѣ инструментовъ, оставшихся послѣ умершаго мекленбургскаго астронома-любителя графа фонъ-Гана, имѣется золотой хронометръ Арнольда, продающійся за 620 рейхсталеровъ, предлагая ему вступить въ переписку и относительно пріобрѣтенія этого инструмента.

Профессоръ Литтровъ не замедлилъ вступить въ сношенія по поводу пріобрѣтенія всѣхъ этихъ инструментовъ и съ Зейфертомъ, и съ Рейхенбахомъ, и съ опекою графа фонъ-Гана, но всѣ его хлопоты ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привели: съ опекою фонъ-Гана сдѣлка не состоялась, а Зейфертъ и Рейхенбахъ даже и не удостоили своими отвѣтами писемъ казанскаго профессора. Эта неудача хлопотъ Литтрова избавляетъ насъ отъ необходимости входить во всѣ подробности его сношеній по этому поводу, которыя интересующіеся найдутъ въ соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ *; замѣтимъ только, что наступившія политическія осложненія,—едва ли и не бывшія главною причиною только что указанныхъ неудачъ Литтрова,—а затѣмъ войны 1812—1814 годовъ устранили

* Дѣло попечительской канцеляріи № 48, за 1810 годъ.

возможность дальнѣйшихъ сношеній по полученію необходимыхъ астрономическихъ инструментовъ изъ заграницы и Литтрову, волею-неволею, пришлось довольствоваться тѣми плохенькими инструментами, которые были выданы ему изъ физическаго кабинета.

Старый академическій квадрантъ, столь дорогой Румовскому по сопряженнымъ съ нимъ личнымъ воспоминаніямъ, но оказавшійся почти уже негоднымъ къ употребленію, былъ единственнымъ предметомъ, пріобрѣтеннымъ казанскимъ университетомъ изъ серіи намѣченныхъ Литтровомъ къ покупкѣ астрономическихъ инструментовъ, и пріобрѣтеннымъ за цѣну далеко не дешевую: академія наукъ взыскала съ университета за этотъ квадрантъ двѣ тысячи рублей, цѣну, которую, въ представленіи министру отъ 27-го сентября 1810 года, самъ Румовскій признавалъ „высокою", оправдываемою только тѣмъ, что „нынѣ пріобрѣтеніе квадранта изъ Парижа или Англіи почти невозможно". Какъ ни мало пригоденъ былъ этотъ старый инструментъ, еще и до нашихъ дней сохраняющійся въ музеѣ астрономической обсерваторіи казанскаго университета, тѣмъ не менѣе Литтровъ принесъ Румовскому благодарность за его пріобрѣтеніе, политично добавивъ, что доставленный квадрантъ ему „eo carior est, quum tam diu laborum meritorumque tuorum testis in diversis regionibus assistebat" [35].

Мы уже выше замѣтили, что, слѣдомъ за прибытіемъ своемъ въ Казань, профессоръ Литтровъ, наряду съ ходатайствомъ о пріобрѣтеніи инструментовъ и книгъ, предпринялъ заботы и объ устройствѣ хотя бы небольшой астрономической обсерваторіи и что Яковкинъ не замедлилъ предложить ему для этой цѣли куполъ главнаго корпуса вновь отстроенной гимназіи. По свидѣтельству А. И. Артемьева, въ этомъ именно куполѣ Литтровъ въ первое время и „производилъ разныя наблюденія и руководствовалъ въ упражненіяхъ студентовъ". Недолго просуществовала, однако, въ этомъ куполѣ начальная обсерваторія казанскаго университета, если только, дѣйствительно, Литтровъ велъ здѣсь какія либо астрономическія занятія. Онъ уже очень скоро призналъ этотъ пресловутый куполъ несоотвѣтственнымъ цѣлямъ, для которыхъ тотъ рекомендовался ему профессоромъ-директоромъ и устроилъ маленькую обсерваторію въ собственномъ деревянномъ домѣ на Красной улицѣ, пріобрѣтенномъ имъ вскорѣ по прибытіи въ Казань, но и это помѣщеніе признано было имъ неподходящимъ, вслѣдствіе чего, въ письмѣ къ Румовскому отъ 26-го августа 1810 года *, онъ высказываетъ новыя предположенія относительно обсерваторіи:

* Письмо это интересно, между прочимъ, тѣмъ, что къ нему приложены произведенныя Литтровомъ вычисленія эфемеридъ планеты Паллады (см. дѣло Попеч. 1810, № 48, документъ подъ № 3-мъ).

„Обращаюсь къ вамъ съ просьбою, предпринимаемою не лично для себя, но въ интересахъ обсерваторіи, которой вамъ угодно положить основаніе,—пишетъ здѣсь проф. Литтровъ.—Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я купилъ себѣ деревянный домъ, въ которомъ и устроился довольно удобно. Профессора, имѣющіе собственные дома и, сверхъ того, получающіе по 500 рублей квартирныхъ денегъ—служатъ здѣсь, и не безъ основаній, предметомъ зависти со стороны профессоровъ, пользующихся казенными квартирами въ натурѣ. Положеніе первыхъ представляетъ, и на самомъ дѣлѣ, много преимуществъ. Я готовъ, тѣмъ не менѣе, отказаться отъ этихъ преимуществъ во имя интересовъ той науки, которой я посвятилъ всю свою жизнь. Въ моемъ собственномъ деревянномъ домѣ я не нахожу помѣщенія, сколько нибудь подходящаго для производства астрономическихъ наблюденій, такъ какъ здѣсь не имѣется, прежде всего—свободнаго горизонта. Между тѣмъ я считаю положительно необходимымъ жить въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ своими инструментами, что бы имѣть возможность вести съ ними правильныя и ежедневныя наблюденія. Я не остановлюсь,—если вамъ будетъ угодно соизволить на это,—передъ продажею своего дома, хотя бы и съ убыткомъ, съ тѣмъ, что бы получить казенную квартиру, въ которой я могъ бы приличнымъ образомъ расположить свои инструменты, имѣя для этой цѣли одну комнату съ открытымъ во всѣ стороны видомъ, которая и послужила бы мнѣ обсерваторіею. Представляется, пока, еще вполнѣ возможнымъ обходиться безъ обширнаго и дорогого зданія обсерваторіи; вспомнимъ самыхъ знаменитыхъ германскихъ астрономовъ,—Ольберса, Гаусса, Гардинга и др.: имъ замѣняли и замѣняютъ обсерваторіи приспособленныя для наблюденій комнаты въ ихъ домахъ, изъ которыхъ выходятъ, тѣмъ не менѣе, полезныя и цѣнныя наблюденія, какихъ не даютъ намъ многія, грандіозно обставленныя, обсерваторіи.

Здѣсь можно указать на нѣсколько подходящихъ для указанной мною цѣли казенныхъ домовъ, — напримѣръ, на домъ, въ которомъ раньше квартировалъ проф. Финке, или на домъ, гдѣ жилъ проф. Нейманъ,—даже на оба главныя гимназическія зданія, старое и новое, за исключеніемъ, однако, купола, который громко величали обсерваторіею, но который, въ дѣйствительности, ни на какое употребленіе не годенъ. Я полагаю, что нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ, пользующіеся казенными квартирами, съ удовольствіемъ согласились бы ихъ уступить, получивъ, взамѣнъ, тѣ 500 рублей квартирныхъ денегъ, которыя я получаю. Отъ благосклоннаго усмотрѣнія вашего превосходительства будетъ зависить предоставить мнѣ счастливую возможность беззавѣтно отдаться той наукѣ, въ области которой я въ вашей особѣ почитаю старѣйшаго и наиболѣе заслуженнаго русскаго астронома".

Только что приведенное письмо Литтрова явилось ближайшимъ стимуломъ къ извѣстной намъ ассигновкѣ на пріобрѣтеніе для казанскаго

университета астрономическихъ инструментовъ: „Я показывалъ его сіятельству г. министру письмо, въ которомъ вы пишете, что приспособили небольшую обсерваторію въ собственномъ своемъ домѣ, — отвѣчалъ Румовскій отъ 15-го сентября,—и это дало мнѣ основаніе настоять на необходимости пріобрѣтенія двоихъ часовъ, круга Берда и квадранта; его сіятельство согласился войти по этому поводу съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ и Его Величеству было благоугодно всемилостивѣйше разрѣшить отпускъ на этотъ предметъ 4300 рублей". Попечитель не согласился, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ предположеніемъ Литтрова объ устройствѣ обсерваторіи въ одномъ изъ казенныхъ домовъ: „Это потребовало бы,—писалъ онъ ему,—новыхъ расходовъ и я не могу рѣшиться на это до полнаго открытія университета; сверхъ того, дома, въ которыхъ квартировали г.г. Нейманъ и Финке, нужны, первый—для гимназіи, второй—для помѣщенія попечителя, на случай пріѣзда его въ Казань. Да и что стали бы вы дѣлать съ обсерваторіею—безъ инструментовъ? Прежде всего слѣдуетъ озаботиться пріобрѣтеніемъ этихъ послѣднихъ, а впослѣдствіе можно уже будетъ подумать и объ устройствѣ обсерваторіи"... ..

Между тѣмъ Литтровъ, еще не дождавшись попечительскаго отвѣта, предпринялъ хлопоты на мѣстѣ относительно подысканія для себя подходящей казенной квартиры и на этой почвѣ вошелъ въ соглашеніе съ профессоромъ Сторлемъ, какъ это выясняется изъ слѣдующаго письма Румовскаго къ профессору-директору отъ 29-го числа того же сентября: „Г. Литтровъ пишетъ ко мнѣ, что г. Сторль соглашается уступить квартиру свою г. Литтрову съ тѣмъ, что бы г. Сторль получалъ квартирныя деньги, г. Литтрову назначенныя". Подъ вліяніемъ извѣстія объ этомъ соглашеніи, попечитель измѣнилъ передъ тѣмъ только съ такою категоричностью высказанному имъ мнѣнію о несвоевременности устройства обсерваторіи въ зданіяхъ университета: „Мнѣ кажется,—писалъ онъ,—что въ сей размѣнѣ никакого не можетъ быть затрудненія и я согласенъ потому наипаче, что г. Литтровъ пишетъ, что квартира, г. Сторлемъ занимаемая, удобна, съ нѣкоторою маловажною перестройкою, къ учрежденію небольшой обсерваторіи..... Я прошу удовлетворить его требованіе. На нужную для обсерваторіи перестройку употребите, сколько будетъ нужно, изъ суммы на заведеніе (sic) университета отпускаемой. Увѣдомьте о семъ г. Литтрова; я надѣюсь, что зимою доставлю для обсерваторіи квадрантъ, о которомъ я ему писалъ". Соглашеніе Литтрова съ Сторлемъ вскорѣ разстроилось и вопросъ объ астрономической обсерваторіи снова заглохъ на цѣлый годъ времени.

Этотъ вопросъ снова выплылъ наружу вслѣдствіе письма Литтрова къ попечителю отъ 18-го сентября слѣдующаго 1811 года, въ которомъ нашъ астрономъ предлагалъ новую комбинацію къ занятію казенной квартиры, а слѣдовательно—и къ устройству небольшой обсерваторіи: на этотъ разъ онъ видѣлъ возможность соглашенія на этой почвѣ съ профессорами Брауномъ или Реннеромъ. Съ Брауномъ дѣло не устроилось, но со вторымъ изъ нихъ соглашеніе было, въ концѣ концовъ, достигнуто и Реннеръ уступилъ Литтрову, въ обмѣнъ на его квартирный окладъ, свою казенную квартиру, находившуюся въ верхнемъ этажѣ такъ называвшагося „типографскаго" дома. Помѣщеніе это представляло серьезныя неудобства къ устройству въ немъ обсерваторіи, съ которыми Литтрову волею-неволею приходилось, тѣмъ не менѣе, мириться, какъ это видно изъ письма его къ попечителю отъ 31-го октября 1811 года:

„Имѣю честь донести,—пишетъ здѣсь Литтровъ,—что нашъ обмѣнъ помѣщеніями произойдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Только верхнія комнаты пріобрѣтаемаго мною помѣщенія могутъ быть пригодными для нѣкоторыхъ наблюденій. Здѣсь могу я въ безопасности хранить инструменты и покойно заниматься вычисленіями съ г. Симоновымъ, который горячо и всѣмъ существомъ своимъ отдался астрономическому знанію. Я имѣю въ виду неподвижно укрѣпить трубу особымъ способомъ, который надолго возмѣститъ мнѣ недостачу пассажнаго инструмента,—инструмента для насъ слишкомъ дорогаго. Для многихъ наблюденій это помѣщеніе окажется, къ сожалѣнію, непригоднымъ вслѣдствіе малой высоты комнатъ, незначительности оконныхъ просвѣтовъ и слишкомъ выдающагося надъ послѣдними края домовой крыши. Въ зимнее время солнце будетъ видимо отсюда всего на какіе нибудь полчаса, что не дастъ возможности хотя бы только одного опредѣленія его высоты. Слѣдовало бы насквозь пробить крышу дома и установить на ней небольшую башенку—но это обошлось бы слишкомъ дорого".

Выполняя желаніе попечителя, Литтровъ подробно осмотрѣлъ все принадлежащее университету мѣсто, съ цѣлью найти что нибудь болѣе подходящее для устройства обсерваторіи, и вниманіе его остановилось на старой каменной постройкѣ, находившейся въ ботаническомъ (тенишевскомъ) саду университета:

„Я просто измучился,—доноситъ онъ попечителю въ томъ же письмѣ отъ 31-го октября,—въ теченіи нѣскольких дней осматривая всѣ окрестности моего новаго жилища, въ надеждѣ отыскать мѣсто, удобное для устройства обсерваторіи. Мнѣ посчастливилось, наконецъ, найти то, чего я искалъ и что можетъ соотвѣтствовать видамъ и ва-

шего превосходительства. Въ одномъ углу ботаническаго сада имѣется каменная хибарка (une cabane à pierre), въ которой хранятся садовые орудія; длина ея—36, ширина—23, толщина стѣнъ—$2^1/_2$ англ. футовъ. Эта постройка хорошо сохранилась и еще достаточно прочна для возможности сооруженія надъ нею шестиугольной башенки (un petit hexagone), хотя бы и деревянной, съ шестью надлежащихъ размѣровъ окнами, что обойдется не дороже 500 рублей. Предполагаемое мною сооруженіе не только не стѣснитъ ботаническаго сада, но послужитъ ему даже къ украшенію. Мы имѣли бы здѣсь открытый горизонтъ (un horizon libre), превосходное мѣстоположеніе, достаточную устойчивость для инструментовъ и безусловное спокойствіе; словомъ—у насъ получилась бы вполнѣ опрятная и пригодная для всякаго рода наблюденій небольшая обсерваторія. Что касается относительной отдаленности этой мѣстности отъ моей квартиры,—во всякомъ случаѣ не превышающей разстоянія двухсотъ шаговъ,—то это обстоятельство меня не стѣснитъ, тѣмъ болѣе, что въ одной изъ двухъ комнатъ постройки, имѣющей русскую печь, можетъ поселиться сторожъ сада, который будетъ охранять и обсерваторію; во второй комнатѣ я поставлю столъ и небольшую кровать, что бы проводить здѣсь ночи, благопріятныя для наблюденій. Убѣдительно прошу ваше превосходительство не отказать въ утвержденіи изложенныхъ предположеній моихъ".

Проектъ устройства обсерваторіи, представленный ему Литтровомъ и весьма характерный для обрисовки тѣхъ скромныхъ пожеланій, которыми руководствовался будущій славный директоръ вѣнской астрономической обсерваторіи, видимо заинтересовалъ собою попечителя, который, въ письмѣ отъ 27-го ноября *, благодарилъ его за предпринятыя имъ въ этомъ направленіи хлопоты и просилъ о доставленіи ему какъ плана садовой постройки, остановившей на себѣ вниманіе Литтрова, такъ и чертежей намѣченной имъ башенки, вмѣстѣ съ примѣрною смѣтою потребныхъ для сооруженія обсерваторіи расходовъ, включивъ въ эти послѣдніе и стоимость постройки новой бесѣдки для храненія садовыхъ инструментовъ, „дабы не дать г. Фуксу (завѣдующему ботаническимъ садомъ) основательнаго повода сѣтовать на притѣсненіе его астрономіею"—шутитъ Румовскій. Облюбованной проф. Литтровомъ старой постройкѣ ботаническаго сада и было суждено обратиться въ незамысловатую первую астрономическую обсерваторію казанскаго университета [36]. Прежде, нежели перейти

---

* Это письмо Румовскаго интересно и въ томъ отношеніи, что въ немъ имѣются указанія на астрономическія работы Литтрова: на сдѣланное имъ вычисленіе высоты полюса для Казани и на произведенное имъ осенью 1811 года наблюденіе кометы (см. дѣло Попеч. 1810, № 48, документы №№ 4 и 21).

къ разсказу объ осуществленіи скромныхъ плановъ въ этомъ направленіи перваго казанскаго профессора астрономіи, возвратимся къ вопросу о пріобрѣтеніи университетомъ астрономическихъ инструментовъ, съ которымъ Румовскій вполнѣ разумнымъ образомъ связывалъ самый вопросъ объ устройствѣ при университетѣ астрономической обсерваторіи.

Мы уже познакомились съ неудачами, постигшими Литтрова въ 1810 и 1811 годахъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія изъ заграницы астрономическихъ инструментовъ, благодаря которымъ не довелось ему пріобрѣсти ни астрономическихъ часовъ, ни Бердова круга, ни хронометра,—скромныя пожеланія, далѣе которыхъ не шли ни Литтровъ, ни самъ Румовскій. Приходилось довольствоваться наличными инструментами, при помощи которыхъ Литтрову удалось, однако, произвести осенью 1811 года наблюденія надъ кометою, показавшеюся на казанскомъ небосклонѣ въ концѣ августа этого года. Наблюденія эти, произведенныя Литтровомъ при содѣйствіи его учениковъ И. М. Симонова и Н. И. Лобачевскаго, были обставлены самымъ примитивнымъ образомъ и могли представить значеніе развѣ только исключительно пропедевтическое; производившіяся съ 30-го августа черезъ окно комнаты совѣтской канцеляріи, при неблагопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ, плохими инструментами, даже безъ помощи астрономическихъ часовъ, которыя замѣнялись обыкновенными стѣнными часами, находившимися въ залѣ совѣтскихъ засѣданій—эти наблюденія не представляли никакого научнаго значенія („nullius pretii"), какъ отозвался объ нихъ и самъ Литтровъ въ своемъ письмѣ къ попечителю *. Порадовался было Литтровъ возможности пріобрѣсти хронометръ въ Казани, гдѣ таковой оказался у мѣстнаго помѣщика, капитана втораго ранга Костливцева, соглашавшагося уступить его университету за 120 гиней, но и здѣсь постигло нашего астронома разочарованіе, такъ какъ этотъ инструментъ не былъ признанъ стоющимъ назначенной за него цѣны.

Первымъ послѣ всѣхъ этихъ неудачъ пріобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ Литтровомъ, явился телескопъ, въ началѣ лѣта 1812 года принесенный университету въ даръ самимъ попечителемъ С. Я. Румовскимъ. Этотъ подарокъ явился предсмертнымъ со стороны престарѣлаго попечителя-астронома, скончавшагося въ началѣ іюля мѣсяца того же года, былъ привезенъ изъ Петербурга въ Казань и 26-го іюня представленъ совѣту,

* Научное сообщеніе объ этихъ наблюденіяхъ, принадлежащее самому Литтрову, интересующіеся могутъ найти въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» за 1811 годъ (№ 21). Латинское донесеніе Литтрова попечителю о тѣхъ же наблюденіяхъ, съ препровожденіемъ результатовъ ихъ, см. въ архивномъ «Собраніи писемъ и пр.», матеріалы Литтрова, № 25.

отъ имени Румовскаго, вновь назначеннымъ профессоромъ хирургіи Арнгольдтомъ. Вотъ подлинное описаніе этого инструмента, сообщенное Румовскимъ совѣту университета: „Отправлена мною для доставленія въ казанскій университетъ съ г. экстраординарнымъ профессоромъ Арнгольдтомъ, въ даръ университету отъ меня, Доллондова почти трехфутовая мѣдная труба, съ мѣднымъ приборомъ, съ объективнымъ микроскопомъ, въ особомъ краснаго дерева ящикѣ, съ пьедесталомъ или штативомъ изъ того же дерева. При трубѣ недостаетъ одного глазоваго стекла, что тотчасъ видѣть можно при раскрытіи ящика, въ которомъ труба уложена“.

Съ состояніемъ астрономическаго кабинета казанскаго университета къ началу 1814 года, — года полнаго открытія университета,—знакомитъ насъ представленный проф. Литтровомъ 13-го декабря 1813 года отчетъ, вошедшій и въ общій отчетъ по университету за 1813 годъ. Вотъ какія данныя представитъ намъ этотъ отчетъ:

„Въ астрономическую обсерваторію (которой, въ сущности, еще и не было) въ теченіи сего года ничего не поступило,—читаемъ мы въ университетскомъ отчетѣ за 1813 годъ.—Она имѣетъ библіотеку изъ 38 томовъ и слѣдующіе инструменты:

1) Гадлеевъ секстантъ Рамзденовой работы (sextans hadleyanus, auctor Ramsden).

2) Его же искусственный горизонтъ (ejusdem horiz. artific.).

3) Оптическая труба Доллонда, съ микрометромъ (tubus opticus Dollondi, micrometro instructus).

4) Двѣ маленькія трубы (tubi duo minores).

5) Астрономическій квадрантъ работы Ланглета (quadrans astronomicus, auctore Langlet).

6) Маленькій квадрантъ работы Бирда (quadrans minor, auctore Bird).

7) Кассегреньянская отражательная труба (tubus cassegrenianus reflectens).

Нѣтъ еще обсерваторіи при университетѣ. Наблюденія производятся на куполѣ новаго строенія гимназіи, который, однакожъ, не можетъ соотвѣтствовать потребностямъ совершенно устроенной обсерваторіи. Она во многихъ инструментахъ имѣетъ нужду, особливо въ хронометрѣ и въ Бердовѣ кругѣ“.

Заключительныя слова цитируемаго отчета даютъ намъ указаніе на то, что, послѣ долгихъ поисковъ за помѣщеніемъ, которое способно было бы замѣнить ему отсутствіе обсерваторіи—профессору Литтрову, въ концѣ концовъ, все таки пришлось вернуться къ куполу главнаго зданія гимназіи, еще въ началѣ 1810 года усиленно рекомендовавшемуся ему Яковкинымъ и, слѣдомъ за тѣмъ, имъ забракованному [37].

Обратимся въ настоящее время къ дальнѣйшей судьбѣ жалкой каменной будки въ университетскомъ ботаническомъ саду, обратившей на себя вниманіе проф. Литтрова и которой выпала на долю лестная участь сдѣлаться родоначальницею будущихъ обширныхъ астрономическихъ обсерваторій казанскаго университета, мѣстомъ работъ будущаго европейски-знаменитаго астронома Литтрова и практическою школою его ученика и замѣстителя—И. М. Симонова.

Прежде всего о мѣстоположеніи литтровской обсерваторіи. Покойный Н. Н. Буличъ писалъ по этому поводу: „Всякій слѣдъ маленькой обсерваторіи Литтрова исчезъ; мы не можемъ точно указать мѣста, гдѣ она была". Намъ удалось, тѣмъ не менѣе, не только самымъ точнымъ образомъ возстановить мѣстоположеніе этой старѣйшей обсерваторіи, благодаря старинному (1819 года) „плану мѣстамъ и садамъ, принадлежащимъ императорскому казанскому университету" *, снимокъ котораго нами прилагается къ настоящей книгѣ, но даже указать донынѣ сохранившееся зданіе литтровской обсерваторіи. Простое исчисленіе по масштабамъ разстояній, взятыхъ, съ помощью циркуля, по этому плану и по современному плану юго-западной части университетскаго квартала, съ совершенною ясностью обнаружило, что старая литтровская обсерваторія какъ разъ соотвѣтствуетъ небольшому каменному домику, расположенному между современными зданіемъ обсерваторіи и корпусомъ университетской библіотеки и въ настоящее время занимаемому нижними служителями обсерваторіи. Сохранился и набросанный п. д. университетскаго архитектора П. М. Васильевымъ планъ и разрѣзъ старому каменному строенію ботаническаго сада—„употребляемому, какъ значится на планѣ, садовниками и огородниками на поклажу своихъ инструментовъ и семянъ огородныхъ" **. Это строеніе заключалось изъ двухъ сводчатыхъ комнатъ совершенно одинаковой величины (по двѣ квадратныя сажени площади и по $5^3/_4$ аршинъ вышины до вершины сводовъ каждая); въ одной изъ комнатъ, которыя соединялись между собою внутреннею дверью и имѣли каждая отдѣльную входную дверь, находилась печь и два окна, въ другой, однооконной, имѣлся подвалъ для храненія кореньевъ. Эту то миніатюрную и невзрачную старую постройку проф. Литтровъ и избралъ для приспособленія ея къ устройству астрономической обсерваторіи—выборъ, который былъ одобренъ и Румовскимъ ***.

* Находится въ концѣ архивнаго дѣла: Сов. 1819, № 69.

** См. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Литтрова, № 22.

*** 31-го марта 1903 года, согласно моему представленію и моимъ указаніямъ, произведены были необходимыя измѣренія и осмотры для провѣрки предположенія относительно

Выполняя предписаніе попечителя, Литтровъ вступилъ въ переговоры съ и. д. архитектора университета Васильевымъ, прося его „сдѣлать ему планъ и смѣту обсерваторіи". Предположеніе Литтрова относительно незначительности требуемыхъ для того расходовъ,—500 рублей,—не оправдалось: Васильевъ объявилъ ему, что весь расходъ на перестройку этого зданія выразится въ суммѣ до трехъ тысячъ рублей, но при томъ только условіи, „ежели, по осмотрѣнію, найдется сіе строеніе прочно и удобно для сего дѣла". Раннею весною 1812 года архитекторъ осмотрѣлъ садовое строеніе и пришелъ къ выводу, весьма неутѣшительному: „открылось,—доносилъ онъ,—что оное совсѣмъ не способно для обсерваторіи; ветхость основанія и сводовъ, почти разрушенныхъ, не могла бъ поддержать надстройки, а узкость расположенія помѣшала бы выполнить условія для обсерваторіи". Тогда вопросъ о сооруженіи обсерваторіи былъ поставленъ Литтровомъ на другую почву: возникло предположеніе выстроить для нея совершенно новое зданіе, отказавшись отъ утилизаціи старой садовой постройки. Вотъ что разсказывалъ объ этомъ самъ архитекторъ Васильевъ, отписываясь по поводу предъявленнаго ему обвиненія въ непомѣрномъ повышеніи цифры расходовъ проектированной смѣты:

> Сказавши о семъ г. профессору Литтрову, онъ просилъ меня прожектировать другой планъ, съ такими условіями: а) что бы обсерваторія выстроена была сама по себѣ, на особомъ удобномъ мѣстѣ, б) въ два этажа съ простою крышею и в) каменная. Здѣсь всякій увидитъ,—оправдывался университетскій архитекторъ,—что три тысячи рублей, достаточныя на пристройку, если бы состоялась, весьма недостаточны будутъ для выполненія сихъ новыхъ условій, показывающихъ не просто пристройку въ одинъ этажъ, но особое каменное

тожественности старой литтровской обсерваторіи съ нынѣшнимъ каменнымъ строеніемъ, расположеннымъ между зданіями обсерваторіи и библіотеки. Въ этихъ изслѣдованіяхъ приняли участіе: ректоръ университета и директоръ астрономической обсерваторіи Д. И. Дубяго, ассистентъ обсерваторіи А. А. Михайловскій и архитекторъ университета инженеръ-капитанъ В. М. Павловъ. Мѣстоположеніе упомянутаго выше каменнаго строенія было тщательно провѣрено измѣреніями въ натурѣ, согласно планамъ мѣстности 1819 года и современному, а затѣмъ подробно осмотрѣно и сличено съ сохранившимся планомъ литтровской обсерваторіи самое строеніе, оказавшееся очень старинной кладки, но съ позднѣйшею небольшою пристройкою къ нему съ сѣверной стороны. Большая часть этого строенія, соотвѣтствующая обѣимъ южнымъ его комнатамъ—была признана при этомъ несомнѣнно тожественною съ старою каменною бесѣдкою ботаническаго сада, послужившею проф. Литтрову для устройства астрономической обсерваторіи.

Изслѣдованное нами строеніе можетъ, такимъ образомъ, почитаться отнынѣ однимъ изъ интересныхъ архитектурныхъ памятниковъ прошлаго казанскаго университета, будучи связано съ громкимъ въ наукѣ именемъ перваго казанскаго профессора астрономіи.

двухэтажное строеніе и, слѣдовательно, требующее и суммы на построеніе вдвое больше перваго предположенія, то есть—шесть тысячъ съ сотнями. Сдѣлавши планъ и смѣту, г. профессоръ Литтровъ просилъ меня на той же бумагѣ придѣлать другой планъ, предположивъ въ ономъ устроить обсерваторію съ подвижною крышею, для паралактической машины. Вотъ опять другое условіе, влекущее за собою необходимо новую надбавку къ смѣтѣ: ибо для устроенія подвижной крыши потребно болѣе матеріаловъ и весьма искуссной работы, нежели для простой крыши, такъ что разница вышла на 800 рублей, т. е. на построеніе обсерваторіи съ подвижною крышею надобно 7000 рублей съ сотнями, какъ значится въ письменной моей смѣтѣ, отданной г. Литтрову".

Въ мартѣ 1812 года все дѣло о сооруженіи обсерваторіи, вмѣстѣ съ только что цитированнымъ объясненіемъ Васильева, пошло въ Петербургъ, на благоусмотрѣніе попечителя, но дальнѣйшаго хода не получило. Значительность составленной смѣты, вѣроятно, испугала попечителя, тѣмъ болѣе, что осложнявшіяся политическія обстоятельства исключали возможность новыхъ расходовъ, а послѣдовавшая въ началѣ іюля мѣсяца того же года смерть Румовскаго—на цѣлые два года пріостановила дальнѣйшее движеніе вопроса объ осуществленіи завѣтной мечты профессора Литтрова *.

Вновь возникло дѣло о сооруженіи обсерваторіи,—притомъ на основѣ первоначальнаго предположенія проф. Литтрова относительно деревянной надстройки къ существующему старому садовому строенію,—лишь въ іюлѣ 1814 года, уже послѣ совершившагося факта полнаго открытія университета, вслѣдствіе новаго представленія о томъ Литтрова попечителю М. А. Салтыкову. Исторія возрожденія этого вопроса лучше всего раскроется намъ слѣдующимъ предложеніемъ попечителя, на имя правленія университета, отъ 21-го іюля 1814 года:

„Г. профессоръ Литтровъ, единственно по усердію своему и ревности къ пользѣ университета, проситъ меня убѣдительно, что бъ построить обсерваторію, представляя, при томъ, что хотя на обсерваторію и отпускаются ежегодно деньги, но онъ три года нисколько оныхъ не получалъ по той причинѣ, что надобности въ нихъ не имѣлось. По его усмотрѣнію, находитъ онъ слѣдующія мѣры удобнѣйшими:

* Фасы, планы и разрѣзы проектированной проф. Литтровомъ обсерваторіи, вмѣстѣ съ ся смѣтою, интересующіеся найдутъ въ архивномъ «Собраніи писемъ и пр.», матеріалы Литтрова, № 26.

1) Для построенія обсерваторіи почитаетъ онъ выгоднѣйшимъ мѣсто въ ботаническомъ саду.

2) Для соблюденія казеннаго интереса полагаетъ онъ удобнымъ построить оную надъ каменною бесѣдкою, въ видѣ втораго этажа, деревянную.

3) По примѣрной смѣтѣ * потребно для построенія обсерваторіи надъ каменною бесѣдкою 1300 рублей.

4) Для поспѣшнѣйшаго и цѣлесообразнаго построенія обсерваторіи поручить производство того построенія ему, г. Литтрову, профессору Арнгольдту и адъюнкту Симонову.

Выразивъ, при этомъ, свою „благодарность г. Литтрову, отдавая полную справедливость его усердію и усматривая великую пользу и честь университету отъ учрежденія обсерваторіи", Салтыковъ одобрилъ всѣ эти предположенія Литтрова и предписалъ отпустить на строительные расходы „деньги прошедшей и текущей трети" изъ суммы въ пятьсотъ рублей, положенной на обсерваторію, а остальную сумму добавить заимообразно изъ суммы, ассигнуемой на визитаціи училищъ (въ сентябрѣ того же года министромъ было разрѣшено считать это позаимствованіе, совершенное въ размѣрѣ одной тысячи рублей—безвозвратнымъ); сверхъ того, попечитель разрѣшилъ употребить на строительныя потребности строевой лѣсъ, тесъ и другіе матеріалы, оставшіеся отъ отстройки, послѣ пожара, университетскаго типографскаго дома.

Утвердивъ предположеніе Литтрова объ учрежденіи особаго комитета для сооруженія обсерваторіи, попечитель имѣлъ въ виду производство всѣхъ строительныхъ работъ хозяйственнымъ способомъ. Между тѣмъ не замедлили возникнуть среди членовъ комитета несогласія, въ виду которыхъ попечитель предписалъ правленію произвести торги на отдачу всѣхъ работъ на отрядъ, но и эта мѣра не привела къ благопріятному результату, такъ какъ объявленныя на торгахъ (4-го и 7-го августа) подрядчиками цѣны были признаны слишкомъ высокими. Тогда Салтыковъ рѣшился на крайнюю мѣру: упразднивъ строительный комитетъ и отказавшись отъ подряднаго способа постройки, онъ всецѣло и нераздѣльно ввѣрилъ все дѣло сооруженія обсерваторіи самому профессору Литтрову. Въ этомъ новомъ фазисѣ своемъ дѣло пошло настолько успѣшно, что уже 11-го ноября Литтровъ имѣлъ возможность донести правленію университета объ окончаніи всѣхъ работъ, съ представленіемъ и денежнаго

* На этотъ разъ составленной адъюнктомъ военныхъ наукъ и архитектуры С. С. Петровскимъ.

Старая Литтровская астрономическая обсерваторія, устроенная въ 1814 году.

Литтровской обсерваторіи соотвѣтствуетъ лѣвая (съ 2 окнами) большая часть воспроизведеннаго на рисункѣ зданія—до средней водосточной трубы; передняя (съ 1 окномъ) часть зданія представляетъ собою позднѣйшую пристройку конца 30-хъ годовъ.

На заднемъ планѣ, за правою группою деревьевъ, просвѣчиваютъ корпусъ и башни нынѣшняго зданія обсерваторіи.

въ нихъ отчета, изъ котораго видно, что противъ первоначальной смѣты допущена была передержка всего въ 41 рубль 9 копѣекъ; свой отчетъ Литтровъ заключаетъ изъявленіемъ горячей благодарности попечителю и университетскому правленію за благосклонное участіе къ интересамъ науки и къ его личнымъ просьбамъ, благодаря которому получила осуществленіе его завѣтная мечта относительно сооруженія небольшой обсерваторіи. Въ собраніи университетскаго совѣта 11-го декабря 1814 года была объявлена и профессору Литтрову, отъ лица попечителя, „совершенная благодарность за отстроеніе имъ обсерваторіи". Такъ возникла первая, по времени, астрономическая обсерваторія казанскаго университета. Изъ правленскаго дѣла объ ея построеніи видно, что при немъ имѣлся не только планъ, но и рисунокъ обсерваторіи; ни того ни другого въ дѣлахъ университетскаго архива намъ не удалось, къ сожалѣнію, розыскать. Мы имѣемъ, за то, описаніе этой обсерваторіи въ общемъ отчетѣ о состояніи за 1814 годъ кафедры астрономіи, принадлежащемъ перу самого профессора Литтрова и на столько интересномъ, что мы считаемъ существеннымъ привести его здѣсь въ полномъ видѣ:

„Въ семъ году выстроена наша обсерваторія,—читаемъ въ отчетѣ за 1814 годъ проф. Литтрова.—Что же касается до инструментовъ, то вновь еще ничего не пріобрѣтено. Вскорѣ, однакожъ, ожидаю кругъ умножитель (circulus multiplicator), работы Баумана, въ Штудгардтѣ. О новыхъ астрономическихъ часахъ (horlogium astronomicum) и о Гадлеевомъ секстантѣ (sextans hadleyanus) и о ночной трубѣ (tubus nocturnus) представлено къ его превосходительству министру.

Число книгъ увеличено еще двумя новыми: Astronomisches Jahrbuch на 1814, 1815 и 1816 г.г. и Monatliche Correspondenz, книжки 23—26.

Сверхъ сего приготовленъ одинъ искусственный горизонтъ (horizon artificialis) и два микрометра для астрономическихъ трубъ".

Перечисливъ, затѣмъ, труды, помѣщенные имъ за отчетный годъ въ различныхъ ученыхъ изданіяхъ (записки императорской академіи наукъ и астрономическій календарь Боде), проф. Литтровъ переходитъ къ описанію вновь сооруженной астрономической обсерваторіи казанскаго университета:

„Обсерваторія находится почти въ серединѣ ботаническаго сада; выстроена на возвышенномъ мѣстѣ, откуда можно обозрѣть почти весь горизонтъ. Она стоитъ на весьма твердомъ, съ прочными сводами, каменномъ строеніи, содержащемъ двѣ комнаты: одна—для астронома, другая—для сторожей. Самая наблюдательная комната—четвероуголь-

ная и достаточно обширна для всякаго рода наблюденій, съ высокими окнами, такъ, что изъ оныхъ едва не можно наблюдать зенитъ. Съ конца въ конецъ комнаты, почти чрезъ середину крыши, идетъ прорѣзъ въ направленіи меридіана, назначенный для наблюденій посредствомъ пассажъ-инструмента или Бердова круга (круга умножителя). Подъ симъ прорѣзомъ возвышается подножіе, выведенное отъ самыхъ стѣнъ, для твердѣйшаго стоянія орудій. Таковыхъ подножій находится пять, составляющихъ существенность обсерваторіи, ибо безъ нихъ никакое наблюденіе не можетъ быть надежно.

Предъ обсерваторіей устроена платформа (ein Altan), имѣющая открытый видъ на востокъ, югъ и западъ; въ западной ея части помѣщенъ домикъ съ подвижною крышею и внутри съ выкладеннымъ отъ подошвы подножіемъ, для наблюденій посредствомъ параллактической машины. Судя по всему устройству, хорошо соотвѣтствующему своей цѣли и по непоколебимой твердости каменныхъ основаній, назначенныхъ для наблюденій, можно надѣяться производить всѣ наблюденія съ большою удобностью и ожидать точности, какъ бы и на всякой другой обсерваторіи, построеніе которой стоило бы въ двѣсти или въ триста разъ болѣе. Остается желать только, чтобъ она снабжена была добрыми орудіями, какъ то: пассажъ-инструментомъ, хорошимъ сектантомъ и годными часами, безъ коихъ нельзя произвести ничего значительнаго" [38].

Ходатайство относительно пріобрѣтенія инструментовъ для вновь сооруженной имъ обсерваторіи было предпринято проф. Литтровомъ еще до окончанія ея постройки—въ началѣ октября 1814 года. Ссылаясь на участіе, принятое попечителемъ въ дѣлѣ устройства обсерваторіи и на приближающееся окончаніе работъ, Литтровъ обратился въ правленіе университета съ рапортомъ, въ которомъ указывалъ на неотложную необходимость пріобрѣтенія для обсерваторіи „хорошихъ астрономическихъ часовъ, Гадлеева секстанта, который бы имѣлъ отъ 8 до 10 дюймовъ въ полупоперечникѣ, и ночной трубы или кометоискателя (Commeten-Sucher), безъ коихъ никакъ обойтись не можно". Правленіе постановило, въ засѣданіи своемъ отъ 8-го октября, представить это ходатайство на благоусмотрѣніе попечителя и на этотъ разъ хлопоты Литтрова увѣнчались успѣхомъ: въ началѣ 1815 года казанская обсерваторія получила, наконецъ, астрономическіе часы Лепота, пріобрѣтенные, черезъ посредство академика Шуберта, за одну тысячу рублей, и сектантъ Траутона, съ искусственнымъ горизонтомъ и зрительною трубою—за 602 рубля 34 копѣйки; въ томъ же году пріобрѣтенъ и Бердовъ кругъ въ 16 дюймовъ, работы Баумана въ Штудгардтѣ. Весною и лѣтомъ 1818 года шла пере-

писка о пріобрѣтеніи для казанской обсерваторіи пассажнаго инструмента (полуденнаго круга или трубы), продававшагося за 400 рублей дерптскимъ университетомъ, но эта покупка, повидимому, или не состоялась, или инструментъ этотъ оказался совершенно негоднымъ къ употребленію, такъ какъ весною слѣдующаго 1819 года отсутствіе „полуденной трубы" указывалось въ качествѣ существеннаго дефекта казанской астрономической обсерваторіи. Въ январѣ 1819 года обсерваторія обзавелась и кометоискателемъ, купленнымъ у покойнаго ректора И. О. Брауна для физическаго кабинета и опредѣленіемъ совѣта отъ 15-го января переданнымъ, согласно ходатайству о томъ преемника Литтрова, профессора Симонова, въ собственность астрономической обсерваторіи [39].

Съ устройствомъ обсерваторіи и съ пріобрѣтеніемъ для нея въ началѣ 1815 года нѣкоторыхъ изъ необходимѣйшихъ инструментовъ, возможными сдѣлались болѣе или менѣе серьезныя занятія практическою астрономіею, а также и астрономическія наблюденія. Такъ, уже въ апрѣлѣ 1815 года на новой обсерваторіи казанскаго университета производились наблюденія надъ телескопическою кометою, относительно которыхъ въ университетской газетѣ того времени („Казанскія Извѣстія", № 35, отъ 1-го мая), было помѣщено слѣдующее сообщеніе самого профессора Литтрова:

„Едва только астрономическая обсерваторія здѣшняго университета снабжена была нужными инструментами, какъ мы уже и начали дѣлать наблюденія надъ видимою нынѣ кометою, открытою въ Бременѣ г. Ольберсомъ. Здѣсь въ первый разъ замѣчена она была г. адъюнктомъ астрономіи Симоновымъ, съ помощью трубы, называемой кометоискатель (Kometen-Sucher) *, что дѣлаетъ ему весьма много чести: ибо это первыя его наблюденія и я, по причинѣ глазной болѣзни не входя ни въ какія непосредственныя наблюденія, самъ былъ свидѣтелемъ ревности, съ какою, при малозвѣздномъ небѣ, отыскивалъ онъ сіе, весьма слабый свѣтъ имѣющее, свѣтило. Въ ту же самую ночь начали мы опредѣлять ее положеніе посредствомъ трехфутоваго телескопа съ круговымъ микрометромъ, сравнивая оное съ ближайшими къ ней неподвижными звѣздами. Комета сія, будучи открыта въ созвѣздіи Мухи, прошедъ чрезъ южную часть Персея и Камелеопарда, находится нынѣ очень близко къ головѣ созвѣздія Рыси. Такъ какъ она весьма слабо освѣщена, то и можетъ быть видима посредствомъ только хорошихъ трубъ. Изъ сего самаго, равнымъ образомъ и изъ

* Эта труба, какъ это видно изъ сказаннаго нами выше, въ то время еще не составляла собственности обсерваторіи.

того, что она имѣетъ весьма медленное теченіе, заключить можно, что комета сія какъ отъ солнца, такъ и отъ земли находится въ большомъ разстояніи" *.

Въ маѣ 1816 года профессоръ Литтровъ оставилъ русскую университетскую службу и Казань и его преемникомъ какъ по кафедрѣ, такъ и по управленію обсерваторіею, явился его ученикъ, адъюнктъ И. М. Симоновъ, лѣтомъ того же года получившій званіе экстраординарнаго профессора.

Въ эпоху ревизіи Магницкаго, отчетъ по астрономической обсерваторіи казанскаго университета былъ представленъ суровому ревизору въ ряду другихъ отчетовъ по университету. Этотъ документъ знакомитъ насъ съ подборомъ инструментовъ, сформировавшимся при обсерваторіи къ веснѣ 1819 года,—именно:

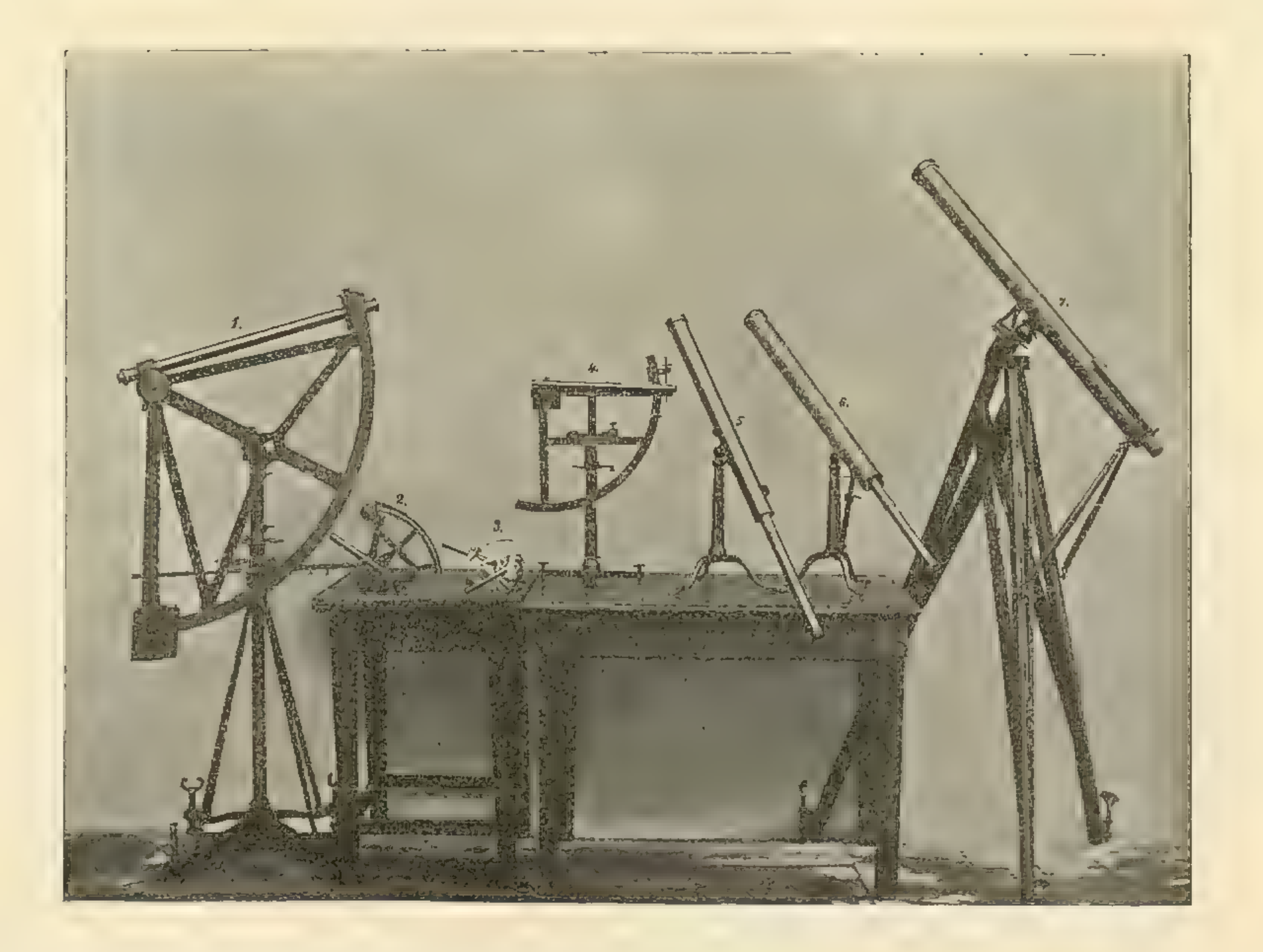
1) Гадлеевъ секстантъ Рамздена.
2) Искусственный горизонтъ.
3) Труба ахроматическая Доллонда, въ $3^1/_2$ фута, съ геліометромъ.
4) Двѣ малыя трубы.
5) Квадрантъ Ланглеза.
6) Малый квадрантъ Бирда.
7) Трубы съ зеркалами.
8) Бердовъ кругъ.
9) Траутоновъ секстантъ съ горизонтомъ.
10) Астрономическіе часы.
11) Круговой микрометръ.
12) Искусственный горизонтъ, сдѣланный въ Казани.
13) Кометоискатель.

Кромѣ инструментовъ, въ числѣ имущества обсерваторіи показана и небольшая библіотечка, заключавшая въ себѣ 13 названій и 73 тома—преимущественно справочнаго характера. Отчетъ содержитъ въ себѣ и общую характеристику состоянія обсерваторіи:

„Обсерваторія,—читаемъ въ отчетѣ,—не имѣетъ самонужнѣйшихъ инструментовъ, безъ которыхъ нельзя обойтись, какъ то: 1) Полуденной трубы, которая должна быть новая и довольно значительной ве-

* Болѣе подробныя и уже научно обоснованныя данныя объ этой кометѣ были напечатаны проф. Литтровомъ въ № 68-мъ «Казанскихъ Извѣстій» за тотъ же 1815 годъ. Здѣсь же помѣщена имъ интересная замѣтка объ открытіи Бесселя, касающемся двойной звѣзды (№ 61) созвѣздія Лебедя.

Группа старыхъ (эпохи проф. I. А. Литтрова) инструментовъ музея Казанской астрономической обсерваторіи.

1. Квадрантъ Ланглеза (Ланглоа). Желѣзный, на желѣзномъ пьедесталѣ, съ мѣднымъ лимбомъ.—2. Секстантъ Траутона.—3. Секстантъ Рамздена.—4. Малый квадрантъ Бирда. Мѣдный, на мѣдномъ пьедесталѣ.—5. Ахроматическая труба Тангета. Мѣдная.—6. Ахроматическая труба Рамздена въ 0.81 метра. Мѣдная.—7. Ахроматическая труба Доллонда въ 1.14 метра. Мѣдная, на деревянномъ треножникѣ, съ геліометромъ и тремя глазными трубочками.

личины, ибо сія труба можетъ почесться основаніемъ всякой обсерваторіи; 2) Карманнаго хронометра, безъ котораго въ зимнее время не возможно дѣлать никакихъ наблюденій въ нашемъ климатѣ, ибо при нѣсколько значительномъ морозѣ часы съ маятникомъ останавливаются, и 3) Паралактической машины.

Изъ находящихся въ обсерваторіи инструментовъ Бердовъ кругъ, Доллондова труба, труба Рамздена, часы и оба секстанта довольно хороши, а особливо первый и второй изъ нихъ; прочіе же весьма ветхи и къ употребленію неспособны".

Ревизоръ казанскаго университета М. Л. Магницкій, въ своемъ отчетѣ министру, въ свою очередь отводитъ мѣсто характеристикѣ какъ директора обсерваторіи, профессора И. М. Симонова, такъ и завѣдуемой имъ обсерваторіи. „Экстраординарный профессоръ астрономіи и наблюдатель Симоновъ,—отзывается Магницкій,—молодой человѣкъ, отличный познаніями и поведеніемъ, извѣстный въ чужихъ краяхъ и подающій самую большую надежду на будущее время". Отзывъ Магницкаго о самой обсерваторіи не лишенъ даже претензіи на сарказмъ по адресу покойнаго попечителя-астронома Румовскаго: „Изъ астрономическихъ инструментовъ на обсерваторіи университета находящихся, — читаемъ здѣсь,—Бердовъ кругъ, Доллондова труба съ геліометромъ, Траутоновъ секстантъ и астрономическія часы—весьма хороши и могутъ быть съ пользою употреблены на всякой обсерваторіи; прочія же орудія не заслуживаютъ никакого вниманія, были накуплены довольно дорого и безполезно, ибо между оными есть нѣкоторыя до двухъ тысячъ рублей стоившія * и кои куплены потому только, что попечитель Румовскій дѣлалъ нѣкогда помощью ихъ свои наблюденія въ Сибири".... [40].

Въ такомъ видѣ представляется намъ начальная исторія астрономической обсерваторіи казанскаго университета, самымъ тѣснымъ образомъ связанная, какъ мы видѣли, съ именемъ одного изъ выдающихся астрономовъ истекшаго XIX столѣтія—І. І. Литтрова.

---

* Намекъ на старый квадрантъ Ланглоа, за эту именно цѣну купленный Румовскимъ для казанскаго университета, у императорской академіи наукъ.

IV

Химическая лабораторія.

Ѳ. Л. Эвестъ, адъюнктъ химіи и матеріи-медики, и встрѣченное имъ полное отсутствіе пособій къ преподаванію химіи.—Первыя химическія изслѣдованія при казанскомъ университетѣ.—Пріобрѣтеніе матеріаловъ и снарядовъ для химическихъ анализовъ.—Начало химической лабораторіи.—Заботы о пріобрѣтеніи необходимой стеклянной посуды.—Преемники Эвеста: адъюнкты І. Ф. Вуттигъ и И. И. Дунаевъ.—Состояніе химической лабораторіи университета по отчету, составленному для цѣлей ревизіи Магницкаго.

Зарожденіе химической лабораторіи казанскаго университета стоитъ въ непосредственной связи съ дѣятельностью адъюнкта Ѳ. Л. Эвеста, назначеннаго во вновь основанный университетъ, съ порученіемъ преподаванія „химіи и матеріи медики", 21-го октября 1805 года—слѣдовательно еще въ первый годъ существованія университета.

Прибывъ въ Казань, Эвестъ встрѣтилъ здѣсь полное отсутствіе какихъ бы то ни было пособій для преподаванія химіи и уже въ засѣданіи совѣта 2-го декабря оказался вынужденнымъ заявить, что не считаетъ возможнымъ открыть порученные ему курсы, такъ какъ для сего университетъ не имѣетъ еще „ни нужныхъ инструментовъ, ни другихъ пособій, да и студенты къ слушанію оныхъ лекцій не подготовлены". Въ силу этого заявленія, Эвесту предложено было „на первый случай" занять студентовъ преподаваніемъ зоологіи и минералогіи, но уже въ 1806—1807 учебномъ году онъ читаетъ общій курсъ химіи, сопровождая свои чтенія, въ предѣлахъ возможнаго, опытами *.

Предположивъ съ начала слѣдующаго учебнаго года открыть чтенія по химіи, съ другой же стороны, въ видахъ возложенной на него въ мартѣ 1806 года и уже извѣстной намъ обязанности заняться изслѣдованіемъ водъ **, Эвестъ 12-го мая того же года вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, при которомъ подалъ списокъ вещей и матеріаловъ, признаваемыхъ имъ необходимыми какъ для изслѣдованія водъ, такъ и для опытнаго преподаванія химіи. Всѣ вещи были здѣсь распредѣлены по тремъ рубрикамъ: а) вещи „нужныя для испытанія водъ, которыя можно искупить въ Казани за означенныя цѣны", въ спискѣ и выставленныя,—всего на сумму 157 рублей 74 коп.; б) вещи „для испытанія водъ нужныя, коихъ въ Казани не имѣется" и в) „вещи нужныя для химическихъ опытовъ, которыхъ

* См. томъ I, стр. 119 и 142.

** См. выше, стр. 232.

въ Казани не имѣется и которыя, на всякій первый потребный случай, необходимо нужны"; къ исчисленной имъ цѣнности предметовъ, могущихъ быть добытыми въ самой Казани, Эвестъ прибавилъ еще и 50 рублей на непредвидѣнныя потребности („pro requisitis inopinalis"), вслѣдствіе чего общая сумма представленнаго имъ списка увеличилась до 207 р. 74 коп. Изъ сохранившагося при соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ подлиннаго списка Эвеста, любопытнаго съ точки зрѣнія оцѣнки скромныхъ лабораторныхъ пожеланій перваго казанскаго химика, усматривается, что въ числѣ предметовъ, предположенныхъ къ пріобрѣтенію въ самой Казани, фигурируютъ, преимущественно, различнаго рода матеріалы и реагенты, а также нѣкоторые приборы (простой микроскопъ, горѣлки, барометръ, термометръ) и посуда, причемъ болѣе цѣнные приборы намѣчены къ позаимствованію изъ физическаго кабинета; въ числѣ предметовъ, намѣченныхъ къ пріобрѣтенію внѣ Казани, указаны: „Гуктона (?) подвижная лабораторія, съ пнеумато-химическимъ снарядомъ", гидростатическіе вѣсы и разнаго рода химическая посуда (реторты, колбы, плавильные горшки, реципіенты, трубки, мензурки, воронки и т. п.). Представленіе Эвеста было препровождено на усмотрѣніе попечителя, который предложеніемъ отъ 7-го іюня и разрѣшилъ выдать 157 р. 74 коп. на указанныя Эвестомъ потребности; относительно же предметовъ, подлежащихъ пріобрѣтенію внѣ Казани, предписалъ совѣту „поручить г. адъюнкту Эвесту снестись о выпискѣ и цѣнѣ оныхъ, съ кѣмъ надлежитъ, и, чего будутъ оные стоить,— писалъ Румовскій,—меня увѣдомить, и тогда я не премину дать предписаніе о выдачѣ за нихъ потребныхъ денегъ".

Въ іюлѣ того же 1806 года было удовлетворено совѣтомъ ходатайство Эвеста относительно пріобрѣтенія для студентовъ 25-ти экземпляровъ руководства къ химіи Жакена, въ русскомъ переводѣ Винсовича и Дьякова. Тогда же сказались и другія потребности для предположенныхъ Эвестомъ изслѣдованій и опытовъ, указанныя имъ въ новомъ представленіи совѣту отъ 14-го іюля: мѣхъ для химическихъ опытовъ, дрова для выпариванія водъ, наконецъ—помѣщеніе и служитель при немъ. Изготовленіе требуемаго Эвестомъ мѣха было поручено университетскому механику Горденину, который и соорудилъ его къ концу года, притомъ настолько удовлетворительно, что осматривавшая его особая совѣтская коммиссія, образованная изъ профессора Фукса и адъюнктовъ Эвеста и Запольскаго, дала въ январѣ 1807 года заключеніе, что „судя по скорому плавленію симъ мѣхомъ стекла и превращенію свинцоваго сахара въ видъ металлическій, находимъ мы его весьма полезнымъ и прочнымъ и, кажется, что

онъ гораздо превосходитъ цѣну 78-ми рублей 80-ти копѣекъ, которые выданы машинисту Горденину на составленіе онаго". Удовлетворено было и ходатайство Эвеста относительно отпуска дровъ для выпариванія водъ, помѣщеніе же для лабораторіи отведено въ нижнемъ этажѣ Тенишевскаго дома, гдѣ она и располагалась въ продолженіи всей занимающей насъ эпохи; по относящемуся къ 1820 году плану этого дома, химическая лабораторія показана въ двухъ комнатахъ его нижняго этажа (№№ 17 и 18), соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ второй и третьей, считая отъ западнаго угла зданія, комнатамъ инспекторской квартиры [41].

Такъ совершилось болѣе нежели скромное зарожденіе химической лабораторіи казанскаго университета, которая, однако же, въ первые годы существованія университета не присвоивала себѣ еще этого наименованія, называясь „вещами химическаго класса" или „химическимъ кабинетомъ". Съ конца 1806 года открылся и опредѣленный источникъ для удовлетворенія потребностей лабораторіи: въ заслушанномъ совѣтомъ, въ засѣданіи 8-го декабря этого года, предложеніи попечителя объ отпускѣ съ 1807 года штатныхъ суммъ, опредѣленныхъ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, оказалась включенною и сумма въ одну тысячу рублей, назначенная уставомъ университета на нужды химической лабораторіи; эти нужды были въ то время еще настолько, однако, ограничены, что эта штатная сумма полностью ни разу ни расходовалась на протяженіи всего интересующаго насъ промежутка времени.

Вопросомъ, весьма существеннымъ какъ для „химическаго класса" адъюнкта Эвеста, такъ и для другихъ демонстративныхъ преподаваній, представлялся вопросъ о пріобрѣтеніи стеклянной посуды, выписываніе которой изъ столицъ являлось дорогимъ, да и слишкомъ затруднительнымъ, почему профессоръ-директоръ Яковкинъ уже въ концѣ 1807 года былъ озабоченъ изысканіемъ болѣе близкой мѣстности, въ которой возможно было бы дѣлать необходимые университету въ этомъ отношеніи заказы. Первоначально Яковкинъ имѣлъ было въ виду находящійся въ пензенской губерніи хрустальный заводъ Бахметева, но, въ виду безуспѣшности сношеній съ этимъ заводомъ, онъ остановился на хрустальномъ заводѣ коллежскаго совѣтника и кавалера Юшкова, находившемся еще ближе отъ Казани — всего въ 175-ти верстахъ. 22-го января 1808 года Яковкинъ вошелъ въ совѣтъ съ заявленіемъ, въ которомъ предлагалъ отправить на этотъ заводъ университетскаго механика Горденина—„дабы онъ, осмотрѣвъ оный заводъ и замѣтивъ, въ какихъ случаяхъ можетъ университетъ пользоваться хрустальною онаго работою, снаряды большей

точности требующіе приказалъ при себѣ сдѣлать, а не требующіе особенной точности заказалъ бы сдѣлать по своемъ отъѣздѣ и доставить въ университетъ, по возвращеніи же своемъ подалъ бы совѣту обо всемъ имъ усмотрѣнномъ, сдѣланномъ и заказанномъ обстоятельный рапортъ". Предложеніе это было принято, снабженный подробною инструкціею Горденинъ слѣдомъ за тѣмъ побывалъ на заводѣ Юшкова и уже 26-го февраля представилъ совѣту слѣдующій рапортъ о своей экскурсіи:

„Вслѣдствіе инструкціи, данной мнѣ изъ совѣта отъ 28-го минувшаго генваря, отправясь на стеклянный г. коллежскаго совѣтника и кавалера Юшкова заводъ, по прибытіи туда, по не обыкновеннымъ производствамъ въ томъ заводѣ таковыхъ подѣлокъ, какія поручены мнѣ сдѣлать для учебныхъ потребностей, старался я, по возможности моей, вспомоществовать мастеровымъ къ выдѣлкѣ для нихъ формъ, а по онымъ и стекла, присовокупляя къ тому, дабы оное могло впредь быть, какъ въ чистотѣ, такъ и добротѣ, лучшимъ. А въ какомъ видѣ нашелъ я въ томъ заводѣ до пріѣзда моего составленное стекло, то изъ онаго, по даннымъ мнѣ отъ г.г. адъюнктовъ Запольскаго и Эвеста вырѣзкамъ, и сдѣланы разныя вещи, по нѣскольку частей, только безъ шлифовки, потому что въ заводѣ ономъ никакого еще заведенія для того нѣтъ, но, для показанія ихъ, могутъ ли къ употребленію быть годны (чего для и пришлифовку оныхъ на первый случай пріемлю я на себя), доставлены они сюда отъ означеннаго г. заводчика на счетъ гимназіи и университета, что куда слѣдовать будетъ, за три рубля, о числѣ же тѣхъ вещей, съ показаніемъ званія и цѣны каждой вещи порознь и оптомъ, стоющихъ въ заводѣ, честь имѣю представить при семъ регистръ. Что же касается до чертежей г.г. профессоровъ Фукса и Брауна, то къ сдѣланію по онымъ хрустальныхъ банокъ, требующихъ аккуратности въ шлифованіи верхнихъ краевъ и къ нимъ плоскихъ крышекъ, на серединѣ коихъ отверстія должны быть въ діаметрѣ отъ 3-хъ до 4-хъ линій, требующія искусственнаго сверленія, приступить я не могъ по неимѣнію въ томъ заводѣ инструментовъ и мѣдныхъ формъ. Въ прочемъ заводъ сей, при бдительномъ и искусномъ надзорѣ, въ выдѣлываніи всѣхъ потребныхъ учебныхъ вещей на будущее время споспѣшествовать гимназіи и университету можетъ, если благоугодно будетъ совѣту съ г. заводчикомъ постановить о томъ условіе, что онъ охотно пріемлетъ, а для того и устройство въ заводѣ возстановить предполагаетъ".

Изъ представленнаго Горденинымъ реэстра заказанныхъ имъ вещей видимъ, что заводомъ изготовлено было 22 большихъ и 13 малыхъ колбъ, по 10 большихъ и малыхъ ретортъ, 5 „баночекъ съ протычками и съ скривленными трубками", 4 подставки кондукторныя, 2 банки „съ тремя

горлами, для перегонки жидкостей", 7 „смычковъ прохладительныхъ" и пр., всего 164 предмета на сумму 44 рубля 15 копѣекъ. Въ засѣданіи совѣта 20-го мая адъюнкты Запольскій и Эвестъ дали отзывъ, что они „дѣланную на заводѣ г. Юшкова стеклянную посуду для классовъ физическаго и химическаго—одобряютъ". Пользовался ли въ послѣдующее время университетъ услугами завода Юшкова и, если пользовался, то въ какихъ размѣрахъ—свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ. Большая часть предметовъ, пріобрѣтенныхъ отъ завода Юшкова черезъ Горденина, поступила въ инвентарь химической лабораторіи, какъ это видно изъ годичнаго отчета о „вещахъ, поступившихъ на пособіе при его лекціяхъ", поданнаго Эвестомъ въ январѣ 1809 года [42].

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько успѣшно, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, шли работы Эвеста въ новорожденной химической лабораторіи университета, какъ вообще, такъ и по возложенному на него изслѣдованію казанскихъ водъ, въ частности, но въ засѣданіи совѣта отъ 17-го іюня 1808 года было заслушано сообщеніе его о результатахъ произведеннаго имъ анализа воды двухъ колодцевъ, имѣвшихся въ то время на гимназическомъ дворѣ. Адъюнктъ Эвестъ доносилъ совѣту, что въ водѣ этихъ колодцевъ „находится довольно извести, пересыщенной воздушной кислотою, и весьма малое количество, даже въ соединеніи съ кислотою сѣрною едва примѣтная, примѣсь желѣза", что происходитъ, по его мнѣнію, „отъ всегдашняго погруженія окованныхъ желѣзомъ бадей въ тѣ колодцы, что, однакожъ, вѣрно не повредитъ здравія употребляющихъ изъ нихъ воду". До насъ дошелъ „списокъ вещей, состоящихъ января къ 1-му числу 1809 года въ химическомъ классѣ", который является документальнымъ доказательствомъ скудости имущества университетской химической лабораторіи въ послѣдній годъ завѣдованія ею адъюнкта Эвеста. Здѣсь значатся: „два желѣзныхъ котла изъ чугуна, одинъ въ шесть, а другой въ два ведра", „печь съ тремя горнами и простою желѣзной жести трубою", „малый котликъ изъ красной мѣди съ колпакомъ, прохладительною трубою и деревянною кадочкою", „зеленой мѣди ручная плавильная трубка", „сложный мѣхъ съ жестяною лампадою" и другіе, совсѣмъ уже незначительные, предметы, главную массу которыхъ составляла стеклянная химическая посуда, часть которой показана „пришедшей въ ветхость или разбитою при разныхъ опытахъ въ химическомъ классѣ" [43].

Въ ночь на 26-ое октября 1809 года умеръ адъюнктъ Эвестъ, первый преподаватель химіи и основатель химической лабораторіи казанскаго уни-

верситета, со смертью котораго „лекціи по части матеріи медики и химіи прекратились"—по словамъ оффиціальнаго документа того времени. „Вещи химическаго класса", — иначе говоря, инвентарь лабораторіи, — поручено было привести въ извѣстность студенту Н. И. Лобачевскому, который 22-го декабря и представилъ соотвѣтствующій рапортъ на имя профессора-директора Яковкина. Изъ этого рапорта оказалось, что три вещи (малая чугунная ступка, топоръ и стальная пила для дерева) вовсе не оказались на лицо, часть посуды найдена разбитою, а нѣсколько маловажныхъ предметовъ найдены не занесенными въ инвентарную книгу. Заслушавъ рапортъ Лобачевскаго въ засѣданіи 23-го декабря, совѣтъ постановилъ: взыскать съ имущества покойнаго Эвеста стоимость неоказавшихся на лицо вещей (ступки, топора и пилы), имущество же „химическаго класса", вмѣстѣ съ шнуровою инвентарною книгою, передать на храненіе адъюнкту технологіи І. Ф. Вуттигу—„съ тѣмъ, что бы онъ включилъ въ оную (книгу) вещи, незаписанныя еще, и выключилъ бы неспособныя къ употребленію".

Завѣдованіе Вуттига химическою лабораторіею продолжалось менѣе года—до лѣта 1810 года, когда онъ выѣхалъ въ отпускъ, изъ котораго обратно въ Казань уже не возвратился. На долю Вуттига выпало составленіе отчета о положеніи химической лабораторіи, представленнаго, подъ названіемъ „извѣстія о состояніи матеріаловъ и снарядовъ, находящихся въ химическомъ классѣ", въ числѣ другихъ отчетовъ, потребованныхъ отъ университета, въ виду вступленія въ должность новаго министра графа А. К. Разумовскаго, въ маѣ 1810 года. Отчетъ Вуттига рисуетъ химическую лабораторію въ состояніи, едва ли способномъ отвѣчать требованіямъ серьезнаго и всесторонняго преподаванія химіи: „Хотя всѣ находящіеся химическіе матеріалы недостаточны для полнаго преподаванія всѣхъ частей химіи, однако жъ они могутъ быть съ пользою употреблены на лекціяхъ", — заявляетъ отчетъ, причемъ тутъ же отмѣчаетъ крупные дефекты лабораторіи: „Всѣ находящіяся печи и другія для огня орудія довольно достаточны для дѣланія главныхъ опытовъ при лекціяхъ, однако жъ еще многія изъ нихъ были бы нужны"; „стеклянные сосуды могутъ употребляться только для перегонки, варенія и т. д. и немногіе только изъ оныхъ могутъ служить для пневматическихъ опытовъ, для испаренія и т. д., или и совсѣмъ нѣтъ таковыхъ, почему и нужно оные купить; „находящіеся глиняные сосуды хотя и могутъ служить для плавленія, однако жъ еще многихъ недостаетъ для полнаго практическаго преподаванія". Общій выводъ Вуттига относительно состоянія лабораторіи тотъ, что „для преподаванія всѣхъ частей химіи (исключая технологіи) еще потребно много

другихъ снарядовъ и матеріаловъ", причемъ онъ отмѣчаетъ и необходимѣйшіе изъ нихъ,—именно: „пробирные вѣсы, платиновый тигель, серебряный тигель, платиновую лопаточку, серебряный перегонный шаръ, агатовую ступку, фарфоровую ступку, различные пневматическіе снаряды и т. д.". Къ отчету приложена и подробная инвентарная опись всего имущества „химическаго класса".

Преемникомъ Вуттига по завѣдыванію химическою лабораторіею явился И. И. Дунаевъ, назначенный въ казанскій университетъ „магистромъ по части химіи и технологіи" и бывшій представителемъ кафедры химіи въ теченіи всѣхъ остальныхъ годовъ занимающей насъ эпохи. Намъ уже извѣстны изслѣдованія содосодержащихъ залежей и скипидара, произведенныя Дунаевымъ въ лабораторіи университета; указаній на другія работы, производившіяся въ этой послѣдней въ предѣлахъ той же эпохи—мы не имѣемъ [44].

Въ архивныхъ дѣлахъ университета сохранились годичные отчеты по лабораторіи за 1812—1818 годы, но мы считаемъ излишнимъ останавливаться на нихъ, такъ какъ всѣ эти отчеты, отмѣчая существеннѣйшіе ея дефекты, свидѣтельствуютъ лишь о полномъ почти отсутствіи серьезныхъ начинаній по приведенію химической лабораторіи въ положеніе, соотвѣтствующее задачамъ и объему высшаго спеціальнаго образованія. Направляя вниманіе лицъ, желающихъ ближе познакомиться съ исторіею интересующаго насъ учрежденія, къ этимъ подлиннымъ отчетамъ [45], замѣтимъ лишь, что въ отчетѣ за 1812 годъ впервые появляется самое названіе—„химическая лабораторія".

Изъ записки Дунаева о состояніи университетской химической лабораторіи, составленной для ревизіи 1819 года, интересующіеся могутъ почерпнуть самыя подробныя свѣдѣнія относительно положенія этого учебно-вспомогательнаго учрежденія передъ эпохою попечительства Магницкаго и, слѣдовательно, относительно результатовъ четырнадцатилѣтняго его развитія. Спеціалистъ вынесетъ изъ этой записки несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что результаты эти оказались далеко не блестящими, да и самъ Дунаевъ отмѣчаетъ крупные недостатки завѣдуемой имъ лабораторіи: „Химическая лабораторія,—читаемъ въ его запискѣ 1819 года,—хотя и довольно снабжена инструментами, служащими для перегонокъ разнаго рода и другихъ механическихъ и химическихъ дѣлопроизводствъ (sic!), для преподаванія химическихъ уроковъ нужныхъ, но не имѣетъ электрической машины и приборовъ къ ней, хорошаго гальваническаго снаряда, воздушнаго насоса, фарфоровыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ сосудовъ

и мелкихъ другихъ снарядовъ и, вообще, приборовъ, нужныхъ для производства точныхъ химическихъ опытовъ; равнымъ образомъ и составленная, по недостатку въ университетской библіотекѣ химическихъ книгъ, при лабораторіи особенная библіотека (изъ 102-хъ томовъ—при запискѣ имѣется ея каталогъ) не имѣетъ еще многихъ необходимо нужныхъ книгъ и журналовъ по химіи. Сверхъ того, занимаемыя химическимъ кабинетомъ двѣ комнаты, по разнымъ отношеніямъ, довольно неудобны".

Отчетъ Магницкаго о произведенной имъ ревизіи университета почти дословно повторяетъ только что приведенное нами заключеніе Дунаева о состояніи химической лабораторіи, но за то не особенно лестный отзывъ данъ ревизоромъ относительно самаго представителя кафедры химіи: „Адъюнктъ Дунаевъ,—пишетъ Магницкій,—въ преподаваніи химіи не можетъ достаточно замѣнить хорошаго профессора сей науки" [46].

Все изложенное выше заставляетъ насъ прійти къ несомнѣнному заключенію о томъ, что эпоха первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета явилась для его химической лабораторіи едва ли не эмбріональнымъ только періодомъ начальной жизни этого важнаго учебно-вспомогательнаго учрежденія, дальнѣйшіе успѣхи котораго связаны уже съ именемъ профессора А. Я. Купфера, съ 1823 года занявшаго въ казанскомъ университетѣ кафедру химіи.

V

Кабинетъ естественной исторіи или натуральный

«Потемкинское» собраніе металловъ и минераловъ, доставшееся въ 1798 году казанской гимназіи.—Гимназическое собраніе зоологическихъ спиртовыхъ препаратовъ, какъ основа будущаго натуральнаго кабинета университета.—Описаніе этого собранія.—Начинаніе академика Озерецковскаго.—К. Ѳ. Фуксъ, первый профессоръ естественной исторіи, и его вліяніе на зарожденіе въ университетской молодежи любви къ природѣ и естествознанію.—Естественно-историческія увлеченія молодежи въ воспоминаніяхъ Аксакова и Панаева.—Первыя извѣстія о натуральномъ кабинетѣ университета.—Кабинетъ естественной исторіи въ первые годы существованія университета.—Мѣры къ составленію зоологическихъ коллекцій.—Дальнѣйшія пополненія кабинета.—Предоставленіе натуральному кабинету самостоятельнаго помѣщенія.—Пріобрѣтенія 1814 года.—Зачатки палеонтологическаго собранія университета.—Отчетъ о состояніи кабинета естественной исторіи къ осени 1816 года.—Разнохарактерность коллекцій натуральнаго кабинета.—Начальное зарожденіе университетскаго «музея рѣдкостей» и его первыя пріобрѣтенія.—Пріобрѣтенія у проф. Броннера его собраній раковинъ (1816 г.) и минераловъ (1817 г.).—Университетскій кабинетъ естественной исторіи по представленнымъ Магницкому отчетамъ объ его состояніи.—Отзывъ Магницкаго объ этомъ кабинетѣ.

Начальная исторія „натуральнаго" кабинета казанскаго университета находится, подобно начальной исторіи его библіотеки и кабинета физиче-

скаго, въ самой тѣсной генетической связи съ фактомъ возстановленія въ 1798 году казанской гимназіи. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на существованіе при старой, екатерининской, казанской гимназіи какихъ бы то ни было естественно-историческихъ собраній и первыя относящіяся сюда данныя пріурочиваются къ послѣднимъ годамъ XVIII вѣка.

Намъ уже извѣстна судьба библіотеки, собранной свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ для проектировавшагося имъ въ г. Екатеринославѣ университета, которая, по высочайшему соизволенію императора Павла I, была въ 1798 году передана въ собственность возстановленной казанской гимназіи, а въ слѣдующемъ году и доставлена въ Казань учителемъ Линкеромъ *. Вмѣстѣ съ этою библіотекою хранилось въ Екатеринославѣ, а затѣмъ передано казанской гимназіи, и пріобрѣтенное Потемкинымъ собраніе металловъ и минераловъ, заключавшее въ себѣ, какъ это видно изъ отчета по университету и гимназіи за 1805 годъ, 748 номеровъ штуфовъ; ни описи этого потемкинскаго минералогическаго собранія, ни указаній на цѣнность и научный интересъ его—до насъ не сохранилось.

Вторымъ, по времени, естественно-историческимъ собраніемъ, пріобрѣтеннымъ казанскою гимназіею, явилась коллекція препарированныхъ въ спирту „рѣдкихъ иностранныхъ животныхъ", въ 1800 году купленная въ Петербургѣ бывшимъ директоромъ казанской гимназіи Соколовымъ изъ суммы въ 5828 р. 18 коп., употребленной имъ на покупку разнаго рода учебно-вспомогательныхъ пособій. Здѣсь умѣстнымъ считаемъ разсѣять довольно распространенное, но совершенно ошибочное, мнѣніе, пущенное въ ходъ покойнымъ А. И. Артемьевымъ **, будто бы эта коллекція зоологическихъ спиртовыхъ препаратовъ была получена гимназіею вмѣстѣ съ книгами и минералами, собранными кн. Потемкинымъ для екатеринославскаго университета. Такой ложный взглядъ основывался на неудачномъ оборотѣ рѣчи въ старыхъ университетскихъ отчетахъ, въ которыхъ говорилось, что „гимназія при своей библіотекѣ имѣетъ 128 банокъ съ американскими животными, содержимыми въ винномъ спиртѣ, и 748 минеральныхъ штуфъ, полученныхъ ею отъ покойнаго князя Потемкина" ***; эта ссылка на кн. Потемкина, относящаяся лишь къ указанію на минералы, была распространена Артемьевымъ и на собраніе спиртовыхъ препа-

---

* См. выше стр. 9—11.

** См. его описаніе зоологическаго кабинета въ «Каз. Губерн. Вѣдом.» за 1849 годъ (№ 13, стр. 112), а также описаніе университетской библіотеки въ «Журналѣ минист. нар. просвѣщ.» за 1851 годъ (ч. 70).

*** См. отчетъ 1810 года (унив. архивъ, Сов. 1810, №№ 35 и 18).

ратовъ, откуда и пошло въ ходъ отмѣченное нами ошибочное заключенiе. Источники, касающiеся передачи казанской гимназiи екатеринославскихъ собранiй, ни единымъ словомъ не обмолвливаются относительно наличности среди нихъ зоологическихъ препаратовъ; между тѣмъ совѣтъ казанской гимназiи, входившiй въ 1815 году въ совѣтъ университета съ представленiемъ о возвращенiи гимназiи ея старыхъ собранiй, оставленныхъ за собою университетомъ, вполнѣ опредѣленно заявляетъ о томъ, что „по уставу казанской гимназiи постановлено преподавать въ ней натуральную исторiю, а для вящихъ успѣховъ обучающихся сей наукѣ еще въ 1800 году купленъ натуральный кабинетъ, состоящiй изъ 128-ми банокъ съ животными въ спиртѣ, но кабинетъ сей, купленный на гимназическую сумму, донынѣ остается еще въ университетской библiотекѣ" *; профессоръ Яковкинъ, состоявшiй въ то время директоромъ гимназiи и инициативѣ котораго принадлежало это представленiе, не могъ, конечно, не знать исторiи совершившагося на его глазахъ прiобрѣтенiя этой коллекцiи.

Эта коллекцiя спиртовыхъ препаратовъ, окрещиваемая старыми университетскими отчетами—„американскою", и легла въ основу будущихъ зоологическихъ собранiй университета, будучи, по всей вѣроятности, вывезена въ Россiю кѣмъ нибудь изъ агентовъ бывшей россiйско-американской торговой компанiи. Подробная опись этой коллекцiи, подписанная адъюнктомъ Тимьянскимъ, сохранилась, отъ начала 1819 года, въ одномъ изъ дѣлъ о ревизiи университета Магницкимъ. Здѣсь предметы ея перечислены въ слѣдующихъ рубрикахъ: а) mammalia (въ томъ числѣ—homo foetus, foetus monstrosus duplex, tapir americanus foetus, bos americanus foetus, ursus lotor, opossum и пр.), б) aves, в) amphibia (testudo carolina, draco volano, lacerta alligator, boa constrictor, coluber cobella и мн. др.), г) pisces (squalus, muraena и др.), д) insecta (scorpio americanus, cancer homarus, scolopendra gigantea и пр.) и е) vermes. Внѣ этой классификацiи показаны: „анатомическiй препаратъ для показанiя жабръ и легкихъ вмѣстѣ, коими дышатъ лягушки въ своемъ младенчествѣ", „личинки комара и мухи, изверженныя рвотою (?)" и „зародышъ млекопитающаго животнаго неопредѣленный". Всего въ этой коллекцiи показано, подъ 133-мя номерами, 114 видовъ и 201 экземпляръ различныхъ зоологическихъ объектовъ **.

* См. дѣло: Сов. 1815, № 11.

** См. дѣло: Сов., 1819, № 69 (листы 51—53).

Мѣры къ собиранію при немъ естественно-историческихъ предметовъ были предприняты при самомъ основаніи университета. Намъ уже извѣстно письмо къ Румовскому академика Озерецковскаго, относящееся къ концу января 1805 года и рекомендовавшее вниманію попечителя и университета тѣ пункты казанскаго учебнаго округа, изъ которыхъ возможнымъ представляется получать, черезъ посредство директоровъ и учителей училищъ— „множество натуральныхъ вещей", въ числѣ которыхъ онъ указывалъ „многоразличныя ископаемыя", „сѣмена травъ", „прекрасныхъ насѣкомыхъ, рѣдкихъ птицъ и звѣрьковъ" и „крѣпкіе камни съ окаменѣлостями". Совѣтъ циркулярно отнесся по этому поводу въ училища округа, съ предложеніемъ собирать и доставлять въ университетъ „всякія рѣдкости въ тѣхъ мѣстахъ находящіяся",—но всѣ вызванные этимъ циркулярнымъ отношеніемъ присылы ограничивались, почти исключительно, предметами изъ царства ископаемаго *.

Первымъ организаторомъ естественно-историческихъ коллекцій университета явился профессоръ К. Ѳ. Фуксъ, опредѣленный на каѳедру естественной исторіи и ботаники уже въ сентябрѣ перваго же года существованія университета. Самъ страстный натуралистъ и беззавѣтный любитель природы, Фуксъ умѣлъ передавать эту любовь къ ней и своимъ юнымъ слушателямъ, чуть ли не поголовно сдѣлавшимся ярыми экскурсантами и коллекціонерами, какъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ воспоминанія С. Т. Аксакова и В. И. Панаева. Усилія молодыхъ натуралистовъ-любителей, среди которыхъ Фуксъ уже въ самомъ началѣ своей профессорской дѣятельности намѣтилъ себѣ въ лицѣ студента перваго состава В. И. Тимьянскаго любимаго ученика и будущаго преемника по каѳедрѣ естествознанія, направлялись, главнымъ образомъ, на гербаризацію и собираніе насѣкомыхъ, какъ на занятіе, наиболѣе доступное и ихъ силамъ, и находившимся въ ихъ распоряженіи средствамъ. Въ живыхъ и увлекательныхъ чертахъ возстановлялъ Аксаковъ, уже на склонѣ лѣтъ своихъ, эту страсть къ коллекціонированію, охватившую собою какъ его самого, такъ и его молодыхъ университетскихъ сверстниковъ:

„Однажды,—вспоминаетъ Аксаковъ,—Тимьянскій при мнѣ разсказывалъ, что видѣлъ у профессора большое собраніе многихъ насѣкомыхъ и, въ томъ числѣ, бабочекъ, и что Фуксъ обѣщалъ выучить его, какъ ихъ ловить, раскладывать и сушить.... Весною 1806 года я узналъ, что Тимьянскій, вмѣстѣ съ студентомъ Кайсаровымъ, уже

* См. томъ I, стр. 58.

начинаютъ собирать насѣкомыхъ и что способъ собиранія и доски для раскладыванія они держатъ въ секретѣ... Вдругъ загорѣлось во внѣ сильное желаніе самому собирать бабочекъ. Я сообщилъ объ этомъ другу моему, студенту А. И. Панаеву, и возбудилъ въ немъ такую же охоту. Сначала я обратился къ Тимьянскому съ просьбою научить меня этому дѣлу, но онъ не согласился открыть мнѣ секрета, говоря, что тогда откроетъ его, когда сдѣлаетъ значительное собраніе, а только показалъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ высушенныхъ бабочекъ и насѣкомыхъ. Это воспламенило меня еще больше и я рѣшился сейчасъ же ѣхать къ профессору Фуксу, который былъ въ то же время докторъ медицины и начиналъ практиковать. Я пріѣхалъ къ нему подъ предлогомъ какого то выдуманнаго нездоровья. Въ кабинетѣ у профессора я увидалъ висящіе по стѣнамъ ящики, въ которыхъ за стеклами торчали, воткнутыя на булавкахъ, превосходно сохраненныя и высушенныя, такія прелестныя бабочки, какихъ я и не видывалъ. Я пришелъ въ совершенный восторгъ и поспѣшилъ объяснить кое-какъ Фуксу мою страстную любовь къ естественной исторіи и горячее желаніе собирать бабочекъ, прося его научить меня, какъ приступить къ этому дѣлу. Профессоръ былъ очень доволенъ и охотно разсказалъ мнѣ всѣ подробности этого искусства—немудренаго, но требующаго осторожности, терпѣнія и ловкости.... А какъ я хотѣлъ не только ловить бабочекъ, но и собирать гусеницъ, для того, что бы бабочки выводились у меня дома, то Фуксъ объяснилъ мнѣ и снабдилъ наставленіями, какъ различать червяковъ, изъ которыхъ должны выводиться бабочки, отъ тѣхъ червей, изъ которыхъ выводятся другія насѣкомыя, какъ ихъ содержать, чѣмъ кормить и, вообще, какъ съ ними обращаться".

На слѣдующій же день Аксаковъ, уже вмѣстѣ съ Панаевымъ, снова побывалъ у проф. Фукса и оба юноши были на практикѣ посвящены имъ во всѣ тайны практической энтомологіи; „и вотъ закипѣла у насъ съ Панаевымъ молодая, пылкая дѣятельность!"—восклицаетъ Аксаковъ, вспоминая свои увлеченія коллекціонированіемъ. Съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ охватившую студенческую молодежь горячую и благородную любовь къ природѣ и другой студентъ начальныхъ лѣтъ существованія казанскаго университета, В. И. Панаевъ—младшій братъ только что упоминавшагося нами сверстника С. Т. Аксакова:

„Не могу безъ особеннаго удовольствія,—пишетъ В. И. Панаевъ,—вспомнить о нашихъ экскурсіяхъ за растеніями, бабочками, букашками.... Въ праздничное утро, въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ, вставъ еще до восхода солнечнаго, отправлялись мы подъ предводительствомъ В. И. Тимьянскаго (онъ былъ въ то время уже магистромъ), посвя-

тившаго себя натуральной исторіи, верстъ за 6—7 отъ города. Утренній вѣтерокъ прохладно дулъ намъ въ лицо, румяня еще не опушенныя наши щеки; роса, блиставшая на поверхности густой, сочной травы, смачивала насъ иногда до колѣнъ—но мы не обращали на это вниманія, ни на крутизну горъ, ни на паденіе съ нихъ при какомъ нибудь спускѣ, ни на нашу усталость: прелесть утра, красота мѣстности, успѣхъ добычи—заставляли забывать все. Какое нибудь еще незнакомое намъ растеніе, какая нибудь рѣдкая, красивая бабочка, узорочный жучокъ—приводили насъ въ восхищеніе. Такъ, однажды, въ рощѣ Кизическаго монастыря удалось мнѣ найти прекрасный цвѣтокъ, котораго и профессоръ Фуксъ не полагалъ свойственнымъ казанскому климату; то былъ особаго рода венеринъ башмачокъ, бѣлаго цвѣта съ ярко-малиновыми крапинами. Съ восхищеніемъ представилъ я его профессору, который самъ очень тому обрадовался, записавъ въ своемъ гербаріумѣ мѣсто и день находки и мое имя..... Часовъ въ восемь заходили мы, обыкновенно, въ какую нибудь подгородную деревню завтракать молокомъ, иногда съ ягодами, и, не торопясь, возвращались въ университетъ къ 12-ти часамъ, т. е. къ нашему обѣду—добрые, довольные, счастливые.... Когда жъ приближалась осень и наступали тихія лунныя ночи августа—мы любили послѣ ужина собираться на большомъ университетскомъ крыльцѣ, обращенномъ во дворъ, и, усѣвшись на ступенькахъ, пѣть, подъ кларнетъ Гроздовскаго, русскія пѣсни. Мы пѣли ихъ съ чувствомъ, съ увлеченіемъ, и стройные голоса наши разносились по обширному двору. Жившій въ университетскомъ домѣ Яковкинъ не только не запрещалъ намъ этого удовольствія, но растворялъ у себя окна, что бы слушать насъ съ своимъ семействомъ"....

Ботаническія и энтомологическія экскурсіи молодежи не пропадали даромъ и профессоръ Фуксъ умѣлъ существенною составною частью вводить ихъ въ кругъ своихъ преподаваній, утилизируя собираемыя его учениками коллекціи въ цѣляхъ экзаменаціонныхъ. По словамъ Аксакова, экзамены Фукса носили характеръ „семейныхъ дружескихъ испытаній, на которыхъ Фуксъ торжествовалъ съ своей натуральной исторіей". „Наши бабочки, гусеницы и другія насѣкомыя всѣ пошли въ дѣло,—разсказываетъ Аксаковъ объ экзаменѣ по естественной исторіи.—Тимьянскій отличился обширностью своихъ знаній и латинскимъ языкомъ; но и мнѣ досталось разсказать о моихъ наблюденіяхъ надъ воспитаніемъ червей, превращеніемъ ихъ въ хризолиды и бабочки: всѣ меня похвалили, даже и тѣ профессора, которые не знали ни одного русскаго слова, а я говорилъ, разумѣется, по русски". Естественно-историческія экскурсіи молодежи представляли еще и то значеніе, что ими было положено начало энтомологическимъ коллекціямъ натуральнаго кабинета казанскаго университета [47].

Первое, по времени, послѣ основанія казанскаго университета упоминаніе о натуральномъ кабинетѣ относится къ 18-му сентября 1805 года. Въ происходившемъ въ этотъ день засѣданіи совѣта былъ разрѣшенъ расходъ въ 82 р. 80 коп. на покупку $2^1/_4$ ведеръ „спирту самаго крѣпкаго", для дополненія имъ „банокъ натуральнаго кабинета", а также „пузырей говяжьихъ" и „нитокъ голландскихъ", для укупорки этихъ банокъ; рѣчь шла здѣсь, конечно, объ извѣстномъ уже намъ собраніи спиртовыхъ „американскихъ" зоологическихъ препаратовъ, пріобрѣтенныхъ въ 1800 году директоромъ гимназіи Соколовымъ. Къ тому же, приблизительно, времени пріурочивается и первое приношеніе кабинету, явившееся отвѣтомъ на циркулярное по округу предложеніе совѣта относительно доставленія „всякихъ рѣдкостей": 30-го сентября въ совѣтѣ было доложено о присылкѣ учителемъ пермскаго главнаго народнаго училища Поповымъ различныхъ „штуфовъ ископаемыхъ" (мѣдныя и желѣзныя руды, гипсъ, известнякъ и др.); штуфы эти, въ количествѣ 500 штукъ, опредѣлено препроводить къ библіотекарю „для включенія, по части университета, въ число минеральнаго кабинета, имѣющаго особо собираться", причемъ для записи какъ этого поступленія, такъ и могущихъ быть въ будущемъ, ему выданы двѣ шнуровыя книги. Читатели усмотрятъ отсюда, что натуральный кабинетъ,—что продолжалось и въ ближайшіе годы,—не располагалъ даже самостоятельнымъ помѣщеніемъ, ютясь въ комнатахъ библіотеки. Отчетъ по университету за 1805 годъ свидѣтельствуетъ намъ, что „штуфы" учителя Попова были единственнымъ приношеніемъ, поступившимъ въ натуральный кабинетъ за весь первый годъ существованія университета.

Небогатъ былъ пріобрѣтеніями для натуральнаго кабинета и слѣдующій 1806 годъ: пополненіе его выразилось лишь въ 65-ти образцахъ „ископаемыхъ тѣлъ", купленныхъ директоромъ Яковкинымъ, за десять рублей, у московскаго купца Кваскова; опредѣленіемъ совѣта отъ 17-го марта и эти предметы препровождены, для храненія, въ библіотеку. Мы уже видѣли выше, что профессору химіи Эвесту, за невозможностью открыть курсъ чтеній по этой наукѣ, поручено было временно занять студентовъ въ 1806—1807 учебномъ году преподаваніемъ зоологіи и минералогіи. Преподаваніе послѣдней науки требовало, въ свою очередь, пріобрѣтенія нѣкоторыхъ необходимѣйшихъ пособій, въ виду чего лѣтомъ 1806 года разрѣшенъ былъ расходъ въ 12 р. 75 коп. на покупку необходимыхъ „при объясненіи лекцій минералогическихъ разныхъ инструментовъ и аптекарскихъ жидкостей". Въ счетъ этой ассигновки куплены: одна маленькая аспидная ступка съ пестикомъ, шесть хрустальныхъ баночекъ, ножъ, мо-

лотокъ, небольшая наковальня, плавильная трубка, желѣзная ложечка, щипчики и нѣсколько реагентовъ, но все это имущество было зачислено въ инвентарь „химическаго класса". Въ декабрѣ того же 1806 года открытъ былъ на нужды кабинета естественной исторіи кредитъ въ 600 рублей, опредѣленный для него университетскимъ уставомъ, которымъ кабинету полностью пользоваться, однако, не приходилось въ виду рекомендовавшейся университету крайней сдержанности въ расходахъ въ предѣлахъ даже смѣтныхъ назначеній, а въ январѣ 1808 года профессоръ Фуксъ оффиціально признается завѣдующимъ всѣми естественно-историческими собраніями университета, съ выдачею ему шнуровой книги для записыванія „вещей натуральной исторіи и ботаники".

Въ 1807 году натуральный кабинетъ пополнялся также весьма скуднымъ образомъ: все приращеніе его выразилось въ 20-ти штуфахъ минераловъ да въ мамонтовомъ зубѣ, присланныхъ директоромъ училищъ оренбургской губерніи П. И. Протопоповымъ, въ исполненіе циркулярнаго предложенія попечителя относительно доставленія университету „замѣчательныхъ произведеній изъ всѣхъ трехъ царствъ природы" [48].

Сравнительно крупное пріобрѣтеніе сдѣлано было кабинетомъ естественной исторіи въ началѣ 1808 года—опять таки по отдѣлу минералогіи. 22-го января этого года профессоръ Фуксъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ, ссылаясь на то, что, по неимѣнію подъ руками „собранія минераловъ, необходимо нужнаго, не могъ доселѣ сдѣлать большихъ успѣховъ въ сей наукѣ", ходатайствовалъ относительно покупки для университета коллекціи минераловъ, случайно продававшейся кѣмъ то за 400 рублей; признавая эту коллекцію, описаніе которой сохранилось при дѣлѣ (14 номеровъ и 202 отдѣльныхъ предмета), „довольной количествомъ и удобною по цѣнѣ", Фуксъ ставилъ на видъ, что „сіе собраніе заключаетъ рѣдкіе куски самороднаго золота, серебра, мѣди, а также,—что довольно рѣдко,—монгольскій идолъ (мраморный), найденный въ Булакѣ, въ Казани". Эта покупка была, предложеніемъ отъ 13-го февраля, разрѣшена попечителемъ, къ которому совѣтъ обращался по этому поводу. Изъ годоваго отчета Фукса за 1808 годъ мы узнаемъ, что, кромѣ только что указанной покупки, кабинетъ пріобрѣлъ еще за 55 рублей 25 плиточекъ разноцвѣтнаго мрамора и по одному образцу сердолика, аметиста, халцедона, моховика, кошачьяго глаза и плавнаго шпата и что все это имущество сохранялось въ одномъ, купленномъ для того, шкафу.

Начало 1809 года ознаменовалось предложеніемъ со стороны профессора Гута, сдѣланнымъ имъ черезъ адъюнкта Эриха, относительно прі-

обрѣтенія для казанскаго университета, за 6 тысячъ рублей, его минералогическаго собранія, заключавшагося въ двухъ тысячахъ предметовъ; Румовскій отклонилъ представленіе о томъ совѣта и, признавъ назначенную продавцомъ цѣну непомѣрною, не безъ юмора предложилъ совѣту „поблагодарить г. Гута за безкорыстное усердіе". Равнымъ образомъ не состоялась и покупка минералогическаго кабинета изъ 900 сибирскихъ штуфовъ, осенью того же года предлагавшагося университету къ пріобрѣтенію за $1^1/_2$ тысячи рублей чиновникомъ казанскаго почтамта Кондратьевымъ. Къ тому же 1809 году относятся и два пожертвованія для натуральнаго кабинета. Въ іюлѣ мѣсяцѣ нѣкій кунгурскій гражданинъ Иванъ Семеновъ Юхневъ, „ревнуя къ распространенію въ любезномъ нашемъ отечествѣ народнаго просвѣщенія" и руководимый „искреннимъ желаніемъ быть по силамъ своимъ полезнымъ благу общему"—принесъ университету въ даръ 225 различныхъ минералогическихъ штуфовъ, за что совѣтъ принесъ жертвователю свою благодарность, а попечитель представилъ главному правленію училищъ относительно напечатанія сообщенія объ этомъ дарѣ „во извѣстіе публики въ вѣдомостяхъ той и другой столицы". Въ самомъ концѣ года, при заявленіи отъ 8-го декабря, магистръ Кондыревъ принесъ университету въ даръ различные предметы, собранные имъ во время лѣтнихъ и осеннихъ поѣздокъ, и, въ числѣ ихъ, сорокъ предметовъ минеральнаго царства, какъ то: „сѣрный кусокъ изъ сѣрной горы, отъ Тетюшъ въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ", двухпудовый кусокъ илецкой горной соли", „два сердца соляныя", „двадцать пять фигуръ соляныхъ", „нѣсколько кусковъ мѣдной руды" и т. п. Всѣ эти приношенія сданы, для храненія ихъ въ кабинетѣ естественной исторіи, завѣдующему имъ проф. Фуксу [49].

Изъ всего сказаннаго выше мы могли убѣдиться въ томъ, что приращенія натуральнаго кабинета выпадали, исключительно, на долю минералогическаго собранія его, отдѣлъ же зоологическій не шелъ далѣе тѣхъ „американскихъ животныхъ въ винномъ спиртѣ сохраняемыхъ", которыя были еще до основанія университета пріобрѣтены для гимназіи. Сознавая, конечно, настоятельную необходимость пополненія зоологическихъ коллекцій, проф. Фуксъ еще 26-го января 1810 года входилъ въ совѣтъ съ представленіемъ объ учрежденіи при завѣдуемомъ имъ кабинетѣ должности чучельника: „Поелику набиваніе чучелъ есть лучшее средство для сохраненія животныхъ въ кабинетахъ,—заявлялъ здѣсь Фуксъ,—то, нашедъ искуснаго въ семъ дѣлѣ человѣка, служившаго прежде канцеляристомъ въ московскомъ почтамтѣ, Алексѣя Иванова сына Истомина, представляю

совѣту на разсмотрѣніе, не благоугодно ли будетъ принять онаго Истомина въ должность чучельника для кабинета естественной исторіи". Оказалось, что Истоминъ желалъ получать за свое искусство жалованье въ размѣрѣ 300 рублей въ годъ, почему попечитель и отклонилъ соотвѣтствующее представленіе совѣта, сославшись на то, что штатной должности чучельника при университетѣ не полагается, обращеніе же жалованья Истомина на средства кабинета естественной исторіи—сразу же поглотило бы цѣлую половину его штатнаго бюджета. Несомнѣнно, однако, что этотъ Истоминъ, не пристроившись къ университетской службѣ, поставлялъ, тѣмъ не менѣе, предметы для кабинета естественной исторіи: заключить это можно изъ того, что въ отчетѣ по кабинету, представленномъ Фуксомъ весною 1812 года, уже показаны 53 чучела „почти исключительно птицъ", присоединенныхъ къ кабинету въ теченіи 1810 года *. Изъ отчета же 1810 года усматривается, что къ началу 1811 года университетъ располагалъ 497-ю штуфами „сибирскихъ минераловъ",—не принимая въ соображеніе 128-ми банокъ съ „американскими" животными, которыя, по крайней мѣрѣ формально, все еще числились въ составѣ имущества гимназіи. Таковы были всѣ естественно-историческія богатства, съ наличностью которыхъ казанскій университетъ вступилъ въ седьмой годъ своего существованія.

1811 годъ не отмѣченъ въ исторіи кабинета естественной исторіи никакими приращеніями болѣе или менѣе капитальнаго характера. Зоологическій отдѣлъ его не сдѣлалъ за этотъ годъ ни одного пріобрѣтенія, минералогическій же отдѣлъ пріобрѣлъ покупкою 120 „кварцовыхъ и аметистовыхъ камней" (за 100 р.) и 80 экземпляровъ „рудныхъ камней золотаго, свинцоваго и мѣднаго рода, съ нѣкоторыми кварцовыми хрусталями" (за 150 р.). Въ апрѣлѣ 1811 года Яковкинъ, случайно узнавъ о томъ, что въ Москвѣ продается большая минералогическая коллекція, принадлежавшая кн. Голицыну (слѣдомъ затѣмъ выяснилось, однако, что продавецъ ее другое лицо—Нелидовъ), затрогивалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ попечителю вопросъ о пріобрѣтеніи ея для казанскаго университета, присовокупляя, что „пріобрѣтеніе сіе весьма бы нужно было для университета, не имѣющаго совсѣмъ кабинета, потому что потемкинскій, гимназіи

* Вотъ списокъ этихъ чучелъ: 2 бѣлки, выхухоль, корбышъ, ястребъ, филинъ, 2 цапли, 8 утокъ различныхъ породъ, 2 кулика, турухтанъ, сойка, сорокопутъ, свирѣстель, дятелъ, скворецъ, сивоворонка, 25 птицъ изъ окрестностей Казани, 3 глухихъ тетерева. Къ этимъ пріобрѣтеніямъ, записаннымъ подъ 20 ноября и 21 декабря 1810 года и стоимостью своею показаннымъ въ суммѣ 128 рубл., присоединены и «два большіе рога сибирскаго оленя».

пожалованный, весьма мало значитъ, будучи въ Екатеринославѣ совершенно разворованъ"; высокая продажная цѣна этого собранія (25 тыс. р.) исключила всякую возможность его пріобрѣтенія. Въ концѣ лѣта того же года въ совѣтѣ возбужденъ былъ, опять таки по представленію Яковкина, вопросъ о пріобрѣтеніи минералогическаго собранія изъ 570-ти штуфовъ, продававшагося за 300 рублей послѣ покойнаго надворнаго совѣтника Молоствова и заключавшагося изъ образцовъ уральскихъ и алтайскихъ рудъ и горныхъ породъ; попечитель уже изъявилъ (отъ 10-го августа) согласіе на эту покупку, совѣтомъ поручено было профессорамъ Броннеру и Фуксу осмотрѣть молоствовскую коллекцію, но пріобрѣтеніе ея, повидимому, не состоялось, такъ какъ никакихъ дальнѣйшихъ документальныхъ указаній на это собраніе мы не имѣемъ. Изъ отчета Фукса за 1811 годъ, въ которомъ и минералогическія и зоологическія собранія университета все еще фигурируютъ подъ общимъ наименованіемъ „кабинета естественной исторіи", приводится погодная роспись всѣхъ пріобрѣтеній кабинета, начиная съ 1808 года. Здѣсь показаны всѣ пріобрѣтенія, уже исчисленныя нами выше, и приведены издержки по самой обстановкѣ кабинета: въ 1808 году—два шкафа для вещей (68 р.), 150 папковыхъ коробокъ для храненія минераловъ (20 р.); въ 1809 году—шкафъ (50 р.) и еще 500 коробокъ для минераловъ (50 р.); въ 1811 году—четыре шкафа (120 р). Всѣхъ расходовъ по кабинету, считая въ томъ числѣ и покупки различныхъ собраній, показано за четырехлѣтіе 1808—1811 годовъ—1041 рубль.

Не взирая на уже довольно значительное количество предметовъ, образовавшееся въ минералогическомъ собраніи университета ко второй половинѣ 1811 года, оно признавалось все еще далеко недостаточнымъ для цѣлей преподаванія минералогіи. Вотъ почему въ августѣ 1811 года, при порученіи проф. Броннеру дополнительнаго къ его собственному курсу физики чтенія по минералогіи въ возмѣщеніе пособія, выданнаго ему изъ казны, производить это преподаваніе предложено было ему по его собственному, хорошо обставленному, собранію минераловъ, впослѣдствіе, какъ мы это въ своемъ мѣстѣ увидимъ, пріобрѣтенному отъ него университетомъ [50].

За 1812 годъ натуральный кабинетъ получилъ (весною) два приношенія отъ корреспондента и бывшаго адъюнкта казанскаго университета, а въ то время директора училищъ иркутской губерніи, И. Е. Миллера. Первое изъ нихъ заключалось въ пяти образцахъ оловянной руды, найденной близь Чиндaнской крѣпости, иркутской губерніи; второе—въ двѣнадцати камняхъ „отъ Мереканской рѣки, близь Охотска, составляющихъ,

по мнѣнію многихъ, произведенія бывшихъ огнедышащихъ горъ". Совѣтъ опредѣлилъ передать эти пожертвованія въ „минералогическій кабинетъ университета", который начинаетъ, такимъ образомъ, признаваться уже до извѣстной степени самостоятельнымъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ, хотя и находящимся еще въ общемъ помѣщеніи и въ общемъ управленіи съ кабинетомъ, собственно, зоологическимъ; впрочемъ, въ позднѣйшихъ оффиціальныхъ бумагахъ, иногда также именуясь отдѣльнымъ кабинетомъ, университетское минералогическое собраніе чаще поглощается общимъ понятіемъ кабинета „естественной исторіи" или „натуральнаго".

Весьма печальнымъ оказался, съ точки зрѣнія обогащенія университетскаго натуральнаго кабинета, 1813 годъ: минералогическій отдѣлъ его не получилъ никакого приращенія, зоологическій же отдѣлъ пополнился пятью „прекрасно сдѣланными чучелами птицъ", принесенными университету, осенью этого года, въ даръ новымъ попечителемъ М. А. Салтыковымъ, которому въ университетской газетѣ („Каз. Изв". 1813 г., № 42) и были публично выражены по этому поводу „достодолжная благодарность и уваженіе къ сему знаку благорасположенія почтеннаго начальника". Въ отчетѣ по кабинету за 1813 годъ значится, что зоологическое собраніе его заключалось изъ „128-ми банокъ съ разными животными, большею частью земноводными, хранящимися въ спиртѣ (старая гимназическая коллекція спиртовыхъ препаратовъ), 55-ти чучелъ птицъ, большею частью водныхъ, и одной изсушенной летучей рыбы (время и способъ пріобрѣтенія этого препарата неизвѣстны)"; „кабинетъ (sic) минералогическій, не получившій никакого прирощенія въ семъ году, состоялъ почти изъ 1000 штуфъ какъ сибирскихъ, такъ и иностранныхъ". Здѣсь находимъ мы новое подтвержденіе тому факту, что развитіе зоологическихъ собраній шло положительно черепашьимъ шагомъ въ сравненіи съ развитіемъ минералогическаго отдѣла натуральнаго кабинета; объ этомъ свидѣтельствуетъ и университетскій отчетъ за 1812 годъ, заявляющій, что „кабинетъ естественной исторіи крайне недостаточенъ по собранію животныхъ" [51].

Если недостаточность находившихся въ распоряженіи университета помѣщеній заставляла кабинетъ естественной исторіи тѣсниться въ непросторныхъ и безъ того библіотечныхъ комнатахъ, то, съ другой стороны, этому кабинету пришлось, на первое время, пріютить въ своихъ нѣдрахъ имущество другого зарождавшагося учебно-вспомогательнаго учрежденія — анатомическаго театра, отдѣльные предметы котораго, по мѣрѣ ихъ поступленія, сдавались на храненіе въ натуральный кабинетъ. Только въ засѣданіи совѣта 12-го февраля 1813 года заслушано было пред-

ставленіе профессора анатоміи Брауна о томъ, „дабы отданные прежде въ кабинетъ естественной исторіи анатомическіе препараты были ему препоручены, съ взятіемъ росписки, такъ какъ теперь мѣсто для анатомическаго театра устроено"; желаніе это было удовлетворено и профессору Фуксу предложено сдать Брауну эти препараты.

Въ августѣ 1813 года возбужденъ былъ и вопросъ относительно выдворенія самаго кабинета естественной исторіи изъ университетской библіотеки, въ которой онъ помѣщался, въ значительной степени стѣсняя, конечно, это учрежденіе. Вопросъ этотъ впервые поднятъ былъ исправлявшимъ въ то время должность библіотекаря адъюнктомъ Кондыревымъ, вошедшимъ въ совѣтъ съ слѣдующимъ рапортомъ отъ 20-го августа:

„Поелику нынѣ гимназія изъ университетскаго корпуса выведена *, то не благоугодно ли позволить занять для библіотеки принадлежавшія къ ней двѣ комнаты и занимаемыя нынѣ помощниками инспектора студентовъ. Для кабинета же естественной исторіи весьма нужно будетъ отдѣлить особенные покои; тѣмъ болѣе, что въ библіотекѣ надлежитъ учредить комнату для чтенія получаемыхъ періодическихъ изданій и вѣдомостей и для чтенія книгъ рѣдкихъ, а студентами и обыкновенныхъ коренныхъ (sic) библіотечныхъ".

Въ то время рапортъ Кондырева не возымѣлъ желаемаго дѣйствія и только весною 1814 года вопросъ о предоставленіи кабинету естественной исторіи самостоятельнаго помѣщенія былъ поставленъ на почву положительнаго разрѣшенія, благодаря слѣдующему представленію завѣдующаго имъ профессора Фукса, поданному въ совѣтъ отъ 4-го марта:

„Такъ какъ кабинетъ естественной исторіи не имѣетъ доселѣ отдѣльныхъ комнатъ, а помѣщается въ университетской библіотекѣ, гдѣ онъ не можетъ быть приведенъ въ порядокъ, то не угодно ли будетъ совѣту опредѣлить для сего три комнаты въ главномъ университетскомъ корпусѣ, въ нижнемъ этажѣ, занимаемыя теперь г. адъюнктомъ Кондыревымъ, который въ скоромъ времени оставитъ сію квартиру. Комнаты сіи почитаю удобнѣйшими какъ потому, что онѣ обращены на полдень, такъ еще болѣе потому, что онѣ обезопасены отъ пожара, имѣя своды" **.

---

* Послѣ временнаго переселенія ея въ университетъ въ сентябрѣ 1812 года, въ виду уступки собственнаго новаго зданія гимназіи для помѣщенія вывезенныхъ въ Казань московскихъ институтовъ.

** Это помѣщеніе соотвѣтствуетъ задней (южной) части нынѣшнихъ парадныхъ сѣней главнаго университетскаго корпуса, въ то время составлявшихъ западную оконечность стараго гимназическаго зданія (см. томъ I, приложеніе V); три комнаты, занимавшія переднюю часть нынѣшнихъ парадныхъ сѣней, входили въ составъ помѣщенія библіотеки. Всѣ эти комнаты были со сводами.

Представленіе Фукса было передано на благоусмотрѣніе попечителя, который уже 18-го марта выразилъ согласіе, „что бы комнаты подлѣ библіотеки, занимаемыя прежде г. адъюнктомъ Кондыревымъ, а нынѣ имъ оставленныя, заняты были кабинетомъ естественной исторіи“ [52].

1814-ый годъ снова оказался благопріятнѣе, съ точки зрѣнія дальнѣйшаго приращенія коллекцій натуральнаго кабинета, для отдѣла минералогическаго, который начинаетъ рѣшительнымъ образомъ преобладать въ немъ надъ отдѣломъ зоологическимъ. Въ то время, какъ зоологическое собраніе пополнилось въ 1814 году лишь чучеломъ „птицы бабы (pelicanus)“, присланнымъ въ даръ оренбургскимъ учителемъ Кафтанниковымъ, минералогическія коллекціи сдѣлали за тотъ же годъ нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ пріобрѣтеній.

Весною 1814 года университетомъ получено было отъ управляющаго екатеринбургскими горными заводами Булгакова 10$^1/_2$ пудовъ штуфовъ, собранныхъ „изъ рудниковъ екатеринбургскихъ золотыхъ промысловъ и Каменскаго завода“, а слѣдомъ затѣмъ и при содѣйствіи того же Булгакова полученъ былъ транспортъ въ 5 пудовъ 8 фунтовъ, заключавшій въ себѣ штуфы, собранные въ окрестностяхъ и рудникахъ Міясскаго завода; коллекціи эти были собраны, на мѣстахъ, по распоряженію екатеринбургскаго горнозаводскаго управленія, основанному на просьбѣ о томъ Яковкина, и университету пришлось оплатить лишь стоимость доставки въ Казань, съ весенними караванами, ящиковъ съ этими коллекціями. Но самымъ ревностнымъ поставщикомъ минералогическаго университетскаго собранія явился въ 1814 году бывшій адъюнктъ и членъ-корреспондентъ университета, директоръ иркутскихъ училищъ И. Е. Миллеръ. Въ теченіи апрѣля и мая этого года имъ были препровождены въ университетъ четыре ящика съ нерчинскими минералами, собранными, по его порученію, учителемъ нерчинскаго уѣзднаго училища, а въ августѣ и сентябрѣ присланы шесть ящиковъ „съ минералами разныхъ породовъ, собранными въ Сибири“. Мы имѣемъ указаніе (см. ниже сноску) на весьма большую относительность научнаго значенія этого минеральнаго дождя, излитаго на казанскій университетъ его бывшимъ адъюнктомъ всеобщей исторіи, но совѣтъ постановлялъ, по мѣрѣ полученія миллеровскихъ транспортовъ, сдавать ихъ „въ кабинетъ естественной исторіи“, а въ одномъ изъ октябрьскихъ номеровъ университетской газеты („Каз. Изв.“ 1814 г., № 44) было напечатано слѣдующее сообщеніе о приношеніяхъ Миллера: „Корреспондентъ здѣшняго университета, директоръ иркутскихъ училищъ надворный совѣтникъ Миллеръ, съ большою неутомимостью обогащаетъ минерало-

гическій, университету принадлежащій, кабинетъ, принося ему въ даръ разныя, собираемыя имъ въ Саянскихъ горахъ, горно-каменныя породы *. Изъявляя признательность и отдавая полную справедливость его усердію къ общей пользѣ, надобно пожалѣть, что пересылка оныхъ по почтѣ наноситъ имъ нѣкоторый, впрочемъ не очень значительный, вредъ". Кромѣ минералогическихъ собраній, въ томъ же году Миллеръ присылалъ университету и различнаго рода предметы для его ботаническаго сада и гербарія, а въ самомъ началѣ 1814 года живущій въ Иркутскѣ надворный совѣтникъ Горловъ черезъ него же предлагалъ университету къ покупкѣ два принадлежавшихъ ему собранія сибирскихъ минераловъ, одно — за 2500 р., другое—за 2300 рублей, но попечитель отклонилъ это предложеніе, сославшись на недостатокъ суммъ для такой крупной покупки. Общій по кабинету отчетъ за 1814 годъ, перечисляя только что указанныя нами пріобрѣтенія кабинета, приводитъ слѣдуюція общія данныя о состояніи его: „И такъ, кабинетъ сей имѣетъ понынѣ 130 банокъ съ разными животными, хранящимися въ спиртѣ, 56 чучелъ птицъ, одну изсушенную рыбу и около 1300 штуфовъ сибирскихъ и иностранныхъ"; предварительный отчетъ проф. Фукса, за тотъ же годъ, добавляетъ, что „недостатки кабинета состоятъ наиболѣе въ трудности получать, даже покупкою, минералы и другія естественныя тѣла" [53].

Къ самому началу 1815 года относится попытка казанской гимназіи возвратить себѣ спиртовую коллекцію „американскихъ животныхъ", купленную для нея еще въ 1800 году, а также и потемкинскую библіотеку. Мы уже знакомы съ результатомъ ходатайства о томъ совѣта гимназіи, почему снова останавливаться на этомъ вопросѣ не будемъ; припомнимъ лишь, что, согласно встрѣчному ходатайству университетскаго совѣта, министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій предложеніемъ отъ 26-го февраля 1815 года, изъявилъ свое согласіе на оставленіе этой спорной зоологической коллекціи въ полной собственности университета **.

---

* Изъ отчета по кабинету за 1814 годъ можно заключить, что эти приношенія Миллера едва ли представляли серьезное научное значеніе: въ шести ящикахъ его саянскихъ штуфовъ оказалось «не болѣе 20-ти породъ и, притомъ, онѣ мелки и при пересылкѣ весьма повредились»,—читаемъ въ отчетѣ. Коллекціи, доставленныя въ томъ же году съ Урала и заключавшія въ себѣ «до ста породъ, со многими отличіями, такъ что число всѣхъ составляетъ до 200 штуфовъ», проф. Фуксъ призналъ «весьма поучительными и хорошо сбереженными» (см. Сов. 1814, № 170, л. 5 об.).

** См. выше стр. 30—31.

Съ 1814 года при университетѣ положено было начало и палеонтолого-геологическому собранію. Мы видѣли, что еще лѣтомъ 1805 года Яковкинъ предпринималъ хлопоты по раскопкѣ „слоновьяго костяка“ въ тетюшскомъ уѣздѣ, не увѣнчавшіяся, повидимому, успѣхомъ, такъ какъ ни какихъ слѣдовъ этихъ раскопокъ, даже въ ближайшіе къ нимъ годы, среди университетскихъ коллекцій не сохранилось *. Первымъ палеонтологическимъ пріобрѣтеніемъ казанскаго университета слѣдуетъ считать даръ статскаго совѣтника Колокольцова, въ мартѣ 1814 года доставившаго „въ рѣкѣ Уфѣ найденную кость большаго животнаго“, какого именно, гдѣ и при какихъ условіяхъ найденную—свѣдѣній о томъ не имѣется; даръ этотъ былъ сданъ для храненія въ университетскую библіотеку. Въ отчетѣ по натуральному кабинету за 1815 годъ, въ числѣ новыхъ пріобрѣтеній значится—„слоновая челюсть нижняя, съ однимъ зубомъореннымъ“, доставленная изъ Чебоксаръ профессоромъ Никольскимъ. Слѣдующими вкладами въ зарождавшееся палеонтологическое собраніе университета явились пожертвованія, сдѣланныя въ 1815 и 1817 годахъ коллежскимъ совѣтникомъ Лохтинымъ, приславшимъ университету въ даръ, въ 1815 году—„слоновыя кости, вымытыя изъ волжскаго протока въ астраханской губерніи, и окаменѣлыя древесныя листья“, а въ 1817 году—„примѣчательныя кости неизвѣстнаго великаго животнаго, каковыхъ въ здѣшнемъ краѣ не водится: одинъ спинной позвонокъ цѣлый и головная часть, переломленная на-двое“, найденныя въ чебоксарскомъ уѣздѣ; опредѣленіемъ совѣта приношенія эти были переданы въ университетскій „музей естественной исторіи“. Зарожденіе палеонтологическаго собранія было отмѣчено и отчетомъ по кабинету естественной исторіи, составленнымъ осенью 1816 года для новаго министра князя Голицына, гдѣ сказано, что „съ 1814 года положено основаніе собранію ископаемыхъ костей, между коими находятся, повидимому, и не описанныя еще“. Эти первыя полеонтологическія пріобрѣтенія были, однако же, очень скоро забыты: они совершенно не упоминаются, по крайней мѣрѣ, въ отчетахъ по кабинетамъ, представленнымъ весною 1819 года ревизовавшему университетъ Магницкому, а самъ Магницкій въ своемъ отчетѣ о ревизіи замѣчаетъ, что имѣющіяся при кабинетѣ естественной исторіи „кости рѣдкихъ животныхъ—не описаны“.

Документомъ, весьма важнымъ для начальной исторіи натуральнаго кабинета казанскаго университета представляется только что упомянутый нами отчетъ о состояніи этого послѣдняго, составленный въ сентябрѣ

* См. выше стр. 228—229.

1816 года для князя А. Н. Голицина, передъ тѣмъ только вступившаго въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Этотъ отчетъ настолько интересенъ, что мы позволимъ себѣ возстановить его въ полномъ видѣ:

„Кабинетъ естественной исторіи,—читаемъ въ этомъ отчетѣ, представленномъ за подписью адъюнкта Тимьянскаго,—помѣщающійся въ одной залѣ съ двумя окнами, заключаетъ въ себѣ начатки собранія тѣлъ природы изъ всѣхъ трехъ царствъ.

З о о л о г и ч е с к і й к а б и н е т ъ весьма невеликъ и состоитъ изъ животныхъ, хранимыхъ въ винномъ спиртѣ, и въ чучелахъ; первыхъ считается 132 банки, послѣднихъ—болѣе 100. Изъ числа хранимыхъ въ спиртѣ животныхъ, между которыми есть и довольно рѣдкія,—какъ: татуй, муравьѣдъ, ай, удавъ, крокодилы и пр.,—большую часть составляютъ иностранныя земноводныя животныя и, преимущественно, змѣи. Чучелы всѣ почти дѣланы изъ животныхъ, здѣсь водящихся, наиболѣе же изъ птицъ... Зоологическій кабинетъ получаетъ нынѣ значительное приращеніе, состоящее изъ собранія раковинъ, покупаемыхъ отъ профессора Броннера; собраніе сіе заключаетъ въ себѣ большую часть видовъ изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ родовъ.

С о б р а н і ю с у х и х ъ р а с т е н і й положено начало въ минувшемъ 1815 году. Оно весьма незначительно еще и состоитъ только изъ 177 породъ; впрочемъ распоряженія, на сей конецъ университетомъ сдѣланныя, даютъ поводъ надѣяться, что университетскій травникъ будетъ имѣть въ непродолжительномъ времени всѣ богатства сибирской и кавказской флоры.

С о б р а н і е м и н е р а л о в ъ также не велико и содержитъ почти 1370 кусковъ. Оно заключаетъ, самою большею частью, минералы сибирскіе; есть нѣсколько и иностранныхъ. Вообще, собраніе сіе мало заключаетъ породъ и много повтореній одного и того же минерала. Главнѣйшую часть собранія составляютъ руды, но и между ими недостаетъ многаго; горнокаменныхъ породъ или камней, собственно, очень мало.

Въ 1814 году равномѣрно положено основаніе с о б р а н і ю и с к о п а е м ы х ъ к о с т е й, между коими находятся, повидимому, и неописанныя еще.

Съ 1815 года назначено особенное отдѣленіе сего кабинета подъ именемъ м у з е я р ѣ д к о с т е й, въ который поступило доселѣ три платья якутскихъ“.

Любопытны соображенія, приводимыя въ цитируемомъ нами отчетѣ относительно условій, неблагопріятствующихъ развитію кабинета естественной исторіи:

„Главнѣйшее препятствіе къ приведенію въ большее совершенство заведенія сего есть незначительность отпускаемой на содержаніе его суммы и невѣжество жителей. Такъ, одинъ крестьянинъ отломилъ отъ цѣлаго остова мамонта клыкъ для продажи, вмѣсто того, что бы отрыть остовъ и т. д. Не менѣе важно и то, что здѣсь нѣтъ случаевъ пріобрѣсти что либо изъ естественныхъ тѣлъ покупкою или мѣною, ибо жители, вообще, не обращаютъ вниманія на природу. Менѣе важные недостатки суть: а) тѣснота помѣщенія, поелику въ той же залѣ помѣщается и физическій кабинетъ гимназіи *, и б) недостатокъ чучельника, котораго здѣсь не легко найти за умѣренную цѣну,—во всемъ городѣ только три человѣка умѣютъ приготовлять чучелы, да и то дурно и дорого" [54].

Только что приведенный нами отчетъ въ достаточной степени свидѣтельствуетъ о томъ разнообразіи коллекцій, которое характеризуетъ собою состояніе кабинета естественной исторіи въ первые два года по совершенномъ открытіи университета; къ этому кабинету причислялись коллекціи и зоологическія, и ботаническія, и минералогическія, и палеонтологическія, и даже собраніе „рѣдкостей", а до 1813 года здѣсь же хранились и анатомическіе препараты. Этотъ, довольно неопредѣленный по своему составу, кабинетъ сосредоточивалъ въ себѣ, такимъ образомъ, коллекціи, которымъ въ болѣе или менѣе близкія поры позднѣйшей жизни казанскаго университета было суждено положить основаніе цѣлому ряду уже самостоятельныхъ университетскихъ кабинетовъ и музеевъ—зоологическому, зоотомическому, минералогическому, ботаническому, геологическому и „рѣдкостей" (позже древностей, этнографіи и изящныхъ искусствъ). Въ этомъ смѣшанномъ видѣ натуральный кабинетъ продолжалъ свое существованіе въ продолженіи всей интересующей насъ эпохи, какъ это усматривается изъ обозрѣнія преподаваній за 1818—1819 годъ, въ которомъ совершенно невыдѣлены еще болѣе или менѣе самостоятельныя коллекціи, входившія въ его составъ: „Музей естественной исторіи (historiae naturalis thesaurum), а также ботаническій садъ будетъ показывать публ. проф. орд. д-ръ Фуксъ"—заявляетъ это обозрѣніе, не упоминая отдѣльно ни о коллекціяхъ минералогическихъ и геологическихъ, ни о гербаріѣ, ни о собраніи рѣдкостей.

„Съ 1815 года назначено особенное отдѣленіе сего (т. е. естественнаго) кабинета подъ именемъ музея рѣдкостей",—прочли мы въ

---

* Напомнимъ читателямъ, что, послѣ большого пожара 3-го сентября 1815 года, уничтожившаго новое зданіе гимназіи, этой послѣдней снова пришлось искать пріюта въ стѣнахъ университета, крайне стѣснивъ его въ помѣщеніи.

отчетѣ 1816 года. Это заявленіе отчета обязываетъ насъ остановить вниманіе читателей на начальномъ зарожденіи собранія рѣдкостей—впослѣдствіе уже самостоятельнаго университетскаго музея. Первое, и на протяженіи первыхъ десяти лѣтъ существованія университета едва ли не единственное, поступленіе въ это будущее собраніе рѣдкостей пріурочивается къ 1809 году и въ слѣдующихъ выраженіяхъ увѣковѣчено въ протоколѣ засѣданія совѣта отъ 26-го мая, при исчисленіи слушанныхъ въ немъ бумагъ: „Рапортъ студента Аристова, при которомъ онъ представилъ платье алеута въ даръ университету“; совѣтъ постановилъ препроводить этотъ даръ, для храненія, въ библіотеку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, донести о томъ попечителю, „прося позволенія, при случаѣ, помѣстить о семъ въ вѣдомостяхъ столицъ“. О „кабинетѣ рѣдкостей“, какъ составной, хотя и весьма мало опредѣленной, части кабинета естественной исторіи, упоминается уже въ мартѣ 1815 года въ рапортѣ адъюнкта Ренарда, которымъ онъ доносилъ совѣту что, проѣздомъ черезъ Нижній-Новгородъ, онъ нашелъ въ физическомъ кабинетѣ мѣстной гимназіи „банку, содержащую въ себѣ довольно рѣдкое противуестественное произведеніе природы, состоящее въ двухъ сросшихся младенцахъ“, причемъ „за давнишней неперемѣной спирта не могъ проникнуть—оба ли они одного пола или нѣтъ“. Выражая увѣренность въ особенной готовности директора гимназіи Шредера „стремиться къ содѣйствію пользѣ и умноженію университетскихъ заведеній“, Ренардъ предлагалъ совѣту „сказанную банку истребовать и присоединить къ кабинету рѣдкостей“, но предложеніе это дальнѣйшаго хода, повидимому, не получило.

Дальнѣйшія пріобрѣтенія кабинета рѣдкостей послѣдовали въ 1816 и 1817 годахъ. 3-го марта 1816 года училищный комитетъ представилъ совѣту „баргузинское (бурятское) платье, пожертвованное иркутской гимназіи надворнымъ совѣтникомъ Корсаковымъ“, причемъ комитетъ предложилъ совѣту—„не благоугодно ли будетъ приказать г. иркутскихъ училищъ директору Словцову прислать для университетскаго музея еще два платья, охотское и шаманское“, пожертвованныя иркутской гимназіи тѣмъ же Корсаковымъ; совѣтъ постановилъ просить директора Словцова относительно присылки въ университетъ (что и было исполнено) и этихъ двухъ костюмовъ, присланный же „препроводить въ музей рѣдкостей, равно изъ библіотеки якутское (алеутское?) платье въ оный же препроводить музей“. 23-го апрѣля 1817 года директоръ симбирскихъ училищъ Гапоновъ представилъ университету въ даръ, доставшіяся ему „по случаю“, слѣдующіе предметы: а) „японскій плащъ, изъ бумаги сдѣланный“, б) „палку

или дубинку, какую употребляютъ во всякомъ случаѣ начальники острова Тани, принадлежащаго къ Австраліи", в) „видъ иллюминаціи, устроенной нѣкогда для китайскаго хана въ Китаѣ, на двухъ листахъ" и г) „двѣ вѣточки коралла Восточнаго океана"; всѣ эти вещи опредѣлено „препроводить при выпискѣ въ музей естественной исторіи", въ который онѣ и были приняты подъ росписку проф. Фукса. Слѣдующій даръ для собранія рѣдкостей сдѣланъ былъ адъюнктомъ Тимьянскимъ, 21-го марта 1818 года пожертвовавшимъ университету, „для музея рѣдкостей", случайно пріобрѣтенные имъ „образчики матерій, употребляемыхъ нѣкоторыми островитянами на одѣяніе себя, а именно: съ Ново-Гебридскихъ островов (три кусочка), съ Новой Зеландіи (три кусочка), съ Маркезскихъ островов (два кусочка), съ Сандвичевыхъ островов (четыре кусочка), съ островов Дружества (одинъ кусочекъ) и съ островов Отагити (одинъ кусочекъ)".

Если мы добавимъ ко всему этому еще „китайскій туалетъ", двѣ гравюры, да пару кокосовыхъ орѣховъ—то передъ нами окажутся всѣ богатства, находившіяся въ обладаніи университетскаго „музея рѣдкостей" до 1822 года, когда этотъ музей сразу обогатился интереснымъ собраніемъ этнографическихъ предметовъ, привезенныхъ проф. И. М. Симоновымъ изъ совершеннаго имъ кругосвѣтнаго плаванія и принесенныхъ въ даръ университету, что и обезпечило возможность, вскорѣ послѣ того воспослѣдовавшаго обособленія, кабинета или музея „рѣдкостей" въ качествѣ уже самостоятельнаго учебно-вспомогательнаго учрежденія казанскаго университета [55].

Мы не будемъ входить въ подробности дальнѣйшихъ приращеній кабинета естественной исторіи въ предѣлахъ разсматриваемой нами эпохи, которыя, за исключеніемъ двухъ крупныхъ пріобрѣтеній, о которыхъ сейчасъ будетъ идти у насъ рѣчь, не представляютъ особеннаго интереса и научнаго значенія; изъ числа этихъ послѣднихъ мы отмѣтимъ развѣ только собраніе сухихъ растеній, въ январѣ 1816 года пожертвованное кабинету адъюнктомъ Тимьянскимъ (быть можетъ плодъ его юношескихъ гербаризированій), „голову лося", принесенную университету въ даръ проф. Эрдманомъ въ 1817 году, передъ оставленіемъ имъ Казани, и ящикъ съ минералами, въ количествѣ 210 штуфовъ, въ томъ же году присланный въ даръ иркутскимъ губернаторомъ. Оба крупныя пріобрѣтенія, только что упомянутыя нами, были сдѣланы университетомъ въ 1816 и 1817 годахъ у профессора Броннера и послужили къ весьма видному обогащенію зоологической и минералогической коллекціи кабинета естественной исторіи. Первое изъ этихъ пріобрѣтеній заключалось въ обширномъ собра-

нiи раковинъ и было разрѣшено постановленiемъ совѣта университета отъ 9-го сентября 1816 года, вслѣдствiе представленiя о томъ адъюнкта Тимьянскаго, слѣдующаго содержанiя:

„Дошло до свѣдѣнiя моего, что г. профессоръ Броннеръ, изъ уваженiя къ пользамъ университета, согласенъ уступить для музея естественной исторiи свое богатое собранiе раковинъ, заключающее въ себѣ большую часть видовъ изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ родовъ. Безспорно, подобный случай къ прiобрѣтенiю полнаго собранiя раковинъ здѣсь не скоро встрѣтиться можетъ, а потому я и осмѣливаюсь просить совѣтъ употребить для покупки онаго собранiя всѣ зависящiя отъ него средства".

Броннеровское собранiе раковинъ, по которому онъ преподавалъ студентамъ съ 1815 года спецiальный курсъ конхiологiи, была куплена университетомъ за 1000 рублей, причемъ въ счетъ этой суммы 600 р. были взяты изъ штатнаго назначенiя на нужды натуральнаго кабинета за текущiй годъ, остальное же количество денегъ заимообразно позаимствовано изъ экономическихъ рессурсовъ университета.

Девятью мѣсяцами позже, 7-го iюня 1817 года, состоялось постановленiе совѣта относительно покупки у профессора Броннера и его обширнаго минералогическаго собранiя, основанное на слѣдующемъ представленiи директора кабинета естественной исторiи, профессора Фукса:

„Минералогическое собранiе г. профессора Броннера,—заявляетъ здѣсь Фуксъ,—состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ различныхъ штукъ и заключаетъ почти всѣ породы минераловъ, кромѣ немногихъ новѣйшихъ, которыхъ въ скоромъ времени не возможно было получить. Оно содержитъ:

I. Ориктогностическую часть простыхъ минераловъ, заключающую въ себѣ извѣстныя четыре главныя отдѣленiя, то есть: земли и камни, соли, возгораемыя и металлы.

II. Геогностическую часть, содержащую въ себѣ сложные камни, т. е. первобытныхъ горъ—порфиръ, траппы, флецовые камни, брячи (sic), песчаные камни, вулканическiя и псевдовулканическiя произведенiя и пр.

III. Окаменѣлости, имѣющiя многоразличныя достопримѣчательныя формы,—по большей части хорошо отобранныя штуки.

Порядокъ, по которому расположено сiе собранiе, съ названiями, расположенъ по таблицѣ Леонарда, по послѣдованiю системѣ Вернера. Г. профессоръ намѣренъ сдѣлать подробное описанiе всему кабинету

и по оному сообщить его съ музеемъ натуральной исторіи за 3000 рублей. Принадлежащій къ нему большой шкафъ съ тридцатью ящиками отдаетъ также за 80 рублей; онъ имѣетъ ту удобность, что можно тотчасъ переселить въ музеумъ все собраніе безъ перемѣщенія порядка. Цѣна 3080 рублей—весьма умѣренна, ибо настоящее достоинство сего собранія легко можетъ простираться до 5000 рублей".

Дѣло о покупкѣ минералогическаго собранія Броннера было представлено на благоусмотрѣніе попечителя, которымъ разрѣшеніе на то и было дано 17-го іюля, съ тѣмъ, что бы слѣдуемые проф. Броннеру 3080 рублей были уплочены ему изъ экономической университетской суммы, съ возвратомъ въ нее ежегодно по 500 рублей изъ штатной суммы, отпускаемой на кабинетъ естественной исторіи. При дѣлѣ о пріобрѣтеніи минералогическаго собранія Броннера имѣется его собственноручная опись этого собранія („Verzeichniss ueber die Mineralien — Sammlung des prof. F. X. Bronner", 74 страницы in 8°). Приведемъ оцѣнку научнаго значенія минералогическаго собранія Броннера, сдѣланную проф. А. А. Штукенбергомъ: „Коллекція эта,—заявляетъ А. А. Штукенбергъ,—была довольно полна и могла служить въ то время хорошимъ пособіемъ для преподаванія минералогіи. Во всякомъ случаѣ, это была единственная систематическая коллекція; всѣ остальные образцы минераловъ, рудъ и горныхъ породъ минеральнаго собранія университета представляли только разрозненные экземпляры и не имѣли особеннаго значенія для преподаванія". Коллекція Броннера была исключена изъ имущества университета въ 1855 году *.

Весною 1819 года изготовлены были, по требованію ревизора университета Магницкаго, отчеты по всѣмъ отдѣламъ кабинета естественной исторіи, которыми подводятся итоги предшествовавшимъ годамъ ихъ постепеннаго развитія и пополненія. Такихъ отчетовъ представлено было семь:

1) „Описаніе животныхъ, хранящихся въ винномъ спиртѣ", т. е. коллекціи, принадлежавшей раньше гимназіи и купленной для нея еще въ 1800 году; здѣсь показано 114 породъ, въ 133-хъ номерахъ и 129-ти экземплярахъ.

2) „Описаніе раковинъ"—собранія, купленнаго въ 1816 году у проф. Броннера, заключавшагося изъ 578 породъ и 1445 экземпляровъ.

3) „Описаніе чучелъ"—37 породъ, въ 42-хъ экземплярахъ.

4) „Описаніе минералогическаго кабинета", въ которомъ перечислено 453 породы, въ 5069-ти экземплярахъ.

* А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи минералогическаго и геологическаго кабинетовъ Императорскаго Казанскаго университета, 1805—1865» (Каз. 1901), стр. 12.

5) „Опись собранія рѣдкихъ вещей“, въ которомъ, подъ 12-ю номерами, весьма подробно описаны предметы этого собранія, выше нами уже указанныя.

6) „Опись сухихъ растеній, хранимыхъ въ кабинетѣ естественной исторіи“, заключающая въ себѣ 391 породу въ 567 экземплярахъ.

7) „Опись книгъ, принадлежащихъ кабинету естественной исторіи“, перечисляющая всего 10 названій изданій, въ 36-ти томахъ.

Эти любопытныя описи, подробно возстановляющія состояніе въ началѣ 1819 года всѣхъ отдѣльныхъ собраній, входившихъ въ составъ кабинета естественной исторіи, подписаны адъюнктомъ естественной исторіи Тимьянскимъ, „за болѣзнью профессора Фукса“, удержавшаго за собою завѣдываніе натуральнымъ кабинетомъ даже и послѣ перемѣщенія своего въ началѣ 1818 года на кафедру патологіи и клиники.

Закончимъ нашъ очеркъ начальной исторіи коллекцій кабинета естественной исторіи отзывомъ объ этомъ кабинетѣ Магницкаго, включеннымъ въ отчетъ о произведенной имъ ревизіи университета:

„Кабинетъ естественной исторіи при университетѣ получилъ начало отъ нѣсколькихъ штуфовъ и чучелъ, взятыхъ изъ казанской гимназіи, и до 1817 года распространялся, мало по малу, присылаемыми въ него штуфами и костями рѣдкихъ животныхъ. Въ 1817 году пріобрѣлъ онъ большое количество штуфовъ и окаменѣлостей и, сверхъ того, для него куплены у профессора Броннера собраніе раковинъ, заключающее всѣ роды, Линеемъ описанные, и собраніе, минераловъ; сіе послѣднее пріобрѣтеніе заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе, но, будучи сдѣлано случайно и въ ненадлежащей системѣ, такъ какъ и весь сборъ сего кабинета, не представляетъ нужной въ сихъ собраніяхъ цѣлости, ибо большая часть его отдѣленій неполна, а въ иныхъ классахъ число породъ столь малочисленно, что при преподаваніи не можно показать естественной ихъ связи и перехода одной въ другую. Сверхъ того, многія чучелы, которыхъ только 37 породъ, испорчены молью, а кости рѣдкихъ животныхъ (т. е. зачатки палеонтологическаго собранія)—не описаны.

По симъ причинамъ, кабинетъ сей не можетъ быть иначе почтенъ, какъ нѣкоторымъ началомъ заведенія сего рода, и по близости университета къ Сибири и тѣмъ способамъ, кои имѣетъ онъ сдѣлать полное собраніе ископаемыхъ сего края, можетъ нѣкогда послужить основаніемъ къ оному“.

Въ ожиданіи такого будущаго процвѣтанія его, Магницкій изрѣкъ весьма суровый приговоръ по адресу университетскаго кабинета естественной исторіи: „Я нашелъ его,—заключилъ строгій ревизоръ,—занимаю-

щимъ слишкомъ большое мѣсто по малой его значительности, и предлагаю совѣту, до лучшаго распорядка сего кабинета, въ которомъ однѣ раковины могутъ заслуживать нѣкоторое вниманіе, помѣстить его куда либо на время, а комнаты, имъ занимаемыя, обративъ частью подъ кабинетъ физическій, помѣщеніе сего послѣдняго и остатокъ комнатъ перваго употребить на размѣщеніе стѣсненныхъ студентовъ или гимназистовъ" [56].

VI

Ботаническій садъ

Заботы профессоровъ К. Ѳ. Фукса и И. Ѳ. Яковкина о заведеніи при университетѣ ботаническаго сада.—Мѣсто, избранное для сада, и первыя мѣры по его устройству.—Постройка теплички.—Ботаническій садъ университета къ концу 1808 года.—Топографическіе и почвенные недостатки мѣста, избраннаго для разведенія сада.—Незначительные успѣхи этого учрежденія.—Передача ботаническаго сада въ полное вѣдѣніе проф. Фукса.—Новыя пріобрѣтенія сада.—Отчетъ о состояніи ботаническаго сада осенью 1816 года.—Ботаническій садъ въ 1817 и 1818 годахъ.—Университетскій ботаническій садъ въ эпоху ревизіи 1819 года и отзывъ о немъ Магницкаго.

Ботаническій садъ,—по крайней мѣрѣ въ его начальномъ и болѣе или менѣе примитивномъ видѣ,—представляется однимъ изъ самыхъ раннихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета и первыя мѣры по его устройству относятся уже къ веснѣ 1806 года.

Возникновеніе этого учрежденія стоитъ въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью К. Ѳ. Фукса, перваго профессора „естественной исторіи и ботаники", беззавѣтная любовь котораго къ природѣ уже не разъ отмѣчалась нами. Нисколько не представляется, поэтому, удивительнымъ, что проф. Фуксъ уже съ самаго прибытія своего въ Казань сталъ лелѣять мысль объ учрежденіи при университетѣ хотя бы небольшаго ботаническаго сада, а раннею весною 1806 года предпринялъ и первые шаги къ осуществленію этой идеи. На этой почвѣ Фуксъ встрѣтилъ самое горячее сочувствіе и самую дѣятельную поддержку со стороны полновластнаго въ ту пору профессора-директора Яковкина, который, не смотря на всю свою оффиціальную дѣловитость и подавляющую массу заботъ и обязанностей, былъ также большимъ любителемъ природы и, какъ мы это уже знаемъ, близко принималъ къ сердцу успѣхи естественно-историческихъ учрежде-

ній ввѣреннаго ему университета, предпринимая даже и личныя попытки изысканій въ этой области знанія *.

Осуществленію проэкта устройства при университетѣ небольшаго ботаническаго сада способствовала самая топографія гимназическихъ и университетскихъ зданій, которая намъ отчасти уже знакома изъ исторіи начальнаго пріобрѣтенія и устройства ихъ **. Обширный бугоръ, по сѣверо-восточной линіи котораго расположены въ наши дни выходящіе на Воскресенскую улицу фасады главныхъ университескихъ корпусовъ, представлялъ по своимъ склонамъ къ югу и юго-западу обширные пустыри, почти сплошь заросшіе запущенными куртинами деревьевъ, кустарникомъ и бурьяномъ, въ которыхъ, передъ основаніемъ университета, съ успѣхомъ укрывались отъ властей бѣглые рекруты; поросшіе пустыри представляли собою среди города—„дичь и пустыню", какъ впослѣдствіе характеризовалъ эту мѣстность профессоръ Яковкинъ. Прилегая къ купленнымъ для университета домамъ Тенишева (онъ же домъ „губернаторскій") и Кастелли (домъ „комендантскій"), части этой рощи именовались: расположенная восточнѣе—садомъ „тенишевскимъ", расположенная къ западу отъ послѣдней—садомъ „комендантскимъ"; въ эпоху пріобрѣтенія этихъ домовъ для университета, ихъ сады были отграничены какъ одинъ отъ другаго, такъ и отъ находившихся къ югу отъ нихъ пустырей каменными стѣнами, остатки которыхъ сохранились до нашихъ дней. Эта то мѣстность, представлявшая выгодный склонъ къ юго-западу, и была выбрана Фуксомъ и профессоромъ-директоромъ для устройства ботаническаго сада; на этомъ участкѣ, соотвѣтствующемъ мѣсту расположенія нынѣшнихъ зданій библіотеки и астрономической обсерваторіи съ ея садомъ, университетскій ботаническій садъ и просуществовалъ до начала тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, когда былъ вновь устроенъ на пріобрѣтенныхъ для него прибрежныхъ участкахъ озера Кабана, гдѣ онъ располагается и въ наши дни.

Изъ мѣропріятій, направленныхъ къ устройству ботаническаго сада, первымъ возникъ вопросъ о сооруженіи на избранномъ участкѣ небольшой теплички для растеній, переписку о чемъ съ попечителемъ профес-

---

* Припомнимъ, хотя бы, его раскопки «слоновьяго костяка» въ тетюшскомъ уѣздѣ. Яковкинъ былъ даже рыболовомъ и охотникомъ—страсть, которой онъ удѣлялъ немногіе дни своихъ досуговъ: «Продолжавшіеся до 7-го числа сего іюля публичные экзамены окончились,—читаемъ въ его письмѣ къ Румовскому отъ 12-го іюля 1809 года,—и я располагаюсь дня на 3—4 съѣздить въ луга для охоты и рыболовства; на время моихъ отлучекъ буду препоручать должность директора г. казначею Баннеру».

** См. томъ I, стр. 69 и слѣд.

соръ-директоръ предпринялъ уже съ ранней весны 1806 года: „Для предварительныхъ пріуготовленій къ ботаническому саду не благоугодно ли будетъ предписать сдѣлать саженяхъ на восьми теплицу въ саду губернаторскомъ,—читаемъ въ письмѣ Яковкина отъ 10-го апрѣля.—Мѣсто для сего усмотрѣлъ я въ углу, подлѣ старыхъ погребовъ и каменной стѣны, на юго-востокъ и югъ. По причинѣ готовности остатковъ лѣсу и тесу, также старыхъ рамъ, кирпичу и другихъ матеріаловъ, едва ли рублей въ 70, полагая все тутъ, она обойдется, а между тѣмъ, при усердіи и раченіи, равно какъ и охотѣ профессора Фукса, можно будетъ положить изрядное начало сему важному учрежденію". Румовскій не замедлилъ дать свое согласіе на представленіе Яковкина, но въ формѣ довольно условной: „Ежели г. профессоръ Фуксъ желаетъ, что бы тепличка была построена,—отвѣчалъ попечитель отъ 26-го апрѣля,—то я на строеніе ея согласенъ съ тѣмъ, однако, что она не больше будетъ стоить семидесяти рублей, какъ вы пишете, потому, что когда время приспѣетъ заводить ботаническій садъ, то ее срыть можетъ быть будетъ должно". Яковкинъ поспѣшилъ успокоить предусмотрительность попечителя и увѣрить его, что теплица предположена къ построенію въ такомъ мѣстѣ университетскаго участка, на которомъ она не можетъ помѣшать впослѣдствіе никакимъ дальнѣйшимъ начинаніямъ по устройству университета: „Вчера осматривали съ профессоромъ Фуксомъ мѣсто для построенія теплички подлѣ задней тенишевской каменной стѣны, на углу къ комендантскому саду, такъ, что бы она и послѣ могла навсегда тутъ остаться"—писалъ онъ Румовскому отъ 22-го мая. Закладка теплицы совершилась 27-го іюля, но въ размѣрахъ нѣсколько бóльшихъ, сравнительно съ намѣченными первоначально, о чемъ Яковкинъ и донесъ попечителю письмомъ отъ 14-го августа:

„Я имѣлъ честь доносить вашему превосходительству,—читаемъ здѣсь,—и удостоился получить начальственное соизволеніе о построеніи теплички, предполагая ее небольшую и только на время. Но г. профессоръ Фуксъ, когда я съ нимъ о ней совѣтовался, предложилъ мнѣ какъ мѣсто, совершенно на всегда свободное отъ перемѣнъ, долженствующихъ происходить на пространствѣ, университету предоставленномъ, такъ и планъ ея увеличить для начатія ботаническаго сада, располагаяся просить ваше превосходительство, къ имѣющимся уже у него сѣмянамъ, о начальственномъ содѣйствіи въ выпискѣ еще сѣмянъ изъ Англіи. И такъ, по правилу: frustra fit per plura et caet.—и отстраивается теперь для него родъ потребной ему теплички или маленькой оранжерейки, строющейся подъ собственнымъ его показаніемъ и

присмотромъ, на пространствѣ, донесенномъ мною вашему превосходительству отъ 31-го іюля сего года *, а потому и самая работа станетъ дороже 70-ти рублей, какъ, было, по моему предположенію предписать соизволили, но за то все то будетъ строеніе сіе прочно, выгодно и видно".

Тепличка была окончательно отстроена къ концу осени того же 1806 года и Яковкинъ уже отъ 13-го ноября въ слѣдующихъ выраженіяхъ отписывалъ о томъ попечителю: „По отстроеніи теплички и изготовленіи печекъ поселилъ я въ ней солдата, какъ для протапливанія ея, такъ и для присмотру, дабы благое сіе начинаніе, по причинѣ нынѣшняго рекрутскаго набора, не учинилось вертепомъ разбойниковъ и сходбищемъ бѣглыхъ". Въ томъ же письмѣ доноситъ директоръ и о первыхъ мѣропріятіяхъ по оборудованію теплицы: „При начатіи заморозковъ нужно было подумать о заготовленіи на зиму достаточнаго количества плодородной огородной земли для заказанныхъ двухсотъ большихъ горшковъ и нѣсколькихъ готовыхъ кадокъ; въ работу сію употреблять инвалида показалось незаконно, и такъ, по прежнему требованію г. Фукса, рѣшился я нанять особаго работника, который, живучи въ тепличкѣ, заготовилъ довольно земли заблаговременно и исполняетъ приказываемое г. Фуксомъ" [57].

Постройкою теплицы вопросъ о начальномъ заведеніи при университетѣ ботаническаго сада ограничиться, конечно, не могъ и, одновременно съ тѣмъ, предприняты были заботы и о разведеніи сада, для котораго Фуксъ рѣшилъ воспользоваться уже существующими садами тенишевскимъ и комендантскимъ. Прежде всего возникла необходимость расчистки этихъ запущенныхъ садовъ, мѣры къ чему были предприняты Яковкинымъ уже раннею весною 1806 года: „Садъ тенишевскій походитъ теперь на садъ,— читаемъ въ письмѣ его къ Румовскому отъ 8-го мая,—потому что, съ комнатными служителями, а много и со студентами, старался я привести его въ порядокъ; въ наступающее воскресенье, Троицинъ день, намѣреваюсь дать въ немъ студентамъ собственною музыкою и своими охотниками-пѣв-

* «По назначенію профессора Фукса,—говорилось въ этомъ директорскомъ донесеніи отъ 31-го іюля,—27-го числа заложена тепличка на шести саженяхъ длины, четырехъ ширины, съ простѣнкомъ и съ караулкою на двухъ квадратныхъ саженяхъ, разстояніемъ въ шести саженяхъ отъ задней стѣны тенишевской на SSO, на земномъ уклонѣ, такъ, что бы она, оставаясь всегда на томъ мѣстѣ, не отнимала вида у сада, будучи почти на серединѣ обоихъ заднихъ пустырей за тенишевскимъ и комендантскимъ садами, предназначенныхъ профессоромъ Фуксомъ для основанія ботаническаго сада, вмѣстѣ съ двумя нынѣ существующими. Лѣсъ употребляется больше изъ отрубковъ прежняго строенія, а стекла употребятся обрѣзки отъ окончинъ новаго строенія; стоить будетъ только одна работа».

чими серенаду, на которую приглашены будутъ и всѣ университетскіе чиновники". Тогда же срублены были въ тенишевскомъ саду старыя сухія деревья, среди которыхъ находились лиственницы и даже кедры, а взамѣнъ ихъ Яковкинъ предполагалъ новыя насажденія. Профессоръ-директоръ усиленно носился, вообще, въ ту пору съ своими мечтами о благоустройствѣ университетскихъ садовъ, въ которыхъ его воображенію уже рисовалось будущее излюбленное мѣсто гулянья для всего города:

„Тепличка уже отстроена,—читаемъ въ его письмѣ къ попечителю отъ 4-го сентября;—рамы употребятся оставшіяся отъ манежа (въ то время перестраивавшагося въ будущій „типографскій" домъ), какъ никуда не употребляющіяся; прочія таковыя же оставшіяся употребятся для парниковъ ботаническаго сада. Весьма желательно положить сему важному заведенію университета хотя малое, но твердое, начало: но необходимо потребно въ комендантскомъ и на мѣсто вырубленныхъ сухихъ въ тенишевскомъ садахъ нынѣшнею осенью присадить липокъ, на это и г. профессоръ Фуксъ не только согласенъ, но намѣренъ былъ и самъ представить о семъ вашему превосходительству. Внутреннее пространство подлѣ рѣшетчатаго забора, предъ новымъ строеніемъ, обсажено уже на двѣ сажени вдоль липками, что дѣлаетъ особенную красу и строенію и гимназическому корпусу, а по сухости мѣста весною можетъ быть со временемъ подлѣ университетскаго строенія булевардъ (sic) для гулянья цѣлому городу, потому что лучшаго мѣста для сего въ цѣлой Казани не сыщется. Но все зависитъ,—скромно добавляетъ директоръ,—отъ обстоятельствъ и расположенія начальства".

Мечты профессора-директора относительно возможности сдѣлать университетскіе сады „булевардомъ" для гулянья всего города встрѣтили, вѣроятно, нѣкоторыя возраженія со стороны попечителя, такъ какъ Яковкинъ слѣдомъ за тѣмъ какъ бы успокоиваетъ его на тотъ счетъ, что „гулянье для цѣлаго города" онъ предполагаетъ допустить „только на востокъ отъ главнаго корпуса къ оврагу", соглашаясь, что „ботаническій садъ посѣщать всякому было бы излишне, а потому и остается онъ отдѣленнымъ, по крайней мѣрѣ противъ двухъ домовъ, во всю ихъ глубину и съ двумя пустырями". Первыя мѣропріятія по устройству будущаго ботаническаго сада, послѣдовавшія за сооруженіемъ теплицы, имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ слѣдующее представленіе проф. Фукса совѣту отъ 12-го сентября 1806 года:

„Его превосходительство г. попечитель императорскаго казанскаго университета и его округа, препоручая мнѣ смотрѣніе за ботаниче-

скимъ садомъ, желалъ, что бы я все пріуготовилъ для будущаго благосостоянія онаго. Къ сему уже сдѣланъ первый счастливый шагъ. Его превосходительство не только позволилъ мнѣ построить оранжерею, гдѣ бы удобно могли произростать растенія теплыхъ странъ, но желалъ, что бы на будущій годъ пріуготовлено было мѣсто и для обыкновенныхъ растеній. Для исполненія сего, представляю я на разсмотрѣніе слѣдующія необходимыя статьи: 1) поелику положеніе сада весьма выставлено солнечному зною, то я нахожу нужнымъ купить довольное число деревъ, какъ то—липъ, березъ и пр., которыя бы могли давать тѣнь нѣжнымъ плодамъ для лучшаго ихъ произростанія; 2) для опредѣленнаго мѣста саду желаю, что бы стѣна комендантскаго сада была продолжена до улицы; 3) для заготовленія земли на гряды и навоза на оныя необходимо должно нанять работниковъ, которые бы обработали сіе, и 4) не теряя теперь хорошаго времени, нужно заложить парники, для посѣва иностранныхъ сѣмянъ на будущей веснѣ".

Румовскій, на усмотрѣніе котораго было препровождено представленіе Фукса, предложеніемъ отъ 22-го октября безусловно утвердилъ статьи третью и четвертую его пожеланій, разрѣшивъ необходимый для того расходъ изъ общихъ университетскихъ суммъ; относительно же новыхъ насажденій и продленія забора предписалъ, „сдѣлавъ о семъ соображеніе, чего стоить будетъ", войти къ нему съ особымъ представленіемъ. Яковкинъ позволилъ себѣ въ данномъ случаѣ нѣкоторую вольность; онъ распорядился собственною властью выполнить желаніе Фукса относительно забора, не дождавшись разрѣшенія на то попечителя и мотивируя эту поспѣшность наличностью въ данный моментъ свободныхъ рабочихъ рукъ: „Весною,—отписывалъ онъ по этому поводу Румовскому отъ 13-го октября,—приходятъ сюда вольные плотники не ранѣе исхода мая, чрезъ что заведенія ботаническаго сада могли бъ быть подвержены опасности отъ врывающейся разной скотины; имѣя же нынѣ осенью плотниковъ, отнесъ уже оный задній заборъ вдоль по поперечной линіи, для отдѣленія чрезъ то сего сада отъ пустыря спижарнаго". Тогда же сообщилъ директоръ попечителю и затребованную расцѣнку стоимости новыхъ насажденій: оказалось, что „посаженіе липокъ и всякихъ другихъ деревьевъ стоить будетъ не менѣе десяти копѣекъ за каждое". Впрочемъ, Яковкинъ изыскалъ и другой путь къ пріобрѣтенію для ботаническаго сада молодыхъ саженцовъ: „На нынѣшней же почтѣ,—доноситъ онъ Румовскому отъ 30-го октября,—пишу я къ главному въ Перми графа Александра Сергѣевича Строганова управителю, моему родственнику, о присылкѣ въ университетскій ботаническій садъ десяти сибирскихъ кедровъ, десяти лиственницъ и десяти же топо-

лей, кои весною на соляныхъ или желѣзныхъ графскихъ судахъ и получить уже надѣюсь; думаю, что онъ о семъ моемъ требованіи не оставитъ донести и своему графу, потому что онъ меня по службѣ моей въ пажескомъ корпусѣ и какъ пермяка лично весьма хорошо знаетъ". Румовскій письмомъ къ Яковкину отъ 29-го ноября одобрилъ всѣ начинанія его, заявивъ, что „на все, что вы сдѣлали для основанія ботаническаго сада—я согласенъ". Что бы покончить съ вопросомъ о начальномъ зарожденіи ботаническаго сада, добавимъ еще, что, въ силу утвержденнаго попечителемъ представленія Яковкина отъ 22-го мая того же 1806 года, въ началѣ лѣта этого года Фуксу „для удобнѣйшаго присмотра, особливо при начальномъ заведеніи ботаническаго сада", была отведена казенная квартира, изъ четырехъ комнатъ, во второмъ этажѣ тенишевскаго дома.

Такъ положено было начало ботаническому саду казанскаго университета, который съ начала слѣдующаго 1807 года могъ уже располагать и денежными средствами для удовлетворенія своихъ нуждъ: въ засѣданіи совѣта 8-го декабря 1806 года было заслушано предложеніе попечителя объ отпускѣ на ботаническій садъ ежегодной, опредѣленной университетскимъ штатомъ, суммы въ 1000 рублей [58].

Наряду съ заботами по устройству ботаническаго сада стали приниматься мѣры и къ пополненію его живыми растеніями и сѣменами; начали поступать и пожертвованія. Послѣднія не были, впрочемъ, многочисленны: за 1807 годъ садъ обогатился лишь десятью сибирскими кедрами и восемью лиственницами, присланными весною въ даръ, согласно прошлогоднему ходатайству о томъ Яковкина, изъ пермскихъ вотчинъ графа А. С. Строганова, да пятидесятью деревьями (въ 17-ти видахъ), принесенными въ даръ казанскимъ помѣщикомъ маіоромъ Веригинымъ. Румовскій интересовался, какъ видно, успѣхами молодого ботаническаго сада казанскаго университета; въ сентябрѣ 1808 года онъ потребовалъ, по крайней мѣрѣ, доставленія ему свѣдѣній—„сколько и какія растенія, кустарники или дерева по сіе время разведены въ ботаническомъ саду". Исполняя волю попечителя, проф. Фуксъ составилъ подробный „реэстръ травъ, кустарниковъ и деревьевъ ботаническаго сада за 1808 годъ"; мы не будемъ входить въ подробности представленныхъ Фуксомъ перечней, интересныя, конечно, только для спеціалиста, и приведемъ лишь общія цифры, въ нихъ выведенныя: оказывается, что къ 21-му октября 1808 года ботаническій садъ заключалъ въ себѣ 178 видовъ травъ, 46 видовъ кустарниковъ и 28 видовъ деревьевъ. Общія свѣдѣнія о ботаническомъ садѣ за 1808 годъ почерпаются изъ матеріаловъ по составленію годичнаго университетскаго отчета за этотъ

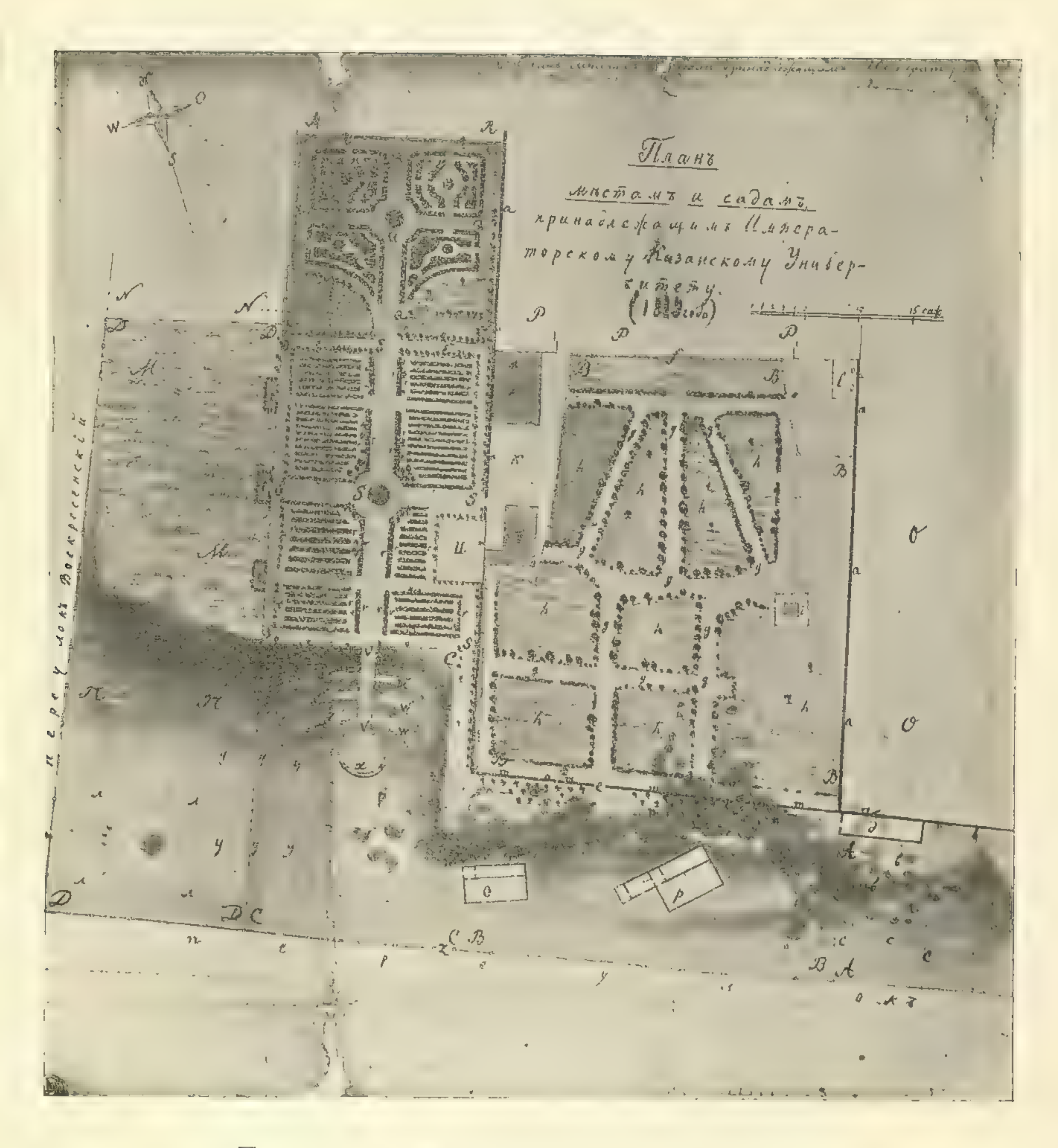
годъ: „Честь имѣю донести совѣту,—читаемъ въ частномъ отчетѣ проф. Фукса,—о поправкахъ и пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ мною въ прошломъ 1808 году для ботаническаго сада, кои состоятъ въ томъ, что большая часть комендантскаго сада выровнена, раздѣлена на гряды, обнесенныя окрашенными перилами и обсаженныя аллеями съ крѣпко убитыми дорожками. Сдѣлано, сверхъ сего, 6 парниковъ, куплено великое число банокъ для оранжерей и посажено 262 вида иноземныхъ растеній".

Мѣсто, избранное въ 1806 году подъ устройство ботаническаго сада, не оправдало надеждъ Фукса и его отчетъ о состояніи сада, составленный въ маѣ 1810 года, въ числѣ другихъ отчетовъ по университету, для новаго министра графа Разумовскаго, уже заключаетъ въ себѣ весьма ощутительную нотку разочарованія: „Ботаническій садъ, преобразованный изъ прежде бывшаго комендантскаго,—пишетъ здѣсь проф. Фуксъ,—существуетъ при университетѣ съ 1808 (sic) года и имѣетъ небольшую деревянную теплицу. Съ прошедшаго года садъ сей получилъ великое преобразованіе, а нынѣшнимъ лѣтомъ посѣяно въ немъ около 500 различныхъ видовъ растеній, такъ что нынѣ онъ содержитъ около 800 породъ. Текущаго года положено основаніе другой теплицѣ, предназначаемой для растеній жаркаго климата. Но великія препятствія противополагаются дальнѣйшему его разведенію, ибо при худомъ положеніи мѣста, на легкой и песчаной землѣ, растенія не могутъ быть защищаемы отъ суровости климата и, сверхъ сего, садъ не имѣетъ совершенно воды". Никакихъ указаній на дальнѣйшее развитіе сада, ни съ точки зрѣнія его благоустройства, ни съ точки зрѣнія его пополненія, мы не находимъ въ составленномъ въ концѣ года общемъ отчетѣ по университету за 1810 годъ [59].

Въ числѣ другихъ отчетовъ о состояніи университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій за пятилѣтіе 1807—1811 годовъ, представленъ былъ попечителю и составленный Фуксомъ отчетъ по ботаническому саду. Отчетъ свидѣтельствуетъ о весьма слабой степени развитія этого учрежденія уже по самымъ перечнямъ тѣхъ пріобрѣтеній, которыя дѣлались имъ на протяженіи этого пятилѣтія, среди которыхъ мы не встрѣчаемъ никакихъ расходовъ на сколько нибудь серьезныя улучшенія сада; въ нихъ фигурируютъ расходы исключительно только на различные предметы мелкаго обурудованія оранжерей и на уходъ за ними и за садомъ. Глиняныя банки для растеній и посѣвовъ (всего 600 штукъ), стеклянные колоколы для покрыванія горшковъ, рогожи и циновки для прикрытія рамъ, лейки, ведра, чаны и разнаго рода садовыя орудія, притомъ все это въ размѣрахъ самыхъ ограниченныхъ—таковы всѣ пріобрѣтенія ботаниче-

скаго сада, показанныя за первыя пять лѣтъ его существованія. При садѣ не имѣлось, какъ оказывается, даже садовника. Эта разсчетливость въ средствахъ на содержаніе ботаническаго сада, благодаря которой ему даже и не приходилось полностью располагать законною суммою, положенною на его нужды, являлась, конечно, лишь однимъ изъ отраженій той усиленной экономіи по всѣмъ статьямъ, которая настойчиво рекомендовалась въ ту пору университету. Осенью 1812 года новымъ попечителемъ Салтыковымъ сдѣлано было распоряженіе о томъ, что бы университетъ, впредь до особаго разрѣшенія, не производилъ „никакихъ издержекъ и пріумноженій на счетъ нѣкоторыхъ суммъ", въ списокъ которыхъ вошла и штатная сумма въ одну тысячу рублей, опредѣленная на содержаніе ботаническаго сада. Это суровое запрещеніе было, впрочемъ, сложено съ сада уже въ апрѣлѣ 1813 года, по пріѣздѣ въ Казань новаго попечителя, лично удостовѣрившагося въ жалкомъ положеніи того учрежденія, которое окрещивалось въ казанскомъ университетѣ громкимъ наименованіемъ „ботаническаго сада". Въ частности же, эта отмѣна наложеннаго на садъ финансоваго veto вызвана была, съ одной стороны—представленіемъ директора сада Фукса о необходимости для него садовника „для удобнаго содержанія иностранныхъ растеній въ оранжереяхъ", а съ другой стороны—представленіемъ конторы объ отпускѣ въ распоряженіе проф. Фукса трехсотъ рублей „для набивки парниковъ и на заплату работникамъ". Отвѣтомъ на эти представленія послужило слѣдующее предложеніе попечителя отъ 9-го апрѣля: „По личному разсмотрѣнію состоянія ботаническаго сада за нужное поставляю предложить совѣту, что бы оный садъ совершенно отданъ былъ подъ вѣдомость г. профессора Фукса, какъ изображено въ 83-ей статьѣ устава *; г. профессоръ Фуксъ имѣетъ отдавать отчетъ конторѣ о деньгахъ, имъ употребленныхъ на содержаніе ботаническаго сада и не превышающихъ штатной суммы". Это попечительское предложеніе, послѣдовавшее, безъ сомнѣнія, не безъ личнаго участія въ дѣлѣ самого Фукса, представляло для директора ботаническаго сада весьма существенное значеніе, дѣлая его полнымъ хозяиномъ ввѣреннаго ему учрежденія и отдавая въ его отчетное распоряженіе положенную на содержаніе сада штатную сумму, располагать которою онъ до тѣхъ поръ

* «Ботаническій садъ состоитъ подъ его жъ (профессора естественной исторіи и ботаники) вѣдѣніемъ и надзираніемъ; при немъ находится садовникъ и получаетъ жалованье изъ суммы, на содержаніе ботаническаго сада положенной». Въ интересующую насъ эпоху садовниками при ботаническомъ садѣ состояли: Х. А. Дюссель (1814—1817 г.г.) и Я. О. Мезенъ (1817—1820 г.г.).

План старого университетского ботанического сада, съ прилегающими къ нему мѣстами.

(1819 г.)

(Описаніе плана на оборотѣ)

ОПИСАНІЕ ПЛАНА

(Взято съ подлинника)

A. Пустопорожнее мѣсто, принадлежащее главному университетскому корпусу, лежащее позади дровяного двора **O** и отдѣляющееся отъ онаго каменною стѣною **a**.— На немъ:

b) Довольно ровная площадь отъ стѣны до крутости, шириною отъ $5^1/_2$ до $6^1/_2$ саженъ.

c) Подгорное мѣсто, глубиною ниже площади отъ $2^1/_2$ до 3 саженъ.

d) Теплица.

e) Ворота въ стѣнѣ.

B. Прежде бывшій Тенишевскій садъ, отдѣляющійся отъ передняго своего двора **P** рѣшеткою **f**; отъ дровяного университетскаго двора, отъ бывшаго Комендантскаго сада и нагорной стороны каменною стѣною **a**.—Въ немъ:

g) Аллеи изъ липъ, акацій и другихъ деревъ. Липы весьма уже устарѣли.

h) Куртины, изъ коихъ нѣкоторыя воздѣлываются подъ огородныя овощи.

i) Колодезь.

k) Отдѣленное заборомъ мѣсто,—на немъ: а) погреба для чиновниковъ, б) изба для сторожа обсерваторіи.

l) Нужныя мѣста.

m) Низкая каменная стѣнка.

n) Нѣсколько насаженныхъ березокъ.

o) Оранжерея.

p) Другая ветхая оранжерея.

C. Прежде бывшій Комендантскій садъ, отдѣляющійся отъ передняго своего двора **R** рѣшеткою **q**.—Въ немъ:

Q) Цвѣтникъ.

S) Ботаническій садъ—въ немъ: r) грядки съ растеніями, s) аллея изъ березъ, t) бесѣдка изъ акацій, u) обсерваторія.

V) Деревянная лѣстница, устроенная по крутости.

W) Террасы съ крутости.

X) Бесѣдка.

Y) Въ семъ мѣстѣ парники.

Z) Ворота на улицу.

D. Прежде бывшее Спижарной мѣсто, коего передній дворъ при **N**.—На немъ:

M) Довольно ровное мѣсто, на коемъ нѣкогда сажаемы были деревья, но теперь почти всѣ посохли.

П) Низкое подгорное неровное мѣсто, часть коего при **лл** употребляется подъ огородъ.

не могъ безъ особаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшенія конторы, совѣта или, даже, попечителя [60].

Не взирая на полученную съ весны 1813 года бо̀льшую свободу въ распоряженіи отпускаемыми средствами, пополненіе ботаническаго сада новыми растеніями и сѣменами, какъ и дѣло улучшенія его съ точки зрѣнія благоустройства, шло весьма туго и въ ближайшіе годы. Любопытныя соображенія о недостаткахъ ботаническаго сада и данныя о современномъ его состояніи приведены проф. Фуксомъ въ отчетѣ по саду за 1813 годъ:

„Ботаническій университетскій садъ, по причинѣ открытаго, еще не защищеннаго деревьями, мѣста и по недостатку воды, нуждается во многомъ. Къ симъ недостаткамъ должно прибавить и то, что садъ все еще не имѣетъ садовника-ботаника, поелику нынѣ занимающій сіе мѣсто къ сему званію неспособенъ. Къ саду принадлежатъ: двѣ оранжереи, одна для растеній умѣреннаго, а другая для растеній жаркаго климата; восемь парниковъ, съ достаточнымъ числомъ рамъ на нихъ; колодезь, который по глубинѣ своей и дурному механизму, равно какъ и по отдаленію, не весьма удобенъ *; старое строеніе близь него, бывшею банею, нынѣ же обращенное въ жилую избу для садовника и еще каменное строеніе, принадлежавшее къ тенишевскому саду, остававшееся донынѣ впустѣ безъ употребленія, нынѣ обращенное въ прекрасную бесѣдку **. Недостатокъ сада состоитъ наиболѣе въ томъ, что онъ нуждается въ водѣ, почему и предположено вырыть другой колодезь, не столь глубокій и который бы былъ удобнѣе по близости и лучшему механизму.

Въ оранжереяхъ на зиму осталось въ горшкахъ до 300 многолѣтнихъ растеній, которыя не могутъ зимовать въ землѣ, на открытомъ воздухѣ. Сверхъ того, въ нынѣшнемъ 1813 году получено въ даръ отъ его превосходительства г. попечителя до 100 породъ растеній сѣмянами. Покупкою пріобрѣтено сѣмянъ до 400 и горшками до 60 породъ. Кромѣ того, предполагается весною будущаго 1814 года выписать до 400 породъ растеній сѣмянами“.

---

* На этотъ колодезь, бывшій сверху прикрытымъ и засыпаннымъ землею, натолкнулись въ исходѣ минувшаго столѣтія, при копаніи рвовъ для фундамента новаго библіотечнаго корпуса. Онъ оказался настолько глубокимъ, что, взамѣнъ засыпки, строители предпочли закрыть его каменнымъ сводомъ. Мѣсто нахожденія этого колодезя соотвѣтствуетъ южной части корридоровъ, прорѣзывающихъ оба этажа зданія по направленію съ N на S. Колодезь этотъ интересующіеся найдутъ показаннымъ на прилагаемомъ къ настоящему тому планѣ университетскихъ садовъ и мѣстъ 1819 года.

** Это та самая бесѣдка, которая въ слѣдующемъ году была утилизирована проф. Литтровомъ для устройства астрономической обсерваторіи.

1814 годъ ознаменовался для ботаническаго сада лишь покупкою до 200 разныхъ сортовъ сѣмянъ и до 20 породъ живыхъ растеній, а также прирѣзкою къ нему около одной тысячи квадр. саженъ земли, часть которой предназначена подъ цвѣтники, другая—для „разведенія рощи"; въ этомъ году потребовалась передѣлка печи въ новой оранжереѣ и парниковъ и констатировались недостатки старой (1806 года) оранжереи, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія „невыгоднаго вхожденія свѣта"; повторяются и прежнія жалобы на недостатокъ воды. Оказались въ этомъ году и приношенія сѣмянами: такъ, членъ-корреспондентъ университета, директоръ училищъ иркутской губерніи И. Е. Миллеръ, вмѣстѣ съ собраніями сухихъ растеній, сданными въ кабинетъ естественной исторіи, при которомъ формировался, какъ мы видѣли, университетскій гербарій, прислалъ ботаническому саду въ даръ, весною—различныя сѣмяна, въ томъ числѣ и чайнаго дерева, осенью—собраніе сѣмянъ изъ окрестностей Якутска. Изъ отчета по ботаническому саду за 1815 годъ узнаемъ, что въ этомъ году „выписано изъ Риги сѣмянъ цвѣточныхъ цѣною на 20 рублей, сдѣланы новые заборы, мѣсто садомъ занимаемое увеличено, построена малая тепличка съ парникомъ для растеній наиболѣе не терпящихъ холода"; въ числѣ недостатковъ сада, кромѣ новыхъ сѣтованій на отдаленность воды, указывается „легкость грунта, въ коемъ и прежде сего за нѣсколько лѣтъ насаженныя деревья, какъ: осина, березы и пр.—начинаютъ пропадать, хотя до сего времени росли очень хорошо"; приводятся снова недостатки старой оранжереи, которая „требуетъ поправокъ, перестилки и поднятія крыши, сдѣланной при построеніи ея слишкомъ пологою, и прибавленія ряда верхнихъ стеколъ для того, что бы дать болѣе свѣта".

Съ особенною подробностью составленъ былъ ближайшимъ помощникомъ проф. Фукса по завѣдованію естественно-историческими учрежденіями университета, адъюнктомъ Тимьянскимъ, отчетъ о состояніи ботаническаго сада, представленный осенью 1816 года новому управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну:

„Ботаническій садъ,—читаемъ въ этомъ отчетѣ,—также младенчествуетъ (рѣчь шла передъ тѣмъ о состояніи кабинета естественной исторіи). Ежегодный доходъ его хотя и составляетъ 1000 рублей, но за выключеніемъ изъ сего числа 500 рублей, производимыхъ каждый годъ въ жалованье садовнику, и 136 рублей, отпускаемыхъ ежегодно на содержаніе при садѣ двухъ инвалидовъ, кои должны отправлять всѣ садовыя работы, собственно остается на содержаніе сада только 364 рубля—сумма, весьма малая по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Изъ сихъ 364-хъ рублей должны производиться всѣ расходы по саду, по-

купка дровъ для оранжерей, покупка воды для поливанія растеній, нанимаются работники, дѣлаются всѣ починки и поправки, выписываются сѣмена въ маломъ количествѣ и т. д.

Теперь садъ имѣетъ двѣ небольшія оранжереи, изъ коихъ одна остается безъ всякаго употребленія за ветхостью (это теплица постройки всего только 1806 года!), и тепличку, которая также мало годна къ употребленію за тѣснотою и плохою постройкою, ибо она сдѣлана однимъ садовникомъ, безъ помощи мастеровыхъ людей, болѣе для разведенія растеній черенками и проч.

Число воспитываемыхъ растеній простирается до 500 породъ. Нынѣ садъ получилъ приращеніе, состоящее изъ 183-хъ горшковъ съ живыми иностранными растеніями, въ числѣ коихъ находится 87 родовъ, купленныхъ въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ за 514 рублей. На лѣто растенія высаживаются на гряды и въ клумбы.

Главнѣйшее препятствіе успѣхамъ заведенія сего есть легкость грунта, состоящаго изъ наноснаго чернозема. На бо́льшей глубинѣ попадаются гнилыя бревна и каменья *, а по сему даже здѣшнія деревья,—березы, осины, напримѣръ,—посаженныя за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, теперь засыхаютъ. По сей причинѣ мѣсто, садомъ занимаемое, открыто отовсюду дѣйствію холодныхъ вѣтровъ, по климату здѣшнему весьма вредныхъ, ибо они увеличиваютъ холодъ зимою до того, что, при легкости грунта, вымерзаютъ и дикія здѣшнія травы. Столь же важенъ недостатокъ при садѣ воды, различіе почвы, отсутствіе удобныхъ оранжерей и теплицы" [61].

Жалобы на недостатки ботаническаго сада высказываются адъюнктомъ Тимьянскимъ и въ отчетахъ за 1817 и 1818 годы. Главное препятствіе къ улучшенію состоянія сада, заключавшееся въ ограниченности отпускаемыхъ въ его распоряженіе средствъ, было въ значительной мѣрѣ устранено послѣдовавшимъ въ 1817 году распоряженіемъ временно управлявшаго министерствомъ О. П. Козодавлева относительно дополнительнаго ассигнованія на содержаніе ботаническаго сада по 691 р. 67 коп. въ годъ (500 р. на улучшенія по саду и 191 р. 97 к. на содержаніе при немъ служителей) изъ хозяйственной университетской суммы. Изъ отчета за 1817 годъ узнаемъ, что къ числу случайныхъ (въ отчетномъ году около 110 рубл.) доходовъ сада принадлежала и арендная плата съ какой то кузницы, построенной на принадлежащей саду землѣ. Въ числѣ крупныхъ

* Фактъ весьма любопытный въ историко-топографическомъ отношеніи. Не остатки ли это стѣны стараго казанскаго посада, которая состояла, какъ извѣстно, изъ двухъ заполненныхъ хрящемъ деревянныхъ рядовъ надолбъ и для линіи которой бугоръ нынѣшняго университетскаго квартала, составляющій лишь составную часть общаго южнаго склона верхнихъ частей города къ Булаку, представлялъ превосходное стратегическое условіе?

недостатковъ сада, помимо новыхъ сѣтованій на неудобства садоваго водоснабженія и на неудовлетворительность грунта, указывалась тѣснота оранжерейныхъ помѣщеній; хотя „число разводимыхъ растеній и умножено выращенными изъ сѣмянъ, а изъ многолѣтнихъ растеній сбережено столько, сколько можно было помѣстить на зиму въ двухъ оранжереяхъ и одной теплицѣ",—заявляетъ отчетъ,—тѣмъ не менѣе „большая часть экземпляровъ, за недостаткомъ помѣщенія въ помянутыхъ строеніяхъ, должна была остаться на грядкахъ, гдѣ отъ бывшихъ сильныхъ морозовъ, при открытости мѣста, садомъ занимаемаго, должна будетъ неминуемо пропасть". Этотъ крупный дефектъ сада вызвалъ ассигнованіе, согласно смѣтѣ, составленной архитекторомъ Калашниковымъ, изъ хозяйственныхъ суммъ университета 1742 р. 30 коп. на перестройку старой „первопостроенной деревянной оранжереи", но отчетъ высказывается за предпочтительность употребленія этой суммы на сооруженіе совершенно новой каменной, такъ называемой „голландской", оранжереи; ни въ 1817-мъ, ни въ 1818-мъ годахъ никакихъ работъ въ этомъ направленіи предпринято не было и вся строительная по саду дѣятельность ограничилась лишь перестройкою и расширеніемъ, „до шести сажень по лицу", маленькой садовой теплички.

Изъ новыхъ пріобрѣтеній сада въ обоихъ отчетахъ отмѣчены только два приношенія сѣмянами со стороны почетнаго члена университета, графа Н. П. Румянцева. Первое и меньшее изъ нихъ, сдѣланное въ декабрѣ 1817 года, не представляло большаго научнаго интереса, такъ какъ въ этомъ собраніи сѣмянъ „не было означено ни названій систематическихъ, ни мѣста, откуда они получены",—было извѣстно только, что это сѣмена какихъ то „рѣдкихъ бразильскихъ растеній"; бо́льшій интересъ представило приношеніе 1818 года, заключавшееся изъ 113-ти капсюлей сѣмянъ, полученныхъ съ вновь открытыхъ бригомъ „Рюрикъ" острововъ и изъ другихъ, посѣщенныхъ этимъ судномъ, странъ. Мы уже знаемъ, что, признательный за это вниманіе, университетскій совѣтъ просилъ графа Румянцева прислать университету въ даръ свой портретъ,—честь, которую тотъ, однако же, отклонилъ отъ себя *.

Послѣднія, за интересующій насъ промежутокъ времени, данныя о состояніи ботаническаго сада казанскаго университета почерпаются уже изъ матеріаловъ, относящихся къ ревизіи Магницкаго. Сюда относятся двѣ описи по ботаническому саду, составленныя для Магницкаго и „за болѣзнью профессора Фукса" подписанныя адъюнктомъ Тимьянскимъ: а) „Опись рас-

---

* См. выше стр. 408.

теній, сохраняемыхъ въ двухъ оранжереяхъ и одной теплицѣ ботаническаго сада", въ которой перечислено 128 видовъ (по Линнею) и 705 экземпляровъ живыхъ растеній, и б) „Описаніе сѣмянъ, хранимыхъ при ботаническомъ садѣ", въ количествѣ 482 видовъ *. Не имѣя возможности входить въ оцѣнку научнаго значенія этихъ собраній, направляемъ спеціалистовъ къ подлиннымъ описямъ.

Для ознакомленія съ топографіею и расположеніемъ стараго университетскаго ботаническаго сада, крупный интересъ представляетъ собою прилагаемый къ настоящему тому нашего труда снимокъ съ части „плана мѣстамъ и садамъ, принадлежащимъ императорскому казанскому университету", приложеннаго къ одному изъ дѣлъ по ревизіи Магницкаго (Сов., 1819 г., № 69) и въ подробностяхъ возстановляющаго юго-западную часть нынѣшняго университетскаго квартала; здѣсь интересующіеся увидятъ не только мѣсторасположеніе, но даже и распланировку стараго ботаническаго сада.

Слѣдуя порядку, котораго мы держались при обзорѣ и предшествовавшихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, закончимъ нашъ очеркъ начальной исторіи ботаническаго сада отзывомъ, даннымъ о немъ Магницкимъ въ его отчетѣ по произведенной имъ ревизіи казанскаго университета: „Ботаническій садъ и двѣ заведенныя при немъ теплицы столь маловажны, что не стоятъ издержекъ, на нихъ ежегодно употребляемыхъ. Гораздо было бы полезнѣе, ежели бы прекрасное мѣсто, по пошвѣ (sic) самой земли и по климату для ботаническаго сада неспособное, обращено было въ гулянье для воспитанниковъ" [62].

Лучшая пора настала для ботаническаго сада казанскаго университета съ 1824 года, когда онъ перешелъ въ завѣдованіе профессора Э. И. Эйхвальда. Тогда же (въ сентябрѣ 1824 года) и тѣмъ же Эйхвальдомъ возбужденъ былъ вопросъ объ изысканіи новаго мѣста для сада, которое и было найдено на берегу озера Кабана, хотя открытіе здѣсь новаго, понынѣ существующаго, университетскаго ботаническаго сада воспослѣдовало не ранѣе начала тридцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія.

---

* Гербарій университета включенъ, какъ мы видѣли, въ отчетъ по кабинету естественной исторіи.

VII

Анатомическій институтъ

Заботы перваго профессора анатоміи И. П. Каменскаго объ учебно-вспомогательныхъ пособіяхъ для преподаванія этой науки.—И. О. Браунъ, преемникъ Каменскаго по каѳедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки.—Первое пріобрѣтеніе анатомическихъ и хирургическихъ инструментовъ.—Ходатайство проф. Брауна объ устройствѣ анатомическаго театра.—Общій планъ предположенныхъ для университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій построекъ.—Первоначальный анатомическій театръ въ Тенишевскомъ домѣ.—Ничтожность матеріала для демонстративнаго преподаванія проф. Брауна.—Новое возбужденіе вопроса объ анатомическомъ театрѣ въ августѣ 1811 года.—Комитетъ «строенія медицинскихъ зданій».—Хлопоты относительно доставленія въ университетъ труповъ.—Устройство анатомическаго театра въ деревянномъ флигелѣ типографскаго дома.—Описаніе этого новаго помѣщенія.—Пріобрѣтеніе въ Подлужной слободѣ дома подъ массераціонное заведеніе анатомическаго института.—Состояніе анатомическаго театра и анатомическаго преподаванія въ послѣдніе пять лѣтъ изслѣдуемой эпохи.—Анатомическій институтъ университета передъ судомъ Магницкаго.

Первые зачатки преподаванія въ казанскомъ университетѣ анатоміи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начальное возбужденіе вопроса объ устройствѣ при университетѣ анатомическаго театра—стоятъ въ самой тѣсной связи съ именемъ перваго профессора анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, И. П. Каменскаго, назначеннаго въ казанскій университетъ 6-го января 1806 года и прибывшаго въ Казань въ началѣ марта того же года.

Уже 17-го марта профессоръ Каменскій, заявивъ въ засѣданіи совѣта о предположенныхъ имъ курсахъ чтеній, указалъ на недостатокъ необходимыхъ пособій къ преподаванію анатоміи, въ виду чего совѣтъ, признавая, что „для показанія внутреннихъ частей человѣческаго тѣла и дѣйствительнаго утвержденія учащихся въ анатоміи нужно имѣть мертвыя тѣла", опредѣлилъ „представить его превосходительству г. попечителю рапортомъ, не соблаговолитъ ли онъ снестись съ казанскимъ гражданскимъ начальствомъ о томъ, что бы тѣла скоропостижно умершихъ были присылаемы въ университетъ". Ходатайство это встрѣтило со стороны Румовскаго отвѣтъ довольно уклончивый: „Сообщаю совѣту,—предложилъ попечитель отъ 12-го апрѣля,—что, по мнѣнію моему, къ вскрыванію труповъ какъ по наступающему лѣтнему времени, такъ и по неимѣнію еще потребныхъ къ тому пособій, приступить съ удобностью не можно, но нужно, что бы для сего назначенъ былъ внѣ университетскаго дома, гдѣ совѣтъ за способное признаетъ, отдѣленный и особенный покой и что бы приготовлены были всѣ нужныя къ тому вещи; сколько же на то потребно будетъ суммы, сдѣлать соображеніе и мнѣ представить, а до того времени г. профессоръ

Каменскій потщился бы при преподаваніи лекцій дѣлать возможныя объясненія по рисункамъ".

Румовскій самъ выдвигалъ, такимъ образомъ, на очередь вопросъ о назначеніи „особеннаго покоя для вскрыванія труповъ", иначе говоря— вопросъ объ устройствѣ хотя бы самаго примитивнаго анатомическаго театра и о пріобрѣтеніи для него „нужныхъ вещей". Насколько упрощеннымъ явилось начальное преподаваніе въ казанскомъ университетѣ анатоміи, нагляднѣе всего свидѣтельствуютъ о томъ слѣдующіе отрывки изъ письма Каменскаго къ попечителю, отъ 15-го мая 1806 года:

„Не находя должной обстановки, преподавалъ я учащимся науку о костяхъ на имѣющемся у меня собственномъ скелетѣ, науку же о связкахъ и мышцахъ человѣческаго тѣла, какъ вообще, такъ и въ особенности, показывалъ на животныхъ, коихъ строеніе наиболѣе сходно съ человѣческимъ. Остается проходить ученіе о кровеносныхъ сосудахъ, нервахъ и внутренностяхъ, коихъ организмъ поелику не разнится отъ человѣческаго, то я также намѣренъ показать на животныхъ четвероногихъ, особливо тѣхъ, кои употребляются въ пищу,— тѣмъ лучше, что сей видъ анатоміи, не производя отвращенія въ учащихся, еще къ ней не привыкшихъ, между тѣмъ представляетъ имъ такіе предметы, кои возбуждаютъ любопытство и охоту къ изслѣдованію строенія и самаго человѣческаго тѣла".

Возобновляя, далѣе, ходатайство относительно доставленія въ университетъ труповъ „скоропостижно умирающихъ людей, по крайней мѣрѣ въ зимнее время", и указывая на необходимость пріобрѣтенія анатомическихъ инструментовъ и приглашенія прозектора, Каменскій затрогиваетъ въ томъ же письмѣ вопросъ объ учрежденіи особаго анатомическаго кабинета: „Во время проѣзда моего чрезъ Москву,—писалъ онъ,—я узналъ, что состоящіе при уничтоженной московской медико-хирургической академіи препараты и уродцы находятся безъ употребленія и назначенія, то не благоугодно ли будетъ вашему превосходительству снестись, дабы лучшіе изъ нихъ доставлены были въ здѣшній университетъ". Профессоръ Каменскій сразу выдвигалъ, такимъ образомъ, рядъ нуждъ, ближайшее удовлетвореніе которыхъ ставилось имъ въ связь съ интересами преподаванія по кафедрѣ анатоміи.

Первоначально подъ помѣщеніе анатомическаго театра предполагалось приспособить одну изъ имѣвшихся при гимназическихъ и университетскихъ зданіяхъ холодныхъ кладовыхъ, но слѣдомъ за тѣмъ рѣшено было утилизировать для этой цѣли двѣ комнаты Тенишевскаго дома, которыя и были

готовы къ концу 1806 года. 14-го іюля представлены были Каменскимъ въ совѣтъ и два списка вещей, признанныхъ имъ необходимыми для будущаго анатомическаго театра. Первый изъ нихъ заключалъ въ себѣ перечень вещей, возможныхъ къ пріобрѣтенію на мѣстѣ, въ Казани, второй—реэстръ вещей, которыя приходилось выписывать изъ Москвы, Петербурга и даже изъ Лондона (обстановка анатомическаго театра, инструменты для препарированія, два сифона для наполненія кровеносныхъ сосудовъ и т. п.); къ этимъ спискамъ присовокупленъ и перечень нѣсколькихъ книгъ, необходимыхъ для преподаванія анатоміи. Предложеніемъ отъ 24-го сентября попечитель изъявилъ согласіе на отпускъ денегъ, потребныхъ для пріобрѣтенія всего этого (около 500 рублей), изъ общей суммы, ассигнуемой на содержаніе университета, но намѣченныя Каменскимъ покупки въ его кратковременную профессуру такъ и не осуществились, какъ не осуществились и его предположенія относительно приглашенія прозектора,—должность, для занятія которой лѣтомъ 1806 года представлялся имъ его ученикъ по Москвѣ, военный врачъ К. П. Европеусъ. Не лучшая участь постигла и виды Каменскаго на возможность основанія при казанскомъ университетѣ хотя бы небольшого анатомическаго кабинета: изъ доставленнаго списка препаратовъ, оставшихся послѣ упраздненной московской медико-хирургической академіи, выяснилось, что лучшіе изъ нихъ вытребованы въ петербургскую медико-хирургическую академію, оставшіеся же признаны были особою совѣтскою коммиссіею, составленною изъ профессоровъ Каменскаго и Фукса и адъюнкта Эвеста, къ пріобрѣтенію ихъ—сомнительными, почему дѣло это дальнѣйшаго хода и не получило. Не удалось профессору Каменскому добиться и полученія труповъ для демонстративнаго преподаванія анатоміи: безрезультатными остались какъ представленія его по этому поводу попечителю округа, такъ и личныя ходатайства его передъ казанскимъ губернаторомъ Мансуровымъ [63].

Профессору Каменскому довелось занимать кафедру анатоміи весьма непродолжительное время: намъ уже извѣстны тѣ обстоятельства *, при которыхъ, 14-го ноября 1806 года, онъ былъ отрѣшенъ отъ университетской службы за дѣятельное участіе въ совѣтской оппозиціи попечителю и профессору-директору. Преемникомъ его по кафедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки выступилъ бывшій прозекторъ виленской медико-хирургической академіи и будущій первый ректоръ казанскаго университета И. О. Браунъ, получившій назначеніе на эту кафедру 15-го мая

* См. томъ I, стр. 188—190.

1807 года и затѣмъ занимавшій ее до самой своей кончины (8-го января 1819 года).

Въ Казани Брауна ожидало полное отсутствіе какихъ бы то ни было пособій для преподаванія поручаемыхъ ему дисциплинъ, въ виду чего Румовскій почелъ необходимымъ заблаговременно предупредить его о томъ, предоставивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его распоряженіе небольшую сумму денегъ для пріобрѣтенія хотя бы только необходимѣйшихъ анатомическихъ и хирургическихъ инструментовъ: „Въ зарождающемся казанскомъ университетѣ (a l'université naissante de Kasan),—писалъ ему попечитель отъ 31-го мая 1807 года,—совершенно не имѣется инструментовъ ни анатомическихъ, ни хирургическихъ, да на мѣстѣ и невозможно ихъ пріобрѣсти. Я попрошу васъ, въ виду этого, взять на себя трудъ пріобрѣсти наиболѣе необходимые изъ нихъ или въ Вильно или въ Москвѣ, при вашемъ проѣздѣ черезъ этотъ городъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я препровождаю въ ваше распоряженіе сумму въ 600 рублей, изъ которыхъ 400 рублей предназначаются на возмѣщеніе вашихъ издержекъ по переѣзду въ Казань, а 200 рублей на покупку инструментовъ, въ израсходованіи которыхъ я попрошу васъ представить отчетъ совѣту". Въ Москвѣ Брауну не удалось пріобрѣсти необходимаго, вслѣдствіе чего ему пришлось вступить въ переписку съ своимъ другомъ („mon ami sincere"), вѣнскимъ профессоромъ анатоміи Прохаскою, относительно выписки инструментовъ изъ Вѣны, что ему и удалось вполнѣ, какъ это видно изъ предложенія попечителя отъ 23-го сентября, въ которомъ онъ объявлялъ Брауну свою благодарность „за попеченія его въ разсужденіи выписки изъ Вѣны анатомическихъ и хирургическихъ инструментовъ". 11-го сентября Браунъ представилъ совѣту отчетъ въ израсходованіи полученныхъ имъ отъ попечителя двухсотъ рублей, изъ котораго оказывается, что всего было имъ употреблено на пріобрѣтеніе инструментовъ 132 рубля, остальные же 68 рублей оставлены на уплату по другимъ, сдѣланнымъ имъ, заказамъ. Въ числѣ суммъ на другія учебно-вспомогательныя учрежденія, съ начала 1807 года открытъ былъ опредѣленный университетскимъ штатомъ 5-го ноября 1804 года кредитъ въ 800 рублей и на содержаніе пока еще несуществующаго анатомическаго театра, что дало проф. Брауну возможность пріобрѣтенія для кафедры хотя бы только необходимѣйшихъ инструментовъ, матеріаловъ и другихъ пособій; такъ, по его представленію, 14-го августа совѣтомъ разрѣшено было пріобрѣтеніе сорока одной тетради анатомическихъ таблицъ Лодера (веймарнскаго изданія 1803 г.) [64].

Прибывъ въ Казань въ концѣ іюля 1807 года, Браунъ уже 12-го августа вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ относительно необходимости устройства при университетѣ анатомическаго театра, приложивъ къ нему сдѣланный отъ руки планъ анатомическаго института, который,—что представляется весьма любопытнымъ,—является, по своему расположенію, прототипомъ понынѣ существующаго университетскаго зданія анатомическаго театра *. Отправленное на благоусмотрѣніе попечителя, это представленіе повлекло за собою отвѣтъ, который едва ли способенъ былъ оживить въ Браунѣ надежды на болѣе или менѣе скорое осуществленіе его пожеланій: „Ежели совѣтъ,—отвѣтилъ Румовскій отъ 12-го сентября,—планъ ѳеатра анатомическаго, г. профессоромъ Брауномъ представленный, одобряетъ, то я противъ онаго ничего сказать не могу, но притомъ предлагаю, что къ строенію ѳеатра приступить время еще не приспѣло; надобно, прежде, воздвигнуть главное зданіе, а потомъ имѣть въ виду строенія къ ботаническому саду принадлежащія, лабораторію, клиническій институтъ и обсерваторію, назначивъ мѣста, гдѣ какое зданіе мѣстное положеніе удобнѣе и приличнѣе воздвигнуть позволитъ, о чемъ, по мнѣнію моему, не прежде судить можно, какъ имѣя порядочные планы всѣмъ помянутымъ зданіямъ. Между тѣмъ, не безполезно бы было для будущаго времени, что бы г. профессоръ Браунъ къ плану своему пріобщилъ нужныя мѣры покоевъ, оконъ, самаго ѳеатра и прочаго, ибо, не имѣя сего, никакой архитекторъ къ сочиненію порядочнаго ни плана, ни фасада приступить не можетъ“. Заслушавъ попечительское предложеніе въ засѣданіи 25-го сентября, совѣтъ постановилъ прикомандировать къ проф. Брауну, для составленія плана анатомическаго театра, архитектора Смирнова; къ этому дѣлу не замедлилъ примкнуть и самъ Яковкинъ и въ протоколъ засѣданія совѣта отъ 16-го октября уже было занесено, что „профессоры инспекторъ (т. е. Яковкинъ) и Браунъ объявили, что они, сдѣлавъ эскизъ строенію анатомическаго театра, представили его превосходительству г. попечителю и кавалеру **. Румовскій и на этотъ разъ остался, однако на почвѣ своего прежняго рѣшенія, какъ это видно изъ слѣдующаго отношенія Яковкина въ совѣтъ отъ 16-го ноября 1807 года:

„Его превосходительство господинъ попечитель и кавалеръ, въ начальственномъ своемъ, отъ 31-го минувшаго октября за № 565, по

* Интересующіеся найдутъ этотъ планъ, съ его объясненіемъ, въ архивномъ дѣлѣ Сов. 1807, № 35, или въ «Собраніи писемъ и пр.», матеріалы Брауна, № 1.

** Интересующіеся найдутъ этотъ проектъ анатомическаго театра въ архивномъ дѣлѣ: Попечит., 1807, № 64.

представленію моему объ устроеніи анатомическаго ѳеатра на имя мое данномъ предписаніи, изъявилъ касательно анатомическаго ѳеатра, лабораторіи, ботаническаго сада, обсерваторіи и прочихъ строеній и потребностей университетскихъ предварительное свое соизволеніе: 1) Что прежде всего надлежитъ совѣту назначить мѣста, гдѣ какому строенію приличнѣе быть должно; 2) Что бы каждое изъ нихъ такъ расположить, что бъ при нихъ были уютныя, но не обширныя, квартиры для профессоровъ, адъюнктовъ и другихъ чиновниковъ, какъ то—прозектора, лаборатора и прочихъ, соблюдая сколько возможно симметрію и экономію; 3) Что не безполезно бъ было, чтобы заблаговременно все сіе приготовлено было".

Въ томъ же засѣданіи совѣта отъ 20-го ноября, въ которомъ было заслушано только что приведенное нами отношеніе Яковкина, профессоромъ-директоромъ представленъ и набросанный имъ, перомъ и отъ руки, чертежъ расположенія предполагаемыхъ университетскихъ строеній. Совѣтъ опредѣлилъ изготовить этотъ чертежъ въ видѣ болѣе обстоятельнаго плана, съ масштабомъ—и въ результатѣ явился планъ-проектъ университетскихъ строеній.

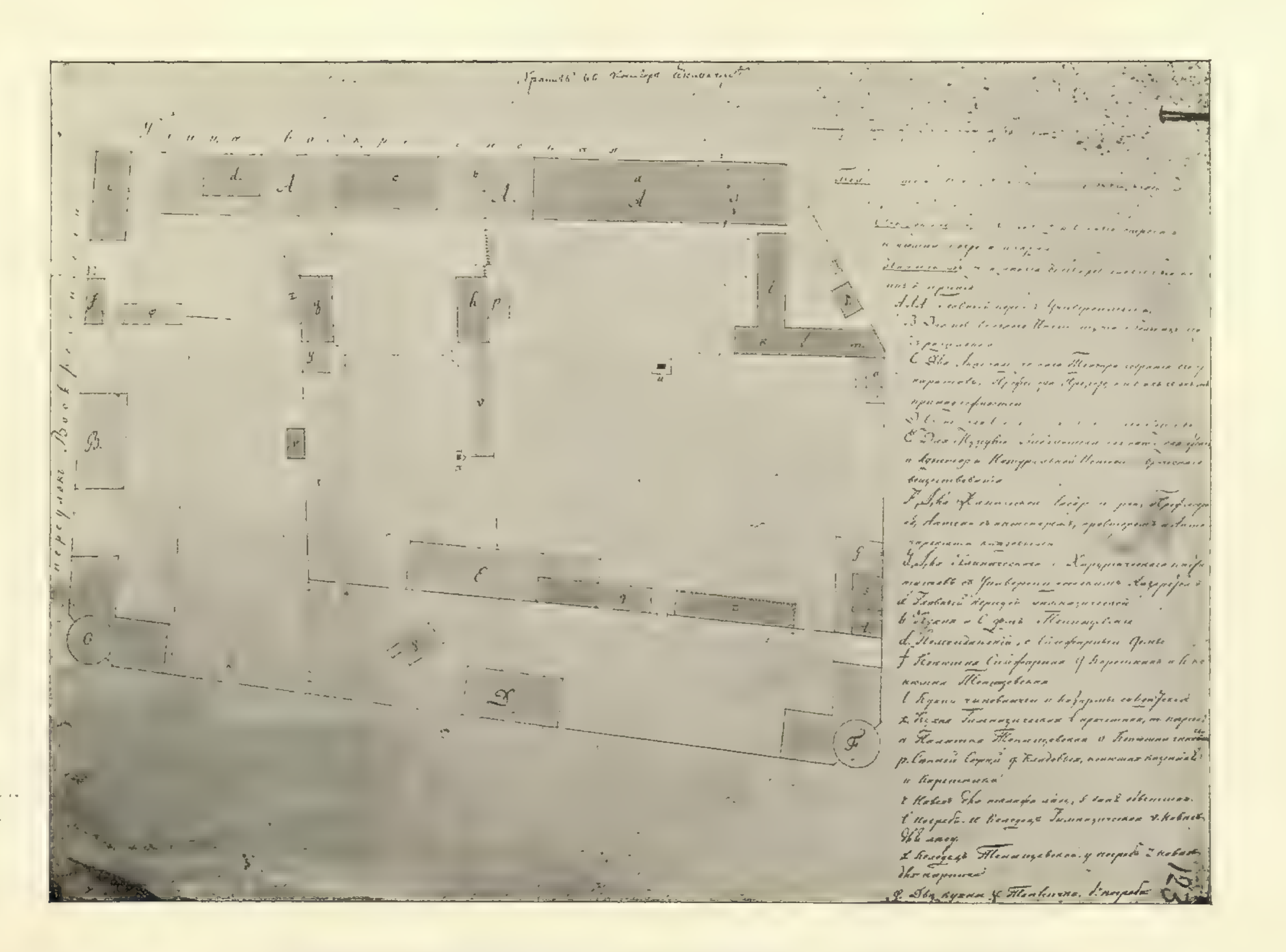
Этотъ планъ, снимокъ съ котораго прилагается къ настоящей книгѣ, весьма точно воспроизводитъ весь проектъ Яковкина. Читатели усмотрятъ изъ него, что здѣсь предположено соединить въ одинъ большой лицевой (по Воскресенской улицѣ) корпусъ дома: гимназическій (a), тенишевскій (c) и комендантскій (d), такъ что этотъ главный корпусъ былъ намѣченъ въ размѣрахъ болѣе широкихъ сравнительно съ тѣми, въ которомъ осуществился онъ позже, уже въ двадцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія. Среди обширнаго университетскаго квартала, на мѣстѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ нынѣшнему анатомическому театру и южной оконечности новаго библіотечнаго зданія, намѣчено зданіе (E) „для музеума, библіотеки, комнатъ для чтенія и аудиторіи натуральной исторіи и врачебнаго веществословія" (вѣроятно вслѣдствіе сосѣдства съ ботаническимъ садомъ). Непосредственно за этимъ корпусомъ къ югу, по линіи нынѣшней Малой Проломной улицы, проэктировано зданіе (D) „для скотолеченія и сельскаго домоводства". По восточной линіи университетскаго квартала, фасадомъ на нынѣшнюю Университетскую улицу, проектированъ корпусъ (G) „для клиническаго и хирургическаго институтовъ, съ университетскимъ лазаретомъ", а по западной линіи того же квартала, фасадомъ на нынѣшнюю Поперечную Воскресенскую улицу—зданіе (B) „для повивальнаго института и больницы съ родильною". Наконецъ два зданія, съ угольными ротондами, намѣчены на юго-западномъ и юго-восточномъ

углахъ университетскаго квартала: первое (С)—„для анатомическаго театра, собранія его препаратовъ, профессора, прозектора и всѣхъ къ онымъ принадлежностей", второе (F)—„для химической лабораторіи, профессора ея, аптеки съ аптекаремъ, провизоромъ и аптекарскими кладовыми". Астрономической обсерваторіи и физическому кабинету самостоятельнаго помѣщенія этотъ проектъ, какъ видитъ читатель, не намѣчалъ.

Разсмотрѣвъ этотъ планъ въ засѣданіи 19-го декабря, совѣтъ одобрилъ его и постановилъ представить попечителю съ отзывомъ, что онъ „не находитъ другаго лучшаго расположенія для отдѣльныхъ зданій",—но на этомъ все дѣло и остановилось: условія времени были совершенно неблагопріятны для сколько нибудь крупныхъ ассигновокъ и университету пришлось болѣе четверти вѣка ждать осуществленія, но уже въ совершенно иномъ видѣ, строительныхъ предначертаній первыхъ лѣтъ своей жизни.

Кое-какой анатомическій театръ и былъ приспособленъ въ двухъ комнатахъ Тенишевскаго дома, отведенныхъ для этой цѣли еще въ 1806 году, но отсутствіе труповъ долгое время тормозило сколько нибудь успѣшное преподаваніе Брауна по ввѣренной ему кафедрѣ, что нагляднѣе всего усматривается изъ обозрѣній его преподаваній. Въ ноябрѣ 1807 года Браунъ „продолжалъ физіологію, но прошедъ до дѣйствія нервовъ, за неимѣніемъ кадаверовъ, на коихъ бы можно было показать строеніе мозга и происхожденіе нервовъ, прервалъ порядокъ и читалъ строеніе органа слуха, показывая на препаратахъ, послѣ чего, все еще не имѣя труповъ, показывалъ мозгъ на Лодеровыхъ таблицахъ"; въ январѣ 1808 года онъ „изъ пяти нашихъ чувствъ прошелъ осязаніе, обоняніе и вкусъ, объясняя, сколько можно, на препаратахъ изъ животныхъ безсловесныхъ и Лодеровыхъ таблицахъ расположеніе или строеніе органовъ чувствъ", такимъ же способомъ продолжая преподаваніе и въ продолженіи всего этого семестра; въ осеннемъ полугодіи онъ „изъяснялъ на препаратахъ изъ животныхъ четвероногихъ, птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ первые пути тѣла органическаго" и т. п. Почти абсолютное отсутствіе трупнаго матеріала представляло собою отрицательное условіе, съ которымъ Брауну приходилось считаться и въ послѣдующіе годы своего преподаванія, съ которымъ приходилось считаться и болѣе позднимъ преемникамъ его по кафедрѣ.

Вполнѣ естественнымъ представляется, что, при такой печальной обстановкѣ экспериментальной стороны преподаванія проф. Брауна, весьма незначительными представлялись и расходы по находившемуся въ его завѣдованіи, болѣе нежели первобытно поставленному, „анатомическому

ПЛАНЪ-ПРОЭКТЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

(1807 г.)

ѳеатру". За 1808 годъ, напримѣръ, весь этотъ расходъ выразился въ 29 рубляхъ 10 коп., въ счетъ которыхъ пріобрѣтены: „анатомія Якова Пленка для класса, переведенная на русскій языкъ", „мѣдный тазъ для анатомическаго театра", „грецкая губка для вымыванія крови изъ труповъ" и различнаго рода матеріалы для лекцій. Въ этой послѣдней рубрикѣ мы наталкиваемся на курьезныя статьи расхода, рельефно иллюстрирующія печальное состояніе пособій, находившихся въ распоряженіи проф. Брауна, и скорѣе напоминающія собою поварской счетъ, нежели денежный отчетъ профессора анатоміи и физіологіи, — напримѣръ: „Въ расходъ записано генваря 30-го за бычій языкъ для лекціи 20 копѣекъ; февраля 8-го за два бычьи глаза 20 копѣекъ; марта 5-го за курицу для лекціи 15 копѣекъ; 26-го за козленка 40 копѣекъ; мая 7-го за барана для лекціи 2 р. 70 коп.; 30-го за голову телячью 15 копѣекъ; августа 26-го за барана 1 р. 80 коп.; сентября 10-го за барана 1 р. 85 коп.; за два пузыря 5 коп.; ноября 5-го за теленка 2 рубля; 13-го за гуся 60 коп., за курицу 30 коп.; 20-го за щуку 70 коп". Общее понятіе объ инвентарѣ анатомическаго театра казанскаго университета, въ началѣ седьмаго года существованія этого послѣдняго, даетъ намъ отчетъ, представленный проф. Брауномъ попечителю въ мартѣ 1812 года. Изъ этого отчета усматривается, что все имущество анатомическаго театра заключалось въ слѣдующихъ предметахъ: 1) два шприца съ десятью трубками и двумя ключами, 2) десять скальпелей, 3) два крючка, 4) четверо клещей, 5) трое щипчиковъ, 6) ножницы для рѣзанія хрящей, 7) большая пила съ двумя лезвіями, 8) малая пила, 9) двадцать одна штука долотъ и рѣзцовъ различной величины, 10) шесть щипцовъ, 11) двое малыхъ тисковъ, 12) пять маленькихъ пилокъ, 13) тринадцать иглообразныхъ пилокъ, 14) двое большихъ тисковъ, 15) мѣдный тазъ, 16) одна губка [65].

Мы знаемъ, что старанія объ устройствѣ при университетѣ анатомическаго театра, предпринятыя Брауномъ въ 1807 году, слѣдомъ за прибытіемъ его въ Казань, встрѣтили препятствіе со стороны попечителя, поставившаго этотъ частный вопросъ въ связь съ болѣе широкимъ вопросомъ объ устройствѣ главнаго корпуса и о сооруженіи зданій для всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, вообще. Весною 1811 года, по иниціативѣ профессора Ѳ. Х. Эрдмана, совѣтомъ возбужденъ былъ, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ это подробнѣе, вопросъ объ устройствѣ при университетѣ клиническаго института. При обсужденіи предначертаній проф. Эрдмана, вопросъ объ анатомическомъ театрѣ затронутъ первоначально не былъ,—конечно потому, что вопросъ объ его устройствѣ чис-

влился еще съ 1807 года въ ряду уже возбужденныхъ и текущихъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе этотъ вопросъ былъ поднятъ въ засѣданіи совѣта 23-го августа 1811 года и въ результатѣ явилось слѣдующее представленіе почечителю отъ 28-го августа:

„Въ засѣданіи совѣта сего августа 23-го дня разсуждаемо было о необходимости въ настоящемъ состояніи университета имѣть анатомическій театръ. Причемъ совѣтъ входилъ въ разсмотрѣніе того, что никто изъ слушателей не можетъ сдѣлать въ университетѣ постоянныхъ, надежныхъ и дальнѣйшихъ успѣховъ въ медицинскихъ наукахъ, проходя анатомію и не видя на практикѣ строенія человѣческаго тѣла, между тѣмъ какъ успѣхи отъ таковыхъ слушателей нынѣ чрезвычайно нужны какъ для правительства, дабы болѣе имѣть людей способныхъ къ отправленію медицинской практики, такъ и для университета, дабы съ большею пользою г.г. преподаватели по части медицины могли отправлять свою должность, а слушатели достигать высшихъ степеней и тѣмъ скорѣе содѣйствовать къ устройству медицинскаго факультета. Почему совѣтъ признаетъ весьма нужнымъ въ непродолжительномъ времени имѣть особое строеніе для анатомическаго театра, а посему, какъ планъ сему зданію, такъ равно и о касающемся по сему дѣлу, было уже представлено вашему превосходительству, то совѣтъ симъ пріемлетъ смѣлость вновь представить о семъ дѣлѣ на благоусмотрѣніе вашему превосходительству и покорнѣйше просить начальственнаго ходатайства въ разсужденіе устроенія анатомическаго театра“.

Румовскій отвѣчалъ на это представленіе (предложеніемъ отъ 21-го сентября), что въ его распоряженіи имѣются, въ свое время ему доставленные, только „экскизы и планъ расположенія всѣхъ, вообще, отдѣльныхъ университетскихъ зданій“, въ виду чего, для возбужденія надлежащаго ходатайства, требовалъ присылки „подробнаго плана и фасада“ анатомическаго театра, равно какъ и „смѣту, чего постройка онаго стоить будетъ“. Получивъ этотъ попечительскій отвѣтъ, совѣтъ въ засѣданіи 4-го октября постановилъ присоединить вопросъ объ устройствѣ анатомическаго театра къ уже возбужденному весною этого года общему вопросу о сооруженіи учебно-медицинскихъ вспомогательныхъ учрежденій, образовавъ, для выполненія требованій попечителя, комитетъ изъ профессоровъ Яковкина (уже весною 1812 года вышедшаго изъ состава комитета), Эрдмана, Брауна и Фукса и адъюнктовъ Петровскаго и Кондырева, пригласивъ къ участію въ этомъ дѣлѣ и губернскаго архитектора, на что еще раньше получено было согласіе со стороны губернатора; этотъ то комитетъ и сталъ именоваться „комитетомъ строенія медицинскихъ зданій“. Предвидя затрудне-

нія финансоваго характера, совѣтъ уполномочилъ комитетъ въ томъ случаѣ, если постройка всѣхъ проектируемыхъ зданій вновь будетъ грозить слишкомъ крупными расходами—„вмѣсто вновь имѣющихъ строиться зданій получить старыя, чрезъ покупку", приспособивъ ихъ надлежащимъ образомъ къ новому назначенію, причемъ совѣтъ указалъ на находящіеся противъ университетскихъ домовъ, черезъ улицу, дома Папова и Молоствовыхъ, которые, какъ мы уже знаемъ, еще въ 1805 году торговались Яковкинымъ для университета *.

Такой оборотъ дѣла снова затягивалъ вопросъ объ осуществленіи неотложной потребности въ анатомическомъ театрѣ, о чемъ проф. Браунъ, по всей вѣроятности, и представлялъ попечителю, судя по слѣдующему предложенію Румовскаго отъ 29-го января 1812 года:

„Помнится мнѣ,—писалъ попечитель,—что прежде сего въ Тенишевскомъ домѣ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, назначены были покои для анатомическаго театра, въ коихъ предшественникъ г. профессора преподавалъ анатомическія лекціи. Хотя бы г. профессоръ Браунъ и представилъ совѣту на разсмотрѣніе онаго планъ театра анатомическаго, но оный не можетъ скоро быть устроенъ, и какъ анатомія есть основаніе всѣмъ врачебнымъ наукамъ, то предлагаю совѣту, что бы, по избраніи г. директора, назначены были въ зданіяхъ университета одинъ или два покоя, въ которыхъ бы можно было показывать слушателямъ трупоразъятіе тѣлъ животныхъ. Какъ скоро отъ правительства ассигнована будетъ сумма на театръ анатомическій, такъ скоро приняты будутъ мѣры къ доставленію нужныхъ на первый случай орудій".

Долго пришлось искать чего либо подходящаго для помѣщенія анатомическаго театра, такъ какъ жилой тенишевскій домъ былъ для этой цѣли мѣстомъ, конечно, совершенно неудобнымъ. Профессоръ-директоръ, на обязанность котораго возложено было попечителемъ подысканіе необходимаго для театра помѣщенія, находился въ то время къ Брауну въ отношеніяхъ обостренной непріязни и, повидимому, не торопился содѣйствіемъ исполненію его желанія. Только въ началѣ іюля 1812 года остановился выборъ проф. Брауна на помѣщеніи, найденномъ имъ пригоднымъ для устройства анатомическаго театра, по поводу чего онъ и вошелъ въ совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ (на латинскомъ языкѣ) отъ 10-го іюля:

„26-го іюня, во время засѣданія совѣта, г. профессоръ-директоръ и кавалеръ Яковкинъ выразилъ свое согласіе, что бы я самъ выбралъ

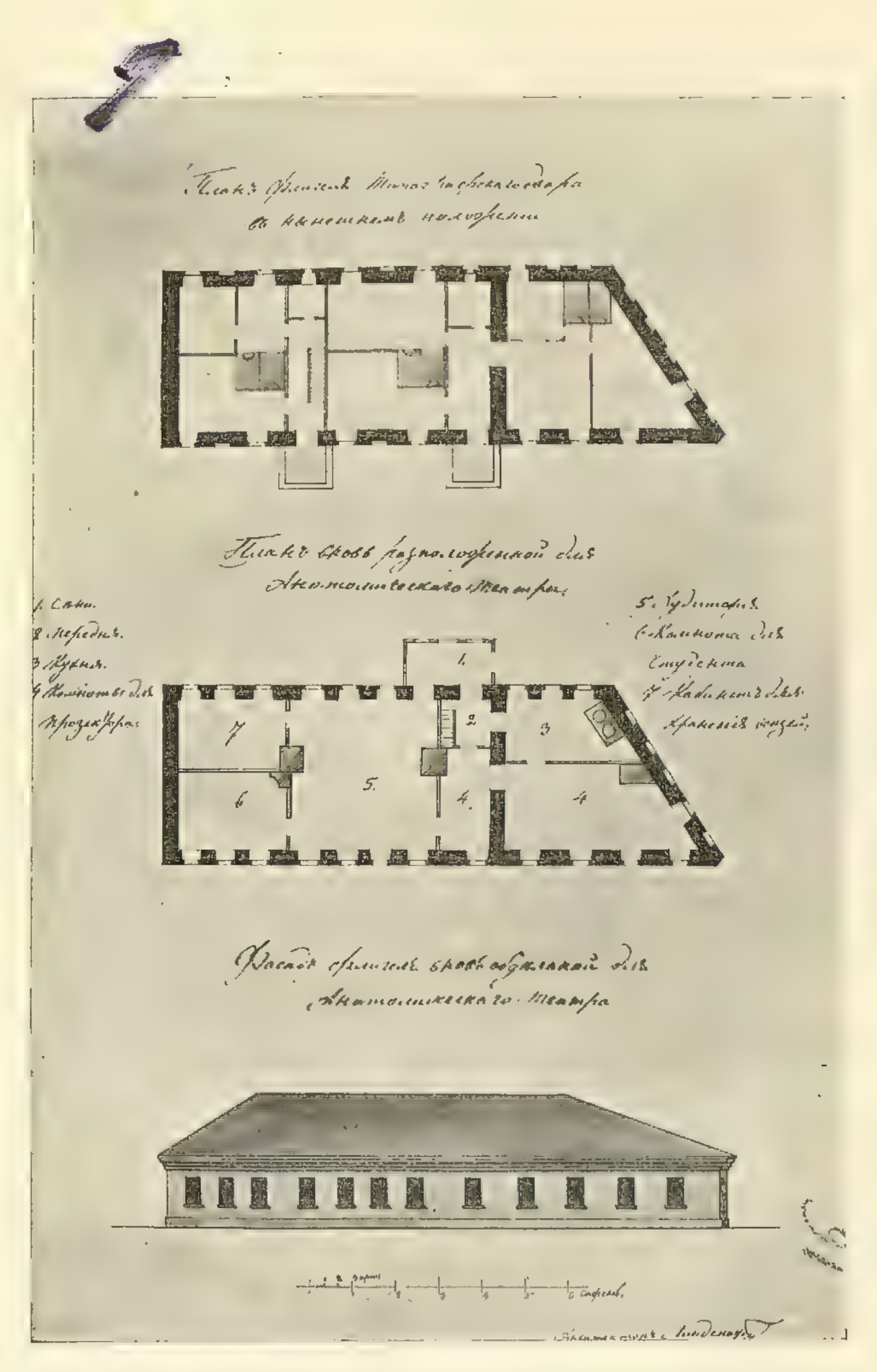
* См. томъ I, стр. 70—73.

помѣщеніе, удобное для производства анатомическихъ трупоразсѣченій, вслѣдствіе чего я и беру смѣлость указать почтеннѣйшему совѣту на такое помѣщеніе. Во дворѣ типографскаго дома имѣются два деревянныя зданія, изъ которыхъ заднее легко можетъ быть приспособлено, съ небольшими издержками, подъ временный анатомическій театръ. Прежде всего, зданіе это удалено отъ сосѣднихъ строеній, такъ что предстоящія въ немъ анатомическія работы никого не будутъ тревожить; во вторыхъ—оно имѣетъ достаточно обширныя окна, обезпечивающія надлежащее количество свѣта; въ третьихъ—передъ самыми окнами этого зданія находится мѣсто, вполнѣ удобное для мочки и сушки костей. Прошу почтеннѣйшій совѣтъ сдѣлать соотвѣтствующее представленіе его превосходительству г. попечителю, во имя высокаго значенія науки, являющейся основною во всей области медицинскаго знанія".

Въ засѣданіи 10-го іюля совѣтъ постановилъ представить ходатайство проф. Брауна на благоусмотрѣніе попечителя, не подозрѣвая, что тотъ скончался какъ разъ за два дня до этого опредѣленія [66].

Болѣе нежели печально обстояло дѣло и съ пособіями для преподаванія анатоміи и физіологіи; не говоря уже о трупахъ, не имѣлось даже препаратовъ для нагляднаго ознакомленія слушателей съ анатоміею человѣческаго тѣла, въ виду чего приходилось по прежнему довольствоваться „Лодеровыми таблицами", да демонстраціями на „безсловесныхъ животныхъ". Единственный сколько нибудь значущій даръ поступилъ лѣтомъ 1812 года отъ вновь назначеннаго профессора хирургіи А. И. Арнгольдта, который, при рапортѣ въ совѣтъ отъ 26-го іюня, представилъ лично имъ изготовленные анатомическіе препараты, состоявшіе „изъ двухъ ногъ, одной руки и головы, представляющіе артеріи, ихъ раздѣленія и мышцы, и очищенныя кости для скелета"; но и эти препараты, за отсутствіемъ анатомическаго театра, постановлено было сдать на храненіе, „до времени", въ кабинетъ естественной исторіи. Не мало озабочивалъ Брауна и вопросъ о доставленіи для его лекцій труповъ. Въ началѣ декабря 1812 года онъ обратился въ совѣтъ съ просьбою снестись по этому поводу съ мѣстными властями, въ виду чего и послѣдовало отношеніе со стороны совѣта къ казанскому губернатору, который, съ своей стороны, отнесся по этому дѣлу къ врачебной управѣ, а эта послѣдняя прислала слѣдующій, совершенно безграмотный (орѳографія его нами выправлена) и курьезный, отвѣтъ отъ 20-го декабря:

„Какъ оные трупы открываются здѣсь въ городѣ Казани служащими въ частяхъ казанской полиціи, то о выполненіи требованія со-

ПЛАНЫ И ФАСАДЪ СТАРАГО АНАТОМИЧЕСКАГО ТЕАТРА УНИВЕРСИТЕТА

(1812 г.)

вѣта отъ управы сообщено въ полицію, дабы оная кому слѣдуетъ учинила отъ себя предписаніе, что бы тѣ трупы, очевидно открытые отъ самовластной (sic!) смерти, какъ то: застрѣленные, утопшіе, удавленные, зарѣзанные или отъ пьянства и замерзшіе, кои по осмотру городового медицинскаго чиновника найдены будутъ по наружности боевыхъ знаковъ неимѣющими, доставляли въ анатомическій театръ, съ увѣдомленіемъ, г. профессору Брауну".

Наступилъ конецъ января слѣдующаго 1813 года, но ни одной жертвы „самовластной смерти" въ распоряженіе проф. Брауна такъ и не поступило, о чемъ онъ 25-го января донесъ совѣту, а тотъ постановилъ „отнестись вторично къ г. казанскому гражданскому губернатору". Но и это вторичное ходатайство никакого успѣха не имѣло, какъ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ аналогичныя ходатайства Брауна и совѣта, повторенныя въ октябрѣ и декабрѣ того же 1813 года [67].

Не взирая на смерть попечителя Румовскаго и переходное положеніе въ организаціи управленія округомъ, основанное на ходатайствѣ проф. Брауна представленіе совѣта относительно отдачи одной изъ деревянныхъ службъ типографскаго дома подъ анатомическій театръ увѣнчалось успѣхомъ и къ концу 1812 года анатомическій театръ расположился въ этомъ новомъ помѣщеніи. Въ засѣданіи совѣта 12-го февраля 1813 года Браунъ уже предъявилъ ходатайство, которое и было удовлетворено, относительно выдачи ему анатомическихъ препаратовъ, находившихся на храненіи „до времени" въ кабинетѣ естественной исторіи (это—препараты, подаренные проф. Арнгольдтомъ), въ виду того, что „теперь мѣсто для анатомическаго театра устроено". Анатомическій театръ расположился въ одной изъ службъ типографскаго дома, въ другой жили типографскіе служители,—но оба зданія требовали весьма существенныхъ поправокъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ одинъ изъ оффиціальныхъ актовъ того времени, и анатомическій театръ могъ быть водворенъ здѣсь развѣ только въ виду неотложной потребности хотя бы въ самомъ первобытномъ для него помѣщеніи. А насколько, дѣйствительно, неблагоустроеннымъ являлось это жалкое помѣщеніе,—которое, шестью годами позже, Магницкій характеризовалъ „довольно неопрятною избою", добавивъ, что „ничего не можетъ быть постыднѣе для публичнаго учебнаго заведенія, какъ то, что при казанскомъ университетѣ называется анатомическимъ театромъ" *,—

---

* Такъ строго критикуя состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета и даже издѣваясь надъ ними, суровый ревизоръ систематически замалчиваетъ тотъ,

это лучше всего иллюстрируется слѣдующимъ оффиціальнымъ описаніемъ анатомическаго театра, относящимся къ началу іюня 1813 года и вошедшимъ въ общее и весьма подробное описаніе всѣхъ университетскихъ зданій, предпринятое по требованію новаго попечителя округа М. А. Салтыкова:

„Анатомическій деревянный театръ.—При входѣ съ южной стороны двери въ сѣни плотничной работы, безъ замка. Изъ сѣней дверь въ покой плотничной работы, безъ замка же; дверь изъ перваго покоя во второй, плотничной работы, безъ замка; дверь изъ втораго покоя въ третій плотничной работы, безъ замка; изъ сего покоя въ другія сѣни дверь плотничной работы, безъ замка; двери изъ сѣней во дворъ, также плотничной работы, безъ замка. Въ двухъ сѣняхъ еще двѣ двери плотничной работы въ чуланы, безъ замковъ, и такія же двери въ нужное мѣсто. Въ десяти окошкахъ рамы годятся, въ коихъ нѣтъ задвижекъ и крючковъ для раствора, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто задвижекъ придѣланы мелкіе крючки. При печахъ, русской и голландской, и очагѣ нѣтъ желѣзнаго заслона къ русской печи и пяти тарелочекъ въ вьюшкахъ. Боровья и трубу по причинѣ многихъ трещинъ нужно перекласть и, притомъ, немедленно, по причинѣ, что оныя трещины во время топки угрожаютъ опасностью пожара; сверхъ того, во время кладки труба основана на деревянныхъ стропильныхъ связахъ, кои состоятъ въ своей вышинѣ, по горизонту отъ потолоки и перечной стѣны вершка на три, почему отъ давленія трубы и при оной борова погнули оныя связи, отчего и произошло означенное поврежденіе“.

Создавая планъ устройства анатомическаго театра въ деревянномъ флигелѣ типографскаго дома, профессоръ Браунъ предполагалъ, какъ мы это видѣли, здѣсь же найти мѣсто и для массераціоннаго заведенія. Что помѣшало ему привести это намѣреніе въ исполненіе—указаній на это найти намъ не удалось, но уже осенью 1813 года имъ былъ пріобрѣтенъ для этой цѣли, съ согласія попечителя, „недостроенный домъ, состоящій изъ одного жилого упокоя города Казани въ третьей части, въ первомъ кварталѣ, въ Подлужной слободѣ, мѣстѣ въ смежности съ домомъ г. профессора-директора и кавалера Яковкина (его дачею), а въ правую сторону отдѣляющійся проулкомъ къ рѣкѣ Казанкѣ, у солдатской жены Авдотьи Чеботовой, за четыреста пятьдесятъ рублей“. Это вновь пріобрѣтенное

уже достаточно извѣстный нашимъ читателямъ, фактъ, что всѣ многократныя начинанія университета, направленныя къ надлежащей постановкѣ этихъ учрежденій—разбивались о безучастное отношеніе къ неотложнымъ нуждамъ университета со стороны центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія.

мѣсто оставалось въ собственности университета до восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія; въ 1815 году здѣсь былъ выстроенъ новый деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ и весь участокъ обнесенъ заборомъ. Именно это массераціонное заведеніе имѣлъ въ 1819 году въ виду Магницкій, издѣвавшійся въ своемъ отчетѣ о состояніи университета на тему о томъ, что въ анатомическомъ театрѣ не имѣется ни одного человѣческаго остова потому, что „три мужскія тѣла, два женскихъ, одинъ медвѣдь и лошадь размачиваются уже три года въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего за городомъ“.

Такъ возникъ первый анатомическій театръ казанскаго университета, продолжавшій свое существованіе до эпохи попечительства Магницкаго. При Магницкомъ учрежденіе это было перемѣщено въ главный университетскій корпусъ, гдѣ крайне неудобно помѣстилось въ сосѣдствѣ съ студенческою столовою и больницею, вслѣдствіе чего въ 1828 году возникъ вопросъ о перенесеніи анатомическаго института въ другое мѣсто. Первоначально склонялись къ мысли построить для него временное деревянное зданіе опять таки на типографскомъ дворѣ, но, слѣдомъ за тѣмъ (въ началѣ 1829 г.), было рѣшено нанять и приспособить подъ помѣщеніе анатомическаго театра находившійся вблизи университета частный домъ Матони; въ этомъ послѣднемъ домѣ учрежденіе это и помѣщалось вплоть до перехода въ нынѣшнее, спеціально для него выстроенное, университетское зданіе [68].

Не успѣшнѣе пошло дѣло по части экспериментальной постановки преподаванія анатоміи и въ этомъ новомъ анатомическомъ театрѣ. Также слабо обстояло дѣло и по части пріобрѣтенія для послѣдняго необходимыхъ инструментовъ и препаратовъ. Обращаясь къ отчету по университету за 1815 годъ, мы найдемъ, что имущество анатомическаго театра все еще оставалось почти въ томъ же видѣ, въ какомъ видѣли мы его весною 1812 года,—съ прибавкою развѣ только препаратовъ, въ этомъ же послѣднемъ году принесенныхъ въ даръ проф. Арнгольдтомъ: „Медицинскихъ заведеній еще не существуетъ,—читаемъ въ отчетѣ за 1815 годъ.—Трупоразъятіе производится, до устроенія анатомическаго театра, въ особенно для сего предмета назначенномъ деревянномъ строеніи; въ теченіи нынѣшняго года, сверхъ того, выстроенъ въ Подлужной слободѣ деревянный на каменномъ фундаментѣ домъ для заготовленія анатомическихъ препаратовъ. Театръ имѣетъ слѣдующіе инструменты: 1) два сифона для наполненія сосудовъ, съ десятью трубочками и двумя ключами, 2) десять ножей, 3) два крючка, 4) четверо щипцовъ, 5) трое ножницъ, 6) одни ножницы

для перерѣзыванія хрящей, 7) одну большую пилу съ двумя пластинками, 8) одну малую пилу, 9) двадцать пять бистурей и долотъ различной величины, 10) шесть щипцовъ, 11) двое маленькихъ щипчиковъ, 12) тринадцать пилъ маленькихъ, 13) двое большихъ щипцовъ, 14) тазъ зеленой мѣди, 15) три препарата съ наполненными сосудами и нарочитое число стеклянныхъ банокъ, въ теченіи сего года купленныхъ. Преподаваніе затрудняется наипаче недостаткомъ труповъ, которые весьма рѣдко доставляются". Печальное положеніе анатомическаго театра констатируется и отчетомъ за 1818 годъ: „Анатомическій театръ,—говорится здѣсь,—имѣетъ малое количество инструментовъ для производства анатомическихъ демонстрацій и приготовленія препаратовъ, какъ то—сифоновъ для наполненія сосудовъ, ножей, ножницъ, щипцовъ, пилъ, бистурей и т. д.; сверхъ того, употребляются и ящики съ англинскими различныхъ родовъ инструментами, принадлежащіе клиническому институту". Изъ пріобрѣтеній анатомическаго театра за послѣдніе два года интересующей насъ эпохи можетъ быть указанъ даръ проф. Ѳ. Х. Эрдмана, 13-го мая 1817 года, передъ оставленіемъ имъ казанскаго университета, пожертвовавшаго анатомическому театру десять банокъ спиртовыхъ анатомическихъ препаратовъ, всякія дальнѣйшія указанія на которые совершенно отсутствуютъ, однако, въ ближайшихъ отчетахъ по этому учрежденію.

Отсутствіе труповъ также продолжало представлять собою существеннѣйшее препятствіе для успѣшности дѣятельности анатомическаго театра, считаться съ которымъ приходилось не только проф. Брауну, но и его преемникамъ по кафедрѣ анатоміи. Отчетъ за 1814 годъ свидѣтельствуетъ, что „преподаваніе анатоміи затрудняется наипаче недостаткомъ труповъ, которые весьма рѣдко доставляются здѣшнею полиціею, не смотря на неоднократныя требованія со стороны университета"; на недостатокъ труповъ жаловался, какъ мы видѣли, и отчетъ за 1815 годъ; проф. Браунъ въ обозрѣніи преподаваній на 1816—1817 учебн. годъ объявилъ „на зимнее время анатомическія демонстраціи, если,—оговаривается онъ,—доставлены будутъ трупы". На сколько рѣдкими являлись въ ту пору трупосѣченія, объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ студентъ 1811—1815 годовъ и будущій профессоръ акушерства А. Е. Лентовскій: „По недостатку въ здѣшнемъ университетѣ, по его новости, средствъ и пособій,—писалъ онъ въ 1816 году,—я еще весьма далекъ отъ предназначенной для врачей цѣли, дабы быть полезнымъ медицинскими познаніями государю и отечеству, ибо, во всѣ четыре года обученія моего, въ анатомическомъ театрѣ

разсѣкаемо было не болѣе восьми труповъ; предразсудки народа тому причиною,—добавляетъ Лентовскій" *.

За всѣ двѣнадцать лѣтъ своей профессуры Браунъ находилъ даже возможнымъ обходиться безъ прозектора. Послѣ несостоявшейся кандидатуры, еще въ 1806 году, врача Европеуса, вопросъ о замѣщеніи этой должности уже не возбуждался и проф. Браунъ несъ обязанности прозектора съ опредѣленія своего въ казанскій университетъ до самой смерти († 8 января 1819 года). Именно этимъ то обстоятельствомъ, въ октябрѣ 1817 года, мотивировало врачебное отдѣленіе свое постановленіе относительно предоставленія Брауну, за половинное вознагражденіе, кафедры хирургіи, ставя на видъ, что онъ „съ 1807 года, за неимѣніемъ прозектора, отправляетъ должность онаго безвозмездно, употребляя на трупоразъятіе и приготовленіе анатомическихъ препаратовъ, сверхъ положенныхъ для преподаванія часовъ, сугубое время и продолжая, даже по возложеніи на него ректорскаго званія, усердно исправлять прозекторскую должность" **. Только съ 28-го февраля 1819 года допущенъ былъ къ исправленію должности прозектора студентъ Ѳ. М. Отсолигъ, которому еще до того, въ виду кончины проф. Брауна, было поручено временное, подъ руководствомъ декана факультета, преподаваніе по кафедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки [69].

Послѣднія, въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, данныя относительно состоянія анатомическаго театра казанскаго университета относятся къ марту 1819 года и заключаются въ отчетѣ по этому учрежденію, составленномъ для ревизіи Магницкаго и, за смертью проф. Брауна, подписанномъ деканомъ факультета Вердерамо. Этотъ отчетъ включаетъ въ себѣ двѣ отдѣльныя описи: а) „Реэстръ вещамъ, принадлежащимъ анатомическому театру" и б) „Описаніе препаратовъ, находящихся при анатомическомъ театрѣ". Не входя въ подробности перваго списка, заключающаго въ себѣ 52 номера отдѣльныхъ инструментовъ, многіе изъ которыхъ отмѣчены „старыми" и „попорченными", и который можетъ представить интересъ развѣ только для анатома, остановимся лишь на описи препаратовъ. Здѣсь показаны: а) для остеологіи—одинъ дѣтскій скелетъ, 59 „головныхъ" костей, 19 зубовъ, 37 костей туловища, 167 „костей конечностей"; в) для міологіи—1 препаратъ руки; с) для ангіологіи—2 препарата ногъ и 1 препаратъ руки (уже извѣстный намъ даръ проф. Арнгольдта); „сверхъ того имѣются при театрѣ анатомическомъ—скелетъ пѣтуха четвероногa-

* См. томъ II, стр. 67—68.
** См. томъ II, стр. 450.

го (!) и два скелета утокъ (!!), а въ Подлужной мочатся тѣлъ мужскихъ—три, женскихъ—два, медвѣдь—одинъ, лошадь—одна". Отчетъ добавляетъ, что труповъ было вскрыто: въ 1817 году—четыре, въ 1819 году—одинъ.

Докладъ Магницкаго о произведенной имъ ревизіи казанскаго университета отнесся съ безпощадною критикою къ университетскому анатомическому институту:

„Ничего не можетъ быть постыднѣе для публичнаго ученаго заведенія какъ то, что при казанскомъ университетѣ называется анатомическимъ театромъ,—писалъ здѣсь Магницкій.—Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ русскою печью, въ которой стоитъ на столѣ ящикъ съ инструментами и, недалеко, небольшой шкафъ съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими разныхъ частей костями, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами; одинъ полный скелетъ четвероногаго пѣтуха и двухъ утокъ.

Причиною того, что нѣтъ остововъ человѣческихъ тѣлъ, мужскаго и женскаго, сказано мнѣ медико-хирургомъ (?), что три мужскія тѣла, два женскихъ, одинъ медвѣдь и лошадь—размачиваются уже три года въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего за городомъ".

Указаны были Магницкимъ и мѣры къ улучшенію положенія университетскаго анатомическаго института:

„До образованія здѣсь предполагаемаго медицинскаго института,—предлагалъ онъ совѣту отъ 16-го марта 1819 года,—поручаю особенному вниманію медицинскаго факультета, чтобы, по крайней мѣрѣ для положенія необходимѣйшаго начала анатомическимъ препаратамъ, былъ составленъ порядочный остовъ тѣла человѣческаго; между тѣмъ и для самихъ студентовъ сіе будетъ полезнѣе, нежели хирургическія лекціи, всегда недостаточныя безъ основательнаго познанія анатоміи.

Просвѣщенному усердію къ распространенію медицинскихъ познаній профессоровъ Фукса и Вердерамо поручается совокупное попеченіе о положеніи прочнаго основанія анатомическому кабинету, сколько сіе съ настоящими способами возможно" [70].

Долго пришлось ожидать казанскому университету „положенія прочнаго основанія" какъ анатомическому театру, такъ и другимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ своего медицинскаго факультета. Осуществленіе весьма раннихъ, какъ мы видѣли, пожеланій въ этомъ направленіи—пріурочивается лишь къ концу тридцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія, къ эпохѣ достопамятнаго попечительства М. Н. Мусина-Пушкина.

VIII

Клиническій институтъ

Первый профессоръ патологіи, терапіи и клиники Ѳ. Х. Эрдманъ и представленный имъ въ 1811 году проектъ учрежденія при университетѣ клиническаго института.—Судьба этого проекта.—Обобщеніе вопроса о созданіи учебно-медицинскихъ учрежденій и «комитетъ строенія медицинскихъ зданій».—Передача въ вѣдѣніе проф. Эрдмана университетской и гимназической больницъ, въ видахъ предоставленія ему клиническаго матеріала, и мѣры Эрдмана къ расширенію этого послѣдняго.—Новое возбужденіе проф. Эрдманомъ въ 1815 году вопроса о необходимости устройства клиническаго института.—Перипетіи этого вопроса.—Устройство небольшой клиники въ верхнемъ этажѣ типографскаго дома.—Мѣры Эрдмана къ расширенію клиническаго преподаванія.—Неудавшееся ходатайство 1816 года относительно реорганизаціи клиники на болѣе широкихъ основаніяхъ.—Университетская клиника въ 1817 и 1818 годахъ.—Инструментальныя пріобрѣтенія клиники.—Неосуществившійся проектъ госпитальной клиники.—Отчетъ о состояніи клиническаго института въ мартѣ 1819 года.—Перечень произведенныхъ въ 1811—1819 годахъ операцій.—Магницкій о клиникѣ казанскаго университета.

Положенная по уставу 5-го ноября 1804 года кафедра патологіи, терапіи и клиники—явилась второю медицинскою кафедрою, замѣщенною въ казанскомъ университетѣ, слѣдомъ за его открытіемъ, въ лицѣ профессора Ѳ. Х. Эрдмана, назначеннаго на нее 17-го мая 1810 года, если только не принимать въ разсчетъ штабъ-лекаря Протасова, утвержденнаго профессоромъ патологіи, терапіи и клиники еще въ концѣ марта 1805 года, но уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ скончавшагося, не успѣвъ даже прибыть къ новому мѣсту своего служенія. Если профессоръ Литтровъ явился неустаннымъ поборниковъ дѣла устройства при казанскомъ университетѣ астрономической обсерваторіи, а профессоръ Браунъ—такимъ же радѣтелемъ дѣла учрежденія при немъ анатомическаго театра, то на долю профессора Эрдмана выпали столь же усиленныя старанія относительно учрежденія при казанскомъ университетѣ клиническаго института, начальное зарожденіе котораго при нашемъ университетѣ неразрывно связано съ именемъ этого виттенбергскаго ученаго.

Прибывъ въ Казань въ августѣ 1810 года, проф. Эрдманъ встрѣтился съ совершеннымъ отсутствіемъ въ юномъ университетѣ какихъ бы то ни было средствъ и пособій къ клиническому преподаванію, столь существенно связанному съ занятою имъ кафедрою, и представляется болѣе нежели естественнымъ, что усиленныя старанія объ учрежденіи при университетѣ хотя бы самой небольшой клиники—стали прилагаться имъ уже съ перваго года его казанской профессуры; врядъ ли, впрочемъ, и могла возникнуть рѣчь о созданіи клиники сколько нибудь обширной уже въ виду огра-

ничности той ежегодной суммы (5 тыс. рублей), которая была опредѣлена на это учрежденіе университетскимъ штатомъ 1804 года.

Какъ бы то ни было, но уже 8-го марта 1811 года проф. Эрдманъ вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ на латинскомъ языкѣ, къ которому приложилъ изложенный на французскомъ языкѣ весьма подробный планъ учрежденія при университетѣ клиническаго института, съ тремя отдѣленіями—терапевтическимъ, хирургическимъ и родовспомогательнымъ. Приведемъ въ подлинномъ видѣ представленіе Эрдмана:

„Ad honoratissimum concilium litterarum universitatis, quae Casani floret.

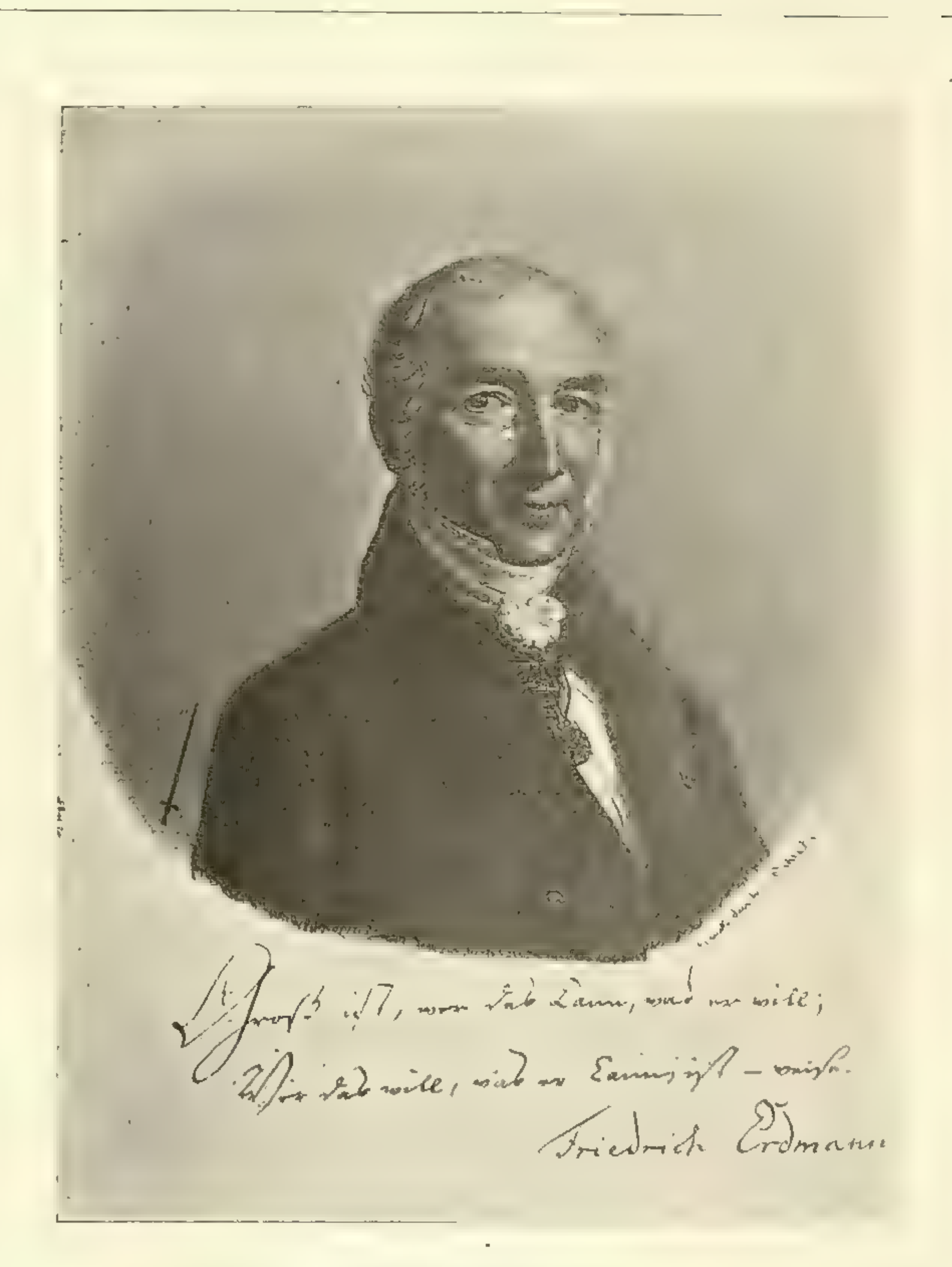
Viri illustres, jurium consultissimi, experientissimi, excellentissimi, amplissimi, doctissimi, fautores et collegae honoratissimi!

Trado Vobis libellum, qui rationem scholae clinicae atque obstetriciae in academia nostra quondam instituendae proponit, eo consilio, ut examini Vestro subjiciatur. Quodsi, ut videtur, in eo mecum consentiatis, cuismodi scholam studiis medici practici praecipue favere, et si ea, quae hunc in finem proposui, omnibus rite perpensis, Vobis probentur, spero fore, ut auctoritate Vestra caussam nostram pro viribus adjuvetis. Itaque, ut libellum adjectum viri generosissimi atque illustrissimi, academiae nostrae curatoris excellentissimi judicio tradatis, remque nostram in bonam partem commendetis patrocinio ipsius, gravissimo, humanissime, oro rogoque.

Nominum Vestrorum amplissimorum observantissimus cultor
D. Ioannes Fridericus Erdmann, pathol. therap. et clin. P. P. O.

Casani,
die VIII mens. Mart.
clɔlɔcccxı“.

Въ приложенномъ къ этому представленію планѣ, носящемъ заглавіе „Plan d'un institut pour la clinique médico-chirurgique et l'art des accouchements à l'université de Casan“, проф. Эрдманъ набрасываетъ весьма обстоятельный и подробный проектъ учрежденія при университетѣ клиническаго института. Въ этомъ планѣ Эрдманъ затрогиваетъ вопросы: а) объ общихъ основаніяхъ предполагаемаго института („coup d'oeil sur le tout“), б) о мѣстоположеніи и внѣшнемъ устройствѣ института („du local de l'institut“), в) о выборѣ для него больныхъ („du choix des malades, qu'on veut recevoir“), г) о порядкѣ пользованія больныхъ („du traitement médical des malades“), д) о попеченіи надъ ними („du soin, qu'il faut prendre des malades“) и е) о клинической практикѣ учащихся („de l'instruction des éléves“). Уже этотъ общій обзоръ вопросовъ, затронутыхъ Эрдманомъ, даетъ воз-

Θеодоръ Христофоровичъ
Эрдманъ,
профессоръ патологіи, терапіи и клиники.
(17 мая 1810 г.—17 іюля 1817 г.)

можность судить о той обстоятельности, съ какою составленъ имъ этотъ проектъ, изложенный на трехъ большихъ листахъ убористаго письма и заключающій въ себѣ полную регламентацію и внѣшняго устройства и внутренняго режима намѣчаемаго въ немъ клиническаго института.

Институтъ разсчитанъ Эрдманомъ на 24 кровати, съ слѣдующимъ распредѣленіемъ ихъ по отдѣленіямъ: терапевтическое—12, хирургическое—8 (въ обоихъ отдѣленіяхъ по равному количеству кроватей мужскихъ и женскихъ), акушерское—4. „Если допустить,—высчитываетъ авторъ проекта,—что время пребыванія каждаго больнаго въ двухъ первыхъ клиникахъ будетъ равняться одному мѣсяцу, въ акушерскомъ же отдѣленіи шести недѣлямъ, въ такомъ случаѣ институтъ былъ бы способенъ принять въ теченіи года 272-хъ больныхъ, въ томъ числѣ по первому отдѣленію—144, по второму—96, по третьему—32“. Для надлежащей постановки клиническаго персонала Эрдманъ считаетъ необходимыми, сверхъ трехъ профессоровъ-директоровъ отдѣленій, учрежденіе еще слѣдующихъ должностей: ординатора (un médecin secondaire), аптекаря, акушерки, эконома, стряпки съ помощницею при ней, двухъ носильщиковъ, двухъ прачекъ, трехъ сидѣльцевъ и четырехъ сидѣлокъ (infirmiers et infirmières). Мѣстоположеніе и внутреннее устройство института, на вопросахъ относительно которыхъ весьма серьезно и подробно останавливается Эрдманъ, должно строго соотвѣтствовать условіямъ санитарно-топографическимъ, а также требованіямъ удобства и соображеніямъ психики паціентовъ. Трактуетъ также проектъ относительно выбора больныхъ для клиникъ, которыя должны соединять въ себѣ задачи филантропическія съ основными задачами пропедевтическими, о порядкѣ кураторства студентовъ надъ больными и пр. и пр. Не имѣя возможности входить въ любопытныя детали проекта, мы направляемъ интересующихся ими къ подлинному „плану“ профессора Эрдмана *.

Заслушавъ представленіе Эрдмана въ засѣданіи 8-го марта 1811 года, совѣтъ назначилъ для подробнаго разсмотрѣнія предложеннаго имъ проекта комитетъ изъ профессоровъ Фукса, Брауна и самого Эрдмана. Отзывы Брауна и Фукса, поданные, первый—12-го, второй—19-го апрѣля, были безусловно благопріятны для проекта Эрдмана и отмѣтили этотъ проектъ съ точекъ зрѣнія его цѣлесообразности, практичности и соотвѣтственности матеріальнымъ средствамъ университета, вслѣдствіе чего совѣтъ 26-го того же апрѣля и опредѣлилъ препроводить все дѣло на благоусмотрѣніе

* См. въ архивѣ университета дѣло: Совѣтъ, 1811 г., № 21, листы 4—8 и 19.

попечителя. Румовскій остался, съ своей стороны, вполнѣ доволенъ предположеніями Эрдмана, о чемъ и увѣдомилъ совѣтъ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 15-го іюля:

„Планъ г. профессора Эрдмана о учрежденіи при университетѣ клиническаго института читалъ я съ отмѣннымъ удовольствіемъ и за попеченіе его объ общемъ благѣ и пользѣ университета свидѣтельствую ему должную благодарность. Остается теперь составить планъ строенію, которое для института должно быть воздвигнуто, и при помощи губернскаго архитектора, или въ самомъ университетѣ, сдѣлать оному примѣрное исчисленіе. Зданіе сіе, кромѣ покоевъ для института собственно нужныхъ, полезно бы было такъ расположить, что бы въ немъ помѣщены быть могли и чиновники для института нужные. Я, получа планъ строенія и примѣрное исчисленіе, ежели не при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, то, по крайней мѣрѣ, со временемъ, долгомъ поставлю г. министру просвѣщенія представить на благоразсмотрѣніе и просить объ исходатайствованіи потребной на зданіе суммы".

Весьма возможно, что проф. Эрдманъ и былъ польщенъ выраженными ему благодарностью и „отмѣннымъ удовольствіемъ" попечителя, тѣмъ не менѣе предложеніе Румовскаго едва ли способно было оживить какъ въ самомъ авторѣ проекта, такъ и въ сочувствовавшихъ этому проекту членахъ совѣта, надежду на болѣе или менѣе близкое осуществленіе мысли о созданіи при университетѣ клиническаго института; ссылка Румовскаго на „нынѣшнія обстоятельства" и его традиціонное „со временемъ"— были стереотипными, но безнадежными, формулами, слишкомъ хорошо извѣстными членамъ совѣта, интересовавшимся преуспѣваніемъ молодого университета. Между тѣмъ въ августѣ того же года въ совѣтѣ университета былъ возбужденъ, какъ мы это видѣли, вопросъ объ устройствѣ анатомическаго театра, который былъ поставленъ попечителемъ въ связь съ вопросомъ объ устройствѣ новыхъ медицинскихъ зданій, вообще, и съ устройствомъ клиническаго института, въ частности. Всѣ эти отдѣльные вопросы осенью 1811 года соединились, такимъ образомъ, въ одинъ общій вопросъ, для разработки котораго въ засѣданіи совѣта 4-го октября и былъ образованъ уже извѣстный намъ комитетъ изъ профессоровъ Яковкина, Эрдмана, Брауна и Фукса и адъюнктовъ Петровскаго и Кондырева, съ участіемъ въ немъ и губернскаго архитектора, получившій названіе „комитета строенія медицинскихъ зданій" *. Мы знаемъ, что, согласно ука-

---

* См. выше, стр. 142—143.

занію совѣта, этотъ комитетъ останавливался на мысли о пріобрѣтеніи подъ помѣщеніе университетскихъ медицинскихъ учрежденій расположенныхъ противъ университетскихъ зданій домовъ Папова и Молоствовыхъ. Домъ Папова (нынѣшній домъ г. Соколова) оказался неподходящимъ по просимой за него владѣльцемъ цѣнѣ, домъ же Молоствовыхъ (нынѣшній домъ Крупениковыхъ) былъ признанъ проф. Эрдманомъ, по самому расположенію его помѣщеній, совершенно несоотвѣтствующимъ задачамъ намѣченнаго имъ клиническаго института.

Вопросъ объ устройствѣ при университетѣ самостоятельнаго клиническаго института былъ, такимъ образомъ, отложенъ на совершенно неопредѣленное время, хотя совѣтскій „комитетъ медицинскихъ зданій" и продолжалъ свои безплодныя работы до лѣта 1812 года. Все содѣйствіе Румовскаго интересамъ клиническаго преподаванія проф. Эрдмана выразилось лишь въ томъ, что послѣднему было передано завѣдованіе университетскою и гимназическою больницею, до тѣхъ поръ находившеюся въ вѣдѣніи проф. Фукса. Скоро оказалось, однако же, что это мѣропріятіе не въ состояніи обезпечить успѣховъ клиническаго преподаванія, такъ какъ среди студенческой и гимназической молодежи выступали паціенты почти одинаковаго возраста и съ болѣе или менѣе общими формами заболѣваемости, вслѣдствіе чего Эрдманъ въ іюнѣ 1812 года предъявилъ ходатайство относительно разрѣшенія принимать въ эту больницу какъ служащихъ при университетѣ и гимназіи, вообще, такъ и лицъ даже постороннихъ, что и было ему разрѣшено съ тѣмъ, что бы расходъ на этихъ дополнительныхъ кліентовъ не превысилъ суммы 600 рублей въ годъ [71].

Въ такомъ печальномъ положеніи находилось въ казанскомъ университетѣ клиническое преподаваніе до 1815 года, когда профессоромъ Эрдманомъ были предприняты новыя старанія объ устройствѣ самостоятельнаго клиническаго института. Вопросъ этотъ былъ снова возбужденъ въ совѣтѣ, теперь уже вполнѣ открытаго, университета, благодаря представленію Эрдмана отъ 20-го января 1815 года. Это представленіе настолько интересно съ точки зрѣнія историческаго освѣщенія занимающаго насъ вопроса, что мы считаемъ умѣстнымъ почти въ полномъ видѣ привести его здѣсь въ русскомъ (подлинникъ изложенъ на французскомъ языкѣ) переводѣ:

„Изученіе медицины можетъ представить собою общественное значеніе лишь при томъ условіи, если оно соединяется съ практикою, и въ дѣлѣ образованія врачей практическій элементъ долженъ занимать первенствующее мѣсто. Въ силу этого у всѣхъ культурныхъ народовъ

и въ эпохи самыя отдаленныя—вѣнцомъ медицинскаго образованія всегда почитались наблюденія, производимыя у постели больнаго. Съ этою цѣлью пользовались больницами, какъ средствомъ для практическаго образованія врачей, и безъ содѣйствія этихъ учрежденій немыслимыми были бы славные врачи ни прошлыхъ эпохъ, ни временъ, намъ современныхъ.

Параграфомъ 7-мъ дарованнаго нашему университету устава, Его Величество Государь Императоръ съ мудрою предусмотрительностью опредѣлилъ быть при немъ: медицинскому клиническому институту, хирургическому клиническому институту и институту повивальнаго искусства. На содержаніе этихъ институтовъ всемилостивѣйше предназначена ежегодная сумма въ пять тысячъ рублей.

Движимый желаніемъ видѣть эти институты осуществленными, я еще въ 1811 году осмѣлился представить планъ ихъ устройства, въ которомъ старался согласовать требованія возможной экономіи съ тѣми необходимыми условіями, которыя должны быть предъявляемы къ учрежденіямъ этого рода. Планъ былъ въ свое время одобренъ его превосходительствомъ г. попечителемъ и для его практической разработки образованъ особый комитетъ. Этотъ комитетъ имѣлъ уже нѣсколько засѣданій и разработалъ техническій проектъ особаго, для означенной цѣли, зданія—но событія 1812 года положили конецъ его дальнѣйшимъ занятіямъ. Осуществленіе моего плана было отложено на неопредѣленное время и мѣстнымъ профессорамъ медицины пришлось быть, съ грустнымъ чувствомъ, очевидцами ухода изъ нашего университета лучшихъ студентовъ, перешедшихъ въ другіе университеты, лучше обставленные съ точки зрѣнія учебно-медицинскихъ пособій. Опасеніе такого же ухода отъ насъ и вновь поступившихъ студентовъ—съ еще большею силою заставляетъ насъ желать учрежденія больницы, которая состояла бы въ распоряженіи университета.

Не ошибусь ли я, признавъ, что теперь настало время снова подумать объ этомъ? Побѣдоносное окончаніе тяготѣвшей надъ государствомъ войны, совершившееся полное открытіе нашего университета, усердіе и стремленіе къ общественному благу отдѣльныхъ членовъ этого послѣдняго—вполнѣ благопріятствуютъ, повидимому, осуществленію намѣченнаго мною неотложнаго начинанія.

Не вдаваясь въ подробности вопроса, припомню лишь общій результатъ трудовъ упомянутаго мною выше комитета. Всѣ расходы по устройству медицинскихъ институтовъ были сведены въ то время къ суммѣ 60-ти тысячъ рублей. Цифра эта можетъ показаться на первый взглядъ—внушительною, но она перестанетъ представляться таковою, если мы сопоставимъ ее съ суммами, отпускавшимися на учебно-вспомогательныя учрежденія другимъ университетамъ, а также съ тою пользою, которая воспослѣдуетъ отъ этого крупнаго расхода“......

Не обманывая себя, однако, надеждою на удовлетвореніе его новаго представленія, проф. Эрдманъ слѣдомъ за тѣмъ выступаетъ съ другою комбинаціею, не сопряженною съ такимъ крупнымъ единовременнымъ расходомъ и разсчитанною на утилизированіе подъ устройство медицинскихъ институтовъ уже существующаго университетскаго зданія,—именно такъ называемаго „комендантскаго" дома, отведеннаго въ то время подъ квартиру попечителя Салтыкова:

„Его превосходительство г. попечитель нашего университета, предполагая выѣхать въ непродолжительномъ времени изъ Казани, изъявляетъ желаніе предоставить для нуждъ медицинскаго факультета домъ, въ которомъ онъ имѣетъ жительство. Этотъ домъ, съ нѣкоторымъ его переустройствомъ, явилось бы возможнымъ приспособить, притомъ съ большою экономіею въ расходахъ, подъ помѣщеніе институтовъ терапевтической и хирургической клиникъ. Бель-этажъ дома могъ бы быть отведенъ подъ терапевтическую клинику; здѣсь, кромѣ палатъ мужской и женской, оказались бы двѣ комнаты для изоляціи больныхъ, комната для ординатора и комната для аптекаря. Нижній этажъ далъ бы помѣщеніе клиникѣ хирургической; здѣсь, помимо двухъ палатъ и операціонной комнаты, можно было бы расположить гардеробную, ванныя и кухню для больныхъ.

Необходимыми явились бы, кромѣ всего этого, еще небольшой служебный флигель, а также зданіе, предназначенное для помѣщенія въ немъ покойницкой, для опытовъ надъ оживленіемъ мнимоумершихъ (essais de ranimation), для вскрытій труповъ и для упражненій въ хирургическихъ пріемахъ.

Постройка такого флигеля, переустройство во внутреннемъ расположеніи дома, пріобрѣтеніе необходимой обстановки, а также инструментовъ и перевязочныхъ средствъ — потребовало бы суммы всего около 12-ти тысячъ рублей.

Правда, что, при осуществленіи только что изложеннаго проекта, университетъ все еще не обзавелся бы институтомъ родовспомогательнымъ. Для помѣщенія этого послѣдняго могъ бы быть указанъ домъ „Спижарный", но этотъ ветхій домъ уже готовъ развалиться и его реставрація потребовала бы, быть можетъ, расходовъ, равныхъ стоимости постройки зданія совершенно новаго. Въ виду этого, болѣе желательнымъ явилось бы сооруженіе подъ родовспомогательный институтъ новаго зданія—хотя бы и въ болѣе или менѣе близкомъ, только, будущемъ".

Въ засѣданіи своемъ отъ 27-го января совѣтъ университета, признавъ „представленіе г. профессора Эрдмана очень полезнымъ", постановилъ ходатайствовать, „дабы благоволѣно было, въ сходственность втораго мнѣ-

нія г. профессора Эрдмана, по отъѣздѣ изъ Казани г. попечителя нынѣ занимаемый имъ каменный домъ отдать подъ клиническій институтъ, съ назначеніемъ нужной суммы для сдѣланія въономъ домѣ нужныхъ въ семъ намѣреніи поправокъ". Соотвѣтствующее представленіе совѣта было слѣдомъ за тѣмъ отправлено на имя министра народнаго просвѣщенія— но отвѣтъ на это ходатайство получился неблагопріятный: „Не нахожу удобнымъ,—читаемъ въ предложеніи графа Разумовскаго отъ 6-го марта 1815 года,—согласиться на заведеніе клиникъ въ домѣ, который занималъ г. попечитель университета, ибо домъ сей, устроенный для жительства попечителя, можетъ быть и впредь нуженъ будетъ для сего употребленія, почему предоставляю совѣту заняться изысканіями другихъ способовъ къ заведенію клиникъ". Заслушавъ этотъ отзывъ министра народнаго просвѣщенія, совѣтъ университета 31-го марта постановилъ: „Препоручить г. профессору Эрдману съ профессоромъ Вердерамо представить совѣту свое мнѣніе о удобнѣйшихъ способахъ къ заведенію клиникъ".

Мысль объ устройствѣ клиникъ въ домахъ „комендантскомъ" и „спижарномъ" пришлось, такимъ образомъ, окончательно оставить. Изыскивая другія мѣры къ учрежденію клиникъ, Эрдманъ и Вердерамо остановились на томъ же типографскомъ домѣ, одна изъ деревянныхъ службъ котораго за три года до того послужила проф. Брауну къ устройству въ ней анатомическаго театра, и уже 14-го апрѣля вошли въ совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ заявляли, что они „находятъ удобнымъ помѣстить помянутыя заведенія въ верхнемъ этажѣ одного изъ домовъ университетскихъ, въ которомъ въ нижнемъ жильѣ находится типографія", причемъ присоединили и планъ устройства здѣсь трехъ будущихъ клиникъ. Совѣтъ одобрилъ это предположеніе, дѣло пошло на разрѣшеніе министра, съ которымъ по причинамъ, намъ уже извѣстнымъ, совѣтъ университета поддерживалъ въ то время непосредственныя сношенія *, и въ засѣданіи совѣта 11-го іюня былъ заслушанъ слѣдующій отвѣтъ графа Разумовскаго отъ 17-го мая 1815 года: „По донесенію совѣта я согласенъ на устроеніе при университетѣ трехъ клиникъ, по представленному профессорами Эрдманомъ и Вердерамо плану, ежели устроеніе сіе не потребуетъ значительныхъ издержекъ и покои, въ коихъ предполагается помѣстить клиники, не заняты и не нужны для другаго употребленія".

Вопросъ свелся, такимъ образомъ, на ту же финансовую почву, которая, какъ мы могли въ этомъ уже неоднократно убѣдиться, являлась

---

* См. томъ II, стр. 132.

почти непреодолимымъ тормозомъ для большей части университетскихъ начинаній той эпохи, и былъ переданъ правленію университета, какъ органу его хозяйственной дѣятельности, гдѣ онъ и обсуждался при участіи авторовъ проекта и адъюнкта архитектуры Петровскаго. Смѣта устройства трехъ клиникъ въ верхнемъ этажѣ типографскаго дома исчислена была въ суммѣ 9898 рублей, которая составилась изъ 7009 рублей, указанныхъ профессорами Эрдманомъ и Вердерамо на необходимое для клиникъ обзаведеніе, и изъ 2889 рублей, выведенныхъ адъюнктомъ Петровскимъ на издержки по приспособленію избранныхъ подъ клиники помѣщеній типографскаго дома. 23-го августа соотвѣтствующее представленіе было отправлено на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія,— но и на этотъ разъ предположеніямъ проф. Эрдмана было суждено натолкнуться на неожиданное препятствіе уже совершенно внѣшняго характера: колоссальный пожаръ 3-го сентября 1815 года, истребившій бо́льшую половину города, не пощадилъ и новыхъ зданій гимназіи, которой пришлось искать временнаго пріюта въ своемъ старомъ помѣщеніи, теперь отошедшемъ уже къ университету. Эта катастрофа рѣшительнымъ образомъ повліяла на отвѣтъ министра по поводу новаго представленія университета: „Полагая,—писалъ графъ Разумовскій отъ 4-го октября,—что послѣ пожара, истребившаго съ бо́льшею частью города Казани и нѣкоторыя училищныя зданія, уже неудобно будетъ завести нынѣ клиники при университетѣ, останавливаюсь разрѣшеніемъ, а буду предварительно ожидать отъ правленія объясненія о семъ предметѣ". Предположеніе министра народнаго просвѣщенія не замедлило оправдаться: въ верхнемъ этажѣ типографскаго дома пришлось помѣстить, кромѣ университетской больницы, больницу гимназическую, а также нѣкоторыхъ служащихъ гимназіи, въ видахъ чего профессоры Эрдманъ и Вердерамо вынуждены были въ весьма значительной степени съузить свой первоначальный проектъ и остановиться на новомъ планѣ устройства клиникъ, построенномъ на несравненно уже болѣе скромныхъ основаніяхъ.

Основанія этого новаго плана были намѣчены въ представленіи отдѣленія врачебныхъ наукъ (деканомъ котораго состоялъ въ то время именно профессоръ Эрдманъ) отъ 2-го ноября 1815 года, поступившемъ въ правленіе университета, а затѣмъ и въ рапортѣ правленія попечителю отъ 9-го того же ноября. Дѣло въ томъ, что еще въ ноябрѣ 1812 года было разрѣшено употреблять изъ суммы, опредѣленной университетскимъ уставомъ на содержаніе клиникъ, до 600 рублей въ годъ на леченіе „нижнихъ чиновниковъ и служителей обоего пола, состоящихъ въ службѣ при универси-

тетѣ и казанской гимназіи съ народнымъ училищемъ, для распространенія клиническихъ упражненій въ университетѣ и познаній учащихся"; леченіе этихъ лицъ производилось, тѣмъ не менѣе, на ихъ квартирахъ, что, само собою разумѣется, парализовало клиническій характеръ, который думали придать этой мѣрѣ. И вотъ, основываясь на представленіи врачебнаго отдѣленія, правленіе университета, имѣя въ виду, что въ предназначавшемся подъ клиники верхнемъ этажѣ типографскаго дома остались два ничѣмъ не занятые покоя, высказываетъ мысль, что „весьма полезно бы было помѣстить въ оныхъ чиновниковъ и служителей, которые до сего времени на счетъ клиники были пользованы въ своихъ квартирахъ, и тѣмъ самымъ способствовать клиническимъ преподаваніямъ и упражненіямъ учащихся". Правленіе полагало достаточнымъ дополнительный отпускъ на этотъ предметъ изъ клиническихъ суммъ, впредь „до заведенія предполагаемыхъ клиникъ", кромѣ уже отпускаемыхъ шестисотъ рублей, еще 1400 рублей „на содержаніе больныхъ столомъ, постелями, на прислугу и прочее". Согласно представленію попечителя, графъ Разумовскій утвердилъ только что приведенныя предположенія правленія, о чемъ Салтыковъ и поставилъ правленіе университета въ извѣстность слѣдующимъ предложеніемъ отъ 29-го декабря 1815 года:

„Его сіятельство г. министръ, отношеніемъ своимъ ко мнѣ отъ 15-го декабря за № 3675, изъявилъ свое согласіе, что бы, вмѣсто клиникъ, въ двухъ незанятыхъ комнатахъ университетскаго строенія временно устроена была больница для нижнихъ университетскихъ и гимназическихъ чиновниковъ, страждущихъ внутренними болѣзнями, съ отпускомъ на сей предметъ 2000 рублей изъ суммы, на клиническія заведенія положенной, доколѣ обстоятельства не позволятъ устроить настоящую клинику, о чемъ для должнаго исполненія правленію предлагаю".

Въ такомъ жалкомъ и урѣзанномъ видѣ положено было въ началѣ 1816 года основаніе клиническому институту казанскаго университета. Профессоръ Эрдманъ не могъ не сознавать, конечно, всей трудности веденія клиническаго преподаванія съ тѣми средствами и съ тѣмъ матеріаломъ, какія предоставлялись въ его распоряженіе министерскимъ разрѣшеніемъ отъ 15-го декабря, тѣмъ не менѣе онъ уже 10-го января 1816 года обратился въ правленіе университета съ ходатайствами относительно нѣкоторыхъ мѣропріятій, признанныхъ имъ необходимыми для первоначальной организаціи ввѣряемаго ему института:

„Чтобъ открыть сіе заведеніе,—писалъ Эрдманъ,—почитаю нужнымъ:

1) Опредѣлить число больныхъ, принимаемыхъ въ клинику; а какъ сіе должно зависить частію отъ пространства комнатъ, частію же отъ суммы назначенной на содержаніе клиники, то я полагаю, что число больныхъ можетъ простираться не свыше восьми человѣкъ.

2) Опредѣлить чиновниковъ, которые бы смотрѣли за наблюденіемъ порядка, и служителей. Въ избѣжаніе излишнихъ издержекъ: a) могъ бы помощникъ доктора гимназической больницы занять мѣсто помощника доктора и въ самой клиникѣ, прибавивъ ему, сверхъ жалованья, еще сто рублей; b) экономическую часть клиники можно возложить на больничнаго надзирателя, прибавивъ ему столько же; c) опредѣлить трехъ сторожей изъ инвалидовъ, двухъ для ухаживанія за больными и одного для черной работы, d) повариху и e) прачку.

3) Отвести способныя службы. Кромѣ двухъ комнатъ, потребны еще, по близости: кухня, вмѣстѣ съ кладовою, погребъ и прачешная. На сей конецъ можно бы было назначить каменный флигель, если бъ живущимъ въ немъ типографщикамъ отведены были другіе покои.

4) Искупить все нужное по хозяйственной части. Какъ кровати, гардеробъ, кухонная и столовая посуда, съ прочими принадлежностями для клиники, стоить будетъ довольно значительныхъ издержекъ, то нужно на первое обзаведеніе по крайней мѣрѣ 1000 рублей, взявъ оные изъ суммы, отпускаемой на содержаніе клиническаго института".

Исполняя ходатайство Эрдмана, правленіе возложило на магистра Шоника исполненіе обязанностей лекарскаго помощника при клиникѣ, завѣдованіе же хозяйственною частью поручило больничному надзирателю Пономаревскому, по рапортамъ котораго, слѣдомъ за тѣмъ, правленіемъ и отпускались суммы на текущіе расходы по клиникѣ; одновременно ректоромъ университета сдѣланы распоряженія относительно устройства, хозяйственнымъ способомъ и трудомъ университетскихъ инвалидовъ, погреба и служебныхъ помѣщеній для клиники, подъ которыя были отведены подвалы типографскаго дома. Къ исходу марта 1816 года все, болѣе нежели скромное, оборудованіе этой импровизованной клиники было приведено къ окончанію и проф. Эрдманъ представилъ правленію университета, отъ 27-го марта, что „клиника, сколько позволяло мѣсто, нынѣ, по возможности, устроена и снабжена всѣмъ для нея нужнѣйшимъ", хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, на какія первоначально разсчитывали: „Какъ на первое ея обзаведеніе требовалось довольно значительныхъ издержекъ,—доносилъ Эрдманъ,—то я принужденъ былъ на первый случай ограничить оную четырьмя кроватями, дабы изъ 2000 рублей, опредѣ-

ленныхъ на годичное содержаніе оной, не употребить вдругъ слишкомъ много; если же угодно будетъ увеличить клинику до восьми кроватей,— добавляетъ онъ,—то прошу прибавить еще 500 рублей на содержаніе оной". Какъ ни слаба была еще постановка медицинскаго образованія въ казанскомъ университетѣ интересующей насъ эпохи, тѣмъ не менѣе четыре кровати, притомъ замѣщающіяся исключительно больными изъ низшихъ служащихъ университета—представляли собою средства слишкомъ ничтожныя для сколько нибудь успѣшнаго клиническаго преподаванія. Изыскивая средства къ расширенію клиники, Эрдманъ пришелъ къ мысли относительно возможности платнаго пріема въ клинику, для леченія, и лицъ постороннихъ: „Самому клиническому институту можно доставить нѣкоторую выгоду,—предлагалъ онъ въ томъ же представленіи отъ 27-го марта,—если, кромѣ университетскихъ и гимназическихъ служителей, будутъ принимаемы въ оную посторонніе, со взиманіемъ ежемѣсячно по 15 рублей съ каждаго на содержаніе". Оба только что приведенныя ходатайства удостоились разрѣшенія въ положительномъ смыслѣ и министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ правленіе университета, отъ 4-го мая, о своемъ согласіи „на употребленіе для содержанія заведенной при университетѣ временной клиники, сверхъ назначенныхъ уже на то 2000 рублей, еще 500 рублей изъ суммы, въ университетскомъ штатѣ на содержаніе клиническихъ заведеній положенной, съ тѣмъ, что бы вмѣсто четырехъ кроватей для больныхъ заведены были—восемь", а также на „принятіе для пользованія постороннихъ людей, съ платою по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ" [72].

Послѣдняя попытка проф. Эрдмана хотя сколько нибудь расширить и упорядочить клиническій институтъ университета относится къ началу зимы того же года и выразилась въ слѣдующемъ представленіи его совѣту отъ 6-го ноября 1816 года: „Какъ средній этажъ типографскаго дома, кромѣ клиническаго института, теперь уже никѣмъ не занимается, то я за нужное почитаю оный институтъ распространить и не только пріумножить число мужскихъ кроватей, но завести еще отдѣленіе для больныхъ женщинъ; а какъ на таковое распространеніе института, вмѣсто отпускаемыхъ нынѣ по 2000 рублей въ годъ, потребно будетъ вдвое, т. е. 4000 рублей, сверхъ того на первое обзаведеніе и на исправленіе нужныхъ вещей понадобится еще тысяча рублей, то я прошу покорнѣйше совѣтъ представить его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія объ отпусканіи полной штатной суммы—по 5000 рублей въ годъ". Соотвѣтствующее представленіе университетскаго совѣта потерпѣло полнѣйшее фіаско: но-

вый министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ отвѣтилъ на него отъ 23-го декабря, что „какъ въ суммахъ, слѣдовавшихъ къ отпуску на министерство просвѣщенія, въ будущемъ 1817 году сдѣланы важныя убавки", то онъ и не можетъ „согласиться на прибавку суммы клиническому институту для распространенія онаго". Это безуспѣшное представленіе проф. Эрдмана было уже его послѣднимъ ходатайствомъ о нуждахъ созданнаго имъ клиническаго института казанскаго университета: съ небольшимъ полгода спустя (17-го іюля 1817 г.) состоялось его увольненіе изъ казанскаго университета, для перемѣщенія, на ту же кафедру, въ университетъ дерптскій [73].

Преемниками профессора Эрдмана по управленію клиникою казанскаго университета были: проф. А. И. Арнгольдтъ—съ 5-го августа 1817 года по 7-ое февраля 1818 года, и проф. К. Ѳ. Фуксъ—съ 7-го февраля 1818 года, занявшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, и освободившуюся, съ уходомъ Эрдмана, кафедру патологіи, терапіи и клиники. Профессору Арнгольдту принадлежитъ и отчетъ по клиническому институту за 1817 годъ, который знакомитъ насъ съ состояніемъ, въ какомъ оставилъ этотъ институтъ Эрдманъ, и который мы приведемъ, поэтому, почти въ полномъ видѣ:

„Клиническій институтъ помѣщается,—писалъ проф. Арнгольдтъ въ исходѣ декабря 1817 года,—въ трехъ комнатахъ верхняго этажа университетскаго типографскаго дома. Кроватей и прочихъ къ нимъ принадлежащихъ вещей до февраля мѣсяца нынѣшняго года было заведено только восемь, съ сего же времени прибавлено еще двѣ, такъ что нынѣ могутъ быть пользуемы 10 человѣкъ, но, по большей части, одна или двѣ кровати оставляются незанятыми для непредвидѣнныхъ случаевъ. Нѣкоторыя вещи изъ бѣлья, посуды и проч., сдѣлавшіяся совершенно къ употребленію негодными, замѣнены новыми, прочія же, сколько было возможно, починены. Изъ вещей новыхъ только куплены ширмы и термометръ.

Въ теченіи сего 1817 года лечилось въ различное время въ институтѣ 72 человѣка больныхъ, кои частью были посторонніе, частью же принадлежащіе университету. Посторонніе, за содержаніе и леченіе въ клиникѣ, больные платятъ ежемѣсячно по 15 рублей; такимъ образомъ, нынѣшній годъ институтъ пріобрѣлъ 633 рубля, кои въ различное время представлены, при рапортахъ, правленію университета больничнымъ надзирателемъ Пономаревскимъ....

Со вступленія моего до сего времени я произвелъ въ институтѣ слѣдующія операціи: кастрацію, отсѣченіе руки въ плечевой кости, прободеніе глаза, одержаннаго водяною болѣзнью, изсѣченіе мѣшочной опухоли на лицѣ и нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ. In clinico ambulatorio сдѣлалъ я также операцію аневризмы".

За 1818 годъ дальнѣйшее преуспѣваніе университетской клиники свелось, собственно говоря—къ нулю, если не принимать въ соображеніе пріобрѣтенной ею еще одной комнаты: „Клиническимъ институтомъ,—читаемъ въ отчетѣ проф. Фукса за этотъ годъ,—занимаются четыре комнаты, кроватей въ оныхъ помѣщается для больныхъ всего 10, къ коимъ и всѣ потребныя вещи для каждаго больнаго находятся на лицо; въ теченіи нонѣшняго (sic) года куплены однѣ ширмы"; въ отчетномъ году въ клиническомъ институтѣ лечилось 56 человѣкъ, а за пользованіе посторонних университету лицъ выручено 523 рубля. Отчетъ за 1818 годъ констатируетъ, что „при университетѣ еще не существуетъ хирургической клиники и повивальнаго института". Въ такомъ печальномъ положеніи и застала клиническій институтъ внезапно обрушившаяся на университетъ безпощадная ревизія Магницкаго [74].

Познакомившись съ начальною исторіею университетскаго клиническаго института въ его цѣломъ, перейдемъ къ обзору болѣе или менѣе крупныхъ пріобрѣтеній, вошедшихъ въ составъ его инструментальныхъ пособій.

Мы знаемъ изъ уже представленнаго нами историческаго очерка анатомическаго института, что еще въ 1807 году профессоромъ Брауномъ, вмѣстѣ съ необходимыми инструментами анатомическими, были пріобрѣтены и нѣкоторые инструменты хирургическіе. Въ первые годы существованія университета пріобрѣтенія этого рода носили характеръ чисто случайный и только весною 1814 года совершена покупка коллекціи хирургическихъ инструментовъ, которая могла представить уже серьезное научно-практическое значеніе. Весною 1814 года профессоръ хирургіи А. И. Арнгольдтъ, задумавъ оставить службу университету, предложилъ къ покупкѣ у него нѣсколькихъ наборовъ хирургическихъ инструментовъ, оцѣненныхъ имъ въ 900 рублей; найдя назначенную продавцомъ цѣну „сходною", отдѣленіе врачебныхъ наукъ возбудило ходатайство относительно пріобрѣтенія за эту цѣну предлагаемаго собранія инструментовъ, на что 27-го мая и послѣдовало согласіе попечителя, съ тѣмъ, что бы требуемая сумма въ 900 рублей была заимствована изъ штатнаго назначенія на клиническій институтъ университета. До насъ дошла и подробная опись собранія инструментовъ, купленнаго у проф. Арнгольдта; этому собранію, заключавшему въ себѣ 56 номеровъ инструментовъ (въ 94-хъ отдѣльныхъ экземплярахъ), набранныхъ въ четыре обложенныхъ краснымъ деревомъ и внутри выложенныхъ бархатомъ ящика, было суждено положить первое

серьезное начало хирургическому кабинету университета *. Лѣтомъ 1818 года, согласно разрѣшенію попечителя отъ 30-го іюля, состоялась покупка на сумму около 300 рублей хирургическихъ инструментовъ, продававшихся послѣ смерти дерптскаго профессора хирургіи Кауцмана; наконецъ, въ августѣ 1819 года, было пріобрѣтено за 400 рублей собраніе хирургическихъ инструментовъ, принадлежавшее профессору Вердерамо [75].

Излагая начальную исторію клиническихъ учрежденій казанскаго университета, мы не считаемъ себя вправѣ обойти молчаніемъ раннее и весьма любопытное начинаніе университета, направленное къ созданію госпитальной клиники. Это начинаніе, относящееся къ лѣту 1817 года и на сорокъ слишкомъ лѣтъ предварившее собою учрежденіе университетскихъ госпитальныхъ клиникъ, не было, повидимому, чуждо почину профессора хирургіи Арнгольдта, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующему письму (отъ 20-го іюля 1817 года) попечителя округа Салтыкова на имя лейбъ-хирурга Я. В. Вилліе, въ то время управлявшаго всею медицинскою частью имперіи:

„Милостивый государь Яковъ Васильевичъ!—Императорскій казанскій университетъ, имѣя въ составѣ своемъ медицинскій факультетъ, долженъ, на основаніи устава, содержать хирургическую и терапевтическую клиники и повивальный институтъ, на каковой предметъ назначено 5000 рублей. Сумма сія столь недостаточна, что нѣтъ возможности устроить помянутые институты, толико необходимые для практическаго упражненія во врачебныхъ наукахъ, посему вынуждаюсь я просить покорнѣйше ваше превосходительство о содѣйствіи къ пользѣ ввѣреннаго моему попеченію казанскаго университета, имѣющаго счастье чтить васъ почтеннѣйшимъ своимъ членомъ.

Въ Казани состоитъ вѣдомства вашего превосходительства небольшая сухопутная гофшпиталь, которая бы весьма удобно могла замѣстить клинику, если бы ваше превосходительство благоволили разрѣшить избирать и пользовать ихъ (?) профессору хирургіи въ самой госпиталѣ, а профессору терапіи въ университетской больницѣ.

Но, дабы отвратить всѣ затрудненія, при семъ встрѣтиться могущія, изъявилъ г. Арнгольдтъ желаніе принять на себя должность старшаго лекаря госпиталя, съ исправленіемъ всѣхъ обязанностей, по установленному порядку. Рекомендуя вашему превосходительству сего чиновника, прошу покорнѣйше ваше превосходительство удостоить сіе предположеніе соизволенія вашего, если оно не противно намѣреніямъ вашего превосходительства и существующимъ узаконеніямъ“.

* Подробную опись этого собранія инструментовъ интересующіеся найдутъ въ архивномъ дѣлѣ: Сов. 1814, № 170, листы 69 об.—70.

Лейбъ-хирургъ Виллiе отвѣтилъ попечителю казанскаго учебнаго округа слѣдующимъ письмомъ отъ 14-го августа того же года:

„Милостивый государь Михайло Александровичъ!—На отношеніе вашего превосходительства честь имѣю отвѣтствовать, что управленіе казанской военной госпитали, по существующимъ узаконеніямъ, никакъ нельзя поручить университетскимъ медицинскимъ чиновникамъ, во первыхъ—по незнанію ими военно-медицинской службы и теченія дѣлъ по госпитальной конторѣ, а во вторыхъ—потому, что военные врачи при пользованіи больныхъ обязаны въ точности руководствоваться военною фармакопеею и каталогами медицинскимъ и коммиссаріатскимъ, въ ней помѣщенными, которые ограничены какъ временемъ, такъ и числомъ больныхъ и изъ которыхъ отнюдь выходить не должно, между тѣмъ какъ для опытовъ въ клиникахъ нужно учащимся показывать дѣйствіе всѣхъ въ медицинѣ употребляемыхъ лекарствъ. Доказательствомъ сему служитъ примѣръ 1809 года, когда, по недостатку военныхъ врачей, дерптская госпиталь поручена была университетскимъ медикамъ, кои, по невѣдѣнію правилъ, по коимъ госпитали управляются, сдѣлали большія упущенія и чрезмѣрные по части хозяйственной къ ущербу казны расходы.

Изъ сего ваше превосходительство усмотрѣть изволите, что порученіе управленія казанской госпитали университетскимъ чиновникамъ по всѣмъ отношеніямъ было бы несоотвѣтственно предполагаемой съ обѣихъ сторонъ цѣли и не принесло бы учащимся никакой пользы, равно какъ и казнѣ, кромѣ одного только убытка. Но, ежели угодно будетъ вамъ, милостивый государь, согласиться, что бы, по примѣру здѣшней терапевтической клиники, избираемы были изъ госпиталя и отправляемы въ университетскую клинику больные съ извѣстными болѣзнями, съ тѣмъ, что бы въ оной былъ за ними надлежащій присмотръ, какъ въ разсужденіи содержанія ихъ, такъ и леченія—то покорнѣйше прошу о семъ меня увѣдомить, дабы я могъ сдѣлать по сему предмету надлежащее распоряженіе".

Такой оборотъ дѣла, совершенно несоотвѣтствовавшій болѣе нежели скромнымъ матеріальнымъ рессурсамъ клиники, заставилъ Салтыкова отказаться отъ мысли создать при университетѣ госпитальное клиническое преподаваніе и отвѣтить лейбъ-хирургу Виллiе (отъ 17-го августа), что „таковое распоряженіе не совмѣстно съ нынѣшнимъ положеніемъ всей клиники, которая только что начинаетъ устраиваться и, по недостатку суммы, уповательно останется еще долгое время въ прежнихъ своихъ предѣлахъ" [76].

Послѣдній, въ границахъ интересующей насъ эпохи, отчетъ о состояніи клиническаго института относится къ марту 1819 года. Составлен-

ный для ревизіи Магницкаго, этотъ весьма краткій отчетъ лишь повторяетъ почти дословно уже приведенныя нами выше данныя отчетовъ за 1817 и 1818 годы, пополняя ихъ лишь указаніемъ на число больныхъ, состоявшихъ въ клиникѣ весною 1819 года. „Теперь на лицо состоитъ,—читаемъ здѣсь,—только три человѣка больныхъ: а) солдатъ Николай Яковлевъ, б) господскій человѣкъ Василій Корниловъ, имѣющіе по нарыву на лѣвыхъ ногахъ, и в) господскій же человѣкъ Емельянъ Лаврентьевъ, страждущій лихорадкою безпорядочною и отекомъ ногъ; кромѣ сихъ больныхъ, на университетскомъ содержаніи пользуются г.г. студенты, которые помѣщаются въ комнатахъ, занимаемыхъ больными питомцами гимназіи: а) Иванъ Бовинъ, имѣвшій первную горячку, и б) Андрей Шитцъ, одержимый лихорадкою“. Изъ приложенной къ отчету „описи вещамъ, принадлежащимъ хирургическому институту“, мы узнаемъ, что основнымъ имуществомъ этого послѣдняго являлись тѣ же четыре ящика хирургическихъ наборовъ (въ описи дается подробное перечисленіе всѣхъ входившихъ въ нихъ инструментовъ), которые были еще въ 1814 году куплены у проф. Арнгольдта и о которыхъ мы уже говорили; кромѣ этихъ наборовъ, показаны пара „зубныхъ англинскихъ ключей“, одни „щипцы для операціи заячьей губы“ и одна „иголка съ рукояткою“. Любопытенъ, въ особенности для хирурга, и перечень операцій, произведенныхъ въ клиникѣ и представленный Магницкому:

„Съ открытіемъ клиническаго института при императорскомъ казанскомъ университетѣ,—читаемъ здѣсь,—произведены были въ ономъ слѣдующія важнѣйшія операціи:

Въ 1811 году сдѣлана была одна операція—изсѣченіе мѣшечной опухоли за правымъ ухомъ.

Въ 1812 году три операціи: а) катедеризмъ, б) изсѣченіе трехъ перстовъ правой руки и в) изсѣченіе мѣшечной опухоли на затылкѣ.

Въ 1813 году пять операцій: а) извлеченіе бѣльма, б) изсѣченіе камня, в) тоже, г) изсѣченіе мѣшочной опухоли на лѣвомъ плечѣ и д) изсѣченіе кисти лѣвой руки.

Въ 1814 году четыре операціи: а) вставленіе врачебныхъ свѣчъ, б) извлеченіе перваго состава указательнаго пальца лѣвой руки, в) извлеченіе берцовой кости изъ состава и г) изсѣченіе мѣшочной опухоли на головѣ.

Въ 1815 году шесть операцій: а) отсѣченіе бедра, б) операція катаракты, в) выдергиваніе рѣсницъ, г) изсѣченіе мѣшечной опухоли на лѣвомъ плечѣ, д) катедеризмъ и е) изсѣченіе мѣшочной опухоли повыше лѣваго плеча.

Въ 1816 году пять операцій: а) изсѣченіе большаго пальца лѣвой руки, б) изсѣченіе ручной кисти, в) вставленіе врачебныхъ свѣчъ, г) изсѣченіе мѣшечной опухоли на затылкѣ и д) вырѣзываніе обвислости верхняго вѣка.

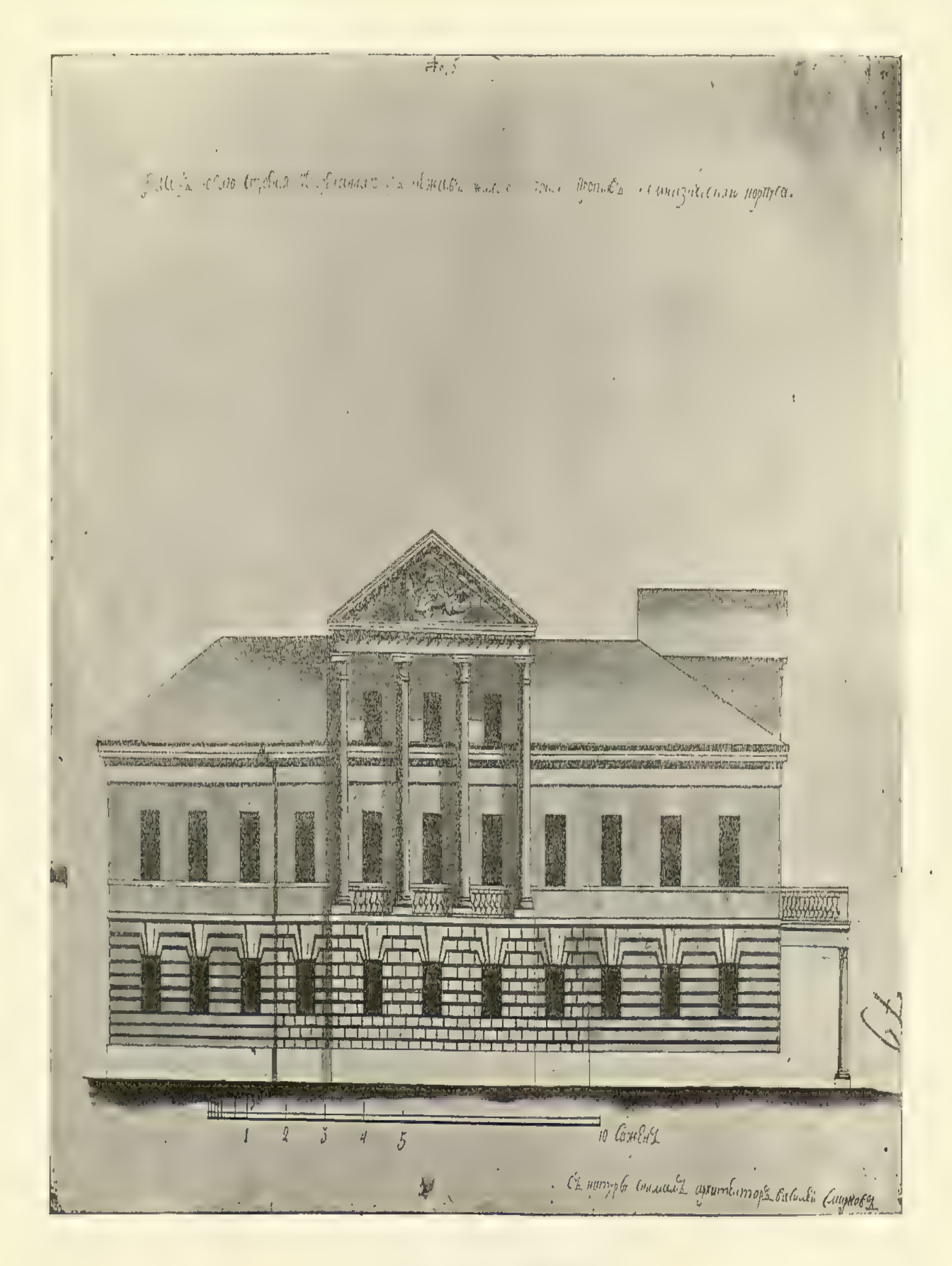
Въ 1817 году четыре операціи: а) изъятіе занозы, попавшей между глазомъ и вѣкою, б) изсѣченіе большой мѣшечной опухоли на правой сторонѣ брюха, в) операція бѣльма и г) изсѣченіе мѣшечной опухоли повыше глаза, на лбу.

Въ 1818 году семь операцій: а) аневризма, б) изсѣченіе яйца, в) извлеченіе конца веретена изъ ляжки мальчика, г) изсѣченіе мѣшечной опухоли на внутренней сторонѣ щеки, д) отсѣченіе плечевой кости, е) отсѣченіе передняго плеча пониже локтя (?) и ж) изсѣченіе трехъ пальцевъ и нѣсколькихъ костей ладони.

Въ 1819 году: а) изсѣченіе мѣшечной опухоли на головѣ и б) изсѣченіе камня".

Констатируя, въ своемъ отчетѣ министру о результатахъ ревизіи, отсутствіе при казанскомъ университетѣ правильно устроенныхъ учебно-медицинскихъ учрежденій, Магницкій касается и вопроса о только что приведенномъ нами спискѣ операцій, замѣчая, что въ этомъ перечнѣ произведенныхъ операцій „хотя и поставлены нѣкоторыя важныя, но безъ означенія что тѣ, надъ коими онѣ дѣланы—у м е р л и, какъ то, дѣйствительно, было, прочія же не весьма приличны хирургическому заведенію при университетѣ, какъ то—вставливаніе врачебныхъ свѣчъ, выдергиваніе рѣсницъ, вырѣзаніе обвислости верхняго вѣка, изъятіе занозы изъ вѣка и извлеченіе конца веретена изъ ляжки мальчика". Сопоставляя положеніе анатомическаго театра и хирургическаго института, Магницкій приходитъ къ заключенію, что „оба сіи заведенія, по недостатку знающаго профессора анатоміи и медико-хирурга, которые бы положили имъ хотя начало, доселѣ к ъ с т ы д у т о л ь к о у н и в е р с и т е т а с у щ е с т в у ю т ъ [77].

Не улучшилось положеніе клиническаго института казанскаго университета и въ эпоху семилѣтняго попечительства Магницкаго. По крайней мѣрѣ историкъ этого института проф. Н. А. Скандовскій, еще лично работавшій въ пресловутой клиникѣ „типографскаго дома", писалъ въ 1841 году, что „отъ 1819-го по 1827 годъ клиническое заведеніе оставалось въ томъ же, или почти въ томъ же, положеніи; впрочемъ, за перемѣщеніемъ гимназической больницы въ особенный домъ, университетская клиника пріобрѣла для себя болѣе простора: пять комнатъ, помѣщавшихъ 17 кроватей для больныхъ, собственно принадлежали клиникѣ, а шестая—

СТАРОЕ ЗДАНІЕ КЛИНИКИ УНИВЕРСИТЕТА.
(1816—1828 г.г.)

опредѣлена была для больныхъ студентовъ" *. Въ 1828 году клиническій институтъ былъ перемѣщенъ во вновь построенное для него, во дворѣ того же типографскаго дома, зданіе, а въ 1840 году онъ былъ водворенъ въ новомъ и обширномъ помѣщеніи, выстроенномъ на средства (200 тыс. рублей), всемилостивѣйше пожалованныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ бытность его въ августѣ 1836 года въ Казани; это—то именно зданіе „старой клиники", въ которомъ, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, помѣщались всѣ клиническія учрежденія казанскаго университета.

Въ такомъ видѣ представляются намъ исторія и состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета передъ эпохою попечительства Магницкаго.

Мы перейдемъ теперь къ изложенію послѣдняго и весьма важнаго вопроса, касающагося внутренней жизни университета въ начальныя поры его существованія—къ изложенію училищныхъ его отношеній, въ смыслѣ руководительства университета всею училищною жизнью ввѣреннаго его компетенціи обширнаго учебнаго округа.

* Н. А. Скандовскій: «Краткая историческая записка клиники императорскаго казанскаго университета», Каз. 1842.

ГЛАВА VI

Училищныя отношенія университета

Казанскій учебный округъ перваго двадцатилѣтія XIX столѣтія. — Къ исторіи училищнаго дѣла въ Россіи.—Училищныя отношенія университета по уставу 5-го ноября 1804 года.—Учрежденіе училищнаго комитета при казанскомъ университетѣ.—Историческія и статистическія данныя относительно училищнаго дѣла въ казанскомъ учебномъ округѣ.— Открытіе новыхъ учебныхъ заведеній.

Препятствія, стоявшія на пути училищной дѣятельности казанскаго университета.—Отсутствіе потребности въ образованіи и недостаточность общественнаго сочувствія къ вопросамъ просвѣтительнаго характера.—Административные и сословные тормозы, встрѣчавшіеся университету на пути его училищной дѣятельности.—Недостаточность училищнаго персонала и его педагогическая неподготовленность.—Дѣло о малоуспѣшности въ учебныхъ заведеніяхъ казанскаго учебнаго округа и заключенія по этому поводу университетскаго совѣта.—Нравственная неудовлетворительность училищнаго персонала.—Изъ скорбной лѣтописи внутренней жизни учебныхъ заведеній округа.

Визитаціи училищъ, какъ средство контроля университета надъ дѣятельностью учебныхъ заведеній округа.—Историческій обзоръ училищныхъ визитацій 1805—1819 годовъ.

Училищныя отношенія представляютъ собою, несомнѣнно, одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ начальной исторіи казанскаго университета въ виду той созидательной и руководительной миссіи, которая выпала на его долю въ дѣлѣ насажденія народнаго образованія въ чрезвычайно обширномъ и разнообразномъ по своимъ географическимъ, этнографическимъ и культурнымъ условіямъ районѣ, вошедшемъ въ территоріальный составъ вновь учрежденнаго въ 1803 году казанскаго учебнаго округа.

А этотъ районъ былъ, дѣйствительно, почти безпредѣльно обширенъ, охватывая собою восточныя окраины центральной полосы европейской Россіи, весь ея востокъ, сѣверный Кавказъ и всю западную и восточную

Сибирь. Въ составъ вновь образованнаго колоссальнаго казанскаго учебнаго округа входили слѣдующія 14 губерній: казанская, нижегородская, тамбовская, пензенская, кавказская (нынѣшняя ставропольская), астраханская, саратовская, оренбургская (съ нынѣшними губерніями самарскою и уфимскою), симбирская, вятская, пермская, тобольская, томская и иркутская. Если не принимать въ соображеніе собственно города Казани, въ которомъ уже имѣлись въ то время гимназія, главное народное училище и духовная (такъ называемая „старая") академія, да наиболѣе западныхъ его окраинъ—весь этотъ громадный учебный округъ, съ точки зрѣнія постановки въ немъ дѣла народнаго образованія, представлялся почти совершенною tabula rasa, открывавшею широкій просторъ просвѣтительнымъ начинаніямъ и попеченіямъ, все нелегкое бремя которыхъ должно было быть принято на свои плечи вновь основаннымъ казанскимъ университетомъ. Исторія насажденія и развитія дѣла народнаго просвѣщенія въ предѣлахъ этого громаднаго района—представляетъ собою задачу въ высшей степени сложную и трудную, которая не скоро найдетъ, конечно, своего исторіографа, ограничиваясь, пока, изслѣдованіями частичнаго характера и, почти исключительно, исторіею отдѣльныхъ учебныхъ заведеній.

Самыя задачи предпринятаго нами труда исключаютъ для насъ не только обязанность, но хотя бы только простую возможность выступить въ роли исторіографа казанскаго учебнаго округа. Мы коснемся, въ силу этого, въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи вопроса объ историческихъ судьбахъ народнаго образованія въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа лишь постольку, поскольку это явится необходимымъ для выясненія и для характеристики училищныхъ отношеній казанскаго университета на протяженіи эпохи дѣйствія устава 5-го ноября 1804 года, поставившаго университеты во главѣ управленія одноименными съ ними учебными округами,—административная функція, уже неизвѣстная ни уставу 1835 года, ни позднѣйшимъ общимъ уставамъ русскихъ университетовъ. Только что высказаннымъ въ достаточной степени обрисовываются и задачи и общій характеръ изложенія главы, въ настоящую минуту предлагаемой нами вниманію читателей.

Первыя, послѣ основанія московскаго университета, идеи учрежденія въ Россіи университетовъ относятся, какъ мы это уже видѣли, къ царствованію императрицы Екатерины II. Къ той же эпохѣ пріурочиваются и первыя начинанія общаго характера по насажденію у насъ средняго и низшаго народнаго образованія. Начало имъ было положено учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года, въ силу котораго на вновь создан-

ные по губерніямъ „приказы общественнаго призрѣнія", въ числѣ другихъ разнообразныхъ функцій ихъ, было возложено „попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ", предположенныхъ къ открытію не только въ городахъ, но и въ наиболѣе значительныхъ селеніяхъ. Приказы общественнаго призрѣнія оказались въ совершенной невозможности совладать съ возложенною на нихъ просвѣтительною миссіею, что обусловилось какъ недостаточностью находившихся въ ихъ распоряженіи матеріальныхъ средствъ, такъ, въ еще бо́льшей степени, отсутствіемъ подготовленныхъ людей какъ для самой организаціи въ губерніяхъ образовательнаго дѣла, такъ и для занятія учительскихъ должностей, и дѣятельность приказовъ въ этомъ направленіи выразилась въ настолько ничтожныхъ результатахъ, что императрица нашла себя вынужденною приступить къ новымъ мѣропріятіямъ въ области политики народнаго образованія. Самымъ существеннымъ шагомъ явилось въ этомъ послѣднемъ отношеніи образованіе осенью 1782 года коммиссіи объ учрежденіи училищъ, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ будущій первый министръ народнаго просвѣщенія—П. В. Завадовскій. Задумавъ положить въ основу предположенной организаціи русскаго училищнаго дѣла австрійскую систему, сводившуюся къ устройству училищъ трехъ типовъ (приходскія, уѣздныя и провинціальныя), съ особыми нормальными училищами (семинаріями) для подготовленія учителей, съ коллегіальными провинціальными училищными коммиссіями и съ центральною главною дирекціею училищъ, императрица пригласила въ Россію изъ Австріи педагога-серба Ѳ. И. Янковича-де-Миріево, которому и выпала на долю главная тяжесть трудовъ по организаціи русскаго школьнаго дѣла.

Результатомъ дѣятельности коммиссіи объ учрежденіи училищъ, помимо попеченій о подготовкѣ учителей и о составленіи и изданіи учебныхъ книгъ, явился уставъ народныхъ училищъ россійской имперіи 5 августа 1786 года, которымъ намѣчалась общая схема организаціи училищнаго дѣла. Въ силу этого устава, народныя училища намѣчались двухъ типовъ: главныя народныя училища, состоявшія изъ четырехъ классовъ и открываемыя въ губернскихъ городахъ, и малыя народныя училища, учреждаемыя, въ составѣ двухъ классовъ, въ городахъ уѣздныхъ; ближайшее вѣданіе училищъ ввѣрялось особымъ директорамъ народныхъ училищъ, назначаемымъ генералъ-губернаторами и подчиненнымъ высшимъ органамъ общей губернской администраціи. Центральное управленіе училищными дѣлами имперіи ввѣрялось „главному училищному правительству",—какъ стала теперь называться прежняя коммиссія

объ учрежденіи училищъ. Новую училищную систему тогда же повелѣно было ввести въ 26-ти губерніяхъ и дѣло пошло настолько успѣшно, что уже къ концу третьяго года дѣйствія новаго устава въ имперіи насчитывалось 170 народныхъ училищъ, въ томъ числѣ 43 главныхъ народныхъ. Но этотъ успѣхъ сказался почти исключительно въ количественномъ отношеніи, выразившись въ 223-хъ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ до конца царствованія Екатерины II. Далеко не такъ успѣшно обстояло дѣло съ точки зрѣнія внутренняго строя училищнаго дѣла: индифферентное, въ отдѣльныхъ же случаяхъ тормозящее, отношеніе мѣстной губернской бюрократіи къ подчиненному ей учебному дѣлу, полное безсиліе старыхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, продолжавшихъ вѣдать хозяйственную сторону училищъ, недостатокъ мало мальски порядочно подготовленнаго и матеріально обезпеченнаго учительскаго персонала, отсутствіе опредѣленнаго бюджета—все это парализовало тѣ благія намѣренія, которыми были подвинуты и сама императрица, и ея ближайшіе сотрудники, въ дѣлѣ насажденія въ Россіи народнаго образованія.

Лучшая пора настала для дѣла народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ съ первыми годами царствованія императора Александра Павловича. Учрежденіе, въ ряду другихъ министерствъ, особаго министерства народнаго просвѣщенія (8-го сентября 1802 года), ввѣреннаго бывшему предсѣдателю екатерининской коммиссіи объ учрежденіи училищъ графу П. В. Завадовскому, и при немъ коллегіальнаго „главнаго правленія училищъ“, организація учебныхъ округовъ и изданіе „предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія“ (24-го января 1803 г.), наконецъ обнародованіе устава учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, 5-го ноября 1804 г.—всѣ эти законодательныя и административныя начинанія совершенно реорганизовывали училищную систему, вводя въ нее два новыхъ іерархическихъ элемента: учебные округа и университеты. Новая система намѣчала слѣдующую схему организаціи учебнаго дѣла: а) университеты—по одному въ каждомъ изъ вновь создававшихся шести учебныхъ округовъ, ввѣренныхъ управленію попечителей (кураторовъ), по званію своему считавшихся членами главнаго училищъ правленія, стоявшаго во главѣ всего дѣла народнаго просвѣщенія; б) гимназіи—въ губернскихъ городахъ, преобразуемыя изъ прежнихъ главныхъ народныхъ училищъ; в) уѣздныя училища—въ городахъ уѣздныхъ, и г) приходскія училища—какъ городскія, такъ и сельскія.

Крупною особенностью новаго учебнаго строя,—который приходилось еще создавать и который пока существовалъ только на бумагѣ,—явилась

созидательная и руководящая миссія, выпавшая въ этомъ отношеніи на университеты, изъ которыхъ два, казанскій и харьковскій, получили утвердительныя грамоты и уставы въ одинъ день съ обнародованіемъ училищнаго устава 5-го ноября 1804 года. Обратимся же къ обзору тѣхъ опредѣленій первоначальнаго устава казанскаго университета, которыми регулировались его отношенія къ училищамъ округа.

Уставъ 5-го ноября 1804 года ставитъ университетъ во главѣ всѣхъ училищъ округа:

„Университетъ, имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ, — гласилъ § 160-ый устава,—прилагаетъ особое и неутомимое попеченіе дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями и дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ вездѣ неослабно".

Ближайшими органами университета по управленію училищами округа являются избираемые университетскимъ совѣтомъ и утверждаемые министромъ губернскіе директоры училищъ; университетъ же назначаетъ, или непосредственно, или по представленіямъ губернскихъ директоровъ, смотрителей училищъ и учителей гимназій и прочихъ учебныхъ заведеній округа (§ 161).

Непосредственнымъ университетскимъ органомъ по училищнымъ дѣламъ признается особый училищный комитетъ, образующійся, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ шести ежегодно избираемыхъ совѣтомъ ординарныхъ профессоровъ, съ секретаремъ изъ адъюнктовъ или магистровъ; для дѣлъ текущихъ и не представляющихъ особой важности, комитетъ выдѣляетъ постоянное присутствіе изъ ректора, какъ предсѣдателя, и двухъ ежемѣсячно смѣняющихся членовъ, которое регулярно и засѣдаетъ не рѣже двухъ разъ въ недѣлю (§§ 162, 173 и 174).

Училищный комитетъ пользуется весьма значительными полномочіями въ дѣлѣ управленія училищами округа. Онъ получаетъ отъ губернскихъ директоровъ донесенія и полугодичныя вѣдомости о состояніи училищъ, хозяйственные отчеты по управленію ими, даетъ директорамъ предписанія и необходимыя руководящія указанія и разъясненія, въ наиболѣе серьезныхъ случаяхъ доводя свои дѣйствія и мнѣнія на усмотрѣніе университетскаго совѣта. Комитетъ наблюдаетъ за „способностями, прилежаніемъ и благонравіемъ" учителей округа, представляетъ достойныхъ изъ нихъ къ наградамъ, неисправнымъ дѣлаетъ замѣчанія, входитъ въ

совѣтъ университета съ представленіями объ удаленіи недостойныхъ учителей отъ должности, временно или навсегда; всѣ подобнаго же рода представленія, касающіяся директоровъ училищъ, направляются комитетомъ, черезъ совѣтъ, на усмотрѣніе попечителя округа. Комитетъ ежегодно представляетъ университетскому совѣту подробный отчетъ о состояніи училищныхъ дѣлъ по округу, а совѣтъ, въ свою очередь, представляетъ эти отчеты, черезъ попечителя округа, на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Университетскому училищному комитету подчиняются, черезъ директоровъ училищъ, и всѣ пансіоны и другія частныя учебныя заведенія округа (§§ 163, 164, 165, 167—170, 172—174).

Уставъ 1804 года указываетъ и одинъ непосредственный путь къ ознакомленію университета съ дѣйствительнымъ состояніемъ училищнаго дѣла въ округѣ, разсчитанный на восполненіе тѣхъ канцелярско-формальныхъ данныхъ, которыя представляли собою сухіе директорскіе отчеты. Это — такъ называемыя визитаціи (ревизіи) училищъ, періодически предпринимавшіяся, по опредѣленіямъ совѣта, какъ членами училищнаго комитета, такъ и другими представителями университета. Сущность этихъ училищныхъ визитацій выясняется § 166-мъ университетскаго устава:

„Совѣтъ,—читаемъ здѣсь,—посылаетъ ежегодно визитаторовъ изъ членовъ комитета или другихъ профессоровъ, поручая каждому одну или двѣ губерніи, по мѣстному положенію, для осмотра, и снабжаетъ путевыми деньгами изъ положенной штатомъ суммы (5 тыс. рублей). Визитаторы, исполнивъ всѣ статьи наставленія своего и присоединивъ собственныя замѣчанія, представляютъ описаніе осмотра училищному комитету, который, по сочиненіи изъ нихъ общаго систематическаго извлеченія, вноситъ съ мнѣніемъ своимъ въ общее собраніе (т. е. совѣтъ), а оный доводитъ надлежащимъ образомъ до свѣдѣнія начальства“.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что эти визитаціи училищъ принесли въ свое время весьма значительную долю пользы и училищному дѣлу, вообще, и училищному персоналу, и дѣлу изученія мѣстнаго края. Въ первомъ отношеніи весьма важное значеніе представляло ознакомленіе визитаторовъ съ нуждами училищнаго дѣла непосредственно, изъ первыхъ рукъ, на мѣстахъ,—ознакомленіе, которое не могло быть замѣнено никакими оффиціальными рапортами и отчетами; снабженные широкими полномочіями, университетскіе делегаты во-очію знакомились съ образовательными потребностями данной мѣстности, въ связи съ уровнемъ и направленіемъ ея общественности, съ отношеніемъ къ

учебному дѣлу различныхъ слоевъ и элементовъ мѣстнаго общества, лично удостовѣрялись въ педагогическихъ и нравственныхъ достоинствахъ учителей, въ успѣхахъ учащихся, освѣдомлялись въ потребностяхъ школьнаго дѣла и т. п. Для училищнаго персонала университетскія визитаціи представляли тотъ интересъ, что давали ему возможность лично свидѣтельствовать передъ университетомъ о своихъ духовныхъ и матеріальныхъ потребностяхъ, искать передъ нимъ защиту противъ проявленій гнета и самодурства со стороны представителей полукультурнаго провинціальнаго общества, поддерживали духовную связь между медвѣжьими уголками обширнаго казанскаго округа и его центральнымъ очагомъ просвѣщенія— университетомъ, хотя изрѣдка, да внося живой лучъ свѣта въ мрачную атмосферу далекихъ училищныхъ захолустій необъятнаго русскаго востока... Благотворное вліяніе училищныхъ визитацій на успѣхи изученія мѣстнаго края, какъ въ его прошедшемъ, такъ и настоящемъ, мы въ своемъ мѣстѣ уже имѣли случай отмѣтить. И, дѣйствительно, большая часть визитаторовъ возвращались изъ своихъ поѣздокъ по округу обогащенными тѣми или другими новыми свѣдѣніями или данными историко-археологическаго, этнографическаго или естественно-историческаго характера; такъ, мы уже знаемъ, что именно поѣздки его по округу, въ качествѣ визитатора, дали проф. Ѳ. Х. Эрдману богатый матеріалъ для его извѣстнаго труда: „Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland“ *.

Намъ хорошо знакомо то, почти зачаточное, состояніе, въ какомъ открылся въ февралѣ 1805 года казанскій университетъ—безъ выборныхъ органовъ самоуправленія, безъ раздѣленія на факультеты, безъ ряда учрежденій, опредѣленныхъ для него уставомъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ не былъ на первыхъ порахъ организованъ и училищный комитетъ, что сразу же поставило въ противорѣчіе положеніе университета въ округѣ по уставу—съ положеніемъ его въ немъ въ дѣйствительности, создавъ крайне неопредѣленное отношеніе между училищами и университетомъ. Оффиціально оповѣщенныя о послѣдовавшемъ открытіи университета и руководствуясь уставомъ, училищныя начальства стали направлять текущія дѣла на имя университета, что вызывало недоумѣніе въ совѣтѣ, который и обратился по этому поводу къ попечителю за разъясненіемъ; послѣднее и воспослѣдовало въ томъ смыслѣ, что бы „впредь до полнаго открытія университета всѣ донесенія подобнаго рода поступали на его, попечителя, разрѣшеніе“ **. Въ противность высочайше дарованному уставу, колле-

* См. томъ I, стр, 68 и 264.

** Тамъ же, стр. 67.

гіальная компетентность университета въ области училищныхъ отношеній совершенно парализовалась, такимъ образомъ, единоличною властью и усмотрѣніемъ попечителя. Такое неопредѣленное положеніе вещей продолжалось почти до самаго конца попечительства Румовскаго и только за десять мѣсяцевъ до его кончины, именно 19 сентября 1811 года, министромъ народнаго просвѣщенія было разрѣшено въ положительномъ смыслѣ представленіе относительно открытія при казанскомъ университетѣ училищнаго комитета. Мы едва ли ошибемся, высказавъ предположеніе, что ближайшимъ мотивомъ ходатайства Румовскаго объ открытіи этого комитета явилось чувство утомленія, которое такъ часто высказывалось престарѣлымъ попечителемъ въ послѣдніе годы его жизни, и связанное съ нимъ желаніе сбросить съ своихъ плечъ нелегкое бремя училищныхъ заботъ и училищнаго дѣла. Весьма характерно, что открытый съ осени 1811 года училищный комитетъ былъ организованъ все же не на основаніи университетскаго устава: взамѣнъ положенныхъ по уставу шести выборныхъ отъ совѣта членовъ, въ составъ вновь открытаго комитета вошли шесть членовъ по назначенію самого министра, именно профессоры: Германъ, Броннеръ, Френъ, Финке, Томасъ и Городчаниновъ; предсѣдателемъ комитета назначенъ, конечно, профессоръ-директоръ Яковкинъ. Одновременно съ открытіемъ училищнаго комитета сдѣлано было распоряженіе, что бы директоры училищъ по всѣмъ текущимъ дѣламъ относились впредь въ училищный комитетъ, за исключеніемъ, и то только временно, отчетныхъ и денежныхъ вѣдомостей, которыя, въ видахъ предстоящаго составленія общаго отчета, велѣно было до наступленія 1812 года доставлять, по прежнему, на имя самого попечителя [78].

Такъ сформировался первый составъ училищнаго комитета, въ которомъ, какъ мы видимъ, иностранный элементъ университета имѣлъ рѣшительное преобладаніе. За исключеніемъ предсѣдателя Яковкина и члена Городчанинова, весь остальной составъ этого учрежденія явился иностраннымъ—обстоятельство, которое, въ практическомъ отношеніи, должно было представить весьма крупныя неудобства, обусловленныя уже самыми задачами дѣятельности вновь открытаго учрежденія, требовавшими постоянныхъ сношеній съ русскимъ провинціальнымъ училищнымъ міромъ; здѣсь уже невозможными представлялись дѣлопроизводство и переписка на латинскомъ или иностранныхъ языкахъ, что въ весьма широкихъ размѣрахъ практиковалось въ то время въ дѣлахъ собственно университетскихъ. Такое же преобладающее значеніе удержала за собою иностранная партія совѣта и при выборахъ осенью 1813 года, произведенныхъ въ виду пред-

стоявшаго полнаго открытія университета и уже во всемъ согласныхъ съ уставомъ 5-го ноября 1804 года: изъ шести мѣстъ членовъ училищнаго комитета пять мѣстъ достались иностранцамъ (Бартельсъ, Броннеръ, Литтровъ, Реннеръ и Эрихъ); если примемъ во вниманіе, что и предсѣдателемъ комитета дѣлался иностранецъ (ректоръ Браунъ), то окажется, что за чисто-русскимъ элементомъ осталось въ комитетѣ только одно мѣсто (Городчаниновъ). При выборахъ 1815 года уже весь составъ училищнаго комитета оказался иностраннымъ (Бартельсъ, Брейтенбахъ, Броннеръ, Реннеръ, Цеплинъ, Эрихъ и предсѣдатель Браунъ). Ненормальность такого состава училищнаго комитета невольно била собою въ глаза и даже самъ попечитель Салтыковъ, не взирая на свою благосклонность къ иностранцамъ, 3-го апрѣля 1816 года, въ виду приближенія новыхъ выборовъ членовъ комитета, поставилъ ректору на видъ необходимость лучшей организаціи комитета, „коего важное неудобство проистекаетъ отъ членовъ онаго, по невѣдѣнію россійскаго языка“, въ виду чего онъ и рекомендовалъ обратить при наступающихъ выборахъ вниманіе на то, „дабы сей комитетъ составленъ былъ изъ русскихъ чиновниковъ или иностранцевъ, знающихъ русскій языкъ и привыкшихъ къ теченію дѣлъ“. Попечительское указаніе достигло цѣли и на 1816—1817 учебный годъ училищный комитетъ сдѣлался, по своему составу, уже почти на половину русскимъ (бар. Врангель, Никольскій, Солнцевъ, Бартельсъ, Броннеръ, Фуксъ и предсѣдатель Браунъ), а при выборахъ 1818 года русскими профессорами, за исключеніемъ предсѣдателя, ректора Брауна, оказались замѣщенными всѣ мѣста членовъ училищнаго комитета (бар. Врангель, Лобачевскій Н., Никольскій, Перевощиковъ, Солнцевъ и Юнаковъ) *.

Далеко нелегкая задача выпала на долю университетскаго училищнаго комитета уже съ самаго открытія его въ концѣ 1811 года. Не говоря о крайне индифферентномъ отношеніи къ школьному дѣлу со стороны общества, о печальной и скудной постановкѣ училищъ, о неподготовленномъ и нерѣдко весьма сомнительныхъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ качествъ училищномъ персоналѣ, самое количество училищъ представлялось въ предѣлахъ громаднаго казанскаго учебнаго округа слишкомъ незначительнымъ, требовавшимъ неусыпной созидательной работы какъ со стороны высшихъ органовъ учебнаго вѣдомства, такъ и со стороны университета, на который возлагалось „особенное и неутомимое“ попеченіе и „надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ“.

---

* См. томъ II, стр. 110.

Постараемся же въ возможно сжатыхъ чертахъ охарактеризовать итоги этой созидательной миссіи казанскаго университета, которые краснорѣчивѣе всего покажутъ намъ историко-статистическія данныя относительно учебныхъ заведеній округа за время вѣданія ими казанскаго университета.

Въ моментъ открытія казанскаго университета, обширный учебный округъ его, раскинувшійся на необъятныя протяженія отъ рѣкъ Оки и Цны—до крайнихъ предѣловъ восточной Сибири, отъ верховьевъ рѣкъ Камы и Вятки — до каспійскаго побережья и до подножія кавказскаго хребта, насчитывалъ въ своемъ вѣданіи всего лишь сорокъ два учебныхъ заведенія, слѣдующія именно *:

а) Двѣ гимназіи—казанскую (возстановленную въ 1798 г. и находившуюся, какъ мы знаемъ, на совершенно особенномъ положеніи) и пензенскую (основанную 10 апрѣля 1804 г.—губернскую).

б) Одиннадцать главныхъ народныхъ училищъ, основанныхъ въ концѣ XVIII вѣка, еще на основаніи училищнаго устава 1786 года: казанское, пермское, вятское, нижегородское, саратовское, тамбовское, астраханское, оренбургское, симбирское, тобольское и иркутское.

в) Двадцать девять малыхъ народныхъ училищъ, основанныхъ тогда же и на основаніи того же устава:

1) Въ казанской губерніи—чебоксарское, козьмодемьянское, ядринское и чистопольское.

2) Въ пермской губерніи—кунгурское, шадринское, ирбитское, екатеринбургское и соликамское.

3) Въ вятской губерніи—слободское, сарапульское, нолинское и котельническое.

4) Въ тамбовской губерніи—козловское, моршанское и елатомское.

5) Въ астраханской губерніи—черноярское.

6) Въ оренбургской губерніи—бузулукское, мензелинское и уфимское.

7) Въ пензенской губерніи—саранское.

8) Въ симбирской губерніи—алатырское.

9) Въ тобольской губерніи—тюменское, туринское и тарское.

* Въ нашъ перечень не вошли приходскія училища, число которыхъ было настолько незначительно, что оффиціальные отчеты объ нихъ почти и не упоминаютъ. Такъ, въ казанской губерніи два первыя приходскія училища, — ягодинское (подъ Казанью) и буртасовское (при с. Буртасахъ, цивильскаго у.),—возникли, и то по частному почину, лишь въ 1806 и 1807 годахъ, а по оффиціальнымъ даннымъ за 1817 годъ—во всемъ казанскомъ учебномъ округѣ ихъ было всего—девятнадцать!

10) Въ томской губерніи—томское, нарымское и енисейское.

11) Въ иркутской губерніи—верхнеудинское.

Новый уставъ училищъ былъ обнародованъ одновременно съ обнародованіемъ устава казанскаго университета,—5 ноября 1804 г.,—и на долю университета выпала задача реорганизаціи старой екатерининской училищной системы 1786 года во вновь созданную уставомъ 1804 года; эта реорганизація сводилась къ созданію, въ губернскихъ городахъ—гимназій, въ городахъ уѣздныхъ—уѣздныхъ училищъ, причемъ въ гимназіи предстояло преобразовать прежнія главныя народныя училища, въ уѣздныя училища—прежнія малыя народныя училища, основавъ вновь гимназіи и уѣздныя училища въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ вовсе не имѣлось на лицо учебныхъ заведеній стараго екатерининскаго типа. Къ только что указаннымъ задачамъ и свелась созидающая роль казанскаго университета въ пору завѣдыванія имъ (1805—1828 г.г.) учебными дѣлами округа.

Прослѣдимъ же, въ самыхъ краткихъ чертахъ, дѣятельность казанскаго университета въ только что указанномъ направленіи, причемъ мы расположимъ нашъ обзоръ по губерніямъ,—въ той самой хронологической постепенности, въ какой совершалось преобразованіе въ нихъ училищнаго дѣла.

I. Нашъ обзоръ долженъ начаться съ пензенской губерніи, на долю которой выпала честь открытія старѣйшей, послѣ казанской, гимназіи казанскаго учебнаго округа. Открытіе пензенской гимназіи на десять мѣсяцевъ опередило собою фактическое открытіе казанскаго университета и произошло, такимъ образомъ, совершенно отъ этого послѣдняго самостоятельно. Въ началѣ XIX столѣтія въ г. Пензѣ существовало главное народное училище, основанное здѣсь еще въ 1786 году, которому и было суждено въ 1804 году преобразоваться въ гимназію при обстоятельствахъ, слѣдующимъ образомъ возстановляемыхъ относящимися къ этому событію архивными данными казанскаго университета. Въ исходѣ 1801 года Ф. Л. Вигелемъ, назначеннымъ мѣстнымъ гражданскимъ губернаторомъ, производилось возстановленіе пензенской губерніи, передъ тѣмъ включенной въ составъ губерніи саратовской. По этому поводу „благородное дворянство пензенской губерніи,—читаемъ въ письмѣ Вигеля къ министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому отъ 22 декабря 1802 года,—движимо будучи живѣйшими чувствованіями всеобщаго порадованія и споспѣшествуя заводимымъ въ то время военнымъ дворянскимъ училищамъ“, предположило основать такое же военное училище и въ г. Пензѣ, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 90 тыс. рублей. Прежде, однако, не-

жели успѣло это предначертаніе осуществиться, стало извѣстнымъ, что въ г. Пензѣ намѣчено учрежденіе гимназіи и Вигелю, совмѣстно съ губернскимъ предводителемъ дворянства Е. П. Чемесовымъ и директоромъ мѣстныхъ училищъ Захарьинымъ, удалось убѣдить пензенское дворянство ассигновать средства, вмѣсто учрежденія военнаго училища, на учрежденіе гимназіи. Принявъ во вниманіе, что учрежденіемъ гимназіи „открытъ будетъ свободный путь и къ образованію благороднаго юношества не токмо бѣдныхъ, но и посредственныхъ дворянъ, лишенныхъ способовъ отъ недостатка иногда содержать учителей, а иногда и немогущихъ найтить къ сему способныхъ", происходившій осенью 1802 года съѣздъ уѣздныхъ предводителей постановилъ вносить ежегодно на содержаніе въ г. Пензѣ гимназіи по 2250 рубл. изъ процентовъ съ дворянскаго капитала, съ тѣмъ, что бы мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія съ своей стороны ежегодно вносилъ на тотъ же предметъ по 3 тыс. рубл., что и должно было образовать ежегодную сумму въ 5250 рублей, положенную на содержаніе одной гимназіи.

Разрѣшеніе министерства на учрежденіе пензенской гимназіи, въ смыслѣ преобразованія въ нее уже раньше существовавшаго пензенскаго главнаго народнаго училища, не замедлило воспослѣдовать и начались подготовленія къ предстоящему открытію гимназіи: ремонтъ бывшаго зданія главнаго народнаго училища *, на что потребовалась особая ассигновка средствъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, выборъ учителей, составленіе росписанія учебныхъ занятій, пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и т. п.; не замедлила возникновеніемъ и переписка по поводу средствъ, ассигнованныхъ къ отпуску пензенскимъ дворянствомъ и приказомъ общественнаго призрѣнія, которыя,—какъ это хроническимъ образомъ бывало и во всѣхъ другихъ случаяхъ подобнаго же рода,—стали отпускаться въ высшей степени неаккуратно. Какъ бы то ни было, но уже 10-го апрѣля 1804 года совершилось торжественное открытіе пензенской гимназіи согласно ритуалу, подробно сообщенному директоромъ Захарьинымъ попечителю округа С. Я. Румовскому при донесеніи отъ 12-го апрѣля того же года. Этотъ ритуалъ открытія старѣйшей губернской гимназіи казанскаго учебнаго округа близко напоминаетъ собою обстановку и всѣхъ другихъ торжествъ аналогичнаго рода: здѣсь имѣются на лицо и высокопарныя

* Фасадъ и планы этого стараго зданія пензенской гимназіи, помѣщавшагося на углу Троицкой и Никольской улицъ, приложены къ дѣлу объ открытіи гимназіи. Въ этомъ зданіи гимназія помѣщалась до второй половины 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія; въ этомъ зданіи учился и пишущій эти строки.

рѣчи, произнесенныя директоромъ Захарьинымъ и учителями Куликовымъ, Базилевымъ, Лабинскимъ и Лебедевымъ, и неизбѣжный кантъ, пропѣтый на актѣ открытія гимназіи, и, наконецъ „обѣденный столъ" для приглашенныхъ почетныхъ гостей. Подробное описаніе торжества 10 апрѣля, съ подлинными текстами всѣхъ произнесенныхъ рѣчей и пропѣтаго канта, сохранилось въ архивномъ дѣлѣ объ открытіи пензенской гимназіи [79].

Дальнѣйшими мѣропріятіями по устройству училищнаго дѣла въ пензенской дирекціи явились, въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, слѣдующія: а) основаніе вновь пензенскаго уѣзднаго училища (7-го марта 1807 г.), б) образованіе саранскаго уѣзднаго училища (преобразовано 30-го августа 1807 г. изъ бывшаго малаго народнаго училища), в) основаніе вновь краснослободскаго уѣзднаго училища (15-го сентября 1808 г.), г) основаніе вновь чембарскаго уѣзднаго училища (въ 1819 г.), а также д) училища нижнеломовскаго (въ 1820 г.).

II. Если старѣйшая губернская гимназія была основана на западной окраинѣ казанскаго учебнаго округа, то вторая по старшинству губернская гимназія была основана на дальней восточной окраинѣ его—въ г. Иркутскѣ, преобразованная изъ открытаго здѣсь еще въ 1789 году главнаго народнаго училища. Въ началѣ 1805 года попечитель казанскаго учебнаго округа Румовскій вошелъ въ главное правленіе училищъ съ представленіемъ относительно преобразованія иркутскаго главнаго народнаго училища въ гимназію, съ основаніемъ здѣсь же уѣзднаго училища и училища приходскаго — „для первоначальныхъ предметовъ". Представленіе это было 31 іюля разрѣшено и 12-го ноября 1805 года состоялось торжество открытія иркутской гимназіи, подробно описанное директоромъ Е. Ф. Кранцемъ въ рапортѣ попечителю отъ 21 ноября того же года, къ подлинному тексту котораго мы и отсылаемъ интересующихся подробностями этого событія; и здѣсь имѣлись на лицо рѣчи, иллюминація и неизбѣжное „угощеніе посѣтителей", предложенное градскимъ головою Мыльниковымъ [80].

Дальнѣйшее движеніе училищнаго дѣла въ иркутской дирекціи представляется въ слѣдующемъ видѣ: 12-го ноября 1805 года, одновременно съ открытіемъ гимназіи, было открыто здѣсь и иркутское уѣздное училище; въ 1806 году (9 іюня) было преобразовано въ уѣздное училище верхнеудинское малое народное училище, затѣмъ вновь открыты уѣздныя училища: якутское (3 февраля 1808 г.), троицкосавское (15 сентября 1812 г.), нерчинское (30 августа 1811 г.), киренское (5 іюля 1814 г.) и нижнеудинское (8 ноября 1817 г.).

III. Третьею губернскою гимназіею, открытою въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа, явилась—астраханская, также преобразованная изъ главнаго народнаго училища, основаннаго здѣсь еще въ царствованіе императрицы Екатерины II. Вопросъ объ открытіи въ г. Астрахани гимназіи былъ поставленъ на очередь уже въ началѣ 1805 года, что находитъ себѣ, быть можетъ, объясненіе въ томъ широкомъ развитіи, какое получило здѣсь главное народное училище, въ которомъ было введено даже преподаваніе восточныхъ языковъ (арабскаго, турецкаго, персидскаго, татарскаго, калмыцкаго и армянскаго) и въ которомъ уже при самомъ открытіи его въ 1787 году оказалось 98 учениковъ; настоятельность открытія въ г. Астрахани гимназіи вызывалась и отдаленностью этого города отъ немногочисленныхъ еще въ ту пору центровъ русскаго просвѣщенія. Еще въ началѣ 1805 г. совѣтникъ астраханскаго губернскаго правленія, казанецъ А. И. Лохтинъ, въ письмѣ къ попечителю Румовскому отъ 2 марта выражалъ пожеланіе, дабы его, попечителя, „патріотическимъ попеченіемъ могла быть открыта здѣшняя гимназія, которой осуществленіе по великости и отдаленности отъ прочихъ города Астрахани крайне нужно, и тѣмъ нужнѣе, что здѣсь нѣтъ ни одного ни казеннаго, ни партикулярнаго учителя иностранныхъ языковъ“; Лохтинъ добавлялъ, что „многіе чиновники и граждане, имѣющіе дѣтей, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ исполненія благотворныхъ предположеній правительства“ и что попечитель сдѣлалъ бы всѣмъ астраханцамъ „величайшую милость, поспѣшивъ устроить гимназію“. Отвѣчая на это письмо, Румовскій обѣщалъ не замедлить открытіемъ астраханской гимназіи и попечительское обѣщаніе не осталось тщетнымъ: согласно представленію Румовскаго, еще 24 іюня 1805 года на должность директора астраханскихъ училищъ и астраханской гимназіи былъ опредѣленъ колл. ассес. С. А. Логвиновъ и тогда же была разрѣшена къ отпуску штатная сумма въ 5650 рубл., опредѣленная на содержаніе гимназіи. Любопытно, что уже съ лѣта 1805 г. какъ самъ Логвиновъ сталъ именоваться директоромъ „астраханской гимназіи“, такъ и подчиненное ему главное народное училище начало называться „астраханскою гимназіею“, хотя формальное открытіе этой послѣдней послѣдовало лишь 29-го іюля 1806 года, съ каковаго времени это учебное заведеніе и числитъ свое оффиціальное существованіе. Отправленное согласно традиціонному ритуалу того времени, торжество открытія астраханской гимназіи подробно описано въ сохранившемся донесеніи директора Логвинова [81].

Дальнѣйшіе успѣхи дѣла народнаго образованія въ предѣлахъ астраханской дирекціи не могутъ быть признаны особенно широкими. Въ об-

ласти занимающей насъ эпохи они выразились лишь въ воспослѣдовавшемъ 27 іюня 1811 года преобразованіи въ уѣздное училище бывшаго черноярскаго (существовавшаго съ 1792 г.) малаго народнаго училища и въ открытіи 28-го мая тоже года вновь основаннаго астраханскаго уѣзднаго училища.

IV. Нижегородская гимназія, преобразованная изъ мѣстнаго главнаго народнаго училища, явилась четвертою, въ хронологическомъ порядкѣ, губернскою гимназіею, открытою въ казанскомъ учебномъ округѣ. Вопросъ объ ея открытіи былъ поднятъ еще въ началѣ 1805 года, но цѣлыхъ три года ушли на переписку объ устройствѣ для нея помѣщенія, о подборѣ преподавательскаго персонала и т. п. Торжественное открытіе нижегородской гимназіи послѣдовало лишь 12-го марта 1808 года [82].

Реорганизація училищнаго дѣла представляется въ нижегородской губерніи весьма интенсивною. Въ одинъ годъ съ открытіемъ гимназіи, т. е. въ 1808 году, состоялось основаніе здѣсь шести уѣздныхъ училищъ: нижегородскаго (12 марта), арзамасскаго (въ тотъ же день), горбатовскаго (25 марта), балахнинскаго (21 іюня), семеновскаго (18 октября) и макарьевскаго (21 ноября); въ 1816 году (30 августа) послѣдовало основаніе ардатовскаго, въ 1818 году — васильсурскаго уѣздныхъ училищъ.

V. Пятою по старшинству губернскою гимназіею казанскаго учебнаго округа явилась—пермская гимназія, также преобразованная изъ главнаго народнаго училища, существовавшаго здѣсь съ 22-го сентября 1786 года. Торжественное открытіе этой гимназіи, описанное въ донесеніи попечителя главному правленію училищъ отъ 10-го августа, послѣдовало 29 іюня 1808 года [83].

Ко времени открытія пермской гимназіи, въ предѣлахъ пермской губерніи имѣлись пять малыхъ народныхъ училищъ, одновременно открытыхъ 24-го ноября 1789 года, изъ которыхъ въ ближайшіе годы и были преобразованы въ уѣздныя училища: шадринское (12 дек. 1812 г.), кунгурское (30 авг. 1816 г.), ирбитское (22 іюля 1820 г.), екатеринбургское (30 авг. 1820 г.) и соликамское (6 дек. 1820 г.); затѣмъ вновь открыты уѣздныя училища пермское (1 окт. 1811 г.) и чердынское (23 дек. 1820 г.).

VI. Симбирская губернская гимназія была шестымъ учебнымъ заведеніемъ этого типа, возникшимъ въ казанскомъ учебномъ округѣ. Эта гимназія, открытая 12-го декабря 1809 года, была также преобразована изъ главнаго народнаго училища, существовавшаго здѣсь уже съ 22-го

сентября 1786 года. Единственное малое народное училище губерніи—алатырское, основанное въ 1787 г., было преобразовано въ уѣздное училище въ 1816 году; затѣмъ вновь открыты были слѣдующія уѣздныя училища: симбирское (27 апр. 1811 г.), ставропольское (въ 1816 г.) и карсунское (1 іюля 1818 г.).

VII. Седьмою по времени ея открытія губернскою гимназіею округа выступаетъ тобольская гимназія, основанная 12-го марта 1810 года, взамѣнъ университета, намѣченнаго къ учрежденію въ г. Тобольскѣ „предварительными правилами народнаго просвѣщенія" и для котораго, извѣстнымъ меценатомъ того времени и учредителемъ ярославскаго училища высшихъ наукъ, П. Г. Демидовымъ былъ еще въ 1805 г. вложенъ капиталъ въ 50 тыс. рублей. Слѣдомъ за открытіемъ тобольской гимназіи министръ нар. просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій вошелъ съ Демидовымъ въ переговоры относительно обращенія этого капитала,—въ виду того, что „учрежденіе сего университета по многимъ причинамъ вскорѣ послѣдовать не можетъ",—на нужды вновь открытой гимназіи; Демидовъ изъявилъ свое согласіе, 5-го августа 1810 года воспослѣдовало на то и высочайшее соизволеніе, но предположеніе это не осуществилось: извѣстно, что демидовскій капиталъ, втрое увеличившійся наросшими на него процентами, былъ въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія использованъ на учрежденіе томскаго университета [84].

Дальнѣйшее открытіе училищъ пошло въ тобольской училищной дирекціи весьма успѣшно. Въ ближайшіе годы здѣсь были открыты слѣдующія уѣздныя училища: тобольское (преобразовано 20-го янв. 1811 г. изъ существовавшаго съ 1789 г. тобольскаго главнаго народнаго училища), тарское (преобразовано 15 сент. 1817 г. изъ малаго народнаго училища), ишимское (вновь основано 1 окт. 1817 г.), курганское (тоже, 7 окт. 1817 г.), ялуторовское (тоже, 21 окт. 1817 г.), тюменское (преобразовано 28 окт. 1817 г. изъ малаго народнаго училища), туринское (тоже, 4 ноября 1817 г.) и березовское (вновь основано 30 окт. 1818 г.).

VIII. 20-го ноября 1811 года послѣдовало открытіе вятской гимназіи—восьмой по старшинству губернской гимназіи округа, преобразованной изъ существовавшаго въ г. Вяткѣ съ 22-го сентября 1786 г. главнаго народнаго училища.

Дальнѣйшее открытіе здѣсь уѣздныхъ училищъ, за исключеніемъ елабужскаго уѣзднаго училища, открытаго въ губерніи даже раньше гимназіи (25 іюля 1809 г.), шло въ слѣдующемъ порядкѣ: вятское (вновь основано 29 февраля 1812 г.), сарапульское (преобразовано

25 февр. 1817 г. изъ малаго народнаго училища), яранское (вновь основано 12 дек. 1817 г.) и слободское (преобразовано 17 іюня 1819 г. изъ малаго народнаго училища).

IX. Саратовская гимназія является девятою и послѣднею губернскою гимназіею, открытою въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа за время вѣданія университетомъ училищныхъ дѣлъ его; она была 30 августа 1820 года преобразована изъ имѣвшагося въ г. Саратовѣ съ 1786 г. главнаго народнаго училища. Всѣ три уѣздныя училища саратовской губерніи, относящіяся къ интересующей насъ эпохѣ, предварили собою основаніе гимназіи, будучи преобразованы въ 1818 году изъ существовавшихъ уже здѣсь (съ 1815 г.) трехъ приходскихъ училищъ: саратовскаго, камышинскаго и царицинскаго.

До сихъ поръ мы говорили о развитіи учебнаго дѣла въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были основаны гимназіи и въ которыхъ губернскія дирекціи училищъ были, слѣдовательно, организованы на точномъ основаніи училищнаго устава 1804 года. Но въ составъ казанскаго учебнаго округа входили еще четыре губерніи, остававшіяся въ теченіи интересующей насъ эпохи въ переходномъ, съ точки зрѣнія организаціи въ нихъ училищнаго дѣла, положеніи. Это именно губерніи: тамбовская, кавказская, оренбургская и томская, на состояніи въ которыхъ дѣла народнаго образованія мы также должны остановиться.

X. Мы уже знаемъ, что тамбовская губернія вошла въ составъ вновь образованнаго казанскаго учебнаго округа съ четырьмя учебными заведеніями еще екатерининскаго типа — главнымъ народнымъ училищемъ (въ г. Тамбовѣ) и тремя малыми народными училищами (козловскимъ, моршанскимъ и елатомскимъ), изъ которыхъ два—козловское и моршанское—были въ 1819 году преобразованы въ уѣздныя училища и, сверхъ того, открыто еще одно новое—темниковское (въ 1819 г.). Въ началѣ двадцатыхъ годовъ тамбовская губернія была отчислена отъ казанскаго учебнаго округа и дальнѣйшее развитіе въ ней училищнаго дѣла интересовать насъ уже не можетъ.

XI. Кавказская губернія, при учрежденіи учебныхъ округовъ также причисленная къ казанскому округу, долго оставалась безъ училищъ: только 30 августа 1811 года основано здѣсь было первое уѣздное училище—ставропольское, къ которому въ началѣ двадцатыхъ годовъ присоединились еще вновь основанныя уѣздныя училища кизлярское, моздокское и георгіевское. Въ самомъ концѣ 1824 года кавказская губернія также отошла отъ казанскаго учебнаго округа, будучи причислена къ округу харьковскому.

XII. Въ годъ своего включенія въ составъ казанскаго учебнаго округа оренбургская губернія уже имѣла четыре училища, основанныя въ царствованіе императрицы Екатерины II: оренбургское главное народное училище (открытое 10 іюля 1789 г., въ г. Уфѣ, и 10 іюля 1797 г. переведенное въ Оренбургъ) и три малыя народныя училища, впослѣдствіе преобразованныя въ училища уѣздныя: бузулукское—12 авг. 1817 г., мензелинское—23 авг. 1817 г. и уфимское—6 дек. 1818 года. Гимназія открыта въ г. Уфѣ лишь въ 1828 году, войдя уже въ новый училищный строй, въ силу котораго училища округа оказались изъятыми изъ подъ вѣдѣнія университета.

XIII. Томская губернія вошла въ составъ казанскаго учебнаго округа съ тремя малыми народными училищами, учрежденными еще на основаніи училищнаго устава 1786 года и преобразованными въ училища уѣздныя: томское—2 іюля 1811 г., нарымское—въ февралѣ 1819 г., енисейское—7 янв. 1821 года; вновь открыто, сверхъ того, красноярское уѣздное училище (28 сент. 1819 г.).

Къ началу 1821 года въ вѣдѣніи казанскаго университета находилось, такимъ образомъ, слѣдующее количество учебныхъ заведеній округа:

Гимназій . . . . 10.
Главныхъ народныхъ училищъ . . . . 3.
Малыхъ народныхъ училищъ . . . . 5.
Уѣздныхъ училищъ. . . . . 60.

Сверхъ того, по свѣдѣніямъ, относящимся къ концу 1823 года, въ округѣ числилось приходскихъ училищъ . . . . 43 *.

По даннымъ, относящимся къ 1828 году, т. е. какъ разъ къ эпохѣ изъятія училищъ округа изъ вѣдѣнія казанскаго университета, количество учебныхъ заведеній округа представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Гимназій (прибавилась уфимская) . . . . 11.
Главное народное училище (казанское) . . . . 1.
Уѣздныхъ училищъ. . . . . 77.
Приходскихъ училищъ . . . . 54 [85].

Нашъ историко-статистическій очеркъ начальнаго развитія училищнаго дѣла въ казанскомъ учебномъ округѣ былъ бы не полонъ, если бы

* Свѣдѣнія объ этихъ приходскихъ училищахъ, даваемыя оффиціальными архивными данными, представляются въ высшей степени сбивчивыми и неясными; многія изъ этихъ училищъ не имѣли даже самостоятельнаго характера и были, въ сущности, «приготовительными классами» при училищахъ уѣздныхъ—названіе, которое имъ нерѣдко и присвоивалось, наряду съ наименованіемъ училищъ «приходскихъ».

мы не коснулись и нѣсколькихъ образовательныхъ начинаній болѣе или менѣе спеціальнаго назначенія, съ которыми приходилось имѣть дѣло университету и его училищному комитету.

Здѣсь мы, прежде всего, остановимся на образовательныхъ учрежденіяхъ этого рода, имѣвшихся на далекой восточной окраинѣ казанскаго учебнаго округа—въ иркутской губерніи. Это—„японскій классъ", „навигацкая школа" и бурятскія училища.

Японскій классъ возникъ первоначально при иркутскомъ главномъ народномъ училищѣ, въ которомъ уже въ 1790 г. было введено преподаваніе монгольскаго языка, въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII-го столѣтія. Въ 1791 г. въ Алеутскомъ морѣ потерпѣли крушеніе какіе то японцы; спасшіеся изъ нихъ были перевезены въ Иркутскъ, гдѣ двое изъ нихъ приняли христіанскую вѣру. Такъ какъ обоимъ новокрещенамъ тѣмъ самымъ отрѣзана была возможность возвращенія на родину, то, въ силу высочайшаго повелѣнія отъ 13-го сентября 1791 года, ихъ рѣшено было „употребить для обученія японскому языку, который при установленіи торговыхъ съ Японіею сношеній быть могъ весьма нуженъ". Впослѣдствіе, съ преобразованіемъ въ 1805 г. иркутскаго главнаго народнаго училища въ гимназію, этотъ „японскій классъ",—какъ его оффиціально называли,—былъ причисленъ къ послѣдней. Въ 1810 году въ этомъ классѣ числилось всего пять учениковъ, при одномъ учителѣ; онъ былъ упраздненъ предписаніемъ министра нар. просвѣщенія отъ 10-го іюня 1816 года [86].

Иркутская „навигацкая" школа представляетъ собою весьма любопытную попытку учрежденія въ восточной Сибири мореходнаго училища, въ интересахъ обслуживанія водъ нашего дальняго востока; эта попытка восходитъ къ самому началу второй половины XVIII столѣтія, на цѣлыхъ 33 года опередивъ собою общую училищную реформу императрицы Екатерины II. Съ происхожденіемъ и начальною постановкою этого училища лучше всего познакомитъ насъ слѣдующая выписка изъ дѣлъ иркутскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ 1805 г. составленная по требованію управленія казанскаго учебнаго округа:

„Заведеніе училища навигаціи въ Иркутскѣ началось,—читаемъ здѣсь,—по случаю представленія бывшаго сибирскаго губернатора Мятлева, въ 1753 году, о присылкѣ въ Сибирь геодезистовъ для вѣрнаго описанія рѣкъ Ингоды, Аргуни и Амура и снятія съ потребныхъ мѣстъ плановъ, по которому указомъ правительствующаго сената отъ 22-го іюня 1753 года повелѣно: для введенія въ Иркутскѣ, а больше въ Нерчинскѣ, навигацкой науки, школу нынѣ завесть, въ которой

обучать навигаціи тамошнихъ служилыхъ людей дѣтей и для того обученія адмиралтейской коллегіи опредѣлить изъ морской академіи двухъ учителей. Вслѣдствіе сего указа велѣно опредѣлять и содержать въ ономъ училищѣ дѣтей изъ здѣшнихъ служилыхъ, какъ то: дворянъ, сыновъ боярскихъ, морскихъ и адмиралтейскихъ служителей, солдатскихъ и казачьихъ—90 человѣкъ".

Такая же навигацкая школа, на 70 человѣкъ, была заведена и въ г. Нерчинскѣ, но, въ виду мѣстной „дороговизны всего нужнаго", уже вскорѣ упразднена, а ея ученики присоединены къ школѣ иркутской. Вотъ что сообщаетъ тотъ же документъ о дальнѣйшей судьбѣ какъ самой иркутской школы, такъ и ея абитуріентовъ:

„Иркутская навигацкая школа, до открытія намѣстничества въ 1783 году, была подъ главнымъ смотрѣніемъ находившагося здѣсь морскаго секундъ-маіора Татаринова, а послѣ его вошла въ завѣдываніе приказа общественнаго призрѣнія, подъ смотрѣніемъ и наукою губернскаго землемѣра. Изъ коихъ (т. е. изъ учениковъ школы) по окончаніи навигацкаго класса награждались геодезіи сержантами и командировались въ Охотскій портъ въ подштурманскую должность и производились тамъ въ штурманы, отправлялись начальниками на морскихъ казенныхъ и партикулярныхъ судахъ въ море и въ Сѣверную Америку для промысла, на компанейскихъ судахъ, морскихъ и островныхъ звѣрей"....

Съ 31-го мая 1795 года иркутская навигацкая школа была присоединена къ мѣстному главному народному училищу, откуда, по словамъ того же документа, „навигацкіе" ученики „выбывали къ землемѣрамъ въ помощники, иногда съ изрядными, а иногда съ самыми небольшими свѣдѣніями, а часто и невѣждами". Желающихъ поступать въ эти классы всегда оказывалось очень немного: „многіе удерживаются,—говорится въ донесеніи 1805 года, — отдавать своихъ дѣтей въ сію школу, боясь Охотскаго края и потому, что дѣти остаются въ семъ состояніи на всю жизнь невольниками: рѣдко выпускаютъ ихъ въ другое состояніе".... Въ 1810 году въ иркутскихъ навигацкихъ классахъ, съ преобразованіемъ главнаго народнаго училища въ гимназію присоединенныхъ къ этой послѣдней, числилось всего 24 ученика [87].

Начало иркутскихъ бурятскихъ инородческихъ училищъ относится къ лѣту 1804 года и было вызвано воспослѣдовавшимъ въ этомъ году всемилостивѣйшимъ объявленіемъ балаганскимъ и идинскому тайшамъ и шуленьгамъ (старшины бурятскаго народа) оберъ-офицерскихъ чиновъ. Благодарные за милость старѣйшины „при семъ случаѣ просили

г. гражданскаго губернатора дать имъ учителя для обученія дѣтей ихъ россійской грамотѣ". Трудно сказать, насколько принадлежало это начинаніе, въ дѣйствительности, бурятскимъ старѣйшинамъ, но уже 20-го іюля 1804 года состоялось открытіе перваго бурятскаго училища, въ которое было тогда же зачислено 16 учениковъ. Въ 1810 году въ вѣдѣніи иркутской дирекціи училищъ числились два бурятскихъ училища: онинское (хоринское) и балаганское [88].

Три другія училищныя начинанія особаго назначенія создались уже въ южной окраинѣ казанскаго учебнаго округа—въ городахъ Астрахани и Тифлисѣ. Это: астраханское іезуитское училище, астраханское же агабабовское армянское училище и тифлисскій благородный пансіонъ.

Астраханскій іезуитскій пансіонъ былъ учрежденъ въ 1807 году, при мѣстной католической церкви, патерами—суперіоромъ Іосифомъ Суринымъ, Мельхіоромъ Мальве и Генрихомъ Гильменомъ; принадлежа всѣ трое къ ордену іезуитовъ (причемъ первый изъ нихъ былъ природнымъ русскимъ уроженцемъ), эти лица вошли къ попечителю округа съ прошеніемъ относительно разрѣшенія имъ основанія въ Астрахани іезуитскаго пансіона, ссылаясь на то, что они „по своему ордену должны стараться быть полезными обществу воспитываніемъ юношества" и что они уже прилагаютъ свои знанія въ дѣлѣ обученія дѣтей въ домахъ именитыхъ мѣстныхъ гражданъ; при прошеніи былъ приложенъ и подробный планъ организаціи самаго пансіона. Ходатайство іезуитскихъ отцовъ встрѣтило горячую, начиная съ губернатора, поддержку со стороны вліятельныхъ кружковъ астраханскаго общества; одинъ изъ представителей послѣдняго писалъ Румовскому, что отцы-іезуиты „люди весьма добрые и знающіе, которые поведеніемъ своимъ заслужили здѣсь всеобщее почтеніе и довѣренность къ порученію имъ для наукъ лучшихъ здѣшнихъ домовъ дѣтей" и что онъ, попечитель—„много насъ изволитъ одолжить дозволеніемъ пансіона, какъ, напротивъ того, запрещеніемъ приведетъ въ отчаяніе, потому что здѣсь для языковъ нѣтъ другихъ учителей". 11-го октября того же года послѣдовало разрѣшеніе главнаго правленія училищъ на учрежденіе пансіона, который слѣдомъ за тѣмъ и былъ открытъ, просуществовавъ въ Астрахани до 1820 года [89].

Мѣры къ обезпеченію просвѣщенія для мѣстныхъ инородцевъ стали приниматься въ Астрахани довольно рано. Уже въ старомъ астраханскомъ народномъ училищѣ было введено преподаваніе, въ ряду другихъ предметовъ, также и восточныхъ языковъ, которое перешло, затѣмъ, и въ преобразованную изъ этого училища гимназію. Выдающимся начинаніемъ въ

томъ же направленіи явилось открытіе въ г. Астрахани Агабабовскаго армянскаго училища, въ 1810 году учрежденнаго на средства первой гильдіи купца изъ армянъ, Агабабова; руководимый стремленіемъ открыть путь къ образованію своимъ недостаточнымъ единоплеменникамъ, Агабабовъ пожертвовалъ для училища домъ, каменный гостиный дворъ и принялъ на свое содержаніе двѣнадцать бѣднѣйшихъ воспитанниковъ. Подвергнувшись позднѣйшимъ преобразованіямъ, агабабовское армянское училище продолжаетъ свое существованіе по настоящее время [90].

Тифлисскій благородный пансіонъ, основанный въ началѣ двадцатыхъ годовъ съ цѣлью образованія дѣтей мѣстнаго грузинскаго дворянства, уже вскорѣ послѣ своего учрежденія отошелъ, вмѣстѣ съ кавказскою дирекціею училищъ, изъ вѣдѣнія казанскаго учебнаго округа и казанскаго университета.

Положеніе города Казани, въ качествѣ центра приволжскаго мусульманства и бывшей столицы татарскаго царства, невольнымъ образомъ выдвигаетъ вопросъ объ отношеніяхъ казанскаго университета, какъ средоточія всего училищнаго дѣла мѣстнаго учебнаго округа, къ мусульманской школѣ и къ дѣлу просвѣщенія мѣстныхъ магометанъ. Извѣстно, что вопросъ о духовномъ просвѣщеніи мусульманъ уже весьма рано, слѣдомъ же за покореніемъ Казани, сталъ интересовать собою руководящія,—исключительно, впрочемъ, духовныя,—сферы казанской администраціи, то облекаясь въ формы непримиримаго преслѣдованія магометанства, какъ это было, напримѣръ, въ эпоху епископа Луки Конашевича, то зиждясь на началѣ вѣротерпимости и мирнаго духовнаго воздѣйствія на мусульманъ, не выходя, тѣмъ не менѣе, изъ рамокъ дѣятельности чисто-миссіонерской. Между тѣмъ среди казанскихъ мусульманъ сказывалось свое собственное просвѣтительное движеніе, имѣлась своя собственная школьная организація, ютившаяся при мечетяхъ и руководимая магометанскимъ духовенствомъ, при матеріальной поддержкѣ состоятельныхъ и вліятельныхъ представителей мѣстнаго татарскаго общества. Эта организація представлялась совершенною terra incognita для русской Казани и ею интересовались развѣ только представители зарождающейся казанской оріенталистики, каковыми были Фуксъ, Френъ, Эрдманъ, Ярцовъ. Не интересовалось татарскою школою и мѣстное учебное вѣдомство, хотя учрежденіе казанскаго учебнаго округа и связанное съ этимъ фактомъ оживленіе въ краѣ училищнаго дѣла сами собою выдвигали на очередь вопросъ о соотношеніи мусульманской школы къ общимъ вопросамъ и къ общей организаціи мѣстнаго образовательнаго дѣла.

Вопросъ о компетенціи университетскаго училищнаго комитета по отношенію къ татарскимъ училищамъ былъ впервые затронутъ весною 1816 года, по инициативѣ старшаго учителя казанскаго народнаго училища Пятова, вошедшаго по этому поводу въ училищный комитетъ съ обширнымъ представленіемъ отъ 15-го мая.

„Движимъ будучи усердіемъ къ мѣсту моего служенія и отечественному просвѣщенію,—писалъ здѣсь Пятовъ,—въ теченіи довольно долгаго времени неутомимое прилагалъ я стараніе къ познанію татарскихъ училищъ, находящихся въ городѣ Казани. Сколь ни скрытны бываютъ магометане здѣшніе въ подобныхъ случаяхъ, однако жъ сведенное мною знакомство съ одними изъ нихъ, ласковое обхожденіе съ другими и нѣкоторое знаніе татарскаго языка—открыли мнѣ средства привести въ извѣстность учебныя ихъ заведенія (краткое описаніе коимъ прилагаю при семъ), узнать учрежденія училищъ и мнѣнія самихъ татаръ о просвѣщеніи. Сколь мнѣ извѣстно, то всѣ казанскія татарскія училища получили начало свое одинаковымъ образомъ. Какой нибудь богатый татаринъ, изъ любви къ наукамъ, а чаще по обѣщанію, отдаетъ подъ училище свой домъ, приходскій мулла обыкновенно изъ усердія принимаетъ на себя добровольно званіе учителя, молодые магометане, узнавъ о семъ, изъявляютъ желаніе учиться—и, такимъ образомъ, является училище. Оныя содержатся добровольными пожертвованіями или иждивеніемъ учениковъ, изъ коихъ одни живутъ въ своихъ домахъ, а другіе, бѣднѣйшіе, квартируютъ въ самомъ училищномъ домѣ, гдѣ исправляютъ, нерѣдко, должность сторожей“.

Отмѣтивъ, далѣе, отсутствіе какого бы то ни было единства и порядка какъ въ организаціи, такъ и въ предметахъ преподаванія въ этихъ училищахъ, одностороннее, почти исключительно религіозное, направленіе этого послѣдняго, недостаточность учебныхъ пособій и воздавъ должное усердію муллъ, которые „отеческое прилагаютъ стараніе о обученіи юношей“, авторъ представленія приходитъ къ заключенію, что, вообще, „магометане имѣютъ ревность заниматься науками“, доказательствомъ чему и служатъ добровольно учрежденныя ими училища. Исходя, далѣе, изъ точки зрѣнія необходимости установленія разумной связи, „которая должна существовать между нашими и магометанскими учебными заведеніями“, Пятовъ приходитъ въ своемъ представленіи къ слѣдующему практическому выводу:

„И такъ, если университетъ,—сіе высшее наукъ училище,—приметъ подъ непосредственное свое покровительство татарскія училища, при употребленіи благоразумнѣйшихъ мѣръ относительно обращенія съ магометанами, то, кажется, можно будетъ впослѣдствіе ожидать много

хорошаго какъ для нашего отечества, такъ и для самихъ татаръ. Я говорю: при употребленіи благоразумнѣйшихъ средствъ,—добавляетъ авторъ представленія,—ибо при малѣйшей неосторожности можетъ у нихъ родиться недовѣріе къ нашимъ заведеніямъ и даже мысль, что подчиненность университету произведетъ вредное для ихъ вѣроисповѣданія послѣдствіе".

Къ этому представленію приложены: а) краткое описаніе татарскихъ училищъ, находящихся въ городѣ Казани, и б) списокъ книгъ (съ указаніемъ ихъ мусульманскихъ заглавій), по которымъ обучаютъ въ татарскихъ училищахъ.

Заслушавъ представленіе учителя Пятова въ засѣданіи 16-го мая, училищный комитетъ опредѣлилъ представить его въ совѣтъ университета, который 25-го мая 1816 года пришелъ, въ свою очередь, къ слѣдующему постановленію: „Представить на разрѣшеніе его сіятельства г. министра,—должны ли татарскія училища находиться подъ вѣдомствомъ университета?" Каковъ былъ отвѣтъ на этотъ запросъ со стороны министерства—намъ неизвѣстно, но дальнѣйшихъ практическихъ послѣдствій представленіе Пятова не имѣло и всѣ относящіеся сюда документы оказались включенными въ архивное „собраніе бумагъ безъ дальнѣйшаго производства" за 1817 годъ, среди разбросанныхъ документовъ котораго они намъ и попались. Извѣстно, что вопросъ о взаимномъ соотношеніи русскихъ и мусульманскихъ училищъ казанскаго учебнаго округа представлялъ собою весьма щекотливаго свойства проблемму, въ которой мѣстное учебное вѣдомство не могло разобраться въ теченіи долгаго ряда послѣдующихъ десятилѣтій [91].

Что бы покончить съ вопросомъ о развитіи училищнаго дѣла въ казанскомъ учебномъ округѣ за время завѣдыванія имъ казанскаго университета, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о частныхъ пансіонахъ, имѣвшихся въ округѣ и находившихся въ зависимости отъ его учебнаго начальства. Частные пансіоны возникли въ предѣлахъ будущаго казанскаго учебнаго округа уже весьма рано, въ значительной степени восполняя собою для дѣтей привиллегированныхъ классовъ отсутствіе достаточной правительственной иниціативы въ дѣлѣ насажденія народнаго просвѣщенія. Такъ, изъ записокъ Г. Р. Державина извѣстно, что будущій пѣвецъ Фелицы еще въ половинѣ XVIII вѣка учился въ оренбургскомъ пансіонѣ ссыльно-каторжнаго (!) нѣмца Розе—невѣжды и человѣка „нравовъ развращенныхъ", какъ характеризовалъ его Державинъ; въ шестидесятыхъ годахъ того же столѣтія существовалъ въ Казани пансіонъ какого то француза Майжена, въ которомъ учился будущій

попечитель московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьевъ; въ ту же пору имѣлся въ Симбирскѣ пансіонъ нѣкоего Кабрита.

Въ дѣлахъ архива казанскаго университета мы нашли указанія (не ручаемся за ихъ полноту) на слѣдующіе частные пансіоны, существовавшіе въ казанскомъ учебномъ округѣ въ интересующую насъ эпоху:

Въ городѣ Казани: Маріи Пото (женскій, съ 16 янв. 1802 г.), г-жи Лоранъ (тоже, съ 12 дек. 1802 г.), г-жи Юнгвальдъ (тоже, съ 5 марта 1813 г.), лектора Лейтера (мужской, съ 1 сент. 1816 г.), Скоттъ (женскій, съ 5 марта 1818 г.). Намъ уже извѣстно, что частный пансіонъ содержался въ Казани въ 1813—1814 г.г. профессоромъ Литтровомъ, что пансіонеровъ содержалъ и проф. Яковкинъ, но оффиціальныя данныя не упоминаютъ объ этихъ профессорскихъ пансіонахъ, какъ изъятыхъ изъ вѣданія университетскаго училищнаго комитета.

Въ городѣ Симбирскѣ: мужской и женскій пансіоны г.г. Пототъ (въ 1815 году), Андреева (тоже), иностранца Адама (женскій, съ 2 іюля 1817 г.).

Въ городѣ Пензѣ: иностранца Галье (съ 1 марта 1803 г.), г-жи Ломбардъ (женскій, въ десятыхъ годахъ), учителя Никольскаго (въ 1815 году), иностранца І. Гладъ (тоже) и женскій Бородулиной (тоже).

Въ городѣ Нижнемъ-Новгородѣ: учителя Лежаль (женскій, съ 1816 г.), пастора Бормана (мужской, съ 1817 г.).

Въ городѣ Саратовѣ: учителя Квитковскаго (мужской, съ 1 сент. 1812 г.), иностранца Ранцевича (тоже, съ 1 сент. 1814 г.), иностранки Троппе (женскій, съ 30 апр. 1818 г.).

Въ городѣ Вольскѣ: Гоміонъ (съ 1808 г.).

Въ городѣ Астрахани: уже извѣстный намъ іезуитскій пансіонъ Сурина и К°.

Въ городѣ Тамбовѣ: Крейца (съ 5 марта 1810 г.).

Въ городѣ Козловѣ: Жирардена (женскій, съ 1819 г.).

Въ городѣ Вяткѣ: пастора Альберга (съ 1 мая 1809 г.) [92].

Въ самомъ концѣ разсматриваемой нами эпохи въ казанскомъ учебномъ округѣ возникаетъ новый типъ училищъ — школы взаимнаго (ланкастерскаго) обученія. Вопросъ объ этихъ школахъ можетъ, впрочемъ, быть нами затронутъ лишь въ связи съ новыми вѣяніями, проникшими въ жизнь казанскаго учебнаго округа и казанскаго университета съ началомъ попечительства Магницкаго.

Если приведенный нами выше историко-статистическій очеркъ развитія училищнаго дѣла въ казанскомъ учебномъ округѣ и не оказывается въ состояніи начертать передъ нами слишкомъ яркой картины успѣховъ этого дѣла за время нахожденія во главѣ его казанскаго университета, тѣмъ не менѣе представляется несомнѣннымъ, что работа университета не оставалась въ этомъ направленіи безплодною, что она отмѣчена довольно значительнымъ прогрессомъ. И, дѣйствительно, училищная реформа, намѣченная предварительными правилами народнаго просвѣщенія и уставомъ 1804 года, была къ 1828 году, къ году изданія новаго училищнаго устава, изъявшаго училища изъ вѣдѣнія университетовъ, въ значительной степени выполнена и къ этому времени губернскія училищныя дирекціи всецѣло восприняли уже тотъ внѣшній видъ и ту организацію, въ какихъ, съ нѣкоторыми частичными измѣненіями, суждено было имъ впослѣдствіе оставаться на протяженіи цѣлаго, почти, полувѣка.

Всматриваясь въ приведенныя нами выше данныя, мы приходимъ къ выводу, что довольно интенсивною съ точки зрѣнія прогрессивнаго развитія училищнаго дѣла порою дѣятельности университета явился первый годъ существованія училищнаго комитета — 1811-ый, ознаменовавшійся открытіемъ одной гимназіи и восьми уѣздныхъ училищъ. Послѣдующіе четыре года 1812-й, 1813-й 1814-й и 1815-й, даютъ намъ картину полнаго упадка дѣятельности университета въ томъ же направленіи: за эти четыре года были открыты только четыре уѣздныя училища; такая задержка въ поступательномъ движеніи училищнаго дѣла находитъ себѣ вполнѣ естественное объясненіе въ тяжелыхъ политическихъ условіяхъ, въ которыхъ находилось въ то время наше отечество, удрученное бременемъ освободительныхъ войнъ съ Наполеономъ. Послѣдующее четырехлѣтіе представляется порою наиболѣе интенсивной дѣятельности университета въ сферѣ училищнаго дѣла: въ 1816 году открыто 4 уѣздныхъ училища, въ 1817 году—13, въ 1818 году—19, въ 1819 году—13. Наступившая пора попечительства Магницкаго была совершенно неблагопріятною успѣхамъ народнаго просвѣщенія: за промежутокъ времени 1820—1828 годовъ были открыты лишь 1 гимназія и 17 уѣздныхъ училищъ. Уставъ гимназій и училищъ 8-го декабря 1828 года совершенно устранилъ университеты отъ вѣдѣнія училищныхъ дѣлъ и съ этого времени ближайшія попеченія о дальнѣйшемъ развитіи школьнаго дѣла всецѣло сосредоточиваются уже въ окружныхъ учебныхъ управленіяхъ.

Не трудно предвидѣть упрекъ, могущій быть выдвинутымъ по адресу училищной дѣятельности русскихъ университетовъ въ эпоху 1804—1828

годовъ: это упрекъ въ почти абсолютномъ отсутствіи попеченій о низшемъ образованіи,—просвѣщеніи „народномъ" въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова,—такъ какъ совершенно эмбріональныя заботы въ этомъ направленіи казанскаго университета, напримѣръ, направленныя къ учрежденію, да и то въ весьма неопредѣленномъ видѣ, училищъ приходскихъ, врядъ ли могутъ быть принимаемы, для даннаго случая, въ сколько нибудь серьезное вниманіе. Мы и не можемъ винить университеты за этотъ весьма крупный пробѣлъ въ ихъ созидательной училищной дѣятельности: каждому маломальски мыслящему и читающему человѣку хорошо извѣстно, что попечительная, какъ общественная, такъ и государственная, дѣятельность въ только что указанномъ направленіи шла въ разрѣзъ съ бюрократическо-крѣпостнымъ строемъ дореформенной Россіи и что только незабвенныя реформы шестидесятыхъ годовъ истекшаго XIX столѣтія оказались способными дать мощный толчокъ этой первостепенной важности задачѣ нашей внутренней жизни.

Какъ бы то ни было, но мы склоняемся въ сторону признанія несомнѣнной прогрессивности дѣятельности казанскаго университета на пользу постановки народнаго образованія въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа и впередъ увѣрены, что къ такому же выводу придетъ будущій историкъ народнаго образованія на русскомъ востокѣ, на долю котораго выпадетъ нелегкая, но за то въ высшей степени благодарная, работа подробнаго ознакомленія съ хранящимися въ архивѣ казанскаго университета дѣлами его стараго училищнаго комитета. Въ предѣлахъ ему доступнаго и возможнаго, казанскій университетъ сдѣлалъ посильное на пользу насажденія народнаго образованія на необъятныхъ пространствахъ своего учебнаго округа и въ этомъ отношеніи обезпечилъ себѣ заслуженную благодарную память потомства. Тяжелыя времена переживало едва зародившееся русское просвѣтительное дѣло во вторыя два десятилѣтія истекшаго столѣтія. Не легко приходилось въ эти годы и самому казанскому университету. Мы уже хорошо знаемъ, съ какими лишеніями, заботами, трудами и препятствіями приходилось ему считаться въ дѣлѣ обезпеченія своего собственнаго благоустройства, а ко всему этому въ ту пору еще присоединялись попеченія о громадномъ, едва выходившемъ изъ первобытныхъ условій культуры, учебномъ округѣ.... Возложенная на университетъ работа совершенно не соотвѣтствовала предоставленнымъ въ его распоряженіе способамъ и средствамъ къ выполненію ея. Таковъ критерій, который мы не должны упускать изъ вида въ нашихъ сужденіяхъ объ итогахъ дѣятельности стараго казанскаго университета въ дѣлѣ на-

саждения народнаго просвѣщенія на русскомъ европейскомъ и азіятскомъ востокѣ.

Всматриваясь пристальнѣе въ училищную дѣятельность казанскаго университета, мы, и на самомъ дѣлѣ, встрѣтимъ здѣсь рядъ серьезныхъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ почти непреодолимыхъ, препятствій, съ которыми ей приходилось считаться. Наиболѣе крупными изъ этихъ тормозящихъ условій могутъ быть отмѣчены слѣдующія: а) отсутствіе въ значительной части современнаго общества какъ сознанія необходимости просвѣщенія, такъ и сочувствія къ нему, въ связи съ ограниченностью матеріальныхъ средствъ къ надлежащей постановкѣ училищнаго дѣла, б) недостаточная подготовленность и в) нравственная неудовлетворительность училищнаго персонала. Разсмотрѣнію этихъ отрицательныхъ сторонъ постановки училищнаго дѣла и будетъ посвящено наше ближайшее изложеніе.

Отсутствіе въ значительной части общества какъ интереса къ дѣлу народнаго образованія, такъ и потребности въ немъ, въ связи съ ограниченностью матеріальныхъ средствъ къ надлежащей постановкѣ училищнаго дѣла—представляетъ собою отрицательное явленіе, отмѣчать которое уже не разъ приходилось намъ въ нашемъ предшествовавшемъ повѣствованіи.

Болѣе нежели индифферентное отношеніе къ себѣ вызвало, какъ мы это знаемъ, основаніе казанскаго университета; такое же индифферентное отношеніе встрѣтила со стороны общественности мѣстнаго края и послѣдующая дѣятельность университета по насажденію просвѣщенія въ казанскомъ учебномъ округѣ. Въ данномъ случаѣ нашло себѣ лишь отраженіе общее направленіе, которому слѣдовало дѣло народнаго образованія въ Россіи: не школа шла у насъ за жизнью, удовлетворяя нарождающимся и развивающимся запросамъ ея въ области просвѣщенія, но, на оборотъ—школа призвана была у насъ предварять потребность общества въ образованіи, вызывать эту потребность, вселять ее въ сознаніи общества—тяжелая созидательная работа, которая въ полной мѣрѣ могла быть прослѣжена нами и на начальной исторіи казанскаго университета. Насколько незначительною являлась въ ту пору потребность въ образованіи, это нагляднѣе всего иллюстрируется количествомъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ казанскаго учебнаго округа. Мы въ своемъ мѣстѣ уже видѣли, что на протяженіи первыхъ десяти лѣтъ существованія казанскаго уни-

верситета количество слушателей его ни разу не превысило скромную цифру 62-хъ человѣкъ и что все количество молодыхъ людей, учившихся въ немъ за это десятилѣтіе—достигло лишь цифры 465-ти человѣкъ, изъ которыхъ полный курсъ ученія окончили всего 74 человѣка *. По оффиціальнымъ даннымъ отъ конца 1814 года, количество учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ казанскаго учебнаго округа равнялось 2500 человѣкамъ, что составляло, въ среднемъ, около 30-ти человѣкъ на каждое училище [93]. По такимъ же свѣдѣніямъ за 1819 годъ, количество учащихся представляется въ казанскомъ учебномъ округѣ,—за исключеніемъ казанскихъ университета и гимназіи,—въ слѣдующемъ видѣ:

а) Въ восьми гимназіяхъ—272 (именно: астраханская—53, нижегородская—45, вятская—43, пензенская—39, симбирская—36, иркутская—25, пермская—21, тобольская—16).

б) Въ четырехъ главныхъ народныхъ училищахъ—273 (именно: саратовское—125, тамбовское—90, оренбургское—34, казанское—24).

в) Въ шестидесяти уѣздныхъ и малыхъ народныхъ училищахъ—2640 (въ томъ числѣ только въ одномъ, мензелинскомъ, свыше ста—125, въ 21-мъ—отъ 50 до 100, въ 26-ти—отъ 25 до 50 и въ 12-ти—менѣе 25) [94].

Всего, такимъ образомъ, 72 училища и 3185 учащихся на огромный учебный округъ, простиравшійся, въ территоріальномъ отношеніи, почти на $^3/_4$ всей русской имперіи—цифры микроскопически-ничтожныя, ярко свидѣтельствующія о положительно ничтожномъ спросѣ на просвѣщеніе въ предѣлахъ училищной компетенціи казанскаго университета!

Несомнѣнно, что именно въ отсутствіи общественнаго сознанія пользы и необходимости народнаго образованія находитъ себѣ объясненіе и то крайне незначительное участіе общества въ расходахъ по училищному дѣлу, которое наблюдается въ казанскомъ учебномъ округѣ интересующей насъ эпохи. Здѣсь, на необъятныхъ разстояніяхъ дебрей и медвѣжьихъ угловъ русскаго востока, менѣе, нежели гдѣ либо, нашелъ себѣ откликъ благородный призывъ монарха къ общественнымъ „патріотическимъ пожертвованіямъ" на нужды вновь создаваемаго русскаго народнаго просвѣщенія, и уже извѣстный намъ крупный даръ П. Г. Демидова на учрежденіе предполагавшагося тобольскаго университета, да не менѣе крупное приношеніе купца Агабабова на основаніе астраханскаго армянскаго училища—представляются единственными свѣтлыми точками на этомъ безпроглядномъ темномъ фонѣ общественныхъ апатіи и индифферентизма. Ни-

---

* См. томъ I, стр. 528 (приложеніе IV).

какой общественной инициативы въ дѣлѣ учрежденія новыхъ училищъ мы здѣсь не встрѣчаемъ—и не иначе, какъ съ величайшею осторожностью, должны мы относиться къ такимъ оффиціальнымъ донесеніямъ объ общественномъ починѣ въ этомъ направленіи, какими являются, напримѣръ, относящіеся къ 1805 году рапорты мѣстныхъ учебныхъ начальствъ о желаніи бурятскихъ и якутскихъ старѣйшинъ относительно заведенія въ ихъ улусахъ русскихъ школъ грамотности [95].

Насколько ничтожнымъ,—не говоря уже о прямомъ почииѣ ихъ въ дѣлѣ основанія новыхъ учебныхъ заведеній, — представлялось участіе мѣстныхъ обществъ въ расходахъ государства на народное образованіе, объ этомъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ явится нижеслѣдующая интересная таблица, составленная нами на основаніи относящихся къ 1817 году оффиціальныхъ данныхъ объ источникахъ тѣхъ средствъ, на которыя содержались въ этомъ году гимназіи и уѣздныя училища казанскаго учебнаго округа [96], причемъ эти источники распредѣлены на четыре рубрики: а) средства государственнаго казначейства, б) средства приказовъ общественнаго призрѣнія, в) пособія мѣстныхъ градскихъ думъ и г) пособія мѣстныхъ дворянскихъ обществъ. Оказывается, что учебныя заведенія казанскаго округа содержались, по губерніямъ, на нижеслѣдующія средства:

Губерніи.	Государствен. казначейства.	Приказовъ общественн. призрѣнія.	Городскихъ думъ.	Дворянск. обществъ.	Итого.
Казанская . .	15,000 р.	2690 р.	6935 р.	—	24,625 р.
Тобольская . .	19,800 »	691 »	—	—	20,491 »
Иркутская . .	18,200 »	3113 »	—	—	21,313 »
Вятская . . .	15,000 »	3025 »	1173 р. 50 к.	—	19,198 р. 50 к.
Нижегородская.	14,550 »	1240 »	880 »	—	16,670 »
Пермская . . .	11,800 »	2000 »	500 »	—	14,300 »
Симбирская . .	10,753 р. 50 к.	2460 »	—	400 р.	13,613 р. 50 к.
Саратовская .	9,850 »	2043 р. $96^{1}/_{2}$ к.	—	—	11,893 р. $96^{1}/_{2}$ к.
Пензенская . .	8,550 »	3000 »	234 р.	2250 »	14,034 »
Астраханская .	8,255 р. 50 к.	4800 »	500 »	—	13,555 р. 50 к.
Томская . . .	7,400 »	590 »	550 »	—	8,540 »
Оренбургская .	6,055 »	3500 »	—	—	9,555 »
Тамбовская . .	5,249 »	—	1360 »	—	6,609 »
Кавказская . .	1,250 »	—	—	—	1,250 »
Всего по 14-ти губерніямъ . .	151,713 р.	29,152 р. $96^{1}/_{2}$ к.	12,132 р. 50 к.	2,650 р.	195,648 р. $46^{1}/_{2}$ к.

Только что приведенныя цифровыя данныя ясно говорятъ о томъ незначительномъ участіи, какое принималось мѣстными обществами въ содержаніи училищъ. Приказы общественнаго призрѣнія, имѣя на своихъ рукахъ цѣлый кругъ другихъ предметовъ попечительной дѣятельности, не находили возможности удѣлять много средствъ на дѣло народнаго образованія и это послѣднее всею своею тяжестью ложилось, такимъ образомъ, на средства государственнаго казначейства, положеніе котораго было далеко не блестящимъ послѣ ряда политическихъ осложненій, черезъ которыя довелось пройти нашему отечеству въ первыя пятнадцать лѣтъ минувшаго столѣтія. Все это представлялось, само собою разумѣется, весьма серьезнымъ тормазомъ въ дѣятельности казанскаго университета на пользу народнаго просвѣщенія, въ особенности же въ его заботахъ объ открытіи новыхъ училищъ, побуждая прибѣгать къ всевозможнымъ мѣрамъ и ухищреніямъ для усиленія скудныхъ училищныхъ средствъ. Мѣры подобнаго рода исходили отъ центральныхъ органовъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, исходили онѣ и отъ мѣстныхъ его органовъ.

Призывъ къ „патріотическимъ приношеніямъ и пожертвованіямъ" на нужды народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ императоромъ Александромъ, какъ мы это знаемъ, уже въ самомъ началѣ его царствованія, причемъ жертвователямъ сулились „особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей" и „торжественная признательность учреждаемыхъ заведеній". Въ связи съ этимъ монаршимъ воззваніемъ стояло и воспослѣдовавшее тогда же высочайшее повелѣніе о томъ, что бы имена жертвователей публиковались во всеобщее свѣдѣніе, а учебныя заведенія, съ своей стороны, заносили ихъ имена въ свои отчеты и провозглашали на публичныхъ актахъ и торжественныхъ собраніяхъ. Не легкимъ представляется для насъ, отдаленныхъ отъ описываемой эпохи пространствомъ въ цѣлое, почти, столѣтіе, разбираться въ истинномъ характерѣ, искренности и чистотѣ побужденій всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ пожертвованій, списки которыхъ то и дѣло появлялись какъ въ „вѣдомостяхъ" обѣихъ столицъ и въ министерскомъ органѣ того времени („Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія"), такъ и въ мѣстныхъ органахъ печати („Казанскія Извѣстія" и „Казанскій Вѣстникъ" съ „Прибавленіями" къ нему), но несомнѣнно, что крупное по указанной суммѣ, хотя и сомнительное по достоинству, уже знакомое намъ пожертвованіе для университетской библіотеки купца Зимнякова, желавшаго лишь „украсить брилліантами" имѣвшуюся у него золотую медаль—носило

характеръ далеко не исключительный * въ длинномъ рядѣ „патріотическихъ приношеній и пожертвованій“ на нужды народнаго образованія. На слабыя струны человѣческаго тщеславія была направлена и другая попытка склонять состоятельныхъ гражданъ къ приношеніямъ на нужды народнаго образованія—учрежденіе званій почетныхъ попечителей и смотрителей училищъ, предоставлявшихъ носителямъ ихъ право на чины, на ношеніе мундира и на извѣстнаго рода престижъ за денежный взносъ въ пользу учебнаго заведенія, обыкновенно простиравшійся въ ту пору, смотря по рангу и мѣстонахожденію училища, отъ 25-ти до 500 рублей въ годъ.

Принимали зависящія отъ нихъ мѣры къ усиленію училищныхъ средствъ и къ основанію новыхъ училищъ и мѣстные органы, вѣдавшіе дѣло народнаго образованія, стараясь вызывать какъ общественныя, такъ и частныя приношенія на цѣли просвѣтительнаго характера. На этой почвѣ выработались даже особые термины: „склоненіе“ и „соглашеніе“ къ пожертвованіямъ: особенно видная роль выпадала въ этомъ „склоненіи“ къ приношеніямъ на долю мѣстныхъ дирекцій училищъ и визитаторовъ училищъ. Мы уже видѣли, что пензенская гимназія обязана своимъ основаніемъ усиленной дѣятельности губернатора Ф. Л. Вигеля и директора училищъ Захарьина, которымъ удалось „склонить“ мѣстное дворянство къ пожертвованію на это учебное заведеніе части средствъ, предназначавшихся для учрежденія въ Пензѣ дворянскаго военнаго корпуса. Любопытные образцы подобнаго же рода „склоненій“ и „соглашеній“ даетъ намъ, относящаяся къ 1805 и 1806 годамъ, дѣятельность директора Кранца по открытіи училищъ въ далекой иркутской губерніи. Слѣдомъ за воспослѣдовавшимъ открытіемъ иркутской гимназіи, возникъ вопросъ объ учрежденіи уѣзднаго училища въ г. Верхнеудинскѣ. Здѣсь жертвователь былъ найденъ въ лицѣ мѣстнаго купца Александра Шевелева, который, „имѣя примѣрное поревновеніе достойнаго сына отечества къ благотворительнымъ заведеніямъ“,—какъ гласило директорское донесеніе попечителю,—пожертвовалъ подъ училище „деревянный домъ со всѣми къ оному принадлежностями, стоющій 2225 рублей по оцѣнкѣ, да сверхъ того 100 рублей денегъ на поправку онаго“; училище было въ слѣдующемъ году открыто, „примѣрное же поревновеніе“ жертвователя, помимо пропечатанія объ его дарѣ въ „Періодическомъ сочиненіи“, было вознаграждено золотою медалью съ подписью „за полезное“. Торжественное открытіе верхнеудинскаго уѣзднаго училища было

* См. выше стр. 41—43.

совершено, за болѣзнью директора Кранца, учителемъ иркутской гимназіи Гапоновымъ. Донося объ этомъ попечителю отъ 28 августа 1806 г., директоръ сообщаетъ, что, воспользовавшись этимъ случаемъ, Гапоновъ „соглашалъ" верхнеудинское общество къ основанію въ городѣ еще и приходскаго училища, но что „предложеніе сіе остается доселѣ безуспѣшнымъ", почему Кранцъ и предлагалъ открыть такое училище на средства казны; на это главное правленіе училищъ, однако, не согласилось на томъ основаніи, что приходскому училищу „по общему основанію надлежитъ быть на иждивеніи тамошняго общества". Тогда же возбужденъ былъ вопросъ объ основаніи уѣзднаго училища и въ городѣ Якутскѣ. И здѣсь образцомъ „примѣрнаго поревновенія" явился мѣстный купецъ—нѣкій Поповъ, „склоненный" къ этой инціативѣ директоромъ иркутскихъ училищъ Кранцомъ. 1-го іюля 1806 г. директоръ Кранцъ донесъ попечителю, что „якутскій именитый гражданинъ Яковъ Поповъ успѣлъ, по предложенію моему, склонить тамошнее общество къ пожертвованію подъ училище дома, который, какъ онъ пишетъ, будетъ достаточенъ"; самъ Поповъ изъявилъ желаніе пожертвовать: 300 р. на ремонтъ этого дома, который „остававшись долгое время безъ хозяйственнаго призрѣнія, требуетъ поправки", одну тысячу рублей на содержаніе въ будущемъ училищѣ бѣднѣйшихъ учениковъ и „книги учебныя, сколько ихъ у него найдется". По почину Кранца, предпринята была попытка, на этотъ разъ уже черезъ земскаго коммиссара, склонить и „якутскихъ родоначальниковъ принять участіе въ семъ благотворительномъ заведеніи"—попытка успѣхомъ, повидимому, не увѣнчавшаяся. Дальнѣйшее движеніе дѣла обнаружило, однако, что якутское общественное пожертвованіе было даромъ чисто данайскимъ: выяснилось, что ремонтъ приносимаго въ даръ дома потребуетъ расхода свыше 3-хъ тыс. рублей, а такъ какъ „примѣрное поревновеніе" якутскихъ гражданъ до такой солидной суммы, очевидно, не простиралось, то пришлось пріостановить самое дѣло объ основаніи въ Якутскѣ уѣзднаго училища [97].

Насколько дѣйствительно искренними и воодушевляемыми добрыми побужденіями и стимулами общественнаго блага являлись пожертвованія на дѣло народнаго просвѣщенія, наглядный примѣръ тому даетъ намъ исторія пожертвованія чистопольскаго купца и мѣстнаго градскаго головы Колпакова, возстановляемая визитаціею Кондыревымъ въ 1812 году чистопольскихъ училищъ. Въ началѣ 1805 года Колпаковъ изъявилъ желаніе сдѣлать пожертвованіе для чистопольскаго училища, о чемъ и было въ слѣдующихъ чертахъ оповѣщено въ печатномъ органѣ министерства народнаго просвѣщенія:

„Чрезъ г. попечителя казанскаго учебнаго округа получено въ главномъ училищъ правленіи свѣдѣніе, что чистопольскій градской глава Колпаковъ не только отвелъ для помѣщенія тамошняго училища въ домѣ своемъ способный къ тому флигель, по причинѣ недостатка въ казенномъ строеніи, но объявилъ директору училищъ, что онъ намѣренъ собственнымъ иждивеніемъ выстроить особенный каменный домъ для онаго, со всѣми къ тому принадлежностями. Собраніе членовъ главнаго училищъ правленія положило изъявить должное уваженіе къ таковому г. Колпакова усердію, чрезъ помѣщеніе сей статьи о расположеніи его жертвовать собственностью для пользы общественной".

Кромѣ министерскаго органа, о „подвигѣ" Колпакова было тогда же пропечатано и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Прошло четыре года—а обѣщанный для училища каменный домъ „со всѣми принадлежностями" все еще не строился, въ виду чего въ 1809 году директоромъ училищъ казанской губерніи предложено было чистопольской градской думѣ вызвать жертвователя и категорически допросить относительно намѣренія его выполнить данное имъ обѣщаніе. Вызванный думою, Колпаковъ объяснилъ, что къ обѣщанію выстроить училищный домъ онъ былъ „склоненъ", какъ градской глава, бывшимъ директоромъ Лихачевымъ, что отъ этого намѣренія онъ и въ настоящее время не отрекается, но что немедленному выполненію обѣщанія препятствуютъ его пошатнувшіяся торговыя дѣла. Дума признала это объясненіе удовлетворительнымъ и „не оскорбляющимъ чести и имовѣрія гражданина", хотя при этомъ допросѣ выяснилось, что и въ 1804 г. Колпаковъ предоставилъ подъ училище свой флигель вовсе не даромъ, но преисправнѣйшимъ образомъ взималъ за него, изъ городскихъ суммъ, по 90 рублей въ годъ. Вся эта исторія, обнаруженная адъюнктомъ Кондыревымъ въ 1812 г., во время его чистопольской визитаціи, была доложена попечителю округа, но всѣ мѣры воздѣйствія на „имовѣрнаго" чистопольскаго гражданина оказались тщетными: уже въ слѣдующемъ году попечителю было оффиціально донесено, что „Колпаковъ явно отъ обѣщанія своего уклоняется съ тѣмъ, что бы оное никогда не исполнить", мнимое же „расположеніе его жертвовать собственностью для пользы общественной"—такъ и осталось увѣковѣченнымъ на страницахъ министерскаго журнала [98].

Само собою разумѣется, что бóльшею серьезностью были обставлены пожертвованія, заявляемыя цѣлыми обществами, хотя и здѣсь случались недоразумѣнія; нерѣдко эти пожертвованія реализировались крайне туго, съ болѣе или менѣе продолжительными задержками и недоимками, вызывая

переписку и напоминанія, какъ это имѣло, напримѣръ, мѣсто въ пензенской гимназіи съ пособіемъ, ассигнованнымъ на нее мѣстнымъ дворянствомъ, какъ это случилось даже и въ харьковскомъ университетѣ, у котораго еще въ половинѣ минувшаго столѣтія оказались не вполнѣ реализированными крупные капиталы, подписанные дворянскими обществами мѣстнаго края на учрежденіе этого университета.

Впрочемъ и эти, общественнаго характера, пожертвованія были въ большинствѣ случаевъ результатомъ „склоненій" къ тому со стороны болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ. Въ 1804 году пензенскій губернаторъ Вигель склонилъ мѣстное дворянство къ пожертвованію на гимназію; въ 1813 году почетный смотритель елабужскаго уѣзднаго училища Камашевъ такимъ же образомъ „убѣдилъ чиновниковъ и нѣкоторыхъ граждан города Елабуги внести единовременно такую сумму, съ которой проценты достаточны бы были къ содержанію приходскаго въ городѣ Елабуги училища", хотя этимъ путемъ и удалось собрать всего около тысячи рублей [99]. Общественныя подписки подобнаго рода предпринимались на учрежденіе не только приходскихъ училищъ, самое содержаніе которыхъ возлагалось на мѣстныя средства, но даже и гимназій. Такъ, основаніе вятской гимназіи сопровождалось обширною подпискою на этотъ предметъ, открытою какъ въ самомъ г. Вяткѣ, такъ и по всей губерніи. Подробный списокъ всѣхъ жертвователей и пожертвованій, простиравшихся отъ нѣсколькихъ рублей до солидной суммы 5-ти тыс. рубл. (уржумскій купецъ Матвѣевъ), интересующіеся найдутъ въ университетской газетѣ того времени; укажемъ лишь, что общій итогъ этой обширной подписки достигъ цифры 14-ти тыс. рублей. Весьма возможно, что и эта подписка состоялась не безъ „склоненія" къ ней гражданъ со стороны губернатора Фонъ-Брадке, лепта котораго (100 рубл.) значится во главѣ длиннаго ряда дальнѣйшихъ жертвованій [100].

Составлялись подписки не только на учрежденіе учебныхъ заведеній, но даже на обстановку торжества ихъ открытія; такъ, аллегорическая, съ неизбѣжною прозрачною картиною, иллюминація, которою сопровождалось торжество открытія тобольской гимназіи, была устроена изъ суммы въ 170 рублей, собранной по подпискѣ среди представителей мѣстнаго крупнаго чиновничества, пожелавшихъ „ознаменовать сей день и открыть гимназію съ приличнымъ обрядомъ и церемоніею", о чемъ директоръ тобольскихъ училищъ баронъ Эйбенъ и просилъ попечителя „сдѣлать извѣстнымъ по всей имперіи, дабы тѣмъ побудить тобольскихъ гражданъ къ бо́льшему соревнованію" [101]. Пользовались мѣстные меценаты и другими поводами

къ „склоненію“ гражданъ на пожертвованія въ пользу ущилищъ; такъ, во время публичныхъ экзаменовъ, производившихся въ 1812 году въ соликамскомъ уѣздномъ училищѣ — „стараніемъ уѣзднаго судьи, надворнаго совѣтника Прокофьева, собрано въ пользу онаго 210 рублей, которые и доставлены имъ въ гимназію“, а во время такихъ же испытаній, имѣвшихъ въ 1814 году мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ г. Иркутска, собрано было, также по подпискѣ, 232 рубля въ пользу бѣдныхъ воспитанниковъ мѣстныхъ училищъ [102]. Подобнаго рода пожертвованія въ пользу учащейся провинціальной бѣдноты вызывались дѣйствительно вопіющею нуждою школьниковъ, тѣмъ болѣе, что крайняя ограниченность училищныхъ бюджетовъ, съ которою постоянно приходилось считаться какъ университетскому училищному комитету, такъ и мѣстнымъ дирекціямъ училищъ, не допускала возможности сдѣлать начальное образованіе безплатнымъ. На обременительность для учащихся получаемаго ими образованія уже въ началѣ 1819 года обратилъ вниманіе министръ народнаго просвѣщенія, который 19-го февраля этого года предложилъ принять мѣры къ тому, „что бы плата была собираема съ учениковъ умѣренная и необременительная для родителей“ [103].

Не съ равнодушіемъ одного только общества и не съ однимъ только недостаткомъ матеріальныхъ средствъ суждено было считаться казанскому университету въ его нелегкой училищной дѣятельности. Какъ это ни можетъ показаться съ перваго взгляда маловѣроятнымъ, но ему приходилось встрѣчать на этой почвѣ индифферентизмъ и даже прямое противодѣйствіе со стороны представителей высшей администраціи мѣстнаго края, изъ которыхъ далеко не всѣ готовы были идти на встрѣчу просвѣтительнымъ начинаніямъ съ такою готовностью, съ какою шли имъ, напримѣръ, на встрѣчу пензенскій губернаторъ Ф. Л. Вигель или оренбургскій военный губернаторъ князь Г. С. Волконскій.

Мы въ своемъ мѣстѣ имѣли случай говорить о проявленіяхъ антагонизма, уже съ самаго основанія университета создавшагося между губернскою администраціею и этимъ послѣднимъ, причемъ старались выяснить и коренныя причины такого анормальнаго положенія вещей *. Совершенно аналогичными причинами было обусловлено недоброжелательное отношеніе администраціи и къ находившемуся подъ эгидою университета училищному дѣлу, вообще. По екатерининскому уставу училищъ губерн-

* См. томъ II, стр. 412—416.

скимъ представителямъ власти, генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, предоставлялось рѣшительное вліяніе въ области политики народнаго образованія; ими непосредственно назначались директора училищъ, они же признавались мѣстными руководителями и попечителями всего дѣла народнаго просвѣщенія. Новый училищный строй, созданный предварительными правилами народнаго просвѣщенія и уставомъ училищъ 1804 года, отнималъ у губернской администраціи прежнюю компетенцію въ области училищныхъ дѣлъ, всецѣло вручая ее органамъ министерства народнаго просвѣщенія и, ближайшимъ образомъ—университетамъ, поставленнымъ уже въ совершенную независимость отъ администраціи. Воспитанные въ традиціяхъ всеобъемлющей и нераздѣльной полноты губернаторской власти, представители мѣстной администраціи не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей, усматривая въ немъ умаленіе престижа своей власти, всякія же проявленія самостоятельности учебнаго вѣдомства казались имъ вторженіемъ въ сферу ихъ правъ, поползновеніемъ къ губернскому двоевластію, стремленіемъ создать status in statu.

Намъ уже въ достаточной степени извѣстны столкновенія, происходившія между учебнымъ вѣдомствомъ и губернаторами на совершенно безобидной и обусловленной предписаніями свыше почвѣ собиранія учителями матеріаловъ для ученыхъ записокъ, каковыми явились конфликты между пензенскимъ губернаторомъ Крижановскимъ и директоромъ гимназіи Бекетовымъ—въ 1810 году, между сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ и директоромъ тобольскихъ училищъ, бывшимъ профессоромъ Арнгольдтомъ—въ 1816 году *. До какой степени простирались притязанія губернской администраціи къ учебному вѣдомству, это особенно рельефно усматривается изъ конфликта, тогда же создавшагося между генералъ-губернаторомъ Пестелемъ и директоромъ Арнгольдтомъ изъ-за поѣздки послѣдняго по тобольской губерніи для открытія новыхъ училищъ и для осмотра уже существующихъ, т. е. для выполненія своихъ прямыхъ и непосредственныхъ обязанностей. Отправившись въ эту поѣздку безъ испрошенія на то разрѣшенія тобольскаго губернатора, Арнгольдтъ не отдалъ послѣднему отчета и по возвращеніи своемъ обратно въ Тобольскъ, справедливо полагая, что эти обязанности лежатъ на немъ лишь по отношенію къ своему непосредственному начальству. Тобольскій губернаторъ принесъ по этому поводу формальную жалобу генералъ-губернатору; Пестель же, усмотрѣвъ въ такомъ образѣ дѣйствій директора училищъ умаленіе авто-

* См. томъ II, стр. 234—236.

ритета губернскаго начальства, въ свою очередь принесъ жалобу попечителю округа Салтыкову, въ которой писалъ, что признаетъ поступки Арнгольдта „выходящими изъ порядка“, почему и проситъ внушить директору „приличное уваженіе къ мѣстному тобольскому гражданскому начальству, которое, по обязанностямъ своимъ, есть средоточіе всѣхъ въ губерніи находящихся мѣстъ“. Это столкновеніе послужило поводомъ къ назначенію экстренной (черезъ проф. Эрдмана и ад. Репарда) визитаціи тобольскихъ училищъ, а послѣ того восходило на разсмотрѣніе совѣта университета. Совѣтъ, признавъ намѣренія, руководившія Арнгольдтомъ, „похвальными“, признавъ и то, что „училища тобольской губерніи найдены въ надлежащемъ порядкѣ“, что „директоръ умѣлъ пріобрѣсть любовь и уваженіе своихъ подчиненныхъ и способствовалъ къ поддержанію согласія и единодушія между членами тамошнихъ учебныхъ заведеній“, что „усердіе его къ распространенію просвѣщенія доказывается склоненіемъ немалаго числа градскихъ и сельскихъ обществъ къ учрежденію училищъ“ *—высказался, тѣмъ не менѣе, за цѣлесообразность перемѣщенія Арнгольдта въ другую дирекцію, „тѣмъ болѣе, что и г. сибирскій генералъ-губернаторъ изъявилъ желаніе видѣть на мѣстѣ его другаго“. Результатомъ всего этого инцидента явилось возвращеніе Арнгольдта обратно въ казанскій университетъ, профессоромъ по кафедрѣ хирургіи [104].

Если въ Тобольскѣ мѣстному учебному вѣдомству довелось вступить въ конфликтъ съ гражданскою администраціею этого отдаленнаго края, то въ совершенно центральной Пензѣ ему выпало на долю выдержать упорную и хронически затянувшуюся на нѣсколько лѣтъ борьбу съ тою же губернскою администраціею—но вступившею здѣсь въ союзъ уже съ представителями мѣстнаго дворянства. Эта борьба представляетъ любопытную, хотя и прискорбную, иллюстрацію русской провинціальной культурности начала минувшаго вѣка.

Мы знакомы съ обстоятельствами, при которыхъ совершилось основаніе пензенской гимназіи. Мы видѣли, что пензенское дворянство, склоненное къ тому губернаторомъ Ф. Л. Вигелемъ и губернскимъ предводителемъ дворянства Е. П. Чемесовымъ, постановило ежегодно отпускать по 2250-ти рублей субсидіи на предположенную къ открытію въ г. Пензѣ гимназію изъ суммы, первоначально ассигнованной имъ на открытіе здѣсь,

---

* Любопытнымъ представляется, что старанія Арнгольдта объ учрежденіи училища въ г. Березовѣ,—гдѣ, по словамъ тобольскаго губернатора, проживаютъ одни «ясашные»,—было выдвинуто сибирскою администраціею однимъ изъ обвинительныхъ, по отношенію къ директору училищъ, пунктовъ!

въ ознаменованіе возстановленія пензенской губерніи, военнаго училища. Между тѣмъ, уже вскорѣ послѣ открытія гимназіи, на занимавшихся ими постахъ не стало ни губернатора Вигеля, ни губернскаго предводителя дворянства Чемесова, такъ дѣятельно ратовавшихъ передъ дворянствомъ за поддержку гимназіи—преемники же ихъ, Крижановскій и Потуловъ, лишь слѣдуя, конечно, преобладающему въ дворянствѣ теченію, стали крайне недружелюбно относиться къ открытому въ Пензѣ всесословному учебному заведенію. Новый губернскій предводитель дворянства А. Н. Потуловъ уже въ 1806 году представилъ министру народнаго просвѣщенія извѣтъ на пензенскую гимназію, ссылаясь здѣсь на всеобщее недовольство дворянства установленными въ этомъ учебномъ заведеніи распорядками [105]. Этотъ извѣтъ вызвалъ назначеніе въ пензенскую гимназію визитаціи, причемъ въ качествѣ визитатора отправился въ г. Пензу самъ профессоръ-директоръ И. Ѳ. Яковкинъ. Къ чести Яковкина слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что онъ, прибывъ въ концѣ февраля 1807 года въ Пензу, съ полнымъ достоинствомъ выполнилъ возложенное на него щекотливое порученіе и съ большимъ тактомъ поддержалъ достоинство и университета, котораго онъ являлся представителемъ, и дискредитированной гимназіи, всѣ извѣты на которую онъ объявилъ „клеветою", создавшеюся на почвѣ столкновеній чисто личнаго характера, возникшихъ между директоромъ гимназіи Захарьинымъ *—съ одной стороны, губернаторомъ и нѣкоторыми дворянами—съ другой стороны. Подготовляя постыдное пораженіе недоброжелателямъ гимназіи, Яковкинъ устроилъ въ гимназіи публичныя испытанія, на которыя были приглашены представители высшаго пензенскаго общества, съ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства въ ихъ главѣ. Но пусть самъ профессоръ-директоръ разскажетъ намъ о посрамленіи, устроенномъ имъ своимъ противникамъ:

„По окончаніи экзамена и послѣ проговоренной ученикомъ къ собранію благодарственной рѣчи за посѣщеніе,—читаемъ въ отчетѣ Яковкина,—я отнесся самымъ учтивымъ образомъ къ г. губернскому предводителю: что ему самому извѣстно, что нѣкоторые г.г. уѣздные предводители приносили жалобы на безуспѣшность пензенской губернской гимназіи; что я, по волѣ высшаго начальства, присланъ для изслѣдованія и обнаруженія истины; что я не имѣю чести знать оныхъ г.г. предводителей лично, что по сей причинѣ относясь къ нему, по-

---

* Захарьинъ, умершій до этихъ событій (преемникомъ его явился Бекетовъ), самъ принадлежалъ къ роду пензенскихъ дворянъ,—тому самому роду, изъ котораго происходилъ и извѣстный московскій профессоръ-терапевтъ Г. А. Захарьинъ.

корнѣйше прошу принять на себя трудъ пригласить ихъ на нынѣшнихъ публичныхъ экзаменахъ присутствовать и собственными своими вопросами удостовѣриться въ успѣшности или безуспѣшности ученія въ гимназіи, тѣмъ паче, что я, пріѣхавъ только въ понедѣльникъ вечеромъ, также ни мало не имѣлъ времени пріуготовить показать публикѣ одну только маску ученія, а, сверхъ того, на таковыхъ чрезвычайныхъ публичныхъ экзаменахъ, нынѣ назначенныхъ, и всякій посѣтитель имѣетъ право вопросами своими въ экзаменуемомъ предметѣ удостовѣряться въ успѣхахъ ученія".

Дѣло, какъ видятъ читатели, было сразу поставлено на почву, гарантировавшую за профессоромъ-директоромъ поле битвы, и онъ въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ впечатлѣніе предпринятой имъ рѣшительной аттаки:

„Съ самаго начала моего приступа,—доноситъ Яковкинъ,—весьма примѣтно было крайнее смущеніе на лицѣ его (т. е. губернскаго предводителя) и другого, стоявшаго позади его, какого-то чиновника,—можетъ быть потому, что еще гораздо прежде моего пріѣзда, не знаю съ чего, разнесся въ городѣ слухъ, что визитатору препоручено изслѣдовать доносы предводителей суднымъ порядкомъ и даже самихъ ихъ публично экзаменовать (!) въ ихъ знаніяхъ, какъ о томъ меня послѣ увѣдомилъ Перевощиковъ *. На отношеніе мое г. губернскій предводитель отвѣтствовалъ мнѣ также весьма учтиво, хотя и дрожащимъ отъ смущенія голосомъ, что справедливо, что нѣкоторые г.г. предводители подали ему жалобы на безуспѣшность гимназіи; что онъ таковыхъ оффиціальныхъ бумагъ утаить никакъ не могъ, а долженъ былъ представить правительству, что приказано ему было сдѣлать такимъ образомъ; но что съ того времени обстоятельства гимназіи совсѣмъ перемѣнились, что онъ съ особеннымъ сердечнымъ удовольствіемъ радуется видѣннымъ имъ самимъ въ тотъ экзаменъ успѣхамъ и что, при другомъ начальникѣ, надѣются они и всегда быть довольны" [106].

Хотя во главѣ пензенской гимназіи и сталъ новый начальникъ, въ лицѣ мѣстнаго же дворянина Аппол. Бекетова, тѣмъ не менѣе обѣщаннаго „довольства" этимъ учебнымъ заведеніемъ хватило у пензенскихъ дворянъ, а слѣдомъ за ними и у пензенской губернской власти, всего, съ небольшимъ, на три года. Новыя столкновенія съ гимназическимъ начальствомъ возникли въ г. Пензѣ весною 1810 года, начавшись уже извѣстнымъ намъ инцидентомъ учителя Раевскаго изъ-за собиранія историко-ста-

* Вас. Матв. Перевощиковъ—въ то время учитель пензенской гимназіи, а впослѣдствіе профессоръ казанскаго и дерптскаго университетовъ и академикъ.

тистическихъ данныхъ для ученыхъ записокъ. Въ началѣ апрѣля этого года, во время оффиціальнаго визита директора Бекетова губернатору Крижановскому, между представителями обоихъ губернскихъ вѣдомствъ,—административнаго и учебнаго,—возникло слѣдующее щекотливое объясненіе, которое мы и воспроизводимъ на основаніи подлиннаго донесенія о томъ директора попечителю округа Румовскому.

Пререканія возникли изъ-за рѣзкаго отзыва губернатора объ учителяхъ пензенской гимназіи, которые, будто бы, ничему не учатъ и только бездѣльничаютъ.

— Да чему они учатъ и кто у нихъ учится?—замѣтилъ Крижановскій.—Дворянъ нѣтъ въ гимназіи, потому что они отдаютъ дѣтей своихъ въ другія школы...

Въ разговоръ вмѣшался присутствовавшій при этомъ губернскій предводитель дворянства Потуловъ:

— Гимназія,—вставилъ онъ,—только понапрасно получаетъ отъ дворянъ деньги. Надобно будетъ просить господина министра внутреннихъ (sic) дѣлъ о избавленіи дворянъ отъ сей дачи.

Не преминулъ подлить масла въ огонь и находившійся здѣсь же совѣтникъ губернскаго правленія Арфаловъ:

— Дворянъ въ гимназіи никого нѣтъ!—сказалъ совѣтникъ.

Директоръ поспѣшилъ назвать фамиліи нѣкоторыхъ воспитанниковъ изъ дворянъ.

— Это не природные дворяне, а штабъ-офицерскія дѣти!—запротестовали его оппоненты.

„Я хотѣлъ возразить имъ,—доноситъ Бекетовъ,—что благотворительное сіе заведеніе не для однихъ дворянъ учреждено и всякій можетъ пользоваться сею монаршею щедротою, но видя, что нелѣпыя ихъ рѣчи были единственно въ угодность господину губернатору и какъ онъ окруженъ былъ большею частью людьми, готовыми свидѣтельствовать и одобрить всякую его мысль и слово, мои же отвѣты перетолковывать въ худую сторону, то и принужденъ былъ замолчать“.

Губернаторъ, однако, не унимался:

— Я самъ побываю въ гимназіи и посмотрю, чему тамъ учатъ,—снова началъ онъ.

— Весьма тому буду радъ!—отвѣтилъ директоръ.

— И самъ стану экзаменовать учениковъ!—добавилъ губернаторъ.—А кто таковъ въ гимназіи учитель математики, который былъ у меня вчерась и съ которымъ я не имѣлъ времени поговорить хорошенько?—спросилъ онъ.

— Прозваніе его Ляпуновъ,—пояснилъ Бекетовъ.

— А учитъ ли онъ военной математикѣ? Сей учитель за ученіе моего сына просилъ необычайную цѣну—по два рубля за часъ... И

какъ это столько просить можно? Отъ этого они не будутъ имѣть мѣстъ.

— Цѣна, просимая учителемъ, весьма обыкновенная, потому что по оной онъ и въ другихъ домахъ обучаетъ,—возразилъ директоръ.— Впрочемъ, я не мѣшаюсь въ назначеніе ими цѣны, когда они на сторонѣ гдѣ въ свободное время отъ классовъ преподаютъ науки...

„Я вышелъ,—заключаетъ Бекетовъ,—исполненъ будучи прискорбія, видя таковое неблагорасположеніе начальника губерніи къ столь благотворительнымъ заведеніямъ, каковы суть разныя училища, учрежденныя въ губерніяхъ для совершенной пользы дѣтей, не имущихъ способу пріобрѣсть нужныя свѣдѣнія подъ кровомъ родительскимъ. Не смѣя судить власти, вышнимъ правительствомъ поставленныя, смѣю только сказать, что съ самаго своего пріѣзда господинъ губернаторъ не благорасположилъ себя къ симъ заведеніямъ,—по предубѣжденію ли тѣхъ неблагопріятствующихъ людей, которые окружали бывшаго губернатора и нынѣшняго также окружаютъ, или слѣдуя внушенію своего сердца и чувствъ не благоволитъ къ сей части. Изъ многихъ случаевъ я могъ сіе замѣтить, а сей послѣдній—уже ясно открылъ сіе“ [107].

Весною 1810 года произошло крупное измѣненіе въ составѣ министерства народнаго просвѣщенія: перваго министра графа Завадовскаго смѣнилъ новый министръ народнаго просвѣщенія—графъ А. К. Разумовскій. Пензенское дворянство, домогательства котораго, направленныя противъ гимназіи, не встрѣтили себѣ сочувствія въ министерствѣ, не замедлило воспользоваться этою перемѣною съ тѣмъ, что бы предпринять новую вылазку противъ ненавистнаго ему общеобразовательнаго и всесословнаго учебнаго заведенія. Выразителемъ тенденцій дворянства выступилъ на этотъ разъ мокшанскій уѣздный предводитель М. Новиковъ, 25-го ноября того же 1810 года обратившійся къ графу Разумовскому съ обширнымъ письмомъ-извѣтомъ противъ пензенской гимназіи. Воздавъ здѣсь хвалу „высокому почитанію“, оказываемому дѣлу народнаго просвѣщенія русскимъ дворянствомъ, вообще, и пензенскимъ дворянствомъ—въ частности, Новиковъ не обинуясь бросаетъ пензенской гимназіи укоръ въ безуспѣшности ученія, праздности и развратѣ воспитываемаго ею юношества. Упомянувъ о дворянскихъ жалобахъ 1806 года и объ одностороннe и, яко бы, пристрастно произведенной визитаціи въ 1807 году гимназіи проф. Яковкинымъ, Новиковъ изливаетъ передъ министромъ свою скорбь по поводу безвыходнаго положенія дворянства, въ особенности же въ виду закона 6-го августа 1809 года, установившаго образовательный цензъ

и особыя испытанія для лицъ, желающихъ опредѣлиться въ государственную службу *:

„Гдѣ же,—патетически восклицаетъ мокшанскій предводитель,—будутъ учить бѣдные дворяне дѣтей своихъ, когда въ гимназіи оные обучаться не могутъ по совершенному директора непопеченію о учащихся? Гдѣ же найдутъ способы бѣдные дворяне, отъ природы одаренные отличными способностями, образовать оныя къ высшимъ ступенямъ службъ государственныхъ? Они, достигнувъ совершеннолѣтія и видя для себя загражденнымъ путь къ полученію наградъ, льстящихъ ихъ честолюбію,—сему благородному и сильнѣйшему чувству, образующему великія дарованія,—не предадутся ли отчаянію, всегда помрачающему способности постыдными слабостями? Вотъ причины, произведшія во мнѣ смѣлость отнестись къ вашему сіятельству, какъ министру просвѣщенія, ревностному патріоту и усердному сочлену россійскаго дворянства".

Въ потокѣ ламентацій мокшанскаго предводителя весьма недвусмысленно просвѣчиваетъ истинная причина недовольства гимназіею: дворянскіе юноши крѣпко полѣнивались, а учиться въ гимназіи нужно было серьезно, и вотъ многимъ дворянскимъ неудачникамъ приходилось оставлять стѣны гимназіи до окончанія курса въ ней:

„Въ самомъ томъ уѣздѣ, гдѣ я имѣю честь быть предводителемъ,—продолжаетъ Новиковъ,—нѣсколько дворянъ обучались въ пензенской гимназіи и, по достаточномъ времени, они должны были быть взяты изъ оной обратно безъ всякихъ успѣховъ и помѣщаемы нынѣ въ канцелярскіе разныхъ присутственныхъ мѣстъ служители. Тотъ ли же долженъ быть путь служенія ихъ?! Въ окрестностяхъ здѣшнихъ губерній нѣтъ способовъ для начала военной службы, а помѣщеніе въ корпусы, по дальнему разстоянію, совершенно невозможно".

Весьма недвусмысленно затрогивается Новиковымъ и вопросъ о причинѣ всѣхъ расписываемыхъ имъ бѣдъ. Это—самостоятельное положеніе учебнаго вѣдомства, аргументъ, обращеніе на почвѣ котораго именно къ главѣ этого вѣдомства являлось шагомъ довольно рискованнымъ:

„Простите мнѣ, ваше сіятельство,—заключаетъ Новиковъ свое обширное посланіе,—если я осмѣлюсь еще присовокупить мнѣніе мое, что доколѣ не предоставится права начальнику ли губерніи или, по

* См. томъ II, стр. 361 и слѣд.

крайней мѣрѣ, губернскому предводителю (sic!) надзирать за попеченіемъ директора гимназіи, дотолѣ желаемаго успѣха ожидать отъ оной не возможно; ибо директоръ гимназіи, не считая себя зависимымъ отъ мѣстнаго начальства, находитъ себя обезпеченнымъ уже отъ всякихъ обнаруженій его недѣятельности и потому безъ всякой осторожности отдаляется отъ настоящей своей обязанности. Попечитель университета по отдаленію сего видѣть не можетъ; мѣстное начальство, не имѣя правъ, въ обнаруженіе сихъ опущеній не входитъ; предводители дворянства, испытавъ (намекъ на инцидентъ 1806 года), что ходатайство ихъ о пользѣ дворянъ отнесено яко бы къ личности ихъ, повторенія уже опасаются... Какого же удовлетворенія можетъ надѣяться бѣдный дворянинъ? Онъ—ни способовъ, ни надежды въ успѣхѣ своей жалобы не имѣя, остается съ одною горестію въ сердцѣ"... [108]

Читатели легко могутъ догадаться, что какъ самое письмо Новикова, такъ и его болѣе нежели своеобразная аргументація, были оставлены графомъ А. К. Разумовскимъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій *.

Помимо такихъ острыхъ столкновеній съ учебнымъ вѣдомствомъ, о какихъ мы разсказывали до сихъ поръ, встрѣчались и болѣе мелкіе конфликты училищныхъ начальствъ съ представителями мѣстной власти,—даже и не губернаторской,—какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ архивное дѣло „о поступкѣ генералъ-маіора Гертценберга съ оренбургскимъ училищнымъ домомъ", слушавшееся въ правленіи университета по представленію училищнаго комитета, а въ этотъ послѣдній поступившее по протесту оренбургскаго главнаго народнаго училища. Въ августѣ 1814 года генералъ-маіоръ Гертценбергъ, шефъ оренбургскаго гарнизоннаго полка, справлялъ въ своемъ домѣ какое то торжество—и вотъ что повѣствуетъ по этому поводу рапортъ директора оренбургскаго главнаго народнаго училища, представленный имъ университетскому училищному комитету:

„Августа 16-го числа, по случаю дѣлаемаго шефомъ оренбургскаго гарнизоннаго полка г. генералъ-маіоромъ Гертценбергомъ въ собствен-

* Любопытно, что предубѣжденное отношеніе пензенскаго,—да и не одного только пензенскаго,—дворянства къ гимназіямъ сдѣлалось традиціоннымъ для долгаго ряда послѣдующихъ лѣтъ. Это предубѣжденіе привело къ учрежденію въ г. Пензѣ мѣстнымъ дворянствомъ, въ исходѣ первой половины прошлаго столѣтія, особаго «дворянскаго института», не оправдавшаго, однако, надеждъ дворянъ на облегченныя условія образованія. Какъ эта причина, такъ и тяжесть платежей по содержанію института, были причиною закрытія его въ началѣ 60-хъ годовъ, а во второй половинѣ тѣхъ же годовъ роскошное зданіе бывшаго института было уступлено гимназіи, которая съ той поры въ немъ и помѣщается.

номъ его домѣ, находящемся противъ самаго училища, праздника, выставлены были имъ прозрачныя картины противъ самаго дома училищнаго, на разстояніи отъ онаго не далѣе, какъ около двухъ аршинъ, которыя по своей огромности закрыли почти совершенно весь училищный домъ по длинѣ его, будучи прикрѣплены посредствомъ шестовъ въ самую крышу онаго. А позади флигеля, служащаго квартирою учителю Меденикову, также очень не въ далекомъ разстояніи, поставлены были пушки, что все располагаемо было безъ всякаго вѣдѣнія училища, такъ что исправляющій должность директора училищъ, отъ пушечныхъ выстрѣловъ, около 9-ти часовъ вечера былъ побужденъ съ квартиры своей идти на мѣсто и, къ крайнему удивленію, нашелъ съ фасаду домъ училищный загороженнымъ упоминаемыми картинами и освѣщеннымъ плошками, поднятыми даже выше крыши. Онъ хотѣлъ было идти въ училище, но былъ остановленъ часовыми у выстроенныхъ подлѣ самаго училища тріумфальныхъ воротъ, закрывающихъ улицу между училищемъ и гертценберговымъ домомъ. Увидя, между тѣмъ, отъ выстрѣловъ обвалившуюся подмазку со всего флигеля, съ нуждою чрезъ часовыхъ прошелъ и, прибывъ въ училище, спрашивалъ г.г. учителей—имѣютъ ли они свѣдѣнія о всемъ томъ, на что они отозвались, что г. Гертценбергъ о семъ никому ничего не далъ знать. Причемъ усмотрѣно было, что въ случаѣ, если бы вѣтеръ подулъ на сторону училищнаго дома, то бы оный по близости отъ него находящихся огней неминуемо подверженъ былъ опасности загорѣться".

Правленіе университета, очевидно избѣгая дальнѣйшихъ пререканій съ мѣстными оренбургскими властями, постановило принять училищный рапортъ лишь „къ свѣдѣнію", послѣ чего онъ и нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе въ архивныхъ кипахъ „разныхъ бумагъ безъ всякаго производства"[109].

Если весьма существенными отрицательными условіями являлись для казанскаго университета, въ его училищной дѣятельности, индифферентизмъ общества, недостаточность матеріальныхъ средствъ и недоброжелательное отношеніе мѣстной администраціи, то въ еще большей степени тормозили его дѣятельность въ томъ же направленіи количественная недостаточность, неподготовленность и нравственная неудовлетворительность самаго училищнаго персонала,—факторы отрицательнаго характера, къ разсмотрѣнію которыхъ мы, въ настоящую минуту, и должны будемъ перейти.

Уже училищныя реформы послѣдняго двадцатипятилѣтія XVIII вѣка выдвинули впередъ, въ качествѣ предмета весьма настоятельной необходимости, вопросъ о приготовленіи для вновь созидаемыхъ училищъ учи-

телей,—вопросъ, который всецѣло достался въ наслѣдіе XIX столѣтію и который сдѣлался особенно жгучимъ послѣ просвѣтительныхъ начинаній первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра I, намѣчавшихъ для имперіи цѣлую іерархическую лѣствицу высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; тогда же приняты были мѣры и къ образованію учительскаго персонала на мѣстахъ, въ видахъ чего при университетахъ организованы педагогическіе институты, имѣвшіе своею задачею подготовленіе учителей. Мы уже познакомились съ положеніемъ только что указаннаго дѣла выше, когда рѣчь шла у насъ о педагогическомъ институтѣ казанскаго университета, почему снова возвращаться къ этому вопросу не будемъ. Мы тогда же имѣли возможность убѣдиться и въ томъ, что потребность въ учителяхъ для вновь учрежденныхъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, наиболѣе интенсивная эпоха открытій которыхъ какъ разъ совпала съ интересующею насъ порою жизни казанскаго университета, уже съ перваго года существованія университета вызвала оживленный спросъ на учителей, удовлетворять которому юный университетъ оказывался положительно не въ состояніи; дѣло доходило до того, что университетское начальство находило себя вынужденнымъ опредѣлять на учительскія вакансіи юношей, даже не прослушавшихъ полнаго университетскаго курса. Такъ обстояло дѣло въ первые годы существованія университета, такъ продолжалось оно и въ теченіи всей занимающей насъ начальной поры его жизни *.

Просмотръ дѣлъ объ открытіи училищъ яркими чертами свидѣтельствуетъ намъ о вопіющей потребности въ учителяхъ, оказывавшейся въ эпоху вѣдапія университетомъ училищныхъ дѣлъ округа. Мы не будемъ приводить, въ подтвержденіе этого положенія, цитатъ изъ соотвѣтствующихъ архивныхъ дѣлъ, такъ какъ это положеніе легко подкрѣпится любымъ дѣломъ этой категоріи; почти каждое изъ нихъ открывается перепискою относительно обезпеченія для намѣченнаго училища его преподавательскаго персонала; въ большинствѣ случаевъ возможностью подбора послѣдняго обусловливается и самый вопросъ объ открытіи того или другого училища. Съ только что указанной точки зрѣнія количественный недостатокъ учительскаго персонала являлся, наряду съ затрудненіями матеріальнаго характера, весьма серьезнымъ тормазомъ въ училищной дѣятельности казанскаго университета. По причинамъ вполнѣ, конечно, понятнымъ, съ особенными затрудненіями сопрягался подборъ учи-

* См. томъ II, стр. 609 и слѣд.

телей для училищъ сибирскихъ. Дѣло доходило до того, что вызывать сюда учителей приходилось даже путемъ публикацій; такъ въ № 9-мъ „Казанскихъ Извѣстій“ за 1812 годъ мы наталкиваемся на слѣдующее объявленіе: „Совѣтъ казанской гимназіи (такъ еще именовался въ то время, какъ мы знаемъ, университетскій совѣтъ) вызываетъ желающихъ опредѣлиться въ иркутскую гимназію учителемъ нѣмецкаго языка“. Когда зашла рѣчь объ открытіи уѣзднаго училища въ г. Якутскѣ, тогда возникло предположеніе предоставить здѣсь учительское мѣсто даже писцу изъ канцеляріи иркутскаго гражданскаго губернатора, — предположеніе, несостоявшееся въ виду несогласія на эту комбинацію губернатора. За недостаткомъ собственныхъ учителей, прибѣгали къ приглашенію на учительскія вакансіи семинаристовъ, относительно увольненія которыхъ изъ семинарій приходилось входить въ сношенія съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ; такъ, учителя изъ семинаристовъ, въ количествѣ семи человѣкъ, были въ 1806 году взяты для вновь основывавшихся нерчинскаго и киренскаго уѣздныхъ училищъ, съ прикомандированіемъ ихъ для предварительной подготовки, съ званіемъ учительскихъ „кандидатовъ“ и съ годовымъ окладомъ по 150 р. каждому, къ иркутской гимназіи. Въ числѣ претендентовъ на учительскую должность въ Сибири оказался и бывшій воспитанникъ старой казанской духовной академіи, учитель-информаторъ семинаріи Иванъ Кирилловъ, обратившійся къ иркутскому директору училищъ Кранцу съ слѣдующимъ курьезнымъ, но каллиграфически написаннымъ, прошеніемъ о предоставленіи ему учительской должности:

„Ваше высокоблагородіе! Милостивѣйшій государь! Егоръ Ѳедоровичъ!

Если животное, лишенное разсудка, старается о пищѣ, о своемъ состояніи: то человѣку ли, толико отличному дѣятельному-разумному существу не свойственно пещись о своей участи! Но, къ несчастію нашему, нерѣдко бываютъ заграждены тѣ пути, тѣ средства, посредствомъ коихъ человѣкъ можетъ достигнуть вожделѣннаго конца. Такъ—я нахожусь нынѣ въ такомъ положеніи и признаюсь предъ вами, что всѣ мои труды, таланты, свѣдѣнія, каковыя въ четыре-годичное время пріобрѣлъ я тамъ, гдѣ Волга струями своими напояетъ обитателей Казани, которая гордится своимъ просвѣщеніемъ—презрѣны и, такъ сказать, оставлены безъ вниманія.....

Я часто размышлялъ о участи своей, часто изыскивалъ средство подкрѣпить ее—и послѣднее только нахожу: прибѣгнуть къ вашему высокоблагородію, просить вашего покровительства. Гласъ питомцевъ, покровительствуемыхъ вами, влилъ въ сердце мое какія то нѣжныя чувствія, которыя теперь изливаю предъ вами. Теки,—вопіютъ они,—

къ нашему покровителю, онъ не отречется быть и твоимъ покровителемъ и отцомъ! Онъ—нѣженъ, чувствителенъ, сострадателенъ къ человѣчеству. И я не могъ воспротивиться движеніямъ сердца моего: се стою предъ очами вашими и прошу васъ, да не будутъ отринуты сіи строки мои! Прошу быть моимъ отцомъ, принять меня подъ ваше отеческое покровительство, давъ мнѣ должность въ какомъ либо училищѣ, покровительствуемомъ вами.

Иркутской семинаріи учитель информаторіи Иванъ Кирилловъ".

„Отеческое покровительство" было просителю оказано предоставленіемъ ему должности учителя въ одномъ изъ уѣздныхъ училищъ иркутской дирекціи [110].

Неудовлетворительность училищнаго персонала, съ точки зрѣнія слабой подготовленности его къ педагогической дѣятельности—была лишь логическимъ послѣдствіемъ количественной недостаточности его. Контингентъ кандидатовъ на учительскія мѣста, получившихъ болѣе или менѣе достаточную подготовленность, являлся крайне ограниченнымъ и учебному начальству представлялась такая альтернатива: или вовсе отказаться отъ открытія новыхъ училищъ, или же быть не слишкомъ разборчивымъ въ выборѣ училищнаго персонала. Остановились на второмъ изъ этихъ двухъ выходовъ и стали набирать учителей отовсюду, гдѣ только можно было найти ихъ, не прилагая къ аспирантамъ сколько нибудь строгаго масштаба. За недостаткомъ кандидатовъ, прошедшихъ подготовку въ университетскомъ педагогическомъ институтѣ, опредѣляли въ учителя студентовъ не прослушавшихъ полнаго университетскаго курса, вербовали учителей въ семинаріяхъ, брали ихъ изъ губернскихъ канцелярій, назначали студентовъ, какъ мы уже видѣли, въ учителя уѣздныхъ училищъ даже въ видѣ наказанія за ихъ дурные успѣхи и поведеніе (!).... Насколько малонадежнымъ представлялся, напримѣръ, контингентъ лицъ, намѣченныхъ къ занятію учительскихъ должностей во вновь открывавшейся иркутской гимназіи, видно изъ того, что сочтено было необходимымъ предварительно познакомить ихъ съ предметомъ предстоявшей имъ педагогической дѣятельности: „Дабы познакомить заблаговременно г.г. учителей съ гимназическими предметами,—писалъ попечителю директоръ мѣстныхъ училищъ,—покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять на себя трудъ доставить намъ всѣ части Клюгелевой Энциклопедіи, на нѣмецкомъ языкѣ, одобренной главнымъ училищъ правленіемъ, которой подлинникомъ учители Бельшевъ и Флоринскій могутъ воспользоваться, и по экземпляру учебныхъ книгъ по техно-

логіи и коммерческимъ наукамъ *, какія на россійскомъ языкѣ изданы; чего сіи книги стоить будутъ, по полученіи оныхъ деньги тотчасъ отправлены будутъ къ вашему превосходительству". Насколько неудовлетворительнымъ, по своей подготовкѣ, бывалъ въ ту пору не только учительскій персоналъ учебныхъ заведеній, но даже лица, стоявшія во главѣ ихъ, весьма рельефно свидѣтельствуется слѣдующею аттестаціею директора иркутскихъ училищъ Кранца, данною сенаторомъ Селифонтовымъ ** попечителю Румовскому въ письмѣ отъ 28-го ноября 1805 года и которая свидѣтельствуетъ о томъ легкомъ сердцѣ, съ какимъ замѣщались въ доброе старое время даже отвѣтственныя учебно-административныя должности:

„Не могу умолчать передъ вами, м. г.,—пишетъ здѣсь сенаторъ Селифонтовъ, — что гимназія здѣшняя не имѣетъ у себя такого директора, какого бы, по важности сего званія, имѣть должно; ибо г. Кранцъ, кромѣ его добропорядочнаго поведенія, не только не знаетъ никакихъ наукъ, но съ нуждою подписываетъ свое имя. Опредѣленъ онъ въ сію должность въ 1798 году бывшимъ здѣсь военнымъ губернаторомъ Трейденомъ, сколько по неимѣнію здѣсь способныхъ и свободныхъ для того чиновниковъ, столько и потому, что бы дать ему пропитаніе, поелику онъ, до сего бывъ въ Нерчинскѣ городничимъ, находился подъ судомъ. Неоспоримо, что долговременная его служба достойна вниманія—но польза наукъ, распространеніе и усовершенствованіе ихъ въ столь отдаленномъ краѣ, каковъ иркутскій, конечно заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, а по уваженію того необходимо, что бы директоръ опредѣленъ былъ—знающій".

Не взирая на авторитетность заявленія Селифонтова, Румовскій оставилъ Кранца въ должности директора, сославшись на трудность замѣщенія этой должности, но при этомъ придумалъ довольно своеобразную комбинацію, — нѣчто въ родѣ училищной „конституціи": Кранцу предписано было „все дѣлать совмѣстно съ старшими учителями Бельшевымъ и Флоринскимъ, которые, находясь въ Иркутскѣ съ самаго учрежденія училища (т. е. еще главнаго народнаго), могли и имѣли случай усовершить свои познанія давнею опытностью". Возможность назначенія въ начальники

* Просьба, объясняемая тѣмъ, что въ программу преподаванія гимназій того времени включались «естественная исторія и начальныя основанія, относящіяся до торговли и технологіи».

** Селифонтовъ, Иванъ Осиповичъ — иркутскій и колыванскій генералъ-губернаторъ (1796—97), сенаторъ, тобольскій, томскій и иркутскій генералъ-губернаторъ († 1822 г.).

учебнаго заведенія лица, даже находящагося подъ судомъ, не была для сибирской училищной жизни явленіемъ, повидимому, исключительнымъ: такъ, въ 1806 году выяснилось, что состоитъ подъ судомъ нѣкій Лукинъ, опредѣленный штатнымъ смотрителемъ вновь открытаго верхнеудинскаго уѣзднаго училища, взамѣнъ котораго и былъ назначенъ другой смотритель—Колодезниковъ, раньше проходившій службу въ должности верхнеудинскаго уѣзднаго казначея [111]. Справедливость заставляетъ насъ, впрочемъ, оговориться, что оба инцидента имѣли мѣсто еще до открытія дѣйствій университетскаго училищнаго комитета, слѣдовательно — въ годы нераздѣльнаго управленія попечителя Румовскаго всѣми училищными дѣлами округа.

Не можетъ представляться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что слабая подготовленность училищнаго персонала являлась одною изъ главныхъ причинъ малоуспѣшности учениковъ, которая была оффиціально констатирована для всего, безъ исключенія, казанскаго учебнаго округа. Хотя возникшая на этой почвѣ переписка и обсужденіе вопроса въ совѣтѣ университета, давшія содержаніе объемистому архивному дѣлу въ цѣлыхъ 276 листахъ, и относятся уже къ начальной порѣ попечительства Магницкаго, тѣмъ не менѣе мы, какъ въ видахъ сохраненія цѣлостности изложенія, такъ и для того, что бы впослѣдствіе уже не возвращаться къ нему, теперь же познакомимъ читателей съ этимъ въ высшей степени любопытнымъ эпизодомъ изъ училищной жизни казанскаго университета.

Просматривая затребованныя имъ вѣдомости о состояніи въ 1818 году учебныхъ заведеній округа, попечитель Магницкій обратилъ вниманіе на крайне низкій уровень успѣшности ученія, который былъ имъ усмотрѣнъ въ поражающей незначительности процента воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ ученія. Такъ, оказалось, что выпущено по гимназіямъ: въ нижегородской изъ 45-ти воспитанниковъ—всего 2, въ симбирской изъ 36-ти—4, въ астраханской изъ 53-хъ—3, въ вятской изъ 43-хъ—4, въ иркутской изъ 25-ти—2, въ пермской изъ 21—2, въ тобольской изъ 16-ти—ни одного. Также обстояло дѣло и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ во многихъ училищахъ (именно—въ двухъ главныхъ и въ трехъ малыхъ народныхъ, въ 27-ми уѣздныхъ и въ 23-хъ приходскихъ) въ отчетномъ году не оказалось выпущеннымъ ни одного воспитанника. Поставивъ замѣченную имъ „несообразность" на видъ университету предложеніемъ отъ 3-го октября 1819 года, попечитель предписалъ совѣту „взять на замѣчаніе тѣ изъ училищъ, въ коихъ весьма мало или совсѣмъ ника-

кихъ успѣховъ не оказали ученики“ и, „истребовавъ отъ начальниковъ оныхъ подробныя объясненія о причинѣ безуспѣшности учащихся, немедленно мнѣ ихъ представить“. Закипѣла по этому поводу усиленная переписка по всему учебному округу и только 8-го ноября слѣдующаго 1820 года совѣтъ имѣлъ возможность препроводить къ попечителю обширное собраніе объясненій учебныхъ заведеній округа, а слѣдомъ затѣмъ посвятилъ рядъ засѣданій составленію собственнаго заключенія по этому дѣлу, которое въ исходѣ года и было представлено Магницкому.

Заключеніе совѣта представляетъ настолько значительный интересъ, что мы считаемъ необходимымъ остановиться на немъ съ нѣкоторою подробностью. Всѣ эти заключенія сведены къ восьми „причинамъ“ малоуспѣшности воспитанниковъ, которыя мы и разсмотримъ въ той самой послѣдовательности, въ какой онѣ изложены въ представленіи попечителю.

Первую и основную причину малоуспѣшности учащихся совѣтъ университета усматриваетъ „въ расположеніяхъ родителей изъ низшихъ и среднихъ состояній, какъ то: приказнослужителей, купцовъ, мѣщанъ, господскихъ людей и крестьянъ, которые, по большей части, желаютъ обучить дѣтей своихъ только чтенію, письму и начальнымъ правиламъ арифметики, почитая другія науки для нихъ излишними, и когда дѣти ихъ научатся порядочно читать, писать и арифметикѣ, тогда отбираютъ ихъ изъ училищъ самовольно, безъ аттестатовъ, въ которыхъ не находятъ никакой надобности“. Къ этой причинѣ предвходитъ и продолжительность семилѣтняго полнаго среднеобразовательнаго курса (1 годъ въ приходскомъ училищѣ, 2 года въ уѣздномъ и 4 года въ гимназіи), между тѣмъ какъ „люди бѣдные никакъ не могутъ такъ долго воспитывать дѣтей своихъ на собственномъ иждивеніи и берутъ ихъ преждевременно“.

Вторая причина малаго количества оканчивающихъ курсъ въ училищахъ заключается, по мнѣнію совѣта, въ томъ, что „дѣти высшаго сословія, т. е. дворянскаго, почти нигдѣ не поступаютъ въ уѣздныя училища и гимназіи по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ двѣ главнѣйшія суть слѣдующія: а) что они опасаются унизиться, смѣшавшись съ простолюдствомъ, и б) что по большей части отправляютъ дѣтей своихъ въ кадетскіе корпуса и другія учебныя заведенія, гдѣ они скорѣе достигаютъ своей цѣли, то есть перваго оберъ-офицерскаго чина“. Изъ такого порядка вещей вытекаетъ, что „гимназіи и уѣздныя училища не числятъ учениками своими тѣхъ самыхъ, которые имѣютъ всѣ средства къ наилучшему вос-

питанію и содержанію со стороны своихъ родителей, и, напротивъ того, принимаютъ въ нѣдра свои самую большую часть учащихся изъ состояній среднихъ и простолюдства, которые довольны и самымъ малымъ образованіемъ".

Третью причину того же явленія университетъ видитъ въ „духѣ старообрядства и раскола, распространенныхъ съ давнихъ временъ по многимъ губерніямъ, казанскій учебный округъ составляющимъ". Старообрядцы,—утверждаетъ совѣтское представленіе,—„охотнѣе ввѣряютъ дѣтей своихъ для обученія какому ни есть простолюдину ихъ толка, едва умѣющему читать по церковной печати, нежели общественнымъ учебнымъ заведеніямъ, особенно потому, что въ нихъ замѣнены старинныя азбуки церковной печати, — часословъ и псалтирь, — другими учебными книгами гражданской печати, а потому старообрядцы или староверы имѣютъ опасеніе, что бы дѣти ихъ, обучившись по новымъ книгамъ, не оставили древнихъ отеческихъ обычаевъ и нравовъ".

Четвертую причину малаго, вообще, количества воспитанниковъ въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ совѣтъ находитъ въ весьма значительной распространенности частнаго, внѣшкольнаго, обученія. „Великое число находится,—читаемъ въ его представленіи,—учителей и учительницъ изъ разныхъ состояній, какъ то: а) изъ церковнослужителей и священнослужителей, для которыхъ сія обязанность есть самая высокая и священная, стоящая въ рядъ съ благовѣствованіемъ евангельскимъ, б) изъ солдатъ и солдатокъ, изъ мѣщанъ и мѣщанокъ, изъ крестьянъ и изъ дѣвокъ (sic!), по большей части и первоначальныхъ правильныхъ познаній въ чтеніи и письмѣ не имѣющихъ, которымъ, однако же, не смотря на то, многіе родители по ихъ простотѣ и невѣдѣнію и по малой платѣ за выучку поручаютъ дѣтей своихъ. Сіи домашнія училища, — заключаетъ совѣтъ,—препятствуютъ умноженію учениковъ въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ".

Пятая причина медленныхъ успѣховъ дѣла народнаго просвѣщенія лежитъ „въ домашнемъ примѣрѣ, который видятъ дѣти въ безграмотныхъ своихъ родителяхъ и въ маломъ духовномъ христіанскомъ образованіи отъ приходскихъ священниковъ зависящемъ, которое, по порядку вещей, должно составлять основу всего воспитанія". Совѣтское представленіе замѣчаетъ, что „немного есть примѣровъ, что бы священники дѣтей своихъ прихожанъ въ извѣстное время въ своихъ приходскихъ училищахъ обучали закону Божію, а по большей части сіе самое важнѣйшее просвѣщеніе оставляется на совершенный произволъ духовныхъ дѣтей".

Шестою причиною недостаточныхъ успѣховъ школьнаго образованія признается трудность и дороговизна доставленія учебныхъ книгъ и пособій въ отдаленныя отъ столицъ губерніи, въ отвращеніе чего рекомендуется „въ разныхъ губернскихъ городахъ при гимназіяхъ учредить запасные магазины книгъ и пособій".

Седьмая причина медленнаго движенія дѣла народнаго просвѣщенія указывается въ крайне ограниченномъ количествѣ способныхъ и знающихъ людей, готовыхъ, при наличныхъ матеріальныхъ условіяхъ этого рода службы, занимать смотрительскія и учительскія должности. „Увѣрительно сказать можно,—читаемъ въ представленіи совѣта,—что въ уѣздныхъ малыхъ народныхъ и приходскихъ училищахъ тѣ только чиновники и учители долговременно, постоянно и съ усердіемъ исполнять могутъ свои званія, которые, испытавъ превратность приключеній и счастья міра и утвердившись въ христіанскомъ благочестіи, рѣшили дѣлать добро изъ единой токмо любви къ Господу Богу и человѣкамъ, не обращая никакого вниманія на свое умѣренное и ни малаго блеска не представляющее званіе; молодые же люди, вступя въ сей кругъ службы и не нашедши въ ономъ тѣхъ выгодъ и отличій, которыя они обыкновенно предполагаютъ, и не усматривая оныхъ и въ будущемъ—скоро хладѣютъ къ своему званію и избираютъ другія службы, въ которыхъ прельщаютъ ихъ преимущественныя выгоды".

Восьмую причину малоуспѣшности школьнаго дѣла совѣтъ указываетъ въ неспособности самихъ наставниковъ, „изъ которыхъ не малое число, по строгомъ разсмотрѣніи, въ теченіи прошедшаго 1819-го и нынѣшняго 1820-го годовъ удалены отъ своихъ мѣстъ", — замѣчаетъ представленіе, намекая на разгромъ педагогическаго персонала, произведенный Магницкимъ не только въ университетѣ, но и по всему учебному округу, и, слѣдомъ затѣмъ, впадаетъ въ рядъ сентенцій, разсчитанныхъ на угоду излюбленнымъ умовоззрѣніямъ попечителя: „Истинное ученіе и просвѣщеніе, — аргументируетъ совѣтъ, — имѣетъ столько силы и привлекательности, что только сердца ожесточенныя и умы, обуянные вольностью, могутъ отвергать его, а простые, невинные и лучшіе человѣки къ сему невечернему свѣту, вѣчнымъ востокомъ Іисусомъ Христомъ разливаемому, всегда были привлекаемы и, Святымъ Духомъ просвѣщаемые и наставляемые, предъ онымъ благовѣли по слову евангельскому: овцы слушаютъ гласа добраго своего пастыря. Очевиднымъ и непреоборимымъ тому доказательствомъ служитъ первое распространеніе христіанской вѣры, яко единаго истиннаго, святаго и совершеннаго ученія, которое превозмогло

Господу Богу, споспѣшествующу и полагающу одолѣть всѣ препятствія и противодѣйствія тьмы“......

Отдавъ, такимъ образомъ, необходимую, по условіямъ того времени, дань фарисейскому піетизму Магницкаго, совѣтъ университета приходитъ къ слѣдующимъ пожеланіямъ, признаваемымъ имъ способными поднять уровень училищнаго дѣла:

1. Подтвердить всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, „что бы никого изъ оберъ-офицерскихъ и приказно-служительскихъ дѣтей не принимать въ канцелярскія званія, кто не предъявитъ аттестата объ окончаніи ученія въ университетѣ, гимназіи или другихъ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а мѣщанскимъ и купеческимъ обществамъ внушить, что впредь въ общественныя и почетныя званія никто избираемъ не будетъ, кто не имѣетъ похвальнаго аттестата объ окончаніи и выученіи, при хорошемъ поведеніи, по крайней мѣрѣ въ уѣздномъ училищѣ“.

2. Что бы дѣти дворянъ „не были принимаемы въ дворянскій полкъ и въ кавалерійскій учебный эскадронъ, при корпусѣ находящійся, которые не представятъ свидѣтельства объ окончаніи ими съ похвалою ученія въ какой либо гимназіи“, и, „въ угожденіе дворянству“, устроить при уѣздныхъ училищахъ особые классы для дворянскихъ дѣтей.

3. Въ отвращеніе недовѣрія старообрядцевъ къ учебнымъ заведеніямъ, разрѣшить употребленіе въ училищахъ старинныхъ азбукъ церковной печати, часослова и псалтири, для желающихъ обучаться по нимъ. Это разрѣшеніе оправдывается и тѣмъ, что „изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ свѣтскихъ учебныхъ книгъ нѣтъ ни одной, которая бы могла равняться съ часословомъ и псалтирью въ простотѣ, поучительности, силѣ, убѣжденіи, краснорѣчіи, изяществѣ, глубокомысліи, величествѣ и откровеніяхъ, видимо носящихъ на себѣ печать правды Божіей, чрезъ святыхъ богодухновенныхъ мужей возвѣщенной“.

4. Запретить въ городахъ и селахъ, гдѣ имѣются училища, свободное внѣшкольное обученіе учителямъ и учительницамъ „изъ простолюдиновъ“, не имѣющимъ особыхъ свидѣтельствъ на право преподаванія; при выдачѣ же таковыхъ обращать особое вниманіе на поведеніе и благочестіе—„ибо наука безъ благочестія и страха Божія, кромѣ вреда и нестроенія, ничего не производитъ“.

5. Поставить священно — и церковнослужителямъ въ непремѣнную обязанность устраивать по приходамъ, при церквахъ, „наставленія, по образцу приходскихъ училищъ, въ чтеніи, письмѣ и законоученіи“, такъ какъ „нѣтъ ничего приличнѣе и богоугоднѣе для священнослужителей,

какъ наставленіе въ наукѣ и благочестіи духовныхъ дѣтей своихъ: сіе есть торгъ и истинное пріобрѣтеніе на ввѣренные Владыкою дома, Отцомъ свѣтовъ, таланты".

6. Немедленно удовлетворить всѣ требованія книгъ и пособій, отпуская ихъ дирекціямъ училищъ по возможно дешевой цѣнѣ.

7. Для привлеченія въ учебную службу способныхъ людей—увеличить въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ оклады жалованья.

8. Для лучшаго наблюденія за ходомъ училищнаго дѣла ежегодно отправлять визитаторовъ „изъ довѣренныхъ высшему учебному начальству особъ", съ возложеніемъ на нихъ особенной обязанности тщательно удостовѣряться въ „примѣрной христіанской нравственности" и учащихся, и учащихъ.

9. Что касается до образованія „таковыхъ наставниковъ, къ которымъ бы можно было прямо отнести слова св. писанія: вы есте соль земли и свѣтъ міру, такъ свѣтящійся предъ человѣками, что они, видя добрыя дѣла ваши, прославляютъ Отца небеснаго—сіе предоставить богомудрому (sic!) управленію высшаго учебнаго начальства и, по мѣрѣ силъ, возможности и дарованій, всѣмъ безъ изъятія училищнымъ чиновникамъ къ тому содѣйствовать и непрестанно молиться Отцу небесному, да пріидетъ и посѣтитъ винограды свои, да пріидетъ царствіе Его и да будетъ воля Его, яко на небеси, и на земли!"......

Странное впечатлѣніе производитъ это совѣтское представленіе попечителю, изображающее собою нѣчто среднее между дѣловымъ документомъ и церковною проповѣдью и въ которомъ мысли и предначертанія вполнѣ практическаго характера—переплетаются съ бьющими въ глаза своею дѣланностью псевдо-религіозными сентенціями и кощунственными, по лежащимъ въ основѣ ихъ побужденіямъ, многоглагольствованіями, разсчитанными единственно только на холопское угожденіе попечителю - фарисею. Не нужно, впрочемъ, забывать, что это представленіе исходило уже отъ „обновленнаго" Магницкимъ университета и всецѣло относится къ мрачной эпохѣ его попечительства, повѣствованіе о которой находится у насъ еще впереди. Никакихъ дальнѣйшихъ практическихъ результатовъ все это обширное производство „относительно малыхъ успѣховъ учениковъ"—не имѣло, да и самое вѣдѣніе училищныхъ дѣлъ отошло отъ университета, какъ мы это уже знаемъ, немного лѣтъ спустя послѣ разсказаннаго нами инцидента [112].

Кромѣ уже разсмотрѣнныхъ нами выше неблагопріятныхъ для успѣха училищной дѣятельности казанскаго университета условій, въ высшей сте-

пени серьезнымъ тормазомъ являлась въ томъ же отношенiи и нравственная неудовлетворительность училищнаго персонала, тяжело отзывавшаяся какъ на образовательныхъ, такъ, въ особенности, на воспитательныхъ задачахъ школы.

Крайне низкiй нравственный уровень училищной среды невольно поражаетъ собою при ближайшемъ знакомствѣ съ памятниками училищной жизни интересующей насъ эпохи; отдѣльныя отрицательныя проявленiя этой жизни порою принимаютъ прямо таки невѣроятный, почти чудовищный, колоритъ и иногда кажется, что весь этотъ, широко разбросанный по далекому русскому востоку, контингентъ наставниковъ и воспитателей русскаго юношества — олицетворялъ собою сплошную глубоко испорченную и развращенную среду, способную вносить лишь полную деморализацiю въ умы и сердца руководимыхъ ею молодыхъ поколѣнiй. Само собою разумѣется, что это прискорбное явленiе, которое постоянно приходилось констатировать въ своихъ рапортахъ университету визитаторамъ учебныхъ заведенiй, должно было имѣть свои причины, несомнѣнно стоявшiя въ самой тѣсной связи съ отрицательными условiями русской провинцiальной жизни того времени, вообще. Мы видѣли, правда, что далеко не на высокомъ нравственномъ уровнѣ находился и бытъ студенческой среды начальной поры существованiя университета,—среды, поставлявшей значительный контингентъ учителей для учебныхъ заведенiй казанскаго учебнаго округа, причемъ въ учителя нерѣдко попадали худшiе отбросы современнаго студенчества, и попадали не случайно, а со стороны учебнаго начальства вполнѣ сознательно, такъ какъ въ числѣ карательныхъ по отношенiю къ студентамъ мѣръ практиковалось, какъ мы знаемъ, опредѣленiе ихъ учителями уѣздныхъ училищъ; не представляется нисколько удивительнымъ, что во внутреннюю жизнь училищъ эти „штрафованные“ педагоги вносили то самое разлагающее влiянiе, которое признавалось съ ихъ стороны нетерпимымъ въ университетѣ! Не трудно прiйти къ заключенiю, что эта совершенно непонятная и глубоко непедагогичная мѣра способна была лишь ронять высокое званiе учителя и значенiе учительской службы и въ глазахъ самихъ учащихъ, и въ глазахъ учащихся, и въ глазахъ общества. Растлѣвающее влiянiе указанной дисциплинарной мѣры было въ свое время по достоинству оцѣнено Магницкимъ, возмущавшимся тѣмъ, что нетерпимые по своимъ нравственнымъ качествамъ въ университетѣ студенты, „вмѣсто наказанiя, были опредѣляемы учителями, и развратъ, коимъ заразились они въ университетѣ, разносили по учебнымъ заведенiямъ казанскаго округа, такъ что настоя-

щему начальству большаго стоило труда очистить округъ отъ подобныхъ наставниковъ“ *.

Но, вѣдь, не одними же отбросами современной учащейся молодежи наполнялись училища казанскаго учебнаго округа. Среди представителей этого училищнаго персонала попадались лица съ полнымъ образовательнымъ цензомъ и спеціальною педагогическою подготовкою, получившія университетскіе дипломы и даже прошедшія курсъ петербургскаго главнаго педагогическаго института,—но и изъ этихъ лицъ весьма многіе оказывались нравственно неустойчивыми и быстро скатывались по наклонной плоскости, попавъ въ затхлую атмосферу провинціальной училищной жизни. Мы едва ли ошибемся, признавъ источникъ этого зла въ самыхъ условіяхъ внутренней жизни той захолустной провинціальной среды, въ которую приходилось съ головою окунаться молодымъ учителямъ, получавшимъ назначенія въ глухіе медвѣжьи углы казанскаго учебнаго округа, даже и въ наши дни, въ началѣ XX-го вѣка, далеко не отличающіеся своею культурностью, а въ ту пору, отдаленную отъ насъ почти на цѣлое столѣтіе, бывшіе настоящею „страною дикарей“—съ дикою природою, съ дикими нравами, съ дикими условіями духовной и общественной жизни. Грубыя проявленія произвола и самоуправства, мздоимство и казнокрадство, неуваженіе къ личности, холопство передъ высшими и презрительное отношеніе къ низшимъ, отсутствіе духовныхъ стимуловъ и интересовъ жизни, восполнявшихся безпросыпнымъ пьянствомъ и разгуломъ, картами, грубыми проявленіями животныхъ страстей — вотъ что давало собою общій колоритъ захолустной провинціальной средѣ того времени, въ значительной мѣрѣ доставшись въ наслѣдіе и болѣе близкимъ къ намъ эпохамъ русской жизни. Неимѣніе въ ту пору сколько нибудь удобныхъ и доступныхъ путей сообщенія, способныхъ дать представителямъ далекой провинціальной интеллигенціи возможность хотя бы только изрѣдка и на время сбрасывать съ себя плѣсень однообразной уѣздной жизни; отсутствіе повременной прессы, библіотекъ, книгъ, какихъ бы то ни было развлеченій разумнаго общественнаго характера; вопіющая, порою граничившая съ нищетою, матеріальная необезпеченность учителей, на которую въ 1820 году сѣтовалъ самъ совѣтъ университета въ только что разсмотрѣнномъ нами представленіи попечителю и которая не могла, конечно, не отражаться на соціальномъ положеніи учителей среди другихъ элементовъ мѣстной общественности—все это были факторы отри-

* См. томъ II, стр. 600—601.

цательнаго характера, которые рѣшительнымъ образомъ вліяли на нравственный уровень менѣе устойчивой части учительскаго персонала и набрасывали на жизнь послѣдняго тѣ мрачныя краски, съ которыми мы должны будемъ скоро познакомиться. Если внѣшнія неблагопріятныя условія неудержимо засасывали училищный персоналъ тиною сѣренькой и пошленькой захолустной жизни, то въ значительной степени способствовало нравственному приниженію его и само мѣстное общество, среди котораго „ученое" званіе,—не выключая и профессорскаго,—было не въ авантажѣ не только въ пріуральскихъ дебряхъ или въ глуши сибирскихъ тайгъ, но, какъ мы это видѣли, даже и въ претендовавшемъ на культурность интеллектуальномъ центрѣ русскаго востока того времени—Казани. Если,—какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ К. Ѳ. Фуксъ,—„наше ученое сословіе было тогда въ ужасномъ пренебреженіи", если губернаторы не сажали при пріемѣ профессоровъ, мѣстный комендантъ позволялъ себѣ обращаться съ ними на „ты", а казанскіе полицейскіе пристава третировали представителей университетской науки наравнѣ съ „ремесленными подмастерьями" *, то легко представить себѣ, какое унизительное положеніе выпадало на долю представителей „ученаго" сословія по далекимъ захолустьямъ казанскаго учебнаго округа, гдѣ къ нимъ относились съ снисходительнымъ пренебреженіемъ даже такіе люди, какъ оренбургскій генералъ-губернаторъ князь Г. С. Волконскій, въ домѣ котораго позорную роль домашняго шута и прихлебателя разыгрывалъ такой сравнительно видный представитель учебной администраціи, какимъ могъ бы быть почитаемъ директоръ училищъ оренбургской губерніи. Нечего и говорить о томъ, что нравственные недочеты учительской среды отрицательно отзывались и на успѣшности преподаванія; относящійся къ 1807 году отчетъ директора вятскихъ училищъ не обинуясь констатировалъ, напримѣръ, что „слабое поведеніе" учителей тормозитъ успѣхи преподаванія въ ввѣренныхъ ему училищахъ.

Нареканія на „слабое поведеніе" выпадали въ ту пору на долю не только низшей учительской братіи, но раздавались по адресу и самихъ директоровъ училищъ. Если сенаторъ Селифонтовъ упрекалъ, какъ мы видѣли, директора иркутскихъ училищъ, бывшаго подсуднаго городничаго Кранца, не только въ кругломъ невѣжествѣ, но и въ неумѣніи правильно подписывать свое имя, одобряя, по крайней мѣрѣ, его поведеніе, то нѣкоторые другіе директоры училищъ не имѣли за собою и этого послѣд-

* См. томъ II, стр. 416—418.

ныго преимущества. Въ 1805 году, напримѣръ, нѣкоторые представители тобольскаго общества, съ гражданскимъ губернаторомъ Гермесомъ во главѣ, письменно жаловались попечителю Румовскому на директора мѣстныхъ училищъ Лафинова и просили замѣнить его другимъ лицомъ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на его зазорное поведеніе—„которое и въ состояніи простаго мастероваго было бы непростительно"; по словамъ его обличителей, директоръ училищъ „пьянъ всегда, даже и во время экзаменовъ" и своими поступками „унижаетъ не только званіе свое, но и человѣчество". Желаніе тобольцевъ было удовлетворено и Лафиновъ былъ смѣщенъ съ директорской должности [113]. Предосудительное поведеніе и безчинства другого директора училищъ, Протопопова, занимавшаго эту должность въ оренбургской губерніи, послужили поводомъ къ назначенію спеціальной визитаціи оренбургскихъ училищъ, обнаружившей факты, почти невѣроятные даже и для той отдаленной эпохи и для такого глухого края, какимъ являлась еще въ ту пору оренбургская губернія. Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на похожденіяхъ этого удивительнаго педагога, представляющихъ собою характерную страничку изъ училищной хроники казанскаго учебнаго округа.

Павелъ Ивановичъ Протопоповъ, братъ помощника инспектора студентовъ 20-хъ—30-хъ годовъ И. И. Протопопова и дядя будущаго профессора-терапевта Д. И. Протопопова, представлялъ собою личность даровитую, но совершенно искалѣченную неблагопріятно сложившимися жизненными условіями и алкоголизмомъ, который и явился главнымъ источникомъ всѣхъ злоключеній этого глубоко павшаго впослѣдствіе человѣка. Воспитанникъ казанской духовной семинаріи, въ концѣ XVIII вѣка—капельмейстеръ и концертмейстеръ казанскаго публичнаго (баратаевскаго) театра, прекрасный музыкантъ и композиторъ, отчасти даже поэтъ, Протопоповъ въ началѣ минувшаго столѣтія несъ самыя разнообразныя службы въ г. Казани и въ Петербургѣ; во время своей петербургской службы, черезъ посредство покровительствовавшаго ему маститаго актера того времени И. А. Дмитревскаго, познакомился съ попечителемъ казанскаго учебнаго округа Румовскимъ, который подмѣтилъ природныя дарованія Протопопова и предложилъ ему въ 1806 году отвѣтственную должность директора училищъ оренбургской губерніи. Уже вскорѣ послѣ прибытія Протопопова къ мѣсту новаго служенія, изъ Оренбурга стали доноситься въ Петербургъ самыя безотрадныя вѣсти относительно нравственной личности новаго директора, причемъ въ роли обличителей своего принципала выступили двое учителей оренбургскаго главнаго народнаго училища—

Топорнинъ и Трапезонтовъ, выведенные изъ себя зазорными дѣяніями и несправедливостями Протопопова, почти не выходившаго изъ подъ угнетающаго вліянія винныхъ паровъ. Фактовъ, сообщенныхъ обоими учителями, было болѣе нежели достаточно для того, что бы возбудить разслѣдованіе дѣяній директора, но Румовскій не обратилъ серьезнаго вниманія на жалобы Топорнина и Трапезонтова, увидѣвъ въ нихъ простую интригу подчиненныхъ противъ начальника. Протопоповъ хорошо зналъ, повидимому, характеръ слабовольнаго попечителя и открыто похвалялся, что „я, де, своимъ романическимъ штилемъ лживое представлю справедливымъ и, напротивъ, справедливое лживымъ“, ссылаясь при этомъ на вліяніе покровительствовавшаго ему Дмитревскаго. Директоръ не ошибся въ разсчетѣ: все дѣло ограничилось тѣмъ, что оба учителя-протестанта вынуждены были подать прошенія объ отставкѣ, а обѣленный Протопоповъ сталъ впадать въ еще бо́льшія безчинства. Едва истекло два года со времени только что описаннаго инцидента, какъ въ столицу снова, и опять таки со стороны двухъ учителей, Румскаго и Меденикова, полетѣли жалобы на предосудительные поступки оренбургскаго директора училищъ. На этотъ разъ дѣло приняло уже неблагопріятный для Протопопова оборотъ, дошло до самого министра и въ засѣданіи совѣта казанскаго университета отъ 1-го сентября 1809 года было заслушано, основанное на предписаніи министра, предложеніе Румовскаго относительно назначенія въ Оренбургъ визитаторовъ для разслѣдованія на мѣстѣ предъявленныхъ къ директору обвиненій. Назначенные для этой цѣли визитаторы, адъюнктъ Запольскій и магистръ Кондыревъ, выполнили порученіе совѣта уже къ началу ноября того же года и раскрыли возмутительную эпопею постыдныхъ дѣяній Протопопова, въ подробностяхъ возстановляемую обширнымъ дѣломъ объ этой визитаціи, изъ котораго видимъ, что Запольскій и Кондыревъ произвели формальное, согласно со всѣми процессуальными условіями того времени, слѣдствіе „о поступкахъ“ Протопопова, вполнѣ подтвердившее какъ жалобы Румскаго и Меденикова, такъ и прежнія донесенія Топорнина и Трапезонтова. Остановимся на болѣе вопіющихъ фактахъ, обнаруженныхъ этимъ слѣдствіемъ, при которомъ Протопоповъ письменно защищался,—замѣтимъ кстати,—хотя и не безъ „романическаго штиля“, но, въ общемъ, въ высшей степени слабо и неудачно.

Оказывается, что пьянственное житіе оренбургскаго директора представляло собою нѣчто необычайное, стихійное даже и для видавшей виды оренбургской общественности. Пилъ Протопоповъ не зная ни мѣры, ни времени, пилъ до такой степени, что „наносилъ позоръ училищу, неудо-

вольствіе гражданамъ, а подчиненнымъ — несносныя обиды". Пьянствуя самъ, директоръ старался спаивать и учителей, зазывалъ ихъ для этой цѣли въ свою квартиру, гдѣ заставлялъ пить съ собою, внушая имъ, что „всѣ непьющіе—жестокосерды"; безъ мѣры пилъ Протопоповъ и внѣ дома, и подчиненнымъ ему учителямъ случалось на рукахъ приносить въ училищный домъ до безпамятства упившагося принципала, мѣстный же генералъ-губернаторъ, хотя и покровительствовавшій директору, но выведенный изъ терпѣнія его безпросыпнымъ пьянствомъ, однажды выдворялъ его изъ казенной училищной квартиры. Не стѣснялся директоръ появленіемъ въ пьяномъ видѣ и въ классахъ; разъ случилось, что, придя въ классъ совершенно пьяный, онъ заснулъ на кафедрѣ и болѣе часа проспалъ здѣсь въ самомъ „развратномъ видѣ". Однажды, въ пьяномъ видѣ, Протопоповъ бросился на учителя Топорнина со шпагою и едва не закололъ его; въ другой разъ, также пьяный, онъ упалъ на опорожненные водочные штофы и жестоко, до самой кости, изрѣзалъ себѣ руку: „Мы ужаснулись, — заявлялъ учитель Трапезонтовъ, — видя его какъ бы окупутаго въ крови и количество истекшей изъ него крови показалось бы невѣроятнымъ; на кожаномъ тюфякѣ лужами стояла кровь; капотъ, которымъ былъ одѣтъ, весь ею измаранъ, весь полъ кровью былъ улитъ, во многихъ мѣстахъ стояла она печеньями, самыя стѣны были ею обрызганы". Состояніе опьяненія сопровождалось у директора аффектами, нагонявшими ужасъ на окружающихъ: „По часту, — показывали жившіе съ нимъ по сосѣдству учителя,—онъ въ глубокую ночь топочетъ и кричитъ необычайнымъ голосомъ, отъ намѣренія ли насъ безпокоить, или отъ находящаго на него умоизступленія, или отъ непомѣрнаго пьянства"......

Пьянство соединялось въ Протопоповѣ съ распутствомъ и проявленіями животныхъ страстей, являвшимися предметомъ скандальной сенсаціи для всего города. По показанію учителя Топорнина, директоръ, бывшій къ тому же, по показанію учителей, сифилитикомъ, устроилъ въ училищномъ домѣ настоящее „торжище распутства", а его приспѣшникъ, учитель татарскаго языка Яшвинъ, совершенно открыто, на глазахъ у всѣхъ, приводилъ къ нему въ квартиру публичныхъ развратницъ. Учитель Медениковъ обвинялъ Протопопова въ томъ, что онъ позволялъ себѣ какія то „неблагопристойности предъ его женою", чего не отвергалъ и самъ директоръ, оправдываясь лишь тѣмъ, что эта училищная дама и сама „никогда не отказывала ему съ собою шутить", что было, однако, признано визитаторами клеветою и самостоятельною „обидою, требующею воздаянія". Чувственные эксцессы пьянаго директора иногда направлялись даже

на его учениць. Такъ, однажды, во время сбора учениковъ и учениць въ классы (народныя училища того времени являлись смѣшанными), онъ заманивалъ въ свою квартиру, подъ предлогомъ чаепитія, тринадцатилѣтнюю дочь штабъ-лекаря Копка, которая со слезами убѣжала домой, вслѣдствіе чего ея отецъ, отговоренный отъ первоначальнаго намѣренія дать этому дѣлу законный ходъ, запретилъ дочери дальнѣйшее посѣщеніе училища; въ другомъ случаѣ Протопоповъ былъ выгнанъ изъ дома генерала Мансурова за неблагопристойную вольность, дозволенную имъ себѣ съ генеральскою дочерью, которой онъ, какъ музыкантъ, преподавалъ уроки фортепіанной игры.

Пьяное безпутство директора не преминуло отозваться и на положеніи подчиненныхъ ему учителей, высокомѣрное отношеніе къ которымъ Протопопова превосходило всѣ мѣры приличія. Въ день своихъ имянинъ онъ грубо кричалъ на собравшихся у него учителей за то, что они не встрѣтили его привѣтственною рѣчью, бросившись даже на одного изъ нихъ со шпагою въ рукахъ, постоянно грозилъ имъ увольненіемъ отъ службы и требовалъ себѣ отъ нихъ „рабскихъ услугъ",—какъ выразился учитель Трапезонтовъ. Самовольно распоряжаясь казенными учительскими квартирами и безсовѣстно притѣсняя ихъ на этой почвѣ, Протопоповъ простеръ свою беззастѣнчивость до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, что поставилъ для себя въ библіотекѣ училища извѣстное приспособленіе интимнаго домашняго обихода, распространявшее зловоніе на весь небольшой училищный домъ и которое приходилось торжественно выносить черезъ всѣ классныя комнаты. Позволялъ себѣ Протопоповъ слишкомъ рѣзкія выходки и по отношенію къ оренбургскому обществу и его „вольность въ обращеніи", „грубѣйшая неблагодарность за пріемъ, ему сдѣланный" и „неуваженіе къ обществу" — фигурируютъ въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ, выставленныхъ противъ него визитаторами; дерзость пьянаго директора доходила до того, что онъ обзывалъ все мѣстное общество— „трущобою ссылочныхъ" и написалъ на самого генералъ - губернатора" басню-памфлетъ „Волкъ и рѣпа", въ которой вышучивалъ бракъ князя Волконскаго. Не представляется ничего удивительнаго въ томъ, что, при такомъ режимѣ жизни директора, въ крайне запущенномъ видѣ оказалось и оренбургское главное народное училище. Визитаторы засвидѣтельствовали невообразимый безпорядокъ какъ въ самомъ устройствѣ училища и въ организаціи его учебнаго дѣла, такъ и въ училищномъ дѣлопроизводствѣ, до денежной отчетности, включительно; на самомъ директорѣ оказался начетъ въ 600 рублей, покрытый подпискою, устроенною по почину его покровителя князя Волконскаго.

Нравственное паденіе оренбургскаго директора училищъ достигло такой низкой ступени, что онъ не стѣснялся выступать чѣмъ то въ родѣ домашняго шута въ домѣ мѣстнаго генералъ-губернатора князя Волконскаго, оказывавшаго ему за это свое покровительство. Учитель Румскій открыто обвинялъ Протопопова въ томъ, что онъ исполняетъ при генералъ-губернаторѣ обязанности „шута и музыканта (sic)“ и, вообще, состоитъ при немъ завсегдатаемъ - прихлебателемъ, на что директоръ возражалъ въ своемъ письменномъ объясненіи, что князь Волконскій дѣйствительно постоянно приглашалъ его къ себѣ, но—„для молитвъ (!) и собесѣдованій“. Пьяное шутовство Протопопова находило себѣ, впрочемъ, примѣненіе и за предѣлами интимныхъ стѣнъ генералъ-губернаторскаго дома. Такъ, визитаторами былъ установленъ фактъ, подкрѣпленный и солидными свидѣтельскими показаніями, что однажды въ г. Бузулукѣ, куда онъ ѣздилъ для ревизіи мѣстнаго училища, пьяный директоръ „представилъ собою самое постыдное и соблазнительнѣйшее ко вреду просвѣщенія зрѣлище, допустивъ нарядить себя въ хлѣбный куль, водить по улицѣ, мазать сажею, сажать подъ столъ и, при подачѣ стакана пунша, дѣлать всѣ экзерциціи на манеръ пуделя“; не отрицая въ своихъ объясненіяхъ этого позорнаго факта, Протопоповъ наивно называлъ его лишь простою „пріятельскою шуткою“ [114].

Уволенный изъ службы, Протопоповъ окончилъ свои скорбные дни въ Казани, все ниже и ниже падая въ нравственномъ отношеніи и доведенный пьянствомъ до состоянія, близкаго къ умопомѣшательству. Онъ умеръ въ началѣ 1820 года отъ горячки, которую схватилъ, заблудившись въ морозную ночь и, конечно, въ пьяномъ видѣ, на берегу р. Казанки. Какъ бы ни была съ юности испорчена личность Протопопова, — отъ природы даровитая и экспансивная, — для насъ не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что не малую роль сыграли въ его паденіи разлагающія условія захолустной оренбургской жизни того времени; не даромъ же впослѣдствіе, уже въ предсмертный казанскій періодъ своей жизни, онъ съ горечью вспоминалъ полудикій оренбургскій край, называя его „дикодушною, злорадною юдолью азійскою“. Насъ упрекнутъ, быть можетъ, въ излишнихъ подробностяхъ, съ которыми мы остановились на личности Протопопова, — но мы позволили себѣ сдѣлать это, такъ какъ этотъ несчастный человѣкъ соединилъ въ себѣ, на нашъ взглядъ, всѣ тѣ типичнѣйшія условія и черты бытовой и служебной жизни, которыя встрѣчали не слишкомъ твердаго и устойчиваго педагога на тернистомъ пути его тяжелаго служенія въ „дикодушныхъ и злорадныхъ юдоляхъ азій-

скихъ", которыми такъ обиленъ былъ въ ту пору казанскій учебный округъ *.

Директоръ училищъ Протопоповъ не представлялъ собою явленія исключительнаго въ училищномъ мірѣ своей эпохи; въ немъ, какъ въ оптическомъ фокусѣ, лишь въ концентрированномъ, въ сгущенномъ видѣ соединились наиболѣе типичныя отрицательныя черты этого міра, бывшія далеко не чуждыми весьма значительной части педагогическаго персонала казанскаго учебнаго округа, вообще. Неудержимое пьянство представляло собою коренное зло этого, разбросаннаго по обширному русскому востоку, училищнаго люда и этимъ традиціоннымъ россійскимъ порокомъ обусловливались, конечно, и всѣ другія отрицательныя стороны училищнаго строя того времени, — постольку, само собою разумѣется, поскольку онѣ могли зависѣть отъ людей, приставленныхъ къ педагогическому дѣлу. Можно безъ преувеличенія сказать, что на этомъ именно порокѣ зиждилась вся скандальная хроника, восходившая изъ округа на разбирательство университета и его училищнаго комитета. Зло достигало такихъ крупныхъ размѣровъ, что въ началѣ 1814 года министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій нашелъ себя вынужденнымъ обратиться къ попечителю казанскаго учебнаго округа М. А. Салтыкову съ слѣдующимъ оффиціальнымъ письмомъ отъ 31-го января:

„Милостивый государь мой Михаилъ Александровичъ! Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній къ крайнему прискорбію усматриваю я, что учители, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности **. Въ прекращеніе сего предпишите, ваше превосходительство, собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей, объявить имъ, что если кто изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ обращающимся въ пьянствѣ, — толь гнусномъ порокѣ, наипаче для наставника юношества,—таковый не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но, сверхъ того, еще и опубликованъ въ вѣдомостяхъ" [115].

---

* Біографическія данныя о П. И. Протопоповѣ, основанныя на неизданныхъ мемуарахъ его брата, И. И. Протопопова, были въ свое время приведены нами на столбцахъ газеты «Волжскій Вѣстникъ» (см. рядъ фельетоновъ: «Павелъ Ивановичъ Протопоповъ — изъ семейныхъ воспоминаній о полузабытой личности», 1893 г., №№ 248, 249, 261 и 264). Тамъ же приведена характеристика его литературной и музыкально-композиторской дѣятельности.

** Ссылка вовсе не преувеличенная: двое учителей пензенской гимназіи, Базилевъ и Кулаковъ, какъ это было оффиціально констатировано визитаціею, почти одновременно и отъ пьянства первый—сошелъ съ ума, второй—умеръ. Такихъ примѣровъ встрѣчалось не мало.

Несомнѣнно, что возмутившее министра учительское „пьянственное обращеніе" являлось и источникомъ поражающей грубости нравовъ, которая наблюдается въ училищныхъ отношеніяхъ того времени. Прежде всего терпѣли отъ этой грубости нравовъ, конечно, учащіеся: побои и тѣлесныя наказанія, доходившія до истязанія учениковъ, вовсе не были въ ту пору рѣдкостью, хотя большая часть случаевъ подобнаго рода не выходила изъ стѣнъ учебныхъ заведеній, огласки не получала. Укажемъ на одинъ изъ случаевъ этого рода, выплывшій наружу благодаря вмѣшательству въ дѣло совершенно посторонняго вѣдомства и давшій матеріалъ для цѣлаго совѣтскаго производства „по сообщенію вятской удѣльной конторы о поступкахъ сарапульскаго училища учителя Кострова".

Инцидентъ создался на слѣдующей почвѣ. Согласно распоряженію департамента удѣловъ, въ училищахъ вятской губерніи съ 1804 года воспитывались дѣти удѣльныхъ крестьянъ этой губерніи; со стороны крестьянскихъ дѣтей „ничего инаго,—читаемъ въ отзывѣ о нихъ вятской удѣльной конторы,—не было замѣчаемо, какъ токмо одни успѣхи въ ученіи", причемъ „многіе изъ нихъ, окончивши предлежащій курсъ ученія, находятся у письменныхъ дѣлъ, другіе же продолжаютъ и нынѣ ученіе". И, вотъ, съ 1807 года вниманіе удѣльной конторы стало останавливаться на странномъ явленіи въ жизни сарапульскаго училища: это—хроническіе побѣги изъ него удѣльныхъ крестьянскихъ дѣтей. Училищное начальство объясняло эти побѣги лѣностью учениковъ и ихъ желаніемъ отдѣлаться отъ ученія, вслѣдствіе чего юныхъ бѣглецовъ судили, наказывали на тѣлѣ и возвращали обратно въ училище; между тѣмъ сами дезертиры показывали, что они „дѣлали оные побѣги отъ притѣсненій и, битьемъ, обидъ рѣченнаго училища учителемъ Костровымъ чинимыхъ". Вятская удѣльная контора почла цѣлесообразнымъ ближе разобраться въ этихъ противорѣчивыхъ свидѣтельствахъ и съ этою цѣлью обратилась въ казанскій университетъ съ пространнымъ отношеніемъ отъ 23-го января 1809 года, въ которомъ просила относительно разслѣдованія всего дѣла. Контора категорически заявляла здѣсь, что ей „извѣстны не однихъ сихъ сужденныхъ мальчиковъ, но и прочихъ обучающихся въ сарапульскомъ народномъ училищѣ частыя изъ онаго отлучки и побѣги, которые вынуждены они были дѣлать не отъ чего инаго, какъ токмо отъ притѣсненій и жестокихъ побойствами обидъ" и что „все сіе наводитъ не малое сумнѣніе на Кострова о его истязаніяхъ, а особенно и то: какія другія причины побуждали мальчиковъ отлучки чинить изъ Сарапула въ городъ

Вятку и являться къ начальственному своему мѣсту, предпринимая столь дальній путь, простирающійся на 500 верстъ и сопряженный для малолѣтнихъ съ великою опасностью и получая за то тяжкое наказаніе?" Произведенное по этому дѣлу слѣдствіе вполнѣ подтвердило всѣ предположенія удѣльной конторы и предписаніемъ попечителя отъ 15-го іюля того же года учитель Костровъ былъ удаленъ отъ должности „за его дерзость и поступки, несогласные съ нравственностью" [116].

Извѣстно, что, съ легкой руки Домостроя и педагогическихъ пріемовъ „добраго стараго времени"—розги, побои и всякаго вида болѣзненныя наказанія долго, до временъ, восходящихъ еще къ нашей памяти, почитались необходимымъ и неотъемлемымъ аттрибутомъ русской школьной педагогіи; мы живо помнимъ годы ученія въ пензенской гимназіи—съ ихъ субботними „экзекуціями", разомъ, за цѣлую недѣлю производившимися въ шинельной комнатѣ гимназіи, по окончаніи классовъ, и отъ которыхъ считались освобожденными только воспитанники состояній привиллегированныхъ. Воспоминанія эти легко создаютъ въ нашемъ воображеніи картину тѣхъ варварствъ, какія творились въ захолустныхъ русскихъ школахъ начала истекшаго столѣтія разными Костровыми и имъ подобными, спившимися съ пути, педагогами, имя которымъ было въ ту пору—легіонъ... Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что со стороны высшихъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія стали уже довольно рано приниматься мѣры къ искорененію въ училищахъ тѣлесныхъ наказаній; такъ, графъ А. К. Разумовскій 18-го марта 1811 года, слѣдовательно уже въ концѣ перваго года своего министерства, издалъ распоряженіе, запрещающее примѣненіе наказаній на тѣлѣ. Насколько, тѣмъ не менѣе, глубоко укоренившимся представлялось сознаніе цѣлесообразности этой карательной мѣры въ умахъ педагоговъ, видно изъ того, что уже черезъ три года министръ народнаго просвѣщенія вынужденъ былъ подтвердить свое распоряженіе слѣдующимъ циркулярнымъ предложеніемъ отъ 14-го февраля 1814 года: „Изъ донесеній, ко мнѣ поступающихъ, усматриваю я, что предписаніе мое отъ 18-го марта 1811 года, коимъ запрещено употреблять въ училищахъ тѣлесныя наказанія, не всегда исполняется, отъ чего выходятъ непріятныя послѣдствія; потому прошу предложить университету, дабы упомянутое предписаніе вновь подтверждено было всѣмъ чиновникамъ, при учебныхъ заведеніяхъ находящимся, къ точному и непремѣнному наблюденію, подъ опасеніемъ, въ случаѣ отступленія отъ онаго, неминуемаго отрѣшенія ихъ отъ должностей" [117].

Буйная дикость нравовъ, коренящаяся въ той же почвѣ алкоголизма, проявлялась и во взаимныхъ отношеніяхъ учителей между собою. Особенно отличился по этой части, въ 1816 году, учительскій персоналъ иркутской гимназіи и иркутскаго уѣзднаго училища, давъ поводъ къ обширному слѣдственному производству, предпринятому по распоряженію университета и образовавшему собою массивное архивное дѣло „объ обоюдныхъ жалобахъ учителей иркутской гимназіи Ненашевскаго, Бельшева и уѣзднаго училища Щукина и Лестехина" (на 243-хъ листахъ). Дѣло это, представляющее собою почти невѣроятную эпопею пьяной распущенности и нравственной разнузданности, возникло вслѣдствіе представленія директора иркутскихъ училищъ Словцова отъ 29-го февраля 1816 года, въ которомъ директоръ, донося университетскому совѣту о „постыдномъ поведеніи" учителя латинскаго языка Ненашевскаго, утопающаго въ пьянствѣ и причастнаго къ цѣлому ряду буйствъ—ставитъ совѣту полный отчаянія вопросъ: „какія мѣры принимать къ обузданію учителей непорядочнаго поведенія?" За нѣсколько дней до отправки этого представленія, Словцовымъ полученъ былъ рапортъ отъ самого Ненашевскаго, въ которомъ тотъ жаловался директору на насиліе, причиненное ему его сослуживцами (и,—добавимъ отъ себя,—собутыльниками) Бельшевымъ, Щукинымъ и Лестехинымъ, которые, будто бы, избили его до безчувствія, обругавъ его жену и перепугавъ малолѣтнюю дочь. Возгорѣлось по этому поводу цѣлое формальное слѣдствіе, съ допросными пунктами, письменными объясненіями, показаніями свидѣтелей, очными ставками и другими процессуальными обрядностями того времени. Ссылаясь на всѣхъ живущихъ въ домѣ гимназіи, Бельшевъ, Щукинъ и Лестехинъ дали подробное письменное показаніе, рисующее въ слѣдующемъ неприглядномъ свѣтѣ товарищеское столкновеніе, давшее поводъ къ возбужденію всего этого дѣла:

„На 18-ое февраля вечеромъ,—читаемъ мы въ коллективномъ показаніи трехъ учителей,—пришли мы къ г. Гапонову (старшій учитель гимназіи). Вскорѣ пришелъ и учитель Ненашевскій,—довольно пьяный,—и наглымъ образомъ требовалъ у Гапонова вина. Гапоновъ, видя, что Ненашевскій пьянъ и зная его характеръ, не мало не прекословилъ и подалъ ему штофъ съ виномъ. Напившись еще пьянѣе, началъ онъ, по своему обыкновенію, шумѣть, называлъ всѣхъ насъ—невѣждами, дураками и говорилъ, что мы всѣ не стоимъ его подножья, за что Гапоновъ высылалъ его, но Ненашевскій продолжалъ ругаться и говорилъ: этотъ домъ не Гапонова, а—государевъ, а потому я не выйду!

Учитель Щукинъ, желая прекратить шумъ, вызвалъ Ненашевскаго въ корридоръ, будто хотя что нибудь сказать ему, и, оставивъ его тамъ, скрылся поскорѣе въ комнату Гапонова и заперъ за собою дверь. Ненашевскій стучалъ изо всей мочи въ двери и кричалъ, что бъ ему отперли, увѣряя, что онъ никого не тронетъ, кромѣ одного какого то а в а р а; мы не знали и по сіе время не знаемъ, кого разумѣлъ онъ подъ этимъ именемъ и, боясь каждый за себя, не смѣли его впустить и всѣ молчали. Ненашевскій съ четверть часа стучался и, наконецъ, видя, что его рѣшились не впускать, заложилъ двери снаружи, приговаривая: доколь меня не впустите, дотоль и я васъ не выпущу,—а самъ притаился въ корридорѣ. Мы всѣ думали, что онъ ушелъ, а какъ двери были заперты снаружи, то Гапоновъ принужденъ былъ звать въ окно сторожа изъ кухни, что бъ онъ отперъ, но лишь сторожъ успѣлъ отложить дверь, какъ вдругъ Ненашевскій бросился въ комнату, продолжалъ ругаться и, неизвѣстно за что, ударилъ Бельшева въ лице. Бельшевъ отошелъ отъ него, сказавъ: я тебя прощаю. Потомъ началъ онъ ругать Лестехина, Ильина и Пирожкова и, схвативъ подушку отъ стула, погнался за всѣми, грозя убить, и, въ самомъ дѣлѣ, бросивъ подушку, попалъ Пирожкову въ лице и разбилъ до крови,—рана и теперь еще видна. Мы всѣ выбѣжали на дворъ, а онъ, думая, что подушкой мало можно нанести вреда, оторвалъ отъ двери карнизъ и, гнавшись за нами, падалъ нѣсколько разъ, но, не видя никого, думалъ, что мы были въ кухнѣ, ворвался въ нее и какъ было тамъ темно, то билъ карнизомъ по стѣнамъ и чуть было самъ не упалъ въ подполье, если бы не предостерегла его стряпка, которую онъ въ награду за то ударилъ карнизомъ по спинѣ... Мы побѣжали въ комнату Гапонова за платьемъ, что бъ уйти домой, но лишь успѣли войти, какъ Ненашевскій съ крикомъ вбѣжалъ, вцѣпился въ волосы Бельшева, изорвалъ у него фракъ и расцарапалъ лицо. Пирожковъ, Ильинъ и Лестехинъ старались его отвлечь; оставя Бельшева, кинулся Ненашевскій на Ильина, свалилъ его на полъ, билъ, изорвалъ у него фракъ, жилетъ и манишку. Между тѣмъ г. Гапоновъ позвалъ сторожей и велѣлъ Ненашевскаго отвесть домой. Сторожа вывели Ненашевскаго въ корридоръ, съ намѣреніемъ отвесть домой, а онъ, будучи пьянъ до безпамятства, закричалъ караулъ и вцѣпился въ волосы сторожу Маркову. На крикъ вышелъ Гапоновъ изъ своей комнаты со свѣчею. Ненашевскій бросился на него, свѣча погасла и нельзя было разсмотрѣть, что происходило между ними; слышенъ былъ одинъ крикъ"...

Таковы были обстоятельства этого дѣла, относительно котораго совѣтъ университета высказался, что „сіе происшествіе не могло бы быть извинено, если бы произошло между людьми хотя нѣсколько образованными, и вовсе не простительно, когда участвовали въ ономъ лица, коимъ

ввѣрено образованіе юношества", и которое иркутскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ охарактеризовалъ „шумною и пьяною бесѣдою, сопровожденною подлыми ругательствами и, наконецъ, дракою". Слѣдствіе выяснило, что въ колоссальномъ дебошѣ ночи на 18-ое февраля приняли весьма активное участіе учителя Бельшевъ, Щукинъ, Лестехинъ и Ильинъ и что Ненашевскій былъ далеко не единственнымъ виновникомъ разыгравшагося скандала, причемъ данныя разслѣдованія слѣдующимъ образомъ характеризуютъ всю эту милую учительскую компанію: „Поведеніе учителей Бельшева, Щукина, Лестехина и Ильина—таково. Ихъ рѣже можно видѣть трезвыхъ, нежели пьяныхъ, какъ въ свободное отъ ученія время, такъ, нерѣдко, и во время классовъ; оттого сіи не обузданные хорошею нравственностью молодые люди не только оказываютъ грубости, но многія производятъ буйства и драки въ гостяхъ, на улицахъ и гдѣ случится, кои частію извѣстны только намъ (т. е. учебному начальству), а многія и гражданскому начальству". Дѣло о буйствѣ иркутскихъ учителей послужило предметомъ сужденія особаго комитета, избраннаго совѣтомъ университета; этимъ комитетомъ всѣ участники скандала, въ томъ числѣ и Ненашевскій, подвергнуты выговору въ полномъ собраніи учителей, а Лестехинъ присужденъ къ удаленію отъ должности,—приговоръ, который едва ли можетъ быть признанъ сколько нибудь суровымъ [118].

Весьма типичный образецъ учителя-пропойца и дебошира представлялъ собою и учитель французскаго языка Дюро, похожденія котораго два раза восходили на разсмотрѣніе казанскаго университета. Еще въ 1813 году, будучи въ то время учителемъ вятской гимназіи, этотъ Дюро затѣялъ распри съ своимъ директоромъ, переведенный же затѣмъ въ гимназію астраханскую, онъ началъ здѣсь образъ жизни, сдѣлавшій его притчею во языцѣхъ для всего города. Безпрестанныя жалобы на Дюро его ближайшаго начальства породили въ училищномъ комитетѣ цѣлый рядъ дѣлъ объ его безчинствахъ, чаша которыхъ переполнилась представленіемъ отъ 20-го марта 1819 года, въ которомъ и. д. директора астраханскихъ училищъ жаловался университетскому совѣту, что отданный училищнымъ комитетомъ подъ его „особенный надзоръ" учитель французскаго языка Дюро продолжаетъ „дурное и развратное поведеніе", что „всѣ убѣжденія и увѣщанія мои, равномѣрно и г. визитатора Манасеина, остаются тщетными"; что „не далѣе, какъ вчера,—доноситъ и. д. директора,—учитель Дюро, напившись пьянъ, ходилъ по улицамъ въ столь развращенномъ видѣ, что самая благопристойность не позволяетъ мнѣ сего подробно объяснить". И. д. директора просилъ, въ заключеніе, объ увольненіи Дюро

отъ должности, такъ какъ „таковыя его дѣйствія наносятъ нареканіе всей гимназіи, мнѣ, какъ начальнику—безчестіе, а прочимъ сослуживцамъ—оскорбленіе“, причемъ докладываетъ, что, въ ожиданіи резолюціи совѣта, онъ „поставилъ себѣ въ обязанность, что бы не дѣлать въ городѣ соблазна, отдать его подъ арестъ полиціи (!), а преподаваніе французскаго языка поручить другому учителю“. Желаніе и. д. директора было исполнено, но уволенный учитель обжаловалъ постановленіе о томъ университетскаго совѣта, вслѣдствіе чего попечитель округа предписалъ доставить ему свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, производившихся въ университетѣ по поводу безчинствъ Дюро. Экстрактъ изъ этихъ дѣлъ, составленный секретаремъ совѣта проф. Никольскимъ, рисуетъ передъ нами возмутительную картину скандальныхъ похожденій астраханскаго учителя. Среди этихъ похожденій первое мѣсто должно быть отведено дебошу, учиненному Дюро въ домѣ астраханскаго архіерея и слѣдующимъ образомъ возстановляемому въ докладной запискѣ проф. Никольскаго:

„Учитель французскаго языка Дюро, бывъ 15-го августа у астраханскаго архіепископа и кавалера Гаія на публичномъ обѣдѣ, ежегодно даваемомъ его высокопреосвященствомъ въ день храмоваго астраханскаго собора праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, до того напился пьянъ, что забылъ всю благопристойность, надѣлалъ множество непріятностей какъ высокопочтенному хозяину дома, такъ и посѣтителямъ, чѣмъ заставилъ астраханскаго полицеймейстера вывести себя изъ сего публичнаго собранія; въ то же самое время, какъ онъ былъ выводимъ, изцарапалъ квартальному офицеру лице и изорвалъ на немъ бѣлье, за что и былъ отведенъ въ градскую полицію“.

Получивъ затребованныя имъ свѣдѣнія, попечитель санкціонировалъ отрѣшеніе Дюро отъ должности, сдѣлавъ, тѣмъ не менѣе, университету внушеніе, что „впредь надлежитъ быть разсмотрительнѣе въ выборѣ учителей“ [119].

Любопытный типъ учителя-маклака и пьяницы даетъ намъ преподаватель нерчинскаго уѣзднаго училища Чернышевъ, въ началѣ осени 1817 года обвинявшійся иркутскимъ губернскимъ правленіемъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ—въ развозной торговлѣ по селеніямъ водкою, въ пьянствѣ и въ самовольномъ требованіи себѣ безплатныхъ обывательскихъ подводъ. Самъ Чернышевъ опровергалъ обвиненіе и далъ показаніе, что онъ „у повѣреннаго Каратаева точно купилъ около двухъ ведеръ генденбергской (?) водки, но что оной водки нигдѣ не продавалъ, а бралъ оную съ собою для подчиванія поселянъ, дабы сходнѣе и дешевле купить

хлѣба, котораго въ городѣ пудъ стоитъ отъ 5 до 6 рублей, да и не всегда можно найти". Произведенное по этому дѣлу слѣдствіе обнаружило, что учитель Чернышевъ, разъѣзжая въ августѣ 1817 года по селеніямъ нерчинскаго уѣзда, дѣйствительно имѣлъ при себѣ два ведра водки, которую „какъ самъ пилъ, такъ и жителей оныхъ селеній подчивалъ, сбирая заичьи и козьи шкурки или муку и, вообще, все то, что могъ отъ крестьянъ получить для себя нужное; сверхъ того, при деревнѣ Лешковой крестьянину Ильѣ Обухову продалъ водки на рубль шестьдесятъ копѣекъ,—болѣе же нигдѣ онъ, Чернышевъ, водки не продавалъ". Казанскій университетъ, на разсмотрѣніе котораго это своеобразное дѣло поступило, нашло придуманную Чернышевымъ „мѣновую" торговлю несовмѣстимою съ учительскимъ званіемъ и изворотливый педагогъ-маклакъ былъ уволенъ отъ должности [120]. Къ серіи подобнаго же рода дѣлъ, свидѣтельствующихъ о не особенно строгомъ отношеніи нѣкоторыхъ учителей къ чужой собственности, должно быть отнесено и разбиравшееся университетомъ въ 1818 году довольно грязное дѣло объ учителѣ мензелинскаго училища Вороновѣ, обвинявшемся въ обманномъ присвоеніи себѣ, подъ видомъ промѣна на часы, „крытой синимъ сукномъ волчьей шубы" вятскаго учителя Кошкарева" [121].

Не чуждымъ,—опять таки на почвѣ того же пьянственнаго безпутства и непробуднаго однообразія и скуки глухой провинціальной жизни,—представлялся жизненный режимъ нѣкоторыхъ учителей и тѣмъ предосудительнымъ дѣяніямъ, которыя оффиціальная терминологія интересующей насъ эпохи окрещивала наименованіями студодѣяній и распутства. Намъ уже извѣстны обвиненія, предъявлявшіяся на этой почвѣ къ директору оренбургскихъ училищъ, покушавшемуся на скромность даже своихъ ученицъ,—но особенно сенсаціонными проявленіями чувственныхъ инстинктовъ въ учительской средѣ представляются два дѣла: „О студодѣяніяхъ учителя козьмодемьянскаго училища Добронравова съ дѣвицею Кульпиною" и „О пьянствѣ и распутствѣ чебоксарскаго учителя Пятова", находившіяся на разсмотрѣніи университетскаго совѣта, первое—въ 1816, второе—въ 1818 годахъ. Мы коснемся обоихъ скабрезныхъ дѣлъ лишь постольку, поскольку это явится возможнымъ съ точки зрѣнія предѣловъ приличія и условій печатнаго слова.

Первое изъ этихъ дѣлъ явилось особенно серьезнымъ и поступило на обсужденіе университета изъ казанской уголовной палаты. Сущность его заключается въ томъ, что учитель козьмодемьянскаго уѣзднаго училища Добронравовъ, съ примѣненіемъ насилій, подробности которыхъ

совершенно неудобны къ передачѣ, склонялъ къ „блудодѣянію" нѣкую ямщицкую дочь, дѣвицу Татьяну Кульпину, причемъ отрѣзалъ у нея ножницами косу и отобралъ находившуюся на ней одежду, оцѣненную въ суммѣ 38 рублей, ухитрившись, такимъ образомъ, соединить въ своемъ поступкѣ признаки нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній—и „студодѣянія", и насилія, и личнаго оскорбленія и, даже, грабежа. Совѣтъ университета нашелъ это дѣло настолько, повидимому, необычайнымъ, что, постановленіемъ отъ 20-го октября 1816 года, передалъ его на сужденіе нравственно-политическаго отдѣленія; согласно заключеніямъ какъ этого послѣдняго, такъ и правленія университета, Добронравовъ былъ отрѣшенъ отъ должности.

Второе дѣло возникло вслѣдствіе представленія училищнаго комитета отъ 5-го октября 1818 года, въ которомъ доводилось до свѣдѣнія совѣта, что учитель чебоксарскаго уѣзднаго училища Алексѣй Пятовъ „неоднократно почетнымъ смотрителемъ онаго училища Посыпкинымъ замѣченъ былъ въ пьянствѣ и недѣятельности по должности и, сверхъ того, въ томъ, что, воспользовавшись отсутствіемъ г. Посыпкина въ Казань, въ училищномъ домѣ проводилъ съ распутными женщинами цѣлыя ночи въ пьянствѣ, вмѣстѣ съ учителемъ Бѣляевымъ". И Пятовъ былъ, согласно заключенію училищнаго комитета и правленія, отрѣшенъ отъ должности, по отношенію же къ Бѣляеву взысканіе ограничилось лишь выговоромъ [122].

Мы разсмотрѣли всѣ тѣ условія отрицательнаго характера, съ которыми суждено было считаться казанскому университету и его училищному комитету въ трудной миссіи вѣдѣнія училищныхъ дѣлъ на громадномъ, почти безпредѣльномъ, въ особенности по условіямъ того далекаго прошлаго, протяженіи казанскаго учебнаго округа. Много неприглядныхъ, порою глубоко возмутительныхъ, фактовъ училищной жизни прошло передъ нашими глазами, въ видѣ иллюстрацій къ общей характеристикѣ указанныхъ нами отрицательныхъ условій. То была, впрочемъ, лишь часть фактовъ, которымъ удалось сдѣлаться достояніемъ гласности и компетенціи университетскихъ учрежденій. Несравненно бóльшая часть фактовъ подобнаго же неприглянаго свойства не получили огласки, мирясь съ печальными условіями захолустной уѣздной жизни и теряясь въ общемъ, столь же неприглядномъ, повседневномъ ея круговоротѣ. Много темныхъ сторонъ этой жизни оставались „шитыми, да крытыми", вообще; много „шитаго, да крытаго" оставалось, безъ сомнѣнія, и въ училищной сферѣ той же провинціальной жизни...

Почетная и глубоко-симпатичная миссія возложена была на университеты уставами 1804 года, ввѣрившими имъ руководство великимъ и святымъ дѣломъ русскаго народнаго просвѣщенія, но, съ другой стороны, отвѣтственно-тяжелою явилась для нихъ эта миссія, что представляется въ особенности справедливымъ по отношенію къ новорожденному казанскому университету, сразу поставленному лицомъ къ лицу съ необъятнымъ учебнымъ округомъ, котораго почти не успѣла коснуться рука культуры, въ предѣлахъ котораго предстали задачи чисто-созидательнаго характера, для выполненія каковыхъ въ распоряженіи университета не оказывалось ни средствъ, ни людей, ни сколько нибудь организованной поддержки мѣстныхъ общественныхъ силъ.

Русская провинція начала XIX вѣка не имѣла ни способовъ выраженія общественнаго мнѣнія, съ повременною прессою въ ихъ главѣ, ни органовъ самоуправленія, съ правомъ самодѣятельности и общественнаго почина и контроля, ни тѣхъ усовершенствованныхъ средствъ передвиженія и сношеній, которыми въ наши дни устанавливается живая связь центровъ съ ихъ периферіями и казанскій университетъ, вмѣстѣ съ своимъ училищнымъ комитетомъ, долженъ былъ чувствовать себя въ весьма значительной степени обособленнымъ и отрѣзаннымъ отъ округа, общее руководство училищными дѣлами котораго было возложено на него уставомъ 5-го ноября 1804 года.

Въ виду только что указанныхъ условій, весьма серьезнымъ подспорьемъ являлись для университета періодическіе осмотры училищъ, производившіеся лицами, спеціально уполномоченными на то университетскимъ совѣтомъ. Это—такъ называемыя „визитаціи училищъ“, съ общимъ понятіемъ которыхъ мы уже знакомы и краткимъ историческимъ обзоромъ которыхъ мы закончимъ текущую главу нашего труда.

„Совѣтъ посылаетъ ежегодно визитаторовъ изъ членовъ комитета (т. е. училищнаго) или другихъ профессоровъ, поручая каждому одну или двѣ губерніи, по мѣстному положенію, для осмотра“,—говоритъ университетскій уставъ 1804 года, опредѣляя организацію училищныхъ визитацій.

Количество ординарныхъ профессоровъ было невелико въ интересующую насъ пору существованія казанскаго университета, что и вызвало собою предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го февраля 1816 года, въ силу котораго разрѣшено было избирать экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ,—„впредь до наличности полнаго количества

профессоровъ ординарныхъ",—какъ въ члены училищнаго комитета, такъ и въ визитаторы училищъ, хотя, какъ мы это ниже увидимъ, университетская практика сама предварила это министерское предложеніе, не стѣсняясь, при посылкѣ ихъ визитаторами училищъ, служебнымъ рангомъ чиновъ университета. Мы въ своемъ мѣстѣ уже имѣли случай охарактеризовать общее значеніе училищныхъ визитацій, неоднократно представлялись намъ и случаи знакомиться съ отдѣльными фактами, связанными съ дѣятельностью визитаторовъ, почему предстоящій намъ историческій очеркъ визитацій училищъ можетъ быть предложенъ нами въ формѣ болѣе или менѣе сжатой, свободной отъ излишнихъ подробностей.

Любопытно, что первая визитація училищъ казанскаго учебнаго округа, воспослѣдовавшая осенью 1805 года, предпринята безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ только что основаннаго передъ тѣмъ казанскаго университета. Эта первая визитація была возложена главнымъ правленіемъ училищъ, согласно представленію о томъ попечителя округа Румовскаго, на коллежскаго ассесора С. А. Логвинова, передъ тѣмъ только назначеннаго директоромъ училищъ астраханской губерніи и которому, по пути его въ Астрахань, поручено „обозрѣть симбирское, пензенское, саратовское и тамбовское главныя училища" (изъ которыхъ пензенское уже было въ то время преобразовано въ гимназію). Въ архивныхъ дѣлахъ попечительской канцеляріи сохранилась переплетенная тетрадь „дневныхъ записокъ", веденныхъ Логвиновымъ во время осмотра училищъ, самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствующихъ о крайней и чисто формальной поверхностности произведенныхъ имъ ревизій, во время которыхъ вновь назначенный директоръ болѣе пьянствовалъ, нежели дѣло дѣлалъ, такъ какъ Логвиновъ принадлежалъ къ числу педагоговъ округа, нетрезвость которыхъ дѣлала ихъ положительно нетерпимыми въ училищной службѣ; этотъ первый астраханскій директоръ и былъ уволенъ отъ нея уже весною 1806 года, причемъ его увольненіе было мотивировано „слабостью и нетрезвымъ поведеніемъ, лишающимъ его памяти и средствъ къ надлежащему исправленію ввѣренной ему должности" [123].

Первою собственно университетскою визитаціею училищъ должна быть признана визитація профессоромъ И. Ѳ. Яковкинымъ, въ началѣ 1807 года, пензенской гимназіи, вызванная уже знакомыми намъ * извѣтами мѣстнаго дворянства на неудовлетворительное состояніе этого учебнаго заведенія. По пути въ Пензу Яковкину было

* См. выше стр. 207—209.

поручено обозрѣть симбирское главное народное училище, которое помѣщалось въ одномъ домѣ съ мѣстнымъ „благороднымъ собраніемъ". Вотъ, со словъ самого Яковкина, описаніе этого помѣщенія, наглядно свидѣтельствующее о томъ невозможномъ положеніи, въ какомъ обрѣтались среднія учебныя заведенія даже въ такихъ сравнительно центральныхъ губернскихъ пунктахъ, какимъ являлся въ ту пору городъ Симбирскъ:

Благородное собраніе пользовалось въ этомъ домѣ вполнѣ просторнымъ помѣщеніемъ: двѣ большія переднія комнаты, залъ для карточной игры, другой залъ для танцевъ, большая комната „для прохлажденія", такая же столовая, обширный буфетъ и уборная. Въ нижнемъ этажѣ того же дома, какъ разъ подъ карточною и танцевальною залами, были квартиры двухъ учителей,—людей семейныхъ. Здѣсь не было сводовъ, а потому потолки тряслись, штукатурка отваливалась; въ дни, назначенные для танцовальныхъ вечеровъ, также во время подписныхъ обѣдовъ и ужиновъ,—учительскимъ семьямъ не было покою. Другая половина втораго этажа заключала шесть классныхъ комнатъ, съ небольшою отгородкою для маленькой библіотеки, минералогическаго кабинета и физическихъ инструментовъ. Нижній этажъ, по лицевой сторонѣ, былъ занятъ приказомъ общественнаго призрѣнія, лавкою для продажи картъ и квартирою второкласснаго учителя, состоящею изъ двухъ комнатъ съ перегородками.

Особенно возмущало Яковкина, что „во всей надворной половинѣ нижняго этажа, въ пяти очень просторныхъ комнатахъ, располагается содержатель сего трактира, иностранный экономъ, какъ необходимо нужный чиновникъ для весельчаковъ, имѣющій особую на дворѣ пространную для съѣзжающихся обжоръ кухню, хлѣбенную, приспѣшную, людскую, погреба, зимніе и лѣтніе, кладовыя, сараи и конюшню, тремъ же учителямъ предоставлены два въ землѣ, подъ домомъ, выхода, наполняющіеся водою; учителя принуждены скудный запасъ свой держать въ коридорѣ, подлѣ спальни, отчего сырость и духота, а съ ними, купно, и болѣзни. У учителя Шутихина съ самой осени больны жена и четверо дѣтей, да и самъ онъ, какъ тѣнь шатается, когда, между тѣмъ, иностранный трактирщикъ и для собакъ своихъ,—двухъ датскихъ, двухъ охотничьихъ и множества постельныхъ, — имѣетъ особые отхожіе покои"...

Результатъ осмотра Яковкинымъ пензенской гимназіи, положившій конецъ, по крайней мѣрѣ на время, дворянскимъ инсинуаціямъ на это молодое учебное заведеніе—намъ уже извѣстенъ [124].

Вторая университетская визитація относится къ 1809 году и имѣла главною своею задачею разслѣдованіе уже знакомаго намъ дѣла о предосудительныхъ поступкахъ директора оренбургскихъ училищъ Про-

топопова. Покончивъ съ основною задачею, визитаторы (адъюнктъ Запольскій и магистръ Кондыревъ) произвели, согласно полученной ими инструкціи, осмотръ училищъ оренбургской дирекціи, вообще. Въ отчетѣ объ этомъ осмотрѣ констатируется весьма плачевное, въ большинствѣ случаевъ, положеніе здѣсь училищнаго дѣла. Въ г. Уфѣ, напримѣръ, деревянное зданіе мѣстнаго малаго народнаго училища оказалось настолько развалившимся, что ученіе было здѣсь совершенно прекращено незадолго до прибытія визитаторовъ, которымъ въ силу этого такъ и не удалось удостовѣриться въ степени познаній воспитанниковъ; въ г. Бузулукѣ училищное зданіе найдено въ такомъ жалкомъ состояніи, что его, по словамъ визитаторовъ—„почесть не только не можно домомъ училища, но ниже пристойною мѣсту воспитанія квартирою"; въ г. Мензелинскѣ, благодаря винному подвалу, находившемуся подъ училищнымъ домомъ, нижняя часть зданія настолько подгнила, что домъ сталъ осѣдать и угрожаетъ паденіемъ. Училищный персоналъ осмотрѣнныхъ учебныхъ заведеній не вызвалъ упрековъ со стороны ревизоровъ, за исключеніемъ смотрителя уфимскаго малаго народнаго училища, который хотя и оказался „человѣкомъ ревностнымъ, но безъ всякихъ познаній, даже безъ свѣдѣнія читать и писать (!)", причемъ визитаторы констатировали угнетающую бѣдноту учителей, лишавшую ихъ „способовъ и времени усовершенствовать себя". Матеріальная необезпеченность училищнаго персонала, несомнѣнно отрицательнымъ образомъ вліявшая на успѣшность преподаванія и сводившая учительскій контингентъ округа къ жалкому положенію безпросвѣтной педагогической богемы, представляетъ собою доминирующую нотку въ отчетахъ по всѣмъ визитаціямъ занимающей насъ эпохи, вообще.

Другою заботою визитаторовъ явились традиціонныя для того времени „склоненія" мѣстныхъ обществъ къ пожертвованіямъ на училища. Въ г. Бугульмѣ имъ удалось склонить мѣстнаго купца Оводова къ пожертвованію до двухъ тысячъ рублей на пріобрѣтеніе или постройку дома подъ училище; въ Бугурусланѣ имъ удалось заручиться такимъ же обѣщаніемъ мѣстнаго помѣщика Куроѣдова и нѣкоторыхъ другихъ дворянъ; въ г. Уфѣ они зондировали, но довольно безуспѣшно, предводителя дворянства Осоргина на счетъ надеждъ на матеріальное содѣйствіе дворянства устройству въ этомъ городѣ гимназіи и т. п.

Визитаторы остались въ восторгѣ отъ пріема и содѣйствія, оказанныхъ имъ оренбургскимъ генераломъ-губернаторомъ княземъ Волконскимъ, который, съ своей стороны, далъ и о нихъ самый лестный отзывъ попечителю, восхваляя ихъ „неутомимую бдительность и благоразумное обра-

щеніе", дѣлающими честь какъ имъ самимъ, такъ и „ихъ начальству и всему ученому сословію"; князь Волконскій утверждаетъ, будто бы училища губерніи приняли даже послѣ этой визитаціи совершенно „иной видъ". Къ итогамъ той же визитаціи можно отнести и организацію Запольскимъ,—физикомъ по спеціальности, — правильныхъ метеорологическихъ наблюденій при оренбургскомъ главномъ народномъ училищѣ [125].

Третьею университетскою училищною визитаціею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первою визитаціею, состоявшеюся уже подъ дѣйствіемъ только что образованнаго за нѣсколько мѣсяцевъ до того училищнаго комитета, является осмотръ профессоромъ Арнгольдтомъ нижегородскихъ училищъ, произведенный имъ съ 24-го апрѣля по конецъ мая 1812 года, согласно особой, выданной ему на этотъ предметъ, инструкціи. Отчетъ проф. Арнгольдта касается хозяйственной и учебной сторонъ жизни нижегородскихъ училищъ и констатируетъ нѣкоторые недочеты ихъ въ обоихъ отношеніяхъ. Въ плохомъ состояніи найдены имъ, прежде всего, самыя училищныя зданія: хотя домъ гимназіи и былъ признанъ находящимся въ „довольномъ порядкѣ", тѣмъ не менѣе фундаментъ его оказался „портящимся", комнаты сырыми до такой степени, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя было даже и жить, что вызывало излишній расходъ на квартирныя деньги, классы—„вовсе неудобными"; въ уѣздномъ училищѣ комнаты найдены „низкими и темными", воздухъ—„смраднымъ" отъ незначительной величины классовъ и переполненія ихъ учащимися. Найдены Арнгольдтомъ недочеты и въ самой постановкѣ учебнаго дѣла. Въ гимназіи оказалось „великое упущеніе" по классу исторіи, географіи и статистики, которыя вовсе не преподавались за неимѣніемъ учителя этихъ предметовъ; по классу философіи и политической экономіи найдены „упущенія и неисполненіе обязанностей, начертанныхъ въ уставѣ"; весьма слабые успѣхи обнаружены въ классѣ французскаго языка, объясняемые тѣмъ обстоятельствомъ, что учитель этого предмета „не зная ни читать, ни писать, ни говорить по русски, не можетъ изъяснить правила языка сего, чѣмъ публика весьма недовольна, а учащіеся—безъ успѣху". И этотъ отчетъ свидѣтельствуетъ о тяжелой матеріальной недостаточности учительскаго персонала. Одинъ изъ учителей „взошелъ въ долги болѣе годоваго жалованья", другой же учитель, Бѣльскій, былъ доведенъ разстройствомъ своихъ дѣлъ до полной,—по его собственному признанію,—„неспособности своей къ должности". Не обошлась нижегородская дѣятельность проф. Арнгольдта и безъ хлопотъ по части неизбѣжнаго „склоненія" общества къ пожертвованіямъ: здѣсь, черезъ посредство и. д. губернатора, ему

пришлось „соглашать благородное сословіе къ соучастію въ открытіи приходскаго училища и въ снабденіи онаго книгами и другими пособіями“ [126].

Четвертая университетская училищная визитація относится къ осени того же 1812 года. Эта визитація (вѣрнѣе—слѣдствіе), возложенная на адъюнкта Кондырева, была направлена въ г. Чистополь, для выясненія на мѣстѣ столкновенія, разыгравшагося между чистопольскимъ городскимъ головою и коммерціи совѣтникомъ Плаксинымъ и его женою—съ одной стороны, и учителемъ чистопольскаго малаго народнаго училища Лебедевымъ—съ другой стороны. Все дѣло возникло на почвѣ форменнаго прошенія „по титулѣ“, съ которымъ, еще въ августѣ предшествовавшаго года, Плаксинъ обратился въ совѣтъ университета, жалуясь на оскорбленіе его учителемъ Лебедевымъ—клеветою; клевета же эта заключалась въ томъ, что Лебедевъ, въ поданной имъ въ чистопольское городническое правленіе жалобѣ, заявлялъ, будто жена Плаксина „въ изступленіи, забывши свой полъ, состояніе, благопристойность и законы“, собственноручно отстегала плетью жившаго у Лебедева ученика, а самъ городской голова и коммерціи совѣтникъ, явившись тогда же въ училище,—снимавшее помѣщеніе какъ разъ въ его домѣ,—„въ горячности говорилъ ему язвительныя и колкія слова, забывши благопристойность, должность свою и мѣсто, дѣйствовалъ и повелѣвалъ у него въ училищѣ самовластно“. Это то происшествіе и послужило предметомъ подробнаго слѣдствія, произведеннаго Кондыревымъ 11—12 октября и вполнѣ подтвердившаго выставленныя Лебедевымъ противъ четы Плаксиныхъ обвиненія. Выяснилось, что вечеромъ 2-го іюля 1811 года учитель Лебедевъ, встревоженный раздавшимися по училищному дому отчаянными криками и выбѣжавъ въ сѣни, засталъ здѣсь г-жу Плаксину, изъ собственныхъ рукъ сѣкшею плетью одного изъ его учениковъ, послѣ чего начала бить его по щекамъ, причемъ человѣкъ Плаксиной держалъ избиваемаго за волосы. Явившійся на шумъ самъ „коммерціи совѣтникъ“ кричалъ на Лебедева, ругая его „дуракомъ и с......ъ сыномъ“, ударилъ учителя въ грудь съ такою силою, что тотъ съ трудомъ удержался на ногахъ и, въ довершеніе всего, велѣлъ своимъ служащимъ всѣхъ учениковъ Лебедева, не взирая на ночное время, полусонныхъ, стащивъ съ постелей, выгнать на улицу; несчастныхъ мальчиковъ изъ жалости пріютилъ у себя сосѣдній домовладѣлецъ, который, съ наступленіемъ утра, и привелъ ихъ въ училище босыхъ и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.

Подробно донеся университету о всѣхъ подробностяхъ этого возмутительнаго, даже и съ точки зрѣнія бытовыхъ условій уѣздной жизни того времени, происшествія, Кондыревъ высказался за преданіе Плаксина уголовному суду, но дѣлу было суждено затянуться на цѣлыхъ два года, а затѣмъ оно было совершенно прекращено производствомъ за силою милостиваго манифеста отъ 30-го августа 1814 года [127].

Всеобщее оживленіе университетской дѣятельности, проявившееся послѣ совершеннаго въ 1814 году полнаго открытія казанскаго университета, не преминуло отразиться и на дѣлахъ училищныхъ. Въ засѣданіи университетскаго совѣта отъ 8-го марта 1815 года ректоромъ и предсѣдателемъ училищнаго комитета И. О. Брауномъ былъ предложенъ проектъ снаряженія цѣлаго ряда одновременныхъ визитацій, сѣть которыхъ должна была захватить собою большую часть губернскихъ училищныхъ дирекцій округа. Принявъ это предложеніе, совѣтъ намѣтилъ слѣдующія визитаціи училищъ: а) профессоромъ Эрдманомъ—губерній симбирской, саратовской и астраханской, б) профессоромъ Реннеромъ—губерній пензенской и тамбовской, в) профессоромъ Броннеромъ—губерній казанской и нижегородской, г) профессоромъ Брейтенбахомъ—губерніи оренбургской; въ томъ же засѣданіи училищному комитету поручено составить для визитаторовъ надлежащія инструкціи. Этотъ первоначальный планъ потерпѣлъ въ его практическомъ выполненіи измѣненія въ томъ смыслѣ, что проф. Броннеръ, отклонившій отъ себя, въ виду незнанія имъ русскаго языка, обязанность визитатора—училищъ казанскихъ и нижегородскихъ—былъ замѣненъ профессоромъ Никольскимъ, двумъ же визитаторамъ, Эрдману и Реннеру, приданы помощники въ лицѣ адъюнктовъ, первому—Симонова, второму—Ренарда. Такимъ путемъ сформировалась пятая, шестая, седьмая и восьмая визитаціи училищъ, выполнившія свои миссіи въ теченіи лѣта и начала осени 1815 года *. До насъ дошли табличныя, на подобіе послужныхъ списковъ, извлеченія изъ журналовъ, веденныхъ всѣми этими визитаторами, расположенныя по одной общей системѣ и заключающія въ себѣ слѣдующія рубрики: а) учебныя заведенія, б) директоры и смотрители, в) учители, г) ученики, д) училищныя строенія, е) учебныя пособія, ж) денежная казна и з) примѣчанія. Мы не

---

* Выше, на стр. 27-ой, у насъ упоминается о визитаціи адъюнктомъ Кондыревымъ, лѣтомъ 1813 года, г.г. Вятки, Перми и екатеринбургскаго уѣзда. Считаемъ необходимымъ оговорить вкравшуюся здѣсь неточность. Эта поѣздка не была самостоятельною визитаціею: Кондыревъ лѣтомъ этого года лишь сопровождалъ новаго попечителя М. А. Салтыкова въ его поѣздкѣ для осмотра нѣкоторыхъ училищъ округа.

будемъ входить въ разсмотрѣніе данныхъ, сообщаемыхъ этими извлеченіями, которыя носятъ оффиціально-сухой характеръ и рисуютъ отрицательныя стороны училищнаго дѣла, уже знакомыя намъ изъ другихъ источниковъ: тѣ же слабыя нравственныя черты училищнаго персонала („вредитъ въ сильной степени пьянство", „не преданъ пользѣ заведенія и не любимъ въ публикѣ", „поведенія неодобрительнаго", „гордъ и сварливъ", „наклоненъ къ ссорамъ", „оставленъ въ ожиданіи исправленія" и т. п.), та же вопіющая матеріальная необезпеченность учителей, знакомая уже намъ неудовлетворительность училищныхъ зданій и учебныхъ пособій и пр. и пр. Не смотря на сухой, таблично-статистическій характеръ ихъ, данныя училищныхъ визитацій 1815 года способны возстановить довольно обстоятельную картину постановки дѣла народнаго образованія въ тѣхъ восьми губерніяхъ казанскаго учебнаго округа, которыя вошли въ районъ этихъ визитацій [128].

Слѣдующая училищная визитація, счетомъ девятая, была снаряжена лѣтомъ 1816 года, въ лицѣ профессора Эрдмана и адъюнкта Ренарда, въ тобольскую губернію, для разслѣдованія уже извѣстнаго намъ дѣла о столкновеніяхъ мѣстнаго директора училищъ, бывшаго профессора Арнгольдта, съ сибирскимъ гражданскимъ начальствомъ. Сущность какъ этихъ столкновеній, такъ и результатовъ самой визитаціи, нами уже были въ своемъ мѣстѣ разсказаны, что избавляетъ насъ отъ необходимости снова возвращаться къ этимъ вопросамъ *. Не ограничивая дѣятельности визитаторовъ основною задачею ихъ далекаго путешествія, длившагося около $2^1/_2$ мѣсяцевъ, совѣтъ университета возложилъ на Эрдмана и Ренарда порученіе осмотра тѣхъ училищъ вятской и пермской губерній, которыя лежали на пути ихъ слѣдованія отъ Казани до Тобольска. Не касаясь служебной стороны этого путешествія, подробно изложенной въ оффиціальныхъ донесеніяхъ визитаторовъ, замѣтимъ здѣсь, что проф. Эрдманъ, съ присущими ему любознательностью и знаніемъ дѣла, широко воспользовался этою интересною поѣздкою, какъ и предшествовавшею поѣздкою въ губерніи симбирскую, саратовскую и астраханскую, для пополненія своихъ разностороннихъ свѣдѣній о Поволжьи, Пріуральи и западной Сибири, которыя и нашли себѣ впослѣдствіе мѣсто во второй части его „Beiträge zur Kenntniss des Inneren von Russland" [129].

---

* См. выше стр. 206—207.

Десятою визитаціею училищъ слѣдуетъ считать командировку профессора Никольскаго въ сентябрѣ 1816 года въ г. Саратовъ для обозрѣнія зданія, предположеннаго къ пріобрѣтенію подъ гимназію, вопросъ объ открытіи которой здѣсь уже поставленъ былъ въ то время на очередь. Изъ рапорта объ этой поѣздкѣ, представленнаго имъ въ училищный комитетъ, мы узнаемъ, что проф. Никольскій „въ свободное время старался вникнуть въ учебную часть существующихъ въ Сараторѣ главнаго народнаго училища и пансіоновъ, содержимыхъ г.г. Квитковскимъ и Ранцевичемъ"; произведя испытанія воспитанникамъ, визитаторъ остался вполнѣ доволенъ какъ успѣхами, такъ равно „начальниками и учителями, чистотою и порядкомъ" этихъ учебныхъ заведеній [130].

Одиннадцатая визитація, произведенная, послѣ десятилѣтняго перерыва дѣятельности его въ этомъ направленіи, бывшимъ профессоромъ-директоромъ, теперь уже заслуженнымъ профессоромъ, Яковкинымъ, имѣла своимъ назначеніемъ симбирскую гимназію и была снаряжена въ мартѣ 1817 года. Эта визитація, сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній о которой мы не нашли, имѣла своею задачею „разбирательство дѣла между учителями оной гимназіи въ разсужденіи казенныхъ квартиръ", — дѣла, такимъ образомъ, чисто домашняго и общаго интереса не представляющаго [131].

Слѣдующія двѣ училищныя визитаціи, двѣнадцатая и тринадцатая—относятся къ тому же 1817 году и были поручены профессору Брейтенбаху. Подобно его же визитаціи 1815 года, и эта поѣздка была направлена въ оренбургскую губернію, въ положеніи училищныхъ дѣлъ которой этотъ визитаторъ въ достаточной мѣрѣ, повидимому, оріентировался. Первая изъ этихъ двухъ визитацій состоялась весною 1817 года и имѣла своею задачею учетъ передъ тѣмъ только уволеннаго директора оренбургскихъ училищъ Чекіева, а также обревизованіе мѣстнаго главнаго народнаго училища; вторая, послѣдовавшая въ іюлѣ того же года, была снаряжена для открытія уѣздныхъ училищъ въ городахъ Бузулукѣ и Мензелинскѣ, причемъ проф. Брейтенбахъ обревизовалъ, уже по собственному почину, и уральское училище, найденное имъ „въ весьма хорошемъ порядкѣ" [132].

Къ 1817 году пріурочивается и четырнадцатая визитація, порученная профессору Городчанинову (она была первоначально возложена на проф. Солнцева, но по болѣзни отклонена имъ) и происходившая осенью. Эта визитація была вызвана начетомъ въ триста слишкомъ рублей, оказавшимся на бывшихъ директорахъ училищъ симбирской губерніи Острож-

скомъ и Куклинѣ по учебнымъ книгамъ, доставлявшимся имъ изъ главнаго правленія училищъ. Визитаторомъ были произведены на мѣстѣ всѣ необходимыя справки и сношенія, но дѣло объ этомъ взысканіи затянулось на нѣсколько лѣтъ и полное удовлетвореніе претензіи главнаго правленія училищъ воспослѣдовало лишь въ 1824 году [133].

Пятнадцатая училищная визитація, притомъ визитація, намѣченная въ весьма широкихъ размѣрахъ, весною 1818 года возложена была на адъюнкта Манасеина, который, постановленіемъ совѣта университета отъ 25-го апрѣля этого года, былъ командированъ на правахъ визитатора въ далекую кавказскую губернію, для приведенія здѣсь въ благоустройство уже существующихъ и для открытія новыхъ учебныхъ заведеній; по дорогѣ на Кавказъ, бывшій основною задачею его миссіи, Манасеину поручена также ревизія попутныхъ училищъ губерній симбирской, саратовской и астраханской. Общія свѣдѣнія, касающіяся этой командировки, намъ уже извѣстны; извѣстно намъ и то, что Манасеинъ обратно изъ этой поѣздки въ казанскій университетъ не вернулся, будучи въ 1821 году назначенъ директоромъ училищъ кавказской губерніи. Добавимъ здѣсь лишь то, что визитаторъ далъ училищному комитету вполнѣ благопріятные отзывы объ училищахъ, осмотрѣнныхъ имъ осенью 1818 года, по пути на Кавказъ [134].

Шестнадцатая и послѣдняя визитація училищъ, относящаяся къ интересующей насъ эпохѣ, была предпринята въ 1819 году адъюнктомъ Лобачевскимъ (А. И.) и имѣла своимъ райономъ пріуральскіе горнопромышленные районы—пермскій, екатеринбургскій и богословскій. Эта визитація, явившаяся дополнительнымъ, по ходатайству о томъ самого Лобачевскаго, порученіемъ къ предпринятому имъ путешествію въ Сибирь, имѣла своимъ предметомъ, согласно данной инструкціи—подробный осмотръ, во всѣхъ частяхъ, гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, полную ревизію ихъ дѣлопроизводства и отчетности, производство ученикамъ испытаній, даже изысканіе мѣръ къ открытію новыхъ училищъ и къ преобразованію существующихъ. Результаты дѣятельности Лобачевскаго въ этомъ направленіи выразились въ рядѣ присланныхъ имъ университету донесеній, представляющихъ любопытный для исторіи училищнаго дѣла матеріалъ, разсмотрѣніе котораго отвлекло бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы ближайшаго предмета нашего повѣствованія [135].

Мы исчерпали въ двухъ предшествовавшихъ частяхъ нашего труда всѣ стороны жизни казанскаго университета за первыя четырнадцать лѣтъ его существованія, являющіяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первою половиною его жизнедѣятельности подъ эгидою устава 5-го ноября 1804 года.

Слѣдующая часть будетъ посвящена ряду мрачныхъ страницъ исторіи русскаго просвѣщенія XIX вѣка, вообще, и исторіи казанскаго университета, въ частности. Это—такъ называемая „эпоха попечительства Магницкаго", грознымъ и угнетающимъ препятствіемъ вставшая на пути свободнаго и нормальнаго развитія молодого казанскаго университета, выдвигавшая даже на очередь вопросъ о самомъ дальнѣйшемъ существованіи этого послѣдняго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Эпоха попечительства Магницкаго

(1819—1826)

ГЛАВА I

Магницкій и его время. Ревизія 1819 года и первыя мѣры по „обновленію“ казанскаго университета

(1819—1820)

Реакція въ отношеніи къ университетамъ и университетской наукѣ послѣ окончанія освободительной войны съ Наполеономъ и утвержденія акта священнаго союза.—Русская политика народнаго просвѣщенія въ эпоху министерства князя А. Н. Голицина.—Роль Магницкаго въ событіяхъ этой эпохи.—Біографическія свѣдѣнія о М. Л. Магницкомъ.—Личность Магницкаго и его начальныя службы.—Отзывы современниковъ о Магницкомъ.—Служба у М. М. Сперанскаго и первое паденіе (1812).—Симбирское губернаторство Магницкаго.—Переходъ на службу главнаго правленія училищъ.

Назначеніе ревизіи казанскаго университета и причины, ее вызвавшія.—Пребываніе Магницкаго въ Казани и осмотръ имъ университета.—Заключенія Магницкаго о состояніи казанскаго университета.—Донесеніе министру народнаго просвѣщенія о результатахъ ревизіи и предположенія относительно судьбы университета.—Вопросъ о казанскомъ университетѣ въ главномъ правленіи училищъ.—Записка С. С. Уварова.—Высочайше утвержденный 14 іюля 1819 года докладъ главнаго правленія училищъ.

Назначеніе Магницкаго попечителемъ казанскаго учебнаго округа и его взгляды на свою миссію.—Казанскій университетъ въ первые послѣ ревизіи мѣсяцы.—Разгромъ университета и совѣтскія засѣданія 20 и 21 августа 1819 года.—Первыя жертвы обновительной дѣятельности Магницкаго.—Мѣры по устройству преподаванія.—Административныя начинанія новаго попечителя.—А. П. Владимірскій, первый директоръ казанскаго университета.—Высочайше утвержденныя 17 января 1820 года инструкціи директору и ректору университета.—Черты университетскаго строя и преподаванія по директорской и ректорской инструкціямъ.—Торжество 29 февраля 1820 года.

Дѣло о годичномъ актѣ 5-го іюля 1820 года и неудовольствіе попечителя.—Разрывъ между Магницкимъ и проф. Солнцевымъ.—Столкновеніе съ ревизующими сенаторами.—Къ вопросу о печатаніи актовыхъ рѣчей.—Выборы 5-го іюня 1820 года и новый ректоръ университета.—Оппозиціонное по отношенію къ попечителю и его клевретамъ положеніе Солнцева.—Критика имъ отчета проф. Городчанинова.—Первый актъ обновленія (17 января 1821 г.).—Торжество Магницкаго.

Печальной въ исторіи казанскаго университета памяти событія, которымъ суждено сдѣлаться предметомъ нашего ближайшаго повѣствованія—

находятся въ самой непосредственной и тѣсной связи съ реакціоннымъ въ области политики народнаго просвѣщенія направленіемъ, которое не преминуло сказаться какъ въ германскихъ государствахъ западной Европы, такъ и въ нашемъ отечествѣ, слѣдомъ за окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ и за утвержденіемъ акта священнаго союза.

Многолѣтняя борьба съ Наполеономъ, закончившаяся отечественною войною 1812 года, сожженіемъ Москвы и бѣгствомъ изъ нея великой арміи непобѣдимаго до тѣхъ поръ „поработителя Европы", освободительная война 1813—1814 годовъ, взятіе Парижа и плѣнъ Наполеона—все это явилось рядомъ столько же неожиданныхъ, сколько и блестящихъ историческихъ явленій, которымъ было суждено произвести рѣшительный переломъ въ психическомъ настроеніи и въ міровоззрѣніи императора Александра I. Отъ самой природы своей склонный къ мистицизму, Александръ видѣлъ во всей этой цѣпи полусказочныхъ событій, поставившихъ его на пьедесталъ сокрушителя могущества „современнаго фараона" и освободителя Европы—нѣчто чудесное, стоящее внѣ власти и воли человѣка, видѣлъ въ нихъ знаменіе перста Божія, устрояющаго, помимо какихъ бы то ни было условій и воздѣйствій земнаго характера, судьбы народовъ, царствъ и царей. Прусскій епископъ Эйлертъ передаетъ настроеніе, охватившее въ то время русскаго императора, словами, слышанными имъ отъ самого Александра: „Я чувствовалъ до двѣнадцатаго года душевную пустоту, явившуюся результатомъ моего воспитанія,—высказывалъ императоръ,—но московскій пожаръ озарилъ свѣтомъ мою душу, а совершившійся на поляхъ битвы судъ Божій—наполнилъ сердце теплотою вѣры: спасеніе Европы отъ гибели явилось и моимъ собственнымъ духовнымъ спасеніемъ".

Мистицизмъ, охватившій собою императора Александра и которому старались подражать, — болѣе или менѣе искренне, конечно, — всѣ окружавшіе его государственные дѣятели и представители руководящихъ сферъ, нашелъ себѣ яркое отраженіе въ идеяхъ такъ называемаго „священнаго союза", которымъ закончилась пестрая смѣна политическихъ событій въ жизни Европы, начавшаяся бурнымъ взрывомъ великой французской революціи и окончившаяся „святою Еленою". Этотъ дипломатическій актъ, имѣвшій своею задачею построить взаимныя отношенія государствъ на идеяхъ христіанской любви и братства и положить религію въ основу жизни международнаго союза, всецѣло обязанъ своею идеею императору Александру,—не безъ вліянія въ этомъ дѣлѣ, какъ утверждаютъ это нѣкоторые современники, извѣстной баронессы Криднеръ, мистическое направ-

леніе ума которой въ такой значительной степени вліяло въ ту пору на весь духовный складъ самого Александра. Основныя идеи священнаго союза становятся вполнѣ ясными уже изъ начальнаго текста его акта, приводимаго нами въ сокращенномъ видѣ:

„Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы. Ихъ Величества (слѣдуетъ перечисленіе), восчувствовавъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, сколь необходимо державамъ образъ взаимныхъ отношеній подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ закономъ Бога Спасителя, объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть предъ лицемъ вселенныя ихъ непоколебимую рѣшимость руководствоваться заповѣдями святыя вѣры, любви, правды и мира.... На семъ основаніи, соотвѣтственно словамъ священныхъ писаній, договаривающіеся монархи пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства и, почитая себя какъ бы единоземцами, во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь; въ отношеніи же къ подданнымъ и войскамъ своимъ они, какъ отцы семействъ, будутъ управлять въ томъ же духѣ братства.... исповѣдуя, что Самодержецъ народа христіанскаго есть Тотъ, кому собственно принадлежитъ держава (т. е. Спаситель), поелику въ Немъ единомъ обрѣтаются сокровища любви, *вѣдѣнія и премудрости безконечныя (de la science et de la sagesse infinie)*".

Не смотря на то, что послѣднія, подчеркнутыя нами, слова акта священнаго союза могли быть истолкованы,—какъ это и было впослѣдствіе,—въ смыслѣ полнаго и абсолютнаго подчиненія науки клерикализму, тенденціи политики народнаго просвѣщенія не проявлялись въ Германіи въ этомъ направленіи, по крайней мѣрѣ въ сколько нибудь рѣшительной формѣ, вплоть до исхода второго десятилѣтія XIX столѣтія, когда разыгрались здѣсь событія, круто повернувшія германскія правительства на реакціонный, по отношенію къ вопросамъ народнаго просвѣщенія, путь, съ особенною суровостью отразившійся на жизни и дѣятельности нѣмецкихъ университетовъ—исконныхъ очаговъ свободной и независимой науки. Исходнымъ пунктомъ этихъ событій явился такъ называемый *вартбургскій праздникъ*, 18 октября 1817 года справленный въ г. Вартбургѣ многочисленнымъ, съ участіемъ нѣкоторыхъ профессоровъ, съѣздомъ нѣмецкихъ студентовъ, въ честь третьей столѣтней годовщины реформаціи и въ ознаменованіе освобожденія Германіи отъ французскаго ига. На этомъ праздникѣ были, между прочимъ, демонстративно сожжены на площади нѣкоторыя сочиненія, а въ числѣ ихъ и сочиненія извѣстнаго

драматурга Коцебу, считавшагося представителемъ ретрограднаго движенія и заклятымъ врагомъ независимости мысли и нѣмецкой университетско-академической свободы. Имя Коцебу стало особенно ненавистнымъ свободной Германіи и германской молодежи послѣ 1818 года, когда появилась книга А. Стурдзы: „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne", написанная, по порученію императора Александра I, для аахенскаго конгресса и въ которой нѣмецкіе университеты открыто обвинялись, между прочимъ, въ томъ, что они, „вмѣсто того, что бы строить ковчегъ христіанскаго государства, являются разсадниками революціоннаго духа и безбожія". Современное общественное мнѣніе считало истиннымъ авторомъ этого сочиненія—Коцебу, и нѣмецкаго драматурга постигла трагическая участь: онъ былъ заколотъ кинжаломъ отъ руки эрлангенскаго студента К. Занда, слѣдомъ за этимъ покончившимъ и съ собою.

Вартбургскія манифестаціи, убійство Коцебу и послѣдовавшее за нимъ покушеніе на жизнь президента Иббеля—возбудили крайнюю тревогу въ политическихъ сферахъ германскихъ государствъ. Всюду стали грезиться призраки революціоннаго движенія умовъ и подозрѣнія пали, прежде всего, на нѣмецкіе университеты, въ свободной организаціи которыхъ стали предполагать очаги свободомыслія и, лежащаго въ основѣ его, невѣрія. Реакція вспыхнула съ неудержимою силою и первымъ проявленіемъ ея явился карлсбадскій съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ германскихъ государствъ, созванный въ концѣ лѣта 1819 года, въ г. Карлсбадѣ, для изысканія средствъ борьбы съ предполагаемымъ зломъ. Этотъ съѣздъ пришелъ къ слѣдующимъ постановленіямъ, имѣвшимъ роковое вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла народнаго образованія въ Германіи, не замедлившимъ, какъ увидимъ ниже, глубоко отразиться и на русской политикѣ народнаго просвѣщенія: а) Учредить самый строгій и бдительный надзоръ надъ нѣмецкими университетами, какъ съ точки зрѣнія внутренняго распорядка жизни ихъ, такъ, въ особенности, и съ точки зрѣнія наблюденія надъ направленіемъ и общимъ духомъ преподаванія въ нихъ, возложивъ эту обязанность на особыхъ правительственныхъ коммиссаровъ или кураторовъ; б) Установить строгую цензуру для повременныхъ изданій и сочиненій, объемомъ не превышающихъ двадцати печатныхъ листовъ; в) Учредить въ г. Майнцѣ центральную слѣдственную коммиссію для предотвращенія и преслѣдованія революціонныхъ замысловъ, демагогическихъ стремленій и тайныхъ обществъ; г) Немедленно удалять отъ должностей, съ воспрещеніемъ имъ дальнѣйшаго педагогическаго поприща, профессоровъ и учителей, замѣченныхъ въ неблагонамѣренномъ

духѣ ихъ преподаваній. Постановленія, выработанныя на карлсбадскомъ съѣздѣ, были въ томъ же году торжественно санкціонированы союзнымъ сеймомъ въ г. Фракфуртѣ и обнародованы отъ лица всѣхъ германскихъ правительствъ.

Если въ Германіи реакція противъ современной постановки дѣла народнаго просвѣщенія съ такою рѣзкою откровенностью сказалась лишь послѣ описанныхъ нами событій и, въ особенности, послѣ результатовъ совѣщаній въ г. Карлсбадѣ, то въ нашемъ отечествѣ она проявилась значительно раньше, восходя уже къ концу министерства графа А. К. Разумовскаго, когда горячая и довѣрчивая заботливость къ вопросамъ народнаго образованія, характеризовавшая собою первые годы XIX вѣка, начинаетъ смѣняться подозрительнымъ къ нимъ отношеніемъ. Какъ разъ къ этому времени (1816 г.) относится, надѣлавшій шума на всю Европу и даже едва не вызвавшій дипломатическихъ переговоровъ, харьковскій инцидентъ профессора Шада, изгнаннаго изъ университета и изъ предѣловъ Россіи за приверженность къ „новѣйшей, въ Германіи возникшей, философіи“ и, въ частности, къ философской системѣ Шеллинга; къ еще болѣе ранней (начало 1815 г.) порѣ относится министерское,—оставшееся, въ силу самой необходимости, только на бумагѣ,—распоряженіе о томъ, что бы къ занятію кафедръ въ университетахъ допускались „одни только россіяне, но отнюдь не иностранцы“ *.

Болѣе рѣшительный характеръ принимаетъ у насъ реакціонное направленіе въ вопросахъ народнаго просвѣщенія со вступленіемъ въ министерство князя А. Н. Голицина (10 августа 1816 г.), въ особенности же съ воспослѣдовавшимъ, годъ съ небольшимъ спустя, преобразованіемъ министерства народнаго просвѣщенія—въ „министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“, въ силу котораго въ лицѣ князя Голицина соединялись въ одно должности оберъ-прокурора синода, главноуправляющаго иностранными исповѣданіями и министра народнаго просвѣщенія. Только что указанная реформа стояла въ непосредственной связи съ клерикально-піэтическимъ направленіемъ политики народнаго просвѣщенія, зиждившимся на основахъ положеній, выраженныхъ въ актѣ священнаго союза, и давшимъ себя почувствовать уже слѣдомъ за вступленіемъ въ министерство князя Голицина. Объ этомъ свидѣтельствуетъ высочайшій манифестъ отъ 24 октября 1817 года, которымъ установлялась новая организація министерства народнаго просвѣщенія: „Желая, дабы христіан-

---

* См. томъ II, стр. 10.

ское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія, подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“ [136].

Мы имѣли въ свое время возможность убѣдиться въ томъ, что недовѣрчивое отношеніе къ едва насажденной русской университетской наукѣ стало сказываться уже въ первые годы министерства князя Голицина. Академикъ Фуссъ писалъ еще въ началѣ 1817 года, что „кровью обливается мое сердце, когда я сравниваю настоящее положеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній съ тѣми ожиданіями, которыя питалъ тринадцать лѣтъ назадъ, подъ вліяніемъ свѣжей жизненной струи, съ высоты престола изливавшейся во всѣ сферы русскаго просвѣтительнаго дѣла“. Въ ту пору поднимался даже вопросъ объ упраздненіи въ Россіи университетскаго образованія: „Болѣе нежели вѣроятно,—писалъ изъ Петербурга попечитель казанскаго учебнаго округа Салтыковъ,—что, за исключеніемъ московскаго, всѣ остальные наши университеты будутъ упразднены; вопросъ о закрытіи университетовъ казанскаго и харьковскаго уже поставленъ на очередь“. Мы знаемъ, что новыя министерскія вѣянія были одною изъ серьезныхъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ Салтыкова покинуть постъ попечителя; какъ бы пророчески предвидя уже недалекую эпоху Магницкаго, предсказывалъ Салтыковъ, въ своихъ письмахъ въ Казань, близкое наступленіе для казанскаго университета „эры проскрипцій Марія и Суллы“, скорбѣлъ о наступившей необходимости „соединять пронырливость съ угодливостью“ и категорически заявлялъ, что—„все рушится, такъ какъ нечего разсчитывать на помощь со стороны министерства“ *.

Для читателей, незнакомыхъ съ закулисною стороною политики народнаго просвѣщенія интересующей насъ эпохи, мало оріентированныхъ и въ тѣхъ дѣйствительныхъ побужденіяхъ, которыми руководствовались исполнительные органы министерства князя Голицина, можетъ представиться страннымъ, даже оскорбляющимъ высокую идею христіанства, сопоставленіе понятія просвѣтительной реакціи—съ стремленіемъ „обосновать просвѣщеніе на основахъ христіанскаго благочестія“, стремленіемъ, которое не было чуждо многимъ великимъ геніямъ человѣческаго знанія. Дѣло, однако, въ томъ, что за этимъ „стремленіемъ обосновать просвѣ-

* См. томъ II, стр. 168—172.

щеніе на основахъ христіанскаго благочестія", бывшимъ излюбленною и ходячею фразою въ устахъ Магницкихъ, Руничей и имъ подобныхъ дѣятелей эпохи министерства князя Голицина, маскировались низменныя побужденія интриги и карьеризма, таились грубыя проявленія фарисейства и фанатизма,—того самаго фанатизма, который въ западно-европейскихъ странахъ приводилъ къ ужасамъ инквизиціи, къ застѣнкамъ и кострамъ „ad majorem Dei gloriam", у насъ же нашелъ себѣ примѣненіе въ столько же безпощадныхъ, сколько и безсмысленныхъ, гоненіяхъ на мысль, слово и на великое, едва назрѣвавшее на Руси, дѣло народнаго просвѣщенія.

Только что указанная нами щекотливая сторона вопроса была осторожно предвидѣна и извѣстнымъ историкомъ русскаго просвѣщенія, покойнымъ академикомъ М. И. Сухомлиновымъ, который, „во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и для совершенно ясной и прямой постановки" этого вопроса, почелъ цѣлесообразнымъ привести общія замѣчанія о своемъ воззрѣніи на интересующій насъ періодъ въ исторіи русскаго образованія. Въ этихъ замѣчаніяхъ покойный академикъ съ неотразимою убѣдительностью аргументируетъ на тему о томъ, какими путями слова акта священнаго союза, признающія въ Спасителѣ міра „источникъ знанія и вѣчной мудрости" — послужили въ Россіи основаніемъ для цѣлой реформы дѣла народнаго просвѣщенія, дали поводъ создать „цѣлую систему въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ людей, принявшихъ на себя заботу совершенно произвольно и неправильно примѣнять начала священнаго союза къ дѣлу народнаго образованія". Мысли, высказанныя въ только что указанномъ направленіи М. И. Сухомлиновымъ, представляются настолько ясными и убѣдительными, что намъ остается лишь познакомить съ ними нашихъ читателей, всецѣло подписавшись подъ положеніями почтеннаго академика.

Исходя изъ той точки зрѣнія, что „вопросъ религіозный весьма часто бывалъ только предлогомъ, за которымъ скрывался вопросъ политическій", Сухомлиновъ утверждаетъ, что въ интересующую насъ эпоху и въ Россіи „религія только выставлялась началомъ воспитанія, но, въ дѣйствительности, имъ руководили другія начала, несовмѣстимыя съ чистой искренностью ея ученія и недостойныя ея святаго знамени; хотя, въ потокѣ искусственныхъ фразъ, религія и называлась единственнымъ источникомъ просвѣщенія, но, въ сущности, она служила не цѣлью, а средствомъ, и подъ ея прикрытіемъ проводились идеи, выработанныя реакціонерами". „Что бы понять внутреннюю несостоятельность системы народнаго просвѣщенія, которую хотѣли возвысить именемъ священнаго союза, довольно вспомнить,—продолжаетъ Сухомлиновъ,—что чистое и

жизненное начало христіанства затемнялось въ ней мертвящею іезуитскою моралью, что призывъ евангельской любви и правды—заглушался крикомъ фанатиковъ, требовавшихъ всевозможныхъ стѣсненій, взаимнаго недовѣрія, преслѣдованій"…. Покойный историкъ русскаго просвѣщенія припоминаетъ слова Ломоносова, высказавшаго мысль, что „не здраво разсудителенъ математикъ, если онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркулемъ, такожъ и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтирѣ научиться можно астрономіи и химіи", и полагаетъ, что эти слова перваго русскаго ученаго „заключаютъ въ себѣ самое убѣдительное осужденіе системы Магницкаго, Рунича и другихъ". Сухомлиновъ подходитъ, затѣмъ, къ ближайшему выясненію тѣхъ побужденій, которыя руководили собою дѣятелей русскаго просвѣщенія эпохи министерства князя Голицина: „Реформаторы общественнаго воспитанія руководствовались не религіею, а фанатизмомъ или же цѣлями своекорыстными и духомъ партій",—утверждаетъ онъ,—но уже скоро „стало ясно, что, вмѣсто религіозности, дѣйствовалъ—фанатизмъ, вмѣсто христіанства—іезуитскій духъ и вражда къ просвѣщенію; все зло состояло въ томъ, что чистую и святую идею религіи употребляли во зло, а чѣмъ чище и святѣе идея—тѣмъ поразительнѣе и злоупотребленіе ею", и вотъ почему „въ паденіи этой системы видѣли не гибель, но торжество религіознаго начала, не терпящаго лжи и притворства и сбрасывающаго съ себя оковы карлсбадскихъ, франкфуртскихъ и всякихъ другихъ конференцій". Весьма мѣтко охарактеризовалъ фарисейскую систему народнаго просвѣщенія того времени преемникъ князя Голицина по министерству, А. С. Шишковъ, съ мнѣніемъ котораго согласился подъ конецъ своего царствованія и самъ императоръ Александръ: „Нравственный развратъ росъ и усиливался; ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человѣколюбія—умѣло вползать въ сердца и заражать ихъ ядомъ; подъ видомъ распространенія христіанства—стремились поколебать православную вѣру"……. [137].

Германскія событія 1817—1819 годовъ, въ особенности же результаты карлсбадской конференціи, не преминули глубоко отразиться и въ нашемъ отечествѣ, раздувъ въ колоссальный пожаръ тѣ реакціонныя искры, которыя тлѣли у насъ уже съ конца министерства графа Разумовскаго. Корень зла былъ усмотрѣнъ, какъ и въ самой Германіи, въ условіяхъ внутренняго строя и въ духѣ преподаванія нѣмецкихъ университетовъ, чему не мало способствовалъ и уже извѣстный намъ памфлетъ Стурдзы, съ безпощадною злобою обрушившійся на германскую академи-

ческую науку. Нѣмецкіе университеты стали представляться въ глазахъ отечественныхъ реакціонеровъ гибельными очагами безвѣрія, революціонныхъ ученій и умственнаго разврата и всѣ усилія министерства князя Голицина были направлены къ спасенію русскаго просвѣщенія и русской науки отъ надвигавшейся на нихъ съ запада духовной „заразы“. Какой взглядъ господствовалъ въ этомъ направленіи въ руководящихъ сферахъ министерства народнаго просвѣщенія, это весьма наглядно усматривается изъ записки, въ 1820 году представленной Магницкимъ въ ученый комитетъ министерства. Характеризуя растлѣвающій „духъ“, охватившій собою германскую науку и германское просвѣщеніе, попечитель казанскаго округа съ авторитетною рѣшительностью поясняетъ, что это, именно—за „духъ“:

„Это тотъ самый духъ, который скрывался у Іосифа II—подъ личиною филантропіи; у Фридриха, Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ—подъ скромнымъ плащомъ философизма; въ царствованіе (sic) Робеспьера—подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте—подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула и, наконецъ, въ коронѣ императорской. Тотъ самый духъ нынѣ, съ трактатами философіи и съ хартіями конституцій въ рукѣ—поставилъ престолъ свой на западѣ и хочетъ быть равенъ Богу...... И вотъ, когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса (намекъ на актъ священнаго союза), когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить — взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада! Что значитъ неслыханное сіе въ исторіи явленіе?... Прочь алтари, прочь государи, смерть и адъ надобны!—вопіютъ уже во многихъ странахъ Европы. Какъ не узнать, чей это голосъ? Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его закрывавшая, и, вѣроятно, скоро уже расторгнется.... Слово человѣческое—есть проводникъ сей адской силы, книгопечатаніе—орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ“.

Выводомъ изъ всей этой шумихи громкихъ фразъ,—излюбленнаго, какъ мы не разъ будемъ убѣждаться въ томъ, пріема казанскаго попечителя,—явилось положеніе, что „благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ“. Обвинительная рѣчь Магницкаго противъ университетовъ встрѣтила отпоръ въ одномъ изъ членовъ комитета, академикѣ Фуссѣ, который сдѣлалъ слѣдующее возраженіе противъ огульныхъ обвиненій казанскаго попечителя: „Здѣсь говорится о

безбожныхъ университетахъ, но какъ таковыхъ нигдѣ нѣтъ, хотя между профессорами того или другого университета могутъ быть вольнодумцы, то мѣсто это надлежитъ перемѣнить, ибо простая справедливость и любовь христіанская запрещаютъ, безъ убѣдительныхъ причинъ и ясныхъ доказательствъ, называть безбожными цѣлыя сословія и осуждать невинныхъ съ виновными" [138].

Приведенная нами записка Магницкаго является лишь суммированіемъ общаго направленія, которое принимаетъ у насъ политика народнаго просвѣщенія, вообще, и по отношенію къ университетамъ, въ особенности, уже съ самаго начала министерства князя Голицина, получивъ наиболѣе страстный и безпощадный колоритъ въ эпоху гоненія на университеты, воздвигнутаго въ германскихъ государствахъ. Въ нашемъ отечествѣ эти гоненія на университетскую науку нашли себѣ фанатичныхъ исполнителей въ лицѣ двухъ попечителей: М. Л. Магницкаго, попечителя казанскаго учебнаго округа, и Д. П. Рунича, попечителя петербургскаго учебнаго округа, бывшаго, впрочемъ, лишь послѣдователемъ и рабскимъ подражателемъ обскурантно-фарисейской дѣятельности казанскаго временщика-попечителя. Въ дѣятельности Магницкаго въ наиболѣе рельефной формѣ отлились всѣ типичныя и характерныя черты русской политики народнаго просвѣщенія послѣднихъ шести лѣтъ царствованія императора Александра I, почему исторія казанскаго попечительства Магницкаго—въ сущности является существенною страницею общей исторіи русскаго просвѣщенія конца первой четверти XIX вѣка. Съ этой именно точки зрѣнія мы и приступаемъ къ изложенію той, въ высокой степени любопытной, хотя и глубоко скорбной, годины историческаго прошлаго казанскаго университета, которая извѣстна въ исторіи нашего народнаго образованія подъ ходячимъ наименованіемъ—„эпохи Магницкаго".

Руководящая во всѣхъ событіяхъ этой эпохи роль самого попечителя Магницкаго, давшаго ей свое имя, обязываетъ насъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на чертахъ жизни этого „нравственнаго феномена", какъ назвалъ Магницкаго одинъ изъ его современниковъ, а также и на нравственномъ обликѣ его, очерченномъ другимъ современникомъ, княземъ Гундуровымъ *, слѣдующею ядовитою, но вполнѣ мѣткою, эпиграммою:

---

* Князь Андрей Александровичъ Гундуровъ—студентъ казанскаго университета 1807—1808 годовъ. Мы уже встрѣчались съ нимъ по поводу его предположенія относительно принятія на себя въ 1819 г. изданія «Казанскихъ Извѣстій» (см. томъ II, стр. 307).

„Магницкій, право, въ свѣтѣ—чудо,
„Но поздно онъ родился для чудесъ:
„За тайной вечерью онъ, вѣрно бъ, былъ Іуда,
„А въ директоріи—Сіэсъ....

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, родился 23 апрѣля 1778 года, въ небогатой дворянской семьѣ; по свидѣтельству современника, Н. М. Лонгинова, „отецъ его почти милостынею питался въ Москвѣ, пока сынъ доставилъ ему мѣсто, чинъ, ленту, пенсію и жалованье". В. И. Панаевъ утверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, будто бы будущій казанскій попечитель происходилъ въ прямой линіи отъ Леонтія Филипповича Магницкаго—математика эпохи Петра Великаго и автора извѣстной „Ариѳметики, сирѣчь науки числительной" (М., 1703); вѣроятность этого свидѣтельства усиливается самымъ именемъ Магницкаго-отца, который могъ быть внукомъ Леонтія Магницкаго, получившимъ имя,—что, какъ извѣстно, въ большомъ ходу у насъ,—въ честь своего ученаго дѣда. По обычаю дворянъ того времени, Магницкій еще въ трехлѣтнемъ возрастѣ былъ записанъ унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ и уже четырнадцати лѣтъ отъ рода (въ 1792 г.) произведенъ въ лейбъ-гвардіи сержанты. Числясь въ рядахъ гвардіи, мальчикъ отданъ былъ для обученія въ московскій университетскій благородный пансіонъ, гдѣ, за успѣхи, удостоился полученія награды изъ рукъ Хераскова, бывшаго директоромъ этого пансіона. Вступивъ въ 1795 году въ дѣйствительную службу уже въ офицерскомъ чинѣ, Магницкій былъ опредѣленъ ординарцемъ къ маіору преображенскаго полка князю Голицину (Д. В.—будущему московскому генералъ-губернатору), вмѣстѣ съ которымъ и участвовалъ въ польской кампаніи, вызванной движеніемъ Костюшки. Военная карьера будущаго попечителя не была продолжительною: выпущенный 1 января 1796 года въ армію капитаномъ, онъ уже осенью слѣдующаго года уволился изъ военной службы и 30 января 1798 года зачисленъ, съ переименованіемъ въ чинъ титулярнаго совѣтника, въ вѣдомство государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Приведемъ со словъ самого Магницкаго свѣдѣнія объ его службахъ на дипломатическомъ поприщѣ:

„Вступивъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и переведенный въ канцелярію вице-канцлера, въ томъ же году опредѣленъ къ вѣнскому

посольству, отъ котораго будучи прикомандированъ къ фельдмаршалу Суворову, отправлялъ при немъ, во всю бытность его въ Вѣнѣ, всѣ политическія и военныя дѣла, а во время его кампаніи исключительно занимался какъ перепискою съ нимъ посла, такъ и донесеніями по оной государю и къ министерству (sic), равно какъ и переводомъ всѣхъ сообщеній графа Суворова на французскій языкъ, для австрійскаго министерства. По отозваніи посольства изъ Вѣны, находился при вице-канцлерѣ, получилъ разныя награжденія за труды при посольствѣ въ Австріи и отправленъ въ Парижъ съ посломъ, ѣхавшимъ туда для заключенія мира. Отправлялъ въ Парижѣ два года всѣ дѣла, относившіяся къ размѣну плѣнныхъ, писалъ протоколъ мира при конференціяхъ посла съ министромъ Тайлераномъ, образовавъ начальную канцелярію посольства и, послѣ двухъ лѣтъ, опредѣленъ въ канцелярію государственнаго канцлера".

Дипломатическая служба двадцатидвухлѣтняго Магницкаго въ Парижѣ, при извѣстномъ нашемъ дипломатѣ того времени графѣ А. И. Морковѣ, ознаменовавшемъ себя рядомъ рѣзкихъ выходокъ противъ перваго консула и изъ за этого отозванномъ въ 1803 году изъ Парижа, вслѣдствіе настоянія о томъ Бонапарте—была, безъ сомнѣнія, блестящею порою въ ранней жизни будущаго попечителя казанскаго учебнаго округа. Имѣвшій случай сдѣлаться лично извѣстнымъ Бонапарте и даже обратившій на себя вниманіе его супруги, будущей императрицы Жозефины, Магницкій располагалъ, по свидѣтельствамъ современниковъ, всѣми данными къ тому, что бы не потеряться въ „новомъ Вавилонѣ" эпохи перваго консульства, въ ту пору приковывавшемъ къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра; впослѣдствіе, уже на склонѣ жизни и будучи въ изгнаніи, Магницкій любилъ въ интимной бесѣдѣ вспоминать о двухъ парижскихъ годахъ своей дипломатической службы.

Всѣ современники Магницкаго, принадлежавшіе какъ къ лагерю его непримиримыхъ противниковъ, такъ и къ лагерю его,—конечно только относительныхъ,—защитниковъ, единогласно сходятся между собою въ оцѣнкѣ тѣхъ внѣшнихъ качествъ, которыя не могли не останавливать на себѣ вниманія лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ молодымъ русскимъ дипломатомъ. Его красивая и представительная внѣшность, изящество въ обращеніи, умѣнье держать себя въ обществѣ, аристократическій отпечатокъ, неотразимое обаяніе на женщинъ, даже и въ поздній періодъ его ссылки—констатируются княземъ П. А. Вяземскимъ. В. И. Панаевъ, далеко не бывшій поклонникомъ Магницкаго, свидѣтельствуетъ объ его „блестящемъ образованіи и дарованіяхъ", „увлекательномъ разговорѣ

Михаилъ Леонтьевичъ
Магницкій,
попечитель Казанскаго учебнаго округа.
(8 іюня 1819 г.—6 мая 1826 г.)

и видной, красивой наружности"; Магницкій былъ въ молодости даже поэтомъ и его „прекрасное", по словамъ Панаева, стихотвореніе „Соловей"—пользовалось широкою популярностью среди читающей публики *. Н. И. Шенигъ рисуетъ Магницкаго человѣкомъ „одареннымъ привлекательною и важною наружностью, необыкновеннымъ даромъ слова и образованнымъ умомъ"; Н. М. Лонгиновъ характеризуетъ Магницкаго „піитою, повѣсою, игрокомъ", но человѣкомъ „пылкаго ума", который, „бывъ въ Парижѣ при Морковѣ, почти былъ высланъ оттуда",—намекъ на финалъ русской парижской миссіи 1801—1803 годовъ, отозванной по настоянію перваго консула, лично къ будущему казанскому попечителю, само собою разумѣется, не относящійся. Въ Парижѣ Магницкаго называли „русскимъ львомъ" и самъ Бонапарте предсказывалъ ему блестящую будущность на родинѣ. Нашъ извѣстный романистъ И. И. Лажечниковъ, знавшій Магницкаго по своей службѣ въ казанскомъ учебномъ округѣ, также отдаетъ должное природнымъ дарованіямъ его и восклицаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о суровомъ попечителѣ: „Съ какимъ тяжелымъ чувствомъ приступаешь къ изображенію человѣка, который, будучи одаренъ лучшими дарами природы и воспитанія и имѣя въ рукахъ своихъ средства разливать добро и свѣтъ на все, его окружающее—употребилъ во зло эти дары для удовлетворенія однѣхъ своихъ страстей... Сколько могъ бы онъ сдѣлать добра, сколько благотворнаго свѣта могъ бы онъ, по своему уму и образованію, разлить на свое вѣдомство, если бы не увлекли его на ложный путь эксцентрическій его характеръ и ложное честолюбіе!"... Отличительною чертою Магницкаго являлся его природный юморъ, нерѣдко, хотя уже съ стороны чисто отрицательной, проявлявшійся и въ эпоху его казанскаго попечительства. Дочь будущаго графа М. М. Сперанскаго, описывая жизнь отца въ блестящіе начальные годы его государственной

---

* Считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о литературныхъ трудахъ М. Л. Магницкаго, вообще.

Первымъ печатнымъ трудомъ его явилась «Печальная пѣснь на кончину московскаго университета куратора П. И. Мелиссино» (М. 1795), затѣмъ рядъ его стихотвореній былъ помѣщенъ въ журналѣ «Полезное и пріятное препровожденіе времени» и въ карамзинскомъ сборникѣ «Аониды». Въ тридцатыхъ годахъ, проживая въ г. Ревелѣ, онъ принималъ ближайшее участіе въ ежемѣсячномъ журналѣ «Радуга», помѣстивъ здѣсь нѣсколько публицистическихъ и историческихъ статей, а во время своего одесскаго изгнанія сотрудничалъ въ «Одесскомъ Альманахѣ» и въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Въ журналѣ «Москвитянинъ» были напечатаны его: «Дума на гробъ графа М. М. Сперанскаго» (1843, кн. IV), біографическая статья «Евгеній Булгарисъ и Никифоръ Ѳеотокисъ» (1844, кн. II) и статья «Взглядъ на мірозданіе» (1843, кн. XI). Въ 1835 г. Магницкимъ издана книга: «Краткое руководство къ дѣловой и государственной словесности» (М. 1835), посвященная памяти графа Сперанскаго.

карьеры, также даетъ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣсколько штриховъ, не лишенныхъ характерности для общей обрисовки личности Магницкаго. „Магницкій,—пишетъ она,—былъ у насъ въ домѣ настоящимъ Протеемъ: одно живое слово, одно блестящее замѣчаніе—смѣнялось у него другимъ. За эпиграммою слѣдовалъ фарсъ; тамъ опять какое нибудь передразниваніе, какая нибудь острая выходка, напоминающая лучшія парижскія гостиныя, какая нибудь арлекинада, отъ которой всѣ помирали со смѣху—и все это, съ разностороннимъ его талантомъ, было приправляемо то стихотворною импровизаціею, то прочитаннымъ гдѣ нибудь или тутъ же вымышленнымъ разсказомъ"; Магницкій писалъ даже куплеты къ „фарсамъ", разыгрывавшимся въ домѣ Сперанскаго и музыку къ которымъ подбиралъ другой завсегдатай того же дома—Жерве [139].

Магницкій возвратился изъ Парижа въ Россію въ самый разгаръ преобразовательной дѣятельности, ознаменовавшей собою первые годы царствованія императора Александра I. Интимныя работы негласнаго комитета,—„комитета общественнаго спасенія", какъ въ шутку называлъ его самъ молодой императоръ,—учрежденіе министерствъ и непремѣннаго (государственнаго) совѣта, толки о дальнѣйшихъ преобразованіяхъ государственнаго строя—все это создавало оживленную атмосферу, въ которую сразу же окунулся молодой и талантливый дипломатъ, только что вернувшійся изъ Парижа, въ водоворотѣ политической жизни котораго ему довелось столкнуться съ самыми разнообразными умоначертаніями и направленіями, созданными политическими событіями конца XVIII вѣка. Среди государственныхъ дѣятелей первыхъ годовъ царствованія Александра уже въ то время ярко восходила звѣзда Сперанскаго, изъ положенія скромнаго и бѣднаго семинариста въ нѣсколько лѣтъ выдвинувшагося въ ряды ближайшихъ сотрудниковъ новаго царствованія. При учрежденіи въ 1802 году министерствъ, Сперанскій былъ назначенъ директоромъ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго былъ поставленъ князь В. П. Кочубей. Намъ остаются неизвѣстными обстоятельства, при которыхъ послѣдовало сближеніе Магницкаго съ Сперанскимъ, дорожившимъ талантливыми сотрудниками и охотно приближавшимъ ихъ къ себѣ, но уже 14 марта 1803 года мы видимъ Магницкаго на службѣ вновь образованнаго министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ занялъ должность начальника отдѣленія экспедиціи государственнаго благоустройства, во главѣ которой находился Сперанскій. Съ этой поры будущій попечитель становится ближайшимъ сотрудникомъ Сперанскаго во всѣхъ его обширныхъ и либеральныхъ предначертаніяхъ и своимъ человѣкомъ въ его

домѣ, а по свидѣтельству Н. М. Лонгинова „у Сперанскаго никто, кромѣ Магницкаго, не былъ въ секретѣ, и еще нѣсколькихъ низшихъ его креатуръ". Близость къ Сперанскому придавала въ ту пору обаяніе и имени Магницкаго: „Я слыхалъ о Магницкомъ—свидѣтельствуетъ И. И. Лажечниковъ,—какъ о человѣкѣ остраго и высокаго ума, съ необыкновенно увлекательнымъ даромъ слова, съ блестящимъ образованіемъ; чарующая извѣстность дружескаго расположенія къ нему Сперанскаго придавала еще болѣе блеска его имени". Тѣсныя отношенія между Сперанскимъ и Магницкимъ продолжались съ тѣхъ поръ неизмѣнно вплоть до постигшей въ 1812 году обоихъ катастрофы, а 1 января 1810 года, при преобразованіи государственнаго совѣта, Сперанскій, будучи назначенъ государственнымъ секретаремъ, ввѣрилъ Магницкому важный постъ статсъ-секретаря департамента законовъ, съ производствомъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Весною 1811 года на Магницкаго возлагается серьезное порученіе стать, съ званіемъ ея директора, во главѣ „коммиссіи составленія военныхъ уставовъ и уложеній"—и этимъ путемъ будущій казанскій попечитель выступаетъ въ отвѣтственной роли военнаго законодателя, въ концѣ того же года доставившей ему, за составленіе „учрежденія для большой дѣйствующей арміи", аннинскую ленту. Это порученіе, особенно серьезное въ виду уже готовившейся войны съ Наполеономъ, рѣзко выдвинуло впередъ служебное значеніе Магницкаго; по словамъ Лонгинова, въ то время „Сперанскій былъ—все въ имперіи, а Магницкій, военный законодатель, съ Воейковымъ и Болховскимъ дѣлали по военному департаменту все, что ни заблагоразсудятъ".

Интимная близость къ Сперанскому, выдающееся служебное положеніе, природныя дарованія—все, повидимому, сулило Магницкому осуществленіе предсказанія о немъ французскаго перваго консула,—теперь уже Наполеона I, могущественнаго императора французовъ,—но неумолимому року было угодно, что бы нашествіе на Россію именно этого вѣнчаннаго прорицателя явилось ближайшею причиною паденія какъ самого Сперанскаго, такъ и его излюбленнаго конфидента—Магницкаго. Катастрофа разразилась 17 марта 1812 года и подробности ея мы предполагаемъ нашимъ читателямъ извѣстными. Экстренно вызванный въ 8 часовъ вечера къ императору Александру, Сперанскій около двухъ часовъ съ глаза на глазъ пробылъ съ государемъ въ его кабинетѣ. Что происходило между ними—это составило тайну, унесенную съ собою въ могилу и императоромъ, и Сперанскимъ, всегда упорно скрывавшимъ существенныя подробности роковой аудіенціи, заявляя, что „про то долженъ вѣдать и

быть судьею—одинъ Богъ". Прямо изъ дворца Сперанскій проѣхалъ къ своему любимцу—Магницкому, но уже не засталъ его: утопавшая въ слезахъ жена * передала Сперанскому, что мужа ея только что увезли въ Вологду. Такая же неожиданность ожидала дома и самого Сперанскаго: у подъѣзда стояла на-готовѣ почтовая кибитка, а встрѣтившій его министръ полиціи Балашовъ объявилъ еще вчерашнему полновластному министру, что онъ долженъ, по высочайшему повелѣнію, немедленно же быть вывезеннымъ изъ Петербурга...

Паденіе и внезапная высылка Сперанскаго произвели въ обществѣ, какъ и слѣдовало ожидать, огромную сенсацію и породили нелѣпые толки о государственной измѣнѣ его. Толковали, будто бы Сперанскій, вмѣстѣ съ Магницкимъ, задумалъ предать Россію Наполеону I и поддерживалъ съ нимъ преступныя по отношенію къ отечеству сношенія,—а политическія условія того времени, связанныя съ ожиданіемъ рокового столкновенія съ побѣдителемъ Европы, давали благодарную и готовую почву для инсинуацій въ этомъ направленіи. Взволновавшее общественное мнѣніе событіе нашло себѣ отраженіе и въ дипломатическихъ депешахъ того времени. „Государственный и имперскій секретарь Сперанскій и чиновникъ его канцеляріи Магницкій арестованы въ воскресенье 27 марта,—доносилъ своему правительству французскій посолъ Лористонъ.—Аресты эти произведены въ полночь самимъ министромъ полиціи; до сихъ поръ неизвѣстна причина этого... Молчаніе это даетъ поводъ къ множеству предположеній; хотѣли искать причину въ иностранномъ вліяніи". „Дѣло Сперанскаго все еще сильно занимаетъ головы,—читаемъ въ другой депешѣ того же посла,—но до сихъ поръ неизвѣстно, за что его сослали; нѣкоторые говорятъ, что онъ сталъ во главѣ иллюминатовъ и что намѣреніе его было, подъ предлогомъ преобразованій, разрушить весь порядокъ въ имперіи; говорятъ также, что главная вина Сперанскаго состояла въ нескромныхъ отзывахъ про императора. И такъ—приходится прибѣгать только

---

* Жена Магницкаго была—француженка. «Женился онъ,—пишетъ про него Н. М. Лонгиновъ,—на какой то француженкѣ изъ модной лавки, братьевъ и родню ея вывелъ въ люди и въ мѣста и, ничего не имѣя, кромѣ жалованья, содержалъ всю сію семью и самъ жилъ, какъ Лукуллъ» (Русск. Арх. 1882, II, стр. 182—183).

М. М. Сперанскій даетъ въ своихъ письмахъ слѣдующія характеристики жены Магницкаго: «Совѣты мои—ничтожны; лихая его жена лишила меня всей его довѣренности»... «Жена ему вторитъ en veritable bourgeoise-gentilhomme, считая обязанностью презирать все, что не въ столицѣ, какъ будто она когда нибудь въ самомъ дѣлѣ живала въ добромъ обществѣ»... (Русск. Арх. 1869, стр. 1694—1695, 1868, стр. 1167—1168). По словамъ Н. Н. Мурзакевича, жена Магницкаго до конца жизни оставалась «яростною католичкою» и,—не въ примѣръ своему мужу,—ненавистницею православія (Русск. Стар. 1874, т. XI, стр. 275).

къ догадкамъ. Магницкій слыветъ за человѣка умнаго,—продолжаетъ Лористонъ,—но онъ держится тѣхъ же философскихъ воззрѣній, что и Сперанскій". „Любопытство публики относительно того, за что сосланы Сперанскій и Магницкій, не удовлетворено,—доноситъ на родину датскій посолъ Бломъ,—однако съ большою вѣроятностью начинаютъ предполагать, что вина ихъ скорѣе касается внутреннихъ дѣлъ, а не преступныхъ внѣшнихъ сношеній... Все, что сходило съ рабочаго стола Сперанскаго—проникнуто началами новыхъ философовъ. Онъ, между прочимъ, стремился стѣснить неограниченную власть правительства"... [140].

Совершенно отбросивъ, конечно, нелѣпую легенду объ измѣнѣ Сперанскаго и Магницкаго, будто бы замыслившихъ предать отечество французамъ, мы должны признать непреодолимую трудность разобраться въ истинныхъ причинахъ паденія и ссылки обоихъ лицъ, самымъ разнорѣчивымъ образомъ комментировавшихся и въ столичныхъ кружкахъ того времени, и въ донесеніяхъ дипломатовъ, и въ запискахъ современниковъ. Представляется, во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ, что паденіе Сперанскаго было результатомъ сложной и искуссно веденной интриги, предпринятой кружкомъ противниковъ его реформъ и предначертаній, сумѣвшихъ возстановить императора Александра противъ Сперанскаго и внушить государю опасность его внутренней политики; недовольство Александра бывшимъ своимъ любимцемъ стало ясно проявляться еще съ конца 1811 года и предстоявшая война съ Наполеономъ явилась въ рукахъ враговъ Сперанскаго лишь предлогомъ къ тому, что бы разомъ сокрушить вліяніе этого выдававшагося государственнаго человѣка.

Изъ различныхъ версій, циркулировавшихъ въ обществѣ по поводу паденія Сперанскаго, мы приведемъ лишь одну, какъ тѣсно связанную съ именемъ Магницкаго и сохраненную въ мемуарахъ Н. И. Шенига *. „Про ссылку М. М. Сперанскаго было столько разныхъ толковъ, что невозможно всему вѣрить,—пишетъ Шенигъ.—Общее мнѣніе было, что Балашовымъ и Армфельдомъ была открыта переписка его съ Наполеономъ, хотя указъ о прощеніи его говоритъ, что онъ былъ сосланъ не за государственную измѣну, а за частное преступленіе противъ особы государя". Ѳ. П. Львовъ, бывшій до послѣдней минуты личнымъ секретаремъ Сперанскаго, разсказывалъ Шенигу закулисную сторону этого дѣла. Сперанскому завидовали и

* Офицеръ генеральнаго штаба, впослѣдствіе орловскій предводитель дворянства и помощникъ попечителя дерптскаго учебнаго округа—человѣкъ «достойный и благородный», по отзывамъ современниковъ († въ 1860 г.).

противъ него образовался заговоръ, съ министромъ полиціи Балашовымъ во главѣ. Скоро нашелся и предлогъ къ тому, что бы нанести ему рѣшительный ударъ. „Сперанскій,—разсказываетъ Шенигъ,—былъ въ тѣсной дружбѣ съ Магницкимъ и, какъ полагали, въ интимныхъ связяхъ съ его женою“. Весною 1812 года Магницкая хлопотала, черезъ Сперанскаго, передъ государемъ о мужѣ одной изъ своихъ подругъ, но—неудачно. По поводу этой неудачи Сперанскій написалъ Магницкой записку, съ крайне дерзкимъ отзывомъ относительно императора. Подруга г-жи Магницкой спрятала эту роковую записку и, отправившись по тому же дѣлу къ Балашову, имѣла неосторожность показать ему, а тотъ предъявилъ ее Александру. На слѣдующій же день разразилась надъ Сперанскимъ и Магницкимъ уже извѣстная намъ катастрофа [141].

Обстоятельства свыше четырехлѣтней ссылочной жизни Магницкаго въ Вологдѣ—мало извѣстны. Самая высылка изъ Петербурга обозначена въ его формулярномъ спискѣ въ весьма общихъ чертахъ: „Получилъ черезъ министра полиціи высочайшее повелѣніе выѣхать изъ С.-Петербурга и жить въ Вологдѣ“—читаемъ мы здѣсь. Сперанскій не забывалъ своего бывшаго сотрудника и въ его вологодской ссылкѣ, оказывая ему здѣсь матеріальную поддержку.

Либеральныя тенденціи не покидали Магницкаго и въ ссылкѣ. По свидѣтельству Н. М. Лонгинова, „Магницкій въ Вологдѣ громогласно вездѣ проповѣдывалъ вольность“, а П. И. Бартеневъ добавляетъ къ этому, что „Магницкій въ Вологдѣ признавался князю П. А. Вяземскому, что они съ Сперанскимъ замышляли ограниченіе самодержавія“, графъ же А. И. Рибопьеръ разсказываетъ про Магницкаго, будто бы онъ хвалился въ Вологдѣ тѣмъ, что онъ и Сперанскій собирались „остричь когти льву (т. е. императору Александру), довѣрчиво склонившему къ нимъ свою голову“....

Ссылка Сперанскаго и Магницкаго продолжалась до начала осени 1816 года. 30 августа этого года,—въ день своего тезоименитства,—императоръ Александръ подписалъ указъ о назначеніи обоихъ изгнанниковъ: Сперанскаго—губернаторомъ въ г. Пензу, Магницкаго—вице-губернаторомъ въ г. Воронежъ, причемъ Магницкому, сверхъ жалованья по должности, съ слѣдующаго года опредѣленъ еще дополнительный окладъ по 6 тысячъ рублей въ годъ. Реабилитація совершилась при участіи въ этомъ дѣлѣ Аракчеева, какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ Магницкій: онъ былъ вызванъ, черезъ фельдъегеря, въ знаменитое Грузино „съ дозволеніемъ

принести свои оправданія". „Тамъ, подъ именемъ оправданія,—разсказываетъ Магницкій,—предложены мнѣ нѣкоторыя смягченія изгнанія, въ которомъ жена моя, отъ жестокаго климата, потеряла здоровье, а дочь—умерла". Воронежская служба Магницкаго ознаменовалась произведеннымъ имъ слѣдствіемъ по дѣлу откупщика Бородина, въ которомъ оказалась съ неблаговидной стороны замѣшанною мѣстная администрація. Подробности этого дѣла намъ неизвѣстны, но, со словъ самого Магницкаго мы знаемъ, что этотъ откупщикъ создалъ цѣлый крестьянскій „бунтъ", усмирять который пришлось съ помощью военной силы. Магницкій „раскрылъ истину, освободилъ людей, мучившихся въ тюрьмѣ, и доказалъ лихоимство губернскаго правленія; имѣніе Бородина взято въ опеку, самъ онъ—преданъ уголовному суду" [142].

Служба Магницкаго въ Воронежѣ продолжалась менѣе года: уже 14 іюня 1817 года онъ получилъ назначеніе на должность симбирскаго губернатора и сдѣлался ближайшимъ сосѣдомъ своего бывшаго принципала и сотоварища по несчастію—Сперанскаго, который, одновременно съ назначеніемъ Магницкаго въ Воронежъ, былъ опредѣленъ губернаторомъ въ Пензу.

Симбирское губернаторство Магницкаго явилось рядомъ столкновеній его съ самыми разнообразными слоями мѣстнаго общества и, главнымъ образомъ—съ дворянствомъ и съ чиновничествомъ, по отношенію къ которымъ онъ сразу же занялъ боевое положеніе, удерживавшееся имъ во все продолженіе симбирской службы. Магницкій любилъ впослѣдствіе вспоминать о годахъ своего симбирскаго губернаторства и съ присущимъ ему юморомъ разсказывалъ о первомъ прибытіи своемъ въ этотъ городъ. Встрѣча устроена была—торжественная, а при въѣздѣ въ городъ красовался даже вензель новаго губернатора. На первомъ пріемѣ чиновничества Магницкаго поразила самая внѣшность представлявшагося ему провинціальнаго служебнаго міра. То была, по его словамъ—„коллекція, какой я съ рода не видалъ, точно четвероногіе стали на заднія лапы и надѣли шитые ошейники, на которыхъ видпѣлись ленты и звѣзды, съ изображеніемъ страха и ожиданія наказаній, словно повѣшенныя собаки; на всѣхъ лицахъ были видны пошлость и страхъ". Первое знакомство съ чиновничествомъ ознаменовалось обращенною къ новому губернатору просьбою старшаго совѣтника губернскаго правленія „подражать милосердію Божію и не быть строгимъ къ ихъ грѣхамъ", на что Магницкій отвѣтилъ ясно и коротко: „Берите, но не дерите"... Магницкій съ ужасомъ вспоминалъ о нравахъ, встрѣченныхъ имъ въ Симбирскѣ. Плети, кнутъ

и всякаго рода истязанія—являлись краеугольною основою всей административной машины. Уже въ первые по прибытіи его въ Симбирскъ дни, совѣтникъ губернскаго правленія рапортовалъ губернатору о мѣрахъ, принимаемыхъ имъ для удержанія крестьянъ въ повиновеніи помѣщикамъ; онъ наказывалъ ихъ розгами и палками, заковывалъ въ кандалы и наивно добавилъ, что теперь, „истощивъ всѣ мѣры кротости, полагаетъ нужнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости (!)". Богатый симбирскій татаринъ Ахметъ Аксеновъ, противъ котораго Магницкій возбудилъ дѣло о фабрикаціи и сбытѣ фальшивой монеты, держалъ на откупу всю симбирскую полицію и, предлагая самому губернатору взятку въ видѣ опредѣленной и постоянной дани, дерзко внушалъ ему, что „меня, все равно, не перетянешь". По дѣлу другаго богача-татарина Абдулла Еремѣева, „грабившаго цѣлый уѣздъ", Магницкому удалось изобличить въ лихоимствѣ сенатскую канцелярію. Симбирскій губернаторъ не особенно деликатничалъ даже съ самимъ правительствующимъ сенатомъ и на этой почвѣ создался курьезный инцидентъ, довольно характерный для обрисовки административныхъ нравовъ того времени. Въ одномъ изъ своихъ представленій сенату Магницкій употребилъ выраженіе: „правительствующій сенатъ думаетъ"—и былъ сурово покаранъ за свое вольнодумство, такъ какъ отъ оскорбленнаго сената послѣдовала резолюція: „дать знать симбирскому губернатору, что бы онъ впредь отъ подобныхъ выраженій воздержался, потому что правительствующій сенатъ не думаетъ, а опредѣляетъ".

Но особенно непримиримая война объявлена была Магницкимъ симбирскому землевладѣльческому дворянству—впрочемъ на почвѣ, дѣлающей несомнѣнную честь будущему суровому попечителю казанскаго учебнаго округа. Магницкій страшно возмущался дикими проявленіями рабовладѣльческихъ инстинктовъ мѣстныхъ помѣщиковъ и, активными противодѣйствіями имъ, возстановилъ противъ себя все крѣпко сплоченное и сильное симбирское дворянство. По словамъ одного изъ современниковъ, симбирскіе помѣщики громко жаловались, что Магницкій „притѣсняетъ помѣщиковъ и бунтуетъ крестьянъ", что онъ наводитъ „ужасъ" на симбирское дворянство и возбудилъ противъ себя „негодованіе всей губерніи", а самъ Магницкій оффиціально показывалъ впослѣдствіе, что „въ бытность мою симбирскимъ губернаторомъ восемь помѣщиковъ за тиранство предалъ я суду, и въ томъ числѣ извѣстнаго богача Наумова, который, имѣя 30 тысячъ рублей дохода, употреблялъ для истязанія крестьянъ желѣзную шапку въ 16 фунтовъ вѣса". „Вотъ съ какими людьми мнѣ

приходилось имѣть дѣло!"—патетически восклицалъ Магницкій при воспоминаніяхъ о симбирскихъ годахъ своей службы.

Боевое положеніе, занятое Магницкимъ въ Симбирскѣ, создало ему массу враговъ, въ особенности среди мѣстныхъ дворянства и чиновничьяго люда и мы охотно вѣримъ показанію одного изъ современниковъ, что радость, вызванная оставленіемъ имъ должности симбирскаго губернатора, была настолько велика, что по этому поводу „было выпито все шампанское въ городѣ". Послушаемъ теперь, что, впослѣдствіе, уже послѣ своего окончательнаго паденія, писалъ самъ Магницкій по поводу симбирской эпохи своего служенія:

„Смѣло вопрошу каждаго честнаго человѣка—какъ можно было въ сихъ дѣлахъ поступать иначе? Между тѣмъ, они то и дали мнѣ ту гибельную извѣстность, отъ которой пріобрѣлъ я множество враговъ. Дворянство видѣло во мнѣ, по его мнѣнію, не разъ мною самимъ слышанному, предателя собственнаго моего сословія, весь многочисленный классъ подъячихъ и лихоимцевъ—опаснаго и смѣлаго обличителя, получестные ихъ покровители—человѣка жестокаго и злонамѣреннаго. И въ семъ неблагопріятномъ для меня положеніи, такъ называемаго, общественнаго мнѣнія—явился я въ Петербургъ просить увольненія отъ нестерпимаго званія губернатора, ибо, борясь со всеобщимъ зломъ въ одномъ маленькомъ углу имперіи, не только другимъ, но и самому себѣ казался я тѣмъ несчастнѣйшимъ Донъ-Кишотомъ, что прекратить драку съ мельницами по совѣсти не могъ".

Сперанскій, бывшій принципалъ Магницкаго, а теперь—сосѣдъ по губернаторству, не упускалъ изъ вида административной дѣятельности симбирскаго губернатора и не одобрялъ рѣшительности его образа дѣйствій:

„Сосѣдъ мой Магницкій,—писалъ Сперанскій А. А. Столыпину весною 1818 года,—ведетъ себя какъ рыцарь, искоренитель всѣхъ злоупотребленій. Къ сожалѣнію, мало по малу образуется на него въ губерніи довольно сильное противодѣйствіе; поселяется общее мнѣніе, что онъ дѣйствуетъ единственно по видамъ выслуги, хотя, точно, у него и въ мысляхъ сего не бывало и одна обыкновенная рѣзкость его характера и худое зрѣніе, не дозволяющее ему обнять свое положеніе во всѣхъ его послѣдствіяхъ и во всей его совокупности—порываетъ его въ сіи стремнины. Совѣты мои—ничтожны.... Для меня было бы сіе равнодушно, если бы я менѣе его любилъ и если бы, притомъ, въ нѣкоторыхъ останкахъ прежняго мнѣнія поведеніе его не отливалось на меня... Онъ путается и совершенно себя запутаетъ. Одна отставка можетъ спасти его отъ великихъ бѣдъ. Строптивость

удивительная! Рѣшительно ни къ какому управленію онъ не способенъ: упалъ и въ духѣ и въ умѣ, какъ толедскій архіепископъ"....

...."Магницкій отправился въ Москву,—писалъ Сперанскій тому же Столыпину двумя мѣсяцами позже.—Я съ нимъ совершенно кончилъ, и навсегда, мои сношенія, кои, впрочемъ, во все сіе время чуть-чуть тянулись. Онъ—отжилъ, и самъ сіе чувствуетъ. Онъ не можетъ желать, да, по счастью, и не желаетъ ничего, кромѣ насущнаго хлѣба и уединенія или самой простой инвалидной службы".

Къ концу 1818 года размолвка между Сперанскимъ и Магницкимъ достигла полной силы и въ письмахъ своихъ къ дочери (Елизаветѣ Михайловнѣ Фроловой-Багрѣевой) Сперанскій совѣтуетъ ей избѣгать семьи Магницкихъ,—"отвязывать себя отъ нихъ сколько можетъ и какъ можетъ", держать себя по отношенію къ нимъ "въ осторожности и въ независимости". Вѣсть о назначеніи Магницкаго членомъ главнаго правленія училищъ порадовала, тѣмъ не менѣе, сердце его бывшаго начальника: "Я могу его жалѣть, но всегда буду радоваться его счастью",—пишетъ Сперанскій дочери въ февралѣ 1819 года, какъ разъ въ то время, когда Магницкому уже было дано роковое порученіе произвести ревизію казанскаго университета [143].

Въ такомъ свѣтѣ представляются намъ черты жизни и дѣятельности Магницкаго до вступленія его въ службу министерства народнаго просвѣщенія. Сохранившіеся до нашихъ дней источники почти не даютъ намъ никакихъ данныхъ для выясненія любопытнаго вопроса о томъ—какими путями удалось Магницкому заручиться расположеніемъ и довѣріемъ министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина, сдѣлаться членомъ главнаго правленія училищъ, взять на себя отвѣтственную обязанность ревизіи казанскаго университета и, наконецъ, занять постъ попечителя казанскаго учебнаго округа. В. И. Панаевъ утверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что едва ли и не представляется справедливымъ,—что столкновенія Магницкаго съ симбирскимъ дворянствомъ и, въ особенности, дѣло возбужденное имъ противъ помѣщика Наумова были основными причинами увольненія его отъ должности симбирскаго губернатора; по словамъ того же современника, князь Голицинъ принялъ близкое участіе въ уволенномъ губернаторѣ и предложилъ ему почетную службу въ своемъ вѣдомствѣ съ тѣмъ большею готовностью, что Магницкій,—по словамъ Панаева,—ухитрился впасть въ тонъ министру народнаго просвѣщенія и "примазаться" къ религіозно-мистическому направленію, бывшему въ то время въ такомъ ходу среди руководящихъ столичныхъ сферъ. Совер-

шенно тожественное объясненіе дается интересующему насъ факту и въ воспоминаніяхъ Шенига: „Магницкій,—читаемъ здѣсь,—возвратившись въ Петербургъ, вкрался въ милость князя А. Н. Голицина и, надѣвъ на себя маску святоши, пустился въ мистицизмъ, былъ ревностнымъ участникомъ библейскаго общества и, наконецъ, назначенъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа". По словамъ А. В. Никитенко, Магницкій, заручившись расположеніемъ князя Голицина своимъ напускнымъ фарисействомъ, ареною котораго была домовая церковь князя, запугалъ министра жупеломъ злоупотребленія западно-европейскимъ просвѣщеніемъ, возведя этотъ путь запугиванія въ цѣлую систему: „Магницкій,—утверждаетъ Никитенко,—хотѣлъ создать оффиціальную науку, оффиціальную добродѣтель, оффиціальное благочестіе, — хотя бы и цѣною лжи и лицемѣрія, — и казанскій университетъ былъ въ данномъ случаѣ лишь преддверіемъ поприща, которымъ онъ желалъ овладѣть". А честолюбіе и неудержимая жажда власти были несомнѣннымъ удѣломъ будущаго казанскаго попечителя: біографъ М. М. Сперанскаго, баронъ Корфъ, свидѣтельствуетъ, что Магницкій былъ обуреваемъ „лихорадочнымъ стремленіемъ къ власти, почестямъ и богатству".

Послушаемъ теперь, что повѣствуетъ самъ Магницкій относительно своего перехода на, сдѣлавшуюся для него впослѣдствіе роковою, службу въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Если вѣрить позднѣйшему показанію въ ту пору уже опальнаго казанскаго попечителя, онъ вступилъ въ званіе члена главнаго правленія училищъ „по собственному вызову императора, но здѣсь снова,—сѣтуетъ Магницкій,—отъ неугомонной совѣсти моей предстояли мнѣ горькія бѣды, которыхъ я совсѣмъ не ожидалъ, почитая учебную часть весьма покойною потому, по крайней мѣрѣ, что она—безвзяточна". Согласно тому же показанію Магницкаго, назначеніе его членомъ главнаго правленія училищъ было прямо обусловлено предстоявшею ревизіею казанскаго университета: „Въ 1819 году, будучи въ отпуску въ Петербургѣ и желая оставить службу, въ которой видѣлъ одно продолженіе какого то прикрытаго изгнанія, получилъ я предложеніе вступить въ члены главнаго правленія училищъ, съ пожалованіемъ аренды и земель, въ сравнительное вознагражденіе съ товарищемъ изгнанія (т. е. Сперанскимъ), съ тѣмъ, что бы тотчасъ ѣхалъ осмотрѣть черезъ тринадцать лѣтъ запущенный казанскій университетъ, который бывшій тогда министръ предполагалъ уничтожить, и что бы благодарилъ его величество не прежде,

какъ по исполненію сего порученія и какъ бы при донесеніи о немъ,—что все и исполнилъ въ точности" [144].

Высочайшее повелѣніе о назначеніи Магницкаго членомъ главнаго правленія училищъ послѣдовало 25-го января 1819 года, причемъ, помимо жалованья по этой должности въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей, за нимъ была сохранена ежегодная аренда въ 6 тысячъ рублей, назначенная ему еще 25-го августа 1817 года, слѣдомъ за опредѣленіемъ въ Симбирскъ губернаторомъ. Извѣщая новаго члена главнаго правленія, письмомъ отъ 28-го января, о состоявшемся его назначеніи, князь Голицинъ изъявлялъ въ этомъ письмѣ свое „удовольствіе имѣть въ немъ сотрудника по части толь важной, каково есть народное просвѣщеніе". Магницкій не остался передъ министромъ въ долгу за эту любезность и на слѣдующій же день отвѣтилъ ему, что „ничто не могло быть для него лестнѣе, какъ быть употребленнымъ подъ начальство вашего сіятельства въ то время, какъ министерство народнаго просвѣщенія, по благотворному духу его управленія, образуетъ совершенно новую и самую счастливую эпоху въ исторіи нашего отечества".

Тотчасъ же за назначеніемъ Магницкаго членомъ главнаго правленія училищъ воспослѣдовало и второе высочайшее повелѣніе, которымъ онъ командировался въ Казань, для обревизованія мѣстнаго университета, съ назначеніемъ трехъ тысячъ рублей прогонныхъ и подъемныхъ денегъ. Князь А. Н. Голицинъ увѣдомилъ объ этомъ Магницкаго слѣдующимъ предложеніемъ отъ 10-го февраля:

„Милостивый государь мой Михаилъ Леонтьевичъ.—Государю Императору благоугодно было изъявить высочайшее соизволеніе, что бы вы отправились въ Казань для обозрѣнія тамошняго университета и училищъ того округа, сколько сіе послѣднее, по тракту и удобности, признаете возможнымъ.

Вслѣдствіе сего препоручаю вашему превосходительству отправиться въ Казань, какъ скоро вамъ возможно будетъ. На прогоны и путевыя издержки получите вы три тысячи рублей. По прибытіи вашемъ въ Казань, нужно будетъ вамъ обратить особенное вниманіе на состояніе казанскаго университета, какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части. Первая, сколько по дѣламъ оказывается—не представляетъ желаемыхъ успѣховъ и даже число студентовъ по сему университету не соотвѣтствуетъ вовсе цѣли сего обширнаго учрежденія и употребляемымъ на оное суммамъ. Вторая, т. е. хозяйственная—состоитъ въ совершенной разстройкѣ (sic) и, при всей продолжительной о томъ перепискѣ, не могла быть приведена въ ясность, а требуетъ ближайшаго на мѣстѣ освидѣтельствованія.

Необходимо нужно вамъ войти въ личное всего обозрѣніе и изыскать средства, какъ къ возможному приведенію учебной части въ такое состояніе, что бы оная, и числомъ обучающихся и успѣхами, болѣе соотвѣтствовала ожиданіямъ правительства, такъ и къ совершенному приведенію въ ясность части хозяйственной. Послѣ всего того представите вы мнѣ свое заключеніе и мнѣніе обо всемъ, изъ коего должно открыться—можетъ ли сей университетъ съ пользою существовать впредь. И въ такомъ случаѣ, если бы университетъ долженствовалъ быть упраздненнымъ, то присовокупите предположеніе ваше, на какомъ основаніи должны быть управляемы учебныя заведенія, къ округу казанскому причисленныя.

При семъ прилагается особая записка о тѣхъ предметахъ, которые требуютъ особеннаго уваженія.

При канцеляріи бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа* находятся два письмоводителя, которые теперь занимаются дѣлами по департаменту народнаго просвѣщенія. Если ваше превосходительство найдете нужнымъ имѣть ихъ при себѣ для письмоводства, то я прикажу имъ явиться къ вамъ.

Во все время нахожденія вашего тамъ, на мѣстѣ, и пока вы будете исполнять возлагаемое на васъ нынѣ препорученіе, отношенія ваши къ университету казанскому и его къ вамъ—будутъ на томъ основаніи, какое состоитъ, по учрежденію, между попечителями и ихъ учебными округами. О семъ предпишу я и казанскому университету для должнаго наблюденія.

Имѣю честь быть и пр.

Князь Александръ Голицинъ".

Къ этому письму приложена особая „записка о предметахъ, какіе при обозрѣніи казанскаго университета и подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеній заслуживаютъ особеннаго уваженія". Содержанія этой записки мы касаться не будемъ, такъ какъ оно нагляднѣе всего возстановится сущностью выполненнаго Магницкимъ порученія по обревизованію казанскаго университета [145].

Назначенная въ началѣ 1819 года строгая ревизія Магницкаго невольнымъ образомъ выдвигаетъ на очередь вопросъ о причинахъ этого мѣропріятія, которому суждено было сыграть такую громкую и печальную роль въ ближайшихъ историческихъ судьбахъ казанскаго университета.

---

* Она находилась, по мѣсту жительства попечителя, въ Петербургѣ.

Событіе это едва ли можетъ быть объяснено какою либо одною причиною и представляется несомнѣннымъ, что казанская университетская ревизія 1819 года явилась результатомъ цѣлаго ряда факторовъ, разобраться въ которыхъ мы въ настоящую минуту и предпримемъ попытку.

Здѣсь, на первомъ планѣ, должны мы поставить общее недовѣріе къ университетамъ и реакціонную по отношенію къ нимъ политику, причины и проявленія которой намъ уже въ достаточной степени извѣстны. Изъ писемъ попечителя Салтыкова къ профессору Броннеру мы знаемъ, что уже въ началѣ 1817 года въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбуждался вопросъ о закрытіи всѣхъ русскихъ университетовъ, за исключеніемъ московскаго *, а изъ только что цитированнаго письма князя Голицина къ Магницкому выносимъ убѣжденіе, что министръ народнаго просвѣщенія отдавалъ на заключеніе бывшаго симбирскаго губернатора роковой вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи или упраздненіи университета казанскаго, судьба котораго ставилась, такимъ образомъ, въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія взбалмошнаго и несомнѣнно предубѣжденнаго фанатика. Представляется, при подобномъ отношеніи къ университетской наукѣ, вполнѣ понятнымъ, что тяжелою грозою готовы были разразиться надъ любымъ русскимъ университетомъ тѣ или другія шероховатости въ его внутренней жизни, которыя могли бы быть устранены нормальными средствами воздѣйствія, въ достаточной мѣрѣ сосредоточивавшимися въ рукахъ центральныхъ органовъ министерства.

А намъ извѣстно, что болѣе или менѣе близкіе и тревожные симптомы такой грозы—стали нависать надъ казанскимъ университетомъ уже съ весны 1818 года. Такимъ симптомомъ явилось, напримѣръ, въ своемъ мѣстѣ разсмотрѣнное нами „дѣло о передержкахъ въ штатныхъ расходахъ университета", возникшее въ началѣ 1818 года, давшее министерству поводъ обвинять университетъ въ безпорядочномъ веденіи хозяйства, а Магницкому—инсинуировать на тему о совершившихся „растратахъ важныхъ суммъ". Другимъ симптомомъ,—и уже несравненно болѣе серьезнымъ,—было „дѣло о проявленномъ университетомъ нерадѣніи къ благоустройству казанской гимназіи и о невыполненіи предписаній начальства", по поводу котораго князь Голицинъ въ октябрѣ 1818 года грозилъ „мѣрами строгости противъ виновныхъ", рѣзко выставляя на видъ, что „университетъ, вообще, оказывается во многихъ случаяхъ и по другимъ дѣ-

* См. томъ II, стр. 168—172.

ламъ неисправнымъ и малорадящимъ объ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей". Третьимъ такимъ же дѣломъ, самаго конца 1818 года, выступило „дѣло о заграничномъ отпускѣ профессора Броннера", въ разрѣшеніи котораго министерство усмотрѣло признакъ „нетерпимыхъ разстройствъ, безпорядковъ и упущеній", угрожая взысканіемъ съ членовъ совѣта—„коихъ обязанностью есть соблюденіе во всѣхъ частяхъ должнаго порядка и благоустройства" *. Мы убѣждаемся, такимъ образомъ, въ нѣсомнѣнномъ фактѣ существованія уже въ 1818 году проявленій недовольства министерства казанскимъ университетомъ—а отсюда оставался лишь одинъ шагъ до мысли о назначеніи всесторонней ревизіи этого высшаго учебнаго заведенія. И не сама ревизія начала 1819 года оказалась почти гибельною для казанскаго университета: все глубоко отрицательное значеніе ея для послѣдующихъ годовъ жизни университета коренилось, съ одной стороны—въ самой личности ревизора, съ другой стороны—въ тѣхъ тенденціяхъ и въ той предвзятой односторонности, съ какими выполнено имъ было возложенное на него въ высшей степени серьезное порученіе.

Помимо возбуждавшихъ въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства неудовольствія дѣлъ собственно университетскихъ, мы должны считаться и съ несомнѣнною наличностью во всемъ дѣлѣ о ревизіи казанскаго университета стороннихъ воздѣйствій и вліяній на князя А. Н. Голицина и, прежде всего—со стороны самого Магницкаго. Близость Симбирска отъ Казани, постоянныя сношенія между обоими городами, освѣдомленность о текущихъ казанскихъ дѣлахъ и явленіяхъ жизни, все это легко давало симбирскому губернатору въ руки оружіе, которое онъ и не преминулъ обратить противъ казанскаго университета въ тотъ моментъ, когда онъ почелъ это для себя выгоднымъ. Въ этомъ именно смыслѣ высказывается и одинъ изъ современниковъ—В. И. Панаевъ, предполагающій, что въ Магницкомъ „еще въ Симбирскѣ созрѣла ненависть къ казанскому университету", соединенная съ „желаніемъ блеснуть важнымъ порученіемъ и составить себѣ карьеру, поддѣлавшись подъ настроеніе высшихъ сферъ". Мы едва ли ошибемся, назвавъ даже лицо, усиленно старавшееся о томъ, что бы urbi et orbi чернить казанскій университетъ и дискредировать его въ глазахъ симбирскаго общества, вообще, и въ глазахъ своего принципала, губернатора—въ особенности. То былъ уже извѣстный намъ неудачный претендентъ на кафедру патологіи и терапіи,

* Подробности только что приведенныхъ дѣлъ, могущихъ почитаться преддверіемъ уже близкой ревизіи Магницкаго, см. въ томѣ II, стр. 184—190.

услуги котораго были осенью 1817 года отвергнуты совѣтомъ казанскаго университета въ виду неодобрительнаго отзыва о немъ врачебнаго отдѣленія—докторъ медицины и акушеръ симбирской врачебной управы А. П. Владимірскій. Взбѣшенный полученнымъ отказомъ, Владимірскій тогда же обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ рѣзкою жалобою, вѣрнѣе—извѣтомъ, въ которомъ безпощадно громилъ казанскій университетъ и его порядки, обвинялъ членовъ университета въ неблагонамѣренности, партійности, пристрастіи къ иностранцамъ и т. п. Выступивъ передъ министерствомъ съ извѣтомъ, симбирскій акушеръ не скупился, конечно, на краски для инсинуацій по адресу университета въ самомъ Симбирскѣ—инсинуацій, которыми въ началѣ 1819 года и воспользовался Магницкій въ своихъ интригахъ предъ княземъ Голицинымъ. Не даромъ въ сентябрѣ того же года, будучи уже попечителемъ, Магницкій вручаетъ Владимірскому вновь созданную должность „директора“ университета, пользуясь широко поставленнымъ значеніемъ которой этотъ бывшій претендентъ на кафедру и не преминулъ свести счеты съ „преднамѣренно поругавшимъ его“,—какъ онъ выражался,—казанскимъ ученымъ сословіемъ *.... Могли имѣть мѣсто и другіе извѣты на казанскій университетъ, поступавшіе въ министерство какъ изъ самой Казани, такъ и изъ другихъ пунктовъ учебнаго округа; толки о такихъ извѣтахъ, и на самомъ дѣлѣ, циркулировали въ обществѣ,—но совершенная неопредѣленность этихъ толковъ лишаетъ насъ возможности говорить о нихъ.

Недостатка въ поводахъ къ назначенію ревизіи казанскаго университета,—дѣйствительныхъ или мнимыхъ,—такимъ образомъ, не было. Болѣе существеннымъ является вопросъ о тѣхъ мотивахъ, которыми руководствовался князь А. Н. Голицинъ, остановивъ свой выборъ на Магницкомъ,—лицѣ вѣдомства, до тѣхъ поръ, совершенно посторонняго.

Всѣ современныя свидѣтельства единодушно говорятъ о самомъ кордіальномъ расположеніи и неограниченномъ довѣріи, которыми,—какъ это усматривается и изъ цитированнаго нами предложенія отъ 10-го февраля 1819 года,—пользовался Магницкій со стороны князя Голицина. Оказывается, что ловкій симбирскій губернаторъ нашелъ вѣрные пути къ тому, что бы обратить на себя вниманіе вельможнаго министра: то была усиленная дѣятельность его по вѣдомству комитета россійскаго библейскаго общества, душою и предсѣдателемъ котораго состоялъ самъ князь Голи-

---

* См. томъ II, стр. 15—16.

цинъ. Участіе въ дѣятельности центральнаго комитета библейскаго общества и его провинціальныхъ отдѣленій—являлось въ ту глубоко-лицемѣрную пору почвою, на которой ловкіе карьеристы отмѣннѣйшимъ образомъ устраивали свои личныя дѣла и дѣлишки и И. И. Лажечниковъ, служившій въ то время по казанскому учебному округу, оставилъ намъ интересную характеристику современнаго общественнаго настроенія. Разсказывая о томъ, какъ Магницкій,—бывшій въ то время уже попечителемъ округа,—допытывался, при подачѣ имъ прошенія о принятіи въ службу, относительно его религіозныхъ убѣжденій, Лажечниковъ замѣчаетъ: „Это было время мистическаго настроенія общества, у однихъ—искренняго, у другихъ—притворнаго, изъ угожденія или подражанія сильнымъ лицамъ; все было тогда запечатлѣно религіознымъ или политическимъ мистицизмомъ“. Нашъ романистъ присовокупляетъ къ этому, что, „не смотря на это и на различныя общества для усовершенствованія рода человѣческаго, люди не дѣлались лучше: взяточничество было въ полномъ разгарѣ, все было продажно—мѣста, жена, убѣжденіе, обязанности“.... Про библейскія общества Лажечниковъ говоритъ, что „цѣль была—прекрасная, но всѣ заботы членовъ ограничивались одною наружною дѣятельностью, формализмомъ, безъ всякаго разумнаго сочувствія къ дѣлу“; что „эти благія учрежденія вызваны были не общественно-нравственною потребностью, а желаніемъ подражать, угождать личностямъ“. Библія считалась необходимою настольною книгою въ домѣ: „у кого не было такой выставки—считался чуть ли не еретикомъ; первый грѣховодникъ, первый взяточникъ, погрязшая въ интригахъ женщина—надѣвали на себя личину христіанскаго миссіонера“ [146].

Воюя съ дворянствомъ и чиновничествомъ, Магницкій не оставлялъ безъ вниманія и дѣятельности, способной обратить на него вниманіе піонеровъ религіозно-мистическаго направленія. Его стараніями открыто было въ Симбирскѣ отдѣленіе библейскаго общества, въ которомъ губернаторъ произнесъ рѣчь, надѣлавшую шума даже въ столицѣ: „На сихъ дняхъ читалъ я библейскую рѣчь вашего губернатора,—писалъ Н. М. Карамзинъ (весною 1818 г.) въ Симбирскъ, къ брату.—Я слышалъ, что она полюбилась императору и князю Голицыну, а это—главное“. Дѣятельность по библейскому обществу неизбѣжно сопрягалась съ дѣлами благотворенія—и Магницкій тогда же основалъ въ Симбирскѣ „Женское общество христіанскаго милосердія“, выхлопотавъ принятіе его подъ покровительство императрицы Елизаветы Алексѣевны. Не знавшій предѣловъ своимъ фантастическимъ измышленіямъ, — что подтвердилось рядомъ послѣдующихъ

лѣтъ его попечительства,—Магницкій не сумѣлъ сохранить чувства мѣры и въ своей симбирской библейской дѣятельности, задумавъ создать здѣсь нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ произведеній печати и, скрывшись за скромнымъ анонимомъ „неизвѣстнаго члена общества", вошелъ въ центральный комитетъ его съ проектомъ всеобщаго уничтоженія зловредныхъ книгъ—идея, бывшая излюбленнымъ конькомъ и его позднѣйшей попечительской дѣятельности *. Назвавъ эти вредныя книги „камнями и волчцомъ", на которые падаетъ сѣмя слова Божія, онъ заключаетъ:

„Доколѣ благочестивое правительство наше не приметъ общія мѣры къ истребленію всѣхъ безбожныхъ книгъ, которыми наводнены лавки нашихъ книгопродавцевъ, большая часть библіотекъ публичныхъ и частныхъ, и даже самыя отдаленныя провинціи—дотолѣ обязанность каждаго истиннаго члена библейскаго общества есть, исторгая всѣми способами изъ обращенія сіи ядовитыя стрѣлы діавола, истреблять ихъ. Идя отъ сего понятія, купилъ я нѣсколько подобныхъ книгъ и рукописей и, препровождая у сего при спискѣ—прошу истребить ихъ. Изъ газетъ увижу я, будетъ ли мысль моя одобрена библейскимъ обществомъ; а, между тѣмъ, стану продолжать покупать всѣ подобныя произведенія, и отъ всей души желаю, что бы каждый членъ библейскаго общества хотя одну подобную книгу представилъ для истребленія".

Эта дикая идея не встрѣтила себѣ поддержки со стороны президента библейскаго общества. Указавъ на несовмѣстность рекомендуемой инквизиторской мѣры съ духомъ христіанства и съ задачами дѣятельности общества, князь Голицинъ далъ „неизвѣстному члену" отвѣтъ слѣдующимъ евангельскимъ текстомъ: „Ни! Да не когда, восторгающе плевелы, восторгнете, купно съ ними, и пшеницу. Оставите рости обое купно до жатвы; тогда пошлетъ Сынъ Человѣческій ангелы своя, да соберутъ отъ царствія его вся соблазны и творящихъ беззаконіе".... [147].

Избирая Магницкаго для ревизіи казанскаго университета, князь Голицинъ зналъ, безъ сомнѣнія, что его новому фавориту уже выпадала миссія совершенно аналогичнаго характера. Еще въ 1805 году, въ первую бытность свою на службѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, Магницкій

* На сколько растяжимымъ представлялось въ умѣ казанскаго попечителя представленіе о степени вредности книгъ—ясно уже изъ того, почти невѣроятнаго, факта, что, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, онъ признавалъ зловредными книгами «Церковную исторію» преосв. Филарета и «Періодическое сочиненіе» своего же собственнаго министерства, предлагая изъять эти книги изъ обращенія!

былъ командированъ для производства слѣдствія въ виленскомъ университетѣ—и вотъ его собственное показаніе объ исполненіи имъ этого порученія: „По высочайшему повелѣнію былъ отправляемъ въ Вильно для открытія заговора. Исполнилъ сіе порученіе съ успѣхомъ, представивъ ясныя доказательства существованія въ тамошнемъ университетѣ, подъ начальствомъ ректора Стройновскаго и покровительствомъ попечителя князя Чарторижскаго—гнѣзда будущихъ (sic!) возмущеній". Плоды этого сыска оказались для Магницкаго, однако, не безъ шиповъ: „Получивъ за это орденъ св. Анны второй степени, обратилъ на себя гоненіе временщика (т. е. князя Чарторижскаго, какъ извѣстно, личнаго друга императора Александра) и охладилъ къ себѣ начальство, ему угождавшее, до такой степени, что въ рескриптѣ, препровождавшемъ орденъ, не рѣшились сказать, за что даютъ его" [148].

Выяснивъ обстоятельства, предшествовавшія ревизіи Магницкаго, перейдемъ къ послѣдовательному разсказу объ этомъ важнѣйшемъ, по своимъ послѣдствіямъ, событіи перваго двадцатипятилѣтія существованія казанскаго университета.

Здѣсь мы возвращаемся къ послѣдовательному изложенію внѣшней исторіи казанскаго университета, прерванному нами на разсказѣ о смерти перваго выборнаго ректора, И. О. Брауна, и на полученіи университетомъ, предложеніями министра отъ 13 и 19 февраля 1819 года, первыхъ свѣдѣній о назначенной уже ревизіи его Магницкимъ *. Мы видѣли, что къ избранію новаго ректора совѣтъ университета не приступалъ, въ виду предложенія министра отъ 28-го января, которымъ предписывалось „не приступать къ избранію ректора впредь до особаго приказанія". Ректорскую должность временно исправлялъ въ то время, по избранію совѣта и съ званіемъ проректора, проф. Г. И. Солнцевъ, на котораго и выпало, такимъ образомъ, нелегкое бремя руководительства жизнью университета въ скорбные дни предстоявшей ревизіи; это бремя суждено было раздѣлить съ нимъ, по званію непремѣннаго засѣдателя правленія, и проф. Г. Б. Никольскому.

Магницкій не замедлилъ прибытіемъ въ Казань и уже 8-го марта явился въ созванное, по его распоряженію, экстренное засѣданіе совѣта, въ которомъ личный составъ университета впервые сталъ лицомъ къ лицу съ грознымъ ревизоромъ. Въ этомъ засѣданіи Магницкій предъявилъ слѣдующія, необходимыя для цѣлей его ревизіи, требованія, въ подробномъ видѣ изложенныя въ особомъ предложеніи его совѣту, въ болѣе же краткой формѣ редактированныя въ протоколѣ засѣданія 8-го числа:

* См. томъ II, стр. 200—202.

„Приступая къ исполненію возложеннаго на меня порученія,—заявлялъ здѣсь Магницкій,—я почитаю нужнымъ изложить совѣту порядокъ, для сего мною принятый, и предложить нѣкоторыя предварительныя къ тому распоряженія, а именно:

1. По прилагаемой у сего формѣ составить табель, представляющую положеніе университета, подвѣдомственныхъ ему учебныхъ пособій и институтовъ, во всѣхъ частяхъ учебнаго и хозяйственнаго порядка. Само собою разумѣется, что нужныя на каждую статью поясненія должны быть представлены въ особыхъ запискахъ, кои означатся въ табели, указывающими на нихъ литтерами.

2. По такой же формѣ составить табель положенію педагогическаго института и императорской казанской гимназіи.

3. Доставить мнѣ исторію университета, которая по § 70-му устава должна быть готова и составлена секретаремъ совѣта.

4. Доставить мнѣ подробную записку о суммѣ 24240 рубл., въ теченіи 1814—1817 годовъ изъ разныхъ статей задержанной, прилoжа къ оной и тѣ документы, на коихъ выдача сихъ суммъ была основана *.

5. Поручить составить особую выписку изъ дневныхъ записокъ университетскаго совѣта (т. е. изъ его протоколовъ) о главнѣйшихъ дѣйствіяхъ университета, съ самаго его учрежденія, въ отношеніи: a) къ важнѣйшимъ открытіямъ или усовершенствамъ въ разныхъ наукахъ, b) къ изданнымъ членами его классическимъ или, вообще, извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ твореніямъ, c) къ образованію людей высшихъ степеней, занимающихъ мѣста и извѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ, d) къ образованію учителей и чиновниковъ, въ воинской и гражданской службѣ извѣстныхъ.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ статьямъ c и d нужно приложить будетъ списки всѣмъ, получившимъ отъ университета степени ученыхъ званій, съ означеніемъ лекцій, ими читанныхъ, и списки тѣмъ, кои получили аттестаты для вступленія въ службу.

6. На основаніи § 191-го университетскаго устава представить правила благочинія, сочиненныя для руководства студентовъ въ отношеніи къ нравственности и поведенію.

7. Училищному комитету составить изъ дѣлъ общую табель всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, въ округѣ состоящимъ, съ изъясненіемъ въ особой запискѣ штатнаго ихъ положенія по учебной и хозяйственной части, съ означеніемъ замѣченныхъ недостатковъ и неудобствъ.

---

* Рѣчь идетъ о уже извѣстномъ намъ дѣлѣ 1818 года о совершенныхъ университетомъ передержкахъ (томъ II, стр. 184—185).

8. Представить по всѣмъ мѣстамъ управленія университета вѣдомости по дѣламъ нерѣшеннымъ".

Уже изъ приведеннаго здѣсь перечня легко усмотрѣть громадность той отчетной работы, какая возлагалась ревизоромъ на университетъ и на выполненіе которой назначался имъ срокъ не свыше трехъ дней. Одновременно съ заготовленіемъ для него всѣхъ этихъ матеріаловъ, Магницкій предпринялъ и личный осмотръ университета и отдѣльныхъ его учрежденій:

„Между тѣмъ, какъ занятія по вышеизъясненнымъ предметамъ продолжатся, вѣроятно, до двухъ или трехъ дней,—продолжаетъ Магницкій въ томъ же предложеніи,—я приглашаю совѣтъ, не прерывая обыкновенныхъ занятій г.г. профессоровъ, отрядить г. профессора Никольскаго, лично мнѣ извѣстнаго, для показанія мнѣ какъ самаго университета, такъ разныхъ, къ нему принадлежащихъ, установленій".

Ревизоръ выражаетъ, въ заключеніе, увѣренность въ томъ, что „совѣтъ университета, составленный изъ людей отличныхъ по ихъ просвѣщенію, не только исполнитъ съ надлежащею основательностью и безъ малѣйшаго промедленія все, мною поручаемое, но, по усердію своему къ общему благу, всегда отличавшему людей просвѣщенныхъ, дополнитъ то, что могло быть мною упущено" [149].

Надежда ревизора на возможность изготовленія университетомъ въ два-три дня всѣхъ затребованныхъ имъ свѣдѣній, какъ и слѣдовало ожидать, не оправдалась, хотя весьма вѣроятно, что задача университета облегчилась заблаговременною выборкою и подготовкою необходимыхъ матеріаловъ, къ чему было приступлено еще до пріѣзда въ Казань Магницкаго; часть отчетовъ по университету была представлена, по крайней мѣрѣ, Магницкому уже 8-го марта. Дни, оставшіеся у Магницкаго свободными до полученія всѣхъ затребованныхъ матеріаловъ, были посвящены имъ, какъ мы видѣли, осмотру университета и его учрежденій. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ завязалось личное знакомство Магницкаго съ проф. Никольскимъ и какую роль игралъ непремѣнный засѣдатель правленія въ щекотливомъ дѣлѣ руководства осмотромъ университета—остается неизвѣстнымъ, но несомнѣнно то, что ревизоръ остался весьма доволенъ своимъ чичероне: „Профессоръ Никольскій,—докладывалъ онъ министру,—находился неотлучно при мнѣ во время обозрѣнія всѣхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университету; дѣятельность, кротость и безкорыстіе суть отличительныя достоинства сего профессора". Полное удовольствіе доставилъ

ревизору и профессоръ Солнцевъ, отправлявшій въ то время ректорскія обязанности: по словамъ того же доклада Магницкаго, Солнцевъ „занимался съ величайшею ревностью въ доставленіи свѣдѣній по послѣднему обозрѣнію". Оба попали въ списокъ представленныхъ къ наградамъ лицъ, „коихъ дѣятельною помощью" оказался Магницкій въ состояніи „въ столь короткое время собрать нужные матеріалы за 14 лѣтъ по всѣмъ частямъ университетскаго управленія", и уже въ апрѣлѣ того же года удостоены награжденія орденами: Никольскій—св. Владиміра четвертой, Солнцевъ—св. Анны второй степени. 13-го марта Магницкій присутствовалъ въ правленіи университета для свидѣтельствованія денежныхъ суммъ, причемъ въ протоколъ занесено, что „денежная казна оказалась въ цѣлости, кромѣ 50-ти тысячъ рублей мѣдныхъ (!) денегъ въ нижней кладовой, которые освидѣтельствовать было невозможно, по причинѣ ветхости мѣшковъ". Въ числѣ университетскихъ учрежденій знакомился Магницкій и съ казанскимъ обществомъ любителей отечественной словесности, отъ имени котораго былъ привѣтствованъ профессоромъ Городчаниновымъ слѣдующимъ льстивымъ диффирамбомъ, сочиненія самого профессора краснорѣчія и стихотворства:

Питомецъ чистыхъ музъ, исполненный заслугъ,
Любви къ отечеству, усердія ко Трону,
Отъ юности твоей равно ты музамъ другъ,
Какъ собесѣдникъ ты Ѳемидѣ и закону.
Воззри и ободри бесѣдою твоей—
Ты здѣсь для насъ одинъ изъ Фебовыхъ лучей!

Только 15-го марта были поднесены „Фебову лучу" всѣ тѣ свѣдѣнія, отчеты и записки, которыя были имъ затребованы въ засѣданіи совѣта 8-го числа. Невольно поражаешься колоссальностью выполненнаго въ нѣсколько дней труда, такъ какъ эти матеріалы, обнимавшіе собою всѣ безъ исключенія стороны жизни университета за всѣ предшествовавшія четырнадцать лѣтъ его существованія, оказались способными дать содержаніе нѣсколькимъ объемистымъ архивнымъ дѣламъ [150]. Матеріалы эти не были использованы Магницкимъ во время непродолжительнаго пребыванія его въ Казани и были взяты съ собою въ Петербургъ, для составленія подробнаго отчета министру о состояніи казанскаго университета, а нѣкоторые дополнительные матеріалы были даже высланы ему въ столицу. Такимъ образомъ, ревизія на мѣстѣ ограничилась лишь данными, которыя могли быть добыты личнымъ осмотромъ университета и его учрежденій —

и уже 16-го марта Магницкій объявилъ совѣту университета объ окончаніи возложеннаго на него порученія, сообщивъ при этомъ и свои замѣчанія по осмотру университета, рекомендуемыя имъ совѣту къ свѣдѣнію и руководству:

„Окончивъ возложенное на меня обозрѣніе императорскаго казанскаго университета во всѣхъ частяхъ его управленія,—читаемъ въ предложеніи Магницкаго совѣту отъ 16-го марта,—раздѣляю я примѣчанія, по сему предмету мною составленныя, на двѣ части, изъ коихъ первая относится къ разсмотрѣнію высшаго начальства и высочайшему разрѣшенію, а вторая—принадлежитъ къ непосредственному дѣйствію самого университета, призываетъ особенное его вниманіе и требуетъ немедленныхъ распоряженій“.

Первая и, конечно, самая важная часть выводовъ и заключеній Магницкаго, въ которой и сосредоточивался весь центръ тяжести ревизіи—должна была остаться для университета, до поры до времени, тайною. Вторая часть его замѣчаній, представлявшая собою, главнымъ образомъ, результатъ его личныхъ осмотровъ, сведена имъ къ слѣдующимъ рубрикамъ, въ порядкѣ которыхъ мы и познакомимъ съ ними нашихъ читателей:

1. Объ университетѣ, вообще, по части наружной и полицейской. Въ этой рубрикѣ Магницкій констатируетъ недочеты по экзекуторской части, причемъ самъ экзекуторъ „найденъ весьма неисправнымъ“; недостаточность и неисправность противопожарныхъ средствъ и противопожарной организаціи службы; наконецъ—недостаточность чистоты, опрятности и порядка въ университетскихъ помѣщеніяхъ, не исключая отсюда даже жилыхъ комнатъ воспитанниковъ; наблюдательность ревизора простерлась здѣсь до указаній на отсутствіе отдушинъ и вьюшекъ въ печахъ, самая же возможность поддержанія въ университетѣ порядка доказывается имъ тѣмъ, что, по его требованію, опрятность и чистота были возстановлены въ нѣсколько дней, слѣдовательно—„онѣ были возможны и могутъ быть всегда сохраняемы“.

2. Объ университетѣ, вообще, по хозяйственной части—рядъ указаній на неудовлетворительность существующей системы подрядовъ и порядка закупки и заготовки необходимыхъ для университета матеріаловъ и припасовъ.

3. Объ университетѣ, вообще, по учебной части. Здѣсь Магницкій прежде всего останавливаетъ вниманіе университета на самомъ способѣ преподаванія и высказываетъ мысли, которыя мы считаемъ интереснымъ привести въ подлинникѣ:

„Нѣкоторые изъ г.г. профессоровъ,—замѣчаетъ Магницкій,—читаютъ лекціи, но не преподаютъ ихъ. Ученики, выслушавшіе сіе чтеніе, не могутъ понять и не имѣютъ нужды его слушать, ибо послѣ лекціи списываютъ тетради и симъ образомъ къ испытанію имѣютъ способъ, не учась, затверживать наскоро и ненадолго все, что на сей случай нужно. Сей образъ ученія далеко отстоитъ отъ того усовершенія методы преподаванія, который въ лучшихъ учебныхъ институтахъ нынѣ принятъ. Дѣло профессора не въ томъ, что бы прочесть лекцію, но что бъ передать ее слушателямъ: одна понятая лекція лучше десяти прочтенныхъ“ *.

Въ этой же рубрикѣ обращаетъ Магницкій вниманіе университетскаго совѣта на низкій уровень знанія воспитанниками латинскаго языка,—этого „общаго языка ученаго свѣта, который хранитъ всѣ сокровища просвѣщенія вѣковъ протекшихъ, изящный вкусъ образованнѣйшихъ народовъ, духъ людей великихъ“,—рекомендуя принятіе мѣръ къ лучшей постановкѣ его преподаванія.

4. Объ университетѣ, вообще, по части нравственнаго образованія. Въ этой рубрикѣ, представляющей собою кардинальную часть всѣхъ замѣчаній его, Магницкій высказываетъ мысль, что „сія главнѣйшая часть народнаго просвѣщенія далеко отстала отъ всѣхъ прочихъ“ и иллюстрируетъ эту мысль слѣдующими соображеніями:

„Я нашелъ, — пишетъ онъ,—многихъ студентовъ, не имѣющихъ нужнаго познанія заповѣдей Божіихъ. Я знаю, что они въ томъ невиновны. Причину сего гибельнаго невѣжества открылъ я въ то же время въ гимназіи, гдѣ ни одинъ изъ учениковъ не знаетъ первыхъ началъ закона Божія, а одинъ шестнадцатилѣтній не умѣлъ прочесть наизусть символа вѣры. Я знаю, что нѣкоторые изъ благонамѣреннѣйшихъ членовъ совѣта предлагали введеніе ученія закона Божія въ университетѣ**,— но какимъ образомъ могъ студентъ, не имѣющій достаточнаго понятія о заповѣдяхъ, быть студентомъ? Какимъ образомъ г.г. экзаменаторы пропустили въ святилище наукъ людей, не знающихъ краткаго катехизиса?

Развѣ забыли они, что почти вчера, недалеко отъ сего самаго университета, пылали домы и храмы столицы нашей, зажженные пламенникомъ, такъ называемаго—просвѣщенія? Развѣ забыли, что сей самый городъ недавно еще затѣсненъ былъ несчастными жертвами безбожія образованнѣйшаго народа?

---

* Въ этихъ сентенціяхъ относительно лекціоннаго способа преподаванія едва ли не въ правѣ мы искать отраженія мыслей проф. Г. И. Солнцева, болѣе подробно развитыхъ имъ уже послѣ отъѣзда изъ Казани Магницкаго.

** Рѣчь идетъ о профессорахъ Браунѣ и Городчаниновѣ—см. томъ II, стр. 190—192.

Время уже вникнуть,—продолжаетъ Магницкій,—въ цѣль правительства, которое хочетъ и хочетъ непреоборимо положить единымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія—благочестіе. Время стать наряду со всѣми просвѣщеннѣйшими народами, кои не стыдятся уже свѣта Откровенія. Въ Парижѣ издается новый переводъ пророчествъ Исаіи. Вся Англія учится оригинальному языку Библіи. Германія, благодаря Канту, пришедшему чрезъ лабиринтъ философіи къ преддверію храма вѣры—ищетъ мудрости въ одной Библіи... И мы ли одни останемся полвѣкомъ назади?!

Да обратитъ совѣтъ немедленное попеченіе объ укорененіи ученія церкви не токмо въ университетѣ и гимназіи, но и во всѣхъ училищахъ здѣшняго округа.

Начальство университета требуетъ отъ него ученыхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ—благочестивыхъ. Ученость же безъ вѣры въ Бога Откровеннаго—не токмо не нужна ему, но и почитается имъ вредною".

Въ заключеніе этой рубрики Магницкій рекомендуетъ совѣту установить строгое наблюденіе какъ за исправностью чтенія лекцій университетскими преподавателями, такъ и за исправностью посѣщенія ихъ студентами.

Слѣдующія три рубрики замѣчаній Магницкаго касаются казанской гимназіи,—именно:

5. О казанской гимназіи по части хозяйственной,

6. О казанской гимназіи по части учебной и

7. О казанской гимназіи по части нравственной.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этихъ рубрикъ, въ которыхъ Магницкій констатируетъ тѣ же неустройства, какія найдены имъ, въ аналогичныхъ отношеніяхъ, и въ самомъ университетѣ и отвѣтственность за каковыя возлагается имъ на директора гимназіи Яковкина, съ добавленіемъ, что этотъ послѣдній уже „подалъ просьбу объ исходатайствованіи ему увольненія отъ службы и освобожденіи его нынѣ, по причинѣ болѣзни, отъ управленія сею гимназіею".

Послѣдняя группа замѣчаній касается снова университета:

8. Объ учебныхъ пособіяхъ и институтахъ при университетѣ находящихся. Здѣсь приводятся Магницкимъ весьма краткія и общаго характера впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ осмотра лишь части университетскихъ учрежденій, именно—библіотеки, кабинета естественной исторіи, анатомическаго театра и русской типографіи. Болѣе подробныя замѣчанія уже о всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, основанныя, кромѣ личныхъ наблюденій, и на доставленныхъ

ему отчетахъ по нимъ, вошли въ общій докладъ по ревизіи казанскаго университета, представленный Магницкимъ министру народнаго просвѣщенія.

Записка Магницкаго оканчивается изъявленіемъ имъ удовольствія нѣкоторымъ членамъ университета—„коихъ просвѣщенное усердіе къ правительству и отличные труды не токмо исполнили, но даже и предупредили всѣ желанія" его. Этими избранниками оказались:

а) Проректоръ Солнцевъ, который при осмотрѣ университета „былъ правою,—говоритъ Магницкій,—моею рукою" и на котораго онъ обѣщаетъ „обратить отличное вниманіе правительства".

б) Профессоръ Никольскій—„съ отличнымъ усердіемъ руководствовавшій моимъ обозрѣніемъ, замѣняя во всѣхъ почти заведеніяхъ ихъ начальниковъ, коихъ не хотѣлъ я отрывать отъ ихъ занятій. Онъ представленъ будетъ,—пишетъ Магницкій,—на особенное вниманіе правительства, равно какъ и г. профессоръ Кондыревъ".

в) Профессоръ Фуксъ—„который, независимо отъ извѣстности его по трудамъ ученымъ, основывая обширное просвѣщеніе на единомъ истинномъ краеугольномъ Камени, украшаетъ университетъ отличными добродѣтелями, коихъ свидѣтельство слышалъ я отъ всего города. Въ знакъ искренняго и справедливаго моего къ нему почтенія получитъ онъ,—заявляетъ ревизоръ,—засвидѣтельствованіе о семъ предъ такимъ начальникомъ, который самъ служитъ примѣромъ добродѣтели и оцѣнить ее наилучше можетъ".

г) Профессоръ Вердерамо—„просвѣщенію котораго,—читаемъ въ запискѣ,—обязанъ я многими свѣдѣніями, нужными для устройства предполагаемаго здѣсь медицинскаго института *; общее къ нему въ городѣ довѣріе есть лучшее ручательство, что званіе свое можетъ онъ отправлять съ честію въ обширномъ кругѣ".

д) Профессоры Германъ и Эрихъ—„заслуженная ученость которыхъ поставлена будетъ на вниманіе начальства".

е) Профессоры Лобачевскій, Симоновъ, Срезневскій и Перевощиковъ—„отличныя способности которыхъ не укроются отъ вниманія начальства".

Пообѣщавъ, затѣмъ, награжденіе „всѣмъ чиновникамъ университета, трудившимся по данному мнѣ порученію", Магницкій предлагаетъ совѣту раздать по комнатамъ студентовъ—10 экземпляровъ библіи, а по комна-

---

* О проектѣ этого учрежденія см. томъ II, стр. 192—195.

тамъ гимназическимъ—25 экземпляровъ новаго завѣта, которые для этой цѣли и были имъ переданы [151].

Таково было первое, сдѣлавшееся совѣту извѣстнымъ, заключеніе Магницкаго относительно произведенной имъ ревизіи университета. На слѣдующій день по полученіи этого заключенія, 17-го марта, состоялось засѣданіе совѣта для обсужденія мѣръ къ устраненію указанныхъ Магницкимъ недостатковъ. Само собою разумѣется, что всѣ намѣченныя ревизоромъ мѣры были безусловно приняты: сдѣланы распоряженія относительно поддержанія въ университетѣ благоустройства и чистоты, съ образованіемъ для этой цѣли „внутренняго надзора" и особыхъ дежурствъ изъ студентовъ; установлены новыя правила заготовки матеріаловъ и припасовъ, съ замѣною прежней хозяйственной системы—системою подрядною; опредѣлено немедленно же приступить къ выработкѣ „твердыхъ правилъ методы преподаванія". Рѣшено обратить особое вниманіе на преподаваніе латинскаго языка какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіяхъ; потребовать отъ училищныхъ начальствъ особенныхъ заботъ относительно обученія закону Божію, обусловивъ принятіе въ студенты основательными познаніями въ вѣроученіи, оставивъ, впредь до дальнѣйшихъ начальственныхъ указаній, открытымъ вопросъ о введеніи преподаванія его въ самомъ университетѣ; установить строгое наблюденіе надъ исправнымъ чтеніемъ и посѣщеніемъ лекцій; принять временныя мѣры къ устраненію указанныхъ ревизоромъ недостатковъ въ состояніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій и пр. и пр. Тогда же приведены были въ исполненіе и нѣкоторыя мѣропріятія, предписанныя Магницкимъ: Яковкинъ освобожденъ отъ несенія должности директора гимназіи, съ временнымъ порученіемъ ея проф. Никольскому; главный надзиратель гимназіи Петровъ и ея экономъ Псаломщиковъ—замѣнены адъюнктами Тимьянскимъ и Юнаковымъ; обязанности университетскаго эконома возложены на студента Виноградскаго; въ видахъ поддержанія благоустройства университетскихъ зданій и въ виду болѣзни, а затѣмъ и смерти, университетскаго архитектора Мари, къ временному исправленію этой должности привлеченъ казанскій губернскій архитекторъ Шмитъ.

Въ числѣ мѣропріятій, указанныхъ Магницкимъ въ предложеніи совѣту отъ 16-го марта, значилось и неотложное избраніе инспектора студентовъ—должность, остававшаяся вакантною съ отъѣздомъ въ заграничный отпускъ Броннера и которую съ того же времени исправлялъ проф. Брейтенбахъ. Избраніе состоялось въ собраніи совѣта 27-го марта и выборъ коллегіи палъ на того же Брейтенбаха. Предусмотрительный нѣ-

мецъ сообразилъ, по всей вѣроятности, всю щекотливость инспекторскихъ обязанностей при тѣхъ новыхъ условіяхъ режима, вступить въ которыя готовился казанскій университетъ и уже въ маѣ мѣсяцѣ, поблагодаривъ совѣтъ за оказанную ему честь, просилъ, ссылаясь на болѣзнь, уволить его не только отъ должности инспектора, но и отъ временнаго ея исправленія. Согласно новому представленію совѣта отъ 9-го іюля, Магницкій,—тогда уже попечитель округа,—изъявилъ согласіе на порученіе должности инспектора студентовъ, „впредь до новаго устройства университета", адъюнкту Булыгину, который и несъ ее до конца года, когда эта отвѣтственная должность была вручена уже ставленнику новаго попечителя—Ѳ. П. Барсову [152].

Заслушанное совѣтомъ обширное предложеніе Магницкаго отъ 16-го марта не носило въ себѣ для казанскаго университета, какъ легко могли убѣдиться въ томъ читатели, ничего угрожающаго и способнаго внушить мрачныя опасенія за ближайшее будущее, а тѣмъ менѣе за самое существованіе едва вставшаго на нормальный путь развитія своего молодаго учебнаго заведенія,—да и самыя сентенціи ревизора на тему о значеніи „истиннаго просвѣщенія", скоро сдѣлавшіяся основнымъ стимуломъ всей его преобразовательной дѣятельности, носятъ здѣсь еще болѣе теоретическій, нежели практическій, оттѣнокъ. Совершенно уже иной характеръ приняло обширное (на 36-ти листахъ) и безпощадное „донесеніе по обозрѣнію казанскаго университета", представленное Магницкимъ министру народнаго просвѣщенія и проникнутое предубѣжденною, тенденціозною и непримиримою ненавистью и къ университету, какъ учрежденію, и къ задачамъ его просвѣтительной дѣятельности. Къ разсмотрѣнію этого въ высшей степени интереснаго акта, сыгравшаго роковую роль въ исторіи казанскаго университета двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, мы въ настоящее время и должны будемъ перейти.

Покончивъ съ осмотромъ казанскаго университета, Магницкій уже 5-го апрѣля былъ въ Петербургѣ, какъ это усматривается изъ предложенія князя Голицина университету отъ того же числа [153], а 9-мъ числомъ апрѣля помѣченъ его докладъ министру, носящій слѣдующее заглавіе: Донесеніе члена главнаго правленія училищъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, заключающее отчетъ по обозрѣнію казанскаго университета. Все донесеніе раздѣляется на три части, въ свою очередь распадающіяся на—отдѣленія. Первая часть заключаетъ въ себѣ слѣдующія отдѣленія: 1) Общій составъ университета, 2) Наружное и полицейское

благоустройство университета, 3) Хозяйственное управленіе университета, 4) Положеніе учебной части университета (по факультетамъ), 5) О нравственномъ образованіи воспитанниковъ. Вторая часть вмѣщаетъ въ себѣ отдѣленія: 1) О казанской гимназіи, въ порядкѣ хозяйственномъ, учебномъ и нравственномъ, и 2) Положеніе разныхъ учебныхъ пособій, институтовъ и заведеній при казанскомъ университетѣ. Часть третья названа—заключительною, и содержитъ два отдѣленія: 1) Заключеніе и 2) Общее мнѣніе по дѣлу. Къ этому донесенію примыкаютъ отдѣльныя къ нему приложенія, именно: а) Записка о профессорахъ казанскаго университета, б) Операціи, произведенныя въ клиническомъ институтѣ, в) Документъ, касающійся обмундировки воспитанниковъ гимназіи, г) Краткая исторія казанскаго университета, съ замѣчаніями на нее, и д) Записка о размѣщеніи профессоровъ, въ предположеніи закрытія казанскаго университета *.

Въ предѣлахъ только что указаннаго порядка, прежде всего заводитъ Магницкій рѣчь о составѣ университета, подъ которымъ онъ разумѣетъ членовъ его совѣта, и уже здѣсь не скупится на мрачныя краски для обрисовки передъ министромъ университета въ самомъ плачевномъ состояніи:

„Совѣтъ университета состоитъ изъ 25-ти профессоровъ и адъюнктовъ; изъ сего числа пять только имѣютъ дѣйствительно голосъ и уваженіе, но не могутъ дать дѣламъ надлежащаго направленія, ибо большинство голосовъ, движимое личностью и посторонними вліяніями, дѣйствуетъ рѣшительно. Большинство членовъ состоитъ изъ иностранцевъ, въ числѣ коихъ человѣка два людей достойныхъ, другіе ни языка нашего, ни законовъ и порядка—не знаютъ; прочіе же сами люди запутанные въ долгахъ и неблагонадежные. Изъ молодыхъ русскихъ профессоровъ и адъюнктовъ, воспитанныхъ и произведенныхъ тѣми самыми, кои дѣлали злоупотребленія, всѣ, кромѣ двухъ, всегда подкрѣпляли зло по побужденію почтенія и благодарности.

Посреди сего совѣта старый и пронырливый профессоръ Яковкинъ господствовалъ своимъ вліяніемъ. Запутанность его счетовъ проходила безъ замѣчанія; безпорядокъ и самовольство хозяйственнаго управленія—оставались безъ надлежащаго отчета. Ученики гимназіи недоученными принимались, по его покровительству, въ студенты безъ

* Въ виду высокаго интереса, представляемаго донесеніемъ Магницкаго относительно ревизіи казанскаго университета, мы въ полномъ видѣ воспроизводимъ основныя три части его въ приложеніяхъ къ настоящему тому (см. приложеніе I).

строгаго испытанія; дѣти частныхъ людей, живущіе у него на пансіонѣ, допускались къ лекціямъ профессоровъ подъ названіемъ слушателей и, не ходя на лекціи, но числившись на оныхъ три года, получали или званіе студентовъ, или аттестаты".

Магницкій утверждаетъ, что именно „сіе состояніе совѣта, обратившагося въ посмѣяніе самихъ его чиновъ, изъясняетъ всѣ замѣченныя безпорядки и неустройства".

Переходя къ вопросу о наружномъ и полицейскомъ благоустройствѣ университета, Магницкій лишь развиваетъ здѣсь тѣ же положенія, которыя были выставлены имъ въ предложеніи совѣту отъ 16-го марта. Здѣсь ревизоръ отмѣчаетъ ненадежное состояніе принадлежащихъ университету домовъ, безпорядочность и запутанность смѣты (свыше 100 тыс. р.), исчисленной на приведеніе ихъ въ порядокъ, непослѣдовательности въ ремонтѣ, неумѣлость мѣстныхъ архитекторовъ, въ виду чего онъ полагаетъ необходимою присылку изъ Петербурга свѣдущаго архитектора, съ учрежденіемъ при университетѣ строительнаго комитета. Болѣе подробнымъ образомъ развиваются здѣсь и указанія на неисправность пожарной и, вообще, экзекуторской части, на нечистоту и запущенность университетскихъ помѣщеній, плохія положеніе и обстановку студенческихъ жилыхъ комнатъ; затрагивается и вопросъ о нераціональности способа содержанія студентовъ, заключавшагося въ выдачѣ имъ жалованья, съ предоставленіемъ собственныхъ попеченій объ устройствѣ своего хозяйства и пр.

По вопросу о хозяйственномъ управленіи университета Магницкій касается уже раньше высказаннаго имъ мнѣнія относительно невыгодности „заготовки потребности закупомъ черезъ экзекутора, а не подрядомъ", неправильностей въ храненіи и расходованіи запасовъ, произвольности въ расходахъ строительныхъ и ремонтныхъ. Ревизоръ поясняетъ и тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ имъ не было принято мѣръ къ строгому и подробному обревизованію университетскаго хозяйства: а) всѣ старые счеты оставлялись прежнимъ начальствомъ безъ замѣчаній, что принималось за ихъ безмолвное утвержденіе, б) возможность ссылокъ на умершаго ректора Брауна, в) подробный учетъ хотя и „открылъ бы, безъ сомнѣнія, растрату важныхъ суммъ", но не обнаружилъ бы виновныхъ и способовъ пополненія, такъ какъ „все имущество цѣлаго совѣта двадцатой ея (т. е. растраты) части не составитъ". Становится вполнѣ яснымъ, что за этими доводами ревизора скрывается лишь поверхностность произведенной имъ провѣрки хозяйственной части университета и что его намеки

относительно „растратъ важныхъ суммъ"—сводятся, при этомъ условіи, лишь къ значенію нечистоплотной инсинуаціи съ его стороны.

Несравненно болѣе значительный интересъ представитъ для насъ четвертое отдѣленіе первой части донесенія Магницкаго—положеніе учебной части университета, гдѣ онъ распредѣляетъ свои замѣчанія по факультетамъ, давая характеристику профессоровъ и преподаванія по каждому изъ нихъ. Первое мѣсто отводится имъ здѣсь отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ:

„Въ факультетѣ (sic) нравственно-политическихъ наукъ,—пишетъ Магницкій,—не нашелъ я главной науки, закона Божія. Изъ справокъ открылось, что еще въ 1814 году покойный профессоръ Браунъ заявлялъ совѣту о лжеумствованіи студентовъ и просилъ, что бы, для отвращенія онаго, открыты были лекціи закона Божія; совѣтъ представлялъ попечителю, но представленіе сіе осталось безъ разрѣшенія. Въ прошломъ году профессоръ Городчаниновъ входилъ въ совѣтъ съ такимъ же настояніемъ; совѣтъ положилъ сдѣлать справку, но сего доселѣ не исполнено".

Обнаруживаетъ ревизоръ неправильности и въ планѣ преподаванія по тому же отдѣленію:

„Самое раздѣленіе наукъ сего факультета неправильно и съ уставомъ несообразно,—замѣчаетъ онъ.—Въ уставѣ положенъ, послѣ профессора естественнаго, политическаго и народнаго, права, профессоръ гражданскаго и уголовнаго, сказано—судопроизводства, но подъ симъ словомъ разумѣть должно—права россійской имперіи, ибо общія начала гражданскаго и уголовнаго права предшествуютъ наукѣ судопроизводства. И такъ—положено учить гражданскому и уголовному россійскому праву, а учатъ, вмѣсто того, одному россійскому уголовному.

Въ уставѣ положенъ, равномѣрно, профессоръ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ народовъ, а учатъ, вмѣсто того, римскому и общему уголовному праву, съ примѣненіемъ къ сему послѣднему римскаго, германскаго и, опять, россійскаго законодательства, хотя для него есть особенная каѳедра".

Объяснивъ причину указанныхъ имъ неправильностей распредѣленія учебныхъ предметовъ „въ произвольномъ ихъ назначеніи самими преподавателями, безъ всякаго общаго соображенія", Магницкій переходитъ къ характеристикамъ самихъ профессоровъ и адъюнктовъ нравственно-политическаго отдѣленія *:

* Мы будемъ сокращать, по возможности, подлинный текстъ донесенія Магницкаго, причемъ характеристики, представляемыя имъ по факультетамъ, соединимъ съ характеристиками, даваемыми имъ въ первомъ приложеніи къ его докладу («Записка о профессорахъ казанскаго университета»).

„Въ семъ факультетѣ одинъ профессоръ Солнцевъ преподаетъ лекціи на латинскомъ языкѣ и одинъ занимается своею частью съ прилежаніемъ; имѣетъ собраніе нужныхъ авторовъ, составляетъ записки и принялъ дѣятельныя мѣры къ тому, что бы студенты ходили на лекціи. Отличается знаніемъ практическихъ производствъ по университету и точнымъ исполненіемъ должности проректора, сколько сіе дозволяетъ соглашеніе мнѣній членовъ совѣта.

Профессоръ философіи Срезневскій, слѣдуя системѣ Якоба, руководствуется духомъ не весьма полезнымъ и, по счастью, преподаетъ лекціи свои такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ. Просидя въ классѣ его два часа, спросилъ я студентовъ—въ чемъ лекція состояла, и ни одинъ не зналъ сего. Обладаетъ хорошо русскимъ языкомъ. По рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи, оказывается зараженнымъ духомъ деизма.

Адъюнктъ Манасеинъ—въ отсутствіи: открываетъ училища въ кавказской губерніи.

Нѣтъ ничего жалостнѣе преподаванія права профессоромъ Врангелемъ. Ни понятія о преподаваемомъ имъ предметѣ, ни познанія языка россійскаго, на которомъ преподаетъ—онъ не имѣетъ. Поучась въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ, вступилъ онъ юнкеромъ въ коммиссію законовъ и, переѣхавъ въ Казань, изъ юнкеровъ коммиссіи въ пять лѣтъ сдѣлался профессоромъ. По экзаменному комитету замѣченъ въ пристрастіи. Онъ—зять г. Яковкина,—многозначительно добавляетъ Магницкій.

Профессоръ дипломатики и политической экономіи Цеплинъ—есть человѣкъ самый пустой и читаетъ лекціи политики, самой тщетной и почти несуществующей науки. Способности имѣетъ весьма посредственныя.

Профессоръ Кондыревъ преподаетъ лекціи политической экономіи по Сарторіусу, который никакъ не можетъ служить руководителемъ въ сей наукѣ, ибо и самъ издалъ только сокращеніе Смита".

Вторымъ ставитъ Магницкій на очередь отдѣленіе физико-математическихъ наукъ:

„Въ физико-математическомъ факультетѣ часть математическихъ наукъ заслуживаетъ особенное вниманіе по выбору преподавателей. Можно сказать, что одна сія часть составлена правильно и преподается отлично хорошо. Университетъ обязанъ симъ случаю: попечитель Румовскій, будучи самъ извѣстный математикъ, занимался симъ родомъ наукъ предпочтительно и съ тѣхъ поръ люди, при немъ выбранные и образованные, остались донынѣ.

Профессоръ Бартельсъ есть человѣкъ отлично знающій, но не довольно хорошо знаетъ по русски и лекціи преподаетъ вмѣстѣ на

русскомъ, нѣмецкомъ и, иногда, смотря по разумѣнію студентовъ, на латинскомъ языкѣ. Онъ, вообще, кажется лучше могъ бы быть академикомъ, нежели преподавателемъ. Теперь онъ боленъ и, сколько мнѣ извѣстно, желалъ бы отправиться въ Швейцарію.

Профессоръ астрономіи и наблюдатель Симоновъ—молодой человѣкъ, отличный познаніями и поведеніемъ, извѣстный въ чужихъ краяхъ и подающій самую большую надежду на будущее время. Онъ преподаетъ лекціи свои прекрасно. Отличныхъ способностей, для усовершенствованія коихъ нужно было бы перемѣстить его въ С.-Петербургъ, въ высшее какое либо ученое сословіе.

Профессоръ Никольскій, сверхъ отличныхъ достоинствъ по своимъ знаніямъ въ математикѣ и по нравственнымъ качествамъ, имѣетъ и то достоинство, что факультетъ, отдавая справедливость его отмѣнно ясному преподаванію, склонилъ его давать лекціи первыхъ началъ чистой математики для вступающихъ изъ гимназіи студентовъ. Неправильность сего распоряженія, противнаго уставу и самому образованію учебной системы, гдѣ всѣ пріуготовительныя науки составляютъ курсъ гимназіи, открываетъ снисходительность, съ какою университетъ допускаетъ въ студенты людей, первымъ началамъ существеннѣйшихъ познаній необученныхъ. Вмѣсто сего неправильнаго доучиванія, слѣдовало бы не принимать недоученныхъ, но тогда университетъ не имѣлъ бы студентовъ, а безъ студентовъ и профессоры не могли бы долго получать своихъ окладовъ и университетъ не могъ бы сохранить того призрака существованія, который, съ сидящими на лекціяхъ учениками подъ именемъ студентовъ, могъ онъ имѣть доселѣ.

Профессоръ Лобачевскій, по общему отзыву, есть человѣкъ, отлично знающій.

Профессоръ Броннеръ, преподававшій лекціи физики, весьма недостаточно замѣняется магистромъ Кайсаровымъ. Находится въ отсутствіи.

Адъюнктъ Дунаевъ въ преподаваніи химіи не можетъ достаточно замѣнить хорошаго профессора сей науки.

Профессоръ естественной исторіи и ботаники Фуксъ—есть человѣкъ отличный и въ ученомъ свѣтѣ извѣстный. Особеннымъ пользуется уваженіемъ по нравственнымъ своимъ качествамъ.

Профессоръ сельскаго домоводства и технологіи Брейтенбахъ преподаетъ лекціи сихъ тщетныхъ (!) наукъ весьма недостаточно, на нѣмецкомъ языкѣ. Занимаетъ двѣ кафедры для жалованья и имѣетъ въ одной—шесть, а въ другой—четыре слушателя, и потому только, что, отправляя должность инспектора, можетъ принудить и принуждаетъ тѣхъ изъ нихъ, кои разумѣютъ по нѣмецки, ходить къ нему на лекціи. Въ отправленіи должности инспектора оказался неисправнымъ, особенно же въ надзорѣ за чистотою.

И такъ, въ семъ факультетѣ преподаваніе математическихъ наукъ въ порядкѣ; впрочемъ, одинъ (?) г. Фуксъ можетъ преподавать лекціи настоящимъ образомъ".

Далѣе слѣдуетъ характеристика постановки преподаванія на отдѣленіи врачебныхъ наукъ:

„Кафедра анатоміи, физіологіи и судной (sic) медицины, вопреки всякому порядку и уставу, занята студентомъ Отсолигомъ, подъ руководствомъ декана факультета. Сей молодой человѣкъ можетъ быть хорошимъ ученикомъ, но не учителемъ. Такимъ образомъ, медицинскія науки надлежащаго основанія въ университетѣ не имѣютъ.

Патологію, терапію и клинику преподаетъ профессоръ Фуксъ.

Профессоръ Вердерамо, преподающій врачебное веществословіе, фармацевтику и врачебную словесность, такъ же повивальное искусство, человѣкъ отлично достойный и въ ученомъ свѣтѣ извѣстный. По дѣятельности и познаніямъ заслуживаетъ одобренія, получилъ степень доктора въ Солернѣ.

Профессоръ Арнгольдтъ—человѣкъ, не знающій латинскаго языка и не умѣвшій доселѣ собрать остова тѣла человѣческаго, человѣкъ, коего незнаніе въ хирургіи обличается спискомъ сдѣланныхъ имъ операцій, преподаетъ лекціи хирургіи. Нрава безпокойнаго и занимается болѣе происками, нежели настоящимъ дѣломъ, чрезъ что лишился уваженія въ своемъ сословіи и въ городѣ.

Въ семъ факультетѣ шесть студентовъ, которые, считая жалованье профессоровъ, помѣщеніе и отопленіе—стоятъ около 15 тысячъ рублей въ годъ".

Наконецъ заводитъ Магницкій рѣчь о четвертомъ и послѣднемъ факультетѣ—отдѣленіи словесныхъ наукъ:

„Профессоръ краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка Городчаниновъ—человѣкъ весьма доброй нравственности и знаетъ языкъ правильно, но подаетъ невыгодное мнѣніе о своемъ вкусѣ, ибо дѣлаетъ критическій разборъ, въ видѣ образцовыхъ твореній, одамъ графа Хвостова, преподаетъ и печатаетъ оный. Не отнимая достоинствъ отъ сего поэта, позволительно желать, что бы разбору его твореній предшествовалъ разборъ Ломоносова, Державина и Жуковскаго. Способностей весьма слабыхъ, но заслуживаетъ вниманія начальства по отличному прилежанію, крайне бѣдному состоянію и многочисленному семейству, а особенно же—благочестію, ибо онъ одинъ предлагалъ объ открытіи въ университетѣ класса закона Божія.

Профессоръ греческаго языка и греческихъ древностей Эрихъ отправлялъ всегда должность учителя нѣмецкаго языка среднихъ классовъ, и хотя обучался въ иностранныхъ университетахъ, но изъ по-

служнаго списка не видно, что бы онъ гдѣ либо удостоился какой либо ученой степени; сверхъ того, слишкомъ старъ для продолженія службы. Кафедра греческаго языка существуетъ только названіемъ; студенты не умѣютъ читать по гречески.

Профессоръ древностей и латинскаго языка Германъ, по старости своей, не можетъ съ надлежащимъ успѣхомъ отправлять должности.

Заслуженный профессоръ географіи и россійской статистики Яковкинъ подалъ просьбу объ увольненіи его вовсе отъ службы.

Профессоръ всеобщей исторіи и географіи Томасъ произведенъ въ профессоры по покровительству нѣкоторыхъ значительныхъ людей въ Казани.

Профессоръ россійской словесности Перевощиковъ способенъ преподавать съ успѣхомъ".

Покончивъ съ постановкою учебной части въ отдѣльныхъ факультетахъ, Магницкій не безъ усиленной натяжки обобщаетъ приведенныя имъ характеристики въ слѣдующемъ обращеніи къ министру:

„Изъ изложенія статьи объ учебной части въ казанскомъ университетѣ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, сколько она недостаточна: по неполнотѣ факультетовъ отъ недостатка нѣсколькихъ профессоровъ, по неспособности многихъ преподавателей, по невниманію совѣта къ распорядку учебныхъ предметовъ и установленію единообразной и доброй методы преподаванія; по недостатку надзора за профессорами и студентами, ходящими произвольно на лекціи; по легкому пріему въ студенты людей недоученныхъ, по снисходительному производству студентовъ въ ученыя степени.

Но сколько ни горестно подобное положеніе одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, стоющаго уже правительству два милліона рублей, желать бы еще можно, что бы вредъ его ограничивался сею одною ничтожностью и денежною потерею.

Но слѣдующее отдѣленіе—откроетъ зло гораздо важнѣйшее".

Это слѣдующее отдѣленіе (пятое), разсчитанное на обличеніе „важнѣйшаго зла" казанскаго университета, трактуетъ о нравственномъ образованіи воспитанниковъ и представляетъ собою боевую основу всего донесенія:

„Признаюсь вашему сіятельству,—пишетъ здѣсь Магницкій,—что, не взирая на вопль ученыхъ и полуученыхъ цѣлой Европы противъ намѣренія основать зыблющійся храмъ наукъ на единомъ твердомъ краеугольномъ камени, я не постыдился спросить у студентовъ, наученныхъ профессоромъ философіи управляться нравственнымъ закономъ,—слыхали ли они что либо о законѣ Божіемъ, письменномъ и

откровенномъ, и, къ прискорбнѣйшему удивленію, нашелъ, что многіе изъ нихъ не знаютъ числа заповѣдей; другіе отвѣчали мнѣ, что Богъ написалъ ихъ на двухъ, а не трехъ скрижаляхъ, потому, что—такъ ему было угодно и, не взирая на то, что въ росписаніи наукъ занимаются, яко бы, они разборомъ Одиссеи, ни одинъ изъ тѣхъ, коихъ вопрошалъ я, не знаетъ, что значитъ слово евангеліе, между тѣмъ какъ сочиненія Вольтера выбросилъ я изъ библіотеки, отобранной для чтенія студентовъ ихъ инспекторомъ.

И такъ—доказанная мною въ предшествовавшемъ отдѣленіи полученность воспитанниковъ довершается невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ законѣ Божіемъ. Изъ сихъ людей, такъ образованныхъ, выпущено въ пятьнадцать губерній—43 учителя!"

Далѣе Магницкій, дѣйствуя уже довольно прозрачнымъ образомъ въ интересахъ собственныхъ видовъ на ближайшее будущее, рекомендуетъ министру средство къ отвращенію грозящаго зла:

„На будущее время, — разсуждаетъ онъ, — сіе важное зло можетъ быть искоренено выборомъ надежнаго попечителя, но происшедшій отъ него вредъ, то есть пятьнадцать губерній, наводненныхъ (!) учителями, въ семъ воспитаніи образованными и нынѣ другихъ также образующими, весьма важенъ и, по моему мнѣнію, не скоро исправленъ быть можетъ. Новому попечителю нужно будетъ узнать лично директоровъ всѣхъ подвѣдомственныхъ университету гимназій съ тѣмъ, что бы, увидя неблагонамѣренныхъ къ предполагаемой цѣли по ихъ духу, перемѣнить новыми. Другаго способа я не вижу.

Статью сію заключу я тѣмъ, что каждый изъ учителей сихъ, столь противно выгодамъ и видамъ воспитавшаго ихъ правительства образованный, стоитъ ему, по соображенію сдѣланныхъ на университетъ издержекъ—34022 рубля! Таковъ плодъ, принесенный казанскимъ университетомъ въ теченіи четырнадцати лѣтъ"....

Первое отдѣленіе второй части доклада Магницкаго всецѣло посвящено замѣчаніямъ о казанской гимназіи въ порядкѣ хозяйственномъ, учебномъ и нравственномъ.

Не касаясь, болѣе или менѣе подробно, сущности этой стороны донесенія Магницкаго, отмѣтимъ лишь общее отрицательное отношеніе ревизора къ казанской гимназіи со всѣхъ сторонъ ея строя и жизни и, въ особенности, со стороны хозяйственной. Гимназія, по его словамъ, на столько „обезславилась своимъ неустройствомъ, что жители Казани дѣтей своихъ отдаютъ въ довольно посредственный пансіонъ Лейтера, платя за каждаго по 700 рублей въ годъ, но въ гимназію ихъ не помѣщаютъ".

Магницкій безъ малѣйшаго колебанія ставитъ всѣ замѣченные имъ недостатки за счетъ Яковкину, слѣдующими чертами обрисовывая его дѣятельность, въ качествѣ директора гимназіи:

„Профессоръ Яковкинъ, человѣкъ пронырливый и умѣвшій пріобрѣсти благоволеніе бывшихъ начальствъ, управлявшій всѣмъ университетомъ до торжественнаго его открытія—управлялъ гимназіею самовластно и только съ нѣкоторыми наружными обрядами отвѣтственности. Онъ заявилъ себя независимымъ отъ университета потому, что гимназія, имъ управляемая, имѣла съ 1798 года свои права и донынѣ называется императорскою и, такимъ образомъ, будучи независимъ, когда ему нужно, представлялъ, напротивъ, на разрѣшеніе университетскаго совѣта дѣла, когда почиталъ сіе для себя падобнымъ, дабы закрыться отвѣтственностью университета".

Сославшись, далѣе, на сдѣланныя имъ еще въ бытность свою въ Казани предложенія относительно немедленнаго увольненія Яковкина отъ должности директора гимназіи и о перемѣнѣ всего состава ея конторы, Магницкій, быть можетъ инстинктивно почувствовавъ въ „пронырливомъ" эксъ-директорѣ своего собрата по духу, считаетъ цѣлесообразнымъ замолвить передъ министромъ словечко за Яковкина:

„Участь г. Яковкина, совершенно виновнаго, пріемлю смѣлость представить на христіанское милосердіе его императорскаго величества, ибо онъ человѣкъ старый, больной, обремененный многочисленнымъ семействомъ, и заслуживаетъ нѣкоторое снисхожденіе по ученымъ трудамъ цѣлой жизни и потому, что, не взирая на всѣ его злоупотребленія, онъ нынѣ въ крайней бѣдности и обремененъ долгами, кои непрестанно поступаютъ на него ко взысканію".

Второе отдѣленіе той же части донесенія имѣетъ своимъ предметомъ положеніе разныхъ учебныхъ пособій, институтовъ и заведеній при казанскомъ университетѣ, возстановляемое Магницкимъ какъ по впечатлѣніямъ личнаго осмотра ихъ, такъ и по представленнымъ ему письменнымъ по нимъ отчетамъ. И здѣсь въ полной силѣ сказывается отрицательное отношеніе ревизора къ казанскому университету и его отдѣльнымъ учрежденіямъ. Мы избавлены отъ необходимости входить въ разсмотрѣніе отзывовъ Магницкаго объ этихъ послѣднихъ, такъ какъ это было уже сдѣлано нами раньше, при разсмотрѣніи исторіи учебно-вспомогательныхъ и другихъ учрежденій университета за первыя четырнадцать лѣтъ его существованія. Мы ограничимся, поэтому, лишь перечисленіемъ этихъ учрежденій въ томъ порядкѣ, въ какомъ рас-

положены они въ донесеніи Магницкаго, указывая, въ скобкахъ, томы и страницы нашего предшествовавшаго повѣствованія, въ которыхъ и на которыхъ читатели могутъ найти самые отзывы его. Университетскія учрежденія разсмотрѣны Магницкимъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Библіотека (III, 44).
2. Кабинетъ естественной исторіи (III, 119—120).
3. Ботаническій садъ (III, 133).
4. Физическій кабинетъ (III, 63—64).
5. Химическая лабораторія (III, 96—97).
6. Анатомическій театръ (III, 149—150).
7. Астрономическая обсерваторія (III, 88—89).
8. Педагогическій институтъ (II, 625—626).
9. Экзаменный комитетъ (II, 379—380).
10. Русская типографія (II, 343).
11. Азіятская типографія (II, 343).

Мы исчерпали всю фактическую сторону донесенія Магницкаго министру, давшую содержаніе первымъ двумъ частямъ его доклада. Теперь мы перейдемъ къ третьей и наиболѣе существенной части его доклада— къ части заключительной, содержащей въ себѣ какъ выводы Магницкаго изъ первыхъ двухъ частей, такъ и „общее мнѣніе" его относительно казанскаго университета.

Выводы Магницкаго сводятся къ слѣдующимъ пяти положеніямъ:

1. „Университетъ казанскій, по самому его составу, не выполнилъ и не можетъ выполнить тѣхъ обязанностей, кои возложены на него уставомъ.

2. Онъ несетъ только наименованіе университета и, по принятымъ формамъ, представляетъ нѣкоторый видъ сего рода заведеній, но, на самомъ дѣлѣ—никогда не существовалъ. Онъ не только не приноситъ той пользы, какую можно бы ожидать отъ благоустроенной гимназіи, но даже причиняетъ общественный вредъ полуученостью образуемыхъ имъ воспитанниковъ и учителей для обширнѣйшаго округа, особенно же противнымъ религіи духомъ деизма и злоупотребленіемъ обширныхъ правъ своихъ.

3. Уже семь лѣтъ стоитъ сей вредный университетъ отъ 134-хъ до 247-ми тысячъ рублей въ годъ, между тѣмъ какъ двѣ знатнѣйшія духовныя наши академіи, с.-петербургская и московская, образующія столько отличныхъ христіанскихъ учителей, едва и половину сей суммы стоятъ, а въ томъ же городѣ, гдѣ находится университетъ, несравненно лучшая его семинарія получаетъ на свое содержаніе не болѣе 15-ти тысячъ рублей.

4. Казанская гимназія, по злоупотребительному ея управленію, по недостаточному образованію и выбору учителей и по духу, которымъ заражена отъ университета, представляетъ заведеніе въ самомъ дурномъ положеніи.

5. Управленіе обширнаго округа казанскаго университета, объемлющее пятнадцать губерній, должно быть въ самомъ дурномъ положеніи, судя по тому, что объ университетѣ доказано".

Таковы категорическія положенія, къ которымъ сведены выводы Магницкаго изъ представленнаго имъ донесенія. Еще болѣе категоричными являются тѣ положенія, въ которыя отливается общее мнѣніе его о казанскомъ университетѣ. Если все предшествовавшее выступало передъ нами въ образѣ жестокаго обвинительнаго акта противъ казанскаго университета, то высказанное Магницкимъ „общее мнѣніе"—носитъ всѣ черты еще болѣе суроваго и безпощаднаго приговора, вынесеннаго этому университету, приговора даже безъ признанія смягчающихъ обстоятельствъ, приговора—къ смертной казни.

Исходя изъ точки зрѣнія невозможности „исправить такое сословіе, гдѣ изъ 25-ти человѣкъ едва треть благонадежныхъ выбрать можно" и сославшись на свой нравственный долгъ оправдать оказанное ему довѣріе „по совѣсти и крайнему своему разумѣнію", Магницкій произнесъ казанскому университету приговоръ, формулированный въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. „Казанскій университетъ, пользовавшійся всѣми правами и преимуществами ему присвоенными и свято со стороны правительства сохраняемыми; нарушившій, съ своей стороны, коренныя обязанности свои и тѣмъ раздравшій грамоту, ему дарованную; злоупотребившій сумму въ 2 милліона рублей; причинившій очевидный вредъ въ обширномъ округѣ—по непреложной справедливости и по всей строгости правъ подлежитъ уничтоженію.

2. Уничтоженіе сіе можетъ быть двухъ родовъ: а) въ видѣ пріостановленія университета и б) въ видѣ публичнаго его разрушенія. Я бы предпочелъ послѣднее—рѣшаетъ Магницкій и приводитъ слѣдующіе своеобразные аргументы въ пользу „публичнаго разрушенія" университета:

Ежели,—говоритъ онъ,—пріостановить его подъ видомъ недостатка профессоровъ или подобнымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что истинное намѣреніе его уничтоженія не сокроется. Ученые всей Европы, столь

ожесточенные обличеніемъ вредныхъ послѣдствій мнимаго ихъ просвѣщенія—будутъ клеветать правительство, приписывая единому дѣйствію власти то, что сдѣлано по самой строгой справедливости. А ежели будетъ заявлено публично, что университетъ нарушилъ свои обязанности, злоупотребилъ права, ему дарованныя, и не принесъ ожиданной отъ него пользы—тогда пусть всевозможные университеты судятъ приговоръ сей: все честное и благомыслящее изъ современниковъ и потомства будетъ на сторонѣ правительства.

Актъ объ уничтоженіи казанскаго университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи—стоитъ уже посреди Европы съ подъятымъ кинжаломъ"....

Высказавшись, такимъ образомъ, за „публичное разрушеніе" университета, Магницкій развиваетъ цѣлый планъ новой постановки въ Казани учебнаго дѣла. Зданія упраздненнаго университета онъ предполагаетъ возвратить гимназіи, которая, „сохраняя, какъ то было до университета, названіе императорской, получила бы новое, обширнѣйшее и лучшее образованіе". При этой преобразованной гимназіи проектируются два непосредственно примыкающихъ къ ней учрежденія: отдѣленіе для образованія учителей, изъ казенныхъ воспитанниковъ, и пансіонъ для благороднаго юношества, причемъ это благородное юношество имѣло бы здѣсь только интернатъ, но училось бы въ гимназіи; Магницкій добавляетъ, что въ Казани его увѣряли, будто „дворяне всей губерніи охотно стали бы платить за каждаго воспитанника по тысячѣ рублей".

Широкіе замыслы Магницкаго этимъ не исчерпываются. Подъ общимъ съ гимназіею управленіемъ онъ проектируетъ еще центральное татарское училище, имѣющее задачею подготовленіе учителей для мусульманскихъ школъ; Магницкій высказываетъ даже надежду, что такое училище, „будучи подъ вліяніемъ христіанскаго управленія, безъ малѣйшаго вида стѣсненія совѣсти магометанъ, подавало бы способъ съ нужною осторожностью дѣйствовать къ непримѣтному и постепенному ихъ отклоненію отъ алкорана". Ревизоръ добавляетъ къ этому, что „профессоръ Кондыревъ, человѣкъ отлично дѣятельный и усердный, сказывалъ, что, будучи въ Оренбургѣ, склонилъ онъ весьма удачно муфтія обнародовать всѣмъ подвѣдомственнымъ ему магометанамъ о пожертвованіи на сей предметъ".

Сверхъ вышеуказанныхъ учебныхъ заведеній, Магницкій намѣчаетъ основаніе въ Казани большаго медико-хирургическаго инсти-

тута, со всѣми необходимыми для него учебно-вспомогательными учрежденіями, употребивъ на его содержаніе часть суммы, ассигнуемой на предположенный къ уничтоженію университетъ; въ бытность свою въ Казани Магницкій слышалъ отъ мѣстнаго преосвященнаго, что одна казанская епархія окажется въ состояніи дать для этого института до ста человѣкъ учениковъ. Въ лицѣ профессора Фукса—Магницкій уже намѣчаетъ и директора будущаго медицинскаго института.

Не оставилъ ревизоръ безъ вниманія и судьбы имѣющихся при университетѣ учебно-вспомогательныхъ пособій. Медицинскую часть библіотеки онъ предлагаетъ предоставить проектированному институту, остальныя книги передать гимназіи, наиболѣе же рѣдкія—вытребовать въ Петербургъ; химическая лабораторія и кабинеты физическій и естественный—имѣютъ быть положены въ основу такихъ же учрежденій будущаго медицинскаго института; лучшіе инструменты астрономической обсерваторіи—будутъ взяты въ Петербургъ.

„Такимъ образомъ,—фантазируетъ Магницкій,—вмѣсто вреднаго университета и разстроенной гимназіи, правительство, безъ малѣйшей прибавки къ настоящимъ издержкамъ, получитъ: 1) благоустроенную гимназію, 2) пансіонъ для благороднаго юношества, 3) татарскую гимназію (sic) и 4) медицинскій институтъ, который, „давая ежегодно сто лекарей арміи, снабжать будетъ весь тамошній край скотоврачами". Покончивъ съ своими проектами, Магницкій снова подчеркиваетъ, что „всѣ сіи заведенія, равно какъ и управленіе округомъ, надлежитъ поручить попечителю съ особенною инструкціею".

Приведенными замыслами предусмотрительность Магницкаго не истощилась. Будучи озабоченъ судьбою намѣченнаго къ раскассированію личнаго состава университета, онъ представилъ министру особую записку о размѣщеніи профессоровъ, въ предположеніи закрытія казанскаго университета. Приведемъ, конечно только in extenso, эту любопытную записку:

а) Профессоры:

1. Солнцевъ. По отличнымъ знаніямъ, дѣятельности и твердости характера можетъ быть употребленъ въ какомъ либо университетѣ, гдѣ управленіе ослабло, ректоромъ, или директоромъ въ какое либо учебное заведеніе.

2. Германъ. Старикъ дряхлый и больной, можетъ быть отставленъ съ полнымъ пенсіономъ.

3. Фуксъ. Директоръ предполагаемаго въ Казани медицинскаго института.

4. Бартельсъ. Желаетъ ѣхать въ отечество свое, Швейцарію, и очень будетъ доволенъ половиннымъ пенсіономъ.

5. Томасъ. Можетъ быть уволенъ по прошенію и опять вступить въ учители частнаго дома, какъ прежде.

6. Брейтенбахъ. Можетъ быть уволенъ по прошенію.

7. Цеплинъ. Тоже.

8. Эрихъ. Дряхлый и больной старикъ, заслуживаетъ увольненія съ полнымъ пенсіономъ.

9. Городчаниновъ. Человѣкъ бѣдный и обремененный семействомъ. Можетъ служить по гражданской службѣ; согласенъ будетъ опредѣлиться прокуроромъ, съ назначеніемъ половиннаго пенсіона.

10. Вердерамо. Можетъ съ пользою остаться преподавателемъ предполагаемаго медицинскаго института.

11. Врангель. За виновность его по экзаменному комитету представляется къ отставкѣ отъ службы.

12. Арнгольдтъ. Человѣкъ пронырливый и безпокойный. Можетъ быть отставленъ по прошенію, тѣмъ болѣе, что, будучи недоволенъ моими замѣчаніями по осмотру университета, самъ объявилъ мнѣ, что желаетъ увольненія.

13. Никольскій. Можетъ быть хорошимъ директоромъ гимназіи, только не въ Казани, гдѣ климатъ совершенно противенъ слабому его здоровью. Каждую весну одержимъ онъ лихорадкою, и въ семъ послѣднемъ случаѣ заслуживаетъ продолженія нынѣ получаемаго жалованья.

14. Кондыревъ. Можетъ быть употребленъ, съ сохраненіемъ настоящаго жалованья, къ устройству въ Казани главнаго татарскаго училища и, потомъ, оставленъ директоромъ онаго.

15. Перевощиковъ. Можетъ быть съ пользою и согласно его собственнаго желанія употребленъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ), по министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

16. Лобачевскій. Отличный познаніями въ высшей математикѣ, можетъ быть съ пользою и желаетъ быть употребленъ здѣсь.

17. Симоновъ. Заслуживаетъ быть помѣщеннымъ въ здѣшнюю академію наукъ, тѣмъ болѣе, что онъ одинъ изъ русскихъ занимается нынѣ астрономіею съ успѣхомъ.

б) Адъюнкты:

1. Петровскій. Боленъ при смерти.

2. Тимьянскій. } Могутъ искать себѣ другія мѣста.
3. Дунаевъ. }

4. Юнаковъ. Можетъ быть употребленъ въ министерствѣ финансовъ по соляному (?!) управленію.

5. Манасеинъ. Можетъ быть опредѣленъ къ должности директора гимназіи.

6. Булыгинъ. } Могутъ пріискать себѣ мѣста.
7. Лобачевскій (А. И.) }

в) Магистры:

1. Кайсаровъ | По отличнымъ способностямъ къ гражданской
2. Самсоновъ | службѣ, заслуживаютъ милостиваго содѣйствія къ ихъ помѣщенію.

г) Лекторы:

1. Лейтеръ. Проситъ уже увольненія.
2. Краузе. Можетъ быть употребленъ при гимназіи.
3. Хальфинъ. Можетъ быть употребленъ при главномъ татарскомъ училищѣ.

Докладъ Магницкаго былъ сопровожденъ представленіемъ къ наградамъ профессоровъ, оказавшихъ ему содѣйствіе при ревизіи. Въ числѣ этихъ избранниковъ оказались: профессоры Солнцевъ, Никольскій, Фуксъ, Кондыревъ и Перевощиковъ, изъ которыхъ уже 21-го апрѣля были награждены орденами: четверо послѣднихъ—св. Владиміра четвертой степени первый—св. Анны второй степени [154].

Мы исчерпали все содержаніе представленія Магницкаго министру отъ 9-го апрѣля 1819 года, по поводу совершенной имъ ревизіи казанскаго университета*. Уже бѣглый обзоръ этого, въ полномъ смыслѣ слова историческаго, акта—способенъ разоблачить какъ крайнюю поверхностность ревизіи, такъ и предвзятую тенденціозность, руководившую рвеніемъ непримиримаго ревизора; способенъ, также, дать намекъ на стороннія вліянія и интимныя нашептыванія, явившіяся къ услугамъ будущаго попечителя въ кратковременную бытность его въ Казани. Невольно вспоминается отзывъ объ этой ревизіи В. И. Панаева, высказавшаго въ своихъ воспоминаніяхъ, что „въ отчетѣ объ ней не было и сотой доли правды"…. Отдѣльныя мѣста донесенія даютъ намъ возможность предугадать и скрытыя пожеланія, которыми руководствовался Магницкій въ первую половину 1819 года: его сентенціи на тему о необходимости избранія для казанскаго учебнаго округа „надежнаго попечителя", да еще съ „особенною инструкціею"—кратко, но краснорѣчиво, говорятъ сами за себя.

Перейдемъ къ дальнѣйшей судьбѣ донесенія Магницкаго и тѣхъ суровыхъ, по отношенію къ казанскому университету, мѣропріятій, которыя рекомендовались имъ министру народнаго просвѣщенія.

* Въ числѣ приложеній къ донесенію Магницкаго имѣлась, какъ мы видѣли выше, составленная по его требованію «Краткая исторія казанскаго университета за 1805—1818 годы», съ собственноручными примѣчаніями къ ней самого ревизора. Въ виду представляемаго этою «краткою исторіею» интереса, мы помѣщаемъ ее въ приложеніяхъ къ настоящему тому (см. приложеніе II).

Донесеніе Магницкаго было передано княземъ Голицынымъ въ главное правленіе училищъ, хотя основное заключеніе этого донесенія, „публичное разрушеніе“ казанскаго университета—рѣшающей компетенціи этого учрежденія не могло подлежать, требуя высочайшаго на то соизволенія, на которое было, конечно, весьма трудно разсчитывать, не взирая на реакціонное, по отношенію къ вопросамъ народнаго просвѣщенія, направленіе политики того времени. Впрочемъ, казанскій университетъ нашелъ себѣ энергичнаго защитника въ средѣ самихъ членовъ главнаго правленія. Строгимъ и благороднымъ критикомъ основныхъ выводовъ Магницкаго выступилъ здѣсь будущій (1833—1849 г.г.) министръ народнаго просвѣщенія, а въ то время попечитель петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уваровъ, представившій въ главное правленіе училищъ контръ-записку, въ которой онъ съ большимъ достоинствомъ и тактомъ разбиваетъ суровые выводы ревизора казанскаго университета.

Записка С. С. Уварова открывается заявленіемъ, что „дѣло о судьбѣ казанскаго университета выходитъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ разсужденій“ главнаго правленія училищъ. „Доселѣ,—писалъ авторъ записки,—министерство просвѣщенія занималось основаніемъ и усовершенствованіемъ высшихъ училищъ и распространеніемъ всѣхъ способовъ ученія; нынѣ мы разсуждаемъ объ уничтоженіи одного изъ россійскихъ университетовъ, съ толикимъ трудомъ сооруженныхъ.... Я надѣюсь,—замѣчаетъ Уваровъ,—что разсужденіе сіе будетъ первое и послѣднее сего рода“. Авторъ переходитъ, затѣмъ, къ правомѣрности приговора, вынесеннаго Магницкимъ казанскому университету: „Если правительство съ величайшею осмотрительностью приступаетъ къ изслѣдованію обвиненій, падающихъ на одно лицо, и не прежде произноситъ строгій приговоръ винѣ его, какъ по совершенному удостовѣренію въ оной, то кольми паче должно оно быть осторожно въ рѣшительныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ относительно цѣлаго государственнаго сословія, назначаемаго, предъ лицомъ отечества—къ политической смерти“.

Исходя изъ того положенія, что донесеніе Магницкаго заключаетъ въ себѣ двѣ стороны вопроса—административную и общегосударственную, Уваровъ переходитъ къ самой критикѣ окончательныхъ выводовъ ревизора:

„Донесеніе д. с. с. Магницкаго содержитъ два предмета: наблюденія по хозяйственной части и наблюденія по ученой части. Неустройства по хозяйственной части давно обращали на себя вниманіе министерства и нельзя не отдать справедливости ясному изложенію оныхъ въ вышеупомянутомъ донесеніи. Нельзя также не одобрить удаленіе про-

фессора Яковкина, съ давнихъ лѣтъ угнетавшаго университетъ и въ конецъ разорившаго гимназію. Сей мѣры давно желали всѣ благомыслящіе.

Разсуждая о дѣлѣ государственномъ, въ сословіи, учрежденномъ отъ лица правительства, прилично отдѣлять все, что принадлежитъ къ собственному образу мыслей каждаго. Вслѣдствіе чего я постараюсь изслѣдовать лишь одну мѣру, намъ предлагаемую, ибо въ заключеніи г. Магницкаго о будущей участи казанскаго университета—содержится все то, что подлежитъ нашему разсужденію: все прочее есть личная собственность наблюдателя и, какъ каждая другая собственность—неприкосновенна.

Я не принимаю на себя сказать рѣшительно, какъ членъ сего правленія—слѣдуетъ ли уничтожить или нѣтъ казанскій университетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сей способъ исправленія есть легчайшій, но каждый членъ главнаго правленія училищъ почувствуетъ, конечно, горесть при одной мысли о необходимости таковаго разрушенія и съ прискорбіемъ рѣшится подписать смертный приговоръ государственному установленію, занимающему не послѣднее мѣсто въ возникающей системѣ нашего народнаго просвѣщенія".

Записка Уварова, высказавъ мысль, что, если бы и не было иныхъ средствъ „исправить" казанскій университетъ и онъ подлежалъ бы уничтоженію, приговоръ долженъ бы былъ быть облеченъ, во всякомъ случаѣ, не въ ту форму, какую рекомендуетъ Магницкій, приступаетъ къ общей оцѣнкѣ обвиненія, возведеннаго имъ на подсудный университетъ:

„Если,—говоритъ Уваровъ,—обвиненія справедливы; если, дѣйствительно, казанскій университетъ, разодравъ грамоту, ему дарованную, злоупотребилъ два милліона рублей и нанесъ вредъ цѣлому округу распространеніемъ опаснѣйшихъ началъ, то казанскій университетъ дѣлается—государственнымъ преступникомъ и я удерживаюсь отъ дальнѣйшихъ заключеній. Но—успокоимся! Университетъ—не что иное, какъ многочисленное сословіе, составленное изъ людей, другъ отъ друга не зависящихъ, различествующихъ между собою мнѣніями, правилами, вѣрою и отчизною. Надобно доказать умышленный заговоръ между всѣми членами онаго, что бы запечатлѣть его клеймомъ безчестія. Оттого, что онъ не выполнилъ надеждъ правительства; оттого, что онъ, можетъ быть, оказался даже безполезнымъ—не слѣдуетъ, называя его вреднымъ, искать въ немъ школу деизма и безнравственности.....

Казанскій университетъ, въ настоящемъ его видѣ, принесъ доселѣ весьма мало пользы и во многихъ отношеніяхъ требуетъ исправленія, но торжественно признать его вреднымъ, и вреднымъ въ смыслѣ донесенія—есть, по моему убѣжденію, нарушеніе всякой спра-

ведливости, ибо нѣтъ никакой соразмѣрности между доводами и заключеніемъ. Должны ли мы судить о духѣ цѣлаго университета по одной рѣчи, въ которой одна фраза подчеркнута? * Тоже самое относится и къ 43-мъ учителямъ, коихъ г. ревизоръ представляетъ, яко бы, изъ опаснаго числа людей, въ которыхъ полуученость довершается невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ законѣ Божіемъ. Такъ какъ г. ревизоръ не успѣлъ, конечно, въ весьма короткое время пребыванія въ Казани узнать 43 человѣка, разсѣянныхъ по пятнадцати губерніямъ, то можно надѣяться, что строгость сего приговора смягчается, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ нѣкоторымъ".

Не пропускаетъ записка безъ вниманія и соображеній Магницкаго относительно впечатлѣнія, какое можетъ произвести закрытіе казанскаго университета на общественное мнѣніе западной Европы:

„Я согласенъ съ тѣмъ,—говорится здѣсь,—что если слѣдуетъ приступить къ уничтоженію казанскаго университета, то надобно сіе сдѣлать открыто и безъ всякаго двоемыслія, ибо правительство, ополчившись на дѣло великое и благое, можетъ ли дорожить воплемъ журналистовъ? Г. ревизоръ думаетъ, что ученые всей Европы, ожесточенные обличеніемъ вредныхъ послѣдствій мнимаго ихъ просвѣщенія, будутъ клеветать наше правительство.... Опять обвиненія, падающія на цѣлую массу! Но ученые всей Европы не имѣютъ, къ счастію, никакой нужды въ моемъ оправданіи".

Уваровъ заканчиваетъ свою записку увѣреніемъ, что онъ „не имѣетъ въ виду убѣдить другихъ, ибо въ дѣлахъ столь сложныхъ и необыкновенныхъ довольно того, что бы спасти свою совѣсть и свой собственный разсудокъ" и выражаетъ надежду, что какъ самъ предсѣдатель (т. е. князь Голицинъ), такъ и члены главнаго правленія училищъ „узнаютъ въ семъ безпристрастномъ и умѣренномъ изложеніи мыслей лишь чистое чувство обязанностей, на насъ возложенныхъ" [155].

Вопросу о „публичномъ разрушеніи" казанскаго университета не довелось быть предметомъ разсужденій въ главномъ правленіи училищъ. Дѣло въ томъ, что князь Голицинъ входилъ по поводу представленія Магницкаго къ государю съ личнымъ докладомъ и императоръ Александръ, не согласившись не упраздненіе казанскаго университета, далъ повелѣніе о поддержаніи существованія казанскаго университета и

---

* Намекъ на актовую рѣчь І. Е. Срезневскаго: «Разсужденіе о разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ» (Каз., 1817, и Вѣстникъ Европы, 1817, № 19), которую Магницкій приводилъ въ доказательство вреднаго духа, господствующаго въ казанскомъ университетѣ.

о приведенiи всѣхъ частей онаго въ должный порядокъ и устройство. „Прежнее министерство,—въ 1826 году писалъ по этому поводу Магницкій,—увидѣвъ неустройство въ университетѣ, сомнѣвалось даже въ возможности его существованія; одинъ государь императоръ,—онъ одинъ, по особенной благодати, помазанниковъ Божіихъ во многихъ случаяхъ освѣщающей,—предвидѣлъ будущее университета, хотѣлъ сохранить его и возсоздать въ новое бытіе". Высочайшее повелѣніе относительно приведенія казанскаго университета въ состояніе надлежащаго устройства было формулировано въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ:

I. „Для поддержанія казанскаго университета въ существованiи его, немедленно принять надлежащія мѣры къ приведенію всѣхъ частей онаго въ должный порядокъ. Сіе начать тѣмъ, что бъ при университетѣ оставить только тѣхъ изъ профессоровъ, кои заслужили одобреніе по свидѣтельству, при обозрѣніи бывшему, и изъ нихъ составить, по способностямъ, факультеты, хотя и не полные, но сколько возможность позволитъ, такъ, какъ бы сей университетъ вновь устроивался. Прочихъ же профессоровъ, которые при обозрѣніи найдены недостойными сего званія, удалить изъ онаго".

II. „За симъ, для пополненія факультетовъ отыскать способныхъ профессоровъ въ другихъ учебныхъ округахъ, дабы предпочтительно опредѣляемы были изъ русскихъ, а въ случаѣ недостатка выписывать и изъ чужихъ краевъ, но токмо не иначе, какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о нравственности ихъ".

III. „Все сіе предложить на разсужденіе главному правленію училищъ"

На долю главнаго правленія училищъ выпала, такимъ образомъ, лишь выработка основныхъ положеній для предстоящей реорганизаціи опальнаго университета [156].

Мы уже имѣли случаi выше, со словъ самого Магницкаго, говорить о томъ, что, при порученiи ревизіи казанскаго университета, министръ объявилъ ему, что онъ долженъ будетъ благодарить его величество какъ за назначеніе членомъ главнаго правленія училищъ и соединенную съ этимъ назначеніемъ денежную милость, такъ и за оказанное довѣріе—„не прежде, какъ по исполненiи сего порученія и какъ бы при донесеніи о немъ", что Магницкій, по его собственному свидѣтельству, „все исполнилъ въ точности". Несомнѣнно, что Магницкій имѣлъ у государя аудіенцію, но когда именно и при какихъ обстоятельствахъ—намъ неизвѣстно; весьма вѣроятно, что одновременно съ докладомъ князя Голицина. Въ этой аудіенціи предрѣшенъ былъ вопросъ о назначеніи бывшаго ревизора попечителемъ

казанскаго учебнаго округа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „обновителемъ“ казанскаго университета, какъ разсказываетъ намъ о томъ самъ Магницкій: „Я имѣлъ счастье, при изъясненіи императора, рыдать въ объятіяхъ сего ангела Божія и вышелъ изъ кабинета его, какъ бы никогда не страдавшимъ“ *. По дальнѣйшимъ показаніямъ Магницкаго, государь, выслушавъ донесеніе его о состояніи казанскаго университета, потребовалъ отъ него принятія званія его попечителя, съ неограниченнымъ полномочіемъ: „Je vous donne carte blanche“—будто бы сказалъ государь, причемъ будущій попечитель добавляетъ, что эти высочайшія слова „извѣстны бывшему тогда министру“, т. е. князю Голицину. Какъ Магницкій,—по его собственному показанію,—ни уклонялся (?) „отъ сего роковаго порученія, но долженъ былъ принять его“. Государь обѣщалъ, при этомъ, свое покровительство казанскому университету; въ августѣ 1822 года Магницкій, бывшій въ то время уже въ зенитѣ своей попечительской власти, напоминалъ министру народнаго просвѣщенія, что онъ за три года до того „удостоился слышать отъ его императорскаго величества обѣщаніе объ особенномъ покровительствѣ казанскому университету, ежели можетъ онъ быть сохраненъ хотя въ видѣ одного факультета“ [157].

Дальнѣйшее существованіе казанскаго университета было теперь обезпечено и весьма вѣроятно, что именно открытое и правдивое заступничество С. С. Уварова спасло нашъ университетъ отъ уже готовившейся ему „политической смерти“, сторонникомъ которой выступалъ, какъ мы знаемъ, и самъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ. Если „публичное разрушеніе“ казанскаго университета и было предотвращено, то рядомъ горькихъ лѣтъ существованія грозило ему попечительство Магницкаго—заклятаго и непримиримаго врага свободной науки и свободной академической жизни. И, дѣйствительно, начало попечительства Магницкаго совпало со вступленіемъ казанскаго университета въ то семилѣтіе его исторической жизни, которое, по всей справедливости, заслуживаетъ названія его—„лихолѣтья“.

Высочайшее повелѣніе о назначеніи Магницкаго попечителемъ казанскаго учебнаго округа состоялось 8-го іюня 1819 года, хотя оффиціальное увѣдомленіе его о томъ со стороны министра народнаго просвѣщенія послѣдовало лишь 19-го іюня. Князь Голицинъ еще раньше, письмомъ отъ 11-го іюня, сообщилъ, впрочемъ, Магницкому о воспослѣдовавшей высочайшей волѣ, выразивъ при этомъ

* Намекъ на вологодское изгнаніе Магницкаго.

увѣренность, что „казанскій университетъ, при попеченіяхъ вашихъ объ улучшеніи онаго, получитъ новое, такъ сказать, существованіе и направленіе къ той благотворной цѣли, для каковой онъ, по высочайшей волѣ, учрежденъ“ [158].

Черезъ мѣсяцъ, съ небольшимъ, послѣ назначенія Магницкаго попечителемъ округа повергнутъ былъ на высочайшее воззрѣніе и докладъ главнаго правленія училищъ о мѣрахъ къ приведенію казанскаго университета въ порядокъ и благоустройство. Главное правленіе училищъ пришло въ этомъ докладѣ къ положеніямъ, изложеннымъ имъ въ слѣдующей редакціи:

„Во исполненіе высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, главное правленіе училищъ разсматривало отчетъ д. с. с. Магницкаго въ учиненномъ имъ обозрѣніи казанскаго университета и заведеній его и имѣло разсужденіе о семъ предметѣ и, въ сообразность съ высочайшею Вашего Величества волею, учинивъ разборъ между казанскими профессорами по сдѣланному о нихъ засвидѣтельствованію, признало нужнымъ учинить слѣдующія предварительныя распоряженія:

1. Ввести при казанскомъ университетѣ преподаваніе Богопознанія и христіанскаго ученія и, для того, по сношенію съ преосвященнымъ казанскимъ архіереемъ, опредѣлить способнаго наставника изъ духовныхъ, которому и жалованье производить изъ положенной по уставу кафедры богословія.

2. По факультету нравственно-политическихъ наукъ оставить по прежнему въ должности профессоровъ: Солнцева и Кондырева и адъюнкта Манасеина. Профессоровъ же барона Врангеля, Цеплина и Срезневскаго—удалить отъ должности.

3. По факультету физико-математическихъ наукъ оставить въ должности профессоровъ: Броннера, Бартельса, Фукса, Никольскаго, Лобачевскаго, адъюнкта Дунаева и магистра Кайсарова, токмо кафедры размѣстить между ними по способностямъ и познаніямъ ихъ, разумѣя сіе, наипаче, о двухъ послѣднихъ. Профессоръ Симоновъ оставленъ здѣсь по случаю послѣдовавшаго отправленія его въ дальнюю морскую экспедицію, въ качествѣ астронома. Профессора Брейтенбаха—удалить.

4. По факультету врачебныхъ наукъ профессора Вердерамо оставить въ должности и всѣ предметы прочихъ кафедръ раздѣлить, по удобности, между имъ и профессоромъ Фуксомъ, впредь до опредѣленія другихъ. Профессора Арнгольдта—удалить отъ должности. Студенту Отсолигу запретить преподаваніе.

5. По факультету словесныхъ наукъ о профессорѣ Яковкинѣ представляется особая записка. Профессоровъ Германа и Эриха, по

старости ихъ, уволить отъ службы съ пенсіономъ. Профессора Томаса—уволить. Профессоровъ Городчанинова и Перевощикова оставить при университетѣ, поручивъ имъ кафедры по способностямъ ихъ и замѣтивъ о лучшемъ впредь выборѣ твореній для разбора въ видѣ образцовъ. Лекторовъ Краузе и Хальфина оставить при должностяхъ.

6. По части такъ называемыхъ дополнительныхъ курсовъ, адъюнктовъ Тимьянскаго, Лобачевскаго (А. И.), Юнакова и Булыгина и магистра Самсонова распредѣлить по кафедрамъ, сообразно познаніямъ и способностямъ ихъ; самые же дополнительные курсы вовсе уничтожить.

7. Изъ числа учителей изящныхъ искусствъ предоставить на усмотрѣніе попечителя, кого употребить впредь для преподаванія, смотря по надобности и знанію.

8. Для экономической, полицейской и нравственной части опредѣлить въ университетъ особаго чиновника, подъ названіемъ директора, подобно тому, какъ сему положено быть при с.-петербургскомъ университетѣ *. За симъ ученая и учебная часть вѣдома будетъ отдѣльно ректоромъ, по уставу избираемымъ.

Въ такомъ состояніи университета, при особомъ руководствѣ попечителя, послѣдуетъ преобразованіе всѣхъ частей и размѣщеніе, по способностямъ, остающихся профессоровъ. Предположенія же къ таковому преобразованію и исправленію разныхъ частей университета учиненныя, представятся предварительно попечителемъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія на усмотрѣніе и утвержденіе".

Только что приведенный нами докладъ удостоился высочайшаго утвержденія 14 іюля 1819 года, въ Царскомъ Селѣ, собственноручною помѣтою на немъ императора: „Быть по сему".

Министръ народнаго просвѣщенія извѣстилъ о томъ новаго попечителя слѣдующимъ предложеніемъ отъ 25-го того же іюля:

„Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству, въ копіи, высочайше утвержденный въ 14-ый день сего іюля докладъ главнаго училищъ правленія о разныхъ предварительныхъ распоряженіяхъ по казанскому университету, для надлежащаго приведенія въ дѣйствіе всего, въ семъ докладѣ заключающагося—что отъ васъ зависитъ. По содержанію сего доклада я ожидать буду предположенія вашего, на какомъ лучшемъ основаніи долженствуетъ отнынѣ быть управленіе университета и устройство всѣхъ частей онаго, для соотвѣтствія высочайшей волѣ, каковое вы и не оставите представить мнѣ на усмотрѣніе.

* Какъ разъ открывавшемся въ томъ году.

При семъ почитаю нужнымъ присовокупить, что Государь Императоръ, по представленной особой при докладѣ запискѣ о профессорѣ Яковкинѣ, высочайше указать соизволилъ: уволить Яковкина безъ пенсіи по безпорядкамъ, найденнымъ въ его управленіе" [159].

Въ такомъ свѣтѣ рисуются передъ нами обстоятельства, при которыхъ совершилось вступленіе казанскаго университета въ мрачную годину своего существованія, отмѣченную въ исторіи русскаго просвѣщенія наименованіемъ „эпохи Магницкаго".

Представляется несомнѣннымъ, что, добившись званія попечителя казанскаго учебнаго округа, снабженнаго особыми полномочіями, Магницкій лишь достигъ цѣли, о которой мечталъ съ того момента, когда въ умѣ его созрѣла мысль оставить нажившее ему враговъ симбирское губернаторство. Такова была, впрочемъ, уже участь Магницкаго: онъ ухитрялся создавать себѣ враговъ на всѣхъ поприщахъ своей и служебной и общественной дѣятельности; создалъ онъ ихъ себѣ и на поприщѣ служенія дѣлу народнаго просвѣщенія, какъ самъ сознавался онъ въ томъ позже, уже послѣ своего окончательнаго паденія. Разсказывая впослѣдствіе о казанской эпохѣ своей дѣятельности, бывшій попечитель говорилъ, что онъ „долженъ былъ всѣхъ профессоровъ казанскаго университета раздѣлить на два класса: одни были заражены атеистическими и лжелиберальными теоріями и искуссно передавали ихъ студентамъ, другіе не имѣли враждебныхъ намѣреній противъ вѣры и правительства, но дѣйствовали въ томъ же смыслѣ изъ тщеславія, почитая, что быть человѣкомъ православнымъ и монархическимъ—значило быть отсталымъ"; „очищеніе и усмиреніе (sic) личнаго состава университета, къ чему я считалъ долгомъ прибѣгнуть, какъ христіанинъ и русскій, надѣлали мнѣ много опасныхъ враговъ, оклеветавшихъ меня въ Петербургѣ и бывшихъ причиною назначенія надо мною слѣдствія",—заключаетъ Магницкій.

Весьма значительный интересъ представила бы, въ видахъ общаго предварительнаго освѣщенія дѣятельности Магницкаго на попечительскомъ посту, попытка возстановить тѣ воззрѣнія и умоначертанія, съ которыми приступилъ онъ къ ввѣренной ему серьезной и отвѣтственной преобразовательной работѣ. Сдѣлаемъ же попытку въ этомъ направленіи, пользуясь немногими, счастливо сохранившимися до нашихъ дней, указаніями. Весьма значительный интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи „Показанія" Магницкаго, въ которыхъ искалъ онъ себѣ оправданія послѣ своего паденія и смѣщенія съ должности попечителя округа. Здѣсь пав-

шій попечитель возстановляетъ, между прочимъ, тѣ professions de foi, съ которыми приступилъ онъ въ 1819 году къ отправленію своихъ новыхъ административно-педагогическихъ обязанностей:

„Желая оправдать довѣренность его величества, — показываетъ здѣсь Магницкій,—я принялся за основательное изученіе новой моей службы: купилъ для сего дорогую, по состоянію моему, библіотеку и заперся на три года въ моемъ кабинетѣ *, а въ засѣданіяхъ правленія (т. е. главнаго правленія училищъ), оградивъ себя совершеннымъ молчаніемъ, изучалъ ходъ дѣлъ и направленіе моихъ сочленовъ. Обнявъ предположенный себѣ предметъ во всемъ его пространствѣ, т. е. схоластико-исторически, старался я составить себѣ полную систему истинъ о просвѣщеніи, дабы идти по новому пути моему не ощупью. Истины сіи мнѣ представились въ слѣдующемъ видѣ".

Магницкій излагаетъ, затѣмъ, свои открытія въ области этихъ истинъ, долженствовавшихъ, по его мнѣнію, лечь въ основу системы народнаго просвѣщенія:

„Слово просвѣщеніе никѣмъ, — говоритъ онъ, — еще основательно не опредѣлено; часто добрымъ именемъ просвѣщенія закрываютъ отъ правительства люди неблагонамѣренные начинанія самыя вредныя и гибельныя". Просвѣщеніе должно быть ввѣрено „надежному, по его нравственности, сословію ученыхъ, подъ дѣйствительнымъ надзоромъ, согласно съ религіею, съ образомъ правленія и пр."

„Науки,—философствуетъ изгнанный со службы попечитель,—можно раздѣлить на точныя или положительныя (богословіе, юридическія, естественныя, математическія) и на мечтательныя (философскія и, происходящія отъ нихъ, нравственныя и политическія), ибо основанія ихъ не только произвольны, но каждыя двадцать (?) лѣтъ перемѣняются и, въ одно и тоже время, въ разныхъ государствахъ различны и даже противоположны, между тѣмъ какъ положительныя науки имѣютъ ту всемірность, которая есть единственный признакъ земной истины".... Но просвѣщеніе,—продолжаетъ Магницкій,—можетъ быть и лжеименнымъ, именно „когда мечтательныя науки портятъ положительныя, заражая ихъ своими заблужденіями". Необходимо „охранять эти науки неприкосновенными къ сей заразѣ и въ полной чистотѣ ихъ началъ (примѣры: ученіе геологіи о невозможности всемірнаго потопа, ученіе о происхожденіи власти отъ договора и т. п.)".

---

* Мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что казанскій попечитель, дѣйствительно, такъ крѣпко «заперся» въ своемъ кабинетѣ, что съ марта 1819 г., т. е. со времени ревизіи казанскаго университета, въ теченіи шести лѣтъ, именно до сентября 1825 года, не почелъ нужнымъ ни разу побывать въ Казани.

Магницкій настаиваетъ на необходимости особой, специфически-русской, науки:

„Россія,—утверждаетъ онъ,—имѣетъ свой особенный характеръ въ религіи, нравахъ, образѣ правленія. Слѣдовательно, и просвѣщеніе ея должно быть соображено съ сими отличительными ея свойствами, ибо, иначе, всякое его противодѣйствіе непремѣнно произведетъ вредное потрясеніе—сперва нравственное, потомъ гражданское и, наконецъ, политическое". Заимствовавъ просвѣщеніе отъ земель иностранныхъ и „не обрусивъ (sic!) его,—продолжаетъ Магницкій,—мы пересадили ядовитое растеніе сіе въ нашъ холодъ, гдѣ оно вредитъ медленно, ибо ростетъ—худо".

Подобными же чертами обрисовываются умовоззрѣнія Магницкаго и въ воспоминаніяхъ П. Т. Морозова:

„Я положилъ себѣ правиломъ,—говорилъ Магницкій Морозову,—посвятить всю жизнь свою борьбѣ съ лжеученіемъ. Я говорилъ въ главномъ правленіи училищъ: правительство наказываетъ молодыхъ людей за то, что они выучились тому, чему такъ усердно ихъ учили. Въ самомъ дѣлѣ: не преподается ли открыто, что французская революція была благодѣтельнымъ явленіемъ, что она провозгласила права человѣчества, и не выставляются ли Брутъ и Кассій образцами, достойными подражанія? Когда нибудь убѣдятся, что я говорю правду, и приступятъ къ серьезному преобразованію нашихъ учебныхъ заведеній,—теперь же они изъ молодыхъ людей дѣлаютъ какихъ то евнуховъ, вырѣзывая у нихъ вѣру, любовь и все, что составляетъ достоинство человѣка. Мнѣ говорятъ, что не должно смѣшивать вѣру съ наукою и что послѣдняя должна быть самостоятельною и независимою; но я убѣжденъ, что только въ послушаніи вѣрѣ наука можетъ дѣлать истинные успѣхи. Ея исторія это ясно показываетъ"....

Магницкій утверждалъ, что русскому человѣку слѣдовало бы внушать: „Твое дѣло—озарять и согрѣвать вселенную свѣтомъ православія и теплотою христіанской любви. Твое дѣло—создать новую науку и новое искусство, вполнѣ проникнутыя духомъ Христовымъ, взамѣнъ ложной науки, возникшей подъ вліяніемъ язычества и безвѣрія".

Совершивъ, съ помощью своей „дорогой библіотеки", эти великія открытія въ области философіи науки, Магницкій не захотѣлъ держать ихъ подъ спудомъ и сталъ проводить въ засѣданіяхъ главнаго правленія училищъ, но здѣсь единомысленника, по его словамъ, нашелъ онъ въ одномъ только министрѣ, князѣ Голицинѣ, всѣ же остальные члены правленія „предавали" казанскаго попечителя,—слѣдуя выраженію самого

Магницкаго. Разсказывая о томъ, что, извлекши эти истины, онъ старался „передать ихъ сочленамъ въ главномъ правленіи училищъ", Магницкій добавляетъ: „Не взирая на то, что бывшій тогда министръ былъ совершенно моего мнѣнія, всѣ мои товарищи, при каждомъ публичномъ преніи, меня подписомъ своимъ—предавали, для того, какъ послѣ узналъ я, что бы не идти противъ духа времени; увидѣвъ сіе, я оставилъ всякую надежду на какое либо содѣйствіе и рѣшился презрѣть всѣ опасности, въ надеждѣ на святость моего долга и на помощь Божію". Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что эта самоувѣренная надежда черезъ нѣсколько лѣтъ привела Магницкаго къ обвиненіямъ его въ политическихъ интригахъ и неблагонамѣренности, въ казнокрадствѣ, въ полномъ разстройствѣ ввѣреннаго ему университета, къ суду и ссылкѣ—послѣдствія, которыя едва ли имѣлись въ виду началами философіи науки, до которыхъ додумался бывшій попечитель казанскаго учебнаго округа..... По словамъ Магницкаго, выработанныя имъ начала, въ концѣ концовъ, стали было торжествовать, но враги предприняли противъ него правильно организованный походъ—и онъ „провозглашенъ былъ погасителемъ и врагомъ наукъ, подавшимъ проектъ инквизиціи и пр., и эти толки распространялись,—говоритъ бывшій попечитель,—отъ площади до чертоговъ царскихъ" [160].

Какъ вся предшествовавшая дѣятельность Магницкаго,—жуира и волокиты дипломатической поры своей службы, либерала и конституціоналиста временъ службы у Сперанскаго, ханжи и фарисея эпохи заискиванія его передъ княземъ Голицинымъ, „погасителя и врага наукъ" въ годы казанскаго попечительства, — такъ и только что приведенныя черты его научнаго міровоззрѣнія, въ достаточномъ свѣтѣ возстановляютъ передъ нами духовный обликъ авантюриста, которому ввѣрена была серьезная миссія „обновленія" несчастнаго казанскаго университета.....

Съ окончаніемъ мартовской ревизіи жизнь казанскаго университета вошла, казалось, въ свою нормальную колею, оставаясь, пока, въ сторонѣ отъ тѣхъ работъ, которыя шли въ Петербургѣ по вопросу о предстоявшемъ преобразованіи университета. Тотчасъ же по возвращеніи Магницкаго въ Петербургъ, министръ народнаго просвѣщенія далъ совѣту университета предписаніе, что бы всѣ представленія попрежнему направлялись на его имя, такъ что временныя попечительскія права бывшаго ревизора прекратились съ отъѣздомъ его изъ Казани.

Среди мѣропріятій и работъ университета, направленныхъ къ устра-

нению тѣхъ недостатковъ въ университетскомъ и гимназическомъ строѣ, которые были указаны Магницкимъ, подошелъ конецъ роковаго для казанской науки 1818—1819 учебнаго года. Повидимому не подозрѣвая уже висѣвшаго надъ его головою разгрома, совѣтъ приступилъ къ обычнымъ соображеніямъ и работамъ по организаціи учебнаго дѣла на предстоящій академическій годъ. Въ засѣданіи совѣта 19-го мая, согласно предложенію проректора Солнцева, постановлено озаботиться составленіемъ и изданіемъ на слѣдующій учебный годъ расписанія лекцій,—работа, которая и была возложена на проф. Срезневскаго, конечно также не подозрѣвавшаго, что въ министерскихъ сферахъ уже предрѣшенъ вопросъ о совершенномъ удаленіи его со службы, а въ собраніи совѣта 2-го іюня обычнымъ порядкомъ произведено избраніе декановъ, полномочія которыхъ оканчивались съ истеченіемъ академическаго года. Избранными оказались, по отдѣленіямъ: нравственно-политическому—баронъ Врангель, физико-математическому—Бартельсъ, врачебному—Вердерамо, словесному—Германъ; выборъ коллегіи палъ, такимъ образомъ, и здѣсь на двухъ профессоровъ (Врангель и Германъ), вопросъ объ удаленіи которыхъ изъ университета могъ считаться въ министерствѣ дѣломъ уже рѣшеннымъ. Утвержденія этихъ выборовъ, конечно, не послѣдовало, и во второй половинѣ августа, уже послѣ совершившейся переборки личнаго состава университета, состоялись, какъ мы это ниже увидимъ, новые выборы декановъ. Вопросъ объ избраніи преемника умершему ректору Брауну—не возбуждался, въ виду категорическаго предписанія министра, еще отъ 28-го января, „не приступать къ избранію ректора впредь до особаго приказанія" и безуспѣшнаго ходатайства 12-го марта о дозволеніи совершить это избраніе *.

5-го іюля 1819 года казанскій университетъ съ обычною торжественностью отпраздновалъ пятую годовщину полнаго своего открытія. На этомъ актѣ, открывшемся „большою симфоніею" и привѣтственнымъ словомъ профессора Г. И. Солнцева, самъ проректоръ читалъ рѣчь на тему: „De necessariis benemeriti jureconsulti requisitis", послѣ чего проф. І. Е. Срезневскій произнесъ слово „О препятствіяхъ къ распространенію просвѣщенія и о средствахъ къ преодолѣнію оныхъ", а проф. Э. О. Вердерамо „читалъ сперва латинскіе, а потомъ италіянскіе стихи, изображающіе благодарность признательныхъ музъ россійскихъ къ ихъ Аполлону"; въ отчетѣ за истекшій академическій годъ, прочитанномъ адъюнктомъ Юнаковымъ, было упомянуто лишь въ самыхъ сжатыхъ и общихъ чертахъ о совершившейся въ началѣ года ревизіи университета Магницкимъ.

* См. томъ II, стр. 200—201 и сноску.

Въ тотъ часъ, когда итальянскій профессоръ повивальнаго искусства декламировалъ свои вирши на тему о „благодарности россійскихъ музъ къ ихъ Аполлону“, фактъ назначенія Магницкаго попечителемъ округа уже былъ въ Казани извѣстенъ: предложеніе о томъ министра отъ 18-го іюня было заслушано совѣтомъ еще въ засѣданіи 26-го іюня, а двумя днями позже весь городъ могъ узнать эту новость изъ № 52-го университетской газеты, гдѣ сообщалось, что „члену главнаго правленія училищъ, г. дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Михаилу Леонтьевичу Магницкому всемилостивѣйше повелѣно быть попечителемъ императорскаго казанскаго университета и его учебнаго округа“. 4-го іюля, какъ разъ наканунѣ годичнаго акта, въ совѣтѣ заслушанъ былъ и указъ правительствующаго сената о назначеніи Магницкаго попечителемъ округа, съ предписаніемъ о томъ, „что бы университетъ отнынѣ относился по всѣмъ дѣламъ къ нему, г. дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому, по сему высочайше возложенному на него званію“ [161]. Новый попечитель въ теченіи цѣлыхъ полутора мѣсяцевъ почти не давалъ о себѣ знать, за исключеніемъ нѣсколькихъ предложеній и предписаній вполнѣ мирнаго характера. Намъ положительно неизвѣстно, какое настроеніе господствовало въ казанскихъ университетскихъ кружкахъ въ полные ожиданія и сомнѣній весенніе и лѣтніе мѣсяцы 1819 года и предчувствовали ли члены университетскаго „ученаго сословія“ уже скоплявшіяся надъ ихъ головами грозовыя тучи,—надо полагать, что вполнѣ уже сознательно ихъ предчувствовали,—но 20-го августа въ собраніи университетскаго совѣта было заслушано первое серьезное предложеніе Магницкаго, которое должно было разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ и сразу поставить университету на видъ и печальное настоящее, и не менѣе мрачные виды на ближайшее будущее.

Совѣтское засѣданіе 20-го августа 1819 года должно быть почтено историческимъ въ ряду скорбныхъ страницъ лѣтописи казанскаго университета за истекающее первое столѣтіе его существованія. Въ этомъ засѣданіи было заслушано предложеніе попечителя отъ 5-го августа, за № 61-мъ, въ которомъ Магницкій, излагая сущность уже извѣстнаго намъ и высочайше утвержденнаго 14-го іюля доклада главнаго правленія училищъ, съ заключавшимся въ немъ опредѣленіемъ объ увольненіи цѣлой группы профессоровъ, даетъ совѣту университета предписанія, формулированныя въ слѣдующихъ восьми пунктахъ:

1. Всѣ вышеразъясненныя высочайше утвержденныя распоряженія привести въ немедленное исполненіе.

2. Какъ исполненіе оныхъ должно перемѣнить и выборы г.г. профессоровъ въ различныя должности и самое росписаніе университетскихъ лекцій, то, вмѣстѣ, предлагаю совѣту произвести новые выборы изъ остающихся чиновниковъ и, сдѣлавъ предварительное размѣщеніе ихъ на праздныя кафедры, представить на утвержденіе.

3. Такъ какъ всѣ тѣ курсы, кои учреждены были въ университетѣ, противно его уставу, подъ именемъ пріуготовительныхъ, нынѣ уничтожаются, то г.г. профессоры, преподававшіе ихъ, могутъ быть употреблены на мѣста бывшихъ.

4. Для пополненія университетскихъ кафедръ, вообще, ежели совѣтъ признаетъ удобнымъ, профессоръ Солнцевъ можетъ занять, вмѣстѣ съ собственною, и кафедру барона Врангеля, профессоръ Никольскій—кафедру профессора Лобачевскаго, которому могутъ быть предложены кафедры физики и астрономіи; профессоръ Перевощиковъ—можетъ замѣнить Яковкина и Срезневскаго, а профессоръ Кондыревъ—Томаса.

5. Кафедры профессоровъ Цеплина и Брейтенбаха могутъ быть заняты, по усмотрѣнію совѣта, способнѣйшими изъ адъюнктовъ.

6. Кафедры профессоровъ Германа и Эриха могутъ оставаться на время праздными, ибо слабое знаніе студентовъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ препятствовало бы высшему оныхъ преподаванію.

7. Въ кафедрѣ восточныхъ языковъ, по росписанію учебныхъ предметовъ, поставленъ одинъ языкъ—арабскій, между тѣмъ, какъ профессоръ сей части обязанъ учить и персидскому, равно нужному въ Россіи, по торговымъ и политическимъ ея связямъ.

8. Я не могъ безъ прискорбія замѣтить, что въ кафедрѣ философіи положено профессору руководствоваться Якобомъ и Снеллемъ, не токмо авторами не классическими, но коихъ ученіе, особливо послѣдняго, совершенно противно религіи. Я долженъ полагать, что г.г. члены совѣта, утвердившіе сей несообразный выборъ, не дали себѣ труда разсмотрѣть произведенія, ими одобренныя, что и поставляется на замѣчаніе совѣту".

Опредѣленіе по этому предложенію совѣта изложено въ слѣдующемъ видѣ:

„1819 года августа 20-го дня въ засѣданіи совѣта казанскаго университета, по слушаніи сего предписанія, опредѣлено:

Предложеніе его превосходительства г. попечителя объявить г.г. профессорамъ Герману и Эриху—о увольненіи ихъ изъ университета съ пенсіономъ, г.г. профессорамъ Врангелю, Цеплину, Брейтенбаху, Арнгольдту и Срезневскому—о ихъ удаленіи, а г.г. профессорамъ Томасу и Яковкину—о ихъ увольненіи.

Почему профессоръ Германъ все, принадлежащее къ педагогическому институту, имѣетъ сдать правящему должность инспектора

студентовъ г. адъюнкту Булыгину, профессоръ Арнгольдтъ всѣ вещи казенныя, у него имѣющіяся—г. профессору Фуксу, профессоръ Срезневскій имѣетъ сдать должность секретаря факультета нравственно-политическихъ наукъ г. профессору Перевощикову. Да и, вообще, всѣ вышепоименованные уволенные и удаленные профессоры, буде какія у нихъ имѣются книги казенныя и другія вещи, обязуются сдать, кому слѣдуетъ по принадлежности, о чемъ и дать имъ выписки" [162].

Прежде, нежели перейти къ повѣствованію о дальнѣйшемъ теченіи жизни разгромленнаго Магницкимъ университета, остановимся на участи нѣкоторыхъ изъ уволенныхъ имъ профессоровъ, которая окажется способною дать намъ нѣсколько небезъинтересныхъ штриховъ для характеристики какъ ревизіи 1819 года, такъ и личности самого ревизора. Насколько опрометчивыми и мало обоснованными явились сужденія Магницкаго относительно изгнанныхъ имъ профессоровъ, а слѣдовательно и вся, произведенная имъ, ревизія, это нагляднѣе всего усматривается изъ дальнѣйшей судьбы профессоровъ Срезневскаго и барона Врангеля.

I. Е. Срезневскій уже слѣдомъ за удаленіемъ его изъ университета обратился къ Магницкому съ письмомъ, въ которомъ просилъ содѣйствія попечителя къ опредѣленію его на службу по министерствамъ юстиціи или полиціи. Быть можетъ сознавая несправедливость, проявленную имъ по отношенію къ Срезневскому, Магницкій предпринялъ, черезъ своего министра, ходатайство въ этомъ направленіи, но князь Голицинъ вполнѣ резонно отвѣтилъ попечителю, что „за послѣдовавшимъ, по высочайшему повелѣнію и вслѣдствіе вашего же показанія, удаленіемъ Срезневскаго отъ должности при университетѣ", онъ не можетъ взять на себя „ходатайства за него передъ другимъ начальствомъ, но долженъ предоставить ему самому пріискивать себѣ мѣсто". Въ отвѣтъ на письмо попечителя, извѣщавшее его о такомъ рѣшеніи министра, Срезневскій обратился къ виновнику своего несчастья съ слѣдующимъ характернымъ письмомъ отъ 30-го октября, которое мы считаемъ умѣстнымъ воспроизвести здѣсь:

„Ваше превосходительство, милостивѣйшій государь!—Письмо вашего превосходительства отъ 6-го октября я имѣлъ честь получить. За принятіе истиннаго участія въ моемъ положеніи приношу в. п. мою душевную благодарность. Умѣя чувствовать, умѣю и цѣнить сострадание ваше (!) ко мнѣ, всѣми почти оставленнаго при постигшихъ меня судьбами Вышняго горести и искушеніи. По моимъ отъ юныхъ лѣтъ ученымъ занятіямъ, по наклонности моей къ онымъ, долговременнымъ опытомъ укрѣпленной, я мыслилъ до смерти моей быть

служителемъ Минервы. Но Минерва меня на сороковомъ году жизни моей оставила, и я теперь безъ чести, безъ состоянія, безъ надежды—брошенъ, поруганъ, и Богъ вѣдаетъ, какія еще горести ожидаютъ меня въ будущемъ времени.... Одна религія подкрѣпляетъ унылый духъ мой; она одна осталась моею утѣшительницею, а честность—моимъ достояніемъ. Ваше превосходительство изволили сообщить отвѣтъ его сіятельства г. министра, предоставляя мнѣ самому искать мѣсто. Если и ваше ходатайство осталось безъ пользы для меня: то могу ли я своимъ лицомъ что либо предпринять съ надеждою? Куда и къ кому обращусь съ моею просьбою? Кто повѣритъ, что я не оподиченный преступникъ? Чѣмъ могу я увѣрить, что удаленіе меня отъ университета, безъ поименованія причинъ, не есть препятствіе ко вступленію въ другой родъ службы? Какое могу я представить увѣреніе въ томъ, что безъ личной опасности можетъ кто либо дать мнѣ мѣсто?...... Благоволите покровительствомъ вашей особы открыть мнѣ путь къ службѣ по другому какому либо министерству или, по крайней мѣрѣ, снабдить меня какимъ либо видомъ, который могъ бы я, безъ укоризны моего поведенія, представить для опредѣленія меня къ другимъ дѣламъ, если же не могу найти себѣ мѣста, по крайней мѣрѣ что бы, оставаясь въ отставкѣ, не имѣлъ на себѣ пятна безъизвѣстнаго преступника. Благодѣяніе вашего превосходительства и въ семъ случаѣ мнѣ оказанное—не останется безъ награды у престола Всевышняго, а въ моемъ сердцѣ—безъ благодарности"....

Магницкій удовольствовался отвѣтнымъ письмомъ, въ которомъ увѣрялъ Срезневскаго, что его „увольненіе, послѣдовавшее по особливымъ причинамъ, училищному начальству извѣстнымъ, не можетъ быть препятствіемъ къ употребленію по гражданской службѣ", къ которой лично онъ, „по свѣдѣніямъ и отличному дарованію", считаетъ просителя „совершенно способнымъ" *.

Въ еще болѣе яркой формѣ выступила легкомысленность Магницкаго въ дѣлѣ изгнанія профессоровъ по поводу возникшаго весною 1820 года вопроса объ опредѣленіи барона Е. В. Врангеля профессоромъ императорскаго царскосельскаго лицея. 28-го апрѣля этого года директоръ лицея Е. А. Энгельгардтъ обратился къ попечителю казанскаго округа съ запросомъ относительно Врангеля: „По свидѣтельствамъ людей, достойныхъ довѣренности и могущихъ совершенно о степени знаній его судить,—писалъ Энгельгардтъ,—я бы ни мало не затруднился представить объ опредѣленіи ба-

* I. Е. Срезневскій былъ въ 1820 г. опредѣленъ преподавателемъ словесности въ артиллерійскомъ училищѣ (1820—1824 г.г.); удалившись, затѣмъ, въ монастырь, скончался въ скромномъ званіи монастырскаго послушника.

рона Врангеля профессоромъ въ лицей, но какъ онъ отставленъ отъ казанскаго университета и какъ неизвѣстно мнѣ, почему сіе воспослѣдовало, то и побуждаюсь я обратиться съ покорнѣйшею просьбою увѣдомить меня—не воспослѣдовало ли увольненіе его по какимъ либо предосудительнымъ для нравственности его причинамъ". Магницкій вынужденъ былъ отвѣтить, что „г. Врангель уволенъ изъ университета по мѣстнымъ онаго обстоятельствамъ, и что въ удаленіи его не было ничего предосудительнаго въ отношеніи къ нравственности", но что онъ, попечитель—„слышалъ съ сей стороны о г. баронѣ весьма выгодные отзывы", почему и полагаетъ, что „въ царскосельскій лицей онъ можетъ быть опредѣленъ безъ затрудненія". Профессоръ, признанный Магницкимъ негоднымъ для казанскаго университета, впослѣдствіе съ честью несъ то же служеніе въ царскосельскомъ лицеѣ, петербургскомъ университетѣ и училищѣ правовѣдѣнія, удостоившись высокой чести быть, вмѣстѣ съ графомъ Сперанскимъ, преподавателемъ юридическихъ наукъ будущему императору Александру II [163].

Катастрофа, разразившаяся надъ личнымъ составомъ казанскаго университета, заставитъ насъ разстаться и съ личностью пресловутаго „профессора-директора и кавалера" И. Ѳ. Яковкина, сопутствовавшаго нашему повѣствованію уже съ первыхъ дней жизни университета и которому было суждено играть такую видную, хотя и въ значительной степени печальную, роль въ начальные годы жизни вновь созданнаго казанскаго „храма музъ". Судьба Яковкина представляется наиболѣе скорбною въ ряду другихъ его сотоварищей по несчастью: не взирая на тридцатишестилѣтнюю службу и званіе заслуженнаго профессора, онъ былъ уволенъ, согласно особо-состоявшемуся высочайшему повелѣнію, даже безъ пенсіи. Не помогла ему и просьба относительно увольненія его отъ службы хотя бы только съ пенсіею: князь Голицинъ увѣдомилъ попечителя отъ 27-го августа, что „на просьбу Яковкина объ увольненіи его отъ службы съ пенсіею не послѣдовало высочайшаго соизволенія потому, что при обозрѣніи казанскаго университета найдены безпорядки по должности его". Лишеніе Яковкина пенсіи было, тѣмъ не менѣе, компенсировано,—конечно не безъ участія въ дѣлѣ Магницкаго,—особо назначенною ему по высочайшей волѣ ежегодною субсидіею, такъ что съ этой стороны постигшая его кара носила исключительно моральный характеръ. Уже 19 іюля 1819 года послѣдовалъ на имя министра народнаго просвѣщенія высочайшій рескриптъ, которымъ государь императоръ предписывалъ „изъ положенной по штату на казанскій университетъ пенсіонной суммы заимствовать ежегодно по двѣ тысячи рублей на извѣстное Мнѣ употребленіе, о которомъ

дано повелѣніе особо, и препровождать оные для того въ распоряженіе казанскаго попечительнаго (о бѣдныхъ) комитета". Эти деньги предназначались къ выдачѣ Яковкину взамѣнъ нормальнаго пенсіона, который въ этой формѣ и сталъ съ тѣхъ поръ ежегодно получаться имъ [164]. Изъ сохранившихся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія документовъ, касающихся увольненія Яковкина, мы узнаемъ, что эта форма негласнаго, да еще черезъ филантропическое учрежденіе, удовлетворенія его пенсіею—жестоко оскорбляла самолюбіе старика и что уже въ августѣ 1822 года Яковкинъ обратился по этому поводу къ министру съ письмомъ слѣдующаго содержанія.

„Сіятельнѣйшій князь!—Три года страдалъ я, не вѣдая причинъ, навлекшихъ на меня начальственное неудовольствіе вашего сіятельства. Но недавно, удостоившись нѣсколько объ нихъ извѣщенъ быть, пріемлю смѣлость представить на милостивое благоусмотрѣніе в. с. истинное состояніе дѣлъ, въ твердомъ упованіи исходатайствовать справедливость моей невинности. Самъ Господь искушаяй, его же хощетъ, яко злато въ горнилѣ, не до конца прогнѣвляется, ниже во вѣки враждуетъ, но искушеннаго, милуя—милуетъ, и щедря—щедритъ.

Примѣрная доброта души в. с., основанная на непоколебимомъ благочестіи, предувѣряетъ меня, что моленіе извѣстнаго в. с. старѣющаго страдальца будетъ услышано и что в. с. не попуститъ мнѣ съ семействомъ влачить послѣдніе дни мои въ уныніи, мною незаслуживаемомъ, но милосердіемъ обновитъ охладѣвающее отъ старости сердце мое, яко юность орлю. 39-ти лѣтнее мое служеніе Богу, Государю и Отечеству никогда не было предосудительно и на совѣсти моей по оному упрековъ не имѣю. Формулярный о всей моей службѣ списокъ, коимъ я свидѣтельствуюсь, доказываетъ безпорочное и бывшими моими начальниками одобряемое и награждаемое прохожденіе различныхъ должностей, кои Провидѣніе на меня возлагать благоволило. Безкорыстіе мое оправдывается крайнею моею бѣдностью; вмѣняемыя же мнѣ обвиненія, совѣсти моей чуждыя, дерзаю со всею истиною отклонить въ представляемомъ при семъ приложеніи *.

Осмѣлившись въ ономъ приложеніи изложить обстоятельства, свидѣтельствующія мое оправданіе, я дерзаю прибѣгнуть къ милосердому благорасположенію в. с. для страждущихъ и, именемъ Созерцающаго сердца и утробы, просить в. с., дабы удостоили внять гласу моей невинности и соблаговолить исходатайствовать мнѣ предъ монаршимъ престоломъ законный пенсіонъ.....

* Къ прошенію приложено объемистое «объясненіе заслуженнаго профессора Яковкина о вмѣняемыхъ ему обвиненіяхъ», гдѣ экс-директоръ расписываетъ свои заслуги и старается парализовать ими всѣ обвиненія—излюбленный и уже хорошо знакомый намъ пріемъ Яковкина.

Сіятельнѣйшій князь! Соблаговоли призрить благотворнымъ окомъ на жалостное мое положеніе при наступившей старости лѣтъ моихъ! Невинность правотою на судъ хвалится, Спаситель ублажаетъ милостивыхъ,—а я, облегченный отъ тяготѣющихъ на мнѣ напрасныхъ нареканій, благоговѣйнымъ гласомъ воззову: блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ!"....

Скорбное прошеніе это дѣйствія не возимѣло: Яковкину велѣно объявить, что „дѣло о немъ разсматриваемо было при общемъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ по казанскому университету и гимназіи и окончательно рѣшено высочайшимъ повелѣніемъ" и что, за симъ, министръ „не находитъ себя въ правѣ утруждать его величество по оному". Такая же неудача постигла и второе прошеніе Яковкина, поданное министру въ январѣ слѣдующаго 1823 года [165].

Послѣдовавшая въ 1824 году перемѣна въ личности министра народнаго просвѣщенія и пошатнувшееся положеніе Магницкаго, повидимому, оживили надежды Яковкина. Въ февралѣ 1826 года онъ обращается къ новому министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову съ обширнымъ прошеніемъ *, послужившимъ основою для хранящагося въ министерскомъ архивѣ „дѣла по прошенію заслуженнаго профессора Яковкина съ жалобою на несправедливое, яко бы, показаніе на него въ 1819 году д. с. с. Магницкаго". Мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ этимъ,—уже четвертымъ, по счету,—прошеніемъ Яковкина главнымъ образомъ въ видахъ того, что здѣсь дается нѣсколько не лишенныхъ значенія указаній на университетскую ревизію 1819 года. Начавъ свое новое прошеніе обычнымъ и ab ove изложеніемъ своей жизни, заслугъ и злоключеній, Яковкинъ переходитъ къ роковой для него ревизіи. По словамъ жалобщика, Магницкій, не принявъ во вниманіе „несчастныхъ обстоятельствъ, постигшихъ казанскую гимназію (въ особенности пожара 1815 года), представилъ все состояніе гимназіи въ превратномъ видѣ, дабы только мнѣ вмѣнить взведенные на меня безпорядки, какихъ никогда не было мною попускаемо" и проявилъ пристрастное къ нему, вообще, отношеніе:

„Съ самаго своего пріѣзда въ Казань,—пишетъ Яковкинъ,—г. ревизоръ началъ оказывать примѣтное ко мнѣ нерасположеніе, задавая неудобопонятные вопросы гимназистамъ, что бы показать только

---

*) Какъ изъ этого прошенія, такъ и изъ предыдущихъ двухъ, видно, что съ 1820 года Яковкинъ переселился въ Царское Село, въ лицеѣ котораго его зять баронъ Врангель получилъ должность профессора.

будто незнаніе ими закона Божія; формальныхъ же экзаменовъ въ семидневное пребываніе его въ Казани ни одного не было. При ревизіи же денежныхъ суммъ открыто отозвался, что въ мѣшкахъ вмѣсто мѣдной монеты можетъ быть накладенъ щебень"...

Яковкинъ высказываетъ предположеніе, что Магницкій имѣлъ на него злобу за то, что „въ первомъ его присутствіи въ совѣтѣ университета, съ должною учтивостью остановилъ я его на двухъ несправедливостяхъ, касавшихся университета и гимназіи", видя же „особенное ко мнѣ нерасположеніе г. ревизора, представилъ ему отчетъ, а на другой день, 14-го марта, подалъ ему просьбу объ увольненіи отъ должностей моихъ по преклонности лѣтъ и болѣзненнымъ приступамъ, съ испрашиваніемъ повышенія чиномъ и пенсіи при отставкѣ, а 15-го марта сдалъ гимназію профессору Никольскому—и только 19-го августа получено было отъ бывшаго г. ревизора предписаніе грозное, изъ котораго я съ ужасомъ увидѣлъ себя на старости въ числѣ уволенныхъ профессоровъ, будто бы за безпорядки въ гимназіи, въ предписаніи, однако же, не означенные и мнѣ донынѣ неизвѣстные"...

„По сей же причинѣ мнѣ и въ пенсіи отказано. Но, дабы не умереть съ голода на старости лѣтъ заслуженному профессору съ семействомъ, повелѣно было ежегодно изъ пенсіонной университетской суммы отсылать по двѣ тысячи рублей въ годъ въ казанское человѣколюбивое общество, изъ коего, по особому повелѣнію, тайно выдаются мнѣ или моему повѣренному, въ видѣ милостыни, наряду съ нищими, поддерживаемыми состраданіемъ ближняго, ни мало не упоминая о правахъ, предоставленныхъ семействамъ заслуженныхъ профессоровъ по высочайше утвержденной грамотѣ университету".

Въ концѣ прошенія упоминается тотъ фактъ, что Яковкинъ, сверхъ жалобы министру, „дерзнулъ утруждать его императорское величество всеподданнѣйшею просьбою о пересмотрѣ въ главномъ правленіи училищъ ревизіи 1819 года". И эта просьба Яковкина осталась безрезультатною, въ виду слѣдующей резолюціи отъ 20 октября, наложенной на нее министромъ: „Какъ г. Яковкинъ въ просьбѣ своей прописываетъ, что онъ утруждалъ государя императора всеподданнѣйшею просьбою и, сверхъ того, прошеніе писано на простой бумагѣ, а не на гербовой, то и оставить оное безъ дальнѣйшаго движенія" [166].

Только шестое,—считая и подававшееся имъ на высочайшее имя,—прошеніе Яковкина привело, въ концѣ концовъ, къ желательному для него результату. Изъ него мы узнаемъ, что поданное имъ 25-го февраля 1826 года прошеніе на высочайшее имя имѣло своимъ послѣд-

ствіемъ резолюцію: „Яковкину предоставить обратиться съ просьбою къ г. министру народнаго просвѣщенія", чѣмъ и было вызвано его новое ходатайство отъ 20-го декабая того же года. Особенность этого прошенія заключается въ томъ, что, очевидно подбодренный этимъ, пока еще относительнымъ, успѣхомъ, Яковкинъ, кромѣ непосредственнаго ходатайства, заводитъ уже рѣчь и о возвращеніи ему кафедры: „Чувствуя себя,—пишетъ онъ здѣсь,—п о п р е ж н е м у з д о р о в ы м ъ и способнымъ на служеніе отечеству, ежели усмотрѣны будутъ благопотребными многолѣтняя моя опытность и долговременностью пріобрѣтенныя познанія,—то я готовъ посвятить и послѣднія мои силы на службу при казанскомъ университетѣ въ званіи заслуженнаго профессора катедры (sic) исторіи, географіи и статистики россійскаго государства, но съ оставленіемъ при мнѣ выслуженной пенсіи и освобожденіемъ отъ засѣданій въ совѣтѣ и должностей по выборамъ университетскимъ". Дѣло о возстановленіи Яковкину пенсіи восходило, согласно высочайшему о томъ повелѣнію, на разсмотрѣніе комитета министровъ и только 12-го ноября 1827 года состоялось всемилостивѣйшее соизволеніе на мнѣніе комитета, которымъ полагалось „выдаваемое Яковкину отъ человѣколюбиваго общества пособіе обратить ему въ пенсіонъ, а по смерти его производить оный женѣ и семейству его". Что касается возобновленнаго Яковкинымъ 3-го сентября 1827 года прошенія о возвращеніи ему въ университетѣ „катедры", то это ходатайство было оставлено безъ удовлетворенія, въ виду отрицательнаго отзыва и. д. попечителя округа М. Н. Мусина-Пушкина, раздѣленнаго и министромъ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 10-го октября того же года.

Что бы окончательно проститься съ личностью бывшаго профессора-директора, въ качествѣ дѣятеля текущей университетской жизни, добавимъ, что онъ къ концу жизненнаго поприща своего снова вернулся въ Казань, гдѣ и скончался 26-го марта 1836 года, какъ гласитъ о томъ слѣдующее свидѣтельство объ его смерти, найденное нами въ архивныхъ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія:

„С в и д ѣ т е л ь с т в о. — Мы, нижеподписавшіеся, града Казани Покровской церкви священно-церковнослужители симъ удостовѣряемъ, что, прихода нашего императорскаго казанскаго университета профессоръ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Илья Федоровъ сынъ Яковкинъ минувшаго марта 26-го числа, отъ одержимой его болѣзни, волею Божіею померъ и мертвое его, Яковкина, тѣло по долгу христіанскому предано землѣ. Почему оное роднымъ покойнаго дочерямъ, дѣвицамъ Александрѣ и Надеждѣ Яковкинымъ, и выдано нами

для представленія съ ихъ стороны высшему университетскому начальству *. Апрѣля 7-го дня 1836 года.—Казанскія Покровскія церкви протоіерей Іоаннъ Ястребовъ. Діаконъ Григорій Ивановъ Покровскій. Дьячокъ Тимоѳей Ивановъ“ [167].

Воспользуемся подходящимъ случаемъ, что бы сказать нѣсколько словъ о судьбѣ и другихъ жертвъ ревизіи 1819 года. Профессоръ М. И. Германъ былъ уволенъ съ назначеніемъ ему по одной тысячѣ рублей ежегодной пенсіи и такой же суммы въ единовременное пособіе для выѣзда изъ Россіи, которымъ онъ, однако, не воспользовался. Оставшись въ Россіи и опредѣлившись въ январѣ 1821 года членомъ саратовской евангелической консисторіи, Германъ получилъ мѣсто проповѣдника въ колоніи Ягодная Поляна, гдѣ и умеръ 16-го декабря 1822 года, въ большой бѣдности. Профессоръ П. А. Цеплинъ получилъ въ 1823 году должность библіотекаря адмиралтейскаго департамента, а съ 1827 года состоялъ библіотекаремъ гидрографическаго депо морского министерства, должность, въ которой 13-го іюля 1832 года и скончался. Профессоръ Ф. Л. Брейтенбахъ занималъ въ 1821—1837 годахъ видный постъ директора с.-петербургскаго лѣсного института; будучи, съ преобразованіемъ института, причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ, умеръ въ 1845 году, въ отставкѣ. Профессоръ А. И. Арнгольдтъ былъ въ 1824 году инспекторомъ симбирской врачебной управы, въ 1831 назначенъ врачемъ казанскаго батальона кантонистовъ. Позднѣйшія судьбы профессоровъ И. Г. Томаса и И. И. Эриха остаются намъ неизвѣстными.

Покончивъ съ „мартирологомъ“ пресловутой ревизіи Магницкаго, вспомнимъ и о профессорѣ Ф. К. Броннерѣ, находившемся въ дни этой ревизіи въ продолжительномъ заграничномъ отпускѣ и, повидимому, едва ли серьезно помышлявшемъ о возвращеніи въ далекую и негостепріимную Казань. Не взирая на это, министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицинъ, смѣнивъ на милость свой недавній гнѣвъ, пожелалъ возвращенія Броннера обратно въ Россію и уже отъ 4-го іюля 1819 года вновь назначенный попечитель округа Магницкій предлагалъ совѣту университета, „вслѣдствіе предписанія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“, увѣдомить г. профессора Броннера, что „его сіятель-

* Изъ цитируемаго нами архивнаго дѣла усматривается, что въ 1836 году дочерямъ покойнаго Яковкина было: одной—46, другой—32 года. Жила семья Яковкиныхъ (гдѣ И. Ѳ. и скончался) въ собственномъ деревянномъ домѣ—«города Казани первой части, въ первомъ кварталѣ, подъ № 104». Могила И. Ѳ. Яковкина находится на кладбищѣ казанскаго Кизическаго монастыря.

ство согласенъ на возвращеніе его въ Казань въ послѣдней трети сего 1819 года". Мы не знаемъ, происходили ли сношенія по этому поводу университетскаго совѣта съ проф. Броннеромъ, но возвратиться въ Казань Броннеру уже не было суждено, о чемъ усердно постарался самъ Магницкій, вкупѣ съ профессоромъ Солнцевымъ,—въ то время уже ректоромъ университета. Солнцевъ предупредительно доставилъ Магницкому „на усмотрѣніе краткое извлеченіе изъ жизнеописанія г. Франца Ксаверія Броннера, имъ самимъ въ трехъ томахъ на нѣмецкомъ языкѣ писаннаго и въ свѣтъ изданнаго" *, оказавшагося въ студенческой библіотекѣ университета, а Магницкій на основаніи этого извлеченія вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ донесеніемъ отъ 29-го апрѣля 1820 года, въ которомъ докладывалъ, что изъ автобіографіи Броннера усматривается, что „онъ былъ каѳолическимъ монахомъ и званіе сіе, вѣроятно вмѣстѣ съ вѣроисповѣданіемъ, оставилъ". Заявивъ далѣе, что онъ „не желаетъ имѣть въ ученомъ кругу казанскаго университета таковыхъ наставниковъ" и пользуясь тѣмъ, что Броннеръ „неизвѣстно по какой причинѣ доселѣ къ своей должности не является", Магницкій просилъ министра „объ увольненіи его вовсе изъ университета". Ходатайство это было удовлетворено предложеніемъ министра отъ 11-го мая [168].

Заслушанное въ засѣданіи совѣта 20-го августа предложеніе объ увольненіи сразу девяти профессоровъ—ставило казанскій университетъ въ крайне затруднительное положеніе. Не меньшія затрудненія проистекали и изъ той административной дезорганизаціи, въ какой оказался университетъ къ началу 1819—1820 учебнаго года. Во главѣ университета продолжалъ стоять проректоръ Солнцевъ, такъ какъ давно ожидаемаго разрѣшенія приступить къ избранію ректора на основаніи устава 5-го ноября 1804 года—изъ высшихъ министерскихъ сферъ все еще не поступало; не послѣдовало и утвержденія декановъ, избранныхъ еще 2-го іюня, да это утвержденіе становилось уже невозможнымъ, такъ какъ въ средѣ избранниковъ числились двое профессоровъ, Врангель и Германъ, изъ университета уволенныхъ, а въ лицѣ барона Врангеля университетъ лишался, сверхъ того, и секретаря своего совѣта. Наступленіе новаго учебнаго года и необходимость поспѣшить организаціею преподаванія побудили совѣтъ, созванный для заслушанія предложенія

* Bronner F. X.—«Leben, von ihm selbst beschrieben», I—III, Zürich, 1795—1797.

попечителя отъ 5-го августа, сдѣлать постановленіе о назначеніи новаго засѣданія уже на слѣдующій день, т. е. на 21-ое августа, для сужденія относительно неотложнѣйшихъ мѣръ къ организаціи на ближайшее время учебнаго дѣла, причемъ исправленіе должности секретаря совѣта принялъ на себя профессоръ Никольскій.

Въ засѣданіи совѣта 21-го августа намѣчены были слѣдующія мѣры къ устройству преподаванія въ ближайшемъ академическомъ году, которыя мы и расположимъ по факультетамъ:

а) Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ. Поручить кафедры: философіи—экстраординарному профессору Перевощикову (вмѣсто уволеннаго Срезневскаго); естественнаго права—адъюнкту Манасеину, а за его отсутствіемъ—проректору Солнцеву; кафедру правъ иностранныхъ и россійскихъ — ему же (вмѣсто Врангеля); кафедру политической экономіи—адъюнкту Булыгину (вмѣсто Цеплина).

б) Отдѣленіе физико-математическихъ наукъ. Поручить кафедры: физики—экстраординарному профессору Лобачевскому, оставивъ магистра Кайсарова лишь въ званіи „приспѣшника“ физическаго кабинета, въ случаѣ же возвращенія проф. Броннера „сдѣлать тогда надлежащее распоряженіе“; чистой математики—ордин. профессору Бартельсу; прикладной математики—ордин. профессору Никольскому; астрономіи—экстр. профессору Лобачевскому *; химіи и металлургіи — адъюнкту Дунаеву; естественной исторіи—адъюнкту Тимьянскому, сдавъ ему естественный кабинетъ и ботаническій садъ; технологіи и сельскаго домоводства—адъюнкту А. Лобачевскому (вмѣсто Брейтенбаха).

в) Отдѣленіе врачебныхъ наукъ. Поручить кафедры: анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки—ордин. профессору Фуксу, устранивъ отъ преподаванія студента Отсолига; патологіи, терапіи и клиники—ему же; врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности, также хирургіи (вмѣсто Арнгольдта) и повивальнаго искусства—ордин. профессору Вердерамо.

г) Отдѣленіе словесныхъ наукъ. Поручить кафедры: краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго—ордин. профессору Городчанинову; восточныхъ языковъ—ордин. профессору Эрдману; всемірной исторіи, географіи и статистики—экстраордин. профессору Кондыреву (вмѣсто Томаса); исторіи, географіи и статистики россійской имперіи—экстраордин. профессору Перевощикову (вмѣсто Яковкина). Два послѣднія порученія

* По случаю отъѣзда И. М. Симонова въ кругосвѣтное плаваніе.

сопровождены оговоркою: „Какъ профессоръ Кондыревъ часто употребляемъ бываетъ для исполненія и другихъ порученій начальства, то въ отсутствіе его имѣетъ занимать кафедру его адъюнктъ Юнаковъ, но если бы проф. Кондыревъ и не былъ отвлекаемъ отъ преподаванія, то, по обширности сей кафедры, совѣтъ признаетъ полезнымъ преподаваніе по оной раздѣлить, поручая проф. Кондыреву всемірную исторію, а адъюнкту Юнакову—всемірную географію и статистику, тѣмъ болѣе, что профессоръ Кондыревъ имѣетъ не малотрудныя должности въ университетѣ; ему же, адъюнкту Юнакову, препоручить преподаваніе географіи и статистики россійскаго государства въ пособіе экстраордин. профессору Перевощикову, имѣющему занимать двѣ кафедры". Увольненіе Германа и Эриха оставляли праздными обѣ кафедры классической словесности и по этому поводу состоялось слѣдующее опредѣленіе совѣта: „Какъ студенты занимаются изученіемъ латинскаго языка, а нѣкоторые и греческаго, то, дабы не оставались вовсе безъ занятія въ оныхъ, совѣтъ полагаетъ продолжать обученіе латинскому языку, поручивъ старшему учителю казанской гимназіи Полиновскому, который въ семъ предметѣ имѣетъ достаточныя свѣдѣнія, а преподаваніе греческаго языка поручить магистру Самсонову, который и былъ предназначаемъ по сей части" *.

Въ томъ же засѣданіи 21-го августа произведены были выборы декановъ и членовъ училищнаго комитета, на двѣ вакансіи въ этомъ послѣднемъ, образовавшіяся съ увольненіемъ Врангеля и Срезневскаго. Избранными въ деканы оказались: по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ—Г. И. Солнцевъ, по отдѣленію физико-математическихъ наукъ—М. Ѳ. Бартельсъ, по отдѣленію врачебныхъ наукъ—Э. О. Вердерамо и по отдѣленію словесныхъ наукъ—Г. Н. Городчаниновъ; членами училищнаго комитета избраны адъюнкты В. И. Тимьянскій и М. А. Юнаковъ. Какъ эти выборы, такъ и постановленія совѣта относительно организаціи преподаванія, а равно и составленное на основаніи этихъ постановленій обозрѣніе преподаваній, были министромъ утверждены ** и учебная сторона наступившаго 1819—1820 академическаго года, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, но была, такъ или иначе, обезпечена [169].

---

* О М. В. Полиновскомъ и Д. П. Самсоновѣ см. томъ II, стр. 57—58 и 62—66.

** Затрудненіе вышло только съ деканомъ нравственно-политическаго отдѣленія, такъ какъ избранный въ эту должность проф. Солнцевъ оказался уже представленнымъ въ званіе ректора. Затрудненіе было разрѣшено тѣмъ, что, въ виду отсутствія на этомъ факультетѣ преподавателей, имѣющихъ право быть избранными въ деканы, исправленіе этой должности въ названномъ отдѣленіи возложено на проф. Перевощикова.

Архимандритъ Θеофанъ,
первый университетскій преподаватель богословія.
(14 декабря 1819 г.—24 февраля 1823 г.)

Мы видѣли выше, что высочайше утвержденный 14-го іюля 1819 года докладъ главнаго правленія училищъ, въ числѣ другихъ неотложныхъ мѣропріятій по преобразованію казанскаго университета, опредѣлялъ „ввести преподаваніе Богопознанія и христіанскаго ученія", войдя съ мѣстнымъ преосвященнымъ въ сношенія относительно назначенія для этой цѣли „способнаго наставника изъ духовныхъ". Въ силу предложенія попечителя отъ 5-го августа, переговоры съ духовнымъ начальствомъ относительно назначенія законоучителя возложены были совѣтомъ университета на проректора и уже въ засѣданіи 23-го августа проф. Солнцевъ могъ объявить совѣту, что „по личному его сношенію съ высокопреосвященнымъ архіепископомъ казанскимъ и симбирскимъ, для преподаванія Богопознанія и христіанскаго ученія наставникомъ предназначается казанской семинаріи ректоръ архимандритъ Ѳеофанъ"; выборъ казанскаго владыки былъ принципіально принятъ министерствомъ народнаго просвѣщенія уже въ началѣ ноября, съ назначеніемъ архимандриту жалованья въ размѣрѣ оклада ординарнаго профессора, хотя оффиціальное назначеніе его университетскимъ преподавателемъ послѣдовало лишь 14-го декабря 1819 года, съ порученіемъ ему преподаванія, кромѣ богословія, также и церковно-библейской исторіи [170].

Въ послѣднихъ числахъ августа того же 1819 года былъ, наконецъ, возбужденъ и вопросъ о замѣщеніи должности ректора, остававшейся вакантною съ самаго начала года, послѣ кончины перваго выборнаго представителя университета—профессора И. О. Брауна.

Совѣтъ университета еще 12-го марта ходатайствовалъ передъ Магницкимъ,—въ то время какъ разъ производившимъ ревизію университета,—относительно разрѣшенія приступить къ избранію ректора, но ревизоръ постановилъ на это ходатайство слѣдующую резолюцію, изъ которой мы ясно усмотримъ, что планы относительно предстоящаго устройства казанскаго университета уже тогда довольно опредѣленнымъ образомъ сложились въ мысляхъ будущаго попечителя: „Представить г. министру, что ежели вскорѣ можетъ быть опредѣленъ директоръ казанскаго университета, то я бы просилъ, что бы и ректоръ былъ опредѣленъ высочайшимъ указомъ на одинъ годъ и что въ сіе званіе признаю я способнымъ, сколько доселѣ мнѣ извѣстно, настоящаго проректора профессора Солнцева". Такимъ образомъ вопросъ о ректорѣ назначенномъ,—вопросъ, становившійся въ рѣзкое противорѣчіе съ высочайше утвержденнымъ и находившимся въ дѣйствіи уставомъ 1804 года,—былъ предрѣшенъ уже въ началѣ интересующаго насъ года. Въ концѣ лѣта выдвинутъ былъ вопросъ о назначе-

нія въ казанскій университетъ директора,—своевременнымъ почелъ теперь вновь назначенный попечитель поставить и вопросъ о назначеніи для университета ректора: „Проректора казанскаго университета, ординарнаго профессора Солнцева, честь имѣю представить вашему сіятельству къ утвержденію въ ректоры впредь на одинъ годъ, съ тѣмъ, что бы на опытѣ удостовѣриться, заслужитъ ли онъ быть утверженнымъ въ семъ званіи на дальнѣйшее время“,—гласило попечительское представленіе отъ 31-го августа. Всеподданнѣйшее представленіе о томъ же князя Голицына удостоилось 29-го октября высочайшаго утвержденія, хотя совѣтъ университета былъ увѣдомленъ о состоявшемся назначеніи ректора на цѣлый почти мѣсяцъ запоздавшимъ, почему то, предложеніемъ попечителя отъ 25-го ноября 1819 года, а 10-го декабря Солнцевъ былъ приведенъ и къ присягѣ по вновь возложенной на него должности [171].

Если кореннымъ нарушеніемъ устава 1804 года было опредѣленіе въ университетъ, въ лицѣ проф. Солнцева, назначеннаго ректора, то еще болѣе глубокимъ нарушеніемъ его явилось созданіе для казанскаго университета совершенно непредусмотрѣнной уставомъ новой должности директора университета, созданной по образцу подобной же должности, установленной для вновь учреждавшагося въ томъ году петербургскаго университета и ставшей въ непримиримый разрѣзъ съ дарованными казанскому университету автономными правами. Изъ высочайше утвержденнаго 14-го іюля доклада главнаго правленія училищъ мы уже знакомы съ сущностью этой новой должности: „Для экономической, полицейской и нравственной части,—читали мы здѣсь,—опредѣлить въ университетъ особаго чиновника, подъ названіемъ директора; засимъ ученая и учебная часть вѣдома будетъ отдѣльно ректоромъ“. Уже это разграниченіе сферъ компетенціи „директора“ и „ректора“—съ достаточною ясностью раскрываетъ намъ тѣ мотивы, которыми, еще въ мартѣ 1819 года, руководился Магницкій, настаивая на отложеніи вопроса объ опредѣленіи ректора впредь до выясненія вопроса о назначеніи для казанскаго университета директора. Въ еще болѣе категорической формѣ выражена сущность должности директора университета въ высочайше утвержденной для него инструкціи: „Директоръ университета,—говорится здѣсь,—есть довѣренный гражданскій чиновникъ, которому правительство поручаетъ хозяйственное и полицейское управленіе университета, въ качествѣ предсѣдателя правленія, и лично важную часть нравственнаго образованія воспитанниковъ. Отъ сего проистекаютъ три главные рода его обязанностей: а) обязанности по части хозяйственнаго

управленія, б) обязанности по полиціи университета и его заведеній и в) обязанности по нравственному образованію университетскихъ воспитанниковъ". Въ силу только что указаннаго круга его компетенціи, директору, какъ председателю правленія, подчиняются всѣ должностныя лица хозяйственнаго управленія университета—съ одной стороны, вся инспекція надъ студентами—съ другой стороны; ему ввѣряется завѣдываніе всѣмъ имуществомъ и хозяйствомъ университета, всѣ дѣла по благоустройству и благочинію какъ всего университета, въ его цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ университетскихъ учрежденій; онъ же является блюстителемъ нравственной стороны жизни университетской молодежи. Ясно, что такимъ широкимъ образомъ поставленный институтъ директуры не только создавалъ въ строѣ университетской жизни двоевластіе, но совершенно затѣнялъ престижъ ректорскаго достоинства, сохраняя за послѣднимъ лишь общее вѣдѣніе учебной жизни университета, да и то въ тѣхъ только предѣлахъ, въ которыхъ компетенція ректора не приходила въ столкновеніе съ сферою директорскихъ полномочій,—почва же для возможности конфликтовъ подобнаго рода представлялась въ высшей степени широкою и благодарною.

Ходатайствуя объ учрежденіи въ казанскомъ университетѣ должности директора, Магницкій, расположившійся на постоянное жительство въ Петербургѣ, имѣлъ въ виду создать себѣ въ Казани, въ лицѣ носителя этого званія, ближайшаго наперстника и конфидента, соглядатая, ревностнаго исполнителя своихъ предначертаній, противовѣсъ корпоративнымъ тенденціямъ университета,—замѣстителя, который былъ бы настоящимъ alter ego отсутствующаго попечителя округа. Этимъ то обстоятельствомъ и объясняется выборъ лица, на которомъ остановился Магницкій для замѣщенія новой и весьма серьезной должности директора университета: выборъ этотъ палъ на бывшаго сослуживца попечителя по симбирскому его губернаторству—доктора медицины и акушера симбирской врачебной управы А. П. Владимірскаго. Довольно таки темная личность доктора Владимірскаго уже встрѣчалась намъ раньше; мы въ настоящее время нѣсколько подробнѣе остановимся на ней въ виду той крупной роли, какую довелось ей играть въ первые три года жизни „обновленнаго" Магницкимъ казанскаго университета.

Находящіяся въ нашемъ распоряженіи біографическія данныя объ Александрѣ Павловичѣ Владимірскомъ представляются не особенно обильными. Воспитанникъ московской медико-хирургической академіи и практикантъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, повивальнаго института

при московскомъ воспитательномъ домѣ, Владимірскій въ эпоху освободительной войны противъ Наполеона получилъ видное врачебно-административное порученіе, будучи назначенъ завѣдующимъ находившимся при г. Кемпенѣ общимъ для всѣхъ войскъ гвардіи госпиталемъ. Въ 1817 году, будучи уже въ ученой степени доктора медицины и хирургіи, Владимірскій служилъ въ должности акушера симбирской врачебной управы, а затѣмъ былъ назначенъ инспекторомъ тверской врачебной управы; съ этой то послѣдней должности онъ и былъ опредѣленъ въ званіе директора казанскаго университета.

Казанскому университету пришлось впервые прійти въ соприкосновеніе съ д-ромъ Владимірскимъ въ 1817 году, по поводу домогательства имъ кафедры по врачебному отдѣленію. Въ іюнѣ этого года будущій директоръ университета вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія князю Голицину съ пространнымъ и въ крайне своеобразномъ, несомѣнно разсчитанномъ на извѣстное религіозное настроеніе министра, духѣ составленнымъ прошеніемъ, въ которомъ просилъ содѣйствія его въ дѣлѣ пріобрѣтенія кафедры. Росписавъ здѣсь свои служебныя и ученыя заслуги, сославшись даже на авторитетъ, будто бы лично знающихъ его, архимандрита Филарета, баронетта Я. В. Вилліе и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, заявивъ, наконецъ, что самъ „Помазанникъ Господень перстомъ Божіимъ знаменовалъ на мнѣ силу Вышняго, въ немощехъ совершившуюся (?)“, Владимірскій обращается къ министру съ слѣдующими вычурно-замысловатыми словами:

„Ежели, сіятельнѣйшій князь, и нищіе благовѣствуютъ, si licet parva componere magnis—то нынѣ праздная въ казанскомъ университетѣ катедра матеріи медики силами моими, кажется, достижима, также, какъ и катедра патологіи и терапіи, имѣющая быть, по слухамъ, безъ профессора; повивальное искусство было бы сообразнѣйшее расположенію моему, но оное преподается уже искуснѣйшимъ, нежели бы я былъ, рекрутъ, профессоромъ (т. е. проф. Вердерамо).

Впрочемъ—иже имать, дастся ему и преизбудетъ ему, а иже не имать и еже имать возьмется отъ него; и, посему, не сподобившись знать своего назначенія, а предая Божію Промышленію быть или не быть мнѣ профессоромъ, умоляю ваше сіятельство не о покровительствѣ моего,—ибо кто отъ насъ, пекійся, можетъ приложити возрасту своему локоть единъ?—но о праведномъ судѣ сего искушенія и о милостивомъ прощеніи, ежели я въ помыслѣ своемъ погрѣшаю.

Русская земля, имѣя двѣ медицинскія академіи и пять университетовъ, до сего времени принуждается употреблять капитуляціонныя (sic)

къ чужеземцамъ воззванія для наполненія штатныхъ мѣстъ врачами, хотя мѣра сія никогда не исполняла ожиданіе правительства и никогда исполнить не можетъ. Не вѣрнѣе ли обратиться къ собраннымъ вертоградамъ и предпочесть воспитаніе природныхъ врачей выпискѣ заграничныхъ дорогихъ единицъ?"....

Высказавъ, далѣе, своеобразную мысль, что „во врачеваніи существеннѣе есть наблюденіе, нежели ученость" и что „камень, его же не брегутъ зиждущіе, бываетъ во краю угла", Владимірскій задается вопросомъ: „Неужели господа ученые скажутъ мнѣ—еда и ты отъ Галилеи еси, а ваше сіятельство прогнѣваетесь, что въ лѣто Господне правленія вашего народнымъ образованіемъ я не безмолвствую и Никодимомъ?"

Хотя Я. В. Вилліе, въ отвѣтъ на соотвѣтствующій запросъ князя Голицина, и отвѣтилъ, что „докторъ Владимірскій ни мнѣ, ни конференціи медико-хирургической академіи вовсе неизвѣстенъ съ ученой стороны", тѣмъ не менѣе прошенію претендента было дано законное движеніе. Разсчитывая теперь уже на освободившуюся съ уходомъ проф. Эрдмана кафедру патологіи, терапіи и клиники, Владимірскій представилъ, въ подкрѣпленіе своихъ притязаній на эту кафедру, рукописный конспектъ курса патологіи и терапіи. Признавъ, что въ немъ „исторія медицины предложена не хорошо, безъ надлежащаго порядка, а о патологіи почти ничего не сказано", „мысли не имѣютъ надлежащей между собою связи", „система славнаго Іоганна Брауна предложена противно автору", цитаты приведены „безъ порядка и иногда ошибочно", „о терапіи ничего не написано, а только упомянуто, какъ называются болѣзни", наконецъ, даже „правила грамматическія и смыслъ въ періодахъ не соблюдены почти во всѣхъ статьяхъ"—врачебное отдѣленіе, а слѣдомъ за нимъ и совѣтъ, высказались въ томъ смыслѣ, что у претендента „не достаетъ всего того, что требуется по законамъ для полученія степени публичнаго ординарнаго профессора".

Отказъ въ кафедрѣ привелъ Владимірскаго въ состояніе яростной злобы на казанскій университетъ, отлившейся въ форму слѣдующей жалобы-извѣта на университетъ, посланной имъ 25-го декабря 1817 года, изъ Симбирска, на имя попечителя округа М. А. Салтыкова:

„Ваше превосходительство, милостивый государь!—Совѣтъ императорскаго казанскаго университета сообщилъ мнѣ отъ 17-го декабря, въ копіи, представленіе врачебнаго отдѣленія о моемъ патолого-терапевтическомъ конспектѣ, осужденномъ отъ первой до послѣдней строки не рецензіею, а поруганіемъ. Изъ прилагаемаго при семъ

списка съ представленія ваше превосходительство усмотрите достоинство приговора, къ которому осмѣлился я присовокупить и свой отзывъ противъ онаго, надѣяся, что поступокъ факультета безотчетнымъ быть не можетъ, ибо оный имѣетъ дѣло не съ студентомъ, а съ заслуженнымъ чиновникомъ.

Нельзя было ожидать благонамѣренности судей моихъ, когда они предварительно читали меня въ моемъ письмѣ къ его сіятельству князю Александру Николаевичу, отъ вашего превосходительства въ подлинникѣ имъ сообщенномъ. Они поторопились тогда же оттѣснить меня отъ катедры матеріи-медики, подставленіемъ на оную г. Вердерамо; а когда я объявилъ желаніе на занятіе терапевтической катедры и прислалъ конспектъ, отложивъ его въ сторону, влекли на сію катедру г. Фукса и не прежде сіе усиліе оставили, пока ходатайство ихъ предъ вашимъ превосходительствомъ не оказалось тщетнымъ. Послѣ сего оставалось зачернить мой конспектъ, что бы не допустить къ выбору. Всякому понятна здѣсь личность и опасеніе какъ будто партіи, изъ письма моего къ его сіятельству подозрѣваемое....

Ваше превосходительство! Достиженіе профессорской катедры не въ состояніи прибавить мнѣ ни возвышенія, ни стяжанія. Я желалъ быть профессоромъ, что бы поработать на праздномъ полѣ и положить точку, изъ которой, при помощи Божіей, не произвелось ли бы очертаніе по тому предположенію, которое имѣлъ честь представить его сіятельству и за которое не нравлюсь судіямъ моимъ.

Простите, ваше превосходительство, смѣлость, что я всепокорнѣйше прошу поруганный мой конспектъ и забвенный формулярный о службѣ и достоинствахъ моихъ списокъ истребовать и препоручить медицинскому совѣту или инымъ безпристрастнымъ особамъ сдѣлать изъ того и другого о мнѣ заключеніе. Справедливо, что служба не даетъ права на катедру, но даетъ оное на уваженіе противъ безвѣстныхъ иностранцевъ, отъ коихъ судіи мои меня не отличаютъ"....

Салтыковъ оставилъ этотъ извѣтъ безъ движенія, какъ это и усматривается изъ сдѣланной на поляхъ его помѣты: „Не отвѣтствовано". Владимірскій жаловался на казанскій университетъ и самому министру народнаго просвѣщенія; въ апрѣлѣ слѣдующаго 1818 года (изъ дѣла видно, что претендентъ находился въ то время еще въ Симбирскѣ) его забракованный конспектъ былъ даже вытребованъ въ Петербургъ—но на этомъ дѣло о профессорской кандидатурѣ Владимірскаго и обрывается, хотя это дѣло уже очень скоро отозвалось на казанскомъ университетѣ какъ въ ревизіи Магницкаго, такъ и въ дѣятельности бывшаго претен-

дента на вліятельномъ посту директора „поругавшаго“ его университета [172]....

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ какъ самая личность будущаго директора, такъ и чувства, питавшіяся имъ по отношенію къ казанскому университету.

Вручая главный надзоръ надъ нравственною стороною жизни студенчества директору университета по назначенію, Магницкій почелъ совершенно послѣдовательнымъ замѣстить по назначенію же,—опять таки въ противность уставу 1804 года,—и должность инспектора студентовъ, которую онъ надумалъ соединить съ должностью, на основаніи устава также избираемою, директора педагогическаго института. Для замѣщенія обѣихъ, соединяемыхъ теперь вмѣстѣ, должностей имъ тогда же намѣченъ нѣкій надворный совѣтникъ Ѳеодоръ Петровичъ Барсовъ, бывшій (въ 1795—1797 г.г.) студентъ с.-петербургской учительской гимназіи, служившій, затѣмъ, въ „коммиссіи о заведеніи училищъ“, по лѣсному и горному департаментамъ и, наконецъ (съ 1811 г.), по соляному вѣдомству, изъ котораго онъ и былъ перемѣщенъ на должность инспектора студентовъ казанскаго университета и директора его педагогическаго института. Намъ совершенно неизвѣстно, на какой почвѣ завязались начальныя отношенія между Магницкимъ и Барсовымъ и какими данными руководствовался попечитель казанскаго учебнаго округа, ввѣряя бывшему чиновнику соляного вѣдомства такія серьезныя и отвѣтственныя педагогическія порученія, но представленіе о назначеніи Барсова въ казанскій университетъ было сдѣлано имъ князю Голицыну 26-го августа 1819 года, одновременно съ представленіемъ Владимірскаго на должность директора университета. Одновременно съ тѣмъ были представлены къ опредѣленію ихъ на службу казанскаго университета еще двое, уже значительно болѣе мелкихъ, чиновниковъ: находившійся не у дѣлъ сенатскій регистраторъ Карлъ Андреевичъ фонъ-Кантъ, предназначенный Магницкимъ къ опредѣленію въ званіе эконома гимназіи, и бывшій служитель симбирской губернаторской канцеляріи Николай Алексѣевичъ Часовниковъ, намѣченный къ занятію должности помощника инспектора студентовъ по рекомендаціи Владимірскаго. Не безъинтересно представленіе Магницкаго отъ 26-го августа, которымъ онъ ходатайствовалъ предъ министромъ относительно опредѣленія всѣхъ этихъ лицъ на службу казанскаго университета:

„На основаніи высочайше утвержденнаго въ 14-ый день прошлаго іюля доклада главнаго правленія училищъ, — докладываетъ здѣсь ка-

занскій попечитель округа,—честь имѣю представить вашему сіятельству на утвержденіе:

1) Въ директоры казанскаго университета — доктора медицины и хирургіи, инспектора тверской врачебной управы надворнаго совѣтника Владимірскаго и

2) Въ инспекторы студентовъ и, вмѣстѣ, директора педагогическаго института—надворнаго совѣтника Барсова.

Оба сіи чиновника изъявили желаніе служить по министерству просвѣщенія и оба, сверхъ нужныхъ познаній, извѣстны мнѣ со стороны отличнаго благочестія и нравственности.

Я испрашиваю опредѣленія въ помощь къ нимъ находящихся не у дѣлъ сенатскаго регистратора фонъ-Канта и губернскаго регистратора Часовникова, ходатайствуя предъ вашимъ сіятельствомъ о награжденіи послѣдняго чиномъ при самомъ опредѣленіи. Часовниковъ, изъ весьма бѣдныхъ семинаристовъ, начавъ службу въ канцеляріи моей въ Симбирскѣ, ознаменовалъ оную отличнымъ примѣромъ безкорыстія. Онъ былъ подкупленъ на передачу бумагъ или свѣдѣній по дѣлу о татарахъ Еремѣевыхъ и получилъ 3 тысячи рублей съ обѣщаніемъ, въ случаѣ исполненія, еще 7-ми тысячъ, но онъ, принявъ деньги единственно въ доказательство подкупа, представилъ оныя мнѣ съ просьбою о обращеніи ихъ на богоугодныя заведенія. Нынѣ испрашиваю я ему чина потому, что полагаю опредѣлить его въ помощники инспектора, кои всѣ въ четырнадцатомъ классѣ.

Владимірскому испрашиваю я оклада, который получаетъ директоръ здѣшняго университета (три тысячи рублей) и на подъемъ тысячу рублей. Барсову, сверхъ окладовъ по званію инспектора студентовъ и директора педагогическаго института, профессорское жалованье (!), на томъ основаніи, какъ предмѣстники его получали; на подъемъ ему испрашиваю 700 рублей. Часовникову и Канту по 500 рублей жалованья и по 500 рублей на подъемъ".

5-го сентября, согласно всеподданнѣйшаго доклада о томъ министра народнаго просвѣщенія, всѣ эти предположенія были высочайше утверждены—до возведенія безсребренника Часовникова въ чинъ коллежскаго регистратора, включительно. Всѣ эти четыре чиновника прибыли въ Казань 5-го ноября, приведены къ установленной присягѣ и, слѣдомъ затѣмъ, вступили въ отправленіе своихъ обязанностей. Таковъ былъ довольно сомнительный контингентъ вновь назначенныхъ агентовъ, приставленныхъ Магницкимъ къ ближайшему сотрудничеству себѣ, на мѣстѣ, въ дѣлѣ задуманнаго имъ „обновленія" казанскаго университета [173].

Магницкій придавалъ огромное значеніе учрежденной имъ въ казанскомъ университетѣ должности директора и видѣлъ въ ней лучшее средство къ преобразованію этого учебнаго заведенія. Возложивъ на Влади-

мірскаго, уже слѣдомъ за его назначеніемъ, порученіе осмотрѣть университетъ во всѣхъ частяхъ, онъ внушалъ своему ставленнику, что онъ „лице—равное ректору", что „какъ чиновники, такъ и всѣ предметы по полицейскому, хозяйственному и нравственному управленію въ университетѣ и его округѣ—принадлежатъ къ вашему начальству и вѣдомству", что ставило директора въ положеніе полновластнаго замѣстителя личности самого попечителя. Созданное въ университетѣ двоевластіе не преминуло, какъ и слѣдовало ожидать, отразиться на неопредѣленности въ отношеніяхъ между директоромъ и ректоромъ и уже весною 1820 года Магницкій почелъ нужнымъ болѣе точнымъ образомъ разграничить компетенцію обоихъ высшихъ представителей университета, причемъ онъ столько же самовольнымъ, сколько и рѣшительнымъ образомъ высказывается въ сторону преобладанія директорской власти надъ властью ректорской:

„Замѣчая изъ дѣлъ,—читаемъ въ предложеніи попечителя совѣту отъ 18-го мая 1820 года,—что при введеніи новаго порядка управленія въ университетѣ встрѣчается недоразумѣніе въ разсужденіи первостепенства между директоромъ и ректоромъ онаго, я почитаю нужнымъ изъяснить взаимныя сихъ двухъ лицъ отношенія, а именно:

1. Директоръ и ректоръ, по предсѣдательству ихъ въ правленіи и совѣтѣ, суть лица въ мѣстахъ своихъ равныя.

2. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда университетъ соединяется въ одно цѣлое, директоръ есть первое лицо какъ по классу званія его, положеннаго въ четвертомъ классѣ, такъ и потому, что, въ случаѣ отпуска или болѣзни попечителя, онъ занимаетъ его мѣсто *.

3. Посему во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ университета директоръ долженъ занимать первое мѣсто.

4. Въ случаѣ пріѣзда разныхъ почетныхъ лицъ въ университетъ, всѣхъ чиновъ и чиновниковъ онаго представляетъ директоръ.

5. Вообще, по смыслу, по намѣренію и по самому раздѣленію предметовъ управленія между директоромъ и ректоромъ, директоръ, въ отсутствіе попечителя, есть главный начальникъ въ университетѣ, а въ его присутствіи—первый по немъ.

6. Равенство ректора съ директоромъ по предсѣдательству въ совѣтѣ допущено съ тѣмъ только намѣреніемъ, что бы ученое сословіе оставить совершенно свободнымъ отъ всякаго вліянія гражданскаго университетскаго начальства на предметы учености, вообще.

---

* А такъ какъ Магницкій пребывалъ постоянно въ столицѣ, то изъ этого становится яснымъ, что онъ смотрѣлъ на директора, какъ на своего прямого замѣстителя.

Предлагаю сіи поясненія въ руководство и къ исполненію всѣмъ сословіямъ и лицамъ университета, до коихъ они относиться могутъ" [174].

„Предположенія, къ преобразованію и исправленію разныхъ частей университета учиненныя, представятся попечителемъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія на усмотрѣніе и утвержденіе"—гласило одно изъ положеній высочайше утвержденнаго 14-го іюля доклада главнаго правленія училищъ. Сообщая Магницкому о послѣдовавшемъ утвержденіи этого доклада, князь Голицинъ тогда же писалъ новому попечителю, что будетъ отъ него „ожидать предположенія, на какомъ лучшемъ основаніи долженствуетъ отнынѣ быть управленіе университета и устройство всѣхъ частей онаго". Изобрѣтательности попечителя раскрывалось, такимъ образомъ, широкое поле дѣятельности и онъ настолько успѣшно повелъ работы по возложеннымъ на него „предположеніямъ", что уже 8-го сентября того же 1819 года представилъ министру три проекта, долженствовавшихъ быть положенными въ основу преобразованія университета, а именно: 1) „Проектъ перемѣняемыхъ статей въ уставѣ казанскаго университета", съ объяснительною къ нему запискою, 2) „Проектъ инструкціи директору казанскаго университета" и 3) „Проектъ иструкціи ректору казанскаго университета, относительно къ ученому образованію студентовъ". Весьма характерно представленіе отъ 8-го сентября, при которомъ эти проекты поступили на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія:

„Исполняя ту часть высочайше утвержденнаго доклада главнаго правленія училищъ,—писалъ здѣсь Магницкій,—которая относится къ преобразованію казанскаго университета, имѣю честь у сего представить: а) проектъ тѣхъ перемѣнъ, кои почитаю я необходимыми въ уставѣ казанскаго университета, б) проектъ инструкціи директору университета и в) проектъ инструкціи ректору университета.

Ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что всѣ представляемыя мною перемѣны и образованія имѣютъ одну цѣль—основать въ университетѣ и округѣ, мнѣ ввѣренномъ, народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ священнаго союза, съ высочайшимъ манифестомъ о соединеніи министерствъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и наставленіемъ, даннымъ ученому комитету. Слѣдовательно,—оговаривается попечитель,—я не вымышляю какихъ либо новизнъ и не предполагаю переворотовъ, но исполняю законы и торжественные акты правительства, по долгу званія моего".

Представленный Магницкимъ проектъ измѣненій въ уставѣ 5-го ноября 1804 года, всецѣло составленный въ духѣ двухъ остальныхъ проектовъ,

т. е. проектовъ инструкцій директору и ректору, а также на почвѣ воззрѣній его на взаимныя соотношенія между директоромъ и ректоромъ, подлежать нашему разсмотрѣнію не будетъ, во первыхъ потому, что, въ сравненіи съ остальными двумя проектами и съ общимъ характеромъ дѣятельности Магницкаго, проектъ этотъ ничего новаго представить намъ не въ состояніи, а во вторыхъ и потому, что этотъ проектъ, будучи внесенъ въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта и отсюда переданъ въ коммиссію составленія законовъ, пролежалъ здѣсь, безъ существеннаго движенія, до начала 1826 года, а, затѣмъ, съ перемѣною въ общемъ направленіи дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, преданъ совершенному забвенію, тѣмъ болѣе, что слѣдомъ затѣмъ начались въ названномъ вѣдомствѣ новыя преобразовательныя работы, отлившіяся уже въ общій университетскій уставъ 1835 года. Относящіяся къ 1825 году дальнѣйшія предположенія касательно выработки для казанскаго университета новаго устава будутъ разсмотрѣны нами въ своемъ мѣстѣ *.

Несравненно большій и уже рѣшительный интересъ представляютъ выработанные Магницкимъ проекты инструкцій директору и ректору казанскаго университета. Удостоившись 17-го января 1820 года высочайшаго утвержденія, эти два акта послужили краеугольною основою всего, осуществленнаго Магницкимъ, пресловутаго „обновленія" казанскаго университета и въ этихъ двухъ первостепенной важности актахъ—самымъ рельефнымъ образомъ отразились и сконцентрировались всѣ типичнѣйшія черты той мрачной памяти поры, которую принято называть „эпохою попечительства Магницкаго". Все это обязываетъ насъ остановиться съ особенною подробностью на этихъ двухъ выдающихся памятникахъ историческаго прошлаго казанскаго университета.

Инструкція директору казанскаго университета подробно развиваетъ отдѣльныя стороны дѣятельности этого должностного лица, сообразно съ тремя основными функціями директорскаго званія: попеченіями о хозяйственномъ управленіи университета, попеченіями о полицейскомъ благоустройствѣ его и обязанностями по нравственному образованію воспитанниковъ. Мы не будемъ останавливаться на опредѣленіяхъ, относящихся къ двумъ первымъ сферамъ компетенціи директора,

* Интересующіеся этимъ проектомъ Магницкаго найдутъ его въ архивномъ дѣлѣ: Попеч., 1819, № 9 (листы 31—36, см. также листы 145—146, 148—156). См. также дѣла 1825 года: Сов., № 224, Попеч., № 97.

гдѣ съ большою подробностью трактуется о поддержаніи въ исправности университетскихъ зданій и учрежденій, о порядкѣ заготовленія, храненія и расходованія необходимыхъ матеріаловъ и запасовъ, о возможной экономіи въ расходахъ, о надзорѣ за содержаніемъ въ чистотѣ, порядкѣ и безопасности университетскихъ зданій и помѣщеній и т. п., и обратимъ наше вниманіе на третью и наиболѣе интересную для насъ сторону директорской дѣятельности—направленную къ попеченіямъ относительно нравственнаго образованія университетской молодежи. Здѣсь инструкція директору на первый планъ выдвигаетъ вопросъ о цѣляхъ правительства въ образованіи студентовъ и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, путемъ которыхъ цѣль эта должна быть преслѣдуема:

„Цѣль правительства въ образованіи студентовъ состоитъ въ воспитаніи вѣрныхъ сыновъ православной церкви, вѣрныхъ подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству,—гласитъ первый параграфъ третьяго отдѣла интересующаго насъ акта.—Слѣдовательно, нравственному воспитанію предлежитъ объять и воздѣлать волю воспитанниковъ, ихъ совѣсть, нравы и наружное обращеніе.

Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть—покорность. Посему послушаніе есть важнѣйшая добродѣтель юности: въ молодости только, упражненіемъ покорности, получаетъ воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается и для благосостоянія общественнаго столь необходима. Посему обязанность директора есть непремѣнно наблюдать, что бы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ; что бы воспитанники университета постоянно видѣли вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія со стороны учителей и надзирателей и что бы малѣйшее нарушеніе онаго всегда было наказываемо, не взирая на званія лицъ (§ 2)“.

„Но какъ одна религія связываетъ обязанности съ волею....... то директоръ обязанъ главнѣйше наблюдать, подъ строжайшею личною отвѣтственностью и всѣми способами власти, ему даруемой, что бы воспитанникамъ университета внушено было почтеніе и любовь къ святому евангельскому ученію. Для сего обязанъ онъ наблюдать:

а) Что бы духъ вольнодумства ни открыто, ни скрыто не могъ ослаблять ученія церкви въ преподаваніи наукъ философскихъ, историческихъ или литературы. Директоръ обязанъ имѣть достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о духѣ университетскихъ преподавателей, часто присутствовать на ихъ лекціяхъ, повременамъ разсматривать тетради студентовъ, наблюдать, что бы не прошло что нибудь вредное въ цензурѣ и блюсти внимательно, что бы всѣ чи-

новники университета, каждый по вѣроисповѣданію своему, исполняли свои обязанности въ разсужденіи обычнаго посѣщенія храмовъ и употребленія таинствъ.

б) Что бы ни подъ какимъ видомъ не были распространяемы въ университетѣ вредныя либо соблазнительныя чтенія или бесѣды.

в) Что бы студенты ежедневно отправляли въ положенное время должныя молитвы, вмѣстѣ и въ присутствіи инспектора, что бы въ дни воскресные и важнѣйшихъ праздниковъ ходили они съ инспекторомъ къ божественной литургіи и занимались, между забавъ и отдохновенія, какимъ либо полезнымъ и приличнымъ празднику чтеніемъ, хотя одинъ часъ, безъ принужденія.

г) Что бы, мало по малу, инспекторъ пріучалъ ихъ къ дѣламъ милосердія небольшими, по состоянію каждаго, милостынями, посѣщеніемъ больныхъ товарищей въ праздничные дни и т. п.

д) Что бы студенты, отличающіеся христіанскими добродѣтелями, были предпочитаемы всѣмъ прочимъ. Начальство университета пріемлетъ ихъ подъ особенное покровительство по службѣ и доставитъ имъ всѣ возможныя по оной преимущества.

е) Впрочемъ, какіе бы успѣхи ни оказывали воспитанники въ наукахъ, медали, отличившимся назначаемыя, не могутъ быть даны, ежели директоръ университета не одобритъ ихъ поведенія (§ 3)".

Успѣхи нравственнаго образованія молодежи инструкція ставитъ въ связь съ тщательнымъ подборомъ ея руководителей и строгимъ надзоромъ за жизнью студентовъ:

„Выборъ честныхъ и богобоязливыхъ надзирателей, которые бы жили и непрестанно находились въ комнатахъ студентовъ; недопускъ къ нимъ постороннихъ посѣтителей и гостей; надзоръ за увольненіемъ ихъ къ людямъ надежнымъ; сообщеніе съ полиціею, для узнанія поведенія ихъ внѣ университета; запрещеніе вредныхъ чтеній и разговоровъ—суть способы къ огражденію нравственной ихъ чистоты (§ 4)".

„Обезпечивъ всѣми возможными средствами чистоту нравственную, директоръ обязанъ стараться, что бы нравы воспитанниковъ были, вмѣстѣ, кротки и любезны въ общежительствѣ. Для сего долженъ онъ наблюсти, что бы не были терпимы между ими ни ложь, ни злословіе, ни распри и споры, ниже слова порицательныя и грубыя..... дабы доброе и благородное обращеніе студентовъ украшало ихъ благонравіе, что бъ они во всякомъ положеніи были скромны и учтивы, что бы самая наружность и выраженіе ихъ были пріятны и благоприличны (§§ 7 и 8)".

Контролирующая компетенція директора распространяется инструкціею не на однихъ только учащихся:

„Само собою разумѣется,—читаемъ здѣсь,—что все, сказанное о нравственности студентовъ, относится въ строжайшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ ко всѣмъ наставникамъ и преподавателямъ ихъ: что требуется отъ воспитанниковъ, то предполагается въ воспитателяхъ. Надзоръ директора на всѣхъ ихъ равно по сему предмету простирается.... Ежели бы замѣтилъ онъ въ управленіи, ему ввѣренномъ, людей съ сей стороны неблагонадежныхъ, равно какъ и студентовъ, то можетъ представить о ихъ удаленіи (§§ 9 и 11)".

Мы привели существеннѣйшія черты инструкціи директору, касающіяся его наблюденія за нравственнымъ строемъ университетской жизни и распространяющія его компетенцію въ этомъ направленіи, до права представленія къ удаленію включительно, не только на учащихся, но даже на наставниковъ и преподавателей университета. Инструкція даетъ директору право вмѣшательства въ сферу преподаванія, хотя бы только съ точки зрѣнія наблюденія за его „духомъ" и направленіемъ—а на этой почвѣ сама собою создавалась неизбѣжность конфликтовъ между властями директорскою и ректорскою и вторженій директора въ чисто учебную сферу жизни университета, оставленную за ректоромъ, совѣтомъ и факультетами. Можно безъ преувеличенія сказать, что директорскій институтъ вносилъ въ жизнь университета начало неограниченной диктатуры, подъ давленіемъ которой обращались въ ничто всѣ автономныя права, гарантированныя университету все еще не утратившими силу дѣйствующаго закона утвердительною грамотою и уставомъ 5-го ноября 1804 года.

Инструкція ректору университета, представляющая собою второй продукъ организаціоннаго творчества попечителя казанскаго учебнаго округа и непосредственно примыкающая къ инструкціи директору, имѣетъ своею задачею установить общее направленіе университетскаго преподаванія—въ духѣ „благочестія и согласно съ актомъ священнаго союза", какъ выразился Магницкій въ своемъ представленіи министру.

Установивъ понятіе и цѣль университета, въ качествѣ „соединенія людей, изученныхъ всѣмъ главнѣйшимъ человѣческимъ наукамъ" и преслѣдующихъ задачи движенія впередъ и усовершенствованія знаній, „образованія ученыхъ людей, добрыхъ учителей, просвѣщенныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ", а также „управленія просвѣщеніемъ ввѣреннаго округа и распространеніемъ онаго",—инструкція тутъ же спѣшитъ оговориться на счетъ знанія и воспитанія, какихъ ожидаетъ она отъ университета:

„Всего важнѣе,—читаемъ здѣсь,—для правительства, что бы воспитаніе народа стояло на твердомъ основаніи христіанской религіи, что бы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства—не проникнулъ въ тѣ священныя убѣжища, гдѣ воспитаніемъ настоящаго юношества обезпечиться должно счастіе будущихъ поколѣній. Слѣдовательно, университетъ никогда не долженъ терять изъ вида, что самое существованіе его почитается нужнымъ единственно на семъ условіи.

Посему ректоръ, какъ довѣреннѣйшій изъ ученыхъ чиновниковъ, подъ личною отвѣтственностью блюсти долженъ:

а) Что бы преподаватели университета разныхъ званій имѣли добрую нравственность и приличное всякому христіанину благочестіе.

б) Что бы духъ преподаванія ихъ не былъ противенъ вышеизъясненной цѣли.

в) Что бы общественное ихъ поведеніе было во всемъ прилично важному ихъ званію.

г) Что бы они убѣждены были, что призваны не для продажи собственныхъ познаній за извѣстную мѣру корысти, но.... что бы видѣли въ себѣ людей, работающихъ во славу Божію, для спасенія ввѣренныхъ имъ душъ, для пользы отечества и просвѣщенія, для славы ихъ сословія и для собственной чести.

О малѣйшемъ устраненіи отъ сихъ правилъ имѣетъ ректоръ, въ избѣжаніе личной отвѣтственности, доносить своему начальству (§§ 2 и 3)“.

Оговорившись еще разъ въ томъ смыслѣ, что „въ преподаваніи всѣхъ наукъ долженъ быть одинъ духъ святаго евангелія“, инструкція дѣлаетъ попытку во-очію показать приложеніе этого начала къ отдѣльнымъ наукамъ, для этой цѣли расположивъ ихъ въ порядкѣ послѣдовательности факультетовъ. Это, несомнѣнно, самая любопытная и существенная часть содержанія обѣихъ инструкцій, наглядно и уже безъ обиняковъ свидѣтельствующая намъ о томъ духѣ и о томъ направленіи, какія требовалъ Магницкій отъ представителей отдѣльныхъ отраслей знанія. Магницкій начинаетъ изложеніе этихъ руководящихъ указаній съ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ и, представивъ нѣсколько соображеній относительно постановки преподаванія богословія, обращается къ философіи,—этой, по его воззрѣнію, опаснѣйшей изъ отраслей знанія:

„Для избѣжанія смѣшенія идей..... профессоръ философіи обязанъ привести ихъ къ одному началу и показать, что условная истина, служащая предметомъ умозрительной философіи, могла замѣнять истину христіанства до пришествія Спасителя міра, нынѣ же въ вос-

питаніе допускается какъ полезное токмо упражненіе разума, для изощренія силъ его къ принятію прочихъ наукъ человѣческихъ, на философскихъ началахъ основанныхъ.

По симъ заключеніямъ, профессоръ искать будетъ основательнѣйшаго философскаго ученія въ Платонѣ и славнѣйшихъ его послѣдователяхъ, указавъ, по руководству извѣстной рѣчи Боссюета, какъ сей славный философъ древности въ сумракѣ свѣта естественнаго—видѣлъ уже дѣйствительность человѣческаго паденія и необходимость искупленія. Съ крайняго предѣла сей высочайшей философіи легко указать ему будетъ, что тамъ, гдѣ чистѣйшій разумъ человѣческій, удивленіе многихъ вѣковъ, изнемогаетъ и падаетъ—начинается заря Вѣры и, такимъ образомъ, по невозможности соединить мудрованіе человѣческое съ премудростію Божіею, по крайней мѣрѣ не будетъ отвергаема первымъ послѣдняя".

Инструкція требуетъ, что бы профессоръ философіи „всегда имѣлъ въ памяти и устахъ слѣдующія слова о философіи того святого учителя языковъ, который самъ, будучи изученъ мудрости человѣческой, попралъ ее въ буйствѣ Креста". Рѣчь идетъ здѣсь объ извѣстныхъ текстахъ изъ посланій св. апостола Павла, тутъ же инструкціею и выписываемыхъ:

„Блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ (Колосс. II, 8)".

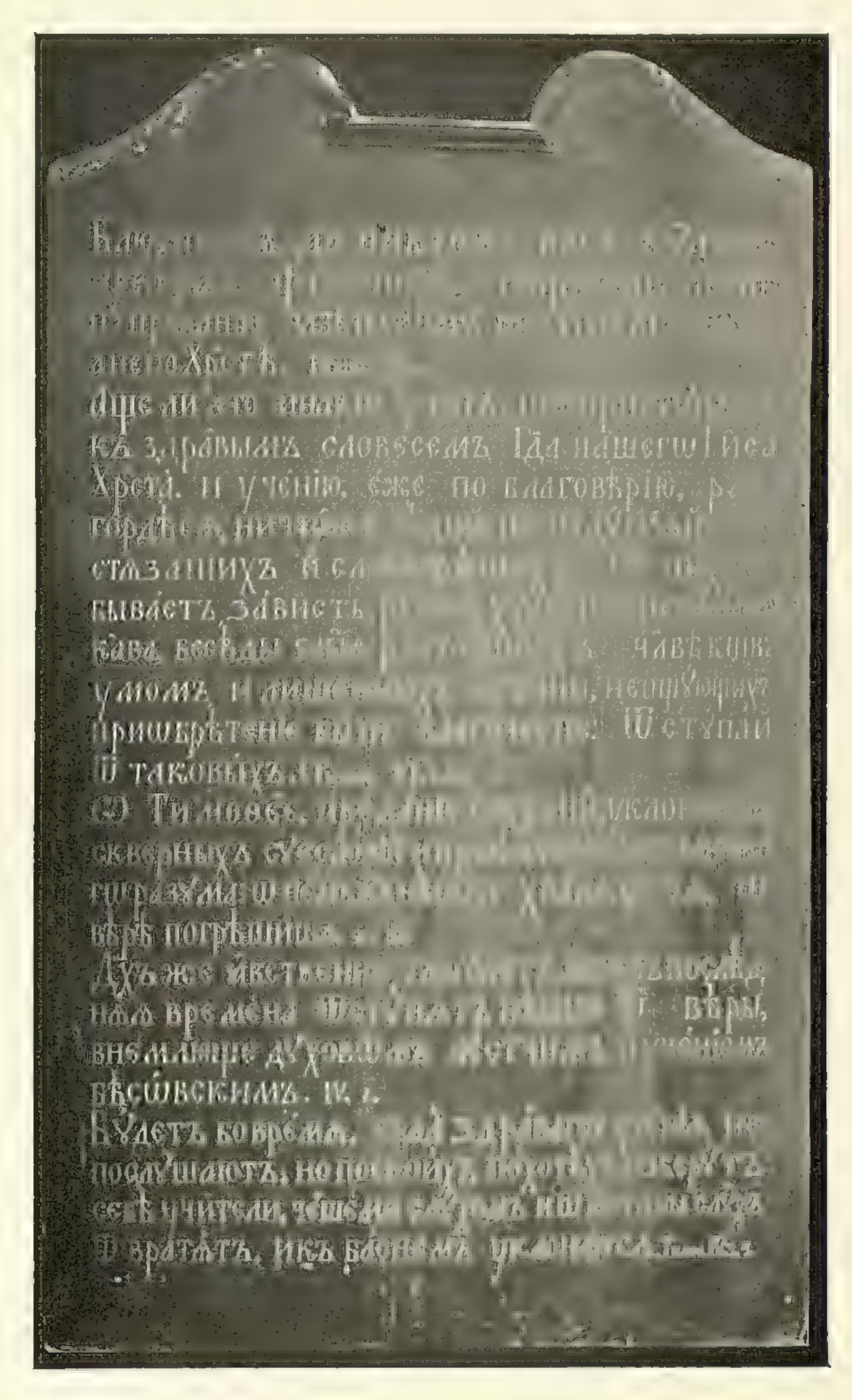
„Аще ли кто инако учитъ и не приступаетъ къ здравымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа и ученію, еже по благовѣрію, разгордѣся ничто же вѣдый, но недугуяй о стязаніихъ и словопреніихъ лжеименнаго разума, отъ нихъ же бываетъ зависть, рвеніе, хулы, непщеванія лукава, бесѣды злыя растлѣнныхъ человѣковъ умомъ и лишенныхъ истины, непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе: отступай отъ таковыхъ (Тим. I, VI, ст. 3, 4 и 50)".

„О Тимоѳее, преданіе сохрани, уклоняяся скверныхъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума, о немъ же нѣцыи хвалящеся, о вѣрѣ погрѣшиша (Тим. II, гл. 6, ст. 20)".

„Духъ же явственне глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ (Тим. I, гл. 4, ст. 1)".

„Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотѣхъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ: и отъ истины слухъ отвратятъ и къ баснемъ уклонятся (Тим. II, гл. 4, ст. 3 и 4)".

Магницкій выразилъ въ самой инструкціи пожеланіе—„златыми буквами слова сіи да начертаются надъ кафедрою философіи". Пожеланіе это

СКРИЖАЛЬ, ВОДРУЖЕННАЯ ПРИ МАГНИЦКОМЪ НАДЪ КАФЕДРОЮ ФИЛОСОФІИ.

было исполнено университетскими властями съ буквальною точностью: только что выписанные тексты были золотыми буквами начертаны на черной доскѣ въ формѣ скрижали, которая и была водружена надъ кафедрою профессора философіи. Мы воспроизводимъ снимокъ съ этой исторической доски, счастливою случайностью пережившей паденіе Магницкаго и въ наши дни хранящейся въ университетскомъ музеѣ отечествовѣдѣнія.

Инструкція переходитъ, далѣе, къ обзору порядка преподаванія наукъ собственно—политическихъ. Выразивъ здѣсь мысль о необходимости соединенія въ одно цѣлое трехъ кафедръ интересующаго насъ отдѣленія (что, слѣдомъ затѣмъ, какъ ниже увидимъ, и осуществилось), Магницкій слѣдующимъ образомъ излагаетъ свои требованія въ области преподаванія этихъ наукъ:

„Благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое—есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ; что священная власть монарховъ, въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны—нисходитъ отъ Бога, и законодательство, въ семъ порядкѣ установляемое—есть выраженіе воли Вышняго. Почему одинъ изъ древнихъ христіанскихъ мудрецовъ почтеніе и покорность, государямъ принадлежащія, называетъ—религіею втораго величества.

Нравственность сей науки должна быть чиста, почему преподаватель обязанъ съ отвращеніемъ указать на правила Махіавеля и Гобса. Онъ долженъ изъяснить, что цѣль гражданства не есть пожертвовать счастіемъ всѣхъ одному или возвысить токмо одинъ классъ на счетъ всѣхъ прочихъ, но что, согласно съ мыслями Платона и Аристотеля, предметъ онаго есть сдѣлать людей, въ обществѣ живущихъ, сколь можно счастливѣе, доставя каждому личную безопасность, спокойное обладаніе имуществомъ, здравіе, свободу мысли (sic!), прямоту сердца и справедливость; что для полученія сихъ благъ необходимы взаимныя жертвы *. Потомъ, восходя выше Платона и Аристотеля, преподаватель покажетъ источникъ сихъ началъ въ Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, въ пророкахъ и апостолахъ или, лучше, въ самомъ верховномъ Законодателѣ—и сею священною печатью запечатлѣетъ истину своихъ уроковъ“.

Въ болѣе краткой, но за то и въ болѣе категорической формѣ указывается направленіе наукъ по отдѣленію физико-математическому:

---

* Мысли довольно смѣлыя при условіяхъ соціально-сословнаго строя временъ Магницкаго и съ точки зрѣнія другихъ воззрѣній автора этихъ словъ!

„Профессоръ теоретической и опытной физики обязанъ во все продолженіе курса своего указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ".

„Профессоръ естественной исторіи покажетъ, что обширное царство природы, какъ ни представляется оно премудро и въ своемъ цѣломъ для насъ непостижимо—есть только слабый отпечатокъ того высшаго порядка, къ которому, послѣ кратковременной жизни, мы предопредѣлены".

„Профессоръ астрономіи укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тѣлъ небесныхъ, откровенные роду человѣческому въ отдаленнѣйшей древности".

Не касаясь другихъ дисциплинъ физико-математическаго знанія, инструкція переходитъ къ наукамъ отдѣленія врачебнаго, обрисовывая ихъ направленіе въ уже совершенно обобщенномъ изложеніи:

„Профессоры сего факультета должны принять всѣ возможныя мѣры, дабы отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный матеріализмъ именно отъ того, что наиболѣе премудрость Творца открываетъ.

Студенты должны быть предостережены на счетъ сего ужаснаго заблужденія указаніемъ тѣхъ знатнѣйшихъ авторовъ, кои ему не подвержены.

Имъ должно внушено быть, что святое писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ; что вольнодумствующій врачъ никогда не выйдетъ изъ предѣла физическихъ явленій; что искусство врачеванія, безъ духа христіанской любви и милосердія—есть ремесло, само по себѣ, особливо когда отправляется для одной корысти, столь же низкое, сколь высока и почтенна медицина, на пользу человѣчества обращаемая и высшимъ свѣтомъ озаренная".

Съ большою подробностью останавливается авторъ инструкціи на порядкѣ и направленіи въ преподаваніи наукъ по словесному отдѣленію. Мы считаемъ возможнымъ ограничиться возстановленіемъ лишь нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ здѣсь Магницкимъ. Прежде всего—относительно преподаванія отечественной словесности:

„Профессоръ россійской словесности долженъ сколько можно менѣе останавливаться на мертвыхъ правилахъ риторики, но обязанъ болѣе

научать упражненіямъ; красоты языка славянскаго и критическій разборъ священныхъ писателей—должны быть главнымъ его занятіемъ.

Величайшіе образцы всѣхъ благороднѣйшихъ родовъ истиннаго краснорѣчія покажетъ онъ въ Библіи и докажетъ, сравненіемъ съ нею лучшихъ авторовъ древнихъ, ея надъ всѣми ими превосходство"....

„Онъ разберетъ образцовыя творенія Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера и укажетъ превосходство ихъ надъ прочими въ подражаніи древнему вкусу; покажетъ также и легкій родъ современныхъ стихотворцевъ, превосходныхъ выработанностью языка, но не сравнившихся еще съ первыми въ выборѣ предметовъ и изяществѣ вкуса. Онъ предостережетъ особенно своихъ слушателей отъ увлеченія въ новизны моднаго слога и потому все то, что введено въ языкъ произволомъ и смѣлостью—отвергнетъ, какъ не классическое и недостойное подражанія".

Любопытны соображенія относительно порядка преподаванія древнихъ языковъ, которое, не преслѣдуя задачи доведенія слушателей „до такого совершенства, что бы они могли сочинять трудныя ораторскія рѣчи или стихи", должно лишь дать имъ возможность свободно читать и понимать классическихъ авторовъ. Магницкій воздерживаетъ, впрочемъ, преподавателей отъ излишняго увлеченія этою послѣднею задачею:

„Показывая красоты языческихъ писателей,—поучаетъ онъ,—преподаватель обязанъ въ то же время показать и превосходство тѣхъ святыхъ мужей, коихъ вольнодумство вѣка нашего, не взирая на отличный геній ихъ, исключило изъ образцовыхъ потому только, что они—христіане и святые, какъ, напримѣръ: Іоаннъ Златоустъ, Григорій Назіанзинъ, святые Василій и Аѳанасій.

Онъ обязанъ, показывая нужную часть археологіи для разбора древнихъ языческихъ авторовъ, преподать гораздо обширнѣе древности христіанскія, кои для чтенія писаній святыхъ мужей необходимы".

Осторожность рекомендуется инструкціею и въ дѣлѣ преподаванія восточныхъ языковъ:

„Преподаватель не имѣетъ нужды вдаваться излишне во все, что собственно принадлежитъ къ ихъ (т. е. восточныхъ народовъ) религіи, къ преданіямъ Магомета и первыхъ учениковъ его, къ баснословію святыхъ ихъ мужей, къ ихъ молитвамъ, очищеніямъ, постамъ, къ ихъ схоластическому богословію и разнымъ ученіямъ ихъ сектъ, произшедшихъ отъ разномыслія о свойствахъ Божіихъ, о предопредѣленіи, судѣ, и родословію ихъ лжепророка....

Предостерегать долженъ профессоръ слушателей и отъ увлеченія арабскою наукою и поэзіею:

„Все сіе представитъ профессоръ съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы открыть слушателямъ своимъ, что въ арабской мудрости нѣтъ ничего особеннаго, что она почерпнута отъ грековъ и есть ничто иное, какъ философія Аристотеля, пламеннымъ ихъ воображеніемъ искаженная.

Онъ, вообще, ограничится преподаваніемъ языковъ арабскаго и персидскаго въ томъ единственномъ отношеніи, въ которомъ они по торговымъ и политическимъ связямъ для Россіи могутъ быть полезны".

Крайне серьезное значеніе придается инструкціею направленію въ преподаваніи всеобщей исторіи, въ области котораго взгляды Магницкаго отмѣчены особенною тенденціозностью:

„Въ преподаваніи исторіи не долженъ профессоръ вдаваться въ излишнія подробности баснословія отдаленнѣйшихъ временъ, всегда ложнаго и безполезнаго.

Послѣ исторіи священной, займется онъ чтеніемъ, древнѣйшей всѣхъ прочихъ, Геродота, и въ писателяхъ греческихъ и римскихъ, до Рождества Спасителя писавшихъ, покажетъ, что древнѣе основанія Рима нѣтъ ничего положительно достовѣрнаго.

Отъ Рождества Христова займетъ онъ слушателей своихъ преимущественно древностями христіанскими, дабы показать, что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно высочайшей степени и многія, совершенно имъ неизвѣстныя.

Онъ изъяснитъ, по достовѣрнѣйшимъ источникамъ, мудрость и твердость мучениковъ, терпѣніе и ангельскую чистоту отшельниковъ и, наконецъ, покажетъ, что были истинные христіане и святые посреди дѣлъ государственныхъ, на престолѣ царей, въ ихъ совѣтахъ и полкахъ.

Онъ покажетъ, что первые вѣка христіанства наиболѣе обиловали великими и святыми мужами, что нѣтъ примѣра ни въ одной изъ языческихъ исторій временамъ гоненій на христіанъ, гдѣ противоположить можно каждому языческому герою—полки героевъ христіанскихъ разнаго пола и возраста. Посему изъяснитъ онъ подробно нравы христіанъ первыхъ вѣковъ и образъ ихъ жизни. Онъ покажетъ, что все то, что въ языческой исторіи называется великостью и добродѣтелью—есть токмо высочайшая степень гордости человѣческой и ничто предъ величіемъ христіанскимъ.

Засимъ, подступая къ упадку и разрушенію римской имперіи, покажетъ онъ, какъ тщетны и ничтожны предъ Богомъ величіе имперій и ихъ могущество. Онъ укажетъ, какъ дикіе народы, орудіе руки

Божіей, наказали гордый Римъ за неистовства и ужасы, имъ содѣянные. Покажетъ вѣки тьмы и варварства, послѣ коихъ христіане возстановили науки и просвѣщеніе, спасенныя въ ихъ скромныхъ убѣжищахъ.

Пройдя кратко исторію новѣйшихъ временъ, заключитъ профессоръ курсъ всеобщей исторіи философскимъ взглядомъ на важнѣйшія ея эпохи по руководству извѣстной рѣчи Боссюета и духа исторіи Ферранда".

Послѣднія соображенія Магницкаго касаются способа преподаванія русской исторіи:

„Профессоръ исторіи россійской преподастъ ее во всей нужной подробности. Онъ покажетъ, что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства и докажетъ сіе распоряженіями по части учебной и духовною Владиміра Мономаха, показавъ въ тоже время положеніе другихъ европейскихъ государствъ въ семъ отношеніи.

Онъ распространится о славѣ, которою отечество наше обязано августѣйшему дому Романовыхъ, такъ какъ и о добродѣтеляхъ и патріотизмѣ его родоначальника".

Магницкій заключаетъ составленную имъ инструкцію ректору увѣренностью въ томъ, что казанскій университетъ, „устремивъ, такимъ образомъ, всѣ науки къ единой цѣли и связавъ ихъ единымъ духомъ—будетъ почтеннымъ сословіемъ истиннаго образованія и, подавъ примѣръ полезнѣйшаго учебнаго заведенія, пріобрѣтетъ отличное покровительство правительства, благодарность отечества, уваженіе иноземныхъ народовъ и славу въ исторіи" [175].

Инструкціи директору и ректору казанскаго университета получили высочайшее утвержденіе, какъ мы это уже знаемъ, 17-го января 1820 года. Препровожденныя въ копіяхъ, каждая по принадлежности, директору и ректору университета при попечительскихъ предложеніяхъ отъ 23-го января, онѣ были сопровождены указаніями, что „до утвержденія перемѣняемыхъ статей устава обязаны вы (т. е. и директоръ и ректоръ, каждый въ предѣлахъ своей компетенціи) соглашать оный съ данною вамъ инструкціею, пріемля въ основаніе послѣднюю". Попечительское предписаніе принципіально разъясняло, такимъ образомъ, что, въ случаяхъ конфликта между опредѣленіями устава 5-го ноября 1804 года и инструкціями 17 января 1820 года—рѣшающее значеніе должно быть признано за опредѣленіями этихъ послѣднихъ актовъ. Ректорская инструкція была заслушана въ засѣданіи

совѣта 11-го февраля и тогда же состоялись, по всѣмъ отдѣльнымъ статьямъ, постановленія относительно принятія ея къ исполненію, знакомыя же намъ сентенціи Магницкаго относительно преподаванія отдѣльныхъ наукъ были, въ формѣ выписокъ, сообщены къ руководству представителямъ соотвѣтствующихъ кафедръ.

Разгромивъ несчастный, едва лишь начинавшій твердо вставать на ноги, юный университетъ, Магницкій наивно воображалъ, что имъ положено твердое основаніе его „обновленію"—какъ постоянно самъ называлъ онъ насильственный переворотъ, совершенный имъ въ строѣ и въ жизни казанскаго университета. Казанскіе клевреты попечителя фарисейски поддерживали его въ этомъ убѣжденіи и сочли даже своевременнымъ торжественнымъ публичнымъ актомъ отпраздновать дарованіе университету инструкцій 17-го января 1820 года, избравъ для этого демонстративнаго чествованія день 29-го февраля.

Описаніе торжественнаго университетскаго собранія 29-го февраля 1820 года дошло до насъ какъ въ печатномъ, такъ и въ рукописномъ видѣ. Собраніе это было обставлено съ большою помпою; къ нему были привлечены, кромѣ профессоровъ и студентовъ университета, преподаватели и воспитанники казанскихъ гимназій и главнаго народнаго училища.

Послѣ молебствія съ водосвятіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія, отслуженнаго въ залѣ университета ректоромъ духовной семинаріи и университетскимъ преподавателемъ богословія, архимандритомъ Ѳеофаномъ, торжественно прочтены были инструкціи директору и ректору университета, послѣ чего ректоромъ университета Солнцевымъ произнесено на латинскомъ языкѣ привѣтствіе профессорамъ и студентамъ университета, въ которомъ „изложено было вкратцѣ попеченіе правительства объ утвержденіи просвѣщенія юношества на незыблемомъ основаніи христіанскія вѣры и то, кому обязанъ казанскій университетъ сими важнѣйшими событіями". Далѣеордин. профессоромъ В. М. Перевощиковымъ сказана была на русскомъ языкѣ рѣчь: „О взаимномъ отношеніи наукъ и христіанской религіи", а въ заключеніе директоромъ университета А. П. Владимірскимъ произнесено было на русскомъ же языкѣ весьма витіеватое „нравственное привѣтствіе", написанное, конечно, вполнѣ въ духѣ „обновительной" дѣятельности Магницкаго. Въ томъ же собраніи университетской корпораціи состоялись слѣдующія постановленія:

1) Повергнуть къ стопамъ его императорскаго величества, черезъ министра народнаго просвѣщенія, всеподданнѣйшую благодарность за попеченія о преуспѣяніи казанскаго университета.

2) Принести глубочайшую благодарность г. министру народнаго просвѣщенія „за особенное его попеченіе объ устроеніи просвѣщенія на основаніяхъ христіанскаго благочестія" и за особенную милость „къ возобновленію казанскаго университета", и просить его принять званіе почетнаго члена университета.

3) Принести „живѣйшую благодарность попечителю учебнаго округа, его превосходительству Михаилу Леонтьевичу Магницкому, за неусыпное и истинное его попеченіе о благѣ и пользахъ университета" и просить его также принять на себя званіе почетнаго члена этого послѣдняго.

4) Ежегодно 17 января (день утвержденія инструкцій) праздновать публичнымъ собраніемъ „память обновленія казанскаго университета и новаго его устроенія".

5) „Достопамятныя происшествія сіи для блага казанскаго университета внесть въ исторію онаго",—въ видѣ торжественнаго протокола, подписаннаго всѣми членами совѣта.

Самый „актъ обновленія университета" посланъ былъ къ попечителю въ Петербургъ. Въ отвѣтномъ предложеніи Магницкаго на имя директора университета (отъ 11 мая) попечитель писалъ:

„Съ искреннѣйшею радостью получилъ я актъ университета о достопамятномъ торжественномъ собраніи по случаю его обновленія. Слава показавшему намъ Свѣтъ! Да просіяетъ онъ отъ хижины камчадала до бреговъ Аракса! Да обратятся въ живыя церкви Христовы священные разсадники юношества, кои прежде лжемудріе вѣка сего храмами богинь именовало!....

Сими искренними пожеланіями привѣтствую почтенное сословіе обновленнаго университета и за честь себѣ поставляю принять наименованіе почетнаго его члена.

Благодарю васъ за неусыпные труды, коими, въ краткое время вашего управленія, въ университетѣ истребили вы бывшія неустройства, ввели порядокъ, сохранили выгоды казны, водворили новый духъ, приблизивъ публичное воспитаніе къ отеческому и положили тѣмъ прочное основаніе совершенному преобразованію университета. Да поможетъ вамъ Господь преходить сіе истинное Ему служеніе съ надеждою на Него!....

Особенную объявляю благодарность ближайшему и усерднѣйшему помощнику вашему, г. инспектору Барсову, и дѣятельному сотруднику въ правленіи, г. профессору Никольскому.

Благодарю всѣхъ прочихъ членовъ университета, вамъ содѣйствующихъ, и призываю ихъ стремиться съ постояннымъ усердіемъ къ поставленной намъ цѣли, которая иначе достигнута быть не можетъ, какъ соединеніемъ всѣхъ усилій въ искреннемъ другъ другу содѣйствіи.

Объемлю, какъ отецъ дѣтей своихъ, добрыхъ воспитанниковъ университета, пріявшихъ благодѣтельное о нихъ попеченіе поставленнаго отъ Бога (sic!) начальства съ сыновнею любовію и покорностью. Богъ силъ да обратится, да призритъ съ Небесе, и видитъ и посѣтитъ виноградъ сей!"....

Торжество обновленія казанскаго университета нашло себѣ откликъ и въ мѣстной прессѣ, въ лицѣ университетской газеты „Казанскія Извѣстія", на столбцахъ которой, слѣдомъ за описаніемъ всѣхъ событій, связанныхъ съ чествованіемъ 29-го февраля, мы читаемъ слѣдующія редакціонныя строки: „Такимъ образомъ, преобразованный казанскій университетъ, съ благословеніемъ Божіимъ, началъ новую эпоху бытія своего. Просвѣщеніе обширнѣйшаго округа, отъ Камчатки до Персіи простирающагося, поставлено на святомъ и незыблемомъ основаніи вѣры Христовой. Слава сему божественному Просвѣтителю нашему! Хвала и глубочайшая благодарность благочестивому Его Помазаннику! Честь и благодареніе христолюбивому министру истиннаго просвѣщенія, вѣрному исполнителю священныхъ намѣреній Его Величества!"....

Нечего и говорить, конечно, о томъ, что всѣ постановленія университетскаго совѣта, состоявшіяся 29-го февраля, получили осуществленіе: всеподданнѣйшая благодарность совѣта была повергнута министромъ къ стопамъ государя императора; министръ народнаго просвѣщенія и попечитель округа приняли званія почетныхъ членовъ университета, причемъ князь Голицинъ изъявилъ даже согласіе на постановку въ университетѣ его портрета, заботы объ изготовленіи котораго принялъ на себя самъ Магницкій; разрѣшено было и ежегодное, въ день 17-го января (что и соблюдалось въ годы попечительства Магницкаго), торжественное чествованіе годовщины обновленія университета. Согласно представленію попечителя, всемилостивѣйшими наградами удостоены ближайшіе сотрудники Магницкаго по обновленію казанскаго университета—директоръ Владимірскій и инспекторъ Барсовъ; первый произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника, второй получилъ орденъ св. Владиміра четвертой степени,—награды весьма значительныя въ виду кратковременной, всего трехмѣсячной службы обоихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія [176].

Невольно бросается въ глаза игнорированіе Магницкимъ во всемъ этомъ дѣлѣ личности ректора Г. И. Солнцева, сказавшееся въ томъ, что этотъ представитель университетской коллегіи, хотя представитель и назначенный, не только не былъ предложенъ попечителемъ къ награжденію, но не удостоился даже и личной благодарности его, какой были удостоены директоръ и инспекторъ въ попечительскомъ предложеніи отъ 11-го мая. Дѣло въ томъ, что въ ту пору уже зарождались между попечителемъ и ректоромъ недоразумѣнія, открыто проявившіяся въ концѣ лѣта 1820 года и которыя уже въ скоромъ времени должны были привести къ одному изъ самыхъ возмутительныхъ эпизодовъ эпохи попечительства Магницкаго—къ университетскому суду надъ профессоромъ Солнцевымъ....

Магницкій торжествовалъ. Совершенное имъ „обновленіе" казанскаго университета возводило его, въ его собственныхъ глазахъ, на пьедесталъ спасителя вѣры, отечества и отечественнаго просвѣщенія. Къ укорененію въ немъ этого сознанія не мало поспособствовалъ и пришибленный совѣтъ университета, преподнесшій своему принципалу дипломъ на званіе почетнаго члена, способный превзойти всѣ представленія о низменномъ раболѣпствѣ и угодливомъ фарисействѣ. Этотъ дипломъ настолько характеренъ и настолько полонъ интереса, что мы считаемъ необходимымъ воспроизвести его здѣсь въ подлинномъ видѣ:

„Подъ Высочайшимъ покровительствомъ
Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Великаго Государя
Императора и Самодержца Всероссійскаго
Александра Перваго
Совѣтъ
Императорскаго Казанскаго Университета.

Во свидѣтельство достодолжнаго уваженія къ благопоспѣшному содѣйствію видимому Ангелу-Хранителю (!) Церкви Россійскія Г. Министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ распространеніи Свѣта и Царствія Христова; въ изъявленіе своего благоговѣнія къ достойному подражанія милосердію, являемому на страждущихъ членахъ человѣчества, меньшей братіи Господа нашего Іисуса Христа, и къ глубокому во всѣхъ дѣлахъ открывающемуся чувству Евангельскаго смиренія (!); въ знакъ искренней своей признательности за отеческія попеченія въ преобразованіи и возсозданіи клонившагося уже къ паденію и вновь поставленнаго на краеугольномъ камени Христа сего святилища наукъ; въ ознаменованіе духовной радости своей о

засвидѣтельствованной ревности словомъ и дѣломъ, писаніемъ и духомъ, властію и любовью, какъ въ сѣяніи спасительныхъ сѣмянъ живыя Вѣры и дѣятельнаго благочестія въ сопричисленныхъ казанскому кругу (sic) разсадникахъ просвѣщенія, такъ и въ исторженіи плевелъ, насаждаемыхъ и питаемыхъ суемудріемъ; наконецъ, въ доказательство живѣйшей своей благодарности какъ, вообще, за столь многія и великія милости и щедроты, въ столь краткое время исходатайствованныя отъ Престола на университетъ сей и весь округъ его, такъ, въ особенности, за отеческую любовь къ юнымъ воспитанникамъ университета и гимназіи и за благоволеніе къ пѣстунамъ ихъ— въ чрезвычайномъ собраніи своемъ 29-го февраля 1820 года единогласно избралъ почетнымъ своимъ членомъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника, орденовъ Св. Анны первой и Св. равноапостольнаго князя Владиміра третьей степени кавалера, Попечителя своего

Михаила Леонтьевича Магницкаго,

каковое избраніе, по изъявленіи на оное согласія Его Превосходительства и соизволенія Его Сіятельства г. Министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Университетъ знаменуетъ симъ дипломомъ, утвердивъ его своимъ подписаніемъ и приложеніемъ большой своей печати.

Въ Казани. Въ лѣто отъ рождества Христа Спасителя 1821-ое, отъ возобновленія Университета второе".

Магницкій остался весьма доволенъ редакціею этого замысловатаго диплома, хотя онъ и самъ хорошо понялъ, что казанскіе приспѣшники его, въ своемъ холопскомъ усердіи, перехватили въ немъ, какъ говорится—черезъ край. По крайней мѣрѣ въ благодарственномъ отвѣтѣ своемъ на имя директора университета, черезъ котораго и былъ полученъ имъ дипломъ, онъ писалъ: „Духъ любви, всѣ выраженія сего акта исполняющій, могу принять въ полной мѣрѣ по собственнымъ чувствамъ моимъ ко всему совѣту университета и къ каждому его члену; но что касается до лестныхъ и тою же самою любовью преувеличенныхъ похвалъ, то, ниже надежду могу имѣть когда либо заслужить ихъ, токмо образомъ моего долга почитаю".

Въ возстановленномъ нами текстѣ диплома Магницкому вниманіе читателей должна была остановить на себѣ своеобразная дата „отъ возобновленія университета", фигурирующая здѣсь наряду съ общепринятою христіанскою датою. Эта новая хронологія казанскаго университета, бывшая плодомъ измышленій самого попечителя, практиковалась во всѣхъ торжественныхъ университетахъ дипломахъ и актахъ того времени и только въ 1826 году, уже послѣ паденія Магницкаго, министръ народнаго про-

свѣщенія А. С. Шишковъ запретилъ ее, какъ „неприличную и произвольно введенную". Кромѣ специфическаго лѣтоисчисленія, Магницкій объявилъ возобновленному университету—его эмблемму и девизъ. Эмблеммою университета провозглашенъ „водруженный крестъ, озаряющій принадлежности наукъ", девизомъ—изреченіе: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ правду" *; этотъ девизъ былъ принятъ и для университетскихъ медалей того времени [177].

Введеніе въ дѣйствіе инструкцій директору и ректору было крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ преобразованія казанскаго университета и только съ этого момента Магницкій, самовольно и чисто фактическимъ путемъ отказывавшій ему въ почетномъ наименованіи „императорскаго", началъ, въ своихъ оффиціальныхъ съ нимъ сношеніяхъ, снова употреблять этотъ предикатъ.

Не успѣли, однако, изгладиться впечатлѣнія самодовольныхъ восторговъ, вызванныхъ въ попечителѣ торжествомъ 29-го февраля 1820 года, какъ произошелъ инцидентъ, заставившій Магницкаго нѣсколько разочароваться въ полномъ успѣхѣ произведеннаго имъ скороспѣлаго обновленія университета и прійти къ неутѣшительному для него заключенію, что „лжеименныя мудрованія" еще далеко не искоренены имъ въ казанскомъ университетѣ, что скрытая искра вольнодумства и суемудрія продолжаетъ тлѣть подъ внѣшнею корою обновленія и благочестиваго смиренномудрія..... Это заключеніе послужило поводомъ къ тому, что злосчастному университету уже къ концу „перваго по возобновленію лѣта" его существованія—пришлось еще разъ испытать на себѣ тяжелую руку грознаго попечителя, на этотъ разъ спрятавшаго въ карманъ и „духъ любви", и „евангельское смиреніе", и свои „чувства ко всему университету и къ каждому его члену", о чемъ такъ много, какъ мы видѣли, говорилось по поводу избранія Магницкаго почетнымъ членомъ.

Гроза разразилась на почвѣ обычнаго публичнаго университетскаго акта, въ эпоху попечительства Магницкаго праздновавшагося наряду съ годичными (17-го января) актами обновленія. 5-го іюля

---

*) Эта эмблемма и девизъ нашли себѣ примѣненіе въ устройствѣ университетской церкви, сооруженной, какъ извѣстно, при Магницкомъ. Ихъ идея выражена здѣсь своеобразнымъ иконостасомъ въ формѣ креста, освѣщаемаго сверху таинственнымъ свѣтомъ, изливаемымъ круглымъ стекломъ-иллюминаторомъ, съ выгравированнымъ на немъ изображеніемъ всевидящаго ока.

1820 года университетъ чествовалъ очереднымъ торжественнымъ собраніемъ, подробное описаніе котораго сохранилось въ казанской газетѣ того времени*, шестнадцатую годовщину своего существованія.

Наканунѣ торжества, „чиновники, студенты и слушатели" университета были у всенощной въ ближайшей къ университету Воскресенской церкви, а въ самый день акта „чиновники, студенты и слушатели, также чиновники и воспитанники гимназій, собравшись утромъ въ главномъ университетскомъ залѣ, отправились съ духовникомъ своимъ, протоіереемъ о. Александромъ Нечаевымъ, въ Петропавловскій соборъ, гдѣ, поднявши чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери, сопровождали оный съ преподавателемъ богословія и церковной исторіи въ университетѣ, ректоромъ духовной семинаріи о. архимандритомъ Ѳеофаномъ и съ прочимъ духовенствомъ, въ университетъ, и, по отправленіи въ омомъ молебствія съ водоосвященіемъ, сопроводили сію икону обратно въ помянутый соборъ". Затѣмъ всѣ отправились въ Воскресенскую церковь, гдѣ архим. Ѳеофаномъ соборне отслужена была литургія съ молебствіемъ.

Въ 5 часовъ пополудни въ большомъ университетскомъ залѣ состоялся торжественный актъ, который почтили своимъ присутствіемъ: архіепископъ казанскій и симбирскій Амвросій и другія высшія духовныя особы, гражданскій губернаторъ д. с. с. П. А. Ниловъ, командиръ сибирскаго отдѣльнаго корпуса генер.-лейт. П. М. Капцевичъ, капитанъ-командоръ мѣстнаго адмиралтейства И. Г. Перелешинъ, д. с. с. князь Д. В. Тенишевъ, д. с. с. В. В. Романовскій и другія почетныя особы города.

Послѣ исполненной хоромъ пѣвчихъ кантаты: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра", профессоръ Г. Н. Городчаниновъ произнесъ рѣчь на тему: „О превосходствѣ библейскаго и святыхъ отцовъ краснорѣчія надъ витійствомъ древнихъ свѣтскихъ писателей". Городчаниновъ,—личность, какъ это мы уже знаемъ, весьма типичная въ кругу казанскихъ профессоровъ эпохи, о которой идетъ у насъ рѣчь,—сумѣлъ прекрасно приноровиться къ реформаціоннымъ вѣяніямъ Магницкаго, сдѣлавшись однимъ изъ наиболѣе ярыхъ приспѣшниковъ попечителя-временщика. Только что упомянутая нами актовая рѣчь служитъ тому весьма яркою иллюстраціею: „Какъ земледѣлецъ,—витійствуетъ здѣсь казанскій профессоръ краснорѣчія, — по собраніи благословенныя жатвы, уклоняется подъ сѣнь сладостнаго успокоенія, такъ и мы, дѣлатели сего

* Казанскія Извѣстія, 1820, № 56.

винограда, исходившіе на дѣло и на дѣланіе онаго до вечера, идемъ мало пріопочить по совершеніи годичныхъ трудовъ нашихъ". Профессоръ краснорѣчія переходитъ далѣе къ непосредственному предмету своей рѣчи:

„Сколько издано,—восклицаетъ онъ не безъ дѣланнаго паѳоса,—примѣчаній и толкованій на Гомера и Демосѳена, на Цицерона и Виргилія! Ученые всѣхъ вѣковъ всю славу, всю честь свою поставляли въ удачномъ имъ подражаніи, показывали красоты ихъ, заимствовали изъ нихъ въ доводы разныя изреченія, какъ нѣкіе священные тексты... Но многіе ли употребляли надлежащее вниманіе, таланты и труды свои на открытіе и разборъ неподражаемаго витійства библейскаго? Многіе ли показывали образцы истиннаго краснорѣчія, истинной поэзіи въ святыхъ пророкахъ, Моисеѣ, Давидѣ, въ Исаіи, въ Іереміи?.. Князь тьмы омрачаетъ родъ человѣческій, дабы онъ не видѣлъ истины, но темныя облака предразсудковъ и заблужденій преходятъ—и пресвѣтлый зракъ ея сіяетъ яснѣе солнца!"

Таковъ общій колоритъ и всего остального содержанія рѣчи Городчанинова, пересыпанной текстами изъ священнаго писанія, приводимыми, въ угоду наставшимъ „вѣяніямъ", и кстати и не кстати. „Профессоръ краснорѣчія" договорился въ своей рѣчи даже до утвержденія о томъ, что Гомеръ, въ своихъ поэмахъ, явился лишь робкимъ подражателемъ Моисея. Дальше этого идти было, кажется, уже—некуда *...

Рѣчь проф. Городчанинова была завершена духовною кантатою: „Господи, силою Твоею возвеселится царь", послѣ которой слѣдовала, произнесенная на латинскомъ языкѣ, рѣчь ординарнаго профессора восточныхъ языковъ Эрдмана на тему: „De via ac ratione studiis incumbendi, si commoda quaedam ex iis in nos redundare velimus" **. Далѣе слѣдовалъ концертъ, послѣ котораго исправляющій должность секретаря совѣта, экстраординарный профессоръ Кондыревъ, прочелъ отчетъ по университету и его округу за 1819—1820 учебный годъ, списокъ студентовъ и слушателей „удостоенныхъ награжденія книгами священнаго писанія за благоповеденіе и отличные успѣхи въ христіанскомъ вѣроученіи" и, наконецъ, провозгласилъ имена студентовъ и слушателей, заслужившихъ публичную похвалу. Актъ закончился пѣніемъ славословія: „Тебѣ Бога хвалимъ".

* Рѣчь Городчанинова напечатана въ № 1-мъ «Казанскаго Вѣстника» за 1821 годъ.

** То есть: «О методѣ и средствахъ, которымъ должны слѣдовать знанія, если мы желаемъ имѣть отъ нихъ пользу».

Участники акта, конечно, и не подозрѣвали той грозы, которая разразится надъ казанскимъ университетомъ за этотъ актъ изъ Петербурга, въ видѣ гнѣва со стороны суроваго попечителя. А гроза эта не замедлила нагрянуть. Приготовленный къ печати „актъ императорскаго казанскаго университета 5 іюля 1820 года"—былъ посланъ въ Петербургъ, къ Магницкому, при надлежащемъ представленіи. Въ отвѣтъ на это представленіе, отъ попечителя была получена 8-го октября слѣдующая грозная бумага, датированная 28-мъ сентября и адресованная на имя директора университета Владимірскаго:

„Господину директору императорскаго казанскаго университета.

Получивъ торжественный актъ казанскаго университета въ такомъ жалостномъ видѣ, что ни представить его господину министру, ни дозволить печатать я не могу, опасаясь посмѣянія и стыда университету, я почитаю моею обязанностью изъяснить вамъ, что, по силѣ высочайше утвержденной вамъ инструкціи, необходимо обязаны вы были, не входя въ разсмотрѣніе предметовъ ученыхъ: 1-е) остановить безобразный отчетъ, писанный секретаремъ совѣта и запретить его, какъ наполненный свѣдѣніями ложными, искаженными и весь направленный въ духѣ, несвойственномъ нынѣшнему университету, 2-е) по симъ же причинамъ могли вы остановить и рѣчь профессора Эрдмана.

Предметъ сей былъ бы собственно дѣломъ ректора университета (т. е. проф. Солнцева), но какъ чиновникъ сей вѣроятно не вникнулъ еще въ силу данной ему инструкціи и нынѣ попеченіе сіе оставилъ, въ ожиданіи смѣны; то вамъ надлежало, по особенной довѣренности къ вамъ начальства, вступиться за честь университета.

На будущее время надѣюсь, что вы наблюдете, что бы всѣ сочиненія, долженствующія составить актъ университета, были за мѣсяцъ до онаго въ присутствіи вашемъ разсмотрѣны въ университетскомъ совѣтѣ и прежде акта напечатаны, дабы въ торжественномъ засѣданіи могли уже печатныя быть раздаваемы, какъ то дѣлается въ другихъ университетахъ. Публичное торжество университета относится къ полицейскому, а духъ сочиненій—къ нравственному управленію.

Для свѣдѣнія вашего препровождаю у сего списокъ съ предложенія моего на сей случай совѣту.

Попечитель Казанскаго учебнаго округа М. Магницкій".

На попечительской бумагѣ имѣется, сбоку, слѣдующая помѣта директора Владимірскаго:

„Препроводить къ потребному свѣдѣнію копію съ сего предписанія въ совѣтъ университета; а затѣмъ просить, насколько извѣстно мнѣ, что къ торжеству 17 генваря нѣтъ еще никакихъ пріуготовленій: то

не благоугодно ли будетъ въ первое засѣданіе распорядиться въ разсужденіе означеннаго торжествованія съ тою осторожностію, какая предписывается г. попечителемъ въ разсужденіи времени представленія сочиненій, къ произнесенію въ собраніяхъ назначаемыхъ. Я полагалъ бы, съ своей стороны, еще ранѣе имѣть въ виду эти сочиненія, дабы можно было прежде напечатанія предварительно представить ихъ на усмотрѣніе его превосходительства, что, впрочемъ, предаю на уваженіе совѣта".

Въ этомъ смыслѣ 8-го же октября и было препровождено отъ директора на имя совѣта университета надлежащее предложеніе.

Если съ директоромъ Владимірскимъ попечитель обошелся еще, сравнительно, мягко, то съ совѣтомъ университета онъ уже совершенно не почелъ нужнымъ церемониться:

„Почти три мѣсяца ожидавъ сочиненій на торжественномъ актѣ университета произнесенныхъ,—пишетъ Магницкій въ своемъ предложеніи совѣту,—съ крайнимъ неудовольствіемъ получилъ я ихъ. Полагаю, что совѣтъ университета не разсматривалъ ихъ предварительно, ибо они, кромѣ рѣчи профессора Городчанинова, о которой буду говорить особо, несутъ на себѣ всѣ признаки торопливости, поспѣшности. Я отношу всѣ замѣчанія мои по сему непріятному происшествію на счетъ ректора университета".

Прежде всего обрушивается гнѣвъ попечителя на отчетъ профессора Кондырева: „То, что названо отчетомъ о состояніи университета—есть дурная выписка изъ его протоколовъ, варварскимъ слогомъ изложенная и не только ложными понятіями, но и л о ж н ы м и п р о и с ш е с т в і я м и наполненная". Въ отчетѣ проф. Кондырева попечителя прежде всего возмущаетъ,—какъ этого и можно было ожидать,—недостаточно подобострастное и недостаточно льстивое отношеніе къ его новаторской дѣятельности по отношенію къ казанскому университету:

„Въ первыхъ строкахъ вступленія,—негодуетъ попечитель,—говорится о преобразованіи университета, хотя умалчиваются причины онаго. Но кому изъ слушателей казанскихъ могли они быть неизвѣстными? И за симъ изъясняется удовольствіе, съ которымъ университетъ взираетъ на прошедшіе свои подвиги на алтарь отечества и на труды свои, яко бы къ пользѣ отечества и къ славѣ великаго своего Основателя".

Магницкій усматриваетъ здѣсь даже подлогъ и умышленное замалчиваніе его личныхъ заслугъ въ дѣлѣ „обновленія" казанскаго университета:

„Секретарь совѣта подвелъ здѣсь ложную справку. Ни слова не сказано о духѣ новыхъ преобразованій, а сочинителю прошедшій годъ кажется удивительнымъ только по перемѣнамъ, необыкновеннымъ по дѣйствіямъ,—чьимъ? и важными послѣдствіями—какими? Далѣе: часть нравственная получила новое образованіе—вѣру Христову. Чѣмъ же плѣнился сочинитель въ прошедшемъ, ежели вѣра есть образованіе—новое? Вѣроученіе отдѣлено отъ нравственности сочинителемъ, но не преобразователемъ; слѣдовательно, не далъ первый себѣ труда и прочесть даже внимательно инструкціи директору и ректору. Всего основательнѣе исчислено время, которое прошли инструкціи по почтѣ",—уже иронизируетъ попечитель.

Рѣзко отмѣчаетъ Магницкій и цѣлый рядъ другихъ мѣстъ, возмутившихъ его въ отчетѣ по университету и округу. Проф. Кондыревъ выразилъ здѣсь прекрасную и безусловно благонамѣренную мысль, что правительство желаетъ обосновать воспитаніе юношества на началахъ „истинной и непоколебимой нравственности". Магницкій не преминулъ усмотрѣть и въ этомъ не то—„зломудріе", не то какую то затаенную заднюю мысль: „Казенное содержаніе студентовъ представлено способомъ къ водворенію въ нихъ невинныхъ и добрыхъ нравовъ. Сочинитель ложно утверждаетъ, что правительство хочетъ утвердить воспитаніе на началахъ какой то истинной и непоколебимой нравственности. Сочинитель не потрудился прочесть постановленія главнаго училищъ правленія о предметахъ ученія и потому не умѣлъ изъяснить его содержанія".

Говорилось въ отчетѣ и о пересмотрѣ университетскихъ библіотечныхъ каталоговъ, съ цѣлью исключенія изъ нихъ книгъ „зловреднаго" содержанія. И здѣсь Кондыревъ не сумѣлъ угодить попечителю: „Въ совѣтѣ не произвольно происходило разсмотрѣніе каталоговъ, какъ сказано въ отчетѣ; цѣль сего разсмотрѣнія и распоряженія начальства скрыты: слѣдовательно—изложеніе ложно".

Мы не будемъ касаться другихъ сентенцій Магницкаго по поводу отчета проф. Кондырева. Приведемъ лишь ихъ окончаніе: „Въ заключеніи отчета опять смѣсь ученія вѣры съ какою то чистою нравственностью и, кажется, напрасно въ концѣ сочинитель благословляетъ свое высокое назначеніе. Пристыдить университетъ и его начальство подобнымъ отчетомъ—есть назначеніе весьма несчастное".

Покончивъ счеты съ профессоромъ Кондыревымъ, попечитель обрушивается на профессора Эрдмана, злосчастнаго автора актовой рѣчи на латинскомъ языкѣ:

„Отъ возвѣщенной мнѣ учености г. Эрдмана не ожидалъ я подобной рѣчи,—возмущается Магницкій.—Не говоря уже о ея духѣ, она есть смѣсь понятій самыхъ слабыхъ о пользѣ наукъ съ пословицами языческихъ авторовъ, съ дѣтскими понятіями о христіанствѣ, Минервы съ неприлично оторваннымъ текстомъ святаго Павла. И потому я бы совѣтовалъ г. Эрдману: 1) прочесть внимательнѣе инструкцію ректору казанскаго университета, 2) прочесть твореніе Ролена о наукахъ и 3) на будущее время, оставя общія разсужденія, дать какой либо обращикъ своихъ познаній въ древностяхъ восточныхъ, ибо, между тѣмъ какъ онъ произноситъ подобныя рѣчи, Сильвестръ * въ Парижѣ занимается его дѣломъ, въ разсужденіи разныхъ восточныхъ нарѣчій Казани и Астрахани".

За то профессоръ Городчаниновъ удостоился особой похвалы попечителя: „Профессоръ Городчаниновъ превосходною рѣчью своею загладилъ стыдъ торжественнаго акта. Она одна есть доказательство, что университетъ преобразовался и можетъ идти успѣшно на новыхъ его началахъ. Я обращу вниманіе господина министра на истинно достойныя въ семъ отношеніи заслуги ея сочинителя".

Любопытны предложенія, съ которыми, по поводу всего вышеизложеннаго, обратился Магницкій въ совѣтъ университета:

1) Возвратить г. Кондыреву отчетъ, имъ сочиненный, изгладивъ, сколько можно, и самый слѣдъ его изъ актовъ университета. Секретаря совѣту избрать способнѣйшаго и который бы въ публичныхъ актахъ университетскихъ излагалъ постановленія и событія его вѣрнѣе.

2) Профессору Городчанинову поручить составить отчетъ университета, и когда онъ разсмотрится совѣтомъ въ присутствіи директора университета, напечатать оный.

3) Профессору Эрдману возвратить рѣчь его, изгладивъ изъ актовъ, сколько возможно, слѣды ея существованія.

4) Рѣчь профессора Городчанинова напечатать за отчетомъ и передать къ напечатанію издателямъ „Казанскаго Вѣстника".

5) Актъ университета, переписанный на бѣло, передать директору, который имѣетъ распорядиться для скорѣйшаго его напечатанія въ приличномъ видѣ и исправности.

6) Совѣту быть впередъ внимательнѣе при разсмотрѣніи изготовляемыхъ для публичныхъ актовъ сочиненій **.

---

* Сильвестръ де-Сасси, оріенталистъ, членъ французскаго національнаго института.

** Въ дѣлахъ университетскаго совѣта какъ отчетъ Кондырева, такъ и рѣчь Эрдмана—отсутствуютъ, но они сохранились въ архивныхъ дѣлахъ попечительской канцеляріи (см. дѣло Попеч. 1820 г., № 263, листы 2—24).

Всѣ только что приведенныя предложенія Магницкаго были, конечно, приняты къ неукоснительному исполненію. Профессоръ Кондыревъ уволенъ отъ исправленія обязанностей секретаря университетскаго совѣта, съ избраніемъ на эту должность экстраординарнаго профессора Пальмина,—хотя болѣе серьезныхъ послѣдствій попечительскій гнѣвъ для бывшаго секретаря и не имѣлъ: вскорѣ послѣ этого инцидента онъ былъ даже возведенъ въ званіе ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи, географіи и статистики. Профессоръ Городчаниновъ, такъ хорошо и такъ во время сумѣвшій угодить Магницкому, попалъ въ деканы словеснаго отдѣленія и сдѣлался persona grata въ глазахъ попечителя. Но на кого всею тяжестью своею обрушилась опала разгнѣваннаго начальства, такъ это на бывшаго ректора Г. И. Солнцева: актъ 5-го іюля 1820 года былъ поворотною точкою въ рѣзкомъ и крутомъ измѣненіи отношеній между попечителемъ и Солнцевымъ и положилъ начало дальнѣйшимъ, съ которыми мы въ своемъ мѣстѣ познакомимся, превратностямъ въ судьбѣ этого перваго ректора казанскаго университета по назначенію, на первыхъ порахъ пользовавшагося полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ Магницкаго [173].

Намъ уже извѣстно, что Солнцевъ, отправлявшій въ то время должность проректора, былъ, по словамъ самого Магницкаго—его „правою рукою" въ дѣлѣ ревизіи университета. Весьма вѣроятно, что, оказывая свое содѣйствіе Магницкому, Солнцевъ еще и не подозрѣвалъ тѣхъ прискорбныхъ для университета послѣдствій, къ которымъ приведетъ ревизія 1819 года и назначеніе Магницкаго попечителемъ. При дѣлѣ о ревизіи Магницкаго сохранилась цѣлая пачка бумагъ, озаглавленная: „Записки приватно доставленныя при обревизованіи университета", изъ которыхъ значительная часть писана рукою проректора; мы тщательно просмотрѣли эти записки, въ которыхъ Солнцевъ высказываетъ свои мнѣнія по различнымъ вопросамъ, касающимся университета и гимназіи, даетъ характеристики отдѣльныхъ служащихъ этихъ учрежденій,—но дѣлаетъ все это въ формѣ вполнѣ корректной, чуждой характера тайныхъ нашептываній и извѣтовъ, въ формѣ, какую и можно было требовать отъ него, какъ лица, стоявшаго во главѣ университета. Мы знаемъ и то, что довѣріе Магницкаго къ Солнцеву выразилось въ назначеніи его ректоромъ университета,—званіе, въ которомъ Солнцеву пришлось стать лицомъ къ лицу съ преобразовательною дѣятельностью попечителя и его казанскаго замѣстителя, директора Владимірскаго. Положеніе, въ которомъ суждено было очутиться ректору передъ широко поставленною юридически и еще

болѣе расширенною фактически властью директора—едва ли могло удовлетворять самолюбиваго и стойкаго волею и характеромъ новаго представителя университета. Доминированіе Владимірскаго во всѣхъ дѣлахъ университета, разъясненное самимъ попечителемъ округа, вторженія его во всѣ стороны, не исключая и учебной, академической жизни, выразившіяся въ подробномъ осмотрѣ имъ университета, въ его вмѣшательствѣ въ дѣло постановки учебно-вспомогательныхъ учрежденій, даже въ аттестаціи профессоровъ (напримѣръ проф. Вердерамо, въ концѣ 1819 года)—все это не могло равнодушно приниматься Солнцевымъ и не замедлило создать почву для оппозиціоннаго положенія ректора въ „возобновленномъ" попечителемъ и директоромъ университетѣ. Новый ректоръ твердо отстаивалъ свое положеніе представителя университета,—представителя хотя бы и назначеннаго,—и всѣми мѣрами сдерживалъ диктаторскіе порывы Владимірскаго, что и дало Магницкому поводъ, въ предложеніи отъ 2-го декабря, укорять университетъ въ томъ, что, какъ онъ усматриваетъ это изъ поступающихъ къ нему бумагъ—„ходъ дѣлъ университетскихъ не измѣнился по прибытіи директора университета къ должности", въ силу чего попечитель и требовалъ точнаго согласованія университетской жизни съ полномочіями, предоставленными директору, ибо только „такимъ образомъ ходъ университетскаго управленія безъ остановки и потрясеній перейдетъ отъ стараго порядка къ тому, который ему предназначенъ"; въ засѣданіи совѣта отъ 20-го декабря 1819 г. предложеніе это и принято „къ исполненію". Новый ректоръ уже въ самомъ началѣ 1820 года вполнѣ понялъ, повидимому, щекотливость своего административнаго положенія и рѣшилъ подготовить себѣ мостъ для отступленія при первой, могущей въ томъ оказаться, необходимости: 7-го января, сославшись на болѣзнь, онъ просилъ совѣтъ выбрать проректора, какъ законнаго своего замѣстителя, и 9-го января въ это, такъ сказать „резервное", званіе былъ единогласно избранъ профессоръ Городчаниновъ. Это требованіе ректора явилось съ окраскою маленькаго coup d'état и было вызвано, очевидно, мотивами весьма серьезными, грозившими совершеннымъ оставленіемъ имъ должности, такъ какъ въ томъ же январѣ попечитель, желая дать возможность профессору Городчанинову и совѣту „заняться введеніемъ новаго порядка", —которому Солнцевъ являлся, такимъ образомъ, какъ бы помѣхою,—предлагалъ составить при совѣтѣ особый „комитетъ для рѣшенія старыхъ дѣлъ", предписаніе, слѣдомъ же затѣмъ имъ и отмѣненное [179].

Крупное столкновеніе произошло между попечителемъ и директоромъ—съ одной, и ректоромъ Солнцевымъ—съ другой стороны, уже въ

январѣ 1820 года на почвѣ содѣйствія, оказаннаго Солнцевымъ ревизующимъ сенаторамъ С. С. Кушникову и П. Л. Санти, по высочайшему повелѣнію присланнымъ въ Казань для раскрытія упущеній и злоупотребленій въ мѣстной губернской администраціи. Еще въ декабрѣ 1819 года, по прибытіи сенаторовъ въ Казань, имъ было предоставлено помѣщеніе въ находившемся какъ разъ противъ университета домѣ купца Крупеникова. Казанскій губернаторъ графъ Толстой тогда же лично обратился къ ректору университета съ ходатайствомъ относительно отвода въ университетѣ, какъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ квартирою сенаторовъ, помѣщенія для ихъ канцеляристовъ, а также о прикомандированіи къ нимъ, для занятій, опытнаго чиновника изъ числа университетскихъ служащихъ. Признавая отказъ губернатору въ этой просьбѣ „неприличнымъ и неудобнымъ",—какъ показывалъ позже самъ Солнцевъ,—ректоръ отвелъ помѣщеніе для сенаторской канцеляріи въ пустовавшей университетской квартирѣ попечителя, для занятій же при сенаторахъ откомандировалъ въ ихъ распоряженіе архиваріуса Комарова. Авторитетъ ректора, какъ представителя университета, сталъ въ данномъ случаѣ въ рѣзкую коллизію съ значеніемъ директора, какъ начальника всей хозяйственной и полицейской части того же университета. Владимірскій не преминулъ протестовать передъ лицемъ попечителя, называя образъ дѣйствій ректора „неумѣстною послугою" губернской администраціи, „усердіемъ, обратившимъ мѣста и лица университета въ прямую подчиненность ихъ превосходительствамъ", т. е. сенаторамъ, жалуясь, что хотя его директорская компетенція и „измѣняетъ вліяніе г. ректора на зданія, но что это измѣненіе было, до сихъ поръ, поверхностнымъ", что ему, директору, не удается „успѣть въ рѣшительномъ противодѣйствіи распоряженіямъ г. ректора". Нечего и говорить о томъ, что попечитель всецѣло принялъ въ этомъ столкновеніи сторону Владимірскаго, тѣмъ болѣе, что ревизующіе сенаторы оказали поддержку Солнцеву, категорически отказавшись какъ очистить отведенныя ихъ канцеляристамъ университетскія помѣщенія, такъ и отпустить прикомандированнаго къ нимъ университетскаго архиваріуса. Переписка по этому дѣлу, затянувшаяся до начала марта, привела къ двумъ жалобамъ министру народнаго просвѣщенія, поступившимъ какъ со стороны ревизующихъ сенаторовъ, такъ и со стороны попечителя округа. Сенаторы, отдавая въ своемъ отношеніи къ министру (отъ 26-го января) должное обязавшему ихъ ректору университета за его „благонамѣреніе и ревность къ пользѣ общаго дѣла", выражали сожалѣніе, что они „поставлены въ необходимость совсѣмъ иначе отозваться о дѣйствіяхъ г. попе-

Гавріилъ Ильичъ
Солнцевъ,
профессоръ правовѣдѣнія.
(9 іюня 1815 г.—28 іюня 1823 г.)

чителя казанскаго учебнаго округа и о поступкахъ директора университета". Магницкій, жалуясь въ представленіи отъ 20-го февраля на „самовольное распоряженіе ректора, отдавшаго сенатскимъ секретарямъ верхній этажъ дома лично мнѣ (sic), по званію, принадлежащаго", заявлялъ, что „сенаторы не имѣли никакого права посреди университета, мнѣ подчиненнаго, остановить исполненіе предписанія моего (sic!) директора, основаннаго на грамотѣ, высочайше дарованной", и просилъ воздѣйствія на сенаторовъ, которые „первые, — укоризненно добавляетъ онъ, — обязаны исполнять законъ". Князь А. Н. Голицинъ счелъ себя вынужденнымъ довести объ этомъ, не совсѣмъ заурядномъ, конфликтѣ до высочайшаго свѣдѣнія и увѣдомилъ Магницкаго отъ 11-го марта, что „государь императоръ указать соизволилъ сообщить г.г. сенаторамъ, что его величество оставляетъ распоряженіе ихъ въ своей силѣ, причемъ его величество находитъ, что ректоръ университета долженъ былъ исполнить приказаніе сенаторовъ, какъ лицъ уполномоченныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанъ былъ донести попечителю, а сей представить министру, который, ежели бы не аппробовалъ сію мѣру, въ такомъ случаѣ долженъ бы былъ войти съ представленіемъ въ комитетъ г.г. министровъ" [180]. Инцидентъ съ ревизующими сенаторами былъ первымъ пораженіемъ попечителя Магницкаго, котораго ни онъ самъ, ни директоръ Владимірскій не могли, конечно, простить слишкомъ для нихъ самостоятельному ректору университета.

Не успѣло еще улечься взаимное раздраженіе, вызванное только что разсказаннымъ нами столкновеніемъ, какъ, на той же почвѣ неопредѣленности отношеній, создался новый конфликтъ между директоромъ и ректоромъ. На этотъ разъ дѣло возгорѣлось изъ за печатанія въ университетской типографіи рѣчи опальнаго и уже уволеннаго проф. І. Е. Срезневскаго, произнесенной въ торжественномъ собраніи 5-го іюля предшествовавшаго года. Сущность этого дѣла лучше всего возстановится слѣдующимъ предложеніемъ директора Владимірскаго совѣту, отъ 22-го марта 1820 года:

„17-го марта начальникъ университетской типографіи, г. адъюнктъ Дунаевъ, представилъ мнѣ на разсмотрѣніе разсужденіе бывшаго профессора Срезневскаго, говоренное въ торжественномъ собраніи университета 5-го іюля 1819 года, которое печаталось уже въ университетской типографіи.

Я возвратилъ рукопись означеннаго разсужденія съ слѣдующею надписью, воспрещающею печатаніе оной:

1) что въ ней много помарокъ и поправокъ,

2) что одной подписи г. ректора на заглавномъ листѣ оной не достаточно,

3) я не вижу, по какому уваженію печатаніе сей рукописи принято на счетъ типографіи, и

4) по силѣ данной мнѣ инструкціи требовалъ отъ г. Дунаева свѣдѣнія, почему принято отпечатаніе разсужденія г. Срезневскаго на казенное иждивеніе—по предписанію совѣта или, просто, по приказанію одного г. ректора университета?"

Сославшись далѣе на то, что изъ объясненія начальника типографіи выяснилось, что рѣчь Срезневскаго предназначена къ печати „по приказанію г. ректора университета" и что „со времени открытія университета рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ онаго, печатались на счетъ суммъ университета"—Владимірскій предлагаетъ совѣту постановить, что бы актовыя рѣчи печатались впредь не иначе, какъ по опредѣленіямъ совѣта. При этомъ директоръ не упускаетъ случая вставить язвительное замѣчаніе по адресу самого проф. Солнцева:

„Если рѣчь г. ректора, напечатанная въ прошедшемъ году, имѣла въ рукописи подобный видъ,—что я не изыскиваю, какъ происшествіе, до вступленія моего въ должность бывшее, но только догадываюсь изъ объясненія г. Дунаева,—то на будущее время подобныя сочиненія господина ректора, по мнѣнію моему, долженствуютъ подлежать общему съ сочиненіями прочихъ членовъ университета порядку, съ большею еще, по важности лица, строгостью".

Совѣту университета не оставалось ничего болѣе, какъ принять предложеніе директора къ руководству, предпринявъ лишь слабую попытку пояснить,—вѣрнѣе оправдаться,—что „на основаніи § 61-го устава рѣчи сіи не подлежали особому разсмотрѣнію цензурнаго комитета", что рѣчи эти „назначены къ произнесенію совѣтомъ" и что „по введенному порядку во всѣхъ университетахъ таковыя рѣчи печатаются на казенный счетъ". Результатомъ этого инцидента было предложеніе правленія совѣту, что бы все то, что „по его назначенію слѣдовать будетъ къ тисненію—сообщать предварительно усмотрѣнію г. директора университета". Директоръ всецѣло принялъ на себя, такимъ образомъ, узурпаторское право цензуры всего, поступающаго въ печать подъ эгидою университета и по постановленіямъ его совѣта! [181]………

Несомнѣнно, что эти то конфликты между директоромъ и ректоромъ и послужили поводомъ къ уже извѣстному намъ * предложенію попечи-

* См. выше стр. 341.

теля отъ 18-го мая 1820 года, которымъ Магницкій пояснялъ совѣту, что хотя директоръ и ректоръ и должны почитаться, каждый въ предѣлахъ собственной компетенціи, должностными лицами между собою „равными", тѣмъ не менѣе „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда университетъ соединяется въ одно цѣлое, директоръ есть первое лицо", что директоръ долженъ занимать первое мѣсто въ публичныхъ собраніяхъ университета, что, въ отсутствіе попечителя—директоръ „есть главный начальникъ въ университетѣ", вообще.

Профессоръ Солнцевъ представлялся ректоромъ въ высшей степени неудобнымъ съ точки зрѣнія режима академической жизни, который съ такою страстностью вводился Магницкимъ въ казанскомъ университетѣ. Тотъ „опытъ", ради котораго состоялось назначеніе его ректоромъ всего на одинъ годъ—оказался въ глазахъ попечителя совершенно неудачнымъ и Магницкій рѣшилъ убрать своего ставленника, не выждавъ, хотя бы только изъ приличія, истеченія срока его полномочій. Найденъ былъ Магницкимъ и благовидный предлогъ къ смѣщенію Солнцева—желаніе возстановить въ обновленномъ университетѣ избираемость ректора, которая теперь, благодаря новому „духу", уже въ достаточной степени водворенному имъ въ совѣтѣ, не могла представить для попечителя никакихъ неудобствъ: онъ зналъ, что совѣтъ университета представляетъ лишь покорное и безотвѣтное въ его рукахъ орудіе.... Мысль о смѣщеніи Солнцева созрѣла въ умѣ попечителя уже весною 1820 года, какъ это усматривается изъ слѣдующаго представленія его министру отъ 7-го мая:

> „Вашему сіятельству извѣстно, что назначеніе ректора казанскаго университета на текущій академическій годъ произведено въ необыкновенномъ порядкѣ. Причиною сего было тогдашнее положеніе университета. Отъ меня непосредственно представленъ былъ къ утвержденію въ ректоры ближайшій къ сему званію проректоръ Солнцевъ.
>
> При представленіи семъ ограниченъ срокъ опредѣленія однимъ годомъ по двумъ причинамъ: а) дабы увидѣть, будетъ ли возможно допустить сословіе университета къ свободному выбору, и б) дабы удостовѣриться, назначенный ректоръ въ случаѣ, ежели бы выборы не признались еще возможными, будетъ ли въ состояніи отправлять важную должность сію въ новомъ образованіи университета".

Оказалось, что отправлять должность ректора въ „новомъ образованіи университета",—иначе говоря, въ духѣ безусловной покорности и подчиненія не только самому попечителю, но и его казанскому alter ego,—про-

фессоръ Солнцевъ оказался совершенно „не въ состояніи" и былъ обреченъ скорому остракизму:

„Нынѣ,—продолжаетъ тоже попечительское представленіе,—поелику число профессоровъ пополнилось опредѣленіемъ нѣкоторыхъ вновь и по духу представляется болѣе благонадежности для безпристрастнаго выбора, то и предстоитъ необходимость, до открытія новыхъ курсовъ сего года, приступить къ выбору ректора, ибо, ежели оставить настоящаго до истеченія года, то выборъ послѣдовалъ бы въ октябрѣ..... Посему я имѣю честь испрашивать дозволенія вашего сіятельства дать нужное университету предписаніе о приступѣ къ избранію ректора".

Испрашиваемое дозволеніе было, конечно, дано и 31-го мая совѣтомъ университета было заслушано соотвѣтствующее предложеніе попечителя отъ 18-го мая. Совѣтъ опредѣлилъ назначить выборы ректора на 5-ое іюня, въ томъ же собраніи совершивъ также избраніе на слѣдующій годъ декановъ и членовъ училищнаго комитета.

Избирательное собраніе совѣта 5-го іюня 1820 года открылось слушаніемъ прошенія самого ректора, въ которомъ, ссылаясь на разстроенное съ исхода предшествовавшаго года здоровье и на многотрудность своихъ профессорскихъ обязанностей, проф. Солнцевъ усердно просилъ совѣтъ „при настоящемъ выборѣ ректора, декановъ и членовъ училищнаго комитета отъ избранія въ оныя совсѣмъ уволить" его. Ходатайство Солнцева было совѣтомъ уважено. Первою была поставлена баллотировка въ ректоры всѣхъ наличныхъ ординарныхъ профессоровъ (за исключеніемъ отказавшагося отъ избранія во всѣ должности Солнцева), давшая слѣдующій избирательный результатъ:

	Количество балловъ:	
	Избират.	Неизбират.
М. И. Бартельсъ.	4	6
К. Ѳ. Фуксъ	5	5
Г. Н. Городчаниновъ.	5	5
Г. Б. Никольскій	6	4
Ф. И. Эрдманъ	5	5
В. М. Перевощиковъ	4	6

Избраннымъ въ ректоры оказался, такимъ образомъ, профессоръ Никольскій,—выборъ, по количеству полученныхъ шаровъ, хотя и далеко не блестящій, но съ точки зрѣнія попечителя вполнѣ благопріятный.

Избранными въ деканы оказались, по отдѣленіямъ:

Физико-математич. наукъ о. п. Бартельсъ (единогл.—10 шар.).

Медицинскихъ наукъ о. п. Фуксъ (+7, —3).

Словесныхъ наукъ о. п. Городчаниновъ (+8, —2).

Баллотировки въ деканы отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ произведено не было, такъ какъ, за отказомъ отъ выборовъ проф. Солнцева, не оказалось необходимыхъ къ избранію кандидатовъ: постановлено представить о допущеніи къ исправленію должности декана вновь опредѣленнаго въ началѣ года экстраординарнаго профессора Пальмина.

Членами училищнаго комитета избраны: о. п. Городчаниновъ (+8, —2), о. п. Перевощиковъ (+9, —1), э. п. Пальминъ (+9, —1), э. п. Тимьянскій (+10), ад. Булыгинъ (+8, —3) и ад. А. Лобачевскій (+7, —4).

Всѣ избранныя лица, за исключеніемъ ректора, утверждены министромъ, о чемъ попечитель и увѣдомилъ совѣтъ предложеніемъ отъ 3-го августа; высочайшее же утвержденіе проф. Никольскаго въ званіи ректора, срокомъ на три года, послѣдовало лишь 11-го сентября, считая съ перваго августа (предложеніе попечителя отъ 26-го октября). Въ этомъ составѣ декановъ уже осенью того же года послѣдовало, впрочемъ, измѣненіе: за состоявшимся въ сентябрѣ перемѣщеніемъ въ дерптскій университетъ проф. Бартельса—исправленіе должности декана отдѣленія физико-математическихъ наукъ было возложено на проф. Никольскаго, за послѣдовавшимъ же утвержденіемъ этого послѣдняго въ званіи ректора—въ засѣданіи совѣта 27-го ноября деканомъ отдѣленія единогласно избранъ и слѣдомъ затѣмъ утвержденъ, за отсутствіемъ въ факультетѣ кандидатовъ изъ профессоровъ ординарныхъ, экстраординарный профессоръ Н. И. Лобачевскій[182].

До извѣстной степени—устраненный, съ другой же стороны—самоустранившійся отъ активнаго участія въ административной жизни обновленнаго университета, проф. Г. И. Солнцевъ всталъ въ затаенную оппозицію Магницкому и вводимому имъ „новому образованію" академическаго строя. Магницкій, въ свою очередь, не могъ позабыть отпора, встрѣченнаго имъ со стороны строптиваго „ректора на часъ", каковымъ выступилъ Солнцевъ въ первый годъ его попечительства и хорошо понялъ, что въ лицѣ казанскаго профессора естественнаго права онъ встрѣтилъ „камень", на который нашла неудержимая „коса" его обновительной дѣятельности. Устранить съ мѣста этотъ тяжеловѣсный и докучливый камень—сдѣлалось цѣлью горячихъ стремленій Магницкаго и впослѣдствіе мы увидимъ, что эта цѣль была достигнута имъ тою позорною страницею въ историческомъ прошломъ казанскаго университета, которая извѣстна подъ на-

званіемъ „университетскаго суда надъ профессоромъ Солнцевымъ". Но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ.

Насколько критическимъ являлось отношеніе устранившагося отъ университетскихъ дѣлъ Солнцева къ тенденціямъ Магницкаго и его казанскихъ угодниковъ, нагляднѣйшимъ образцомъ тому служатъ данныя, совершенно случайно оказавшіяся въ нашемъ распоряженіи, благодаря любезности члена казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи С. И. Порфирьева, доставившему намъ первую книжку „Казанскаго Вѣстника" за 1821 годъ, съ напечатаннымъ въ ней и составленнымъ проф. Г. Н. Городчаниновымъ отчетомъ по университету за 1819-1820 годъ,—тѣмъ самымъ отчетомъ, который попечитель Магницкій поручилъ проф. Городчанинову составить взамѣнъ приведшаго его въ негодованіе отчета секретаря совѣта проф. Кондырева (см. выше стр. 365). Книжка эта особенной библіографической рѣдкости не представляетъ, но она въ высокой степени интересна тѣмъ, что на поляхъ этой книжки,—очевидно принадлежавшей Г. И. Солнцеву,—имѣются сдѣланныя перомъ и на латинскомъ языкѣ критическія примѣчанія Солнцева къ отчету Городчанинова, уснащенному истинными перлами низкоугодничества передъ всесильнымъ попечителемъ. Приводимъ эти критическія замѣчанія, паралельно съ тѣми мѣстами отчета „профессора краснорѣчія", къ которымъ они относятся:

ТЕКСТЪ ОТЧЕТА.	ПРИМѢЧАНІЯ ПРОФ. СОЛНЦЕВА.
...Причины сего преобразованія (университета) скрывались въ нетвердомъ, въ неблагонадежномъ составѣ прежняго (sic) университета.	In calumnia et insidiis! *
Въ самое основаніе онаго (т. е. университета) не былъ положенъ тотъ краеугольный камень, на которомъ зиждется и утверждается благосостояніе царствъ земныхъ, на которомъ воспитаніе народное стоитъ непоколебимо.	De quonam lapide narrat? Religio non deerat universitati, in ea a religioso imperatore statutis erat instructa **.
Съ самаго начала въ предметы университетскихъ преподаваній не было введено христіанское законоученіе.	Deerat professor theologiae tantum, sed theologiae cathedrae erant constitutae ***.

* То есть: «Въ клеветахъ и извѣтахъ».

** То есть: «О какомъ камнѣ онъ толкуетъ? Религія въ университетѣ не отсутствовала, будучи установлена въ немъ уставами благочестиваго императора».

*** То есть: «Не было только профессора богословія, но кафедры богословія существовали».

Высшее ученое сословіе, долженствовавшее разливать свѣтъ Христовъ... само лежало во тьмѣ вѣка сего. Оно уподоблялось кораблю безъ кормила, влающемуся всякимъ вѣтромъ ученія, несомому на скалы соблазновъ и претыканій. Отсюда произошелъ духъ, несогласный съ видами добраго публичнаго воспитанія.

Haec narrans absurde mentitur. Professores enim erant pii et cordati viri et bene meriti christiani *.

Въ нѣдрѣ университета тлетворный ядъ начиналъ уже разливаться въ словопреніяхъ лжеименнаго разума, въ употребленіи при кафедрѣ философской такихъ авторовъ, коихъ ученіе совершенно противно религіи христіанской.

O, mendaciam et calumniam intolerandam! Num quidem disputationes juventutis pravam doctrinam prae se ferunt—dic mihi, insolens, quaeso? Et quod ad bonos studiosorum mores spectat, totam civitatem contestor **.

Студенты не имѣли того, внушаемаго благочестіемъ, къ наставникамъ своимъ уваженія, которое всегда бываетъ вѣрною порукою за успѣхи въ наукахъ и за доброе поведеніе. И какое питомцы университетскіе могли имѣть къ нимъ почтеніе, когда, вмѣсто назидательныхъ примѣровъ, видѣли однѣ партіи, одни токмо несогласія и раздоры, вопреки спасительному ученію: блюсти единеніе духа въ союзѣ мира....

Iterum calumniam intolerabilem et mendaciam insolentem. ***

Неустройство внутренней полиціи, слабость и пристрастіе въ экзаменахъ, безпорядокъ въ содержаніи студентовъ, безпрерывныя между членами совѣта крамолы и другъ на друга извѣты—обратили грозный взоръ правительства на дѣла университета. Въ началѣ 1819 года, по высочайшему повелѣнію, посланъ былъ ревизоръ для его осмотра.

Quibus nam documentis haec omnia, calumniator, probare posses? Vaeh tibi, insolens!
Qualis tremor est futurus,
Quando judex est venturus
Tua mala dissensurus!.... ****

Найденное разстройство его во всѣхъ частяхъ было столь велико и такъ мало оставалось надежды возстановить его въ должномъ видѣ, что сдѣланы уже были предположенія къ его уничтоженію.

Narranda sunt probanda, calumnia—nefanda! *****

* То есть: «Высказывая все это, нелѣпо лжетъ. Всѣ профессоры были людьми благочестивыми, разумными и добрыми христіанами».

** То есть: «Предвзятыя ложь и клевета! Требую, наглецъ, что бы ты отвѣтилъ мнѣ: какія именно ложныя ученія внушались юношеству? Что касается доброй нравственности студентовъ, то она можетъ быть засвидѣтельствована цѣлымъ городомъ».

*** То есть: «Опять завѣдомая клевета и наглая ложь!»

**** То есть: «Какими данными, клеветникъ, могъ бы ты подтвердить эти обвиненія? Какой трепетъ ожидаетъ тебя, когда явится судья, имѣющій разоблачить твои дурныя дѣла!»

***** То есть: «Разглагольствованія требуютъ доказательствъ, а клевета—строгого осужденія».

Но желаніе его императорскаго величества сохранить сіе ученое сословіе на краю Европы, вопреки представленныхъ мнѣній и со всемилостивѣйшимъ обѣщаніемъ всѣхъ возможныхъ пособій, воззвало университетъ казанскій изъ небытія къ бытію, изъ неустройства къ новому порядку. Возсіялъ на немъ свѣтъ истинный.... и тьма удалилась съ обманчивыми своими огнями.

Sua sacra caesarea majestas insidia providebat, calumniatores irridebat et universitati prospicere atque patrocinari non conficescebat, suisque promissis stabat firmiter. *

Бывшій прежде для студентовъ приготовительный курсъ отмѣненъ, яко ненужный....

Qui, tamen, erat utilis. **

Дабы предупредить безпорядки и неустройства, могущія произойти, какъ и прежде, изъ смѣси различныхъ властей, управленіе ученое и учебное отдѣлено отъ управленія по части хозяйственной, полицейской и нравственной.

Experientia contrarium testatur et proverbium: in una eadem spelunca duos ursos habitare non posse—ipsó actu est comprobatum ***.

Первая власть поручена совѣту и ректору, а вторыя правленію и высочайше поставленному надъ университетомъ директору, въ четвертомъ классѣ государственной службы состоящему и первенство предъ ректоромъ имѣющему...

Quonam decreto imperiali IV classis director est concessns? Votum curatoris non est decretum et directoris prof ani praerogativa rectori magnifico est injuriosa ****.

Симъ, толико важнымъ (т. е. директорскимъ), званіемъ облеченъ мужъ примѣрнаго благочестія, статскій совѣтникъ Владимірскій, съ жалованьемъ по 3 тысячи рублей въ годъ.

Res sub lite est. De ejus moribus sui commilitones et qui eum noscunt sunt interrogandi, et quod ad eruditionem nescium fuisse in vulgus notum est *****.

Должность инспектора студентовъ высочайше возложена на чиновника благочестиваго, дѣятельнаго и строгихъ правилъ, надворнаго совѣтника Барсова, съ годовымъ окладомъ по 2900 рублей.

Quod ad mores, vir probus meretricem in ipsius universitatis nido serebat, et quod ad eruditionem, logarithmos apud studiosos quaesitos pro suspectis signaculis diabolicae artis confessus est ******.

---

* То есть: «Его императорское величество понялъ ковы, насмѣялся надъ клеветниками, принялъ на себя попеченіе и покровительство надъ университетомъ и сдержалъ свои обѣщанія».

** То есть: «Который приносилъ, однако же, пользу».

*** То есть: «Опытъ доказалъ совершенно противоположное и подтвердилъ пословицу о томъ, что два медвѣдя въ одной берлогѣ ужиться не могутъ».

**** То есть: «Какимъ императорскимъ указомъ признана должность директора въ четвертомъ классѣ? Личное мнѣніе попечителя—еще не указъ; для ректора же преобладаніе власти директора—прямое оскорбленіе».

***** То есть: «Вопросъ еще спорный. Объ его нравственности не мѣшало бы справиться у его сослуживцевъ и знакомыхъ, что же касается его учености, то она достаточно извѣстна общественному мнѣнію».

****** То есть: «Что касается нравственности, то этихъ строгихъ правилъ человѣкъ далъ въ самомъ университетѣ пріютъ распутницѣ; ученость же его видна изъ того, что онъ принялъ за кабалистическіе дьявольскіе знаки логарифмы, которыя отыскивались студентами».

Преподающимъ по двумъ кафедрамъ увеличено жалованье.

Soli tantum rectori et professori Solnceff, qui tres juridicas cathedras studiis politicis non numeratis frequentabat, ex gratia curatoris peculiari erat stipendium non auctum, uti parebat, sed deminutum: en justam remunerationem a viris in virtutum omni generi probatis *.

Испытаніе студентовъ (въ 1819 году) въ знаніи наукъ сдѣлано весьма слабо и, отчасти, такими профессорами, кои сами, по неспособности, были уже назначены къ удаленію, и, желая постановить навсегда преграду злу сему, главное правленіе училищъ отмѣнило учиненный 1819 года экзаменъ студентамъ.

Iterum calumniam et mendaciam nefandam! Studiosos acad. anno 1819 rigidissime examinatos fuisse et litterarios gradus suis meritis exemisse, ad vim et injuriam eos degradatos fuisse, in vulgus notum est. Documentis probare possumus **.

Таковая строгая и рѣшительная мѣра правительства, прекративъ легкіе способы получать ученыя степени... возвратила ученымъ званіямъ надлежащій вѣсъ и цѣну и, въ глазахъ публики, отъяла поношеніе отъ казанскаго университета.

A non esse adesse consequentia non valet ***.

Civitatas hac de re alius opinionis fuisse ****.

Вольнодумство, прежде подъ различными видами въ нѣдрѣ университета крывшееся, удаляется отъ сего жилища наукъ, гдѣ обитаетъ страхъ Божій, гдѣ христіанскія къ церкви обязанности всѣми свято наблюдаются.

Hoc peccato universitas nunquam laboravit *****.

Опаснѣйшая изъ наукъ философскихъ, наука естественнаго права, всегда подавала вольнодумству способы къ распространенію зловреднаго ученія о природной свободѣ и равенствѣ людей.

Juris naturae doctrinam esse et utilem et necessariam documentis probare possumus. Insanis est, qui in hanc meam sententiam pedibus ire recusabit. Caecus de floribus, demens de jure—judicare nequit ******.

По убѣжденіямъ и совѣтамъ директора, казенные студенты въ прошедшее лѣто (1820 года) обработывали собственными руками часть университетскаго сада....

Et hortum academicum devastarunt sub directoris praesidio *******.

* То есть: «При этомъ одному только ректору и профессору Солнцеву, принявшему на себя преподаваніе по тремъ юридическимъ кафедрамъ, не считая преподаваній по политическимъ наукамъ, по милости попечителя было назначено жалованье не только не усиленное, какъ подобало бы, но даже уменьшенное: таково справедливое вознагражденіе со стороны лицъ, украшенныхъ всяческими добродѣтелями!»

** То есть: «Опять умышленная клевета и ложь! Студенты выпуска 1819 года были строго экзаменованы и по заслугамъ удостоены ученыхъ званій и мѣстное общественное мнѣніе хорошо знаетъ, что лишеніе ихъ этихъ званій было оскорбительнымъ актомъ насилія. Это можетъ быть доказано документальнымъ образомъ».

*** То есть: «Заключеніе ни на чемъ не основанное».

**** То есть: «Городское общество было на этотъ счетъ совершенно обратнаго мнѣнія».

***** То есть: «Заблужденія указаннаго рода были всегда чужды университету».

****** То есть: «Беремся доказать фактическими данными, что ученіе естественнаго права и полезно, и необходимо. Только невѣжда можетъ оспаривать это положеніе. Какъ слѣпецъ о цвѣтахъ, такъ и слабоумный о правѣ—судить не въ состояніи».

******* То есть: «И опустошили университетскій садъ подъ предводительствомъ директора!»

Прежній духъ партій и раздоровъ исчезаетъ. Связываемые союзомъ христіанскія любви, всѣ чины, всѣ сословія университета взаимное другъ ко другу оказываютъ чинопочитаніе и уваженіе—«другъ друга честію больше себѣ творяще».	Universitatem e statu meliori in deteriorem atque miserabilem redditam esse—facta testantur *.
Въ нѣдрѣ университета составилось общество сѣятелей Слова Божія, подъ названіемъ «сотоварищества россійскаго библейскаго общества казанскаго отдѣленія».	Quod cito crescit—cito evanescit **.
Разсмотрѣно сочиненіе профессора Городчанинова, подъ названіемъ: «Мнѣніе христіанина о правѣ естественномъ», которое и одобрено какъ отдѣленіемъ, такъ и совѣтомъ университета.	«Мнѣніе» сумашедшаго! За исключеніемъ мнѣнія, даннаго ректоромъ Солнцевымъ.
По надлежащемъ испытаніи, при соучастіи г. директора университета, какъ доктора медицины и хирургіи, одобрены студенты и пр.	Спросить Владимірскаго: когда онъ былъ формально экзаменованъ на степень доктора и имѣетъ ли даже дипломъ?
Таковъ былъ достопамятный переходъ казанскаго университета отъ тьмы къ свѣту, отъ нестроеній въ благоустроенное состояніе. Таковъ ходъ его по преобразованіи и возобновленіи. Господу споспѣшествующу, онъ пойдетъ благоуспѣшно и достигнетъ великой цѣли правительства, состоящей въ воспитаніи вѣрныхъ сыновъ православныя церкви, вѣрныхъ подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству, зане свѣтильникъ ногамъ его и свѣтъ стезямъ его—законъ Господень.	Laus propria sordet.... ***.

Въ концѣ печатнаго отчета проф. Городчанинова имѣется слѣдующая, очень скоро оказавшаяся пророческою, приписка Солнцева: „Знающій составъ и ходъ университета сего съ самаго его основанія по 1820 годъ—изъ сего отчета ничего болѣе не усматриваетъ, кромѣ одного наглаго нахальства, безстыдной лжи, клеветы и ненаказаннаго своевольства. Правительство было совершенно обмануто обезображенными картинами прежняго университетскаго устройства. Будетъ время, когда истина будетъ обнаружена и клеветники получатъ достойную кару“.....

* То есть: «Факты свидѣтельствуютъ, что университетъ изъ лучшаго состоянія былъ приведенъ въ состояніе худшее и достойное сожалѣнія».

** То есть: «Что скоро ростетъ—то скоро и увядаетъ».

*** То есть: «Самовосхваленіе—смердитъ».

Приближался конецъ 1820 года—перваго, по новому лѣтоисчисленію „отъ возобновленія его", года существованія казанскаго университета. Еще 14-го августа въ совѣтѣ было заслушано предложеніе попечителя, увѣдомлявшее о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія „изъявилъ свое согласіе, что бы 17-ый день генваря праздновань былъ въ университетѣ публичнымъ собраніемъ, независимо отъ торжественнаго собранія, университетскимъ уставомъ опредѣленнаго". Приготовленія къ этому вновь установленному торжеству годовщины „обновленія" университета начались уже съ осени 1820 года, такъ какъ казанскіе клевреты Магницкаго задались цѣлью обставить это торжество такимъ образомъ, что бы окончательно изгладить въ своемъ принципалѣ воспоминанія о такъ возмутившемъ его годичномъ актѣ 5-го іюля. Первый актъ „обновленія" былъ отпразднованъ 17-го января 1821 года съ большою торжественностью, и его ритуалъ нагляднѣе всего возстановится передъ нами слѣдующимъ донесеніемъ директора попечителю отъ 27-го января:

„Имѣю честь донести вашему превосходительству, что сего генваря 17-го числа было торжественное собраніе университета для празднованія года обновленія его. Празднество сіе состояло въ слѣдующемъ:

1. Въ навечеріе всенощное бдѣніе въ самомъ университетѣ служилъ духовникъ онаго, протоіерей Александръ (Нечаевъ), въ присутствіи преподавателя богословія архимандрита Өеофана. Предстояли какъ чиновники, такъ и всѣ воспитанники университета грекороссійскаго исповѣданія. Служеніе обращено было къ преподобному Антонію Великому, коего память совершается церковью въ 17-ое число генваря.

2. Въ самый день торжествованія литургію совершалъ преосвященный Амвросій, архіепископъ казанскій и симбирскій, въ Воскресенской церкви, временно отведенной для университета; сослужили его высокопреосвященству архимандриты монастырей, свіяжскаго—Израиль, и спассо-преображенскаго—вышеупомянутый Өеофанъ. Предъ окончаніемъ литургіи проповѣдь говорилъ университетскій протоіерей Александръ о томъ—„въ чемъ состоитъ премудрость Небесная и какимъ образомъ можемъ достигнуть Свѣта въ самомъ Свѣтѣ".

3. Послѣ литургіи тѣмъ же преосвященнымъ совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе соборне, съ возглашеніемъ многолѣтій: а) Государю Императору и высочайшему его императорскаго величества Дому, б) святѣйшему правительствующему синоду, в) правительствующему сигклиту, г) господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и д) господину попечителю казанскаго учебнаго округа, начальствующимъ, учащимъ и учащимся.

4. Актъ торжественнаго собранія учрежденъ (sic) былъ въ большой университетской залѣ и начатъ пѣніемъ: Днесь благодать Святаго Духа насъ собра".

Произносили рѣчи:

А) Адъюнктъ Дунаевъ: „О пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и о необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи".

Послѣ сего пѣли: „Боже, Царя храни и пр.".

Б) Студентъ Александръ Виноградскій: „О березовскихъ и никольскихъ золотосодержащихъ пескахъ".

Затѣмъ пѣли: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ и пр.".

В) Студентъ Николай Дмитревскій: „О необходимомъ соединеніи со внутреннимъ богопочитаніемъ и богопочитанія наружнаго".

Пѣніе: „Слава въ вышнихъ Богу и пр.".

Г) Ректоръ университета профессоръ Никольскій: „О достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія на христіанской вѣрѣ основанныхъ".

Законченъ актъ пѣніемъ: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь и пр.".

Посѣтители обозрѣвали жилища студентовъ и въ комнатахъ ихъ, для упражненій опредѣленныхъ, почтили поставленныя хлѣбъ-соль раздѣленіемъ вкушенія ихъ съ членами университета......

Императорскій казанскій университетъ препоручилъ мнѣ принести вашему превосходительству глубочайшую благодарность за постоянное и неутомимое назиданіе ваше, за отеческое попеченіе, за неоцѣненную христіанскую любовь вашу къ воспитанникамъ и воспитателямъ. Передавая всеобщія сіи чувствованія ученаго сословія, я пріемлю смѣлость присовокупить къ онымъ прекраснѣйшія расположенія университетскихъ воспитанниковъ, въ ихъ искреннѣйшей приверженности къ вамъ и благословеніяхъ".

Къ представленію директора университета въ подлинникѣ приложены и рѣчи, произнесенныя на актѣ 17-го января. Тяжелое впечатлѣніе получается отъ чтенія этихъ несчастныхъ произведеній, всецѣло разсчитанныхъ на угодничество фарисейскимъ требованіямъ попечителя и отъ которыхъ такъ и вѣетъ ложью, напускнымъ благочестіемъ, неумѣлымъ и кощунственнымъ злоупотребленіемъ текстами священнаго писанія,—словомъ, всѣми аттрибутами самаго беззастѣнчиваго ханжества и лицемѣрія, бывшими среди казанскихъ представителей науки въ такомъ усиленномъ

ходу, изъ за побужденій чисто шкурнаго характера, въ печальной памяти эпоху попечительства Магницкаго. Направляя интересующихся къ подлиннымъ рукописямъ рѣчей, произнесенныхъ на актѣ 17 января 1821 года *, ограничимся лишь нѣкоторыми извлеченіями изъ нихъ.

Въ своей рѣчи „о пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и пр.“, адъюнктъ Дунаевъ, воскуривъ должный ѳиміамъ совершившемуся обновленію казанскаго университета, затрогиваетъ излюбленный Магницкимъ вопросъ объ источникахъ человѣческаго знанія и науки и на этой почвѣ высказываетъ слѣдующія мысли:

„Единственный источникъ къ сему (т. е. знанію)—есть писанное Слово Божіе, которое истинно есть, тѣ глаголы, яже духъ суть и животъ суть; сей свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всякаго человѣка—есть вѣра во Іисуса Христа, Спасителя міра.

На семъ то краеугольномъ камени благочестивѣйшій государь императоръ, премудрый Соломонъ нашего времени, постановилъ основывать воспитаніе своего народа, а потому при обновленіи здѣшняго университета указать соизволилъ, что бы въ преподаваніи всѣхъ наукъ былъ одинъ духъ святаго Евангелія, ибо онъ одинъ есть начало всѣхъ частныхъ и гражданскихъ добродѣтелей.

И такъ—настоящее торжество даетъ случай къ разсужденію о томъ, какую пользу приносятъ науки и художества гражданскимъ обществамъ и какой вредъ причиняютъ онѣ, будучи употреблены во зло, и сколь нужно полагать въ основаніе всякаго ученія незыблемый камень вѣры христіанскія?“

Задавшись, далѣе, вопросомъ о томъ—„что суть естественныя науки“ и пройдя черезъ длинный рядъ схоластическихъ разсужденій на эту тему, представитель кафедры химіи приходитъ къ слѣдующему отчаянному выводу относительно жрецовъ этихъ наукъ:

„Они стараются разрушить алтари, Агнцу воздвигнутые, и, составивъ ложныя понятія о высочайшемъ Существѣ, выставляютъ себя поборниками мнимой истины, наконецъ объявляютъ—что нѣтъ другой религіи, кромѣ естественной. И,—о ужасъ!,—мерзость запустѣнія является на мѣстѣ святѣ.... Сбываются слова Спасителя: Пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу... Какихъ же плодовъ ожидать отъ сихъ учителей? Отвѣтомъ на сей вопросъ служатъ ужаснѣйшія происшествія, въ наши времена въ Европѣ совершившіяся. Предъ нашими глазами излился фіалъ гнѣва Божія на развратъ и нечестіе.

* См. дѣло архива казанскаго университета: Попечит., 1821, № 38.

Вотъ,—заключаетъ ораторъ,—главнѣйшее зло, причиняемое естественными науками!".

Окончательный выводъ автора рѣчи тотъ, что „всѣ наши науки должны быть основываемы на незыблемомъ камени христіанскія вѣры, на христіанскомъ благочестіи, которое на все полезно есть, обѣтованіе имуще живота нынѣшняго и грядущаго".

Ректоръ Никольскій, начавъ свое слово изъясненіемъ значенія празднуемаго дня, какъ первой годовщины совершившагося обновленія университета, ставитъ слѣдомъ затѣмъ вопросъ: „Какъ университетъ, въ 1805 году получившій первоначальное заведеніе, а въ 1814 году открытый—могъ состарѣться и, подобно недозрѣлому плоду, дѣйствіемъ враждебныхъ стихій и другихъ вліяній поврежденному, готовъ былъ отъ общаго древа учебныхъ заведеній въ Россіи отпасть?"

„Нечему удивляться, почтеннѣйшіе посѣтители!—отвѣчаетъ ораторъ.—Событіе сіе по настоящему теченію дѣлъ въ Европѣ не представляетъ ничего необыкновеннаго и чрезвычайнаго. Во дни наши изчезали и являлись царства и республики, исходили побѣдители и въ свое время были побѣждены и слава ихъ погибла съ шумомъ; владычествовалъ разумъ, обуявшій вольностью и поправшій въ своемъ неистовствѣ Божескіе и человѣческіе законы—и по всей справедливости посрамленъ, запнутъ и уловленъ въ собственныя сѣти его коварствъ. Святая, вѣчная, Богомъ истины и любви Іисусомъ Христомъ учрежденная религія,—о ужасъ!,—въ нашъ вѣкъ была уничтожена, но нынѣ возстаетъ съ большею силою и славою. При семъ случаѣ не могу удержать движенія сердца моего и въ восторгѣ не воскликнуть: Слава Тебѣ, показавшему намъ Твой свѣтъ! Съ нами Богъ—разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!.....

Когда гордый разумъ, мечтавшій взять приступомъ Небо, среди Европы основалъ престолъ свой и, приводя къ окончанію спѣшно созидаемый имъ вавилонскій столпъ своего владычества, разсчелъ, что онъ, будучи подкрѣпляемъ змѣиными своими хитростями и тысячами тысячъ дерзкихъ и необузданныхъ своихъ поклонниковъ, явныхъ и тайныхъ, вооруженныхъ лжемудріемъ, лукавствомъ, огнемъ и мечомъ, распространитъ темное владычество по всей землѣ, тогда кроткій и благочестивѣйшій Монархъ нашъ воззвалъ къ вѣрному и православному его народу земли святорусскія—стать противу врага до крове!"...

Вся эта шумная тирада, послужившая лишь исходнымъ пунктомъ отправленія для длиннаго ряда дальнѣйшихъ соображеній, посвященныхъ той же цѣли посрамленія „гордаго разума", понадобилась новому ректору

для того, что бы прійти къ заключенію, что разсѣянное этимъ разумомъ лжемудріе коснулось и казанскаго университета:

„Будучи,—говорилъ онъ,—свидѣтелемъ всѣхъ происшествій въ университетѣ почти отъ самаго его начала до сего времени, скажу откровенно, высокопочтеннѣйшіе посѣтители, что сей дымъ кладезя бездны и сіи надменныя волны лжемудрія, отъ которыхъ всѣ вещи двинулись съ мѣстъ своихъ—коснулись и нашего университета. А потому ни мало не удивительно, что онъ такъ скоро и преждевременно состарѣлся и готовъ былъ умереть двоякою смертью—политическою и нравственною. Ему надлежало выпить полную чашу горести, правосудіемъ поднесенную, до самаго дна. Отъ Господа бысть сіе. Но онъ счастливымъ почесть себя долженъ, что Господь, наказуя, наказалъ его, смерти же не предалъ“

Приведя, затѣмъ, длинный текстъ изъ св. апостола Павла о наказаніяхъ, отъ Бога посылаемыхъ (изъ посланія къ евреямъ, гл. 12), ораторъ замѣчаетъ:

„Господь возводитъ и низводитъ, смиряетъ и возноситъ. Христолюбивѣйшій Монархъ нашъ, сердобольный отецъ отечества, не хотѣлъ, что бы изъ царскаго вѣнца его утрачено было хотя одно малое перло. Онъ взыскалъ его. Мощная десница его, удержавшая и сохранившая Европу въ ея паденіи, обновила и утвердила бытіе казанскаго университета, даровавъ ему инструкціи, поручивъ попечителю,—мужу государственному, извѣстному всей Россіи по его христіанской твердости, прозорливости и силѣ характера,—опредѣливъ директора и инспектора“.

Пространное слово проф. Никольскаго,—испещренное и кстати и некстати приводимыми текстами изъ священнаго писанія и ближе напоминающее, составленную по всѣмъ пріемамъ гомилетики, церковную проповѣдь, нежели академическую актовую рѣчь, что почиталось въ эпоху Магницкаго обязательнымъ для всѣхъ публично произносимыхъ рѣчей,—заканчивается призывомъ посѣтителей акта къ молитвѣ:

„Въ заключеніе всего,—восклицаетъ ораторъ,—во имя Господа нашего Іисуса Христа помолимся изъ глубины сердца ко Отцу всѣхъ Свѣтовъ, подателю всѣхъ благъ, да подъ сѣнію кроткаго, величественнаго, благословеннаго Господомъ въ мирѣ и бранѣхъ христолюбивѣйшаго Самодержца нашего, отца отечества, Александра Перваго; подъ покровительствомъ благочестиваго, просвѣщеннаго и исполнен-

наго христіанскихъ добродѣтелей, отирающаго слезы вдовицъ и сиротъ, помощника и утѣшителя страждущаго человѣчества, ревностнаго распространителя слова Божія, господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицина; подъ защитою высокаго въ чувствованіяхъ и христіанскихъ доблестяхъ, одареннаго духомъ и силою необыкновенными (!), господина попечителя нашего Михаила Леонтьевича Магницкаго—начнемъ новый кругъ бытія нашего въ единеніи духа, да Духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благоческія, духъ страха Божія, пребудетъ со всѣми нами!"

Донесеніе директора университета объ актѣ 17-го января, и въ еще большей степени ознакомленіе съ рѣчами, на немъ произнесенными—привели Магницкаго въ восторгъ и заставили забыть впечатлѣніе годичнаго акта 5-го іюля предшествовавшаго года. Теперь считалъ онъ себя въ правѣ уже безъ всякихъ колебаній и сомнѣній торжествовать побѣду надъ лжемудріемъ и увѣнчаніе дѣла обновленія казанскаго университета:

„Съ сердечною радостью получилъ я представленіе ваше о торжествѣ 17-го генваря, въ университетѣ бывшемъ,—читаемъ въ предложеніи Магницкаго директору отъ 15-го февраля.—Всего же утѣшительнѣе для меня видѣть явное благословеніе Божіе на обновленный, о имени Его, университетъ, въ перемѣнѣ духа его.

Превосходную рѣчь господина ректора сравниваю я съ прежними актами и рѣчами—и сіи славословія лжеименнаго разума какъ мракъ отъ свѣта отдѣляются отъ прекрасной, назидательной, высокой бесѣды мужа, не менѣе другихъ въ наукахъ свѣдущаго, но духомъ слова Божія освѣщеннаго.

Рѣчь адъюнкта Дунаева—прекрасна и, сколько могу припомнить, есть первая въ своемъ родѣ изъ произносимыхъ на сей предметъ въ университетахъ.

Слово студента Александра Виноградскаго о золотосодержащемъ пескѣ—дѣлаетъ честь и ему, и г. профессору Тимьянскому.

Рѣчь студента Николая Дмитревскаго о наружномъ богопочитаніи, въ быстромъ взглядѣ на сей важный предметъ—есть похвальное свидѣтельство правильнаго образа мыслей и добраго духа.

Университетъ мнѣ дѣлаетъ излишнюю честь, отдавая на мой счетъ то, что принадлежитъ, въ человѣческомъ отношеніи, единственно и собственно—ему. Съ моей стороны—одни добрыя желанія, съ его—всѣ труды и попеченія; съ моей—воля, съ его—дѣла.

Общее у насъ—односердечное радованіе, что Господу угодно было каждаго изъ насъ, въ своей мѣрѣ, сдѣлать орудіемъ великихъ намѣреній Своихъ, въ соединеніи вѣдѣнія съ вѣрою, и потому всѣ мы

равно и единодушно Ему единому воздадимъ славу, благодареніе и хваленіе.

Привѣтствіе студентовъ университета, чрезъ васъ мнѣ сдѣланное, долженъ я раздѣлить съ вами. Истинная въ Господѣ любовь наша къ нимъ можетъ быть нераздѣльна, но отеческія и сердобольныя о нихъ попеченія ваши—вамъ даютъ преимущественное право на благодарность и привязанность ихъ".

Заслушавъ препровожденную ему директоромъ копію съ этого попечительскаго предложенія, совѣтъ университета счелъ нужнымъ отплатить Магницкому слѣдующимъ представленіемъ отъ 28-го марта: „Совѣтъ, имѣвъ счастье получить отзывъ вашего превосходительства объ университетѣ, исполненный высокихъ и отеческихъ чувствованій радованія, хваленія и воскликновенія (sic) Господу силъ Іисусу Христу, явно ниспосылающему благословеніе Свое благостынное на обновленный въ духѣ о имени Его университетъ, пріятнѣйшею и священною поставляетъ для себя обязанностью принести вашему превосходительству искреннѣйшую и живѣйшую свою благодарность, яко избранному и главному члену, приблизившему сіе высшее учебное заведеніе, Господу Богу помогающу, къ правиламъ и духу святыя соборныя апостольскія церкви, показавшему путь соединенія вѣдѣнія съ вѣрою и неусыпно пекущемуся, да и всѣ другіе члены сего сословія имѣютъ сердце и душу едину въ общемъ Божіемъ дѣлѣ распространенія единаго истиннаго христіанскаго просвѣщенія" [183].

Верхомъ торжества Магницкаго явилось введеніе составленныхъ имъ для казанскаго университета инструкцій въ университетѣ с.-петербургскомъ, что произошло осенью того же 1821 года. Основанный въ 1819 году, какъ разъ въ годъ разгрома Магницкимъ казанскаго университета, около двухъ лѣтъ находился новорожденный университетъ подъ эгидою попечителя С. С. Уварова,—того самаго Уварова, который весною 1819 года выступилъ въ главномъ правленіи училищъ горячимъ заступникомъ присужденнаго Магницкимъ къ „публичному разрушенію" казанскаго университета. Если въ вопросѣ о судьбѣ этого послѣдняго попечителю петербургскаго учебнаго округа и посчастливилось одержать побѣду, то по другимъ вопросамъ народнаго просвѣщенія Уваровъ оставался въ главномъ правленіи училищъ, гдѣ всецѣло властвовали воззрѣнія въ духѣ Магницкаго и гдѣ этому временщику удалось отвоевать себѣ рѣшающее вліяніе, почти въ полномъ одиночествѣ. Особенно сильныя нападки встрѣтилъ въ главномъ правленіи училищъ составленный Уваровымъ проектъ устава для петербургскаго университета, а Магницкій открыто заявлялъ

здѣсь, что проектъ этотъ имѣетъ задачею „отвергнуть всякое нравственное и христіанское образованіе", „несогласенъ съ духомъ правительства" и т. п. Оставаться при такихъ условіяхъ попечителемъ округа и членомъ главнаго правленія училищъ оказывалось невозможнымъ, и въ іюлѣ 1821 года Уваровъ уволился отъ этихъ званій, къ чему побудило его и возникавшее уже дѣло о профессорахъ Германѣ, Раупахѣ, Галичѣ и адъюнктѣ Арсеньевѣ, противъ которыхъ было возбуждено обвиненіе въ религіозной и политической неблагонамѣренности ихъ преподаваній. Преемникомъ Уварова выступилъ Д. П. Руничъ, который, въ союзѣ съ директоромъ университета Д. А. Кавелинымъ и позавидовавъ „лаврамъ" Магницкаго, сталъ продѣлывать надъ петербургскимъ университетомъ всѣ тѣ же самые обновительные эксперименты, какіе передъ тѣмъ совершилъ Магницкій въ университетѣ казанскомъ. Тяжелыя невзгоды постигли вновь основанный университетъ со вступленіемъ Рунича въ управленіе петербургскимъ учебнымъ округомъ: Руничъ и Кавелинъ явились для петербургскаго университета тѣмъ же, чѣмъ были Магницкій и Владимірскій для университета казанскаго. Подражаніе Рунича казанскимъ просвѣтительнымъ распорядкамъ простерлось до того, что новый попечитель, донося главному правленію училищъ, будто бы „бывшій главный педагогическій институтъ, съ переименованіемъ въ университетъ, не преобразился къ лучшему, а только лишился внутренняго порядка своего управленія, отчего произошло крайнее разстройство университета"—въ октябрѣ 1821 года исходатайствовалъ распространеніе дѣйствія составленныхъ Магницкимъ инструкцій директору и ректору и на университетъ петербургскій. „Въ духѣ этихъ инструкцій долженъ былъ подвергнуться преобразованію и петербургскій университетъ,—пишетъ историкъ этого послѣдняго, проф. В. В. Григорьевъ,—но въ столицѣ не совсѣмъ удобно позволять себѣ то, что легко сходитъ съ рукъ въ отдаленной провинціи, а потому въ петербургскомъ университетѣ означенныя инструкціи не могли имѣть такого строгаго приложенія къ дѣлу, какъ въ казанскомъ; хотя и смягченныя, онѣ принесли, однако же, огромный вредъ и для успѣшности научнаго преподаванія, и по отношенію къ нравственности воспитывавшихся поколѣній". Не встрѣтили эти инструкціи въ петербургскомъ университетѣ и того пассивнаго отношенія къ себѣ со стороны профессорской среды, какое встрѣтили онѣ, какъ мы это видѣли, въ университетѣ казанскомъ: „Люди съ благородною душою и свѣжимъ умомъ не могли помириться съ деспотическими и нелѣпыми требованіями, одинъ за другимъ оставляли уни-

верситетъ,—замѣчаетъ проф. Григорьевъ,—и важнѣйшія каѳедры остались пусты"... [184].

Введеніе въ петербургскомъ университетѣ казанскихъ инструкцій представлялось крупнымъ торжествомъ въ глазахъ Магницкаго, которое какъ бы увѣнчивало произведенное имъ обновленіе университета казанскаго: „Съ сердечною радостью увѣдомляю совѣтъ,—писалъ Магницкій въ Казань отъ 11-го ноября 1821 года,—что 21-го октября сего года инструкціи директору и ректору казанскаго университета высочайше утверждены въ руководство санктъ-петербургскому, который нынѣ получилъ титло императорскаго, коего не имѣлъ доселѣ; поздравляя университетъ съ распространеніемъ христіанскихъ его уставовъ, я полагалъ бы приличнымъ, что бы онъ, какъ упредившій всѣ прочіе своимъ обновленіемъ, привѣтствовалъ здѣшній въ духѣ братской любви и вступилъ съ нимъ въ дружественное отношеніе".

Привѣтствіе „въ духѣ братской любви" и было формулировано совѣтомъ казанскаго университета въ видѣ слѣдующаго витіеватаго, хотя и не совсѣмъ складно составленнаго *, отношенія отъ 19-го декабря:

„Совѣтъ казанскаго университета имѣетъ честь привѣтствовать симъ императорскій санктъ-петербургскій университетъ, въ духѣ братской любви, съ новымъ его титломъ и распространеніемъ на него 21-го октября инструкціи директору и ректору казанскаго университета тою же высочайшею самодержавною властію христолюбивѣйшаго государя, побѣдителя, миротворца, законодателя, хранителя, просвѣтителя и нѣжнаго отца своихъ вѣрноподданныхъ, растворяющаго судъ съ милосердіемъ, которая для блага истиннаго просвѣщенія, на христіанскомъ благочестіи основаннаго, даровала ихъ 17-го генваря 1820 года казанскому университету, познающему на самомъ дѣлѣ спасительное ихъ вліяніе въ пріобщеніи къ ученію и житію древнихъ святыхъ отецъ и апостоловъ, у которыхъ сердце и души, согрѣваемыя и оживотворяемыя Духомъ Святымъ, были едино; всероссійскихъ благочестивыхъ князей и государей, великихъ іерарховъ и святителей, которые, при всемъ своемъ просвѣщеніи, смиренно полагали вѣнцы и митры свои и съ благоговѣйнымъ страхомъ и любовію преклоняли колѣна, умъ и сердце предъ престоломъ Сущаго, иже бѣ и грядущаго Отца свѣтовъ, Агнца, закоменнаго отъ сложенія міра, искупившаго ихъ честною кровію Своею и сотворшаго цари и іереи, и воздавали Ему единому всю честь, хвалу, славу и благодареніе.

* Подлинный черновикъ писанъ рукою ректора Никольскаго и утвержденъ директоромъ Владимірскимъ, судя по слѣдующей отмѣткѣ на немъ: «А. Владимірскій читалъ».

Совѣтъ казанскаго университета при семъ имѣетъ честь препроводить,—уже въ совершенно прозаической формѣ добавляетъ отношеніе,—одинъ экземпляръ Казанскаго Вѣстника въ знакъ истиннаго уваженія и любви къ сему высокому сословію ученыхъ мужей".

Совѣтъ петербургскаго университета далъ на это „братское" привѣтствіе очень холодный отвѣтъ отъ 24-го января, въ которомъ на первомъ планѣ поблагодарилъ за присланныя книжки „Казанскаго Вѣстника" и, лишь дополнительно къ этому, кратко и сухо поблагодарилъ за „чувствованія братской любви и желаніе всѣхъ благъ".... [185].

Такъ завершены были Магницкимъ основныя мѣропріятія его по „обновленію" казанскаго университета. Теперь онъ могъ уже безъ дальнѣйшихъ сомнѣній торжествовать побѣду надъ „лжеименнымъ разумомъ", изгнаннымъ имъ изъ казанскаго храма наукъ.

Еще не предвидя грозной катастрофы, уже готовившейся разразиться какъ надъ нимъ самимъ, такъ и надъ его пресловутымъ обновленіемъ и такъ удачно предсказанной проф. Солнцевымъ словами трехстишія:

Qualis tremor est futurus,
Quando judex est venturus
Tua mala dissensurus

—Магницкій въ 1824 году приказалъ утвердить подъ водруженнымъ въ новомъ актовомъ залѣ университета превосходнымъ (оригиналъ знаменитаго Доу) портретомъ императора Александра Павловича золотую планшетку, съ сохранившеюся до нашихъ дней слѣдующею, когда то многознаменательною и грозною, но теперь уже историческою, посвятительною надписью:

„Обновителю Своему обновленный университетъ".

ГЛАВА II

Административно-педагогическія начинанія Магницкаго. Гоненія на науку и ея представителей. Университетскій судъ надъ профессоромъ Г. И. Солнцевымъ.

(1819—1826)

Мѣропріятія Магницкаго по устройству учебной части въ университетѣ.—Заботы о замѣщеніи каѳедръ.—Вновь состоявшіяся назначенія.—1819 годъ: арх. Ѳеофанъ, М. В. Полиновскій, М. Ф. Грацинскій, Д. П. Самсоновъ.—1820 годъ: П. С. Карейша, М. А. Пальминъ, И. Мухинъ, прот. А. И. Нечаевъ, П. Г. Пятницкій, А. В. Кайсаровъ, В. Я. Баженовъ, А. Е. Лентовскій, П. М. Васильевъ, М. В. Скворцовъ.—1821 и 1822 годы: Н. О. Юферовъ, С. А. Протасовъ, А. П. Владимірскій, А. К. Жобаръ, Г. С. Суровцовъ, Е. А. Груберъ, И. К. Ероховъ, Л. Л. Фогель, А. А. Ѳедоровъ.—1823 годъ: П. С. Сергѣевъ, св. Ф. Т. Талантовъ, Ф. Пелатье, Н. Ѳ. Кулаковъ, Э. И. Эйхвальдъ, А. Я. Купферъ, Ѳ. Е. Кандаковъ, М. С. Рыбушкинъ, С. А. Мистаки, И. Ф. Грацинскій.—1824, 1825 и начало 1826 года: П. А. Потѣхинъ, Я. М. Караблиновъ, И. И. Бюрно, И. Ѳ. Краузе, Я. А. Миллеръ, Н. Д. Брашманъ, Г. Фишеръ.—Игнорированіе избирательныхъ правъ университета и безпорядочность въ распредѣленіи каѳедръ.

Мѣры по организаціи преподаваній.—Требованіе ежемѣсячныхъ меморій.—Утвержденіе обозрѣній преподаваній.—Самовольныя измѣненія въ учебныхъ планахъ.—Соединеніе юридическихъ каѳедръ.—Введеніе преподаванія византійскаго права и европейскихъ конституцій.—Изгнаніе отдѣльныхъ наукъ.

Мѣры обезпеченія успѣшности преподаванія.—Кассація выпускныхъ экзаменовъ 1819 года.—Неудавшаяся публичность экзаменовъ.—Поощрительныя награды медалями и книгами.—Заботы о введеніи практическихъ занятій.—Устройство ежемѣсячныхъ испытаній.

Заботы объ обезпеченіи благонамѣреннаго духа преподаванія.—Честолюбивые замыслы попечителя.—Его всеподданнѣйшая записка «о народномъ воспитаніи».—Мѣры обезпеченія благонамѣренности преподавателей и преподаваній.—Походъ противъ философіи и вопросъ объ ея преподаваніи.—Гоненіе на естественное право.—Трактатъ проф. Г. Н. Городчанинова.—«Мнѣніе объ естественномъ правѣ» Магницкаго и сужденія о немъ въ главномъ правленіи училищъ.—Преслѣдованіе «вредныхъ» пособій и мѣры къ составленію «благонамѣренныхъ».—Представленіе конспектовъ, какъ мѣра контроля надъ духомъ преподаваній.—Общій характеръ конспектовъ и требованія къ нимъ Магницкаго.—Выдержки изъ профессорскихъ конспектовъ и критикъ ихъ попечителемъ.—Деморализующее вліяніе фарисейскихъ требованій Магницкаго.—Домогательства бывшаго профессора А. И. Арнгольдта.

Преслѣдованія преподавателей по подозрѣніямъ въ неблагонамѣренности.—Инцидентъ лектора И. Ѳ. Лейтера.—Университетскій судъ надъ профессоромъ Г. И. Солнцевымъ.—Инкриминація Солнцеву его курса естественнаго права.—Запрещеніе преподаванія и преданіе университетскому суду.—Организація, формы и порядокъ суда.—Судебное слѣдствіе и формулировка обвиненій противъ Солнцева.—Приговоръ университетскаго суда.—Двусмысленное положеніе Магницкаго и торжество Солнцева.

Мы прослѣдили въ предшествовавшей главѣ начальныя и общаго характера начинанія, направленныя Магницкимъ къ „обновленію“ казан-

скаго университета, начинанія, въ которыхъ уже въ достаточной мѣрѣ выразились какъ общій духъ, такъ и пути, положенные имъ въ основу своей преобразовательной,—вѣрнѣе разрушительной,—дѣятельности. Намъ предстоитъ теперь ознакомиться съ отдѣльными сторонами той же дѣятельности Магницкаго, явившимися лишь дальнѣйшимъ и логическимъ развитіемъ общихъ началъ, положенныхъ въ основу его новаторскихъ тенденцій, вообще, и въ основу созданныхъ имъ инструкцій директору и ректору университета, въ особенности.

Намъ уже въ достаточной степени извѣстно, что постановка въ казанскомъ университетѣ преподаванія и неудовлетворявшій его составъ преподавателей—явились мишенью, на которую направлены были первые удары новаго попечителя казанскаго учебнаго округа. Магницкій быстро свелъ счеты съ личнымъ составомъ университета; разогнавъ часть профессоровъ, терроризировавъ оставленныхъ имъ на службѣ и пополнивъ его своими креатурами, онъ совершенно подчинилъ себѣ совѣтъ университета, сдѣлавъ его покорнымъ и безсловеснымъ орудіемъ своей воли и своихъ обновительныхъ измышленій. Но не въ одномъ преподавательскомъ персоналѣ видѣлъ попечитель источникъ разлагающихъ началъ, признанныхъ имъ въ жизни казанскаго университета; въ еще большей степени усматривалъ онъ ихъ въ направленіи и въ общей постановкѣ здѣсь преподаванія—и на эту то сторону университетской жизни съ особенною ревностью и уже съ самаго начала направилась преобразовательная дѣятельность Магницкаго, съ полною справедливостью заслуживающая позорное названіе—гоненія на науку.

Принявъ въ руки бразды управленія округомъ, Магницкій отнесся съ самою суровою безпощадностью къ итогамъ предшествовавшей просвѣтительной дѣятельности университета, видя въ нихъ черты исключительно отрицательнаго характера. Университетъ сѣялъ плевелы безвѣрія и лжемудрія, университетъ наводнилъ округъ недоученными, умственно и нравственно развращенными учителями—таковы излюбленныя обвиненія, возводившіяся на казанскій университетъ новымъ его попечителемъ. Въ итогахъ университетской дѣятельности безусловно отрицалось имъ все то, что имѣло мѣсто до „возобновленія“ университета—при старомъ порядкѣ, какъ любилъ выражаться Магницкій. Съ этой, именно, точки зрѣнія и установились отношенія Магницкаго какъ къ преподавательскому персоналу казанскаго университета, такъ и къ постановкѣ въ немъ преподаванія.

Совершонный Магницкимъ передъ самымъ началомъ 1819—1820 учебнаго года разгромъ преподавательскаго персонала университета выдвинулъ

впередъ весьма серьезный вопросъ объ организаціи предстоящихъ учебныхъ курсовъ и мы уже знакомы съ тѣми мѣрами временнаго характера, которыя были предприняты съ этою цѣлью университетскимъ совѣтомъ *. Хотя Магницкому и представилась возможность, благодаря этимъ мѣрамъ, донести министру, что въ разгромленномъ казанскомъ университетѣ преподаваніе наукъ на первое время обезпечено, тѣмъ не менѣе передъ центральными органами народнаго просвѣщенія и передъ самимъ совѣтомъ съ прежнею настоятельностью возсталъ нелегкій вопросъ относительно замѣщенія въ казанскомъ университетѣ вакантныхъ кафедръ. Этотъ вопросъ ставился на очередь и высочайшимъ повелѣніемъ, воспослѣдовавшимъ по докладу князя Голицина относительно ревизіи казанскаго университета, въ которомъ предписывалось „для пополненія факультетовъ отыскать способныхъ профессоровъ въ другихъ учебныхъ округахъ, дабы предпочтительно опредѣляемы были изъ русскихъ, а въ случаѣ недостатка выписывать и изъ чужихъ краевъ, но токмо не иначе, какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о нравственности ихъ“ **.

Мѣры къ замѣщенію въ казанскомъ университетѣ вакантныхъ кафедръ стали приниматься уже съ осени 1819 года. Министръ народнаго просвѣщенія, извѣщая попечителя предложеніемъ отъ 5-го ноября относительно согласія своего на назначеніе добавочнаго жалованья преподавателямъ, замѣстившимъ вторыя кафедры, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ Магницкаго, что, „касательно пріисканія способныхъ профессоровъ въ казанскій университетъ“, онъ отнесся къ попечителямъ петербургскаго и московскаго учебныхъ округовъ и, сверхъ того, писалъ въ медико-хирургическую академію и московскій университетъ, спрашивая эти учрежденія—„не имѣютъ ли они въ виду знающихъ и надежныхъ ученыхъ, достойныхъ всякаго довѣрія и по нравственнымъ качествамъ своимъ“. Князь Голицинъ давалъ, при этомъ, казанскому попечителю полномочіе „публиковать отъ лица университета приглашенія желающимъ къ поступленію въ профессоры и, сверхъ того, пріискивать оныхъ всѣми другими способами, по возможности“.

Неутѣшительныя вѣсти шли изъ Казани относительно новой постановки здѣсь академической жизни—и не представляется поэтому нисколько удивительнымъ, что изъ людей, серьезно относящихся къ наукѣ, не оказывалось желающихъ ѣхать служить подъ начальствомъ Магницкаго. 8-го

---

* См. выше стр. 331—332.

** См. выше стр. 311.

декабря министръ увѣдомилъ попечителя, что императорская медико-хирургическая академія дала ему на его запросъ отвѣтъ, что „изъ числа находящихся при академіи чиновниковъ не имѣется никого, кто бы желалъ вступить въ должность профессора при казанскомъ университетѣ“, а слѣдомъ затѣмъ совершенно такой же неутѣшительный отвѣтъ полученъ былъ и отъ попечителя московскаго учебнаго округа. Болѣе удовлетворительный отвѣтъ полученъ былъ въ началѣ ноября 1819 года отъ виленскаго университета, съ наилучшей стороны рекомендовавшаго для занятія въ казанскомъ университетѣ кафедры хирургіи своего помощника профессора хирургіи, доктора медицины К. Порціанка, изъявившаго согласіе вступить въ службу казанскаго университета, но эта кандидатура не состоялась въ виду предъявленнаго Магницкимъ требованія, что бы Порціанка, „по занимаемому имъ мѣсту и, особенно, по молодымъ лѣтамъ“, подвергся для занятія кафедры, не взирая на имѣющуюся у него докторскую степень, особому экзамену,—условіе, которое тѣмъ принято, конечно, не было *. Въ концѣ ноября 1819 года полученъ былъ министромъ отвѣтъ и отъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, въ которомъ Уваровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта петербургскаго университета, рекомендовалъ для занятія въ казанскомъ университетѣ вакантныхъ кафедръ: дипломатики и политической экономіи—старшаго учителя новгородской гимназіи Парѳена Никольскаго, химіи и металлургіи—„элева“ императорской академіи наукъ Ивана Мухина. Опредѣленіе въ казанскій университетъ Никольскаго не состоялось въ виду отзыва Магницкаго, заявившаго, что и „изъ учителей по казанскому округу могутъ сыскаться равнаго съ г. Никольскимъ достоинства“, почему онъ и не можетъ „сдѣлать ему предпочтенія предъ другими, назначеніемъ въ профессоры, не зная его ни лично, ни по сочиненіямъ“. Что касается „элева“ академіи Мухина, то, благодаря изъявленному попечителемъ согласію, онъ 11-го марта 1820 года былъ назначенъ въ казанскій университетъ адъюнктомъ химіи и металлургіи, съ окладомъ экстраординарнаго профессора и съ обязательствомъ пріобрѣсти профессорское званіе, но уже 13-го іюля того же года уволился, фактически въ должность не вступивъ и принявъ пред-

* Патрономъ Порціанка былъ извѣстный профессоръ хирургіи В. В. Пеликанъ, давшій о своемъ помощникѣ отзывъ, что онъ «чрезъ три года съ великою похвалою исправляя должность помощника профессора, исчисленныя операціи (приложенъ списокъ ихъ) сдѣлалъ на живыхъ людяхъ въ моемъ присутствіи, со всевозможнымъ искусствомъ и желаемымъ успѣхомъ». Безтактность попечителя явилась, такимъ образомъ, причиною, лишившею казанскій университетъ даровитаго молодого хирурга.

ложенное ему мѣсто адъюнктъ-профессора въ горномъ кадетскомъ корпусѣ; девять лѣтъ спустя (въ сентябрѣ 1829 г.) Мухинъ снова, но безуспѣшно, искалъ ту же кафедру въ казанскомъ университетѣ [186].

Если на призывъ къ занятію кафедръ въ казанскомъ университетѣ не отзывались болѣе или менѣе крупныя научныя силы, то нельзя сказать, что бы съ предложеніемъ своихъ услугъ не являлись разнаго рода случайные претенденты, надѣявшіеся воспользоваться переходнымъ временемъ въ жизни университета для того, что бы пристроиться къ ученой службѣ. Выступали кандидаты, не располагавшіе никакими правами къ полученію кафедръ, не имѣвшіе за собою ни научныхъ заслугъ, ни, даже, необходимыхъ для того ученыхъ степеней. Такъ, ещё въ іюлѣ 1819 года къ только что назначенному попечителемъ Магницкому обратился съ прошеніемъ нѣкій титулярный совѣтникъ Иванъ Платоновъ, изъявляя желаніе занять въ казанскомъ университетѣ должность профессора еврейскаго языка и мотивируя свое домогательство тѣмъ, что онъ еще въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія въ теченіи двухъ лѣтъ обучалъ этому языку въ троице-сергіевской семинаріи и что знаетъ „языки еврейскій, сирскій, халдейскій, талмудъ, габавли, талмудъ іерусалимскій, произношенія, ноты и пр." Магницкій изъявилъ было согласіе удовлетворить ходатайство просителя съ тѣмъ условіемъ, что бы онъ выдержалъ соотвѣтствующее испытаніе въ знаніи еврейскаго языка, но министръ предложеніемъ отъ 19-го іюля отклонилъ представленіе попечителя, сославшись на то, что въ казанскомъ университетѣ „не положено особой кафедры еврейскаго языка и, притомъ, знанія просителя не доказаны". Въ іюлѣ того же года подалъ прошеніе объ опредѣленіи его ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ матеріи-медики и фармаціи отставной штабъ-лекарь колл. ассес. Ѳ. М. Рындовскій; такъ какъ изъ отзыва, потребованнаго объ этомъ претендентѣ отъ близко знавшаго его проф. Фукса, выяснилось, что, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своихъ, Рындовскій „болѣе имѣетъ наклонности къ упражненію въ отечественной словесности *, нежели къ научной медицинѣ, что у него не имѣется ни ученыхъ трудовъ, ни даже, ученой степени доктора", то попечитель вынужденъ былъ высказаться въ отрицательномъ по отношенію къ претенденту смыслѣ. Неудачею завершилась и попытка бывшаго учителя казанской духовной академіи М. В.

* Ѳедоръ Михаиловичъ Рындовскій—мѣстный поэтъ и членъ казанскаго общества любителей отечественной словесности; въ единственномъ томѣ «Трудовъ» этого послѣдняго (Каз. 1815) напечатано большое лирическое стихотвореніе его въ трехъ пѣсняхъ, подъ названіемъ «Міръ» (стр. 100—115).

Полиновскаго, еще въ началѣ 1819 года изъявившаго желаніе получить въ университетѣ званіе адъюнкта латинской словесности; не взирая на то, что онъ лѣтомъ 1819 года былъ допущенъ къ преподаванію въ университетѣ латинскаго языка и что въ началѣ слѣдующаго учебнаго года словесное отдѣленіе высказалось въ пользу этого кандидата, Магницкій предложеніемъ отъ 4-го ноября отклонилъ его избраніе, сославшись на то, что „приняты уже здѣсь (т. е. въ министерствѣ) мѣры къ пріисканію надежныхъ людей" для замѣщенія кафедры и адъюнктуры латинской словесности. Это рѣшеніе попечителя находилось въ связи съ желаніемъ его предоставить въ университетѣ кафедру латинской словесности инспектору казанской духовной семинаріи Смоленскому, который, однако же, въ январѣ 1820 года отклонилъ сдѣланное ему въ этомъ смыслѣ Магницкимъ предложеніе. Продолжая преподаваніе въ университетѣ, Полиновскій, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, добился званія адъюнкта лишь въ началѣ лѣта 1823 года. Въ январѣ 1820-го же года отказъ со стороны попечителя постигъ и лекаря Стефана Добронравова, домогавшагося кафедры патологіи и терапіи; въ маѣ такая же участь постигла прозектора московской медико-хирургической академіи Алентова, въ августѣ— прозектора дерптскаго университета Вахтера, просившихся на кафедру анатоміи; въ концѣ того же года выступилъ съ заявленіемъ относительно желанія занять одну изъ медицинскихъ кафедръ инспекторъ оренбургской врачебной управы Шпиръ, предлагая свои услуги для преподаванія и физіологіи, и патологіи съ терапіею и клиникою, и химіи, и фармакологіи, и судебной медицины и, даже, повивальнаго искусства; этому претенденту былъ объявленъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что „на врачебныя кафедры выписываются уже профессоры изъ Австріи" [187].

Что бы покончить съ вопросомъ о претендентахъ на кафедры въ казанскомъ университетѣ, выступавшихъ въ эпоху попечительства Магницкаго, но домогательства которыхъ остались неудовлетворенными, перечислимъ ихъ здѣсь, слѣдуя хронологическому порядку и исключая тѣхъ, о которыхъ было уже сказано выше *.

1820—1823 годы.

Арцыбышевъ Н. С., извѣстный историкъ. Предпринявъ еще въ 1815 году неудачную попытку получить отъ казанскаго университета степень доктора русской исторіи honoris causa (см. томъ II, стр. 83—

* Что бы не обременять ссылокъ къ настоящему тому, мы будемъ приводить для интересующихся, въ скобкахъ, указанія на дѣла архива университета, въ которыхъ заключаются соотвѣтствующія данныя.

85), въ 1820 году искалъ кафедру русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ. Разсчитывая получить кафедру въ казанскомъ университетѣ, въ 1819 и 1820 годахъ доставилъ для отзыва свои труды, въ томъ числѣ и первую часть будущаго своего „Повѣствованія о Россіи", но Баженовъ и Булыгинъ вмѣнили автору въ упрекъ, что онъ „не поставлялъ себѣ главною обязанностью сообразовываться съ инструкціею для ректора" и „занимался, преимущественно, критическими розысканіями" (Сов. 1819, № 191; 1820, № 352; 1822, №№ 29, листы 52 и 73, 362, листъ 387).

1821 годъ.

Поповъ, старшій учитель астраханской гимназіи, въ мартѣ мѣсяцѣ намѣчался къ занятію въ казанскомъ университетѣ должности адъюнкта юридическихъ наукъ, но въ августѣ того же года попечитель отклонилъ его кандидатуру, въ виду „недостаточности" его учительскихъ преподаваній и „холодности къ должности" (Сов. 1821, № 132).

Фирекъ Ф. В., пасторъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ искалъ кафедру латинскаго, греческаго или еврейскаго языковъ; словесное отдѣленіе не признало удовлетворительнымъ представленный имъ конспектъ, отдавъ, однако, дань „духу благочестія, украшающему его творенія". Впослѣдствіе лекторъ нѣмецкаго языка (1821, Сов. № 139, Поп. № 99).

Тиле В. Л., докторъ медицины и врачъ мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія, въ декабрѣ предпринялъ неудачную попытку получить кафедру врачебнаго веществословія; послѣ такой же неудачной попытки 1828 года сдѣлаться профессоромъ судебной медицины, въ 1836—1837 г.г. временно преподавалъ судебную медицину и діететику (Сов. 1821, № 365, 1822, № 362, листъ 92).

1822 годъ.

Колбай Матвѣй, докторъ философіи пештскаго университета, въ апрѣлѣ просилъ попечителя предоставить ему кафедру правовѣдѣнія; дѣло оставлено безъ движенія вслѣдствіе неудовлетворительнаго отзыва объ его трудахъ, даннаго осенью того же года нравствено-политическимъ и словеснымъ отдѣленіями, причемъ ему поставлено въ укоръ, что въ его диссертаціи имѣются два положенія, „противныя его совѣсти, какъ католика" (1822, Сов. № 270; Поп. № 14, листы 77, 88, 96—98).

Умиссъ Иванъ, моравецъ, врачъ въ г. Одессѣ, рекомендовался министромъ на одну изъ медицинскихъ кафедръ, но уже весною отказался отъ намѣренія ѣхать въ Казань (Поп. 1822, № 14, листы 1—8, 84; Арх. мин. нар. пр., 1822, № 1—14452).

1823 годъ.

Брандейсъ, докторъ медицины императорской медико-хирургической академіи, въ январѣ мѣсяцѣ обратился къ попечителю съ просьбою о кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники, матеріи-медики или су-

дебной медицины; представленъ Магницкимъ къ опредѣленію ординарнымъ профессоромъ судебной медицины, но назначеніе его встрѣтило со стороны министра препятствія финансоваго характера (1823, Поп., № 9, листы 17—18, 25, 31—36, 50).

Кильвейнъ Густавъ, докторъ философіи, воспитанникъ дерптскаго университета, въ мартѣ безуспѣшно ходатайствовалъ относительно предоставленія ему кафедры политической экономіи и дипломатики (тамъ же, листы 54—56).

Трейеръ, лекарь, весною рекомендовался герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ къ занятію одной изъ медицинскихъ профессуръ; не смотря на высокую протекцію, Магницкій предложилъ ему, въ виду отсутствія докторской степени, лишь адъюнктуру, отъ которой тотъ отказался (тамъ же, листъ 59).

Гауптъ, докторъ медицины, въ маѣ мѣсяцѣ просился на одну изъ кафедръ врачебнаго отдѣленія, но уже въ іюнѣ снялъ свою кандидатуру, быть можетъ вслѣдствіе не вполнѣ одобрительнаго отзыва, даннаго факультетомъ объ его трудахъ (тамъ же, листы 76, 121, 123, 135).

Кручининъ Н. Г., лекарь, воспитанникъ казанскаго университета выпуска 1821 года, врачъ пермскаго военнаго госпиталя, въ октябрѣ мѣсяцѣ искалъ званія адъюнкта патологіи и терапіи, но ходатайство его попечителемъ отклонено (1823, Поп., № 51).

1824 годъ.

Ведринскій, медико-хирургъ, лекарь госпиталя лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, весною 1824 года предполагался Магницкимъ къ занятію медицинской кафедры, но военно-медицинское вѣдомство отказало ему въ увольненіи (1824, Поп., № 47).

Нассе, экстраординарный академикъ, безуспѣшно искалъ лѣтомъ этого года кафедру химіи, технологіи или фармаціи (1824, Поп., № 63, листы 76, 94—95).

1825 годъ.

Никольскій Е., титулярный совѣтникъ, въ февралѣ мѣсяцѣ предпринималъ безуспѣшную попытку получить званіе экстраординарнаго профессора или адъюнкта всеобщей исторіи (1825, Сов., № 51).

Лажечниковъ И. И., извѣстный романистъ, въ званіи директора казанской гимназіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ходатайствовалъ объ опредѣленіи его на должность адъюнкта русской исторіи. Избранный 30-го сентября совѣтомъ университета въ званіе адъюнкта русской словесности, утвержденъ не былъ, съ порученіемъ, взамѣнъ адъюнктуры, должности инспектора студентовъ (1825, Сов., № 126, листы 1—4, 6—8, 13 об.).

Тихомировъ В., докторъ медицины, лѣтомъ этого года искалъ кафедру по врачебному отдѣленію (1825, Поп., № 105).

Нѣловъ, казанскій помѣщикъ, предложенъ проф. Фуксомъ, за свои познанія въ нумизматикѣ, къ избранію въ адъюнкты; 30-го сентября совѣтомъ избранъ, но утвержденія его въ этомъ званіи не послѣдовало (1825, Сов., № 126, Поп., № 16, листъ 80).

Симоновичъ, профессоръ одесскаго Ришельевскаго лицея, осенью искалъ въ казанскомъ университетѣ кафедру политической экономіи и дипломатики, но весною кандидатура его снята попечителемъ съ очереди (1825, Поп., № 139).

Поповъ, директоръ училищъ вятской губерніи, въ октябрѣ неудачно представлялся ректоромъ Фуксомъ къ занятію должности ординарнаго профессора латинскаго языка (1825, Сов., № 262).

1826 годъ.

Беръ, купеческій сынъ, получившій образованіе заграницею, въ началѣ года безуспѣшно ходатайствовалъ о предоставленіи ему юридической кафедры въ казанскомъ университетѣ (1826, Поп., № 15).

Обиліе претендентовъ на соисканіе кафедръ, притомъ претендентовъ, не имѣвшихъ за собою никакого ученаго ценза, или же цензъ весьма сомнительный, побудило Магницкаго уже въ началѣ 1820 года ходатайствовать передъ министромъ относительно повышенія требованій отъ лицъ, ищущихъ профессуры, въ видахъ чего онъ обратился къ министру съ представленіемъ слѣдующаго содержанія:

„Многія лица входятъ ко мнѣ съ прошеніями объ опредѣленіи въ казанскій университетъ на мѣста профессоровъ и адъюнктовъ, безъ достаточныхъ доказательствъ о способности для занятія оныхъ. Я нахожу, что легкость, съ каковою получаются сіи мѣста, привлекаетъ столь много искателей, а вмѣстѣ уничтожаетъ и цѣну самыхъ званій. Посему, для поддержанія важности оныхъ и дабы сдѣлать пріобрѣтеніе ихъ наградою истинныхъ только дарованій и отличныхъ знаній, я полагалъ бы поставить правиломъ, что никто не можетъ быть профессоромъ, не бывъ прежде докторомъ, и адъюнктомъ, не имѣвъ званія магистра,—кромѣ россіянъ и иностранцевъ, опредѣляемыхъ по особенной извѣстности въ ученомъ свѣтѣ“.

Предложеніемъ отъ 19-го февраля 1820 года князь Голицинъ вполнѣ присоединился ко мнѣнію Магницкаго и 27-го февраля дано было въ этомъ смыслѣ предписаніе совѣту университета, хотя мы будемъ имѣть ниже многіе случаи убѣдиться въ томъ, что какъ попечитель, такъ и министръ, сами же систематически нарушали это, вполнѣ разумное, постановленіе.

И такъ—всѣ старанія министерства добыть для казанскаго университета достойныхъ профессоровъ въ предѣлахъ Россіи оставались безрезуль-

татными и надежды на возможность пополненія факультетовъ необходимыми для нихъ силами изъ русскихъ людей казались неосуществимыми. А потребность въ такомъ пополненіи представлялась неотложною, въ особенности же на врачебномъ отдѣленіи, гдѣ, по собственнымъ словамъ Магницкаго, профессору Фуксу въ 1819—1820 учебномъ году волею-неволею пришлось въ единственной особѣ своей олицетворять весь медицинскій факультетъ; дѣло дошло здѣсь до того, что, за оставленіемъ въ началѣ 1820 года службы проф. Вердерамо, Фуксу было разрѣшено одному, но въ присутствіи директора университета, производить испытанія на всѣ медицинскія ученыя степени. Немногимъ лучше обстояло дѣло и на отдѣленіи нравственно-политическомъ, на которомъ всѣ три кафедры правовѣдѣнія соединились въ одномъ лицѣ проф. Солнцева, а въ началѣ 1822 года дѣло дошло и здѣсь до того, что, за недостаткомъ членовъ отдѣленія, магистерскій экзаменъ Протасова производился въ присутствіи директора и ректора университета.

Уже извѣстное намъ высочайшее повелѣніе о возстановленіи казанскаго университета давало разрѣшеніе на приглашеніе профессоровъ, въ случаѣ недостатка русскихъ ученыхъ, и изъ чужихъ краевъ, съ непремѣннымъ только условіемъ гарантіи нравственныхъ качествъ приглашаемыхъ. Германія являлась классическою страною учености, поставлявшею профессоровъ для вновь основывавшихся русскихъ университетовъ; германскіе ученые положили, какъ мы уже знаемъ, краеугольный камень твердой постановки научнаго дѣла и въ казанскомъ университетѣ. Всего естественнѣе представилось бы обратиться и на этотъ разъ къ тому же неисчерпаемому кладезю людей науки, но Германія рисовалась въ глазахъ Магницкаго именно тѣмъ очагомъ безвѣрія и зломудрія, ядъ котораго распространился на всю Европу. Виды на германскую науку приходилось оставить, поэтому, въ сторонѣ и взоры казанскаго попечителя обратились на Галицкую Русь, съ ея населеніемъ, родственнымъ намъ и по происхожденію, и по вѣрѣ, и по самому языку. Магницкій, съ присущею ему рѣшимостью, поспѣшилъ поставить осѣнившую его идею на почву практическаго осуществленія и уже 23-го января 1820 года обратился къ своему министру съ представленіемъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше сіятельство изволили видѣть, сколь безуспѣшно было обращеніе ваше ко всѣмъ университетамъ нашимъ съ вызовомъ профессоровъ въ Казань.

За симъ слѣдовало бы обратиться, какъ доселѣ бывало, къ Германіи, но духъ сей страны таковъ, что лучше отказаться отъ

ученостн, нежели прививать къ отечеству нашему духовную заразу, въ ней свирѣпствующую.

Одинъ народъ, отъ котораго можно намъ желать ученыхъ—есть карпато-россы, говорящіе однимъ съ нами языкомъ и сохраняющіе вѣру предковъ нашихъ, которая защищаетъ доселѣ племена славянскія отъ духа философизма. Но извѣстно, что правительство австрійское не благопріятствуетъ сношеніямъ карпато-россовъ съ нами. Профессоры, кои изъ сей націи украшаютъ здѣшній (т. е. петербургскій) университетъ, не могли по сей причинѣ сохранить связей съ своимъ отечествомъ и опасаются даже перезывать изъ онаго людей. Слѣдовательно—одинъ остается для сего способъ: непосредственное сношеніе правительствъ.

Я пріемлю смѣлость испрашивать сей милости для благосостоянія обширнѣйшаго учебнаго округа, надъ которымъ нынѣ, отъ Камчатки до Персіи, мановеніемъ его величества восходитъ уже заря христіанскаго просвѣщенія"......

На запросъ министра, для какихъ именно кафедръ требуются ему эти призрачные ученые изъ „карпато-россовъ", Магницкій указалъ слѣдующія: политической экономіи, натуральной исторіи, химіи и металлургіи, теоретической и опытной физики, технологіи, анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, врачебнаго веществословія и фармаціи, хирургіи, повивальнаго искусства, скотолеченія, греческой словесности, древностей и латинской словесности.

Желаніе попечителя казанскаго учебнаго округа было и на этотъ разъ исполнено и князь Голицинъ исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе на осуществленіе идеи Магницкаго. Съ этою цѣлью были предприняты сношенія съ галиційскимъ архіепископомъ, начальникомъ венгерскаго королевскаго архива, директоромъ венгерскаго королевскаго музея и нѣкоторыми другими лицами, причемъ были сообщены къ необходимому свѣдѣнію условія и требованія для ученыхъ, желающихъ вступить въ службу казанскаго университета. Единственнымъ лицомъ, отозвавшимся на вызовъ русскаго правительства, оказался нѣкій Михаилъ Банія, предлагавшій свои услуги для занятія кафедры исторіи, въ случаѣ же надобности—любой другой кафедры по отдѣленіямъ философскому и юридическому, но съ этимъ претендентомъ дѣло не уладилось, министръ же народнаго просвѣщенія въ октябрѣ 1822 года увѣдомилъ казанскаго попечителя, что „какой успѣхъ имѣли сіи сношенія—не получилъ я еще никакого свѣдѣнія", чѣмъ вся эта затѣя Магницкаго и окончилась [188].

Слѣдуя порядку, который былъ принятъ и въ двухъ первыхъ частяхъ нашего труда, мы сгруппируемъ въ одно цѣлое, въ хронологической по-

слѣдовательности, всѣ данныя, касающіяся измѣненій въ личномъ преподавательскомъ составѣ казанскаго университета за годы попечительства надъ нимъ Магницкаго, что способно будетъ, во первыхъ—представить болѣе выпуклую картину дѣятельности Магницкаго въ этомъ направленіи, а во вторыхъ—освободитъ наше послѣдующее изложеніе отъ необходимости эпизодическихъ возвращеній къ этому вопросу *.

Начнемъ съ 1819 года—перваго года попечительства Магницкаго.

Вступленіе Магницкаго въ должность попечителя ознаменовалось, какъ мы это уже знаемъ, увольненіемъ девяти профессоровъ, признанныхъ имъ или неблагонадежными, или неспособными къ продолженію университетской службы. Этотъ первый мартирологъ включилъ въ себя слѣдующихъ представителей казанской науки: барона Врангеля, Цеплина, Срезневскаго, Брейтенбаха, Арнгольдта, Германа, Эриха, Томаса и Яковкина.

Первый годъ попечительства Магницкаго далъ всего только четырехъ новыхъ университетскихъ преподавателей: преподавателя богословія архимандрита Ѳеофана, относительно обстоятельствъ опредѣленія котораго въ университетъ свѣдѣнія уже были приведены нами выше (см. стр. 333), и временныхъ замѣстителей кафедръ: латинской словесности—М. В. Полиновскаго, греческой словесности—М. Ф. Грацинскаго и Д. П. Самсонова.

Архимандритъ Ѳеофанъ, утвержденный 14-го декабря 1819 года преподавателемъ богословія, съ порученіемъ преподаванія и церковно-библейской исторіи, недолго пробылъ въ личномъ составѣ казанскаго университета: онъ былъ уже 24-го февраля 1823 года уволенъ изъ университета, вслѣдствіе представленія попечителя министру о малоуспѣшности его преподаванія.

Михаилъ Васильевичъ Полиновскій, будучи учителемъ латинскаго языка въ казанской гимназіи, 26-го іюня 1819 года опредѣленъ въ казанскій университетъ преподавателемъ латинскаго языка и только 26-го мая 1823 года оказался избраннымъ и 8-го іюля утвержденнымъ адъюнктомъ по кафедрѣ латинской словесности; уволенъ изъ университета 16-го мая

* Въ виду вполнѣ выясненнаго, ко времени написанія этихъ строкъ, вопроса о выпускѣ въ свѣтъ, одновременно съ первыми томами настоящаго труда, біографическаго словаря профессоровъ и преподавателей казанскаго университета за первое столѣтіе его существованія, мы считаемъ возможнымъ давать отнынѣ біографическія свѣдѣнія относительно профессоровъ и преподавателей въ формѣ болѣе сжатой, нежели дѣлали это до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что авторомъ настоящей исторіи университета и составителемъ біографическаго словаря—является одно и тоже лицо.

1835 года, съ назначеніемъ на должность директора училищъ вятской губерніи (см. выше томъ II, стр. 57—58).

Михаилъ Фроловичъ Грацинскій, опредѣленный 25-го ноября 1819 года въ казанскій университетъ преподавателемъ латинскаго, а съ 1-го октября 1820 года—греческаго языка, былъ съ 8-го іюля 1823 года адъюнктомъ, а съ 2-го февраля 1832 года экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ греческой словесности; оставилъ университетъ 1-го августа 1837 года, съ назначеніемъ на должность директора училищъ нижегородской губерніи.

Доремидонтъ Петровичъ Самсоновъ, получившій въ началѣ 1819—1820 учебнаго года временное порученіе „изъяснять студентамъ практическія правила греческаго языка", уже въ ноябрѣ 1820 года былъ совершенно уволенъ изъ учебнаго вѣдомства (см. томъ II, стр. 61—66).

1820-ый годъ,—второй годъ попечительства Магницкаго,—принесъ съ собою весьма значительныя измѣненія въ личномъ составѣ казанскаго университета.

Скажемъ, прежде всего, объ утратахъ, понесенныхъ въ этомъ году университетомъ. За 1820-ый годъ изъ преподавательскаго персонала послѣдняго выбыли слѣдующія лица: а) адъюнктъ историческихъ наукъ М. А. Юнаковъ, преподававшій въ первую половину 1819—1820 учебн. года всеобщую географію и статистику и русскую статистику и скончавшійся 3-го января 1820 года; б) ордин. проф. повивальнаго искусства Э. О. Вердерамо, сверхъ этого предмета преподававшій въ первую половину 1819—1820 учебн. года хирургію и врачебное веществословіе, уволившійся 23-го января 1820 года; в) ордин. проф. Ф. К. Броннеръ, фактически покинувшій Казань еще осенью 1817 года и формально уволенный 11-го мая 1820 года; г) ордин. проф. чистой математики М. Ѳ. Бартельсъ, 21-го сентября 1820 года перемѣстившійся въ дерптскій университетъ; д) преподаватель музыки П. Х. Нейманъ, уволенный въ октябрѣ 1820 года; е) ордин. проф. русской словесности В. М. Перевощиковъ, въ 1819—1820 учебн. году преподававшій также русскую исторію и 26 октября 1820 года перешедшій въ дерптскій университетъ; ж) магистръ словесности Д. П. Самсоновъ, преподававшій въ 1819—1820 учебн. году и уволенный изъ учебнаго вѣдомства 3-го ноября 1820 года.

Новыя преподавательскія силы вступили въ 1820 году въ казанскій университетъ въ лицѣ слѣдующихъ служащихъ его:

1. Петръ Степановичъ Карейша, прозекторъ, а съ весны 1823 года экстраординарный профессоръ анатоміи. Кафедра анатоміи, физіологіи и

судебной медицины сдѣлалась въ казанскомъ университетѣ вакантною со смертью, въ самомъ началѣ 1819 года, профессора и перваго ректора И. О. Брауна. Въ ожиданіи разрѣшенія объявить конкурсъ по этой кафедрѣ и послѣ неудавшейся попытки привлечь къ преподаванію анатоміи проф. Арнгольдта, преподаваніе этого предмета еще во второй половинѣ 1818—1819 учебн. года было временно возложено, подъ наблюденіемъ декана, на студента Ѳ. М. Отсолига. Мы уже знаемъ, какъ возмутилъ Магницкаго фактъ порученія учащемуся преподаванія этой краеугольной медицинской дисциплины: предписавъ воспретить Отсолигу преподаваніе, попечитель возложилъ чтеніе въ 1819—1820 году анатоміи на проф. Фукса. Между тѣмъ еще въ августѣ 1819 года, испрашивая (представленіемъ отъ 20-го числа) у министра народнаго просвѣщенія разрѣшеніе на открытіе по кафедрѣ анатоміи конкурса, программа котораго уже была выработана университетомъ и который слѣдомъ затѣмъ и объявленъ, Магницкій высказался за необходимость назначенія въ университетъ прозектора анатоміи— „если бы возможно было, изъ медико-хирургической академіи". Въ результатѣ соотвѣтствующаго сношенія министра явилась рекомендація академіею для занятія въ казанскомъ университетѣ должности прозектора своего субъ-инспектора, лекаря Карейши, изъявившаго на то свое согласіе при томъ условіи, если „назначено ему будетъ жалованья до 1500 рублей въ годъ, которое онъ на настоящей службѣ имѣетъ, и если, сверхъ того, выдано будетъ ему единовременно на обзаведеніе его денежное пособіе, по усмотрѣнію начальства". Условія, предложенныя Карейшѣ, даже превзошли, благодаря стараніямъ попечителя, выраженныя имъ пожеланія: 4-го февраля 1820 года, не смотря на свою только лекарскую степень, онъ былъ опредѣленъ въ казанскій университетъ въ званіи адъюнктъ-профессора, съ порученіемъ исправленія и должности прозектора и съ тѣмъ именно окладомъ жалованья, которое было имъ назначено (нормальное штатное жалованье адъюнкта опредѣлено въ 800 р.,—остальная сумма добавлялась изъ остатковъ отъ личнаго состава). Увѣдомляя объ этомъ назначеніи совѣтъ университета предложеніемъ отъ 6-го февраля, попечитель добавилъ, что „цѣль опредѣленія Карейши прозекторомъ главнѣйше состоитъ въ томъ, что бы при университетѣ заведено было нужное собраніе анатомическихъ препаратовъ, почему и имѣетъ совѣтъ дать ему всѣ къ тому способы". Открывъ по прибытіи въ Казань курсъ практической анатоміи, Карейша съ 1821 года открылъ и курсъ анатоміи теоретической. 17-го марта 1824 года былъ избранъ и 30-го апрѣля утвержденъ экстра-

ординарнымъ профессоромъ,—званіе, въ которомъ въ 1830 году онъ и умеръ отъ холеры [189].

2. Михаилъ Архиповичъ Пальминъ, воспитанникъ главнаго педагогическаго института, назначенъ 16-го февраля 1820 года, съ должности старшаго учителя русской словесности петербургской губернской гимназіи, экстраординарнымъ профессоромъ казанскаго университета по кафедрамъ философіи, дипломатики и политической экономіи. Приступая къ чтенію курса философіи, Пальминъ уже 9-го апрѣля вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ объяснялъ, что „какъ руководительная книга г. Карпе, введенная для преподаванія въ университетѣ философіи (кстати замѣтить—одобренная въ началѣ учебнаго года самимъ Магницкимъ) прежде, нежели дана была г. ректору высочайше утвержденная инструкція, настолько не соотвѣтствуетъ ея планомъ, а во многихъ случаяхъ и содержаніемъ своимъ, и какъ я не нахожу никакой другой, сообразной вышеупомянутому постановленію (да и мудрено было бы найти таковую!), то и считаю нужнымъ приступить къ составленію новаго курса философическихъ наукъ“ [190]. Уже это вступительное заявленіе способно дать намъ представленіе о томъ „духѣ“ и направленіи, въ которомъ приступалъ Пальминъ къ своей преподавательской дѣятельности. Въ своемъ мѣстѣ мы встрѣтимся съ позорною ролью, которую довелось Пальмину играть, по званію секретаря совѣта и въ качествѣ одного изъ усерднѣйшихъ приспѣшниковъ Магницкаго, въ совѣтскомъ судѣ надъ профессоромъ Солнцевымъ. Будучи 25-го февраля 1822 года избранъ и 24-го мая утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемымъ кафедрамъ, въ концѣ концовъ навлекъ на себя неудовольствіе попечителя за упущенія по совѣтскому дѣлопроизводству и 10-го мая 1824 года уволенъ изъ университета. Принятый въ 1825 году, по протекціи Рунича, въ петербургскій университетъ, до 1832 года былъ здѣсь профессоромъ философіи.

3. Иванъ Мухинъ, „элевъ“ императорской академіи наукъ, назначенный 11-го марта 1820 года адъюнктомъ химіи и металлургіи, фактически въ должность не вступалъ, уволившись уже 13-го іюля того же года (см. о немъ выше, стр. 392—393).

4. Нечаевъ, отецъ Александръ, протоіерей Варваринской церкви города Казани, 7-го мая 1820 года опредѣленъ на службу казанскаго университета, въ виду желанія попечителя Магницкаго создать при университетѣ особую должность „духовника“. Первоначально Магницкій намѣревался привлечь къ этой должности симбирскаго священника о. По-

хвалинскаго, но мѣстныя университетскія власти, съ директоромъ во главѣ, ходатайствовали о предоставленіи ея о. Нечаеву, причемъ Владимірскій писалъ попечителю, что „сей протоіерей не принадлежитъ къ тѣмъ ученымъ духовнымъ лицамъ, о коихъ св. Павелъ вразумляетъ Тимоѳея: хотяше быти законоучители не разумѣютъ ни еже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ". Министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ окончательное разрѣшеніе вопроса казанскому архіепископу Амвросію, который и высказался въ пользу прот. Нечаева [191]. Явившись ближайшимъ исполнителемъ предначертаній Магницкаго по водворенію въ университетѣ благочестія и искорененію свободомыслія, о. Нечаевъ пользовался большимъ расположеніемъ попечителя, который, по увольненіи преподателя богословія архим. Ѳеофана (24-го февраля 1823 г.), предоставилъ ему каѳедру богословія. Уволенный отъ званія профессора богословія 1-го августа 1837 года, съ введеніемъ новаго университетскаго устава, о. Нечаевъ продолжалъ нести должность настоятеля университетской церкви, которая и оставалась за нимъ до самой его кончины, послѣдовавшей 3-го января 1851 года.

5. Петръ Гавриловичъ Пятницкій, воспитанникъ императорской академіи художествъ, архитекторъ, 6-го іюля 1820 года опредѣленъ въ казанскій университетъ архитекторомъ и преподавателемъ гражданской архитектуры; 23-го марта 1825 г. уволенъ изъ университета за перемѣщеніемъ на службу въ Петербургъ.

6. Андрей Васильевичъ Кайсаровъ былъ еще въ 1811 году, въ званіи магистра, допущенъ къ чтенію физики, которое продолжалъ до 1814 года и снова возобновилъ въ 1817 году, съ выбытіемъ изъ Казани проф. Броннера. Устраненный Магницкимъ лѣтомъ 1819 года отъ преподаванія этой науки, чтеніе которой возложено въ 1819—1820 учебномъ году на профессора Н. И. Лобачевскаго, съ оставленіемъ лишь въ званіи „приспѣшника" физическаго кабинета, уже 1-го сентября 1820 года избранъ совѣтомъ и слѣдомъ затѣмъ утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ физики, званіе которое и сохранялъ до увольненія своего 1-го августа 1837 года, съ введеніемъ новаго устава, отъ службы. Умеръ въ Казани, 16-го іюля 1854 года.

7. Василій Яковлевичъ Баженовъ, воспитанникъ главнаго педагогическаго института, 1-го сентября 1820 года, будучи въ то время старшимъ учителемъ вятской гимназіи, избранъ совѣтомъ казанскаго университета, а затѣмъ и утвержденъ, въ должность адъюнкта историческихъ наукъ. Съ мая 1822 года утвержденъ экстраординарнымъ, съ августа

1823 года—ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ всеобщей исторіи, географіи и статистики; съ августа 1826 г. по іюль 1830 г. состоялъ въ должности инспектора студентовъ. Умеръ, на службѣ, 25-го января 1831 года [192].

8. Александръ Егоровичъ Лентовскій, избранный 12-го ноября 1820 года и 18-го января 1821 года утвержденный въ званіи адъюнкта повивальнаго искусства, уже знакомъ намъ по исторіи подготовленія его къ профессорскому званію—путь, съ котораго въ началѣ 1819 года едва не выбило его назначеніе на должность уѣзднаго врача въ г. Лаишевъ *. 24-го мая 1820 года, съ этой послѣдней должности, Лентовскій обратился въ университетъ съ прошеніемъ, въ которомъ, изложивъ исторію своего начальнаго, средняго и высшаго образованія, просилъ удостоить его званія адъюнкта. Въ этомъ прошеніи онъ заявлялъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Природная склонность привела меня къ занятію науками медицинскими, а недостаточное состояніе моихъ родителей и ихъ преклонныя къ старости лѣта опредѣлили нынѣшнее мое мѣстопребываніе для ближайшаго имъ вспомоществованія. Настоящій кругъ моихъ занятій, по обязанности врача въ маломъ уѣздномъ городѣ, не удовлетворяетъ моимъ расположеніямъ и стремленію усовершенствоваться въ познаніяхъ сего рода, сколько многоразличныхъ по обширности оныхъ, столько трудныхъ и требующихъ долговременныхъ наблюденій и опытовъ надъ природою человѣка со стороны его тѣлесной и духовной, безъ познанія коихъ въ совокупности, подъ руководствомъ Врача душъ и тѣлесъ Спасителя нашего Іисуса Христа, искусснымъ врачемъ быть не можно“.

Врачебное отдѣленіе, на разсмотрѣніе котораго переданъ былъ приложенный Лентовскимъ къ прошенію латинскій конспектъ по повивальному искуству, дало о немъ одобрительный отзывъ. Такой же отзывъ далъ и директоръ университета Владимірскій,—самъ акушеръ по спеціальности,—добавивъ, что „Лентовскій въ нравственныхъ качествахъ отлично похваляется достойнѣйшими лицами“ и что ему лично извѣстенъ „христіанскій образъ мыслей“ его. Утвержденію Лентовскаго адъюнктомъ предшествовало прочтеніе имъ двухъ пробныхъ лекцій на латинскомъ языкѣ, на темы: „de scarlatina“ и „de versione“, предложенныя факультетомъ. Дальнѣйшая судьба Лентовскаго намъ уже извѣстна [193].

---

* См. томъ II, стр. 66—70.

9. Петръ Михаиловичъ Васильевъ, старшій учитель военныхъ наукъ въ казанской гимназіи, еще 7-го декабря 1819 года былъ опредѣленъ въ казанскій университетъ преподавателемъ фортификаціи, артиллеріи и гражданской архитектуры. Въ концѣ іюля слѣдующаго 1820 года отдѣленіе физико-математическихъ наукъ, „принявъ въ уваженіе степень познаній его въ наукахъ", вошло въ совѣтъ съ представленіемъ относительно возведенія Васильева въ званіе адъюнкта, съ тѣмъ, что бы онъ „былъ помощникомъ профессору Никольскому въ преподаваніи прикладной математики, объемлющей столь разныя отрасли познанія". Никольскій, разсмотрѣвъ представленное аспирантомъ рукописное сочиненіе: „Краткое обозрѣніе системъ крѣпостной фортификаціи, со времени изобрѣтенія пороха", далъ о немъ, также какъ и о самомъ Васильевѣ, очень лестный отзывъ; указавъ на заслуги его „по весьма многимъ порученіямъ въ сочиненіи плановъ, фасадовъ и смѣтъ университетскихъ и гимназическихъ зданій, въ присмотрѣ за производствомъ строеній и пр.", Никольскій не преминулъ упомянуть о „кроткомъ и терпѣливомъ характерѣ" Васильева, также какъ объ его „похвальномъ христіанскомъ смиреніи и послушаніемъ сопровождаемомъ поведеніи". Избранный въ совѣтѣ 18-го сентября 1820 года, Васильевъ 13-го ноября былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта прикладной математики, оставаясь въ немъ до 1-го августа 1837 года, когда, съ введеніемъ новаго университетскаго устава, перемѣщенъ на должность директора пермскихъ училищъ. Умеръ лѣтомъ 1866 года [194].

10. Михаилъ Васильевичъ Скворцовъ, воспитанникъ казанской духовной (старой) академіи и казанскаго университета (выпуска 1815 г.), находясь въ должности учителя высшаго россійскаго класса и логики казанской гимназіи, 19-го августа 1820 года представленъ былъ отдѣленіемъ словесныхъ наукъ къ избранію въ адъюнкты при кафедрѣ россійской словесности, согласно рекомендаціи проф. Городчанинова, находившаго нужнымъ имѣть себѣ помощника „для преподаванія славянскаго языка и разсматриванія письменныхъ сочиненій" на основаніяхъ, указанныхъ въ инструкціи ректору. Для полученія адъюнктскаго званія Скворцовымъ представлено было, сохранившееся въ дѣлахъ университетскаго архива, рукописное сочиненіе: „Обозрѣніе словесности, вообще, и славяно-россійской въ особенности", изъ котораго усматривается, что авторъ въ совершенствѣ усвоилъ себѣ „духъ" ректорской инструкціи и что съ этой стороны благонамѣренность его представлялась вполнѣ обезпеченною.

Открывая свое сочиненіе вопросомъ о происхожденіи словесности, Скворцовъ даетъ ему слѣдующее построеніе:

„Словесность есть органъ разума; разумъ—есть способность души; душа, разумная и безсмертная—есть драгоцѣнная искра Божества. И сотвори Богъ человѣка по образу Божію. Она созерцаетъ славу Божію въ твореніяхъ міра, мыслитъ, чувствуетъ и стремится сообщить свои мысли другимъ.... Всѣ языки могутъ назваться дѣтьми одного древнѣйшаго, сообщеннаго Адаму самимъ Богомъ, того самаго, коимъ нарече Адамъ имена всѣмъ скотамъ и всѣмъ птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣремъ земнымъ. Ежели словесность можетъ назваться отголоскомъ души, зерцаломъ ума и сердца, то блаженные праотцы, конечно, имѣли языкъ ангельскій: добрая воля, небесная истина, святѣйшія чувствованія—выражались въ разговорахъ ихъ другъ съ другомъ, прекрасная душа изливалась въ восторгахъ предъ дивнымъ Создателемъ. Но этотъ гласъ чистѣйшій не достигъ до слуха нашего: человѣкъ палъ—и словесность измѣнилась. Низкія нужды житейскія, своекорыстныя отношенія, бурныя страсти занимаютъ нынѣ едва ли не величайшую часть названій въ словаряхъ нашихъ; рѣдко истинное благочестіе и чувствованія вѣрныхъ чтителей премудраго Творца излагаются въ сочиненіяхъ мірскихъ писателей!.... Не взирая на чрезмѣрное почтеніе и уваженіе къ древнимъ, едва ли благоразумный и безпристрастный судія отдастъ преимущество воспѣвающимъ гнѣвъ Ахиллеса, соблазны Юпитера и другихъ боговъ, радости Бахуса и пороки отвратительные—предъ тѣми пѣвцами, кои изображаютъ Мессію Искупителя, величіе Бога и дѣла Его дивныя. Правила истинной нравственности содержатся въ религіи; что противно ея божественному духу—то недостойно пера благочестиваго и первостепеннаго писателя. Изъ сего видно, что изящное въ словесныхъ искусствахъ, истинное въ наукахъ и святое въ вѣрѣ—должно быть нераздѣльно одно и тоже"....

„Нѣкоторые изъ новѣйшихъ сочинителей,—заявляетъ авторъ, переходя къ вопросу о лучшихъ образцахъ въ словесности,—отличаясь чистотою и сладкозвучіемъ языка, не могутъ сравниться съ образцовыми писателями Ломоносовымъ, Державинымъ, Богдановичемъ и Хемницеромъ ни въ выборѣ предметовъ, ни въ изяществѣ вкуса. Богатая одежда покрываетъ слабыя ихъ творенія; но сильные атлеты первыхъ удивляютъ насъ крѣпостію мышцъ и блестящіе доспѣхи ручаются напередъ за ихъ побѣду. Слѣдовательно, истинная высокость и красота зависятъ болѣе отъ самихъ предметовъ, что ясно показываетъ намъ священное писаніе, а потому модныя, иностранныя и усыновленныя знаменитыми писателями выраженія—недостойны быть образцами для молодыхъ сочинителей, кои часто, къ сожалѣнію, плѣ-

няются ложнымъ блескомъ, подражая не столько красотамъ, сколько несовершенствамъ новаго слога" *.

Нечего, конечно, и говорить о томъ, что сочиненіе Скворцова,— изъ котораго мы позволили себѣ эту длинную выписку съ тою цѣлью, что бы наглядно показать, какъ отливались на практикѣ руководящія указанія инструкціи ректору,—встрѣтило самый лестный отзывъ со стороны Городчанинова. Избранный совѣтомъ въ засѣданіи 12-го ноября, Скворцовъ 15-го декабря 1820 года былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта россійской словесности. Университетская служба Скворцова не была продолжительною: перемѣщенный 23-го апрѣля 1823 года, въ званіи адъюнкта же, на кафедру философіи, онъ уже 31-го іюля уволился для опредѣленія въ службу по департаменту народнаго просвѣщенія [195].

Продолжалъ въ эпоху Магницкаго свое существованіе и прежній обычай назначать при профессорахъ репетиторовъ изъ кандидатовъ и, даже, студентовъ; такъ, согласно представленію проф. Тимьянскаго, 19-го ноября 1820 года студентъ Александръ Виноградскій былъ назначенъ при немъ репетиторомъ по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи [196].

Переходимъ къ измѣненіямъ въ личномъ преподавательскомъ составѣ университета, относящимся къ 1821-му и 1822-му годамъ.

За это двухлѣтіе изъ состава казанскаго университета выбыли: а) адъюнктъ правовѣдѣнія Е. П. Манасеинъ, назначенный въ маѣ 1821 года директоромъ училищъ кавказской губерніи, гдѣ онъ находился уже съ лѣта 1818 года, въ качествѣ визитатора-устроителя мѣстныхъ училищъ (см. томъ II, стр. 45—46), и отклонившій предпринятую въ августѣ того же 1821 года попытку Магницкаго снова возвратить его въ казанскій университетъ; б) лекторъ нѣмецкаго языка И. Ѳ. Лейтеръ, 18-го іюля 1821 года уволенный изъ университета, по обвиненію въ неблагонамѣренности его преподаванія, при обстоятельствахъ, съ которыми мы въ своемъ мѣстѣ познакомимся, и в) преподаватель музыки А. В. Новиковъ, оставившій службу осенью 1822 года, вслѣдствіе постигшей его еще съ 1819 года душевной болѣзни.

---

* Представляется любопытнымъ, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ области преподаванія русской словесности, въ казанскомъ университетѣ проводились тѣже воззрѣнія на старое и новое направленіе русскаго слова, за которыя, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, Городчаниновъ еще въ 1805 году служилъ посмѣшищемъ для студентовъ (см. томъ I, стр. 132—133).

Вновь вступили за то же двухлѣтіе въ составъ преподавателей слѣдующія лица:

1. Николай Осиповичъ Юферовъ, кандидатъ физико-математическихъ наукъ казанскаго университета (выпуска 1820 г. *). Будучи учителемъ гимназіи, 7-го сентября 1821 года привлеченъ къ преподаванію въ университетѣ алгебры и геометріи студентамъ врачебнаго отдѣленія; впослѣдствіе преподавалъ, какъ на врачебномъ, такъ и на физико-математическомъ отдѣленіяхъ, вспомогательные курсы чистой и прикладной математики. Хотя 5-го октября 1822 года и былъ признанъ магистромъ математики и физики, тѣмъ не менѣе званія адъюнкта не получилъ и былъ освобожденъ отъ университетскихъ преподаваній 1-го августа 1837 года, при введеніи новаго устава, съ сохраненіемъ должности учителя гимназіи. Будучи впослѣдствіе инспекторомъ вятской гимназіи, совершенно уволился отъ службы 1-го декабря 1845 года.

2. Сергѣй Алексѣевичъ Протасовъ, кандидатъ нравственно-политическихъ наукъ казанскаго университета (выпуска 1820 г.), учитель латинскаго языка казанской гимназіи, 30-го сентября 1821 года прикомандированъ къ университету для преподаванія юридическихъ наукъ, что было вызвано необходимостью усиленія преподавательскаго персонала, въ виду устраненія отъ чтенія лекцій проф. Солнцева. Преподавая въ теченіи своей университетской службы самыя разнообразныя части правовѣдѣнія и будучи въ октябрѣ 1822 года утвержденъ въ степени магистра, былъ съ 12-го іюля 1824 года—адъюнктомъ, а съ 29-го января 1830 года—экстраординарнымъ профессоромъ правовѣдѣнія. Умеръ, отъ холеры, осенью 1830 года [197].

3. Александръ Павловичъ Владимірскій, уже знакомый намъ директоръ университета, такъ неудачно выступившій въ 1817 году претендентомъ на кафедру въ казанскомъ университетѣ и признанный въ то время къ занятію таковой недостойнымъ, теперь, четырьмя годами позже и въ зенитѣ своего административнаго вліянія въ томъ же университетѣ, оказался украшеннымъ въ высокой степени всѣми дарованіями, необходимыми для представителя науки. Инціатива шла, въ данномъ случаѣ, отъ другого попечительскаго приспѣшника—ректора Никольскаго, въ засѣданіи 29-го октября 1821 года вошедшаго въ совѣтъ съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія:

---

* Собственно—1819 года, но, вслѣдствіе кассаціи попечителемъ выпускныхъ экзаменовъ этого года, долженъ былъ въ 1820 г. подвергнуться вторичному испытанію.

„Хотя врачебный факультетъ имѣетъ членовъ и преподавателей свѣдущихъ, дѣятельныхъ и во всей полнотѣ заслуживающихъ своими познаніями и трудолюбіемъ всякое одобреніе, но число ихъ столь мало, что, при всемъ просвѣщеніи и усердіи своемъ, они не могутъ обнять всѣхъ обязанностей, особенно по преподаваніямъ. Посему не благоугодно ли будетъ совѣту университетскому замѣстить хотя одну изъ праздныхъ кафедръ по оному факультету, для коей находится при самомъ университетѣ отлично-способное и по строгой справедливости достойное лицо—г. директоръ университета, статскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Павловичъ Владимірскій".

Исчисливъ далѣе всѣ заслуги своего кандидата и присовокупивъ, что „его высокородіе, по его и нѣкоторыхъ другихъ членовъ совѣта убѣжденію", изъявилъ на то свое согласіе, ректоръ предложилъ тутъ же приступить къ баллотированію Владимірскаго въ званіе ординарнаго профессора по кафедрѣ повивальнаго искусства, въ которое директоръ университета и былъ избранъ, само собою разумѣется—единогласно. По поводу этого избранія министру народнаго просвѣщенія пришлось входить съ всеподданнѣйшимъ докладомъ и 2-го января 1822 года воспослѣдовало высочайшее соизволеніе „директору казанскаго университета, статскому совѣтнику Владимірскому, сверхъ директорской, занять въ семъ университетѣ и должность ординарнаго профессора повивальнаго искусства, съ производствомъ жалованья по обѣимъ должностямъ". Непродолжительна была профессорская дѣятельность Владимірскаго: произшедшая размолвка его съ Магницкимъ явилась причиною увольненія его 5-го декабря того же 1822 года, „по разстроенному здоровью", какъ отъ должности директора, такъ и отъ званія профессора [198].

4. Иванъ Баптистъ Альфонсъ (Альфонсъ Клавдіевичъ) Жобаръ, уроженецъ Шампаньи, еще юношею вывезенный изъ Франціи въ эпоху освободительной войны 1813—1814 г.г. однимъ изъ видныхъ генераловъ той эпохи, княземъ Д. В. Голицынымъ, докончилъ въ Россіи свое образованіе въ митавской гимназіи, послѣ чего былъ (въ 1817 г.) назначенъ учителемъ французскаго языка въ гимназію г. Риги. Выдержавъ въ 1820 году надлежащее испытаніе при петербургскомъ университетѣ, опредѣленъ преподавателемъ французскаго языка въ Смольный монастырь, но, оставивъ это мѣсто въ силу какихъ то непріятностей, опредѣленъ на такую же должность въ женское училище военно-сиротскаго дома. Когда и на какой почвѣ завязалось знакомство Жобара съ попечителемъ казанскаго учебнаго округа—остается неизвѣстнымъ, но ловкій французскій

выходецъ сумѣлъ на столько расположить къ себѣ Магницкаго, что тотъ, не взирая на совершенное отсутствіе у Жобара необходимаго ученаго ценза, предложилъ ему занять въ казанскомъ университетѣ сразу двѣ кафедры—латинской и греческой словесности, притомъ съ усиленнымъ жалованьемъ по обѣимъ (6 тысячъ рублей въ годъ), съ тысячею рублями подъемныхъ денегъ и съ казенною квартирою. Ходатайства Магницкаго передъ министромъ за Жобара начались еще съ осени 1821 года, причемъ попечитель, желая въ наилучшемъ свѣтѣ выставить своего кандидата, съ особеннымъ усердіемъ подчеркивалъ благочестивый образъ его мыслей: „Между тѣмъ,—писалъ онъ князю Голицину отъ 22-го ноября,—какъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ принудить славныхъ эллинистовъ дать предпочтеніе Іоанну Златоусту надъ писателями языческими, г. Жобаръ преподавать будетъ греческую и латинскую словесность совершенно согласно съ инструкціею ректору, по евангелію и писаніямъ отцовъ, съ требуемымъ изъясненіемъ христіанскихъ древностей, и будетъ исполнять сіе не по принужденію, а по собственному чувству". Принося Магницкому письменную благодарность за его хлопоты о немъ, Жобаръ высказывалъ ему свою радость служить подъ его начальствомъ въ университетѣ, „гдѣ царитъ доброе направленіе (un bon esprit) и духъ христіанства,—явленіе настолько же драгоцѣнное, насколько въ наши дни и рѣдкое".

Заручившись согласіемъ министра, Магницкій 31-го января 1822 года вошелъ въ совѣтъ университета съ предложеніемъ, въ которомъ рекомендовалъ Жобара къ избранію на кафедры латинской и греческой словесности:

„Учитель Жобаръ, — писалъ попечитель, — совершенно извѣстный мнѣ по христіанскимъ его чувствамъ и жизни, имѣетъ отличныя свѣдѣнія въ греческомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, занимаетъ здѣсь хорошія мѣста въ казенныхъ заведеніяхъ и не иначе соглашается оставить Петербургъ, гдѣ до 8000 рублей можетъ имѣть дохода, какъ занявъ двѣ профессорскія кафедры, съ званіемъ ординарнаго профессора и особеннымъ жалованьемъ. На всѣ условія его имѣю я уже и согласіе г. министра,—слѣдовательно совѣту подлежитъ только рѣшить ученое его достоинство. А какъ мнѣ не извѣстно, есть ли кто изъ г.г. профессоровъ, который бы занимался греческою словесностью, то я бы полагалъ, что г. ректоръ можетъ просить преосвященнѣйшаго архіепископа казанскаго, столь благосклоннаго къ университету, удостоить переводы г. Жобара съ греческаго своимъ просмотрѣніемъ".

Къ этому предложенію были присоединены нѣсколько совершенно ничтожныхъ переводовъ съ греческаго языка, достоинство которыхъ передавалось, какъ мы только что видѣли, сужденію казанскаго архіепископа—своеобразный способъ оцѣнки, впервые еще практикованный университетомъ. Рекомендація Магницкаго являлась равнозначащею его приказанію и вполнѣ, поэтому, понятно, что избраніе Жобара, состоявшееся одновременно съ избраніемъ представленныхъ попечителемъ же Суровцова и Грубера, явилось лишь простою комедіею. Подвергнутый баллотировкѣ въ засѣданіи совѣта 15-го апрѣля и избранный большинствомъ шести шаровъ противъ двухъ, Жобаръ былъ 29-го іюня 1822 года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрамъ латинской и греческой словесности на тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, о которыхъ мы уже упомянули выше. Согласно заявленію Жобара о томъ, что ему „нужна помощь“ по обѣимъ порученнымъ ему кафедрамъ, при немъ оставлены были, съ званіемъ преподавателей, Полиновскій и Грацинскій, на которыхъ преподаваніе классической филологіи было возложено, какъ мы знаемъ, еще въ 1819 году. Согласно его желанію, Жобару былъ выданъ особый дипломъ на званіе профессора, начинавшійся слѣдующими вводными словами: „Во славу Святыя, Единосущныя, Животворящія и Нераздѣльныя Троицы, подъ Высочайшимъ покровительствомъ и пр.“

Преподаваніе Жобаромъ греческой словесности не было продолжительнымъ: въ виду воспослѣдовавшаго назначенія на эту кафедру греческаго выходца Сергіуса-Мистаки, за нимъ осталась лишь кафедра латинской словесности, а взамѣнъ отошедшей отъ него словесности греческой для него создана была Магницкимъ совершенно новая и уставомъ непредусмотрѣнная кафедра французской литературы. Непродолжительною явилась и вся, вообще, академическая служба этого случайнаго профессора, въ лицѣ котораго Магницкимъ представленъ возмутительный образецъ самаго наглаго издѣвательства надъ университетскою наукою. Возбужденные Жобаромъ совѣтскіе скандалы и его конфликты съ ректоромъ раскрыли попечителю глаза на нравственный обликъ его избранника и 5-го сентября 1824 года Жобаръ былъ уволенъ изъ университета съ испорченными документами, а впослѣдствіи административнымъ порядкомъ высланъ изъ предѣловъ Россіи. Весьма характерныя подробности увольненія этого попечительскаго ставленника будутъ нами въ своемъ мѣстѣ разсказаны [199].

5. Григорій Степановичъ Суровцовъ, воспитанникъ вологодской и троице-сергіевской духовныхъ семинарій, впослѣдствіе учитель вологод-

ской и инспекторъ калужской семинарій и, наконецъ, чиновникъ канцеляріи медицинскаго департамента, былъ рекомендованъ Магницкимъ казанскому университету къ избранію на кафедру россійской словесности, одновременно съ Жобаромъ и Груберомъ. „Господинъ Суровцовъ,—читаемъ въ попечительскомъ предложеніи отъ 31-го января 1822 года,—извѣстенъ мнѣ по христіанскому образу мыслей, по отличному знанію славянскаго, россійскаго и обоихъ классическихъ языковъ, кои, безъ сомнѣнія, для основательнаго эстетическаго преподаванія нашей словесности необходимы; если,—добавляетъ Магницкій,—онъ удостоится избранія въ экстраординарные профессоры россійской словесности, то можно будетъ профессору Городчанинову поручить піитику, ему—риторику, а г. адъюнкту Скворцову—славянскій языкъ". Къ представленію попечителя, въ качествѣ образцовъ дарованія Суровцова, приложены двѣ небольшія рукописныя работы: „Киръ, царь персидскій и Петръ Великій" и „Разсмотрѣніе первой Гораціевой оды третьей книги"; обѣ работы (первая на восьми, вторая на трехъ писчихъ листахъ) носятъ характеръ развѣ только средней руки ученическихъ работъ и страннымъ представляется видѣть въ нихъ трактаты, разсчитанные на пріобрѣтеніе высокаго ученаго званія,—цѣль, съ которою и были онѣ доставлены Суровцовымъ попечителю, а этимъ послѣднимъ—университетскому совѣту. Избранный въ засѣданіи совѣта 15-го апрѣля и 29-го іюня 1822 года утвержденный экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ россійской словесности, Суровцовъ 19-го февраля 1829 года былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора по той же кафедрѣ и продолжалъ службу въ казанскомъ университетѣ до 11-го января 1840 года, когда вышелъ въ отставку [200].

6. Еварестъ Андреевичъ Груберъ, воспитанникъ казанской гимназіи и казанскаго университета (студентъ перваго состава—сверстникъ С. Т. Аксакова), еще въ маѣ 1820 года обратился къ Магницкому съ прошеніемъ, которое мы здѣсь, въ извлеченіяхъ, и воспроизведемъ, какъ представляющее несомнѣнный автобіографическій интересъ:

„Образованіе свое получилъ я первоначально въ казанской гимназіи, а потомъ въ казанскомъ университетѣ. Въ 1805 году опредѣлился я въ службу въ канцелярію государственнаго казначея... 1811 года 8-го декабря поступилъ я въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а съ 9-го октября 1813 года, по высочайшему именному повелѣнію, находился въ безсрочномъ отпуску до излеченія болѣзни. До сего занимался я во все свободное отъ службы время науками и особенно науками юридическими, въ чемъ можетъ отчасти свидѣтельствовать аттестатъ, данный мнѣ отъ казанскаго университета на основаніи высочайшаго

указа отъ 6-го августа 1809 года *. По полученіи означеннаго безсрочнаго отпуска находясь большею частью въ Казани, употребилъ я почти семь лѣтъ на ученыя занятія, стараясь усовершенствовать познанія свои въ правовѣдѣніи и занимаясь, преимущественно, правомъ римскимъ. Нынѣ желаю я посвятить себя совершенно ученому званію и желаю предпочтительно служить при казанскомъ университетѣ, коему я обязанъ какъ первоначальнымъ моимъ образованіемъ, такъ и нынѣ, въ продолженіи моего отпуска, всѣми возможными пособіями къ усовершенствованію познаній моихъ въ наукахъ юридическихъ. А посему, для полученія званія и мѣста адъюнкта правовѣдѣнія, имѣю честь представить при семъ мое сочиненіе на латинскомъ языкѣ, заключающее въ себѣ: а) систематическое обозрѣніе частнаго римскаго права, б) исторію римскаго права, в) литературу и г) методологію онаго".

Магницкій уже въ іюнѣ того же года сдѣлалъ относительно Грубера представленіе министру народнаго просвѣщенія, заявивъ въ немъ, что онъ имѣетъ „о способностяхъ и свѣдѣніяхъ г. Грубера отъ лицъ, заслуживающихъ полное довѣреніе, весьма выгодные отзывы" и что онъ почитаетъ „пріобрѣтеніе г. Грубера потому еще полезнымъ для казанскаго университета, что онъ есть воспитанникъ онаго". Попечитель добавилъ къ этому, что указанный выше рукописный трудъ Грубера по римскому праву ** былъ переданъ имъ на разсмотрѣніе профессору петербургскаго университета Кукольнику, съ просьбою произвести ему, сверхъ того, еще и устное испытаніе, и что Кукольникъ далъ отзывъ въ томъ смыслѣ, что „нельзя желать лучшихъ свѣдѣній отъ ищущаго магистерскаго достоинства въ римскомъ правѣ и что г. Груберъ, при способностяхъ своихъ, если будетъ прилежать, самъ собою можетъ усовершенствовать себя до гораздо величайшей степени познаній". Въ то время вопросъ о назначеніи Грубера на должность адъюнкта дальнѣйшаго движенія не получилъ и былъ снова выдвинутъ Магницкимъ лишь въ концѣ іюня 1822 года— одновременно съ уже извѣстнымъ намъ представленіемъ его относительно Жобара и Суровцова, чему способствовало, безъ сомнѣнія, устраненіе отъ преподаванія проф. Солнцева, вызвавшее заботы о пополненіи личнаго состава нравственно-политическаго отдѣленія. Избранный, согласно представленію попечителя, въ званіе адъюнкта правовѣдѣнія въ засѣданіи 15-го апрѣля 1822 года, Груберъ, повидимому, отказался отъ мысли нести

* Подробности см. въ томѣ II, стр. 367—369.

** Этотъ трудъ Грубера интересующіеся въ подлинникѣ найдутъ въ дѣлѣ архива казанскаго университета: Сов. 1822, № 63, листы 39—137.

ученую службу при казанскомъ университетѣ: въ соотвѣтствующихъ архивныхъ дѣлахъ мы не нашли даже указаній на утвержденіе его въ этой должности. Представляется болѣе нежели вѣроятнымъ, что какъ возмутительный инцидентъ университетскаго суда надъ проф. Солнцевымъ, такъ и удручающій режимъ, заведенный въ „обновленномъ“ казанскомъ университетѣ, отбили въ Груберѣ всякую охоту служить подъ эгидою Магницкаго [201].

Если Груберу и не было суждено занять мѣсто въ лѣтописяхъ университетскаго преподаванія, то на его долю, уже много лѣтъ спустя, выпала миссія совершенно иного рода: въ 1857—1859 годахъ онъ былъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа,—должность, въ которой, 23-го апрѣля 1859 года, Е. А. Груберъ и скончался.

Только что разсмотрѣнныя нами три одновременныхъ представленія Магницкаго любопытны въ томъ отношеніи, что уже въ нихъ сказалась попытка обойти установленный закономъ избирательный принципъ и добиться непосредственнаго назначенія министромъ всѣхъ трехъ попечительскихъ кандидатовъ. Князь Голицынъ не рѣшился, тѣмъ не менѣе, на такое противозаконное посягательство на права университета и предписалъ Магницкому войти по вопросу объ избраніи ихъ съ особымъ представленіемъ въ университетскій совѣтъ, что тѣмъ и было, какъ мы знаемъ, выполнено, хотя положительный результатъ баллотированія самъ собою предрѣшался, конечно, категорически заявленною волею властнаго попечителя. Насколько гнетущими являлись авторитетъ Магницкаго и опасеніе передъ его неудовольствіемъ, это видно изъ инцидента съ проф. Фуксомъ, занесеннаго въ избирательный протоколъ: Фуксъ не принялъ участія въ баллотировкѣ попечительскихъ кандидатовъ „потому, —читаемъ въ протоколѣ засѣданія 15-го апрѣля,—что въ этотъ день лошади разбили его супругу“, хотя осторожный профессоръ не преминулъ письменно донести совѣту, что онъ „весьма сожалѣетъ, что не могъ лично изъявить свое согласіе на избраніе упомянутыхъ ученыхъ мужей въ число сочленовъ университета“. Если въ кандидатурахъ Жобара, Суровцова и Грубера было еще сочтено необходимымъ соблюсти хотя бы только внѣшнюю форму совѣтскаго избранія, то съ позднѣйшими кандидатами Магницкій уже весьма мало стѣснялся въ этомъ отношеніи и не безъ успѣха добивался непосредственнаго назначенія ихъ министромъ. Мы убѣдимся въ этомъ на исторіи опредѣленія въ казанскій университетъ двухъ нижеслѣдующихъ претендентовъ.

7. Иванъ Каллиниковичъ Ероховъ, лекарь московскаго университета (выпуска 1816 года), ординаторъ московскаго военнаго госпиталя и съ 22-го марта 1822 года докторъ медицины, будучи рекомендованъ Магницкому, для ученой службы, попечителемъ московскаго учебнаго округа, 8-го іюля 1822 года назначенъ въ казанскій университетъ, помимо избранія въ совѣтѣ, экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрамъ фармаціи и скотолеченія, но, не въ примѣръ Жобара, съ жалованьемъ по одной послѣдней кафедрѣ. Попечитель, предложеніемъ отъ 14-го іюля, лишь увѣдомилъ совѣтъ о совершившемся фактѣ назначенія новаго профессора, съ предписаніемъ возвратить министерству, изъ хозяйственной университетской суммы, одну тысячу рублей, выданную ему на подъемъ. Избранный 27-го сентября 1824 года и 26-го ноября утвержденный въ званіи ординарнаго профессора, Ероховъ въ отдѣльные семестры несъ и нѣкоторыя дополнительныя медицинскія преподаванія, въ 1825—1829 годахъ избирался деканомъ факультета и оставался на университетской службѣ до 1-го августа 1837 года, будучи уволенъ за штатъ съ введеніемъ новаго устава [202].

8. Людвигъ (Левъ) Лаврентьевичъ Фогель, докторъ медицины и хирургіи іенскаго университета (1794 г.), прибывъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ Петербургъ и получивъ здѣсь признаніе въ докторской степени со стороны с.-петербургской медико-хирургической академіи, вступилъ въ ученую службу казанскаго университета при совершенно исключительныхъ условіяхъ, еще нагляднѣе свидѣтельствующихъ о той крайней степени безцеремонности, съ какою относился казанскій попечитель къ ввѣренному ему университету и къ существующимъ законоположеніямъ. Въ мартѣ 1822 года д-ръ Фогель обратился къ попечителю съ французскимъ письмомъ, въ которомъ просилъ предоставить ему должность профессора въ казанскомъ университетѣ, заявивъ свою подготовленность къ занятію одной изъ слѣдующихъ кафедръ: физіологіи, патологіи, гигіены, матеріи-медики, фармаціи, семіотики и терапіи общей и частной; въ подтвержденіе своихъ правъ на ученую службу претендентъ присовокупилъ къ прошенію и нѣкоторые свои печатные труды. 4-го августа того же года Магницкій вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ, совершенно необычнымъ и рѣзко противорѣчившимъ и законамъ, и установившимся академическимъ традиціямъ, представленіемъ относительно Фогеля:

„Докторъ Фогель, отлично мнѣ рекомендованный какъ по образу его мыслей, такъ и въ разсужденіи медицинскихъ свѣдѣній, просилъ меня объ опредѣленіи его въ казанскій университетъ. Отобравъ отъ

него нужныя для разсмотрѣнія сочиненія, предложилъ я университету сказать свое мнѣніе о степени, къ которой можетъ онъ быть удостоенъ.

Приватно отъ директора университета имѣю я уже свѣдѣніе, что сочиненія г. Фогеля будутъ одобрены факультетомъ. Но такъ какъ сей заѣзжій сюда иностранецъ ожидаетъ рѣшенія своей участи уже пять мѣсяцевъ и совершенно здѣсь прожился, то, нисходя къ его крайнему положенію и желая сохранить для университета сего полезнаго человѣка, я имѣю честь представить всѣ документы, отличныя свѣдѣнія и ученое званіе его утверждающія, покорнѣйше прося объ утвержденіи его ординарнымъ профессоромъ казанскаго университета, съ тѣмъ, что кафедра назначится тогда, какъ, по удостоенію университета, опредѣлено будетъ, какою частію медицинскихъ наукъ предпочтительно занять его можно. Поспѣшность представленія сего имѣетъ слѣдующія побудительныя причины:

1) Для предположеннаго при казанскомъ университетѣ медицинскаго института необходимы профессоры сей части и весьма трудно сыскать такихъ, которые бы соединяли нужныя познанія съ добрымъ образомъ мыслей и нравственностью.

2) Я могу лишиться доктора Фогеля, ежели крайняя бѣдность принудитъ его принять здѣсь какое либо мѣсто".

Князь А. Н. Голицинъ на этотъ разъ не усмотрѣлъ въ попечительской „поспѣшности" ничего предосудительнаго и уже 11-го августа утвердилъ Фогеля ординарнымъ профессоромъ „по части врачебныхъ наукъ, съ штатнымъ по сему мѣсту жалованьемъ, съ одною тысячею рублей подъемныхъ денегъ, съ казенною квартирою", но—безъ совѣтскаго избранія и даже безъ назначенія ему опредѣленной кафедры. Прибывъ въ Казань въ концѣ сентября того же года, Фогель занялъ здѣсь кафедру врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности, что не помѣшало ему вести въ 1822—1828 годахъ и дополнительное (за особое жалованье) преподаваніе по кафедрѣ хирургіи; это совмѣстительство было предрѣшено заранѣе, такъ какъ уже въ предложеніи совѣту отъ 18-го августа, извѣщавшемъ университетъ о послѣдовавшемъ назначеніи, попечитель безъ всякихъ обиняковъ заявилъ совѣту, что „профессоръ Фогель можетъ занять двѣ кафедры". Въ 1823—1825, 1834—1835 годахъ несъ, по избраніямъ, обязанности декана факультета. Уволенный изъ университета 1-го августа 1837 года, при введеніи новаго устава, Фогель уѣхалъ заграницу, гдѣ и умеръ (въ г. Готѣ) въ 1840 году. Сынъ его Густавъ Львовичъ былъ въ 1828—1859 годахъ, въ казанскомъ же университетѣ, адъ-

юнктомъ, а затѣмъ и профессоромъ, уголовныхъ и полицейскихъ законовъ [203].

9. Алексѣй Алексѣевичъ Ѳедоровъ, бывшій служитель канцеляріи пензенскаго губернатора Сперанскаго, затѣмъ студентъ и кандидатъ (выпуска 1821 г.) отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ казанскаго университета и, наконецъ, служащій канцеляріи директора университета Владимірскаго, съ этой послѣдней должности принялъ 1-го сентября 1822 года порученіе преподавать на нравственно-политическомъ отдѣленіи; въ 1822—1824 годахъ велъ здѣсь, подъ руководствомъ проф. Сергѣева, преподаваніе римскаго права и русскаго уголовнаго права и судопроизводства. Получивъ въ началѣ 1824 года степень магистра правовѣдѣнія, 21-го февраля 1825 года уволился изъ вѣдомства казанскаго университета [204].

Весьма замѣчательнымъ явился 1823-ій годъ, съ точки зрѣнія послѣдовавшихъ въ немъ измѣненій въ преподавательскомъ персоналѣ казанскаго университета.

Этотъ годъ любопытенъ и въ томъ отношеніи, что тенденція Магницкаго подорвать въ университетѣ выборное начало въ дѣлѣ замѣщенія кафедръ, весьма недвусмысленно проявлявшаяся имъ, какъ мы это видѣли, уже въ предшествовавшемъ году, но еще встрѣчавшая противодѣйствіе со стороны министра народнаго просвѣщенія, въ 1823-мъ году сказывается уже съ неудержимою силою и самъ князь Голицинъ, въ вопросѣ о непосредственномъ назначеніи въ казанскій университетъ профессоровъ, становится лишь покорнымъ орудіемъ въ рукахъ властнаго попечителя; мы скоро убѣдимся въ томъ, что всѣ важнѣйшія назначенія на кафедры явились въ этомъ году актами личнаго усмотрѣнія Магницкаго, съ совершеннымъ устраненіемъ въ этомъ дѣлѣ университета и съ полнымъ игнорированіемъ предоставленныхъ ему уставомъ избирательныхъ правъ.

Слѣдуя принятому нами порядку, скажемъ предварительно нѣсколько словъ о понесенныхъ университетомъ въ этомъ году утратахъ. За 1823 годъ изъ университета выбыли: а) адъюнктъ технологіи А. И. Лобачевскій, уволенный изъ университета, согласно прошенію, 13-го января этого года, при обстоятельствахъ, намъ уже извѣстныхъ; б) преподаватель богословія архимандритъ Ѳеофанъ, уволенный 24-го февраля отъ университетской службы вслѣдствіе представленія попечителя о малоуспѣшности студентовъ въ его предметѣ; в) ордин.

профессоръ историческихъ наукъ П. С. Кондырѣвъ, ученикъ и сторонникъ бывшаго профессора-директора Яковкина, личность котораго сопровождала наше повѣствованіе почти съ самаго момента основанія казанскаго университета, наряду съ именемъ его патрона, и который скончался 24-го марта 1823 года, на службѣ, отъ болѣзни печени, совершенно стушевавшись на общемъ фонѣ университетской жизни послѣ паденія Яковкина и начавшейся „обновительной" дѣятельности новаго попечителя, расположеніемъ котораго ему не удалось заручиться такъ, какъ удалось ему это по отношенію къ двумъ предшественникамъ Магницкаго; г) ордин. профессоръ правовѣдѣнія Г. И. Солнцевъ, уволенный 28-го іюня отъ университетской службы послѣ университетскаго суда надъ нимъ и при обстоятельствахъ, съ которыми мы ниже познакомимся; д) адъюнктъ россійской словесности, а затѣмъ философіи, М. В. Скворцовъ, уволенный изъ казанскаго университета 31-го іюля 1823 года, послѣ двухъ съ половиною лѣтъ службы въ немъ, для опредѣленія въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

За тотъ же 1823-ій годъ казанскій университетъ пополнился слѣдующими новыми преподавательскими силами.

1. Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ, бывшій воспитанникъ смоленской гимназіи и с.-петербургскаго педагогическаго института, передъ назначеніемъ своимъ въ казанскій университетъ находившійся въ должности старшаго учителя правовѣдѣнія въ петербургской губернской гимназіи, преподавая тотъ же предметъ и въ благородномъ пансіонѣ петербургскаго университета. Въ концѣ 1822-го онъ обратился къ попечителю Магницкому съ письмомъ, въ которомъ просилъ опредѣлить его на службу казанскаго университета, мотивируя свою просьбу вреднымъ вліяніемъ на него петербургскаго климата. Личное знакомство Сергѣева съ казанскимъ попечителемъ завязалось еще до того, такъ какъ мы имѣемъ извѣстіе, что Сергѣевъ осенью 1822 года рекомендовалъ Магницкому нѣкоего Елпатьевскаго, въ качествѣ способнаго молодого человѣка, пригоднаго со временемъ къ занятію кафедры на отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ; весьма возможно, что сближенію Сергѣева съ Магницкимъ поспособствовалъ и принципалъ перваго—Руничъ, управлявшій въ то время петербургскимъ учебнымъ округомъ и извѣстный единомышленникъ казанскаго попечителя. Какъ бы то ни было, но Магницкій уже 26-го января 1823 года вошелъ къ министру съ представленіемъ, въ которомъ, заявивъ о томъ, что „старшій учитель с.-петербургской гимназіи Сергѣевъ вошелъ съ прошеніемъ объ опредѣленіи его въ казанскій

университетъ въ званіи профессора по кафедрѣ правъ, съ выдачею, по бѣдности его, сверхъ прогонныхъ денегъ, еще шести сотъ рублей на подъемъ" и добавивъ къ этому, что Сергѣевъ хорошо извѣстенъ ему „какъ въ отношеніи нравственныхъ его качествъ, такъ и въ благонадежности познаній"—просилъ объ утвержденіи Сергѣева въ званіи экстраординарнаго профессора по кафедрѣ правовѣдѣнія. Не постѣснившись ни отсутствіемъ у Сергѣева требуемой ученой степени, ни нарушеніемъ предоставленныхъ университету избирательныхъ правъ, князь Голицынъ исполнилъ желаніе Магницкаго и 16-го апрѣля воспослѣдовало непосредственное назначеніе Сергѣева въ казанскій университетъ на всѣхъ тѣхъ основаніяхъ, которыя были указаны попечителемъ.

Прибытіе вновь назначеннаго профессора въ Казань отсрочилось почти ни семь мѣсяцевъ: только 8-го ноября явился Сергѣевъ въ университетъ и 10-го, согласно обычаю, представился совѣту. Задержка Сергѣева въ Петербургѣ произошла по волѣ самого попечителя, который возложилъ на новаго профессора порученіе выработать подробный планъ или „конспектъ" преподаванія правовѣдѣнія, согласованный съ инструкціею ректору и который могъ бы быть положенъ въ основу трехгодичнаго распредѣленія чтеній на отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ. Магницкій придавалъ весьма важное значеніе работѣ, возложенной имъ на Сергѣева, надѣясь найти въ новой системѣ преподаванія, долженствовавшей явиться ея результатомъ, спасительную гарантію противъ тѣхъ опасностей, которыя постоянно грезились ему со стороны дисциплинъ нравственно-политическаго отдѣленія, въ особенности же со стороны философіи и ненавистнаго естественнаго права, побѣду надъ которымъ, въ лицѣ злополучнаго профессора Солнцева, казанскій попечитель какъ разъ торжествовалъ въ ту пору. Уже это порученіе раскрываетъ передъ нами какъ то довѣріе, какимъ облекалъ Магницкій новаго профессора, такъ и ту видную роль, которая предназначалась ему въ казанскомъ университетѣ. Сергѣеву предстояло выступить здѣсь такимъ же столпомъ и руководителемъ нравственно-политическаго отдѣленія, какимъ являлся раньше проф. Солнцевъ, хотя новому попечительскому фавориту было очень далеко до своего предмѣстника, стоявшаго несоразмѣримо выше его и своимъ умомъ, и своимъ философскимъ складомъ міровоззрѣнія, и своимъ юридическимъ развитіемъ, и своимъ педагогическимъ тактомъ.

Въ архивныхъ дѣлахъ университета сохранился подлинный текстъ составленнаго проф. Сергѣевымъ конспекта. Не входя въ подробное ознакомленіе съ нимъ, замѣтимъ только, что это произведеніе покладистой

Петръ Сергѣевичъ
Сергѣевъ,
профессоръ правовѣдѣнія.
(6 апрѣля 1823 г. — 17 ноября 1845 г.)

фантазіи новой попечительской креатуры, всецѣло разсчитанное на угожденіе дидактическимъ вкусамъ и требованіямъ Магницкаго, жестоко ополчается противъ внесенія философскаго метода въ область изученія права, отрицаетъ сравнительно-историческое начало въ правовѣдѣніи и требуетъ построенія всего университетскаго курса юридическихъ и политическихъ наукъ на абсолютныхъ основахъ религіи и дѣйствующаго, положительнаго, права: „Единственными источниками юридическихъ истинъ могутъ быть только положительные законы государства"—категорически заявляетъ авторъ конспекта. Главною задачею преподаванія правовѣдѣнія полагаетъ Сергѣевъ: внушеніе учащимся „лживости и суемудрія умозрительныхъ системъ" и предоставленіе имъ „орудія для защищенія себя отъ тѣхъ гибельныхъ и возмутительныхъ понятій, которыя распространяютъ нынѣ революціонизмъ и невѣріе"; „начало же и конецъ юридическаго курса" конспектъ усматриваетъ въ „предохраненіи отъ гибельнаго вольнодумства и огражденіи ученія, не противорѣчиваго Слову Божію и согласнаго съ пользою отечественнаго правленія". Опроверженіе ученія естественнаго права ставится преподавателямъ, конечно, въ обязанность важнѣйшую. Для достиженія этой цѣли, преподаватель „представитъ картину первобытнаго законодательства, даннаго человѣку верховнымъ Вседержителемъ *, и укажетъ постепенное откровеніе путей ко спасенію и противоборство строптиваго духа гордости—древняго змія, возбуждающаго непокорность искони, ниспровергающаго законы, возстающаго противу установленной власти, возводящаго собственный разумъ,—произволъ,—на степень верховнаго законодателя"; преподаватель обязанъ внушать слушателямъ, что „право естественное,—сіе появленіе строптиваго духа гордости и противленія,—открыто исходитъ на брань противу откровенія, помазанниковъ и положительнаго ихъ законодательства, для собственнаго своего низверженія и пріуготовленія царства Искупителя"....

Прибывъ въ Казань и выполняя волю попечителя, проф. Сергѣевъ немедленно же представилъ свой конспектъ на усмотрѣніе факультета и совѣта. Само собою разумѣется, что это произведеніе не только было принято къ руководству, но вызвало къ себѣ одобрительные восторги. Деканъ нравственно-политическаго отдѣленія проф. Городчаниновъ далъ отзывъ, что „представленные г. профессоромъ Сергѣевымъ конспекты въ полной мѣрѣ заслуживаютъ особенное вниманіе и

* Примѣчаніе къ этому положенію Сергѣева: «Въ семъ могутъ служить ему пособіемъ полезные труды профессора Городчанинова, изображенные въ мнѣніи христіанина о правѣ естественномъ—Казанскій Вѣстникъ 1821 года, № V и VIII».

одобреніе, какъ изложенные въ духѣ, совершенно сообразномъ съ данною ректору инструкціею и какъ содержащіе въ себѣ новое, весьма важное, направленіе науки правъ къ цѣли православныя нашея грекороссійскія церкви"; казанскій представитель попечителя и математикъ по спеціальности, директоръ университета проф. Никольскій (замѣнившій къ этому времени прежняго директора Владимірскаго), сдѣлавъ рядъ дополнительныхъ замѣчаній къ труду Сергѣева, вывелъ заключеніе, что „конспектъ г. автора полонъ, превосходенъ и во всемъ согласенъ съ инструкціею ректору" и что „остается пожелать столь же отличныхъ успѣховъ его слушателямъ, какъ прекрасно и основательно предварительное обозрѣніе науки".

Начавъ свою университетскую дѣятельность, проф. Сергѣевъ сразу же всталъ въ ряды ближайшихъ казанскихъ конфидентовъ Магницкаго. Н. И. Второвъ въ своихъ воспоминаніяхъ характеризуетъ Сергѣева, въ качествѣ „креатуры Магницкаго, его любимца, вертѣвшаго всѣмъ университетомъ и котораго боялся самъ ректоръ Фуксъ" *. Не взирая на отсутствіе у него какой бы то ни было ученой степени, Сергѣевъ 31-го мая 1824 года былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ философіи, съ довольно своеобразнымъ дополнительнымъ назначеніемъ его (съ 11-го іюля того же года) и адъюнктомъ (!) правовѣдѣнія. При преобразованіи университета на основаніи устава 1835 года, 1-го августа 1837 года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ законовъ государственнаго благоустройства и благочинія, хотя, за время пребыванія его въ университетѣ, Сергѣеву выпадало на долю чтеніе по самымъ разнообразнымъ отраслямъ правовѣдѣнія. Въ 1824 году несъ обязанности секретаря совѣта, въ 1823—1825 годахъ библіотекаря университета, въ 1829—1834 и 1835—1843 годахъ былъ деканомъ юридическаго факультета. Уволенъ отъ службы въ январѣ 1844 года. Умеръ въ Казани, въ отставкѣ, въ 1868 году [205].

2. Флегонтъ Тихоновичъ Талантовъ, кандидатъ московской духовной академіи (выпуска 1820 г.), учитель казанской духовной семинаріи, а съ весны 1822 года священникъ и ключарь казанскаго Благовѣщенскаго каѳедральнаго собора, 29-го мая 1823 года, согласно представленію Магницкаго, опредѣленъ въ казанскій университетъ преподавателемъ церковно-библейской исторіи. Это назначеніе находилось въ связи съ послѣдовав-

* «Это былъ господинъ довольно массивный и до такой степени лѣнивый, что не давалъ себѣ даже труда припоминать то, на чемъ остановился въ прошлую лекцію,—читаемъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Второва.—Онъ читалъ по книгѣ, отмѣчая закладкою ту страницу, на которой останавливался; случалось, что студенты нарочно перекладывали ее за нѣсколько лекцій назадъ и лѣнивый и невѣжественный профессоръ, къ ихъ потѣхѣ, начиналъ пѣть зады» (Русск. Арх., 1877, № 6, стр. 152).

шимъ передъ тѣмъ увольненіемъ (17-го марта) архимандрита Ѳеофана: преподаваніе богословія отошло теперь къ протоіерею Нечаеву, преподаваніе же церковно-библейской исторіи возложено на вновь опредѣленнаго Талантова. Возведенный 1-го сентября 1825 года, по представленію университета, въ санъ протоіерея, а съ 1-го марта 1832 года назначенный на должность настоятеля каѳедральнаго собора, о. Талантовъ несъ университетскую службу до 1-го августа 1837 года, когда былъ уволенъ при введеніи новаго устава [206].

3. Францъ Пелатье, адъюнктъ химіи и хирургіи, представляетъ собою, подобно Жобару, образецъ пронырливаго, но бездарнаго, иноземца, навязаннаго казанскому университету властною рукою его попечителя. Французъ по происхожденію, получившій образованіе въ Монпелье и Парижѣ, Пелатье, обладая степенями баккалавра словесности и доктора медицины и будучи всего 24-хъ лѣтъ отъ рода, прибылъ въ августѣ 1822 года въ Петербургъ, гдѣ сумѣлъ какими то путями поддѣлаться къ Магницкому—быть можетъ черезъ жену послѣдняго, которая была сама французскаго происхожденія. Исторія назначенія въ казанскій университетъ Пелатье является лишь точнымъ воспроизведеніемъ опредѣленія въ него Жобара. 2-го февраля 1823 года Магницкій вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ, въ которомъ, заявивъ, что „докторъ медицины Пелатье, уроженецъ французской націи, обратился съ прошеніемъ объ опредѣленіи его въ казанскій университетъ“ и добавивъ къ этому, что проситель „отличныя имѣетъ свѣдѣнія въ медицинскихъ наукахъ и благонадежной нравственности“—ходатайствовалъ о назначеніи его „адъюнктомъ химіи и одной изъ медицинскихъ кафедръ, которую совѣтъ университета можетъ назначить ему“, съ жалованьемъ по обѣимъ кафедрамъ, выдачею третнаго жалованья впередъ, прогонами на проѣздъ въ Казань и подъемными деньгами въ размѣрѣ 600 рублей. Князь Голицинъ изъявилъ согласіе на всѣ эти домогательства и 5-го мая состоялось, болѣе нежели странное и безъ всякаго участія въ дѣлѣ университета, утвержденіе Пелатье „адъюнктомъ химіи и одной изъ медицинскихъ кафедръ“, каковая и была университетомъ предоставлена ему въ видѣ кафедры хирургіи; донося попечителю объ этомъ послѣднемъ распоряженіи, ректоръ Фуксъ доводилъ до его свѣдѣнія, что адъюнктъ Пелатье будетъ преподавать своимъ слушателямъ, на французскомъ языкѣ, по кафедрѣ химіи—ученіе „о химическомъ сродствѣ, о сцѣпленіи атомовъ, о ихъ взаимномъ соединеніи и многія другія статьи“, по кафедрѣ хирургіи—„о грыжахъ и язвахъ“.

Пелатье сразу же не повезло въ казанскомъ университетѣ. Преподаваніе его, благодаря совершенному незнанію русскаго языка, оставалось безъ всякой пользы, а 17-го марта 1824 года, не взирая на вліятельное представленіе его ректоромъ Фуксомъ, онъ оказался позорно забаллотированнымъ къ повышенію въ званіе ординарнаго профессора; печальная участь постигла и два представленные имъ рукописные трактата („Исторія химіи“ и „О пользѣ химіи“), которые ему пришлось взять обратно вслѣдствіе слишкомъ уклончиваго отзыва о нихъ факультета. Непродолжительною была университетская служба этого жалкаго попечительскаго ставленника. Взявъ въ концѣ января 1825 года отпускъ на 28 дней, онъ остался въ селѣ Лысковѣ, нижегородской губ., у мѣстнаго магната-вотчинника князя Грузинскаго (по всей вѣроятности—на службѣ) и отсюда послалъ (4 апрѣля) прошеніе объ отставкѣ. Эта послѣдняя затянулась вслѣдствіе пустого начета по библіотекѣ и только послѣ ряда настоятельныхъ и рѣзкихъ жалобъ Пелатье попечителю и министру, состоялось въ концѣ 1827 года увольненіе его отъ службы, вмѣстѣ съ выговоромъ за допущенныя въ жалобахъ „укоризненныя“ по адресу университета выраженія. Пелатье въ отставкѣ именовалъ себя „докторомъ медицины“, что заставило университетъ въ 1828 году объявить ему, что онъ никогда не признавалъ его въ этой ученой степени. Дальнѣйшая судьба этого случайнаго члена казанскаго университета намъ неизвѣстна [207].

4. Николай Θеодоровичъ Кулаковъ, воспитанникъ казанской гимназіи и кандидатъ казанскаго университета (выпуска 1820 г.), находясь въ должности учителя естественной исторіи казанской гимназіи, съ 21-го мая 1823 года былъ привлеченъ, въ виду выѣзда въ С.-Петербургъ проф. Тимьянскаго, къ преподаванію въ университетѣ всѣхъ частей естественной исторіи, впредь до прибытія проф. Эйхвальда, т. е. до начала курса 1824 г., послѣ чего преподавалъ, до пріѣзда проф. Купфера, одну минералогію. Съ 1823 г., въ различные семестры, преподавалъ въ университетѣ ботанику, зоологію, минералогію и геогнозію. 18 мая 1829 года утвержденъ адъюнктомъ естественной исторіи. Въ 1830—1834 годахъ находился въ командировкѣ въ С.-Петербургѣ, съ цѣлью усовершенствованія въ ботаникѣ при императорскомъ ботаническомъ садѣ. Уволенъ, съ пенсіею, 1 августа 1837 года, при преобразованіи университета по новому уставу. Умеръ 22 сентября 1839 года въ С.-Петербургѣ, въ мѣстной петропавловской больницѣ [208].

5. Эдуардъ Ивановичъ Эйхвальдъ, уроженецъ прибалтійскаго края докторъ (1819 г.) виленскаго университета, въ первыхъ числахъ января

1823 года обратился къ Магницкому съ письмомъ на французскомъ языкѣ, которое, въ виду его біографическаго интереса, мы и приводимъ цѣликомъ, въ русскомъ переводѣ:

„Ваше превосходительство!—Ободряемый успѣхами, которыя, благодаря вашему покровительству, сдѣланы въ Россіи науками, я осмѣливаюсь идти по стопамъ тѣхъ людей, которые стараются споспѣшествовать благу отечества какъ своими знаніями, такъ и нравственностью своего поведенія, и потому предлагаю вамъ свои услуги на тотъ случай, если онѣ окажутся способными отвѣчать чувствамъ благожеланія, которыя вы изволите питать по отношенію къ императорскому казанскому университету.

Завершивъ свое медицинское образованіе въ Берлинѣ, я въ 1818 году посѣтилъ больничныя учрежденія и естественно-историческіе кабинеты Парижа, Лондона и Вѣны. Прибывъ, затѣмъ, въ Вильно, я пріобрѣлъ здѣсь степень доктора медицины. Охваченный, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ врачебной практики, желаніемъ получить должность при какомъ нибудь университетѣ, я поселился въ Дерптѣ, гдѣ и прочелъ (въ качествѣ приватъ-доцента) нѣсколько курсовъ по естествознанію.

Въ виду того, что въ дерптскомъ университетѣ не имѣется въ настоящее время вакансій по медицинскому факультету, я желалъ бы получить кафедру на врачебномъ отдѣленіи университета, ввѣреннаго попеченію вашего превосходительства и обязаннаго вамъ столь значительными улучшеніями.—Благоволите и пр.“

26-го января попечитель вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ, въ которомъ испрашивалъ утвержденія Эйхвальда въ званіи ординарнаго профессора, заявляя, что „докторъ Эйхвальдъ принимаетъ на себя зоологію и повивальное искусство, обязываясь, сверхъ того, преподавать сравнительную анатомію, столь необходимую для зоологіи, хотя въ нашихъ уставахъ и опущенную, но вездѣ въ Европѣ преподаваемую“. Магницкій присовокуплялъ къ этому, что „Эйхвальдъ служитъ адъюнктомъ (sic) въ дерптскомъ университетѣ и потому только оттуда выходитъ, что обойденъ профессорскою кафедрою въ пользу другого, возвратившагося изъ путешествія“, что „онъ проситъ званія ординарнаго профессора и 3700 р. жалованья“ (по обѣимъ кафедрамъ) и что объ немъ имѣются „отличныя одобренія“. Назначеніе Эйхвальда въ казанскій университетъ, безъ избранія въ совѣтѣ и на предъявленныхъ имъ условіяхъ, съ званіемъ ординарнаго профессора повивальнаго искусства и порученіемъ дополнительнаго преподаванія зоологіи и сравнительной анатоміи, послѣдовало 29-го мая 1823 года.

Непродолжительная казанская дѣятельность проф. Эйхвальда можетъ быть отмѣчена его иниціативою въ дѣлѣ устройства новаго университетскаго (на берегу озера Кабана) ботаническаго сада, попеченіями о расширеніи кабинета естественной исторіи, основаніемъ кабинета сравнительной анатоміи и ученою командировкою (съ 9-го марта 1825 по 11-е сентября 1826 г.) для изслѣдованія Каспійскаго моря и его побережья.

Въ 1827 году проф. Эйхвальдъ перешелъ на службу въ виленскій университетъ. 5 мая 1873 г., будучи уже заслуженнымъ профессоромъ и академикомъ, избранъ почетнымъ членомъ казанскаго университета въ ознаменованіе пятидесятилѣтія ученой дѣятельности и въ уваженіе его заслугъ въ дѣлѣ „учрежденія въ казанскомъ университетѣ многихъ естественно-историческихъ музеевъ“ и „положенія начала распространенію естественно-историческихъ знаній въ краѣ“.

Умеръ въ Петербургѣ, въ 1876 году [209].

6. Адольфъ (Теодоръ) Яковлевичъ Купферъ, курляндскій (сынъ купца) уроженецъ, слушатель берлинскаго и парижскаго и докторъ философіи геттингенскаго университетовъ, принадлежалъ также къ числу профессоровъ казанскаго университета, непосредственно назначенныхъ министромъ, безъ узаконеннаго избранія университетскимъ совѣтомъ. Исходнымъ пунктомъ дѣла о назначеніи его на кафедру является слѣдующее (на французскомъ языкѣ) прошеніе Купфера, поданное Магницкому въ концѣ января 1823 года:

> „Ваше превосходительство!—Посвятивъ себя наукамъ, во имя идеи служенія отечеству и выполненія своего призванія, я желалъ бы получить кафедру минералогіи и химіи, а также и кафедру физики, въ ввѣренномъ вашимъ отеческимъ попеченіямъ казанскомъ университетѣ. Я принимаю на себя обязательство преподаванія этихъ наукъ во всей ихъ полнотѣ и во всеоружіи тѣхъ возвышенныхъ чувствованій, которыя необходимы въ преподавателѣ, желающемъ показать своимъ ученикамъ благость Творца, обнаруживающуюся въ его твореніяхъ и въ вѣчныхъ законахъ природы. Я даю обѣтъ заботиться о благоустройствѣ кабинетовъ и собраній, имѣющихъ быть мнѣ ввѣренными; потщусь, равнымъ образомъ, заслужить благорасположеніе г. попечителя, дружбу сослуживцевъ, жить со всѣми въ мирѣ.—Примите и пр.“

Представленіе относительно Купфера сдѣлано было Магницкимъ министру 26-го января, одновременно съ представленіемъ относительно Эйхвальда, причемъ попечитель пояснялъ, что „докторъ Купферъ берется

преподавать химію, минералогію и физику, съ жалованьемъ за всѣ сіи предметы въ 3700 рублей и съ званіемъ ординарнаго профессора". Утвержденіе Купфера ординарнымъ профессоромъ химіи, съ порученіемъ (за дополнительный окладъ) и кафедры физики, послѣдовало 8-го іюня 1823 года, осложнившись процедурою исключенія его изъ податного состоянія. Не смотря на состоявшееся назначеніе его, Купферъ прибылъ въ Казань лишь 2-го іюля слѣдующаго 1824 года, такъ какъ лѣтомъ 1823 года былъ командированъ, вмѣстѣ съ проф. И. М. Симоновымъ, заграницу, съ цѣлью пріобрѣтенія для казанскаго университета на 40 тыс. рубл. физическихъ и астрономическихъ инструментовъ. Въ бытность свою профессоромъ казанскаго университета, завѣдывалъ физическимъ кабинетомъ, химическою лабораторіею и, нѣкоторое время, естественнымъ кабинетомъ. Купферу принадлежитъ честь организаціи магнитныхъ наблюденій въ Казани и въ краѣ и пріобрѣтенія (1825 г.) необходимыхъ для того инструментовъ, а равно устройства при университетѣ магнитной обсерваторіи (разрѣшена къ сооруженію 27 октября 1827 г.); не мало, затѣмъ, положено имъ труда и въ дѣло приведенія въ устройство минералогическихъ собраній университета. Въ 1826 году, лѣтомъ, экскурсировалъ въ астраханскую губернію для магнитныхъ наблюденій; весною и лѣтомъ 1828 года совершилъ ученую поѣздку по Уралу и по казанской губерніи.

Уволенъ изъ казанскаго университета въ концѣ 1828 года, въ виду послѣдовавшаго перемѣщенія (26-го октября) въ императорскую академію наукъ. Умеръ въ 1865 году, въ званіи ординарнаго академика [210].

7. Θеодосій Евстафіевичъ Кандаковъ, воспитанникъ тобольской духовной семинаріи (выпуска 1818 г.), а затѣмъ служащій канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора, по выдержаніи въ 1822 году при казанскомъ университетѣ испытанія на степень кандидата словесныхъ наукъ опредѣленъ помощникомъ библіотекаря университета и, состоя въ этой должности, въ ноябрѣ 1823 года привлеченъ, въ качествѣ помощника проф. Сергѣева, къ преподаванію философіи, которое и велъ въ 1824—1825 учебномъ году. Хотя въ сентябрѣ 1826 года Кандаковъ пріобрѣлъ степень магистра, но дальнѣйшія намѣренія его посвятить себя ученой службѣ не осуществились и, послѣ неудачной попытки (1828 г.) быть опредѣленнымъ въ дерптскій профессорскій институтъ и послѣдующаго двухгодичнаго пребыванія съ научными цѣлями въ Петербургѣ, онъ 17-го апрѣля 1831 года совершенно уволился изъ вѣдомства казанскаго университета [211].

8. Михаилъ Самсоновичъ Рыбушкинъ, воспитанникъ казанской гимназіи и кандидатъ словесныхъ наукъ казанскаго же университета (выпуска 1812 г.), а затѣмъ учитель и и. д. инспектора казанской гимназіи, съ этой послѣдней должности былъ 4 августа 1823 года избранъ и 17-го сентября утвержденъ адъюнктомъ казанскаго университета по кафедрѣ россійской словесности. Избраніе это послѣдовало вслѣдствіе представленія проф. Городчанинова, мотивированнаго тѣмъ, что „старшій учитель Рыбушкинъ, состоя уже около тринадцати лѣтъ въ званіи учителя россійской словесности, проходилъ всегда на него возлагаемыя должности съ отличнымъ усердіемъ, дѣятельностью и успѣхомъ, при достохвальномъ поведеніи, и пріобрѣлъ не только отличную способность къ преподаванію, но и основательное знаніе славянскаго языка, такъ что съ пользою можетъ употребленъ быть по сей части и при университетѣ". Университетская служба Рыбушкина продолжалась до 28-го февраля 1835 года, когда послѣдовало перемѣщеніе его на должность директора училищъ астраханской губерніи. Впослѣдствіе (съ конца 1843 г.) былъ директоромъ училищъ пензенской губерніи, но крупныя служебныя непріятности побудили его (въ декабрѣ 1845 г.) совершенно оставить службу. Умеръ 20-го марта 1849 года въ Казани, въ отставкѣ [212].

9. Сергѣй Андреевичъ Мистаки (онъ же Сергіусъ), природный грекъ купеческаго состоянія, прибылъ 30-го мая 1821 года изъ Константинополя въ Одессу, въ ряду другихъ сородичей, бѣжавшихъ изъ Турціи вслѣдствіе начавшагося тамъ анти-греческаго движенія. Изъ раннихъ (въ болѣе позднихъ эти свѣдѣнія исключены) послужныхъ списковъ его, мы узнаемъ, что Мистаки первоначальное образованіе получилъ въ бухарестскомъ „княжескомъ училищѣ", по окончаніи курса котораго (1805 г.) занимался частнымъ обученіемъ въ домахъ румынскихъ бояръ, былъ домашнимъ наставникомъ дѣтей валахскаго господаря Константина Ипсиланти, преподавателемъ греческой словесности въ ясскомъ „господарскомъ публичномъ училищѣ" (съ 1-го сентября 1813 г.), будучи награжденъ званіемъ „великаго пахарника", и, наконецъ, 5-го августа 1817 года патріаршею грамотою приглашенъ на должность профессора греческой словесности въ константинопольское высшее училище. Смута застала Мистаки въ расплохъ, такъ что онъ бѣжалъ изъ Константинополя въ Одессу, не успѣвъ даже захватить съ собою своихъ вещей и книгъ, которыя впослѣдствіе, уже въ 1826 году, требовались изъ Константинополя черезъ русское посольство. Изъ Одессы и начались сношенія Мистаки,—или „Сергіуса", какъ первоначально именовался онъ во всѣхъ

оффиціальныхъ документахъ, — съ попечителемъ казанскаго учебнаго округа по вопросу о предоставленіи ему кафедры въ казанскомъ университетѣ. Успѣху домогательства греческаго эмигранта оказало рѣшающее значеніе письмо къ Магницкому отца Константина, „экономоса“ убитаго во время смуты константинопольскаго патріарха, съ наилучшей стороны рекомендовавшаго Сергіуса-Мистаки попечителю казанскаго учебнаго округа и, согласно представленію Магницкаго, Мистаки 19-го сентебря 1823 года былъ утвержденъ министромъ, опять таки безъ вѣдома и избранія университетскаго совѣта, ординарнымъ профессоромъ греческой словесности, съ жалованьемъ въ 2000 рублей въ годъ, 500 рублями квартирныхъ денегъ и такимъ же дополнительнымъ окладомъ за преподаваніе греческаго языка въ гимназіи.

Не въ примѣръ профессорамъ Эйхвальду и Купферу, оставившимъ по себѣ крупную память въ наукѣ, проф. Мистаки принадлежалъ къ самымъ жалкимъ креатурамъ Магницкаго. Очень плохо зная русскій языкъ и будучи одаренъ комичною наружностью, онъ, по свидѣтельству Н. И. Второва, служилъ лишь постояннымъ „предметомъ потѣхи для студентовъ“ *. Оставивъ 26-го мая 1839 года университетскую службу, проф. Мистаки продолжалъ жить въ Казани, гдѣ онъ обзавелся собственнымъ домомъ и умеръ въ концѣ шестидесятыхъ или въ началѣ семидесятыхъ годовъ [213].

10. Иванъ Фроловичъ Грацинскій, кандидатъ словесныхъ наукъ казанскаго университета (выпуска 1823 г.), 17-го ноября 1823 года былъ привлеченъ въ помощь проф. Сергѣеву (одновременно съ кандидатомъ Кандаковымъ) для преподаванія философіи, которое и велось имъ въ 1824—1825 учебномъ году. Получивъ весною 1825 года мѣсто учителя латинскаго языка въ казанской гимназіи, въ 1828—1829 годахъ несъ обязанности репетитора всеобщей географіи въ университетѣ, а въ 1831—1837 годахъ читалъ въ университетѣ же, по порученію, всеобщую и русскую географію. Впослѣдствіе (съ 1844 г.), въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, служилъ въ должности директора гимназіи и училищъ пермской губерніи [214].

Закончимъ нашъ обзоръ движенія личнаго преподавательскаго состава казанскаго университета за время попечительства Магницкаго тѣми измѣненіями, которыя послѣдовали въ теченіи 1824-го, 1825-го и начала 1826-го годовъ.

---

* Русск. Архивъ, 1877, № 6, стр. 152—153.

За этотъ промежутокъ времени изъ преподавательскаго состава университета выбыли: а) ордин. профессоръ философіи, дипломатики и политической экономіи М. А. Пальминъ, уволенный 10-го мая 1824 года; б) ордин. профессоръ латинской словесности и французской литературы И. Б. Жобаръ, уволенный 5-го сентября того же года; в) преподаватель правовѣдѣнія А. А. Ѳедоровъ, уволенный 21-го февраля 1825 года; г) преподаватель гражданской архитектуры П. Г. Пятницкій, уволенный 23-го марта того же года; д) адъюнктъ химіи и хирургіи Ф. Пелатье, подавшій прошеніе объ отставкѣ въ апрѣлѣ 1825 года и тогда же фактически оставившій университетъ, хотя формальное увольненіе его послѣдовало лишь въ концѣ 1827 года; е) ордин. профессоръ естественной исторіи В. И. Тимьянскій, уволившійся 18-го іюля 1825 года; ж) преподаватель философіи Ѳ. Е. Кандаковъ, прекратившій преподаванія съ истеченіемъ 1824—1825 учебн. года, хотя и числился, затѣмъ, въ вѣдомствѣ казанскаго университета до весны 1831 года.

Вновь вступили въ преподавательскій персоналъ университета, за то же время, слѣдующія лица:

1. Петръ Александровичъ Потѣхинъ, воспитанникъ симбирской гимназіи и кандидатъ нравственно-политическихъ наукъ казанскаго университета (выпуска 1821 г.). 12-го февраля 1824 года, находясь въ то время въ должности учителя казанской гимназіи, былъ прикомандированъ къ университету, въ качествѣ помощника профессору Сергѣеву по преподаванію правовѣдѣнія; въ этомъ званіи въ теченіи 1824—1825 и 1825—1826 годовъ велъ преподаваніе энциклопедіи права, конституцій европейскихъ государствъ, гражданскаго, уголовнаго и русскаго публичнаго правъ. Временными курсами этими университетская преподавательская дѣятельность Потѣхина и ограничилась: 19-го августа 1826 года состоялось отчисленіе его отъ университета.

2. Яковъ Миничъ Караблиновъ, воспитанникъ воронежской духовной семинаріи, слушатель московскаго университета и магистръ (1821 г.) с.-петербургской духовной академіи, 10-го мая 1824 года, согласно представленію Магницкаго, утвержденъ, безъ избранія университетскимъ совѣтомъ, экстраординарнымъ профессоромъ казанскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и дипломатики (взамѣнъ уволеннаго почти одновременно проф. Пальмина), съ порученіемъ преподаванія и латинскаго языка, на каѳедру котораго 4-го марта 1825 года и былъ перемѣщенъ, продолжая, до начала 1834 г., преподаваніе на нравственно-политическомъ отдѣленіи политической экономіи и дипломатики. Уволенъ изъ

университета 1-го августа 1837 года, при введеніи новаго университетскаго устава.

3. Иванъ Ивановичъ Бюрно, уроженецъ Савойи, прибывъ въ концѣ 1823 года въ Россію, 7-го мая 1824 года назначенъ въ казанскій университетъ (также безъ избранія) лекторомъ французскаго языка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, помощникомъ инспектора студентовъ. Избранный 30-го сентября 1825 года адъюнктомъ французской словесности, утвержденъ былъ въ этомъ званіи лишь 3-го іюля 1828 года, оставаясь въ немъ до 31-го августа 1839 года, когда послѣдовало увольненіе его отъ службы.

4. Иванъ Ѳеодоровичъ Краузе, лекторъ французскаго языка. 27-го сентября 1824 года, согласно предложенію Магницкаго, избранъ адъюнктомъ по вновь измышленной попечителемъ кафедрѣ французской словесности, но уволенъ отъ службы уже 12-го мая 1826 года (см. о немъ томъ II, стр. 55—56).

5. Яковъ Александровичъ Миллеръ, сынъ французскаго морскаго офицера, воспитанникъ пензенской гимназіи и полоцкаго іезуитскаго училища, а затѣмъ старшій учитель саратовской гимназіи, 4-го марта 1825 года, съ должности директора училищъ астраханской губерніи, назначенъ (безъ избранія въ совѣтѣ) въ казанскій университетъ адъюнктомъ латинской словесности. Университетская служба Миллера не была продолжительною: забаллотированный 30-го сентября 1825 года совѣтомъ къ повышенію въ званіе экстраординарнаго профессора, 8-го августа 1827 года уволился изъ университета, съ назначеніемъ на должность директора училищъ саратовской губерніи [215].

6. Николай Дмитріевичъ Брашманъ, моравскій уроженецъ изъ евреевъ, воспитанникъ вѣнскихъ политехникума и университета, въ началѣ двадцатыхъ годовъ прибылъ въ Россію, гдѣ, принявъ весною 1824 года христіанство по обряду православной церкви, съ именемъ Николая, получилъ мѣсто учителя математики въ петербургскомъ петропавловскомъ лютеранскомъ училищѣ. Въ началѣ слѣдующаго года Брашманъ обратился къ попечителю казанскаго учебнаго округа съ просьбою относительно предоставленія ему званія адъюнкта математики въ казанскомъ университетѣ, предъявивъ, при этомъ, весьма лестный аттестатъ отъ бывшаго профессора казанскаго университета, а въ то время уже европейски извѣстнаго директора вѣнской астрономической обсерваторіи—Литтрова. Соотвѣтствующее представленіе Магницкаго увѣнчалось успѣхомъ и 11-го марта 1825 года Брашманъ назначенъ въ казанскій университетъ,—опять таки безъ совѣтскаго избранія,—адъюнктомъ математики, прибывъ въ

августѣ въ Казань, вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ заграницы проф. Симоновымъ, но уже 11-го сентября того же года перемѣщенъ адъюнктомъ при кафедрѣ астрономіи, хотя читалъ, затѣмъ, чистую и прикладную математику. Съ января по іюнь 1826 года назначенъ былъ Магницкимъ къ исправленію должности инспектора студентовъ. 19-го сентября 1832 года избранъ въ званіе экстраординарнаго профессора, но утвержденіе его было отложено до введенія новаго университетскаго устава. 17-го августа 1834 года перемѣщенъ въ московскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ прикладной математики, оставаясь здѣсь профессоромъ (впослѣдствіе ординарнымъ и заслуженнымъ) до 1864 г. и учредивъ при университетѣ математическую премію своего имени. Скончался въ Москвѣ, 13-го мая 1866 года [216].

7. Георгъ Фишеръ, органистъ и учитель музыки, 16-го іюля 1825 года опредѣленъ въ казанскій университетъ на должность преподавателя инструментальной музыки, но прослужилъ здѣсь не долго, скончавшись 29-го апрѣля 1827 года.

Въ такомъ видѣ представляются намъ назначенія на преподавательскія должности въ казанскомъ университетѣ, послѣдовавшія за время попечительства Магницкаго. Уже изъ представленнаго нами краткаго историческаго перечня этихъ назначеній читатели могли убѣдиться въ томъ, что Магницкій былъ весьма мало склоненъ уважать автономныя права университета, гарантированныя ему высочайше дарованными утвердительною грамотою и уставомъ, и что, поддерживаемый министромъ народнаго просвѣщенія, княземъ Голицинымъ, онъ позволялъ себѣ въ этомъ направленіи проявленія самаго необузданнаго и противозаконнаго произвола; этотъ произволъ простирался и на узаконенное уставомъ распредѣленіе кафедръ, которыя, какъ мы это видѣли и какъ увидимъ это въ своемъ мѣстѣ въ еще болѣе рельефной формѣ, соединялись, раздроблялись и даже вновь создавались по личному усмотрѣнію временщика-попечителя. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что, въ эту смутную для исторіи русскаго просвѣщенія пору, вверхъ дномъ поставлена была въ злосчастномъ казанскомъ университетѣ вся система преподаванія, едва начавшая, съ полнымъ открытіемъ въ 1814 году университета, принимать болѣе или менѣе правильный и опредѣленный видъ. Мы могли подмѣтить и крайнюю неразборчивость Магницкаго въ дѣлѣ назначенія профессоровъ,—и не его прозорливости обязанъ, конечно, казанскій университетъ тѣмъ, что списки личнаго состава его могли украситься такими крупными

въ наукѣ именами, какими явились впослѣдствіе имена Купфера, Эйхвальда, Брашмана....

Не представляется, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что только что указанныя нами отрицательныя черты попечительской дѣятельности Магницкаго были въ 1826 году въ рѣзкой формѣ отмѣчены ревизіею генералъ-маіора Желтухина, положившею конецъ печальной памяти университетскому „лихолѣтью“ 1819—1826 годовъ. Мы нѣсколько упредимъ, быть можетъ, послѣдовательный ходъ нашего повѣствованія ссылкою на нѣкоторыя заключенія ревизіи Желтухина, но считаемъ цѣлесообразнымъ сдѣлать это теперь же, въ видахъ болѣе яркаго освѣщенія только что приведенныхъ отрицательныхъ сторонъ интересующей насъ эпохи жизни казанскаго университета. Въ донесеніи министру отъ 10-го марта 1826 года, заключающемъ въ себѣ докладъ относительно результатовъ произведенной имъ ревизіи казанскаго университета за время попечительства Магницкаго, генералъ-маіоръ Желтухинъ прежде всего останавливается на практиковавшемся въ ту пору порядкѣ назначенія профессоровъ:

„По силѣ устава казанскаго университета,—читаемъ въ этомъ донесеніи,—избраніе профессоровъ и адъюнктовъ предоставлено совѣту университета съ тѣмъ, что бы совѣтъ о избранномъ предварительно представлялъ попечителю и ожидалъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Напротивъ, въ университетѣ казанскомъ опредѣлены *безъ выбора совѣта*, по одному представленію попечителя, профессоры: ординарные—Сергѣевъ, Фогель, Эйхвальдъ, Купферъ и Мистаки, экстраординарные—Караблиновъ и Ероховъ, адъюнкты—Миллеръ, Пелатье и Брашманъ.

Изъ числа сихъ профессоровъ Сергѣевъ, Мистаки, Караблиновъ, Миллеръ, Пелатье и Брашманъ *не имѣли ни ученыхъ степеней, ни особенной извѣстности въ ученомъ свѣтѣ*, а объ ординарномъ профессорѣ Сергѣевѣ видно, что г. министръ утвердилъ его ординарнымъ профессоромъ, по представленію г. попечителя, яко бы по избранію совѣта, но избранія сего совсѣмъ не было (!)“.

Желтухинъ придаетъ въ своемъ донесеніи весьма важное,—конечно отрицательное,—значеніе нарушенію избирательныхъ правъ университетскаго совѣта, констатируя деморализующее вліяніе этого явленія:

„*Ниспровергнуты были*,—читаемъ въ донесеніи,—*самыя важныя права совѣта*, на основаніи которыхъ желающіе поступить въ профессоры, хотя бы они имѣли ученыя степени докторовъ и магистровъ, не иначе могутъ получить профессорское званіе,

какъ по предварительному выбору совѣта и по утвержденіи высшимъ начальствомъ. Сохраненіемъ сего правила поддерживалось соревнованіе, столь необходимое между учеными, укрѣплялась довѣренность къ достоинствамъ выбираемыхъ, которые опредѣлялись не по личностямъ, а по ученымъ заслугамъ. Съ нарушеніемъ сего правила, когда многіе начали поступать прямо даже въ ординарные профессоры, по единому произволу попечителя, тогда все стремленіе обращено было къ тому, что бы сыскать средства обратить на себя вниманіе попечителя и чрезъ то достигнуть, какими бы ни было путями, до профессорскихъ званій. Отсюда родились въ ученомъ сословіи междоусобія, доносы, происки, которые тѣмъ болѣе увеличивались, чѣмъ болѣе видѣли примѣровъ, что изъ числа вновь поступающихъ профессоровъ многіе не имѣли нужныхъ познаній.

При таковомъ упадкѣ университета, отъ уменьшенія числа достойныхъ наставниковъ и отъ возникшихъ раздоровъ, отцы перестали отдавать въ университетъ дѣтей своихъ, предпочитая другія учебныя заведенія".

Не ускользнула отъ вниманія ревизора и практиковавшаяся въ эпоху Магницкаго безпорядочность въ распредѣленіи кафедръ:

„Самое распредѣленіе кафедръ по произволу попечителя и порученіе профессорамъ должностей, присвоенныхъ гражданскимъ чиновникамъ, равномѣрно сдѣлано въ нарушеніе устава и, въ особенности, инструкціи директорской. Безпрестанное жъ перемѣщеніе чиновниковъ изъ одного мѣста въ другое и переводы профессоровъ съ кафедры на другую совершенно отнимали способы, у первыхъ—вникнуть въ свои обязанности, а у послѣднихъ—приготовиться и собрать нужные матеріалы къ преподаванію вновь поручаемыхъ наукъ" [217].

Магницкій не оставилъ предъявленныхъ къ нему ревизоромъ обвиненій безъ отвѣта въ своемъ объясненіи, поданномъ по поводу донесенія Желтухина. Мы познакомимся теперь же и съ этими отвѣтами, весьма существенными для лучшаго освѣщенія интересующаго насъ вопроса.

Магницкій силится, прежде всего, парализовать обвиненіе въ нарушеніи имъ избирательнаго начала въ дѣлѣ назначенія университетскихъ преподавателей. Онъ ссылается въ этомъ отношеніи на извѣстный уже намъ высочайше утвержденный докладъ главнаго правленія училищъ 14-го іюля 1819 года, въ силу котораго „предположенія, къ преобразованію и исправленію разныхъ частей казанскаго университета учиненныя, представляются попечителемъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія на усмотрѣніе и утвержденіе", и на послѣдовавшее, уже на основаніи этого акта, предписаніе министра отъ 5-го ноября того же года,

которымъ ему, попечителю, предоставлялось „публиковать отъ лица университета (sic) приглашенія желающимъ къ поступленію въ профессоры и, сверхъ того, пріискивать оныхъ всѣми другими способами, по возможности". Вызовъ профессоровъ путемъ публикацій, за исключеніемъ Карейши, не далъ результатовъ,—поясняетъ Магницкій,—а потому ему и пришлось „съ величайшимъ трудомъ" самому отыскивать для университета преподавателей, такъ какъ ѣхать въ далекую Казань оказывалось мало охотниковъ, „особливо изъ С.-Петербурга, гдѣ они имѣютъ и другіе доходы, и изъ Дерпта, гдѣ получаютъ по 6-ти тысячъ рублей". Не взирая на все это, продолжаетъ Магницкій, „при настоящемъ управленіи университета опредѣлено профессоровъ и адъюнктовъ 17 * и, вмѣсто прежнихъ 15-ти, нынѣ ихъ 32". Слѣдомъ затѣмъ приводится и перечень нѣкоторыхъ изъ назначенныхъ за это время лицъ, интересный въ томъ отношеніи, что здѣсь указываются мотивы назначенія ихъ на кафедры:

1. Ероховъ—рекомендованъ попечителемъ московскаго учебнаго округа бывшему министру.
2. Фогель—представившій весьма хорошіе акты и отлично рекомендованный членомъ главнаго правленія училищъ барономъ Фитингофомъ.
3. Купферъ и Эйхвальдъ—рекомендованы тѣмъ же Фитингофомъ и академикомъ Фуссомъ. Имѣютъ хорошіе труды.
4. Сергѣевъ—рекомендованъ д. с. с. Кавелинымъ, бывшимъ директоромъ с.-петербургскаго университета, и извѣстенъ обличительными противъ философіи Шеллинга трудами. Прекрасно аттестованъ бывшимъ попечителемъ петербургскаго округа Уваровымъ.
5. Пелатье—одобреніе отъ французскаго посланника.
6. Мистаки—рекомендованъ извѣстнымъ и славнымъ въ Европѣ эллинистомъ, экономосомъ патріарха Григорія.
7. Караблиновъ—рекомендованъ бывшимъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.
8. Миллеръ—хорошіе аттестаты и рекомендаціи.
9. Брашманъ—аттестатъ Литтрова, рекомендованъ бывшимъ министромъ.

Глубоко возмущается Магницкій и обвиненіемъ въ деморализаціи, внесенной въ университетскую среду его системою, а также ссылкою Желтухина на охлажденіе интереса и довѣрія общества къ университету:

---

* Карейша, Пальминъ, Владимірскій, Жобаръ, Суровцовъ, Ероховъ, Фогель, Сергѣевъ, Пелатье, Эйхвальдъ, Купферъ, Рыбушкинъ, Мистаки, Караблиновъ, Краузе, Миллеръ и Брашманъ.

„Совершенно ложно доноситъ г. Желтухинъ о худой нравственности преподавателей университета",—пишетъ Магницкій и выражаетъ удивленіе, „какъ могла личность увлечь г. Желтухина до сей степени забвенія нравственныхъ началъ; пусть назоветъ онъ хотя одного преподавателя порочной нравственности и докажетъ оную—а безъ сего кто приметъ въ уваженіе клевету, столь неопредѣленную и общую?"…. Указывая на сдѣланные ревизоромъ дальнѣйшіе выводы изъ положенія о плохомъ подборѣ преподавательскаго персонала, Магницкій впадаетъ въ еще болѣе раздраженный тонъ: „Здѣсь не можетъ быть, какъ столь часто случалось съ г. ревизоромъ, ни ошибки, ни недоразумѣнія—а обдуманная клевета, ибо число студентовъ постоянно увеличивается. Теперь въ университетѣ 41 студентъ изъ дворянъ, и въ томъ числѣ лучшихъ фамилій здѣшнихъ и иногороднихъ—30, да оберъ-офицерскихъ дѣтей—36, а всѣхъ студентовъ, самые строгіе экзамены выдержавшихъ—112. Слѣдовательно, изъ разночинцевъ—треть. И такъ, дѣтей отдаютъ въ университетъ болѣе, чѣмъ ему нужно (?)". Въ подтвержденіе своихъ словъ, Магницкій ссылается на духовное и гражданское начальство Казани, на губернскаго предводителя дворянства, „которому извѣстно расположеніе дворянъ къ университету", и на домогательства дворянства объ устройствѣ при университетѣ благороднаго пансіона, на что оно, будто бы, „готово даже на пожертвованія", и патетически восклицаетъ: „Что возразитъ на сіе г. ревизоръ?"

Возвращаясь къ обвиненію его въ нарушеніи автономныхъ правъ университета, Магницкій приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Сіе обвиненіе совершенно ложно и слово ниспровергъ права совѣта, какъ оно ни сильно, есть—клевета, ибо, какъ то доказано въ представленной выпискѣ изъ высочайшаго повелѣнія и предписанія министра, попечитель имѣлъ совершенное и полное право приглашать и избирать профессоровъ въ казанскій университетъ.... Онъ (т. е. ревизоръ) говоритъ, что профессоры опредѣлены по одному постановленію попечителя. Но чего же болѣе, когда попечителю дано на то право? Впрочемъ, г. Желтухинъ обвиняетъ симъ болѣе всего г.г. министровъ, утверждавшихъ сихъ профессоровъ по одному выбору и представленію попечителя". Съ этой послѣдней точки зрѣнія отнеслось къ вопросу и главное правленіе училищъ, разсматривавшее дѣло Магницкаго и пришедшее къ заключенію, что „хотя г. попечитель, въ опредѣленіи профессоровъ и адъюнктовъ, и не соблюлъ предписываемыхъ уставомъ формъ, но какъ всѣ они утверждены министрами, прежнимъ и нынѣшнимъ, то противъ сего сказать ничего не можно" [218].

Въ связи съ мѣропріятіями Магницкаго, направленными къ пополненію личнаго преподавательскаго персонала, находятся и его заботы относительно постановки въ казанскомъ университетѣ преподаванія,—на тѣхъ, конечно, основахъ, которыя съ такою категоричностью были указаны въ ректорской инструкціи.

Мы въ своемъ мѣстѣ уже познакомились съ мѣрами временнаго характера, къ которымъ, согласно указаніямъ попечителя, вынужденнымъ нашелся прибѣгнуть университетскій совѣтъ для того, что бы, такъ или иначе, организовать преподаваніе въ ближайшемъ 1819—1820 учебномъ году наличными преподавательскими силами, уцѣлѣвшими отъ совершоннаго Магницкимъ разгрома*; дѣло дошло на этой почвѣ до того, что,—какъ выразился самъ попечитель,—профессору Фуксу довелось одному олицетворять собою въ этомъ злополучномъ учебномъ году весь медицинскій факультетъ. Впрочемъ, о какой либо правильности и единообразности въ распредѣленіи преподаваній едва ли и можетъ возбуждаться рѣчь за все время попечительства Магницкаго: самовольное и идущее въ разрѣзъ съ уставомъ упраздненіе однѣхъ кафедръ и созданіе другихъ, постоянное смѣшеніе кафедръ то ихъ соединеніемъ, то ихъ раздробленіемъ, произвольное распредѣленіе кафедръ между наличными преподавателями, наконецъ, созданіе искуственно-предвзятыхъ шаблоновъ для самихъ лекторовъ—все это создавало невѣроятную путаницу и выступало далеко непедагогическими условіями отрицательнаго характера, съ которыми на протяженіи семи лѣтъ приходилось считаться казанской университетской наукѣ и которыя были, впослѣдствіе, поставлены попечителю за счетъ низвергнувшею его ревизіею Желтухина.

Не мало вреда приносило постановкѣ дѣла университетскаго преподаванія и слишкомъ непосредственное отношеніе, въ которое ставилъ себя къ нему попечитель, повидимому почитавшій себя энциклопедистомъ и властною рукою распоряжавшійся организаціею преподаванія по всѣмъ четыремъ факультетамъ и въ области самыхъ разнообразныхъ наукъ. Для установленія постояннаго контроля надъ университетскимъ преподаваніемъ, Магницкій уже въ началѣ 1820 года потребовалъ доставленія ему въ Петербургъ ежемѣсячныхъ отчетовъ или „меморій“ относительно хода и успѣховъ преподаванія и въ этомъ смыслѣ въ засѣданіи совѣта 11-го февраля 1820 года состоялось слѣдующее опредѣленіе: „Поставить въ обязанность преподавателямъ представлять совѣту ежемѣсячно отчетъ въ преподанныхъ ими свѣдѣніяхъ, съ представленіемъ

* См. выше стр. 331—332.

отличнѣйшихъ студентовъ, для соображенія при годовыхъ испытаніяхъ, изъ каковыхъ частныхъ отчетовъ на томъ же основаніи совѣтъ ежемѣсячно представлять будетъ г. попечителю общій отчетъ по всѣмъ факультетамъ, съ своими замѣчаніями и съ означеніемъ отличнѣйшихъ профессоровъ трудолюбіемъ и успѣхомъ преподаванія". Ежемѣсячно доставляемыя попечителю, такія сводныя совѣтскія меморіи тщательно просматривались имъ и по существу ихъ дѣлались Магницкимъ и препровождались въ Казань замѣчанія, которыя вносились въ совѣтъ, разсматривались имъ и, облекаяясь въ форму тѣхъ или иныхъ опредѣленій, принимались къ руководству въ дальнѣйшемъ теченіи академической жизни. Эти меморіи, наряду съ профессорскими конспектами преподаваній, относительно которыхъ подробно будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, почитались Магницкимъ надежнѣйшимъ средствомъ къ установленію безпрерывнаго и бдительнаго, съ его стороны, надзора за объемомъ, ходомъ и направленіемъ университетскаго преподаванія. Что бы составить себѣ представленіе какъ объ общемъ характерѣ попечительскихъ примѣчаній къ доставляемымъ ему меморіямъ, такъ и о томъ значеніи, какое придавалось имъ этому средству контроля надъ преподаваніемъ, приведемъ нижеслѣдующее предложеніе попечителя по поводу меморій за май и іюль мѣсяцы 1820 года, заслушанное въ засѣданіи совѣта отъ 19-го ноября того же года:

„Хотя поздно доставленные мнѣ изъ совѣта, учебные отчеты я нахожу весьма хорошо составленными по ясности изложенія преподанныхъ предметовъ и благодарю г.г. преподавателей и совѣтъ.

Плоды сего порядка ощутитъ университетъ въ скоромъ уже времени. Прочіе университеты, безъ сомнѣнія, подражать оному будутъ*, какъ скоро доведется онъ до высшаго начальства.

Слѣдующія замѣчанія сдѣланы мною на отчетъ за май мѣсяцъ:

1. Въ отличіе профессоровъ поставить сочиненіе лекцій не можно иначе, какъ ежели бы кто либо изъ преподавателей, слѣдуя духу инструкціи, поставилъ свою науку, напримѣръ философію, право естественное или исторію—на началахъ ученія христіанскаго; но и въ такомъ случаѣ тщательное разсмотрѣніе факультета, одобреніе совѣта и утвержденіе высшаго начальства могутъ опредѣлить отличіе и заслугу.

Вообще же, по сему предмету установить должно, что бы предъ окончаніемъ каждаго академическаго года г.г. профессоры представляли конспекты своихъ преподаваній на будущій годъ такъ благовременно, что бъ совѣтъ могъ съ своими замѣчаніями представить ихъ попе-

* Эти мечтанія о томъ, что и «прочіе университеты подражать будутъ» порядкамъ, заведеннымъ имъ въ университетѣ казанскомъ, составляли обычный мотивъ честолюбивыхъ помысловъ Магницкаго.

чителю и получить обратно ко времени. Тогда только духъ преподаванія, мѣра труда и познаній и отличный геній преподавателей опредѣлительно оцѣнены быть могутъ.

Предлагаю сіе совѣту и г. ректору къ непремѣнному на будущее время исполненію.

2. Отдавать лекціи физики и астрономіи на домъ студентамъ я не только не нахожу удобнымъ, но и вреднымъ для нихъ. Гораздо лучше, что бъ они, понявъ лекцію, удерживали ее въ памяти и на дому сами написали. Впрочемъ, такъ какъ метода сія принята однимъ токмо профессоромъ*, а прочими почтена ненужною, то и совѣтъ долженъ былъ отмѣнить ее.

3. Г. ректоръ обязанъ обратить особенное вниманіе на просмотрѣніе персидской христоматіи Вальхека и переводы съ татарскаго языка.

На отчетъ за іюль мѣсяцъ:

1. Во второмъ отдѣленіи латинскаго языка, вмѣстѣ съ причастіемъ, падежами и наклоненіями, жизнь Аристида переводится съ археологическимъ разборамъ. Соединеніе столь низкаго упражненія латинской словесности съ археологіею римскою—ни мало не свойственно, и потому предлагаю обратить учителя Полиновскаго къ настоящему его упражненію въ началахъ языка и легкихъ переводахъ.

2. Г. ректоръ обязанъ внимательно просматривать нѣмецкихъ авторовъ, для перевода употребляемыхъ.

3. Лекторъ Краузе долженъ поправлять переводы не дома, а въ классѣ, дабы студенты видѣли не только свои погрѣшности каждый отдѣльно, но и всѣ, вообще, знали причину ихъ и поправленіе.

Я заключу краткія примѣчанія сіи отличною благодарностью: отцу архимандриту Ѳеофану, г. профессору Солнцеву и г. профессору Фуксу—за обширность объятыхъ ими въ краткое время частей; г. профессору Городчанинову—за основаніе лекцій его на точномъ смыслѣ и духѣ инструкціи.

О прибавкѣ окладовъ отцу архимандриту Ѳеофану и г. профессору Солнцеву, по трудамъ ихъ, я представилъ г. министру; г. профессору Фуксу испрашиваю знакъ отличія, а г. профессору Городчанинову—пенсіона.

Отъ г. профессора Кондырева желалъ бы я видѣть отчеты подробнѣе, дабы судить удобнѣе, какимъ образомъ важное преподаваніе исторіи приспособилъ къ духу инструкціи“ [219].

Весьма строгое и критическое отношеніе къ себѣ вызывали и университетскія обозрѣнія преподаваній, которыя доставлялись попечителю передъ наступленіемъ каждаго учебнаго года и нерѣдко давали поводъ къ замѣчаніямъ и предписаніямъ, рѣшительнымъ образомъ

* Н. И. Лобачевскимъ.

вліявшимъ на ходъ и общее направленіе преподаваній. Рядъ замѣчаній вызвалъ со стороны попечителя проектъ росписанія лекцій на 1820-1821 учебный годъ—второй академическій годъ попечительства Магницкаго. Утвердивъ это росписаніе въ его цѣломъ, попечитель не преминулъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлать къ нему нѣсколько критическихъ примѣчаній, касавшихся, главнымъ образомъ, указанныхъ отдѣльными преподавателями пособій: „Нѣтъ никакой возможности,—указываетъ Магницкій,—принимать Боало для изъясненія правилъ россійскаго стихотворства, ибо есть сочиненіе профессора Толмачева *, которымъ можно руководствоваться"; „арабскую христоматію профессора Яна, ежели онъ тотъ самый, который подпалъ несчастной извѣстности по возмутительнымъ его правиламъ, предлагаю доставить сюда для разсмотрѣнія"; „для руководства въ преподаваніи исторіи предлагаю избрать вмѣсто Шрека другого изъ лучшихъ авторовъ и меня увѣдомить"; „поэтическую и ораторскую христоматіи Гельсфрехта предлагаю совѣту поручить разсмотрѣть профессору Фуксу и мнѣніе его о содержаніи оныхъ мнѣ доставить"; „для критическаго разбора французскихъ классиковъ назначить, предпочтительно всѣмъ прочимъ, Фенелона, Боссюета и Расина". Цитируемыя нами замѣчанія попечителя на обозрѣніе преподаваній 1820—1821 учебн. года явились роковыми для преподавателя греческаго языка, магистра Самсонова: „Тщетное занятіе, магистру Самсонову поручаемое,—писалъ Магницкій,—обличаетъ безполезность его въ ученыхъ трудахъ университета, давно мнѣ извѣстную съ другими неудобствами его склонностей, почему предлагаю отмѣнить сіе ему порученіе; я бы желалъ, что бы внушено ему было, что, по нерасположенію его къ службѣ учебной, можетъ онъ избрать другую" **. Нечего и говорить о томъ, что всѣ эти указанія попечителя были приняты совѣтомъ къ неукоснительному исполненію. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ обозрѣнія преподаваній 1824—1825 учебнаго года Магницкій ставитъ совѣту на видъ, что „въ статьѣ о правѣ естественномъ нужно прибавить—въ смыслѣ обличительномъ, ибо иное преподаваніе сей вредной науки въ казанскомъ университетѣ не дозволяется", преподавателямъ же классическихъ языковъ рекомендуетъ составить учебныя христоматіи „въ добромъ духѣ, то есть отбросивъ все соблазнительное для юношества". Здѣсь же дѣлается совѣту укоръ въ томъ, онъ „всегда позже прочихъ университетовъ

* Толмачевъ Як.—«Правила словесности», ч.ч. I—II. СПБ., 1815.

** Въ этомъ замѣчаніи дѣлается намекъ на невоздержанность Самсонова съ точки зрѣнія трезвости. Желаніе попечителя было исполнено: 3-го ноября того же года Самсоновъ былъ уволенъ изъ учебной службы.

представляетъ росписаніе преподаваній своихъ и всегда не довольно исправно", съ угрозою, въ случаѣ дальнѣйшихъ упущеній въ этомъ направленіи, „остановкою жалованья и самаго преподаванія" [220].

Не стѣсняясь предѣлами компетенціи, точно поставленными для него инструкціею, нерѣдко въ дѣла преподаванія вмѣшивался и директоръ университета. Такъ, директоръ Владимірскій уже лѣтомъ 1820 года вошелъ въ совѣтъ съ обширнымъ отношеніемъ отъ 15-го іюня, въ которомъ, указывая на нѣкоторыя неправильности въ организаціи преподаваній, формулируетъ слѣдующія весьма серьезныя предложенія къ ихъ устраненію:

„Во первыхъ,—заявляетъ здѣсь директоръ,—я бы покорнѣйше просилъ въ серединѣ двухъ лекцій, по утру и послѣ полудня, учредить для студентовъ роздыхъ на часъ, дабы каждая лекція составляла полтора часа времени. При семъ случаѣ не скрою и желанія моего, дабы двѣ трети сего времени употреблены были собственно для преподаванія и одна треть для повторенія пройденнаго тогда же. Впрочемъ сіе,—оговаривается Владимірскій,—не мое дѣло. Я здѣсь основываюсь на частныхъ моихъ испытаніяхъ, что у тѣхъ преподавателей, кои употребляютъ сіи повторенія, слушатели живѣе понимаютъ и тверже помнятъ, потому что заблаговременно убѣждаются ко вниманію, когда знаютъ, что преподанное тотчасъ спросится.

Во вторыхъ, я бы покорнѣйше просилъ расположить всѣ науки въ отдѣленіяхъ, кромѣ врачебнаго, такимъ образомъ, что бы одна послѣ другой слѣдовали въ приличномъ порядкѣ и каждый, поступающій въ университетъ, входилъ въ преддверіе и исходилъ пройдя всѣ предметы до конечнаго совершенія, вмѣсто того, что нынѣ считается одно время занятій, въ продолженіи трехъ лѣтъ, безъ всякаго плана помѣщаемыхъ. Здѣсь, конечно, требуется около двухъ лѣтъ прекращеніе пріема въ университетскіе воспитанники, кромѣ медицинскихъ, но и тѣмъ пожертвовать полезнѣе, нежели допустить нестройное нынѣшнее смѣшеніе неприкосновеннымъ.

Въ третьихъ, я бы покорнѣйше просилъ учредить курсъ врачебныхъ наукъ, по примѣру императорской медико-хирургической академіи, на четыре года, а потому расположить оный въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первый годъ—естественная исторія, математика, физика, анатомія (въ первыя двѣ трети), физіологія (въ послѣднюю треть); во второй годъ—повторяется анатомія въ тоже, какъ и въ первомъ годѣ, время, а также физіологія, вновь преподаются: химія, патологія и общая терапія; въ третій годъ—врачебное веществословіе, фармація и врачебная словесность, хирургія, терапія частная, клиники терапевтическая и хирургическая;

въ четвертый годъ—повторяются терапія и хирургія и вновь преподаются: повивальное искусство, судебная медицина и медицинская полиція, клиники терапевтическая, хирургическая и повивальная".

Само собою разумѣется, что „покорнѣйшая просьба" директора являлась равносильною прямому предписанію и что въ засѣданіи совѣта отъ 19-го іюня всѣ эти предложенія Владимірскаго были приняты къ надлежащему исполненію, создавая, такимъ образомъ, нормальный четырехгодичный университетскій курсъ для студентовъ врачебнаго и трехгодичный курсъ для студентовъ трехъ остальныхъ факультетовъ [221].

Кромѣ только что указанныхъ измѣненій въ учебныхъ планахъ, иниціатива которыхъ шла отъ лица директора университета, весьма существенныя и ставшія въ рѣзкое противорѣчіе уставу 5-го ноября 1804 года новшества были введены въ томъ же направленіи и самимъ попечителемъ Магницкимъ—отчасти въ пресловутой его ректорской инструкціи, преимущественнымъ же образомъ въ формѣ позднѣйшихъ и уже совершенно самовольныхъ дополненій къ этому послѣднему акту.

Важнѣйшія измѣненія противъ учебныхъ плановъ, указанныхъ въ университетскомъ уставѣ, допущены были на отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, дисциплины котораго всегда возбуждали наиболѣе подозрительное отношеніе къ себѣ со стороны попечителя. Здѣсь уже ректорскою инструкціею 17-го января 1820 года допущено было существенное отступленіе отъ университетскаго устава соединеніемъ въ одну трехъ самостоятельныхъ юридическихъ кафедръ, опредѣленныхъ этимъ послѣднимъ, именно кафедръ: а) права естественнаго, политическаго и народнаго, б) права гражданскаго и уголовнаго и судопроизводства россійской имперіи и в) правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ, народовъ; тогда же преподаны были указанія относительно „духа" и „направленія", которыхъ обязанъ былъ придерживаться преподаватель всѣхъ этихъ юридическихъ дисциплинъ, теперь объединенныхъ въ понятіе одной „кафедры правъ" *. Инструкція ректору начертываетъ и общую схему послѣдовательности чтеній въ области этой соединенной кафедры:

„Профессоръ правъ,—читаемъ здѣсь,—соединяя три раздѣльныя доселѣ кафедры, предметы оныхъ расположитъ, по времени академическаго круга, въ слѣдующемъ порядкѣ:

---

* См. выше стр. 349.

а) О правахъ естественномъ, политическомъ и народномъ—понятія общія, съ указаніемъ исторіи сей науки, ея главныхъ раздѣленій и лучшихъ авторовъ, объ оной писавшихъ.

б) О правахъ знатнѣйшихъ народовъ древнихъ—кратко, новѣйшихъ—подробнѣе, но въ видѣ историческомъ.

в) О законодательствѣ россійскомъ—исторически, подробно и съ присовокупленіемъ общаго обозрѣнія законовъ гражданскихъ и уголовныхъ и изъясненіемъ порядка нашего судопроизводства.

Въ предметъ сей кафедры должно войти понятіе о настоящемъ правительствѣ нашего отечества, части, изъ коихъ политическое тѣло его составлено, названія и обязанности сословій и лицъ управляющихъ, порядокъ дѣйствія въ немъ власти законодательной, судной и правительственной, во всѣхъ ея видахъ и подраздѣленіяхъ.

Курсъ сего отдѣленія заключенъ быть можетъ практическимъ упражненіемъ политическаго права въ разсмотрѣніи представительныхъ правительствъ Америки, Англіи, Франціи, Финляндіи и Польши".

Профессоромъ по этой соединенной „кафедрѣ правъ" былъ назначенъ профессоръ Солнцевъ, хотя жалованье ему было положено нормальное—за одну кафедру, что, на запросъ по этому поводу совѣта, и было мотивировано попечителемъ тѣмъ, что прежнія три самостоятельныя кафедры теперь, „въ инструкціи—названы одною кафедрою"; проф. Солнцевъ остался, конечно, очень недоволенъ этимъ попечительскимъ толкованіемъ и, какъ мы это видѣли выше*, считалъ себя обойденнымъ сравнительно съ сотоварищами, временно преподававшими по двумъ кафедрамъ, съ дополнительнымъ вознагражденіемъ за вторыя. Профессору Городчанинову, преподававшему естественное право за отсутствіемъ изъ Казани ад. Манасеина, было тогда же (11-го февраля 1820 г.) предложено передать это преподаваніе проф. Солнцеву [222].

Недолго суждено было профессору Солнцеву фигурировать въ отвѣтственной роли преподавателя по соединенной „кафедрѣ правъ". Павшія на него обвиненія въ неблагонамѣренномъ духѣ преподаванія естественнаго права—повлекли за собою устраненіе Солнцева (въ августѣ 1821 г.) отъ чтенія лекцій, назначеніе надъ нимъ университетскаго суда и, наконецъ, увольненіе (лѣтомъ 1823 г.) отъ ученой службы. Преемникомъ Солнцева по „кафедрѣ правъ" явился профессоръ П. С. Сергѣевъ,—одна изъ креатуръ Магницкаго,—съ общими чертами ученой карьеры котораго мы уже знакомы. Мы знаемъ, что вновь назначенный профессоръ правъ прибылъ въ Казань съ обширнымъ планомъ или конспектомъ преподаваній на

* См. выше стр. 377.

нравственно-политическомъ отдѣленіи, составленнымъ по порученію попечителя и, конечно, въ ультраобскурантномъ и фарисейскомъ духѣ Магницкаго *. Не касаясь и на этотъ разъ подробностей конспекта Сергѣева, не способнаго ничего ни прибавить, ни убавить, къ общей характеристикѣ эпохи Магницкаго, отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что новый профессоръ правовѣдѣнія долженъ былъ въ полномъ отчаяніи остановиться передъ задачею олицетворить въ своей персонѣ преподаваніе по всѣмъ основнымъ кафедрамъ факультета—задача едва ли казавшаяся посильною и его неизмѣримо болѣе даровитому предмѣстнику. Представляется, поэтому, вполнѣ естественнымъ, что, уже вскорѣ послѣ прибытія своего въ Казань, Сергѣевъ исходатайствовалъ себѣ въ помощь трехъ преподавателей (Грацинскаго Ивана, Кандакова и Потѣхина), которые, наряду съ магистрами Протасовымъ и Өедоровымъ, и вели вспомогательныя преподаванія по различнымъ дисциплинамъ нравственно-политическаго отдѣленія **.

Насколько самовластно распоряжался Магницкій организаціею преподаванія въ казанскомъ университетѣ, это нагляднѣе всего усматривается изъ введенія имъ самостоятельныхъ и совершенно новыхъ курсовъ чтеній, не положенныхъ ни университетскимъ уставомъ 1804 года, ни ректорскою инструкціею 1820 года и на учрежденіе которыхъ лишнимъ почиталъ онъ даже испрашивать соизволеніе высшихъ учебныхъ инстанцій—министра народнаго просвѣщенія и главнаго правленія училищъ. Такимъ именно самовольнымъ образомъ введено имъ преподаваніе въ казанскомъ университетѣ византійскаго права, долженствовавшаго явиться замѣною прежняго преподаванія римскаго права, какъ языческое происхожденіе котораго, такъ и значеніе въ правовомъ строѣ государствъ западной Европы, представлялись попечителю опасными съ точки зрѣнія преслѣдовавшихся имъ идеаловъ воспитанія и просвѣщенія русскаго юношества.

Первая и далеко не двусмысленная вылазка противъ римскаго права предпринята была уже въ только что упомянутомъ нами планѣ преобразованія юридическаго преподаванія, составленномъ, по приказанію попечителя, вновь назначеннымъ профессоромъ правъ Сергѣевымъ,—планѣ, основныя положенія котораго, не выключая и апологіи византійскаго

---

* См. выше стр. 420—421.

** Какъ общія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ, такъ и свѣдѣнія объ этихъ преподаваніяхъ, см. выше. См. также у В. Ф. Залѣскаго: «Сводная таблица расположенія лекцій на юридическомъ факультетѣ казанскаго университета за время съ 14 февраля 1805 по 1 мая 1903 года» (Прилож. къ кн. IX Учен. Зап. Каз. Унив. за 1903 г.).

права, мы предполагаемъ инспирированными новому профессору самимъ Магницкимъ *. Доводы проф. Сергѣева противъ цѣлесообразности преподаванія въ русскихъ университетахъ римскаго права, носящіе здѣсь широковѣщательное заглавіе „опроверженія пользы права римскаго въ Россіи", имѣютъ своею задачею доказать неосновательность трехъ положеній, обыкновенно выдвигаемыхъ въ защиту римскаго права, въ качествѣ предмета университетскаго преподаванія, а именно: а) пропедевтическаго значенія его, „какъ права, образцоваго по своему совершенству", б) практическаго значенія его, „какъ источника законовъ", и в) догматическаго значенія его, „какъ полнѣйшей системы законодательства". Конечнымъ результатомъ всѣхъ разсужденій на этой почвѣ являются положенія Сергѣева: а) о безполезности преподаванія въ русскихъ университетахъ римскаго права и б) „о полезности и даже необходимости принятія права византійскаго въ число предметовъ классическаго преподаванія въ университетахъ русскихъ"; все вниманіе русскихъ преподавателей права должно быть направлено, говоритъ проф. Сергѣевъ, къ тому, что бы „разрыть въ полной мѣрѣ сіе богатое сокровище, сіе наше отечественное наслѣдіе".

Походъ новаго казанскаго профессора къ „опроверженію" римскаго права и въ защиту права византійскаго—не ограничился однимъ его петербургскимъ проектомъ реформы юридическаго преподаванія. Та же идея публично и уже на почвѣ практическаго осуществленія ея пропагандируется проф. Сергѣевымъ въ актовой рѣчи, произнесенной имъ 17-го января 1824 года, въ четвертую годовщину „обновленія" университета, на тему: „Разсужденіе о важности права византійскаго въ Россіи". Рѣчь проф. Сергѣева, которою онъ еще впервые публично выступилъ передъ казанскимъ обществомъ, открывается уясненіемъ задачи, ею преслѣдуемой:

„Среди необыкновенныхъ событій нашего времени, когда стремительные перевороты политическаго міра приводятъ умы въ изступленіе, когда своемысліе, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, потрясаетъ вѣчные столпы человѣческаго благоденствія, я страшусь, почтеннѣйшіе посѣтители,—восклицаетъ проф. Сергѣевъ,—что бы голосъ сердечнаго убѣжденія, слѣдствіе долговременныхъ размышленій и изслѣдованій, не былъ почтенъ произвольнымъ стремленіемъ къ чему либо

* Припомнимъ, что этотъ проектъ разрабатывался проф. Сергѣевымъ еще въ Петербургѣ,—слѣдовательно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ попечителя,—въ промежутокъ шести мѣсяцевъ, истекшихъ отъ назначенія Сергѣева до прибытія его, уже съ готовымъ проектомъ, въ Казань.

новому! Но здѣсь, подъ сѣнію животворящаго Креста Господня, въ сословіи мужей, которымъ ввѣрено воспитаніе, надежда благосостоянія будущихъ поколѣній, наконецъ—въ сей день, незабвенный въ лѣтописяхъ отечественной исторіи, когда утверждено на непоколебимыхъ началахъ нравственное воспитаніе восточнаго края образованнаго міра, я съ душевнымъ умиленіемъ впервые осмѣливаюсь торжественно обратить вниманіе соотечественниковъ на необходимость преобразованія системы наукъ, изслѣдующихъ первоначальныя причины общественнаго порядка и благоденствія, тайныя пружины великихъ событій нравственнаго и политическаго міра. Я говорю—о наукахъ юридическихъ".

Указавъ, далѣе, на несомнѣнную пользу, проистекающую отъ изученія юридическихъ наукъ и констатировавъ будто бы наблюдаемое въ нашемъ отечествѣ „всеобщее отвращеніе отъ изученія правовѣдѣнія", ораторъ задается вопросомъ относительно причинъ такого страннаго явленія и—не задумывается надъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Первую причину этого явленія усматриваетъ онъ въ преподавателяхъ изъ иноземцевъ, которые, „заглушивъ сладостное чувство любви къ родинѣ, влекомые корыстолюбіемъ, съ низостью стремятся угождать причудливымъ желаніямъ неопытныхъ родителей и посѣваютъ въ дѣтяхъ сокрытыя семена будущаго разврата и презрѣнія всего отечественнаго, святаго". Другую причину того же явленія находитъ проф. Сергѣевъ въ „способахъ преподаванія, не соотвѣтственныхъ народнымъ потребностямъ", и, во главѣ ихъ—въ усиленномъ преподаваніи римскаго права, полагаемаго въ основу всей системы юридическаго образованія. „По какому странному сцѣпленію случаевъ,—вопрошаетъ ораторъ,—сіе, можно сказать, языческое и чужеземное право составляетъ главный предметъ юридическаго изученія въ Россіи?" Этотъ вопросъ ведетъ Сергѣева къ пространной экскурсіи въ область позднѣйшихъ историческихъ судебъ римскаго права въ государствахъ западной Европы, гдѣ оно пріобрѣло практическое значеніе, „сдѣлавшись отечественнымъ", или же легло въ основу умозрительныхъ построеній и, даже, системъ положительнаго права. Ничего подобнаго не представляетъ намъ исторія русскаго народа, въ складѣ умовоззрѣнія котораго господствуютъ „благочестіе, привязанность къ вѣрѣ отцовъ, любовь къ изслѣдованіямъ происхожденія постановленій церковныхъ". Эти то послѣднія черты русской народности и должны быть согласованы съ изученіемъ на Руси правовѣдѣнія. Но какъ достигнуть этого въ практическомъ отношеніи? „Сія возможность кроется,—отвѣчаетъ проф. Сергѣевъ,—въ правѣ византійскомъ. Какое различіе,—восклицаетъ онъ,—

между чуждыми для русскаго эдиктами градоначальниковъ, отвѣтами и мнѣніями юрисконсультовъ, конституціями императоровъ римскихъ — и между знакомыми слуху и близкими къ сердцу законами царей греческихъ, постановленіями патріарховъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правилами св. отцовъ церкви!"... Прослѣдивъ, затѣмъ, историческій ходъ политическихъ и религіозныхъ отношеній между Русью и Византіею, освѣтивъ вопросъ о рецепціи на Руси византійскаго права, начиная съ договоровъ русскихъ князей съ греками, продолжая Кормчею книгою (Номоканономъ) и кончая Уложеніемъ 1649 года, коснувшись также вопроса о кодификаціи и литературной разработкѣ византійскаго права, нашъ ораторъ приходитъ къ слѣдующему положительному выводу, составляющему лишь дальнѣйшее развитіе положеній, уже указанныхъ въ его планѣ реформы юридическаго университетскаго преподаванія:

„Въ такомъ положеніи,—говоритъ проф. Сергѣевъ,—находится нынѣ право грековосточной имперіи. Возобновленіе его въ нашемъ отечествѣ должно составить важную эпоху юридическаго изученія, усиленіе коего требуетъ отечественная служба, желанія правительства и народа (!). Мнѣ кажется,—заключаетъ ораторъ,—что приличнѣйшій способъ преподаванія правовѣдѣнія въ Россія, сообразный съ теперешнимъ положеніемъ просвѣщенія, есть тотъ, что бы: въ теченіи перваго года (университетскаго курса) было преподаваемо общее изображеніе взаимной связи всѣхъ вѣтвей нравоученія и обстоятельное изложеніе исторіи законодательства и нравоученія древнихъ и новыхъ народовъ; въ теченіи втораго года должно преподаваться положительное законодательство византійское и русское, въ сличеніи между собою и въ нераздѣльной (sic!) системѣ; наконецъ, въ теченіи третьяго или окончательнаго курса—теорія судопроизводства и практическое упражненіе въ познаніи канцелярскаго обряда".

Магницкій и Сергѣевъ ни на минуту не задумались создать въ казанскомъ университетѣ, возвѣщенную попечительскимъ клевретомъ, „важную эпоху юридическаго изученія"—и уже въ 1824 - 1825 учебномъ году проф. Сергѣевъ открылъ для студентовъ второго года курсъ „византійскаго права, съ примѣненіемъ къ законодательству Россіи", которое и читалось имъ „по собственнымъ запискамъ", съ совершеннымъ устраненіемъ въ обозрѣніи преподаванія этого учебнаго года права римскаго. Въ бытность свою, въ сентябрѣ 1825 года, въ Казани, Магницкій лично предпринялъ новыя мѣры къ постановкѣ здѣсь преподаванія византійскаго права, чтеніе котораго въ наступающемъ учебномъ году и было потребо-

вано имъ, съ отмѣною преподаванія римскаго права, отъ адъюнкта Протасова. Протасовъ былъ крайне смущенъ этимъ порученіемъ и сдѣлалъ даже рискованную попытку отклонить отъ себя, хотя бы только временно, преподаваніе новой дисциплины, какъ это усматривается изъ „дѣла о введеніи преподаванія византійскаго права“:

> „Г. попечитель въ концѣ сентября прошлаго года, въ бытность свою въ Казани,—пояснялъ Протасовъ въ слѣдующемъ году,—приказалъ мнѣ принять на себя преподаваніе въ университетѣ византійскаго права, вмѣсто римскаго. Приступая къ исполненію предписанія его превосходительства, я старался сперва собрать въ университетской библіотекѣ нужныя къ тому пособія. Но какъ таковыя въ оной не найдены, то прошлаго ноября 3-го дня и принужденъ я былъ войти съ докладомъ въ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ о томъ, дабы благоволѣно было отложить преподаваніе византійскаго права, замѣнивъ оное римскимъ“.

Въ своемъ представленіи факультету ад. Протасовъ мотивировалъ ходатайство объ отсрочкѣ начала преподаванія византійскаго права необходимостью заняться, „по имѣющимся пока въ наличности пособіямъ“, составленіемъ курса этого предмета; къ своему представленію онъ приложилъ и списокъ необходимыхъ ему пособій (всего пять названій), ходатайствуя относительно выписки ихъ для библіотеки университета. Факультетъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Протасова, но совершенно иначе взглянулъ на дѣло совѣтъ, который не рѣшился нарушить волю попечителя и, опредѣленіемъ отъ 7-го ноября, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Такъ какъ г. Протасовъ имѣетъ въ наличности нѣкоторыя пособія по праву византійскому, то предписать ему руководствоваться, пока, сими, а г. попечителя просить выписать другія книги, просимыя адъюнктомъ Протасовымъ“. Тщетно ссылался Протасовъ на то обстоятельство, что „университетъ не имѣетъ послѣднихъ законовъ византійскихъ императоровъ со времени Юстиніана“: ректоръ университета К. Ф. Фуксъ, въ отвѣтъ на это, весьма наивно порекомендовалъ ему руководствоваться въ преподаваніи—К о р м ч е ю к н и г о ю, что не безъ ироніи было вскорѣ отмѣчено ревизоромъ университета, ген.-маіоромъ Желтухинымъ, выразившимъ въ своемъ донесеніи министру полное недоумѣніе по поводу появленія въ казанскомъ университетѣ новаго предмета юридическаго преподаванія: „Съ нѣкотораго времени,—читаемъ здѣсь,—введено преподаваніе византійскаго права, о которомъ ни слова не сказано въ уставѣ и которое до сихъ поръ не приведено въ порядочную систему; ни изъ бу-

магъ университета, ни изъ объясненій моихъ я не могъ узнать, съ котораго періода римской имперіи должны они отдѣлить такъ называемое право византійское“.

Конфликтъ между факультетомъ и адъюнктомъ Протасовымъ — съ одной стороны, совѣтомъ и ректоромъ Фуксомъ—съ другой стороны, разрѣшился на почвѣ компромисса, возстановляемаго слѣдующимъ свидѣтельствомъ самого Протасова: „Видя ничтожность пособій, а потому и невозможность исполненія на меня возлагаемаго, я, съ согласія г. ректора, приступилъ къ преподаванію римскаго права, а дабы исполнить, вмѣстѣ, предписаніе г. попечителя и опредѣленіе совѣта—я къ преподаванію римскаго права присоединилъ, по возможности, нѣкоторыя статьи изъ законодательства византійскаго, заимствуя оныя изъ книги: Jus graeco-romanum Leunclavii *, какъ единственнаго сего рода сочиненія, за недостаткомъ всѣхъ другихъ“. Въ такомъ то симмулированномъ видѣ и велось въ 1825—1826 учебн. году преподаваніе пресловутаго византійскаго права.

Еще раньше начала преподаванія византійскаго права, введено было на нравственно-политическомъ отдѣленіи, по предписанію того же Магницкаго, преподаваніе конституцій европейскихъ государствъ. Мы знаемъ, что возможность изложенія европейскихъ конституцій была предусмотрѣна еще ректорскою инструкціею, заявлявшею, что кругъ наукъ третьяго года юридическаго образованія „заключенъ быть можетъ практическимъ упражненіемъ политическаго права, въ разсмотрѣніи представительныхъ правительствъ Америки, Англіи, Франціи, Финляндіи и Польши“, причемъ, однако же, сдѣлана оговорка, что „благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое—есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ, что священная власть монарховъ, въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны, нисходитъ отъ Бога и законодательство, въ семъ порядкѣ установляемое, есть выраженіе воли Вышняго“. Основываясь на разрѣшеніи инструкціи ректору, проф. Солнцевъ уже въ 1820—1821 учебн. году преподавалъ „обозрѣніе конституцій представительныхъ правительствъ“ — преподаваніе, прекратившееся съ воспослѣдовавшимъ въ августѣ 1821 года устраненіемъ Солнцева отъ чтенія лекцій. Преподаваніе европейскихъ конституцій,—англійской, французской и польской, при-

* Рѣчь идетъ объ оказавшемся въ университетской библіотекѣ старинномъ изданіи конца XVI вѣка: «Leunclavii Ioanni juris graeco-romani, tam canonici, quam civile, t.t. I—II» Francofurti, 1596, fol.).

томъ исключительно „съ обличительною цѣлью", какъ выражено въ соотвѣтствующемъ предписаніи Магницкаго,—было возстановлено лишь тремя годами позже и велось въ 1824—1825 (кандидатомъ Потѣхинымъ) и въ 1825—1826 (адъюнктомъ Протасовымъ) учебныхъ годахъ *.

Введеніе въ университетѣ преподаванія конституцій встрѣтило со стороны г.-м. Желтухина такую же жестокую критику, какую встрѣтило съ его стороны и преподаваніе византійскаго права: „Вмѣсто публичнаго европейскаго права,—читаемъ въ отчетѣ о произведенной имъ ревизіи,—введено преподаваніе конституцій Англіи, Франціи и Польши. Конституціи сіи, столь важныя,—но, впрочемъ, едва ли нужныя для насъ предметы правовѣдѣнія,—преподаются адъюнктомъ, не имѣющимъ ни учебныхъ пособій, ни нужныхъ свѣдѣній по сей части". Желтухинъ констатируетъ полную дезорганизацію преподаваній по нравственно-политическому отдѣленію, созданную новшествами Магницкаго: „Въ то время, какъ попечитель,—доносилъ онъ,—вводитъ сіи излишніе предметы, прочія, гораздо существеннѣйшія, части наукъ остаются въ небреженіи; такимъ образомъ, оставлены совсѣмъ безъ преподаванія права присоединенныхъ къ Россіи губерній, а политическую экономію и дипломатику читаетъ профессоръ латинской словесности **, образовавшійся въ семинаріи".

Преподаванія византійскаго права и европейскихъ конституцій не пережили паденія инціатора ихъ, попечителя Магницкаго. Слѣдомъ за увольненіемъ Магницкаго, совѣтомъ университета было получено предложеніе ректора отъ 30-го іюня 1826 года, такого содержанія:

„Господинъ министръ народнаго просвѣщенія далъ мнѣ знать отъ 14-го сего іюня, за № 1762, что въ числѣ преподаваемыхъ въ казанскомъ университетѣ наукъ введено преподаваніе конституцій Англіи, Франціи и Польши и, сверхъ того, преподаваніе византійскаго права.

Хотя разсмотрѣніе конституцій дозволено высочайше утвержденною инструкціею для ректора казанскаго университета, но при семъ желательно, что бы разборъ конституцій на кафедрѣ былъ порученъ человѣку надежному, знающему совершенно преподаваемый имъ важный предметъ, словомъ—извѣстному ординарному профессору, а не адъюнкту. Посему г. министръ предоставилъ мнѣ предложить совѣту о обращеніи на сію часть особеннаго вниманія.

Что же касается до византійскаго права, которое введено бывшимъ

* См. цитированный выше трудъ проф. В. Ф. Залѣскаго: «Сводная таблица расположенія лекцій на юридическомъ факультетѣ и пр.», подъ годами 1821—1826.

** Профессоръ Я. М. Караблиновъ.

г. попечителемъ безъ дозволенія его высокопревосходительства, то преподаваніе онаго остановить, поелику права сего—не существуетъ".

Этимъ обѣ разсказанныя нами затѣи Магницкаго и покончились. Тенденціозное преподаваніе византійскаго права, въ качествѣ дисциплины самостоятельнаго характера, было „остановлено", впослѣдствіе вполнѣ естественнымъ образомъ раздѣлившись между правами римскимъ и каноническимъ; не возобновлялось уже и самостоятельное преподаваніе европейскихъ конституцій, сдѣлавшись составною частью дисциплины государствовѣдѣнія, вообще [223].

Такія же самовольныя измѣненія въ организаціи преподаваній производились Магницкимъ и по другимъ факультетамъ казанскаго университета.

Такъ, изъ цикла естественныхъ наукъ совершенно исключена геологія—„какъ наука, въ нынѣшнихъ ея системахъ вулканистовъ и нептунистовъ совершенно противная священному писанію", преподаваніе же всѣхъ остальныхъ положительныхъ наукъ физико-математическаго отдѣленія сведено къ самому „благонамѣренному" минимуму; такъ, физика ограничена „сообщеніемъ сей науки самымъ точнымъ и сколь можно болѣе опытнымъ", изъ астрономіи же исключено „все то, что не подтверждено наблюденіями и не основано на точныхъ математическихъ вычисленіяхъ, то есть всѣ метафизическія умствованія, какъ, напримѣръ, о составѣ небесныхъ тѣлъ, о обитателяхъ планетъ и тому подобныя гаданія".

На словесномъ отдѣленіи запрещено преподаваніе миѳологіи, какъ продукта противнаго христіанству языческаго баснословія, практическія упражненія студентовъ въ русской словесности ограничены библіею и псалтирью, наконецъ—учреждена совершенно новая кафедра французской литературы. Представляются крайне любопытными мотивы, которыми руководился казанскій попечитель въ дѣлѣ учрежденія этой послѣдней кафедры: они сводились къ желанію парализовать вредное для русскаго юношества вліяніе нѣмецкихъ науки и литературы, какъ исполненнаго всяческихъ опасностей источника того „лжемудрія вѣка", которое, какъ мы знаемъ, было излюбленнымъ конькомъ обскурантной политики князя Голицина и Магницкаго. Вотъ подлинный текстъ представленія отъ 30-го іюня 1822 года, съ которымъ вошелъ по этому поводу Магницкій къ министру народнаго просвѣщенія:

„Находя необходимымъ усилить преподаваніе языка французскаго въ казанскомъ университетѣ и его округѣ, я имѣю честь представить вашему сіятельству какъ побудительныя къ сей мысли причины, такъ и способы ея исполненія.

Весь вредъ, въ университетахъ нашихъ замѣченный, произошелъ отъ образованія, книгъ и людей, изъ германскихъ университетовъ заимствованныхъ. Тамъ зараза невѣрія и началъ возмутительныхъ, возникшая въ Англіи, усиленная въ прежней Франціи, сдѣлалась полною системою и, такъ сказать, классическою. Тамъ поддерживается она самымъ вѣроисповѣданіемъ и нынѣ зрѣетъ во всей силѣ. Наука и литература сѣверной Германіи такъ заражены сею язвою, что съ величайшею осторожностью только употребляемы быть могутъ.

Во Франціи, напротивъ, кровавый опытъ сихъ началъ уже извѣданъ. Съ исчезающимъ революціоннымъ поколѣніемъ исчезаетъ духъ невѣрія и безначалія; правительство и учебныя заведенія слѣдуютъ твердо принятому плану соединенія вѣры съ вѣдѣніемъ. Между тѣмъ языкъ французскій, въ литературѣ, во всѣхъ наукакъ естественныхъ и математическихъ, сдѣлался столько классическимъ, что невозможно профессору химіи, наукъ медицинскихъ, самой вышней физики, математики и астрономіи не читать сочиненій о сихъ наукахъ на французскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что французы весьма рѣдко пишутъ на латинскомъ.

У насъ языкъ французскій вышелъ уже столь общимъ, что странно было бы не знать его, а во многихъ родахъ службы и необходимъ.

По всѣмъ симъ уваженіямъ я полагаю, вмѣсто двухъ сокращенныхъ въ казанскомъ университетѣ кафедръ правъ, соединеніемъ трехъ прежнихъ въ одну, и вмѣсто совершенно безполезной науки сельскаго домоводства:

1. Учредить при университетѣ кафедру французской литературы, на общемъ положеніи съ другими.

2. Четыре тысячи рублей, за симъ остающіяся отъ штатнаго жалованья, употребить на прибавку къ окладамъ французскихъ учителей въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ собственныя ихъ суммы недостаточны, ибо за малые оклады гимназій нѣтъ никакого средства доставить хорошихъ французскихъ учителей“.

Согласно всеподданнѣйшаго доклада князя Голицина, всѣ эти предположенія Магницкаго 23-го января 1823 года удостоились высочайшаго утвержденія, открывшаяся же слѣдомъ затѣмъ новая кафедра французской литературы была замѣщена профессоромъ Жобаромъ. Самостоятельное существованіе кафедры французской литературы не было, впрочемъ, продолжительнымъ: оно фактически прекратилось съ увольненіемъ (въ сентябрѣ 1824 г.) профессора Жобара и позднѣйшее преподаваніе этого предмета слилось съ лектурою французскаго языка [224].

Наряду съ мѣропріятіями по организаціи преподаванія,—во многихъ случаяхъ сводившейся, какъ мы видѣли, къ полной его дезорганизаціи,—должны быть указаны и заботы Магницкаго, направленныя къ обезпеченію успѣшности преподаванія и успѣховъ студентовъ.

Мы уже упоминали о томъ безпощадно-отрицательномъ отношеніи, которое проявлялось Магницкимъ ко всему, доставшемуся эпохѣ его попечительства въ наслѣдіе отъ прежнихъ лѣтъ жизни казанскаго университета,—отъ „стараго порядка", употребляя подлинное выраженіе самого попечителя. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ и радикальныхъ проявленій этого отрицательнаго отношенія Магницкаго къ результатамъ предшествовавшей дѣятельности университета — должна быть признана произведенная имъ полная кассація выпускныхъ экзаменовъ лѣта 1819 года. Идея этого, столько же суроваго, сколько и необычайнаго, мѣропріятія зародилась въ Магницкомъ уже въ первые дни его попечительства и получила начало практическаго осуществленія въ слѣдующемъ представленіи его министру отъ 28-го августа 1819 года:

„Совѣтъ казанскаго университета, — писалъ здѣсь попечитель,— представилъ мнѣ отъ 28-го іюля сего года протоколы объ экзаменахъ студентамъ при выпускѣ ихъ изъ университета, по отдѣленіямъ юридическому (sic), физико-математическому и этико-филологическому (sic).

Изъ представляемой при семъ табели, составленной изъ означенныхъ протоколовъ, ваше сіятельство замѣтить изволите:

1. Что число произведенныхъ въ кандидаты студентовъ весьма значительно, чего, по извѣстному состоянію университета, едва ли можно было предполагать, тѣмъ болѣе, что производить прямо въ кандидаты положено только за отличнѣйшія познанія.

2. Самое испытаніе студентовъ въ знаніи наукъ сдѣлано весьма слабо и не всегда въ должномъ порядкѣ, а именно:

a) Весь экзаменъ въ философіи состоитъ только изъ одного предложенія, заданнаго студентамъ—вывести доказательство бытія Божія изъ понятія нравственнаго закона.

b) Нѣкоторые вопросы изъ физики такъ маловажны, что не заслуживаютъ даже названія задачъ, въ особенности для студентовъ, слушавшихъ уже полный курсъ наукъ философскаго факультета (?), какъ, напримѣръ: что есть термометръ, что есть электрическая машина и пр.

c) При испытаніи въ правилахъ поэзіи задано было студентамъ сдѣлать эстетическій разборъ басни: Муха и Муравей, сочиненія Маздорфа. Мелкія и маловажныя сочиненія сего писателя, неизвѣстнаго даже ученой публикѣ, не только эстетическаго, но и критическаго разбора не заслуживаютъ.

d) Ничего не сказано объ успѣхахъ студентовъ въ знаніи языковъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, кромѣ Эдуарда Бартельса и Александра Маклакова, одобренныхъ, первый—въ знаніи латинскаго, а послѣдній—въ знаніи греческаго языковъ. Но чѣмъ именно отличились они въ сихъ предметахъ—не объяснено.

3. Не всѣ студенты рекомендованы въ поведеніи, а о Красицкомъ и Маклаковѣ сказано, что о поведеніи ихъ—неизвѣстно.

Сверхъ сего, нужнымъ считаю присовокупить и то, что экзаменаторами студентовъ были нѣкоторые изъ тѣхъ профессоровъ, которые, по неспособности ихъ, уже исключены изъ университета".

Попечительское представленіе заключается слѣдующимъ вопросомъ министру: почитать ли экзамены сіи и производство по нимъ въ ученыя степени дѣйствительными? Въ силу послѣдовавшей 13-го сентября резолюціи князя Голицина, вопросъ о дѣйствительности экзаменовъ былъ переданъ на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ, университету же предписано воздержаться, впредь до разрѣшенія вопроса, выдачею экзаменованнымъ свидѣтельствъ. Вопросъ о судьбѣ выпускныхъ казанскихъ экзаменовъ 1819 года слушался главнымъ правленіемъ училищъ въ засѣданіи 9-го октября и опредѣленіе его было, какъ и слѣдовало этого ожидать, въ духѣ представленія попечителя: признавъ основательность всѣхъ доводовъ Магницкаго, главное правленіе постановило кассировать экзамены и „предписать о произведеніи всѣмъ сего выпуска студентамъ новаго экзамена, съ надлежащимъ соблюденіемъ правилъ и въ присутствіи директора университета и, потомъ, не выдавая свидѣтельствъ, представить прежде г. попечителю подробное описаніе сего производства испытанія на усмотрѣніе и утвержденіе". Главное правленіе училищъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписало отобрать у экзаменованныхъ уже выданныя имъ свидѣтельства, а „о столь несообразномъ производствѣ испытанія студентовъ по казанскому университету, для свѣдѣнія, прочимъ университетамъ дать знать циркуляромъ". Началась цѣлая переписка по поводу отобранія уже выданныхъ университетомъ выпускныхъ свидѣтельствъ, а затѣмъ возникло и обширное дѣло по поводу вторичнаго производства экзаменовъ злосчастнымъ студентамъ, имѣвшимъ несчастіе подпасть подъ дѣйствіе обновительныхъ вѣяній 1819 года; относящіеся сюда документы, въ дальнѣйшія подробности которыхъ мы входить не будемъ, наглядно свидѣтельствуютъ о волокитахъ, матеріальныхъ ущербахъ и нареканіяхъ, явившихся послѣдствіемъ этихъ вторичныхъ экзаменовъ, производство которыхъ затянулось до половины лѣта 1820-го года [225].

Если Магницкій съ упорнымъ и предубѣжденнымъ скептицизмомъ относился къ успѣшности преподаванія въ казанскомъ университетѣ при господствѣ „стараго порядка“,—давшаго, однако, наукѣ Лобачевскаго, Симонова, братьевъ Перевощиковыхъ, Ярцова и др.,—то съ такимъ же предвзятымъ оптимизмомъ относился онъ къ успѣшности въ немъ преподаванія при заведенномъ имъ „новомъ порядкѣ“. Насколько искреннимъ являлся этотъ оптимизмъ—трудно дать положительный отвѣтъ на такой вопросъ, но Магницкій съ большою наивностью старался увѣрить и министерство, и общество, и самый университетъ, что съ совершившимся „обновленіемъ“ казанскаго храма наукъ сразу на неизмѣримую высоту поднялись въ немъ и научная жизнь, и общій ходъ преподаванія, и успѣхи учащихся. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что Магницкій, посѣтивъ казанскій университетъ весною 1819 года, въ качествѣ его ревизора, вторично посѣтилъ его лишь въ сентябрѣ 1825 года, уже наканунѣ своего паденія. Управляя казанскимъ университетомъ и его учебнымъ округомъ изъ Петербурга и не имѣя, слѣдовательно, возможности лично знакомиться съ успѣхами учащихся, онъ долженъ былъ всецѣло полагаться въ этомъ отношеніи на доставляемыя ему срочныя меморіи, экзаменныя вѣдомости, отчеты и донесенія своихъ казанскихъ клевретовъ—а все это представляло собою источникъ слишкомъ недостовѣрный, пользоваться которымъ лишь съ крайнею осторожностью слѣдуетъ и намъ, отдѣленнымъ отъ той эпохи протяженіемъ времени въ цѣлыя три четверти столѣтія. Предвзятыя тенденціи, ложь, фарисейскій самообманъ, не стѣсняющееся въ средствахъ стремленіе показывать университетскую жизнь въ подкрашенномъ свѣтѣ—таковы черты, дающія своеобразный колоритъ всей семилѣтней эпохѣ попечительства Магницкаго.

По отчетамъ и по показаніямъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, казанскій университетъ въ ту пору находился, съ точки зрѣнія успѣшности преподаваній въ немъ, въ самомъ блестящемъ состояніи и Магницкій на торжественномъ университетскомъ актѣ 15-го сентября 1825 года, происходившемъ въ его присутствіи, съ паѳосомъ возвѣстилъ съ каѳедры, что онъ „видѣлъ университетъ, единственный по своему достоинству, по высокимъ познаніямъ лицъ, почтенное сословіе его составляющихъ, по доброму духу преподавателей, по благонравію и отличнымъ успѣхамъ во всѣхъ полезныхъ знаніяхъ студентовъ“. Нѣсколько иными глазами, и всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого восхваленія, взглянулъ на дѣло новый ревизоръ университета, П. Ѳ. Желтухинъ, ко-

торый не нашелъ никакихъ поводовъ къ умиленію передъ мнимыми „отличными“ успѣхами казанскаго студенчества:

„Для испытанія успѣховъ студентовъ и воспитанниковъ я посѣщалъ всѣ лекціи и классы,—читаемъ въ донесеніи Желтухина,—и по самой строгой справедливости долженъ сказать, что успѣхи въ наукахъ и языкахъ въ отчетѣ 1825 года слишкомъ увеличены. Болѣе всего студенты успѣли въ наукахъ богословскихъ, которыя, при всякомъ возможномъ случаѣ, повторяются и на прочихъ кафедрахъ, что въ особенности замѣчено мною на лекціяхъ профессора Городчанинова, который правила словесности объясняетъ по псалтырю и библіи.

Успѣхи студентовъ по прочимъ предметамъ нравственно-политическаго факультета весьма слабы....

Успѣхи въ математикѣ, по особенному усердію и познаніямъ профессоровъ Никольскаго и Лобачевскаго—очень хороши, въ астрономіи можно ожидать желаемаго успѣха отъ способности профессора Симонова, который недавно началъ преподаваніе. Въ физикѣ, по обширнымъ познаніямъ профессора Купфера, можно бы было ожидать успѣховъ, если бы онъ въ состояніи былъ читать лекціи на русскомъ языкѣ, но какъ онъ совершенно почти не знаетъ нашего языка, то и не пріобрѣтается никакой пользы отъ его свѣдѣній.....

О медицинскомъ факультетѣ я не могу судить, но объ успѣхахъ по сей части заключаю какъ по познаніямъ профессоровъ, такъ и по успѣшному упражненію въ медицинѣ выпускаемыхъ изъ университета лекарей.

Успѣхи въ прочихъ частяхъ весьма посредственны. Словесность французская и нѣмецкая ограничивается почти начальными основаніями языковъ. Успѣхи въ древнихъ языкахъ, судя по замѣчанію преосвященнаго Амвросія—довольно изрядны.

Россійская словесность, науки историческія, географія и статистика преподаются довольно хорошо, но успѣхи студентовъ не отвѣчаютъ ожиданію“....... [226].

Лѣтними экзаменами 1821-го года закончился 1820-1821 учебный годъ, — первый академическій годъ „обновленнаго“ казанскаго университета. Нечего и распространяться о томъ, что казанскіе приспѣшники Магницкаго постарались представить своему принципалу результаты этихъ испытаній въ самомъ розовомъ свѣтѣ, въ качествѣ благотворныхъ плодовъ преобразовательной дѣятельности его. Попечитель остался крайне доволенъ представленными ему отчетомъ и вѣдомостями: „Мнѣ весьма пріятно,—писалъ онъ совѣту отъ 12-го августа,—поздравить совѣтъ съ первымъ публичнымъ экзаменомъ и актомъ, университета достойными. Порядокъ устройства испытаній, ихъ благовременность и достовѣрность (sic!)

отчета въ оныхъ, равно какъ приличіе акта—дѣлаютъ особенную честь г. ректору и всему сословію университета".

Покончивъ съ обновленіемъ университета, Магницкій захотѣлъ сдѣлать все казанское общество свидѣтелемъ достигнутыхъ имъ результатовъ и съ этою цѣлью предписалъ ежегодно устроивать особые публичные экзамены, производившіеся по окончаніи обыкновенныхъ испытаній и пріурочивавшіеся ко дню годичнаго университетскаго акта. Подробныя руководящія указанія относительно самой организаціи этихъ публичныхъ экзаменовъ даны были Магницкимъ университетскому совѣту въ предложеніи отъ 31-го января 1822 года:

„Актъ университета или испытаніе торжественное, — читаемъ въ этомъ предложеніи,—должно имѣть цѣлью дать собравшейся публикѣ и высшимъ начальствамъ, духовному и гражданскому, несомнительное, но сколько можно краткое и занимательное, удостовѣреніе въ успѣхахъ и благоповеденіи учащихся. Для сего:

1. Одно изъ главныхъ лицъ университета должно прочесть отчетъ его по всему вѣдомству онаго, достовѣрный, на актахъ основанный и въ общемъ собраніи университета утвержденный.

2. Дать отчетъ въ бывшихъ испытаніяхъ кратко, но также достовѣрно и безъ примѣси излишней схоластики, всегда въ отношеніи къ публикѣ нескромной.

3. Представить посѣтителямъ всѣ науки, кои испытаны быть должны, въ свернутыхъ главнѣйшихъ вопросахъ, объемлющихъ важнѣйшія доказательства, что наука выучена, для выбора изъ каждой науки семи вопросовъ.

4. Отобранные семь вопросовъ полагаются открыто предъ зрителями на столѣ. Студентъ, наименованный директоромъ университета, вызывается, беретъ одинъ вопросъ и публично его разрѣшаетъ и такъ далѣе.

5. Когда, такимъ образомъ, одна наука проэкзаменуется (sic), директоръ объявляетъ посѣтителямъ, что, сверхъ сего удостовѣренія, каждый изъ нихъ можетъ предложить студентамъ вопросы.

6. Послѣ сего испытанія профессоры, по назначенію совѣта, произносятъ рѣчи; и отличнѣйшіе изъ студентовъ сей чести удостоиваются.

7. За симъ провозглашаются имена отличившихся, даются награжденія и объявляются степени повышенія".

Идея Магницкаго относительно устройства публичныхъ экзаменовъ успѣхомъ не увѣнчалась и потерпѣла уже въ первый годъ полное фіаско, какъ это констатируется слѣдующимъ протоколомъ:

„1822 года іюля 6-го дня постановлено было начать въ три часа пополудни публичное испытаніе во всѣхъ учебныхъ предметахъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, о чемъ публика извѣщена была заблаговременно чрезъ прибавленія къ Казанскому Вѣстнику, а знатнѣйшія лица приглашены были, сверхъ того, особенными программами, которыя поручено было ордин. профессору Кондыреву вручить имъ. Господинъ директоръ университета, ректоръ и члены совѣта явились въ назначенное время въ залъ собранія и ожидали кого либо изъ посѣтителей до 6-ти часовъ вечера, но какъ никто изъ нихъ не благоволилъ пожаловать—то и некому было избирать вопросовъ для своего удостовѣренія въ успѣхахъ учащихся; члены же университета сочли за излишнее повторять то, что имъ уже и по прежнимъ испытаніямъ достовѣрно извѣстно".

Такое же фіаско потерпѣли и предположенныя на 6-ое іюля публичныя испытанія 1823 года: и на этотъ разъ экзамены не состоялись, такъ какъ никто изъ „публики" на нихъ—не явился....... [227].

Помимо желанія заручить на сторону преобразованнаго университета общественное мнѣніе городскаго общества, комедія публичныхъ актовыхъ испытаній преслѣдовала въ своей основѣ и другую цѣль—возбужденіе соревнованія среди самихъ учащихся. Эту послѣднюю цѣль преслѣдовала и раздача студентамъ на торжественныхъ актовыхъ собраніяхъ наградъ—медалей и книгъ. Медалей, съ изображеніемъ на нихъ эмблеммы и девиза университета, — креста, съ надписью вокругъ него: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ",—полагалось пять, одна золотая и четыре серебряныя, причемъ, по свидѣтельству Желтухина, золотая медаль присуждалась студенту, оказавшему наибольшіе успѣхи въ богословіи. Идею безусловнаго преобладанія въ наукѣ теологическаго направленія постоянно должно было напоминать студентамъ и слѣдующее изрѣченіе, по приказанію попечителя крупными буквами начертанное надъ всѣми кафедрами: „Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху".

Что касается книгъ, въ качествѣ награды студентамъ за оказанные успѣхи, то для этой цѣли избирались книги исключительно религіознаго содержанія, причемъ благочестіе и особые успѣхи въ богословіи и здѣсь ставились непремѣннымъ условіемъ для лауреатовъ. Этотъ видъ наградъ былъ впервые введенъ въ практику на годичномъ актѣ 1820 года. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ предшествовавшаго года отдѣленіемъ врачебныхъ наукъ отличены были успѣхи студентовъ Кручинина, Отсолига и Саханскаго награжденіемъ ихъ экземплярами евангелія на русскомъ и славян-

скомъ языкахъ. Идея эта понравилась попечителю, который и писалъ по этому поводу директору университета, что, „одобряя выборъ сей книги", онъ предлагаетъ „ввести по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ награжденіе св. евангеліемъ на славянскомъ и россійскомъ языкахъ, чтеніями изъ евангелистовъ и книгою о подражаніи Іисусу Христу". Награжденіе студентовъ книгами религіознаго содержанія было въ широкихъ размѣрахъ примѣнено уже на ближайшемъ годичномъ актѣ 5-го іюля 1820 года. Въ этотъ день публично награждены: девять студентовъ—экземплярами библіи на славянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, семнадцать—экземплярами новаго завѣта (одинъ экземпляромъ даже на татарскомъ языкѣ). Присужденіе наградъ книгами двумъ студентамъ было опротестовано директоромъ университета, вслѣдствіе „малоуспѣшности ихъ въ вѣроученіи, съ тѣмъ, что бы имъ и другимъ подобнымъ не было объявлено даже публичной похвалы, понеже они оставили безъ вниманія такое ученіе, которое есть—свѣтъ, просвѣщающій всѣ познанія человѣческія, и по настоящему духу правительства долженствующее быть первѣйшимъ и необходимѣйшимъ образованіемъ воспитанниковъ, безъ коего никакіе успѣхи въ прочихъ наукахъ нисколько не могутъ быть уважены" [228]. Раздача студентамъ наградъ книгами священнаго писанія широко практиковалась и въ остальные годы попечительства Магницкаго *.

---

* Какъ это ни можетъ показаться курьезнымъ, но практиковавшаяся въ интересующую насъ эпоху раздача студентамъ въ награду книгъ священнаго писанія—нашла себѣ въ казанскомъ университетѣ отголосокъ въ 1870 году. Въ эту пору въ симбирской губерніи, въ своемъ имѣніи, доживалъ преклонные годы казанскій студентъ выпуска 1826 года, Н. А. Мотовиловъ,—бывшій веселымъ юмористомъ, судя по нижеслѣдующему прошенію отъ 25-го августа 1870 года, съ которымъ онъ обратился на имя совѣта казанскаго университета:

«Отъ послѣдняго симбирскаго совѣстнаго судьи, коллежскаго совѣтника и кавалера Николая Александровича Мотовилова

Прошеніе.

«На публичномъ актѣ императорскаго казанскаго университета 8-го іюля 1826 года провозглашено: что выпускаемому со степенью дѣйствительнаго студента потомственному дворянину Николаю Александрову Мотовилову въ награду назначено святое Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа. Выдача книги, по неприготовленности экземпляра, отложена до сентября 1826 года, что бы выдать ему оную вмѣстѣ, съ тоже неизготовленнымъ, и самымъ аттестатомъ на степень дѣйствительнаго студента. Но такъ какъ ни въ сентябрѣ 1826 года, при выдачѣ аттестата, ни послѣ, въ теченіи 44-хъ лѣтъ, даже до сего августа 1870 года, эта Евангелія Господняго книга ему не выдана, то проситъ онъ о выдачѣ ему хотя поздно оной—но за то съ вознагражденіемъ по силѣ государственнаго русскаго закона о вознагражденіи за претерпѣніе».

Никакого производства по этому юмористическому прошенію не было, судя по тому, что этотъ курьезный документъ лишь случайно попался намъ на глаза въ «Собраніи бумагъ, не требующихъ дальнѣйшаго производства», за 1870 годъ (Сов. 1870, № 3, л. 216).

Принимались мѣры къ повышенію общаго уровня успѣшности студентовъ и во время прохожденія ими курсовъ. Мы въ своемъ мѣстѣ уже видѣли, что съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія университета однимъ изъ надежнѣйшихъ путей къ достиженію этой цѣли признавалась организація практическихъ занятій съ студентами; что, предусмотрѣнныя самымъ уставомъ 5-го ноября 1804 года, эти практическія занятія озабочивали собою профессора-директора Яковкина, позже же нашли себѣ убѣжденнаго поборника въ лицѣ профессора Солнцева *. Не представляется, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что, сдѣлавшись въ первый годъ попечительства Магницкаго ректоромъ, проф. Солнцевъ задался цѣлью широко поставить въ казанскомъ университетѣ организацію практическихъ занятій, какъ это усматривается изъ слѣдующаго предложенія его совѣту отъ 29-го января 1820 года:

„Воля высшаго начальства есть, между прочимъ, во всѣхъ тѣхъ наукахъ, гдѣ только есть возможность, соединить теорію съ самою практикою. Слѣдуя сему требованію и намѣренію начальства, я ввелъ въ моихъ аудиторіяхъ приватныя упражненія для всѣхъ моихъ слушателей, безисключительно, пріучая ихъ къ практическимъ юридическимъ занятіямъ. Трудолюбіе студентовъ оправдало мои ожиданія и я съ удовольствіемъ вижу проистекающую отъ таковыхъ приватныхъ упражненій пользу и успѣшность.

По долгу званія моего, обязываюсь убѣдительно просить господъ почтенныхъ членовъ совѣта обратить на сей предметъ, мною изложенный, особенное вниманіе. Преподаватели наукъ словесныхъ, философическихъ и юридическихъ, по смыслу самаго устава университетскаго (§ 119), въ особенности къ тому обязываются; равно, однако жъ, и преподаватели другихъ наукъ, по факультетамъ раздѣленныхъ, не меньшее могутъ имѣть усердіе къ споспѣшествованію общей цѣли образованія юношества на службу государственную. По мнѣнію моему, студентовъ, безъ всякаго различія наукъ, ими проходимыхъ, можно: а) занимать сочиненіемъ краткихъ демонстрацій на россійскомъ или латинскомъ языкѣ, б) обработываніемъ, въ видѣ лекцій, отдѣльныхъ трактатовъ о какомъ либо предметѣ и в) переводами съ латинскаго на россійскій и обратно, а также и съ другихъ языковъ, лучшихъ диссертацій и нѣкоторыхъ избранныхъ книгъ.... Будучи увѣренъ въ единодушномъ усердіи къ общему благу г.г. членовъ совѣта и другихъ преподавателей, ласкаюсь пріятною надеждою,—заключаетъ ректоръ,—что сіе мое предложеніе будетъ принято безъ многихъ затрудненій и успѣхи студентовъ, безъ сомнѣнія, увѣнчаютъ наши желанія".

---

* См. томъ II, стр. 525—530.

Предложеніе Солнцева встрѣтило въ совѣтѣ довольно холодное къ себѣ отношеніе, отлившееся въ слѣдующее, чисто формальное, постановленіе отъ того же числа: „Объ исполненіи по сему въ потребныхъ случаяхъ дать общую выписку всѣмъ г.г. преподавателямъ". Въ концѣ того же года проф. Солнцевъ долженъ былъ оставить званіе ректора, а вскорѣ послѣ того возникли его непріятности съ Магницкимъ, окончившіяся устраненіемъ отъ должности и, наконецъ, совершеннымъ отрѣшеніемъ отъ университетской службы; практическія же занятія съ студентами, проектировавшіяся имъ въ видѣ общей и правильной системы, продолжали сохранять свой прежній, неопредѣленный и чисто случайный, характеръ.

Въ числѣ мѣръ постояннаго контроля надъ успѣхами учащихся должно быть указано и введеніе въ казанскомъ университетѣ, съ конца 1820 года, ежемѣсячныхъ испытаній студентовъ, отчеты по которымъ препровождались къ попечителю при мѣсячныхъ же меморіяхъ о положеніи учебной части, вообще. Основанныя на предложеніи о томъ Магницкаго, эти ежемѣсячныя испытанія въ ноябрѣ 1820 года были регулированы выработанными университетскимъ совѣтомъ руководящими правилами, хотя мы положительно затруднились бы отвѣтомъ, какъ на вопросъ о томъ, насколько привилось это нововведеніе къ педагогической жизни университета, такъ, въ еще большей степени, на вопросъ о томъ, насколько способствовала эта мѣра поднятію уровня успѣшности занятій учащейся молодежи. Весьма вѣроятно, что и это мѣропріятіе явилось продуктомъ бумажно-канцелярскаго творчества, каковыми являлись многочисленныя начинанія фантазера-попечителя, безвыѣздно жившаго въ далекой отъ Казани сѣверной столицѣ, безъ всякаго личнаго и непосредственнаго общенія съ управляемымъ имъ университетомъ и съ его учебнымъ округомъ; разочаровывать же попечителя въ цѣлесообразности или въ блестящей успѣшности его заглазныхъ предначертаній—было, само собою разумѣется, вовсе не въ интересахъ его казанскихъ креатуръ и приспѣшниковъ [229].

Разсмотрѣнными нами попеченіями Магницкаго въ области внѣшней организаціи преподаванія—далеко не исчерпывались его мѣропріятія относительно постановки учебнаго дѣла въ казанскомъ университетѣ. Въ несравненно бóльшей степени озабочивала его внутренняя сторона преподавательской дѣятельности, съ точки зрѣнія общаго направленія и духа ея,—понимаемыхъ, конечно, въ смыслѣ

тенденцій какъ самого попечителя, такъ и двухъ начальныхъ актовъ его управленія—инструкцій ректору и директору университета.

Насажденіе въ университетѣ благочестія, въ руководящихъ рукахъ Магницкаго превратившагося въ фанатическое изувѣрство, стремленіе обосновать на немъ преподаваніе всѣхъ наукъ и неустанная борьба съ „лжеименнымъ разумомъ" и „тлетворнымъ ядомъ", изливаемымъ на русское знаніе и на русскую молодежь западно-европейскою наукою, литературою и жизнью — таковы наиболѣе яркія и характерныя черты всей административной и педагогической системы, проводившейся Магницкимъ. Отсюда становится понятнымъ, что неусыпныя, тенденціозныя и предвзято-подозрительныя попеченія о благонамѣренности преподаванія—представляли собою основной мотивъ дѣятельности его въ области постановки въ казанскомъ университетѣ учебной части. На этой то сторонѣ дѣятельности Магницкаго мы и должны будемъ въ настоящее время остановиться.

Неистовства, которыми ознаменовалась дѣятельность Магницкаго въ только что указанномъ направленіи и длинный рядъ которыхъ скоро пройдетъ передъ глазами читателей, невольно еще разъ наталкиваютъ насъ на вводнаго характера вопросъ о психологической подкладкѣ ихъ, на вопросъ о психикѣ этого „нравственнаго феномена",—какъ окрестилъ казанскаго попечителя одинъ изъ его современниковъ.

Едва ли можетъ возникнуть въ наши дни сомнѣніе въ томъ, что непомѣрное тщеславіе, карьеризмъ, желаніе выступить въ роли прозорливаго спасителя отечества и, тѣмъ самымъ, обезпечить за собою достиженіе высшихъ государственныхъ степеней и, въ меньшей мѣрѣ, министерскаго портфейля—были основными стимулами всей дѣятельности этого человѣка, ловко умѣвшаго приноравливаться и къ вѣяніямъ времени, и къ людямъ, и къ обстоятельствамъ. Тщеславіе выдвинуло Магницкаго; тщеславіе руководило каждымъ шагомъ его служебной карьеры; то же тщеславіе, какъ мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ, и погубило этого, несомнѣнно даровитаго отъ природы, человѣка. Такого воззрѣнія на личность Магницкаго держался и А. В. Никитенко, перу котораго принадлежитъ блестящая, на нашъ взглядъ, характеристика бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа. Признавая Магницкаго „главнымъ виновникомъ распоряженій, вредныхъ для университетовъ и науки, исходившихъ въ то время отъ министерства народнаго просвѣщенія", Никитенко слѣдующими чертами обрисовываетъ намъ личность бывшаго казанскаго попечителя:

„Магницкій замѣтно выдвигался изъ толпы рядовыхъ людей. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ даровитымъ личностямъ, которыя надѣлены способностями недостаточно великими, что бы совершать дѣла высшаго историческаго значенія, и, однако, настолько замѣчательными, что бы не довольствоваться ролью простыхъ исполнителей въ средѣ общественной и служебной. Худо, если, при этихъ сомнительныхъ правахъ или полуправахъ на чрезвычайный и блестящій жребій, они лишены нравственныхъ вѣрованій и самообладанія. Ихъ судьба—разжигаться вѣчно желаніями, коихъ ни умѣрить, ни удовлетворить они не въ силахъ. При сознаніи въ себѣ нѣкоторыхъ неоспоримыхъ достоинствъ и силъ, они до того становятся невоздержны въ своихъ требованіяхъ и самообожаніи, что готовы отважиться на все, лишь бы доказать людямъ существованіе въ себѣ высшихъ качествъ и свое право на превосходство надъ ними, а затѣмъ въ нихъ начинается такое смѣшеніе и путаница стремленій, идей, проектовъ, что тутъ совершенно изчезаютъ уже всякія благія цѣли, которыя они любятъ выставлять на показъ, исчезаютъ всякое правдивое убѣжденіе и ясное пониманіе того, что должно и что возможно, пока, наконецъ, они не очутятся лицемъ къ лицу или съ несказанною нелѣпостью, или—съ преступленіемъ.

Это личности—ненормальныя.....

Случается нерѣдко, что, среди треволненій общественныхъ, гдѣ имъ бы и слѣдовало потонуть, счастливая волна выброситъ ихъ на высоту, гдѣ они располагаются сіять и освѣщать пути другимъ—конечно, не надолго, однако и не безъ вреда для путниковъ, неосторожно ввѣряющихся коварному указанію“.

Отмѣтивъ, со словъ людей, лично знавшихъ Магницкаго, обладаніе имъ „многими обаятельными качествами“, „даромъ живописнаго слога“, „умомъ смѣтливымъ и гибкимъ, то поражающимъ смѣлостью своею, то вкрадчиваго и способнаго искуссно примѣняться къ лицамъ и обстоятельствамъ“, Никитенко приводитъ и слѣдующія отрицательныя стороны умоначертаній казанскаго попечителя:

„При своихъ покушеніяхъ на обширныя предпріятія—онъ имѣлъ грубыя и пошлыя понятія объ обязанностяхъ и отвѣтственности того высокаго положенія, котораго добивался. Подъ фосфорическимъ блескомъ его ума и знаній—скрывались невѣжественныя воззрѣнія на существенные вопросы науки, просвѣщенія, народнаго развитія. Онъ думалъ насильственно и произвольно распоряжаться умственными сокровищами своего отечества, не имѣя понятія ни о его потребностяхъ, ни о его исторической роли и стараясь преградить ему пути къ лучшей и высокой будущности. Достойно сожалѣнія то, что человѣкъ съ такими сомнительными достоинствами и съ такими несомнѣнными по-

> роками—нашелъ способъ и возможность свои проекты, достойные дома умалишенныхъ, примѣнять на практикѣ.....
>
> Въ Магницкомъ произволъ, ничѣмъ не сдерживаемый, превзошелъ самые отважные порывы насилія. На все, что люди считаютъ неприкосновеннымъ и священнымъ для себя,—на истину, мысль, чувство долга, на убѣжденіе,—на все онъ наложилъ оковы инструкцій и предписаній, требовавшихъ одного: безпрекословнаго повиновенія формамъ, обрядамъ, дисциплинѣ. Онъ хотѣлъ создать оффиціальную науку, оффиціальную добродѣтель, оффиціальное благочестіе, не замѣчая, что этимъ истязаніемъ внутреннихъ человѣческихъ силъ—онъ установляетъ цѣлую, страшную, систему лжи и лицемѣрія. Развратъ не могъ быть глубже и плачевнѣе"....

Никитенко, еще не имѣя подъ руками документовъ, опубликованныхъ уже послѣ того, какъ писалъ онъ приведенныя нами выше строки, высказывалъ мысль, что въ глазахъ Магницкаго—„казанскій университетъ былъ только преддверіемъ поприща, которымъ онъ желалъ овладѣть". Признавая трудность предположенія, что бы Магницкій, создавъ здѣсь „противоестественное извращеніе вещей, считалъ возможнымъ превратить его въ систему", Никитенко бросаетъ попутное, но смѣлое, замѣчаніе, что „быть можетъ Магницкій, подражая французскимъ террористамъ, для совершенія какого то неслыханнаго переворота хотѣлъ, въ кругу своей дѣятельности, отмѣнить на время истину и здравый смыслъ" [230].... Оставивъ въ сторонѣ эту смѣлую гипотезу Никитенко,—не взирая даже на то, что ультра-„благонамѣренный" казанскій попечитель оказался, дѣйствительно, скомпрометированнымъ въ событіяхъ, разыгравшихся передъ воцареніемъ императора Николая Павловича, что, какъ впослѣдствіе узнаемъ, и было одною изъ ближайшихъ причинъ его паденія,—мы также рѣшимся самымъ положительнымъ образомъ утверждать, что казанская обскурантная дѣятельность Магницкаго представлялась, въ его собственныхъ глазахъ, лишь переходною ступенью къ болѣе широкому кругу дѣятельности, что злосчастный казанскій университетъ являлся для него жертвою закланія, черезъ которую, воспользовавшись реакціонными теченіями и вѣяніями того времени, смѣлому попечителю-авантюристу казалось выгоднымъ и цѣлесообразнымъ перешагнуть въ погонѣ за осуществленіемъ своихъ властолюбивыхъ замысловъ.

Намѣреваясь выступить въ роли реформатора всего дѣла русскаго народнаго просвѣщенія и предпринявъ опытъ обновленія этого послѣд-

няго на казанскомъ университетѣ, Магницкій еще въ 1821 году настаивалъ въ главномъ правленіи училищъ на необходимости изслѣдовать „духъ“ народнаго просвѣщенія во всѣхъ учебныхъ округахъ, иначе говоря—произвести по широкому лицу всей русской земли, уже въ несравненно болѣе широкихъ размѣрахъ, тотъ сыскъ и тотъ разгромъ, какіе были совершены имъ въ казанскомъ учебномъ округѣ. Ссылаясь на плоды „обновленія“, достигнутые имъ въ послѣднемъ, казанскій попечитель требовалъ учрежденія спеціальнаго комитета, съ возложеніемъ на него порученія „войти въ немедленное разсмотрѣніе тѣхъ общихъ мѣръ, которыя, въ частности, уже испытаны имъ надъ университетомъ казанскимъ, для пресѣченія всякаго вреднаго преподаванія, для утвержденія воспитанія на христіанскомъ благочестіи и для непремѣннаго соединенія вѣдѣнія съ вѣрою“ [231]. Всѣ эти домогательства Магницкаго, сокровенныя пружины которыхъ могли быть непонятыми развѣ только самыми близорукими членами главнаго правленія училищъ, остались безрезультатными и принятіе казанскихъ инструкцій ректору и директору въ руководство университету петербургскому—явилось единственнымъ успѣхомъ казанскаго попечителя, достигнутымъ на этой почвѣ.

Въ началѣ ноября 1823 года Магницкій, разочарованный оппозиціею, которую онъ уже все чаще и чаще сталъ встрѣчать среди членовъ главнаго правленія училищъ, отважился на весьма рѣшительную мѣру къ тому, что бы попытаться еще разъ выдвинуть впередъ и себя, и свои „спасительные“ проекты: въ немъ созрѣла дерзкая мысль непосредственнымъ образомъ повергнуть свои предначертанія на воззрѣніе императора Александра, умѣлою и ловкою рукою затронувъ тѣ струны духовнаго настроенія монарха, которыя были ему слишкомъ хорошо извѣстны еще съ годовъ службы подъ эгидою Сперанскаго. Выполняя эту мысль, Магницкій, въ то время уже примкнувшій къ партіи противниковъ князя А. Н. Голицина и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, вмѣстѣ съ ними подкапывавшійся подъ облагодѣтельствовавшаго его министра, 7 ноября 1823 года представилъ императору записку, подъ заглавіемъ „Краткій опытъ о народномъ воспитаніи“, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

„Государь Всемилостивѣйшій!—Простите великодушно смѣлость, съ которою обременяю вниманіе Вашего Величества подносимою у сего запискою о народномъ воспитаніи. Сей плодъ моего усердія къ церкви и Царю, въ обыкновенномъ служебномъ порядкѣ

не вмѣщающійся (sic!), куда понесу, Государь, ежели не къ ногамъ Вашимъ?—Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь и пр.“

Записка Магницкаго, напечатанная въ первомъ томѣ „Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. Величества канцеляріи“, представляетъ для насъ глубокій интересъ, какъ политическое исповѣданіе ея автора, какъ матеріалъ, способный пролить свѣтъ не только на личность „обновителя“ казанскаго университета, но и на тѣ честолюбивыя побужденія, которыя руководили его дѣятельностью въ области новаторскихъ начинаній, несчастнымъ объектомъ которыхъ суждено было сдѣлаться казанскому университету. Это побуждаетъ насъ, въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія, ближе познакомиться съ сущностью всеподданнѣйшей записки попечителя казанскаго учебнаго округа.

Исходя изъ той точки зрѣнія, что „доброе народное воспитаніе необходимо, ибо на немъ только могутъ стоять твердо установленія общественныя, ибо оно одно обезпечиваетъ благо поколѣній настоящаго и будущаго“, авторъ записки въ недоумѣніи останавливается передъ вопросомъ довольно парадоксальнаго характера: „Отчего же, при всеобщей увѣренности въ сей непреложной истинѣ, ни въ одномъ изъ христіанскихъ государствъ не сдѣлано полной системы народнаго воспитанія?“ По воззрѣнію Магницкаго, „доселѣ одни люди злонамѣренные занимались составленіемъ полной системы народнаго воспитанія“. Исключая себя, само собою разумѣется, изъ круга этихъ „злонамѣренныхъ людей“ и предвкушая возможность созданія такой новой и „полной системы народнаго образованія“, эксперименты въ области каковой уже были въ то время совершены имъ въ ввѣренномъ ему учебномъ округѣ, Магницкій подходитъ къ разрѣшенію поставленнаго имъ вопроса путемъ слѣдующей своеобразной аргументаціи, напоминающей собою бредъ паціента изъ больницы умалишенныхъ:

„Князь тьмы вѣка сего производитъ большую часть вліяній своихъ на міръ и міродержателей гражданскихъ чрезъ общее мнѣніе, которое есть какъ бы труба, коею онъ, какъ въ древности оракулы, произноситъ свои заключенія, суды и приговоры, сѣетъ лжи и клеветы, распространяетъ нелѣпыя предсказанія и нечестивыя понятія.

У большей части народовъ, и въ томъ числѣ у насъ, гулъ сей, совершенно вопреки истинѣ, почитается гласомъ Божіимъ: гласъ народа—гласъ Божій.

Въ конституціяхъ,—семъ неистовомъ порожденіи бунта народнаго,—главнымъ ихъ основаніемъ положена свобода книгопечатанія

или, что одно и тоже—безпрепятственное волненіе и необузданность мнѣнія общественнаго, то есть труба для глаголовъ князя тьмы, какъ можно болѣе широкая, громкая и всегда отверзтая. А какъ онъ (т. е. князь тьмы) знаетъ, что доброе воспитаніе народное, улучшая сердце и образъ мыслей падшаго человѣка, составить можетъ и общее мнѣніе доброе, то есть изъ трубы, для него нужной, можетъ сдѣлать протокъ благодати не только на поколѣніе настоящее, но и на будущія—то онъ, отвлекая всѣми способами вниманіе правительствъ и людей благонамѣренныхъ отъ сего важнаго предмета, указываетъ его однимъ своимъ чадамъ и послѣдователямъ, какъ рычагъ, которымъ можно потрясти весь міръ гражданскій.

Акты разныхъ государствъ Европы, обнаруживъ въ одно и тоже время, на разныхъ ея концахъ, совершенно одинакія начала нечестія и буйства въ университетахъ и училищахъ, открываютъ достаточно сей планъ врага Божія: ибо единомысліе разрушительныхъ ученій въ Мадридѣ, Туринѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ (?!)—не можетъ быть случайнымъ. Оно представляетъ правильный и обширный, давно втайнѣ укоренившійся, планъ и заговоръ".

Покончивъ съ этимъ словоизверженіемъ сентенцій на излюбленную имъ тему относительно ковъ „князя тьмы" и его тлетворнаго вліянія на судьбы міра, вообще, и на постановку дѣла народнаго просвѣщенія, въ частности, Магницкій переходитъ къ изложенію „особаго плана народнаго воспитанія", необходимаго для нашего отечества:

„Въ Россіи,—читаемъ въ запискѣ Магницкаго,—основное начало народнаго воспитанія не представляетъ ничего ни мечтательнаго, ни произвольнаго. Оно есть—православіе, т. е. одна вѣра истинная, въ которой слово Божіе не только сохранено во всей чистотѣ непрерывною іерархіею апостольскою, но и засвидѣтельствовано, подписано, кровью мучениковъ всѣхъ вѣковъ прошедшихъ и даже ежедневныхъ, исполнено жизнью святыхъ отецъ и объяснено ихъ вдохновеніемъ и откровеніями, имъ бывшими. Вѣрный сынъ церкви православной, единой истинной невѣсты Христовой, знаетъ, что всякая власть отъ Бога, и посему почитаетъ всѣхъ владыкъ земныхъ, и Нерона, и Калигулу, но истиннымъ помазанникомъ, Христомъ Божіимъ, не можетъ признавать никого, кромѣ помазаннаго на царство церковью православною. И такъ, мы одни, по слову Оригена, исповѣдуемъ обѣ религіи: и перваго и втораго величества. У насъ однихъ корона самодержавія лежитъ на алтарѣ Божіемъ, неприкосновенна для рукъ черни, но пріемлется, въ таинственномъ священнодѣйствіи, изъ рукъ церкви. Надъ нею—крестъ, надъ державою—крестъ, надъ скипетромъ—крестъ. Тутъ нѣтъ ничего человѣческаго. Нашего государя мы открыто

во всякомъ училищѣ отечества нашего называемъ и должны называть—помазанникомъ Божіимъ, и всѣ знаютъ и вѣруютъ, что это—правда. Пусть скажутъ сіе въ училищахъ Пруссіи, Нидерландовъ, Англіи о ихъ государяхъ—тамъ разсмѣются.......

И такъ, православіе и благоговѣніе къ помазаннику Божію,—заключаетъ Магницкій,—должно быть основаніемъ русскаго народнаго воспитанія".

Переходя, далѣе, къ вопросу о практическомъ осуществленіи реформы народнаго просвѣщенія въ Россіи, авторъ записки довольно откровенно раскрываетъ свои карты и даетъ намъ ясно увидѣть истинную подкладку и конечную цѣль всѣхъ его разсужденій:

„Какъ привести сіе въ исполненіе?"—вопрошаетъ Магницкій, и тутъ же отвѣчаетъ:

„Нѣтъ ничего легче. Университету казанскому сіе уже дано въ инструкціяхъ, высочайше утвержденныхъ, которыя и исполняются. Ежели сіе признано полезнымъ въ 16-ти (14?) губерніяхъ сего округа—почему не сдѣлать того же и въ прочихъ?"

Слѣдомъ за тѣмъ Магницкій набрасываетъ яркую картину обновительныхъ результатовъ, достигнутыхъ имъ въ казанскомъ университетѣ, сопоставляя ихъ съ состояніемъ русскаго народнаго просвѣщенія, вообще. Эта часть записки настолько любопытна сама по себѣ и настолько существенна для цѣлей нашего текущаго повѣствованія, что мы считаемъ необходимымъ возстановить ее здѣсь въ полномъ видѣ:

„Тамъ (т. е. въ казанскомъ университетѣ),—похваляется Магницкій,—установленъ сильный нравственный надзоръ, основанный на изученіи и практическомъ исполненіи вѣры православной. Тамъ всѣ науки очищены отъ того, что составляло изъ нихъ заговоръ на Бога и царей. Тамъ въ богословіи, въ обличительной философіи, въ правахъ и въ исторіи—все преподается согласно съ православіемъ, все противное ему—отвергается.

Такъ, напримѣръ, въ прочихъ учебныхъ мѣстахъ открыто проповѣдуется въ естественномъ правѣ, что цари царствуютъ по согласію народовъ, по договору (contrat social); въ Казани возмутительная ложь сія отвергнута.

Проповѣдуютъ въ географіи, что наука сія разсматриваетъ землю въ томъ видѣ, какъ вышла она изъ рукъ Творца; сіе богохульное отверженіе грѣхопаденія въ Казани мѣста не имѣетъ.

Проповѣдуютъ въ исторіи (?), что міръ существуетъ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ; въ Казани слѣдуютъ хронологіи книгъ священныхъ.

Въ исторіи отечественной, слѣдуя Исторіи Государства Россійскаго (т. е. Карамзину), нѣкоторые помазанники Божіи поносятся именами тирановъ и злодѣевъ; въ Казани цари добрые и злые почитаются наградою или наказаніемъ народовъ, преподаются исторически дѣла ихъ, но лица, одному Богу подсудимыя—уважаются.

Пусть чрезъ лицо довѣренное осмотрятъ сіе и когда удостовѣрятся, что правила, мною предлагаемыя—не мечта, но весьма удобоисполнительны, тогда легко будетъ составить комитетъ, который бы сдѣлалъ полный планъ русскому народному воспитанію.....

Воспитаніе народное у насъ въ самомъ гибельномъ положеніи,—аллармируетъ авторъ записки.—Разрушительное ученіе естественнаго права требуется закономъ. Родители, воспитавшіе дома въ благочестіи дѣтей своихъ, должны, при вступленіи ихъ въ службу, развращать сею наукою *. Я знаю двухъ отцовъ, кои со слезами принуждены были сіе дѣлать.

Философія самая возмутительная преподается въ пяти округахъ. Всѣ науки, отравленныя ею, составляютъ заговоръ противъ Бога и царей и сіе публичное развращеніе называется—воспитаніемъ!"....

Заключительныя слова записки повидимому разсчитаны честолюбивымъ авантюристомъ уже pro doma sua:

„Тѣсные предѣлы сей краткой записки не дозволили распространиться о каждой статьѣ оной, сколько бы того важность предмета требовала. Ежели она будетъ достойна вниманія—тогда легко дать ей нужное раскрытіе; а ежели же нѣтъ—то для лепты усердія, брошенной въ сокровищницу церкви, царя и отечества, чеканъ довольно выбитъ.

Сердце Царево—въ руцѣ Божіей!"..... [232].

Едва ли требуютъ дальнѣйшихъ комментарій тщеславныя побужденія и честолюбивыя вожделѣнія, лежавшія въ основѣ разсмотрѣнной нами записки казанскаго попечителя. Едва ли возможно сомнѣваться и въ томъ, что представленіемъ императору Александру этой записки Магницкій самъ себѣ оказалъ весьма плохую услугу: ярко подчеркнутыя въ этомъ документѣ professions de foi пронырливаго интригана не могли не раскрыть императору глазъ на личность автора записки, не могли не убѣдить его въ жалкомъ и плохо прикрытомъ фарисействѣ, просвѣчивающемъ сквозь высокопарно-благонамѣренныя разглагольствованія самозваннаго спасателя отечества, не могли не дать понять Александру, какія руки

* Намекъ на законъ 6-го августа 1809 года (см. томъ II, стр. 361 и слѣд.).

предлагаютъ ему свои услуги для великаго дѣла устроенія русскаго народнаго просвѣщенія, какіе честолюбивые замыслы прикрыты авторомъ записки подъ личиною преданности церкви, престолу и отечеству.... Конецъ 1823-го и начало 1824-го года явились кульминаціонною точкою въ необыкновенной карьерѣ „обновителя" казанскаго университета; съ весны 1824 года, совпавшей съ удаленіемъ изъ министерства князя А. Н. Голицина и съ вступленіемъ въ него адмирала А. С. Шишкова, восходившая до той поры звѣзда Магницкаго начинаетъ все болѣе и болѣе примѣтнымъ образомъ склоняться къ закату, подготовляя его окончательное и позорное паденіе. Возможно, что не безъ вліянія осталась въ данномъ случаѣ и пресловутая „записка", оказавшаяся неосторожно выдвинутымъ ходомъ въ рискованной, но смѣлой, игрѣ нашего „нравственнаго феномена".

Познакомившись по всеподданнѣйшей запискѣ Магницкаго съ общимъ характеромъ направленія, внесеннаго имъ въ казанскую университетскую науку, и прежде, нежели перейти къ обзору частичныхъ начинаній его на той же почвѣ, намъ необходимо разсмотрѣть еще одинъ документъ общаго характера, краснорѣчиво свидѣтельствующій о томъ угнетающемъ режимѣ, какой введенъ былъ попечителемъ въ педагогическій строй жизни обновленнаго имъ университета. Это—отчетъ ректора университета К. Ѳ. Фукса о мѣропріятіяхъ, предпринимавшихся имъ въ видахъ обезпеченія благонамѣренности преподаванія, представленный 13-го февраля 1826 года ревизовавшему казанскій университетъ генералъ-маіору П. Ѳ. Желтухину и не безъинтересный для обрисовки личности профессора Фукса, въ роли представителя университета и пассивнаго исполнителя предначертаній Магницкаго:

„По силѣ втораго отдѣленія 4-ой и 5-ой статей высочайше утвержденной инструкціи для ректора императорскаго казанскаго университета,—докладываетъ здѣсь ректоръ Фуксъ,—руководство его духомъ и направленіемъ всѣхъ преподаваній не есть единовременное, въ извѣстные сроки академическаго года, но ежедневное и, можно сказать, непрестанное, а потому, во все время отправленія имъ настоящей должности *, онъ въ точномъ смыслѣ высочайше утвержденной для него инструкціи руководствовалъ направленіемъ всѣхъ преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ слѣдующими средствами:

---

* Состоялъ ректоромъ, по назначенію, съ 9-го мая 1823 года. Въ цитируемомъ нами документѣ Фуксъ вездѣ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

1. Личнымъ, сколько можно, ближайшимъ познаніемъ образа мыслей и даже чувствъ каждаго изъ преподавателей. Для сего старался онъ привлекать ихъ къ короткому въ домѣ своемъ знакомству и, кромѣ приглашеній, навсегда имѣлъ назначенные дни для обѣдовъ и бесѣдъ у себя. Симъ средствомъ, въ свободѣ приватныхъ и пріятельскихъ отношеній, въ коихъ открывается безъ принужденія образъ мыслей каждаго, могъ онъ легко узнать направленіе ихъ мнѣній гораздо надежнѣе, нежели изъ конспекта, часто изъ чуждыхъ разсужденій заимствованнаго и всегда не довольно надежнаго, ибо преподаватель легко въ самомъ преподаваніи удалиться отъ него можетъ.

2. Частымъ и внезапнымъ посѣщеніемъ лекцій.

3. Приватнымъ разспросомъ (!) студентовъ.

4. Двумя родами экзаменовъ: а) тѣми, которые дѣлаются приватно и публично въ срочное время, и б) когда преподаватели испытываютъ принимаемыхъ студентовъ.

Долговременный опытъ въ вѣрности сихъ средствъ оправдалъ ихъ избраніе",—добавляетъ Фуксъ.

Ректоръ утверждаетъ, что въ преподаваніи наукъ въ казанскомъ университетѣ „не только не можетъ быть ничего ни прямо, ни косвенно противнаго духу правовѣрія и правительства", но что всѣ науки направлены въ немъ „къ совершенному согласію съ вѣрою и правительствомъ отечественнымъ", доказательствомъ чему проф. Фуксъ и приводитъ слѣдующія поясненія:

„1. Науки богословскія преподаются наставниками, избранными епархіальнымъ начальствомъ и по конспектамъ, не только утвержденнымъ, но и собственною рукою его поправленнымъ.... Такъ обезпечено въ университетѣ преподаваніе правовѣрнаго ученія отъ всякой примѣси произвольныхъ умствованій и толковъ.

2. Преподаваніе наукъ философскихъ ограждено равнымъ образомъ отъ всякой опасности преподаваніемъ курса самаго простого (Баумейстера), принятаго нынѣ и для духовныхъ нашихъ училищъ.

3. Въ наукахъ политическихъ казанскій университетъ, исключительно отъ всѣхъ прочихъ, преподаетъ науку естественнаго права въ обличительномъ смыслѣ. Прочіе же предметы правъ, по соединенію ихъ въ одну кафедру, преподаетъ онъ съ слѣдующими отъ прочихъ университетовъ отмѣнами: всю часть теоретическую сей науки, все то, что не можетъ быть изъ правъ древнѣйшихъ народовъ, и даже римскаго, приложено къ россійскому законодательству—проходитъ онъ въ связи, но кратко, не теряя времени курса ни на тщетныя умозрѣнія теоріи права, ни на познанія безполезныя для русскаго,

употребляя какъ можно болѣе времени на изученіе законодательства и судопроизводства отечественнаго.

4. Въ наукахъ физико-математическихъ приняты слѣдующія мѣры осторожности: а) въ физикѣ преподаватель ограничивается сообщеніемъ сей науки самымъ точнымъ и сколько можно болѣе опытнымъ; б) отъ наукъ естественныхъ отнята геологія, какъ наука въ нынѣшнихъ ея системахъ вулканистовъ и нептунистовъ совершенно противная священному писанію; в) астрономія преподается по новѣйшимъ сочиненіямъ теоретически и практически, во всей обширности, и, притомъ, такимъ образомъ, что все то, что не подтверждено наблюденіями и не основано на точныхъ математическихъ вычисленіяхъ, то есть всѣ метафизическія умствованія, какъ, напримѣръ, о составѣ небесныхъ тѣлъ, о обитателяхъ планетъ и тому подобныя, ни на чемъ не основанныя гаданія, изъяты изъ сей науки.

5. При преподаваніи врачебныхъ наукъ онъ всячески старался отвергать тѣ вредныя дѣйствія нечестивой Шеллинговой философіи, которымъ нѣкоторые безумные врачи подверглись въ сочиненіяхъ физіологіи человѣческаго организма, дабы ученики наши не заразились сими вредными мыслями и не впали въ гибельный матеріализмъ. Напротивъ, во всѣхъ врачебныхъ преподаваніяхъ имѣлъ онъ главнѣйшимъ предметомъ показать молодымъ медикамъ, что искусство врачеванія безъ духа христіанской любви и милосердія—не можетъ имѣть благословенія Божія и остается безуспѣшнымъ при постеляхъ больныхъ.

6. Словесность россійская и древнихъ языковъ преподается на точномъ основаніи инструкціи и въ разсужденіи восточной наблюдается та осторожность, что бы упражненія преподавателей были переводимы на латинскій языкъ, съ разсмотрѣніемъ въ совѣтѣ, который и имѣлъ случай остановить одно сочиненіе, несогласное съ духомъ инструкціи.

7. Въ преподаваніи исторіи, наиболѣе способномъ къ разнымъ косвеннымъ внушеніямъ, обнадежено доброе преподаваніе слѣдующими средствами: а) избранъ профессоръ, коего благочестіе и добрый духъ совершенно извѣстны *; б) онъ принялъ въ руководство священныя книги, Боссюета, Роллена и другихъ, подобныхъ имъ, по доброму ихъ духу, авторовъ; в) въ преподаваніи всеобщей исторіи, въ противоположность славныхъ язычниковъ, представляетъ онъ многіе примѣры изъ бытописателей церкви православной и, особенно, сколько то возможно, въ исторіи россійской.

Въ протчемъ,—такъ заключается отчетъ Фукса,—то, что наиболѣе обнадеживаетъ доброе направленіе воспитанія въ казанскомъ университетѣ, есть: 1) Стремленіе ученаго, нравственнаго и полицейскаго

* Профессоръ В. Я. Баженовъ.

управленія къ одной цѣли—образованіе вѣрныхъ сыновъ церкви, вѣрныхъ подданныхъ государю и полезныхъ людей отечеству и 2) Согласіе всего университетскаго сословія въ усерднѣйшемъ достиженіи сей высокой цѣли. Каждый членъ университета не только увѣренъ въ совѣсти своей, что сіе святое дѣло составляетъ точную его обязанность, но и въ томъ, что семилѣтній опытъ доказалъ, что цѣль сія успѣшно достигается" [233].

Казалось бы, что всѣми приведенными нами до сихъ поръ мѣропріятіями Магницкаго,—начиная отъ его пресловутыхъ инструкцій и кончая предательски-іезуитскимъ чтеніемъ въ душахъ преподавателей на почвѣ „приватныхъ и пріятельскихъ отношеній" съ ними, о чемъ, съ такою наивною откровенностью, повѣдалъ Желтухину самъ ректоръ Фуксъ— въ полной мѣрѣ обезпечивалась въ казанскомъ университетѣ благонамѣренность и въ образѣ мыслей, и въ преподаваніи. Попечителю всего этого было мало и на этой почвѣ встрѣчаемся мы еще съ цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе частнаго характера начинаній его, направленныхъ къ изгнанію изъ университетскихъ аудиторій „лжеименнаго разума" и къ водворенію въ нихъ добрыхъ духа и направленія.

Мы неоднократно имѣли случаи убѣждаться въ томъ, что, усматривая возможность „лжемудрія" въ любой изъ наукъ не только умозрительныхъ, но и опытныхъ, Магницкій съ особенною подозрительностью относился къ философіи и естественному праву, усматривая именно въ нихъ тотъ „походъ на Бога и царей", о которомъ съ такимъ отчаяннымъ паѳосомъ распространялся онъ въ уже извѣстной намъ всеподданнѣйшей запискѣ своей. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что казанскій попечитель немедленно изгналъ бы эти науки изъ общаго цикла университетскихъ преподаваній, если бы только такая мѣра находилась въ предѣлахъ его власти и если бы его крайнія воззрѣнія не встрѣтили противодѣйствія въ главномъ правленіи училищъ.

Открытый походъ Магницкаго противъ философіи былъ предпринятъ имъ, еще осенью 1821 года, представленіемъ главному правленію училищъ записки относительно политическихъ и философскихъ наукъ. Любопытно, что вылазка противъ философіи тогда же предпринята была и въ казанскомъ университетѣ профессоромъ Городчаниновымъ, въ началѣ октября 1821 года представившимъ въ совѣтъ свое „Краткое обозрѣніе нѣкоторыхъ системъ относительно нравственной философіи, съ краткимъ же опроверженіемъ оныхъ", съ ходатайствомъ относительно препровожденія этого труда „высшему начальству". Другой попечитель-

скій клевретъ, проф. Пальминъ, не преминулъ снабдить трудъ Городчанинова своими примѣчаніями—такого же, конечно, „благонамѣреннаго" характера. Признавъ, что сочиненіе Городчанинова, написанное въ угоду умовоззрѣніямъ попечителя—„заслуживаетъ всякую похвалу и одобреніе по благому своему намѣренію и ревностному усердію г. сочинителя къ пользѣ просвѣщенія, основаннаго на христіанскомъ благочестіи", совѣтъ препроводилъ этотъ трудъ, вмѣстѣ съ примѣчаніями Пальмина, попечителю, но оказалось, что Магницкій на почвѣ борьбы съ философіею успѣлъ предупредить своего казанскаго угодника, оправдавъ французскую поговорку о томъ, что „великіе умы—сходятся". Выяснилось, что собственная записка относительно зловредности философіи уже препровождена попечителемъ по высшему начальству: „Прочитавъ съ удовольствіемъ мнѣніе профессора Городчанинова о нравственной философіи,—писалъ Магницкій отъ 15-го ноября 1821 года,—я почитаю нужнымъ увѣдомить совѣтъ, что отъ меня представлено уже главному училищъ правленію мнѣніе о политическихъ и философскихъ наукахъ, но что, при разсужденіи объ ономъ, не оставлю я представить и тѣхъ мыслей изъ мнѣній г.г. Городчанинова и Пальмина, кои представятся нужными къ общему о семъ предметѣ соображенію". Попечитель не упустилъ случая высказать по этому поводу сентенцію, что—„невозможно соединить свѣта Божія съ свѣтильникомъ падшаго естества, что невозможно соединить Кантова практическаго разума и раздѣленія воли съ евангельскимъ ученіемъ", что „изъ всѣхъ философовъ не противорѣчащій христіанству есть одинъ тотъ, который ученіемъ своимъ составилъ человѣческое предисловіе къ Божественному Евангелію".

Болѣе рѣшительный шагъ предпринятъ былъ Магницкимъ въ томъ же направленіи въ февралѣ 1823 года, представленіемъ министру народнаго просвѣщенія оффиціальной записки съ проектомъ совершеннаго упраздненія нѣкоторыхъ наукъ и, прежде всего—философіи. Записка эта была вызвана газетными сообщеніями о предполагавшихся во Франціи нѣкоторыхъ ограниченіяхъ въ публичныхъ преподаваніяхъ: „Увѣдомился я изъ публичныхъ извѣстій,—писалъ казанскій попечитель,—что въ парижскомъ университетѣ запрещено преподаваніе не только философіи, но и исторіи новѣйшей послѣднихъ временъ—сей школы возмущеній и неистовствъ, ибо она есть только картина практической философіи, образчикъ того ада, который падшій разумъ человѣческій, не плѣненный вѣрою, распространить въ Европѣ старается". Предлагая князю Голицину сдѣлать тоже самое и въ Россіи и убѣждая его

въ томъ, что современная философія есть „ничто иное, какъ настоящій иллюминатизмъ, обязанный новому своему имени только тѣмъ, что христіанскія правительства у себя публичное преподаваніе его дозволяютъ и даже платятъ жалованье распространителямъ онаго", Магницкій разражается цѣлымъ потокомъ обвиненій противъ философіи:

„Посвятивъ,—пишетъ онъ,—пять лѣтъ на неусыпное изученіе сего предмета и на безполезный вопль противъ неизбѣжной и близкой опасности, которою церковь Господня и правленіе отечественное угрожаются отъ открытаго распространенія въ народномъ воспитаніи разрушительныхъ иллюминатскихъ началъ, въ послѣдній разъ* еще рѣшаюсь я, представя неоспоримое сему доказательство, умолять ваше сіятельство всѣмъ, что есть святаго, рѣшительно поразить сіе страшное чудовище, спокойно подрывающее у насъ алтари и тронъ открытымъ проповѣдываніемъ своихъ началъ во всѣхъ университетахъ нашихъ и во всѣхъ тѣхъ высшихъ училищахъ, гдѣ установлены философія и политическія кафедры, ибо доселѣ въ одномъ казанскомъ университетѣ данныя ему инструкціи во всей строгости исполняются и философія преподается въ видѣ обличительномъ.

Прошло уже то время, когда разсматривали изученія сіи, какъ вредныя только теоріи вольнодумствующихъ профессоровъ. Съ тѣхъ поръ бунтующія войска опрокинули уже нѣсколько троновъ, а нынѣ три государства разрушительныя начала сіи проповѣдуютъ и одно изъ нихъ, глава сего адскаго союза, противупоставленнаго врагомъ союзу священному, посреди своего парламента объявило торжественно, что, по мнѣнію его, власть державная получаетъ свое начало отъ народа. Ежели справедливо устрашилъ насъ, въ свое время, сей нечестивый догматъ Марата въ книгѣ профессора Куницына **, то неужели не страшенъ онъ въ устахъ Каннинга ***, по слову котораго

* Эти слова оказались не простою фразою: слѣдующимъ домогательствомъ Магницкаго въ томъ же направленіи явилась уже извѣстная намъ всеподданнѣйшая записка его отъ 7-го ноября того же года.

** Куницынъ, Александръ Петровичъ, профессоръ правовѣдѣнія въ царскосельскомъ лицеѣ и въ петербургскомъ университетѣ, въ 1821 г. былъ отстраненъ отъ кафедры, согласно утвержденнаго главнымъ правленіемъ училищъ мнѣнія попечителя Рунича, по обвиненію въ вредномъ направленіи его книги: «Естественное право» (Спб., 1818). Это тотъ самый Куницынъ, которому А. С. Пушкинъ, слушавшій его лекціи въ царскосельскомъ лицеѣ, посвятилъ слѣдующую строфу:

«Куницыну—дань сердца и вина!
«Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень:
«Поставленъ имъ краеугольный камень—
«Имъ чистая лампада вожжена.....

*** Каннингъ, Джоржъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, содѣйствовавшій выходу Англіи изъ священнаго союза.

могутъ двинуться многочисленныя войска и на всѣхъ моряхъ владычествующіе флоты Англіи на подкрѣпленіе сего правила? И такъ, врагу Божію три года только нужно было, что бы довести дѣло сіе отъ кафедры Куницына (!) до потрясеній Неаполя, Мадрита, Турина, Лиссабона и до сей торжественной исповѣди англійскаго парламента; отъ одной строки профессора (!!)—до 200 тысячъ штыковъ и ста линейныхъ кораблей, до государствъ, обливаемыхъ кровью!"....

Мы не имѣемъ возможности входить въ подробное разсмотрѣніе многочисленныхъ и настолько же нелѣпыхъ, какъ и только что выписанные, доводовъ Магницкаго противъ философіи, подкрѣпляемыхъ и тенденціозно построенными литературными ссылками *,—тѣмъ болѣе, что прямого отношенія къ исторіи казанскаго университета это разсмотрѣніе и не имѣло бы. Скажемъ только, что Магницкій, исходя отъ положенія о невозможности преподаванія философіи „не только согласно съ ученіемъ вѣры, ниже безвредно для него", требовалъ рѣшительнаго упраздненія ея преподаванія въ Россіи.

Любопытною представляется дальнѣйшая судьба записки Магницкаго, едва не поставившей, и на самомъ дѣлѣ, на карту вопросъ о преподаваніи философіи въ Россіи. Въ виду категорической и такой запугивающей постановки этого вопроса, въ особенности же въ виду ссылки казанскаго попечителя на примѣръ Франціи, главное правленіе училищъ поручило своему сочлену, графу И. С. Лавалю **, навести необходимыя справки относительно дѣйствительнаго положенія дѣла во Франціи. Изъ личной переписки Лаваля съ такими корифеями французской науки, какъ Кювье и Сильвестръ-де-Саси, выяснилось, что ссылка Магницкаго на примѣръ Франціи была нѣсколько рискованною: тамъ, дѣйствительно, возникли нѣкоторыя опасенія на счетъ безопасности философскаго знанія, но никакого упраздненія этой науки не воспослѣдовало, въ виду чего графъ Лаваль и пришелъ въ области этого вопроса къ слѣдующему заключенію: „Мы должны,—заявилъ онъ въ главномъ правленіи училищъ,—ограничить преподаваніе философіи самыми тѣсными предѣлами, что несравненно лучше всякаго пріостановленія или совершеннаго запрещенія".

---

* Вся исторія этого похода Магницкаго противъ философіи съ большими подробностями возстановлена въ трудѣ Е. И. Ѳеоктистова: «Магницкій» (Спб., 1865, стр. 153—201), къ которому мы и направляемъ интересующихся деталями этого дѣла.

** Графъ Иванъ Степановичъ Л а в а л ь († 1846 г.), членъ главнаго правленія училищъ, былъ эмигрантомъ, выѣхавшимъ изъ Франціи во время великой революціи.

Вопросъ о преподаваніи философіи затянулся въ главномъ правленіи училищъ на очень продолжительное время и даже пережилъ паденіе виновника его возбужденія—Магницкаго. Обсужденіе его послѣдовало лишь въ 1825 году и идеи казанскаго попечителя встрѣтили жестокій отпоръ со стороны большей части членовъ главнаго правленія училищъ, многіе изъ которыхъ (въ особенности же попечитель дерптскаго учебнаго округа князь К. А. Ливенъ, попечитель харьковскаго округа А. А. Перовскій и капитанъ-командоръ И. Ѳ. Крузенштернъ) отнеслись съ безпощадною суровостью къ доводамъ Магницкаго. Результатомъ обсужденія вопроса въ главномъ правленіи училищъ явилась передача его въ созданный передъ тѣмъ „комитетъ для устройства учебныхъ заведеній", гдѣ дальнѣйшему его обсужденію положенъ былъ конецъ,—это было уже послѣ паденія Магницкаго,—слѣдующимъ заявленіемъ члена комитета С. С. Уварова: „Дѣло о преподаваніи философіи, возникшее по запискѣ бывшаго попечителя казанскаго университета, д. с. с. Магницкаго, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не требуютъ нынѣ особеннаго разрѣшенія; духъ и цѣль этой записки, равно и средства, сочинителемъ употребленныя, нынѣ столь обнаружены, что не представляютъ болѣе никакой опасности, никакого вреда, ни для высшихъ учебныхъ заведеній, ни для лицъ, до коихъ могли коснуться заключенія сочинителя сказанной записки".

Если Магницкому и не удалось увидѣть осуществленія своей излюбленной мечты—полнаго упраздненія въ университетскомъ преподаваніи философіи, то онъ могъ находить себѣ удовлетвореніе, по крайней мѣрѣ, въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ находилось преподаваніе этого предмета въ университетѣ казанскомъ, гдѣ чтеніе философіи было всецѣло построено на „обличительныхъ" началахъ, и который въ 1825 году далъ попечителю возможность восторженно привѣтствовать постановку здѣсь этой отрасли знанія:

> „Въ то самое время,—восклицалъ попечитель на торжественномъ актѣ 15-го сентября 1825 года, обращаясь къ представителямъ университета,—какъ лжеимянная философія, отравляя всѣ науки и даже словесность и самыя искусства тлетворнымъ своимъ ядомъ, бѣснуетъ умы на Бога и царей, въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники, путеводимые благочестивымъ Несторомъ вашего сословія*, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія есте-

* Т. е. ректоромъ Фуксомъ.

ственнаго права и, съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ бреднямъ, изощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ.

Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ германцевъ, кои возникли съ своевольствомъ Лютеровой реформы и такъ ложно называются нынѣ философіею,—мечтаній, въ углу сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и именъ на другомъ краю Европы не знаютъ,—вмѣсто сихъ мечтаній принята у васъ та здравая, истинная, беззатѣйная философія, которая прямитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы наши, вѣрные Богу и царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего отечества, свѣтилы нашей церкви"....[234].

Естественное право явилось второю отраслью университетскаго преподаванія, на которую были направлены ожесточенныя преслѣдованія Магницкаго. Не взирая на положенія инструкціи ректора и на стѣсненіе самыхъ предѣловъ этой дисциплины, явившееся послѣдствіемъ соединенія въ одну трехъ опредѣленныхъ уставомъ 1804 года кафедръ правовѣдѣнія, попечитель считалъ существенно необходимыми еще и дальнѣйшія мѣропріятія, направленныя къ борьбѣ съ тлетворнымъ вліяніемъ этой „опаснѣйшей" науки.

Первое начинаніе въ этомъ направленіи предпринято было Магницкимъ уже въ концѣ 1819 года, предложеніемъ директору университета поручить кому либо изъ профессоровъ „представить мнѣніе о заимствованіи естественнаго права не изъ разума, а изъ библіи". Добровольцемъ выступилъ на этомъ поприщѣ опять таки профессоръ Городчаниновъ, весною 1820 года представившій въ совѣтъ свое „Мнѣніе христіанина о естественномъ правѣ", которое и было препровождено на заключеніе нравственно-политическаго отдѣленія. Рукопись Городчанинова 21-го іюля возвращена была въ совѣтъ съ отзывами о ней профессоровъ Солнцева, Перевощикова и Пальмина (послѣднихъ двухъ—совмѣстными) и въ этомъ видѣ тогда же препровождена къ попечителю. Совмѣстный отзывъ Перевощикова и Пальмина оказался восторженнымъ по отношенію къ творенію Городчанинова:

„Мы читали,—говорится здѣсь,—сочиненіе г. профессора и декана Городчанинова.—Многіе изъ ученыхъ мужей Англіи и Германіи принимали въ основаніе своихъ сочиненій о правѣ естественномъ и десять заповѣдей, данныхъ Моисею, и Новый Завѣтъ. Мы сами твердо увѣрены, что священное писаніе и главныя онаго заповѣди, на нихъ

же весь законъ и пророки висятъ: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ умомъ твоимъ, и всею крѣпостью твоею, сія есть первая заповѣдь", а вторая, подобная ей: „Возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе"—должны быть краеугольнымъ камнемъ права естественнаго. Посему и мыслимъ, что благочестіе г. Городчанинова, ясно усматриваемое въ его сочиненіи, благая цѣль онаго и самое изложеніе—достойны всякаго уваженія и одобренія".

Болѣе сдержаннымъ и даже не лишеннымъ иронической подкладки явился отзывъ уже серьезнаго юриста, профессора Солнцева, заключавшійся въ слѣдующемъ:

„Г. ординарнаго профессора Городчанинова рукопись я читалъ,—писалъ Солнцевъ.—Хотя мысли, изложенныя въ семъ мнѣніи о естественномъ правѣ, и не составляютъ системы сей науки,—слѣдовательно, сіе сочиненіе и не можетъ быть руководствомъ въ преподаваніи,—однако жъ трудъ г. сочинителя заслуживаетъ вниманія: а) по благонамѣренной цѣли, каковую онъ имѣлъ при сочиненіи, б) по замѣчаніямъ на мнѣніе Пуффендорфа о бытіи Божіемъ, в) по извлеченію статей изъ законодательства іудейскаго народа и приспособленію текстовъ изъ другихъ мѣстъ священнаго писанія къ излагаемымъ мыслямъ. Но всего болѣе обращаюсь я къ началу понудительныхъ нашихъ обязанностей, заключающемуся въ словахъ Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа: „Вся, елика хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде; тою бы мѣрою, ею же мѣрите, возмѣрится и вамъ". На семъ началѣ можно основать и систематически изложить истины какъ частнаго, такъ публичнаго и народнаго естественнаго права *.

Желательно бы было,—не безъ эхидства замѣчаетъ проф. Солнцевъ,—что бы г. сочинитель принялъ на себя трудъ, руководствуясь симъ началомъ, изложить науку естественнаго права въ строгомъ, систематическомъ и классическомъ порядкѣ, съ показаніемъ классическихъ опредѣленій, раздѣленій и поясненій, до сей науки касающихся, и съ приложеніемъ къ каждой статьѣ философическаго законоученія доказательствъ, заимствованныхъ изъ священнаго писанія... Въ заключеніе желательно бы было, что бы г. почтенный сочинитель изложилъ и литературу естественнаго права, съ показаніемъ лучшихъ писателей объ ономъ и съ критическимъ разборомъ болѣе достопри-

---

* Въ данномъ случаѣ Солнцевъ,—что Магницкій едва ли могъ заподозрить,—лишь перефразировалъ, текстомъ изъ священнаго писанія, извѣстный афоризмъ классическаго римскаго права: «Juris praecepta sunt: honeste vivere, neminem laedere, suum cuique tribuere», который всегда и фигурировалъ въ числѣ основъ естественнаго права. Дѣйствительное мнѣніе Солнцева о «мнѣніи христіанина и пр.» проф. Городчанинова—намъ уже извѣстно: онъ признавалъ это мнѣніе—«мнѣніемъ сумасшедшаго» (см. выше стр. 378).

мѣчательныхъ положеній какъ древними, такъ и новѣйшими писателями въ естественное право введенныхъ,—и тогда трудъ сочинителя, безъ сомнѣнія, бо́льшую еще будетъ имѣть цѣнность.

Впрочемъ,—оговаривается Солнцевъ,—сіе мнѣніе мое изложилъ я не какъ цензоръ. Если же г. почтенный сочинитель пожелаетъ обработанный трудъ сей предать тисненію, то имѣетъ онъ обратиться въ духовный цензурный комитетъ, поелику рукопись его содержитъ въ себѣ предметъ, подлежащій духовной цензурѣ".

Магницкій не понялъ „аттической соли", заключавшейся въ отзывѣ проф. Солнцева, и отвѣтилъ на представленіе совѣта слѣдующимъ любопытнымъ предложеніемъ отъ 27-го августа 1820 года, въ которомъ наивно предвѣщалъ казанскому профессору краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго завидную миссію реформатора всей системы правовѣдѣнія:

„Сочиненіе ординарнаго профессора Городчанинова я получилъ съ величайшимъ удовольствіемъ",—писалъ Магницкій.

„Наука естественнаго права, непрестанно переставляемая на разныя основанія мудрованія человѣческаго, не только не приносила доселѣ пользы, но была нечистымъ источникомъ, изъ коего невѣріе и развратъ мысли почерпали и права революціоннаго во Франціи человѣка, и всѣ тѣ разрушительныя для общества мечты, кои зажигали мятежи и убійства.

Нѣтъ никакого сумнѣнія (sic), что ученіе библейское можетъ и должно быть единымъ прочнымъ основаніемъ сей науки, ибо законъ естественный данъ въ началѣ человѣку отъ Бога, а симъ закономъ установлено и право естественное. Какой можетъ быть законъ и какое право—не отъ Бога и внѣ Его?

Я представилъ господину министру мнѣніе профессора Городчанинова и ежели послужитъ оное къ перемѣнѣ основаній науки естественнаго права—то честь сего важнаго переворота принадлежать неоспоримо будетъ казанскому университету и составитъ важнѣйшую эпоху не токмо въ лѣтописяхъ его, но и во всемъ ученомъ свѣтѣ....

Въ разсужденіе заключенія г. ректора (т. е. Солнцева) о напечатаніи мнѣнія профессора Городчанинова, то я почитаю нужнымъ возразить на предположеніе о необходимости подвергать духовной цензурѣ и не могу согласиться на мысль, что бы всѣ тѣ сочиненія, въ коихъ помѣщены тексты книгъ священныхъ, не принадлежали вѣдомству учебному, а составляли какъ бы собственность другого вѣдомства. Библія—есть духовное сокровище, небеснымъ Отцомъ всѣмъ намъ равно завѣщанное, единый и общій для всѣхъ источникъ свѣта и жизни. Да и кто можетъ, раздавая сію святую книгу магометанамъ и идолопоклонникамъ, оспаривать ея принадлежность христіанскому университету?!" [335].

Городчаниновъ поспѣлъ въ моментъ самый благопріятный съ представленіемъ по начальству своего „Мнѣнія христіанина о естественномъ правѣ": какъ разъ въ то время въ главномъ правленіи училищъ разгорался инцидентъ, извѣстный въ исторіи русскаго просвѣщенія подъ наименованіемъ дѣло объ „Естественномъ правѣ" профессора Куницына и явившійся исходнымъ пунктомъ отправленія для всѣхъ послѣдующихъ гоненій на эту науку. Дѣло не представляется сложнымъ. Профессоръ А. П. Куницынъ, преподававшій правовѣдѣніе въ царскосельскомъ лицеѣ, пожелалъ поднести императору Александру свой трудъ: „Право естественное" и обратился за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ къ директору лицея генералу Энгельгардту, который, прежде нежели удовлетворить желаніе автора, счелъ цѣлесообразнымъ узнать мнѣніе объ этой книгѣ главнаго правленія училищъ,—осторожность, явившаяся для Куницына роковою. Первоначально книга встрѣтила здѣсь благопріятное къ себѣ отношеніе и членъ правленія Фуссъ, дававшій заключеніе о книгѣ, призналъ ее достойною чести быть поднесенною государю, какъ первый опытъ такого сочиненія на русскомъ языкѣ, написанный въ строго научной системѣ и сообразно съ лучшими германскими трактатами по данному предмету. Между тѣмъ, въ одномъ изъ ближайшихъ за тѣмъ засѣданій правленія, и. д. попечителя петербургскаго учебнаго округа Руничъ, несомнѣнно инспирированный Магницкимъ, вошелъ съ обширнымъ докладомъ, въ которомъ уже въ совершенно иномъ свѣтѣ выставлялъ сочиненіе Куницына. Исходя изъ точки зрѣнія, что всякое знаніе должно имѣть свой источникъ въ священномъ писаніи и что „всякое ученіе, всякая система, всякая наука, не могущая выдержать пробы на семъ оселкѣ—необходимо слѣдуетъ быть отвергнута, какъ опасная, вредная и совершенно противоположная благотворнымъ видамъ христіанскаго правительства", Руничъ представилъ самый безпощадный разборъ книги Куницына. По его мнѣнію, книга эта—„есть ничто иное, какъ сборъ пагубныхъ лжеумствованій, которыя Руссо ввелъ въ моду и кои волнуютъ горячія головы поборниковъ правъ человѣка и гражданина", „ничто иное, какъ пространный кодексъ правъ и опредѣленій, совершенно противоположныхъ ученію священнаго откровенія", сочиненіе, исполненное „мѣстъ столько же отвратительныхъ, какъ и ядовитыхъ". Суровый критикъ выражаетъ недоумѣніе, что такое опасное ученіе допускается „въ одномъ изъ первѣйшихъ заведеній нашихъ, отъ котораго должны мы ожидать командующихъ арміями и министровъ", что оно допускается въ университетахъ, что оно вводится въ преподаваніе, вообще и т. п., и приходитъ къ заклю-

ченію, что эта зловредная книга не только не достойна предназначаемой ей чести, но что она „подлежитъ запрещенію и долженствуетъ быть изъята изъ употребленія, какъ и всѣ, въ духѣ ея составленныя". Докладъ Рунича заканчивается слѣдующимъ воинствующимъ кликомъ: „Злой духъ тьмы носится надъ вселенной, силясь мрачными крылами своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка въ мірѣ.... Счастливымъ почту себя, если вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова!"....

Докладъ Рунича произвелъ переворотъ во взглядахъ членовъ главнаго правленія училищъ, устрашившихся перспективы очутиться въ рядахъ „противниковъ Христовыхъ" и въ сонмѣ аггеловъ „злаго духа тьмы". Книга Куницына была провозглашена—запрещенною, съ постановленіемъ относительно повсемѣстнаго изъятія ее изъ продажи, употребленія и даже изъ обладанія частными лицами.

„Перо изъ чернаго крыла" духа тьмы было, такимъ образомъ, побѣдоносно вырвано. Въ главномъ правленіи училищъ сталъ на очередь вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ науки естественнаго права въ Россіи. Въ засѣданіи главнаго правленія училищъ 10-го февраля 1821 года, въ которомъ обсуждался этотъ вопросъ, почти всѣ члены правленія сошлись на мысли ограничить дѣло введеніемъ этой страшной науки въ опредѣленные предѣлы, въ видахъ чего и составить нормальное руководство къ ней—„обязательное для всѣхъ и основанное на уваженіи къ религіи и существующему порядку". И въ данномъ случаѣ въ оппозиціи оказались Магницкій и Руничъ, настаивавшіе на безусловномъ воспрещеніи преподаванія естественнаго права, „не отлагая далѣе, нынѣ же, во всемъ государствѣ",—требованіе, не встрѣтившее поддержки въ остальныхъ членахъ правленія. Казанскій попечитель подалъ по этому поводу отдѣльное мнѣніе, въ которомъ высказывалъ, между прочими, слѣдующія мысли:

„Оставаясь при моемъ мнѣніи противъ общаго заключенія главнаго правленія училищъ, въ разсужденіи необходимости пріостановленія во всѣхъ нашихъ университетахъ преподаванія естественнаго права—я почитаю себя обязаннымъ объявить причины, къ сему упорству меня принуждающія:

Наука естественнаго права, безъ которой обходился древній Римъ и, не менѣе того, оставившій намъ образцы совершеннѣйшаго гражданскаго законоположенія; безъ которой обходилась Франція въ теченіи 800 лѣтъ; безъ которой обходятся и нынѣ всѣ университеты Англіи и Италіи, которыя, однакожъ, славятся отличнѣйшими юри-

стами—наука естественнаго права, сія метафизика правъ, есть изобрѣтеніе невѣрія новѣйшихъ временъ сѣверной Германіи.

Она всегда была опасна, но когда Кантъ посадилъ въ преторы такъ называемый чистый разумъ, который вопросилъ истину Божію: что есть истина?—тогда наука права естественнаго сдѣлалась умозрительною и полною системою всего того, что мы видѣли въ революціи французской, опаснѣйшимъ подмѣномъ евангельскаго откровенія, исторгаетъ изъ руки Божіей начальное звено златой цѣпи законодательства и бросаетъ его въ хаосъ своихъ лжемудрствованій и, наконецъ, опровергнувъ алтарь Христовъ, наноситъ святотатственные удары престоламъ царей, властямъ и таинству супружескаго союза, подпиливаетъ въ основаніи сіи три столба, на коихъ лежитъ сводъ общественнаго зданія.....

Я осмѣливаюсь вопросить: Можетъ ли быть сія наука безвредною? Можно ли опасатся пріостановить повсемѣстное ея преподаваніе?....

Признаюсь, что я трепещу предъ всякимъ систематическимъ невѣріемъ философіи, сколько по непобѣдимому внутреннему къ нему отвращенію, столько и особенно потому, что въ исторіи ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась вѣра, потомъ взволновались мнѣнія—и отъ сего непремѣннаго и какъ бы литературнаго подкопа алтарь Христовъ и тысящелѣтній тронъ древнихъ государей взорваны! Кровавая шапка свободы оскверпяетъ главу помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее на плаху!

Вотъ ходъ того, что называли, тогда, только—философіею и литературою, и что называется нынѣ уже—либерализмомъ“ [236].

Потерпѣвъ неудачу въ вопросѣ о воспрещеніи преподаванія естественнаго права, Магницкій предпринялъ непримиримую борьбу противъ этой науки и употреблялъ всѣ мѣры къ тому, что бы свести преподаваніе ея до минимума, обставивъ, притомъ, самое преподаваніе усиленными гарантіями благонамѣренности. Давъ знать казанскому университету объ остракизмѣ, постигшемъ „Естественное право“ Куницына, попечитель предписалъ директору университета „принять немедленно дѣятельнѣйшія мѣры къ прекращенію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа преподаванія естественнаго права по началамъ толь разрушительнымъ, каковы оказались въ книгѣ профессора Куницына“, и доставить ему „по одному экземпляру тѣхъ книгъ и руководствъ, печатныхъ и письменныхъ, по коимъ производится преподаваніе сей науки“. Были по этому поводу произведены спѣшныя сношенія съ училищными дирекціями и полученные отъ нихъ отвѣты принесли, конечно, успокоительныя свѣдѣнія о томъ, что не только на разрушительныхъ, но и ни на какихъ другихъ началахъ въ училищахъ округа естественное право—не преподается. Въ самомъ

университетѣ преподаванiе этой науки предписано было вести въ исключительно обличительномъ направленiи, что позже съ большимъ успѣхомъ и выполнялось авторомъ „Мнѣнія христіанина о естественномъ правѣ"— профессоромъ Городчаниновымъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ на представленный ему проектъ обозрѣнія преподаваній на 1824—1825 годъ, Магницкій, въ статьѣ о правѣ естественномъ, приказалъ добавить слова: „въ смыслѣ обличительномъ", мотивируя это тѣмъ, что „иное преподаванiе сей вредной науки въ казанскомъ университетѣ не дозволяется". Но самымъ характернымъ и самымъ крупнымъ проявленіемъ борьбы Магницкаго противъ естественнаго права явился, безъ сомнѣнія, сенсаціонный эпизодъ университетскаго суда надъ профессоромъ Солнцевымъ, подробное повѣствованiе о которомъ скоро окажется у насъ на очереди [237].

Неустанныя заботы Магницкаго относительно водворенія въ казанскомъ университетѣ духа абсолютной благонамѣренности,—понимаемаго имъ, какъ мы видѣли, совершенно своеобразно,—не могли не направить его вниманія на литературныя пособія и на этой почвѣ возникаетъ рядъ гоненій его на печатныя руководства по различнымъ отраслямъ знанія, причемъ и здѣсь подозрѣнія попечителя съ особенною силою пали на пособія по части умозрительныхъ наукъ. Несомнѣнно, что проявленная имъ въ этомъ отношеніи энергія нашла себѣ ободряющую поддержку въ печальной участи, постигшей въ главномъ правленіи училищъ курсъ естественнаго права проф. Куницына.

Такъ, уже въ 1820 году Магницкій призналъ зловреднымъ „Начальный курсъ философіи" Снелля, изданный въ Казани за шесть лѣтъ до того (въ 1813—1814 г.г.), въ русскомъ переводѣ, такими благонамѣренными преподавателями, какими являлись Кондыревъ и Лубкинъ и по которому Лубкинъ и Срезневскій вели свои преподаванія. Судьбу этой книги раздѣлило и еще незаконченное въ то время посмертное изданіе „Метафизики" проф. Лубкина: оба изданія были сданы, въ запечатанномъ видѣ и за личною печатью попечителя, на храненіе въ университетскій архивъ, гдѣ они и нашли себѣ вѣчное упокоеніе *. Особенное негодованiе попечителя вызвалъ конфискованный переводъ Снелля, экземпляры котораго велѣно было изъять и препроводить въ Казань изъ библіотекъ всѣхъ училищъ округа. Это распоряженiе касалось, впрочемъ, одного только казанскаго округа, какъ это видно изъ объясненій Магницкаго, представленныхъ въ 1826 году по поводу ревизіи Желтухина,

---

* Подробности относительно судьбы обоихъ изданій см. томъ I, стр. 290—291.

въ которыхъ, доказывая „возмущающее всѣ чувства зрѣлище прежняго развратнаго“ состоянія казанскаго университета и ссылаясь, при этомъ, на допущеніе, въ качествѣ руководствъ, „Начальнаго курса философіи“ Снелля и „Естественнаго права“ казанскаго профессора Финке*, онъ замѣчаетъ: „Къ сожалѣнію присовокупить должно то, что философія Снелля у насъ еще не запрещена, а можетъ быть и въ руководство преподаваній гдѣ нибудь употребляется“. Въ подтвержденіе зловредности этой книги, Магницкій приводитъ рядъ выписокъ изъ нея, снабжая эти послѣднія своими собственными комментаріями. Этотъ матеріалъ, хранящійся въ архивѣ министерства народн. просвѣщенія, представляется на столько характернымъ, что мы считаемъ интереснымъ познакомить съ нимъ (конечно въ извлеченіяхъ) нашихъ читаталей:

Выписки изъ Снелля.	Комментаріи Магницкаго.
«Вышеестественнымъ (supernaturale) называется такое происшествіе, которое по своему свойству превышаетъ силы обыкновенно дѣйствующихъ въ природѣ причинъ и которое, потому, предполагаетъ присутствіе причинъ, собственно существующихъ внѣ того круга вещей, въ которомъ таковое происшествіе бываетъ».	Опроверженіе всѣхъ чудесъ!
«Поступай по такимъ началамъ, кои ты самъ, если бы былъ всеобщій законодатель, установилъ бы законами для царства разумныхъ существъ».	То есть—всякій составляетъ себѣ вѣру, какую почтетъ лучшею.
«Мы должны повиноваться Богу: воля Его есть наилучшая. Но въ самомъ человѣческомъ разумѣ должны находиться нравственныя начала, по коимъ можно судить, въ чемъ состоитъ Божеская воля и что, само по себѣ, не можетъ быть Его волею. Богъ, какъ нравственно-совершенное Существо, не будетъ ничего инаго хотѣть, какъ что хочетъ и нравственный разумъ каждаго человѣка. Мы почитаемъ не потому что нибудь за хорошее, что Богъ такъ хощетъ, но вѣримъ, что Богъ потому хощетъ, что сіе—хорошо».	Подчиненіе и Бога законамъ человѣческаго разума!
«Самоубійцы отъ горести—дѣйствуютъ невольно и дѣло ихъ не можетъ быть имъ приписано».	Извиненіе самоубійства, послѣ котораго убійство еще легче извинить.
«Къ благамъ счастія, кои мы должны снискивать и сохранять, принадлежатъ: внѣшняя свобода, безпрепятственная власть поступать по собственному усмотрѣнію и разсужденію»....	То есть—революція принадлежитъ къ благамъ счастія!
«Правительство, состоитъ ли оно изъ одного или многихъ лицъ, должно защищать подданныхъ....	Правильное понятіе о правительствѣ для русскаго студента!

** Объ этой книгѣ см. тамъ же, стр. 249.

хранить права ихъ и цѣль и споспѣшествовать сему. Правительство не должно ихъ, какъ граждан міра и его, собственно, употреблять средствами къ содѣйствію частной своей цѣли».	
«Бракъ есть на нравственности и правѣ основанный договоръ между двумя особами разнаго пола»....	Церковь православная учитъ, что бракъ есть таинство, а не договоръ.
«Господа и слуги не только должны сдѣланный договоръ точно исполнять, но еще стараться кротостью и любовью отношеніе ихъ содѣлать сколь возможно пріятнымъ».	Весьма опасно было бы, ежели бъ у насъ сіи понятія о договорѣ между господами и крѣпостными людьми распространились.
«Богопочитаніе есть высочайшее уваженіе и удивленіе Богу, ибо мы должны, вообще, разумъ и всякое разумное существо уважать. Почему Богъ, какъ высочайшее Существо, долженъ быть почтенъ нами предъ всѣми другими разумными существами».	Почитать Бога потому только должно, что Онъ насъ—умнѣе!
«Все соединенное общество можетъ издать для себя самого законы. Оные составляютъ уложеніе (конституцію) общества. Но законами сими не должны они вредить никакимъ правамъ другихъ людей или обществъ».	Законодательство принадлежитъ народу.
«Общество, съ согласія членовъ, бывшее дотолѣ свое постановленіе можетъ перемѣнить и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, уничтожить».	Революція!...
«Оно вправѣ одному или нѣсколькимъ изъ общества препоручить дѣятельность, что бы онъ одинъ изыскивалъ и исполнялъ средства для содѣйствія цѣли общества. Сей есть—договоръ подданства».	Продолженіе!
«Главная цѣль людей есть поступать по общепринятымъ законамъ нравственности».	Что умъ—то и законъ.
«Святость Божія есть высочайшее и совершенное соглашеніе воли Его съ началами нравственнаго разума».	Разумъ выше Бога!
«Уже въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ, пробужденіемъ изящныхъ искусствъ въ Италіи, бѣгствомъ отъ турковъ послѣдняго остатка греческой учености, изобрѣтеніемъ книгопечатанія, открытіемъ Америки и реформаціею въ церкви—возымѣла начало новая самодѣятельность разума, даже до нашихъ дней распространившаяся» [238].	Сія самодѣятельность называется — иллюминатствомъ, якобинствомъ, карбонарствомъ и пр. и пр.

По отношенію къ „Естественному праву“ Финке Магницкій не прибѣгнулъ къ такимъ радикальнымъ мѣрамъ репрессалій, какія были приняты имъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа,

примѣнительно къ Снеллю *, хотя въ только что цитированномъ нами „объясненіи“ сильно достается отъ него и этой книгѣ казанскаго профессора правовѣдѣнія. Приведемъ такія же точно комментаріи, сдѣланныя попечителемъ къ „Естественному праву“ проф. Финке:

Выписки изъ Финке:	Комментаріи Магницкаго.
«Всякое общество основывается на договорѣ соединенія (pactum unionis), ибо оно происходитъ отъ соединенія воли многихъ къ достиженію общей цѣли; но ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права ограничивать поступки другихъ, въ разсужденіи чего либо, противъ ихъ воли, исключая тѣ случаи, когда будутъ нарушены права его».	Совершенно революціонныя начала!
«Церковь есть общество, соединившееся для общественнаго богослуженія».	То есть—республика.
«Но церковь, по свойству своему, есть равное общество: въ ней никто не имѣетъ преимуществъ передъ другими».	Продолженіе.
«Совокупность правъ, всему государству принадлежащихъ, называется—государственною властью, а тотъ, кому она, по договору подданства, препоручена—главою государства, государемъ».	Возмутительное мнѣніе о власти царской!
«Существующая уже конституція государства можетъ быть уничтожена только посредствомъ перемѣны, учиненной по свободному согласію правителя и гражданъ, слѣдовательно—взаимнымъ договоромъ, который можетъ быть заключенъ явственно или безмолвно».	Безмолвный договоръ о перемѣнѣ правленія есть—заговоръ.
«Гражданинъ имѣетъ всѣ права на свое тѣло и силы, ежели онъ ихъ не употребляетъ во зло и не причиняетъ симъ вреда согражданамъ или государству».	Оправданіе самоубійства.
«Война есть состояніе продолжительныхъ насильствъ» [239].	Это опредѣленіе — разбоя, а не войны.

* Такое исключительное отношеніе къ книгѣ Финке находитъ себѣ объясненіе, быть можетъ, въ томъ, что изданіе перевода сочиненія Финке, предпринятое учениками покойнаго профессора, было предназначено въ пользу ветерановъ отечественной войны. Это дало проф. Городчанинову поводъ сочинить слѣдующую эпитафію памяти Финке:

«Съ супругою, съ дѣтьми здѣсь гробомъ разлученъ,
«Съ супругой, съ сыномъ онъ тамъ гробомъ съединенъ.
«Прохожій! Не здѣсь его памятникъ....
«Гдѣ же?—вопросишь ты.
«Въ сердцахъ россійскихъ инвалидовъ и патріотовъ!
(«Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ». Каз. 1831, стр. 546).

Мы уже знаемъ, что, слѣдомъ за катастрофою, постигшею въ главномъ правленіи училищъ руководство естественнаго права проф. Куницына, книга эта была изъята Магницкимъ не только изъ употребленія, но даже и изъ храненія въ училищахъ казанскаго учебнаго округа. Въ 1823 году такая же судьба постигла и книгу профессора петербургскаго университета П. Д. Лодія: „Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различію истиннаго отъ ложнаго“, вопросъ о благонамѣренности которой также служилъ предметомъ сужденія центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія. 9-го октября 1823 года Магницкій далъ совѣту казанскаго университета предложеніе, въ силу котораго книгу Лодія, какъ „совершенно противную инструкціямъ, для казанскаго университета утвержденнымъ, по нечестію началъ и разрушительности ихъ“, предписывалось запретить къ руководству въ преподаваніи по округу, вытребовавъ изъ училищъ самые экземпляры ея, гдѣ таковые оказались бы.

Бдительности попечителя не избѣгали и литературныя пособія, относившіяся къ наукамъ чисто опытнымъ. Въ началѣ января 1823 года, узнавъ, что профессоръ Тимьянскій пріобрѣлъ, въ качествѣ руководства при чтеніи зоологіи, „Сравнительную анатомію“ Кювье, Магницкій предписалъ подвергнуть эту книгу разсмотрѣнію врачебнаго отдѣленія и успокоился лишь послѣ того, какъ профессоры Фуксъ и Ероховъ, цензуровавшіе произведеніе великаго натуралиста, дали отзывъ, что разсмотрѣнное ими руководство—„не содержитъ въ себѣ ничего противнаго“.

Болѣе интереснымъ представляется инцидентъ съ „Физіологіею“ Прохаска, въ русскомъ переводѣ академика Велланскаго и въ изданіи императорской медико-хирургической академіи *, десять экземпляровъ которой выписаны были для университета, согласно предложенію ректора Фукса, въ качествѣ пособія при преподаваніи физіологіи. Ни авторитетъ академіи, ни довѣріе къ Фуксу—не спасли эту книгу отъ попечительскаго veto. Предложеніемъ отъ 10-го апрѣля 1825 года, Магницкій далъ правленію университета слѣдующее предписаніе:

„Физіологія Прохаски, переведенная на россійскій языкъ академикомъ Велланскимъ, не можетъ быть выписана для студентовъ, потому что она, состоя въ одномъ приложеніи нечестивой философіи Шеллинга къ физіологіи, отвергаетъ самыя святыя истины не только религіи, но

* Прохаска: «Физіологія или наука о естествѣ человѣческомъ». Переведено съ послѣдняго нѣмецкаго изданія 1820 года Д. Велланскимъ. СПБ., 1822.

и языческаго понятія о безсмертіи души, что можно ясно видѣть на страницахъ 15, 47, 74, 182 и, особенно, 200, ежели бы тѣ, кои выписку сей книги одобрили, прежде одобренія прочли ее. Почему и предлагаю я отобрать ее изъ библіотеки студентовъ, а преподавателю употребленіе оной—запретить, ибо физіологія сія, въ бо́льшей половинѣ Европѣ неизвѣстная, легко можетъ быть замѣнена другою, менѣе вредною. Вмѣстѣ съ симъ представилъ я г. министру народнаго просвѣщенія о повсемѣстномъ ея запрещеніи, но съ прискорбіемъ долженъ былъ сказать, что казанскій университетъ представилъ мнѣ о покупкѣ оной".

Изъятые изъ употребленія, экземпляры этой книги пролежали подъ спудомъ до конца 1832 года, когда, вслѣдствіе ходатайства о томъ университета, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ снова водворить ихъ въ библіотекѣ, причемъ князь К. А. Ливенъ далъ слѣдующее заключеніе относительно Физіологіи Прохаска: „Прочитавъ тѣ мѣста, по которымъ бывшій г. попечитель запретилъ сію книгу, я не вижу причины, по коей она не могла бы оставаться въ студентской библіотекѣ, и съ своей стороны нахожу, что сочиненіе сіе, въ рукахъ хорошаго преподавателя, не можетъ быть вреднымъ" [240].

Заботы Магницкаго относительно добраго духа принимаемыхъ къ руководству въ преподаваніи пособій представляютъ и другую сторону: это—мѣропріятія, направленныя къ составленію вновь руководствъ, которыя могли бы вполнѣ отвѣчать предъявляемымъ имъ требованіямъ.

Весною 1821 года, согласно предложенію попечителя отъ 15-го апрѣля, по всѣмъ училищнымъ дирекціямъ объявленъ былъ конкурсъ на составленіе руководства къ всеобщей исторіи, съ обѣщаніемъ „приличнаго вознагражденія" за лучшее изъ представленныхъ сочиненій. На разосланный въ этомъ смыслѣ университетскимъ совѣтомъ циркуляръ, почти всѣ директоры училищъ отвѣтили, что въ предѣлахъ ввѣренныхъ имъ дирекцій желающихъ принять на себя этотъ трудъ—не оказалось; изъ учителей одни отговаривались недостаткомъ времени, другіе—отсутствіемъ необходимыхъ пособій, третьи—отказывались безъ всякаго объясненія причинъ. Въ числѣ желающихъ попытать свое счастье оказались трое: учитель нѣмецкаго языка нижегородской гимназіи М. Духовской, старшій учитель исторіи пермской гимназіи В. Познобишинъ и штатный смотритель ставропольскаго (кавказскаго) уѣзднаго училища Тирановъ. Изъ этихъ конкуррентовъ заявленіе Тиранова осталось безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Познобишинъ уже лѣтомъ того же года поинте-

ресовался узнать—„какому автору болѣе слѣдовать“ ему въ работѣ и „какимъ порядкомъ писать оное руководство: народоповѣствовательнымъ или современнымъ“, на что совѣтомъ университета было ему разъяснено, что бы онъ „при сочиненіи руководства во всеобщей исторіи преимущественно имѣлъ въ виду высочайше утвержденную инструкцію ректору университета“; Ознобишинъ отказался отъ составленія руководства, сославшись на отсутствіе подъ руками пособій. Ревностнѣе всѣхъ оказался Духовской, не замедлившій представить составленный имъ учебникъ всеобщей исторіи; разсматривавшіе этотъ трудъ адъюнкты Булыгинъ и Баженовъ дали въ мартѣ 1822 года отзывъ, въ которомъ, воздавъ похвалу усердію автора, указали рядъ недостатковъ его сочиненія, отмѣтивъ въ числѣ ихъ и тѣ, что „вѣра Христа Спасителя не составляетъ для сочинителя главнаго предмета, каковымъ оная быть должна“, и что авторъ „безъ оговорокъ похваляетъ слишкомъ много XVIII-ый философскій вѣкъ“. Трудъ этотъ былъ забракованъ.

Полная неудача учительскаго конкурса навела Магницкаго на другой путь къ составленію благонамѣреннаго пособія къ всеобщей исторіи: препроводивъ въ университетъ послѣднее изданіе многотомнаго труда Роллена (за которое съ университета взыскано было 225 рублей ассигн.), онъ предложилъ (10-го октября 1822 г.) профессорамъ „составить между собою комитетъ, который легко могъ бы переложить его на россійскій языкъ, съ тѣмъ, что бы переводъ сей былъ напечатанъ въ пользу ихъ на казенный счетъ“. Переводчики твореній Роллена выискались въ лицѣ профессоровъ Городчанинова, Кондырева, Баженова, Булыгина и Суровцова,—съ тѣмъ, однако, условіемъ, „поскольку позволитъ время и занятія по должности“. Магницкій остался очень доволенъ такимъ оборотомъ дѣла и вошелъ по этому поводу къ министру съ представленіемъ, въ которомъ ставилъ ему на видъ, что „всѣ доселѣ изданные курсы, если не имѣютъ открыто вреднаго направленія, то далеки и отъ хорошаго, Ролленова же исторія вся основана на библіи“. Извѣщая совѣтъ университета о воспослѣдовавшемъ со стороны министра согласіи на это начинаніе, попечитель приглашалъ членовъ комитета „приступить съ Божіею помощью немедленно къ сему полезному труду, который, ежели въ порядкѣ будетъ оконченъ, отличную принесетъ честь университету“. Мы не знаемъ, было ли приступлено къ этому колоссальному труду, но намъ извѣстно, что никакого ни перевода, ни переработки трудовъ Роллена изъ подъ пера членовъ казанскаго университета не выходило.

Существуютъ, наконецъ, указанія, что, помимо предполагаемаго уча-

стія своего въ переводѣ Роллена, проф. Баженовъ самостоятельно трудился надъ составленіемъ учебника всеобщей исторіи: „По духу и жизни примѣрный наставникъ, профессоръ Баженовъ,—читаемъ въ отчетѣ Магницкаго за 1822-й годъ,—совершенно вникнувъ въ цѣль преподаванія всеобщей исторіи, трудится по проекту, мною одобренному, надъ сочиненіемъ такого курса оной, какого мы еще не имѣемъ, ибо, выводя всю достовѣрность разсѣянія народовъ и исторій первыхъ монархій единственно изъ книгъ священныхъ, во всѣхъ переворотахъ царствъ земныхъ указываетъ онъ высшее вожденіе человѣчества къ единой цѣли его спасенія".

Имѣется также извѣстіе о составленіи учителемъ пермской гимназіи Парначевымъ, согласно порученію совѣта университета, краткаго учебника логики, который въ началѣ 1822-го года и былъ въ рукописи представленъ имъ университету,—но дальнѣйшихъ свѣдѣній относительно этого начинанія намъ найти не удалось [241].

Весьма любопытнымъ представляется вопросъ о составленіи учебника начальныхъ основаній римскаго права, возбужденный въ началѣ 1821 года. И на этотъ разъ прибѣгли къ конкурсу, объявленному по всѣмъ училищнымъ дирекціямъ округа, опять таки съ обѣщаніемъ „приличнаго вознагражденія" за лучшее изъ представленныхъ сочиненій. Составить требуемый учебникъ храбро вызвался было старшій учитель пермской гимназіи Парначевъ,—тотъ же самый, который взялся и за составленіе логики,—но университетъ отвергъ его услуги, давъ ему совѣтъ „обратить свое усердіе къ просвѣщенію на тщательнѣйшее образованіе учениковъ его и, особенно, на сочиненіе краткой учебной логики". Весною 1826 года сдѣланъ былъ вторичный вызовъ желающихъ взяться за ту же работу, съ подтвержденіемъ, что „таковой трудъ не останется безъ должнаго вознагражденія", но и на этотъ разъ охотниковъ не оказалось; въ началѣ 30-хъ годовъ взялись было за это дѣло, по вызову факультета, адъюнктъ Фогель и преподаватель Лукашевскій, но изъ этого начинанія не вышло ничего. Дѣло о составленіи учебника римскаго права затянулось, съ разными перипетіями, до половины сороковыхъ годовъ, когда и получило благополучное разрѣшеніе изданіемъ адъюнктомъ Камбекомъ „Учебной книги римскаго права для руководства при чтеніи лекцій" (Каз., 1845) [242].

Помимо частныхъ мѣръ къ обезпеченію благонамѣренности преподаваній, общаго характера мѣрою въ томъ же направленіи являлось представленіе всѣми преподавателями конспектовъ своихъ

курсовъ. Магницкій придавалъ огромное значеніе этой мѣрѣ и настойчиво требовалъ неуклоннаго ея выполненія. Общее распоряженіе относительно составленія конспектовъ сдѣлано было попечителемъ 31-го января 1822 года и отлилось въ форму слѣдующаго предложенія университетскому совѣту, въ которомъ раскрывается и значеніе, придававшееся имъ этому мѣропріятію:

„Извѣстно,—пишетъ здѣсь Магницкій,—что по уставу и по инструкціи, ректору данной, каждый преподаватель обязанъ, до начала академическаго года, представить на разсмотрѣніе совѣта конспектъ его преподаванія.

Цѣль сего установленія есть та, что бы совѣтъ могъ удостовѣряться: 1) въ томъ, что преподаватель въ наукѣ своей не отстаетъ отъ ея усовершенія, 2) что онъ будетъ преподавать ее въ духѣ, согласномъ съ инструкціею, 3) что онъ дойдетъ до предѣла ея, для студента назначеннаго, и не перейдетъ за оный и 4) что онъ выбралъ въ свое руководство дѣйствительно лучшихъ классиковъ и принялъ для преподаванія лучшій методъ.

Сообразно съ сими цѣлями, нужно совѣту составить: а) форму, въ которой преподаватели должны вносить свои конспекты, и б) правила, кои бы ограждали благовременное и непремѣнное представленіе оныхъ".

Въ засѣданіи совѣта 15-го апрѣля 1822 года выработка формы для конспектовъ была возложена на профессоровъ Фукса и Городчанинова, которые 26-го іюня и внесли въ совѣтъ проектъ такой формы. Въ силу этого проекта, каждый конспектъ долженъ былъ включать въ себѣ: 1) Введеніе въ науку, съ указаніемъ ея а) происхожденія, б) цѣли и в) опредѣленія; 2) Раздѣленіе науки, съ указаніемъ а) происхожденія, б) цѣли, в) опредѣленія и г) литературы каждой ея составной части и 3) Методъ науки. Не касаясь дальнѣйшихъ подробностей этого чисто схоластическаго построенія будущихъ конспектовъ, приведемъ „примѣрныя изложенія по сей формѣ", даваемыя авторами проекта. Такъ, напримѣръ, въ проектѣ конспекта по анатоміи цѣль этой науки опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

„Находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образу и подобію своему. Поелику тѣло наше, по словамъ св. апостола Павла—храмъ души, то мы должны оное знать, дабы содержать чистымъ и неоскверненнымъ (Колос. III, 5). А какъ тѣло и душа соединены между собою тѣснѣйшимъ союзомъ, будучи впрочемъ одно другой совершенно противны, то преподава-

тель долженъ остерегаться, что бъ не впасть въ ужасный матеріализмъ, въ который нѣкоторые врачи впали.

Поелику мы, по паденіи праотцевъ нашихъ, подверглись многоразличнымъ болѣзнямъ (зри Сир. XXXVIII, 15), то Господь чрезъ науку анатоміи подалъ намъ средство не только къ облегченію, но и къ истребленію болѣзней. Слѣдовательно—безъ анатоміи нельзя знать терапію".

Цѣлью словесности указывается:

„Возвышать духъ нашъ отъ земли къ небу, отъ природы къ Творцу, умягчать сердце наше и дѣлать оное лучшимъ, живописуя красоту добродѣтели и гнусность порока".

Въ архивѣ казанскаго университета сохранился рядъ конспектовъ, представленныхъ преподавателями въ силу попечительскаго предписанія отъ 31-го января 1822 года и неукоснительно препровождавшихся Магницкому, который дѣлалъ къ нимъ разнаго рода примѣчанія и поправки. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ конспектовъ.

Профессоръ Булыгинъ указываетъ, напримѣръ, слѣдующія задачи, которыя будутъ преслѣдоваться имъ при преподаваніи русской исторіи:

„а) При каждомъ удобномъ случаѣ изъяснять, что всякое событіе есть слѣдствіе воли Провидѣнія.

б) Открывать особенное къ отечеству нашему Божіе благоволѣніе, къ чему поводомъ служить могутъ весьма многія обстоятельства.

в) Замѣчать, что Россія, подобно избранному народу, была наказываема за свои прегрѣшенія разнаго рода несчастіями, какъ то: жестокими болѣзнями, язвою, засухами, гладомъ, внутренними раздорами, войнами и нашествіемъ ужасныхъ иноплеменниковъ, но, по долготерпѣнію и благости Спасителя, не была погублена до конца.

г) Указывать на то, сколь благотворно дѣйствіе христіанскія вѣры на нравы и государственное благоустройство.

д) Изъяснить, что примѣрное благочестіе россійскаго народа, начиная съ князей и нисходя до простыхъ гражданъ, спасало Россію отъ гибели. Для сего тщательно замѣчаемы быть должны, во время всякаго княженія, благочестивыя дѣла, христіанскія чувствованія какъ самихъ правителей, такъ и гражданъ разныхъ сословій.

е) Замѣчать все, относящееся къ устроенію нашей греко-россійской церкви, какъ то: ревность о сохраненіи и успокоеніи оныя; распоряженія замѣчательныя по духовной части; основаніе св. обителей и знатнѣйшихъ храмовъ Божіихъ; появленіе св. мощей, съ изложеніемъ нѣкоторыхъ чудотвореній; приводить жизнеописанія тѣхъ св.

угодниковъ россійскихъ, которыхъ житіе болѣе изобилуетъ назидательными примѣрами“......

и т. д.

Въ конспектѣ российской географіи высказывается положеніе, что изложеніе этой науки „должно вести къ Тому, во власти коего вся сотворенная, къ Верховной Премудрости, ниспосылающей дары на разныя части земного шара“. Для достиженія этой цѣли предполагается:

„а) Изъ заселенія людьми почти всего земного шара, покоренія и одоленія ими хищныхъ и сильныхъ звѣрей, употребленія матеріаловъ изъ всѣхъ царствъ природы—доказать, что человѣкъ поставленъ обладателемъ всей земли.

б) Изъ разсмотрѣнія неровностей, встрѣчаемыхъ на земной поверхности, вывести заключеніе о премудрости Творческой въ устроеніи міра сего и о благости Его къ человѣку.

в) Раскрывать тоже самое при сужденіи о разнообразіи климатовъ, зависящихъ отъ разныхъ причинъ, при обозрѣніи пошвъ (sic) земныхъ и естественныхъ произведеній, кои приспособлены къ каждому климату и грунту земли.

г) Показать благость къ намъ Божію при описываніи цѣлебныхъ водъ, таковыхъ же произрастаній, минераловъ и пр.

д) Говоря о разнообразіи произведеній на земномъ шарѣ, открывать, что Господь Богъ приводитъ чрезъ то людей къ миролюбивой жизни и тѣмъ открываетъ средства къ распространенію по всей землѣ истинныя вѣры во Христа Спасителя.

е) Исчисляя нарѣчія языковъ, напомнить о истинной причинѣ различія оныхъ.

ж) Находя повсюду понятія о Верховномъ Существѣ, изъяснить, что сіе показываетъ остатокъ прежнихъ истинныхъ о Создателѣ понятій, которыя, съ увеличивающимся постепенно заблужденіемъ человѣка, искажались болѣе и болѣе, такъ что, наконецъ, превратились у нѣкоторыхъ народовъ въ безобразныя басни.

з) Говоря о религіи, указать, что одна есть религія истинная и что въ прочихъ видахъ ея чѣмъ менѣе отступленій отъ преданной намъ самимъ Спасителемъ, тѣмъ народъ счастливѣе.

і) Находя различные виды монархій у полудикихъ народовъ, вывести заключеніе, что сіе правленіе есть самое удобное и свойственное для людей всѣхъ степеней образованія, и изображать выгоды монархическаго обзора правленія“.

Конспектъ преподаванія словесности, представленный проф. Суровцовымъ, развитъ изъ слѣдующихъ основныхъ положеній, которыми онъ и начинается:

„Богъ есть—Свѣтъ, у Него же премудрость, и разумъ, и сила, и богатство, а потому всѣ познанія человѣческія, проистекая изъ сего источника Свѣта, должны къ Нему, какъ къ своему началу, стремиться, а равно и наставникъ, пріемлющій на себя обязанность руководить другихъ къ пріобрѣтенію сихъ познаній, долженъ всѣ свои уроки направлять къ тому, дабы слушатели его, просвѣщая свой разумъ и исправляя волю, наипаче научались страху Господню, какъ началу премудрости. Имѣя въ виду сію главную и единственную цѣль своихъ наставленій, профессоръ словесности какой другой можетъ для себя избрать путь, какъ не тотъ, который бы менѣе всего бывъ затрудненъ умствованіями человѣческими, озарялся единымъ божественнымъ Свѣтомъ?

Посему, первою его обязанностью будетъ, изобразивъ благость Творца въ награжденіи человѣка даромъ словесности (sic), предохранить своихъ слушателей отъ превратнаго и пагубнаго употребленія онаго, а въ продолженіи уроковъ, раскрывая источники, къ образованію слова необходимые, доказать примѣрами, что нигдѣ не найдутъ они для себя ни лучшаго понятія о богатствѣ, силѣ и разительности слова, наибольшихъ пособій для духа творческаго, наипревосходнѣйшихъ образцовъ для изящества, красоты и величества мыслей—какъ въ писаніяхъ Духа Святаго, и что тѣ только произведенія человѣческія преимущественно имѣютъ сіи качества, творцы которыхъ напитаны были силою и духомъ божественнаго ученія...

Руководствомъ профессору въ его урокахъ будутъ служить, преимущественно, священное писаніе, отцы церкви и писатели церковные"...
и т. д.

Проф. Городчаниновъ представилъ конспектъ курса піитики, въ которомъ слѣдующими чертами характеризуетъ намѣченное имъ преподаваніе:

„Во первыхъ—изложу слушателямъ моимъ происхожденіе поэзіи, съ краткою ея исторіею. Здѣсь показано будетъ: 1) что поэзія современна міру и была посвящена на пѣснохваленіе Творцу; 2) что самая древняя поэзія есть—еврейская, и что несправедливо почитаютъ самымъ древнимъ памятникомъ поэзіи Иліаду Гомерову; 3) что до закона писаннаго, или Моисеева, поэзія существовала въ священныхъ преданіяхъ, кои переходили изъ рода въ родъ, выучиваемы были наизусть и сохраняли память о началѣ міра и о дивныхъ дѣлахъ Божіихъ; 4) что, по низпаденіи рода человѣческаго въ идолопоклонство, поэзія раздѣлилась на истинную и языческую. Первая съ истинною вѣрою сохранила и сохраняетъ до днесь свою небесную чистоту, будучи органомъ Святаго Духа, послѣдняя же утратила первобытное свое достоинство и унизилась....

Покажу цѣль и важность поэзіи, а именно: цѣль поэзіи—есть возвышать духъ нашъ отъ земли къ Небу, отъ природы къ Творцу, дѣлать сердце наше лучшимъ....

Соображаясь съ духомъ высочайше данной ректору казанскаго университета инструкціи, особенно занимать буду слушателей моихъ разборомъ превосходнѣйшихъ образцовъ истинной, божественной поэзіи—въ священномъ писаніи.

На сей конецъ, въ родѣ эпической поэзіи—укажу на божественныя притчи Спасителя нашего и потщусь изобразить удивительно высокую простоту и силу оныхъ, равно какъ и то изящество, которымъ преисполнены повѣствованія святыхъ евангелистовъ.

Въ родѣ поэзіи дидактической—разсмотрю примѣры изъ притчей Соломоновыхъ и Экклезіаста.

Въ родѣ лирической поэзіи—покажу превосходнѣйшіе образцы истинныхъ гимновъ: 1) въ боговдохновенныхъ псалмахъ царя и пророка Давида, 2) въ двухъ высокихъ пѣсняхъ св. пророка Моисея, 3) во святыхъ пророкахъ Ісаіи и Іереміи, 4) въ книгѣ Іова. Не оставлю также показать красоты въ величественныхъ ирмосахъ св. Іоанна Дамаскина.

Въ статьѣ объ элегіи представлю изящнѣйшій оныя образецъ у св. пророка Іереміи; сюда же отнесется и плачъ царя Давида о смерти Іонафана“.

Проф. Пальминъ строитъ свой конспектъ политической экономіи на такихъ положеніяхъ:

„Непреложный законъ всякаго домостроительства постановленъ въ заповѣди, данной первому человѣку: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. Вслѣдствіе сего, основными началами какъ частнаго, такъ и народнаго хозяйства должны быть слѣдующія правила: трудись, снискивай познанія, приспособляя ихъ и исполняя предпріятія—что произведешь такимъ образомъ, тѣмъ и пользуйся. Но мы существуемъ не для одного сохраненія жизни своей и даже не для одного благоденствія земного отечества: не пекитесь,—говоритъ Искупитель,—о томъ, что съѣсть, чѣмъ утолить жажду, во что одѣться; не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ и т. п.“

Тенденціозныхъ потугъ не избѣгъ конспектъ даже и по такой, чисто фактическаго характера, отрасли знанія, какою является—статистика. И здѣсь преподаватель обѣщаетъ доказывать „распространяющійся духъ благочестія и являемую благодать Божію надъ нашимъ любезнымъ отечествомъ, усматриваемые особенно изъ сравненія внутренняго состоянія онаго съ другими государствами“, „попеченія правительства о дѣлахъ

церкви", „мудрое поведеніе въ отношеніи расколовъ, терпимость ихъ и, вмѣстѣ, непримѣтное ослабленіе и уничтоженіе", „соединеніе знаній съ духомъ христіанства, великую отъ сего пользу, противное въ нѣкоторыхъ иноземныхъ учебныхъ заведеніяхъ и великій отъ того вредъ" и т. п.

Приведенныя нами выдержки даютъ общее представленіе о тѣхъ требованіяхъ, какія предъявлялись Магницкимъ къ внѣшней формѣ университетскихъ конспектовъ. Нарушеніе этихъ требованій никогда не оставлялось попечителемъ безъ вниманія, вызывая соотвѣтствующія съ его стороны замѣчанія. Такъ, въ началѣ 1823 года профессору Фогелю, только что назначенному передъ тѣмъ въ казанскій университетъ и не успѣвшему еще приспособиться къ введеннымъ въ немъ Магницкимъ порядкамъ, былъ возвращенъ его краткій латинскій конспектъ по фармаціи и хирургіи, съ предписаніемъ попечителя „не передавать ему на будущее время подобныхъ бумагъ, безъ соображенія въ цѣль требованія профессорскихъ конспектовъ", вслѣдствіе чего тотъ долженъ былъ подать новый конспектъ, въ началѣ котораго уже поставлено было слѣдующее обращеніе, долженствовавшее гарантировать благонамѣренность преподаваній новаго профессора:

„Ast animum ad Te dirigo, Salvator omnipotens! Tu es fons salutis, in aeternum scaturiens! Sine Te—nulla salus, nullum medicamen, nulla ars medendi! Sis mecum et impleas animam luce Tua serenissima, ut veritatem videat et in veritatis via obambulet semper! Doce Tu, quae docenda sunt! Doce Tu, Medice medicorum, artem medendi animae meae, ut ego his, quos Tu mihi instruendos et ad vitam medicam aptandos dedisti, sincerus et verus sim praeceptor! Nil sine Te mei possunt labores!".... *.

Представляемые ему конспекты подвергались со стороны Магницкаго самой строгой критикѣ и, даже, указаніямъ на необходимыя въ нихъ исправленія. Приведемъ, для образца, отзывъ о конспектахъ, присланный имъ отъ 19-го января 1823 года:

„Возвращая при семъ конспекты г.г. профессоровъ казанскаго университета,—пишетъ здѣсь попечитель,—я нахожу:

* То есть: «Къ Тебѣ устремляюсь душою, о всемогущій Спаситель! Ты—предвѣчный источникъ спасенія! Безъ Тебя—нѣтъ спасенія, нѣтъ ни средствъ, ни искусства врачеванія! Пребудь со мною и исполни духъ мой свѣтлымъ лучемъ Своимъ, да узритъ онъ истину и всегда ходитъ путемъ истины! Преподай мнѣ даръ обученія! Преподай мнѣ, Врачъ врачей, знаніе медицины, дабы тѣ, кого Ты поручишь моему обученію и направленію къ врачебному поприщу, нашли во мнѣ искренняго и истиннаго наставника! Безъ Твоей помощи—тщетными пребудутъ всѣ мои старанія!»

Конспектъ г. Городчанинова — прекрасенъ, но нужно: а) отнять все, что говорится о поэзіи греческой и римской, ибо сей предметъ принадлежитъ къ другой кафедрѣ, и б) прибавить, согласно съ инструкціею ректору, указаніе на порочность модныхъ стихотвореній, искажающихъ у насъ истинный вкусъ.

Конспектъ проф. Кондырева—весьма хорошъ, но вторую часть, по отдѣлкѣ, представить на разсмотрѣніе мнѣ, а отдѣленіе четвертое, сокративъ, сколько можно, тоже прислать сюда. Тетради же, по мѣрѣ преподаванія, высылать ко мнѣ, для составленія изъ нихъ, по утвержденіи высшимъ начальствомъ, классической книги (т. е. учебника).

Конспектъ проф. Симонова — дѣлаетъ честь ему тѣмъ отличнѣйшую, что онъ первый изъ ученыхъ, сею частью занимающихся, взглянулъ на нее съ истинной точки. Я бы желалъ только, что бы, окончивъ рѣчь объ астрономіи физической, истребилъ онъ въ слушателяхъ своихъ пагубную мысль, которую стараются родить тѣ авторы, кои повторяютъ выраженіе механика небесная, что мірозданіе есть какъ бы машина, разъ на всегда созданная и заведенная,—ибо сія пагубная мечта служитъ основаніемъ для многихъ нынѣшнихъ философскихъ системъ, вводящихъ эфирный матеріализмъ и даже пантеизмъ. Сіе, мнѣ кажется, весьма легко сдѣлать, упомянувъ всѣ тѣ чрезвычайныя явленія, кои часто разстроиваютъ всѣ разсчеты астрономовъ, какъ то: прозрачность кометъ, которыя почитались непрозрачными тѣлами и проч.

Во второмъ отдѣленіи конспекта проф. Суровцова нужно прибавить исторію, а не только обозрѣніе славяно-россійской словесности, раздѣливъ ее на церковную и гражданскую. Изъ авторовъ, для руководства назначенныхъ, отнять Кондильяка. Впрочемъ—конспектъ отмѣнную похвалу заслуживаетъ.

Конспектъ проф. Булыгина—превосходный, ибо, съ небольшимъ распространеніемъ, можетъ составить инструкцію и представляетъ прекраснѣйшее оглавленіе такой россійской исторіи, какой мы еще не имѣемъ. Почему поручаю проф. Булыгину: а) распространить его конспектъ и представить въ видѣ инструкціи и б) выслать ко мнѣ свои тетради, по мѣрѣ ихъ сочиненія, дабы я могъ представить полное оныхъ собраніе, какъ полезное классическое твореніе, на одобреніе высшаго начальства и ходатайствовать о приличномъ вознагражденіи сего труда".

Кромѣ конспектовъ, тѣ или другія замѣчанія Магницкаго относительно направленія преподаванії основывались и на уже извѣстныхъ намъ ежемѣсячныхъ меморіяхъ о ходѣ учебнаго дѣла, высылавшихся попечителю въ столицу. Такъ, напримѣръ, въ меморіи за ноябрь 1821 года значилось, что „адъюнктъ Булыгинъ изложилъ студентамъ правленіе Свя-

тослава, Ольги, Ярополка и Владиміра, причемъ старался показать, что труды владѣльцевъ въ пользу государственнаго устройства коль ни важны, однакожъ возникшее величіе Россіи должно относить болѣе къ Божескому покровительству, являющемуся въ раннемъ воззваніи нашихъ предковъ отъ тьмы идолопоклонства къ ученію Спасителя, доказывалъ, сколько благодѣтельны дѣйствія христіанской вѣры и, между прочими примѣрами, обращалъ вниманіе слушателей на измѣненіе характера самого святого князя Владиміра". Попечитель, усмотрѣвъ изъ этой меморіи, что „адъюнктъ Булыгинъ въ преподаваніи россійской исторіи принялъ направленіе, сообразное съ инструкціею", поручилъ ректору „изъявить ему свою благодарность". Въ концѣ 1822 года благодарность попечителя выражена была и проф. Жобару за то, что онъ, при преподаваніи классической словесности „въ духѣ христіанскаго благочестія, предпочитаетъ священныхъ писателей языческимъ классикамъ, изъ коихъ беретъ только изящныя и нравственныя мѣста" и т. п.

Представленіе преподавателями конспектовъ не всегда происходило съ тою аккуратностью, какой требовалъ попечитель, и на этой почвѣ встрѣчались случаи конфликтовъ его съ профессорами, доходившіе даже до угрозъ. Въ августѣ 1824 года, напримѣръ, упрекая совѣтъ университета за неисправность въ дѣлѣ доставленія конспектовъ, Магницкій угрожалъ, въ случаѣ дальнѣйшихъ промедленій, пріостановкою преподаваній и задержкою жалованья" [243].

Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что Магницкій самъ не вѣрилъ въ чудодѣйственную силу конспектовъ, представленіе которыхъ такъ настойчиво требовалось имъ, и еще менѣе вѣрилъ въ искренность тѣхъ высокопарно-фарисейскихъ сентенцій и разглагольствованій, то и дѣло переплетавшихся, и кстати и не кстати, съ кощунственнымъ упоминаніемъ „всуе" имени Божія, которыя почитались необходимою принадлежностью дѣловыхъ актовъ этого рода. Фальшью, ложью, іезуитизмомъ, напускнымъ благочестіемъ проникнуты были эти конспекты—и Магницкій былъ слишкомъ уменъ, что бы не сознавать всего этого. Невольно еще разъ припоминаются намъ слова М. И. Сухомлинова, высказавшаго мысль, что въ политикѣ русскаго народнаго просвѣщенія интересующей насъ эпохи—„религія только выставлялась началомъ воспитанія"; что „въ потокѣ искусственныхъ фразъ религія хотя и называлась единственнымъ источникомъ просвѣщенія, но, въ сущности, она служила не цѣлью, а средствомъ, и подъ ея прикрытіемъ проводились идеи, выработанныя реакціонерами"; что, „вмѣсто религіозности, дѣйствовалъ—фанатизмъ, вмѣсто

христіанства—іезуитскій духъ и вражда къ просвѣщенію"; что „чистую и святую идею употребляли лишь во зло"... *. Пресловутые „конспекты" Магницкаго способны дать блестящую и краснорѣчивую иллюстрацію къ только что приведеннымъ мыслямъ покойнаго академика.

Любопытно, что, четырьмя годами позже, во время ревизіи Желтухинымъ казанскаго университета, Магницкій, не имѣвшій возможности,—а быть можетъ просто не находившій это для себя удобнымъ,—представить ревизору полнаго комплекта профессорскихъ конспектовъ и всѣми способами отписывавшійся на его настоятельныя требованія въ этомъ направленіи, радикальнымъ образомъ измѣняетъ свой взглядъ на эту мѣру обезпеченія правильности университетскаго преподаванія, становясь, въ данномъ случаѣ, на совершенно правильную точку зрѣнія, не сознавать которой онъ не могъ, конечно, и раньше. Теперь Магницкій снимаетъ съ себя въ этомъ вопросѣ маску. Въ объясненіи, поданномъ Желтухину 28-го февраля 1826 года, онъ старается внушить ревизору мысль о нецѣлесообразности профессорскихъ конспектовъ, такъ какъ „способъ ученія" мало выясняется ими—„ибо способъ ученія открывается только при слушаніи самыхъ преподаваній" **; нельзя, утверждаетъ Магницкій, усмотрѣть изъ нихъ и „направленія, которое даютъ въ университетѣ разнымъ наукамъ, какъ нельзя его усмотрѣть даже и изъ самаго слушанія отдѣльныхъ преподаваній", такъ какъ: а) конспектъ можетъ быть написанъ „въ очень добромъ духѣ", а наука, въ самомъ ея преподаваніи, „можетъ быть наклонена весьма тонкимъ образомъ къ вредному направленію"; б) „частная лекція—есть токмо самый дробный отрывокъ науки, случайно въ тотъ или другой день встрѣтившійся, а потому также надежнаго удостовѣренія въ семъ не представляетъ". Трудно предположить, что бы Магницкій не сознавалъ и четырьмя годами раньше тѣхъ простыхъ вещей, истинный смыслъ которыхъ какъ бы внезапно раскрылся предъ нимъ лишь во время низвергнувшей его ревизіи начала 1826-го года [244].

Показная благонамѣренность,—и, главнымъ образомъ, въ области благочестія,—неумолимо требовавшаяся Магницкимъ отъ преподавателей, вносила въ университетскую среду деморализацію, захватывавшую собою даже лучшихъ представителей академической корпораціи, вносила въ эту среду,—по словамъ преемника князя Голицина по министерству, адмирала А. С. Шишкова,—„нравственный развратъ и ослѣпленіе, подъ священнѣй-

* См. выше стр. 259—260.

** Способъ контроля преподаванія, въ которомъ уже совершенно неповиненъ былъ самъ Магницкій, съ весны 1819 года до осени 1825 года—ни разу не побывавшій въ Казани!

шими именами благочестія и человѣколюбія вползавшіе въ сердца и заражавшіе ихъ ядомъ". Эта показная фальшь, эти іезуитскіе пріемы, разсчитанные на благоволеніе всесильнаго принципала и дававшіе такую своеобразную окраску профессорскимъ конспектамъ, выходили за тѣсные предѣлы университетскихъ аудиторій, выступая на страницахъ академическаго періодическаго органа, раздаваясь, къ великому соблазну благомыслящихъ людей, даже на публичныхъ торжественныхъ собраніяхъ университета. Подобнаго же рода пріемы практиковались и претендентами на кафедры, усердно прибѣгавшими къ нимъ съ цѣлью импонировать передъ попечителемъ своею благочестивою, показною, благонамѣренностью.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи весьма характерными представляются средства, къ которымъ прибѣгнулъ въ 1824 году уже знакомый намъ бывшій профессоръ казанскаго университета, а въ то время инспекторъ симбирской врачебной управы, А. И. Арнгольдтъ, въ 1819 году уволенный Магницкимъ, въ ряду нѣсколькихъ другихъ профессоровъ, какъ человѣкъ „познаній весьма посредственныхъ, нрава безпокойнаго и болѣе занимающійся происками, нежели дѣломъ, вслѣдствіе чего лишившійся общаго уваженія и въ своемъ сословіи, и въ городѣ". И вотъ этотъ самый попечительскій изгнанникъ, задумавъ снова возвратиться подъ сѣнь казанскаго университета, ухитрился заручиться, какими то судьбами, благорасположеніемъ Магницкаго и 3-го мая 1824 года обратился къ нему съ формальнымъ прошеніемъ, въ которомъ писалъ слѣдующее: „Согласно изъявленному вашимъ превосходительствомъ соизволѣнію, имѣю честь представить при семъ сочиненный мною конспектъ, покорнѣйше прося опредѣлить меня въ казанскій университетъ ординарнымъ профессоромъ медицины". Къ прошенію былъ приложенъ и самый конспектъ, носившій такое замысловатое заглавіе: „Краткое разсужденіе, основанное на словѣ Божіемъ, о сущности жизни, вообще, и человѣческой, въ особенности, о здравіи и сохраненіи онаго, о болѣзняхъ и цѣленіи оныхъ" *; цѣлью этого конспекта указано желаніе, „чтобы врачебную науку основать на священномъ писаніи и въ семъ духѣ преподавать". Исходя въ своемъ произведеніи изъ того основного положенія, что „не нѣкая отдѣльная и самостоятельная сила образовала, образуетъ и составляетъ жизнь, но что Господь всемогущимъ своимъ словомъ сотворилъ міръ и вся, яже въ немъ", и что „каждое тѣло изображаетъ собою опре-

* Этотъ конспектъ позже фигурируетъ уже подъ другимъ, болѣе научно формулированнымъ, заглавіемъ: «Священное основаніе біологіи, общей физіологіи, діэтетики, патологіи и терапіи».

дѣленное и воплощенное слово Божіе", авторъ переходитъ къ опредѣленію сущности болѣзненности: „Человѣкъ,—говоритъ онъ,—воспринялъ духъ животворящъ, яко даръ Божій, и лишился его за отступленіе отъ воли Божіей, за нарушеніе заповѣди Его святой", послѣ чего „человѣкъ лишился духа (?), силы и мудрости, силы души его стали болѣе и болѣе немоществовать и силы стихійныя перестали ей покорствовать", тѣло же его—„несовершенное, искаженное, отъ непрестаннаго сопротивленія силъ земныхъ становилось наклоннѣе къ разрушенію" и родъ человѣческій сталъ приближаться „къ совершенному истребленію". Установивъ, такимъ образомъ, тезисъ, что всѣ болѣзни происходятъ отъ нарушенія человѣкомъ закона Божія, Арнгольдтъ дѣлаетъ попытку обосновать патологію на основѣ „раздѣленія болѣзней по роду грѣховъ, кои бываютъ или противъ Бога, или противъ ближняго, или противъ самого себя". Переходя къ терапіи, авторъ строитъ ее на томъ положеніи, что „такъ называемая цѣлительная сила естественная—есть тотъ Утѣшитель, Духъ истины, силы и крѣпости, котораго обѣтовалъ Іисусъ Христосъ всѣмъ любящимъ Его и исполняющимъ заповѣди Его", въ силу чего онъ и высказываетъ мысль о необходимости „употребленія духовныхъ средствъ въ врачеваніе тѣлесное".

Трактатъ Арнгольдта привелъ въ нѣкоторое смущеніе, своею категоричностью, самого Магницкаго. Не давая прошенію претендента хода въ теченіи цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ, онъ только въ началѣ февраля 1825 года препроводилъ трудъ Арнгольдта на заключеніе врачебнаго отдѣленія, найдя умѣстною слѣдующую къ нему оговорку: „Хотя и мною замѣчены въ семъ сочиненіи нѣкоторыя несообразности, но, полагая, что онѣ не укроются отъ усмотрѣнія отдѣленія врачебныхъ наукъ, я не почитаю нужнымъ выставлять ихъ на видъ съ надлежащимъ разборомъ". Врачебное отдѣленіе передало рукопись на заключеніе преподавателя богословія прот. А. И. Нечаева, который, въ свою очередь, далъ уклончивый отвѣтъ, сославшись на то, что „затрудняется въ исполненіи препорученія за неимѣніемъ совершенныхъ свѣдѣній о врачебныхъ наукахъ". Дѣло грозило затянуться, и тогда Арнгольдтъ, бывшій лютераниномъ, прибѣгнулъ къ крайнему средству для того, чтобы склонить въ свою сторону попечителя: лично пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ изъявилъ ему намѣреніе перейти въ православіе, порѣшивъ въ душѣ, что кафедра—стоитъ перемѣны вѣры, какъ и Генрихъ IV пришелъ, когда то, къ заключенію, что Парижъ—стоитъ одной католической мессы... Какъ бы то ни было, но 14-го марта 1825 года въ петербургскомъ Казанскомъ соборѣ совер-

шился обрядъ присоединенія бывшаго профессора хирургіи къ православію, причемъ самъ Магницкій былъ его „воспріемникомъ“ (?). Шестью днями позже попечитель вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ любопытнымъ представленіемъ отъ 20-го марта:

„Въ 1819 году, послѣ обозрѣнія казанскаго университета, въ числѣ удаленныхъ изъ онаго профессоровъ былъ ордин. профессоръ Арнгольдтъ. Главною причиною сего удаленія былъ безпокойный его нравъ, почему и не лишенъ онъ средства продолжать службу въ другомъ мѣстѣ. Онъ вступилъ акушеромъ въ симбирскую врачебную управу, потомъ сдѣланъ инспекторомъ оной и получилъ на сей службѣ чинъ коллежскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4-ой степени.

Въ 1824 году получилъ я отъ г. Арнгольдта представляемое у сего письмо, но, не довѣряя поспѣшно перемѣнамъ подобнаго рода, оставилъ его безъ послѣдствія.

Арнгольдтъ пріѣхалъ сюда (т. е. въ Петербургъ). Я нашелъ его совершенно перемѣнившимся не только характеромъ, но даже и въ самой наружности (sic!). Онъ изъяснилъ мнѣ, что многія бѣдствія, въ продолженіи пяти лѣтъ имъ испытанныя, обратили его къ чувствамъ раскаянія и благочестія, что онъ началъ упражняться въ изученіи священныхъ книгъ, отцовъ и постановленій нашей церкви и не только убѣдился въ истинѣ св. церкви нашей, но и пораженъ былъ новымъ свѣтомъ, который озарилъ для него науки медицинскія. Онъ увидѣлъ ясно нечестіе, ихъ заразившее, и необходимость соединенія искусства врачеванія съ духомъ благочестія. Словомъ, удостовѣрился, что всѣхъ болѣзней первая и, можетъ быть, единственная причина есть—г р ѣ х ъ и, слѣдовательно, никакъ не можно ожидать успѣха отъ медицины, доколѣ она будетъ заниматься леченіемъ одного тѣла, не заботясь о немедленномъ уврачеваніи, прежде всего—души. Въ семъ смыслѣ написалъ онъ отлично-хорошую диссертацію, которую я послалъ въ университетъ съ тѣмъ, что бы, когда пройдетъ она нужныя степени просмотрѣнія, не только ее напечатать, но и просить, что бы она была принята въ руководство при преподаваніи наукъ медицинскихъ.

Читая съ г. Арнгольдтомъ сіе сочиненіе и входя въ подробныя о немъ сужденія, встрѣчалъ я во многихъ мѣстахъ препятствія по различію нашихъ исповѣданій, ибо тамъ, гдѣ, для о с в о б о ж д е н і я б о л ь н а г о о т ъ к о р н я б о л ѣ з н е й, г р ѣ х а, по моему исповѣданію нужны таинства покаянія и елеосвященія, по его—нужна только м о л и т в а в р а ч а, на что я, ни по вѣрѣ, ни по разуму, согласиться не могъ.

Сіе привело насъ къ разсужденіямъ полемическимъ, коихъ послѣдствіемъ было признаніе г. Арнгольдтомъ, что, обратясь къ вѣрѣ и даже обучась ей по книгамъ нашей церкви, онъ давно истинѣ ея вѣруетъ, но только отъ нѣкоторыхъ человѣческихъ уваженій еще обязанъ писать согласно съ тѣмъ исповѣданіемъ, которое отправляетъ.

Послѣ сего признанія легко было мнѣ устранить сей человѣческій стыдъ и, по нѣсколькихъ разговорахъ, особливо же по прочтеніи книги „Камень вѣры", которая торжественно ересь Лютерову опровергаетъ, г. Арнгольдтъ рѣшился присоединиться къ нашей церкви, что и исполнилъ здѣсь 14-го сего марта, въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ и былъ я его воспріемникомъ *.

Нынѣ проситъ меня объ опредѣленіи его снова и новаго въ казанскій университетъ. Почитая пріобрѣтеніе его для университета по учебной части весьма полезнымъ, я усерднѣйше и всепокорнѣйше прошу исходатайствовать на сіе высочайшаго повелѣнія".

Будь это попечительское ходатайство заявлено годомъ раньше, весьма вѣроятно, что оно было бы удовлетворено и этотъ „весьма посредственныхъ познаній" врачъ,—какъ аттестовалъ его въ 1819 г. самъ Магницкій,—занялъ бы въ казанскомъ университетѣ предназначавшуюся ему Магницкимъ кафедру хирургіи, но теперь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія начались иныя вѣянія, уже подготовлявшія близкое паденіе казанскаго попечителя. Новый министръ, адмиралъ А. С. Шишковъ, не пошелъ на преподнесенную ему Магницкимъ приманку фарисейскаго благочестія, кратко и сухо отвѣтивъ ему, что, за послѣдовавшимъ до того удаленіемъ Арнгольдта отъ службы „за совершенное незнаніе хирургіи, за безпокойный нравъ и происки, лишившіе его общаго уваженія"—онъ находитъ неумѣстнымъ входить съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ опредѣленіи Арнгольдта снова въ университетъ [245].

Если чисто показная благонамѣренность разнаго рода карьеристовъ и проходимцевъ свободно открывала имъ, въ эпоху господства режима Магницкаго, путь къ университетскимъ кафедрамъ, то, съ другой стороны, малѣйшія подозрѣнія въ недостаточности такой внѣшней благонамѣренности влекли за собою весьма неблагопріятныя для заподозрѣннаго послѣдствія,—до увольненія отъ службы, включительно. Слѣдомъ за профессорами, уволенными Магницкимъ еще въ августѣ 1819 года, эта послѣдняя судьба постигла, въ началѣ 1821 года, лектора нѣмецкаго языка и содержателя весьма популярнаго въ Казани частнаго пансіона И. Ѳ. Лейтера.

Дѣло объ увольненіи лектора Лейтера представляетъ одну изъ возмутительныхъ страницъ попечительства Магницкаго, довольно

* Съ перемѣною вѣроисповѣданія, Арнгольдтъ перемѣнилъ и самое имя свое: не взирая на то, что имя «Адамъ», которое онъ носилъ въ лютеранствѣ, признается и православною церковью, онъ послѣ присоединенія къ православію сталъ именоваться «Иваномъ» (см. архивное дѣло: Сов. 1827 г., № 357).

видное мѣсто въ которой выпало на долю проф. Фукса, всѣми мѣрами заискивавшаго въ то время расположеніе попечителя, весною 1823 года и доказанное назначеніемъ его, помимо избранія въ совѣтѣ, ректоромъ университета. Изъ представленнаго ему обозрѣнія преподаванія на 1820—1821 учебн. годъ Магницкій усмотрѣлъ, что Лейтеръ пользуется въ своемъ преподаваніи, въ качествѣ пособія, „Піитическою и ораторскою христоматіею“ Гельстрехта. Неизвѣстность ему книги послужила достаточнымъ поводомъ для наряженія, черезъ совѣтъ университета, цѣлаго сыска относительно „духа“ этого пособія и совѣтъ, исполняя предписаніе попечителя, поручилъ проф. Фуксу дать отзывъ о книгѣ Гельстрехта. Фуксъ представилъ отзывъ въ томъ смыслѣ, что въ разсмотрѣнномъ имъ пособіи „примѣры не всегда достаточны къ изъясненію данныхъ правилъ и сочинитель могъ бы гораздо лучше взять ихъ изъ священнаго писанія“; что среди статей этой христоматіи имѣются „такія, которыя молодымъ людямъ читать неприлично“,—мнѣніе, которое онъ и силился доказать выписками изъ разобраннаго сочиненія. Лейтеръ, отъ котораго потребовано было по этому поводу объясненіе, письменно удостовѣрилъ, что „онъ по сей христоматіи изъясняетъ только правила нѣмецкой литературы относительно стихотворства и прозы, а примѣровъ ни для чтенія, ни для перевода изъ оной не предлагаетъ, употребляя для сего библію на нѣмецкомъ языкѣ, книгу о подражаніи Іисусу Христу и др.“ Тщетными оказались эти оправданія: находя, что „таковой выборъ руководства явно свидѣтельствуетъ о неблагонадежности лектора Лейтера“, Магницкій вошелъ къ министру съ представленіемъ объ увольненіи его изъ университета, въ виду же содержанія имъ частнаго пансіона, предложилъ потребовать отъ директора университета мнѣнія—„можно ли безъ вреда воспитывающимся у него дѣтямъ, по обнаружившимся правиламъ воспитателя, у него оставаться?“ Желаніе попечителя было исполнено и 25-го іюня 1821 г. состоялось предложеніе кн. Голицина объ увольненіи Лейтера. Слѣдомъ затѣмъ (18-го іюля) полученъ былъ и отзывъ директора университета, въ которомъ Владимірскій категорически заявлялъ, что „въ образѣ жизни г. Лейтера не находится ничего предосудительнаго, а въ распорядкахъ содержанія воспитанниковъ его пансіона примѣтно прилежаніе ко введеніямъ въ гимназію“, почему директоръ и высказался въ пользу сохраненія за нимъ права содержать пансіонъ, добавивъ, что этотъ послѣдній „недавно помѣщенъ въ домѣ Вишняковыхъ, подлѣ университета *, что будетъ благопріятствовать

* Нынѣ, въ перестроенномъ видѣ, домъ г. Мартинсонъ, на Воскресенской улицѣ, въ которомъ помѣщается Волжско-Камская гостинница.

наблюденію за дѣйствіями онаго и, если Господь поможетъ, къ ближайшимъ вліяніямъ на опытъ христіанскаго вожденія". Пансіонъ былъ за Лейтеромъ сохраненъ—и на этой почвѣ создалась вопіющая несообразность, ярко свидѣтельствующая о непослѣдовательности дѣйствій казанскаго попечителя: лекторъ, признанный неблагонадежнымъ къ преподаванію нѣмецкаго языка въ университетѣ, признанъ благонадежнымъ въ дѣлѣ нравственнаго и умственнаго воспитанія ввѣренныхъ ему пансіонеровъ! Лектура уволеннаго Лейтера была передана попечительскому фавориту Краузе—въ уваженіе его „трудолюбія, усердія, основательнаго знанія нѣмецкаго языка, христіанскаго образа мыслей и поведенія", который и совмѣстилъ ее съ собственною лектурою языка французскаго [246].

Инцидентъ лектора Лейтера долженъ представиться въ нашихъ глазахъ совершенно ничтожнымъ въ сравненіи съ катастрофою, которая разразилась, на той же почвѣ, надъ проф. Г. И. Солнцевымъ и которая можетъ быть признана едва ли не самымъ сенсаціоннымъ эпизодомъ за все семилѣтнее время попечительства Магницкаго. Намъ не разъ приходилось, въ общихъ чертахъ, ссылаться на этотъ эпизодъ: это—слѣдствіе и университетскій судъ надъ профессоромъ Г. И. Солнцевымъ, относящіеся къ 1821—1823 годамъ и къ подробному изложенію которыхъ мы въ настоящее время приступаемъ.

Намъ уже извѣстно то благорасположеніе Магницкаго, какимъ, во время ревизіи 1819 года, удалось заручиться проф. Солнцеву, выступавшему въ то время, въ званіи проректора, представителемъ казанскаго университета; будущій попечитель открыто заявилъ, что Солнцевъ былъ его „правою рукою" въ дѣлѣ осмотра университета и, сдѣлавшись попечителемъ, не замедлилъ возложить на него почетное и отвѣтственное ректорское званіе. Извѣстно намъ и то, что очень не на долго хватило этого расположенія и довѣрія Магницкаго къ Солнцеву; уже съ начала 1820 года „черная кошка" пробѣжала въ отношеніяхъ между попечителемъ и ректоромъ, которыя стали все болѣе и болѣе натягиваться и окончательно порвались отстраненіемъ Солнцева отъ должности ректора и оппозиціоннымъ положеніемъ, занятымъ имъ по отношенію къ Магницкому и къ установленному попечителемъ университетскому режиму*. Магницкій не принадлежалъ къ числу людей, готовыхъ останавливаться на компромис-

---

* См. выше стр. 366—378.

сахъ и полумѣрахъ, въ особенности же въ области тѣхъ преобразовательныхъ начинаній и новшествъ, которымъ, съ настойчивостью маніака, отдавался онъ въ пору своей попечительской дѣятельности. Люди болѣе или менѣе дальновидные могли уже заранѣе предвидѣть, что смѣщеніемъ строптиваго профессора съ должности ректора—преслѣдованія попечителя не ограничатся. Человѣкъ образованнаго, глубоко-философскаго и остраго ума, твердой воли, стойкаго, непреклоннаго характера и хорошо знавшій себѣ цѣну,—черты, остававшіяся Солнцеву присущими въ теченіи всѣхъ долгихъ лѣтъ его жизненнаго поприща,—казанскій профессоръ правъ представлялся въ глазахъ Магницкаго опасною помѣхою, вставшею на пути его новаторской дѣятельности, единственнымъ диссонансомъ въ той гармоніи раболѣпства и угодливой безотвѣтственности, которую удалось ему настроить въ средѣ „ученаго сословія" казанскаго университета. Съ Солнцевымъ нужно было, такъ или иначе, покончить и попечитель выжидалъ только подходящаго для этой цѣли повода. За такимъ поводомъ дѣло не стало и онъ былъ найденъ очень скоро. Солнцевъ читалъ въ университетѣ естественное право—ту страшную и разрушительную науку, въ которой Магницкій усматривалъ „опаснѣйшую подмѣну евангельскаго откровенія", „хаосъ лжемудрствованій", „опроверженіе алтаря Христова", „сверженіе престоловъ царей" и тому подобные ужасы, роившіеся въ фарисейски-настроенномъ воображеніи казанскаго попечителя. Уличить представителя такой страшной науки въ неблагонамѣренности и нанести ему рѣшительный и смертельный ударъ—представлялось задачею вовсе не трудною. На этой то почвѣ и предпринята была ожесточенная, не на животъ, а на смерть, борьба Магницкаго съ профессоромъ Солнцевымъ.

Ближайшимъ поводомъ къ открытію кампаніи противъ проф. Солнцева послужила судьба руководства къ естественному праву проф. Куницына, въ своемъ мѣстѣ нами уже разсказанная. Мы видѣли, что главное правленіе училищъ, признавъ это руководство проникнутымъ вредными и разрушительными началами, постановило совершенно изъять его изъ употребленія. Въ засѣданіи главнаго правленія училищъ 10-го февраля 1821 года Магницкій требовалъ полнаго исключенія науки естественнаго права изъ круга университетскихъ преподаваній, но это крайнее мнѣніе не встрѣтило поддержки въ большинствѣ членовъ правленія и было рѣшено лишь ввести преподаваніе этой дисциплины въ опредѣленные предѣлы, построивъ его на началахъ, согласныхъ съ „уваженіемъ къ религіи и существующему порядку" *. Слѣдомъ затѣмъ министромъ народнаго

* См. выше, стр. 478 и слѣд.

просвѣщенія предложеніемъ отъ 28-го февраля, внушеннымъ, конечно, самимъ Магницкимъ, дано было на имя попечителя казанскаго учебнаго округа предписаніе „истребовать отъ университета и отъ всѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ науки о правахъ преподаются, по одному экземпляру руководствъ, печатныхъ и письменныхъ, по коимъ производится преподаваніе"; срокомъ для выполненія этого требованія поставленъ былъ—одинъ мѣсяцъ. Никакихъ письменныхъ руководствъ по правовѣдѣнію въ училищахъ казанскаго округа, конечно, не оказалось, но такая постановка дѣла выдвигала впередъ вопросъ о доставленіи проф. Солнцевымъ на разсмотрѣніе начальства рукописей его курса естественнаго права—западня, въ которую Магницкій и разсчитывалъ уловить неугодившаго ему казанскаго профессора. Впрочемъ, еще раньше не только этого министерскаго предписанія, но раньше даже окончательнаго рѣшенія главнымъ правленіемъ вопроса о судьбѣ преподаванія естественнаго права, Магницкій уже предпринялъ вылазку противъ Солнцева, потребовавъ отъ ректора университета представленія слѣдующихъ свѣдѣній: а) „Увѣдомить, былъ ли представленъ конспектъ преподаванія естественнаго права и когда утвержденъ онъ совѣтомъ?", б) „Какая именно система принята преподавателемъ онаго?" и в) „Въ чемъ состояло приспособленіе (sic!) самой науки сей и избранной для оной системы къ инструкціи, ректору казанскаго университета данной?" На тотъ случай, если бы оказалось, что „естественное право преподается не совершенно согласно съ инструкціею"—ректору предоставлялось право „пріостановить преподаваніе" этой науки, „замѣнивъ его другимъ предметомъ той же кафедры". Почти одновременно съ этимъ попечительскимъ предложеніемъ возникла переписка между директоромъ и ректоромъ университета изъ за усмотрѣннаго попечителемъ самовольнаго „расширенія" проф. Солнцевымъ преподаванія естественнаго права, заключавшагося въ томъ, что Солнцевъ, вопреки утвержденному попечителемъ обозрѣнію преподаваній, въ силу котораго преподаваніе естественнаго права ограничивалось однимъ первымъ курсомъ, читалъ его на всѣхъ трехъ курсахъ факультета; этотъ конфликтъ благополучно разрѣшился заявленіемъ Солнцева о томъ, что естественное право чтеніемъ имъ уже закончено, будучи замѣнено другимъ предметомъ, и противникамъ профессора пришлось имѣть, въ данномъ случаѣ, дѣло съ фактомъ уже—совершившимся.

Болѣе существенныя послѣдствія имѣло предложеніе попечителя отъ 8-го февраля, совпавшее съ требованіемъ доставленія рукописныхъ лекцій, по которымъ производилось проф. Солнцевымъ преподаваніе естествен-

наго права. Вызвавъ цѣлую переписку между двумя верховными представителями университета, — директоромъ и ректоромъ, — это предложеніе повлекло за собою мѣру уже совершенно исключительнаго и оскорбительнаго для профессора характера: отъ студентовъ стали отбирать лекціи проф. Солнцева, съ тѣмъ, что бы сличать ихъ съ оригиналомъ курса, затребованнымъ отъ самого преподавателя, но доставленіемъ котораго тотъ не особенно спѣшилъ.

Впрочемъ, положеніе вещей нагляднѣе всего обрисуется передъ нашими глазами изъ слѣдующаго представленія ректора Никольскаго попечителю, отъ 7-го апрѣля:

„Предложеніе вашего превосходительства отъ 8-го февраля сего 1821 года за № 124-мъ мною получено февраля 19-го и въ то же время словесно объявлено г. профессору Солнцеву, что бы онъ доставилъ мнѣ тетради естественнаго права, а потомъ сдѣлано и письменное къ нему отношеніе 7-го марта о доставленіи свѣдѣній и тетрадей; но ни требуемыхъ свѣдѣній, ни тетрадей—я до сего времени не получалъ, а слышалъ словесный отзывъ отъ г. Солнцева, что онъ доставитъ все сіе недѣли черезъ двѣ, считая отъ нынѣшняго времени.

Для сличенія тетрадей преподавателя съ записками студентовъ надобно мнѣ было имѣть въ виду и сіи послѣднія, почему и относился я къ господину директору университета, не благоугодно ли ему будетъ, истребовавъ записки о естественномъ правѣ отъ котораго либо изъ казенныхъ или своекоштныхъ студентовъ, принять участіе въ сличеніи оныхъ съ подлинными тетрадями г. преподавателя и изъяснить свое мнѣніе—можетъ ли преподаваніе сего права въ настоящемъ видѣ быть продолжаемо въ университетѣ, но получилъ чрезъ г. инспектора студентовъ словесный отзывъ, что казенные студенты сихъ тетрадей при себѣ не имѣютъ, а роздали ихъ своекоштнымъ.

Такимъ образомъ, мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ взять у кого либо изъ своекоштныхъ студентовъ записки о естественномъ правѣ, каковыя и получены мною отъ своекоштнаго студента Ѳедорова и, вмѣстѣ, его разсужденіе, сочиненное по замѣчаніямъ на лекціяхъ о естественномъ публичномъ правѣ, г. преподавателемъ Солнцевымъ поправленное и подписанное въ прошломъ 1820 году.

Скрѣпленныя копіи сихъ тетрадей честь имѣю представить и донести:

1. Когда получатся тетради отъ г. Солнцева, безъ всякаго промедленія представлены будутъ вашему превосходительству.

2. Изъ дѣлъ совѣта не видно, что бы представленъ былъ г. Солнцевымъ конспектъ преподаванія естественнаго права и утвержденъ совѣтомъ.

3. Тетради о естественномъ правѣ, полученныя мною отъ студента Ѳедорова, имѣютъ сходство съ изданною при казанскомъ университетѣ книгою о естественномъ правѣ сочиненія покойнаго профессора Финке, съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно инструкціи ректору.

4. Преподаваніе естественнаго права окончено въ половинѣ марта мѣсяца и, вмѣсто онаго, г. Солнцевъ началъ изъяснять студентамъ 2-го и 3-го разрядовъ россійское уголовное право.

5. На ежемѣсячныхъ испытаніяхъ изъ наукъ о правахъ, со времени вступленія моего въ должность ректора, не замѣчено мною въ отвѣтахъ студентовъ изъ естественнаго права ничего противнаго высочайше дарованной инструкціи ректору университета, въ чемъ свидѣтельствуюсь господиномъ директоромъ университета и г. инспекторомъ студентовъ, присутствовавшихъ на сихъ экзаменахъ".

Магницкій отвѣтилъ на это представленіе предложеніемъ отъ 26-го апрѣля, въ которомъ увѣдомлялъ ректора, что будетъ ожидать отъ него „окончательнаго донесенія, для нужнаго съ моей стороны дѣйствія", и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендовалъ ему „обращать пристальное вниманіе какъ на кафедру правъ, въ особенности, такъ и на всѣ прочія, ибо есть положительные опыты, что духъ времени не оставилъ безъ самой опасной заразы наукъ, кои казались совершенно внѣ его вліянія, какъ то—статистика и экономія политическая". Только что упомянутое „окончательное донесеніе" ректора, датированное отъ 9-го іюня, было получено попечителемъ лишь 29-го іюня. При этомъ донесеніи были, наконецъ, препровождены Магницкому подлежавшія инкриминированію оригинальныя „тетради" лекцій естественнаго права, въ концѣ концовъ доставленныя Солнцевымъ 6-го іюня, послѣ троекратнаго побужденія его къ тому со стороны ректора, съ нѣкоторыми объясненіями съ его стороны. Въ этихъ объясненіяхъ Солнцевъ не безъ тонкаго юмора заявляетъ, что изъ всѣхъ выдающихся авторовъ по естественному праву онъ „не нашелъ ни одного, котораго можно было бы употреблять соотвѣтственно съ инструкціею, ректору данною", вслѣдствіе чего ему „никакой системы не можно было при преподаваніяхъ принять въ ограниченное руководство" и пришлось составлять собственные комментаріи къ этимъ авторамъ; „что касается до приспособленія самой науки естественнаго права къ инструкціи ректору, то оное,—добавляетъ проф. Солнцевъ,—можетъ быть усмотрѣно изъ самаго содержанія моихъ комментаріевъ". Оказывается, что еще до пересылки ихъ попечителю, „тетради" проф. Солнцева были подвергнуты тщательному изслѣдованію „духа" ихъ въ

самой Казани, какъ это усматривается изъ слѣдующаго интереснаго „мнѣнія“ о нихъ ректора Никольскаго, присовокупленнаго къ его представленію отъ 9-го іюня:

„Хотя во многихъ мѣстахъ соглашены положенія сихъ правъ съ св. писаніемъ, но, за всѣмъ тѣмъ, остаются еще начала, заимствованныя изъ новѣйшихъ писателей, которыя слѣдуетъ исключить, какъ нездравыя и немогущія стоять на краеугольномъ камени вѣры Іисусъ Христовой, и замѣнить другими, почерпнутыми изъ Слова Божія.

Такъ, напримѣръ:

a) Въ §§ 60 и 61 права личности суть ничто иное, какъ требованія эгоизма или той чувственной плотской души, которую вѣчная любовь и истина внушаютъ намъ погубить, дабы спасти ее.

b) Въ § 64 право самохраненія и защиты есть право ветхаго завѣта: Возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего,—а не новаго, въ которомъ заповѣдано любить враговъ и творить имъ добро. Въ священномъ писаніи сказано: Дадите мѣсто гнѣву. Азъ есмь отмщаяй—глаголетъ Господь, или, какъ одинъ изъ св. отцовъ весьма поучительно о семъ сказалъ: Аще не Господь меня бережетъ, вскую и живу на сей земли?

c) Въ §§ 65 и 66 права усовершенствованія внутренняго и внѣшняго состоянія проистекаютъ изъ того же нечистаго источника, то есть—эгоизма, вмѣсто коихъ слѣдовало изложить права духа на плоть, ихъ брань между собою и то высокое спасительное ученіе, что когда внѣшній человѣкъ ослабѣваетъ, тогда внутренній—обновляется.

d) Въ § 67 права естественной свободы при рабствѣ грѣху—невозможны. Когда Господь и Спаситель нашъ свободитъ насъ отъ сей тяжкой работы, тогда воистину свободны будемъ.

e) Въ § 68 право равенства не имѣетъ никакого здраваго основанія. И звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ. Духъ Господень властію раздѣляетъ дарованія, яко же хощетъ, дабы устроить изъ человѣковъ дивный и величественный домъ Божій, церковь Христову, тѣло Его, въ которомъ, сколько членовъ или сосудовъ, столько чудесныхъ различій и, вмѣстѣ, богоподобнаго единства и котораго глава есть—самъ Господь и пр.“ * [247].

Заручившись оригинальными тетрадями проф. Солнцева, какъ давно доискивавшимся corpus'омъ delicti, Магницкій почелъ своевременнымъ приступить къ тѣмъ рѣшительнымъ „дѣйствіямъ“, на которыя онъ наме-

---

* Эта своеобразная критика курса естественнаго права едва ли могла принадлежать самому ректору Никольскому—математику по профессіи. Мы врядъ ли ошибемся, признавъ здѣсь перо проф. Городчанинова—автора пресловутаго «Мнѣнія христіанина о естественномъ правѣ».

калъ въ предложеніи ректору отъ 26-го апрѣля. А на сколько эти, намѣченныя имъ, дѣйствія были, дѣйствительно, рѣшительны, объ этотъ свидѣтельствуетъ слѣдующее представленіе Магницкаго министру отъ 1-го іюля 1821 года:

„Вашему сіятельству извѣстно, что, при изданіи инструкцій для казанскаго университета, ректоромъ онаго былъ профессоръ Солнцевъ, который, въ то же время, и преподавалъ право естественное. По ограниченности сей науки тѣсными предѣлами инструкцій, по строгой отвѣтственности, лично на ректора возложенной о надзорѣ, что бы вредный духъ не могъ быть допускаемъ въ преподаванія—оставался я и могъ оставаться совершенно съ сей стороны покойнымъ.

Но когда профессоръ Солнцевъ потерялъ мою къ нему довѣренность, послѣ уже устраненія его по сей причинѣ и отъ ректорства, тогда чрезъ директора университета узналъ я, что онъ перемѣнилъ самовольно и безъ вѣдома совѣта утвержденное мною росписаніе учебныхъ предметовъ, съ тѣмъ, что бы науку естественнаго права сдѣлать, вопреки моему распоряженію, общею всѣмъ отдѣленіямъ.

Имѣя сей опытъ неблагонамѣренности г. Солнцева, я истребовалъ тетради нѣкоторыхъ его студентовъ и разсмотрѣніемъ ихъ занимался тогда, какъ началось въ главномъ правленіи училищъ сужденіе о наукѣ естественнаго права *. Получивъ же предписаніе вашего сіятельства о истребованіи тетрадей преподавателя, я предписалъ о семъ совѣту и ожидалъ окончательнаго его донесенія, для совокупнаго представленія о всемъ дѣлѣ. Нынѣ тетрадь профессора Солнцева, вмѣстѣ съ копіею съ донесенія ректора, и подлинное объясненіе профессора Солнцева у сего представить честь имѣю.

Тетрадь сія, по отмѣченнымъ мною мѣстамъ, обличаетъ профессора Солнцева въ нарушеніи данной ему, въ бытность его ректоромъ, инструкціи, ибо, вопреки оной, составлена изъ выписокъ изъ такихъ авторовъ, кои науку естественнаго права основываютъ на разрушительномъ началѣ нравственныхъ законовъ практическаго разума.

По мнѣнію моему, твореніе сіе несравненно болѣе подлежитъ запрещенію, нежели сочиненіе Куницына, ибо

* Представляется любопытнымъ, что, въ этомъ заявленіи министру, суровый ревнитель благочестія и правды, Магницкій прибѣгнулъ къ явной лжи: окончательное рѣшеніе въ главномъ правленіи училищъ вопроса о судьбѣ преподаванія естественнаго права, въ которомъ Магницкій потерпѣлъ фіаско, послѣдовало 10-го февраля, между тѣмъ какъ первая студенческая запись лекцій естественнаго права (именно студента Ѳедорова) выслана была ему изъ Казани, какъ это явствуетъ изъ вышеизложеннаго, лишь 7-го апрѣля.

начало равно разрушительно, выборъ—хуже, а привлеченіе мѣстъ изъ священнаго писанія къ положеніямъ самымъ неистовымъ—довершаетъ нечестіе".

Испрашивая, слѣдомъ затѣмъ, соизволеніе князя Голицина на „воспрещеніе профессору Солнцеву, вообще, преподаванія въ университетѣ до окончанія зачавшагося о немъ дѣла", Магницкій приходитъ къ слѣдующему заключенію:

„Какъ профессоръ Солнцевъ, сохраненный въ казанскомъ университетѣ потому только, что найденъ при ревизіи проректоромъ и оказалъ во время оной большую дѣятельность и нѣкоторыя услуги, нарушилъ въ званіи ректора инструкцію.... то мнѣ казалось бы приличнымъ предать его на судъ самого университета, въ общемъ собраніи совѣта и правленія, подъ предсѣдательствомъ директора за попечителя, съ тѣмъ, что бы приговоръ университета, съ мнѣніемъ попечителя, поступилъ на утвержденіе вашего сіятельства.

Польза сего распоряженія была бы:

1. Что университетъ, который ни мало не раздѣляетъ образа мыслей г. Солнцева и въ поступкахъ его не участвовалъ, не понесъ бы отъ нихъ нареканія, будучи ихъ судьею.

2. Осужденіе Солнцева сословіемъ ученыхъ, изъ товарищей его состоящихъ, не могло бы имѣть вида притѣсненія и поступка насильственнаго.

3. Правильность формъ суда, который былъ бы произведенъ, доставила бы способъ обвиняемому принести всѣ возможныя въ пользу свою оправданія.

4. Ходъ и послѣдствія сего дѣла могли бы быть сообщены къ свѣдѣнію всѣхъ прочихъ ученыхъ сословій, какъ примѣръ, для нихъ полезный".

Копію съ этого представленія министру Магницкій тогда же (предложеніемъ отъ 8-го іюля) „секретно" сообщилъ директору университета Владимірскому, который одинъ былъ, такимъ образомъ, освѣдомленъ о положеніи въ министерствѣ дѣла Солнцева. Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель поручилъ директору принять дѣятельныя мѣры „въ разсужденіи отобранія тетрадей отъ студентовъ, слушавшихъ преподаваніе естественнаго права у г. Солнцева, взявъ его самого подъ строгій, но непримѣтный, надзоръ университетской полиціи съ тѣмъ, что бы я могъ,—писалъ попечитель,—имѣть чрезъ васъ положительныя свѣдѣнія о поведеніи его и духѣ преподаванія". Досталось въ томъ же предложеніи и самому Владимірскому за его недосмотръ по отношенію къ духу преподаванія Солнцева; признавая этотъ недосмотръ искупленнымъ директоромъ „важными заслугами по

университету", Магницкій, приглашая его „къ строжайшему исполненію долга, инструкціею возлагаемаго", грозитъ, что „на будущее время никакія уваженія въ оправданіе приняты не будутъ" [248].

Идея преданія Солнцева суду самого университета,—которая могла создаться въ умѣ попечителя лишь при полной увѣренности въ покорности его волѣ всей университетской корпораціи, въ чемъ онъ теперь, конечно, уже не сомнѣвался,—равно какъ и послѣдующій судъ надъ нимъ, явились лишь точнымъ воспроизведеніемъ событій, разыгравшихся въ томъ же 1821 году въ вновь открытомъ университетѣ петербургскомъ, гдѣ попечителемъ Руничемъ, при ближайшемъ участіи директора университета Кавелина, было возбуждено совершенно аналогичное преслѣдованіе и наряженъ такой же точно университетскій судъ надъ профессорами Галичемъ, Раупахомъ, Германомъ и Арсеньевымъ, по обвиненію ихъ въ преподаваніи порученныхъ имъ философскихъ и историческихъ наукъ „въ духѣ, противномъ христіанству", и въ „укорененіи въ умахъ студентовъ началъ, разрушительныхъ для общественнаго порядка и благосостоянія" *. Можно смѣло утверждать, что этотъ петербургскій инцидентъ—явился дѣломъ рукъ того же Магницкаго, по отношенію къ которому Руничъ былъ лишь покорнымъ орудіемъ и рабскимъ подражателемъ; подготовивъ, столько же сенсаціонный, сколько и тенденціозный, университетскій судъ въ петербургскомъ университетѣ, Магницкій захотѣлъ въ точности воспроизвести его и въ своемъ казанскомъ университетѣ. Все это было въ прямыхъ интересахъ честолюбивыхъ замысловъ казанскаго попечителя, какъ торжественное запечатлѣніе авторитетомъ приговоровъ двухъ университетскихъ коллегій той созданной имъ системы, которая была введена въ университетѣ казанскомъ, а слѣдомъ за нимъ—и въ университетѣ петербургскомъ. Магницкій не безъ тонкаго разсчета сообразилъ, что обвинительный вердиктъ двухъ товарищескихъ коллегій—долженъ былъ глубоко импонировать и передъ высшими правящими сферами, и передъ остальными университетами, и въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Разумѣется само собою, что князь А. Н. Голицинъ не замедлилъ одобрить всѣ доводы казанскаго попечителя и 20-го іюля увѣдомилъ его о своемъ согласіи какъ на запрещеніе Солнцеву дальнѣйшаго преподава-

---

* Подробности этого инцидента интересующіеся могутъ найти у Сухомлинова («Матеріалы для исторіи образованія въ царствованіе императора Александра I», журн. Мин. Нар. Пр. за 1866 г.), у Никитенко («А. И. Галичъ и пр.», тамъ же, 1869) и въ исторіи С.-Петербургскаго университета Григорьева (СПБ. 1870).

нія въ университетѣ, такъ и на наряженіе надъ нимъ чрезвычайнаго университетскаго суда. Предложеніемъ на имя директора университета отъ 29-го іюля 1821 года, за № 748, Магницкій уже оффиціально поставилъ университетъ въ извѣстность относительно судьбы проф. Солнцева и здѣсь же преподалъ основы организаціи будущаго суда надъ нимъ:

„По надлежащемъ разсмотрѣніи доставленнаго ко мнѣ курса естественнаго права, профессоромъ Солнцевымъ извлеченнаго изъ разныхъ нѣмецкихъ авторовъ, съ нѣкоторыми прибавленіями, имѣлъ я честь представить съ моимъ мнѣніемъ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія",—читаемъ въ этомъ попечительскомъ предложеніи.

„Его сіятельство, соглашаясь съ онымъ, предписалъ мнѣ:

1. Профессору Солнцеву, преподававшему естественное право на разрушительныхъ началахъ, запретить, вообще, всякое преподаваніе въ университетѣ, впредь до усмотрѣнія.

2. Поступокъ его предать на судъ самого университета, въ общемъ собраніи совѣта и правленія, подъ предсѣдательствомъ директора, за попечителя.

3. Приговоръ, который произнесенъ университетомъ будетъ, представить на усмотрѣніе его сіятельства, съ моимъ замѣчаніемъ.

Для надлежащаго исполненія сего предписанія почитаю нужнымъ изъяснить въ руководство ваше побудительныя причины сихъ распоряженій и все то, что должно, по моему мнѣнію, относиться къ формѣ сего чрезвычайнаго суда.

Главная причина къ оному есть, съ одной стороны—намѣреніе изъявить сословію казанскаго университета, сколь лестную довѣренность къ образу мыслей его заслужило оно отъ высшаго своего начальства, а съ другой—показать всѣмъ прочимъ нашимъ ученымъ сословіямъ, что вредные поступки ихъ членовъ не произволомъ начальствъ или мѣрами насильственными обуздываются, но подвергаются строгому и правильному дѣйствію ихъ собственнаго суда.

Вторая причина есть искреннее (?) желаніе дать подсудимому всѣ способы и всю свободу къ оправданію. Собственные сотоварищи и друзья назначены его судьями,—а потому:

1. Статьи обвиненія должны опредѣлительно, ясно и отдѣльно одна отъ другой быть предложены. У него долженъ быть вытребованъ, за подписаніемъ и скрѣпою его, списокъ съ той тетради, которая сюда представлена. Тетрадь сія должна быть сличена съ тетрадями студентовъ. Всѣ нужныя дополнительныя свѣдѣнія должны быть отобраны какъ отъ подсудимаго, такъ и отъ его слушателей.

2. Съ вниманіемъ обслѣдовано должно быть, какимъ образомъ и съ какимъ намѣреніемъ перемѣнено утвержденное попечителемъ росписаніе учебныхъ предметовъ профессоромъ Солнцевымъ.

Въ семъ состоитъ—обслѣдованіе.

3. За симъ должны быть предложены подсудимому вопросные пункты, могутъ быть даны очныя ставки и сдѣланы (sic) всѣ нужныя улики.

4. Не полагая приговора, подсудимый долженъ быть допущенъ къ защищенію себя. На сочиненіе полной защиты должно быть дано ему нужное время и даже удобность избрать изъ сотоварищей своихъ защитника, буде бы онъ пожелалъ сего или самъ, по какой либо причинѣ, защищать себя не могъ.

5. Сія часть суда должна быть открыта для всего университета, но за нею послѣдуютъ засѣданія приватныя, въ коихъ положится рѣшительный вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго, о степени вины, въ случаѣ утвержденія оной, и мѣрѣ наказанія, по общимъ законамъ, составится приговоръ по большинству голосовъ и примутся особыя мнѣнія, ежели будутъ.

Съ приговоромъ поступится по общимъ законамъ.

Во все продолженіе суда, до его окончанія, безсмѣнный засѣдатель (правленія), по званію своему, отправлять будетъ должность прокурора и понеже подсудимому предоставляется открытое защищеніе и выборъ защитника, то на безсмѣннаго засѣдателя возлагается обязанность обвинителя.

Вы не оставите распорядиться, совокупно съ ректоромъ, о замѣнѣ профессора Солнцева другимъ, надежнѣйшимъ, преподавателемъ, о чемъ, въ свое время, и имѣете представить.

Изъясняя вамъ съ прискорбіемъ сіи подробности,—ламентируетъ Магницкій, надѣвая на себя обычную маску фарисейскаго лицемѣрія,—я жертвую тѣми чувствами, которыя возбуждены во мнѣ столь печальнымъ и неожиданнымъ (!) для меня происшествіемъ, святости долга моего и искренне желаю, что бы подсудимый, ежели не можетъ оправдаться предъ правосудіемъ человѣческимъ, удержалъ руку правосудія небеснаго чистосердечнымъ раскаяніемъ въ злонамѣренномъ поступкѣ своемъ противъ такого ученаго сословія, которое, столь снисходительно, изъ ничтожества, въ порядкѣ гражданскомъ возвело его на важнѣйшую степень учености, доставило ему одно изъ первыхъ отличій настоящаго званія и открыло всѣ пути къ чести.

Вы предложите изъ предписанія сего тѣ только мѣста совѣту, кои принадлежатъ къ его исполненію, но сообщите его in extenso ректору".

Только что приведенный актъ представляется въ высокой степени характернымъ для обрисовки фарисейской личности казанскаго попечителя, давно уже рѣшившаго участь Солнцева и во всѣхъ этихъ мотивахъ

и „формахъ“ предстоявшаго суда подготовлявшій лишь болѣе пикантную приправу, подъ которою готовился поглотить неугодившаго ему профессора правовѣдѣнія и бывшаго ректора. Ни самъ Магницкій, ни подсудимый, ни его обвинители и судьи—ни минуты не сомнѣвались, конечно, въ томъ, что вся предстоящая процедура чрезвычайнаго университетскаго суда надъ проф. Солнцевымъ явится лишь пошлою комедіею и недостойнымъ издѣвательствомъ надъ идеею правосудія. Тѣмъ не менѣе попечитель, наряжая этотъ „шемякинъ судъ“ и будучи страстнымъ любителемъ всякаго рода показныхъ эффектовъ, почелъ нужнымъ обставить будущій процессъ такими внѣшними мѣрами гарантіи правосудія, какихъ въ ту пору не знали даже наши оффиціальные суды: здѣсь фигурируютъ и свободное состязаніе сторонъ, и обвиненіе, и защита, и даже, хотя въ предѣлахъ одного только университета, судоговореніе при открытыхъ дверяхъ. Весь судъ надъ проф. Солнцевымъ явился, съ этой точки зрѣнія, лишь позднѣйшимъ отраженіемъ шутовскихъ арлекинадъ, какія когда то (см. выше стр. 266-ую) сочинялъ тотъ же Магницкій въ домѣ своего прежняго патрона и благодѣтеля, М. М. Сперанскаго.

Между тѣмъ принимались мѣры къ подготовленію для будущаго суда вещественныхъ доказательствъ. Центромъ тяжести ихъ являлась собственноручная копія Солнцева съ отобраннаго у него и отправленнаго въ Петербургъ подлиннаго экземпляра его лекцій. Копія эта, сохранившаяся въ архивныхъ документахъ, касающихся суда надъ проф. Солнцевымъ, представляетъ собою переплетенную книгу въ 156 четвертушекъ писчей бумаги, переписанную собственноручно Солнцевымъ и скрѣпленную по листамъ какъ самимъ авторомъ ея, такъ и секретаремъ совѣта проф. Пальминымъ, и имѣющую слѣдующее заглавіе: „Начальныя основанія естественнаго частнаго, публичнаго и народнаго права, соч. Гавріила Солнцева“. Усердно отбирались директоромъ, при содѣйствіи инспектора, и студенческія тетради лекцій Солнцева по естественному праву, для сопоставленія ихъ съ подлинною его рукописью; въ матеріалахъ университетскаго архива сохранились, вмѣстѣ съ протоколами самаго суда, болѣе или менѣе полные экземпляры лекцій, принадлежавшіе студентамъ Красицкому, Дмитріевскому, Пото, Лопатину и Попову. Ознакомившись съ инкриминированнымъ курсомъ лекцій проф. Солнцева, мы приходимъ къ заключенію, что онъ не содержалъ въ себѣ положительно ничего зловреднаго и „разрушительнаго“, ни съ точки зрѣнія религіи, ни съ точки зрѣнія существующаго порядка. Являясь отраженіемъ ходячихъ, въ области вопросовъ этики, права и политики, философскихъ доктринъ XVII и XVIII вѣковъ, въ ту пору,

подъ мощнымъ воздѣйствіемъ ученія исторической школы, доживавшихъ свои дни и въ наукѣ западно-европейской, курсъ проф. Солнцева являлся совершенно шаблоннымъ типомъ учебниковъ естественнаго права, въ свое время наводнявшихъ собою европейскую юридическую литературу; оригинальность этого курса лекцій сводится развѣ только къ подневольнымъ и далеко не во всѣхъ случаяхъ удачнымъ потугамъ автора „приспособить" его къ тѣмъ своеобразнымъ требованіямъ, которыя предъявлялись инструкціею ректору и должны были служить показною вывѣскою его благочестія и благонамѣренности.

Попечительское предложеніе отъ 29-го іюля, устранявшее проф. Солнцева отъ дальнѣйшихъ преподаваній и установлявшее порядокъ и формы суда надъ нимъ, было получено въ Казани 9-го августа, но самого подсудимаго здѣсь не застало: онъ оказался уволеннымъ къ Сергіевскимъ минеральнымъ водамъ. Отсутствіе Солнцева никакихъ затрудненій, впрочемъ, не причинило, такъ какъ открытіе университетскаго суда надъ нимъ оттянулось, какъ мы ниже увидимъ это, до половины марта слѣдующаго 1822 года. Между тѣмъ отстраненіе Солнцева отъ преподаванія вызвало заботы относительно порученія его преподаваній другому лицу,—вопросъ, обсужденіе котораго и явилось логическимъ послѣдствіемъ попечительскаго предложенія отъ 29-го іюля, временно отодвинувъ на второй планъ вопросъ о самомъ судѣ надъ опальнымъ профессоромъ [249].

Мы видѣли, что, въ предложеніи отъ 29-го іюля, попечитель возлагалъ на директора университета обязанность озаботиться, совмѣстно съ ректоромъ, пріисканіемъ надежнаго замѣстителя проф. Солнцева,—порученіе, которое, въ виду отсутствія подходящихъ людей, легче было дать, нежели исполнить. Согласно предложенію директора и ректора, совѣтъ университета остановилъ свой выборъ на кандидатѣ правовѣдѣнія Протасовѣ, только въ предшествовавшемъ году окончившемъ университетскій курсъ и въ то время, занимая въ казанской гимназіи латинскій классъ, готовившемся къ магистерскому экзамену. Направленное въ этомъ смыслѣ представленіе попечителя было 26-го сентября министромъ утверждено и кандидатъ Протасовъ явился въ 1821—1822 учебномъ году единственнымъ представителемъ чисто-юридическихъ кафедръ въ казанскомъ университетѣ, преподавая римское и русское гражданское право; если прибавимъ къ этому курсъ политической экономіи, читанный проф. Пальминымъ, и курсъ дипломатики, читанный ад. Булыгинымъ—то передъ нами окажется исчерпаннымъ весь узкій курсъ чисто юридическихъ и политическихъ дисциплинъ, преподававшихся на нравственно-политическомъ отдѣ-

леніи въ ближайшій за устраненіемъ проф. Солнцева академическій годъ. Естественное право въ этомъ учебномъ году такъ и не читалось, о чемъ Магницкій едва ли, конечно, сокрушался, хотя, по его предложенію, совѣтъ университета и дѣлалъ попытку вернуть въ казанскій университетъ бывшаго преподавателя этого предмета адъюнкта Е. П. Манасеина, въ то время занимавшаго должность директора кавказскихъ училищъ; въ началѣ 1822 года, не взирая на обѣщанную ему экстраординатуру, Манасеинъ прислалъ отказъ, сославшись на „совершенно изнуренное и разстроенное здоровье, съ чрезвычайнымъ токмо усиліемъ дозволяющее исправлять настоящую должность“. Съ слѣдующаго 1822—1823 учебн. года преподаваніе естественнаго права,—но уже „въ смыслѣ обличительномъ“,—было возложено на пресловутаго автора „Мнѣнія христіанина о естественномъ правѣ“, профессора Городчанинова, который и велъ его до совершеннаго упраздненія преподаванія этой науки, послѣдовавшаго осенью 1829 года.

Засѣданія чрезвычайнаго университетскаго суда по дѣлу профессора Г. И. Солнцева, образованнаго, подъ предсѣдательствомъ директора университета А. П. Владимірскаго, въ качествѣ представителя попечителя, изъ соединенныхъ присутствій совѣта и правленія, открылись лишь 14-го марта 1822 года. Прокурорскія обязанности долженъ былъ нести на судѣ, согласно уже извѣстному намъ предписанію попечителя, непремѣнный засѣдатель правленія проф. В. И. Тимьянскій; секретарскія обязанности,—вѣрнѣе обязанности „великаго инквизитора“, — возложены были на секретаря совѣта проф. М. А. Пальмина. Въ высшей степени некрасивая роль, выпавшая въ этомъ позорномъ процессѣ на долю Пальмина, дала себя знать еще до открытія засѣданій суда. Несомнѣнно, что всѣ активные участники предстоявшей судебной арлекинады сильно побаивались Солнцева, не безъ основанія слывшаго великимъ законникомъ и казуистомъ, перехитрить котораго на почвѣ разнаго рода процессуальныхъ уловокъ и крючковъ добраго стараго времени—представлялось дѣломъ далеко не легкимъ: то былъ ухищренный и прошедшій сенатско-канцелярскую школу юристъ-практикъ, съ которымъ университетскому суду, съ его импровизованными предсѣдателемъ—акушеромъ, прокуроромъ—натуралистомъ и секретаремъ — философомъ, приходилось ухо держать остро. Пальминъ хорошо понималъ это и вздумалъ сразу припугнуть подсудимаго, передъ самымъ началомъ засѣданія сдѣлавъ ему внушеніе въ томъ смыслѣ, что „если онъ будетъ при семъ дѣлѣ употреблять тонкости (sic!), то сіе для него будетъ хуже“,—безтактное

застращиваніе, которое, какъ увидимъ ниже, не было Солнцевымъ оставлено безъ протеста.

День открытія дѣйствій чрезвычайнаго университетскаго суда былъ опредѣленъ въ засѣданіи совѣта 4-го марта, на которомъ было постановлено собраться на 14-ое марта въ первое засѣданіе суда въ мундирахъ, для „предъявленія Солнцеву предложенія попечителя отъ 29-го іюля 1821 года“ о преданіи его суду, о чемъ особымъ рапортомъ доведено было до свѣдѣнія попечителя. Мы нашли въ архивныхъ матеріалахъ казанскаго университета подлинные протоколы чрезвычайнаго суда надъ проф. Солнцевымъ, которыми и будемъ пользоваться въ нашемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи. Смѣемъ надѣяться, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если, въ виду крупнаго интереса затронутаго эпизода изъ прошлаго казанскаго университета, мы позволимъ себѣ остановиться на немъ съ нѣкоторою подробностью.

Если университетскій судъ надъ проф. Солнцевымъ не оказался, въ концѣ концовъ, ни „правымъ“, ни „милостивымъ“, то въ еще меньшей степени могъ онъ назваться „скорымъ“, и въ этомъ отношеніи процессъ Солнцева лишь слѣдовалъ общимъ традиціямъ старыхъ, дореформенныхъ, русскихъ судебныхъ распорядковъ. Начавшись 14-го марта 1822 года— онъ закончился лишь 17-го марта 1823 года, потребовавъ 12 судебныхъ засѣданій, именно: въ 1822 году—14 марта, 29 апрѣля, 3 и 17 іюня, 29 іюля, 13 октября, 4 и 11 ноября и 16 декабря; въ 1823 году—13, 14 и 17 марта. За это время успѣла даже произойти перемѣна въ лицѣ предсѣдателя: за послѣдовавшею размолвкою его съ попечителемъ, а затѣмъ и выходомъ въ отставку, съ засѣданія 13 октября 1822 года обязанности предсѣдателя, вмѣсто директора Владимірскаго, приняты были на себя временно заступившимъ его должность ректоромъ Г. Б. Никольскимъ [250].

Мы не будемъ имѣть ни времени, ни возможности, шагъ за шагомъ слѣдить за объемистыми протоколами процесса проф. Солнцева, но считаемъ цѣлесообразнымъ привести, съ нѣкоторыми сокращеніями, сравнительно небольшой протоколъ перваго засѣданія суда отъ 14-го марта 1822 года, который окажется въ достаточной мѣрѣ спо-

* Мы имѣемъ здѣсь въ виду лишь засѣданія судебныя, не принимая въ разсчетъ засѣданій подготовительныхъ и распорядительныхъ, съ которыми общее количество засѣданій явится гораздо болѣе значительнымъ и которыя начались еще съ августа 1821 года. Само присутствіе только послѣ засѣданія 14-го марта 1822 года сочло возможнымъ донести попечителю, что судъ надъ проф. Солнцевымъ—начался.

собнымъ наглядно познакомить читателей съ общимъ характеромъ этого необычайнаго академическаго судьбища:

„1822 года, марта 14-го дня,—читаемъ здѣсь,—въ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта и правленія императорскаго казанскаго университета слушано было:

Предложеніе г. директора университета, при коемъ препровождена выписка изъ предписанія его превосходительства г. попечителя отъ 29-го іюля 1821 года, содержащая въ себѣ обрядъ судопроизводства надъ г. ординарнымъ профессоромъ и кавалеромъ Солнцевымъ. При семъ препровождены тетради студентовъ о естественномъ правѣ, отобранныя у нихъ г. инспекторомъ студентовъ, на тотъ случай, когда суду представится надобность сличить сіи тетради съ трактатомъ г. Солнцева. Сіе предложеніе прочтено предъ подсудимымъ.

Послѣ того г. директоръ, какъ предсѣдатель, предложилъ ему вопросъ, на основаніи процессовъ 1-ой главы 11-го и 12-го пунктовъ: Будетъ ли онъ доволенъ судьями? На сіе г. Солнцевъ объявилъ:

1) Что онъ проситъ сообщить ему копію съ выписки, предъявленной ему о преданіи его университетскому суду, которую нужно ему имѣть для необходимыхъ по дѣлу соображеній; проситъ о семъ покорнѣйше потому, что самыми законами обвиняемому предоставляются всѣ возможные способы къ его защитѣ.

2) Покорнѣйше проситъ дозволить ему прочитать, за нѣкоторые ближніе годы, предписанія совѣту университета отъ высшаго начальства данныя; сіе также нужно для соображеній по дѣлу.

3) Проситъ покорнѣйше, въ случаѣ, если судъ находитъ доставленную имъ рукопись очень нечеткою, приказать переписать оную кому либо изъ лучшихъ писцовъ, а онъ обязуется оную свѣрить по надлежащему *.

4. Проситъ покорнѣйше записать въ протоколъ сдѣланный ему отзывъ профессора Пальмина, въ присутствіи многихъ, таковаго содержанія: что если онъ, г. профессоръ Солнцевъ, будетъ при семъ дѣлѣ употреблять тонкости, то сіе для него будетъ хуже. Таковый отзывъ онъ бы почиталъ до начатія дѣла невмѣстнымъ.

5. Имѣетъ честь предъявить, что онъ не намѣренъ пользоваться правомъ имѣть защитника по сему дѣлу, имѣя самъ къ тому соразмѣрныя способности.

---

* Объясняется это тѣмъ, что Солнцеву была поставлена, еще до начала суда, на видъ неразборчивость изготовленнаго имъ собственноручнаго списка съ подлинника его курса естественнаго права.

6. На предложеніе г. директора о томъ, доволенъ ли онъ своими судьями—на сіе имѣетъ подать особый отзывъ по сообщеніи ему резолюціи совѣта на тѣ отзывы, кои онъ имѣлъ честь представить совѣту.

Въ отвѣтъ на 4-е объявленіе г. профессора Солнцева, профессоръ Пальминъ объявилъ, что онъ основалъ свой отзывъ на представленіи его, г. Солнцева, что они подвели законы, не относящіеся прямо на случай.

Опредѣлено:

1. Не сообщать профессору Солнцеву копіи съ выписки о преданіи его университетскому суду, ему предъявленной.

2. Дозволить г. Солнцеву прочитывать тѣ предписанія начальства, до которыхъ доведутъ обстоятельства дѣла, и не прежде, какъ развѣ по ходу дѣла признано будетъ сіе нужнымъ въ видѣ доводовъ къ его оправданію.

3. По недостатку свободныхъ писцовъ довольствоваться настоящею рукописью, г. Солнцевымъ доставленною.

4. Статьи 4-ую, 5-ую и 6-ую—принять къ соображенію.

5. Рукопись г. Солнцева поручить предварительно разсмотрѣть г.г. профессорамъ Городчанинову и Тимьянскому и сдѣлать указанія на мѣста, несообразныя съ Откровеніемъ или общественнымъ благоустройствомъ".

Самое начало суда ознаменовалось небольшимъ инцидентомъ, героемъ котораго явился нашъ старинный знакомецъ, профессоръ П. С. Кондыревъ, не взирая на свою близость къ Яковкину уцѣлѣвшій при разгромѣ Магницкимъ личнаго состава университета. Дѣло въ томъ, что, въ виду возложенныхъ на него побочныхъ занятій по университету, Кондыревъ еще осенью 1821 года былъ освобожденъ, съ согласія самого попечителя, отъ присутствованія въ засѣданіяхъ совѣта, чѣмъ онъ и воспользовался для того, что бы не быть активнымъ участникомъ недостойной травли, предпринятой противъ Солнцева. Онъ упорно уклонялся отъ явки въ засѣданія чрезвычайнаго суда, не смотря на то, что за нимъ неоднократно посылали, внушая ему, что онъ освобожденъ лишь отъ присутствованія въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ совѣта, но не въ чрезвычайныхъ, каковыми являются засѣданія по дѣлу Солнцева. Упорство Кондырева было предметомъ сужденія уже второго чрезвычайнаго засѣданія отъ 29-го апрѣля, въ которомъ университетскій судъ, усмотрѣвъ въ поступкахъ его „ясное и нетерпѣливое желаніе уклониться отъ сего дѣла" и объясняя это тѣмъ, что „никто изъ сотоварищей проф. Солнцева не имѣетъ съ нимъ бóльшей пріязни, какъ профессоръ Кондыревъ", опредѣлилъ признать причину неявки его въ засѣданія суда—неуважительною, доведя о всемъ

этомъ до свѣдѣнія попечителя. Всѣ члены суда подписались подъ этимъ опредѣленіемъ, причемъ проф. Н. И. Лобачевскій оговорился, что „соглашается на такое рѣшеніе совѣта, исключая того, что онъ не знаетъ о большой пріязни г. Кондырева съ Солнцевымъ, а полагаетъ, что всѣ товарищи по службѣ находятся въ равной пріязни; что онъ не видитъ намѣреннаго уклоненія г. Кондырева отъ засѣданій, а приписываетъ только тому, что г. Кондыревъ толкуетъ буквально предписанія, не проникая въ ихъ смыслъ". Не взирая на то, что и попечитель принялъ въ этомъ конфликтѣ сторону совѣта, Кондыреву все же удалось уклониться отъ участія въ судѣ надъ Солнцевымъ и его фамилія не фигурируетъ ни въ одномъ изъ протоколовъ судебныхъ засѣданій совѣта. Впрочемъ, скоро ему сдѣлалось уже не до текущихъ университетскихъ дѣлъ: онъ занемогъ болѣзнью почекъ и скончался 24-го марта 1823 года, лишь нѣсколькими днями переживъ прекращеніе дѣйствій чрезвычайнаго суда.

Въ какую утонченную казуистику пускались на судѣ и самъ подсудимый, и его судьи, видно изъ другого инцидента, значущагося въ протоколѣ засѣданія 29-го апрѣля. Отъ обвиняемаго потребовали представленія отзыва на поставленный ему еще въ первомъ засѣданіи вопросъ о томъ—доволенъ ли онъ своими судьями. Солнцевъ объяснилъ, что отзывъ этотъ имъ еще не изготовленъ, такъ какъ въ настоящее время онъ „приготовляетъ себя къ принятію святаго причастія, сверхъ того, по болѣзни своей и по причинѣ соображенія обстоятельствъ дѣла, не могъ заготовить нужныхъ по дѣлу своему представленій и по сей причинѣ, даже и по окончаніи пощенія своего и по принятіи святаго причастія, имѣетъ надобность воспользоваться предоставляемымъ отвѣтчикамъ срокомъ". Подсудимый сослался при этомъ на указъ 11-го ноября 1685 (7193) года, въ которомъ, по справкѣ, нашли „изображеннымъ" слѣдующее: „Ежели отвѣтчикъ скажетъ, что онъ къ суду не изготовился, то дать ему срока не болѣе недѣли, кромѣ крѣпостныхъ дѣлъ съ записью, а ежели по крѣпостнымъ дѣламъ кто станетъ бить челомъ, что у нихъ крѣпости въ городахъ и деревняхъ, то давать поверстный срокъ". Судъ призналъ ссылку на этотъ указъ не подходящею къ случаю, такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь о тяжущихся, Солнцевъ же фигурируетъ въ данномъ дѣлѣ въ роли обвиняемаго—„ибо судъ надъ нимъ учрежденъ высшимъ начальствомъ, а не по иску какого либо частнаго лица; сверхъ того и самимъ помянутымъ узаконеніемъ предоставляется отвѣтчику сроку не болѣе недѣли".

Судоговореніе двигалось впередъ шагомъ положительно черепашьимъ. Только въ третьемъ засѣданіи суда, происходившемъ 3-го іюня, было заслушано донесеніе профессоровъ Городчанинова и Тимьянскаго, съ отзывомъ относительно подлинной рукописи лекцій Солнцева по естественному праву. Отзывъ этотъ оказался довольно суровымъ, о чемъ не преминулъ, конечно, постараться авторъ „мнѣнія христіанина о естественномъ правѣ". Здѣсь рецензенты прежде всего останавливаются на попыткѣ Солнцева,—и попыткѣ сшитой, по правдѣ сказать, довольно бѣлыми нитками,—„приспособить" исходное положеніе своего ученія о нравственномъ законѣ къ требованіямъ инструкціи ректору:

„Авторъ,—заявляютъ его зоилы,—принялъ за главное начало и основаніе естественнаго права сіе Спасителево изреченіе: а) Вся убо, елико аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ; б) Тою бо мѣрою, ею же мѣрите, возмѣрится и вамъ.

Отсюда справедливо выводитъ онъ такъ называемый нравственный законъ, который во многихъ мѣстахъ своей рукописи и поставляетъ, гдѣ прилично, на мѣсто онаго Спасителева изрѣченія. Слѣдовательно, надлежало бы ему изъ сего же самаго ученія Спасителева извлекать всѣ начала, опредѣленія и философскія положенія въ наукѣ естественнаго права. Но, вопреки сему и самому себѣ, онъ допускаетъ другое начало естественнаго права—какой то практическій разумъ".

Слѣдуетъ рядъ выписокъ изъ лекцій Солнцева, долженствующихъ иллюстрировать это преклоненіе его передъ „какимъ то" практическимъ разумомъ:

„На страницѣ 11-ой авторъ говоритъ, что начала предупрежденія и отклоненія обидъ извлекаются изъ единаго практическаго разума. Допуская сіе, отступаетъ онъ отъ принятаго имъ въ основаніе естественнаго права ученія евангельскаго, изъ котораго единственно выводятся истинныя начала къ отклоненію обидъ и состоятъ въ христіанской любви, столь превосходно святымъ апостоломъ Павломъ изображенной (слѣдуетъ соотвѣтствующій текстъ изъ посланій св. апостола Павла). Ежели доказано будетъ, что евангельское ученіе и практическій разумъ—одно и тоже, тогда можно согласиться съ авторомъ".

„На страницѣ 8-й сказано: Ученіе естественнаго права имѣетъ предметомъ изслѣдованіе началъ, изъ здраваго разума человѣческаго выводимыхъ, а именно—изслѣдованіе тѣхъ началъ, на коихъ основываются

природныя права человѣка. По принятому авторомъ главному основанію естественнаго права, сіи начала надлежало бы выводить не изъ здраваго разума человѣческаго, а изъ святаго евангелія".

„На страницахъ 17-й и 18-й—естественное состояніе названо состояніемъ неограниченной свободы каждаго. Напротивъ того, не все ли намъ доказываетъ, что сіе состояніе есть—состояніе неограниченной отъ всего зависимости? Сей неограниченной свободы или независимости нѣтъ ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ мірѣ. Вселенная основана на законахъ всеобщей зависимости такъ, что одна вещь имѣетъ бытіе свое для другой, и одна другой взаимно служитъ. Слѣдовательно, неограниченная свобода есть—химерическая идея".

„На страницѣ 24-й сказано: Кантъ, признавая практическій разумъ общимъ источникомъ какъ правоученія, такъ и естественнаго права и пр. Не практическій разумъ, но святое евангеліе есть общій источникъ оныхъ".

„На оборотѣ страницы 57-й сказано: Права естественной свободы и естественнаго равенства могутъ подвергнуться ограниченіямъ чрезъ добровольное отреченіе и подчиненность и пр. Власть царская основывается не на договорѣ между государемъ и подданными, но происходитъ единственно отъ Бога".

„На оборотѣ страницы 66-й сказано: По самому понятію о свободѣ и равенствѣ, кои составляютъ личныя права каждаго человѣка, никто не можетъ имѣть безусловнаго права понуждать кого либо другого къ тому, что бы онъ что либо далъ, или что либо для него сдѣлалъ, если на то другой не изъявитъ своей воли. По сему понятію о свободѣ и равенствѣ—гдѣ же священныя права государей и обязанности подданныхъ, самимъ евангеліемъ утвержденныя? Гдѣ права правителей? Гдѣ обязанности дѣтей къ своимъ родителямъ? Гдѣ права господъ и обязанности рабовъ?"...

„На оборотѣ 100-й страницы: Союзъ брачный не есть одинъ простой договоръ—онъ долженъ быть освященъ достоинствомъ таинства и у самыхъ даже дикихъ народовъ при совершеніи браковъ наблюдаются нѣкоторыя таинственные обряды. Бракъ не есть договоръ, но таинство. Былъ ли договоръ у Адама съ Евой"?...

и. т. д.

Общій выводъ, сдѣланный рецензентами изъ курса лекцій проф. Солнцева, является слѣдующимъ:

„И такъ, въ сей рукописи пріемлются два начала, одно другому противоположныя: ибо возможно ли согласить Кантовъ практическій

разумъ съ евангельскимъ ученіемъ? Кое общеніе Свѣта ко тьмѣ? Сей разумъ, практическій ли или теоретическій, св. пророкъ Ісаія называетъ—жезлъ тростянъ сокрушенный, на него же аще опрешься, внидетъ въ руку и прободетъ ю".

Далѣе слѣдуетъ рядъ соображеній, направленныхъ къ доказательству несовмѣстимости ученія о практическомъ разумѣ съ ученіемъ евангельскимъ, причемъ рецензенты обрушиваются не столько на проф. Солнцева, сколько на самую систему естественнаго права, въ которую Солнцевъ, самъ по себѣ, не внесъ ничего новаго, вслѣдствіе чего и послѣ заслушанія донесенія Городчанинова и Тимьянскаго—вопросъ о наличности въ чтеніяхъ Солнцева злаго умысла, направленнаго къ внушенію юношеству разрушительныхъ идей—продолжалъ оставаться открытымъ [251].

Слѣдующею стадіею судебнаго слѣдствія должно было явиться сличеніе подлинной рукописи лекцій проф. Солнцева съ отобранными у студентовъ записками, съ цѣлью удостовѣриться, не распространялъ ли онъ вредныхъ идей, которымъ побоялся дать мѣсто въ рукописномъ курсѣ своемъ—съ кафедры, во время самаго чтенія лекцій? Разслѣдованіе этого вопроса было возложено, въ томъ же засѣданіи 3-го іюня, на особую коммиссію, образованную изъ профессора Лобачевскаго и адъюнктовъ Булыгина, Баженова и Васильева, причемъ, тогда же, отъ собственниковъ лекцій потребованы были подъ присягою показанія о тѣхъ путяхъ, которыми были пріобрѣтены ими отобранныя у нихъ тетради естественнаго права. Докладъ этой коммиссіи былъ заслушанъ въ засѣданіи суда отъ 29-го іюля (по счету—пятомъ), но и онъ не оказался способнымъ внести ничего существеннаго въ дѣло формулировки прямыхъ обвиненій противъ Солнцева. Докладчики заявили, что ими „сличены были всѣ тетради студентовъ, одна съ другой, и по сличеніи нашлось, что всѣ тетради не противорѣчатъ между собою, но не всѣ одинаково полны", хотя „при сличеніи тетрадей съ рукописью (Солнцева) открылись большія различія", но характера чисто лишь формальнаго, такъ что, при постановкѣ приговора, даже самъ судъ долженъ былъ признать, что „тетради студентовъ о правѣ естественномъ въ главнѣйшихъ положеніяхъ сходствуютъ, съ небольшими отмѣнами, съ рукописью г. Солнцева, въ которой сдѣланы нѣкоторыя перемѣны, поясненія и прибавленія".

Если не принимать въ соображеніе предъявленнаго къ Солнцеву второстепеннаго и уже запоздавшаго обвиненія въ самовольномъ измѣненіи имъ учебнаго плана преподаванія, то весь центръ тяжести процес-

са долженъ былъ опереться, такимъ образомъ, на выясненіи неблагонамѣреннаго характера чтеній Солнцева, принявъ за основу уличенія его въ этомъ направленіи—собственный экземпляръ его лекцій. Въ эту то сторону дальнѣйшее теченіе судоговоренія и было направлено. Профессоръ Тимьянскій, на котораго, въ силу его званія непремѣннаго засѣдателя правленія и на основаніи предписанія попечителя, предполагалось возложить обязанности прокурора, не оказался, надо полагать, на высотѣ такого положенія. Привыкшему бесѣдовать съ животворящими и располагающими къ спокойному созерцанію силами и явленіями природы, мирному натуралисту была неподручною роль суроваго обвинителя и связанная съ нею необходимость считаться съ „тонкостями" подсуднаго профессора правовѣдѣнія,—по крайней мѣрѣ въ рѣшительный моментъ процесса предназначавшаяся ему роль перешла къ секретарю совѣта Пальмину: въ томъ же засѣданіи 29-го іюля состоялось опредѣленіе присутствія, въ силу котораго на проф. Пальмина возложена обязанность „изложить статьи обвиненія, согласно выпискѣ изъ предписанія г. попечителя".

Докладъ Пальмина по существу этого порученія былъ внесенъ имъ въ шестое засѣданіе суда, происходившее 13 октября. Оказалось, что секретарь совѣта встрѣтилъ „непреоборимыя" трудности въ дѣлѣ построенія обвиненія, обусловленныя самымъ характеромъ труда проф. Солнцева: „Многія понятія въ курсѣ естественнаго права,—жаловался докладчикъ,—выражены словами многознаменательными и неопредѣленными, нѣкоторыя основанія совсѣмъ не изложены, а только упоминаются, совершенно не видно, съ какимъ намѣреніемъ введены нѣкоторыя довольно важныя статьи и мѣста, самая цѣль преподаванія естественнаго права ясно не истолкована, не сказано, какими именно сочиненіями руководствовался г. профессоръ и т. п.", вслѣдствіе чего „невозможно показать съ достовѣрностію и точностію, что въ сочиненіи г. профессора собственно принадлежитъ ему, и что заимствовано у другихъ писателей, каковы, вообще, всѣ его начала и устремлены ли были преподаванія его къ одной какой либо (sic) цѣли". Ясно, что во всѣхъ этихъ сѣтованіяхъ—сквозитъ сознаніе безсилія проф. Пальмина разобраться въ курсѣ Солнцева и указать въ немъ на такія „разрушительныя" положенія, которыя могли бы быть выдвинуты неоспоримыми доводами въ пользу обвиненія. „Непреоборимыя" трудности эти не удержали, тѣмъ не менѣе, ревности секретаря совѣта и онъ рѣшился прибѣгнуть къ чисто іезуитскому пріему, обнаружившему въ немъ достойнаго послѣдователя Игнатія Лайолы

и традицій инквизиціонныхъ судовъ и застѣнковъ былыхъ эпохъ повальнаго гоненія на свободу мысли, слова и знанія. Если самая рукопись подсудимаго не изобличаетъ его во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, то можно косвенными путями заставить его разоблачить свои убѣжденія, сбить его съ позиціи рядомъ софистическихъ построеній и ухищреній, заставить его промолвиться, высказать неосторожную мысль, впасть въ вымученное противорѣчіе и, тогда, съ паѳосомъ напускнаго негодованія возвать къ жалкому товарищескому трибуналу: „Распни его!“.....

Къ такому именно образу дѣйствій и надумалъ прибѣгнуть проф. Пальминъ—этотъ показной поборникъ христіанской любви къ ближнему, благочестія, правды и всякаго рода благонамѣренности. Съ этою цѣлью онъ составилъ 217 вопросовъ, подавляющею массою и хитросплетеніемъ которыхъ намѣревался совершенно запутать Солнцева, сбить его съ толку, вычитать всю душу подсудимаго и раскрыть самые сокровенные тайники его убѣжденій и міровоззрѣнія. Въ протоколахъ суда надъ проф. Солнцевымъ имѣется полный реэстръ всѣхъ 217-ти вопросовъ, сформулированныхъ изобрѣтательною фантазіею университетскаго великаго инквизитора, лишь съ самою небольшою частью которыхъ мы, въ видѣ образца, познакомимъ нашихъ читателей:

Вопросъ 1.—«Ежели принять право въ предлежательномъ смыслѣ такъ, какъ принимаетъ его г. профессоръ, то чѣмъ оно отличаться будетъ отъ иоики (этики), пророческихъ книгъ и евангельскаго ученія? Ибо всѣ они содержатъ въ себѣ совокупность законовъ, наши свободныя дѣянія ограничивающихъ».

Вопросъ 2.—«Что надобно разумѣть подъ именемъ закона?»

Вопросъ 3.—«Кого именно надобно понимать подъ именемъ свободнодѣйствующихъ существъ?»

Вопросъ 5.—«Что разумѣетъ г. профессоръ подъ именемъ законовъ свободы?»

Вопросъ 6.—«Въ коихъ именно отношеніяхъ Кантово опредѣленіе права—превосходно?»

Вопросъ 8.—«Ежели нравственное достоинство честнаго человѣка состоитъ только въ томъ, что онъ есть разумное существо и имѣетъ свои цѣли: то чѣмъ онъ различается, напримѣръ, съ воромъ, съ разбойникомъ? Ибо и сіи люди суть разумныя существа и имѣютъ свои цѣли».

Вопросъ 16.—«Не имѣютъ ли и безсловесныя животныя какихъ либо правъ? Ибо въ священномъ писаніи сказано: блаженъ милуяй и скотъ свой, и: да незаградиши устнѣ вола молотяща.»

Вопросъ 23.—«Что разумѣетъ г. профессоръ подъ именемъ началъ справедливости (principia justi)»?

Вопросъ 24.—«Что разумѣетъ г. профессоръ подъ именемъ здраваго разума человѣческаго?»

Вопросъ 25.—«Если наука естественнаго права есть философическая и имѣетъ предметомъ изслѣдованія началъ, изъ здраваго разума человѣческаго выводимыхъ, то къ чему г. профессоръ привелъ въ § 1-мъ евангельскія слова: Вся, убо елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, такожде и вы творите имъ и пр.,—присовокупивъ ихъ такъ, что будто поставляетъ оныя главнымъ началомъ, изъ котораго будетъ выводить все свое ученіе?»

Михаилъ Архиповичъ
Пальминъ,
профессоръ философіи, дипломатики и политической экономіи.
(16 февраля 1820 г.—10 мая 1824 г.)

Вопросъ 26.—«Что заставило г. профессора изъяснить въ семъ мѣстѣ, что наука естественнаго права не можетъ и не должна быть противна ученію откровенному?»

Вопросъ 32.—«Истины какъ правоученія, такъ и науки нравовъ должны быть заимствуемы изъ одного и того же чистѣйшаго нравственнаго источника. Изъ какого именно?»

Вопросъ 34.—«По § 13-му г. профессоръ, утверждая, что права положительныя, кромѣ богоданныхъ законовъ народу еврейскому, суть установленія законодательной человѣческой власти и что источникомъ оныхъ есть воля человѣка, не опустилъ ли чего нибудь важнаго въ исключеніи своемъ? Если опустилъ, то что разумѣетъ онъ здѣсь подъ именемъ человѣческой воли?»

Вопросъ 35.—«Какимъ образомъ естественное право служитъ основаніемъ законодательства гражданскаго, если источникомъ перваго есть—Богъ, а втораго—воля человѣка законодателя, и что г. профессоръ разумѣетъ подъ именемъ естественнаго права?»

Вопросъ 42.—«Прилично ли назвать правительство публичною властью, а ежели неприлично, то почему употреблено сіе выраженіе?»

Вопросъ 49.—«Дозволено ли россійскими законодателями слѣдовать правиламъ естественнаго правоученія въ разбирательствѣ дѣлъ, въ случаѣ недостатка законовъ, и почему опущено изъясненіе сего обстоятельства молодымъ людямъ?»

Вопросъ 51.—«По какой необходимости политикъ долженъ прибѣгать въ основаніяхъ своихъ къ естественному праву, при изысканіи средствъ къ народному благоденствію, и нѣтъ ли для него возможности извлекать ихъ изъ евангелія или, по крайней мѣрѣ, изъ философическаго нравоученія?»

Вопросъ 52.—«Богословъ не лучше ли можетъ видѣть волю Божію въ истинахъ св. писанія? А ежели сіе справедливо, то нужно-ли ему прибѣгать за симъ къ естественному праву?»

Вопросъ 59.—«Дѣйствительно ли король Іаковъ I, въ рѣчахъ своихъ парламенту, изъяснялся, что онъ народу ничѣмъ не обязанъ и, ежели сіе справедливо, то правильно ли было изъясненіе сего государя или нѣтъ?»

Вопросъ 65.—«Въ какомъ смыслѣ принимаетъ г. профессоръ слово—властелинъ?»

Вопросъ 85.—«Что разумѣетъ г. профессоръ подъ благоденствіемъ человѣка?»

Вопросъ 98.—«Что есть истинное просвѣщеніе ума и истинное образованіе сердца?»

Вопросъ 109.—«Существуетъ ли, дѣйствительно, право равенства?»

Вопросъ 110.—«Равенству ли противополагается необузданная вольность и буйство?»

Вопросъ 114.—«Жена мужу, дѣти родителямъ, слуги господамъ и подданные государю—подчинены въ физическомъ или нравственномъ отношеніи?»

Вопросъ 137.—«Въ § 110-мъ г. профессоръ говоритъ, что, по самому понятію о свободѣ и равенствѣ, кои составляютъ личныя права каждаго человѣка, никто не можетъ имѣть безусловнаго права понудить кого либо другаго къ тому, что бы онъ что либо далъ, или что либо для него сдѣлалъ, если на то другой не изъявилъ своей воли. Что разумѣетъ здѣсь г. профессоръ подъ именемъ безусловнаго права? Не будетъ ли сіе мѣсто его сочиненія противорѣчить св. писанію или такъ называемому философами нравственному принудительному закону? Не подрываетъ ли имъ г. профессоръ какого либо важнаго основанія правъ и, посему, не противорѣчитъ ли самъ себѣ въ семъ отношеніи?»

Вопросъ 147.—«Прилично ли (по § 131-му) даръ или дареніе называть договоромъ, а тѣмъ болѣе—контрактомъ? Ежели прилично, то чѣмъ доказать сіе?»

Вопросъ 162.—«Что заставляетъ допускать отраженіе обидъ, прямо вопреки евангельскому ученію?»

Вопросъ 163.—«Какимъ образомъ согласить право вознагражденія или удовлетворенія за убытки, кѣмъ либо въ нашей собственности учиненные, съ евангельскимъ ученіемъ?»

Вопросъ 181.—«Какое различіе полагаетъ г. профессоръ между служителемъ и рабомъ?»

Вопросъ 203.—«Ежели формы правленія опредѣляются коренными государственными законами или постановленіями, то принадлежатъ ли онѣ вѣдѣнію естественнаго правоученія?»

Вопросъ 206.—«Могутъ ли государи добровольно отрекаться отъ управленія государствомъ, ежели власть ихъ исходитъ отъ самого Бога? Ежели могутъ, то почему?»

Вопросъ 207.—«Разсужденіе о причинахъ государственныхъ потрясеній и о способахъ къ отвращенію оныхъ принадлежитъ ли правоученію? Ежели оно входитъ въ предѣлы сей науки, то почему?»

Вопросъ 213.—«Какими писателями преимущественно руководствовался г. профессоръ въ сочиненіи своихъ основаній естественнаго права, равно какъ и въ преподаваніи оныхъ, и почему тѣми, а не другими?»

Вопросъ 214.—«Хорошо ли извѣстны ему всѣ тѣ сочиненія, которыя онъ привелъ въ своей рукописи подъ именемъ литературы, и можетъ ли онъ дать оцѣнку каждому, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ духу?»

Соединенное присутствіе пришло, повидимому, само въ ужасъ отъ этой массы и этого разнообразія вопросовъ, сколько нибудь обстоятельное письменное объясненіе по которымъ грозило на долгое и на неопредѣленное время затянуть производство по дѣлу Солнцева, и безъ того длившееся уже цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. По крайней мѣрѣ въ томъ же засѣданіи было опредѣлено поручить профессорамъ Городчанинову и Дунаеву „выбрать изъ сихъ вопросовъ для предложенія г. профессору Солнцеву тѣ, которые они сочтутъ существенными". Это порученіе было выполнено къ засѣданію 21-го октября; оказалось, что Городчаниновъ и Дунаевъ признали подлежащими исключенію 42 вопроса, остальные же 175 вопросовъ были вручены подсудимому, съ предложеніемъ „дать общему собранію совѣта и правленія удовлетворительные на оные отвѣты въ непродолжительномъ времени" [252].

Рекомендованное присутствіемъ „непродолжительное время"—обратилось въ понятіе настолько растяжимое, что затребованные отвѣты такъ и не были Солнцевымъ представлены во все продолженіе суда надъ нимъ и приговоръ состоялся помимо ихъ. Вникнувъ въ сущность этихъ вопросовъ даже въ томъ отрывочномъ видѣ, въ какомъ были они нами приведены, мы должны будемъ согласиться, что, уклоняясь отъ объясненій по нимъ, Солнцевъ избралъ благую часть, такъ какъ давать серьезные отвѣты на многіе изъ этихъ хитросплетенныхъ вопросовъ являлось дѣломъ не только щекотливымъ, но прямо таки—опаснымъ; это значило бы добровольно лѣзть въ дьявольскую ловушку, предупредительно поставленную передъ нимъ благочестивыми приспѣшниками Магницкаго. Между тѣмъ судъ торопилъ подсудимаго представленіемъ требуемыхъ отвѣтовъ, тѣмъ болѣе, что непомѣрная затяжка процесса обратила на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія, въ началѣ сентября предложившаго попечителю о „скорѣйшемъ окончаніи дѣла о профессорѣ Солнцевѣ, которое уже столь давно продолжается", въ виду чего Магницкій, въ свою очередь, потребовалъ окончанія этого дѣла „въ продолженіи одного мѣсяца со времени

полученія сего предложенія“ (т. е. съ 28-го сентября). Прошелъ назначенный попечителемъ срокъ, наступилъ ноябрь—а отъ Солнцева все еще не поступало затребованныхъ отвѣтовъ. 4-го ноября судъ сдѣлалъ ему запросъ—„скоро ли онъ представитъ отвѣты на данные вопросы“, на что подсудимый подалъ слѣдующій уклончивый отзывъ, заслушанный въ засѣданіи 11-го ноября:

„На присланную мнѣ выписку о томъ, скоро ли я представлю отвѣты на вопросы, ко мнѣ препровожденные, честь имѣю донести, что представленіе оныхъ отвѣтовъ зависить будетъ отъ изготовленія требуемыхъ рѣшеній, времени же для таковыхъ рѣшеній опредѣлительно назначить—не могу, ибо сіе зависитъ не только отъ состоянія моего здоровья, трудами моими много разстроеннаго, но и отъ самаго образа изготовленія оныхъ отвѣтовъ, требующихъ со стороны моей возможной осмотрительности и точности, въ чемъ мнѣ, какъ обвиняемому и къ оправданію всѣ возможныя средства употреблять право имѣющему, отказать не можно“.

Пришла половина декабря—а давно ожидаемыхъ отвѣтовъ, отсутствіе которыхъ затормозило все производство, все еще на лицо не имѣлось. 18-го декабря сдѣланъ былъ подсудимому новый запросъ по этому поводу, на который Солнцевъ далъ лишь 23-го февраля слѣдующаго 1823 года отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что „отвѣты на предложенные вопросы окончены“ и что въ настоящее время онъ занятъ „повѣркою оныхъ, подведеніемъ нужныхъ цитатовъ (sic) и перепискою оныхъ“, но что, тѣмъ не менѣе, онъ все еще „опредѣлительнаго времени къ представленію оныхъ назначить не можетъ“.

Трудно сказать, на какое безконечное время затянулась бы вся эта судебная трагикомедія, явившаяся лишь отраженіемъ общей процессуальной волокиты дореформенной Руси, если бы конецъ ей не былъ положенъ самимъ Магницкимъ, которому вся эта затѣянная имъ кляуза надоѣла и который, быть можетъ, понялъ, что устроенное имъ университетское судбище, обращенными на которое разсчитывалъ онъ видѣть удивленныя очи чуть ли не всей Европы, вступило въ тотъ фазисъ, когда, какъ говорится—„отъ великаго до смѣшнаго“ остается всего только одинъ шагъ“ 6-го марта 1823 года соединеннымъ присутствіемъ было заслушано слѣдующее предложеніе попечителя отъ 23-го февраля:

„Ожидая слишкомъ уже два мѣсяца донесенія объ окончаніи дѣла о профессорѣ Солнцевѣ и не получивъ его доселѣ, я нужнымъ почи-

таю снова подтвердить о немедленномъ рѣшеніи онаго, съ тѣмъ, что, ежели производство дѣла сего остановилось на томъ, что профессоръ Солнцевъ не доставляетъ требуемыхъ отвѣтовъ на заданные ему вопросы, то предлагаю понудить его къ скорѣйшему представленію и, буде онъ въ теченіи недѣли со дня полученія предложенія моего не исполнитъ сего—сдѣлать заключеніе о виновности профессора Солнцева, *или о противномъ* *, и представить оное ко мнѣ".

По существу этого попечительскаго предложенія состоялось слѣдующее опредѣленіе присутствія: „Какъ назначенный господиномъ попечителемъ срокъ окончится 12-го числа сего мѣсяца, то, *для приступленія къ заключенію о виновности г. Солнцева, или противномъ, назначить засѣданіе 13-го числа, то есть во вторникъ, въ 12 часовъ пополуночи*" [253].

Наступило 13-ое марта 1823 года—рѣшительный день суда надъ профессоромъ Солнцевымъ. Въ этомъ засѣданіи *произведена была выборка обвинительныхъ статей*, которыя должны были лечь въ основу сужденія о виновности или невиновности подсудимаго. Установленные здѣсь обвинительные пункты настолько интересны для обрисовки всего общаго характера занимающаго насъ процесса, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ полностью, съ соотвѣтствующими замѣчаніями на нихъ соединеннаго присутствія:

Статьи обвиненія.	Заключенія суда.
I.	
Въ § 2-мъ сказано: «Обязанность есть нравственная необходимость дѣлать все то, чего требуетъ повелѣніе нравственнаго закона».	Сіе опредѣленіе темно.
II.	
Въ §§ 5-мъ и 13-мъ сказано: «Права естественныя предначертаны человѣку самимъ Богомъ и внушены его разсудку для ограниченія поступковъ, сообразно съ нравственнымъ закономъ».	Сіе положеніе ослабляетъ законы положительные и откровенные.
III.	
Въ § 13-мъ сказано: «Въ естественномъ правѣ разсматриваются, вообще, права человѣка, коими можетъ онъ пользоваться только яко лицо, по его состоянію, безусловно, въ какихъ бы онъ ни былъ отношеніяхъ».	Положеніе сіе ослабляетъ всѣ законы положительные и откровенные.

* Эти подчеркнутыя нами три слова надписаны, сверху строки, рукою самого попечителя.

IV.

Въ началѣ § 24-го сказано, что «общественный договоръ ложно полагается основаніемъ гражданскихъ обществъ», а въ срединѣ того же параграфа: «Гоббезій не объяснилъ того, что цѣль гражданства не есть пожертвовать счастіемъ всѣхъ одному; что граждане, вручившіе судьбу свою единому властителю, хотя и пожертвовали естественною своею свободою, но не лишили себя, съ тѣмъ вмѣстѣ, всѣхъ правъ естественныхъ; что они, вмѣсто естественной свободы, пріобрѣли свободу—гражданскую, и что при пользованіи сею свободою, для достиженія блаженнаго состоянія, въ гражданскомъ обществѣ требуются взаимныя жертвы».

Два сіи положенія одно другому противорѣчатъ.

V.

Въ § 68-мъ сказано: «По праву равенства, всякій можетъ располагать своимъ лицомъ и своими поступками, сообразно съ здравыми внушеніями практическаго разума».

Сіе положеніе ослабляетъ положительные и откровенные законы.

VI.

Въ § 67-мъ сказано: «Естественная свобода состоитъ въ независимости отъ произвола другихъ, т. е. въ правѣ располагать своимъ лицомъ, своими душевными и тѣлесными силами и способностями и всѣми своими дѣяніями, не подлежа внѣшнему со стороны другихъ ограниченію».

Въ § 68-мъ сказано: «Право равенства естественнаго есть право общее всѣхъ и каждаго».

Сіи положенія также ослабляютъ положительные и откровенные законы.

VII.

Въ § 74-мъ сказано: «Права естественной свободы и естественнаго равенства могутъ подвергаться ограниченіямъ чрезъ договоры, чрезъ добровольное отреченіе и подчиненность, также чрезъ внѣшнюю силу».

Недостаточная поправка главныхъ положеній естественнаго права.

VIII.

Въ § 110-мъ сказано: «По самому понятію о свободѣ и равенствѣ, кои составляютъ личныя права каждаго человѣка, никто не можетъ имѣть безусловнаго права понуждать кого либо другого къ тому, что бы онъ что либо далъ или что либо для него сдѣлалъ, если на то другой не изъявитъ своей воли. Слѣдовательно, потребно для сего (in dando et faciendo, vel non faciendo) взаимное съ обѣихъ сторонъ соглашеніе и, притомъ, внѣшнимъ какимъ либо обязательнымъ дѣйствіемъ (facto quodam obligatorio intercedente) обнаруженное».

Сіе положеніе прямо противорѣчитъ законамъ положительнымъ и св. писанію.

IX. Въ § 229-мъ сказано: «Союзъ брачный не есть одинъ простой договоръ. Онъ долженъ быть освященъ достоинствомъ таинства. Союзъ сей, какъ оплотъ общежительнаго порядка, какъ союзъ священный, болѣе заключаетъ въ себѣ важности, нежели какой либо простой договоръ».	Сіе противорѣчитъ священному писанію.
X. Въ § 235-мъ «умышленное удаленіе и бѣгство»— поставлены въ числѣ важнѣйшихъ причинъ къ разводу.	Сіе противно священному писанію.
XI. Въ § 269-мъ сказано: «Естественное публичное или государственное право излагаетъ права и обязанности правителей государства и гражданъ, подчиненныхъ верховной ихъ власти, изъ началъ здраваго разума выводимыя».	Также противно священному писанію.
XII. Въ семъ сочиненіи авторъ принялъ за главное начало и основаніе естественнаго права сіе Спасителево изреченіе: «Вся убо, елико аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ. Тою бо мѣрою, ею же мѣрите, возмѣрится и вамъ». Отсюда справедливо выводитъ онъ такъ называемый нравственный законъ, но, вопреки сему, онъ допускаетъ и другое начало естественнаго права— какой то практическій, здравый, разумъ».	

„Гора родила мышь"—съ удивленіемъ остается намъ воскликнуть, прочитавъ только что цѣликомъ выписанные нами двѣнадцать „обвинительныхъ" противъ проф. Солнцева пунктовъ, явившихся жалкимъ плодомъ годичныхъ трудовъ устроеннаго Магницкимъ университетскаго судилища. Казалось бы, что этихъ „обвиненій" было болѣе нежели достаточно для того, что бы съ миромъ отпустить обвиняемаго изъ зала засѣданій, но покорный Магницкому университетскій трибуналъ заблагоразсудилъ иначе и постановилъ такое опредѣленіе: „Для продолженія сужденія по сему чрезвычайному (!) дѣлу назначить засѣданіе въ слѣдующій день, т. е. 14-го марта, въ 10 часовъ до полудня". Но и этимъ днемъ функціи суда не исчерпались и продолженіе засѣданія 14-го числа было перенесено еще на 17-ое марта, когда, наконецъ то, и состоялся по дѣлу приговоръ; засѣданія 14-го и 17-го марта являлись какъ бы однимъ и тѣмъ же сеансомъ, а потому и оказались нераздѣльно соединенными въ одномъ общемъ протоколѣ. Любопытно, что какъ разъ 17-го марта, т. е.

въ день произнесенія надъ нимъ приговора, Солнцевъ предъявилъ суду на сорока листахъ, „какъ черновыя рукописи, такъ и продолжаемую набѣло переписку“ своихъ отвѣтовъ, ходатайствуя, что бы объ этомъ было доведено до свѣдѣнія попечителя и что бы эти рукописи были теперь же возвращены ему „для немедленной переписки“. Эта „тонкость“ подсудимаго грозила новою, вопреки попечительскому предписанію, затяжкою процесса, да, къ тому же, Солнцевымъ былъ пропущенъ предоставленный ему недѣльный срокъ, судъ же уже приступилъ къ мотивировкѣ своего рѣшенія, почему заявленіе подсудимаго было принято лишь „къ свѣдѣнію“, а затѣмъ ему, согласно выраженному имъ желанію, были возвращены всѣ его манускрипты, которые, благодаря этому, и не сохранились въ архивныхъ дѣлахъ университета.

Засѣданіе 14-го—17-го марта 1823 года открылось чтеніемъ послужного списка подсудимаго, справки о бытіи его у исповѣди и св. причастія и изложенія всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми было обусловлено преданіе его суду.

Затѣмъ присутствію была доложена общая характеристика инкриминируемаго курса естественнаго права проф. Солнцева:

„Начальныя основанія естественнаго права г. Солнцева,—читаемъ въ этомъ докладѣ,—суть ничто иное, какъ краткая выписка изъ разныхъ иностранныхъ сего рода книгъ, особенно изъ права покойнаго профессора Финке, изданнаго отъ университета въ пользу инвалидовъ, не во всѣхъ частяхъ систематически связанная, во многихъ мѣстахъ—темная, содержащая слова неопредѣленныя и невразумительныя и мысли, нерѣдко противорѣчащія....

Въ семъ сочиненіи авторъ, какъ видно изъ подведенныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ текстовъ священнаго писанія, желалъ основать право естественное на такихъ началахъ, кои бы согласны были съ инструкціею ректору казанскаго университета, но исполнилъ сіе такъ неудачно, что заимствованное имъ святое евангельское ученіе представляетъ, на самомъ дѣлѣ, притчу вина новаго, влитаго въ мѣхи ветхіе, или плата новаго, приставленнаго къ ризѣ ветхой. Помѣщеніе нѣкоторыхъ изрѣченій Начальника Спасенія и Жизни между мнѣніями разрушительными — изображаетъ всѣваніе малочисленныхъ сѣмянъ пшеницы между многими плевелами, ихъ подавляющими, или вліяніе драгоцѣннаго мура въ сосудъ оскверненный. Онъ смѣшалъ откровенное въ евангеліи Божественное ученіе — съ мнѣніями человѣческими, проистекающими изъ поврежденнаго разума, который хотя и именуется практическимъ и здравымъ, но не плѣняется въ послушаніе Вѣры, утверждая о какомъ то естественномъ состояніи,

естественной свободѣ и равенствѣ, врученіи судьбы одному властелину и союзѣ брачномъ, какъ о непростомъ договорѣ....

Въ естественномъ состояніи невинности человѣкъ находился только въ раю. Тогда наслаждался онъ и истинною свободою, какъ любимое чадо въ домѣ великаго Отца своего и Господа, разумъ имѣлъ здравый и употреблялъ его въ дѣлахъ своихъ свято и сообразно съ волею Божескою. Но когда онъ преступилъ заповѣдь Господню и изринутъ изъ рая, тогда впалъ въ состояніе—неестественное, такъ что вся тварь совоздыхаетъ, ожидая его усыновленія; тогда и высокій его разумъ затмился. Ввести человѣка въ естественное, первобытное состояніе невинности и свободы — можетъ одинъ только Господь.....

Права личности, самосохраненія и защиты, усовершенствованія внутренняго и внѣшняго, изложенныя авторомъ—суть ничто иное, какъ требованія эгоизма или той чувственной, плотской, души, которую вѣчная Любовь и Истина внушаютъ намъ погубить, дабы спасти ее....

Практическій разумъ—подобенъ тому древнему змію, прельстившему праматерь Еву, а чрезъ нее и праотца Адама, что ежели они вкусятъ отъ запрещеннаго плода, то очи ихъ отверзутся и они будутъ яко Бози, видяще доброе и лукавое"....

Не входя въ передачу дальнѣйшихъ и безконечныхъ,—все въ томъ же, впрочемъ, родѣ,—разглагольствованій этой обвинительной рѣчи, не упустившей изъ вида и другихъ, совершенныхъ какъ до суда, такъ и во время суда, проступковъ Солнцева, перейдемъ къ формулировкѣ мотивовъ, на которыхъ судъ долженъ былъ основать свое рѣшеніе. Такихъ мотивовъ поставлено—три:

1. „Многія положенія (естественнаго права профессора Солнцева) явно противорѣчатъ духу священнаго писанія и законамъ положительнымъ, такъ что со всею хитростью діалектики дать имъ иное толкованіе, согласное съ святынею благочестія и положительными законами, нѣтъ почти никакой возможности, и въ томъ уклонился онъ, будучи облеченъ въ почтенное званіе ректора, вопреки всемилостивѣйше дарованной инструкціи, отъ цѣли университета и, такимъ образомъ, оскорбилъ и уничтожилъ уваженіе и довѣренность совѣта, котораго избраніямъ и ходатайствамъ обязанъ онъ своимъ возвышеніемъ, начиная съ 1814-го по 1819-й годъ, почти въ четыре года, отъ губернскаго секретаря въ степень доктора, въ званіе профессора, проректора и ректора.

2. Не представилъ благовременно своей рукописи на разсмотрѣніе и одобреніе совѣта или начальства.

3. Безъ довольныхъ причинъ перемѣнилъ росписаніе учебныхъ предметовъ, распространивъ преподаванія о правѣ естественномъ.

Судъ призналъ профессора Солнцева виновнымъ, хотя и почелъ возможнымъ дать ему снисхожденіе, что и было формулировано слѣдующимъ приговоромъ:

„Общее собраніе совѣта и правленія признаетъ г. Солнцева виновнымъ,—гласитъ резолюція суда.

Сія виновность г. Солнцева, выводимая изъ разрушительности началъ преподаннаго имъ естественнаго права, во мнѣніи общаго собранія умѣряется прежними его заслугами и тѣмъ, что онъ, проходя многотрудную должность ректора, не имѣлъ довольно времени основательно вникнуть въ хитросплетенную ложь тѣхъ началъ естественнаго права, которыя, по большей части, заимствовалъ изъ иностранныхъ писателей.

А какъ онъ, г. Солнцевъ, разрушительными началами, несообразными съ гражданскимъ порядкомъ и явно противными священному писанію, оскорбилъ Духа Святаго Господня, которымъ онъ знаменованъ и запечатлѣнъ въ день избавленія или крещенія, и власть общественную,—то общее присутствіе мнѣніемъ полагаетъ:

Удалить его навсегда отъ профессорскаго званія и впредь никогда ни въ какія должности во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ не опредѣлять".

Приговоръ этотъ опредѣлено представить „на благоусмотрѣніе и заключеніе" попечителя, самое же производство по дѣлу „запечатавъ, хранить секретно" [254].

Весьма любопытными представляются обстоятельства, сопровождавшія послѣдніе и рѣшительные дни этого процесса и которыя наглядно выясняютъ намъ побудительныя причины стараній какъ можно долѣе отсрочить рѣшеніе по дѣлу (въ особенности же волокиты съ представленіемъ имъ отвѣтовъ), несомнѣннымъ образомъ сказывавшіяся въ дѣйствіяхъ подсудимаго. Эти обстоятельства отчасти уже знакомы намъ изъ представленныхъ въ своемъ мѣстѣ біографическихъ данныхъ относительно Солнцева *.

Дѣло въ томъ, что, въ то самое время, когда, по приказанію Магницкаго, въ Казани судили Солнцева за „оскорбленіе Духа Святаго Гос-

---

* См. томъ II, стр. 30.

подня и власти общественной", въ его дѣлѣ приняло живое участіе лицо вліятельное и сильное облекавшимъ его монаршимъ довѣріемъ — сенаторъ В. Ю. Соймоновъ, еще съ 1820 года находившійся въ Казани, на правахъ временнаго генералъ-губернатора, во главѣ особой коммиссіи, организованной для устраненія административныхъ неурядицъ и злоупотребленій, обнаруженныхъ по казанской губерніи. Уполномоченный сенаторъ, котораго никто не рѣшился бы, само собою разумѣется, обвинить въ поддержкѣ „разрушительныхъ началъ", былъ очевидцемъ всей обновительной дѣятельности Магницкаго; передъ его глазами разыгрывалась и породившая, конечно, не мало толковъ въ городѣ вся нелѣпая трагикомедія профессорскаго суда. Эта гнусная травля человѣка глубоко возмутила, повидимому, Соймонова, взявшаго на себя попеченія объ устройствѣ дальнѣйшей судьбы гонимаго профессора и предложившаго ему перейти на службу министерства юстиціи, гдѣ опальному профессору представлялось широкое поприще для практическаго приложенія своихъ недюжинныхъ юридическихъ познаній и опытности. Несомнѣнно, что Магницкій уже довольно рано могъ провѣдать про вліятельную поддержку, найденную Солнцевымъ въ самой Казани и, конечно, только этимъ можетъ быть объяснена внезапная перемѣна въ отношеніяхъ къ подсудимому профессору, проявленная имъ уже въ началѣ 1823 года, когда, въ представленіи министру отъ 19-го января, онъ не только даетъ объясненіе оттяжки рѣшенія процесса, иначе говоря—замедленія въ представленіи имъ отвѣтовъ, „крайне болѣзненнымъ состояніемъ профессора Солнцева", но даже „осмѣливается просить о снисхожденіи къ участи его и о разрѣшеніи оной увольненіемъ его отъ университета въ обыкновенномъ порядкѣ"; этимъ объясняется и то, что, въ предложеніи профессорскому суду отъ 23-го февраля, попечитель далъ (см. выше стр. 532-ую и сноску къ ней) весьма недвусмысленный намекъ на возможность оправдательнаго по отношенію къ подсудимому приговора.

Всякія дальнѣйшія сомнѣнія должны были окончательно разсѣяться въ Магницкомъ, когда получены были имъ два письма, одновременно (отъ 1-го марта) отправленныя ему изъ Казани: одно—отъ сенатора Соймонова, другое—отъ самого Солнцева. Сенаторское письмо гласило слѣдующее:

„Милостивый государь Михайло Леонтьевичъ! — Императорскаго казанскаго университета бывшій ректоръ, профессоръ Солнцевъ, объявилъ казанскому гражданскому губернатору желаніе занять мѣсто предсѣдателя здѣшней палаты гражданскаго

суда, по кончинѣ коллежскаго совѣтника Лохтина оставшееся вакантнымъ.

Изъявивъ г. гражданскому губернатору согласіе мое войти о переводѣ г. Солнцева съ представленіемъ, я въ подкрѣпленіе онаго покорнѣйше прошу ваше превосходительство, если не изволите встрѣтить препятствій, дозволить г. Солнцеву желаемый имъ переходъ, чѣмъ много и меня обяжете".

Если бы въ ту пору существовали телеграфныя сообщенія, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что профессорскому суду дано было бы предписаніе немедленно пріостановиться постановкою приговора. Но теперь сдѣлать это было уже поздно: еще 23-го февраля данъ былъ попечителемъ категорическій приказъ въ теченіи недѣли постановить рѣшеніе по дѣлу и письмо Соймонова было получено имъ какъ разъ наканунѣ осужденія проф. Солнцева. Создалось болѣе нежели странное и необычайное положеніе вещей: Магницкому приходилось самому содѣйствовать перемѣщенію на видный и отвѣтственный судебный постъ опальнаго профессора, по его же приказанію осужденнаго за „оскорбленіе Святаго Духа и властей предержащихъ", за „ослабленіе положительныхъ и откровенныхъ законовъ", за проповѣдованіе „разрушительныхъ началъ"!....

Не менѣе должно было поразить Магницкаго, своимъ общимъ тономъ, и письмо Солнцева: подсудный профессоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, заявлялъ попечителю, что, „побуждаемый своими обстоятельствами оставить ученую университетскую службу", онъ „отыскалъ случай къ перемѣщенію въ гражданское (sic) вѣдомство, при согласіи г. управляющаго здѣшнею губерніею на правахъ генералъ-губернатора сенатора Владиміра Юрьевича Соймонова", снисходительно добавляя къ этому, что онъ „сохранитъ въ душѣ своей благородныя чувствованія за бывшее вниманіе" къ нему попечителя и „охотно прощаетъ виновниковъ долговременныхъ своихъ страданій, изъ личныхъ своихъ видовъ (намекъ на директора Владимірскаго и проф. Никольскаго) старавшихся ослабить довѣріе" къ нему попечителя, которое, „при другихъ обстоятельствахъ", онъ сумѣлъ бы „сохранить въ полной мѣрѣ".

Соймоновъ и Солнцевъ повели кампанію и съ другаго фронта: очевидно не вполнѣ довѣряя искренности Магницкаго, они, оба и отъ того же 1-го марта, обратились съ письмами и къ министру народнаго просвѣщенія, ходатайствуя объ увольненіи Солнцева для поступленія на службу министерства юстиціи. На этой почвѣ завязалась переписка между министромъ и попечителемъ, въ результатѣ своемъ имѣвшая, какъ и слѣдовало

этого ожидать, благопріятный для осужденнаго уже въ то время Солнцева исходъ, о чемъ Магницкій далъ знать совѣту университета предложеніемъ отъ 30-го марта, одновременно и весьма предупредительно слѣдующимъ письмомъ увѣдомивъ о томъ же и самого Солнцева:

„Милостивый государь мой Гаврило Ильичъ! — Въ уваженіе неоднократной (sic) просьбы вашей объ увольненіи изъ казанскаго университета для поступленія въ гражданскую службу, я исходатайствовалъ нынѣ оное у господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Предлагая о семъ теперь же общему собранію совѣта и правленія казанскаго университета, я нужнымъ счелъ и васъ увѣдомить.—Съ почтеніемъ остаюсь вашъ покорный слуга М. Магницкій".

Легко можно представить себѣ впечатлѣніе, произведенное этимъ неожиданнымъ финаломъ на шестнадцать членовъ совѣта, подписавшихъ приговоръ профессору Солнцеву *, въ особенности же на его неумолимаго обвинителя, профессора Пальмина, во-очію убѣдившагося теперь въ томъ, что подсудимый, въ концѣ концовъ, и на самомъ дѣлѣ „употребилъ тонкость",—да еще тонкость такого рода, какой этотъ прозорливый протоинквизиторъ, конечно, отъ него и не ожидалъ.

Эпопея университетскаго суда надъ нимъ не имѣла для проф. Солнцева никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Если въ выданномъ ему университетомъ увольнительномъ свидѣтельствѣ отъ 1-го мая 1823 года еще значились и преподаваніе имъ естественнаго права на „разрушительныхъ началахъ", и устраненіе его отъ преподаваній, и преданіе университетскому суду (безъ указанія, однако, приговора), то въ позднѣйшихъ послужныхъ спискахъ его всѣ эти обстоятельства уже были исключены и Солнцевъ показывался здѣсь просто „уволеннымъ изъ учебной службы казанскаго университета для перемѣщенія въ гражданскую".

Назначеніе Солнцева на должность предсѣдателя казанской палаты гражданскаго суда, какъ это усматривается изъ его формуляровъ, не состоялось и весьма вѣроятно, что это, яко бы предстоявшее ему, назначеніе—было выставлено лишь предлогомъ къ скорѣйшему увольненію его изъ университета въ „обыкновенномъ" порядкѣ. Вскорѣ послѣ этого увольненія Солнцевъ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и оставался до поло-

* Въ осужденіи Солнцева не приняли участія лишь профессоръ Кондыревъ и адъюнктъ Лентовскій—«по чрезвычайно тяжкой ихъ болѣзни», какъ значится въ протоколѣ засѣданія 14-го—17-го марта

вины лѣта слѣдующаго 1824 года, возвратившись въ Казань во второй половинѣ іюля, но возвратившись сюда уже крупною персоною мѣстной администраціи—въ званіи казанскаго губернскаго прокурора, о чемъ еще такъ недавно жестоко осудившій его университетскій совѣтъ былъ увѣдомленъ слѣдующимъ отношеніемъ правленія отъ 4-го іюля:

„Казанское губернское правленіе отъ 24-го іюня, за № 21783-мъ, увѣдомило правленіе университета о прибытіи въ Казань вновь опредѣленнаго губернскимъ прокуроромъ надворнаго совѣтника и кавалера Солнцева.

Правленіе университета сообщаетъ о семъ для свѣдѣнія совѣту университета“ [255].

Злая иронія судьбы ожидала властнаго гонителя бывшаго профессора правовѣдѣнія, теперь—казанскаго губернскаго прокурора: ровно почти три года спустя, тому же Солнцеву, по званію прокурора, выпала на долю обязанность выдворять изъ Казани павшаго Магницкаго, административнымъ порядкомъ высылавшагося на жительство въ г. Ревель.

Такъ окончился пресловутый „судъ надъ профессоромъ Солнцевымъ“, представляющій собою одну изъ самыхъ отвратительныхъ и мрачныхъ страницъ эпохи попечительства Магницкаго.

Свѣжо преданіе—а вѣрится съ трудомъ...

Приложенія

КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

I

(Къ страницѣ 293-й)

ДОНЕСЕНІЕ

члена главнаго правленія училищъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, заключающее отчетъ по обозрѣнію казанскаго университета

Исполнивъ возложенное на меня порученіе по обозрѣнію Казанскаго университета, имѣю честь представить Вашему Сіятельству подробный въ ономъ отчетъ.

Замѣчанія, отчетъ сей составляющія, буду я излагать въ самомъ томъ порядкѣ, которому слѣдовалъ при обозрѣніи и, потому, представлю въ І-ой части 1-го отдѣленія общій составъ университета, во 2-мъ отдѣленіи обозрѣніе наружнаго его благоустройства, въ 3-мъ отдѣленіи состояніе хозяйственнаго его управленія, въ 4-мъ отдѣленіи положеніе учебной его части, въ 5 отдѣленіи часть нравственную его образованія.

Сіе составитъ І-ую часть онаго, потомъ изложу во ІІ-ой части 1-го отдѣленія состояніе казанской гимназіи въ порядкѣ хозяйственномъ, учебномъ и нравственномъ, во 2-мъ отдѣленіи положеніе разныхъ заведеній, при университетѣ находящихся.

Въ ІІІ-ей части въ 1-мъ отдѣленіи представлю общее заключеніе или краткое извлеченіе изъ всего отчета, а во 2-мъ отдѣленіи изложу мнѣніе мое, которое ваше сіятельство въ предписаніи своемъ изволили требовать, о приведеніи Казанскаго университета въ надлежащее устройство или о замѣнѣ его, въ случаѣ невозможности исправить, новымъ порядкомъ учебнаго управленія.

ЧАСТЬ І-ая

Отдѣленіе 1-е

ОБЩІЙ СОСТАВЪ УНИВЕРСИТЕТА

Совѣтъ университета состоитъ изъ 25-ти профессоровъ и адъюнктовъ. Изъ сего числа пять только имѣютъ дѣйствительно голосъ и уваженіе, но не могутъ дать дѣламъ надлежащаго направленія, ибо большинство голосовъ, движимое личностію и посторонними вліяніями, дѣйствуетъ рѣшительно.

Большинство членовъ состоитъ: 1-е—изъ иностранцевъ, въ числѣ коихъ человѣка два людей достойныхъ, другіе ни языка нашего, ни законовъ и порядка не знаютъ, прочіе же сами люди запутанные въ дѣлахъ и не благонадежные; 2-е—изъ молодыхъ русскихъ профессоровъ и адъюнктовъ, добрыхъ и благоправныхъ, но воспитанныхъ и произведенныхъ, по большей части весьма снисходительно, тѣми самыми, кои дѣлали злоупотребленія, и потому голоса сихъ послѣднихъ, въ числѣ 13-ти, кромѣ двухъ, всегда подкрѣпляли зло по самому невинному побужденію почтенія и благодарности.

Посреди сего совѣта старый и пронырливый профессоръ Яковкинъ господствовалъ своимъ вліяніемъ. Запутанность его счетовъ проходила безъ замѣчанія; безпорядокъ и самовольство хозяйственнаго управленія оставались безъ надлежащаго отчета; ученики гимназіи недоученные принимались, по его покровительству, въ студенты безъ строгаго испытанія; дѣти частныхъ людей, живущіе у него на пенсіонѣ, допускались къ лекціямъ профессоровъ подъ названіемъ слушателей и, не ходя на лекціи, но числившись на оныхъ три года, получали или званіе студентовъ или аттестаты.

Сіе состояніе совѣта, обратившагося въ посмѣяніе самыхъ его членовъ, изъясняетъ всѣ замѣченныя министерствомъ безпорядки и неустройства лицъ и заведеній, ему подчиненныхъ.

Имѣю честь представить здѣсь, въ доказательство того духа, которымъ совѣтъ, вообще, зараженъ, разсужденіе о разныхъ системахъ нравоученія, профессоромъ философіи сочиненное, одобренное и напечатанное въ университетѣ и произнесенное въ торжественномъ собраніи прошлаго года.

Ежели нужно будетъ, то и еще могу я представить сочиненіе сего рода, оставленное мною въ Казани потому, что оно не напечатано и было взято и разсмотрѣно мною въ рукописи.

Изложивъ сіе общее понятіе о составѣ и духѣ центральнаго управленія казанскаго университета, приступлю я къ представленію прочихъ частей моего отчета, кои, по мѣрѣ раскрытія ихъ, во всей подробности покажутъ послѣдствія, отъ сей причины проистекшія.

Къ сему отдѣленію пріобщу я записку о главнѣйшихъ членахъ совѣта, съ замѣчаніями, почерпнутыми изъ послужныхъ ихъ списковъ, изъ личнаго моего съ ними знакомства, изъ разсмотрѣнія ихъ сочиненій, изъ слушанныхъ мною ихъ лекцій и осмотра порученныхъ имъ заведеній.

Отдѣленіе 2-е

ОБОЗРѢНІЕ НАРУЖНАГО И ПОЛИЦЕЙСКАГО БЛАГОУСТРОЙСТВА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Пять домовъ, университетомъ занимаемыхъ, построены и накуплены весьма ненадежные. Университетъ, принявъ ихъ въ семъ положеніи въ

1814-мъ году, сталъ продолжать настоянія о ихъ починкѣ, еще въ 1813-мъ году сдѣланныя. Начались смѣты для исправленія архитекторами, незнающими архитектуры и коихъ постройки непрестанно валятся. Вмѣсто того, чтобъ сказать, что нѣкоторыя изъ сихъ зданій куплены почти въ развалинахъ, а другія пришли въ сіе состояніе вскорѣ послѣ постройки, составили разсчетъ на ихъ починку во сто тысячь рублей слишкомъ и отпущены 35 т. р. на необходимѣйшія починки. Деньги сіи употреблены тѣми же незнающими архитекторами на починки наименѣе нужныя; ибо, напримѣръ, вмѣсто укрѣпленія треснувшей до фундамента капитальной въ домѣ стѣны выбѣлены другія, и тому подобное. Деньги сіи растрачены безъ всякаго хозяйственнаго надзора и, частію, неправильною покупкою матеріаловъ безъ подряда и на добрую вѣру экзекутора.

Въ семъ состоитъ развязка тѣхъ запутанныхъ представленій и смѣтъ, кои затрудняли министерство въ сношеніяхъ его съ университетомъ по сему предмету.

Необходимо нужно будетъ послать отсюда опытнаго и надежнаго архитектора для осмотра всѣхъ зданій, университету принадлежащихъ.

Послѣ сего осмотра откроется, что есть такія зданія, которыхъ и чинить нельзя, а нужно будетъ перестроить, или, если они совершенно негодны, то должно будетъ, сломавъ, построить новыя; откроется, что въ главномъ зданіи университета передняя стѣна наклонилась и чрезъ нѣсколько времени угрожаетъ паденіемъ.

Когда архитекторъ произведетъ сей осмотръ и сдѣлаетъ смѣту для приведенія университетскихъ зданій въ надлежащую безопасность, то нужно будетъ его оставить въ Казани членомъ строительной коммиссіи, которая бы, не заключая контрактовъ съ казанскими монополистами Савиновымъ и Калмыковымъ, какъ то доселѣ было, заготовила сама всѣ нужные матеріалы хозяйственнымъ образомъ и подъ личною отвѣтственностію произвела строеніе, по утвержденіи здѣсь смѣтъ и фасадовъ.

Для состава сей коммиссіи можно будетъ употребить двухъ профессоровъ, коимъ какъ предметъ сей, такъ и бывшія злоупотребленія, извѣстны.

О заимствованіи нужной для сего суммы, безъ особеннаго назначенія, изъ строительнаго капитала, буду я имѣть честь представить въ своемъ мѣстѣ, при общемъ мнѣніи по осмотру.

Въ пяти домахъ, университету принадлежащихъ, между тѣмъ какъ студенты стѣснены въ помѣщеніи, а ученики гимназіи и комнатъ для уроковъ не имѣютъ, а учатся въ спальняхъ—чиновники университета занимаютъ 90 покоевъ, кромѣ тѣхъ, кои заняты служителями-солдатами и разными принадлежностями.

Профессоры Аргнгольдтъ и Германъ имѣютъ, первый—11, а послѣдній —10 покоевъ, секретарь университетскаго правленія занимаетъ 6 комнатъ, а переплетчикъ университета 3, и такъ далѣе.

Въ разсужденіи полицейскаго устройства въ университет-

скихъ зданіяхъ—экзекуторъ найденъ мною весьма неисправнымъ. Безпорядокъ пожарныхъ орудій и невозможность ими дѣйствовать—могли подвергать ежедневныя обширныя университетскія зданія опасности отъ пожара. По моему приказанію трубы исправлены, ведра и прочія принадлежности собраны въ одно мѣсто и удобно могутъ нынѣ быть взяты къ немедленному употребленію. Но оставалось еще сдѣлать слѣдующія распоряженія, коихъ, по краткости моего въ Казани пребыванія, не могъ я привести въ дѣйство и предложилъ къ исполненію совѣту, а именно:

1-е. Разсохшіеся рукава трубъ или вычинить, ежели можно, или перемѣнить новыми.

2-е. Неудобные по тягости и огромности ихъ багры передѣлать въ обыкновенные.

3-е. Сдѣлать росписаніе пожарной команды такимъ образомъ, чтобъ, въ случаѣ нужды, каждый солдатъ зналъ орудіе, которымъ долженъ дѣйствовать, и чтобы немедленно при ономъ могъ явиться по извѣстному знаку.

4-е. Пожарныхъ служителей поручить въ команду надежнѣйшаго унтеръ-офицера, который, въ должности брантмейстера, за исправность пожарныхъ орудій и служителей лично отвѣтствуетъ подъ начальствомъ экзекутора.

Исправность сей команды не только обезпечитъ безопасность университетскихъ зданій, но и пособіемъ полиціи быть можетъ въ пожарахъ по близости университета.

Къ неисправности экзекутора долженъ я былъ отнести нечистоту, которую нашелъ въ классахъ, столовыхъ, спальняхъ и кухняхъ.

Возстановленіе повсемѣстной опрятности и порядка, въ нѣсколько дней, доказало, что они были возможны и могутъ всегда быть сохраняемы.

Сохраненіе ихъ возложилъ я на личную отвѣтственность инспекторовъ студентовъ и гимназіи, доколѣ сія послѣдняя въ университетскомъ домѣ будетъ находится.

Въ спальняхъ студентовъ нашелъ я воздухъ испорченнымъ и повторилъ замѣчаніе, инспектору мною сдѣланное, о немедленномъ устроеніи отдушинъ, которыя впускали бы въ комнаты нужное количество воздуха для освѣженія ихъ поутру и на ночь.

Я замѣтилъ, что въ корридорахъ у всѣхъ почти печей унесены заслонки и даже двойныя вьюшки, и что безпорядокъ сей можетъ имѣть опасныя слѣдствія, ибо противъ самыхъ печей видѣлъ я большія щели въ полахъ.

Инспекторамъ, каждому по своей принадлежности, поручено осмотрѣть сіе и немедленно представить опись недостающимъ заслонкамъ и желѣзнымъ листамъ своему начальству.

Для предупрежденія же подобнаго неустройства на будущее время, предоставилъ я ректору или проректору право исправлять всѣ подобныя небрежности экзекутора на его счетъ.

Нестерпимую неопрятность стола и буфета учениковъ гимназіи и ихъ кроватей поставилъ я на замѣчаніе главному надзирателю оной; о приведеніи сей части въ надлежащій порядокъ поручилъ особенному попеченію директора гимназіи и надзору проректора.

Для лучшаго наблюденія за сохраненіемъ чистоты во всѣхъ зданіяхъ университета и совершеннаго порядка въ классахъ гимназіи и факультетовъ, поручено мною проректору составить образованіе такого внутренняго надзора, который бы, начинаясь отъ входа въ университетъ, окружалъ непрестанно учениковъ и студентовъ.

Для сего предложилъ я:

1-е. Чтобы учрежденъ былъ особенный привратникъ, какъ то бываетъ во всѣхъ публичныхъ заведеніяхъ.

2-е. Чтобы каждый вечеръ дежурные доносили своимъ инспекторамъ, а инспекторы ректору, о всѣхъ происшествіяхъ дня.

Для исполненія сихъ распоряженій предложилъ я совѣту утвердить выборомъ постояннаго инспектора студентовъ и перемѣнить главнаго надзирателя гимназіи, который, какъ по безпорядку оной, такъ и по причинамъ далѣе, въ части II-ой отд. 1-мъ о гимназіи изъясненнымъ, въ настоящей должности оставаться не могъ.

Внутренняя полиція университета въ самомъ дурномъ положеніи. Инспекторъ студентовъ, профессоръ Брейтенбахъ—есть человѣкъ слабый въ исполненіи своей должности. Онъ навѣщаетъ студентовъ весьма рѣдко, то есть чрезъ нѣсколько дней, и они живутъ безъ всякаго за ними присмотра. Когда сдѣланъ мною вопросъ о числѣ ихъ, то для узнанія онаго собирались отъ профессоровъ свѣдѣнія о числѣ слушателей на ихъ лекціяхъ.

Неопрятность комнатъ, студентами занимаемыхъ, не взирая на приготовленіе къ пріѣзду моему сдѣланное, поразила меня. Бѣлье постельное нашелъ я въ самомъ дурномъ состояніи и многія постели безъ простынь и наволочекъ. Въ спальняхъ не было даже отдушинъ для воздуха. Кухня и всѣ къ оной принадлежности, какъ то посуда и пр., найдены въ столь большой нечистотѣ, что безъ отвращенія видѣть ихъ не можно.

Къ довершенію безпорядочнаго управленія студентами, по предписанію бывшаго министерства не содержатся они отъ университета, но получаютъ жалованье и занимаются сами своимъ хозяйствомъ, вразсужденіе стола и другихъ потребностей. Сіе имѣетъ то неудобство, что отнимаетъ у нихъ нужное для существеннѣйшихъ занятій время, оставляетъ въ ихъ расположеніи деньги, которыя они и во зло употреблять могутъ, и, по неопытности ихъ, самаго содержанія надлежащимъ образомъ не обезпечиваетъ.

Отдѣленіе 3-е

О ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ УПРАВЛЕНІИ УНИВЕРСИТЕТА

По хозяйственному управленію университета нашелъ я только въ порядкѣ храненіе университетскихъ суммъ. Но и здѣсь не

могъ освидѣтельствовать 50 тыс. р. мѣдью сложенныхъ, по недостатку мѣста и ветхости мѣшковъ, такимъ образомъ, что одинъ замокъ и печать сохраненіе ихъ обезпечиваютъ.

Впрочемъ—заготовленіе разныхъ для университета потребностей, какъ то дровъ, свѣчъ, провіанта и фуража, производилось, въ противность общимъ и частнымъ устава университетскаго постановленіямъ, не подрядомъ, а закупомъ чрезъ экзекутора. Хотя въ оправданіе сей совершенно противозаконной мѣры и представлено мнѣ то, что покупки производятся ниже общихъ справочныхъ цѣнъ; но такъ какъ, не смотря на сіе, цѣны сіи превышаютъ истинныя торговыя, то изъ сего слѣдуетъ только то, что справочныя цѣны, будучи обыкновенно вездѣ, и особенно въ Казани, чрезмѣрно высоки, закрываютъ злоупотребленіе закуповъ нѣкоторымъ благовиднымъ извиненіемъ.

Изъяснивъ сіе совѣту университета, я предложилъ ему возстановить сію часть управленія на законномъ основаніи.

Сверхъ сей неправильности закуповъ, самое храненіе разныхъ потребностей и, особенно, дровъ ни мало не обезпечено. Каждый могъ брать ихъ по произволу и безъ всякой опредѣлительности. Я поручилъ сдѣлать по квартирамъ назначеніе ихъ количества сообразно числу печей, на законномъ основаніи.

Усмотрѣвъ изъ поданныхъ мнѣ отчетовъ по строеніямъ и починкамъ университетскихъ зданій, что и въ оныхъ на довольно значущія суммы закупка матеріаловъ производилась чрезъ экзекутора, безъ всякаго другаго отчета, кромѣ показанія имени купца, у котораго что либо куплено, сдѣлалъ я надлежащее замѣчаніе совѣту и предложилъ отмѣнить сію важную неправильность на всегда; а экзекутора, замѣченнаго мною съ сей стороны весьма не благонадежнымъ, обративъ на одно исполненіе полицейскихъ его обязанностей, поручить всю хозяйственную часть особому эконому, по назначенію совѣта.

Въ семъ заключается причина того неумѣреннаго увеличенія издержекъ, которое ежегодно возрастало.

Окончивъ обозрѣніе хозяйственной части казанскаго университета, не нарядилъ я особенной коммиссіи для строгаго и подробнаго обревизованія университетскихъ счетовъ по слѣдующимъ причинамъ:

1-е. Всѣ старые счеты, въ которыхъ заключается наибольшая часть неправильностей, представлены были прежнему начальству народнаго просвѣщенія и оставлены тогда безъ замѣчанія; что совѣтъ, принимая за утвержденіе оныхъ, въ семъ смыслѣ и отозвался мнѣ.

2-е. Смерть покойнаго ректора подала способъ ссылаться во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ на личныя его распоряженія.

3-е. Учетъ самый подробный, не взирая на вышеизложенныя къ нему препятствія, открылъ бы, безъ сомнѣнія, растрату важныхъ суммъ, безъ закрытія даже оной законными формами; онъ не обнаружилъ бы подлинно виновныхъ и не доставилъ бы способа вознаградить потери казны, ибо

и все имущество цѣлаго совѣта двадцатой ея части не составитъ.

По симъ причинамъ и ограничилъ я дѣйствіе мое по сему предмету строгимъ замѣчаніемъ совѣту и предложеніемъ о прекращеніи бывшихъ по хозяйственной части неустройствъ на будущее время, для чего и приняты мною на мѣстѣ всѣ нужныя мѣры, какъ ваше сіятельство изъ представляемаго у сего списка съ послѣдняго моего предложенія усмотрѣть изволите.

Отдѣленіе 4-е

О ПОЛОЖЕНІИ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

I. Факультетъ нравственно-политическихъ наукъ.

Въ факультетѣ семъ не нашелъ я главной науки—Закона Божія.

Изъ справокъ, по сему случаю мною взятыхъ, открылось, что еще въ 1814-мъ году покойный ректоръ Браунъ заявлялъ совѣту о лжеумствованіи студентовъ и просилъ, чтобы, для отвращенія онаго, открыты были лекціи Закона Божія. Совѣтъ представлялъ попечителю; но представленіе сіе осталось безъ разрѣшенія. Потомъ, въ прошломъ году, профессоръ Городчаниновъ входилъ въ совѣтъ съ такимъ же настояніемъ; совѣтъ положилъ сдѣлать справку и доложить присутствію, но сего доселѣ не исполнено.

Самое раздѣленіе наукъ сего факультета неправильно и съ уставомъ несообразно.

Въ уставѣ положенъ послѣ профессора естественнаго, политическаго и народнаго права, по точному раздѣленію самой науки правъ, профессоръ гражданскаго и уголовнаго, сказано—судопроизводства, но подъ симъ словомъ разумѣть должно права россійской имперіи; ибо общія начала гражданскаго и уголовнаго права предшествуютъ наукѣ судопроизводства, которая составляетъ только дополненіе къ онымъ. И такъ—положено учить гражданскому и уголовному россійскому праву, а учатъ, вмѣсто того, одному россійскому уголовному.

Въ уставѣ положенъ, равномѣрно въ порядкѣ самой науки правъ, профессоръ правъ знатнѣйшихъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ народовъ, а учатъ вмѣсто того римскому и общему уголовному праву, съ примѣненіемъ къ сему послѣднему римскаго, германскаго и опять россійскаго законодательства, хотя для него есть особенная кафедра.

Причина сей запутанности въ раздѣленіи учебныхъ предметовъ есть произвольное ихъ назначеніе самими преподавателями, безъ всякаго общаго соображенія, которое введено сначала и оставалось до нынѣ.

Впрочемъ, въ семъ факультетѣ одинъ профессоръ Солнцевъ преподаетъ лекціи на латинскомъ языкѣ; одинъ онъ занимается своею частью съ прилежаніемъ, имѣетъ собраніе нужныхъ для нея авторовъ, составляетъ записки и принялъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы студенты ходили на лекціи.

Профессоръ философіи Срезневскій, воспитанникъ здѣшняго педагогическаго института, слѣдуя системѣ Якоба руководствуется духомъ не весьма полезнымъ и, по счастію, преподаетъ лекціи свои такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ. Просидя въ классѣ его два часа, спросилъ я студентовъ, въ чемъ лекція того дня состояла—и ни одинъ не зналъ сего. Полагая, что присутствіе мое могло быть причиною сего страннаго разсѣянія, сдѣлалъ я нѣкоторые вопросы изъ исторіи философіи, которую они прежде слушали; но и въ томъ ни отъ одного изъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта не получилъ.

Адъюнктъ Манасеинъ, преподающій лекціи естественнаго, политическаго и народнаго права—въ отсутствіи; онъ открываетъ училища въ кавказской губерніи. Изъ послужнаго его списка видно, что онъ самъ преподаваемой имъ наукѣ доучивался въ Петербургѣ не болѣе полутора года, послѣ чего и утвержденъ здѣсь же адъюнктомъ правъ.

Нѣтъ ничего жалостнѣе преподаванія россійскаго уголовнаго права профессоромъ Врангелемъ. Ни понятія о преподаваемомъ имъ предметѣ, ни познанія языка россійскаго, на которомъ преподаетъ, онъ не имѣетъ; поучась въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ, вступилъ онъ юнкеромъ въ коммиссію законовъ и, переѣхавъ въ Казань, изъ юнкеровъ коммиссіи въ пять лѣтъ сдѣлался профессоромъ. Онъ—зять г-на Яковкина.

Профессоръ дипломатики и политической экономіи Цеплинъ—есть человѣкъ самый пустой и читаетъ лекціи политики, самой тщетной и почти несуществующей науки.

Профессоръ Кондыревъ преподаетъ лекціи политической экономіи по Сарторіусу, который никакъ не можетъ служить руководителемъ въ сей наукѣ, ибо и самъ издалъ только сокращеніе Смита.

II. Факультетъ физико-математическихъ наукъ.

Профессоръ Броннеръ, преподававшій лекціи теоретической и опытной физики, весьма недостаточно замѣняется магистромъ Кайсаровымъ.

Впрочемъ, часть математическихъ наукъ сего факультета заслуживаетъ особенное вниманіе по выбору преподавателей. Можно сказать, что одна сія часть составлена правильно и преподается отлично хорошо. Университетъ обязанъ симъ случаю. Попечитель Румовскій, будучи самъ извѣстный математикъ, занимался симъ родомъ наукъ предпочтительно и съ тѣхъ поръ люди, при немъ выбранные и образованные, остались до нынѣ.

Профессоръ Бартельсъ—есть человѣкъ отлично знающій, но не довольно хорошо знаетъ по русски и лекціи преподаетъ вмѣстѣ на русскомъ, нѣмецкомъ и, иногда, смотря по разумѣнію студентовъ, на латинскомъ языкѣ.

Онъ, вообще, кажется лучше могъ бы быть академикомъ, нежели преподавателемъ. Теперь онъ боленъ и, сколько мнѣ извѣстно, желалъ бы отправиться въ Швейцарію.

Экстраординарный профессоръ астрономіи и наблюдатель Симоновъ—молодой человѣкъ, отличный познаніями и поведеніемъ, извѣстный въ чужихъ краяхъ и подающій самую большую надежду на будущее время. Онъ преподаетъ лекціи свои прекрасно и предлагалъ совѣту правила для экзамена студентовъ въ математическихъ наукахъ, весьма основательныя и необходимыя; но предложеніе сіе, показавшееся слишкомъ строгимъ, не было принято.

Экстраординарный профессоръ Никольскій, сверхъ отличныхъ достоинствъ по своимъ знаніямъ въ математикѣ и по нравственнымъ качествамъ, имѣетъ и то достоинство, что факультетъ, отдавая справедливость его отмѣнно ясному преподаванію, склонилъ его давать лекціи первыхъ началъ чистой математики для вступающихъ изъ гимназіи студентовъ. Неправильность сего распоряженія, противнаго уставу и самому образованію учебной системы, гдѣ всѣ пріуготовительныя науки составляютъ курсъ гимназіи, не отнимая у г-на Никольскаго чести, скромности и усердію его принадлежащей, открываетъ состояніе ученія въ казанской гимназіи и снисходительность, съ какою университетъ допускаетъ въ студенты людей, первымъ началамъ существеннѣйшихъ познаній необученныхъ.

Вмѣсто сего неправильнаго доучиванія, слѣдовало бы не принимать недоученныхъ; но тогда университетъ не имѣлъ бы студентовъ, а безъ студентовъ и профессоры не могли бы долго получать своихъ окладовъ и университетъ не могъ бы сохранить того призрака существованія, который, съ сидящими на лекціяхъ учениками, подъ именемъ студентовъ, могъ онъ имѣть доселѣ.

Экстраординарный профессоръ Лобачевскій, хотя и отсутствующій нынѣ, по общему отзыву есть человѣкъ отлично знающій.

Адъюнктъ Дунаевъ въ преподаваніи химіи не можетъ достаточно замѣнить хорошаго профессора сей науки.

Профессоръ естественной исторіи и ботаники докторъ Фуксъ—есть человѣкъ отличный и въ ученомъ свѣтѣ извѣстный.

Профессоръ сельскаго домоводства и технологіи Брейтенбахъ—преподаетъ лекціи сихъ тщетныхъ наукъ весьма недостаточно на нѣмецкомъ языкѣ. Занимаетъ двѣ кафедры, для жалованья, а имѣетъ въ одной 6, а въ другой 4 слушателя потому только, что, отправляя должность инспектора студентовъ, можетъ онъ принудить и принуждаетъ тѣхъ изъ нихъ, кои разумѣютъ по нѣмецки, ходить къ нему на лекціи.

И такъ, въ семъ факультетѣ преподаваніе математическихъ наукъ въ порядкѣ; а впрочемъ одинъ г-нъ Фуксъ можетъ преподавать лекціи настоящимъ образомъ.

III. Факультетъ врачебныхъ наукъ.

Кафедра профессора анатоміи, физіологіи и судной медицины, вопреки всякому порядку и университетскому уставу, занята студентомъ Отсо-

70

лигомъ, подъ руководствомъ декана факультета. Сей молодой человѣкъ можетъ быть хорошимъ ученикомъ, но не учителемъ.

Такимъ образомъ, медицинскія науки въ университетѣ надлежащаго основанія не имѣютъ.

Патологію, терапію и клинику преподаетъ, за профессора сихъ наукъ, профессоръ Фуксъ.

За профессора врачебнаго веществословія, фармацевтики и врачебной словесности, преподаетъ профессоръ медицины и хирургіи докторъ Вердерамо, человѣкъ отлично достойный и въ ученомъ свѣтѣ извѣстный.

Онъ же преподаетъ лекціи повивальнаго искусства.

Профессоръ Арнгольдтъ—человѣкъ не знающій латинскаго языка и не умѣвшій доселѣ собрать остова тѣла человѣческаго, человѣкъ, коего незнаніе въ хирургіи обличается представляемымъ у сего спискомъ сдѣланныхъ имъ операцій, преподаетъ лекціи хирургіи.

Въ семъ факультетѣ 6 студентовъ, которые, считая жалованье профессоровъ, помѣщеніе и отопленіе, стоятъ около 15 т. рублей въ годъ.

IV. Факультетъ словесныхъ наукъ.

Профессоръ краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка Городчаниновъ—человѣкъ весьма доброй нравственности и знаетъ языкъ правильно, но подаетъ невыгодное мнѣніе о своемъ вкусѣ, ибо дѣлаетъ критическій разборъ, въ видѣ образцовыхъ твореній, одамъ графа Хвостова, преподаетъ и печатаетъ оный. Не отнимая достоинствъ отъ сего поэта, позволительно желать, чтобы разбору его твореній предшествовалъ разборъ Ломоносова, Державина и Жуковскаго.

Кафедра греческаго языка существуетъ только названіемъ. Студенты не умѣютъ читать по гречески.

Хотя въ описаніи занятій кафедры латинской словесности и поставленъ разборъ Гораціевыхъ одъ; но въ дополнительныхъ курсахъ, какъ далѣе будетъ показано, учатъ студентовъ грамматикѣ по книгѣ Бредера, что доказываетъ, что они не могутъ еще понимать Горація.

V. О дополнительныхъ курсахъ.

Дополнительные курсы можно раздѣлить на два рода, а именно:

1. Доучиванія студентовъ, кои принимаются безъ строгаго экзамена, какъ выше показано, первымъ началамъ чистой математики профессоромъ Никольскимъ и латинской грамматикѣ учителемъ гимназіи Сычуговымъ.

2. Употребленія людей, произведенныхъ въ высшія ученыя достоинства, дабы имѣли они какое либо упражненіе за получаемое жалованье. Таковы: 1) Занятый непомѣщеннымъ въ математическомъ отдѣленіи профессоромъ Лобачевскимъ; 2) Преподаваемый адъюнктомъ естественной исторіи Тимьянскимъ философіи ботаники, которая принадлежитъ къ кафедрѣ г-на Фукса и безъ сомнѣнія имъ лучше преподаваема быть можетъ;

3) Военной и гражданской архитектуры, преподаваемый адъюнктомъ Петровскимъ; 4) Статистики россійской имперіи, которая въ тоже время въ своемъ факультетѣ преподается профессоромъ Яковкинымъ; 5) Всеобщей теоріи изящныхъ наукъ и правилъ россійской прозы, изъ которыхъ послѣдній предметъ по роду своему принадлежитъ къ кафедрѣ краснорѣчія и поэзіи; 6) Всеобщей географіи, которая въ то же время преподается профессоромъ Томасомъ; 7) Древней географіи, которая также составляетъ только часть при историческомъ преподаваніи, въ своемъ факультетѣ.

Лекторъ татарскаго языка имѣетъ одного ученика и получаетъ за него 600 рублей въ годъ.

Тѣ бесѣды съ студентами на латинскомъ языкѣ, къ которымъ § 119-й университетскаго устава приглашаетъ профессоръ, никогда не имѣли мѣста.

Изъ изложенія сей статьи объ учебной части казанскаго университета ваше сіятельство усмотрѣть изволите, сколько она недостаточна по неполнотѣ факультетовъ отъ недостатка нѣсколькихъ профессоровъ, по неспособности многихъ преподавателей, по невниманію совѣта къ распорядку учебныхъ предметовъ и установленію единообразной и доброй методы преподаванія; по недостатку надзора за профессорами и студентами, ходящими произвольно на лекціи; по легкому пріему въ студенты людей недоученныхъ существеннѣйшимъ предметамъ низшихъ учебныхъ степеней; по снисходительному производству изъ сихъ самихъ студентовъ въ высшія ученыя степени. Но сколько ни горестно подобное положеніе одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, стоющаго уже правительству два милліона рублей, желать бы еще можно, чтобы вредъ его ограничивался сею одною ничтожностью и денежною потерею. Но слѣдующее за симъ отдѣленіе откроетъ зло гораздо важнѣйшее.

Отдѣленіе 5-е

О НРАВСТВЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВОСПИТАННИКОВЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Признаюсь вашему сіятельству, что, не взирая на вопль ученыхъ и полуученыхъ цѣлой Европы противъ намѣренія основать зыблющійся храмъ наукъ на единомъ твердомъ краеугольномъ камени, я не постыдился спросить у студентовъ, наученныхъ профессоромъ философіи управляться нравственнымъ закономъ, слыхали-ли они что либо о Законѣ Божіемъ, письменномъ и откровенномъ, и, къ прискорбнѣйшему удивленію, нашелъ, что многіе изъ нихъ не знаютъ числа заповѣдей, другіе отвѣчали мнѣ, что Богъ написалъ ихъ на двухъ, а не на трехъ скрижаляхъ потому, что такъ ему было угодно, и, не взирая на то, что въ росписаніи наукъ занимаются якобы они разборомъ Одиссеи, ни одинъ изъ тѣхъ, коихъ вопрошалъ я, не знаетъ, что значитъ слово—Евангеліе, между тѣмъ

какъ сочиненія Вольтера выбросилъ я изъ библіотеки, отобранной для чтенія студентовъ ихъ инспекторомъ.

И такъ, доказанная мною въ предшествовавшемъ отдѣленіи полуученость воспитанниковъ—довершается невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ Законѣ Божіемъ. Изъ сихъ людей, такъ образованныхъ, выпущено уже въ пятнадцать губерній 43 учителя!

Ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ вышепредставленнаго мною предложенія моего университетскому совѣту въ статьѣ IV, что я былъ вынужденъ оставить въ актахъ университета сей горестный ему упрекъ и нѣкоторое увѣщаніе о соглашеніи впредь университетскаго духа съ духомъ того правительства, которое, сдѣлавъ для него доселѣ важныя пожертвованія, въ правѣ требовать, чтобы онъ основывалъ ученость своихъ воспитанниковъ на благочестіи.

На будущее время сіе важное зло можетъ быть искоренено выборомъ надежнаго попечителя; но происшедшій отъ него вредъ, то есть пятнадцать губерній, наводненныя учителями въ семъ воспитаніи образованными и нынѣ другихъ также образующими, весьма важенъ и, по моему мнѣнію, не скоро исправленъ быть можетъ.

Новому попечителю необходимо нужно будетъ узнать лично директоровъ всѣхъ подвѣдомственныхъ университету гимназій, съ тѣмъ, чтобы, увидя неблагонамѣренныхъ къ предполагаемой цѣли по ихъ духу, перемѣнить новыми. Другого способа я не вижу.

Статью сію заключу я тѣмъ, что каждый изъ учителей сихъ, столь противно выгодамъ и видамъ воспитавшаго ихъ правительства образованный, стоитъ ему, по соображенію сдѣланныхъ на университетъ издержекъ —34022 рубля.

Таковъ плодъ, принесенный казанскимъ университетомъ въ теченіи 14-ти лѣтъ!

ЧАСТЬ II-я

Отдѣленіе 1-е

О КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗІИ ВЪ ПОРЯДКѢ ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ, УЧЕБНОМЪ И НРАВСТВЕННОМЪ

1. О хозяйственномъ порядкѣ казанской гимназіи

Профессоръ Яковкинъ, человѣкъ пронырливый и умѣвшій пріобрѣсти благоволѣніе бывшихъ начальствъ мѣстныхъ и высшихъ; управлявшій всѣмъ университетомъ, до торжественнаго его открытія; составлявшій часть университетскаго совѣта изъ учениковъ своихъ—управлялъ гимназіею самовластно и только съ нѣкоторыми наружными обрядами отвѣтственности. Онъ заявилъ себя независимымъ отъ университета потому, что гимназія, имъ управляемая, имѣла въ 1798-мъ году свои права и донынѣ называется—

Императорскою, и, такимъ образомъ, будучи независимъ когда ему нужно, представлялъ, напротивъ, на разрѣшеніе университетскаго совѣта свои дѣла, когда почиталъ сіе для себя надобнымъ, дабы закрыться отвѣтственностію университета, а сей послѣдній, исполняя безпрекословно виды его, ни разу не вопросилъ попечителя и чрезъ него высшее начальство, можетъ-ли гимназія, имѣвшая права до правъ университета, и нынѣ сохранить ихъ, когда по уставу всѣ гимназіи ему подчиняются? На семъ недоумѣніи засталъ я управленіе г-на Яковкина. Взглянувъ на накупленныя имъ строенія, на развалины тѣхъ, кои онъ строилъ и, когда они упали, велѣлъ ихъ разобрать; на новую отстройку гимназическаго дома, которая безъ тѣхъ мѣръ, кои приняты нынѣ, какъ изволите ваше сіятельство усмотрѣть изъ предложенія моего совѣту, V-й статьи, безъ сомнѣнія вскорѣ также бы разрушилась; на отвратную неопрятность гимназическаго стола, постелей, бѣлья и всего къ гимназіи принадлежащаго; на большія издержки, непрестанно для сего заведенія возрастающія; на безпорядокъ отчетовъ и книгъ, которому примѣромъ служитъ небольшая выписка у сего мною представляемая; когда, изъ всего дѣла о положеніи казанской гимназіи, сообразилъ я: 1-е—что она управлялась совершенно безотчетно г-мъ Яковкинымъ, 2-е—что съ вступленія только вашего сіятельства въ министерство просвѣщенія сіе замѣчено и потому потребованы нужныя свѣденія, 3-е—что при собраніи сихъ свѣденій открылось, что гимназія, имѣвшая экономической суммы 128 т. рублей, не только всю ее доселѣ безотчетно издержала, но и начинала представлять, что нуждается въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ, 4-е—что о семъ произведено обслѣдованіе профессоромъ Никольскимъ и къ вашему сіятельству отъ 27 февраля сего года подъ № 198-мъ представлено, то нашелъ я отъ меня зависящимъ только то, чтобы, до новаго устройства гимназіи, пріостановить продолженіе нестерпимыхъ въ оной безпорядковъ и потому, склонивъ г-на Яковкина къ представленію мнѣ прошенія объ отставкѣ, предложилъ совѣту, чтобы до разрѣшенія его участи высшимъ начальствомъ былъ онъ уволенъ отъ управленія гимназіею немедленно; чтобы мѣсто его заступилъ и занималъ, до предполагаемаго преобразованія оной, профессоръ Никольскій, недавно обнаружившій весь безпорядокъ ея хозяйственнаго управленія, и чтобы онъ, вмѣсто новыхъ требованій о прибавкѣ суммъ, изыскалъ средства ихъ избѣгнуть уменьшеніемъ расхода и прекращеніемъ злоупотребительныхъ издержекъ, кои и указалъ я ему.

Въ тоже время предложилъ я совѣту смѣнить и всю контору гимназіи, какъ участвовавшую въ бывшихъ по оной злоупотребленіяхъ; ибо она могла бы препятствовать г-ну Никольскому на возстановленіе порядка, ею самою нарушеннаго.

Участь г-на Яковкина, совершенно виновнаго какъ по сей части, такъ и по комитету экзаменному, какъ ниже сего усмотрѣть изволите, пріемлю смѣлость представить на христіанское милосердіе его императорскаго величества, ибо онъ человѣкъ старый, больной, обремененный мно-

гочисленнымъ семействомъ и заслуживаетъ нѣкоторое снисхожденіе по ученымъ трудамъ цѣлой жизни и потому, что, не взирая на всѣ его злоупотребленія, онъ нынѣ точно въ крайней бѣдности и обремененъ долгами, кои непрестанно поступаютъ на него ко взысканію.

2. О состояніи казанской гимназіи въ учебномъ и нравственномъ порядкѣ.

Гимназія казанская столько обезславилась своимъ неустройствомъ, что жители Казани дѣтей своихъ отдаютъ предпочтительно въ довольно посредственный частный пансіонъ Лейтера, платя за каждаго по 700 рублей въ годъ, но въ гимназію ихъ не помѣщаютъ. Нѣкоторые отдавали на пансіонъ къ г-ну Яковкину, но для того только, чтобы онъ своимъ вліяніемъ помогъ имъ получить званіе студентовъ. Впрочемъ какъ учебная часть сего заведенія, такъ и нравственная—въ самомъ дурномъ положеніи. Законъ Божій въ такомъ небреженіи, что, между прочими, одинъ изъ 16-ти —лѣтнихъ учениковъ гимназіи не умѣлъ прочесть мнѣ символа вѣры до конца.

Я надѣюсь, что сдѣланными мною распоряженіями на мѣстѣ, о коихъ имѣлъ я честь донести выше сего и которыя подробно изъяснилъ въ послѣднемъ предложеніи моемъ университетскому совѣту, поставлена преграда распространенію замѣченнаго мною зла; а въ третьей части сего отчета буду я имѣть честь представить коренныя поправленія казанской гимназіи.

Отдѣленіе 2-е

ПОЛОЖЕНІЕ РАЗНЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ, ИНСТИТУТОВЪ И ЗАВЕДЕНІЙ ПРИ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

1. О библіотекѣ.

Библіотека университета заслуживаетъ вниманія. Она состоитъ изъ 17500 томовъ. Двѣ библіотеки: князя Потемкина и доктора Франка—составляютъ главнѣйшее ея основаніе; въ ней есть многія важныя, рѣдкія и дорогія изданія по богословской и медицинской части; собраніе твореній довольно обильно, но ни для одной части нѣтъ полнаго. Вся библіотека расположена весьма неправильно, не по роду наукъ, но по алфавитному порядку авторовъ. Есть части словесности, по коимъ нѣтъ ни одной книги. По неполнотѣ сей и недополненію ея новѣйшими, по разнымъ частямъ, твореніями, библіотека сія представляетъ хотя довольно обширное, но весьма недостаточное и случайное собраніе книгъ, которое требовало бы большихъ издержекъ, ежели бы нужно было привести его въ надлежащее состояніе. По сей причинѣ предположенія мои о сей библіотекѣ буду я имѣть честь представить въ своемъ мѣстѣ, при заключеніи отчета.

2. О кабинетѣ естественной исторіи.

Кабинетъ естественной исторіи при университетѣ получилъ начало отъ нѣсколькихъ штуфовъ и чучелъ, взятыхъ изъ казанской гимназіи, и до 1817-го года распространялся, мало по малу, присылаемыми въ него штуфами и костями рѣдкихъ животныхъ. Въ 1817-мъ году пріобрѣлъ онъ большое количество штуфовъ и окоменѣлостей и, сверхъ того, для него куплены у профессора Броннера: 1-е) собраніе раковинъ, заключающее всѣ роды, Линеемъ описанные, въ числѣ 1630, и 2-е) собраніе минералловъ, до 2811 штуфовъ простирающееся. Сіе послѣднее пріобрѣтеніе заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе; но, будучи сдѣлано случайно и не въ надлежащей системѣ, такъ какъ и весь сборъ сего кабинета, не представляетъ нужной въ сихъ собраніяхъ цѣлости, ибо большая часть его отдѣленій не полна, а въ иныхъ классахъ число породъ столь малочисленно, что при преподаваніи не можно показать естественной ихъ связи и перехода одной въ другую. Сверхъ того, многія чучелы, которыхъ только 37 породъ, испорчены молью, а кости рѣдкихъ животныхъ не описаны. По симъ причинамъ кабинетъ сей не можетъ быть иначе почтенъ, какъ нѣкоторымъ началомъ заведенія сего рода и, по близости университета къ Сибири и тѣмъ способамъ, кои имѣетъ онъ сдѣлать полное собраніе ископаемыхъ сего края, можетъ нѣкогда послужить основаніемъ къ оному.

3. О ботаническомъ садѣ.

Ботаническій садъ и двѣ заведенныя въ ономъ теплицы столь маловажны, что не стоятъ издержекъ, на нихъ ежегодно употребляемыхъ. Гораздо было бы полезнѣе, ежели бы прекрасное мѣсто, по почвѣ самой земли и по климату для ботаническаго сада неспособное, обращено было въ гулянье для воспитанниковъ.

4. О физическомъ кабинетѣ.

Физическій кабинетъ, будучи равнымъ образомъ составляемъ, съ 1808-го года, случайно и оставаясь недополняемъ въ порядкѣ, представляетъ неполное собраніе орудій. Недостатокъ гидравлическихъ, аэростатическихъ, оптическихъ орудій и, особенно, моделей механическихъ, препятствуетъ полному преподаванію опытной физики.

5. О химической лабораторіи.

Химическая лабораторія, съ 1806-го года учрежденная, была также дополняема погодно. Недостатки ея состоятъ: 1-е) въ электрической машинѣ съ приборомъ; 2-е) въ хорошемъ гальваническомъ снарядѣ; 3-е) въ воздушномъ насосѣ; 4-е) въ фарфоровыхъ, серебряныхъ и платинныхъ сосудахъ, и многихъ другихъ приборахъ для точныхъ химическихъ опытовъ.

Составленная же, по недостатку въ университетской библіотекѣ химическихъ книгъ, особенная при лабораторіи—весьма малозначительна.

6. Объ анатомическомъ театрѣ.

Ничего не можетъ быть постыднѣе для публичнаго заведенія, какъ то, что при казанскомъ университетѣ называется анатомическимъ театромъ. Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ русской печью, въ которой стоитъ на столѣ ящикъ съ инструментами и, недалеко, небольшой шкапъ съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими разныхъ частей костями, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами; одинъ полный скелетъ четвероногаго пѣтуха и двухъ утокъ.

Причиною того, что нѣтъ остововъ человѣческихъ тѣлъ, мужскаго и женскаго, сказано мнѣ медико-хирургомъ, что 3 мужскія тѣла, 2 женскихъ, одинъ медвѣдь и лошадь—размачиваются уже три года въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего за городомъ.

Собраніе нужныхъ для театра вещей достойно сего заведенія, равно какъ и представленный мнѣ списокъ хирургическихъ операцій, въ которомъ хотя и поставлены нѣкоторыя важныя, но безъ означенія, что тѣ, надъ коими онѣ дѣланы—умерли, какъ то дѣйствительно было; прочія же не весьма приличны хирургическому заведенію при университетѣ, а именно: 1-е) вставливаніе врачебныхъ свѣчь; 2 е) выдергиваніе рѣсницъ; 3-е) вырѣзаніе обвислости верхняго вѣка; 4-е) изъятіе занозы изъ вѣка и 5-е) извлеченіе конца веретена изъ ляшки мальчика.

Я соединилъ сіи замѣчанія объ анатомическомъ театрѣ и хирургическомъ институтѣ потому, что сей послѣдній существуетъ только по имени, но дѣйствительно оба сіи заведенія, по недостатку знающаго профессора анатоміи и медико-хирурга, которые бы положили имъ хотя начало, доселѣ къ стыду только университета существуютъ.

7. Объ университетской обсерваторіи.

Изъ астрономическихъ инструментовъ, на обсерваторіи университета находящихся, Бердовъ кругъ, Доллондова труба съ геліометромъ, Траутоновъ секстантъ и астрономическія часы—весьма хороши и могутъ быть съ пользою употреблены на всякой обсерваторіи; прочія же орудія не заслуживаютъ никакого вниманія, были накуплены довольно дорого и безполезно, ибо между оными есть нѣкоторыя до 2 тысячъ рублей стоившія и кои куплены потому только, что попечитель Румовскій дѣлалъ нѣкогда помощію ихъ свои наблюденія въ Сибири.

Институтъ хирургическій, какъ показано выше—не существуетъ.

Института повивальнаго искусства—также нѣтъ, хотя какъ тотъ, такъ и другой, положены.

Объ институтѣ педагогическомъ.

Въ противность устава и существенной пользы учебнаго округа казанскаго университета, институтъ педагогическій существуетъ при немъ только именемъ и весьма страннымъ образомъ: тѣ самые студенты, кои живутъ въ университетѣ, окончивъ, якобы, академическій курсъ наукъ, числомъ два, подъ именемъ кандидатовъ, почитаются педагогическимъ институтомъ. Преподавателями сего мнимаго института считаются два магистра; ни книгъ, ни другихъ пособій, ни преподаванія въ институтѣ и даже комнаты для онаго—нѣтъ. Есть одно дѣйствительно существующее въ семъ вообразительномъ институтѣ: прибавка къ жалованью профессора, именуемаго его директоромъ, и цѣлый почти особенный домъ для его помѣщенія.

О комитетахъ.

Два рода комитетовъ, изъ установленныхъ при казанскомъ университетѣ, заслуживаютъ вниманія вашего сіятельства по замѣчаніямъ, мною сдѣланнымъ: 1-е—комитеты по разнымъ предметамъ при университетѣ, съ открытія его бывшіе, и 2-е—комитетъ для экзамена гражданскихъ чиновниковъ.

1. О комитетахъ по разнымъ предметамъ при университетѣ.

Изъ числа 36 комитетовъ, съ 1806-го года бывшихъ, два или три заслуживаютъ вниманія и занимались полезнымъ дѣломъ; прочіе же: 1-е —одобряли денежные отчеты разныхъ годовъ, безъ всякаго вниманія къ сохраненію университетскихъ суммъ и прекращенію противузаконнаго ихъ употребленія; 2-е—представляли обширныя смѣты предполагаемымъ зданіямъ для описаннаго мною выше анатомическаго театра; 3-е—изыскивали надежнѣйшія средства для утушенія пожаровъ въ университетскихъ зданіяхъ, вмѣсто осмотра разсохшихся трубъ и брошенныхъ багровъ, которые принужденъ я былъ шесть лѣтъ послѣ сего комитета чинить и приводить въ порядокъ; 4-е—закрывали жалобы и доносы, еще въ 1815-мъ году на директора гимназіи отъ учителей оной бывшія, присуждая за оныя выговоръ.

Въ семъ состояли упражненія университетскихъ комитетовъ отъ 1806-го по 1819-ый годъ.

2. О комитетѣ экзаменномъ.

Комитетъ сей составленъ былъ изъ извѣстнаго уже профессора Яковкина, изъ профессора Бартельса и незнающаго по-русски профессора Врангеля, зятя г-на Яковкина.

Я разсматривалъ нѣкоторыя дѣла сего комитета, ибо общее въ городѣ на него нареканіе поставило мнѣ сіе въ обязанность, и нашелъ:

Что многіе изъ экзаменовъ произведены, въ противность установленіямъ, не въ самомъ комитетѣ и, слѣдовательно, не въ положенное число его засѣданій, а на дому у каждаго изъ профессоровъ; ибо и свидѣтельства ихъ, отдѣльно выданныя и на коихъ основанъ въ послѣдствіи аттестатъ университета, сшиты вмѣстѣ и составляютъ нѣкоторыя, такъ называемыя, дѣла объ экзаменахъ, безъ выписки изъ журналовъ, коихъ и быть не могло по сему производству. Примѣрный въ семъ родѣ самый злоупотребительный экзаменъ сдѣланъ титулярному совѣтнику Яшерову, который, лично по симбирской губерніи за человѣка неученаго мнѣ извѣстный, дѣлаетъ на экзаменѣ ошибки противъ русской грамматики и именно въ правописаніи и получаетъ аттестатъ въ знаніи краснорѣчія; разрѣшаетъ задачи алгебры, совсѣмъ ему неизвѣстной; а на вопросы о правахъ и политической экономіи даетъ отвѣты, совершенно смысла не заключающіе и доказывающіе, что онъ не умѣлъ даже пересказать того, что ему о сихъ отвѣтахъ сказывали. Злоупотребленіе сего экзамена извѣстно даже въ публикѣ казанской; но, между тѣмъ, г-нъ Яшеровъ получилъ аттестатъ и по оному чинъ 8-го класса.

Подобныхъ сему экзаменовъ, изъ 16-ти,комитетомъ произведенныхъ, большая половина.

Видя сіе позорное нарушеніе закона, подъ предлогомъ уволеннаго отъ управленія гимназіи и экзаменнаго комитета профессора Яковкина, предписалъ я проректору университета, при выѣздѣ изъ Казани, пріостановить выборъ новаго предсѣдателя сего комитета, до разрѣшенія высшаго начальства, дабы тѣмъ прекратить сіи злоупотребительные экзамены до разрѣшенія судьбы самого университета.

Виновными нашелъ я въ оныхъ профессора Яковкина и зятя его Врангеля, а какъ уже выше сего изъяснилъ о первомъ свое мнѣніе, то о послѣднемъ имѣю честь представить, что не почитаю его для службы благонадежнымъ и полагалъ бы уволить отъ оной; третьяго же члена, профессора Бартельса, человѣка по учености его заслуживающаго уваженія, не могу признать совершенно виновнымъ, ибо онъ не знаетъ по-русски и, вѣроятно, не вмѣшиваясь въ злоупотребленія комитета ограничивался экзаменомъ своей только части математики. Отзывъ сей слышалъ я и отъ всѣхъ его товарищей.

О ТИПОГРАФІЯХЪ

1. О русской типографіи.

Типографія сія въ такомъ же положеніи, какъ и большая часть заведеній сего университета. Съ 1808-го по 1815 годъ получила она сперва на обзаведеніе, а потомъ на содержаніе свое изъ казны 14 т. рублей, всего издержано ею 45,666 рублей, и она, съ готовымъ помѣщеніемъ и отопле-

ніемъ, которое также стоитъ за все время, по крайней мѣрѣ, 10 т. рублей, не могла содержать себя, задолжала въ хозяйственную сумму университета около 10 т. рублей, пришла въ совершенный упадокъ, печатаетъ нынѣ весьма дурно и медленно; а съ начала своего учрежденія, за 55 т. рублей, коихъ стоитъ, напечатала 77 разныхъ мелкихъ и, въ томъ числѣ, не болѣе девяти довольно полезныхъ сочиненій, а нѣсколько и вредныхъ по духу деизма, въ которомъ они написаны.

2. О азіатской типографіи.

Типографія сія гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели русская, по состоянію ея принадлежностей и штату; но не приноситъ того дохода, который приносить должна, по злоупотребленіямъ, въ управленіе ею допущеннымъ. Она можетъ быть поставлена на самую лучшую ногу, можетъ приносить доходъ правительству печатаніемъ нужныхъ для магометанъ книгъ и, вмѣстѣ, будучи орудіемъ библейскаго общества и не ограничиваясь тисненіемъ алкорана—можетъ служить къ распространенію Евангелія на татарскомъ языкѣ.

Новое устройство ея можно будетъ поручить благонадежному директору казанской гимназіи, при которой и можно ее на прежнемъ основаніи оставить.

Отъ меня приказано окончить пріемъ сей типографіи отъ бывшаго фактора, выслать его изъ ея дома, и адъюнкту Юнакову, оную принимающему, поручено составить подробное обозрѣніе, съ предположеніями къ новому устройству.

Заключая симъ отчетъ мой объ университетѣ и всѣхъ его принадлежностяхъ, честь имѣю представить у сего краткую выписку изъ исторіи онаго, по моему требованію составленной, съ нѣкоторыми на нее замѣчаніями.

ЧАСТЬ III-я

Отдѣленіе 1-е

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Такъ какъ всѣ свѣдѣнія о разныхъ частяхъ управленія казанскаго университета, кои имѣлъ я честь изложить въ двухъ предшествовавшихъ частяхъ сего отчета, основаны на документахъ, по требованію моему отъ университета мнѣ доставленныхъ, подписомъ его начальства и разныхъ чиновниковъ утвержденныхъ и кои у меня хранятся; то, по достовѣрности ихъ, можно безошибочно вывести изъ настоящаго моего представленія слѣдующія заключенія:

1-е. Университетъ по самому его составу не выполнилъ и не можетъ выполнить тѣхъ обязанностей, кои возложены на него уставомъ.

2-е. Онъ несетъ только наименованіе университета и, по принятымъ формамъ, представляетъ нѣкоторый видъ сего рода заведеній, но, на самомъ дѣлѣ, никогда не существовалъ; не только не приноситъ той пользы, какую можно бы ожидать отъ благоустроенной гимназіи, но даже причиняетъ общественный вредъ полуученостію образуемыхъ имъ воспитанниковъ и учителей для обширнѣйшаго округа; особенно же противнымъ религіи ихъ духомъ деизма и злоупотребленіемъ обширныхъ правъ своихъ, по разнымъ частямъ управленія.

3-е. Уже семь лѣтъ стоитъ сей вредный университетъ отъ 134-хъ до 247-хъ т. рублей въ годъ, между тѣмъ какъ двѣ знатнѣйшія духовныя наши академіи, С.-Петербургская и Московская, образующія столько отличныхъ христіанскихъ учителей, едва и половину сей суммы, сколько мнѣ извѣстно, стоятъ; а въ томъ же городѣ, гдѣ находится университетъ, несравненно лучшая его семинарія получаетъ на свое содержаніе не болѣе 15 т. рублей.

4-е. Гимназія казанская, по злоупотребительному хозяйственному ея управленію, по недостаточному образованію и выбору ея учителей и по духу, которымъ заражена она отъ университета, представляетъ заведеніе въ самомъ дурномъ положеніи.

5-е. Управленіе обширнаго округа казанскаго университета, объемлющее 15 губерній, должно быть въ самомъ дурномъ положеніи, судя по тому, что объ университетѣ доказано.

Отдѣленіе 2-е

ОБЩЕЕ МНѢНІЕ МОЕ ПО СЕМУ ДѢЛУ.

На благосклонную довѣренность, съ которою ваше сіятельство предписать мнѣ изволили представить вамъ, вмѣстѣ съ донесеніемъ о всѣхъ подробностяхъ осмотра, мое мнѣніе объ исправленіи казанскаго университета, ежели исправить его можно, или, въ противномъ случаѣ, о замѣнѣ его другимъ родомъ учебнаго управленія—я иначе отвѣчать не могу, какъ по совѣсти и крайнему моему разумѣнію. И потому полагалъ бы, понеже нѣтъ никакой возможности исправить такое сословіе, гдѣ изъ двадцати пяти человѣкъ едва треть благонадежныхъ выбрать можно:

1-е. Казанскій университетъ, пользовавшійся всѣми правами и преимуществами, ему присвоенными и свято со стороны правительства сохраняемыми, нарушившій съ своей стороны коренныя обязанности свои и тѣмъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ раздравшій грамоту ему дарованную условно (ибо совокупно съ нею утвержденъ и уставъ, обязанности его опредѣляющій); злоупотребившій сумму 2 милліоновъ рублей; причинившій очевидный вредъ не токмо отъ себя непосредственно, но и въ обширномъ округѣ, по непреложной справедливости и по всей строгости правъ—п о д л е ж и т ъ у н и ч т о ж е н і ю.

2-е. Уничтоженіе сіе можетъ быть двухъ родовъ: a) въ видѣ пріостановленія университета и b) въ видѣ публичнаго его разрушенія.

Я бы предпочелъ послѣднее, по слѣдующимъ причинамъ:

Ежели пріостановить его, подъ видомъ недостатка профессоровъ или подобнымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что истинное намѣреніе его уничтоженія не сокроется; ученые всей Европы, столь ожесточенные обличеніемъ вредныхъ послѣдствій мнимаго ихъ просвѣщенія, будутъ клеветать правительство, приписывая единому дѣйствію власти то, что сдѣлано по самой строгой справедливости. А ежели будетъ заявлено публично, что университетъ (который, впрочемъ, въ ряду государственныхъ установленій, по самому его уставу, не болѣе значитъ, какъ коллегія) нарушилъ свои обязанности, что можно доказать статьями самаго его устава, злоупотребилъ права ему дарованныя и не принесъ ожиданной отъ него въ продолженіи 14-ти лѣтъ пользы,—что все можетъ быть доказано математически,—тогда пусть всевозможные университеты судятъ приговоръ сей: все честное и благомыслящее изъ современниковъ и потомства будетъ на сторонѣ правительства.

Актъ объ уничтоженіи казанскаго университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ подъятымъ кинжаломъ.

3-е. За симъ можно бы было размѣстить приличнымъ образомъ то малое число людей достойныхъ изъ чиновниковъ казанскаго университета, которымъ, съ предположеніемъ о ихъ употребленіи, представляется у сего особенная записка. Они тѣмъ болѣе заслуживаютъ покровительство вашего сіятельства, что, посреди общаго неустройства, въ немъ неучаствовали и, сколько было возможно, противились злоупотребленіямъ и были полезны.

4-е. Пять домовъ университета и три гимназіи принадлежащіе могли бы быть осмотрѣны нарочно посланнымъ отсюда архитекторомъ и приведены въ наилучшій порядокъ изъ хозяйственной суммы университета, 109,430 рублей составляющей.

5-е. Вмѣсто университета можно бы было въ главномъ изъ его зданій помѣстить гимназію, которая, сохраняя, какъ то было до университета, названіе Императорской гимназіи, получила бы новое обширнѣйшее и лучшее образованіе.

При гимназіи нужно бы тогда было устроить отдѣленіе для образованія учителей, изъ казенныхъ воспитанниковъ, и пансіонъ для благороднаго юношества, которое бы только жило въ особенномъ домѣ и на особомъ положеніи, а училось бы въ гимназіи.

Меня увѣряли въ Казани, что, если бы правительство устроило такой пансіонъ, то дворяне всей губерніи охотно стали бы платить за каждаго воспитанника по тысячѣ рублей.

6-е. Какъ гимназію, такъ и пансіонъ—поручить надежному и благочестивому чиновнику, который бы жилъ въ самомъ домѣ гимназіи.

7-е. Преподаваніе Закона Божія, то есть той части священной исторіи, богословіи (sic) догматической и нравственной и археологіи, которая нужна каждому человѣку, какого бы состоянія онъ не былъ, поручить, по выбору преосвященнаго, кому либо изъ отличнѣйшихъ духовныхъ особъ.

Я имѣю причину надѣяться, что самъ ректоръ казанской семинаріи приметъ на себя сію обязанность.

8-е. Къ управленію гимназіи присоединить можно центральное татарское училище, которое бы управляло прочими и образовало для нихъ учителей; но, вмѣстѣ, будучи подъ вліяніемъ христіанскаго управленія, безъ малѣйшаго вида стѣсненія совѣсти магометанъ подавало бы способъ съ нужною осторожностію дѣйствовать къ непримѣтному и постепенному ихъ отклоненію отъ алкорана.

Училище сіе ничего бы не стоило правительству, ибо профессоръ казанскаго университета Кондыревъ, человѣкъ отлично дѣятельный и усердный, сказывалъ мнѣ, что, будучи въ Оренбургѣ, склонилъ онъ весьма удачно муфтія обнародовать всѣмъ подвѣдомственнымъ ему магометанамъ о пожертвованіи на сей предметъ. Благодарное за сіе письмо отъ господина министра просвѣщенія, чрезъ профессора Кондырева къ муфтію посланное, довершитъ сіе дѣло наилучшимъ образомъ.

9-е. Сверхъ того, изъ суммы, на университетъ ежегодно ассигнованной, можно основать въ Казани важное и для тамошняго края и для арміи заведеніе: большой медико-хирургическій институтъ, со всѣми къ оному принадлежностями, какъ то: анатомическимъ театромъ, клиническими медицинскою и хирургическою больницами и скотоврачебнымъ отдѣленіемъ.

Казанскій преосвященный увѣрилъ меня, что изъ всей епархіи своей можетъ онъ на первый случай дать ежегодно 100 учениковъ; а такъ какъ полный кругъ медицинскихъ наукъ занималъ бы четыре года, то, по истеченіи оныхъ, институтъ могъ бы давать правительству ежегодно около ста лекарей, а со временемъ и болѣе. Ежели предположенія сіи будутъ одобрены, то я могу представить образованіе сего института, ибо всѣ нужные къ тому матеріалы мною собраны.

10-е. Разныя учебныя пособія университета могутъ быть употреблены слѣдующимъ образомъ:

Изъ библіотеки университета можно будетъ библіотеку Франка отдать медицинскому институту; изъ оставшейся выбрать достаточную для гимназіи, а рѣдкія изданія взять сюда.

Изъ кабинета физическаго можно, съ нужными дополненіями, составить хорошій для медицинскаго института, равно какъ и изъ лабораторіи и кабинета естественной исторіи.

Изъ обсерваторіи лучшія орудія можно взять сюда.

11-е. Для управленія медицинскимъ институтомъ можно опредѣлить директоромъ профессора Фукса, который нынѣ въ Казани находится.

12-е. Всѣ сіи заведенія, равно какъ и управленіе округомъ, поручить попечителю съ особенною инструкціею.

Такимъ образомъ, вмѣсто вреднаго университета и разстроенной гимназіи—правительство, безъ малѣйшей прибавки къ настоящимъ издержкамъ, получитъ:

1. Благоустроенную гимназію, которая будетъ снабжать округъ свой учителями.

2. Пансіонъ благороднаго юношества.

3. Татарскую гимназію.

4. Медицинскій институтъ, который, давая чрезъ 4 года ежегодно сто лекарей арміи, снабжать будетъ весь тамошній край скотоврачами, столь необходимыми для его обширнаго скотоводства.

Ежели предположенія сіи удостоятся утвержденія, то неукоснительно можетъ быть представлено полное ихъ раскрытіе, состоящее въ принадлежащихъ къ оному образованіяхъ.

Симъ заключу я отчетъ, который былъ обязанъ дать по дѣлу, на меня возложенному.

Недостатки онаго прошу я Ваше Сіятельство отнести къ неупражненію моему доселѣ по части народнаго просвѣщенія; все же то, что можетъ принести нѣкоторую пользу—по всей справедливости отдаю на счетъ тѣхъ чиновниковъ, коихъ дѣятельною помощію и отличнымъ усердіемъ въ самое короткое время могъ я собрать всѣ нужныя матеріалы за 14 лѣтъ, по всѣмъ частямъ университетскаго управленія, по всѣмъ его заведеніямъ и по казанской гимназіи. Представляя у сего списокъ симъ достойнымъ чиновникамъ, я покорнѣйше испрашиваю заслуженныхъ ими наградъ.

9 апрѣля 1819 года.

(Архивъ Казанскаго университета, дѣло попечительской канцеляріи № 1, за 1819 г., листы 335—385).

II

(Къ страницѣ 307-й)

Краткая исторія императорскаго казанскаго университета.

1805 годъ.	Замѣчанія на оную.
Императорскій казанскій университетъ, въ силу высочайше дарованной грамоты и утвержденнаго устава ноября 5 дня 1804 года, получилъ начальное основаніе февраля 14-го дня 1805 года, по прибытіи въ Казань попечителя онаго университета и учебнаго его округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Румовскаго.	
При первомъ образованіи сего университета находилось 6 профессоровъ и адъюнктовъ, а слушателей въ продолженіи сего года поступило 47 человѣкъ.	
Для удобнѣйшаго расположенія университета куплены въ семъ году три дома и пространное мѣсто для предбудущихъ заведеній по университету.	Нѣтъ еще ни профессоровъ, ни достаточнаго числа слушателей—а покупаются уже три дома.
1806 годъ.	
Хотя въ прошломъ году число поступившихъ преподавателей и умножилось, но, по причинѣ выбывшихъ въ семъ году, число 6-ти профессоровъ и адъюнктовъ осталось тоже.	Замѣтить надобно сіе затрудненіе составить университетъ.
Въ семъ году положено основаніе Обществу Любителей Отечественной Словесности и сдѣланы соображенія для описанія казанской губерніи.	Общество и доселѣ совершенно пустое. Соображенія сіи въ 1819-мъ году не приведены еще въ дѣйство.
Куплено для гимназіи три дома, при коихъ высочайше пожалованы пять пустыхъ мѣстъ.	Опять покупаются дома!
Положено основаніе библіотеки, ботаническому саду, химической лабораторіи и начаты безпрестанныя метеорологическія наблюденія.	Изъ всего сего только уваженіе заслуживаютъ успѣхи

астрономіи, кои въ прочихъ университетахъ довольно ограничены, а въ семъ, по вкусу г-на Румовскаго къ математическимъ наукамъ, существенную принесли пользу образованіемъ одного астронома.

1807 годъ.

Въ теченіи сего года опредѣлены въ университетъ два профессора и два учителя изящныхъ искусствъ, слушателей поступило 28.

Чрезъ три года два профессора прибавились, а полнаго университета еще— нѣтъ.

Университетъ имѣлъ первое публичное собраніе, въ которомъ говорены были на латинскомъ и россійскомъ языкѣ рѣчи.

Не взирая на то, что нѣтъ университета, уже есть и публичныя собранія и рѣчи.

Университетская библіотека умножена 629 книгами, 18 ландкартами и 1 атласомъ. Для физическаго кабинета, астрономической обсерваторіи, кабинета естественной исторіи, ботаническаго сада, химической лабораторіи сдѣланы также пріобрѣтенія. Сверхъ того, сдѣланъ планъ для заведенія анатомическаго театра, положено основаніе россійской при университетѣ типографіи и учрежденъ цензурный комитетъ.

По сему плану устроенный анатомическій театръ описанъ въ отчетѣ моемъ.

Уже есть и типографія и цензура; но —ни писателей, ни книгъ, ни университета.

Въ семъ же году профессоръ Яковкинъ, по предписанію высшаго начальства, отправленъ былъ визитаторомъ въ симбирскую и пензенскую губерніи.

1808 годъ.

Въ семъ году было въ университетѣ 11 преподавателей.

Изъ числа казенныхъ студентовъ двое поступили въ учители.

Еще нѣтъ полнаго академическаго кур-

са, а есть уже два окончившіе его студента!

Библіотека, физическій кабинетъ, кабинетъ естественной исторіи и химическая лабораторія получили пріобрѣтенія, а въ ботаническомъ саду посажено 252 иностранныхъ растенія.

Въ семъ году дѣйствительный тайный совѣтникъ Данауровъ осматривалъ университетъ и гимназію, которые нашелъ въ порядкѣ.

1809 годъ.

Въ теченіи сего года прибыли два профессора и одинъ адъюнктъ, умножено число лекцій и поступило 5 слушателей. Нѣсколько студентовъ получили степени кандидатовъ и одинъ опредѣленъ учителемъ.

Нѣтъ еще университета, а уже есть и человѣкъ возвышенный на одну изъ ученыхъ степеней.

Библіотека доктора Франка куплена для казанскаго университета; физическій кабинетъ, кабинетъ естественной исторіи и химическая лабораторія пріумножены, а въ ботаническій садъ прибыло около 300 видовъ степныхъ растеній изъ оренбургской губерніи.

Въ новозаведенной университетской типографіи напечатана первая книга—татарская грамматика.

Вотъ произведеніе университета въ четыре года!

Въ семъ году тайный совѣтникъ Обрѣзковъ обозрѣвалъ университетъ и гимназію, которые найдены имъ въ порядкѣ.

1810 годъ.

Въ семъ году число преподавателей увеличилось, а вмѣстѣ съ онымъ и число лекцій.

Въ сей пятый годъ своего существованія принимаетъ университетъ нѣкоторую форму сего рода заведеній.

Изъ прежнихъ членовъ совѣта двое получили степень экстраординарныхъ профессоровъ; сверхъ того, на основаніи указа августа 6 дня 1809 года, начаты публичныя лекціи для служащихъ чиновниковъ.

Въ теченіи сего года поступило 5 студентовъ. Изъ казенныхъ воспитанниковъ двое опредѣлены учителями.

Въ семъ году избранъ ректоръ и другіе чиновники университета.

Библіотека, физическій кабинетъ и кабинетъ естественной исторіи умножены.

Профессоръ натуральной исторіи докторъ Фуксъ сдѣлалъ анализъ и описаніе Сергіевскимъ минеральнымъ водамъ и представилъ его.

Первая существенная польза университета.

1811 годъ.

Въ теченіи сего года получили ученыя степени: профессора—1, адъюнктовъ—3, магистровъ—12, кандидатовъ—10.

По случаю опредѣленныхъ вновь профессоровъ прибавлены двѣ лекціи.

Лекціи прибавляются по случаю пріѣзжающихъ профессоровъ, но все еще академическій курсъ не полонъ; а есть уже магистры и кандидаты!

Въ число студентовъ поступило 28 человѣкъ.

Педагогическій институтъ состоялъ изъ 9 магистровъ, 12 кандидатовъ и 26 студентовъ; изъ числа сихъ послѣднихъ одинъ опредѣленъ учителемъ.

Библіотека, физическій и химическій кабинеты и кабинетъ естественной исторіи получили приращенія; въ ботаническомъ саду выстроена теплица для растеній жаркихъ климатовъ, а при астрономической обсерваторіи положено основаніе библіотекѣ и пріобрѣтено нѣсколько инструментовъ.

Въ семъ году профессоръ Эрдманъ представилъ начертаніе объ устроеніи клиническихъ институтовъ, по поводу котораго былъ учрежденъ комитетъ.

По предписанію начальства учрежденъ комитетъ для сочиненія наставленій касательно предназначаемой экспедиціи ученыхъ путешественниковъ.

Изъ сего комитета ничего не вышло.

Въ теченіи сего года адъюнктомъ Кондыревымъ изданы: переводъ съ нѣмецкаго—политическая экономія Сарторіуса и странствованіе Филиппа Ефремова, а профессоръ Финке представилъ переводъ съ греческаго на нѣмецкій языкъ Феофила—толкованіе римскихъ законовъ.

Изданіе Казанскихъ Извѣстій поручено университету.

Въ семъ году гимназія отдѣлена отъ университета и помѣщена въ особыхъ домахъ.

1812 годъ.

Въ семъ году, по случаю смерти попечителя казанскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Румовскаго, мѣсто его заступилъ дѣйствительный камергеръ Салтыковъ.

Въ теченіи сего года предписано совѣту именоваться „совѣтомъ при казанскомъ университетѣ".

По экзамену удостоены: въ магистры 4, въ лекторы языковъ 2, въ кандидаты 2 человѣка.

Въ семъ году образованъ педагогическій институтъ, согласно съ уставомъ; изъ онаго выпущено три учителя.

Изъ отчета моего видно, какое послѣдствіе имѣло сіе образованіе.

Число студентовъ умножилось 12-тью человѣками.

Библіотека, физическій кабинетъ и астрономическая обсерваторія пріумножены; изъ библіотеки же, по предписанію министра народнаго просвѣщенія, препровожденъ въ С.-Петербургъ свитокъ на еврейскомъ языкѣ, заключающій въ себѣ пятикнижіе Моисея.

Въ семъ году разсматриваемы были въ совѣтѣ и въ частныхъ собраніяхъ различныя сочиненія членовъ университета.

Прибавлены 4 лекціи; студенты раздѣлены по факультетамъ.

Профессоръ Эрдманъ изслѣдовалъ открытыя близь города Тетюшъ цѣлебныя воды, а магистръ Дунаевъ отправленъ былъ въ оренбургскую губернію для изслѣдованія и описанія натра, покрывающаго значительное пространство земли.

Самое пустое порученіе.

По случаю занятія зданій гимназическихъ Екатерининскимъ институтомъ, гимназія опять была помѣщена въ домахъ университета.

1813 годъ.

Къ прежнимъ лекціямъ прибавлено еще преподаваніе началъ политики и дипломатики.

Студентовъ вновь поступило 15 и нѣсколько выбыло.

На степень медико-хирурга былъ экзаменованъ 1.

Библіотека и прочія учебныя пособія умножены.

Въ семъ году было разсмотрѣно 12 рукописей, изъ числа коихъ напечатано 5.

Г-нъ попечитель и профессоръ Фуксъ обозрѣвали часть округа.

Одно существенное въ семъ году дѣло.

1814 годъ.

Въ семъ году послѣдовало торжественное открытіе казачскаго университета, который изъ отличныхъ мужей въ наукахъ избралъ въ почетные свои члены и утвердилъ иностранныхъ корреспондентовъ, по всѣмъ отдѣленіямъ.

Чрезъ 9 лѣтъ существованія и выпуска уже многихъ изъ университета ученыхъ — открывается онъ торжественно!

По испытаніямъ, согласно съ правилами казанскаго университета, было производство въ теченіи сего года на разныя ученыя степени.

Въ теченіи сего года было слишкомъ 40 лекцій.

Въ семъ году разсмотрѣно и напечатано нѣсколько сочиненій.

Общество любителей отечественной словесности, получивъ свой уставъ, имѣло первое публичное собраніе.

Библіотека и прочія учебныя пособія приумножены.

Изъ педагогическаго института поступило нѣсколько студентовъ въ учители, а ихъ мѣста были заняты другими.

1815 годъ.

Въ семъ году, кромѣ учителей искусствъ и языковъ, преподаваемы были 41 лекція.

Получили разныя ученыя степени 14 человѣкъ.

Студентовъ поступило въ университетъ 27, изъ педагогическаго института выбыло 5 кандидатовъ.

Библіотека и прочія учебныя пособія приумножены.

Въ началѣ сего года профессоръ Эрдманъ представилъ планъ для учрежденія клиническихъ и родоврачебнаго институтовъ, но какъ планъ сей не былъ одобренъ начальствомъ, почему и поручено профессорамъ Эрдману и Вердерамо составить другой, который утвержденъ министромъ и назначено имъ на сей предметъ по 2 тысячи рублей.

Въ семъ году разсматриваемы были рукописи членовъ университета, изъ коихъ нѣкоторыя и напечатаны.

Профессоры были отправлены визитаторами по округу казанскаго университета.

Для заготовленія анатомическихъ препаратовъ купленъ особенный домъ, съ принадлежащимъ къ нему пустымъ мѣстомъ.

Изъ отчета видно, какой успѣхъ имѣло сіе заготовленіе чрезъ четыре года.

Въ семъ году гимназія, по разрушеніи пожаромъ ея зданія, переведена въ университетъ.

1816 годъ.

Въ теченіи сего года произведены въ разныя ученыя степени 9, а въ аптекари и провизоры 3 человѣка.

Въ теченіи сего года поступило 47 студентовъ, казенныхъ и своекоштныхъ, а выбыло 16 человѣкъ.

Изъ педагогическаго института выбыло 7 кандидатовъ и студентовъ въ учители.

А педагогическаго института и не было!

Библіотека и прочія учебныя пособія пріумножены.

Въ клиническомъ институтѣ умножено число кроватей, съ тѣмъ, чтобы принимать и постороннихъ больныхъ съ платою по 15 рублей на мѣсяцъ. Представленіе университета о распространеніи клиническаго института не было одобрено начальствомъ, по причинѣ важныхъ уменьшеній, сдѣланныхъ на 1817 годъ изъ суммы, на министерство просвѣщенія отпускаемой.

Въ теченіи сего года учрежденъ комитетъ для составленія ученыхъ записокъ, въ который и поступило значительное число оныхъ.

Который доселѣ ничего еще не сдѣлалъ, кромѣ сбора весьма маловажныхъ записокъ отъ раз-

ныхъ чиновниковъ, изъ округа получаемыхъ.

Въ отдѣленіяхъ разсматриваемы были различныя сочиненія; изъ числа оныхъ нѣкоторыя и напечатаны.

По предписанію начальства отправлены были визитаторы для обозрѣнія училищъ тобольской, пермской и вятской губерній.

1817 годъ.

Въ семъ году Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, проѣздомъ чрезъ Казань, удостоилъ посѣщеніемъ казанскій университетъ.

Выбыли изъ университета профессоры Френъ, Эрдманъ, Нейманъ, а профессоръ Броннеръ получилъ на шесть мѣсяцевъ увольненіе въ Швейцарію.

Лучшіе профессоры, увидѣвшіе, вѣроятно, что устройство казанскаго университета не весьма благонадежно.

Получили разныя ученыя степени 8, а званіе провизора и гезеля 2 человѣка.

Въ число студентовъ вступило въ университетъ 23, а выбыло 22 человѣка; изъ числа сихъ послѣднихъ 3 поступили въ учители и 1 получилъ званіе кандидата медицины.

Изъ педагогическаго института опредѣлены 2 кандидата учителями.

А институтъ все не существуетъ!

Магистръ восточныхъ языковъ Ярцовъ, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ при посольствѣ въ Персію.

Библіотека и прочія учебныя пособія получили приращенія.

Въ клиническомъ институтѣ прибавлено двѣ кровати.

Въ семъ году разсматриваемы были различныя сочиненія, какъ въ рукописяхъ, такъ и напечатанныя.

Комитетъ для составленія ученыхъ записокъ занимался также разсматриваніемъ различныхъ статей, присланныхъ отъ учителей казанскаго округа, изъ коихъ многія избраны были для на-

Плодъ комитета, утверждающій выше сдѣланное замѣчаніе.

печатанія въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, равно какъ и въ прошломъ 1816 году.

1818 годъ.

Число преподавателей въ теченіи сего года не увеличилось. Профессоръ Эрдманъ еще не прибылъ.

Получили по экзамену разныя ученыя степени 12, въ провизоры 2.

Окончившіе студенты въ семъ году курсъ наукъ получили, по сдѣланному имъ испытанію, ученыя степени кандидатовъ, нѣкоторые изъ неокончившихъ полнаго курса перешли въ другія учебныя заведенія, а другіе уволены. Въ семъ году поступило въ университетъ 43 студента и слушателя.

Изъ педагогическаго института выбыли 4 кандидата, получившіе лекарьское званіе и 6 кандидатовъ опредѣлены учителями.

А института все нѣтъ!

Библіотека и прочія учебныя пособія умножены; въ числѣ сихъ приращеній получено отъ графа Николая Петровича Румянцева 130 капсулъ сѣмянъ со вновь открытыхъ кораблемъ Рюрикомъ островов и другихъ отдаленныхъ странъ. Сверхъ того перестроена и увеличена малая теплица сада.

Въ семъ году разсматриваемы были различныя сочиненія.

Списокъ симъ сочиненіямъ представляется у сего за всѣ годы.

Адъюнктъ Манасеинъ отправленъ былъ для обозрѣнія училищъ и для образованія учебной части въ кавказской губерніи.

Въ семъ году уволенъ отъ должности попечитель казанскаго университета дѣйствительный камергеръ Салтыковъ.

(Архивъ казанскаго университета, дѣло попечительской канцеляріи № 1, за 1819 г., листы 392—403.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Ссылки и примѣчанія

[1] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, №№ 36, 178 (л. 61).

[2] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 28 (II, л. 61 и об.), 41, 42 (предполагаемый каталогъ библіотеки Евгенія Булгариса), 43; 1807, № 25. Ср. В. Владимірова: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», часть 2-ая (К. 1867), стр. 37—41; Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 97—100.

[3] Для біографіи В. И. Полянскаго: А. И. Артемьевъ—«Прогулки по Казани. Университетская библіотека» (Каз. Губ. Вѣдом. 1850 г., № 16; его же—«Библіотека казанскаго университета» (Журн. мин. народн. просвѣщ., ч. LXX, стр. 88—92; Н. И. Ильминскаго—«Любопытное надгробіе» (Справочн. листокъ г. Казани, 1867 г., № 91); «Записки Добрынина» (Русск. Старина, 1871, т. IV); Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 101—107.

[4] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 23 (л. 57 об.), 24 (л. 40), 25 (л. 1 об), 26 (л. 2); Попеч. 1833, № 51. Барона М. Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго» (СПБ. 1861), II, стр. 189—190.

[5] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 31. См. отчеты по университету за первые годы его существованія.

[6] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 14, 21 (л.л. 94, 117), 24 (л.л. 27—29), 48 (л.л. 155—156).

[7] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, №№ 52 (л.л. 41—42, 63), 55 (л. 65 bis); Попеч. 1808, № 71; Сов. 1810, № 68.

[8] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 53 (л.л. 10—12, 68—76, 87, 88, 95, 106); 1808, №№ 28 (л.л. 20—22), 29 (л.л. 7—8), 37 (л. 25 об.); Попеч. 1807, № 53. Много указаній на пріобрѣтенія книгъ въ дѣлѣ Сов. 1807, № 54.

[9] Архивъ каз. унив., Попеч. 1808, № 72 (основное дѣло о покупкѣ библіотеки Франка); Сов. 1809, №№ 38 (л.л. 18—21, 115, 116), 44 (л. 43), 1810, № 48 (л.л. 87—89). «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», 1809 г., № XXII, стр. 123—125 (всеподданнѣйшій докладъ главнаго правленія училищъ). Каталогъ библіотеки Франка—Попеч. 1808, № 1.

[10] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 38 (л.л. 142—143); 1810, №№ 35, 57 (л.л. 134—135), 1812, № 32, 1823, № 230; Попеч. 1812, № 7, 1821, № 236.

[11] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, №№ 19, 95, 102; 1815, № 11.

[12] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 117 (л.л. 7—9).

[13] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 5 (л.л. 1—6 об.; 12, 20 и 25; 67, 68 и 97).

[14] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 5 (л.л. 5, 33, 44, 128 и мн. др.). Въ этомъ дѣлѣ сгруппированы производства по пріобрѣтенію для библіотеки книгъ за 1816—1819 годы.

[15] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 5 (л. 5 об.); «Книга о поведеніи студентовъ», л. 93. «Дневникъ Броннера» (въ изданіи проф. Нагуевскаго), стр. 53—54, 72, 116, 117, 120, 122, 126, 131—133, 170.

[16] Архивъ каз. унив, Сов. 1813, № 10; 1811, № 45; 1816, № 37; 1819, № 69 (л.л. 37 и об.).

[17] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 80, 1818, № 124; 1819 № 69 (л. 39 об).

[18] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 69 (л. 39—40); Попеч. 1819, № 1 (л.л. 365—366).

[19] В. Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», XVIII вѣкъ (К. 1867), I, стр. 159, II, стр. 23, 25—26. Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 31 (л. 8),

[20] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 19 (л. 22), 23 (л.л. 11—12), 31 (л. 2).

[21] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, № 28 (II, л. 58 и об.); 1807, №№ 31, 52 (л. 63); Попеч. 1808, № 89. «Каз. Губерн. Вѣдом.» 1849 г., № 25, стр. 250—251.

[22] Архивъ каз. унив, Сов. 1804, № 66; 1805, № 19 (л. 22); 1807, №№ 31 (л. 44), 53 (л.л. 4, 8, 27, 43, 64); «Собраніе писемъ и пр.), письмо Яковкина № 150.

[23] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 31 (л.л. 34—35, 42—43); 1810, №№ 48 (л. 104), 49 (л.л. 40, 53).

[24] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, №№ 18 (13 и об.), 35, 57 (л.л. 67 об., 75 об., 82).

[25] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Броннера, письма подъ №№ 7 и 8.

[26] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Броннера, № 5.

[27] «Переписка Броннера съ Румовскимъ» (въ изданіи проф. Нагуевскаго), стр. 205, 208, 214—215. Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 97 (л. 29 об.), 90 (л.л. 12, 16); Попеч. 1812, № 8; Сов. 1813, № 24 (л. 9 об.—10).

[28] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 93; 1814, № 7 (л.л. 40, 48 и об.).

[29] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 91, 1814, № 7 (л. 40 об.); 1815, № 136 (л. 29 об.).

[30] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 69 (л.л. 43, 44); Попеч. 1819, № 1 (л.л. 367 об.—368).

[31] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 35 и 37.

[32] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 51 (л. 102); 1808, №№ 29 (л. 108), 35 (собраніе метеорологическихъ наблюденій по округу за 1808—1811 годы). «Книга о поведеніи студентовъ», л. 8.

[33] В. Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», XVIII столѣтіе, I (К. 1867), стр. 159.

[34] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 31 (л.л. 4 об.—5); 1808, №№ 28 (л. 21), 38 (л. 28); Попеч. 1808, № 89 «Каз. Губерн. Вѣдом.» 1851, № 28, стр. 268.

[35] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина № 237 и Румовскаго № 58; Попеч. 1810, № 48 (документы подъ №№ 1—18, 20, 22); Сов. 1811, № 56 (л. 5). Къ отпуску денегъ: 4300 р. на астрономическіе инструменты и книги и 5316 р. на библіотечныя нужды—см. Архивъ минист. народ. просвѣщ. 1810 г., № 19—4076. См. также: Сов. 1812, №№ 7 (л.л. 23 и слѣд., 29, 43, 70, 77, 78), 151 (л. 73 об.).

[36] «Каз. Губерн. Вѣдом.» 1851 г., № 28. Архивъ каз. унив., Попеч. 1810, № 48 (документы №№ 3, 4, 21); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Литтрова (№№ 21, 23), письма Румовскаго (№ 81).

[37] Архивъ каз. унив., Попеч. 1810, № 48 (документъ № 4)); Сов. 1812, №№ 7 (л. 75), 151 (л. 61 и об.); 1814, № 7 (л.л. 7, 48 об.—49).

[38] Архивъ каз. унив., Правл. 1814, № 106; Сов. 1814, № 130; «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Литтрова № 22; Сов. 1814, № 170 (л.л. 1—2, 6 и об., 17, 22 и об.).

[39] Архивъ каз. унив., Правл. 1814, № 106 (л.л. 23—24); Попеч. 1815, № 56, 1818, № 63; Сов. 1815, № 118 (л. 19); 1819, №№ 16, 103 (л. 16).

[40] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 69 (л. 45 и об.); Попеч. № 1 (л.л. 352, 369 об.—370).

[41] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 24 (л.л. 47—48, 85—86, 88, 100), 28 (I, л. 49 об.); 1807, № 53 (л.л. 8—27); папка плановъ подъ № 182, листъ 30.

[42] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, № 28 (II, л. 58 и об.); 1808, №№ 1 и 25 (л. 7).

[43] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, № 38 (л.л. 16 об.—17); 1809, № 19 (л.л. 1—3).

[44] Архивъ каз. унив., Сов, 1808, № 38 (л.л. 16 об.—17), 1809 №№ 19, 38 (л.л. 16 об.—17), 44 (л.л. 128 об.—129, 1810, №№ 18 (л.л. 15, 20), 35 (л. 4).

[45] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 33; 1814, №№ 7 и 170; 1815, № 118; 1816, № 117; 1817, № 144, 1818, № 120.

[46] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 69 (л.л. 46—49); Попеч. 1819 № 1 (л.л. 353 об.—355, 368).

[47] С. Т. Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія»; В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867 г., т. III); Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 121—122; К. В. Лаврскій и П. А. Пономаревъ: «К. Ф. Фуксъ и его время», стр. 362—369.

[48] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 2, 24 (л. 50), 31; 1806, №№ 24 (л.л. 20, 68 и об.), 28; 1807, №№ 52 (л.л. 41—42), 53 (л.л. 13—16).

[49] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, №№ 25 (л. 5), 28 (л.л. 6—9), 29 (л. 12); 1809, №№ 38, (л.л. 82—86, 90, 109, 147), 44 (л.л. 42 об.—43).

[50] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, №№ 18 (л.л. 16, 35), 35, 51 (л.л. 1—12); 1811, №№ 56 (л.л. 9 и сл., 66 и об.), 97 (л. 99 об., 108 и об.); 1812, № 33 (л.л. 8 и об., 27); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 260 и 262.

[51] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 9 (л.л. 107, 135); 1814, № 7 (л. 13); Попеч. 1813, № 12 (л. 12 об.).

[52] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 141 (л.л. 44 об., 48 об.); 1813 № 102; 1814, №№ 42, 170 (л. 5 об.).

[53] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, №№ 13 (л.л. 6, 7, 8—19), 158 (л.л. 2—3), 170 (л.л. 5 об. и 68 об.).

[54] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 13 (л. 4); 1815, № 118 (л. 17 об.); 1816, № 117 (л.л. 18 и об., 28); 1817, № 22 (л.л. 1—2).

[55] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 44 (л. 61 об.); 1815, № 129 (л. 11); 1816, № 179 (л. 26 об.); 1817, №№ 22 (л. 17 и об.), 144; 1818, №№ 120, 133 (л. 16); 1819, № 69 (л. 68 и об.),

[56] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, №№ 70, 144 (л. 30); 1816, №№ 118, 179 (л. 5); 1819 №№ 69 (л.л. 50—70, 73—76), № 71 (л. 5 об.); Попеч. 1819, № 1 (л.л. 366—367).

[57] Архивъ каз унив., Попеч. 1806, № 85; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 51, 57, 65, 66, 81.

[58] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 55, 69, 75, 81, 78; Сов. 1806, №№ 24 (л. 99), 28 (II, л. 58 и об.); Попеч. 1806, № 85.

[59] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, №№ 24, 48 (л. 9), 51 (л. 59), 53 (л.л. 28—29), 55 (л. 104 bis); 1808, №№ 13, 25 (л. 4); 1810, №№ 18 (л. 16 об.), 35.

[60] Архивъ каз. унив., 1812, Сов. № 33 (л.л. 6—8, 28—29); Попеч. № 8; Сов. 1812, № 9 (л. 13); 1813, № 29.

[61] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, №№ 7 (л.л. 13 и об., 15, 26), 13 (л.л. 5, 8, 20—21), 170 (л. 5); 1815, № 118 (л. 17); 1816, № 117 (л. 28 и об.).

[62] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 144 (л.л. 24, 28); 1818, №№ 120 (л. 20 об.) и 133 (л.л. 4, 5, 14, 15, 19); 1819, № 69 (л.л. 71 и об., 77—81); Попеч. 1819, № 1 (л. 367 и об.).

[63] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 4 (л.л. 6, 7, 10, 13), 21 (л.л. 29, 91, 92), 24 (л.л. 72, 73, 103, 105—108, 115, 123); Попеч. 1806, №№ 80, 93.

[64] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, № 28 (II, л. 58 и об.); 1807, №№ 31 (л.л. 1 и об., 17 и об.), 52 (л. 63), 54 (л. 54); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брауна, №№ 6 и 7.

[65] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, №№ 35, 55, (л. 50 bis); 1808, № 25 (л. 6 и об.); 1809, № 36 (л. 2); 1810, № 18 (л. 14); 1812, № 33 (л. 4); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брауна, №№ 1 и 21.

[66] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 21 (л.л. 10—13), 97 (л.л. 102, 133, 167 об.); 1812, № 28 (л.л. 1, 7 и об.); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брауна, №№ 19 и 20.

[67] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 7 (л. 75 и об.), 89, 148 (л.л. 1—2), 151 (л. 61 и об.); 1813, № 101.

[68] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, №№ 68 (л. 26), 141 (л. 44 об.); 1815, № 118 (л. 21); 1816, № 178 (л. 60 об.); Правл. 1813, № 63; 1814, № 76; Попеч. 1828, № 205.

[69] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 170 (л. 48 об.); 1815, № 118 (л. 47 и об); 1817, №№ 114, 152 (л. 56 об.); 1818, № 120 (л. 49); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брауна № 21.

[70] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 71 (л. 5 об.), 69 (л.л. 82—83); Попеч. 1819, № 1 (л.л. 368 об.—369).

[71] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 21, 80; 1812, № 28; Попеч. 1812, № 9.

[72] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 10; Попеч. 1815, № 79; Правл. 1815, № 111.

[73] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 10 (л.л. 12—14).

[74] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 144 (л.л. 8, 17, 45); 1818, № 120 (л.л. 6, 49 и об.).

[75] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, №№ 75, 170 (л.л. 69—70); 1818, № 14; 1819, № 246; Попеч. 1818, № 34.

[76] Архивъ каз. унив., Попеч. 1817, № 53; Сов. 1817, № 149 (л.л. 25—26).

[77] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 65 (л. 58), 69 (л.л. 84—85); Попеч. 1819, № 1 (л. 369 и об.).

[78] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л.л. 140 об.—141).

[79] Архивъ каз. унив., Попеч. 1804, № 49.

[80] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 53.

[81] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 84.

[82] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 88.

[83] Архивъ каз. унив, Попеч. 1808, № 88.

[84] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 71; 1810, № 66; Періодическое сочиненіе о успѣхахъ нар. просв. 1811, ч. XXVIII, стр. 465—466.

[85] Для историко-статистическихъ данныхъ по движенію училищнаго дѣла въ казанскомъ учебномъ округѣ: Архивъ каз. унив. Попеч. 1807, №№ 2—14 (отчеты объ учебн. заведеніяхъ по губерніямъ), 54 (вѣдомости о казанскихъ народныхъ училищахъ); 1808, №№ 58 (вѣдомость о состояніи нар. учил. каз. губ.), 70 (вѣдомость объ учебн. заведеніяхъ по округу); 1810, №№ 52 (вѣдомость объ учебн заведеніяхъ округа); 1813, № 14 (вѣдомость объ учебн. завед. каз. губ.); 1817, № 112 (вѣдомость о числѣ гимназій и училищъ въ округѣ); 1819, № 154 и прилож. къ нему (историческія записки по каз. учеб. округу); 1823, по дополнит. описи № 2 (списокъ учебн. заведеній округа); Сов. 1819, №№ 12 (собраніе бумагъ объ открытіи училищъ), 149 bis (тоже); Училищн. Комит. 1826, №№ 213 (свѣдѣнія о времени открытія учебн. заведеній округа), 286 (свѣдѣнія о состояніи округа), 295 (матеріалы для адресъ-календаря), 340 (собраніе вѣдомостей); 1828, № 374 (собраніе вѣдомостей о состояніи училищъ).

Планы училищныхъ строеній, съ рисунками ихъ фасадовъ—см. Попеч. 1805, № 5.

[86] Миллеръ: Краткій историч. обзоръ учебныхъ заведеній въ Иркутской губерніи (Періодическое сочиненіе и пр., 1810, г. XXVII). Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 102.

[87] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 53 (л.л. 14, 31—32, 35—38); Миллеръ: Краткій историч. обзоръ и. пр. (Період. сочиненіе и пр., 1810, ч. XXVII).

[88] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 54; Миллеръ (тамъ же).

[89] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 147.

[90] Рыбушкинъ: Записки объ Астрахани, М., 1841 (стр. 162—163).

[91] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 149 (л.л. 9—15).

[92] Архивъ каз. унив., Попеч. 1808, № 70, 1810, № 53; 1815, № 30 (л.л. 58 об., 59 об., 68 об., 69 об.); 1819, № 134.

[93] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 170 (л. 29).

[94] Архивъ каз. унив., Попеч. № 112 (л л. 2—27).

[95] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, №№ 53 (л. 2—5 и 54).

[96] Архивъ каз. унив., Попеч. 1817, № 112.

[97] Архивъ каз. унив., Попеч. № 53 (л.л. 43 и об., 72—73, 124, 131, 148 и об., 114—115, 118—120, 141).

[98] Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просв., 1805, ч. VIII, стр. 95—96.

[99] Казанскія Извѣстія за 1813 годъ, № 48 (стр. 5).

[100] Тамъ же, №№ 9 и 10.

[101] Архивъ каз. унив., Попеч. 1810, № 66.

[102] Казанскія Извѣстія, за 1812 г., № 22, за 1814 г., № 2.

[103] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 403 (л. 38 и об.).

[104] Архивъ каз. унив., Попеч. 1816, № 24 (л.л. 1—11).

[105] Архивъ каз. унив, Попеч. № 128 («Дѣло о доносѣ пензенскаго дворянскаго предводителя на директора Захарьина въ дурномъ управленіи гимназіею»). Сюда же относятся нѣкоторые документы изъ связки: «Матеріалы, касающіеся пензенской гимназіи» (Попеч. 1807, № 61).

[106] Архивъ каз. унив., Собраніе писемъ и пр., письма Яковкина (письмо № 91); Попеч. 1807, № 58 («Донесеніе Яковкина о визитаціи пензенской гимназіи»).

[107] Архивъ каз. унив, Попеч. 1810, № 65.

[108] Архивъ каз. унив., Попеч. 1810, № 79.

[109] Архивъ каз. унив., Правл. 1814, № 178.

[110] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 53 (л.л. 97—98), 126—133, 137—138, 147.

[111] Тамъ же и то же дѣло (л.л. 8—9; 49 и об., 68—69, 91).

[112] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 226 (заключенія совѣта см. на листахъ 270 и слѣд.).

[113] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 71.

[114] Архивъ каз. унив., Попеч. 1809, №№ 20 («Документы, касающіеся визитаціи училищъ оренбургской губерніи ад. Запольскимъ и маг. Кондыревымъ») и 29 («Дѣло о безпорядкахъ въ оренбургскомъ главномъ училищѣ»).

[115] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 33.

[116] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 4.

[117] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 39.

[118] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 43.

[119] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л.л. 86 об.—87); 1819, № 103.

[120] Архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 11.

[121] Архивъ каз. унив., Правл. 1817, № 128.

[122] Архивъ каз. унив., Правл. 1816, № 54; Сов. 1816, № 179 (л.л. 132 и 158); Училищн. Ком. 1817, № 1; 1818, № 138 (л. 97); Училищн. Ком. 1818, № 214.

[123] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, №№ 84, 150, 152.

[124] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 9; Попеч. 1807, № 58; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I (стр. 559 и слѣд.).

[125] Архивъ каз. унив., Попеч. 1809, №№ 20, 29.

[126] Архивъ каз. унив., Попеч. 1812, № 17; Училищн. Ком. 1812, № 112.

[127] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 79, 136, 151 (л. 163); Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II (стр. 331 и слѣд.).

[128] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 30; Училищн. Ком. 1815, №№ 241—247.

[129] Архивъ каз. унив., Попеч. 1816, №№ 24, 113; Училищн. Ком. 1816, №№ 251—253.

[130] Архивъ каз. унив., Училищн. Ком. 1816, № 207.

[131] Архивъ каз. унив., Училищн. Ком. 1817, № 48.

[132] Архивъ каз. унив., Правл. 1817, № 54.

[133] Архивъ каз. унив., Правл. 1817, № 79.

[134] См. томъ II, стр. 45—46 и примѣчаніе 10-ое.. См. также архивъ каз. унив., Правл. 1818, № 71 (л.л. 1 и об., 18 и слѣд.); Училищн. Ком. 1818, № 84.

[135] См. томъ II, стр. 218—220 и примѣчаніе 100.

[136] Полное Собр. Законовъ, 1817 г., № 27106.

[137] Сухомлиновъ: Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. Вып. II, СПБ. 1866, стр. 4—7.

[138] Тамъ же, стр. 24—26.

[139] Воспоминанія А. С. Стурдзы (Русск. Арх. 1868, стр. 926 и слѣд.); Письмо Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову (Русск. Арх. 1882, II, стр. 177, 182—183); Воспоминанія В. И. Панаева (Вѣстн. Евр. 1867, IV, стр. 73); Показанія М. Л. Магницкаго («XIX Вѣкъ», Бартенева, кн. I, стр. 235 и слѣд.); П. Т. Морозова: «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ» (Русск. Арх. 1875, III, стр. 244); П. А. Вяземскаго: «Изъ старой записной книжки» (Русск. Арх. 1874, I, стр. 182—183); Воспоминанія Н. И. Шенига (Русск. Арх. 1880, III, стр. 313); Корфъ М., баронъ: «Жизнь графа Сперанскаго», 1861, т. I, стр. 278—280); И. И. Лажечникова: «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 121, 146); Ѳ. Фортунатова: «Памятныя замѣтки вологжанина» (Русск. Арх. 1867, стр. 1663 и слѣд.); формулярный о службѣ списокъ М. Л. Магницкаго (въ архивѣ казанскаго университета).

[140] Письмо Н. М. Лонгинова и пр. (Русск. Арх. 1882, стр. 179—181); Лажечниковъ: «Какъ я зналъ Магницкаго» (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 122); Дипломатическія депеши о ссылкѣ Сперанскаго (Русск. Арх. 1882, II, стр. 169 и слѣд.).

[141] Воспоминанія Н. И. Шенига (Русск. Арх. 1880, III, стр. 311—312).

[142] Ѳ. Фортунатовъ: «Памятная записка вологжанина» (Русск. Арх. 1867, стр. 1663); примѣчаніе П. Бартенева къ письму Лонгинова (Русск. Арх. 1882, III, стр. 181); А. И. Рибопьеръ: «Записки» (Русск. Арх. 1877, II, стр. 6); Показаніе Магницкаго («XIX Вѣкъ», I, стр. 235—238).

[143] П. Т. Морозовъ: «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ (Русск. Арх. 1875, III, стр. 244—247); Показанія Магницкаго («XIX Вѣкъ», I, стр. 240—241); П. Т. Морозовъ: «Изъ одесскихъ воспоминаній» (Русск. Арх. 1877, III, стр. 329—330); Письма Сперанскаго къ А. А. Столыпину (Русск. Арх. 1869, стр. 1682—1701); Письма М. М. Сперанскаго къ дочери (Русск. Арх. 1868, стр. 1103 и слѣд.).

[144] Воспоминанія В. И. Панаева (Вѣстн. Евр. 1867, IV, стр. 74—75); Воспоминанія Н. И. Шенига (Русск. Арх. 1880, III, стр. 313); А. В. Никитенко: «А. И. Галичъ» (Журн. мин. нар. пр., 1869, № 1, стр. 45—47); баронъ Корфъ: «Жизнь графа Сперанскаго», 1861, т. I, стр. 283); Показанія Магницкаго («XIX Вѣкъ», I, стр. 235—241).

[145] Архивъ минист. нар. просв., 1819, № 13592; архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л.л. 1—5).

[146] И. И. Лажечниковъ: «Какъ я зналъ Магницкаго» («Русск. Вѣстн.» 1866, т. 61, стр. 123—127).

[147] Н. А. Поповъ: «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани» (Русск. Вѣстн. 1859, т. 23).

[148] Показанія Магницкаго («XIX Вѣкъ» Бартенева, I, стр. 235 и слѣд.).

[149] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 65 (л.л. 6, 7, 11—12).

[150] Именно: Попеч. 1819, № 1; Сов. 1819, №№ 65 и 69.

[151] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л.л. 266—277); Сов. 1819, № 71.

[152] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, №№ 5, 6, 10; Сов. 1819, № 65 (л.л. 83, 99, 101, 102, 104).

[153] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 65 (л. 90).

[154] Архивъ минист. народн. просв., дѣло 1819, № 18—4795 («Дѣло объ осмотрѣ казанскаго университета и пр.»); Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1; Сов. 1819, №№ 65, 165.

[155] Архивъ минист. народн. просв., дѣло 1819, № 18—4795 (л.л. 180—187); Е. Ѳеоктистовъ: «Магницкій» (СПБ. 1865), стр. 55—61.

[156] Архивъ минист... нар. просв., то же дѣло (л.л. 165—180) и дѣло 1826 г. № 32—130283 (л.л. 85—106); архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 9 (л.л. 5 и об., 6, 9).

[157] Показанія Магницкаго («XIX Вѣкъ» Бартенева, I, стр. 235 и слѣд.); архивъ каз. унив. Попеч. 1822, № 94 (л. 2 обор.).

[158] Архивъ минист... народн. просв., дѣло 1819, № 66—4843 (приложеніе къ дѣлу № 13592); архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 9 (л.л. 1—3).

[159] Архивъ минист... народн. просв. 1819, № 18—4795; архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 9 (л.л. 4—9).

[160] П. Т. Морозова: «Мое знакомство съ Магницкимъ» (Русск. Арх. 1875, III, стр. 248—249); Показанія Магницкаго («XIX Вѣкъ» Бартенева, I, стр. 242—244).

[161] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 184, 403 (л.л. 104, 107).

[162] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 71.

[163] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 132; 1820, № 108.

[164] Архивъ министъ. народн. просв. 1819, № 90—4867; архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 110 (л. 4).

[165] Архивъ министъ. народн. просв., 1822, № 14608.

[166] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 15421.

[167] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 15650 б; 1827, № 15861; 1833, № 44420; 1836, № 58218 (л. 8).

[168] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 62.

[169] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 242 и 403 (л.л. 138 об.—140 об.); Попеч. 1819, № (л.л. 17—18, 28, 64—67, 70—73), 116; 1820, № 108.

[170] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 9 (л.л. 29, 71); Сов. 1819, № 403 (л. 141).

[171] Архивъ минист. народн. просв., 1819, № 100—4877; архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 114; Сов. 1819, № 366.

[172] Архивъ каз. унив., Попеч. 1817, № 50.

[173] Архивъ минист. народн. просв., 1819, № 99—4876; архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 109, Сов. 1819, №№ 291, 404 (л. 30 об.).

[174] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, №№ 9 (л. 121), 109 (л.л. 12, 29); Сов. 1820, № 189.

[175] Архивъ минист. народн. просв., 1820, № 17—4950 («Дѣло объ утвержденіи проектовъ инструкцій и пр.»).

Инструкціи директору и ректору казанскаго университета напечатаны въ первомъ томѣ «Сборника постановленій по министерству народнаго просвѣщенія» (СПБ. 1864) и отдѣльно: въ 1820 году въ Казани и въ 1821 году въ С.-Петербургѣ. Архивъ каз. унив., Попечит. 1819, № 9 (л.л 78 и сл., 128 и сл.) и Сов. 1820, № 52.

[176] «Казанскія Извѣстія» за 1820 годъ, №№ 18, 54 и 64. Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 9 (л.л. 78, 89—114). Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ въ подлинникахъ приложены всѣ рѣчи, произнесенныя на торжествѣ 29 февраля 1820 года (см. листы 96—113).

[177] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 52; 1823, № 368 (л. 2); 1826, № 247.

[178] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 62, 226 (л.л. 11 и слѣд.), 354, 358; Попеч. 1820, № 263. Н. П. Загоскинъ: «Изъ временъ Магницкаго. Страничка изъ исторіи казанскаго университета 20-хъ годовъ» (Каз. 1894).

[179] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (приложеніе); Директ. 1819, № 46; Сов. 1819, № 404 (л. 29); 1820, №№ 1 и 53.

[180] Архивъ минист. народн. просв., 1820, № 20—4953; Архивъ каз. унив., 1820, Попеч. № 9; Директ. № 5.

[181] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 110.

[182] Архивъ каз. унив., Сов., 1820, № 187; Попеч. 1820, № 126.

[183] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 38; Сов. 1821, № 10.

[184] В. В. Григорьевъ: «Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія». СПБ. 1870, стр. 33—39.

[185] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 352.

[186] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, №№ 9 (л.л. 71 об.—72, 76, 77), 242, 243, 1829, № 255; Сов. 1820, № 145.

[187] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, №№ 42, 68, 174, 204; 1820, № 354; Сов. 1819, № 18, 1820, № 454 (л.л. 195 об. и 220 об.).

[188] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 166; 1820, №№ 24, 152 (л. 8), 354; Сов. 1819, № 351, 1820, № 98, 1822, № 362 (л. 88).

[189] Архивъ каз. унив., Поп. 1819, № 67.

[190] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 74.

[191] Архивъ каз. унив., Поп. 1819, № 206 (л.л. 1—26); Сов. 1820, № 124.

[192] Архивъ каз. унив., для Пятницкаго—Поп. 1820, № 14; Сов. 1820, № 296; для Кайсарова—Поп. 1820, № 252; Сов. 1820, № 296; для Баженова—Поп. 1820, № 249; Сов. 1820, № 296.

[193] Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 361; Сов. 1820, № 182.

[194] Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 295; Сов. 1820, № 296.

[195] Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 355; Сов. 1820, № 305. Въ первомъ изъ этихъ дѣлъ находится рукописное сочиненіе Скворцова.

[196] Архивъ каз. унив., Сов., 1820, № 455 (л. 144 об.).

[197] Архивъ каз. унив., для Юферова—Сов. 1821, № 240, 1837, № 72 (л.л. 8—10); для Протасова—Сов. 1821, № 254.

[198] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 328; Поп. 1821, № 240.

[199] Архивъ министерст. народн. просв., 1821, №№ 194—5355, 2047—59657; Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 234; Сов. 1822, № 63.

[200] Архивъ каз. унив., Поп. 1821, № 234; Сов. 1822, № 63.

[201] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 138, 1821, № 234; Сов. 1822, № 63.

[202] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 195.

[203] Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 14 (л.л. 11, 16, 115—119, 125); Сов. 1822, № 117.

[204] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 362 (л. 523).

[205] Архивъ каз. унив., Поп. 1822, № 87 (л.л. 4—5); 1823, № 9 (л.л. 14, 16, 23, 24, 31—36, 50, 66—72); Сов 1823, №№ 138 и 267 (въ послѣднемъ изъ этихъ дѣлъ находится конспектъ Сергѣева).

[206] Архивъ каз. унив, Поп. 1823, № 9 (л.л. 1, 87—89, 105); Сов. 1823, № 160.

[207] Архивъ каз. унив., Поп. 1823. № 9 (л.л. 26, 27—28, 31—36, 50, 77, 146, 205); Сов. 1823, № 143.

[208] Архивъ каз. унив., Поп. 1828, № 270.

[209] Архивъ каз. унив., Поп. 1823, №№ 7 (л. 80), 9 (л.л. 3, 25, 31—36, 50, 100); Сов 1823, № 158.

[210] Архивъ каз. унив., Поп. 1823, № 9 (л.л. 19, 22, 25, 29, 31—36, 50, 115, 141); Сов. 1823, № 173.

[211] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 392.

[212] Архивъ каз. унив., Поп. 1823, № 12; Сов. 1823, № 197.

[213] Архивъ министерств. народн. просв., 1823, № 137—14831; Архивъ каз. унив., Поп. 1823, № 9 (л.л. 134, 184, 186, 197, 201—203); Сов. 1823, № 390.

[214] Архивъ каз. унив., Сов. № 392.

[215] Архивъ каз. унив., для Потѣхина—Сов. 1824, № 16; для Караблинова—1824, Попеч. № 63 (л. 6): Сов. № 389; для Бюрно—1824; Поп. № 63 (л. 4); Сов. № 264; для Миллера—1825, Поп. № 18 (л.л. 1—5, 20); Сов. № 102.

[216] Архивъ каз. унив., Поп. 1825, № 18 (л.л. 5 и слѣд., 17, 26); Сов. 1825, № 106.

[217] Архивъ министерств. народн. просв., 1826, № 76—15433-б (Донесеніе г.-м. Желтухина, л.л. 91 об.—92 об., 117 об.—119, 133 об.—135).

[218] Архивъ министерств. народн. просв., 1826, №№ 32—130283 («Дѣло о доставленіи л. с. с. Магницкому извлеченія изъ донесенія г.-м. Желтухина и пр.», л.л. 14—36, 174—180); 382—127416 («Выписки изъ журналовъ главнаго правленія училищъ и пр.», журналъ 10-го апрѣля, статья IX).

[219] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 7, 65, 125, 155, 455 (л.л. 133 об.—135 об.).

[220] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 188, 455 (л.л. 76 об.—77 об., 108 об.).

[221] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 188 («Дѣло о составленіи росписанія лекцій и о перемѣнѣ курсовъ»).

[222] Архивъ каз. унив., Поп. 1819, № 9 (л.л. 9—92, 114); Сов. 1820, №№ 52, 57, 188.

[223] Архивъ министерств. народн. просв., 1826, №№ 32—130283 (л.л. 4—7), 76—15433-б (л.л. 92 об.—95, 138 и об., прилож. I, л. 185), 246-б—15604 (о преподаваніи конституцій). Архивъ каз. унив., Сов. 1823, №№ 267 (л.л. 19—22), 403 (л.л. 8—21); 1825, № 318; 1826, № 233.

[224] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 257; 1826, №№ 68 (л.л. 11 об.—12) и 228; Сов; 1823, №№ 59 и 389. Попеч. 1822, № 84.

[225] Архивъ министерств. народн. просв., 1819, № 101—4878; Архивъ каз. унив. 1819, Попеч. № 113; Сов. №№ 319 и 394.

[226] Архивъ министерств. народн. просв., 1826, № 76—15433-б (л.л. 94—96).

[227] Архивъ каз. унив., Сов. 1821 № 192; 1822, № 162 (л.л. 7—9, 41—43); 1823, № 378 (л. 268); Попеч. 1821, № 182 (л.л. 1—9, 13).

[228] Архивъ министерств. народн. просв., 1826, № 76—15433-б (донесеніе Желтухина, л.л. 135 об.—136); Архивъ каз. унив.. Сов. 1820, №№ 71 и 226 (л. 2 и сл.).

[229] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 25 и 206.

[230] А. В. Никитенко: «Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ философіи въ с.-петербургскомъ университетѣ» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1869 г., № 1, стр. 42—48).

[231] Сухомлиновъ: «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I». Вып. II, СПБ. 1866, стр. 50.

[232] Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива перваго отдѣленія собственной Е. И. Величества канцеляріи. I, СПБ., 1876, стр. 363—374.

[233] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 76—15453-б (л.л. 99—102).

[234] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 304.—Е. И. Ѳеоктистовъ: «Магницкій», СПБ. 1865, стр. 153 и слѣд.—«Два мнѣнія М. Л. Магницкаго»; Русск. Арх. 1864, стр. 321—329.—«Рѣчь, произнесенная Магницкимъ 15 сентября 1825 года», въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др., 1861, IV, стр. 160—161.

[235] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 151; Попеч. 1820, № 214. «Мнѣніе христіанина о правѣ естественномъ» интересующіеся найдутъ въ «Сочиненіяхъ и переводахъ въ прозѣ и стихахъ» Г. Городчанинова (Каз. 1831, стр. 37—81).

[236] Ѳеоктистовъ: «Магницкій», стр. 9—18. Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», II, стр. 42—43. «Мнѣніе д. с. с. Магницкаго о наукѣ естественнаго права (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1861, IV, стр. 157—159)

[237] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 206 (л.л. 16—21); 1821, № 105; 1824, № 230.

[238] Архивъ мин. народн. просв., 1826, № 32—130283 (л.л. 14—36 и приложеніе подъ литтерою D, л.л. 75—80). Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 29.

[239] Тамъ же, приложеніе подъ литтерою E (л.л. 81—84).

[240] Архивъ каз. унив., Сов. 1823; № 275; Директ. 1823, № 25; Попеч. 1825, № 52.

[241] Архивъ каз. унив., Сов. № 153; Попеч. № 102; 1822, Сов. №№ 316, 47.

[242] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 402; 1822, № 47; Попеч. 1822, № 19.

[243] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 113 (Дѣло по бесѣдѣ г. попечителя о представленіи каждымъ профессоромъ конспекта преподаваемой имъ науки», на 112-ти листахъ); Попеч, 1821, № 62; Сов. 1824, № 230 (л. 4).

[244] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 76—15433-б (приложеніе къ № 15433-б за 1826 г., листы 118—125).

[245] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 78; Сов. 1825, № 80.

[246] Архивъ каз. унив., Попеч., 1821, № 30; Сов. 1821, №№ 230, 231.

[247] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 206 (л.л. 5 и об, 12 и об, 14 и об., 18 и об., 20); Попеч. 1820, № 214 (л.л. 9, 11 и об., 13—17, 200 и об.).

[248] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 214 (л.л. 18—21).

[249] Архивъ каз. унив., Директ. 1821, № 73; Попеч. 1820, № 214 (л.л. 22—24).

[250] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 254; 1822, № 362 (л. 84); Сов. 1822, № 373; Попеч. 1822, № 14 (л. 17).

[251] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 373 (л.л. 1—6, 11—16).

[252] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 373 (л.л. 15—18, 21 об.—37, 40 об., 54).

[253] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 403 (л.л. 75, 85, 88—89 и об.); Попеч. 1820, № 214 (л. 47); Сов. 1822, № 373 (л.л. 41, 42, 48).

[254] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 403 (л.л. 97—98, 102—107); Сов. 1822, № 373 (л.л. 49—56).

[255] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 214 (л.л. 82, 86, 90—91, 97, 98); Сов. 1823, №№ 378 (л.л. 147 об. и сл.), 399; Сов. 1824, № 194.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

Часть вторая

ОКОНЧАТЕЛЬНО ОТКРЫТЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ПЕРЕДЪ ЭПОХОЮ МАГНИЦКАГО

(Окончаніе)

ГЛАВА V

УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ УНИВЕРСИТЕТА

I. УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛІОТЕКА

II. ФИЗИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

III. АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ

IV. ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

V. КАБИНЕТЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ ИЛИ НАТУРАЛЬНЫЙ

VI. БОТАНИЧЕСКІЙ САДЪ

VII. АНАТОМИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

VIII. КЛИНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

ГЛАВА VI

УЧИЛИЩНЫЯ ОТНОШЕНІЯ УНИВЕРСИТЕТА

Часть третья

ЭПОХА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА МАГНИЦКАГО

(1819—1826)

ГЛАВА I

МАГНИЦКІЙ И ЕГО ВРЕМЯ. РЕВИЗІЯ 1819 ГОДА И ПЕРВЫЯ МѢРЫ ПО „ОБНОВЛЕНІЮ" КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1819—1820)

ГЛАВА II

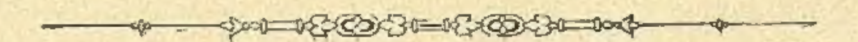
АДМИНИСТРАТИВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ НАЧИНАНІЯ МАГНИЦКАГО. ГОНЕНІЯ НА НАУКУ И ЕЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. УНИВЕРСИТЕТСКІЙ СУДЪ НАДЪ ПРОФЕССОРОМЪ Г. И. СОЛНЦЕВЫМЪ

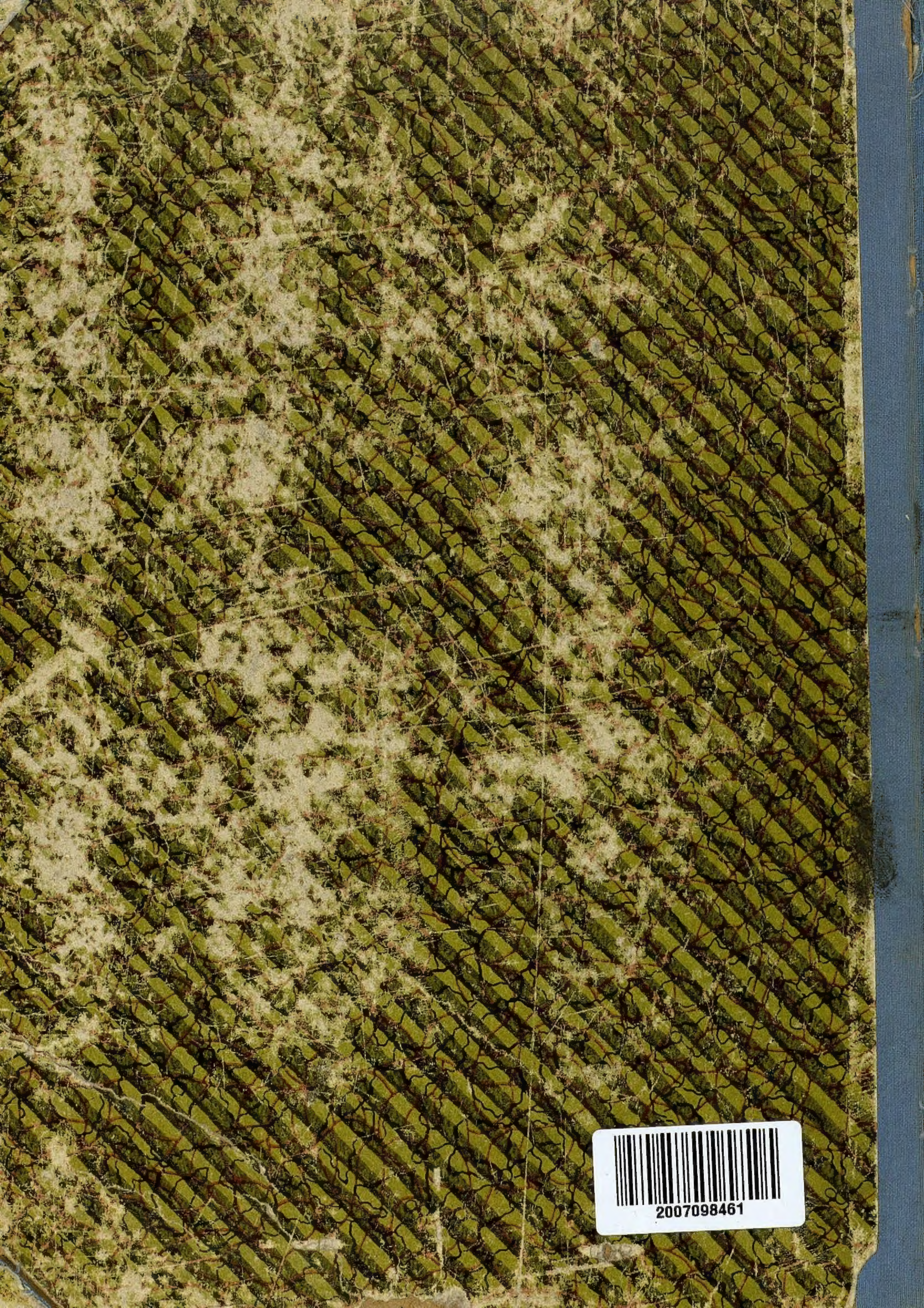
(1819—1826)

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

Портреты и снимки къ третьему тому

(Съ указаніемъ мѣстъ ихъ въ текстѣ книги)

2007098461